

R 291
52

R 177
333

801-16
2430

Александръ С. Хахановъ.

5025

ОЧЕРКИ
по
ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Выпускъ 4-й.

Литература XIX вѣка.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго вѣдомства.

1906 г.

Печатано подъ наблюдениемъ д. ч. Общества А. С. Хаханова.

Государственная
библиотека СССР
им. В. И. Ленина

135157-48

2015187917

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящимъ выпускомъ заканчиваю Очерки по исторіи грузинской словесности. При разработкѣ ихъ плана я долженъ былъ считаться съ тѣмъ неудобствомъ, что не имѣлъ въ грузинской литературѣ никакого образца: не было еще попытки написать подобный обзоръ, при томъ съ тою же цѣлью. Имѣя въ виду не только грузинскихъ, но и русскихъ читателей, я принужденъ былъ помѣстить въ последнемъ выпускѣ нѣсколько такихъ отрывковъ изъ произведеній изучаемыхъ писателей, которые опустил-бы, еслибы можно было найти ихъ въ какомъ-либо полномъ собраніи образцовъ грузинской поэзіи. Этимъ объясняются, что Очерки мои превратились въ значительной мѣрѣ въ книгу фактовъ и поэтическихъ отрывковъ. Но безъ нихъ обойтись было невозможно, ибо по нимъ выясняется печать „грузинскаго духа“, какъ бы сказалъ Бѣлинскій. Мнѣ остается просить снисхожденія къ той неполнотѣ, которая была неизбежна при исполненіи намѣченнаго плана. Въ особенности этотъ упрекъ долженъ быть обращенъ къ послѣдней части Очерковъ. Писатели, выступившіе въ послѣднее двадцатилѣтіе, не нашли достаточнаго освѣщенія съ одной стороны, благодаря отсутствію нужныхъ объ нихъ свѣдѣній, съ другой,—въ виду того, что они еще являются нашими современниками, не завершили круга своего развитія, не сдѣлались достояніемъ исторіи. Молодые беллетристы и поэты, заявившіе о себѣ въ началѣ текущаго столѣтія, упомянуты вскользь,—книга и безъ того разрослась не въ мѣру—и, быть можетъ, мнѣ суждено будетъ современемъ вернуться къ нимъ въ специальной работѣ.

Классификація писателей по мировоззрѣнію и литературнымъ приемамъ представляли для меня непреодолимые препятствія. Ни одинъ авторъ не укладывается въ рамки шаблонной критической бібліотеки. Не рѣдко одинъ и тотъ же поэтъ совмѣщаль черты реалиста и неоромантика,

натуралиста и импрессиониста, символиста и пессимиста. Сильный поэтический талант не может быть введенъ въ мелкую клѣтку, съ критическимъ этикетомъ. Поэтому распредѣленіе матеріала шло то въ порядкѣ литературныхъ движеній и смѣнявшихся формъ творчества, то въ связи съ національнымъ развитіемъ и экономической эволюціей. Критика и повторныя занятія побудятъ меня снова вернуться къ пересмотру своихъ Очерковъ, которымъ и самъ придаю значеніе лишь предварительнаго опыта.

Нѣкоторыя главы изъ помѣщенныхъ въ IV выпускѣ „Очерковъ“ были мною напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ (*Русская Мысль, Жизнь, Кавказскій Вѣстникъ* и др.), но переизданы нынѣ съ значительными измѣненіями и дополненіями. Я далекъ отъ мысли, что завершилъ свою задачу и достигъ цѣли, предположенной въ предисловіи къ I выпуску. Посвятить болѣе 12-ти лѣтъ собранію необходимыхъ для задуманнаго труда матеріаловъ, систематизаціи ихъ и оцѣнкѣ заслугъ дѣятелей, созидавшихъ исторію грузинской литературы, я черпалъ вдохновляющія меня силы въ прекрасныхъ словахъ Радицева, автора злощастнаго *Путешествія изъ Петербурга въ Москву*: „Если точныхъ не спишу портретовъ, то доволенъ буду ихъ силуэтами“.

Водвореніе русскаго владычества въ Грузіи.

На зарѣ XIX вѣка, Грузія, извѣстная подъ именемъ Иверіи, добровольно вошла въ составъ Россійской имперіи. Политическая самостоятельность, завоеванная ею еще за три вѣка до Р. Хр., была принесена въ жертву защитѣ народности и религіи подъ эгидой русскаго монарха. Истерзанная вторженіями арабовъ, персовъ, турокъ и лезгинъ, Грузія искала „мира и правосудія подъ сѣнью законовъ, всѣхъ равно покровительствующихъ“. Вѣковыя связи пріютившейся у Кавказскаго хребта православной Иверіи съ Русью и Московіей сопровождалась заключеніемъ браковъ (въ XII вѣкѣ царицы Тамары съ Георгіемъ Андреевичемъ Боголюбскимъ), обмѣномъ посольствъ и подарковъ въ XV—XVII вѣкахъ. Прерванная за періодъ монгольскаго ига (XIII—XV вв) сношенія Грузіи съ Россіей возобновились при великомъ кн. Иванѣ III и дѣлаются постоянными въ царствованіе Федора и Бориса. Это было то время, когда палъ Константинополь подъ ударами турокъ, возвысился „третій Римъ“—Москва, а Иверія очутилась христіанскимъ островкомъ среди мусульманскаго океана. Двѣ державы—Персія и Турція терзали ее поочередно, иногда и совмѣстно. Персидскій шахъ Аббасъ безжалостно, безбожно разоряетъ Иверію. Султанъ Махметъ Турецкій обрекъ ее „пожарамъ и мечу“,—жаловался грузинскій посолъ Кирилль царю Борису¹⁾. Грузинскіе цари въ теченіе XVII—XVIII вѣковъ, вскорѣ послѣ прекращенія смутъ и вступленія на престолъ Михаила Романова, присягали на вѣрность руссійскимъ государямъ, тщетно испрашивая у нихъ помощи противъ иноземныхъ враговъ. Лишь въ 1783 г. Ираклій, царь Картліи и Кахетіи, союзникъ Россіи въ турецкой компаніи, заключилъ съ императрицей Екатериной II договоръ, коимъ онъ поставилъ себя въ вассальныя отношенія къ Россіи, съ правомъ укрѣпить за царствующей династіей Багратидовъ прародительскій престолъ, удержать званіе католикоса (самостоятельность грузинской церкви), имѣть собственную монету и независимое внутреннее управленіе. За этотъ союзъ съ Россіей Ираклію II жестоко отомстилъ свирѣпый шахъ Ага-Магометъ-ханъ вторженіемъ въ 1795 г. въ Грузію, и полнымъ ея разо-

¹⁾ Броссе. Переписка груз. царей съ руссійскими государями. Спб. 1861. А. Хадановъ. Историческій очеркъ Грузіи. (Рус. Арх. 1899, май). Ср. драму гр. А. К. Толстого „Царь Борисъ“.

реніемъ. Смерть (1798 г.) застигла „маленькаго Праклія, героя героев“ народныхъ пѣсенъ въ тотъ моментъ, когда кровь еще сочилась изъ незажившихъ ранъ страны и народа. Преемникъ его, послѣдній царь Георгій XII, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы согласно трактату 1783 г., закрѣпить престолъ за своимъ сыномъ Давидомъ, признаннымъ законнымъ преемникомъ со стороны императора Павла I. Но происки царицы Даріи, третьей супруги Праклія II, мечтавшей о коронѣ, по примѣру Екатерины II, дворцовыя интриги царевичей и преждевременное вмѣшательство русскаго военнаго комиссара ген. Лазарева въ династическіе раздоры привели къ тому, что Павелъ I призналъ „за благо“ упразднить Багратицкій престолъ и присоединить Грузію къ Россіи.

Смерть Георгія XII и кончина Павла I, еще болѣе борьба двухъ грузинскихъ партій, изъ которыхъ одна искала русскаго подданства, а другая желала возстановленія политической независимости Грузіи, инкорпорированной императорскимъ манифестомъ, вопреки кондиціямъ полномочныхъ грузинскаго царя, ввергли страну въ безысходный кругъ волнений и тревогъ. Императоръ Александръ I, „опасаясь нарушить международныя права и не увлекаясь выгодами Россіи отъ присоединенія Грузіи“, поручилъ ген. Кноррингу, главнокомандующему на Кавказской линіи, удостовѣриться личнымъ посѣщеніемъ Грузіи, искренно ли убѣждены грузины, что „принятіе ихъ подъ державу російскую есть единое средство ихъ спасенія“. Кноррингъ посѣщилъ Грузію въ 22 дня и донесъ государю, что лишь „часть недоброхотовъ“ желаетъ имѣть въ Грузіи своего царя. Предъ тѣмъ организованный Государственный Совѣтъ, — исходя изъ доклада ген. Кнорринга, въ разрѣзъ съ мнѣніемъ кн. Чарторижскаго о сохраненіи Грузіи въ вассальствѣ, согласно трактату Екатерины II и Праклія II, и вопреки заявленію вице-канцлера Воронцова, избѣгнуть „насилія“ при присоединеніи царства наслѣдственныхъ Багратидовъ, — большинствомъ голосовъ высказался за упраздненіе грузинскаго престола (1801 г.). Въ манифестѣ 12 сент. 1801 г. присоединеніе Грузіи къ предѣламъ имперіи было выставлено актомъ полнаго безкорыстія.

Броженіе умовъ, явившееся результатомъ занятія Грузіи, поддерживалось страннымъ поведеніемъ ген. Кнорринга и гражданскаго правителя Грузіи П. И. Коваленскаго. Первый возбудилъ противъ себя неудовольствія еще при первомъ посѣщеніи Тифлиса, второй, состоявшій министромъ еще при дворѣ Георгія XII, вызвалъ ропотъ царя, вельможъ и народа. Учрежденіе верховнаго грузинскаго правительства въ 1802 г. не внесло успокоенія въ настроеніе царевичей и населенія. Вмѣстѣ рекомендуемой „ласки“, ген. Кноррингъ, окруживъ знатныхъ особъ войсками „аки штурмомъ“, принуждалъ совершить присягу. Населеніе было такъ обременено поборами, что вскорѣ вся Кахетія возстала противъ поборовъ и административнаго гнета. Отстраненный отъ престола наслѣдникъ Давидъ Георгіевичъ жаловался на расхищеніе его собственности, а правитель Грузіи Коваленскій, укомплектовавъ всѣ мѣста своими родственниками, творилъ столько вопіющихъ злоупотребленій, создалъ такое

„жалостливое положеніе“, что преемнику его кн. Цицанову стоило не мало усилій воскресить престижъ русскаго владычества.

„Единеніемъ“ Грузіи съ Россіей много содѣйствовалъ кн. П. Д. Цицановъ, „грузинъ по крови, европеецъ по образованію“, внушившій мысль искать покровительства у Александра I владѣтелямъ Западной Грузіи—царю Соломону Имеретинскому, князьямъ Гуріи и Мингреліи. По выработаннымъ царемъ Пракліемъ II просительнымъ пунктамъ они были постепенно приняты подъ покровъ Россіи. Но первые годы водворенія русскаго владычества, омрачившіяся „пренебреженіемъ къ народу и безтолковымъ произволомъ“, вызывали возбужденіе среди населенія, перешедшее въ явный мятежъ въ 1804 и 1811—1812 гг. *) и въ заговорѣ дворянства въ 1832 г.

При новыхъ условіяхъ открывается исторія-грузинской жизни и культуры съ самаго начала XIX вѣка. Въ связи съ измѣнившимся политическимъ состояніемъ Грузіи развивалась и новая грузинская литература.

Управленіе и школа за первую половину XIX в. Пресса.

Хронологическая грань, отдѣляющая одно столѣтіе отъ другого, представляется искусственной, не сопровождающейся обязательными перемѣнами въ исторической обстановкѣ. Смѣна вѣковъ происходитъ незамѣтно. Перевоороты въ обществѣ не обуславливаются замѣной одной цифры другою. Порогъ новѣйшей стадіи является продуктомъ пройденнаго пути. Предшествовавшая эпоха передаетъ въ наслѣдство для дальнѣйшаго развитія послѣдующему періоду обозначившіяся факторы социальной и государственной жизни. Поэтому начало наступившаго вѣка всегда приходится искать потомству въ медленныхъ подготовительныхъ работахъ его предковъ. Таковъ общій законъ историческихъ процессовъ.

Съ этой точки зрѣнія новыя фазисы въ жизни Грузіи, вступившей на зарѣ XIX столѣтія въ составъ Російской Имперіи, какъ ея часть, является не внезапнымъ переломомъ въ ея существованіи, а созрѣвшимъ плодомъ мнѣвковой ея исторической судьбы. Точно также новыя политическій строй, захватившій Грузію съ наступленіемъ XIX вѣка, вслѣдъ за измѣненіемъ ея государственной самостоятельности, не сразу отразился рѣзкими штрихами на вѣкахъ сложившемся культурномъ укладѣ грузинскаго народа. Онъ продолжаетъ еще жить чувствами, мыслями и правами своихъ предковъ, постепенно лишь принаравливая ихъ къ измѣнившимся условіямъ жизни и окрашивая новые чуждые элементы въ національный своеобразный колоритъ. Эта ассимиляція своего—грузинскаго и иноземнаго—русскаго началась съ конца XVIII вѣка и

*) Акты Кавказ. археогр. ком. т. II и V. Ср. Утвержденіе рус. владычества на Кавказѣ подъ ред. ген. Потто, т. I и II (Тифлисъ, 1901—1902).

не успѣла завершиться къ началу XX вѣка. Такъ неразрывными узами связано наше настоящее съ отдаленнымъ прошлымъ.

Политическая волна русскаго вліянія, заливавшая Грузію отдѣльными струями еще съ XVII—XVIII вв., скользя въ началѣ, такъ сказать, по поверхности, задѣвая верхи общества и не проникая въ его корни. Эта волна не могла явиться грознымъ ураганомъ, стирающимъ безслѣдно все достояніе вѣковъ. Грузія присоединилась къ Россіи съ очень опредѣленнымъ сословнымъ укладомъ и экономическимъ строемъ, съ пятнадцати-вѣковымъ культурнымъ, на христіанской основѣ опредѣлившимся, запасомъ привычекъ, возрѣній и мысленія. Для установленія *modus vivendi* при столкновеніи унаслѣдованной отъ отцовъ сложившейся культуры съ новымъ теченіемъ, открывшимся со времени русскаго вліянія, былъ необходимъ компромиссъ, взаимная уступка и медленное сліяніе противоположныхъ тенденцій. Этотъ процессъ уступокъ длится по настоящее время.

По водвореніи русскаго владычества въ Грузію, руководителями ея общества остаются попрежнему прежніе классы: дворянство и духовенство. Они являются по преимуществу образованными классами. Грамотность—ихъ привилегія; государственная служба—ихъ обязанность; литературныя занятія—не столько ихъ просвѣтительная роль, сколько богоугодное дѣло или средство убить свободный досугъ. Новый порядокъ вещей не сразу ихъ вводитъ въ новую колею. Управление русское приспосабливается, къ мѣстнымъ особенностямъ, или по словамъ кн. Циціанова, „умоначертанію народному, и законы изгибаются по правамъ“. Прежняя система, измѣнивъ слегка форму, остается господствующей. Въ Верховномъ грузинскомъ правительствѣ возсѣдаетъ *мдиванъ-беки* изъ грузинскихъ князей. Къ городничимъ для полицейской службы приставлены по одному помощнику со званіемъ *нацваловъ* и казначею изъ грузинскихъ дворянъ. Моуравы остались правителями на своихъ мѣстахъ, удержавъ за собою судебную юрисдикцію по преступленіямъ меньшей важности. Что касается горцевъ-грузинъ (шавовъ, хевсуръ, тушинъ), то „дабы не смутить ихъ перемѣною правительства“, предоставлено имъ управляться попрежнему подъ присмотромъ обычныхъ моуравовъ изъ грузинскихъ князей. Въ судебныхъ учрежденіяхъ подъ предѣтельствомъ судьи изъ русскихъ засѣдаютъ два меаджула изъ мѣстныхъ дворянъ. Шпицрутены, кнутъ, ссылка въ Сибирь были неудачною частью новаго русскаго управления. При рѣшеніи дѣлъ въ гражданскихъ судахъ сообразуются съ законами царя Вахтанга и съ живыми административными традиціями, по дѣламъ уголовнымъ основой служатъ „умоначертанія народа“¹⁾; въ литературѣ (свѣтской) вліяются или подражателями персидской поэзіи и старинныхъ грузинскихъ писателей, или (въ духовной) слѣдуютъ душеполезной византійской теологіи. Церковь отправляетъ богослуженіе по старопечатнымъ (время царей Вахтанга VI, Праклія II и Георгія

¹⁾ В. Н. Иваненко. Гражданское управленіе Закавказьемъ Т. 1901.

XII) или рукописнымъ книгамъ, неуклонно соблюдая въ священныя завѣты и преданія отцовъ.

Въ школахъ (при Сионскомъ и Анчисхатскомъ соборѣ, Метехской, Квашетской и Колоубанской церквахъ) учатся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ духовенства въ христіанско-религіозномъ направленіи. Во всемъ бытѣ народной жизни, исчерпывающейся сферой земледѣлія, садоводства и скотоводства при переходѣ отъ частно-правового порядка къ общественно-государственному, чувствуется могучій аккордъ консервативнаго въ своемъ поступательномъ движеніи національнаго духа.

Въ моментъ присоединенія Грузіи къ Россіи единственными просвѣтительными учрежденіями были монастырскія и церковныя школы. Среди священниковъ были лица малограмотныя. Семинаріи Тифлисская и Телавская послѣ разгрома въ 1795 г. Ага-Магомета-Хана не возстановлялись. Въ 1802 г. въ Тифлисѣ было открыто Благородное училище на 25 учениковъ изъ грузинъ. Оно было преобразовано въ 1804 году; благодаря заботамъ кн. Циціанова съ расчетомъ принимать до 50 чел., родителямъ конхъ выдавалось (до 1829 г.) вознагражденіе въ видѣ поощренія ихъ дѣтей къ класснымъ занятіямъ, учившихъ частые побѣги „по дикости нравовъ“¹⁾. Въ программу перваго въ Грузіи русскаго училища входили чтеніе и письмо на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, грамматика, ариѳметика, геометрія, исторія священная и гражданская, географія, катехизисъ, рисованіе и ученіе объ обязанностяхъ челоѵѣка и гражданина. Къ нимъ впоследствии были прибавлены языки нѣмецкій и латинскій. Училище обходилось 10.000 р. въ годъ и находилось въ вѣдѣніи съ 1814 г. Казанскаго учебнаго округа, а съ 1823 г. Харьковскаго университета. При главнокомандующемъ Ермоловѣ и экзархѣ Теофилактѣ (1817 г.) была основана тифлисская духовная семинарія, давшая рядъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни. При Паскевичѣ возникаетъ въ 1830 г. въ Закавказьѣ нѣсколько уѣздныхъ училищъ (Телавѣ, Гори, Кутаисѣ) и Тифлисское благородное училище преобразовывается въ гимназію, съ обязательнымъ преподаваніемъ языковъ грузинскаго и татарскаго, а съ 1831 г. армянскаго. Зарождается при немъ же и женское образованіе. Въ Тифлисѣ былъ открытъ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, преобразованный въ 1804 г. въ Закавказскій Дѣвичій Институтъ, имѣющій цѣлью „поспѣшествію образованію семейныхъ добродѣтелей, представлять для дѣвицъ средства сдѣлавшихъ матерями, воспитывать самимъ дѣтей своихъ“. Тифлисская же мужская гимназія должна была готовить чиновниковъ для отправленія государственной службы въ разноплеменномъ краѣ. При намѣстникѣ Воронцовѣ въ Тифлисѣ была основана коммерческая гимназія и утверждено было положеніе (1849 г.) о кавказскихъ воспитанникахъ (150),

¹⁾ Романовскій. Очерки изъ исторіи Грузіи, Тифл. 1902. Е. К. Краткія очерки исторіи груз. церкви, Т. 1801. О неудовлетворительномъ состояніи образованности среди грузинскаго духовенства въ началѣ XIX в. см. ст. Н. Покровскаго Рус. Стар. 1906, февр. Церковно-истор. жизнь Грузіи подъ рус. владычествомъ.

отправляемыхъ въ Имперію для довершенія образованія. Въ 1848 году учебныя заведенія на Кавказѣ были выдѣлены въ особый округъ и съ 1853 г. начинается сближеніе системы народнаго образованія „мѣстныхъ учебныхъ заведеній съ таковыми же внутри Имперіи“. Организовываются дирекціи народныхъ училищъ, открываются Кутаисская гимназія съ обязательнымъ (какъ и въ Тифлисской гимназіи) для всѣхъ изученіемъ грузинскаго языка, женскія учебныя заведенія во имя св. Нины въ Тифлисъ (1846), Кутансъ (1865) и Телавъ (1865). На учебное дѣло въ 1853 г. по положенію 1853 г. ассигновывались ежегодно 219.740 р. Таково было состояніе школьнаго образованія въ первой половинѣ XIX вѣка.

Такъ, основной тонъ исторически-сложившейся жизни понемногу поддается натиску рядомъ съ нимъ зазвучавшей новой мелодіи, сначала глухо, а затѣмъ все громче и упорнѣе его прерывавшей. Мелодія эта доносилась съ Запада частью непосредственно, еще съ XVI вѣка, а частью чрезъ посредство новой владычицы Грузіи—Россіи. Россія приняла на себя ту роль посредничества, какая издревле принадлежала Персіи и Византіи въ удовлетвореніи духовныхъ потребностей Грузіи. Иранъ и греческій Востокъ уступаютъ свою миссію Россіи при перемѣнѣ политическаго уклада и настроенія въ грузинскомъ обществѣ. Оно начинаетъ усваивать новые вкусы, намѣтившіеся еще въ XVIII вѣкѣ, благодаря утаченному сношеніямъ Грузіи съ Россіей. Оттуда, между прочимъ, достигли до Закавказья отголоски западно-европейскихъ литературныхъ теченій и того движенія въ періодической прессѣ, которымъ ознаменовалось царствованіе императрицы Екатерины II. Въ Грузію проникли газеты, журналы и альманахи, которые знакомили членовъ царской семьи и высшей аристократіи съ совершенно особымъ орудіемъ для выраженія мыслей и чувствъ. Наслѣдникъ престола Давидъ Георгіевичъ, вольтеріанецъ, изучавшій право и философію, авторъ исторіи Грузіи на русскомъ языкѣ, нѣтъ сомнѣнія, былъ знакомъ съ журналистикой XVIII в. чрезъ посредство своихъ воспитателей—д-ра Рейнегса, политическаго агента Россіи въ Грузіи, и католическихъ миссіонеровъ. Вѣроятно, точно также царевичъ Іоаннъ, энциклопедически образованный человекъ, авторъ русско-грузинскаго словаря, стѣдилъ за русскими періодическими изданіями. Этимъ знакомствомъ съ русской и европейской журналистикой объясняется появленіе въ концѣ XVIII в. при дворѣ царя Георгія XII рукописныхъ газетъ, подобно тѣмъ „курантамъ“, которые предшествовали первой русской газетѣ ¹⁾ 1702 г. Напряженность политической атмосферы, очевидно, вызвала потребность въ періодическомъ органѣ, который оповѣщалъ-бы высшій слой общества о текущихъ событіяхъ дня. ²⁾

За водвореніемъ русскаго владычества въ Грузіи постѣдовало зарожденіе грузинской прессы, этого мощнаго орудія общественнаго

¹⁾ Первая армянская газета *Аздараръ* (Вѣстникъ) появилась въ 1791 г. въ Индіи. Издавалась она въ Мадрасѣ мѣстнымъ протоіереемъ Арутюномъ Ширазскимъ.

²⁾ *А. Хагановъ*. Два эскиза изъ культурной жизни грузинъ. Спб. 1905.

развитія. Судьба печати отражаетъ степень подъема духовныхъ интересовъ данной эпохи и по эволюціи журналистики нѣрѣдко намѣчается эволюція самого общества. Въ исторіи грузинской прессы мы различаемъ три эпохи: первая обнимаетъ періодъ съ момента появленія перваго печатнаго органа въ 1819 г. до зарожденія газеты „Дрозба“ (1866), вторая эпоха совпадаетъ съ господствомъ въ грузинской прессѣ органа „Иверія“ (1877 г.) кн. И. Чавчавадзе, третья эпоха открывается газетой „Квали Г. Церетели и журн. „Моамбѣ“, и продолжается по-нынѣ.

Грузинская пресса возникла въ началѣ XIX ст. и первые шаги ея были неудачны. Дѣло это было новое. Въ періодъ зарожденія и первоначальнаго развитія литературы ничтоженъ классъ людей, которые въ ней нуждаются, понимаютъ ея значеніе и могутъ поддержать ее своимъ моральнымъ и матеріальнымъ сочувствіемъ. Страна находилась подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій и не успѣла приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Сосѣди-горцы продолжали набѣги, уводили въ плѣнъ жителей, разоряли деревни. Помѣщики еще избѣгали жизни Тифлисъ, держались вдаль отъ города, куда они стали стекаться лишь въ началѣ 40-хъ годовъ, поощренные намѣстникомъ Воронцовымъ.—Рукописные листки съ политическими извѣстіями замѣняются впервые печатными газетами въ первой четверти XIX вѣка. Какъ только умиротворилась страна и улеглось возбужденіе умовъ, поддерживаемое волненіями царевичей Юлона и Александра изъ-за возстановленія самостоятельности Грузіи, въ Тифлисъ, при намѣстникѣ Ермоловѣ, возникаетъ первый періодическій органъ, подъ названіемъ „Грузинская газета“.—До нашего времени уцѣлѣли отъ этой газеты, выходящей съ марта 1819 г. до 1821 г., два номера: отъ 25-го Августа 1819 г. (хранится въ церковномъ музеѣ при Сіонскомъ соборѣ ¹⁾) и № 36, воспроизведенный въ газетѣ „Дрозба“ въ 1875 г., № 57. „Грузинская газета“ издавалась при штабѣ кавказскаго корпуса еженедѣльно безъ обозначенія имени редактора, цензора и содержателя типографіи. Подписная цѣна была назначена въ 3 руб., а сверхъ того за пересылку взималось по абазу въ въ годъ (20 коп.). Текстъ газеты сообщалъ извѣстія официальные, внутреннія и иностранныя, въ особенности о движеніи на Балканскомъ полуостровѣ, смѣсь и объявленія и печатался на русскомъ языкѣ съ переводомъ на грузинскій разговорный, простой языкъ, на небольшомъ листкѣ въ два столбца, а съ 1821 г. съ вишеткой, изображающей св. Георгія Побѣдоносца. Несмотря на содѣйствіе Тифлискаго губернатора, газета, за неимѣніемъ свыше 17 подписчиковъ на сумму 57 руб., въ 1822 году прекратила свое существованіе. Цѣлю первой грузинской газеты являлось знакомить населенія съ дѣйствіями правительства и приобщить его къ интересамъ образованнаго міра. Эта задача періодическаго органа выражена въ слѣдующихъ словахъ въ объявленіи объ изданіи „газеты“ на 1820 г.: *издатели ласкаютъ себя надеждой, что*

¹⁾ Иные этотъ номеръ считаютъ за № 37.

не встрѣтятъ они недостатка въ желающихъ получить сіе изданіе, служащее къ удовольствію обитателей здѣшняго края, да притомъ и нужное по гражданскимъ ихъ дѣламъ“.

Воззваніе издателей не встрѣтило должной поддержки въ малопривыкшей къ чтенію газетъ грузинской публикѣ. Существуетъ мнѣніе, что „Грузинская газета“ возобновилась въ 1824 году съ прежними отдѣлами, но съ повышенной (5 руб.) платой. Достоверно извѣстно, что въ 1832 г. недолго издавалась новая еженедѣльная грузинская газета (Тифлисскія Вѣдомости), подъ редакціей Соломона Додашвили-Магарскаго (изъ сел. Магаро), преподавателя Тифлисскаго благороднаго пансіона и автора грузинской грамматики. Газета его держалась высокаго стиля ученаго католика Антонія I, но съ примѣсю элементовъ простонародной рѣчи и прекратилась за выселеніемъ редактора въ Россію, въ виду его участія въ заговорѣ горячихъ головъ 1832 г. ¹⁾ Въ виду того, что онъ былъ женатъ на русской, онъ былъ переведенъ на службу въ сѣверныя губерніи Россіи. „Въ уваженіе того,—сказано въ официальномъ распоряженіи,—что Додаевъ женатъ на русской“, онъ переведенъ канцелярскимъ служителемъ во внутреннюю губернію. Въ его недолговѣчной газетѣ, между прочимъ, былъ открытъ впервые критическій отдѣлъ. Она была задумана для политической пропаганды идей освобожденія Грузіи отъ русскаго владычества. Редакторъ былъ членомъ союза спасенія Грузіи; имъ былъ составленъ проектъ „тайнаго и неразрывнаго дружества“, раскрытіе котораго нанесло ударъ политическимъ грезамъ грузинской аристократіи.

По истеченіи четырнадцатилѣтняго промежутка, въ 1846 году появился—„Закавказскій Листокъ“, подъ редакціей извѣстнаго ученаго философа П. Иосселиани. *Листокъ*, въ которомъ печатались лишь переводы казенныхъ объявленій, просуществовалъ до 1851 года.

Эпохою въ грузинской прессѣ является изданіе въ 1852 г. журнала *Цискари* (Заря). Появленіе этого журнала относится къ эпохѣ намѣстничества кн. Воронцова, оставившаго глубокіе слѣды въ культурной жизни края. Этотъ просвѣщенный англоманъ и гуманный политикъ обладалъ грузинское дворянство, приблизилъ его къ себѣ, вошелъ въ его интересы и сталъ покровительствовать лучшимъ стремленіямъ передовыхъ грузинъ. Помимо обще-культурныхъ мѣръ къ удовлетворенію нуждъ страны, онъ покровительствуетъ школьному образованію, отводитъ подобающее мѣсто грузинскому языку въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, поощряетъ изданіе памятниковъ грузинской литературы, субсидируетъ грузинскій театръ и первый грузинскій журналъ. Редакторъ *Цискари* былъ первый грузинскій драматургъ кн. Г. Д. Эристовъ, покровителемъ — намѣстникъ кавказскій кн. Воронцовъ, подписавшійся на 100 экземпляровъ въ пользу только-что учрежденнаго женскаго заведенія св.

¹⁾ См. „Кавказскій Вѣстникъ“ 1900 г. № 11, ст. „Изъ давно минувшаго Грузіи“, составленная по запискамъ Дм. Кишіани.

Нины. Этотъ первый грузинскій журналъ ¹⁾ (съ января 1852 года) не имѣлъ ни политическаго, ни внутренняго отдѣла: содержаніе ограничивалось беллетристикой, стихотвореніями, духовными статьями и смѣсю. Здѣсь помѣщены произведенія князей-поэтовъ Ал. Чавчавадзе, Н. Баратшвили и др., слово архіеп. Варлаама изъ кн. Эристовыхъ, ученое предисловіе П. Иосселиани къ „Путешествію по Востоку“ архіеп. Тимоея. Рядомъ съ оригинальными произведеніями помѣщены переводныя съ русскаго, „Амалатъ-Бекъ“ Марлинскаго, „Цинна“ (траг. Расина), съ французскаго и рядъ другихъ переводовъ, впервые вносящихъ въ грузинскую читающую публику свѣдѣнія о новой русской и западно-европейской изящной литературѣ. Языкъ „Цискари“ по лексико-грамматическому строю представляетъ дальнѣйшее развитіе торжества разговорнаго языка надъ церковно-грузинскимъ стилемъ газеты Додашвили. „Цискари“ подъ редакціей кн. Г. Д. Эристова издавалась лишь два года и, дважды возобновленная пописывавшимъ неуклюжіе стихи Пв. Кереселидзе въ 1857—1875 и 1886—1889 гг., прекратилась впервые въ отсутствіемъ руководящей роли издателя и сочувствія въ публикѣ. Иванъ Кереселидзе еще издавалъ газ. *Гутнисъ-деда* („Пахарь“) въ 1860—1866 гг., которую возобновилъ съ 1873 по 1876 г. Антонъ Пурцеладзе. *Цискари* и *Гутнисъ-деда* мало вліяли на общество и равнодушно послѣднимъ поддерживались эти изданія. Лишь съ наступленіемъ новыхъ вѣяній 60-хъ гг. грузинская литература нѣсколько оживилась.

Недолго, всего одинъ годъ, въ 1863 г. въ эпоху освободительныхъ реформъ издавалъ кн. П. Г. Чавчавадзе *Сакартвелосъ Моамбѣ* (Вѣстникъ Грузіи). Это былъ первый въ европейскомъ смыслѣ журналъ, имѣвшій огромное воспитательное вліяніе на современное общество по тѣмъ гуманнымъ принципамъ, которымъ онъ отличался, благодаря своему вдохновителю, кн. Чавчавадзе, воспитаннику русскаго университета и русской журналистики эпохи великихъ реформъ, и обличителю язвъ крѣпостного права. *Сакартвелосъ Моамбѣ* вноситъ новую струю въ грузинскую журналистику, съ того времени чутко отзывавшеюся на злобу дня и текуція событія. Представители молодого кружка писателей получаютъ вполнѣ достоинствъ кличку „тергдалеули“—испившихъ водичку Терека, т. е. побывшихъ въ Россіи, за предѣлами Терека. Заслуга инициатора новаго журнала заключается въ томъ, что онъ выдвинулъ темы опозитивизированія прошлаго Грузіи въ своихъ многочисленныхъ историческихъ поэмахъ, сценахъ и стихотвореніяхъ, на ряду съ сатирическимъ бичеваніемъ современности. Много затрудненій пришлось преодолѣть первымъ пионерамъ на тернистомъ пути журналиста. Эти безкорыстные работники въ дѣлѣ введенія улучшеній въ управленіи краемъ, пропагандисты въ насажденіи школьнаго образованія, проводники идеи общественныхъ реформъ часто подвергались ожесточеннымъ нападкамъ со стороны отцовъ старшаго поколѣнія. Отцы были недовольны обличитель-

¹⁾ „Цискари“ въ годъ стоилъ 5 р., съ пересылкой 6 руб.

нимъ направлениемъ „Сакартвелосъ-Моамбэ“, его рѣзкой критикой установившагося строя, и журналъ долженъ быть приостановиться.

Не упуская хронологической нити, слѣдуетъ назвать за „Сакартвелосъ-Моамбэ“ религиозно-назидательный журналъ „Грузинскій духовный вѣстникъ“, издававшійся протоіереемъ Георгіемъ Хелидзе въ 1864—1866 гг. Онъ преслѣдовалъ спеціальныя цѣли и стоитъ въ сторонѣ отъ движенія грузинской прессы. Непосредственно по значенію своему къ журналу кн. Чавчавадзе примыкаетъ первая политическая съ широкой программой еженедѣльная газета *Дрозба* („Время“). *Дрозба* съ 1866 г. по 1867 г., редактируется Георгіемъ Церетели при ближайшемъ участіи Н. Гогоберидзе и Ив. Тулаева и издается Ст. Меликишвили¹⁾. Съ 1868 г. газета перешла къ рѣдкому труженику-публицисту Сергѣю Месхи, который сталъ выпускать ее три раза въ недѣлю, превратилъ съ 1877 г. въ ежедневное изданіе и привлекъ лучшія тогдашнія литературныя силы. С. Месхи уже былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей немногочисленной группы грузинскихъ журналистовъ. Съ нимъ впервые грузинская молодежь выступила на арену общественной дѣятельности съ демократическимъ знаменемъ. Старое поколѣніе, типичнымъ представителемъ котораго былъ князь Гр. Орбелиани, конечно, не могло примириться съ С. Месхи и его единомышленниками, которые строго осуждали бездѣятельность „отцовъ“, ихъ пристрастіе къ канцелярской и военной службѣ, ихъ безшабашный разгулъ и безсодержательный патриотизмъ. Между старымъ и новымъ поколѣніями разгорѣлась борьба, и въ этой борьбѣ не послѣднюю роль игралъ С. Месхи²⁾. Съ 1883 до 1885 года „Дрозба“ издавалъ кн. Иванъ Мачабели и при немъ въ сентябрѣ 1885 г. газета была прекращена по распоряженію правительства. Исторія газ. „Дрозба“ — одинъ изъ блестящихъ эпизодовъ грузинской прессы. Въ первой же редакціонной статьѣ Г. Церетели заявляетъ, что его газета ставитъ своей задачей служить истинѣ и содѣйствовать развитію благосостоянія народа. Она не будетъ скрывать недостатковъ своихъ соотечественниковъ, европеизація которыхъ является задушевною мечтою руководителя „Дрозба“. Обличеніе недостатковъ вызывало ропотъ, но „Дрозба“ оставалась вѣрной своей тактикѣ. Въ 1869 г. въ число ближайшихъ ея сотрудниковъ вошелъ вернувшійся изъ-за границы Ник. Николадзе. Такъ организовался тѣсный кружокъ грузинскихъ публицистовъ въ лицѣ Г. Церетели, Н. Николадзе, С. Месхи и Ак. Церетели. Съ 1870 г. „Дрозба“ занимаетъ вопиющее положеніе. Она громитъ современный строй, возбуждая негодованіе помѣщиковъ своей защитой бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Возбужденіе недовольныхъ простиралось до попытокъ навлечь на газету гнѣвъ администраціи. „Дрозба“ съ наименьшимъ рискомъ обрушилось на

¹⁾ См. I томъ соч. Георгія Церетели. Кутаисъ, 1893.

²⁾ Первый томъ избранныхъ его статей напечатанъ подъ редакціей С. Пирцхалава. Т. 1904. О значеніи газ. „Дрозба“ въ исторіи развитія грузинскаго общества см. у Н. Жорданія въ книжкѣ „Грузинская пресса“. Тифлисъ, 1900.

деревенскихъ ростовщиковъ и клеветниковъ, сѣющихъ въ народѣ смуты и сплетни, будто газета травитъ личность, оскорбляетъ ее и потому зловредный этотъ органъ долженъ быть запрещенъ. Конецъ шестидесятихъ годовъ въ исторіи грузинской прессы долженъ быть отмѣченъ какъ начало подъема интереса читателей къ періодическимъ изданіямъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что одновременно съ „Дрозба“ съ 1868 года, подъ редакціей Г. Церетели, дважды въ мѣсяцъ выходили: 1) „Сельская газета“, которую съ 1873 до 1878 года издавалъ Петръ Умикашвили; 2) содержательный ежемѣсячный журналъ съ богатымъ историко-литературнымъ отдѣломъ безъ статей боевыхъ публицистовъ „Мнатоби“, съ 1869 до 1879 г. подъ редакціей Н. Авалишвили, при сотрудничествѣ извѣстнаго общественнаго дѣятеля Дм. Кипіани, Ак. Церетели, епископа Гавріила и др.; 3) подъ редакціей Г. Церетели, въ видѣ приложенія къ газ. „Дрозба“ журналъ *Кребули* (Сборникъ) съ 1871 до 1873 г., въ которомъ ближайшее участіе принималъ своими критическими и публицистическими статьями европейски-образованный Ник. Николадзе, внесшій въ грузинскую журналистику новую, живую струю.

Во время послѣдней русско-турецкой кампаніи зародилась, ввиду усилившихся потребностей въ періодическомъ органѣ, новая еженедѣльная газета *Иверія*, съ 1877 г., подъ ред. кн. И. Чавчавадзе, превращенная въ 1879 г. въ еженедѣльный журналъ. Въ 1880 г. *Иверія*, соединившаяся съ *Дрозба*, стала четырехмѣсячнымъ органомъ съ характеромъ альманаха, съ 1881 г. вновь обратился въ ежемѣсячный журналъ, въ 1886 г. приняла прежній обликъ газеты ежедневной литературно-политической, а съ 1906 г. превратилась въ еженедѣльную газету. Конкурентомъ отстаивающей интересы сельскаго хозяйства, деревни, духовенства и дворянства *Иверіи* въ 1881—1883 гг. былъ журналъ демократическаго направленія *Имеди* („Надежда“) — органъ народниковъ, или такъ называемой „босой команды“, при участіи С. Чрелашвили, З. Гулисашвили, Н. Хизанова и др., издаваемый Мих. Гургенидзе. Журналъ этотъ далъ нѣсколько повѣстей, посвященныхъ идеализаціи крестьянъ, но равнодушно относился¹⁾ къ историческому прошлому Грузіи. Въ тѣ же годы выходила (1881—1883 г.) солидная еженедѣльная газета *Шрома* („Трудъ“), впервые появившійся грузинскій органъ внѣ Тифлиса, въ Кутаисѣ, подъ ред. Дим. Дадіани и при сотрудничествѣ Кир. Лорткипанидзе, Бослевали и др. „Шрома“ издавалась два года (1882—1883 г.) и погибла вслѣдствіе перенесенія цензуры въ Тифлисъ. Въ 1883 г. появился новый духовный журналъ съ историко-археологическимъ отдѣломъ, издающийся по-нынѣ, Мцкемси („Пастыръ“), подъ ред. прот. Д. Гамбашидзе. Въ томъ же году зародилась *Библиотека*, ежемѣсячный журналъ грузинскихъ женщинъ въ Кутаисѣ (Журналъ этотъ исключительно былъ наполняемъ переводной беллетристкой съ иностранныхъ языковъ).

¹⁾ Одинъ изъ писателей этой группы *Мтакиндели* даже кн. Бараташвили считаетъ панегирикомъ древней Грузіи, патриотомъ аристократическаго направленія. Поэтъ свое знаменитое стих. „Мерани“, по его мнѣнію, написалъ по поводу частнаго случая — взятіе въ плѣнъ лезгинами какого-то Орбелиани.

Въ 1884 г. Андрей Гуладзе издавалъ въ теченіе лишь одного года первый дѣтскій журналъ „Нобати“ при участіи лучшихъ грузинскихъ писателей, и въ томъ же году вышелъ одинъ номеръ несостоявшагося изданія газ. *Моамбэ*, подъ ред. Н. Кананова. Повтореніемъ „Сельской газеты“ явилась *Меурнэ* („Сельскій хозяйникъ“) съ 1888 г. по 1895 г., издав. еженедѣльно въ Тифлисѣ подъ ред. В. Сулханова, а съ 1895 г. до прекращенія (въ 1900 г.) Ильей Чконія въ Кутаисѣ. Здѣсь печатались статьи по сельскому хозяйству проф. В. М. Петріева, Мкурнали и др. Съ 1889 г. по настоящее время выходитъ сначала двухмѣсячный и съ 1896 ежемѣсячный дѣтскій журн. Ан. Тумановой-Церетели при участіи Гогобашвили, Ччинадзе, Г. Юсселиани *Джесджили* (Нива)¹⁾ и при немъ издавалась съ 1893 г. еженедѣльная политико-литературная газета «Квали» („Слѣдъ“), приостановленная въ 1904 г. «Квали» былъ основанъ въ противовѣсъ «Иверіи» кружкомъ, состоящимъ изъ Ив. Мачабели, Г. Церетели и Ак. Церетели, для борьбы на почвѣ банковыхъ интересовъ; впоследствии онъ сталъ органомъ социаль-демократовъ (т. н. „дасистовъ“), разсѣявшихъ въ народѣ ученіе Маркса. Главными представителями (дасистовъ) являются Н. Жорданія, А. Цулукидзе, Ф. Махарадзе и Джигладзе. Съ 1894 г. издается сначала Н. Гогоберидзе, а нынѣ А. Джабадарі, подъ ред. А. Чконія ежемѣсячный литературно-политическій сбор. *Моамбэ* (Вѣстникъ), при участіи молодыхъ беллетристовъ Арависпирели, Клдѣшвили, Меланія и др., и при немъ съ 1900 г. газета, основанная В. Гунія въ 1894 г., впоследствии перешедшая въ руки грузин. издательскаго товарищества *Цнобисъ-Пурцели* (Листокъ извѣстій), самый распространенный съ иллюстр. прибавленіями, органъ грузинскихъ автономистовъ и федералистовъ. Наконецъ, въ теченіе трехъ лѣтъ (1898—1900 гг.) издавался кн. Ак. Церетели ежемѣсячный, безъ политическаго и внутренняго отдѣловъ, журн. *Кребули* („Сборникъ“), въ которомъ помѣщались, помимо своихъ произведеній, народныя пѣсни, сказки, легенды, критическія статьи Хомлели, историческія работы Джанашвили, этнографическія программы Хаханова. Съ января 1901 г. появился ежемѣсячный журн. „Могзаури“ („Путешественникъ“), подъ ред. Ив. Ростомова, посвященный исторіи, этнографіи и археологіи. Съ начала 1905 г. Могзаури превращенъ въ еженедѣльную газету и замѣнилъ грузинскимъ социаль-демократамъ газ. Квали. Вышедшая въ 1905 газ. *Схиви*, (вм. „Могзаури“) органъ марксистовъ, вскорѣ былъ приостановленъ.

Въ настоящее время на грузинскомъ языкѣ издаются: четыре литературно-политич. газеты: *Иверія*, *Цнобисъ-Пурцели* (*Шрома*), „*Патара-Газети*“, „*Ахали-Дрозба*“, съ такой же программой ежемѣсячный журналъ „*Моамбэ*“ газ. *Лампари* (вм. *Эва*), еженедѣльный научный журн. „*Нобати*“,

¹⁾ Съ 1904 г. издается книг. Н. Э. Кобуловой-нынѣ кн. П. Тумановымъ-новый дѣтскій журналъ „*Накадули*“, подъ ред. кн. Е. Эрнстовой и Н. Зурабовой. Журналъ издается для двухъ возрастовъ: для младшаго и старшаго, съ педагогическимъ листкомъ.

²⁾ „*Микемси*“ (Пастырь) издается нынѣ, а Библиотека и *Нобати*—оба ежемѣсячныя изданія—прекратились къ концу года.

одинъ духовно-свѣтскій двухнедѣльный журналъ „*Микемси*“²⁾ (не считая приложенія на грузинскомъ языкѣ при Духовномъ Вѣстникѣ Груз. Экзархата), и два ежемѣсячныхъ дѣтскихъ журнала *Джесджили* и *Накадули*. Въ теченіе XIX вѣка въ Грузіи въ разное время вышло всего 28 названія періодическихъ изданій, изъ которыхъ четыре посвящены были сельскому хозяйству, три духовно-нравственнымъ вопросамъ, три—дѣтской литературѣ, два—литературно-историческимъ, остальные—литературно-политическимъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ (*Иверія*, *Цискари*, *Могзаури*) обращались изъ журналовъ въ газеты и обратно.

Общій обзоръ литературныхъ теченій въ XIX в.

Въ связи съ движеніемъ грузинской прессы находится все развитіе, въ теченіе XIX вѣка, новой грузинской литературы. Всѣ произведенія пера писателей въ Грузіи, за небольшимъ исключеніемъ, (напр. Ал. Чавчавадзе, Гр. Орбелиани, Ник. Бараташвили) становились достояніемъ общественнымъ, благодаря *Цискари*), „*Сакартвелосъ*“, „*Моамбэ*“, „*Мнатоби*“, „*Иверія*“ и пр. Если грузинская публицистика не всегда чутко отвѣчала своему назначенію, мало вникала въ жизнь и недостаточно разбиралась въ сложныхъ вопросахъ, то беллетристика оказалась на высотѣ своего призванія и блещетъ талантами, вполне самобытными.

Способъ распространенія плодовъ поэтическаго вдохновенія путемъ рукописей вытѣсняется печатнымъ станкомъ, журналистикой. Исторія послѣдней неразрывно переплетена съ двумя главными періодами самой литературы: первый обнимаетъ почти все первое пятидесятилѣтіе XIX вѣка, второй—его вторую половину. Демаркаціонной линіей этихъ двухъ эпохъ, равныхъ по продолжительности, является зарожденіе журн. „*Цискари*“, подъ редакціей кн. Г. Д. Эрнстова, перваго грузинскаго драматурга и родоначальника современнаго литературнаго языка. До „*Цискари*“ грузинская публика питалась творческой лирой талантливыхъ поэтовъ князей Александра Чавчавадзе (1786—1846), Григорія Орбелиани (1801—1883) и Николая Бараташвили (1816—1846), рядомъ съ которыми бряцали струны забытыхъ нынѣ пѣнь-риемоплетовъ (Кобуловъ и др.). Этотъ поэтический триумвиратъ вмѣстѣ съ четвертымъ собратомъ—кн. В. Орбелиани—сыгралъ крупную роль въ исторіи самосознанія грузинскаго общества. А. Чавчавадзе, сынъ князя Гарсевана, полномочнаго министра грузинскихъ царей Ираклія II и Георгія XII въ С.-Петербургѣ въ эпоху присоединенія Грузіи къ Россіи, тестъ русскаго поэта А. С. Грибоѣдова, является связующимъ звеномъ XVIII вѣка съ XIX в. Идеаломъ кн. Чавчавадзе былъ грузинскій поэтъ XVIII в., Бесики, первый грузинскій анакреонистъ, неподражаемый имитаторъ персидской лирики Саади и Гафиза. Подобно несчастному Бесики, А. Чавчавадзе сталъ пѣвцомъ молодости, любви и красоты, трехъ лучей, сконцентрированныхъ въ одинъ фокусъ и зажженныхъ искрой небеснаго огня. Въ одномъ изъ

¹⁾ Объ немъ см. у Хаханова: Очерки по ист. груз. словесности, вып. III.

своихъ первыхъ романсовъ, обращаясь къ своей *улегавшейся* возлюбленной, хочетъ онъ „въ пѣснѣ стройной излить тоску души своей и вспомнить, какъ безмолвное ея созерцаніе вливало въ его измученную грудь цѣлительный бальзамъ“. Взывая къ неизвѣстной намъ спутницѣ жизни, онъ вскрикиваетъ въ изнеможеніи: „Довольно, я здѣсь предъ тобою, возрадуй меня твоимъ милымъ взглядомъ, уста пусть лепечутъ о чувствахъ святыхъ и упыюся я голосомъ сладкимъ!“ Другой аккордъ его лиры взывалъ къ веселю и наслажденію жизнью. Заздравная пѣснь его (дважды переведенная по-русски Евлаховымъ и Тхоржевскимъ), начинающаяся словами «за здравіе всѣхъ насъ, кутиль», достаточно его характеризуетъ. Однако, упоеніе красотой иногда омрачается у него грустнымъ раздумьемъ и тревожными муками духа, зарившагося романтическими грезами. Въ этомъ сочетаніи меланхолии и пѣней страсти сказалось двойственное вліаніе—грузинское (Бесики), и европейское (между прочимъ, чрезъ посредство Пушкина, изъ котораго онъ переводитъ „Анчаръ“, „Мечты“).

Болѣе яркое отраженіе первой половины XIX в. скрывается въ могучемъ художественномъ талантѣ кн. Гр. Орбеліани. Именемъ генерала кн. Гр. Орбеліани наполнено, можно сказать, все XIX ст. Онъ родился въ годъ (1801 г.) присоединенія Грузіи къ Россіи и скончался членомъ государственнаго совѣта въ 1883 г., по приобрѣтеніи Россіей Батумской области. района поселеній кобулетцевъ и аджарцевъ, т. е. оторванныхъ Турціей грузинъ,—къ которымъ онъ обратился съ вдохновенною патриотическою рѣчью. Онъ представлялъ типъ древняго грузина, одною рукою съ мечемъ оберегающаго „священную родину“, а другою—перомъ созидающаго нетлѣнные памятники искусства и литературы. Искренность чувствъ („Не давай мнѣ вина“), правдивость и глубина мысли („Вечеръ разлуки“) составляютъ отличительныя свойства его поэзіи. Художественный его талантъ, съ оттѣнкомъ пантеизма, поражаетъ читателя въ воспроизведеніи грандіозныхъ картинъ кавказской природы въ исторической поэмѣ. *Заздравный тостъ*, построенный по образцу извѣстнаго произведенія Жуковского «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», и патриотическій романтизмъ, нашедшій выраженіе въ торжественномъ языкѣ, уподобляемомъ руставеловскому стилю, поднялъ автора на тотъ высокій пьедесталъ, которому не угрожаютъ ни стихійная буря, ни борьба житейскихъ страстей.

Рядомъ съ нимъ глѣлъ на чуткой лирѣ кн. Вах. Вах. Орбеліани (1812—1890), внукъ, по матери, царя Ираклія II, лучший представитель патриотической романтики. Основной мотивъ его меланхолической музы—воскрешать предъ нами прошлые вѣка и окружать ихъ розовымъ блескомъ.

Всю силу своего поэтического дарованія и весь пылъ патриотической любви онъ вложилъ въ два лучшія свои произведенія, а именно „Надежда“, историческая поэма, и „Сирота“, опытъ лирическаго воссозданія

главныхъ моментовъ изъ жизни пѣвца цар. Тамары, автора „Барсовой кожи“, Ш. Руставели.

Но бесспорно болѣе обаятельное дѣйствіе производилъ младшій ихъ современникъ, безвременно угасшій поэтъ кн. Ник. Бараташвили (1716—1845). Этотъ углубилъ романтическое направленіе кн. В. Орбеліани, осложнивъ его новымъ европейскимъ теченіемъ — байронизмомъ, или поэзіей разочарованія и пессимизма. Тоска и недовольство, овладѣвша Бараташвили („Одиночество души“, „Суровый вѣтеръ палетѣль“), достигаютъ своего зенита въ стихотвореніи «Пегасъ», составляющемъ гордость и перлъ грузинской поэтической литературы. Этотъ первый періодъ груз. литературы XIX в. ввелъ въ нее въ высшей степени пластической оригинальный языкъ, отличающійся изумительной гибкостью и выразительностью.

Съ появленіемъ Цискари закрывается романтическая школа съ ея фракціей—байронизмомъ и выступаетъ реальное направленіе въ лицѣ кн. Г. Эрнстова, автора комедій „Тяжба“, „Раздѣлъ и др., съ преемникомъ его Ан. Зурабовымъ, обрисовывающее безъ прикракъ современное положеніе общества въ его взаимныхъ отношеніяхъ. Реализмъ проникаетъ также въ повѣсти и рассказы, нашедшіе первое мѣсто въ журн. Цискари. Л. Ардазани романомъ „Соломономъ Меджгануашвили“ и Чонкадзе повѣстью «Сурамская крѣпость» (напис. въ 1847 и напеч. въ 1857 г.) становятся предвѣстниками шестидесятыхъ годовъ, когда окончательно водворяется реальная школа князей П. Чавчавадзе и Ак. Церетели. Отголоски романтизма ¹⁾ еще не заглохли въ историческихъ повѣстяхъ Гр. Рчеулова («Царевна Тамара», «Анука», «Лимоны вдовы») и въ историческихъ наброскахъ кн. Ал. Орбеліани, накануне освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго ига восхваляющаго патриархальный строй древней Грузіи. Критическій обзоръ произведеній входитъ уже въ обычай «Цискари» подъ ред. Кереселидзе, гдѣ подвизаются на этомъ поприщѣ кн. М. Тумановъ, Ал. Орбеліани (разборъ пов. „Лимоны вдовы“), Керели—Бека (о пов. Чонкадзе), А. Цагарели, А. Пурцеладзе и др. «Цискари» намѣчаетъ еще одинъ отдѣлъ — историческій, въ которомъ имѣются статьи Юсселиани, Л. Бараташвили, Д. Бакрадзе. Наконецъ „Цискари“ же далъ переводы изъ иностранныхъ писателей (Пушкинъ, Лермонтовъ). Задача ознакомленія читателей съ прошлымъ Грузіи и иноземной литературой и торжество реализма входятъ въ окончательную программу поствѣдовавшихъ за „Цискари“ журналовъ, издаваемыхъ П. Чавчавадзе, Н. Аваловымъ и Г. Церетели. Наконецъ, газ. «Дрозба» и Иверія, Мнатоби и Кребули, Квали и Моамбэ, продолжая дѣло предшественниковъ, расширяютъ свои рамки привлеченіемъ на свои страницы статей научнаго содержанія и народныхъ произведеній.

Реальное направленіе, открытое дѣятельностью кн. Г. Эрнстова и его ближайшихъ современниковъ, получаетъ блестящее выраженіе въ сочиненіяхъ 60-хъ годовъ. Въ эпоху освободительныхъ реформъ вѣянія

¹⁾ Западный ея отголосокъ слышится въ творествѣ Твалчрелидзе.

русской журналистики воспитывают лучших представителей и руководителей современной грузинской литературы—князей: Илью Чавчавадзе, А. Церетели и Р. Д. Эристов. Поэмы, стихотворения и повести кн. Чавчавадзе („Кація — Адаміани“, „Разсказъ ницого“ „Царь Димитрій“, и „Како“, — послѣднія идеализируютъ разбойничество, какъ выражение общественнаго протеста) обличаютъ тлетворное воздѣйствіе крѣпостного права. Другія его поэмы восхваляютъ патриотическіе сюжеты и, наконецъ, общечеловѣческіе психологическіе мотивы; сознательно проведенная демократическая тенденція сказывается въ поэмѣ „Отшельникъ“ и повѣсти „Вдова Отара“. Кн. Чавчавадзе становится родоначальникомъ новаго литературнаго движенія. Онъ является поэтомъ, мыслителемъ, романистомъ, публицистомъ и ученымъ изслѣдователемъ („Вотъ Исторія!“ „Жизнь и законъ“, „Армянскіе ученые“). Рядомъ съ нимъ неустанно и плодотворно работала талантливая поэза кн. А. Церетели, исполненная необычайной теплоты лирическаго произведенія котораго, при всемъ своеобразномъ качествѣ національной черты, отзываются мелодіями міровой космополитической скорби („Улыбка“, „Любовь“, „Саламури“, „Лебединая пѣснь“, „Большая“). Кн. Церетели принадлежитъ рядъ бытовыхъ комедій, историческія драмы („Кудурь—Ханумъ“, „Коварная Тамара“), повѣсти („Три рода любви“, „Марганецъ“) и блестящая автобиографія, въ которой разсѣяны блестящіе отличющаго его мѣткого остроумія. Третій писатель, въ теченіе полвѣка услаждавшій своимъ творчествомъ Грузію, былъ кн. Раф. Эристовъ, народный пѣвецъ, поэтизирующій будничныя труды повседнежнаго страданія.

Князь Чавчавадзе и кн. А. Церетели создали новую школу, къ которой принадлежатъ писатели: Георгій Церетели, Екатерина Габашвили съ наклонностями къ сентиментализму, Чаладидели, М. Гуріели, и новѣйшіе поэты: Гр. Абашидзе, Евдошвили, Ниноцмидели, Дуту Мегрели, Гандегили, Омамшвили.

Рядомъ съ этой школой, какъ ея протестъ, зародилось направленіе ультра-реальное или натуралистическое, носителями котораго являются Меланія и Мачханели, изображающіе армянскую среду, и народническое (идеализирующее простой народъ), выразителями котораго могутъ быть названы Н. Ломаури, С. Мгалоблишвили и Гулисашвили.

Въ послѣднее время намѣтились въ грузинской беллетристикѣ вліянія экономическаго матеріализма (Г. Церетели въ послѣдній періодъ дѣятельности, И. Ниношвили, Лаліони и психологическое, во главѣ котораго стоитъ импрессионистъ, натуралистъ — пессимистъ Ш. Арагвиспирели, вдумчивый писатель, затрогивающій вопросы общечеловѣческіе безъ національной окраски. Народническая тенденція, замѣчавшаяся въ первыхъ его произведеніяхъ („Братъ и сестра“), мало-по-малу ослабѣла въ послѣднихъ („Странно“, „Непостижимо“ и др.). Ш. Арагвиспирели имѣетъ множество подражателей-субъективистовъ—Декапозшвили, Николайшвили, Зурабишвили, Барновъ, Елептеридзе, Хускивадзе и др.), воспроизводящихъ „обнаженную душу“. Наконецъ, реализмъ въ соединеніи съ

юмористическимъ сквозь слезы изображеніемъ быта мелкопомѣстныхъ дворянъ („Соломонъ Морбыдадзе“, „Въ приходѣ“), панель своего вождя въ лицѣ молодого писателя Д. Клдѣшвили. Наибольшее число беллетристовъ насчитываетъ школа бытописателей, среди которыхъ подвизаются Антонъ Пурцеладзе, Р. Павленишвили, Дим. Эристовъ, С. Кваріани, Николайшвили, Екаладзе, П. Кипіани, А. Миріанашвили, Ан. Эристовъ, С. Кипіани.

Совершенно же особнякомъ, въ сферѣ посторонняго вліянія, если не считать воздѣйствіе кн. Р. Эристовъ, стоятъ братья Разикашвили и романистъ А. Казбекъ, талантливому перу которыхъ грузинская литература обязана художественнымъ ознакомленіемъ съ бытомъ грузинъ-горцевъ.

А. Казбекъ, иллюстрируя изложеніе трогательными примѣрами, рисовалъ столкновенія неспорченной природы грузина-горца съ невыносимыми условіями новаго строя, разрушающаго прежній его патриархальный бытъ.

Послѣдователями кн. Р. Эристовъ, кромѣ братьевъ Разикашвили, являются поэты Давиташвили, Кучукашвили и др. Въ области драмы за послѣдній періодъ подвизались: кн. Раф. Дав. Эристовъ, кн. Ак. Церетели, Авкс. Цагарели, Гуниа, П. Умикашвили, К. Кипіани, Журули, В. Абашидзе, Нахуцришвили, Азіани, К. Месхи, А. Казбекъ, Алексѣевъ-Месхievъ, кн. Абхази, воспроизводящія нравы современнаго общества или историческія событія. Помимо оригинальныхъ произведеній появились въ переводѣ русскія и иностранныя драмы и беллетристическія произведенія: Шекспира (пер. Ив. Мачабели Макбеть, Отелло, Гамлетъ, Юрій Цезарь и др.), Байрона („Чайльдъ-Гарольдъ“ пер. Бакрадзе), Мольера (пер. Ив. Мачаваріани), Гете, Шиллера, Гейне (пер. Н. Авалишвили), Жюль-Зандъ („Лелія“ В. Гюго, [„Несчастные“], Сервантеса, Доде, Беранже, Сенкевича (Огнемъ и мечомъ, Потопъ и др.), Пушкина, ¹⁾ Гоголя, Грибоѣдова, Лермонтова („Мицри, Демонъ“), Тургенева, Салтыкова, Достоевскаго (Преступленіе и наказаніе), Короленко, Чехова, Потапенко, Горькаго („Трое“ и др.), Гютчева, Мицкевича, Островскаго, („Доходное мѣсто“), Сумбатова. Особенно удачныя переводы, кромѣ вышеназванныхъ, принадлежатъ еще: Гр. Кишвидзе, (изъ Бурже), Ө. Сахокіа (изъ Мирбо и др.), Ин-ани, Полумордвинову, Е. Д. Лордкипанидзе, К. Бакрадзе, Еленѣ Церетели, Ан. Тумановой, Ел. Мамуловой, г-жѣ Николадзе, Ги-гаури, Ахназарову и др. Въ періодическихъ изданіяхъ помѣщались критическіе этюды и обзоры, лучшіе изъ которыхъ написаны Н. Николадзе (о Г. Церетели), І. Меунаргіа (о Г. Эристовѣ, Н. Бараташвили,

¹⁾ Сочиненія Пушкина въ грузинскомъ переводѣ вышли отдѣльной книжкой въ 1899 (Тифл.). Сюда вошли: Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ, Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Скучной рыцарь, Выстрѣлъ, Гробовщикъ, Дубровский, Барышня-крестьянка, Каменный гость; стихотворенія: Анчаръ, Пѣвѣтокъ, Птичка, Подъ вечеръ осенью ненастной, Пророкъ, Буря мглою небо кроетъ, Я помню чудное мгновенье, Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворенный и др.

Гр. Орбелиани), Ал. Сараджевымъ, К. Абашидзе (о повѣстныхъ писателяхъ), Хомлели Арт. Лейстина нѣм. языкъ, Ст. Чрелашвили, Панейшвили, Бослевели, Гомартели.

Публицистическимъ движеніемъ, разрабатывающимъ вопросы текущей жизни, руководили Г. Церетели, С. Месхи, И. Чавчавадзе, Н. Николадзе, Г. Церетели, Г. Тумановъ, А. Пронели, Н. Жорданія (руководитель *Квали*, вожь социаль-демократовъ), Гр. Вольскій, Г. Ласхишвили (фактический редакторъ *Циобистъ-Шурцели*), Илья Хонели, Бослевели, Кир. Лордкипанидзе, Ф. Махарадзе (въ журн. „Могзаури“), А. Цулукидзе, Мевеле, М. Болквадзе и др. Создалась и развилась дѣтская литература, обогатившаяся переводными и оригинальными произведеніями князей Раф. Эристова и Ак. Церетели, а также братьевъ Разикашвили, Анастасіи Тумановой-Церетели, Ал. Чичинадзе, Гогобашвили, Ал. Миріапашвили, Ек. Габашвили, Ломаури, Ел. Церетели, П. Готуа, Г. Юселиани, Агніашвили, Гомартели, Сургуладзе, Кучукашвили и др.

Особенно много сдѣлано для расширенія круга книгъ для народнаго чтенія изданіями Общества распространенія грамотности, грузинскимъ издательскимъ товариществомъ, усиленіи З. Чичинадзе, Гр. Чарквиани, фирмы „Цодна“ и др.

Обзоръ развитія науки и искусствъ.

Развитіе журналистики привело къ ознакомленію не только съ поэтическими произведеніями зап.-европейскихъ, но также съ движеніемъ научной мысли. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ грузинской публикѣ предлагается въ популярномъ изложеніи трактаты Дарвина, Бокля, Милля (о свободѣ женщинъ въ изложеніи Пнашвили), новые педагогическія идеи и филологическія обзорѣнія, а къ концу XIX в. политико-экономическіе трактаты и социальныя проблемы, порожденные новымъ вѣкомъ. (Маркса, Энгельса, Каутскаго, Бебеля). Благотворное воздѣйствіе европейской науки отразилось въ области историко-археологическихъ, этнографическо-археологическихъ и юридическихъ изслѣдованій. Толчекъ къ нимъ былъ данъ изъ Парижскаго Азіатскаго общества (осн. въ 1821 г.), членъ котораго М. Броссе¹⁾, приглашенный адъюнктомъ С.-Петербургской Академіи наукъ на кафедру закавказскихъ языковъ, открываетъ чтеніе лекцій по грузинологіи въ Петербургскомъ университетѣ и приступаетъ къ основательному изученію ея источниковъ. При содѣйствіи своего преемника въ университетѣ, проф. Д. И. Чубинашвили, онъ издаетъ лѣтописи грузинскія, съ переводомъ ихъ на французскій языкъ, предпринимаетъ археологическое путешествіе по Грузіи и становится истолкователемъ памятниковъ письменности и искусства Грузіи предъ ученымъ

¹⁾ Обзоръ его трудовъ см. въ *Bibliographie analytique des ouvrages de M. Brosset*. Спб. 1887.

міромъ¹⁾. Изданіе Д. Чубинашвили грузино-русскаго и русско-грузинскаго словарей, грамматики, хрестоматій привлекаетъ къ грузинологіи всѣхъ ея интересующихся. Въ тоже время въ самой Грузіи мѣстныя силы заняты изданіемъ археологическихъ историко-литературныхъ и юридическихъ памятниковъ (Ил. Юселиани, Мегвинетхуцесовъ, Д. Бакрадзе, Умаканишвили) вполнѣдствіи приступаютъ къ монографической разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ и описанію памятниковъ старинны въ музеяхъ и книго-хранилищахъ: Жорданія (о катол. Антоніи I), Джанашвили (Цар. Тамара), А. Пронели, Такайшвили, П. Умикашвили (изд. „Дастурлама цари Вахтаंगा“), П. Урбнели („Давидъ Возобновитель“), Хахановъ (Ист. груз. слов.), Мтварелишвили, Горгадзе, Джаваховъ, Перадзе, свящ. Цицадзе (объ автокефаліи груз. церкви), Натроевъ и др.).

Расширяются предѣлы грузинской науки и привлекаются для ея обоснованія грузинскіе диалекты (Мингрельскій, Сванетскій) и юридическіе обычаи грузинъ-горцевъ. Лингвистика пріобрѣтаетъ мингрельскіе этюды проф. Цагарели и Г. Чараіа, грамматическія изысканія Шухардта, Серебрякова-Окромчедлова, Д. Кипіани, Хундадзе, Додашвили, Кутателадзе, О. Жорданія и др. Этнографія, въ связи съ изученіемъ быта, вѣрованій обычнаго права; находитъ изслѣдователей въ лицѣ кн. Р. Эристова, Умикашвили, Берзенова, (о народномъ лѣчебникѣ, лунномъ календарѣ и др.) Ак. Церетели, Тависупалисвани (религіозныя и правовыя воззрѣнія свавовъ) Н. Урбнели, (обычное право хевсуръ), Д. Хизанашвили, Разикашвили, Джанашвили, Сахокія, Хаханова, и др. Право изучается кн. П. Чавчавадзе, (о хизанахъ), Д. Пурцеладзе, Н. Урбнели, (Законы Георгія Блистательнаго, Беки и Агбуги), Хахановымъ (крѣпостное время въ Грузіи) и др. Политическая экономія излагается въ эскизахъ Маіашвили, Н. Жорданія (Экономическій прогрессъ и народность), В. Церетели, Махарадзе, А. Цулукадзе, Эліава и др.

Естествознаніе и сельское хозяйство въ самое послѣднее время обогащаются солидными трудами проф. Петриашвили, Заалишвили, Ил. Алхазашвили. Въ популярной медицинской литературѣ подвизается врачъ Г. Бадридзе и М. Курнали. Въ особенности много сдѣлано по собранію и изданію произведеній народнои словесности: записаны и отпечатаны сказки, пѣсни, легенды, поговорки, загадки (П. Умикашвили, Ростомашвили, Агніашвили, Гонгадзе, З. Чичинадзе, Мерквеладзе и др.). Педагогическое дѣло поставлено было на научную почву трудами Як. С. Гогобашвили, автора „Деда—Эна“, („Родной языкъ“) „Бунебистъ Кари“, — „Русскаго слова“, „Хомли“ и др.

Педагогическимъ вопросамъ посвящены работы А. Кутателадзе, М. Насидзе, Л. Боцвадзе, еп. Киріона (Теорія словесности), Г. Юселиани, Агніашвили и др. Церковная литература обогатилась изданіями трудовъ католикоса Антонія, Архіеп. Амвросія, Архіеп. Чкондидели, собраніемъ источниковъ по введенію и распространенію христіанства въ Грузіи (Ца-

¹⁾ См. у А. А. Цагарели. Свѣдѣнія о памятникахъ груз. письменности, вып. III. Спб. 1894.

гарели, Марръ, еп. Кирионъ, Жорданія, Джанашвили, Хахановъ, Такайшвили), проповѣдями еп. Гавриила, еп. Леонида и др.

Что касается до искусства, то въ теченіе XIX ст. изучались памятники христіанскаго искусства (работы Броссе, Voyage archéologique, Гримма, Бакрадзе, (Археол. путешествіе по Гуріи и Адчаръ), Кондакова (Опись памятниковъ древности въ храмахъ Грузіи), Г. Церетели, рядъ цѣнныхъ изысканій. Гр. Уваровой и Н. Покровскаго (Гелатское евангеліе) Хаханова, Ростомова и др., при чемъ опредѣленъ спеціально грузинскій архитектурный стиль древнихъ храмовъ. Въ живописи слѣданы успѣхи благодаря талантливымъ работамъ Г. Габаева¹⁾, а также А. Мревлова, возраждающаго византийскую живопись (картина его „Нынѣ отпущаеши“) и своеобразнымъ колеромъ идущаго въ ногу съ современными художниками („За дѣломъ“). Извѣстность приобрѣли Т. Мамаладзе, Тоидзе („Храмовый праздникъ“) и др. Скульптура выдвинула Беридзе, Татіева, Як. Николадзе „Хевсуръ“, болѣе оригиналенъ „Послѣдній поцѣлуй“ во вкусъ знаменитаго французскаго скульптора Родена). Въ области разработки грузинской музыки работаютъ Балачиवादзе, Палиашвили, Аракишвили (музыкально-этнограф. очерки)²⁾. Записаны народныя мелодіи (Кленовскій, Иполитовъ-Ивановъ, Корещенко, Саргаретели), перенесено на ноты церковное пѣніе (Карбеловъ, Коридзе, Бенашвили), при чемъ впервые оно появилось въ гармонизованномъ видѣ въ трудѣ г. Кленовскаго.

Изъ этого краткаго обзора ясно, что накопился обширный печатный матеріалъ, но еще больше остается неизданная гора источниковъ по грузинологіи, важныхъ для всеобщей исторіи и литературы и ожидающихъ спеціалистовъ для обследованія.

Въ интересахъ русской науки создать кафедры въ Московскомъ университетѣ и въ одной изъ духовныхъ академій для разработки хранящихся въ грузинскихъ музеяхъ матеріаловъ, чтобы тѣмъ пролить свѣтъ на темныя вопросы культурныхъ сношеній Востока съ Западомъ.³⁾

Наиболѣе яркій выводъ, который напрашивается послѣ этого обзора, можетъ быть выраженъ въ слѣд. словахъ: до конца 70 г. грузинская литература и наука обязана своимъ развитіемъ участію въ ней высшей дворянской аристократіи (за немногимъ исключеніемъ), поставившей наибольшій контингентъ и читателей. Вступленіе разночинцевъ

¹⁾ Изъ его картинъ приобрѣли извѣстность сперва: Старый Микетъ, Вечеръ въ Хевсуріи, Тронъ царя Давида, Видъ на Алазанскую долину, Храмовой праздникъ въ Алаверди, Кладбище, Шамилъ, Ползкомъ на непріятельскій аулъ, Хевсуръ-Знаменосецъ, Улица въ Бухарь, Улица въ Самаркандѣ, Хевсурки, Грузинъ, Тифлисскіе мушкетеры и др.

²⁾ Нужно упомянуть здѣсь о трудѣ В. Д. Корганова „Мествире“, помѣщенномъ въ „Кавк. вѣстникѣ“ и перепечатанномъ въ „Русск. Музык. Газетѣ“, въ газ. „Кавказъ“ и въ изданіяхъ „Internationale Mus. Gesellschaft“ на нѣм. яз.; хотя авторъ поставилъ себя слишкомъ тѣсныя рамки, тѣмъ не менѣе далъ обстоятельное музыкально-научное изслѣдованіе въ области грузинской музыки.

³⁾ Возникла мысль объ учрежденіи кафедры грузинологіи въ Парижской школѣ восточныхъ языковъ. Revue de Géographie, 7-e Liv., 1901.

въ ряды интеллигенціи сопровождало соответствующее этому внесеніе новыхъ взглядовъ и требованій въ литературу и жизнь. Препрежее руководительство общественной мыслью со стороны прогрессивныхъ дворянъ панло замѣстителей среди людей, которые были поставлены условіями своей жизни и воспитанія въ необходимость работать и добиваться цѣли собственными усиліями. Между смѣняющимися прогрессистами изъ дворянъ и вступившими въ жизнь прогрессивными представителями новой интеллигенціи, полного пониманія быть не могло. Съ начала 80-хъ гг. на направленіе грузинской литературы и культуры оказываютъ вліяніе, наряду съ аристократами, новые слои общества, журналистика демократизированная, кругъ читателей охватываетъ въ значительныхъ размѣрахъ простой народъ, интересы его выдвигаются на первый планъ. Грузинская литература вдохновлялась (въ теченіе XIX в. по мнѣнію П. Зурабивила) патріотической идеей. Вѣрнее будетъ сказать, что эта идея проникла литературу до 60 гг.—первый періодъ груз. литературы, второй длится съ 60 гг. до 90 гг., а съ 1890 открывається третій періодъ. Въ первомъ періодѣ литература составляетъ монополию аристократіи. Тонъ ея жизнерадостный, представитель ея А. Чавчавадзе. До 60-хъ гг. поэзія носила романтической характеръ, она служила выраженіемъ индивидуальныхъ стремленій писателя. Романтическая лирика смѣнилась реализмомъ въ творчествѣ Ил. Чавчавадзе и его современниковъ. Въ исторіи реализма слѣдуетъ отмѣтить два момента: первый характеризуется идеализацией типовъ, второй—съ 80-хъ, ограничить съ натурализмомъ, съ 90-хъ гг. беллетристику проникаетъ марксизмъ и символизмъ; постепенно происходитъ упрощеніе языка отъ стилия Антонія католикоса до легкаго слога Ак. Церетели.

Измѣненія въ бытовой и общественной жизни.

Измѣненія въ бытовой, семейной и общественной жизни грузинъ, едва замѣтныя въ началѣ второй половины XIX в.—во времена намѣстника Воронцова, къ концу столѣтія окрѣпли и внесли въ прежній укладъ такіе рѣзкіе штрихи, которые часто не гармонируютъ съ національными традиціями и установившимися привычками.

Измѣненія въ бытовой жизни выразились въ новомъ типѣ жилищъ съ ихъ обстановкой, въ костюмѣ, въ занятіяхъ, препровожденіи времени и обычаяхъ. Наряду съ первобытной землянкой, крыша и заднія стѣны, воздвигаются каменные зданія, выступающія изъ-подъ земли, перѣдко съ черепичной крышей. Дарбази—самая большая комната съ очагомъ въ серединѣ и съ деда-бодзи (главный столбъ), совмѣщавшая въ себѣ когда-то приемную, гостинную и кухню, вытѣсняется маленькими комнатами со спеціальными назначеніями. Препрежняя посуда, состоящая изъ азарпеша (серебряной чашечки съ продолговатой ручкой), кула (кувшничка съ узкимъ горлышкомъ), турій рогъ, оправленный въ серебро,

попадаютъ рѣже за столѣмъ для питья вина, чѣмъ „такани“, т. е. стаканъ. По стѣнамъ, правда, развѣшаны военные, покрытые копотью, доспѣхи, перешедшіе по наслѣдству хозяину, но ихъ дополняютъ ужелубочные портреты, покупаемые у офеней.

Желѣзная пѣнь съ крючкомъ, на которомъ вѣшается котель, постепенно отодвигается изъ середины комнаты къ задней стѣнѣ, гдѣ устраивается бухари (каминъ). Помимо тахты съ мутакой (низкаго дивана съ продолговатой подушкой) вошли въ обиходъ *сками* и *столи*, т. е. скамья или стулъ со столѣмъ, русское названіе которыхъ хорошо уясняетъ, кому обязана эта мебель введеніемъ въ обстановку грузинской жизни. Кеча—узкій войлочный коверъ и супра—скатерть синяго цвѣта дѣлается археологическою рѣдкостью. Музыка и пѣнье народъ продолжаетъ уважать и любить. Поютъ за обѣдомъ не только гуслеры передавшіеся мелодіи, но примѣняютъ къ грузинскимъ словамъ заимствованныя изъ разныхъ европейскихъ оперъ и романсовъ напѣвы и распространяютъ изъ сферы городской жизни въ предѣлы сельской. ¹⁾ Народныя безличныя пѣсни все чаще слышатся въ перемежку съ искусственными произведеніями популярныхъ поэтовъ и перѣдко, благодаря сельской школѣ и ея воспитанникамъ, слухъ возсѣдающихъ за столѣмъ услажается пѣніемъ стихотвореній кн. Раф. Эрнстова, Ак. Церетели, Ал. Чавчавадзе и менѣе извѣстныхъ писателей.

Толумбанъ или тамада (распорядитель за столѣмъ) еще господствуетъ, но онъ, какъ и присутствующіе за обѣдомъ, рѣдко уже одѣты въ широкіе шелковые шальвары, въ щегольскую чоху, рукава которой зашнурованы за плечи. Высокая шапка, бухрисъ—куди, уступаетъ мѣсто картузу или круглой шляпѣ; сапоги, загнутые крючкомъ къверху, лишь въ торжественныхъ случаяхъ надѣваются представителями дворянства, съ кулачками, вытѣсенной платьемъ нѣмецкаго покроя. Бурка въ народѣ замѣняется *параджей*—старой солдатской шинелью. Костюмъ городского кинто—короткій, черный архалухъ, широкіе шаровары и серебряный поясъ съ крупными бляхами дѣлается идеаломъ деревенщины ²⁾.

Женщины также подверглись вліянію иноземной культуры. Затворничество ихъ отходитъ въ область воспоминаній. Чадра сохранилась въ глухихъ уголкахъ. Европейскій костюмъ завоевываетъ себѣ права наряду съ національнымъ головнымъ уборомъ и туалетомъ. Между ними встрѣчаются еще праздныя княгини, однако есть и окончившіе высшее образованіе въ русскихъ и заграничныхъ университетахъ. Но какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ зародился новый типъ современной работницы, вынужденной экономическими условіями впречья въ трудовое ярмо. Двери замкнутой жизни растворились: женщины появились на общественномъ поприщѣ рядомъ съ мужчинами. Она получаетъ образованіе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Россіи и за границей. Занятіе современ-

¹⁾ См. *Ипполитовъ-Лвановъ*. О грузинской народной музыкѣ (А. 1695).

²⁾ *Рѣвс*. Мысли и наблюденія въ деревнѣ. „Иверія“ 1901, № 198.

наго грузина не ограничиваются земледѣліемъ, скотоводствомъ и винодѣліемъ.

Онъ понемногу втягивается въ торгово-промышленные интересы. Созидаются товарищескія предпріятія для разработки марганца, организациі шелковыхъ издѣлій, торговыхъ операцій внутри страны и за границу, куда отправляютъ кукурузу, марганецъ и пр. Не довольствуются поверхностнымъ общимъ образованіемъ и стремятся къ спеціальной технической подготовкѣ. Такъ какъ жизнь предъявляетъ большія требованія, удовлетворенія которыхъ грузинъ не находить на родинѣ, за недостаткомъ земли и средствъ, то онъ ищетъ отхожихъ промысловъ, разсѣиваясь по морскимъ портамъ и станціямъ желѣзнодорожныхъ линій.

Новыя экономическія условія разложили прежнюю большую семью на маленькія семейства. Натуральное хозяйство, господствовавшее до паденія крѣпостнаго права, постепенно вытѣсняется капитализмомъ. Центр тяжести перемѣстился изъ деревни въ городъ.

Индивидуальное начало, признаніе личной инициативы, заработки на сторонѣ, отсутствіе возможности поддерживать авторитетъ домохозяйина и домохозяйки привели къ раздробленію семейной многочисленной общины на небольшіе близкіе родственные союзы. ¹⁾ Это дробленіе обусловило семейные раздѣлы имущества и надѣловъ по уставной грамотѣ 1864 г., сдѣлавшихся настолько ничтожными, что прокормиться ихъ продуктами стало невозможнымъ. Развитіе бѣдности и связанныхъ съ ней нарушеній правъ собственности и иныхъ преступленій есть результатъ разложенія семьи подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій. Этотъ-же фактъ отразился на взаимныхъ отношеніяхъ родственниковъ, на ослабленіи родственныхъ узъ и пониженіи авторитета старшихъ. Родители уже не пользуются безусловной властью (*patria potestas*). Браки заключаются, вопреки патриархальнымъ взглядамъ грузинъ, по взаимному уговору дѣтей, безъ согласія родителей. Принципъ взаимной любви жениха и невѣсты сталъ равноправнымъ стимуломъ съ экономическимъ соображеніемъ о выгодномъ бракѣ. Свадебные обряды соблюдаются въ возможной чистотѣ въ деревняхъ съ участіемъ свиты жениха—*макари* и *меджваре*, но вѣнцы, изъ разноцвѣтной мишуры въ видѣ кружка съ кистями, опускающимися до плечъ, прежде украшавшіе главы новобрачныхъ въ теченіе трехъ дней, постепенно выходятъ изъ употребленія, замѣняясь церковными вѣнцами.

Замѣтно нѣкоторое измѣненіе въ обрядахъ, нравахъ и увеселеніяхъ. Воскресные кривы (драка, сраженіе) устраиваются рѣже. Кееноба—масленичный караванъ²⁾—въ центральныхъ частяхъ города администраціей воспрещается. Театръ замѣнилъ прежнія зрѣлища плясуновъ—тамаша. Деревня въ своихъ старинныхъ нравахъ и обычаяхъ менѣе тронута, чѣмъ городское населеніе. Празднованіе новаго года, шумныя свадьбы,

¹⁾ *Абазадзе*. Семейная община у грузинъ. „Этногр. Обзор.“ м. кн. III.

²⁾ См. объ этомъ иллюстрир. приложеніе къ *Тифлисск. Листку* 1899, № 5.

безконечныя поминки по покойникѣ, суевѣрныя примѣты, хожденіе къ кликушѣ, почевки съ распѣваніемъ пѣсенъ въ оградѣ церкви Св. Георгія и прочіе вѣками установившіеся обряды, вѣрованія и привычки еще сохраняютъ свою жизненную силу, но получаютъ новую дополнительную окраску подъ вліяніемъ европейской культуры, проникшей въ Грузію чрезъ посредство Россіи.

Новый административный строй и судебныя учрежденія поколебали въ концѣ XIX в. прежнюю систему правленія. Законы Вахтанга VI утратили свое значеніе. Обычное право отчасти примѣняется при рѣшеніи тяжбы. Община—*теми* и *сопели* не составляетъ прежней самостоятельной единицы, соединяющей функціи юридическія и административныя. Она подчинена общеустановленнымъ учрежденіямъ. Церковь всецѣло оказалась въ вѣдѣніи Св. Синода и переживаетъ смуту. Слѣды прежняго строя сглажены въ деревняхъ окончательно послѣ раздѣленія уѣзда на участковыя приставства. Усилился гнетъ иноплеменной буржуазіи.

Городъ подвергся еще болѣе нивелирующему воздѣйствію новой культуры. Въ деревняхъ изрѣдка встрѣчаются изъ крестьянъ знающіе русскій языкъ, въ городахъ же все свободно имѣютъ владѣютъ. Школа служить лучшимъ орудіемъ усвоенія населеніемъ государственнаго языка. Въ началѣ столѣтія усиленными льготами привлекали дѣтей въ учебныя заведенія, теперь же приходится закрывать имъ двери за недостаткомъ мѣста. Особенно средняя и высшая школа оказалась могучимъ средствомъ въ насажденіи европейской цивилизаціи въ ущербъ національнымъ особенностямъ и складу. Вездѣ наблюдалось извѣстное прискорбное явленіе: при вѣншемъ распространеніи началъ новой культуры старательно отменялось національное достоиніе. Стремленіе къ сближенію съ Россіей и вмѣстѣ съ тѣмъ къ воспріятію европейской цивилизаціи въ рождалось въ полное забвеніе всего родного и слѣбое подражаніе иностранцамъ. Но проходитъ пора увлеченія вѣншимъ блескомъ иноземнаго, жизнь входитъ въ правильную колею, ассимилируя заимствованное извѣ съ унаслѣдованіемъ издревле. Къ концу XIX в. въ жизни Грузіи проявилось это сочетаніе національнаго духа съ русско-европейскимъ теченіемъ. Родной языкъ съ литературой возраждаются и не служатъ уже предметомъ пренебрежительнаго отношенія.

Съ большимъ сознаниемъ стали относиться къ своимъ общественнымъ обязанностямъ и гражданскому долгу предъ отечествомъ стоящіе во главѣ культурнаго движенія грузинскаго народа.

Поворотъ въ сторону національнаго самосознанія, начавшись со времени паденія крѣпостнаго права, усиливается съ введеніемъ общественнаго самоуправленія, открытія банковъ въ Тифлисѣ и Кутаисѣ, организаціи Общества распространенія грамотности, драматическаго общества, кружка по устройству народныхъ развлеченій и воскресныхъ школъ и разныхъ благотворительныхъ обществъ. Въ перечисленныхъ учрежденіяхъ одинаково принимали горячее участіе все классы населенія, безъ различія пола, и въ этомъ объединеніи сила выражались общественная

зрѣлость и широкое пониманіе общественнаго служенія на почвѣ взаимныхъ интересовъ. Подобная дружная работа кровнаго аристократа рядомъ съ плебеемъ есть дѣло новой культуры, вызвавшей къ самодѣятельности и инициативѣ дремавшія народныя силы.

Взаимное общеніе, научныя свѣдѣнія, сближеніе съ западной культурой внесли въ жизнь Грузіи новый свѣтъ, живую струю въ вѣками установившіеся уклады жизни ея населенія. Суевѣрія и предрассудки начинаютъ таять подъ напоромъ правильнаго уясненія стихійныхъ и житейскихъ явленій. Развитіе личности, сбросившей гнетъ помѣщичьяго произвола, поставлено въ болѣе благоприятныя условія для раскрытія своихъ сокровенныхъ, прирожденныхъ дарованій. Умственный кругозоръ расширять и обогащенъ знакомствомъ съ бытомъ и исторіей иноземныхъ народовъ. Гор. Моздокъ уже не представляется границей вседенной, какъ остроумно осмѣялъ эту ограниченность познаній міра грузинскій драматургъ кн. Г. Эрстовъ.

Созрѣвъ политически, грузинъ разорился экономически. Въ теченіе XIX в. грузины потеряли сотни тысячъ земли перешедшія въ чужія руки. Безземелье нынѣ—заурядное явленіе во всей Грузіи.

Десятина земли цѣнится до 2.000 р., продукты и товары вздорожали. Грузинъ не въ силахъ справиться съ насущными потребностями. Въ какомъ матеріальномъ положеніи живетъ народъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, краснорѣчиво говорятъ слѣдующія данныя. Всего въ Тифлисской губ. считается 3.927,910 дес. земли. Изъ нихъ почти половина—пастбища, лѣсъ и неудобная земля. Дворянству губерніи принадлежитъ всего 1.260,406 дес., слѣдовательно, на долю крестьянъ всякихъ категорій остается только 703,549 дес. По перепискѣ 1897 г. въ Тифлисской губ. всего считается 978,776 душъ обоюбого пола. Если изъ этого количества вычесть городское населеніе 215,195 + 20,000 дворянъ губерніи, то крестьянское сословіе составитъ 743,579 душъ. Это количество крестьянъ и владѣтъ 703,519 дес. удобной земли, т. е. на душу приходится менѣе одной десятины. На душу помѣщичьихъ крестьянъ, освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости въ Кутаисской губ., также приходится менѣе 1 дес. земли. На душу государственныхъ крестьянъ Тифлисской губ. приходится 0,92 дес. земли и въ Кутаисской губ. только 0,41 дес. удобной земли. ¹⁾

Изъ этихъ сравнительныхъ цифръ ясно, что въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ крестьянъ душитъ малоземелье и гонитъ ихъ изъ насиженныхъ мѣстъ, они вынуждены бросать усѣянную костью ихъ предковъ родную страну и искать занятій вѣн ея. Онъ еще не успѣлъ вполне приспособиться къ торгово-промышленнымъ операціямъ; нужда его гонитъ на различные отхожіе промыслы. Оторванность отъ почвы обусловила семейный расколъ и разрушеніе патриархальныхъ устоевъ.

¹⁾ Статистич. данныя о землевладѣніи въ Тифл. и Кутаис. губ. Т. 1893.

Городъ сблизился съ деревней, онъ вытѣсняетъ старинные порядки, костюмъ, жилище, прежніе пѣсни и мотивы и вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ развращающую руку на чистоту нравовъ и семейныхъ отношеній. Это разлагающее вліяніе города на деревню рельефно отбѣнено въ произведеніяхъ грузинскихъ беллетристовъ Пуруцадзе, Ломаури, Ниношвили, Клдшавили и др.

Цѣлая плеяда грузинскихъ беллетристовъ, среди которыхъ немало талантливыхъ, занималась и занимается изображеніемъ на родномъ языкѣ всѣхъ разнообразныхъ сторонъ жизни своего народа. Кто высмѣиваетъ эти стороны, кто горько надъ ними плачетъ: и то, и другое, конечно, болѣе умѣстно на родномъ, чѣмъ какомъ-либо другомъ языкѣ.

Изображенія грузинской жизни на русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было. Первый опытъ въ этомъ направленіи дѣлаетъ г-жа Маліева (Д. Ведрибисели), выпустившая книжку грузинскихъ рассказовъ на русскомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ впервые были напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ“, что одно уже можетъ свидѣтельствовать въ пользу ихъ достоинства...

Рассказы написаны очень живо и интересно, въ нихъ чувствуется теплое чувство автора по отношенію къ обездоленнымъ грузинскимъ крестьянамъ, безрадостная жизнь которыхъ съ рѣдкимъ знаніемъ освѣщается писательницей. Цѣлымъ рядомъ жизненныхъ сценъ г-жа Маліева рисуетъ бытъ и нравы современнаго грузинскаго крестьянства, ютящагося на высокихъ холодныхъ отрогахъ Кавказскихъ горъ. Нужда, болѣзнь, голодъ, духовная темнота являются вѣчными спутниками этого крестьянства, сжатого въ тискахъ тяжелаго наслѣдія бывшаго крѣпостного права. Тутъ же прозябаютъ въ нищетѣ и бывшіе господа крестьянъ, не сумѣвшіе ни къ чему приспособить себя въ новой жизни. Нищенствуетъ и сельское духовенство, и все это,—крестьяне, помѣщики и священники—въ безысходной нуждѣ злоствуютъ другъ на друга, стараются другъ у друга хоть что-нибудь урвать, чтобы не умереть съ голода. На этой почвѣ происходятъ всевозможныя печальныя коллизіи, которыя и составляютъ предметъ вполне реальныхъ рассказовъ г-жи Маліевой.

Но то, что изображается въ этихъ рассказахъ, всетаки не можетъ быть распространено на всю Грузію. Ими затрогивается именно только „уголокъ“, а не вся страна, въ которой имѣется и иная, болѣе сносная, крестьянская жизнь, на что между прочимъ, имѣется намекъ и въ одномъ изъ рассказовъ г-жи Маліевой. Такъ, въ рассказѣ „Хизаны“ несчастный, изголодавшійся крестьянинъ Лексо съ восторгомъ говоритъ объ Имеретинъ: „довелось мнѣ быть въ тѣхъ краяхъ. Что за хорошій счастливый народъ? До того я былъ удивленъ ихъ жизнью, что, бывало, ночью проснешься и все думаешь о нихъ. Клянусь тебѣ святымъ Герогіемъ, моими дѣтьми клянусь, они каждый день мясную пищу ѣдятъ. Чтобы я завтра былъ въ гробу, если это неправда... Дома у нихъ бѣленькіе, одежда на нихъ чистенькая, не изорванная, сапоги блестящіе, дѣти розовыя, одѣтыя, веселыя“...

Рассказы г-жи Маліевой имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, ту часть Грузіи, которая носитъ названіе Карталиніи и откуда, вотъ ужъ поистинѣ, три года скачи—ни до какого государства не доскачешь... По словамъ помѣщика, въ одномъ изъ рассказовъ г-жи Маліевой, „сюда (въ Карталинію) почти никто не пріѣзжаетъ; крестьяне, вѣдь, людей не видятъ; съ городомъ знакомства не поддерживаютъ, а такъ, въ пять или десять лѣтъ разъ заглянетъ сюда кто-нибудь, только и всего“...

Въ этой-то глуши и создалась оригинальная жизнь со своеобразными требованіями и условіями, болѣею частью безрадостными. Здѣсь, напр., доселѣ существуетъ дикій обычай, чтобы женщина рожала при гостяхъ, причемъ для облегченія мукъ роженицы или катаютъ ее въ одѣялѣ, или даютъ выпить воды изъ полы мужниго архалука. „Семейное событіе“, живо изображаетъ эту положительно инквизицію. Многія интересныя особенности мѣстнаго быта представлены въ рассказахъ г-жи Маліевой выпукло и ярко, по возможности даже сохранена мѣтная и образная рѣчь грузинъ, юморъ у которыхъ не утрачивается даже при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни.

Съ грузинскимъ бытомъ русскихъ читателей знакомить еще талантливый поэтъ и новеллистъ Лев. Кипіани¹⁾. Отмѣченное г-жей Маліевой и Кипіани современное состояніе грузинскаго общества есть переходный фазисъ въ его жизни.

Такой моментъ наблюдается въ жизни каждаго народа, который испытываетъ двойственное вліяніе: съ одной стороны національное, съ другой—иноземное, пока эти два течения не сольются въ одно организованное русло. Съ болѣе глубокимъ усвоеніемъ европейской культуры, съ повышеніемъ народнаго образованія, отрезвленіемъ ея благороднаго класса, стоящаго на краю экономическаго кризиса, съ наступленіемъ новаго порядка вещей послѣ паденія крѣпостного права, а въ особенности съ удовлетвореніемъ экономическихъ нуждъ народа (отводъ свободныхъ участковъ въ предѣлахъ Закавказья) упраздненіе прежняго режима, проникшагося недрожелюбнымъ чувствомъ къ народу, чаявшему обрѣсти миръ подъ крыломъ двухглаваго орла,—все это подниметъ грузинъ и дастъ имъ новый стимулъ въ борьбѣ за существованіе.

Архіепископъ Некресскій Амвросій, знаменитый грузинскій проповѣдникъ XVIII вѣка, выразилъ упованіе грузинскаго народа наканунѣ слиянія его жизни съ русскимъ народомъ. Узнавши о томъ, что русскій Государь рѣшилъ присоединить Грузію къ Россіи, съ восторгомъ говоритъ онъ въ своей проповѣди: Милость великаго Государя Александра (Благословеннаго) можно сравнить съ теплотою солнца, оживившею замерзшаго челоуѣка,—можно сравнить ее съ благодатью Божіей милости, призрѣвшею на умирающаго въ его предсмертныя минуты, и съ тою помощью, которую оказываетъ умирающему ученый врачъ, назначившій ему лекарство и возвратившій его къ жизни. Помимо того, представимъ среди волнъ бушующаго

¹⁾ Критика привѣтствовала его Сказки жизни. (Тифл. 1905), собраніе же его рассказовъ изъ грузинской жизни готовится къ печати.

моря корабль или лодку, близкіе къ гибели,—и вдругъ находящіеся на нихъ нашли пристань Божіей милости.... Я бѣдный представляю нашу страну въ этомъ видѣ... Нынѣ же всё имѣемъ надежду, что больше не испытаемъ такихъ искушеній. Силою Его Величества будутъ сокрушены наши враги, мы будемъ избавлены отъ ига магометанскаго; Грузія будетъ освобождена отъ узъ адовыхъ.... Блаженные грузинскіе цари просили Его о помощи, и Великій Императоръ проснулся, какъ спящій левъ, какъ врачъ немощныхъ и слабыхъ, какъ Господь милостивый и отецъ, и призвѣлъ на насъ слабыхъ, скорбящихъ, ежедневно распрямыхъ отъ незаконныхъ магометанъ, и избавилъ насъ отъ постоянныхъ ихъ угрозъ.... Послы Императора русскаго намъ возвѣщаютъ: „не плачьте, не печальтесь, ибо избавлена Грузія, и пали персы, и, избавленные отъ ихъ рукъ, радуйтесь, радуйтесь“. Онъ желаетъ, чтобы манифестъ Его (о присоединеніи Грузіи къ Россіи отъ 12 сентября 1801 г.) мы приняли всёю сердцемъ, всею душою и всёю разумомъ... Я, какъ усердный пастырь и отецъ вашъ, увѣщавшій грузинъ и въ другихъ мѣстахъ царства, увѣщаваю васъ, обитателей паствы моей, подчиняться и покоряться и съ любовью служить Великому и Всемиловитому всея Россіи Императору Александру, который заступился за насъ и освободилъ насъ отъ рабства. Да возвыситъ Господь Богъ силу, десницу и мощь Его и да покоритъ и смиритъ всѣхъ противящихся враговъ и супостатовъ Его, и покровительство и милость Его Величества Императора Александра Павловича неизмѣнно да будутъ надъ ними, народами Иверіи. (Поученія *Амеросія Некресели* на груз. яз. 1881 г. изд. преосвящ. Александра стр. 285—211).

Общественное движеніе въ началѣ XIX в.

Первая четверть XIX в. не дала Грузіи того успокоенія, мечты о которомъ она соединяла съ водвореніемъ русскаго владычества. Волненія въ Имеретіи, мятежъ изъ-за поборовъ въ Кахетіи, войны съ татарскими ханствами, возбужденіе населенія воззваніями царевича Александра Праклевича, настойчиваго претендента на грузинскій тронъ, все это дѣлало мирную культурную работу мало плодотворной; путь къ развитію литературы по унаслѣдованнымъ приемамъ былъ почти прерванъ, новое теченіе лишь смутно намѣчалось. Воспѣваніе розъ и соловья не замолкло, отзвуки персидской поэзіи еще раздаются въ бряцаніи писателей, пережившихъ политическое паденіе Грузіи, но къ этимъ беззаботнымъ мелодіямъ прицѣпляются грусть и сожалѣнія объ утраченномъ величій, думы и грезы о возможности возвращенія къ прежнему строю, воссозданіи національных порядковъ, восстановленіи династіи Багратидовъ. Съ этимъ упованіемъ связано общественное движеніе конца первой четверти XIX ст., приведшее къ заговору 1830—1832 гг. съ цѣлью освобожденія Грузіи отъ русскаго владычества. Участниками въ заговорѣ были родовитыя лица,

приобрѣвшія вполнѣ извѣстность на государственной службѣ и литературномъ поприщѣ. Роль ихъ въ историческомъ развитіи Грузіи тождественна съ значеніемъ декабристовъ въ Россіи.

Слѣдственная коммиссія по разслѣдованію заговора грузинскаго дворянства подъ руководствомъ главноуправляющаго на Кавказѣ барона Г. В. Розена закончила свои занятія въ 1832 г.¹⁾ доводя почти ежедневно до свѣдѣнія импер. Николая I объ успѣхахъ раскрытія обстоятельствъ заговора и его соучастникахъ. Дѣло возникло по доносу главнаго дѣятеля, кн. Евсея Палавандова, и выяснилось коммиссіей, что основная причина заговора лежитъ во внушеніи со стороны нѣкоторыхъ грузинскихъ царевичей.

По смерти царя Георгія XII, его семейство и царевичи были перевезены въ Россію. Последніе отвергали законность дѣйствій царя Георгія, домогавшагося присоединенія Грузіи къ Россіи и отстаивали ненарушимость воли Праклія II, по завѣщанію котораго,—составленному по настоянній царицы Даріи,—престолъ долженъ былъ перейти отъ Георгія не къ сыну его Давиду, а къ брату Юлону и далѣе къ старшему въ родѣ. Упраздненіе грузинскаго престола вызвали жалобы со стороны не только двухъ этихъ претендентовъ на царство, но и другихъ членовъ царской семьи, мечтавшихъ о коронѣ. Образчикъ умѣренной жалобы можно видѣть въ четверостишіи царевича Іоанна и въ баснѣ Соломона Размадзе, воспитанника царевича Теймураза: „Скибы отняли у насъ всю землю и не дали намъ даже одного человѣка. Не довольствуясь Карталинією и Кахетією, они присовокупили къ нимъ и Имеретію. Мы въ несчастіи обѣднѣли и не имѣемъ къ кому прибѣгнуть! Испрашиваемъ правосудія свыше; посмотримъ какъ рассудитъ Богъ!“

Къ поощренію надеждъ старшихъ царевичей служили слухи, будто Россія, не видя для себя пользы отъ Грузіи, намѣревалась возстановить прежній домъ Багратіоновъ. Младшіе царевичи, выросшіе въ Россіи, также воспитались въ враждебныхъ къ ней чувствахъ. Представленіе объ ихъ воспитаніи даетъ привѣтствіе, написанное учителемъ Додаевымъ въ 1826 г. для самаго благонамѣреннаго царевича, семилѣтняго сына Баграта.²⁾ „Благороднѣйшая твоя кровь протечетъ,—говорится въ привѣтствіи,—по степенямъ достоинства, если всё добрыя правила вѣры ты будешь соблюдать и будешь исполнять со всёю стараніемъ и вниманіемъ все то, чему научить тебя наставникъ твой. Смотри на соплеменника своего Давида, который былъ прежде съ людьми, а теперь съ Богомъ; исполняй подобно ему правила вѣры, чтобы дана была сила и чтобы ты былъ облеченъ ею. Слѣдуй Богу, чтобы возобновилась прежняя радость, тотъ же свѣтъ и чтобы ты также торжествовалъ въ день свой, чтобы сѣтованіе, плачъ и рыданіе ты замѣнилъ радостью и ликованіемъ, а мракъ Иверіи свѣтомъ; я и весь народъ Иверіи восклицаетъ и будетъ просить, чтобы древнее царство ваше возстановилось благодаря нашимъ

¹⁾ Акты Кавказ. археогр. Ком., т. VIII.

²⁾ К. Кипіани. Изъ давно минувшаго Грузіи. Кавказ. Вѣстн., 1900, XI.

успѣямъ и было благословенно на вѣки“. Додаеву же принадлежать слѣдующіе стихи: „въ маѣ будетъ сдѣланъ вызовъ отъ имени грузинъ; возьмемъ въ руки мечъ и наведемъ на враговъ великій страхъ; соберемъ охотниковъ, нападѣмъ и отважно сразимся, изгонимъ изъ земли нашей насильно принешихъ и опустошающихъ наше отечество; пусть они уйдутъ отсюда и не остаются здѣсь! И гдѣ вы, грузины, никто не знаетъ! Мужайтесь“. ¹⁾

Вдохновителемъ заговорщиковъ были царевичъ Окропиръ и князь грузинскій Дмитрій Юлоновичъ, никогда не выдавшій Грузин. Князь Дмитрій, присвоившій себѣ отнятое у него званіе царевича, жилъ постоянно въ Петербургѣ и входилъ въ близкія сношенія съ воспитывавшимися тамъ молодыми грузинами. Недовольный уменьшеніемъ себѣ содержанія и чиномъ коллежскаго регистратора по службѣ, онъ былъ въ оппозиціи съ правительствомъ и внушилъ юношамъ изъ грузинъ мысли объ отдѣленіи Грузин отъ Россіи. О вліяніи этого царства говорятъ Эриванскій—Елизбаръ и Дмитрій. „Я едва вступилъ въ общество, не зная еще ни свѣта, ни людей, и уже былъ преступникомъ“,—сознавался на допросѣ Елизбаръ Эриванскій, котораго передъ выѣздомъ изъ Петербурга въ Грузію царевичъ Дмитрій снабдилъ инструкціей, и секретными листками для шифрованной переписки. Не менѣе важное воздѣйствіе на заговорщиковъ оказалъ царевичъ Окропиръ, помимо всякаго общенія съ цар. Дмитріемъ. Изъ бесѣдъ его въ Москвѣ съ іеромонахомъ Филадельфомъ и учителемъ Додаевымъ въ 1826—1827 гг. усматривается стремленіе его къ освобожденію Грузин отъ Россіи. Въ 1829 г., испросивъ разрѣшеніе московскаго губернатора ѣхать для леченія на Кавказскія минеральныя воды, онъ неожиданно отправился на зиму въ Грузію, сблизился въ Тифлисѣ съ разными лицами и поговорилъ совѣтника Дмитрія Орбеліани и Елизбара Эриванскаго къ составленію тайнаго общества противъ Россіи. Іеромонахъ Филадельфъ впоследствии утверждалъ, что положенія написаннаго имъ устава тайнаго дружества были заимствованы у Окропира. Нѣкоторыя изъ наставленій, преподанныхъ Окропиромъ, преслѣдуютъ опредѣленную цѣль. „Внушать молодымъ людямъ любовь къ родинѣ и дому Багратионовъ; священникамъ молиться о Багратионахъ; напоминать грузинамъ о прошломъ, когда они свободно допускались къ своимъ царямъ и имѣли скорый судъ; совѣтовать имъ держаться своихъ правовъ и обычаевъ для отдаленія ихъ отъ русскихъ; не говорить о своихъ намѣреніяхъ втроемъ, даже при родныхъ братьяхъ; искать среди юношей, способныхъ къ замыслу, начинать съ ними дѣло знакомствомъ, потомъ дружитья, узнавать свойства, способность къ сохраненію тайны, отношенія къ правительству и затѣмъ открыть имъ мысль о заговорѣ, но не иначе, какъ наединѣ; распространять умыселъ до поры до времени устно, къ дѣйствию же приступить самъ онъ, Окропиръ, по возвращеніи своемъ въ Грузію. Для

¹⁾ Въ оригиналь эти стихи приведены въ Актахъ Кавказ. археогр. Ком., т. VIII.

этого произвести народное возмущеніе, напасть и овладѣть въ Тифлисѣ главными пунктами, загородить путь чрезъ Кавказское ущелье, образовать регулярное войско и дѣйствовать противъ русскихъ малыми отрядами.

Царевичъ Окропиръ ¹⁾ уѣхалъ въ началѣ іюня 1830 г. обратно въ Россію, подготовленныя же имъ лица—Елизбаръ Эриванскій, совѣтникъ Орбеліани и учитель Додаевъ, не зная другъ друга, оставались бездѣйственными; но съ извѣстіемъ о польскомъ возстаніи дѣятельность ихъ оживилась и сами между собою познакомились. Привлекли къ заговору Вахтанга Орбеліани и Евсея Палавандова. Пылкій Елизбаръ Эриванскій громко началъ призывать грузинъ противъ русскаго правительства, подобно полякамъ, а Додаевъ помогалъ различными наставленіями, занимался письменной пропагандой и затѣялъ даже грузинскую газету для возбужденія умовъ. Ревностными участниками вскорѣ оказались 17-лѣтній поэтъ Георгій Эриванскій и Мамука Орбеліани, руководимый чувствомъ личной мести. Мамука Орбеліани и Елизбаръ Эриванскій предложили приступить къ дѣйствию осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, распределить приготовленныхъ къ бунту крѣпостныхъ, привести татаръ, задать балъ, на который пригласить всѣхъ высшихъ русскихъ чиновниковъ и начать всеобщее возмущеніе ихъ истребленіемъ.

Елизбаръ Эриванскій шифрованнымъ письмомъ сообщить въ 1831 г. въ Петербургъ о началѣ заговора кн. Дмитрію и двоюродной сестрѣ своей, княжнѣ Саломѣ, дочери царевича Парнаоза. Въ заговоръ ввели міора кн. Луарсаба Орбеліани, который открылъ тайну зятю своему генералу кн. Александру Чавчавадзе и вызвалъ изъ Персіи дядю своего царевича Александра для начальствованія надъ взбунтовавшимся народомъ въ Кахетин. Хотя царевичъ Дмитрій ничего не отвѣчалъ, а царевичъ Александръ, изувѣрившись, предоставилъ грузинамъ дѣйствовать на свой страхъ, молодые заговорщики входили въ большой экстазъ и разгоряченные виномъ въ саду Луарсаба Орбеліани провозглашали тосты за свободу Грузин и разсуждали о необходимости общаго возстанія. Роль царевича Дмитрія приняла на себя въ Тифлисѣ его сестра, княжна Тамара Юлоновна, руководившая дѣйствіями Елизбара Эриванскаго, Гр. и В. Орбеліани, и попыталась, но безуспѣшно, подъ предлогомъ богомолья въ Іерусалимъ, отправиться въ Персію на свиданіе съ непримиримымъ врагомъ Россіи, съ царемъ Александромъ.

Въ заговоръ были посвящены для вербованія сообщниковъ въ Имеретин Теймуразъ Лордкипанидзе и нѣсколько офицеровъ — поруч. Наталовъ, прапорщики Джорджадзе, Мамацевъ и Церетели, чтобы съ ихъ помощью уговорить солдатъ склониться на ихъ сторону. Заговорщики хотѣли воспользоваться скопленіемъ народа на разрѣшенныхъ губернаторомъ Завилейскимъ кулачныхъ бояхъ для начатія бунта. Но это народное зрѣлище скоро было запрещено и планъ свой заговорщики вздумали осуществить на праздникѣ въ сел. Арбо, въ Карталини,

¹⁾ Политическая дѣятельность царевича Григорія ограничилась участіемъ его въ волненіяхъ 1812 г. Объ немъ см. Акты кавказ. археогр. Ком. т. V.

куда съѣзжаются грузинскіе князья и дворяне. Но полученное письмо изъ Тифлиса отъ кн. Орбеліани побудило сообщниковъ поторопиться возвращеніемъ въ городъ въ виду распространившихся,—оказавшихся ложными,—слуховъ о приближеніи персіанъ къ границамъ Грузіи.

Извѣстіе о паденіи Варшавы послужило мотивомъ отложить заговоръ, но вольнодумныя сборища продолжались и привлекались новые члены. Въ общество заговорщиковъ, принимающее нѣкоторый видъ „литературный“—вступили „члены ученаго званія“: учитель гимназіи Захарій Автандиловъ и Димитрій Кипіани, переводчикъ Іосифъ Мамацевъ и писатель Солом. Размадзе. Къ нимъ присоединились прибывшіе изъ Петербурга прапорщикъ-артиллеристъ Дим. Эрстовъ, братъ Елизбара, и лейбъ-гусарскій корнетъ Георгій Эрстовъ. Въ Москвѣ они получали отъ царев. Окропира наставленія для возстановленія самостоятельности Грузіи и вѣрный способъ секретной переписки. Въ 1832 Г. Эрстовъ въ Кахетинъ на похоронахъ своего родственника познакомился съ іеромонахомъ Филадельфомъ, сообщникомъ царев. Окропира. Монахъ этотъ научилъ Г. Эрстова особенной криптографической азбукѣ своего изобрѣтенія и вручилъ ему составленный имъ, подъ влияніемъ монаха Порфірія, уставъ „тайнаго неразрывнаго дружества“. Это мистическое произведеніе заимствовано изъ уставовъ масонскихъ ложъ и вольныхъ обществъ благоденствія и спасенія. Члены союза, связанные другъ съ другомъ обѣтами и присягою, едва знали другъ друга. Георгій Эрстовъ ознакомилъ главарей заговора съ этимъ уставомъ, цѣль котораго, по мнѣнію Филадельфа, выяснится тогда, когда число членовъ увеличится. Главари дали требуемую присягу въ видѣ шутки, не придавая ей значенія.

Елизбаръ Эрстовъ¹⁾, по возвращеніи въ Тифлисъ Г. Эрстова, давая прощальный обѣдъ Размазадзе, отправляющемуся въ Персію съ русскимъ посольствомъ, поднялъ тосты за свободу Грузіи и за здоровье царевича Димитрія. Размадзе, имѣя письмо отъ Орбеліани, долженъ былъ въ Персіи войти въ сношеніе съ царевичемъ Александромъ и съ англійскою миссіею. Для совѣщанія же съ царевичами Окропиромъ и Димитріемъ рѣшено было командировать одного изъ заговорщиковъ въ Россію. Поѣздка эта, впрочемъ, не состоялась за неимѣніемъ денежныхъ средствъ. Послѣ знаменательнаго обѣда въ честь Размадзе, Елизбаръ Эрстовъ и другіе выѣхали въ свои помѣстья, Георгій Эрстовъ отправился съ русскими войсками въ походъ противъ Казы-муллы въ Чечню, о заговорѣ же по временамъ разсуждали двое князей Орбеліани, учителя Автандиловъ и Кипіани и княжна грузинская Тамара Юлоновна. Возвратившись въ Тифлисъ, Елизбаръ засталъ Орбеліани и учителя Додаева сблизившимися по заговору съ Евсѣемъ Палавандовымъ, по подстрекательству котораго заговорщики возобновили свои совѣщанія и на ужиноу подпоручика кн. Абхазы рѣшили ускорить возмущеніе, въ виду отсутствія русскихъ войскъ, отправленныхъ въ Дагестанъ, противъ

¹⁾ См. объ этой исторіи волнений ст. К. Абашидзе въ журн. „Моамбэ“ (1906, I) подъ заглавіемъ „Политическій романтизмъ“.

лезгинъ. Руководителями возстанія выбрали кн. Абхазы и Палавандова. О потеряхъ въ Чечнѣ русскимъ отрядомъ и приближеніи къ Кахетинъ шайки лезгинъ Гамзетъ-бека распространялись слухи для возбужденія умовъ кн. Палавандовымъ, которому многіе вѣрили, такъ какъ родной братъ его былъ тифлискимъ губернаторомъ. Общество заговорщиковъ заволновалось. Они ввели въ свой составъ прибывшаго изъ Россіи въ Тифлисъ капитана гвардіи кн. Илью Челобаева, совѣтами котораго они очень дорожили, и переводчика «Исповѣди Паливайка», настроеннаго въ Петербургѣ царевичемъ Димитріемъ прапорщика Гр. Орбеліани (*). Пылкій Елизбаръ Эрстовъ и лукавый Евсѣй Палавандовъ побуждали маіора Луарсаба Орбеліани немедленно приступить къ дѣйствіямъ, но увлекшійся въ 1831 г. Луарсабъ успѣлъ къ 1832 г. охладѣть къ заговору и склонять ихъ отложить исполненіе его до съѣзда князей и дворянъ на дворянскіе выборы, а такъ какъ послѣдніе, предназначавшіеся около 20 ноября, были отложены до 20 декабря, сообразно съ этимъ измѣнился и срокъ, назначенный для возстанія. Совѣщанія заговорщиковъ стали принимать настолько страстный характеръ, что рѣшили убить губернскаго предводителя дворянства Констан. Багратіона-Мухранскаго, еслибы онъ вздумалъ противодействовать,—по примѣру 1829 г., когда принялъ мѣры къ усмирению взбунтовавшагося по случаю набора солдатъ народа,—а губернатора Палавандова вызвался убить или отравить братъ его Евсѣй. Составили письменную диспозицію, или по словамъ Елизб. Эрстова «распоряженіе на первую ночь бунта», и распредѣлили роли для нападенія на казначейство, арсеналъ, провіантскіе магазины, для привлеченія поляковъ и разжалованныхъ чиновъ (ихъ насчитывалось 3.000 душъ), распространенія слуховъ о протестѣ князей противъ набора солдатъ изъ грузинъ. По плану должны были пригласить на балъ отъ имени дворянства всѣхъ высшихъ чиновниковъ, перерѣзать ихъ и грузинъ, ихъ сторонниковъ, зазвонить въ колокола, вынести иконы изъ церквей и призвать чернь къ возстанію для освобожденія Грузіи. Сообщники однако не исполнили обязательства привести своихъ вооруженныхъ крѣпостныхъ, а учителя Д. Кипіани и З. Автандиловъ и переводчикъ Мамацевъ, устранившись намѣренія своихъ сотоварищей, вышли изъ общества. Одинъ Елизбаръ Эрстовъ вѣрилъ въ успѣхъ затѣи и даже написалъ вмѣстѣ съ гусаромъ Эрстовымъ нѣсколько строкъ „проекта правленія“ Грузіей послѣ освобожденія ея отъ русскаго владычества. Онъ увлекъ и княжну грузинскую Тамару, мечтавшую освободить Грузію „безъ крови“. Надежды близились къ осуществленію. Додаевъ ручался за возстаніе всей Кахетинъ, недовольной тягостью различныхъ повинностей. Скептически настроенный кн. Александръ Чавчавадзе вмѣстѣ съ кн. Челобаевымъ напрасно пытался отклонить заговорщиковъ оставить свои несбыточные замыслы; царевичъ Александръ изъ Персіи

* Подробно объ участіи Г. Эрстова и Гр. Орбеліани въ заговорѣ см. біографіи этихъ писателей, написанныя Меунаргіа (сочиненія Г. Эрстова, Т. 1884 г. и журн. *Моамбэ* за 1904 г.).

поощрять ихъ намѣренія и вступилъ даже въ сношенія съ египетскимъ Хедивомъ для расположенія его въ пользу грузинъ. Изъ иностранцевъ сочувствовали одинъ только Летелье, изучившій грузинскій языкъ въ бытность свою секретаремъ французскаго консульства въ Тифлисѣ¹⁾; по прїѣздѣ въ Петербургъ, онъ познакомился съ гусаромъ Эристовымъ и прапорщикомъ Дим. Орбеліани и велъ съ ними бесѣды, направленные противъ русскаго правительства. Царевичи же Окропиръ и Димитрій съ иностранцами не заводили знакомства. По доносу Евсея Палавандова, извѣстнаго „безнравственнымъ поведеніемъ“, по словамъ бар. Розена, дѣло заговорщиковъ рухнуло. 75 князей и дворянъ были арестованы. Такъ какъ они содержались въ Покровскихъ казармахъ, то дѣло ихъ было названо „Казарменнымъ“. По докладу²⁾ подробностей Николай I приказалъ выслать всѣхъ участниковъ въ заговорѣ административнымъ порядкомъ въ Россію безъ лишенія правъ³⁾.

Заговоръ 1832 года кончился ссылкой главныхъ его зачинщиковъ. Пребываніе сосланныхъ вдали отъ родины, во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, огазилося на тонѣ ихъ лирики, на складѣ ихъ характера, на послѣдующей ихъ общественной дѣятельности. Александръ Чавчавадзе умолялъ въ одномъ стихотвореніи „помнить сѣтующаго странника съ сокрушеннымъ сердцемъ“, Гр. Орбеліани скорбѣлъ о родномъ небѣ и минувшихъ дняхъ блаженства, Вахт. Орбеліани «вянеть отъ жажды узрѣть лучъ родины, какъ деревцо кашлю утренней росы», Ал. Орбеліани, отправляясь въ дальній путь, оставлялъ всѣ свои духовные „помыслы на родинѣ“. По возвращеніи на родину, почти всѣ изъ нихъ заняли выдающіяся мѣста среди государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Многіе изъ нихъ увѣнчали себя литературной славой и являются украшеніемъ въ плеядѣ грузинскихъ поэтовъ.

Монахъ Филadelphъ.

Въ монастырѣ св. Шіо, въ Кахетіи, учился имеретскій дворянинъ Кикнадзе, въ монашествѣ Филadelphъ, участникъ въ заговорѣ 1831 г.

¹⁾ См. объ немъ у А. Хаганова Грузинскія рукописи Парижской національной библиотеки.

²⁾ Генер.-маіоръ Чевкинъ, по порученію Императора Николая I, 29 янв. 1833 г. обратился съ рѣчью къ грузинскому дворянству, въ которой, отмѣтивъ участь самого ограниченаго числа князей и дворянъ въ преступномъ злоумысли, удостоившись постояннаго и неизмѣннаго Высочайшаго благоволенія къ Грузіи и закончилъ словами: „Ознакомясь съ грузинами среди боевъ послѣдней персидской войны, я привыкъ ихъ считать братьями и полагаю, что преданный Государю моему русскій также точно долженъ быть по чувствамъ хорошимъ грузиномъ, какъ вѣрный грузинъ долженъ быть по чувствамъ хорошимъ россияниномъ“.

³⁾ Согласно докладу бар. Розена были высланы: царевичъ Окропиръ въ Кострому, кн. Тамара Грузинская въ Симбирскъ, поэтъ Г. Эристовъ въ Польшу, Автанділовъ въ Пермь, Д. Кипіани въ Вологду, Дим. Орбеліани въ Пензу, царевна Фебла съ сыномъ В. Орбеліани въ Калугу, Гр. Орбеліани въ Нижній-Новгородъ, Александръ Чавчавадзе въ Тамбовъ (по инымъ свѣдѣніямъ въ Костром. губ.), Иасе Палавандовъ въ Финляндію.

По преданію,—а преданіе у насъ почти исторія,—монастырь этотъ воздвигнутъ (вѣрнѣе расширенъ и вновь украшенъ) св. царемъ Давидомъ III Возобновителемъ, во дни юности, когда онъ проживалъ въ Икальтской академіи, гдѣ онъ учился подъ руководствомъ знаменитаго Арсенія Икальтскаго. Монахъ Филadelphъ, служившій въ Шуамтинскомъ монастырѣ, завелъ школу, въ которой обучался извѣстный грузинскій поэтъ Рафаэль Эристовъ и выдѣлялся своими рѣдкими дарованіями: онъ былъ поэтомъ, художникомъ и механикомъ. Бывшій редакторъ *Цискари* (1861, авг., стр. 453) Кереселидзе, побывавъ во время своего путешествія по Кахетіи въ сел. Кистаури, видѣлъ въ домѣ помѣщика кн. Кіазо Эристова высѣченные Филadelphомъ на мраморной доскѣ съ замѣчательнымъ искусствомъ солнечные часы, съ грузинскими цифрами. Ему же принадлежатъ въ алтарѣ два стихотворенія хотя одно изъ нихъ, датированное 1837 годомъ, подписано Неофитомъ Пираловымъ.

Стихотворенія эти слѣдующія:

I.

Грузія молвила: и я жила,
И я имѣла блаженную пору,
Счастливила уповавшихъ на меня,
Была грозю супостатамъ своимъ.
Цвѣла подобно раю,
Казалось, останусь нераздробленною:
А теперь?—взгляните на меня и уразумѣйте,
Какъ суетенъ міръ!

II.

О, блаженно время твоего строенья,
Когда полный источника благодати, мудрости и просвѣщенья,
Ты былъ вполне благоустроенъ и блисталъ ярко,
А теперь?—у кого не прольются слезы, при видѣ
Нынѣшняго твоего униженья.

Соломонъ Додашвили.

Соломонъ Ивановичъ Додашвили, наряду съ монахомъ Филadelphомъ вождь въ заговорѣ 1831 г., былъ первый изъ грузинъ, получившій образованіе въ русскомъ высшемъ учебномъ заведеніи, по присоединеніи Грузіи къ Россіи. Рожденіе (1804 г.) его почти совпадаетъ съ началомъ водворенія русскаго владычества въ Грузіи. Онъ былъ сынъ священника (изъ сел. Магаро), прошеднаго Гареджіюскую монастырскую школу¹⁾ и усвоившаго тонкости богословскихъ и философскихъ сочиненій католика Антонія. Сначала Тифлисская духовная семинарія, потомъ Бла-

¹⁾ С. Додашвили, біогр. очеркъ, написанный З. Чичинадзе, Т. 1892, стр. 8.

городное училище, гдѣ Соломонъ обучался. въ связи съ благотворнымъ вліяніемъ католическихъ патеровъ, старыхъ пионеровъ европейской цивилизаціи въ Грузіи, развили въ немъ столько любознательности, что, по окончаніи курса на родинѣ, онъ рѣшилъ поступить въ петербургскій университетъ для продолженія образованія. „Въ сѣверной столицѣ“ онъ сблизился съ перевезенными изъ Грузіи царевичами и съ спутникомъ ихъ—просвѣщеннымъ монахомъ Іоанномъ Хелашвили (†1838 г.), получившимъ постриженіе отъ католикоса Антонія II, а воспитаніе въ московской славяно-греко-латинской академіи. Этотъ монахъ, переводчикъ книгъ на грузинскій языкъ, составитель катехизиса, равно не дошедшаго до насъ русско-грузинскаго словаря, и ближайшій сотрудникъ царевича Іоанна въ его энциклопедіи Калмасоба¹⁾, познакомилъ Дадашвили съ исторіей Грузіи и рукописной сокровищницей царевичей. Подъ его вліяніемъ онъ начинаетъ писать по-грузински и по-русски и составляетъ (1827 г.) учебникъ по логикѣ, въ предисловіи къ которому онъ выражаетъ надежду, что надъ Грузіей, покровительствуемой русскимъ царемъ, «возсіяетъ лучъ солнца и просвѣщенія». Вернувшись (въ 1827 г.) на родину съ солидными знаніями въ области философіи, Дадашвили, былъ назначенъ преподавателемъ грузинскаго языка въ тифлисскомъ благородномъ училищѣ. Поощряемый царевичами петербургскими и московскими,—съ послѣдними онъ знакомился по дорогѣ въ Грузію,—онъ сталъ въ ряды немногихъ культурныхъ дѣятелей въ то смутное и тревожное время. Не довольствуясь ролью преподавателя и ученаго, онъ мечтаетъ объ открытіи типографіи, распространеніи книгъ въ народѣ, возобновеніи газеты. Въ 1832 г. онъ получаетъ разрѣшеніе на изданіе еженедѣльной газеты «Тифлисскія Вѣдомости», при участіи князей Ал. Чавчавадзе и Г. Орбеліани. Какъ преподаватель, онъ воспитываетъ въ своихъ ученикахъ любовь къ грузинской исторіи, пробуждаетъ національное чувство, напоминаетъ имъ въ публичныхъ рѣчахъ, предъ экзаменами, о прошлой судьбѣ страны и необходимости широкаго образованія для ея умиротворенія. Обученіе онъ велъ по составленнымъ имъ же начальной азбукѣ, грузинской грамматикѣ (напеч. въ 1830 г.) и Книгѣ грузино-русскихъ разговоровъ. Въ качествѣ писателя онъ не ограничивался обличительными статьями, направленными противъ общественныхъ недостатковъ,—онъ писалъ стихи архаическимъ языкомъ и переводилъ повѣсти (его «Жинвера» съ французскаго появилась въ журн. «Цискари» за 1857 г.). Дѣятельность его была прервана по раскрытіи въ 1832 г. заговора грузинской аристократіи, возымѣвшей желаніе вернуть Грузіи политическую самостоятельность. Онъ былъ переведенъ на службу въ Россію. Умеръ онъ въ Иркутскѣ въ 1836 г.

Кн. А. Г. Чавчавадзе.

Въ „Закавказскомъ Вѣстникѣ“, за 1846 г., № 23-мъ, появилось слѣдующее, поразившее своей неожиданностью, горестное извѣстіе:

¹⁾ См. у А. Хаганова Очерки по исторіи грузинской слов., вып. III. М. 1901.

„6 ноября, въ 9 час. утра скончался въ гор. Тифлисѣ кн. Александръ Чавчавадзе,—крестникъ Императрицы Екатерины Великой,—въ ранней молодости, по наслѣдству, генераль-адъютантъ Ираклія II, предпоследняго царя Грузіи,—въ достопамятную войну русскихъ съ французами,—адъютантъ при генералѣ Барклай-де-Толли,—въ войну Россіи съ Персіей генераль-майоръ въ русской службѣ и одинъ изъ числа самыхъ ревностнѣйшихъ сподвижниковъ графа Паскевича-Эриванскаго, и, наконецъ, съ 1838 года въ чинѣ генераль-лейтенанта членъ совѣта главнаго управленія Закавказскимъ краемъ, съ 1843 г. управляющей почтовой частью Закавказья. Наканунѣ смерти своей онъ былъ совершенно здоровъ и выѣхалъ съ визитомъ къ князю Намѣстнику (Воронцову). Лошади понесли, онъ хотѣлъ соскочить съ дрожжекъ—упалъ и ударился головою объ камень. Всѣ пособія медицинскія оказались тщетными. 19 часовъ, до самой кончины своей, князь былъ безъ памяти.

Неутѣшно плачеть о немъ осиротѣвшее семейство его.

Неутѣшно грустить вся Грузія, которая утратила въ немъ даровитаго жителя и одного изъ благороднѣйшихъ своихъ представителей. Пскренно сожалѣютъ объ немъ всѣ, кто только зналъ его. Мы слышали звуки военной похоронной музыки. Мы видѣли знамя, обвитое чернымъ флеромъ. Печальная колесница, окруженная факелами, медленно двигалась по улицамъ города, къ Сіонскому собору, въ сопровожденіи почти всего тифлисскаго народонаселенія. Всѣ кровли, всѣ балконы, всѣ окна были усыяны народомъ; всѣ лавки были заперты. Въ соборѣ отиѣли панихиду за упокой души его, и съ тою же печальною торжественностью проводили гробъ его за Кахетинскую заставу. Тамъ въ Кахетин ждуть его могилы предковъ. „Прощай, князь! Плачущіе о тебѣ, будутъ долго плакать, но не ждать тебя!“

Такими теплыми словами напутствоваль тифлисскаго органа прахъ кн. Александра Чавчавадзе, направленный въ Шуамтійскій монастырь, близъ города Телава, гдѣ до сихъ поръ читается надгробная надпись на мраморной доскѣ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ: „Князь Александръ Чавчавадзе скончался 60 лѣтъ 6-го ноября 1846 года. Вечеръ водворится плачъ и завтра радость. Псал. XXIX“. Текстъ изъ прѣсновѣщнаго пророка Давида служить какъ бы дополненіемъ прочувственнаго некролога, посвященнаго памяти сына знаменитаго Гарсевана Чавчавадзе, полномочнаго министра грузинскихъ царей Ираклія II и Георгія XII при російскомъ дворѣ въ концѣ XVIII в. и тестя безсмертнаго русскаго поэта А. С. Грибоѣдова.

Александръ Чавчавадзе родился въ 1786 г. въ С.-Петербургѣ, по прошествіи перваго трехлѣтія по заключеніи союзнаго трактата между Россіей и Грузіей, при ближайшемъ участіи Гарсевана Чавчавадзе. Воспріемницею его при крещеніи была Екатерина Великая, а съ момента его появленія на Божій свѣтъ былъ пожалованъ царемъ Иракліемъ II титуломъ эмиръ-аджиба (т. е. генераль-адъютантомъ), съ соотвѣствующей званію пожизненной пенсіей. Осипанный царскими милостями, Алек-

сандръ рость среди роскоши и довольства, сначала въ домѣ своего отца, а потомъ во французскомъ пансіонѣ до тринадцатилѣтняго возраста, когда онъ былъ привезенъ изъ Петербурга въ Тифлисъ въ 1801 г. и отданъ въ благородное училище. При генералѣ Кноррингѣ, объявившемъ Грузію присоединенной къ Россіи, молодой именитый князь, наравнѣ со всѣмъ грузинскимъ дворянствомъ, принесъ присягу въ вѣрности русскому престолу. Но недолго суждено было юному Чавчавадзе сдержатъ данную присягу: въ 1803 г. онъ, оставивъ тифлисское благородное училище, примкнулъ въ 1804 г. въ Кахетин, въ день храмового Алавердскаго праздника (14 сентября), къ союзу высшихъ аристократовъ, возмѣвшихъ намѣреніе стать подъ знамена царевича Фарнавоза съ цѣлью возвратитъ престолѣ грузинскимъ Багратидамъ.

Въ 1805 году по разрушеніи политическихъ плановъ аристократин, взволнованной первыми неудачами въ Грузіи русскаго правительства, камеръ-пажъ, участникъ въ заговорѣ, князь Чавчавадзе, въ виду особаго вниманія императора Александра I, былъ сосланъ на три года въ Тамбовъ¹⁾. Черезъ четыре года онъ былъ возвращенъ въ столицу и поступилъ на военную службу.

Несчастія образумили молодого офицера,—онъ изъ нѣзкаго прозелита царевича Фарнавоза сдѣлался преданнымъ слугою русскаго государя. Служебная его дѣятельность съ 1811 г. сосредоточивается при кн. Цициановѣ, назначенномъ намѣстникомъ Кавказскимъ. Онъ принимаетъ участіе въ отечественной войнѣ, а на родинѣ въ безчисленныхъ столкновеніяхъ съ горцами, тревожившими своими набѣгами неумиротворенную еще Грузію. Съ 1823 г. состоялъ при главноуправляющемъ Грузію; въ 1828 г. былъ произведенъ въ генералы и назначенъ губернаторомъ армянской области. Последнюю дань патриотическимъ мечтаніямъ онъ воздалъ въ 1832 г., раздѣливъ судьбу грузинскаго дворянства, еще разъ попытавшись возстановитъ Багратидовъ въ Грузіи. Въмѣстѣ съ князьями Орбелиани и Эристовыми, впослѣдствіи завоеванными довѣріе русскаго государя и извѣстность на военномъ, общественномъ и литературномъ поприщѣ, кн. Чавчавадзе былъ заточенъ въ одиночное заключеніе, гдѣ онъ написалъ стихотвореніе въ оправданіе и въ доказательство своей невинности въ затѣяхъ грузинской молодежи²⁾.

„Коваренъ этотъ свѣтъ, лишь слезы вызываетъ“, восклицаетъ онъ въ первой пробѣ своего пера. Здѣсь-то въ темницѣ пробудился его поэтической гений³⁾, нашедшій сначала выраженіе въ горестныхъ думкахъ

¹⁾ Первая часть его стихотвореній впервые вышла въ Тифлисъ въ 1881 г. Они были напечатаны частью по рукописи 1823 г. извѣстнаго въ грузинской литературѣ Давида—ректора, частью же по точнымъ указаніямъ знавшихъ поэта. Общанное продолженіе его произведеній до сихъ поръ еще не появилось. Ему же принадлежитъ переводъ произв. „Альзира“, „Ифигенія“, „Цинна“ съ французскаго („Заря“, 1852 г.) и „Сидъ“, также разсказъ „Евдокія, дочь Велизарія“, переводъ съ французскаго, при сотрудничествѣ „Цар. Іоаннина“ С.-Пб. 1808 г.

²⁾ Акты Кавказ. Археогг. Ком. т. II, стр. 337.

³⁾ Онъ былъ сосланъ въ Россію, но такъ какъ подозрѣніе оказалось неосновательнымъ, то вкорѣ вернулся въ Грузію съ чиномъ ген.-лейтенанта.

и вкорѣ принявшій жизнерадостное направленіе, исполненное страстныхъ чувствъ и упительныхъ наслажденій.

Идеаломъ кн. А. Чавчавадзе сталъ поэтъ XVIII в. *Бесики*, первый грузинскій анакреонтистъ, неподражаемый имитаторъ персидской музы Саади и Гафиза. Подобно своему предшественнику, кн. А. Чавчавадзе принадлежитъ къ типу поэтовъ молодости, любви и красоты—трехъ лучей, сконцентрированныхъ въ одинъ фокусъ и зажженныхъ искрой небеснаго огня.

Любовь для него та божественная благодать, которая возвышаетъ человека къ Богу и безъ которой все блага міра тлѣны и суега. „Чувствительность выше всѣхъ свойствъ, небомъ дарованныхъ,—красоту и разумъ она одухотворяетъ“. Но съ этой благотворной мощью любовь обладаетъ и жестокой силой тревогъ для чувствительныхъ сердецъ: „она навѣваетъ воинство страданій“, „налагаетъ ярмо рабства“. Любовь въ одно и то же время шарбатъ и ядъ, рожденная въ мукахъ.

Изнанено бѣдное сердце и бьется тебя ожидая,
Тренецетъ и бьется все чаще, но вѣсти не можетъ подать!
Стою на дорогѣ,—и тѣни смущаютъ мнѣ душу, блуждая,
И листья, чуть слышно колеблясь, меня заставляютъ дрожать.
Порою, какъ уголь блестящій, мнѣ чудятся сумрачномъ полѣ.
Волось твоихъ темныя кудри, играя разсудкомъ монмъ;
И тамъ, гдѣ блистають зарницы, я вижу тебя въ ореолѣ
И воздухъ меня опьяняетъ дыханіемъ сладкимъ твоимъ.
Любви моей—помнишь ли, другъ мой? душа моя стала залогомъ.
Изъ устъ моихъ ты же устами ее приняла передъ Богомъ,
И я былъ такъ счастливъ! такъ вѣрилъ, что насъ единение ждетъ!
Разлука меня убиваетъ. Измученъ твой рабъ ожиданіемъ...
Ужели ты станешь смѣяться надъ сердца свободнымъ признаніемъ?
Что дѣлать! увы! кто не любитъ, влюбленнаго тотъ не пойметъ.

Гражданскій мотивъ онъ затронулъ въ прекрасномъ стихотвореніи „Озеро Гокча“. На его берегахъ, обнятыхъ уныніемъ и жалкими руинами нѣкогда величественныхъ городовъ, передъ нимъ разворачиваются жилища совъ и картина запущенности, наполняющая сердца печальными размышленіями. Здѣсь когда-то кипѣла полная жизнь и черныя скалы, нынѣ вздымающіяся угрюмо, свидѣтельствуютъ о минувшей красѣ. Поэту въ прошломъ рисуется не одно довольство и благодать,—онъ знаетъ также, что и тогда жизнь омрачалась завистью и злобой. Кн. Чавчавадзе, пѣвецъ любви и жизни, окружающая среда наводитъ на печальныя думы, какъ обнаженный лѣсъ или застоявшійся прудъ. Отсюда и протстекаетъ двойственность его лиры: струны ея звучатъ такъ нѣжно и любовно, но сквозятъ эти восторженные мелодіи слышатся тоска и стоны наболѣвшей души. Этотъ „сладкозвучный и свѣтлый поэтъ“, по выраженію кн. Ак. Церетели, былъ однимъ изъ первыхъ растворявшихъ отраву, даваемую ему жизнью, въ аккордахъ беззаботнаго анакреонтическаго

творчества ¹⁾ Вѣриѣ объ немъ сказать, что онъ не столько начинаетъ новое (европейское) направлѣніе въ грузинской литературѣ, сколько завершаетъ старое (персидское). Въ сочетаніи меланхолическихъ мелодій и пѣсеней страсти отразилось на его лирѣ двойственное вліяніе—персидско-грузинское (Саади, Бесики) и русскоевропейское, чрезъ посредство Пушкина, изъ котораго, между прочимъ, онъ переводитъ „Анчаръ“, „Мечты“ и др. Такимъ образомъ, кн. Александръ Чавчавадзе является связующимъ звеномъ XVIII в. съ XIX столѣтіемъ.

Отличительная черта кн. А. Чавчавадзе психика, приближающая его къ способности Гейне въ смыслѣ поэтического претворенія реальной жизни, это—его изумительно тонкая чувствительность. Объ немъ можно сказать то, что говоритъ Мюссе о Петраркѣ: „онъ обладалъ гениемъ ловить біеніе сердца, дліщеся мгновение“. Въ одномъ изъ первыхъ романсовъ, обращаясь къ своей умчавшейся возлюбленной, онъ хочетъ „въ пѣснѣ стройной излить тоску души своей и вспомнить, какъ безмолвное ея созерцаніе, озаряя его измученное сердце, вливало въ него цѣлительный бальзамъ!“ Густые локоны, розовыя уста, граціозный станъ ослѣпили его, покорили властной силой, предъ алтаремъ любви. Личная скорбь и сердечныя муки составляютъ исключительную сферу его лирическихъ томленій, почти никогда не захватывающихъ мотивовъ общественныхъ размышленій. При ограниченности метафорическаго языка и фигуральныхъ приемовъ, онъ не устаетъ сравнивать виновницу своего экстаза съ солнцемъ, луной, звѣздами, которыя наполняютъ его безцѣльное существованіе то яркимъ блескомъ, то лишаютъ своихъ животворныхъ лучей. Онъ часто и безъ достаточной причины плачетъ горькими слезами, проклинаетъ свою судьбу, вызываетъ о помощи къ неизвѣстной спасительницѣ: „Довольно, я здѣсь предъ тобою! возрадуй меня твоимъ милымъ взоромъ, уста пусть лепечутъ о чувствахъ святыхъ и упоюсь я голосомъ сладкимъ вблизи, истерзанный долгой разлукой съ тобой!“.

Всѣ его романсы, носящіе названіе „мухамбази“, „гафи“, „мустазади“ носятъ тотъ общій отпечатокъ, который отличаетъ грузинскія пѣсни первой половины XIX столѣтія. Типической формой изліянія душевныхъ волненій служитъ аллегорическое изображеніе страданія соловья, влюбленнаго въ розу:

¹⁾ Въ грузинской газетѣ „*Иаерія*“ (1902 г. №№ 12, 17, 22, 24, 27 и 29; ср. въ собр. статей его, Поті, 1903) И. С. Панцхава указывалъ на необходимость изданія полнаго собранія сочиненій кн. А. Чавчавадзе. Авторъ справедливо отмѣчаетъ въ его стихотвореніяхъ рядъ архаизмовъ, весьма тонко и художественно передающихъ нюансы мысли и чувства. Приоритетъ въ воспріизведеніи грандіозныхъ красотъ Кавказской природы г. Панцхава оставляетъ за княземъ А. Чавчавадзе и приводитъ въ доказательство своего мнѣнія одно стихотвореніе, отличающееся особеннымъ складомъ разбора и обиліемъ устарѣлыхъ нынѣ словъ и выраженій.—Князю А. Чавчавадзе посвященъ этюдъ кн. К. Абашадзе въ грузинскомъ журналѣ „*Моамби*“ (1898, апрѣль). Авторъ подчеркиваетъ преимущественное господство въ творчествѣ А. Чавчавадзе одной черты—преобладаніе тоски и грусти душевной, не протекającej исключительно отъ неудовлетворенности личныхъ чувствъ любви. Пессимизмъ его имѣетъ болѣе глубокую обусловленную основу.—такъ полагаетъ кн. Абашадзе.

СОЛОВЕЙ

Почему поникла, Роза, ты головкою своей?
Почему ты отвернула вѣщичь отъ меня душистый?
Въ честь твою я пѣснь слагаю, для тебя я оглашаю
Затихающія роци трелью звонкой, серебрястой...

Р о з а.

Я взглянуть на верхъ не смѣю, я не знаю—для меня ли
Эти пѣсни, что изъ роци смѣло, громко такъ звучали...

СОЛОВЕЙ

Но свое благоуханіе щедро всѣмъ ты расточаешь!
Сдѣлай такъ, чтобъ я одинъ имъ ошьянися, дорогая,
И тогда одна ты будешь слышать звуки тихихъ пѣсень,
Пѣсень мукъ любви и нѣги... И тобой одной тогда и
Буду жить, тебѣ слагая эти пѣсни, эти звуки
До послѣднихъ вздоховъ жизни, до послѣдней сердца
муки.

Рисуя, согласно съ традиціями Востока, подъ видомъ нѣжныхъ растений и пѣвчихъ птицъ чувствительнаго души, его лира настроена цѣломудренно, чисто, возвышенно. Въ прекрасномъ стихотвореніи кн. Чавчавадзе восторженно воспѣваетъ смутную истому, охватившую его трепетнымъ воздухомъ: „Бѣгутъ года, бѣгутъ мгновенія, а все я жду тебя мой милый,—минуты сладкаго свиданія!—розовыя уста, покрытыя росой, меня дыханіемъ благовоннымъ напоютъ, и блескъ твоихъ очей, какъ лилю полевою, лучами солнца озаритъ. Въдъ слезъ потоки не могутъ пламя сердца заглушить, и лишь ты въ силахъ погасить огонь, тобою воспламененный. Смотри, какъ солнце ежедневно море слезъ съ полей смиряетъ,—жду, когда зоря еще проглянетъ и на меня, о свѣтъ очей“. Въ другомъ стихотвореніи, представляющемъ образецъ восточныхъ аллегорическихъ сравненій, ярче обрисовывается чувство красоты, фатальная симпатія къ возлюбленной, индивидуальная меланхолія, вызванная неудовлетворительностью личныхъ желаній и надеждъ: „Сердце все съ тобою, гдѣ-бъ ни будь я, ликъ живой предо мною, кого бы ни видѣлъ я! Могъ бы я не томиться разлукой твоей, можешь ли удивляться горести моей! Лишь только улыбка раскроетъ рубинъ, впивается въ жемчугъ жадный взоръ одинъ. Станъ ли кипариса встаетъ предо мной, сознаніе уже меркнетъ, объятое тоскою. Память о кристаллѣ сводитъ въ мигъ съ ума тщетныя разысканія, впереди все тьма“!...

Для комментаріевъ приведеннаго отрывка нужно имѣть въ виду особенность восточнаго фигуральнаго языка: рубинъ—символь розовыхъ устъ; жемчугъ означаетъ маленькіе, какъ бисеръ, зубы; кипарисъ

образъ граціозной талии, а кристалъ заключаетъ въ себѣ понятія объ ослѣпительной бѣлизнѣ тѣла. Въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ кн. Чавчавадзе остается анализирующимъ міръ внутреннихъ ощущеній, высшій форма его творчества достигаетъ полноты гармоніи съ освѣжающимъ или опьяняющимъ содержаніемъ лирическихъ изліяній. Ріема его подчасъ приобретаетъ увлекательную звучность, упруго взвѣшивается и умѣстно подбирается. Обычно его стиль исходитъ къ земной юдоли для выраженія пылкихъ чувствъ и различныхъ фазисовъ бытія неугомоннаго сердца. Богатый его поэтический языкъ становится послушнымъ орудіемъ для произнесенія то ибжныхъ упрековъ и унижительныхъ просьбъ, то съ неумолимою строгостью расточаетъ вѣщія проклятія. Вся философія поэзіи кн. А. Чавчавадзе сводится къ торжеству сердца надъ разумомъ. Въ стихотвореніи, исполненномъ обаятельной прелести и представляющимъ вариацию на слова Пушкина „любви всѣ возрасты покорны“, грузинскій поэтъ значительно расширяетъ воздѣйствіе властной силы любви, подводя въ ея сферу вліянія не только міръ разумныхъ существъ, но все живущее, одухотворенное: „кто ей не ставитъ сердце треномъ, покорной дани не принесть,—самъ царь лишь рабъ своей рабыни, мудрецъ безчиномъ пораженъ и соловей любовь врачуя, розѣ пѣсни запоеть. Ея законъ—законъ всеобщій: тронъ царидѣ самовластной всегда готовъ въ людскихъ сердцахъ,—она источникъ страданій, но въ ней и счастье и страсть“. И такъ любовь основной законъ и душа поэзіи. Но безъ страданія нѣтъ любви, а безъ любви нѣтъ жизни духа. Другими словами *любовь и страданіе*—синонимы жизни, слѣдовательно, и поэзіи, потому что поэзія тамъ, гдѣ есть жизнь. Лозунгъ творчества грузинскаго поэта—любовь и страданіе—односторонній, замкнутый чисто, личнаго свойства: любовь къ природѣ и красотѣ не полна безъ любви къ человѣчеству. Его муза—скорбящая, страдающая. Ея страданіе—результатъ любви и неизбѣжный ея спутникъ. „О Боже, Боже! Не Ты-ль вѣщаль, когда мнѣ далъ живую душу: *любить-страдать - страдать и жить*—одно и тоже“, говоритъ ветеранъ русской поэзіи Я. П. Полонскій.

Упоеніе красотой и грустное раздумье, наслажденіе жизнью и муки тревожнаго духа, добрые призывы одинаково возбуждаютъ въ кн. А. Чавчавадзе возвышенный лирический тонъ. „Не мните быть сильными, —говоритъ онъ въ одномъ еще нынѣ распѣваемомъ романсѣ,—и я былъ гордъ, блѣдный взоръ—рабъ *красы*—былъ мнѣ непонятенъ; узрѣлъ тебя, и въ мигъ одинъ любовью и тоскою я окованъ“. Въ присутствіи возлюбленной и въ восторженномъ ея созерцаніи, онъ испытываетъ подъемъ духа и сладость жизни. „Пока любимъ, къ нему съ небесъ спѣшатъ съ отрадой и геній чистой красоты и вѣтерокъ—ея дыханіе—блаженствомъ страсти напоить. Звѣзды съ неба сіютъ радостно надъ нимъ и чуютъ тонкій ароматъ отъ ибжныхъ розъ и томныхъ лилій. И шепчетъ муза въ честь ея огнемъ исполненная хорами и внемлетъ онъ въ восторгѣ полною ибнопѣніямъ животворнымъ. Звѣзды ужъ нѣтъ, она

запла и вмѣстѣ съ нею исчезло все—спокойствіе, блаженство и любовь. Душа объята горькимъ стономъ и видѣніями сладкихъ сновъ.

Роза и соловей, лилія и фіалка, солнце и луна, легкій зефиръ и утренняя заря, рубинъ и жемчугъ, кипарисъ и пальма, хрусталь и гишерь—вотъ тѣ обычные сравненія и параллели, которыми отличаются стихотворенія кн. А. Чавчавадзе. Эта параллель лишь передвижная выставка, давно установившаяся въ технику народныхъ пѣсень. Обращаясь къ высшимъ явленіямъ въ интересахъ нагляднаго толкованія страданій ревниваго сердца, кн. А. Чавчавадзе не выступалъ изъ предѣловъ индивидуальныхъ ощущеній. Онъ игнорируетъ наиболѣе цѣнное приобретение современной лирики со временъ Байрона—крайнее развитіе чувства природы. Только два его стихотворенія „Кавказъ“ и „Весна“ отражаютъ реальныя черты картины и соотношенія человѣка съ природой.

Для романтиковъ пейзажъ представлялъ симметричныя или безразличныя рамки меланхолической души, волновать воспоминаніями о происходившихъ среди нихъ душевныхъ событіяхъ. „У парнасцевъ, любившихъ пластическую красоту, идея царитъ гдѣ-то вѣдъ, далекая, холодная, и настроеніе скрывается за высшимъ обликомъ предметовъ“. Въ поэзіи нашихъ дней замѣтно болѣе единеніе съ высшимъ міромъ. Въ творествѣ кн. А. Чавчавадзе, отражающемъ мечты идилликовъ, природа служитъ декорацией и воспроизведеніемъ волненій душевной жизни: высшій міръ ему улыбается, если милая на его сторонѣ,—все погружается въ мракъ, когда ее умчала судьба въ дальнюю сторону. Ночная тьма напоминаетъ ему гишеровые ея волосы, молнія въ небесахъ—сіяніе ея хрустально чистаго лика, дуновеніе вѣтерка—ея сладкое дыханіе. Крайне индивидуализмъ и развитіе романтическихъ идеаловъ составляютъ кардинальную нотку, издаваемую его эротической лирой. Однимъ изъ симпатичныхъ звуковъ его лирики слышится утонченное чувство, углубляющееся въ событія внутренняго міра и царящее въ идеальныхъ мечтаніяхъ. Неудачи въ любви становятся для него мучительной трагедіей. Онъ пытается утопить тревоги сердца въ безумныхъ оргіяхъ и искрахъ ибнящагося вина. Въ стихахъ посвященныхъ анализу сердечныхъ волненій, при всей односторонности его, нельзя не признать ихъ пластической красоты, раскрывающихъ въ пламенныхъ краскахъ таинственный и заманчивыи міръ жгучихъ и сладкихъ ощущеній, атмосферы любви, культъ опьяняющихъ наслажденій. „Пѣсни страсти“, вызывающія о веселіи и любви, составляютъ истинное украшеніе его лиры, рельефно выдѣляясь наряду съ схоластическими упражненіями о различныхъ запросахъ досузей фантазіи. Яркимъ образомъ, характеризующимъ его направленіе, служитъ „Застольная пѣсня“, отражающая нѣкоторое сходство съ сюжетомъ стихотворенія Пушкина „Добрый совѣтъ“. Пѣсня кн. А. Чавчавадзе, два раза переведенная на русскій языкъ—Евлаховымъ и Тхоржевскимъ—продолжаетъ въ теченіе 60 лѣтъ оставаться „Застольной“ при безконечно длинныхъ и забавныхъ пирушкахъ веселыхъ грузинъ.

За здравіе всёхъ насъ, кутить!
 Нашъ праздникъ теперь наступилъ!
 Въ давилнѣ—осенній божокъ—въ права свои
 Бахусъ вступилъ.

Вотъ первая энергично и дружно подхватываемая всеми присутствующими строфа „Пѣсни“ грузинскаго поэта. Полное пренебреженіе къ суровымъ условіямъ дѣйствительности внушается только бурными парами вина.

Пусть будетъ зима холодна,
 Пусть галокъ морозить она,
 Коль бродитъ вино въ головахъ—Суровость
 зимы не страшна.

Добродушный юморъ, сопровождающій разгульную пѣсню, поднимаетъ веселое настроеніе пирующихъ: „Пусть жажду вино утолитъ; самъ батюшка пить разрѣшитъ; потопъ доказалъ, что вода для тѣхъ создана, кто грѣшитъ! Какъ только изволилъ самъ Ной отвѣдать сокъ, данный лозой, онъ слабость къ вину возымѣлъ, оставивъ скотамъ водопой“. Воинственный духъ переплетается съ легкой насмѣшкой надъ мудростваніями и неудержимой страстью къ бурнымъ порывамъ.

Давайте же, ребята, кутнемъ!
 Вино, какъ врага разобьемъ!...
 Оно обратится намъ въ кровь, а кровь ту въ
 бою мы прольемъ!

Какъ только война закипитъ, всёмъ трезвымъ гибель грозитъ; а пьяный—въ задорѣ своемъ умереть или врага побѣдить! Не мудрствуй лукаво, мудрецъ, иль будешь плохой ты боецъ: ты духъ свой убьешь на войнѣ, предвидя печальный конецъ!... Попрячемъ книги въ карманъ; научить насъ лучше стаканъ; о смерти твердить—кто ученъ, побѣдой бредить—кто пьянъ. Эй, докторъ прими мой совѣтъ: когда излѣченія нѣтъ, вино помогаетъ и тамъ, гдѣ твой бесполезенъ ланцетъ. Святыни должны подтвердить, что долгъ христіанскій—кутить: вино Магометъ запретилъ, на зло ему будемте пить. Восторгъ наслажденій земныхъ не купитъ за горсть золотыхъ: есть много богатыхъ людей,—а есть ли въ томъ польза для нихъ! Такъ лучше же мы за виномъ, пируя, всю жизнь проведемъ: на днѣ мы кувшина съ виномъ веселье навѣрно найдемъ! Весною въ честь радужныхъ грезъ, приобгнемъ мы къ соку изъ лозы, и пусть соловей лишь одинъ ухнетъ дыханіемъ розъ! Но тотъ покоряетъ сердца, кто только груститъ безъ конца... А вслушайтесь въ пѣснь молодца, который отвѣдалъ вина!...

Всѣхъ лѣтомъ томить здѣсь жара,
 И даже почная пора
 Прохлады и сна не даетъ; а пьяные—спять до
 утра!...

Таковъ легкокрылый и художественный юморъ кн. А. Чавчавадзе, къ которому примкнули впоследствии весьма видные грузинскіе поэты. Но притягательная сила въ творчествѣ нынѣ забываемаго пѣвца любви заключается въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя посвящены женщинѣ этимъ безупречнымъ рыцаремъ, плѣняющимъ насъ прозрачной чистотой души. Нѣтъ въ грузинской поэзіи другого писателя, который такъ много удѣлилъ бы женщинѣ чувствъ, разсудка, теплоты, вниманія, ласки, участія, для котораго женщина была бы сіяніемъ, наградою, счастьемъ, жизнью. Все, что было у музы кн. А. Чавчавадзе,—подобно пылкому Гейне,—самаго чистаго и святаго, сокровеннаго и глубокаго, жизнерадостнаго и грустнаго, скептическаго и великодушнаго—все посвящено имъ женщинѣ, тоскѣ по ней, сомнѣніями въ ней, мечтами о ней. Мирозозрѣніе его проникнуто пессимизмомъ предъ неразгаданными тайнами бытія, жизнь человѣческая „не представляетъ ничего ни утѣшительнаго и надежнаго; неумолима кровожадная смерть все поглощаетъ она летаетъ незримо, заложивъ уши, острымъ мечемъ въ рукахъ не внимая слезамъ рыдающихъ“, говоритъ поэтъ въ надгробной эпитафій одной дѣвушки.

Міръ обхатъ противорѣчіями и борьбой добра со зломъ, сознаніе общественнаго долга меркнетъ при господствѣ личныхъ интересовъ и мелочной вражды. Такова идея его стихотворенія „Горе міру!“.

Горе міру и въ мірѣ живущимъ,
 Зломъ и любовью все въ мірѣ гнетущимъ;
 Горе тѣмъ, что добро уничтожить хотять;
 Горе всёмъ, въ край изъ края несущимъ
 Притѣсеніе, грабежъ и захватъ!

Чувство властное злобы ихъ мучать,
 Клеветать чувство зависти учить...
 Грабятъ тѣ, кто грабительствомъ, братья, богатъ,
 И такимъ богачамъ не наскучилъ
 Притѣсеніе, грабежъ и захватъ.

Государства воюютъ другъ съ другомъ,
 Губятъ пахарей, шедшихъ за плугомъ,
 Расцвѣтаютъ—и вѣчно сосѣдямъ грозятъ;
 Противъ слабыхъ всегда къ ихъ услугамъ
 Притѣсеніе, грабежъ и захватъ.

Ловить сила добычу съ улыбкой
 И глумится надъ пойманной рыбой,—
 Сердца каждый цвѣтокъ грубой силой измятъ,
 Добродѣтель считаютъ „ошибкой“
 Притѣсеніе, грабежъ и захватъ!

Но не вѣчно царить побѣдитель!
 День придетъ,—разорится грабитель,
 Побѣжденные грозно ему отомстятъ;
 Испытаетъ и самъ притѣснитель
 Притѣсненіе, грабежъ и захватъ!

Личной выгодой поцрано братство,
 Нипочемъ для людей святотатство:
 Нападаетъ на брата съ оружіемъ братъ.
 Льется кровь—созидаютъ богатство
 Притѣсненіе, грабежъ и захватъ!

Мы завидуемъ сильнымъ въ ихъ долѣ;
 Но они—у величья въ неволѣ:
 Ихъ мечты о владѣніяхъ новыхъ томятъ...
 Все имъ грезится бранное поле,
 Притѣсненіе, грабежъ и захватъ!

И вокругъ сильныхъ міра вельможи
 Ради выгоды лѣзутъ изъ кожи,—
 Вырвать лучшей кусокъ другъ у друга спѣшатъ...
 Въ ихъ кругу на забаву похожи
 Притѣсненіе, грабежъ и захватъ!

Всѣхъ, кто чуждъ къ бѣднякамъ сожалѣнія,
 Всѣхъ, кто вноситъ въ ихъ жизнь огорченія,
 Всѣхъ васъ въ рабство рабы же потомъ обратятъ—
 И ужъ въ насъ не спасутъ отъ ихъ мщенья
 Притѣсненіе, грабежъ и захватъ!

Выше были приведены образцы, характеризующіе его радужную фантазію, неисполненную романтическихъ грезъ и заразительнаго обаянія. Талантъ его сверкаетъ только въ этихъ лирическихъ изліяніяхъ. Но образъ его блекнетъ въ тѣхъ произведеніяхъ, которые не отвѣчаютъ настроенію „печального и блѣднаго поэта“. Его переводы, съ Вольтера, Лафонтена (Пушкина, Анчаръ, Мечты, гдѣ ваша сладость!) не сверкаютъ обычными искрами легкости и теплоты. Тяжеловѣснымъ языкомъ передана классическая пьеса Корнеля „Сидъ“, набранная для журнала „Пверія“ въ 1885 г., но по какой-то странной причинѣ не попавшая въ печать. Не удалась ему обработка народной легенды о происхожденіи различныхъ болѣзней, виновникомъ которыхъ является сатана, выброшенный на землю изъ пѣдръ тартара замурованный сундукъ со всевозможными человѣческими недугами. Обаятельную прелесть пріобрѣтаетъ его стиль въ маленькихъ, выразительныхъ афоризмахъ, суммирующихъ смѣняющіеся настроенія и взгляды поэта. „Дерево горькое всегда оста-

нется горькимъ, если даже небесный духъ пересадитъ его въ эдемъ, окружитъ благовоннымъ бальзамомъ и польетъ священной водой блестящаго Тигра“. Этого восточный фатумъ имѣетъ неотразимую силу въ сферѣ прихотливыхъ увлеченій, „гдѣ ни мудрость, ни трезвый умъ не могутъ наложить узды порывомъ молодости и любви“. Идеальность и возвышенность пониманія кн. А. Чавчавадзе романтическихъ идей можетъ быть формулирована словами, обращенными имъ къ возлюбленной: „О милая—предметъ неотвязныхъ сладкихъ грезъ въ душѣ моей царитъ твой волшебный образъ; жизнь врозь съ тобою—недугъ тяжелый, предвѣстникъ скорби неизбежной“. Въ этихъ словахъ слышится воздѣйствіе великаго поэта XII в. III Руставели. „Есть секретъ любви свободы—пусть любовь есть тайна двухъ! Тайная чудная природа, гдѣ царитъ надъ плотью духъ“...

Князь Александръ Орбелиани.

Кн. Александръ Орбелиани (род. въ 1801 г., ум. въ 1869 г.) былъ внукъ царя Ираклія II, сынъ его дочери царицы Оеклы, любительницы грузинской старины и поэзіи. По окончаніи ученія въ тифлисскомъ благородномъ училищѣ, поступилъ онъ въ военное училище (С.-Петербургъ), но скорѣй вернулся по болѣзни на родину. Въ 1832 г. за участіе въ заговорѣ противъ русскихъ властей отправленъ во внутреннія губерніи Россіи, гдѣ началъ военную службу и продолжалъ ее впоследствии въ Грузіи съ 1841. Скорѣй онъ оставилъ служебную карьеру и занялся самообразованіемъ. Въ Тифлисѣ онъ сталъ принимать живое участіе съ 1857 по 1869 г. въ журналѣ „Цискари“, въ которомъ помѣщалъ самыя разнообразныя произведенія своего пера. Въ свое время онъ обратилъ на себя вниманіе не столько историческими драмами „Давидъ Возобновитель“ (напис. 1846 г.) и „Эпоха Ираклія I“ (изд. З. Чичинадзе), въ которомъ образъ монаха Серафима списанъ съ инока Филадельфа, участника въ заговорѣ дворянъ 1832 г., сколько критическими статьями и историческими очерками, въ которыхъ идеализировалъ строй древне-грузинской жизни. Въ одинъ и тотъ-же 1859 годъ въ журн. „Цискари“ появилась повѣсть Чонкадзе „Сурамская крѣпость“, въ которой впервые излюбилось жестокое отношеніе помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и статья о крѣпостномъ правѣ кн. А. Орбелиани, въ изображеніи котораго это иго превращалось онъ въ пѣжное попеченіе помѣщиковъ о беззащитныхъ крестьянахъ, платившихъ своимъ господамъ теплою привязанностью. Восторжено отзывался о предкахъ своихъ Орбелиани, родъ которыхъ, слѣдуя армянскимъ источникамъ, велъ онъ изъ отдаленнаго Китая, въ розовыхъ краскахъ рисовалъ (статья Грузины въ прежнее время) соединеніе тройственныхъ силъ, спасшихъ Грузію отъ поглощенія жестокими сосѣдами: религіозная ревность, преданность родинѣ и прошлая слава. Въ этихъ статьяхъ больше публицистики, чѣмъ научнаго безпристрастія, патріотическое чувство

окрашиваетъ въ самоцвѣтные камни даже темныя событія изъ минувшей старины. Жестокая расправа Ираклія съ заговорщиками противъ его особы не вызываетъ въ панегирикѣ этого царя, прославившагося въ Аспиндзской битвѣ, ни одного упрека. Большую этнографическую цѣнность представляютъ его указанія на грузинское народное пѣніе и виды пѣсенъ, сопровождающихъ полевые работы и домашніе занята. Критическія статьи (разборъ повѣсть Г. Рчеулова „Лимоны вдовы“) обнаруживаютъ въ немъ человѣка начитаннаго въ исторіи, стариннаго книжника, способнаго вскрыть фактическіе промахи беллетриста, касающіеся царя Ираклія и его сподвижниковъ. Но его стихотворенія лишены самыхъ элементарныхъ требованій грузинскихъ просодіи. Грузинскій силлабическій стихъ не позволяетъ произвольно соединять въ одномъ произведеніи слоги, начиная отъ 8, 11 и 13 14, 16, 17-ымъ, какъ дѣлаетъ онъ въ ст. „Кавказская цѣпь съ горы Машука“, оно лишено не только художественности описанія, но и грамматической правильности. Лучшимъ произведеніемъ его творчества должны быть признаны „Весна въ Грузіи“, Соловей“. Ему-же при надлежитъ повѣсть „Невинная кровь“. Въ разныхъ статьяхъ касался онъ вопросовъ о грузинскомъ языкѣ, общественныхъ событіяхъ, пѣніи, знакомилъ читателей съ историческими данными о заговорѣ при царѣ Иракліи, объ аспиндзскомъ боѣ (въ журн. Моамба за 1869 г.) и вообще объ эпохѣ царя Ираклія.

Эпоха Воронцова.

(Первый груз. журналъ и начало театра.)

Кратковременность пребыванія во главѣ управленія краемъ гр. Гудовича (1806—1809), ген. Тормасова (1809—1811), маркизъ Паулуччи (1811—1812), ген. Ртищева (1812—1816), ген. Ермолова (1816—1827), гр. Паскевича Эриванскаго (1827—1831), бар. Розена (1831—1837), ген. Головина (1831—1842), ген. Нейдгардтъ (1842—1844), при томъ въ эпоху напряженныхъ войнъ съ Персіей, Турціей, татарскими ханствами и лезгинами, не давала нужнаго досуга для мирной дѣятельности и знакомства съ племенами, столь разнообразными по своему происхожденію, языку, быту, вѣрованіямъ и правамъ. Лишь съ М. С. Воронцова начинается новая эра въ жизни Кавказа.

Назначенный первымъ намѣстникомъ Кавказа съ особыми полномочіями М. С. Воронцовъ вступилъ въ управленіе краемъ въ то время, когда по настояніемъ главноуправляющаго Головина и сенатора Гана Закавказье получило болѣе или менѣе опредѣленное административное устройство, по своимъ формамъ тождественное съ администраціей губерній и областей центральной Россіи. Воронцовъ не призналъ дѣленія Закавказья по проекту Гана на Грузино-Имеретискую губернію и Каспійскую соответствующимъ этнографическимъ и географическимъ особенностямъ края, и по его представленію Закавказье было подраздѣлено на губерніи Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую, Дербентскую и Эриван-

скую, что возвысило стоимость администраціи на 273, 195 р. Въ видахъ поднятія культуры Грузіи преобразованы тифлискій приказъ общественнаго признанія, организовано управленіе, наблюдающее за торговлей горами, учреждена должность управляющаго медицинскою частью образованъ независимый учебный округъ и открыты стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для кавказскихъ воспитанниковъ. Раскритикъ государя на имя Воронцова обратилъ вниманіе на гражданскіе дѣла въ краѣ и умалчивалъ о продолжающейся упорной борьбѣ съ Шамилемъ Кн. Воронцовъ изыскивалъ радикальныя средства разбудить край и влить въ обветшавшій организмъ новыя вѣянія европейской цивилизаціи. Это средство онъ прежде всего примѣнилъ къ грузинскому дворянству, которое, познакомившись съ удобствами жизни культурнаго человѣка, долженъ былъ являться дѣйствительнымъ проводникомъ просвѣщенія для остальной массы. Намѣстникъ вѣрилъ въ непреложность своей системы, и для ея выполненія рѣшилъ, что мѣстное дворянство, изъ политическихъ соображеній, должно занимать высшее служебное положеніе, обезпечиваемое приличнымъ содержаніемъ. Эта политика имѣла свою отрицательную сторону. Грузинскіе князья перестали заботиться о своемъ хозяйствѣ, уповавъ на казну; имѣнія ихъ приходили въ упадокъ и обременялись частными и казенными долгами и потому часто переходили и въ чужія руки.¹⁾

Воронцовъ заставлялъ дворянство усваивать европейскія привычки къ жизни. Въ этихъ видахъ онъ отдѣльно принималъ у себя вліятельныхъ грузинскихъ князей и въ свою очередь не отказывался посѣщать ихъ. Это имѣло свои результаты: князья и дворяне Грузіи начали быстро усваивать вѣншую сторону цивилизаціи, патриархальная простота жизни скоро уступила мѣсто безумной роскоши, на удовлетвореніе которой требовались большія суммы денегъ. Жажда денегъ заставила дворянъ подумать о возможности извлечь нужныя средства изъ своихъ имѣній, лежавшихъ пока втунѣ. Но начать сельско-хозяйственное дѣло мѣстные помѣщики за неимѣніемъ кредита не могли и въ краѣ созданъ былъ, преимущественно для нуждъ дворянства, особый приказъ общественнаго призрѣнія, снабжавшій дворянъ денежными ссудами. Въ то время земли помѣщиковъ не были размежеваны и кредитное установленіе не знало, подъ залогъ какого имѣнія выдавало оно ссуду. Дворянство не торопилось вносить въ приказъ срочные платежи. Возникла безконечная переписка о продажѣ имѣній за долгъ приказу. Недоимки, впрочемъ, по ходатайству пропались или расстроивались.

Грузинская аристократія, эти лэндъ-лорды, добывая деньги путемъ государственной службы и займа въ приказѣ общественнаго призрѣнія, помѣнію Воронцова, должны были обратиться къ рациональному сельскому хозяйству, но надежды его не оправдались. Торговля сосредоточилась въ рукахъ армянъ. Установленіемъ закавказскаго транзита онъ

¹⁾ Кавказъ и кавказскіе намѣстники, В. Евр., февраль, 1906 г., ст. Н. Г. Макиевскаго-Зубка.

оказалъ лишь поддержку ихъ обогащенію. Въ интересахъ промышленности онъ учредилъ спеціальнѣйшій коммерческій судъ; изъялъ изъ обращенія грузинскую и татарскую монеты, купивъ этотъ бракъ по номинальной стоимости. Для насажденія утонченныхъ вкусовъ построилъ въ Тифлисѣ театръ, въ которомъ играла русская и грузинская драматическая труппа. Въ разгаръ кавказской войны съ горцами Воронцовъ положилъ основы для всесторонняго духовнаго развитія грузинъ. Имя его въ сердцахъ грузинъ окружено ореоломъ гуманности и любви. Грузинскіе поэты увѣковѣчили его память въ стихахъ, полныхъ искренней признательности. Таковъ „Разсказъ бабушки“ кн. А. Церетели.¹⁾

Съ эпохой кн. Воронцова связано возникновеніе грузинскаго театра, изданіе памятниковъ грузинской письменности и журнала „Дискари“.

Грузинскій театръ (1850—1895).

(Кн. Эристовъ и З. Антоновъ).

Театральныя представленія въ Грузіи начались съ 1790 г. при царѣ Иракліи II въ Тифлисѣ, и именовались „сахисметквелеба“ („лицедейство“). Давидъ Чолакашвили, лирикъ и драматургъ, въ 1795 г. передѣлалъ для развлечения царя Иракліи II Ифигенію Расина²⁾ Спектакли устраивались сначала въ домѣ Месхивыхъ, потомъ у Орбелиани и Меликовыхъ. Въ то же время представленія давались въ г. Телавѣ. Молодые грузины, возвращавшіеся изъ Россіи, послѣ сближенія съ нею Грузіи при Иракліи II, приносили плоды образованія и распространяли литературныя произведенія. Въ числѣ молодыхъ грузинъ, получившихъ образованіе въ Россіи, были царевичъ Давидъ, Е. Туркестановъ, Давидъ Авалишвили, Іоаннъ Орбелиани и они явились „культуртрегерами“ въ Грузіи. Царевичи были знакомы съ сочиненіями Вольтера, Бомарше, Лессинга. Одинъ изъ нихъ перевелъ Вольтера, другой Руссо, третій Монтескье. Они первые вздумали устроить театръ и приступили къ переводамъ пьесъ; имъ-же принадлежатъ первыя оригинальныя драматическія произведенія: въ 1791 г. кн. Аваловъ написалъ драму „Царь Теймуразъ“ и перевелъ комедію Сумарокова „Рогоносецъ по воображенію“ („Ркисматаребели“). Драма эта была дана три раза въ 1791 году. Перевели въ 1791 г. „Деда ракиши каласа“, комедію въ 3 дѣйствіяхъ, представленную въ 1792 г. Авалишвили тогда же написалъ комедію въ 2 дѣйствіяхъ изъ грузинской жизни „Бесѣда мертвецовъ“. Въ числѣ артистовъ выступали царевичъ Давидъ, Туркестановъ, Томазь Андрониковъ, дочери царя Иракліи и Георгія и княжны Аваловы (Дрозба 1879. *Иверія* 1885. IV. ст. К. Кипіани „Значеніе театра“).

Лицо, извѣстное подъ именемъ маіора Гавриила, по возвращеніи въ XVIII в. въ Грузію изъ Россіи, сталъ устраивать спектакли, по словамъ

¹⁾ Собр. стих. Кн. А. Церетели, т. II, стр. 156—9.

²⁾ Напечатано у А. А. Цагарели въ Свѣдѣніяхъ о памяти груз. письменности, вып. III. СПб. 1894.

Н. Берзенова, на которыхъ разыгрывались сцены изъ ветхато завѣта; на сохранившихся для входа (цѣна 10 коп.) въ театръ билетахъ имѣется надпись въ стихахъ: „шаури ори—Гавриель маіори“, въ стихахъ потому, что XVIII в. любилъ прибѣгать къ стихотворной формѣ даже въ ученыхъ изложеніяхъ; такъ излагали въ стихахъ философію Вольфа, грузинскую грамматику (Давидъ ректоръ), библейскую исторію и пр. Въ XVIII в. переводчикомъ пьесъ на грузинскій языкъ былъ Авалишвили, за нимъ слѣдуетъ въ началѣ XIX в. А. Чавчадзе, перелагавшій французскія трагедіи.

Вліяніе Г. Эристова отразилось на послѣдующемъ ходѣ развитія грузинской драмы, и недавно появившееся произведеніе Лазарешвили *Марвали* (Тирапъ) не чуждо воздѣйствія отца грузинскаго театра.

Исторія грузинскаго театра въ XIX в. тѣсно связана съ судьбой основанія и укрѣпленія русской сцены въ Тифлисѣ.—Поворотнымъ моментомъ въ жизни Грузіи по справедливости считается назначеніе графа Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ (27-го декабря 1844 года). На пятый же день по приѣздѣ новаго начальника края въ Тифлисъ, по докладу губернатора, генерала Сотникова, были приняты мѣры къ устройству спектаклей въ манежѣ, впослѣдствіи обращенномъ въ конюшню намѣстника кавказскаго. Одновременно съ устройствомъ временной сцены въ манежѣ, графъ Воронцовъ, возведенный въ 1852 году въ княжеское достоинство, заботился объ основаніи самостоятельнаго театрального зданія въ Тифлисѣ. Мысль эту намѣстникъ желалъ осуществить на средства частныхъ лицъ, тифлисскихъ горожанъ, изъ которыхъ почетный гражданинъ Гаврииль Тамамшевъ предложилъ выстроить на Эриванской площади, по утвержденному плану, каменное зданіе для театра и лавокъ съ тѣмъ, чтобы какъ земля, такъ и самое зданіе, по окончаніи постройки, поступили въ вѣчное и потомственное его владѣніе и чтобы городъ имѣлъ право пользоваться театромъ навсегда бесплатно. Тамамшевъ обязывался выстроить зданіе въ теченіе 3-хъ лѣтъ, съ 28 октября 1846 года. Но лишь 12 апрѣля 1851 года былъ открытъ новый театръ, притомъ не драматическимъ представленіемъ, а маскараднымъ баломъ. Театръ этотъ просуществовалъ 23 года и погибъ во время пожара въ 1874 году. Извѣстный литераторъ графъ В. А. Соллогубъ, назначенный въ 1851 году княземъ Воронцовымъ директоромъ тифлискаго театра по сценической репертуарной части, посвятилъ любопытную статью открытію театра „въ Грузіи, на востокѣ, гдѣ при недавнемъ затворничествѣ женщинъ и кочующей жизни мужчинъ“ драматическое искусство являлось небывалымъ событіемъ. Угадавъ просвѣтительную мысль князя Воронцова, графъ Соллогубъ проектировалъ организовать для новооткрытаго театра 3 труппы: 1) русскую драматическую, 2) итальянскую оперную и 3) грузинскую драматическую.

Театральный сезонъ 1852—53 года начался 31-го августа 1852 года представленіями русской и грузинской труппъ, тогда какъ открытіе итальянской оперы воспослѣдовало во второй половинѣ ноября. Газета

„Кавказъ“, говоря о состояніи тогдашняго театра, жалуется, что „русскія представленія вообще, какъ и грузинскія въ особенности, мало какъ-то привлекаютъ публики, особенно туземной, непривыкшей видѣть въ театральныхъ представленіяхъ удовольствій, приятныхъ и полезныхъ“. Между тѣмъ къ удовольствіямъ сценическаго искусства грузинское общество подготовлялось въ теченіе 30 лѣтъ до открытія постоянного театра. Пребываніе А. С. Грибоѣдова въ Тифлисѣ и сближеніе его, черезъ вступленіе въ бракъ съ дочерью грузинскаго поэта князя Александра Чавчавадзе, съ высшимъ кругомъ мѣстнаго дворянства, вызвало домашніе спектакли при генералѣ Ермоловѣ, гдѣ давались разныя пьесы, и въ числѣ ихъ „Горе отъ ума“, распространившееся въ средѣ грузинскихъ помѣщиковъ гораздо раньше, чѣмъ во многихъ большихъ городахъ Россіи. При князѣ Воронцовѣ продолжались домашніе спектакли частью въ манежѣ, частью же на маленькой сценѣ тифлисской дворянской гимназіи. На этихъ спектакляхъ впервые зародилась мысль создать и сыграть пьесу на грузинскомъ языкѣ изъ туземной жизни. Въ бесѣдахъ на эту тему князю Воронцову доложили, что по рукамъ ходитъ извѣстная многимъ интеллигентнымъ грузинамъ комедія изъ жизни грузинскихъ помѣщиковъ, написанная княземъ Георгіемъ Эристовымъ. Молодой драматургъ, предъ тѣмъ вернувшійся изъ ссылки въ Польшу въ свое имѣніе (село Хидистави, близъ города Гори), поспѣшно былъ вызванъ къ намѣстнику. Онъ представился князю Воронцову и поднесъ ему свою пьесу на грузинскомъ языкѣ—*Гакра* („Раздѣлъ“). По желанію князя, немедленно были распределены роли изъ комедіи, и 2-го января 1850 г. на сценѣ тифлисской (нынѣ I) гимназіи была представлена комедія „Гакра“ въ 4 дѣйствіяхъ*. Спектакль прошелъ блестящимъ образомъ, и самъ кн. Воронцовъ усердно ашлодировалъ, въ особенности самому автору, съ замѣчательнымъ успѣхомъ сыгравшему роль армянина Микиртума. Черезъ пять мѣсяцевъ была представлена въ манежномъ театрѣ тѣми же благородными любителями грузинской сцены новая пьеса кн. Г. Д. Эристова—*Дава* („Тяжба“). Обѣ эти комедіи посвящены одному и тому же вопросу: въ *Раздѣлѣ* яблокомъ раздора является родовое имѣніе, а въ *Тяжбѣ*—спорное. Второе произведеніе грузинскаго драматурга представляется болѣе зрѣлымъ созданіемъ: завязка и развязка драмы не страдаютъ излишними сценами, сравнительно съ комедіей *Раздѣлъ*. Дѣйствующія лица изъ *Тяжбы* Бегларъ и Михайль, получившіе образованіе въ Петербургѣ, являются въ Грузіи родоначальниками молодого поколѣнія, которое открываетъ непримиримую борьбу съ „отцами“.

Первые шаги грузинской сцены были встрѣчены весьма сочувственно тогдашними рецензентами. Въ газ. „Кавказъ“, отъ 5 января 1851 г. читаемъ слѣд. лестную замѣтку: „Въ первый день второй половины те-

* Въ книжкѣ „Театръ въ Тифлисѣ“ пьеса названа комедіей въ 3 дѣйствіяхъ, согласно съ афишей, появившейся 2-го января 1850 года на грузинскомъ языкѣ.

кущаго столѣтія на сценѣ тифлискаго театра была разыграна комедія кн. Эристова „Раздѣлъ“. Игнали грузинскіе актеры на грузинскомъ языкѣ, игнали пьесу, написанную грузиномъ; комедія явилась во время, она попала, такъ сказать, въ тактъ. Посѣяно сѣмя, которое со временемъ принесетъ цвѣты и плодъ“...

„День появленія комедіи „Раздѣлъ“ на сценѣ— 2-го января,—говорить Я. П. Полонскій въ „Закавказскомъ Вѣстникѣ“ (1851—52),—смѣло можно назвать днемъ творенія, началомъ истинно-грузинской литературы, благодатнымъ вѣстникомъ, что царство хаоса въ литературѣ миновало, что наступило время, когда могутъ больше и больше возрастать науки, процвѣтать искусства“...

Послѣ первыхъ двухъ опытовъ укрѣпилась твердая увѣренность въ возможности имѣть постоянную грузинскую сцену. Оставалось создать грузинскую труппу актеровъ и актрисъ. Кн. Воронцовъ возложилъ на назначеннаго при себѣ чиновникомъ особыхъ порученій кн. Г. Д. Эристова заботы по сформированію грузинской труппы, а дирекціи тифлискаго театра предписалъ отпускать по 4000 рублей въ годъ на уплату жалованья грузинскимъ артистамъ.

Первый грузинскій драматургъ, такимъ образомъ, оказался и первымъ директоромъ грузинской труппы. Организовать эту послѣднюю требовало много такта, ловкости и терпѣливой воли, при патріархальныхъ взглядахъ общества на сценическую дѣятельность. Нелегкой представлялась эта задача самому „грузинскому Мольеру“, какъ называлъ кн. Эристова кавказскій намѣстникъ при его представленіи Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. Много труда стоило единственному автору единственныхъ грузинскихъ комедій внушить мысль, что быть актеромъ не значило быть окончательно презрѣннымъ человѣкомъ. Пришлось прибѣгнуть къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы грузинку*) изъ провинціи,—закрывающую лицо свое при встрѣчѣ съ каждымъ мужчиной, понудить добровольно учиться учить роли и, наконецъ, уговорить явиться предъ многочисленной публикой.

На первыхъ порахъ грузинская сцена поддерживалась пьесами одного кн. Эристова, который писалъ, ставилъ и училъ актеровъ. Помимо самого автора, отличившагося въ роли Микиртума, въ качестве актера, изъ его молодой труппы выдѣлились: Рчеуловъ въ оригинальномъ обликѣ „армянскаго торговца“ и Джапаридзе въ роли князя Павла въ комедіи *Раздѣлъ*. За первыми двумя комедіями кн. Эристовъ написалъ новыя пьесы *Дзунци* („Скупой“), сыгранную 18 января, и *Коммисаръ замѣстнаго города*, поставленную 4 февраля 1851 года. На помощь трудолюбивому драматургу явился новый авторъ, И. И. Кереселидзе, доставившій ему переводъ пьесы *Заколдованный Принцъ*. Репертуаръ

*) Въ особенности трудно было организовать женскій персоналъ. Будущихъ артистокъ сманили въ труппу, обнадеживъ ихъ будущей перспективой легкаго выхода замужъ при покровительствѣ кн. Воронцова.

представляемых на сценѣ комедій непрерывно расширялся—кн. Эристовъ нашелъ себѣ достаточно воспримчивыхъ подражателей, которые, бросивъ обычное писаніе стиховъ, обратились къ драматическому искусству. Поступившіе къ осени 1851 года въ составъ грузинской труппы Антоновъ, Мейнариани (авторъ пьесы „Кмреби гавабитъ махешн“) и Джапаридзе оказались не только отличными актерами, но и драматическими писателями. Сталъ писать и передѣлывать пьесы и Двападзе*), оставившій намъ свою автобіографію въ стихотворной формѣ. Изъ этихъ писателей въ совершенно чуждой области первое мѣсто занялъ умный и старательный сценическій дѣятель Захарій Антоновъ, житель гор. Гори. 4 ноября 1851 г. ставилась уже его пьеса „Я хочу быть княгиней“, а 15 числа того же мѣсяца была дана новая пяти-актная комедія „Мужъ пяти женъ“. Если къ этимъ произведеніямъ присоединить еще комедію кн. Эристова „Заколдованный ханъ“, то не представится преувеличеннымъ уже мнѣніе театральнаго рецензента кн. М. Туманова („Кавказъ“ 1851 г. № 10, 11), что кн. Эристовъ сумѣлъ пробиться сквозь тьму и пустоту драматической жизни въ Грузіи* и создать въ теченіе одного года и актеровъ, и репертуаръ. Пополнился и составъ грузинской труппы, воспитавшейся подъ вліяніемъ русскихъ драматическихъ артистовъ.

Къ прежнимъ актерамъ, пользующимся успѣхомъ въ публикѣ, присоединяются г. Кордзія и г-жа Натіева. Интересъ къ сценическимъ представленіямъ охватывалъ кругъ лицъ, незнакомыхъ съ театромъ или съ какими либо сторонами общественной жизни. Скромныя дамы, покинувшія свои „темныя дарбазы“ (терема) и скинувъ съ лица чадры, усаживались въ открытыя ложа въ соседствѣ незнакомыхъ кавалеровъ—„будничныхъ жильцовъ базара и степныхъ аристократовъ“.

Какой же репертуаръ долженъ былъ установить отношенія между обществомъ и театромъ? Какія пьесы способны были пробудить потребность къ художественнымъ наслажденіямъ въ той публикѣ, которая такъ увлекалась цвѣтистой персидской поэзіей въ устахъ „сазандарей?“ Какими путями можно было укрѣпить европейскій вкусъ въ томъ еще азиатскомъ городѣ, гдѣ прехорошенькая грузинка, кокетливо закрывшись рукой, продолжала плясать лезгинку на плоской крышѣ своего дома подъ пѣжные звуки чонгура и нехитрыхъ литавръ глиняныхъ горшечниковъ? Какое поэтическое творчество необходимо было положить въ основаніе грузинскаго театра, чтобы поднять участниковъ гомерической попойки подъ предѣлательствомъ сыплющаго забавными остротами толумбаша, безпрерывно осушающаго азарпешн и тури и рога съ краснымъ виномъ?

Текущая жизнь и національныя черты грузинскаго народа опредѣлили характеръ организовавшагося грузинскаго театра.

„Грузинская современная жизнь,—писалъ кн. Тумановъ въ газ. „Кавказъ“,—отраженіемъ которой долженъ служить театръ, заключаетъ

*) Сохранилось упоминаніе о передѣлкѣ имъ съ русскаго языка пьесы „Насмная квартира въ Кукахъ“.

въ себѣ много глубоко оригинальнаго; грузинскій языкъ полонъ занимательнаго и непринужденнаго юмора, а все эти условія благоприятствуютъ созданію цѣлаго комическаго репертуара“.

Первый драматургъ обладалъ огромнымъ комическимъ даромъ и вызвалъ такихъ талантливыхъ послѣдователей, какимъ является Антоновъ. Туземныхъ слушателей нужно было впервые занимать описаніемъ правовъ и картинъ, имъ сродныхъ и согрѣтыхъ живымъ интересомъ. Сюжеты изъ европейской жизни не могли найти отклика въ сердцахъ только что пробудившихся грузинъ. „Въ заимствованіи грузинская драматургія,—говорилъ тотъ же кн. Тумановъ,—не имѣетъ нужды. Свои образцы, свои источники—здѣсь. Стоитъ только взглянуть поглубже, и вамъ представится столько не тронутыхъ родниковъ, которые напоить искусство свѣжей струей. Умѣйте только наблюдать, выбирать, пользоваться. Кн. Эристовъ доказалъ это своими удачными драматическими опытами. Въ своихъ комедіяхъ онъ съ вѣрностью сумѣлъ схватить и передать столько характеристическаго изъ мѣстной жизни, сумѣлъ оживить его мѣстнымъ колоритомъ, приправить мѣстнымъ юморомъ“. Такъ, въ комедіи „Тяжба“ возстаютъ предъ нами цѣлый бытъ грузинскихъ помѣщиковъ въ настоящей ихъ обстановкѣ, со всеми страстями и интересами. Въ длинномъ рядѣ лицъ останавливаются на себѣ вниманіе два рѣзко выдающіеся портрета—это князь Іа, печальный образчикъ тѣхъ отжившихъ свой вѣкъ стариковъ-грузинъ, которые смотрятъ съ грустью на водоворотъ новой жизни, и Ломинъ Годобредидзе, типъ имеретинскаго князя—живое, вѣчно движущееся существо, которое такъ неподражаемо олицетворяетъ предъ нами всю Имеретію. Къ такимъ же живымъ, слишкомъ совершеннымъ, типамъ принадлежитъ и армянинъ Карапетъ въ комедіи *Скупой*, въ устахъ котораго каждое слово—истина, переданная подлиннымъ языкомъ. Его кумиръ—деньги, деньги, деньги... Впрочемъ, портреты кн. Эристова, прекрасно начатые, остаются иногда недописанными; сцены, ловко завязанныя, разрываются вставочными эпизодами. Эти недостатки, неизбежныя для начинающаго драматурга, искупаются высокими достоинствами его произведеній, замѣчательныхъ по идеямъ, намѣченнымъ характерамъ, легкому языку и живительному юмору. „Забавный тонъ“—неотъемлемая принадлежность грузинской народной рѣчи, но перенести его въ литературу, узаконить новый стиль, создать незнакомую словесную форму—является заслугой кн. Эристова, котораго извѣстный грузинскій философъ и историкъ Платонъ Йоселіани по справедливости называлъ „творцомъ новаго литературнаго языка“.

Излишняя склонность къ юмору представлялась опасной кн. Туманову при первыхъ проблескахъ грузинской драматической литературы. „Надо желать,—говорилъ онъ, чтобы водевили не вкрались на вновь созданную сцену и не надѣлали вреда, который трудно тогда исправить. Надо беречь „языкъ“, и актеровъ, и публику, въ особенности публику, которая смотритъ съ такою довѣрчивостью на новое созданіе, на новое зрѣлище пользы и наслажденія“. Но грузинская драматургія не остано-

вилась въ области одной комической литературы,—она обратилась впоследствии къ драмамъ, сюжетъ которыхъ заимствуется изъ современной жизни и историческихъ событій. Трагедіи и драмы близкихъ къ нашему времени писателей свидѣтельствуютъ о силѣ скрытаго огня, ихъ пламеннаго воображенія и художественнаго чувства проникать въ сокровенныя изгибы человеческого сердца.

Первые шаги грузинской сцены предвѣщали „благоотворное вліяніе на развитіе науки и вкуса, на изощреніе нравовъ и на сліяніе туземцевъ съ русскими“, какъ доносилъ кн. Воронцовъ въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1849—51 года Государю Императору о грузинскомъ театрѣ. „Многіе изъ членовъ знатныхъ грузинскихъ фамилій въ послѣдніи 50 лѣтъ посвящаютъ себя литературнымъ произведеніямъ въ стихахъ и прозѣ (А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Гр. Орбелиани и др.)—продолжаетъ кн. Воронцовъ,—необходимо было поощрить такое просвѣщенное направленіе, дать оному извѣстность и содѣйствовать къ распространенію благороднаго стремленія къ изящному“. Съ этою цѣлью основаны типографіи, гдѣ печатаются лучшія грузинскія произведенія, и поручено издавать журналъ „Заря“ *грузинскому Мольеру*, тому же отцу грузинскаго театра кн. Г. Д. Эристову.

Репертуаръ грузинскаго театра продолжалъ обогащаться. Артисты замѣтно дѣлали быстрые успѣхи: тѣлодвиженія стали развязнѣе, рѣчь свободнѣе, пониманіе искусства глубже. Новыя пьесы Антонова: бытовая комедія „*Затменіе солнца*“, осмѣивающая предрасудки туземцевъ въ виду этого небеснаго явленія 1851 г., историческая драма *Керъ-Огли* и *Свадьба хевсуровъ*, съ характернымъ воспроизведеніемъ жизни грузинъ-горцевъ, въ сезонъ 1852—53 г. привлекли въ большомъ числѣ туземныхъ зрителей, любовь которыхъ къ сценѣ уже достаточно опредѣлилась. Когда же въ сезонъ 1853—54 г. директоромъ театра былъ назначенъ с. с. Богдановъ, дѣла грузинской труппы получили весьма печальный оборотъ. Репетиціямъ грузинскихъ актеровъ, при безпрестаннѣйшихъ репетиціяхъ для русскихъ спектаклей, не удѣлялъ онъ на сценѣ даже свободнаго времени. Между тѣмъ появились новыя пьесы, требующія внимательнаго къ нимъ отношенія: князя Эристова—*Каранетъ въ Кувшинкѣ*. *Шапка-невидимка*, *Кваркваре Атабаги* (историческая драма); З. Антонова:—*Развѣ дядюшка женился?*, *Путешествіе на плоту* и *Два постояльца*. Актеръ Джапаридзе написалъ трагедію *Майко* и комедію *Подозрительный мужъ*, Мейпаріани представилъ комедію *Мужья попали въ западню*. Появились пьесы и неизвѣстныхъ авторовъ. Новыя драматическія произведенія ставились на скорую руку, притомъ они назначались передъ или послѣ итальянской оперы. Такая ихъ постановка охладила публику, стали раздаваться голоса о необходимости отдѣлится туземные спектакли отъ русскихъ и итальянскихъ.

Въ „Письмахъ странствующаго театралла о грузинскомъ театрѣ“ („Кавказъ“ 1854, №№ 48, 49 и 52) кажущееся равнодушіе публики къ сценѣ объяснялось тѣмъ, что „грузинскія произведенія, являясь на

однихъ театралныхъ подмосткахъ съ болѣе совершенными пьесами европейскаго сценическаго искусства, теряли отъ такого, невыгоднаго для нихъ, совмѣстничества. Поэтому, учрежденіе *особаго* грузинскаго театра и притомъ болѣе приспособленнаго къ средствамъ, требованіямъ, правамъ и истиннымъ интересамъ большинства туземной публики—было бы благопріятно для укорененія въ нравахъ туземной массы расположенія и сочувствія къ театру, а слѣдовательно, и для скорѣйшаго достиженія благодѣтельной его цѣли“*)...

Однако, вмѣсто учрежденія *особаго* театра, дирекція русско-итальянскихъ спектаклей вознамѣрилась нанести сильный ударъ грузинской сценѣ, предположивъ отпустить на содержаніе грузинской труппы лишь половину прежде ассигнованной суммы, именно 2,000 руб. Кн. Эристовъ энергично протестовалъ противъ уменьшенія субсидіи и неизмѣнный покровитель грузинскаго театра князь-наместникъ приказалъ выдавать по прежнему по 4,000 р. въ годъ. Но съ отъѣздомъ кн. Воронцова дѣла грузинскаго театра пошли по наклонной плоскости. Директоръ с. с. Богдановъ не выдавалъ жалованья артистамъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ или удерживалъ деньги, ассигнованныя на костюмы грузинской труппы. Кн. Эристову, отвѣтственному лицу предъ публикой и труппой, приходилось подавать жалобы, чтобы удовлетворить нужды артистовъ и сцены.

Прислушиваясь ко всѣмъ толкамъ въ публикѣ и отзывамъ въ печати, рѣшено было отдѣлится грузинскіе спектакли отъ русскихъ въ сезонъ 1854—55 года и уменьшить цѣны мѣстамъ на половину противъ обыкновенныхъ. Реформа оказалась весьма своевременной: всѣ слои туземнаго населенія охотно стремятся въ театръ,—на сценѣ свое родное представленіе, на родномъ языкѣ, свой юморъ, своя музыка, свои „сазандари“. Но, къ несчастію, къ концу 1854 года грузинская сцена, начавшая свою дѣятельность при благопріятныхъ условіяхъ, понесла чувствительную потерю: умеръ Захарій Антоновъ, незамѣнимый актеръ и старательный драматургъ. Представленія, однако, продолжались общими усиліями, при участіи новыхъ грузинскихъ актеровъ и актрисъ. Рецензентъ газеты „Кавказъ“ (1855, 8) изумлялся необычайно-скорому и удачному ихъ приспособленію къ чуждымъ для нихъ театралнымъ подмосткамъ. „Абрамадзе, Дванидзе, Джапаридзе—не знаемъ, кому болѣе воздать похвалъ. Первый неподрожаетъ въ роляхъ, ростовщикова; Дванидзе—лучшій представитель помѣщиковъ, неосвободившихся отъ деревенскихъ пріемовъ; Джапаридзе—ловкій развязный первый любовникъ; Татіевъ—очень хорошъ въ роляхъ степенныхъ людей и благородныхъ отцовъ; Элпозовъ въ роляхъ простаковъ. Изъ актрисъ первенство принадлежитъ развязной Татіевой, затѣмъ слѣдуетъ г-жа Абрамидзе и д-ца Узнадзе, чудно поющая подъ оркестръ національной музыки. Она получила отъ

*) Простой языкъ новыхъ пьесъ грузинскій ученый Платонъ Юсселиани называлъ базазаханскимъ; самъ онъ былъ сторонникъ высокопорнаго слога.

грузинскихъ дардимановъ (львовъ) букетъ цвѣтовъ. Эти силы разыгрываютъ всѣ паличные произведенія грузинской драматургіи,— правда не особенно богатой,—живо, твердо, прекрасно. Въ послѣдній спектакль превосходное выполненіе комедій Антонова: *Хочу быть княгиней* и *Два постояльца въ одномъ дворѣ*, вызвало единодушное одобреніе публики. Труппа кн. Эристова достигла цѣли: она пробудила потребность и довѣріе къ сценическимъ зрѣлищамъ. При общемъ сочувствіи, грузинскіе спектакли продолжались до конца сезона 1854—55 года, когда, по случаю кончины императора Николая I, театральныя представленія прекратились. Этотъ сезонъ послужилъ роковымъ періодомъ въ жизни грузинскаго театра. Вскоръ грузинская труппа совершенно была распущена весною 1855 г., по настоянію директора Богданова. Артисты, оставшись въ печальномъ матеріальномъ положеніи, подали коллективную просьбу осенью того-же года преемнику кн. Воронцова, сложившаго съ себя должность намѣстника кавказскаго 24-го іюля 1854 года. Въ просьбѣ выражалось желаніе, чтобы имъ было разрѣшено давать еженеѣдельно въ тифлисскомъ театрѣ по одному представленію. Въ этомъ имъ было отказано на томъ основаніи, что театръ „отданъ по контракту русскимъ актерамъ на 6 мѣсяцевъ“.

Въ концѣ 1855 года бывшій помощникъ кн. Эристова, Иванъ Кереселидзе, вошелъ съ новой просьбой о дозволеніи, по истеченіи названнаго срока контракта въ февралѣ 1856 года, давать грузинскія представленія по средамъ въ казенномъ театрѣ. Новая просьба была также отвергнута кн. Бебутовымъ, „такъ какъ она написана на простой бумагѣ и въ оной не обозначено имя сочинителя и переписчика“. Грузинская труппа была вынуждена прибѣгнуть къ другому исходу для продолженія начатаго предпріятія. Она наняла залъ въ домѣ Шеремазанова и завѣдываніе сценой поручила надзирателю тифлисской гимназіи Ив. Кереселидзе. Приступить, однако, къ спектаклямъ артисты были лишены возможности, такъ какъ не было цензора, который разрѣшилъ бы имъ давать не только новыя пьесы, но даже возобновить старыя, уже играныя на сценѣ. Кн. Бебутовъ требовалъ, чтобы всѣ пьесы были подвергнуты разсмотрѣнію 3-го отдѣленія собственности Е. П. В. канцеляріи, такъ какъ прежній цензоръ грузинскихъ пьесъ Платонъ Иоселиани не имѣлъ официальнаго полномочія, и отзывъ его могъ имѣть значеніе при личномъ довѣрїи кн. М. С. Воронцова. Сезонъ близился къ концу. Произведенныя траты ничѣмъ не окупились, а кн. Бебутовъ, въ отсутствіе намѣстника кавказскаго, вытребовалъ весь репертуаръ изъ 26 грузинскихъ пьесъ и отправилъ 21 марта въ С.-Петербургъ въ III отдѣленіе, для установленнаго цензурованія. Изъ сѣверной столицы пьесы были препровождены назадъ въ канцелярію намѣстника кавказскаго, такъ какъ въ III отдѣленіи не нашлось человѣка, знающаго грузинскій языкъ. Кн. Бебутовъ продолжалъ медлительную политику: онъ счелъ нужнымъ запросить управляющаго III-мъ отдѣленіемъ, „какими правилами слѣдуетъ руководствоваться при разсмотрѣніи, согласно Высочайшей воли,

собственно грузинскихъ произведеній“, на что былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ: „при разсмотрѣніи драматическихъ сочиненій для представленія въ театрахъ III-е отдѣленіе руководствуется общимъ уставомъ о цензурѣ, изложеннымъ въ сводѣ законовъ, т. XIV, прилож. къ ст. 147“. Послѣ этой обстоятельной шестимѣсячной переписки, закончившейся въ іюль 1856 года, всѣ 26 пьесъ грузинскаго репертуара были препровождены въ „Кавказскій цензурный комитетъ“, на который возложено было и дальнѣйшее завѣдываніе этимъ дѣломъ. Такъ печально завершился театральнй сезонъ 1856 г.

Мы намѣренно остановили вниманіе на заключительномъ періодѣ существованія грузинской сцены. Грузинскій театръ, вызванный просвѣщеннымъ покровительствомъ кн. Воронцова, терпитъ одинъ за другимъ тяжелые удары, по оставленіи княземъ поста намѣстника кавказскаго. Сначала стѣсненіе со стороны дирекціи театра въ лицѣ Богданова, затѣмъ затрудненіе по разрѣшенію пьесъ, возникшее по недовѣрчивому отношенію кн. Бебутова къ грузинскому театру, разрушили столь прекрасно начатое дѣло и отодвинули его развитіе на цѣлую четверть вѣка. Первая грузинская труппа, попытавъ счастье еще въ іюль 1856 г. предъ кн. Бебутовымъ—выговорить себѣ право давать на свой страхъ спектакли въ казенномъ театрѣ, подъ руководствомъ Н. Канчели и Ив. Кереселидзе, снова получила отказъ чрезъ „старшаго полиціймейстера“.

Усилившаяся въ 1856 году война съ горцами и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго ига, новыя политическіе вопросы и экономическіе интересы, вызванныя великими реформами Императора Александра II, на время отвлекли общество отъ сценическихъ представленій. Затѣмъ когда жизнь вошла въ обычную колею, и Кавказъ былъ умиротворенъ, театръ снова начинаетъ привлекать вниманіе публики. Организуются труппы, которыя приступаютъ къ постановкѣ любительскихъ спектаклей, пользуясь репертуаромъ отъ 1850—55 г. Интересъ къ сценѣ все яснѣй охватываетъ общество, и зарождается уже въ началѣ 70-хъ г.г. мысль создать постоянную драматическую труппу. Съ 1873 года грузинскіе спектакли почти непрерывно давались въ клубахъ и частныхъ домахъ при горячихъ сочувствіяхъ публики. Наконецъ, въ сезонъ 1879 года участники прежнихъ спектаклей въ союзъ съ новыми силами составили постоянную труппу, которая дала первый спектакль 5-го сентября того-же года. Сезонъ открылся новой пьесой княгини Джорджадзе „Что искалъ и что нашелъ“. Во главѣ организаціи грузинской труппы стояли: извѣстный писатель и общественный дѣятель Д. П. Кипиани, князь Георгій Тумановъ, князь Давидъ Эристовъ, сынъ перваго грузинскаго драматурга, Н. Аваловъ, князь Илья Чавчавадзе и др. Названныя лица были виновниками и инициаторами учрежденія грузинскаго драматическаго общества, уставъ котораго былъ выработанъ сообразно съ подобными корпораціями. Грузинская сцена начала свою дѣятельность при благоприятныхъ условіяхъ: зрѣлость общества, моментъ подъема художествен-

ныхъ интересовъ, хорошій составъ труппы и порядочный репертуаръ общали грузинскому театру полный расцвѣтъ и прочную гарантію отъ житейскихъ бурь. Управление сценой впоследствии приняло на себя грузинское драматическое общество.

Дополняемъ свѣдѣнія о драматургѣ З. Антоновѣ. З. Антоновъ, сынъ купца, род. въ Гори въ 1820 г., 9 февр.; учился въ Горійскомъ уѣздномъ училищѣ, служилъ въ уѣздномъ управленіи и потомъ занимался торговлей, но впалъ въ долгъ и въ бѣдственное положеніе. Въ это время онъ познакомился съ членами труппы, набравшейся Г. Эристовымъ. Съ ними онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и въ нищенскомъ платьѣ прислуживалъ за кулисами актрисамъ. По настоятельной его просьбѣ, кн. Эристовъ зачислилъ его въ труппу съ жалованьемъ 15 р. въ мѣсяцъ. Потерпѣвъ неудачу въ роли Миниртума въ „Раздѣлъ“ и любовниковъ, онъ чуть не лишился своего скуднаго содержанія. Его спасла передѣланная имъ русская пьеса, которая произвела такое впечатлѣніе на публику, что авторъ ея, забывъ о своихъ лохмотьяхъ, выскочилъ на сцену раскланиваясь предъ зрителями, въ досаду корректному директору театра. З. Антоновъ послѣ этого поставлялъ черезъ каждыя двѣ—три недѣли по новой пьесѣ, а съ отъѣздомъ кн. Эристова въ сел. Одзиси на покой, онъ остался руководителемъ театра. Но за прекращеніемъ казенной субсидіи грузинскіе спектакли не могли устраиваться, и З. Антонову пришлось собирать гроши на изданіе своихъ сочиненій. Крупная сумма (100 р.), полученная имъ отъ кн. Ив. Малх. Андроникова могла бы его обезпечить на болѣе продолжительное время, но, къ несчастью его, направляясь домой въ полной радости, онъ былъ укушенъ на Саперной улицѣ бѣшеной собакой и умеръ (1854 г.) въ страшныхъ мученіяхъ. Книги его были проданы съ публичнаго торга, а рукописи его погибли въ полицейскомъ управленіи. Въ 1876 г. сочиненія его были изданы его братомъ Григорьемъ Антоновымъ съ коротенькой біографіей злосчастнаго драматурга. Ему принадлежатъ пьесы: Я хочу быть княгиней (1856), Развѣ дядюшка женился, Свадьба хевсуровъ, Путешествіе на плотяхъ, Затменіе солнца.

Съ появленіемъ журн. „Дискари“ грузинское общество впервые познакомилось съ такими поэтическими произведеніями, которыя до того времени обращались лишь въ рукописяхъ. Къ числу поэтовъ, стихотвореній котораго впервые попали въ печать, принадлежитъ безсмертный кн. П. Бараташвили.

Кн. Николай Мелитоновичъ Бараташвили ¹⁾

(1816—1845 г.).

«Вотъ человекъ, который, по своему положенію въ свѣтѣ, болѣе всѣхъ страдалъ. Минувшее проходило передъ нимъ и волновалось, какъ море-океанъ»... Эти полныя грусти слова П. М. Бараташвили, сказанныя имъ по поводу смерти свящ. Игнатія Иосселиани, одного изъ лучшихъ

¹⁾ Кн. Н. М. Бараташвили родился 22 октября 1816 г., скончался 9 октября 1845 г. въ г. Елисаветполь, гдѣ и былъ похороненъ. 25 апрѣля 1893 г. останки его были перевезены въ Тифлисъ и преданы погребенію въ оградѣ Дидубійской церкви. Пятое изданіе его стихотвореній вышло въ Тифлисъ въ 1895 г. 9 октября 1905 г. освятили памятникъ на его могилѣ въ присутствіи депутаціи съ разныхъ концовъ и учрежденій Грузіи. М. Казбекъ на русскомъ языкѣ посвятилъ ему по этому поводу слѣд. стихотвореніе:

Тебѣ поэтъ, твоимъ твореньямъ
Хвалу я нынѣ воздаю;
И дань восторговъ пѣснопѣньямъ
Я безпристрастно отдаю.

Ты пѣлъ народными устами,
Слагалъ ты пѣсни для толпы;
И пѣснямъ тѣмъ всегда внимали
Прекрасной Грузіи сыны.

Но ты умолкъ, и дивныхъ пѣсенъ
Уже не пѣть толпѣ родной!
Ужели-жъ міръ сей былъ такъ тѣсенъ,
Что ты ушелъ—съ твоей душой.

Но нѣтъ! Не весь ты міръ покинулъ.
Ты часть души отдалъ людямъ;
И мощь твою тотъ не отринулъ,
Кто любитъ правды свѣтлый храмъ.

Тебѣ данъ небомъ былъ прекрасный
Даръ пѣснопѣня, даръ живой.
Ты былъ нашъ Лермонтовъ кавказскій,
Ты былъ какъ онъ великъ душой.

Ты жилъ и будешь жить межъ нами,
Тебя не всилахъ мы забыть;
Твой дивный даръ не смытъ годами,
Ты въ міръ вѣчно будешь жить.

представителей грузинского общества 30 гг., послужили пророческой эпитафией къ угрюмой судьбѣ самого поэта. Въ самомъ дѣлѣ, П. Бараташвили, щедро одаренный отъ природы ягучимъ даромъ ораторскаго слова, неугасаемымъ пламенемъ поэтическаго огня, рѣдкою любовью къ непрерывному труду и чуткою, отзывчивою душой къ житейской неправдѣ и злу, угасаетъ во цвѣтъ лѣтъ среди татарскаго населенія, обремененный скромною ролью уѣзднаго администратора, никѣмъ непонятый, никѣмъ неоцѣненный, оставаясь въ тѣни и почти полувѣковомъ забвеніи и у родныхъ, и у общества. Только черезъ тридцать лѣтъ по смерти поэта въ печати впервые появится сборникъ глубокихъ по идеѣ и блестящихъ по формѣ стихотвореній,—и съ тѣхъ поръ, возрастая въ своемъ значеніи, имя Бараташвили занимаетъ почетное мѣсто въ грузинской литературѣ. Стоявъ, отдававшійся въ чудныхъ стихахъ поэта, будетъ искреннимъ отголоскомъ его глубоко изболѣвшей, страдальческой души, мучительной данью злой мачихѣ-судьбѣ, никогда не дарившей его ни лаской, ни привѣтомъ.

Дѣтство Бараташвили прошло подъ гнетомъ суроваго семейнаго депотизма. Отрочество—пора радужныхъ мечтаній и идеальныхъ стремленій,—омрачилось нравственными пытками и стѣсненнымъ матеріальнымъ положеніемъ, преградившимъ путь къ университетскому образованію. Зрѣлые годы онъ посвятилъ мелкой канцелярской службѣ, не удовлетворявшей его благородныхъ порывовъ къ широкой общественной дѣятельности. Одинокое томленіе вдали отъ друзей, полное ничтожество окружавшихъ его сослуживцевъ, сознание избытка духовныхъ силъ заставляютъ сѣмя нравственнаго безпокойства, обращаютъ мысли поэта къ анализу внутренняго своего міра, воспитываютъ въ немъ отчаяннаго мизантропа. Общественная среда и унылыя условія личной жизни дадутъ ему неизсякаемый источникъ для мрачныхъ думъ, вылившихся въ отчеканенную форму стиховъ. Грустный тонъ и глубина душевныхъ волненій поэтической музы Бараташвили приобрѣтутъ ему заслуженное прозвище грузинскаго Байрона и Лермонтова. Безъ сомнѣнія, кн. Бараташвили является въ Грузіи лучшимъ представителемъ поэзіи разочарованія, съ ея неопредѣленными порывами, страстнымъ исканіемъ идеала въ прошедшемъ и мистическимъ упованіемъ на будущее. Земная жизнь не удовлетворяетъ поэта,—помыслы его обращены къ небу; здѣсь онъ ищетъ пріюта для своей измученной души: „тамъ звѣздамъ расскажу всѣ тайны чувствъ моихъ“... Неотвязно преслѣдующій поэта „таинственный гласъ“ оказывается не ангеломъ-хранителемъ, а тѣмъ „злымъ духомъ“, который убиваетъ въ немъ пылкія грезы и юношескую вѣру. Въ немъ воцаряется неумолкаемое мучительное исканіе смысла жизни и ея идеала. Полный сомнѣній, съ тоскою въ сердцѣ онъ задаетъ одинъ и тотъ же тревожный вопросъ къ мутнымъ волнамъ Куры, и вершинамъ св. Давида, и „прекрасному кладбищу“, и не покидающему его злему генію, умоляя ихъ приподнять завѣсу нашего бытія, повѣдать: „въ чемъ состоитъ существо человѣка? какъ онъ приходитъ? куда онъ идетъ? кто

тамъ, вверху надъ звѣздами живетъ?“ Эта, такъ сказать, космогоническая грусть носить яркіе признаки вѣчна о исканія смертнымъ отвѣта на зарождающейся рой неразрѣшимыхъ вопросовъ. Тщетны всѣ поиски поэта за мирнымъ пристанищемъ,—душа его нигдѣ не обрѣтаетъ желаннаго покоя! На крылатомъ конѣ онъ готовъ вырваться изъ края роднаго и найти родину тамъ, гдѣ „свѣтъ разсѣетъ тьму“.

Скудныя біографическія свѣдѣнія о поэтѣ нѣсколько проливаютъ свѣтъ на роковыя обстоятельства, способствовавшія развитію въ немъ мрачнаго взгляда и неукротимой грусти. Поэтъ выросъ въ домѣ своего отца, Мелитона, чиновника при намѣстникахъ кавказскихъ—Ермоловѣ и Паскевичѣ, а впоследствии тифлискаго предводителя дворянства. Мать его была образованная, тихая, скромная женщина, которой поэтъ-братъ, кн. Гр. Орбеліани, посвятилъ задуманное стихотвореніе—„Моей сестрѣ Евоніи“. Въ семьѣ Бараташвили, широко раскрывавшей гостепріимныя двери для званныхъ и незванныхъ, встрѣчались и обмѣнивались воспоминаніями старины лучшіе представители родовитой и умственной аристократіи. Будущій поэтъ, по прозванію Тато, поражалъ еще въ дѣтствѣ гостей своего отца рѣдкою любознательностью и болѣзненной впечатлительностью. Выучившись въ самые ранніе годы чтенію и письму подъ руководствомъ своей нѣжной матери, Тато поступилъ въ церковно-приходскую Колоубанскую школу, сохранившую всѣ патріархальныя черты древней грузинской семинаріи. Образование блестяще довершилъ онъ въ Тифлисской благородной гимназіи, гдѣ впервые имъ были написаны эпиграммы и наброски до насъ не дошедшей поэмы „Иверійцы“. Поэтъ съ благодарностью вспоминалъ учителя русскаго языка, Дементьева, прекраснаго чтеца стихотвореній Мицкевича, и ядовито острилъ надъ Коргановымъ, усвоившимъ грузинскую грамматику только до глагола.

Бойкій, рѣзвый, неугомонный, кн. Бараташвили и въ гимназіи, и по окончаніи курса считался душой общества, увлекался тревоженіями жизни, жаждалъ непрерывныхъ приключеній, возбуждая въ однихъ симпатію своимъ веселымъ нравомъ, озлобляя другихъ нервными вспышками и рѣзкими остротами. При такой страстной натурѣ, поэтъ предназначалъ себя для военной службы, но сломалъ себѣ ноги во время разгоряченной пляски лезгинки и остался навсегда хромымъ. Крушеніе этой долго лелѣемой мечты влило первую каплю отравы въ его юное сердце, послужило зародышемъ того негодующаго ропота, который проникаетъ въ творчество „грузинскаго Байрона“. Судьба, однако, готовила ему новый ударъ, окончательно сразившій всѣ свѣтлые планы и дорогія грезы. Отецъ поэта, промотавши свое состояніе, отказалъ сыну въ средствахъ для продолженія образованія въ университетѣ, и Тато поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ экспедицію суда и расправы въ Тифлисъ. Семейные обѣды, игры въ карты, прогулки въ лунную ночь по тѣнистымъ садамъ втянули девятнадцатилѣтняго юношу Бараташвили въ кругъ царствовавшихъ развлеченій тогдашней молодежи. Лишь изрѣдка отсутствіе клубовъ, театровъ, журналовъ замѣняли непродолжительныя

бесѣды о литературныхъ произведеніяхъ, распространявшихся въ рукописи, и мимолетные порывы заняться изученіемъ прошлой жизни Грузіи и составленіемъ даже ея исторіи общими силами неподготовленной коммисіи новыхъ ея членовъ. Прекрасная цѣль оставалась лишь благороднымъ намѣреніемъ по недостатку и знаний, и матеріаловъ, а жизненный водоворотъ снова поглощала умственные запросы пробудившагося сознанія. Не обладая ни матеріальными средствами, ни физической красотой двумя волшебными талисманами, прокладывающими надежную тропу къ дамскому сердцу,—поэтъ терпѣлъ неудачи, падать духомъ, оскорбленный въ святыхъ своихъ чувствахъ. Горькій осадокъ растетъ незамѣтно въ глубинѣ сердца Бараташвили; онъ утомляется „безграничностью человѣческихъ желаній“ и почти накануне своей смерти „ищетъ мира и покоя въ лонѣ величественной, прекрасной отечественной природы“.

Поэтъ чувствуетъ томительное сердечное одиночество, „сиротство души“. Еще въ первомъ стихотвореніи 18-лѣтняго Бараташвили—„Соловей на розѣ“—рисуетъ въ неопредѣленныхъ намекахъ мечтательный недугъ самого поэта. Горе непонятаго обществомъ поэта отрываетъ отъ друзей и сближаетъ его съ природой, которую онъ изображаетъ по отношенію къ личному настроенію то съ граціозной мягкостью и теплотой, то съ печатью глубокой меланхолической грусти. Элегія „Сумерки на горѣ св. Давида“ окрашена въ тоскливый, но въ какой-то ласкающій колоритъ.

...О Мтацминда! О ты, гора святая!
Какъ трогаешь твоихъ пустынныхъ мѣстъ краса,
Когда по нимъ скользятъ лучъ солнца, догарая,
И окропляешь ихъ небесная роса!

Кругомъ все таинственно и молчаливо. Съ вершины ея открывается чарующій видъ: „внизу—какъ трапеца въ цвѣтахъ сияетъ нива и благодарственный горѣ шлетъ вѣтрамъ“... Вдали отъ гула проклятій, подавленныхъ стоновъ и рыданій, онъ находитъ дружественный пріемъ на горной высотѣ, и неисходная тоска временно утихаетъ.

Я помню вечеръ: здѣсь бродилъ я одиноко,
О темная гора, въ святилищѣ твоемъ
Всю прелесть вечера я чувствовала глубоко.
Онъ грустенъ былъ, какъ я,—я видѣлъ друга въ немъ!

Поэтъ находитъ мистическую связь между своимъ душевнымъ томленіемъ и безмолвнымъ сочувствіемъ священной горы. Печальная мелодія его вечернихъ сумерекъ—яркій образецъ его романтическихъ порывовъ въ заоблачную высь, въ синее отраженіе голубого неба:

...Глядишь въ твою лазурь, забывъ судьбу земную,—
Предчувствіе манитъ туда, за твой предѣлъ

Въ обитель вѣчности—искать тамъ жизнь иную...
Увы! не суждено знать смертнымъ свой удѣлъ!

Въ поэтѣ пробуждается страстное стремленіе къ идеалу и гнетущее сознаніе его недостижимости. Здѣсь слышится тотъ отзвукъ восторговъ и пареній души, который проникаетъ творчество Ламартина и Альфреда де Виньи. Въ стихотвореніи Н. Бараташвили мелодично переплетаются искры любви съ тихимъ стономъ и умиротворяющими слезами: „Святенная гора! улыбку-ль утѣшенія, или тихую слезу найдетъ въ тебѣ приплещь,—ты для него источникъ облегченія, о другъ таинственный тоскующихъ сердецъ“.

Луна, принимавшая столь близкое участіе въ судьбѣ романтическихъ героевъ, дополняетъ мечтательную гармонию первой элегіи грузинскаго поэта: „И стихло все кругомъ въ безмолвіи великомъ; взошла луна; звѣзда зажглась любовью къ ней. Склоненный дискъ луны казался блѣднымъ ликомъ молящейся—съ душой, невѣдавшей страстей“. Между поэтомъ и Мтацминдою устанавливается родственное общеніе,—онъ сливается съ нею, живыми и памятливыми остаются ея возвышающія къ небу задумчивыя картины: „Я помню тѣ слова, въ ихъ стройномъ сочетаніи, которыя тогда я здѣсь произносилъ“.

Съ тѣхъ поръ, когда печаль мнѣ душу омрачаетъ,
Я вновь бѣгу къ тебѣ—и сердцу моему
Его страданья вновь надежда облегчаетъ,
Что первый солнца лучъ разсѣветъ скорбь и тьму.

Муза двадцатилѣтняго поэта является романтически сформировавшейся въ этомъ третьемъ—по хронологическому порядку—дошедшемъ до насъ лирическомъ стихотвореніи. Съ меланхолическимъ изліаніемъ думъ и чувствъ, съ неопредѣленнымъ упованіемъ на солнца лучъ, разсѣивающій скорбь и тьму.

Но мечты обаятельной фантазіи быстро разлетаются, обращаясь въ душевныя язвы. „Таинственный гласъ“ преслѣдуетъ всѣ его безпредметныя желанія, сжигаетъ въ немъ свѣтлый рой дѣтскихъ воспоминаній, и въ результатѣ тщетныхъ поисковъ „предназначенной доли“ поэту достаются мрачная тоска и „плоды сердечной пустоты“. Минутное утѣшеніе, неизбѣжно связанное съ горечью, находитъ онъ лишь въ воспоминаніи о быломъ:

Суровый вѣтеръ налетѣлъ—и отъ меня съ собою
Унесъ душистый мой цвѣтокъ, цвѣтъ жизни всей унесъ!
Бывало, орошался онъ небесною росой;
Теперь же смыть и слѣдъ его потокомъ горькихъ слезъ.

Когда засохшій лепестокъ его мнѣ попадется,
Я утѣшаюсь,—жизни радъ презрѣнный человѣкъ!—

Но сердце въ тотъ же мигъ въ груди еще больнѣй забьется,
Когда о счастья вспомню я, утраченномъ навѣкъ.

Н. Бараташвили, какъ Лермонтовъ, съ которымъ сравниваютъ грузинскаго поэта, приходитъ къ горькой мысли, что „ему нѣтъ мѣста среди людей!“¹⁾ Естественно является вопросъ, насколько самобытна эта поэзия разочарованія въ Грузіи, и не ограничивается ли меланхолія Бараташвили подражаніемъ Лермонтову, сосланному на Кавказъ за полные негодованія стихи на смерть Пушкина и дуэль съ Барантомъ. Подражаніе предполагаетъ возможность подражать и заимствовать, т.-е. извѣстнымъ образомъ подготовленную къ перениманіямъ почву и атмосферу. Историческая обстановка, совокупность культурныхъ условій и личная судьба Бараташвили единодушно способствовали къ насажденію въ Грузіи *байронизма*, этого всеобщаго литературнаго теченія, охватившаго Европу въ началѣ текущаго столѣтія. Поэту пришлось жить въ той средѣ, которая, въ увлеченіи военной славой, въ борьбѣ съ Шамилемъ, пренебрежительно относилась къ гражданскимъ обязанностямъ и личному совершенствованію. Въ одномъ письмѣ къ кн. Захарію Чавчавадзе онъ увѣряетъ его, что „громъ славы и звукъ оружія не имѣютъ уже для слуха его пріятели „магическаго значенія“,—оставь службу, углубись въ себя, займись имѣніемъ. И это другая слава—*сѣять счастливыми оставленными на произволъ судьбы своихъ крестьянъ*“²⁾. Въ этихъ словахъ впервые слышится въ Грузіи идеалъ общественнаго борца, воззваніе, обращенное во имя угнетеннаго собрата. Призывъ его остается глашатаемъ вопіющаго въ пустынѣ! Военная труба заглушаетъ вѣру въ добро и стремленіе къ свободѣ. Онъ одинокъ и не понять свѣтомъ.

Душевныя невзгоды и безотрадныя мысли³⁾ сдѣлались постоянными посятительницами поэта, уныніе и отчаяніе покрываетъ мракомъ всѣ идеалистическіе его порывы и упованія,—духъ зла и сомнѣнія всецѣло овладѣваетъ поэтомъ:

Скажи, кто звалъ тебя, судьбы моей злой геній,
Чтобъ жизнь мою и мысль навѣки отравить,
Чтобъ миръ моей души смѣнить борьбой сомнѣній
И вѣру дѣтскихъ лѣтъ въ груди моей убить?!

¹⁾ Биографію кн. Бараташвили написалъ І. Меунаргіа. Обстоятельныя критическія статьи объ немъ принадлежатъ проф. Цагарели, К. Абашидзе, Панцхава и др.

²⁾ *Кавказъ*, 1893, № 7. Письмо отъ 15 апрѣля 1844 г.

³⁾ Въ письмѣ (отъ 13 авг. 1838 г.) къ кн. Гр. Орбеліани онъ жалуется на скуку и пустоту, водворившуюся въ Тифлисѣ. Онъ оживаетъ только по вечерамъ луннымъ, такъ прекраснымъ въ Тифлисѣ! Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, онъ, по его словамъ въ письмѣ къ М. Б. Туманову (8 авг. 1837 г.), „очутился на кладбищѣ“. „Кругомъ онѣмѣніе. 11 часовъ ночи. Ни души. Кругомъ пустота вѣчная; луна тускло освѣщаетъ могилы, какъ догорающая лампада усопшаго. Тихо и медленно протекаетъ Кура, какъ будто боясь нарушить покой въ этомъ уныломъ мѣрѣ... Это зрѣлище небесно-земное!...“

А то ли мнѣ сулилъ ты въ годы вдохновенья?
Не ты-ль свободу на свѣтѣ общалъ?
Ты муки въ восторги наслажденья,
И даже самый адъ въ Эдемъ ты превращать!...

Поэтъ взываетъ къ „мятежному духу“ отвѣтить, куда дѣвались его общанья и зачѣмъ вмѣсто сладкихъ грезъ упоенія разрушилъ его надежды, вѣру, всѣ завѣтныя мечты „и молодость, и радость жизни сомнѣнія ядомъ отравилъ!“

Да будетъ проклять день, когда твое дыханье
Смутило въ первый разъ душевный мой покой!
Съ тѣхъ поръ страдаю я, но даже и страданье
Не въ силахъ облегчить души моей больно!

Прочь отъ меня, злой духъ! Скитаюсь одиноко,
Съ остывшею душой, съ озлобленнымъ умомъ,—
Что я теперь?! Увы, несчастливъ тотъ глубоко,
Кого коснешься ты безжалостнымъ крыломъ.

Грустили въ его время и другіе, но „томленіе ихъ объяснялось бурнымъ потокомъ жизни и пресыщеніемъ ею“. Грусть же самого поэта—плодъ размышленій и житейскихъ испытаній. Послѣ одной болѣзни онъ чувствуетъ себя совершенно переродившимся. „Я почувствовалъ странное вліяніе ея, быть можетъ, на всю жизнь. Непостижимость цѣли нашего назначенія, безграничность желаній человѣческихъ и суета всего подлуннаго наполнили душу ужасною пустотой“. Его охватываетъ непроницаемымъ кольцомъ безысходный кругъ сомнѣній,—онъ мученикъ за идеи, страдалецъ въ безпечномъ аристократическомъ обществѣ.

Отчаянные вопли поэта не укладываются въ рамки индивидуальнаго недовольства и гнетущей тоски. Личная тоска переливается въ мировую скорбь, сумрачное минутное настроеніе смѣняется опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, случайное разочарованіе обосновывается общими причинами—страстнымъ исканіемъ идеала и глубокаго смысла жизни. Бараташвили, сбрасывая съ себя личный и національный плащъ пессимизма, становится гражданиномъ культурнаго міра, вѣчно мыслящимъ, исполненнымъ неустанныхъ порывовъ за предѣлы жалкой дѣйствительности: „Желанье и тоска тревожатъ безпрестанно эту грудь“. Лучшая элегія грузинскаго поэта, обращенная къ Мтацминдѣ, звучитъ страданіемъ о тщетѣ стремленій къ разгадкѣ „небесныхъ вопросовъ“ и пропитана горечью сознанія слабостей человѣческихъ силъ:

...И неба отраженье
Запало въ душу мнѣ. Съ тѣхъ поръ меня къ себѣ,
О, небо! ты влекло, но мысли въ ихъ теченіи
Терялись въ воздухѣ, не долетѣвъ къ тебѣ!

(Переводъ И. Ф. Тхоржевскаго).

Эта суетность надеждъ и влеченій примѣшивается много печали и злой ироніи къ нашему ненасытному счастью, сотканному изъ мелкихъ и крупныхъ невзгодъ. «Что такое человѣческая жизнь,—восклицаетъ поэтъ,—какъ не бездонный, ненаполнимый сосудъ?! Гдѣ тотъ, который довольствовался бы тѣмъ, что разъ исполнилось его завѣтное желаніе?!» Людскія грезы не имѣютъ опредѣленныхъ границъ; мысли и чувства съ неудержимымъ натискомъ прорываются чрезъ преграды впередъ безъ остановки, новыя идеи, вдохновенныя гениемъ, возбуждаютъ силы къ неусышной борьбѣ въ интересахъ торжества правды и любви. Поэтъ удаляется къ пустыннымъ берегамъ свѣтлыхъ водъ Куры, и здѣсь, среди этой нѣжной гармоніи болтливаго лепета волнъ рѣки съ лазуревой синевой небесъ онъ предается своимъ безотраднымъ размышленіямъ¹⁾ о жалкой участи мимолетной славы даже могущественныхъ владыкъ, на рубежѣ земного поприща обращающихся въ тлѣнный прахъ. Вѣдь, если настанетъ часъ, когда погибнетъ весь этотъ міръ, то что такое жизнь? къ чему направить ея потокъ? Вотъ вопросы поэта, вызывающіе въ немъ ядовитую горечь и душевныя муки! Это настроеніе Н. Бараташвили нашло нѣкоторое выраженіе въ стихотвореніи „Къ чонгури“, переведенномъ по-русски В. Л. Величко.

Дрожащія звуки твои,—
Рокочущій откликъ тоски,—
То вздохъ еле-внятный,
То громкій страданія стонъ,
То отзвуки лучшихъ временъ
Счастливой поры благодатной!

Поэтъ жаждетъ услышать отъ „чонгури“ отрадныя, умиротворяющіе его звуки: „со звонкихъ не хлынетъ ли струнъ мнѣ на сердце счастья бурнѣе, размечетъ, развѣетъ ли муки?...“ Надежда напрасна! Стонущая его лира не общается ему никакого просвѣтленія:

...Но нѣтъ!
Не вылетѣтъ счастья привѣтъ
Потокомъ созвучій!

Не радостенъ струнъ твоихъ звонъ:
То сердца разбитаго стонъ,
То жалоба горести жгучей!...

Пессимизмъ кн. Бараташвили, какъ и даровитѣйшихъ представителей этого направленія,—Байрона и Лермонтова,—носитъ философскій

¹⁾ Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: „Прекрасное изобрѣтеніе кладбище; оно необходимо, чтобы смертный порой читывалъ по нему свою жизнь: утѣшеніе несчастнаго, конецъ счастью!“

характеръ, обуславливается общими проявленіями человѣческой природы. Развѣ Бараташвили въ своихъ письмахъ и стихотвореніяхъ не то же самое говоритъ, что и Демонъ Тамарѣ о землѣ: „гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты, гдѣ преступленья лишь, да казни, гдѣ страсти мелкой только жить; гдѣ не умѣютъ безъ боязни ни ненавидѣть, ни любить“. Такое мрачное настроеніе явилось результатомъ горькихъ испытаній, хотя оно не лишило поэта вѣры въ идеалъ и сознанія важности той тропы, которую онъ пытался пробить на родинѣ.

Кн. Бараташвили, закаляясь въ водоворотѣ житейскихъ несчастій и идейныхъ разочарованій, становится неуязвимъ и непреклоненъ при всѣхъ превратностяхъ судьбы, какъ „гранитная скала“. Злобная его „звѣзда“, часто окутываемая тяжелымъ туманомъ, не внушаетъ ужъ ему мистическаго страха, онъ видитъ въ ней „носительницу свѣта и утѣшительницу омраченнаго сердца“.

Ты не свѣтишь, судьбы моей грустной звѣзда,
Отчего? Я люблю тебя страстно мятежной душой
Въ этой мглѣ, за которой ты меркнешь всегда,
Въ этой тучѣ, сроднившейся тѣсно съ тобой.
Ты не думай, звѣзда, что надежду мою
Ты убьешь, затуманившись тучъ пеленой,
Нѣтъ! Я жду тебя, жду и зову, и люблю,
Вѣрю—вновь засіяешь во тьмѣ предо мной!
Пусть сверкнешь ты на мигъ, заглянувши ко мнѣ,
Пусть блѣдна, неясна ты въ небесной тиши;
Я увижу, узнаю твой лучъ въ глубинѣ,
Свѣтъ мой! Счастье, безмѣрное счастье души!
Такъ гори-жь въ ореолѣ небесныхъ огней,
Засвѣти въ моемъ сердцѣ, убитомъ тоской,
Брось мнѣ искру любви твоихъ дивныхъ лучей,
Будь мнѣ счастья, желаннаго счастья звѣздой.

Воображенію поэта представляется въ лучезарной дали небесный чертогъ надежды, родина любви, святилище безсмертія. Онъ успѣлъ уяснить себѣ, что горе и разочарованіе такъ же неизбежны, какъ усталость послѣ сильной радости,—онъ ни на минуту не забываетъ словъ короля Лира:

Будь твердъ,—ты знаешь, съ плачемъ мы на свѣтъ родимся,
Кричимъ и слезы льемъ, едва понюхавъ воздухъ...

Поэтъ задумчиво бродитъ по берегу Куры,¹⁾ любуясь отраженіемъ неба на ея лазурной поверхности, съ религіознымъ благоговѣніемъ

¹⁾ Берега Куры и кладбище служатъ излюбленными мѣстами его прогулокъ въ таинственныя лунныя ночи письмо его къ М. Туманову, въ Квалі 1893, № 11). Воспоминанія объ немъ сообщили К. Мамацевъ и Лев. Меликовъ.

останавливается предъ величавымъ памятникомъ старины, упиается благоуханіемъ Мтацминдскихъ аллей въ вечернемъ сумракѣ. Онъ переживаетъ сызнова всю жизнь сердца подъ этимъ чарующимъ обаяніемъ природы,—душа его погружается въ сладкія грезы, снова встаютъ передъ нимъ дорогіе призраки, цѣлой вереницей проходя въ его пламенномъ воображеніи. Въ его памяти возникаютъ и тѣснятся воспоминанія о возможности близкаго счастья подъ кровомъ религіи или вспыхнувшей любви „свѣтозарной“ красавицы. Стоны и слезы заглушаютъ въ немъ вспоминаемые порывы вѣры и любви.

...Весь дрожу я, во взорахъ задумчивыхъ
Завида жемчужныя слезы:
Встаютъ вереницею въ сердцѣ измученномъ
Разбитаго счастья грезы.

Поэтъ помнитъ свѣтозарныя очи красавицы, сіяющія слезами, и уста ея, грустно сомкнутыя. Печаль на ея грустно-задумчивомъ лицѣ ему представлялась „неземною, отраженіемъ неба“.

О, понимай теперь я причину загадочной,
Безмолвной и кроткой печали!...
Да, слезы тѣ были слезами предсмертными
Сиротство мое предвѣщали!...

„Сиротство души“¹⁾ стало невыносимой мукой для Н. Бараташвили еще съ юныхъ лѣтъ; онъ находилъ утѣшеніе только въ стонахъ и проклятіяхъ судьбѣ, лишившей его вѣрнаго друга. Сердце,—говоритъ онъ,—отыщется свѣжихъ друзей взамѣнъ погибшихъ, но сиротой безвозвратно останется душа, утратившая „родную душу“. Поэтъ, не находя тогда ни въ комъ участія и отзвука на волнующіе его вопросы, обращается къ религіи и выливаетъ свои скорбныя чувства въ одномъ изъ чудныхъ своихъ стихотвореній—*Молитва*:

О, Боже, на грѣшнаго сына воззри
И лютыя страсти мои усмири!

¹⁾ Любопытно, что это стихотвореніе Бараташвили является полнымъ соответствіемъ известнымъ строфамъ Байрона изъ *Чайльдъ-Гарольда*. „Бродить межъ пропастей по скаламъ, всходить до самыхъ облаковъ, жить межъ народомъ одичалымъ, не знавшимъ рабства и оковъ, слѣдить въ горахъ за дикимъ стадомъ, съ нимъ уходить въ дремучій боръ, сидѣть склонясь надъ водопадомъ... еще не значить быть однимъ скитальцемъ мрачнымъ и чужимъ и въ цѣломъ мірѣ одинокимъ... Но тотъ, кто въ шумномъ вихрѣ свѣта, одной и въ усталости томимъ, идетъ безъ ласки, безъ привѣта, никѣмъ не знаемъ, не любимъ; кто никогда любимцамъ счастья не повѣряетъ своей тоски, не вѣдалъ теплаго участія и честной дружеской руки; кто посреди льстецовъ холодныхъ, ханжей безчувственныхъ живетъ, для всѣхъ чужой,—лишь только тотъ въ своихъ мученіяхъ бесплодныхъ сказать бы съ тайнымъ вздохомъ могъ, что онъ на свѣтѣ одинокъ“. (Пѣнь II, строфы XXV—XXVI).

Отецъ не скорбѣть развѣ можетъ о сынѣ,
Погрязнемъ въ соблазнахъ, въ мятежной пучинѣ?!
Зачѣмъ угасаютъ надежды мои?
Безгрѣшный Адамъ внялъ навѣтамъ зми,—
Адамъ, упоенный красотами рака,
Презрѣлъ ихъ, земнымъ вождельникомъ сгорая!...
Воды живоносной испить мнѣ дозволю,
Дай мнѣ утопить въ ней сердечную боль!
Челнокъ мой спаси отъ лютой непогоды,
Дай пристань покоя, духовной свободы!...
О, Боже! Ты вѣдаешь сердца тайникъ!
Сберусь ли подумать,—ужь чудомъ проникъ
Ты въ каждаго помысла смутнаго трепетъ.
Что значить безсилія младенческой лепетъ?
О чемъ же молить остается рабу?!...
Прими-жъ и молчанье мое, какъ мольбу!...

Въ другомъ стихотвореніи „Обрѣлъ я въ пустынѣ божественный храмъ“, (пер. В. Лебедева) Бараташвили даетъ другой образецъ умиленія религіознымъ стремленіемъ. Предъ лампадой негнѣнной ему слышится арфа Давида и ангеловъ гимнъ вдохновенный. Отшельникъ бѣжавшій мірской суеты, онъ тамъ забывается въ молитвѣ и думѣ. „Я чистой любви возжигалъ омиамъ, несъ душу и сердце, какъ жертву святынь... Моимъ ослѣпленнымъ и влажнымъ очамъ эдемъ открывался въ житейской пустынѣ. Но кратко блаженство,—и храмъ мой ихъ исчезъ! Съ тѣхъ поръ я, тоскуя, брожу, одинокій, не зная забвенья, не видя чудесъ...“ Поэтъ прибѣгаетъ къ звукамъ святой молитвы за неимѣніемъ друга, „съ кѣмъ могъ бы подѣлиться тревожными думами и вдохновляющими его чувствами“. „Сиротство души“, одиночество, разладъ съ общественнымъ кругомъ поселяютъ въ немъ недовольство, разжигаютъ тоску, наводятъ безпросвѣтное уныніе. Поэтъ не щадитъ суровыхъ эпитетовъ, способныхъ придать жизни безотрадный, преисполненный ужасомъ, мрачный колоритъ, называя ее „коварной, лживой, превратной“. Тайственный гласъ, его преслѣдующій, становясь злымъ гениемъ, доводитъ его до отчаянія, до временнаго изнеможения. Но духъ поэта чуждъ пирвагѣ, мертвой надломленности. Онъ снова воспрянетъ вѣрой въ обширное царство свободы и любви. За колеблемымъ житейскими волнами сумракомъ засіяетъ зари иной, лучшей жизни и, даже подъ гнетомъ самыхъ тяжкихъ страданій, Бараташвили почерпнетъ утѣшеніе въ упованіи въ конечное торжество добра надъ зломъ, въ примиреніи человѣчества съ Богомъ и природой. Рѣдкія минуты счастья успокоиваютъ ноющія раны, заглушаютъ его сердечныя стоны,—лучъ Востока разсвѣиваетъ въ немъ грозное облако и освѣщаетъ утомленную его душу—

То озарился весь отрадными лучами,
То снова въ сумракѣ глубокомъ утопалъ.

Поэтъ жадно слѣдитъ за всѣми свѣтлыми проявленіями общественной жизни, радуясь при видѣ признаковъ умственного пробужденія, подъема къ высшему идеалу. „На могилѣ царя Ираклія“ онъ привѣтствуетъ сыновъ страны, насаждающихъ на родинѣ свѣтъ живоносной культуры, воспламененный „лучами холоднаго сѣвера“, т. е. Россіи.

Предъ могилой твоей, о маститый герой,
Со слезами склонилъ я колѣни...
Ахъ, зачѣмъ увидать новый Грузіи строй
Не дано твоей царственной тѣни?!

Въ смертный часъ, оставляя страну сиротой,
Завѣщаль ты ей къ свѣту стремленье.
О, взгляни же: исполненъ завѣтъ твой святой—
Сладкій плодъ намъ даеъ просвѣщенье!

Время шло—и послушно за нимъ, въ цвѣтѣхъ силъ,
Шли учиться повсюду грузины;
Лучъ любви въ нихъ горѣлъ, и, горя, растопилъ
Онъ холоднаго сѣвера льдины.

И домой сѣмена они къ намъ принесли,
Солнце юга ускорило входы—
И теперь, гдѣ лишь мечъ былъ охраной земли,
Тамъ законъ охраняетъ народы.

Не страшна намъ Каспійскаго моря волна:
Не внести ей ни страха, ни горя!
И не грозныхъ враговъ, а лишь братьевъ страна
Въ гости ждетъ къ себѣ съ Чернаго моря.

Миръ же вѣчный тебѣ! Ты Иверіи всей
Былъ послѣдней опорой и силой,—
И великій стоитъ надъ тобой мавзолей—
Плачь народа надъ царской могилой!

Погруженный въ сферу своихъ возвышенныхъ идеаловъ, Н. Бараташвили считаетъ борьбу за собрата высшимъ нравственнымъ долгомъ каждого гражданина. Ему принадлежитъ такая формулировка общественной обязанности: „Жалокъ тотъ, кто жилъ, какъ мертвецъ, былъ въ мирѣ, а міру былъ бесполезенъ!“ Въ его великодушномъ сердцѣ, чутко отзываемся на людскія страданія, нѣтъ границъ въ любви къ человѣчеству, доходящихъ до христіанскаго самопожертвованія.

Безумныхъ силъ твоихъ не пропадетъ затрата
И не заглухнетъ путь, протоптанный тобой:
Имъ облегчу я путь грядущій для собрата,
Имъ облегчу борьбу грядущему съ судьбой!...

Отличаясь искренностью чувствъ и идеализмомъ стремлений, Бараташвили достигаетъ рѣдкой гармоніи при воспроизведеніи скорбей и радостей человѣка. Анализируя всѣ движенія сердца, поэтъ поставилъ цѣлью изображать полноту, истину, красоту жизни.

Уклоненіе отъ природы влечетъ за собою ея грубое искаженіе,— крѣпкая, цѣльная натура, мощная духомъ и тѣломъ, способная горячо любить и глубоко страдать становится излюбленной темой его звучной лиры. Это характерное свойство поэзіи Бараташвили выразилось въ прекрасномъ двустишіи, напоминающемъ слова Пушкина: „смѣшонъ старецъ молодящійся, и жалокъ юноша дряхлѣющій“—Блаженъ кто съ молоду былъ молодъ блаженъ....

Поэтъ въ другомъ стихотвореніи „Гіацинтъ и чужестранецъ“ возвращаетъ къ мысли о томъ, что каждый долженъ дѣйствовать согласно съ природой и своимъ назначеніемъ. Жестокой человѣкъ съ пышныхъ луговъ принесъ гіацинтъ въ убогое жилище, гдѣ, несмотря на всѣ заботы, цвѣтокъ полевой утратилъ и гордый видъ, и благовонный ароматъ. На вопросъ чужестранца, отчего гіацинтъ поблѣднѣлъ и не слышится отъ него обычный запахъ, цвѣтокъ уныло отвѣчаетъ:

Видишь ли, я свободы лишень,
Нѣтъ мнѣ равныхъ цвѣтовъ, соловья;
Не виситъ надо мной небосклонъ
И не слышенъ мнѣ говоръ ручья.
Вотъ ужъ скоро настанетъ весна,
Но погибель несетъ мнѣ она.

Чужестранецъ совѣтуетъ бросить мечту о свободѣ, примириться съ положеніемъ „подъ золотомъ яркимъ“, гдѣ лелѣютъ его красоту и берегутъ отъ гибельнаго холода. Но гіацинтъ спрашиваетъ:

Но зачѣмъ мнѣ большой этотъ домъ?
Спертымъ воздухомъ вѣетъ кругомъ!
Въ этой душной темницѣ своей
Не могу я листки развернуть;
Не журчитъ здѣсь прозрачный ручей
И роса не кропитъ мою грудь.
Здѣсь меня не лобзаетъ зефиръ,
Своей тѣнью не кроетъ аиръ (Переводъ А. Б.).

Чужестранецъ настойчиво указываетъ гіацинту на выгоды пребыванія подъ крыломъ любви человѣка, напоминая, что цвѣтокъ давно бы

поблекъ, еслибъ былъ онъ „предоставленъ своей судьбѣ“... Гиацинтъ знаетъ, что „конецъ“ есть во всемъ, но его печаль иная:

Съ этимъ чуднымъ земнымъ бытіемъ
Мнѣ разстаться безвременно жаль.

Природѣ не суждено зимой умирать, она облачается въ трауръ отъ грусти, при воцареніи сѣверныхъ вьюгъ,—

Но лишь только повѣетъ весной,
Она блещетъ, сіяетъ опять.
Блескъ звездъ и звездъ красота,
И поетъ соловей о любви.
О, съ какимъ бы восторгомъ тогда
Я раскрылъ лепесточки свои!

Эти слова погружаютъ чужестранца въ горькое раздумье,—онъ мысленно сравниваетъ участь гиацинта съ судьбой своей возлюбленной невесты, которая, „быть можетъ, грусть на вѣки въ душѣ затая, ужъ иссохла, исчахла по немъ отъ тоски на чужой сторонѣ“. Вѣдь ее, подобно цвѣтку, «увезли въ край чужой, гдѣ гнететъ ее рокъ вдалекѣ отъ родимой земли».

И померкла моя тамъ звезда
Въ безразсвѣтной, угрюмой глуши,
И ужъ я не улюбьсю никогда
Ароматомъ невинной души.

Идея приведеннаго стихотворенія охватываетъ не только кругъ полевыхъ цвѣтовъ, поблекшихъ въ неволѣ, но характеризуетъ сферу человѣческихъ способностей, погибающихъ на не приспособленной дѣятельности. Отсутствие гармоніи между естественными наклонностями человѣка и принудительнымъ направленіемъ ихъ перерождаетъ и заглушаетъ свободный ростъ душевныхъ силъ, иссушаетъ [внутренній міръ] подъ давленіемъ условныхъ приличій и вѣшняго лоска.

Въ этихъ словахъ грузинскаго поэта намъ слышится энергичное воззваніе Ж.-Ж. Руссо: „Возвратись къ природѣ!“ Подобно знаменитому автору «Исповѣди», Бараташвили вдохновляется «чувствомъ истинной любви», находя въ немъ мощное орудіе для борьбы за свободу личности. Онъ одухотворяетъ, очищаетъ страсть отъ чувственной примѣси предшествовавшихъ поэтовъ. «Святое чувство» получаетъ въ его стихотвореніяхъ восторженный жаръ и благоговѣйную серьезность. Поэтъ считаетъ потребность любви неотъемлемой принадлежностью человѣка, видя въ ней «согрѣвающую міръ» жизненную силу. Пламенное его чувство не знаетъ умѣренности: онъ готовъ „иссушить слезы, облегчающія его

скорбь, сжечь сердце медленнымъ огнемъ и пепель его воскурить, какъ еиміамъ, возлюбленной богинѣ своей!“ Въ другомъ стихотвореніи, „Чинара“, поэтъ съ особенною яркостью подчеркиваетъ силу тайной, скрытой любви.

На крутой одинокой скалѣ
Надъ шумливо—мятежной Курой
Сладко дремлетъ чинара во мглѣ,
Сладко шепчетъ ей вѣтеръ ночной.

И роптанье мятежной волны,
И шуршанье чинары вѣтвей,
Пѣсней жизни немолчной полны
Въ серебристомъ сияньи ночей.

День за днемъ омываетъ утесъ
Пѣна страстно тоскующихъ водъ,
И волна набѣгающихъ слезъ
О любви безконечной поетъ.

Но высоко во мглѣ голубой
Молодая чинара стоитъ,
И спокойно и гордо порой
Передъ вѣтромъ головку клонитъ.

Чѣмъ сильнѣе трепещутъ листы,
Тѣмъ мятежнѣе волны встаютъ:
Все безумнѣй кипятъ въ нихъ мечты,
Все сильнѣй они мечутъ и бьютъ.

Такъ ревнуетъ и муки таитъ
Тотъ, кто любить сильнѣй и сильнѣй.
Если пламя любви озаритъ
Его душу томленьемъ страстей.

День за днемъ омываетъ утесъ
Пѣна страстно тоскующихъ водъ,
И волна набѣгающихъ слезъ
О любви безконечной поетъ.

(Перев. Т. Бекханова).

На отвѣсной скалѣ, близъ Куры, одиноко стоялъ чинаръ прелестный, тѣнистый, высокій. Легкое вѣяніе вѣтерка приводитъ въ движеніе вѣтви чинара, вступающія таинственнымъ языкомъ въ какую-то упорительную бесѣду съ волнами Куры; рѣка стонетъ, обвивая корни дерева, словно завидуя зефиру, обнимающему голову горделиваго чинара: „такъ

мучится тайно и сильно сердце того, въ комъ теплится небесная искра любви!“ Н. Бараташвили не ослѣпляется однимъ наружнымъ блескомъ, красоту онъ понимаетъ, какъ гармоничное сочетание полноты души и тѣлесной, только она внушаетъ „вздохи и вѣчную любовь“—ея прелесть озаряетъ небесный лучъ и сама медика ея безсмертіемъ вѣнчаетъ—его идеалистическая любовь есть своего рода преклоненіе предъ *геніемъ чистой красоты*, отождествленіе истинной любви съ истинной красотой въ духѣ философа Платона.¹⁾

Въ поискахъ за истиной и красотой кн. Бараташвили останавливается въ очарованіи предъ великой силой грандіозной природы, воплощающей полноту поэзии въ торжественномъ великолѣпнн. „Мертвая натура“ стоитъ въ своихъ стихійныхъ проявленіяхъ ближе къ отвлеченной правдѣ, и поэтъ ищетъ покоя въ странѣ тѣнистыхъ чинаръ, зеленыхъ ковровъ, горныхъ вершинъ, бурныхъ потоковъ Арагвы, одухотворяя ихъ жизненной силой своей души, дѣлая участницей своихъ радостей и страданій. Чистота и естественность величавой природы приобщается всѣмъ, приближающимся къ ней, чуждымъ житейской лжи и мятежной страсти. Выраженіемъ этихъ убѣжденій Бараташвили служитъ стихотвореніе, посвященное „Младенцу“. Поэтъ любитъ младенца нѣжный лепетъ, любить звукамъ тѣмъ внимать, когда съ улыбкой райско-безмятежной лепечетъ онъ, лаская мать!

Его мірокъ—міръ материнской ласки,
Въ немъ беззаботно и тепло—
И вотъ на все младенческіе глазки
Глядятъ безстрашно и свѣтло.

Въ его лепетѣ не слышится никакой фальши,—доносится звукъ ангельскихъ голосовъ, произнесенныхъ райскимъ языкомъ. „Въ младенцѣ нѣтъ заботы непрестанной о томъ, какъ жить,—въ немъ муки нѣтъ. На божій свѣтъ являясь, гость желанный въ семью и самъ онъ вносить свѣтъ“.

О, лепечи! Буди въ насъ сладкій трепеть,
Пока еще свободенъ ты,
Пока свободенъ твой невинный лепетъ
Отъ узы житейской суеты.

Природа и сердце останутся до конца жизненными нитями поэта. Сердце не только согрѣвающій очагъ, но и свѣточъ, потому что сила любви всемогуща; другъ жизни—„священный храмъ, озаряющій сіяніемъ судьбою разбитое сердце“; любовь—лампадка, возженная въ пустынныхъ

¹⁾ На это стихотвореніе впервые серьезное вниманіе обратилъ кн. Визировъ, авторъ лучшей критической статьи о произведеніяхъ кн. Бараташвили.

мѣстахъ. Поэтъ одинокъ, но душа его исполнена былой отзывчивости; онъ утратитъ надежду обрѣсть *родную душу* („святителица вновь не воздвигну себѣ“), но проникнется безпредѣльной любовью къ человѣку и горячею вѣрою въ его лучшую будущность, онъ отречется отъ личнаго счастья, но всецѣло подчинится болѣе высокому и святому чувству—любви къ собрату, идеѣ общественной борьбы. Онъ все земное—славу самого Наполеона—сочетъ переходящей суетой, но онъ не станетъ мечтать объ идиллическомъ покоѣ,—въ немъ проснется захватывающій жгучій духъ героизма, въ груди его поднимутся порывы бури, ненасытныя страсти, необъятныя силы. Этотъ буйный споръ съ житейскими волнами и безавѣтное служеніе гражданскому знамени нашли блестящее выраженіе въ вѣщѣ поэтического творчества кн. Бараташвили, въ стихотвореніи „Пегасъ“. Оно представляется намъ настолько замѣчательнымъ, что мы считаемъ необходимымъ привести его въ полномъ видѣ по переводу И. Ф. Тхоржевскаго.

Летитъ мой конь впередъ, дорогъ не разбирая,
А черный воронъ вслѣдъ зловѣщій крикъ свой шлетъ.
Лети мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!
На перекоръ вѣтрамъ, скачи чрезъ горы, воды,
И жизненный мой путь, молю, укороти!
Не бойся, о, мой конь, жары и непогоды,
Не бойся утомить ты всадника въ пути.
Пусть кину край родной, въ душѣ но немъ тоскуя,
И не увижу вновь не милой, ни родныхъ;
Гдѣ свѣтъ разсѣтъ тьму, тамъ родину найду я,
Тамъ звѣздамъ расскажу всѣ тайны чувствъ моихъ...
Стонъ сердца—слѣдъ любви—поймутъ: волна морская
И полный красоты безумный твой полетъ!...
Лети мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!
Пусть трупъ мой не снесутъ на кладбище родное,
Пусть милая къ нему не упадетъ въ слезахъ,
Пусть воронъ выклюетъ глаза мои и, воя,
Пусть вѣтеръ занесетъ пескомъ мой жалкій прахъ.
Возлюбленной слезу—роса небесъ замѣнитъ,
А карканье воронъ—замѣнитъ плачь друзей.
Лети, мой конь, себѣ твой витязь не измѣнитъ:
Не бывъ рабомъ судьбы, онъ не уступитъ ей!
Пусть будетъ одинокъ твой всадникъ, умирая;
На встрѣчу смерти самъ, безстрашный, онъ пойдетъ.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!
Безумныхъ силъ твоихъ не пропадетъ затрата

И не заглохнет путь протоптанный тобой:
 Имъ облегчу я путь грядущій для собрата,
 Имъ облегчу борьбу грядущему съ судьбой!...
 Летитъ мой конь впередъ, дорогъ не разбирая,
 А черный воронъ вслѣдъ зловѣщій крикъ свой шлетъ.
 Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
 И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Поэтъ готовъ разстаться съ друзьями, родными, образомъ возлюбленной, умереть вдали отъ отечественной земли, среди черныхъ вороновъ, въ твердомъ убѣжденіи отстаивать свой идеаль, свое знамя. Мысль о самопожертвованіи во имя блага родины проведена Бараташвили въ поэмѣ „Судьба Грузин“, въ которой онъ развертываетъ мрачную эпоху ослабления родины послѣ нашествія свирѣпаго Ага-Магометъ-Хана, шаха персидскаго, и воскрешаетъ величавый ликъ грознаго, мощнаго царя Ираклія II, по глубокомъ и горькомъ размышленіи, рѣшившаго, вопреки совѣту отважныхъ, непреклонныхъ пылкихъ патриотовъ, поручить свою страну попеченію единовѣрной Россіи. Героиня поэмы, жена царскаго совѣтника, Соломона, фигурально рисуетъ предстоящую участь своей родины, сравнивая ее съ „нѣжнымъ соловьемъ, заключеннымъ въ золотую клетку“... Царь возноситъ горячее моленіе Творцу предъ боемъ:

„О, Боже правый! святой воли
 „Твоей вѣряю край родной:
 „Ты знаешь Самъ о скорбной долѣ,
 „Что намъ ниспослана судьбой.
 „Силень нашъ врагъ! Мы съ грозной тучей
 „Должны вступить въ неравный бой...
 „Но Ты десницею могучей
 „Насъ укрѣпи передъ борьбой!“...

Поэтъ съ неудержимымъ негодованіемъ изображаетъ предательскую измѣну внутренняго врага.

Предъ станомъ войскъ своихъ Ираклій
 Молился такъ передъ грозой...
 Поля Карцанискіе ужъ къ бою
 Грузины заняли съ зарею;
 Ихъ врагъ Ага-Мамедъ—быль-ханъ,
 Гроза всѣхъ непокорныхъ странъ!
 Ираклій зналъ, что дѣло трудно:
 Свои войска онъ ободрить
 И чудо мудрости являть!
 „Взгляните: съ дерзостью какою
 „Возстали персы противъ насъ!

„Сегодня Грузинъ судьбою
 „Знать роковой назначенъ часъ.
 „Мужайтесь! За страну родную
 „Сегодня Я сражаюсь Самъ!
 „Кто любитъ родину святую,
 „Покажетъ тотъ себя врагамъ!“...
 „Да будетъ святъ Творецъ небесный,
 „Что даль намъ слышать голосъ Твой,
 „Равно пріятный и извѣстный“!
 Воззвалъ народъ къ нему толпой:
 „Иль будетъ спасена отчизна,—
 „Такъ знай нашъ Царь и властелинъ,
 „Иль, если къ намъ судьба капризна,
 „То мы умремъ всѣ, какъ одинъ!“...
 Раздался трубный звукъ, и вотъ
 Зажглись сердца на смерть готовыхъ
 Грузинъ за родину свою!
 О, трубный звукъ! Какъ много новыхъ
 Родись героевъ ты въ бою:
 Храбрецъ подъ звукъ твой вдохновится,
 Трусъ возродится въ мигъ душой;
 Влюбленный даже позабыться
 Подъ звукъ способенъ боевой...
 Какъ съ тигромъ лютымъ левъ голодный
 Грузины съ Персами сошлись
 И кровью чистой, благородной
 Въ бою отчаянномъ слились!
 Спустилась почъ—и вотъ покой
 Смѣнилъ на время лютой бой.
 Побѣда Иверцамъ досталась
 Совѣмъ не дешево, увъ!
 И сердце царское сжималось
 При мысли, что убиты львы—
 Надежда, цвѣтъ страны печальной
 Сложили головы въ бою!
 Ихъ имена—звукъ погребальный!
 Ихъ больше нѣтъ въ родномъ краю;
 Лишь холмъ, насыпанный рукою
 Друзей, свидѣтель будетъ имъ,
 Что здѣсь лилась ихъ кровь рѣкою...
 Холмъ этотъ долго будетъ чтимъ!
 О васъ, герои, всѣ ужъ знаютъ,
 Изъ устъ въ уста васъ прославляютъ!
 Васъ Провидѣніе хранитъ,
 Потомство вашу память чтитъ!

И вновь Праклій рѣчь держаль.
 „Намъ лучше въ городъ возвратиться
 „И въ немъ тотчасъ-же укрѣпиться,
 „Пока часъ утра не насталь;
 „Вѣдь много войскъ у Мамедъ-хана,—
 „У насъ нѣтъ трети его стана,—
 Съ царемъ согласны всѣ—и прочь
 Ушли всѣ въ городъ въ ту же ночь;
 И до разсвѣта укрѣпляли
 Войска Тифлисъ у Парикали;
 И вотъ для жаркаго труда
 Съ зарей всѣ двинулись туда!
 Но солнца лучъ въ тотъ день раскись
 И тучей былъ покрыть Тифлисъ!
 Врагъ къ укрѣпленью подступилъ,
 Три дня здѣсь бился тщетно опъ,
 И, выбившись совсѣмъ изъ силъ,
 Ужъ отступать былъ принужденъ,
 Но подлый, гнустный врагъ грузинъ,
 Ихъ выдалъ человѣкъ одинъ!....
 Измѣнникъ броню боевую
 Смѣнилъ на плату небольшую:
 Ворота крѣпости открылъ
 И Мамедъ-хана въ нихъ впустилъ!
 Измѣной подлой пораженный,
 Царь возмущенъ былъ всей душой,
 Но посмѣяться, хотъ сраженный,
 Не далъ врагу онъ надъ собой;
 Какъ лютый звѣрь съ остервененьемъ
 Его искать сталъ Мамедъ-ханъ,
 Чтобъ умертвить и съ наслажденьемъ
 Испить бы могъ кровь царскихъ ранъ!
 Такъ посмѣялся рокъ надъ ними,
 И обожаемый монархъ
 Ираклій—былъ спасенъ лихими
 Друзьями отъ враговъ въ горахъ!

Возвращаясь къ общей характеристикѣ лиры кн. Бараташвили, мы напомнимъ, что онъ началъ свою поэтическую дѣятельность съ мелодіи разочарованія и туманнаго недовольства. Ранняя человѣческая мысль говорить о разочарованіи и о путяхъ спасенія отъ этого страшнаго нравственнаго недуга. Пути эти крайне разнообразны, но главнѣйшихъ

¹⁾ Ни одного изъ грузинскихъ поэтовъ такъ усердно не переводили на русскій и нѣмецкій языкъ, какъ кн. Бараташвили. Нѣкоторыя изъ его лирическихъ пьесъ имѣются въ нѣсколькихъ переводахъ.

два, совершенно различныхъ, противоположныхъ. Одинъ ведетъ къ уничтоженію жизни, нирванѣ буддистовъ, другой ведетъ къ перерожденію, самосовершенствованію. Одинъ будетъ разочарованіемъ застоя и смерти, другой—разочарованіемъ надежды и прогресса. П. Бараташвили является представителемъ европейскаго недовольства, исполненнымъ свѣжихъ силъ и протеста противъ существующаго общественнаго уклада. Окруженный океаномъ пошлости и лжи, лишенный друга и сочувствующей души, грузинскій поэтъ сначала ищетъ идеала въ вѣчно юной и красивой природѣ, подобно Байрону и Лермонтову, лобуется сіяніемъ луны, дыханіемъ вѣтра, плескомъ Арагвы.

Бѣжитъ-шумитъ веселая Арагва,
 Шумитъ ей влѣдъ лѣса окрестныхъ горъ;
 И любо ей, заигрывая съ ними,
 Безстрашно въ даль стремиться на просторъ.

*
**

О вы, лѣса! вы, берега Арагвы!
 Въ тѣни деревъ зеленыхъ вашихъ—рай!
 Никакъ грузинъ не совладеетъ съ сердцемъ,
 Когда предъ нимъ прекрасный этотъ край.

*
**

И, какъ бы онъ въ пути ни торопился,
 Сойти съ коня онъ здѣсь не преминетъ;
 Глотокъ-другой вина въ прохладѣ выпьетъ,
 Коня пастись отпуститъ и заснетъ.

*
**

А тамъ, въ струяхъ Арагвы оствѣжившись,
 Онъ, лихо гаркнувъ, ей отдастъ поклонъ—
 И пусть потомъ онъ даже запоздаетъ,
 Куда спѣшилъ,—жалѣть не будетъ онъ!

Въ тишинѣ молчаливой ночи поэтъ изъ пассивнаго мечтателя превращается въ самоотверженнаго героя съ непоколебимой вѣрой въ прогрессъ, въ универсальное возрожденіе человѣка къ лучшей, благородной жизни. Кн. Бараташвили первый грузинскій поэтъ-мыслитель, воплотившій въ своихъ произведеніяхъ идеалы, завѣщанные просвѣтительнымъ движеніемъ XVIII вѣка: свобода и нравственная сила личности, естественная справедливость и сердечная искренность. Идеалистическій духъ его лиры облекается въ виртуозную до совершенства форму: плѣнительно-звучный и выразительный стихъ, яркость и отчетливость образовъ, точность и рельефность очертаній, пластичность языка и ритма

сообщают его стихотворениямъ, всегда согрѣтымъ какою-то нѣжною грустью и легкою тоской, ослѣпительный блескъ и чарующую красоту¹⁾.

Первый грузинскій драматургъ, кн. Г. Д. ЭРИСТОВЪ.

(1811—1864).

2-го января 1900 года въ Тифлисѣ было торжественно отпраздновано пятидесятилѣтіе грузинскаго театра. Исторія тифлискаго театра начинается со времени назначенія кн. Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ. По его мысли, извѣстный литераторъ графъ В. А. Сологубъ составилъ проектъ объ организаціи, на ряду съ русской труппой, грузинскаго драматическаго товарищества, директоромъ котораго былъ назначенъ кн. Г. Д. Эристовъ. До насъ дошли отрывочныя извѣстія о случайныхъ спектакляхъ при дворѣ грузинскихъ царей XVIII вѣка, когда были переведены между прочимъ ложно-классическія трагедіи Расина и Сумарокова. Укрѣпленію въ грузинскомъ обществѣ стремленій къ сценическимъ удовольствіямъ содѣйствовало А. С. Грибоѣдовъ, пьеса котораго „Горе отъ ума“, переведена была на грузинскій языкъ кн. Эристовымъ. Жизнь и дѣятельность этого писателя, связавшаго свое имя съ основаніемъ перваго грузинскаго театра и перваго грузинскаго журнала „Цискари“, составляетъ одинъ изъ важныхъ моментовъ въ культурной исторіи Грузіи.

Кн. Георгій Давидовичъ происходитъ изъ знатной и извѣстной фамиліи Ксанскихъ Эристовыхъ, пользовавшихся когда-то въ краѣ большимъ вліяніемъ и вѣсомъ. Онъ родился въ 1811 году и до десяти лѣтъ не покидалъ родительскаго дома, оставаясь подъ присмотромъ своей матери, урожденной Кобуловой, женщины въ высшей степени набожной и скромной, прекрасно знакомой какъ съ священнымъ писаніемъ, такъ и со всѣми лучшими произведеніями грузинской классической литературы. Это дало ему знаніе грузинскаго языка, а условія окружающей жизни ознакомили съ тѣмъ разнообразнымъ и разнокалибернымъ міромъ сельскихъ помѣщиковъ, дворянъ, крестьянъ, кунцовъ-кулаковъ, изъ котораго онъ черпалъ впоследствии матеріалъ для своихъ образцовыхъ комедій... Десяти лѣтъ онъ былъ отданъ въ Тифлисское благородное училище, и, не кончивъ курса, изъ пятаго класса былъ отправленъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Евстафіемъ въ Москву, къ дядѣ своему, митрополиту Варлааму. Здѣсь онъ учился въ одномъ изъ частныхъ пан-

¹⁾ Современники оцѣнили всю тяжесть утраты, понесенной Грузіей въ лицѣ Н. Бараташвили. Кн. Лев. Меликовъ, товарищъ по школьной скамьѣ въ письмѣ отъ 19 янв. 1816 г. писалъ кн. Г. Орбеліани: „Грузія потеряла въ немъ человека, который любилъ ее всей своей поэтической душой и эту любовь ставилъ выше своего долга по службѣ, родители единственную опору на старости лѣтъ, грузины лучшаго соотечественника, друзья товарища, связывающаго ихъ своимъ теплымъ сердцемъ“. *Кавказъ*. 1893, 3. Переводы его стихотвореній см. у Тхоржевскаго, Кипіани, Величко, Лебедева и Бекхановой. На нѣмецкомъ языкѣ имѣются его стихотворенія въ переводѣ Арт. Лейста (см. его *georgische Dichter*).

сіоновъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1825—27 гг.) и успѣшилъ вернуться на родину въ виду того, что суровый сѣверный климатъ неблагоприятно отозвался на здоровьѣ обоихъ мальчиковъ. Въ Грузіи Георгій нѣкоторое время оставался безъ дѣла, вращаясь въ кружкѣ немногочисленной еще тогда туземной интеллигенціи изъ молодыхъ людей, побывавшихъ въ Россіи, и питомцевъ Тифлискаго благороднаго училища. Кружокъ этотъ былъ чисто-литературный, и члены его для забавы пописывали стихи, сочиненіемъ которыхъ кн. Эристовъ увлекся еще въ школѣ, когда ему было только 12 лѣтъ...

Спустя нѣсколько времени, кн. Г. Эристовъ поступилъ на службу при тогдашнемъ Тифлисскомъ губернаторѣ Стрекаловѣ, откуда уже затѣмъ былъ переведенъ въ свиту новаго намѣстника кавказскаго, барона Розена. Къ этому времени въ судьбѣ нашего поэта произошла нѣкоторая перемена, которая возмѣла сильное вліяніе на него и на характеръ его литературной дѣятельности впоследствии.

Это была гроза¹⁾, гроза страшная и опасная, неожиданно въ 1832 г. разразившаяся вдругъ надъ кружкомъ мѣстной интеллигенціи и нѣсколькихъ горячихъ умовъ (кн. Гр. и В. Орбеліани, Д. Кипіани, и др.), составившихъ заговоръ, имѣвшій цѣлью возвратити Грузію черезъ 30 лѣтъ послѣ ея присоединенія къ Россіи, политическую самостоятельность.

Государь Николай I не захотѣлъ придавать важность „дѣлу нѣсколькихъ безумцевъ“ и, облегчивъ имъ наказаніе, сохранилъ тѣмъ много талантливыхъ, отличавшихся впоследствии на государственной службѣ, людей. Князь Г. Эристовъ, отсидѣвъ нѣкоторое время въ Метехскомъ замкѣ въ Тифлисѣ, былъ сосланъ въ Польшу.

Молодымъ, полнымъ жизни юношей, поэтъ попалъ въ страну словно храмъ святой, оглашаемую чудною лирой поэта Мицкевича. Легко понять, что это была для него не ссылка, а новая и чуть не самая лучшая школа. Вездѣ и всюду онъ встрѣчаетъ то, что соотвѣтствовало его желаніямъ и волновало его душу. Двери виленскаго университета онъ находитъ для себя открытыми, а могучая поэзія Мицкевича заставляетъ его изучити польскій языкъ и переводить съ него на свой родной языкъ²⁾.

Онъ присматривается къ жизни польскаго общества, къ его идеаламъ и стремленіямъ, анализируетъ послѣднія, проникается ими.

И всѣ волновавшія его въ то время чувства выливаются въ пѣсняхъ, то переводныхъ, то оригинальныхъ, и полныхъ благодарности къ своему „новому отечеству“, и отзывавшихся тихой тоской по отдаленной покинутой родинѣ. Четыре долгихъ года и семь мѣсяцевъ про-

¹⁾ См. объ этомъ выше *Общественное движеніе въ Грузіи*.

²⁾ Онъ перевелъ изъ Мицкевича стихъ „Пилигримъ“, „На могилѣ Потоцкаго“, „Акерманское поле“ и др. Кромѣ Мицкевича, онъ переводилъ изъ Пушкина, Лермонтова (и скучно и грустно), Шиллера (Перчатка), В. Гюго, Петrarки, Беранже, Рюккерта и др. Ему же принадлежитъ переводъ на грузинскій языкъ ком. нѣсколькихъ сценъ изъ „Горе отъ ума“ Грибоѣдова.

ходить въ этомъ положеніи; поэтъ живетъ жизнью изгнанника, и очарованнаго пріемомъ поляковъ, и тоскующаго по милой отчизнѣ. Эти чувства прекрасно имъ выражены въ стихотвореніи „Чужестранцу“.

Возвращенный на родину изъ ссылки, онъ нѣкоторое время пребываетъ въ тиши деревенскаго уединенія, гдѣ муза его диктуетъ ему свои откровенія, и они, въ формѣ стихотвореній и комедій, проникаютъ еще въ рукописи по городамъ и селамъ Грузіи. Первые же опыты пера кн. Эрнстова сразу обращаютъ на него вниманіе общества, и молодой поэтъ быстро приобретаетъ широкую популярность. Благопріятныя условія пришли на помощь развивавшемуся таланту грузинскаго писателя. Условія эти явились послѣдствіемъ той радикальной перемѣны въ общественной жизни Кавказа, которая настала со времени назначенія намѣстникомъ кн. Воронцова въ 1845 г. Значеніе этой перемѣны выступить яснѣе при сравненіи съ предшествовавшей эпохой общественнаго настроенія въ Грузіи.

Извѣстный поэтъ, князь Акакій Церетели, характеризуюя этотъ періодъ жизни грузинскаго общества, называетъ его „сумерками“, „эпохой всеобщаго оцѣпененія и спячки“. Названіе это прекрасно характеризуетъ до-воронцовскую эпоху въ Грузіи.

Кавказъ того времени представлялъ изъ себя громадный лагерь, заглущавшій и дѣлавшій невозможною всякую мирную дѣятельность.

Въ странѣ, которая до назначенія кн. Воронцова намѣстникомъ не знала почти значенія гражданской дѣятельности, закипѣла жизнь, дремавшія силы были вызваны наружу; всякій почувствовалъ потребность если не дѣлать, то хоть заявить о чемъ-нибудь полезномъ: проекты и предположенія посыпались со всѣхъ сторонъ. Открываются школы и благотворительныя учрежденія, поощряются всѣ виды промышленности, появляется газета „Кавказъ“¹⁾, улучшаются пути сообщенія, открывается пароходство на низовьяхъ Куры и на озерѣ Гокчѣ. Самъ Тифлисъ, резиденція намѣстника и столица окраины, преобразовывается и украшается новыми зданіями, населеніе оживаетъ и расцвѣтаетъ надеждами, страна принимаетъ видъ праздничный, шумный. Дѣятельность намѣстника живопріемно отразилась на духовномъ преуспѣянніи края, въ основаніи театра и въ развитіи мѣстной литературы²⁾.

Вскорѣ послѣ пріѣзда кн. Воронцовъ озаботился основаніемъ театра, гдѣ могли бы устраиваться какъ русскіе, такъ и грузинскіе спектакли. Изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей онъ узналъ, что существуетъ рукописная грузинская комедія, написанная кн. Г. Эрнстовымъ. Авторъ ея немедленно былъ вызванъ въ Тифлисъ, и пьеса его отдана на разучиваніе организовавшемуся кружку сценическихъ любителей.

¹⁾ Объ изданіяхъ до газ. „Кавказъ“ см. мою брошюру. „Два эскиза изъ культурной жизни грузинъ“.

²⁾ Платонъ Юселиани подъ его покровительствомъ предпринимаетъ изданіе памятниковъ грузинской старины, таковы: Готовое слово католикаса Антонія I, Путешествіе по святымъ мѣстамъ архіеп. Тимофея и митроп. Іоны.

2-го января 1850 года на сценѣ гимназическаго зала, при громадномъ стеченіи зрителей, въ числѣ которыхъ находился и намѣстникъ со всѣмъ своимъ семействомъ и свитою, была представлена въ первый разъ комедія кн. Г. Эрнстова „Раздѣлъ“ на грузинскомъ языкѣ. Спектакль имѣлъ блестящій успѣхъ, апилодисментамъ не было конца.

Намѣстнику особенно понравился авторъ пьесы, игравшій роль Микуртума Гаспарыча. Газ. „Кавказъ“ привѣтствовала первый грузинскій спектакль лестной замѣткой.

3-го мая того-же года въ роскошномъ зданіи только-что отстроенаго Тифлискаго театра дана была „Тяжба“, комедія того же кн. Эрнстова, и съ тѣмъ же блестящимъ ансамблемъ.

Судьба грузинскаго театра такимъ образомъ была рѣшена окончательно: кн. Воронцовъ, убѣдившись въ возможности успѣха грузинскаго театра въ Тифлисѣ, пожелалъ поставить его на твердую почву. Прежде всего, кн. Г. Эрнстова онъ зачислилъ въ свою свиту, назначивъ его младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій. Ему было поручено набрать грузинскую труппу, на содержаніе которой намѣстникъ приказалъ выдавать ежегодно по 4000 р. Впослѣдствіи эта сумма была увеличена до 5000 р., изъ которыхъ 1000 р. выдавалась на „дрожки“, чтобы актеры не ходили пѣшкомъ на репетиціи во избѣжаніе простуды. Разными ухищреніями и заманчивыми обѣщаніями отъ имени могущественнаго намѣстника была составлена труппа, поступившая подъ его особое попеченіе.

Намѣстникъ Кавказскаго края близко принималъ къ сердцу дѣло грузинскаго театра, самъ появлялся на репетиціяхъ и давалъ актерамъ различныя указанія. Когда покойный Государь Александръ Николаевичъ, тогда еще Наслѣдникъ, пріѣхалъ въ 1850 году, то въ Дидубѣ, въ предмѣстьѣ Тифлиса, послѣ смотра войскамъ, намѣстникъ взялъ за руку кн. Эрнстова и представилъ его Наслѣднику, говоря: „Рекомендую, Ваше Высочество, грузинскаго Мольера“.

Будущій Государь подаль руку кн. Эрнстову и съ улыбкой сказалъ: „Очень радъ слышать, что и у грузинъ имѣется свой Мольеръ“.

Дни грузинской сцены, однако, были сочтены.

Дирекція Тифлискаго театра неблагоосклонно отнеслась къ грузинской труппѣ, давая ей право играть предъ или послѣ русской, или итальянской труппы. Послѣ того, какъ Воронцовъ былъ переведенъ съ Кавказа, была прекращена выдача содержанія грузинской труппѣ.

Князь же Эрнстовъ бросилъ все и съ стѣпеннымъ сердцемъ уѣхалъ въ свое имѣніе, въ Хидистави. Рвеніе кн. Воронцова и стремленіе его разбудить всѣ дремлющія силы грузинскаго общества подняло настроеніе мѣстной интеллигенціи такъ восторженно, что ограничиться однимъ театромъ представлялось дѣломъ положительно невозможнымъ. Жизнь предъявила рядъ требованій, которыя слѣдовало удовлетворить.

И однимъ изъ такихъ требованій было желаніе имѣть свой собственный органъ, свою собственную литературу. Воронцовъ, какъ тонкій

администраторъ, посмотрѣлъ на дѣло изданія туземнаго журнала, какъ на культурную задачу. Обласкавъ и ободривъ кн. Эристовъ, будущаго редактора, намѣстникъ, отнесся съ просьбой о разрѣшеніи изданія журнала прямо къ Императору Николаю и самъ первый внесъ свою фамилію въ число подписчиковъ журнала. Онъ подписался сразу на 100 экземпляровъ въ пользу только-что учрежденнаго женскаго заведенія св. Нины.

Словомъ новый журналъ „Цискари“ („Заря“) появился въ свѣтъ при весьма выгодныхъ условіяхъ.

Первый грузинскій журналъ (съ января 1852 г.) не имѣлъ ни политическаго, ни критическаго отдѣла: все содержаніе его ограничилось беллетристикою, стихотвореніями, немногими статьями духовно-назидательнаго содержанія, да смѣею. Даже въ выборѣ статей не соблюдалось большой разборчивости. Стихотворенія самаго редактора, Георгія Эристова, чередуются съ стихотвореніями какихъ-то Кобуловыхъ, поэтическія творенія Ал. Чавчавадзе и Н. Бараташвили—рублеными виршами безвѣстныхъ грузинскихъ пѣнговъ. Беллетристика почти вся переводная, при чемъ имя Марлинскаго встрѣчается чаще другихъ. Затѣмъ, рядомъ со „Словомъ“ грузинскаго архіепископа Варлаама (изъ князей Эристовыхъ)—практическая замѣтка о томъ, „какъ готовить гуся въ укусу“, рядомъ съ ученымъ предисловіемъ Платона Иоселіани къ „Путешествію архіепископа Тимофея“—необходимый для домовитыхъ хозяевъ рецептъ о приготовленіи желе и варенія. Журналъ вмѣстѣ съ тѣмъ видимо благоволилъ къ анекдотамъ и разнымъ мелкимъ извѣстіямъ.

Какъ-бы то ни было, первый грузинскій журналъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ съ современной точки зрѣнія все-таки принесъ громадную пользу туземному обществу. Онъ сталъ для него какъ бы второю, послѣ театра, общественною школою, оказавшеюся прекраснымъ средствомъ для пробужденія и развитія. Украшеніемъ же журнала служили произведенія самаго редактора кн. Г. Эристова. Съ журналомъ *Цискари* связана литературная дѣятельность Дан. Чопкадзе и Лавр. Ардзіани, авторовъ реалистическихъ романовъ. На страницахъ этого журнала появились историческія повѣсти Гр. Рчеулова и стихотворенія цѣлой плеяды новыхъ грузинскихъ поэтовъ и въ ихъ числѣ самого редактора.

Читая произведенія, вы такъ и чувствуете предъ собою чело-вѣка умнаго, наблюдательнаго, доподлинно вникнувашаго въ будничныя явленія окружающей жизни. Пустота и безсодержательность этой жизни очевидны для него, онъ рисуетъ ихъ съ безстрастіемъ простаго хроникера, убѣжденнаго въ ненужности выраженія какихъ-бы то ни было субъективныхъ чувствъ тамъ, гдѣ сами факты говорятъ за себя. Выражаясь фигурально, онъ держитъ въ рукахъ кисть, а не перо: онъ только фотографически воспроизводитъ картины и сцены бытовой жизни, подмѣчаетъ и создаетъ типы и характеры. И нужно отдать ему справедливость: разнообразіе этихъ типовъ и характеровъ, реальность сценъ и картинъ обличаютъ въ немъ талантливаго и далеко не поверхностнаго

знатока современнаго ему общества. Всѣ слои послѣдняго нашли въ немъ своего выразителя. По его драматическимъ произведеніямъ знакомимся съ умственнымъ состояніемъ грузинскаго общества, съ его суевѣріемъ и предрассудками,—и съ представителями крестьянскаго міра, и съ городскимъ торговымъ міромъ, и, въ особенности, съ помѣщиками. Помѣщичій бытъ, прозябающій въ бездѣйствіи, прожигающій жизнь въ гомерическихъ пирахъ, охотахъ и сутяжничествѣ—одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ автору: онъ ярче и полнѣе другихъ обрисованъ въ его комедіяхъ.

Комедія „Раздѣлъ“, первая изъ пьесъ кн. Эристова, наиболѣе богата типами старыхъ помѣщиковъ. Ихъ тутъ цѣлыхъ четыре: Андукапаръ, Павелъ, Иванъ и Бардзимъ.

Первые три—родные братья, послѣдній—ихъ родственникъ. Одинъ изъ братьевъ, Иванъ, только что пріѣхалъ изъ Россіи съ небольшимъ запасомъ свѣдѣній, жилъ долго въ Варшавѣ. Всѣ они живутъ въ несогласіи и враждѣ. Не смотря на то, что предстоящій раздѣлъ затрогиваетъ интересы каждаго изъ нихъ, они никакъ не могутъ поладить между собой, чтобы кончить дѣло полюбовно, а ограничиваются тѣмъ, что бранить другъ друга заочно. Андукапаръ—типъ стараго патріархальнаго помѣщика, болѣе своего брата Павла недовольный предстоящимъ „разореніемъ дома“, считаетъ виновника несчастья безсердечнымъ и бездушнымъ эгоистомъ, не признающимъ ни родства, ни сыновней любви. „Посылайте теперь дѣтей въ Россію, хорошему они тамъ научатся, нечего сказать!“—говоритъ онъ въ отчаяніи и идетъ совѣтоваться со своимъ кулакомъ-управляющимъ. Другой братъ, Иванъ, смѣется надъ Андукапаромъ и, коверкая его имя, чуть не въ лицо называетъ его дикаремъ.

Достается отъ него и третьему брату Павлу, который, по его словамъ, „добръ, но глупъ“. При этомъ Иванъ не стѣняется издѣваться надъ привычками и обычаями братьевъ, надъ ихъ хозяйствомъ и распоряженіями. Все это подаетъ поводъ Андукапару еще разъ удивиться странностямъ русскаго воспитанія.—„Не понимаю, ей Богу, что это съ ними дѣлается въ Россіи, отравляютъ ихъ тамъ, что ли?—спрашиваетъ онъ въ недоумѣніи.—Вѣдь, я тоже былъ въ Моздокѣ¹⁾, однако съ ума не сходилъ“.

Третій братъ, Павелъ, это—типъ, живьемъ выхваченный изъ жизни. Павелъ—человѣкъ, положительно помѣшанный на собакахъ, коршунахъ, ястребахъ. Онъ не занимается ничѣмъ, не обращаетъ ровно никакого вниманія на хозяйство, всѣ его думы устремлены на то, гдѣ бы достать или, хотя, украсть новую собаку.

Въ самую критическую минуту, когда въ присутствіи медиаторовъ происходитъ въ домѣ раздѣлъ, когда братья пускаютъ въ ходъ всѣ пружины, чтобы только урвать себѣ лакомый кусокъ, даже когда жен-

¹⁾ Городъ на сѣверномъ Кавказѣ. По представленію патріархальныхъ грузинъ, онъ находится чуть ли не на окраинѣ вселенной.

щины вмѣшиваются въ дѣло, Павелъ, все-таки не можетъ освободиться, хоть на минуту, отъ своей страсти. Пристыживаемый и увѣщаемый женою, женщиной дѣятельной и находчивой („во время царицы Тамары она непремѣнно была бы визиремъ: самаго умнаго человѣка проведеть, Дидебулдзевыхъ она просто со свѣта сжила бы, если бы была мужчиною,“—говоритъ о ней восхищенный мужъ), Павелъ рѣшается на короткое время разыграть изъ себя человѣка дѣловаго, другими словами—поддакивать женѣ, которая склонилась на свою сторону медиаторовъ, болѣе ими менѣе заманчивыми обѣщаніями. Однако и эта роль оказывается не подъ силу ему, и онъ совершенно неожиданно становится героемъ весьма комической сцены.

Въ то самое время, когда одинъ изъ медиаторовъ только что началъ читать рѣшеніе, въ комнату вбѣгаетъ обезумѣвшій отъ страха имеретинъ—слуга со страшнымъ извѣстіемъ, что коршунъ улетѣлъ. Этого достаточно, чтобы Павелъ преобразился мгновенно. Онъ со всѣхъ ногъ бросается вонъ изъ комнаты и притомъ съ такой стремительностью, что соединенныя усилія секретаря и медиатора не могутъ удерживать его на мѣстѣ.

„Что вы съ ума сошли,—кричитъ онъ имъ на бѣгу,—вѣдь коршунъ то присланъ отъ Мачутадзе, гдѣ ужъ тутъ думать о раздѣлѣ!“ И Павелъ не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не ловитъ и не привозитъ съ собою своего коршуна. Во время общихъ пререканій и споровъ по раздѣлу, онъ не столько слѣдитъ за происходящимъ, сколько развлекается игрой и бѣготней собакъ, за которыми онъ наблюдаетъ изъ окна. На приглашеніе Андуканара бросить эту глупость и вмѣшаться въ совѣщаніе онъ отвѣчаетъ тѣмъ, что съ своей стороны совѣтуетъ брату полюбоваться на бѣснованія Джерапы (любимая собака Павла). „Ты, эй, Бонжуръ!“—кричитъ онъ другому брату,—не скажешь ли ты, что твоя лягавая лучше моей Джерапы! Та, та, та, гляди, какъ играетъ, словно танецъ какой-нибудь танцуетъ! Не похожа на твою собаку; вѣдь ей, твоей то, по-французски нужно говорить, а по нашему вѣдь она ни аза не смыслитъ!“ Да, тинъ Павла прямо взять изъ жизни и, можетъ быть, срисованъ съ натуры! Каждое слово, каждое дѣйствіе свидѣтельствуетъ объ этомъ. Не менѣе реаленъ и оригиналенъ конецъ комедіи.

Жена Павла, та самая, которая, по его словамъ, была бы достойной быть визиремъ царицы Тамары, такъ искусно опутываетъ медиаторовъ разными обѣщаніями, что тѣ всѣ дѣйствуютъ въ руку ей, и ея милые деверя остаются не причемъ.

Послѣдніе, видя себя обманутыми, вымѣщаютъ свою злобу тѣмъ, что ругаютъ медиаторовъ и ломаютъ разные хрупкія вещи, которые должны достаться Павлу. Впрочемъ, дѣло не обходится только этимъ: Иванъ ругаетъ брата Павла и его жену, а Андуканаръ бросается на нихъ съ шанкою.

Упрямство братьевъ доходитъ до того, что ни одинъ изъ нихъ не хочетъ уступить другому мутаку (круглую подушку), которую и рѣжутъ

торжественно на части. Таковы занятія, забавы и привычки грузинскихъ старыхъ помѣщиковъ, и всякій, знавшій или знающій ихъ, скажетъ, что присущія послѣднимъ качества изображены у кн. Эристова во всей фактической ихъ вѣрности. Онъ выставилъ своихъ героевъ такими, какими они и были на самомъ дѣлѣ, т. е. людьми, понятія конхъ о чести, правдѣ и добрѣ сбивчивы, желанія и стремленія ограничены, разсудокъ забитъ, а страсти не знаютъ границъ. Легко представить себѣ, каковы должны были быть отношенія такихъ людей къ своимъ крестьянамъ.

Комедіи Г. Эристова устанавливаютъ фактъ, что произволъ господъ тяготѣлъ всецѣло надъ судьбою крестьянъ, что отъ одного ихъ каприза зависѣла судьба тысячъ людей. И не только они, не только господа, но и прислуживающіе имъ холопы, въ родѣ управляющаго Андуканара, Барама, считаютъ возможнымъ третировать свою же братію крестьянъ. Совѣтуя своему барину досадить брату, затѣянному раздѣлу, онъ совѣтуетъ ему собрать деньги съ крестьянъ на подкупъ судебныхъ.

„Знаете ли, баринъ, что я вамъ предложу! Приишемъ къ каждой душѣ по новому налогу такъ, чтобы собрать со всѣхъ до четырехъ тысячъ рублей, а на эти деньги чего только нельзя устроить!“ Возлюбленная Габріэля, Карданшверди, совѣтуетъ своему суженому просить у барина мѣсто управляющаго: „и хлѣбъ, и вино,—говоритъ она,—все въ твоихъ рукахъ будетъ; мало того, не будетъ недостатка и въ доходѣ: кого только баринъ не разоритъ, половина принадлежитъ управляющему: онъ его половинщикъ!“ На удивленіе Габріэля, долго жившаго на чужбинѣ, а потому незнакомаго съ порядками своей родины, „какъ же де можно разорять крестьянъ, и что баринъ этого не потерпитъ“, она преспокойно отвѣчаетъ: „Ну такъ ты и твой баринъ—оба съ голоду помрете“.

Словомъ, крестьяне являются тутъ какими-то партіями, зависящими даже отъ челяди помѣщика.

Дамокловъ мечъ, висящій надъ ними и олицетворяемый въ формѣ господскаго произвола, любить давать знать о себѣ и безъ всякаго къ тому повода. Приѣзжій имеретинскій дворянчикъ Ломина (комедія „Тяжба“), распространяясь о своей охотѣ въ Имеретіи, чванится и рассказываетъ, какъ онъ приказалъ своему человѣку приготовить рано утромъ закуску, обѣщаясь, въ случаѣ малѣйшаго замедленія, „вырыть весь его домъ, какъ рѣдку“. Ясно отсюда, каковы должны были быть отношенія крестьянъ къ подобнымъ господамъ. Кикола, слуга Мартируса (комедія „Шапка—невидимка“),—имеретинъ, должно быть, ѣзжавшій въ Грузію отъ притѣсненій своего барина, какъ это и водилось въ старину,—строитъ воздушныя замки на счетъ своей будущности, выражаетъ пламенное желаніе отличиться на войнѣ, поймать Шамиля, выслужиться предъ Государемъ, получить генеральскій чинъ и губернаторское мѣсто—и знаете, все это зачѣмъ?—„А вотъ, какъ сяду я губернаторомъ

въ Кутаисѣ,—услаждаетъ онъ самаго себя грезами, явится ко мнѣ мой баринъ и станеть отвѣшивать низкіе, принизкіе поклоны. А я въ это время стану вотъ такъ и спрошу: „что онъ такое хочетъ?“ Онъ же станеть улыбаться мнѣ и занскивать. „Завтра пришедь!“ (т. е. приходи завтра),—отвѣчу я ему и заставлю таскаться ежедневно“. Такъ говорить только безылиная злоба, умбюющая помнить обиду, но не имбюющая средства отплатить за нее, и человекъ, въ минуту широкаго полета фантази мечтаетъ о подобныхъ прелестяхъ, могъ бы многое поразсказать о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ стараго времени.

Характеристика стараго помѣщичьяго быта дополняется типами другой комедіи („Тяжба“) ¹⁾.

Герои „Тяжбы“—тѣ же старые помѣщики, подобно гоголевскимъ Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу, обуреваемые страстью къ тяжбамъ и дѣлающіеся жертвой прозорливости судейской волокиты. Всѣ мысли, всѣ заботы героевъ комедіи, и Амриндо, и Онопре, поглощены разными кляузными въ формѣ ашеляціонныхъ жалобъ“, долженствующимъ, по ихъ мнѣнію, уничтожить каждаго изъ нихъ. Чтобы достигнуть послѣдней цѣли, они не жалѣютъ ничего и смѣло ставятъ ребромъ послѣднюю копѣйку. Они предлагаютъ взятки всоуду, каждому проходимцу имбюющему какое-нибудь касательство до суда обладающему находчивостью настолько, чтобы провести такихъ господъ, каковы герои комедіи, не знающіе, что такое „запятая“—законъ ли это, въ самомъ дѣлѣ“, или что-нибудь другое. И разоряются люди до-тла, разоряются потому, что Амриндо стыдно, какъ это Онопре возьметъ верхъ надъ нимъ, а Онопре трепещетъ при одной мысли, что подобная же оплошность можетъ случиться съ нимъ.

— „Ста рублей если ему (стряпчему) мало, говоритъ Амриндо Сорозану,—дамъ тысячу, чтобы только его оставить (Онопре) не причемъ. Клянусь памятью отца, и себя погублю, а его пуцу по міру! Чтобы я позволилъ Онопре торжествовать надъ собою? Никогда!“ воскликнулъ онъ въ гнѣвѣ. И они оба дѣйствительно дошли до того, что отъ нихъ, какъ легендарныхъ собакъ, остались бы одни хвосты, по ихъ спасаютъ сыновья. Послѣдніе оба молодые люди, оба образованы настолько, чтобы отнестись критически къ поведенію отцовъ, при томъ ихъ связываютъ воспоминанія дѣтства и чувства любви, которую одинъ изъ нихъ питаетъ къ сестрѣ другого. Все это приводитъ къ тому, что дѣло улаживаютъ миромъ, и враждующія семейства связываются узами родства.

Помѣщики-сутяги—не единственные типы старыхъ помѣщиковъ въ комедіи „Тяжба“. Тамъ же мы встрѣчаемъ и двухъ замѣчательныхъ представителей старой крѣпостнической Грузіи, принадлежащихъ тоже къ тогдашнему привилегированному сословію: друга Амриндо Іаіа и при-

¹⁾ Въ изданіи 1867 г. Георгію Эривову приписывали драму „Майко“, передѣланную Г. Джанаридзе изъ соч. Н. Беклемешева (Соп., 1847). Безусловно принадлежитъ нашему автору истор. драма „Атабеть Кваркваре.“ Ср. письмо Д. Г. Эривова. „Дрозба“ 1867 г. № 32.

ѣзжаго имеритинскаго князька или дворяничка Ломина. Оба они чистыя дѣти захолустья, или почти вовсе не выѣзжающіе изъ своихъ медвѣжьихъ уголковъ и потому удивляющіеся всякимъ мелочамъ городской жизни. Іаіа когда то былъ въ Тифлисѣ, когда столица Грузіи не отличалась ничѣмъ отъ другихъ патриархальныхъ уголковъ края. Съѣздивъ вторично туда, онъ не можетъ надвинуться тѣмъ переменамъ, которыя произошли, какъ въ внѣшнемъ видѣ города, такъ и въ жизни, и обычаяхъ его обывателей.

„Гдѣ же,—разсказываетъ онъ Амриндо,—прежнее салакбо—мѣсто ежедневнаго собранія старыхъ жителей города, гдѣ мы бывало узнавали всѣ новости минуты? Всѣ, кого я не спрашивалъ о немъ, удивлялись, о чемъ это я говорю! Городъ выросъ, дома появились какіе-то страшные, съ „зобомъ“ вмѣсто балкона,—со многими комнатами вмѣсто одной общей“. Что же касается до молодыхъ людей, то они еще больше, чѣмъ дома, поразили Іаіа. „Богъ ихъ знаетъ, на кого они стали похожи!—разсказываетъ онъ съ сокрушеніемъ,—посмотрѣлъ на нихъ—нѣмецкіе патеры да и только; вина не пьютъ, это дескать, не мода, и ходятъ желтые—прежелтые, словно восковыя фигуры“. Іаіа пораженъ и поздними обѣдами, и новомодной мебелью, и вообще всякой мелочью, чѣмъ много напоминаетъ Ломина, чудака-имеритина. Этотъ послѣдній еще болѣе дикарь, чѣмъ Іаіа, онъ только недавно и то въ первый разъ въ жизни былъ въ Тифлисѣ, а до тѣхъ поръ зналъ о немъ лишь то, что слышалъ отъ покойнаго дѣда. Тифлисъ въ глазахъ Ломина превратился во что-то легендарное. Обширность его на столько смутила новичка-имеритина, что онъ готовъ выдавать за истину, подслушанную имъ гдѣ-то басню о ростѣ города при каждомъ полуденномъ выстрѣлѣ изъ пушки.

Разсказъ его о чудесахъ тифлисской жизни, о забавныхъ происшествіяхъ, бывшихъ съ нимъ въ домѣ одного изъ Тифлисскихъ знакомыхъ, разсказъ весь проникнутый наивностью и простодушіемъ большого ребенка, дышитъ искреннимъ, неподдѣльнымъ комизмомъ.

Невозможно сохранить въ переводѣ ту оригинальность, ту соль и въ особенности, ту характерность имеритинскаго жаргона, которыми отличаются рѣчи Ломина. Скажемъ только, что персонажъ этотъ прекрасно заканчиваетъ собою длинный рядъ типовъ, выхваченныхъ кн. Эривовымъ изъ среды стараго патриархальнаго барства.

А молодежь, составляющая цвѣтъ и надежду всякаго общества, какъ же она рисуется въ комедіяхъ грузинскаго драматурга? Представители образованной молодежи, выведенные въ его комедіяхъ, видимо, пользуются сочувствіемъ автора, но это не мѣшаетъ ему, какъ чистому художнику, обнажать всѣ ихъ слабые стороны и недостатки. А послѣдніе таковы, что прямо просятся на сравненія и параллели. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ изъ себя всѣ эти Иваны, Беглиры, Михаилы и проч., эти новые люди тогдашняго времени? Во всякомъ случаѣ не великую обновляющую силу. Почти всѣ они несомнѣнно честные и бла-

гонамёрные люди, но вмѣстѣ съ тѣмъ дилетанты, щедрые на слова, но безсильные предъ практическими требованиями жизни. Нахватавшись верхушекъ, слышавшихъ громкихъ фразъ, они и пробавляются ими, не умѣя сдѣлать изъ нихъ никакого разумнаго употребленія. Родная страна, равно какъ и порядки господствующіе въ ней, для нихъ—terra incognita.

О нихъ можно сказать словами Овсянникова изъ „Записокъ Охотника“ Тургенева, что „сердце радуется, на нихъ гляди, обходительны, вѣжливы. Всѣмъ наукамъ въ университетахъ учились. Говорятъ такъ сладко, что душа умиляется, а дѣла-то настоящаго не смыслятъ, даже собственной пользы не чувствуютъ; ихъ же крѣпостной человѣкъ приказчикъ гнетъ ихъ куда хочетъ, словно дугу“. Герои кн. Эрнстова по наивности полагають, что стоитъ только пожелать, чтобы все было пописанному. Немудрено, что легко ставятъ ихъ въ туинкъ и забиваютъ въ практической дѣятельности. Развѣ не тупъ этотъ Иванъ, затѣвующій раздѣлъ съ братьями съ единственной цѣлью вырубить виноградникъ и устроить на его мѣстѣ англійскій паркъ съ красивыми аллеями! Что же тутъ удивительнаго, что братья не понимаютъ его и величаютъ сумасшедшимъ. Даже его же собственный слуга, отъ души преданный барину, смѣется надъ его затѣями, хотя ему жаль до безконечности. Проведенный за носъ простодушною женою своего брата Павла, онъ не находитъ сказать ничего больше, какъ обвинять медиаторовъ въ безчестности и пристрастїи. Однако, онъ не унываетъ и отдаетъ смѣшныя приказанія насчетъ парка своему слугѣ. „Бѣдный баринъ,—говоритъ смѣшленный Габріель,—какъ его надули эти разбойники! Онъ теперь нищій, обязаный къ тому же выплачивать чужой долгъ. А онъ, бѣдняжка, все ходитъ и мечтаетъ устроить паркъ по—варшавски. То и дѣло говорить мнѣ: „по — варшавски“ „по — варшавски“ — а это денегъ требуетъ. А вчера даетъ мнѣ ножницы: подстригай, дескать, деревья! Ну какъ же я стану подстригать ножницами орѣшникъ!... Этотъ слуга умѣе и смысленнѣе своего барина. Бегляръ и Михаилъ (ком. „Тяжба“) стоятъ выше Ивана. Первый, хотя тоже слишкомъ наивенъ и не опытенъ, но всетаки человѣкъ со смысломъ, умѣющій, когда надо, спустаться съ заоблачныхъ высей и выискать въ обстоятельства текущей жизни. Михаилъ же вполне практиченъ: онъ знаетъ прекрасно окружающую его среду и умѣетъ выходить изъ нея побѣдителемъ. Не будь его, вѣчный споръ Амириндо съ Онопре никогда бы не кончился, да и самъ поэтъ—Бегляръ остался бы безъ возлюбленной. Но въ нихъ нѣтъ никакой устойчивости, твердости; убѣжденія ихъ, высказываемыя съ паосомъ, очень часто служатъ имъ забавою, но не руководствомъ въ жизни. Такъ, напримѣръ, громя взяточниковъ громогласно, осуждая ихъ дѣянїя, они сами не прочь относить взятки по требованію отцовъ тѣмъ же стряпчимъ. Вообще слабость ихъ и шаткость воли безпримѣрны.

Таковы въ комедїяхъ кн. Эрнстова и старое, и молодое поколѣніе грузинскаго привилегированнаго сословія сороковыхъ годовъ.

Еще ярче, еще безпощаднѣе выставлено у него такъ называемое торговое сословіе или, говоря вѣрнѣе, тотъ міръ кулаковъ и мирофодовъ, міръ „чумазиыхъ“, который издавна составлялъ и составляетъ одно изъ величайшихъ золъ края. Типъ этотъ встрѣчается у Эрнстова въ каждой комедїи въ новомъ видѣ, оставаясь, конечно, тѣмъ же бессердечнымъ эксплуататоромъ. Отсутствие всякихъ человѣческихъ чувствъ—вотъ его символъ вѣры. Вся его дѣятельность состоитъ въ служенїи золотому тельцу, ради котораго онъ готовъ на всевозможныя жертвы. Какъ наука, онъ днемъ и ночью разрабатываетъ свои сѣти и опутываетъ ими всѣхъ, изъ кого только есть возможность выжать что-нибудь. А это искусство онъ постигъ прекрасно: для того чтобы легче добить свою жертву, онъ умѣетъ заслужить довѣріе и дружбу. Гдѣ нужно, онъ, какъ Микиртумъ Гаспарычъ въ „Раздѣлѣ“, не прочь побалагурить, потѣшить свою жертву, не забывая, конечно, тутъ же вернуть слова два о законности высокихъ процентовъ. За глаза онъ смѣется надъ попавшими въ его лапы простаками и считаетъ ихъ глупѣе себя. Съ нужными людьми онъ водитъ хлѣбъ-соль, платитъ имъ хорошія деньги и дѣлаетъ изъ нихъ, какъ бы авангардъ для своихъ атакъ, противъ барина. Послѣднему онъ внушаетъ недовѣріе и боязнь ко всякому долгу, исходящему отъ него. „Банкъ, о, клянусь княземъ, это чистое несчастье!—говоритъ Микиртумъ князю Ивану.—Пока ты возьмешь изъ него деньги, чахотку получишь! Пойдутъ эти описи, осмотры и т. д., а тамъ, гляди, и годъ уже прошелъ! А не дай Богъ еще въ срокъ не заплатитъ; сейчасъ же молоткомъ тукъ! тукъ! тукъ! и все имѣніе пропало. Мы же, князь, а, мы уступку сдѣлаемъ!“ Наживая деньги всякими путями, не каждый изъ этихъ благодѣтелей успокаивается на лаврахъ. Одни изъ нихъ, какъ Каранетъ Дабаговъ („Скупой“) ¹⁾, лишеныя человѣческихъ чувствъ, возбуждаютъ къ себѣ всеобщее отвращеніе. Другіе-же, вродѣ Микиртума Гаспарыча, сколачивая деньги, обуреваются вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбїемъ и не останавливаются передъ жертвами, чтобы только породниться съ княземъ и тѣмъ возбудить зависть въ какой-нибудь Ханперѣ и ей подобной... („Скупой“).

По комедїямъ кн. Эрнстова можно ознакомиться и съ правосудїемъ „добраго стараго времени, правосудїемъ продажнымъ и пристрастнымъ, уважающимъ все, кромѣ правды и справедливости“.

Созерцая фигуры всѣхъ этихъ стряпчихъ, секретарей, переводчиковъ, штатскихъ и военныхъ генераловъ (комед. «Контора»), представляется возможнымъ оцѣнить по достоинству этихъ представителей стараго правосудїя. Ни единой свѣтлой черты, ни единого признака добропорядочности не могъ подмѣтить кн. Эрнстовъ во всѣхъ этихъ представителяхъ старой бюрократїи. Всѣ они невѣжды въ своемъ дѣлѣ

¹⁾ Комедїя эта является вполне оригинальнымъ произведенїемъ, хотя по идеѣ близко соприкасается съ ком. „Avare“ Мольера и „Скупымъ рыцаремъ“ Пушкина. Одна сцена, гдѣ Каранетъ Эрнстова унываетъ созерцанїемъ во мракѣ ночью, награбленнымъ золотомъ, напоминаетъ сцену Пушкина „Баронъ въ подвалѣ“.

и одержимы одною страстью брать съ живыхъ и мертвыхъ, правыхъ и не правыхъ и, если можно, одновременно, какъ дѣлать совѣтничъ въ комед. „Бригадиръ“ Фонвизина.

Стряпчій и его секретарь, это—не должностныя лица, а люди, заключившіе между собою договоръ, грабить „на законномъ основаніи“ и дѣлить между собою награбленное. Одинъ ловить кліентовъ, другой ихъ стрижеть. Харитонъ Филиппычъ (стряпчій) самъ характеризуетъ себя прекрасно: все отказываются здѣсь служить,—говоритъ онъ, а по мнѣ, кто умѣетъ сдѣлать „абрунди“ (т. е. отводъ), тому вездѣ тепло. Главное не нужно многого. Я человекъ не прихотливый, я ничего не требую. Коли дадутъ сами, за каждое дѣло по десяти червошцевъ, такъ хорошо, а въ судѣ у насъ довольно таки дѣль: гражданскихъ 1.500, уголовныхъ 150, вотъ вамъ и капиталецъ. А другіе наши братья кричатъ: «уѣздъ не урожайный! Что же дѣлать? Не вездѣ Нуха, Карабахъ и Ганжа. Тамъ, батюшка, Калифорнія!»... Можно себя представить, что дѣлалось въ этой Калифорніи!... О сослуживцахъ стряпчаго нечего и говорить. Они вполне достойны своего начальника и совершенно дополняютъ собою типъ старыхъ судовъ.

За представителями бюрократіи слѣдуетъ масса другихъ второстепенныхъ типовъ, очерченныхъ съ тѣмъ же мастерствомъ и реальностью.

Таковы типы слугъ: хитраго смышленнаго имеретина и управляющаго. Изъ женскихъ дѣйствующихъ лицъ, еще прикрытыхъ большею частью „чадрою“ и выдаваемыхъ замужъ по произволу родителей, особенно рельефно выступаютъ фигуры старыхъ нянекъ, съ ихъ слѣпой преданностью пріотившимъ ихъ семействамъ и своеобразными взглядами на честь женщины и ихъ воспитаніе.

Въ комедіяхъ кн. Эрнстова онѣ являются наиболѣе яркими противницами институтскаго образованія женщинъ. Отдать дѣвушку въ институтъ это, по ихъ понятію, все равно, что желать ея гибели, желать, чтобы она выучилась писать любовныя письма и ухаживать за кавалерами. А этотъ грѣхъ въ глазахъ цѣломудренныхъ нянекъ—главный изъ семи смертныхъ грѣховъ. Нянька Нины („Тяжба“) оплакиваетъ послѣднюю какъ мертвую, узнавъ, что она получила посвященные ей стихи отъ жениха поэта. За такой продерзостный грѣхъ чувствительную невѣсту, по инициативѣ ея няньки, даже запираютъ подъ замокъ и только заступничество брата освобождаетъ ее изъ заточенія. Другая характеристическая черта нянекъ, это—не любовь ихъ другъ къ другу. Няня Бегляра и няня его невѣсты отъ души ненавидятъ одна другую и эту ненависть переносятъ даже на близкихъ имъ людей. Такъ, напримѣръ, няня Бегляра не щадитъ не только няню его невѣсты, но даже и эту послѣднюю. Послушать ее, такъ у Нины и верхняя-то губа слишкомъ коротка и держать-то она не умѣетъ себя („При мужчинахъ ногу на ногу перекладываетъ“).

Изъ другихъ женскихъ типовъ особенно удалась поэту княгиня Макрина,—это воплощенная хитрость и коварство, женщина въ высшей

степени дѣятельная, представляющая въ этомъ отношеніи прямой контрастъ мужу, тому самому байбаку, который помѣшанъ на собакахъ. Отъ нея такъ и вѣетъ силою и той жизненной правдою, которая присуща вообще легко схваченнымъ и художественно очерченнымъ типамъ.

Невыразимо грустно и тяжело становится на душѣ, когда присматриваешься поближе ко всемъ этимъ героямъ комедіи кн. Эрнстова и задумываешься надъ той жизнью, надъ тѣмъ обществомъ, которыя отразились, какъ въ зеркалѣ, въ его произведеніяхъ. То была жизнь безцѣльная и безпутная, цѣлкомъ покоившаяся на безправіи ближнихъ и общемъ невѣжествѣ, «то было общество, вскормленное крѣпостническимъ правомъ и имъ же доведенное до нравственнаго ничтожества». Такимъ же оно и явилось въ произведеніяхъ кн. Эрнстова, и въ этомъ главная и незабвенная историческая заслуга его литературной дѣятельности. Пусть каждому воздастся по заслугамъ его, пусть потомки, взирая на недостатки отцовъ, постараются быть лучше послѣднихъ.

Для полной оцѣнки значенія кн. Эрнстова, нужно упомянуть о лирическихъ его произведеніяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые отличаются высокими художественными достоинствами. Между ними первое мѣсто занимаетъ поэма „Помѣшанная“ (Геронія Тасо) съ прекрасной картиной наступленія весны въ Грузіи, имѣющая автобиографическое значеніе.

Одно изъ его стихотвореній существуетъ въ русскомъ переводѣ Ив. Тхоржевскаго. Оно посвящено княгинѣ С. Ш. Эрнстовой.

Я на тебя глядѣлъ съ улыбкой на устахъ:
Ты любовался вчера красою южной ночи.
Но, знаешь-ли: съ небесъ твои увидя очи,
Померкли звѣзды все и скрылись въ облакахъ.
А нынче утромъ солнцу жаловаться стали:
„Вчера въ эфирѣ, тамъ, блистала въ первый разъ
Какая-то звѣзда,—и сами мы признали,
Что красотой своей она затмила насъ.
И если завтра вновь заблещетъ та комета,
Сіять по-прежнему не въ силахъ мы при ней!“
А солнце съ грустью имъ отвѣтило на это:
„Увы, предъ нею днемъ и я кажусь блѣднѣй!
Взгляните, нынче день дождливый и холодный,—
То пораженъ, знайте, нашего слѣды...“
Блаженъ тотъ мужъ, кому звѣздою путеводною
Освѣтитъ жизни путь любовь такой звѣзды?

Лев. Кипіани далъ въ переводѣ два маленькихъ стихотворенія кн. Г. Эрнстова, которыя характеризуютъ его оригинальный творческій даръ. Первое, „Снѣжинка“ (въ альбомѣ Нинѣ Грибоѣдовой), отличается особенной лирической сжатостью.

„На бѣлоснѣжную грудь Нины снѣжинка рѣзвась опустилась
 „И думала—Нина красу уничтожить ей бѣлизна...
 Но тутъ же въ ошибкѣ своей повинившись снѣжинка смирилась,
 И, полная чувства стыда, въ слезу обратилась она!..

Красавицѣ Нинѣ Грибоѣдовой, дочери грузинскаго поэта и женѣ русскаго поэта, посвятилъ стихъ еще одинъ грузинскій поэтъ—кн. Гр. Орбеліани, безнадежно въ нее влюбленный.

Другое стихотвореніе кн. А. Чавчавадзе, переведенное Л. Кипіани, обращено къ кн. А. Орбеліани (книгинѣ Меликовой):

Быть можетъ, допесеть до сердца взоръ твой нѣжный
 „Тотъ стихъ, что начерталъ въ альбомѣ я твоемъ.
 Вся жизнь твоя—листокъ альбома бѣлоснѣжный!
 О, еслибъ „счастье“ могъ я начертать на немъ.

Такимъ образомъ, произведенія кн. Г. Эристова, напечатанныя и остающіяся понынѣ въ рукописяхъ, обнимаютъ два вида литературнаго творчества: лирической и драматической. Одна руководящая нить объединяетъ все его комедіи и стихотворенія: грусть, тоска, легкій юморъ на почвѣ негодованія и меланхоли. Едва ли возможенъ былъ другой тонъ, иной импульсъ въ то переходное состояніе грузинскаго общества и при тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, которыя тѣснымъ кольцомъ охватывали поэта съ самыхъ раннихъ лѣтъ до гробовой доски.

Д. Г. Чонкадзе (1830—1860).

Одно небольшое произведеніе связано съ именемъ Д. Чонкадзе. Однако, имя это дорого каждому грузину, а произведеніе его открыло новую эру въ исторіи художественнаго творчества.

Даніилъ Георгіевичъ Чонкадзе родился въ 1830 г. ¹⁾ въ дер. Квавили (Душетск. уѣздъ, Тифл. г.) Онъ былъ сынъ священника изъ крестьянскаго сословія и очень доброй его жены Мелани, подъ влияніемъ которой онъ воспитывался до 1838 г. Къ этому времени отецъ Даніила, священникъ Георгій Чонкадзе, перешелъ на службу въ осетинскую коммиссію по возстановленію христіанства среди горцевъ, и вся семья переселилась въ Владикавказъ. Здѣсь мальчикъ Даніилъ вскорѣ усвоилъ осетинскій языкъ, ставшій для него столь роднымъ и близкимъ, что впоследствии онъ сталъ преподавателемъ осетинскаго языка, записалъ осетинскія пословицы, представленныя имъ въ распоряженіе акад. Шифнера.

¹⁾ См. Ф. Махарадзе Д. Чонкадзе и его время (Кут., 1904). Биографическія свѣдѣнія собраны г. Махарадзе среди друзей и родственниковъ покойнаго писателя. Ср. Замѣчанія Як. Гогобашвили.

Образованіе онъ получилъ въ Владикавказскомъ духовномъ училищѣ, (1839-1845 г.) и въ Тифлисской духовной семинаріи. По окончаніи курса въ 1851 г., онъ состоялъ преподавателемъ осетинскаго языка сначала въ Ставропольской, а съ 1855 г. въ Тифлисской духовной семинаріи съ скуднымъ жалованьемъ—200 р. въ годъ. Матеріальное его положеніе улучшилось лишь съ 1859 г., когда онъ былъ назначенъ столоначальникомъ грузино-имеретинской синодальной канторы съ жалованьемъ въ 350 р. Онъ былъ преподавателемъ необязательнаго для учащихся осетинскаго языка; въ тоже время ему было поручено синодальной канторой переводъ священнаго писанія на осетинскій языкъ. Педагогическая дѣятельность его не обременяла,—онъ давалъ всего шесть часовъ въ недѣлю, обучая учениковъ фразамъ на осетинскомъ языкѣ, остальное время—онъ посвящалъ ученымъ и литературнымъ занятіямъ. Онъ собиралъ матеріалы для составленія русско-осетинскаго словаря и записывалъ осетинскіе тексты.

Собраніе осетинскихъ пословицъ было имъ предпринято по приглашенію А. П. Берже. Записалъ онъ эти пословицы по изобрѣтенной Шегреномъ для осетинъ азбукѣ. Орфографія Чонкадзе относительно гласныхъ нѣсколько отстаетъ отъ шегреновской. (См. Осетинскіе тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевымъ. Издалъ академикъ А. Шифнеръ. Спб. 1868).

Одновременно съ этимъ онъ задумалъ произведеніе, которое обезсмертило его имя,—повѣсть изъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, бросившую первый протестъ въ лицо родовой аристократіи. Повѣсть его „Сурамская крѣпость“ явилась результатомъ его наблюденія за современной жизнью, взрывомъ негодованія противъ помѣщиковъ и яркимъ пламенемъ его любви къ подневольному классу. Автору его не суждено было пережить свою первую повѣсть. Усиленные занятія надломили его слабый организмъ, предрасположенный къ чахоткѣ. Онъ умеръ на 30 году, оставивъ единственнаго сына круглымъ сиротой,—жена его умерла вскорѣ послѣ рожденія мальчика. Погребенъ онъ въ Тифлисѣ, на Верійскомъ кладбищѣ. Надгробная надпись гласитъ: „Здѣсь погребенъ Даніилъ Георгіевичъ Чонкадзе. Родился въ 1830 г., скончался 16 іюня 1860 г.“

Чонкадзе скончался такъ же рано, какъ другой талантливый писатель Ник. Инашвили, демократъ по духу, семинаристъ по воспитанію, вооруженный реальными знаніями. Вернувшись по болѣзни изъ высшаго учебнаго заведенія въ Тифлисъ, онъ скончался въ 1871 г. Онъ перевелъ въ Мнатоби 1869 г. „Эмансипацію женщинъ“ Милля съ своимъ обстоятельнымъ предисловіемъ и „Нравственныя и эстетическія стороны развитія“ Чернышевскаго. Въ письмахъ къ Н. Николадзе онъ изливаетъ много скорби и обнаруживаетъ широкую философскую подготовку.

Д. Чонкадзе успѣлъ обработать только одну повѣсть. Онъ лелѣлъ сюжетъ другого произведенія подъ заглавіемъ „Чья вина“, посвященнаго тому же вопросу о взаимоотношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ. Планъ и сюжетъ художественнаго творчества Д. Чонкадзе являются оригинальными въ тогдашней монотонной грузинской литературѣ. Быть можетъ,

усвоенъ идеи борьбы съ крѣпостнымъ правомъ Д. Чонкадзе обязанъ чтенію русскаго журнала „Современникъ“ и вліянію корифеевъ тогдашней прессы—Чернышевскаго и Добролюбова. Извѣстно, что въ Тифлисѣ Д. Чонкадзе организовалъ небольшой кружокъ молодыхъ людей, интересовавшихся вопросами литературы и жизни.

Въ 1859 г. была напечатана повѣсть „Сурамская крѣпость“ (1830—1860). Вѣщная канва этой повѣсти держится на извѣстномъ страстующемъ сказаніи, по которому, согласно вѣрованіямъ нашихъ отдаленныхъ предковъ, для благополучнаго окончанія воздвигаемой постройки необходимо было зарыть подъ ней *живое существо* ¹⁾.

До сихъ поръ слышится въ различныхъ концахъ Грузии грустная пѣсня о Зурабѣ, замуравленномъ въ стѣнѣ Сурамской крѣпости:

Сурамская крѣпость,
Радъ я тебя видѣть,
Мой Зурабъ у тебя,
Береги ты его мнѣ!

Пѣсня эта состоитъ изъ воплей матери и стонувъ сына, котораго задѣлываютъ на глазахъ у матери въ стѣну, по указаніямъ колдуньи. По тѣлу возвышается строящаяся стѣна, мать же стоя поодаль и рыдая, постоянно взываетъ къ сыну, освѣдомляется, какъ высоко возвели стѣну:

- Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?
- Горе мнѣ, мать,—по колѣни.
- Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?
- Горе мнѣ, мать,—по поясъ.
- Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?
- Горе мнѣ, мать,—по горло.
- Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?
- Горе мнѣ, мать,—покончено.

При этихъ словахъ сына задѣлали окончательно, и онъ испустилъ духъ. Мать падаетъ въ обморокъ. Черезъ часъ она просыпается сумасшедшею, которая потомъ не спитъ, не ѣсть, не пьетъ и лишь раздрающимъ душу голосомъ вопрошаетъ Сурамскую крѣпость, что случилось съ ея милымъ Зурабомъ.

¹⁾ Подобное сказаніе приурочено, наприм., въ Н.-Новгородѣ къ башнѣ, называемой Коромысловой, такъ какъ подъ нее зарыли рабочіе молоденькую женщину, шедшую за водой съ ведрами и коромысломъ.

Легенда о задѣланіи единственнаго сына несчастной матери, красавца Зураба въ стѣнахъ Сурамской крѣпости—самая популярная въ грузинскомъ народѣ. Эту легенду воспользовался Д. Чонкадзе, чтобы въ мастерскомъ разсказѣ изобразить ненормальныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Разсказъ этотъ, написанный простымъ народнымъ языкомъ, имѣлъ въ свое время огромное вліяніе. Онъ въ первый разъ затронулъ въ грузинскомъ обществѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Чонкадзе изобразилъ въ самыхъ живыхъ краскахъ страданія крестьянъ отъ безграничнаго произвола помѣщиковъ, которые въ силу священныхъ вѣкамъ обычаявъ рабовладѣльчества загубили въ странѣ такъ много жизней. Самый разсказъ ведется авторомъ, въ духѣ Боккаччіо, весьма оригинально. Онъ рисуетъ беззаботную жизнь кружка молодыхъ грузинъ изъ достаточныхъ семей. Кружокъ этотъ каждый вечеръ собирается на берегу рѣки Куры у Апчисхатскаго спуска въ Тифлисѣ въ сопровожденіи туземныхъ музыкантовъ. Здѣсь при глухомъ ревѣ Куры раздаются звуки тари, чіанури и дудуки ²⁾. Молодые люди кутиятъ напролетъ всю ночь. Впрочемъ, по временамъ, они проводятъ тамъ часы досуга въ пріятныхъ и поучительныхъ разсказахъ. На этотъ случай у нихъ соблюдается очередь. Кто-нибудь изъ нихъ является распорядителемъ кружка и на его обязанности лежитъ заставлять всѣхъ по порядку разсказывать о прожитой жизни, или о какомъ-нибудь знаменитомъ историческомъ происшествіи. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ кто-то изъ молодыхъ людей по поводу пѣсни о Сурамской крѣпости повелъ разсказъ, такъ заинтересовавшій молодыхъ людей, что всѣ послѣдующіе вечера вниманіе кружка сосредоточилось на немъ.

Въ сѣдой древности, въ одной изъ именитыхъ княжескихъ фамилій Пмеретіи, именно въ домѣ князя Церетели, живетъ въ услуженіи молодая, красивая дѣвушка, дочь умершаго крестьянина. Сынъ князя, 20-лѣтній молодой человѣкъ, вскорѣ полюбилъ дѣвушку и плодомъ этой любви явился сынъ Дурмишханъ. Старый князь, чтобы наказать дерзость крестьянки, принявшей ласки его сына, взялъ ребенка и переслалъ его въ подарокъ своей родственницѣ, урожденной также Церетели, женѣ Мухранскаго въ Тифлисѣ. Мать Дурмишхана зачахла съ горя и черезъ годъ умерла. Это обстоятельство ничуть не обезпокоило молодого князя, который въ самый день похищенія ребенка у матери съ такимъ же беззаботнымъ и веселымъ видомъ отправился на охоту за перепелами, какъ и въ день смерти несчастной крестьянки. Дурмишханъ росъ при дворѣ Мухранскаго. Онъ зналъ исторію своего происхожденія, и сирота съ молодыхъ лѣтъ мечталъ лишь о томъ, какъ бы пріобрѣсти средства и наконецъ сдѣлаться свободнымъ. Когда ему минуло 20 лѣтъ, онъ полюбилъ прелестную дѣвушку, Вардуа, незаконнорожденную дочь служанки княгини. Княгиня любила ее и пожелала устроить ей счастье, выдавъ ее замужъ за Дурмишхана. Молодой человѣкъ, желая для сча-

²⁾ Грузинскіе музыкальные инструменты.

стія дѣвушки собрать средства, выпросилъ у княгини позволеніе направиться въ дальній путь и заняться нѣкоторое время торговлею. Княгиня выпросила это позволеніе у мужа, дала Дурмишхану средства на первое обзаведеніе и благословила его въ путь. Много слезъ пролила Вардуа на прощанье съ любимымъ человѣкомъ, но помѣшать его отъѣзду не могла, да и не хотѣла. Тѣмъ съ большимъ усердіемъ продолжала она службу у доброй княгини и съ этихъ поръ жила лишь любовью къ милому Дурмишхану.

По грузинской дорогѣ изъ Тифлиса въ Сурамъ ѣдетъ на карабахскомъ конѣ молодой джигитъ; онъ весь въ оружіи, на него посмотрѣть любо. Высокая папаха объемлетъ его кудри; на него накинута черная бурка; черты его лица выражаютъ рѣшимость; онъ гордо сидитъ на конѣ; но вотъ раздался взмахъ плети, конь прынулъ и понесся, какъ вѣтеръ, промежъ заборовъ ахалцхскихъ виноградниковъ. Джигитъ вскорѣ спрыгнулъ съ лошади, подъ тѣнью орѣховыхъ деревьевъ у холоднаго родника „Ертъ-цкаро“.

То былъ Дурмишханъ. Онъ хотѣлъ напоить лошадь и освѣжиться отъ полдневаго зноя. Въ это время онъ завидѣлъ по другой сторонѣ дороги партію вооруженныхъ конныхъ турокъ. Впереди ихъ ѣхалъ статный турецкій воинъ, по одеждѣ янычаръ, но по чертамъ лица грузинъ. Дурмишханъ осмотрѣлъ свое оружіе и сталъ въ выжидательномъ положеніи. Янычаръ слѣзъ съ лошади, поклонился почтительно Дурмишхану и началъ спрашивать, откуда и куда онъ ѣдетъ. Оказалось, что оба они идутъ по одной дорогѣ и къ одному мѣсту. Осману-агѣ, такъ назвать себя янычаръ, понравился статный и красивый Дурмишханъ; они вскорѣ подружились, и дорогою Османъ-ага разсказалъ ему про свою жизнь.

Отецъ Османа-аги былъ помѣщичій крестьянинъ; разъ при спускѣ воза съ горы арба задавила его. Вдова осталась съ двумя малютками, — это былъ онъ и его сестра. Помѣщикъ, не долго думая, взялъ ихъ къ себѣ съ матерью въ услуженіе, домъ же ихъ продать, а землю отдать другимъ крестьянамъ въ аренду. Разъ является къ помѣщику священникъ изъ сосѣдняго прихода, и послѣ долгихъ переговоровъ помѣщикъ объявляетъ матери Османа, что онъ продать ея дѣтей священнику, который и возьметъ ихъ себѣ на слѣдующій день. Пораженная горемъ мать, не желая лишиться дѣтей, рѣшилась въ ту же ночь ѣхать съ малютками въ Тифлисъ, гдѣ долгое время она жила подаваемъ въ тѣсныхъ и темныхъ армянскихъ закоулкахъ, назвавъ себя и своихъ дѣтей выходцами изъ Арменіи. Она провела такимъ образомъ 10 лѣтъ, посѣщала армянскія церкви, но не приобщалась великомъ посту рѣшилась исполнить христианскій долгъ и начала говѣть въ православной церкви. На исповѣди она разсказала священнику всю свою исторію. Но каковъ былъ ей ужасъ, когда на третьей недѣлѣ послѣ приобщенія Св. Тайнъ помѣщикъ нагрязнулъ съ прислугою на ея лачужку и забралъ ее съ дѣтьми къ себѣ

домой. Въ это время Османъ-агѣ было уже 16 лѣтъ, онъ уже ходилъ на заработокъ и носилъ кинжалъ. Помѣщикъ, чтобъ наказать непокорную мать, приказалъ впредь ее подъ ярмо, на гумнѣ, въ молотильню рядомъ съ быкомъ и гнать ее по кругу. Сдѣлавъ десять круговъ, она упала и испустила духъ предъ лицомъ сына своего Османъ-аги, котораго держали связаннымъ тамъ же. Османъ вырывается изъ рукъ своихъ мучителей, бросается въ домъ помѣщика и закалываетъ его, сидѣвшаго на тахтѣ, кинжаломъ, затѣмъ бросается въ сосѣдную комнату и зарываетъ жену его съ двухлѣтнею малюткою. Отсюда онъ бросается на улицу и бѣжитъ въ сторону Ахалциха. Слуги помѣщика видятъ все это, но не ловятъ его. Османъ-ага въ Ахалцихѣ принимаетъ исламъ и скоро дѣлается янычаромъ. Послуживъ десять лѣтъ при дворѣ султана съ честью, онъ выводитъ въ отставку съ порядочнымъ состояніемъ, возвращается на родину, поселяется въ Сурамѣ и дѣлается первымъ зажиточнымъ торговцемъ въ Сурамѣ.

Въ этихъ разсказахъ путешественники достигаютъ Сурама. Османъ-ага приглашаетъ къ себѣ Дурмишхана и дѣлаетъ его своимъ приказчикомъ. Разсказъ Османа-аги производитъ на Дурмишхана сильное впечатлѣніе: онъ еще болѣе возненавидѣлъ помѣщичій гнетъ и рѣшилъ приложить все свое стараніе, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ, свободнымъ отъ барина. Но въ эгоистическомъ стремленіи къ пріобрѣтенію денегъ онъ заглашаетъ въ себѣ всѣ лучшія стороны своей натуры. Онъ даже забываетъ свои прежнія чувства къ Вардуа. Проходитъ время. Османъ-ага дѣлаетъ его своимъ наслѣдникомъ и женитъ его на своей крестницѣ—дочери состоятельнаго сурамскаго крестьянина. Послѣ свадьбы Дурмишханъ пишетъ письмо въ Тифлисъ, къ своей прежней невѣстѣ Вардуа, что пусть она его больше не ждетъ, что онъ желаетъ ей лучшаго мужа и много счастья въ жизни. По прочтеніи письма она поблѣднѣла и тихо опустилась на полъ. „Воды, скорѣй, воды“, — кричитъ сердобольная княгиня. — Черезъ четверть часа дѣвушку привели въ чувство. Она встала и не сказала ни слова. На вопросы Мухранской она отвѣтила, что совершенно спокойна и больше ни о чемъ не думаетъ...

На другой день Вардуа остановилась передъ дверью одноэтажнаго стараго домика и постучалась. Изъ дому выглянула костлявая старуха и пригласила ее къ себѣ.

Это была знаменитая гадальщица.

— Мать моя, — начала твердымъ голосомъ Вардуа, — ты меня выучи своему ремеслу, чтобы я могла когда-нибудь отомстить, — отомстить дьявольски.

— Мщеніе, милая моя, великій грѣхъ. Предоставь все лучше волѣ Божьей! Моли Господа, Онъ за тебя отомститъ.

Гадальщица была извѣстна исторія Вардуа.

— Нѣтъ, мать моя, я сама желаю ему отомстить; чтобы онъ узналъ, что мстителемъ была именно я, а не кто другой.

— Мое ремесло—гаданье, милая моя, но подумай хорошенько, пока ты еще не вступила на этот путь... Знай, что, вступивши на него ты разстанешься с миромъ. Ты сдѣлаешься колдуньей; свѣтъ начнетъ смотрѣть на тебя не какъ на существо человѣческое, а какъ на нѣчто среднее между человѣкомъ и дьяволомъ. Подумала ли ты объ этомъ?

— Мнѣ нечего ужъ думать, я рѣшила,—отвѣчала Вардуа.

— Итъ, ступай, моя родная, подумай еще эту ночь, приходи завтра, а тогда увидимъ.

Вардуа, вернувшись домой, объявила княгинѣ, что она уже не пригодна ей болѣе и просила ее отпустить на волю Божью. Книгиня согласилась. На другое утро дѣвушка была опять у гадальщицы.

— Ну, что, дитя мое, какъ рѣшила?—спросила ее старуха.

— Я рѣшилась выучиться твоему ремеслу,—отвѣчала съ твердостью Вардуа.

Прошли десятки лѣтъ. По всему краю разнеслась молва о гадальщицѣ Вардуа. Въ дѣлахъ важныхъ самъ царь и его приближенные предвительно совѣтовались съ знаменитою ворожеей.

Настало смутное время грузинскаго царства. Турки начали спускаться со стороны Ардагана въ долину Куры. Царь готовился приступить къ оборонѣ страны и приказалъ своему визирю возвести укрѣпленія во всѣхъ горныхъ проходахъ. Рѣшено было, между прочимъ, построить крѣпость въ Сурамѣ. Но удивительное дѣло! Какъ только вывели крѣпостную стѣну на два аршина высоты, стѣна трескалась и разрушалась до основанія. Дивятся вельможи, задумался царь. Великое несчастье тяготѣетъ надъ страной. Духовенство созвало соборъ, отслужило молебны, но крѣпостныя стѣны отъ этого не крѣпнуть: при каждомъ возведеніи онѣ трескаются и распадаются въ прахъ. Наконецъ, собрались на совѣтъ совѣтники царя, вельможи и почетные старики изъ простого сословія; держали они совѣтъ, какъ быть и что дѣлать? На совѣтъ кто-то сказалъ:

— Не обратиться ли къ ворожеѣ Вардуа?

Всѣ единогласно порѣшили посоветоваться съ нею.

Визирь послалъ гонца въ Тифлисъ къ Авлабарской гадальщицѣ. Разказали Вардуа, въ чемъ дѣло.

Морщины когда-то бывшей красавицы Вардуа нѣсколько разошлись. Улыбка скользнула на ея застывшихъ отъ старости и горя губахъ. Она призадумалась:

„Насталъ, наконецъ, твой часъ, Вардуа. Ну моя головушка, покажи-ка теперь себя“! подумала ворожея.

— Не время долго думать, — говорить ей царскій посланецъ.

— Итъ, сынъ мой, скоро дѣла не сдѣлаешь и крѣпости тоже нельзя построить скоро. Скажи ты мнѣ...

— Ну, спроси скорѣе, готовъ я тебѣ сказать, что знаю,—съ нетерпѣніемъ восклицаетъ царскій гонецъ.

— Живетъ ли кто-нибудь въ Сурамѣ изъ именитыхъ купцовъ по имени Дурмишханъ?—спросила Вардуа.

— Живетъ.

— Есть у него сынъ?

— Есть, онъ такой прекрасный, зовутъ его Зурабъ; онъ единственный сынъ богатаго и именитаго Дурмишхана.

— Ну, такъ вотъ свершилось! Слѣдуетъ заложить въ стѣну Сурамской крѣпости именно этого прекраснаго Зураба...

Схватили Зураба, связали и поставили его на фундаментъ и начали съ поспѣшностью строить крѣпость. Несчастную мать вдали отъ него удерживаютъ царскіе слуги. Она, съ распущенными волосами, громко рыдая, взываетъ къ сыну:

— Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?

— Горе мнѣ, мать, по колѣни и т. д.

Въ это время старика Дурмишхана не было дома, онъ находился въ далекихъ краяхъ съ торговыми дѣлами. На обратномъ пути въ Сурамъ онъ узналъ, что его счастье разсѣяно по вѣтру: жена съ ума сошла, а сынъ задѣланъ въ крѣпости.

По дорогѣ въ Тифлисъ ѣдетъ старикъ, лицо его искажилось горемъ и злостью. Сѣдина его пожелтѣла. Ѣдетъ онъ день и ночь, не зная усталости, не смыкая глазъ. Онъ прибылъ въ Тифлисъ, поѣхалъ на Авлабаръ и остановился передъ двух-этажнымъ домомъ; домъ этотъ—словно царскій дворецъ. Во дворѣ народъ толпится. Здѣсь ждуть рѣшенія своей судьбы люди со всѣхъ концовъ страны. То быть дворъ ворожеи Вардуа. Дурмишханъ поправилъ на себѣ кинжалъ, поднялся на лѣстницу и вошелъ въ покои Вардуа. Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. О, какіе это были взгляды двухъ когда-то влюбленныхъ существъ.

— Это ты посовѣтовала заложить визирю моего сына въ стѣну крѣпости?

При этомъ вопросѣ Вардуа тихонько выпула острый кинжалъ изъ-подъ мутки.

— Да, я посовѣтовала,—отвѣтила безстрашно Вардуа.

— Зачѣмъ же, проклятая? Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Дурмишханъ, погляди на меня, ты меня не узнаешь?... Ты убилъ мое сердце—я убила твоего сына, я отомщена.

— Охъ проклятая!—и онъ схватилъ ее за горло.

— Обними меня, мой милый! Двадцать лѣтъ я ждала этой минуты.

Она обняла его и вонзила ему въ спину кинжалъ по рукоятку.

Спустя нѣсколько часовъ ихъ застали мертвыми въ объятіяхъ другъ друга.

Разказъ Чонкадзе ¹⁾ не вѣренъ въ историческомъ отношеніи; а въ строго-художественномъ воспроизведеніи дѣйствительной жизни не выдер-

¹⁾ Вторымъ изданіемъ „Сурамисъ-Цихе“ вышло въ 1879 г. въ Тифлисъ. Повѣсть эта передѣлана въ драму Д. Мехри.

живаешь критики. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніяхъ онъ грѣшитъ во многомъ. Легенда, которую авторъ развилъ въ своемъ разсказѣ, относится къ слишкомъ стародавней эпохѣ, между тѣмъ какъ факты разсказа принадлежатъ къ позднѣйшему времени. Но зато Чонкадзе первый мастерски затронулъ животрепещущій вопросъ и этимъ произвелъ громадное влияние на грузинское общество. Разсказъ „Сурамись-цхе“ („Сурамская крѣпость“), помѣщенный въ журналѣ *Цискари*, расшевелилъ и увлекъ тогдашнюю грузинскую публику; люди стараго покроя, женщины, молодое поколѣніе — все зачитывались имъ, всехъ трогала печальная судьба Зураба и несчастной его матери; Вардуа, Дурмишханъ и Османъ-ага — все они были признаны жертвами ненормальныхъ экономическихъ отношеній, которыхъ свѣтотарная развязка чудилась тогда еще смутно.

Языкъ „Сурамись-цхе“ — чрезвычайно простой и выразительный. Отдѣльныя картины очень живо рисуютъ характеры героевъ разсказа и обнаруживаютъ въ авторѣ наблюдательность и художественное чутье. Но въ общемъ разсказъ не представляетъ цѣльнаго, выдержаннаго художественнаго произведенія; это рядъ картинъ, не имѣющихъ внутренней связи, механически сфлеленныхъ между собой участіемъ самого разсказчика, котораго авторъ заставляетъ каждый вечеръ приходиться въ кружокъ на берегъ Куры и продолжать среди кутежа начатое имъ повѣствованіе. Чонкадзе не долго жилъ послѣ появленія въ свѣтъ своего перваго талантливаго произведенія. Онъ умеръ отъ оспы 30 лѣтъ. Повѣсть Чонкадзе закончилась печатаніемъ въ январѣ 1860 г., а черезъ 5—6 мѣсяцевъ (16 іюня 1860 г.) онъ скончался. *Цискари* написалъ лишь нѣсколько словъ, что онъ потерялъ въ его лицѣ важнаго сотрудника, боясь объ немъ распространяться, такъ какъ по словамъ редактора, повѣстие были недовольны; Гр. Орбелиани выразилъ также свое неудовольствіе.

Въ 1863 г. въ *Цискари* повѣсть Чонкадзе разобралъ Ант. Пурцеладзе, высказавшій ту мысль, что авторъ взялъ фабулу не романтическую, а трагическую, и поэтому слѣдовало ему писать драму, а не повѣсть. Въ 1875 г. Г. Тумановъ возстановилъ изъ забвенія имя автора соціального романа. Грузинская литература преждевременно лишилась въ немъ писателя съ много обѣщавшими задатками. Борцомъ противъ крѣпостного ига, по его стопамъ, впоследствии выступилъ съ болѣе огненной рѣчью и глубокимъ поэтическимъ талантомъ современный романистъ и публицистъ, кн. Илья Чавчавадзе.

Лаврентій П. Ардазіани (1818—1870).

Въ 1857 г. организовался новый составъ редакціи „*Цискари*“, перешедшей въ руки Ив. Кереселидзе; главными сотрудниками стали: Лавр. Ардазіани, Гр. Рчеуловъ, А. Эристовъ, А. Орбелиани, Д. Кипиани, Ал-прдъ Саванели и Мих. Тумановъ (руководитель отдѣла Салакбо или

внутренняго обозрѣнія). Отцомъ грузинскаго реализма въ беллетристикѣ долженъ быть признанъ Лавр. Ардазіани, какъ авторомъ первой повѣсти изъ грузинской жизни является Дан. Чонкадзе и создателемъ литературнаго языка Георгій Эристовъ.

Лаврентій Петровичъ Ардазіани родился въ Тифлисѣ въ 1818 г., учился въ семинаріи и впоследствии служилъ въ казенной палатѣ. Умеръ въ 1870 г. отъ воспаления легкихъ. По своимъ связямъ и происхожденію онъ принадлежалъ къ духовному званію, отличался добродушіемъ, гостеприимствомъ, приверженностью къ старинной культурѣ и любовью къ народу.

Л. П. Ардазіани соединялъ въ себѣ дарованія беллетриста и критика; онъ принадлежитъ къ числу безвозмездно и безкорыстно порабатывшихъ на литературномъ поприщѣ и доставившихъ новыхъ подписчиковъ „*Цискари*“. Въ 1857 г. онъ напечаталъ въ немъ переводъ гр. Шекспира „Гамлетъ“ въ прозѣ и принималъ въ журналѣ непрерывное участіе въ 1857—1865 гг. За этотъ періодъ времени онъ помѣстилъ рядъ произведеній, изъ которыхъ наибольшее вниманіе привлекла повѣсть „Соломонъ Междгануашвили“ (*Цискари* 1861 г.), которая была издана Ив. Кереселидзе и отдѣльной книжкой¹⁾. Повѣсть любопытна въ томъ отношеніи, что она обрисовываетъ разбогатѣвшій классъ, который въ 1820—1830 гг. не имѣлъ ничего кромѣ одного платка, подобно Соломону Междгануашвили, но располагалъ споровкой и энергіей, захватилъ лучшія дома въ Тифлисѣ и наложилъ руку на сельскія имѣнія. Повѣсть эта — исторія быта и матеріальнаго разоренія грузинъ. Этою повѣстью исчерпано было его творчество, другія его произведенія менѣе значительны. Одна рукопись изъ не напечатанныхъ его произведеній о событіяхъ XVIII в. и переводъ „Жизнь Христа“ Ренана нашлись недавно въ Тифлисѣ.²⁾

Ардазіани пріобрѣлъ извѣстность романомъ *Соломонъ Исакичъ Междгануашвили*. Другой его романъ *Морчили*, напечатанный въ журн. „*Цискари*“, не былъ переизданъ и не пользуется популярностью среди читателей. Совершенно другая судьба постигла *Междгануашвили*. Это произведеніе (въ двухъ частяхъ) не утратило своего значенія до настоящаго времени, благодаря своимъ крупнымъ достоинствамъ. Добродушный его юморъ, обличающій первый фазисъ экономическаго разложенія грузинскаго дворянства, приученнаго къ роскоши дворцовыми балами намѣстника князя Воронцова, легкое осмѣяніе страсти къ европейскимъ модамъ, операмъ виѣшнему лоску со стороны лицъ, только что сбросившихъ *чадру* и замѣнившихъ коши русскими башмаками, появленіе юношей съ высшимъ образованіемъ, мечтающихъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ и самостоятельномъ веденіи хозяйства, въ контрастъ съ беззаботной молодежью, проигрывающей въ карты и прокучивающей въ Тифлисѣ сотни рублей, привезенныя изъ деревни для внесенія въ

¹⁾ 2-е изд. Т. 1878 и 3-е изд. Тиф. 1890 г. Разборъ этой повѣсти С. Чрелашвили (въ „Имеди“) и Г. Туманова (въ газ. „Дроэба“).

²⁾ Онъ велъ полемику съ Н. Березеновымъ, нападавшимъ въ газ. „Кавказъ“ на *Цискари* за обиліе стиховъ.

приказъ въ счетъ уплаты ссуды за заложенные имѣнія, вступленіе въ ряды кровной аристократіи лицъ изъ денежной буржуазіи, роднящейся съ дворянствомъ путемъ заключенія браковъ—выдачи дочерей съ богатымъ приданымъ за разоряющагося князя—все это составило совокупность такихъ жизненныхъ наблюдений, которыя впервые нашли въ лицѣ Ардазіани талантливаго выразителя. За нимъ послѣдовали другіе писатели (Ант. Пурцеладзе, напр. въ ром. *Марва*, Георг. Церетели и др.) шестидесятыхъ годовъ и чрезъ нихъ передавшійся новымъ новеллистамъ реализмъ утвердился въ грузинской беллетристикѣ.

Помимо богатаго содержанія, романъ *Соломонъ Меджгануашвили* замѣчательнъ и по своеобразной формѣ. Авторъ ведетъ рассказъ легкимъ разговорнымъ языкомъ отъ имени самаго героя, который сообщаетъ свою задушевную „исповѣдь“ другу и куму своему Оханезу, по просьбѣ котораго онъ описалъ свою жизнь. Прекрасный, колоритный языкъ, безукоризненный въ стилистическомъ отношеніи, съ рѣзкими примѣрами руссизмовъ въ лексикѣ (какъ-то: *кучеръ, кресло, картинка, управа, планъ, приказчикъ, перчатки, судъ, чиновникъ*), и фразеологій (*чѣмъ ангаришзе охунджосъ*—на мой счетъ тѣшится), съ попытками болѣе или менѣе удачными къ введенію собственныхъ неологизмовъ (*твитидгомаре хасіати*—самостоятельный характеръ, *гамохатулеба*—представленіе, *шедгомилеба*—послѣдствіе, *вмѣсто пылъ* утвердившихся словъ—*тиармодена и шедги*), поразительная живость и сжатость изложенія, простота и непринужденность—при господствующемъ въ тогдашней литературѣ высокопарности и архаичности слога—составляютъ исключительныя достоинства манеры *творчества* Л. Ардазіани, съ которымъ соперничаетъ лишь одинъ его современникъ—Д. Чонкадзе.

„Имя мое—Соломонъ, фамилія—Меджгануашвили. Съ тѣхъ, поръ какъ я приобрѣлъ имя въ свѣтъ, мнѣ казалось шекотливымъ носить эту фамилію, и потому пытался какъ-нибудь его переименовать, но никакъ не могъ, хотя другіе легко это продѣлываютъ. То хотѣлъ придать ей русское окончаніе, въ родѣ: Меджгануевъ, Меджгануилъ, Меджгануевскій, но слово *дэсгани* (старый сапогъ) не выпадало; то хотѣлъ перевести свою фамилію по-русски, но ни я, ни другіе не сумѣли перевести. Осталась за мною эта фамилія. Какъ мнѣ помянуть моихъ предковъ“!!! Такъ начинается автобіографія Соломона Исакича.

Родился онъ въ Тифлисѣ въ бѣдной лачужкѣ въ 1800 г.; черезъ годъ потерялъ отца и остался на попеченіи матери, Гайаны, безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ жалкой домашней рухлядью. Гайана была красивая вдова и на нее имѣли виды фруктощикъ Гео и лавочникъ Гаспаръ. Не смотря на старанія опытной старухи-сводницы, Гайана отвергла предложенія своихъ корыстныхъ поклонниковъ и нашла пріютъ въ домѣ кн. Луарсаба Раиндидзе. Книжница Дареджана приняла Гайану

¹⁾ Ф. Магаридзе. „Квали“, 1895 г. № 34.

²⁾ Напечатанный въ *Цискари*, изданъ отдѣльно впервые въ Тифлисѣ (1878) И. Меликишвили и Г. Чарквіани, а 3-е изд. появилось въ Ахал-Сенаки (1895 г.).

съ ребенкомъ очень ласково и сама учила ее различнымъ видамъ рукодѣлья. Подростаю же Соломона отдали въ обученіе священнику, а въ правилахъ вѣжливости и чтеніи поэмы „Барсова кожа“ руководила сама добродушная книжница. Въ 1817 г. умерла у Соломона мать черезъ три дня по смерти книжницы. Луарсабъ вернулся изъ Россіи съ чиномъ майора и, по истеченіи года послѣ его пріѣзда, Соломонъ покинулъ домъ своихъ благодѣтелей и пошелъ искать по наслѣдству доставшуюся лачужку. Имѣя въ карманѣ пять рублей, онъ успѣлъ ихъ промотать въ компаніи гулякъ и жуликовъ, зазаванныхъ его въ духанъ; освободившись отъ подозрительныхъ друзей, чуть его не сбившихъ съ пути, онъ принялся добывать средства къ пропитанію на площадяхъ и базарахъ, получая вознагражденіе за посредничество между покупателемъ и продавцемъ. Ночи проводилъ въ лачужкѣ матери; здѣсь онъ узналъ со словъ сосѣдки-старушки, оказавшейся сводницей, что по распространившимся слухамъ Гайана утопилась съ сыномъ, а на другой день послѣ этого злонамѣреннаго разказа старуха сама отдала душу Богу, при чемъ къ отвѣтственности за убійство былъ привлеченъ ея сыномъ Соломонъ. Послѣдній сумѣлъ случайно освободиться изъ-подъ ареста, хотя и ничѣмъ не могъ расположить къ себѣ полиціи. Небольшое сбереженіе помогло ему приступить къ самостоятельной дѣятельности. Онъ сталъ покупать ягнятъ, цыплятъ, дыни, арбузы, фрукты у крестьянъ и продавалъ выгодно горожанамъ. Лѣто онъ проводилъ въ деревнѣ у кн. Луарсаба, у котораго въ это время появился сынъ Александръ. По поводу рожденія сына съ радости щедрый князь одарилъ Соломона, купившаго въ имѣніи своего благодѣтеля для продажи на 50 рублей разныхъ животныхъ. Заработанныя деньги онъ сталъ отдавать на проценты, взявъ въ свои руки Карталинію и Кахетію, много перестрадалъ изъ опасенія за свой капиталъ, зарытый подъ тахтой, разорилъ изъ мести богатаго Гаспара, зарывшагося на его покойную мать, заставивъ его купить невыгодно шелкъ, но пожалѣлъ его семью и черезъ тертера (армянскаго священника) передалъ 6000 руб. на приданое дочерямъ своего соперника, женился по обману на некрасивой дочери бѣднаго цырульника, соблазнившаго его видомъ красавицы—сосѣдки. Прошло много времени, у него уже сынъ—гимназистъ, Псаакъ, и дочь—Тамара. Живетъ все еще въ лачужкѣ, жена продаетъ мыло, а дочь спички. Сосчитавъ въ отсутствіе семьи свой капиталъ, дошедшій до 800,000 руб., онъ рѣшилъ купить себѣ домъ и обставить его по-модному, становится джентльменомъ, жена же превращается въ барыню.

Онъ начинаетъ выѣзжать съ семьей въ театръ и задаетъ пиры, по отсутствію вкуса сказывается въ убранствѣ комнатъ, въ богатомъ нарядѣ дочери, непониманіи итальянской музыки. Жена его, Софья, мечтаетъ выдать дочь свою за образованнаго князя Александра Раиндидзе, надѣясь его склонить солиднымъ приданымъ при содѣйствіи дальней родственницы Александра Макрины, но молодой князь, уплатившій предъ тѣмъ Соломону долгъ по векселю въ 4730 руб., выросшій изъ 300 руб. когда-то взятыхъ отцомъ Александра, Луарсабомъ, далеко отъ этихъ узъ родства.

Вы,—говорит Соломонъ Псакичъ своему должнику, оправдывая свое ремесло философией,—народъ не расчетливый, беззаботный, недалевидный. Вотъ, напримѣръ, еслибы блаженный памяти вашъ отецъ заплатилъ мнѣ своевременно 300 руб., то теперь его сыну не пришлось бы лишиться вмѣсто этой ничтожной суммы цѣлыхъ 4739 р. и 37 к.

Но Александръ Раиндидзе предпочелъ книжку Елену Арагвишвили, и разстроенный бракъ Тамары послужилъ причиной ея трагической болѣзни, продолжительной и разорительной, окончившейся смертью ея отъ чахотки. Сынъ же Соломона, Псаакъ, кончилъ курсъ въ университетѣ и отбилъ мѣсто у кн. Александра, который переселяется съ своей очаровательной женой въ имѣнье, чтобы заниматься хозяйствомъ.

Герой романа изображенъ подчасъ каррикатурнымъ злодѣемъ, не лишеннымъ, впрочемъ, человѣческихъ чертъ. Онъ началъ свою карьеру ротовищничествомъ и факторствомъ. Зная человѣческія слабости, онъ безжалостно ихъ эксплуатировалъ. Ложно клясться, — сознается онъ, — также было легко для него, какъ сморкаться, въ противномъ случаѣ и копѣйку-то добыть было невозможно. Золото—его идолъ, предъ которымъ должны покорно все склониться. Тенденціозность нѣсколько вредитъ художественности романа; герой, князь грузинскій Раиндидзе, не соблазнившись богатствомъ Соломона и повздорившій изъ-за какихъ-то пустяковъ съ начальствомъ, имъ немного идеализированъ. Неестественна и дочь Соломона, Тамара, случайно влюбившаяся при первой же встрѣчѣ въ Раиндидзе и не перенесшая вѣсти о бракѣ его съ дѣвницей прекрасной души и благороднаго сердца. Несмотря на эти недостатки, романъ Л. Ардазиани изъ мѣщанской жизни положилъ начало грузинскому реализму, впоследствии въ особенности проявившемуся въ комедіяхъ и драмахъ изъ тифлисской жизни.

Григорій Рчеуловъ (1820—1877).

Среди писателей, использовавшихъ историческіе сюжеты для беллетристическихъ произведеній, однимъ изъ первыхъ является Г. Рчеуловъ. Онъ происходилъ изъ грузинской дворянской фамиліи (род. 1820 г. въ Тифлисѣ), учился сначала дома подъ руководствомъ отца, потомъ въ Тифлисской гимназіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1838 г. и поступилъ на службу въ казенную палату. Изъ его произведеній видно, что онъ познакомился съ европейской литературой, образцамъ которой онъ подражалъ въ своихъ повѣстяхъ. Въ *Цискари* подъ редакціей Г. Эристовавпервые онъ выступилъ (между прочимъ, помѣстивъ переводную повѣсть *Ошибки на маскарадѣ*) и продолжалъ принимать близкое участіе въ журналѣ при Кереселидзе; тамъ появилась его повѣсть „Лимоны вдовы“, вызвавшая много толковъ въ тогдашнемъ обществѣ и рѣзкую критику со стороны кн. А. Орбелиани. Въ томъ же журналѣ (1858 г.) помѣстивъ онъ разсказъ „Обманутый бриллианчикъ“. Въ 1862 г. появилась нан-

болѣ популярная его повѣсть, переложенная дважды въ стихи (кн. Р. Эристовымъ и Симономъ Гугуава), именно „Царевна Тамара“, послужившая сюжетомъ и для драмы того же названія К. Месхи. Другая его повѣсть, до сихъ поръ не утратившая своего интереса, „Царевна Анука“. Авторъ этихъ повѣстей напечаталъ въ *Цискари* (1857—1869) нѣсколько стихотвореній, анекдотовъ и статей различнаго содержанія, не обратившихъ вниманія даже современниковъ; онъ немало потрудился и надъ переводами иностранныхъ произведеній: въ 1863 г. помѣстивъ переводъ „Авроры“, въ 1885 г. сокращенный переводъ трагедіи „Норма“, въ 1866 г. „Исповѣдь Маріонъ де Лорма“. Ему же принадлежитъ переводъ краткой исторіи Македоніи. Послѣ 1866 г. Рчеуловъ въ литературѣ не принималъ участія, а въ 1878-мъ г. его уже не стало.

Надъ Рчеуловымъ тяготѣетъ обвиненіе, что онъ сюжеты своихъ историческихъ повѣстей заимствовалъ у иностранныхъ писателей, не всегда тонко скрывая фонъ образца, не соответствующій грузинской обстановкѣ. Въ повѣсти „Анука Батонишвили“ онъ подражалъ Орсини, его итальянскому роману „Изабелла Медичи“, но по неосторожности оставилъ черту, свойственную католической церкви. Переодѣвъ жителей Флоренціи въ грузинскіе костюмы и переселивъ изъ Италіи ихъ въ Греми, столицу Кахетіи, онъ заставилъ православнаго священника съ епитрахилью идти по городу съ дарами, какъ принято у католиковъ.

Сюжетъ повѣсти „Анука Батонишвили“ (написана въ 1860 г., отдѣльной книжкой издана въ 1880 г., въ Тифлисѣ) заимствована изъ эпохи царя Левана кахетинскаго.

Анука, дочь кахетинскаго царя Левана и второй его супруги изъ семьи Шаміли, въ отсутствіе мужа своего Отара Чолокашвили, полюбила буйнаго моурава (управляющаго), снявшаго съ себя монашескую рясу. Соперникомъ его является воспитанникъ царевны Ануки, мальчикъ Титико; невинныя ласки госпожи вскружили ему голову и, не добившись удовлетворенія своей страсти, онъ погибаетъ на ея глазахъ.

До царя дошли слухи о „позорѣ“, постигшемъ его семью. Онъ вызываетъ мужа Ануки изъ Персіи, куда онъ былъ отправленъ къ шаху съ царевичемъ Александромъ. Въ то время когда Анука тайкомъ посылаетъ своего незаконнаго сына къ племянницѣ своей, Дареджанѣ Дадіани, чрезъ посредство Марико, дочери своей няни, возвращается Отаръ Чолокашвили и, при содѣйствіи своего вѣрнаго слуги Мартируза, узнаетъ отъ дворцовой прислуги объ измѣнѣ своей жены. Онъ прибѣгаетъ къ хитрости и подъ видомъ духовника исповѣдаетъ ее въ церкви вмѣсто старца протоіерея Захарія и вывѣдываетъ мучительную для себя тайну.

Онъ прощаетъ нарушившую обѣтъ супругу, но принуждаетъ ее для спасенія грѣшной души идти въ Шуамтійскій монастырь, построенный первой женою Левана, Тинатиной Гуріели. Но Анука не вынесла душевнаго потрясенія и пала замертво. Повѣсть царевна „Анука“ изобилуетъ массой вставочныхъ, замысловатыхъ эпизодовъ, не соответствующихъ

пихъ грузинской жизни, какъ напр., исповѣданіе Ануки въ алтарѣ вопреки обрядамъ православной церкви.

Повѣсть „Два лимона“ относится къ періоду царствованія Ираклія II.

Это было въ то время, когда грузинскій царь Ираклій уже пріобрѣлъ громкую извѣстность не только въ Грузіи, но даже и въ Европѣ. Перваго мая 1786 года двадцатидвухлѣтняя княгиня Кекэ сидѣла у окна своего дома въ Тифлисѣ и задумчиво, разсѣянно смотрѣла на проходившую по улицѣ веселую толпу.

— Ай, ай, ай,—воскликнула вдругъ вдовушка.—Что-же это со мной? Обѣди уже отошла!.. И это благодаря ей!..

Княгиня, пожалуй, еще больше поохала-бы, если-бы въ это время не отворилась дверь и вошедшій слуга не доложилъ: „Царь пожаловалъ“.

Проворно вскочивъ, вдовушка подбѣжала къ зеркалу, расправила волосы и направилась къ дверямъ встрѣчать высокаго гостя.

Вошелъ царь Ираклій Второй; подать ей руку, поцѣловать въ лобъ, подвелъ къ тахтѣ и усадилъ около себя.

— Я пришелъ побранить тебя, моя милая,—обратился къ ней царь.—Скажи на милость, какая молоденькая женщина, и притомъ такая хорошенькая, перваго мая будетъ сидѣть дома и не пойдетъ къ обѣднѣ? Мнѣ семьдесятъ шесть лѣтъ, но когда я вижу эту пробуждающую природу, эти поля и горы, покрытыя свѣжей зеленью, мнѣ кажется, что молодость снова возвращается ко мнѣ.

— Ваше величество,—отвѣтила Кекэ,—прежде всего позвольте поблагодарить васъ за вниманіе ко мнѣ, безъ котораго вы не замѣтили бы моего отсутствія у обѣдни; а затѣмъ осмѣлюсь доложить, что виновно тому ваша дочь, царевна Анастасія. Ея высочество приказали мнѣ ждать ихъ, чтобы вмѣстѣ идти къ обѣднѣ; въ ихъ ожиданіи я и опоздала.

— Неправда, моя милая, неправда! Анастасія была тамъ. Ты лучше скажи мнѣ настоящую причину.

— Другой причины нѣтъ. По всей вѣроятности, царевна забыла.

— Въ такомъ случаѣ твое отсутствіе объясняется твоимъ великодушіемъ,—продолжалъ царь съ улыбкой. Ты, какъ драгоценный жемчугъ, выдѣляешься своей красотой среди нашихъ дамъ. А такъ какъ ты знала, что сегодня въ Анчисхатскомъ соборѣ было-бы очень много дѣвушекъ, то и не захотѣла затмить ихъ своей красотой. Въ противномъ случаѣ, вѣдь и онѣ сумѣютъ отомстить тебѣ, пустивъ въ ходъ свои злые язычки.

— Но... ваше величество... Это невозможно!... Вѣдь слишкомъ некрасивы и дурны должны быть тѣ дѣвушки, которыя позавидовали-бы моей красотѣ. Мнѣ ли равняться теперь съ молодыми дѣвушками!..

— Неправда, нѣтъ, клянусь прахомъ отца моего Теймураза! Уже если я отъ старости потерялъ вкусъ и зрѣніе, то по крайней мѣрѣ не могу не видѣть, какъ вся наша молодая знать увивается за тобой, стараюсь поймать твой взглядъ или очаровательную улыбку.

— Это очень легко объяснить, ваше величество. Всѣ прекрасно знаютъ, что я ваша пріемная дочь и что вы благоволили ко мнѣ.

— Но это слишкомъ ничтожная причина. Я увѣренъ, что кромѣ твоей красоты и личныхъ достоинствъ ничто другое не можетъ привлекать къ тебѣ молодежь. У меня шесть дочерей, но ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться съ тобой. Сегодня въ церкви молодые люди чуть не свернули себѣ шею, разыскивая тебя глазами... Право мнѣ больно, когда я вижу тебя одинокой и скучной... Вотъ что я расскажу тебѣ, моя милая вдовушка.—Онъ разсказалъ исторію про классическую красавицу Фрину...

„Тамъ на окнѣ я замѣтилъ лимоны... Вѣроятно ты употребляешь ихъ для какого-либо зелья, которое даритъ тебѣ красоту и свѣжесть... Ахъ, какъ я буду благодаренъ, моя милая Кекэ, если тебѣ какимъ-либо чудомъ удастся спясть съ моихъ плечъ годиковъ двадцать. Право, я подарилъ-бы тебѣ, если не все, то по крайней мѣрѣ полцарства“.

— Сознаюсь, что до вашего прихода я старалась узнать свою судьбу посредствомъ этихъ лимоновъ.

Царь Ираклій посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и ждалъ объясненія.

— Надѣюсь, что моя пріемная дочь и крестница моего сына Гулона никогда не поступитъ такъ, чтобы ей пришлось краснѣть отъ стыда. Ты хорошо знаешь, Кекэ, что въ судьбѣ твоей я принимаю такое-же участіе, какъ и въ судьбѣ своихъ дочерей... Правда, не я даровалъ тебѣ жизнь, но покойный отецъ твой завѣщалъ мнѣ: „будь отцемъ моему ребенку“. Это были послѣднія слова его передъ смертью. Кажется самъ Богъ обрекъ Грузію тяжкимъ испытаніямъ. Сыны Грузіи не принадлежатъ своему семейству; они всегда должны быть готовы съ обнаженнымъ мечемъ защищать свою родину и религію... Не сегодня, завтра она будетъ обращена въ магометанство... Не въ силахъ она больше бороться съ врагомъ... Подобно мнѣ и она состарилась, ослабѣла... Я задумалъ присоединить Грузію къ Россіи. Россія могущественна, единовѣрна намъ; она поддержитъ, укрѣпитъ насъ въ христіанской религіи и защититъ насъ своимъ мощнымъ крыломъ.

Царь Ираклій задумался. Наконецъ онъ глубоко вздохнулъ и оглянулся по сторонамъ, какъ-бы желая удостовѣриться, не слышалъ-ли кто его. Замѣтивъ, что княгиня также задумалась, онъ обратился къ ней съ улыбкой:

— Прости, дитя мое, я увлекся своей думой... Ты все-же не объяснила мнѣ назначенія этихъ лимоновъ...

— Ваше величество! Двое молодыхъ людей просятъ моей руки, но я не знаю, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Сегодня я съ утра подбрасываю и ловлю эти лимоны.

Назови мнѣ твоихъ жениховъ, я выберу тебѣ одного изъ нихъ.

— Кайхосро Андронникашвили и Заза Тархнишвили.

— Оба прекрасные молодые люди. Заза картаинецъ, чудный наездникъ, герой, ораторъ... Кайхосро кахетинецъ, тоже храбръ, краснорѣчивъ, остроуменъ, хорошо танцуетъ лезгинку... Дѣйствительно, я самъ не могу рѣшить, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе... Выбери изъ нихъ того, кто больше любитъ тебя, или который больше правится тебѣ.

— Въ томъ-то и бѣда, что по ихъ словамъ, оба одинаково любятъ меня. Какъ я замѣтила, Заза очень гордъ, честолюбивъ... Кайхосро человекъ простой, мечтатель, любитъ природу, охоту, птицъ, стихи...

— Въ такомъ случаѣ намъ надо обратиться къ католику и просить его разрѣшить вдовушкѣ имѣть двухъ мужей,—отвѣтилъ Праклій съ улыбкой.—Если магометанамъ позволительно имѣть по двадцати женъ, отчего-бы и вамъ не позволить имѣть хоть двухъ мужей.

— Избави, Боже! Мнѣ ни одного не нужно, но такъ какъ ваше величество изволить...

— Прекрасно моя милая! Такъ какъ ты хочешь выйти замужъ только по моему желанію, позволь мнѣ подбросить эти лимоны.

Царь Праклій сталъ подбрасывать лимоны и почти точась-же оба покатились на полъ. Вдовушка весело захохотала.

— И такъ, мнѣ не суждено больше выйти замужъ.

— Судьбу легко покорить. Скажи мнѣ только, который изъ нихъ больше любитъ тебя?

— Оба увѣряютъ...

— Въ такомъ случаѣ нужно испытать ихъ. Пошли сейчасъ-же позвать сюда Заза, только не давай ему знать, что я здѣсь... Судьба твоя должна рѣшиться сегодня-же... Какъ только онъ придетъ, скажи ему, что ты принимаешь его предложеніе, но только съ однимъ непремѣннымъ условіемъ. Если онъ навсегда оставитъ службу при дворѣ и поселится съ тобой въ своей деревнѣ Ностены. Затѣмъ дай ему два часа сроку на отвѣтъ, который онъ долженъ сообщить тебѣ письменно.

Праклій всталъ, вышелъ въ другую комнату и скрылся за дверь, предупредивъ озадаченную вдовушку:

— Говори съ нимъ громко, чтобы я слышать.

Скоро явился и Заза Тархнишвили, бравый, симпатичный молодой человекъ, брюнетъ, съ благородной осанкой.

При входѣ его княгиня покраснѣла и тотчасъ-же подумала: „кажется, испытаніе лишнее. Мое замѣшательство доказываетъ, что этотъ болѣе по сердцу мнѣ, чѣмъ Кайхосро“.

— Многоуважаемая княгиня,—началъ Заза изысканно вѣжливо.—Сердце влекло меня къ вамъ, но безъ вашего зова я не осмѣлился поздравить васъ сегодня съ первымъ мая, этимъ чуднымъ мѣсяцемъ, когда цвѣтутъ розы, хотя и не такія роскошныя, какъ вы... Сегодня я надѣялся встрѣтить васъ у обѣдни, но, къ моему величайшему сожалѣнію, надеждѣ этой не суждено было исполниться... Я такъ давно не имѣлъ счастья видѣть васъ...

— Кажется, не далѣе, какъ третьяго дня вы изволили быть здѣсь.

— Совершенно вѣрно, княгиня. По смѣю увѣрить, что каждая минута, проведенная вдали отъ васъ, кажется мнѣ вѣчностью. Судьба не особенно милостива къ вашей майской розѣ. Кажется, она перестанетъ цвѣсти... Соловей не поетъ ей ласковыхъ трелей.

— Мнѣ кажется для влюбленныхъ нужна уединенная жизнь вдали отъ шумнаго свѣта, отъ зависти, сплетень...

— Позвольте княгиня! Между людьми высшаго свѣта, если они не унизили себя неравнымъ бракомъ, любовь, по моему мнѣнію, не должна быть скромна, скрытна, какъ это обыкновенно описываютъ въ нѣкоторыхъ романахъ, которые могутъ нравиться развѣ только нашимъ крѣпостнымъ парнямъ и дѣвцамъ... Любовь должна быть открыта, чтобы возбудить зависть враговъ, которая придаетъ обоюдному счастью еще болѣе прелести... Скажите, Бога ради, зачѣмъ вы украшаете себя брилліантами? Не для того-ли, чтобы всѣ ихъ видѣли?.. Неправда будто для любви необходимо уединеніе... Наше мѣсто здѣсь, при дворѣ, на глазахъ у царя... Только здѣсь можно достать имя, извѣстность, уваженіе... Этого домогаюсь я только для того, чтобы повернуть все на алтарь любви, преподнестъ, какъ должную дань, избранницѣ моего сердца...

Красавица княгиня слушала съ видимымъ удовольствіемъ. Затѣмъ, какъ будто, вспомнила что-то...

— Припомните, князь, что у васъ въ Ностены есть имѣніе... Сегодня же вы потребуеете лошадей, чтобы взять меня въ вашу хижину, гдѣ мы обвѣнчаемся. Наша любовь превратитъ ее въ царскій дворецъ.

— Странная мысль! Можно подумать, княгиня, будто-бы вы пресыщены удовольствіями и наслажденіями и потому ищете уединенія, тогда какъ я хорошо знаю, что вы всегда были врагомъ сильныхъ ощущеній... Но я готовъ исполнить всякое ваше приказаніе.

— Передъ отъѣздомъ вы подадите царю просьбу объ отставкѣ отъ занимаемой вами должности.

Заза моментально поднялся съ мѣста.

— Я же сказала вамъ, что ненавижу городъ, шумъ, сплетни... Я хочу наслаждаться чистымъ воздухомъ, природой... Хочу жить среди телятъ, ягнятъ, мужичковъ; это для васъ должно быть все равно. Условія моего перваго выхода замужъ зависѣли отъ моихъ родныхъ и родственниковъ. Вдова-же всегда пользуется привилегіей сама выбрать себѣ жениха и ставить ему условія. Подумайте и черезъ два часа сообщите мнѣ письмомъ вашъ отвѣтъ. До свиданья.

Молодой человекъ ушелъ, холодно поклонившись.

— Bravo, моя вдовушка, bravo!—воскликнулъ Праклій, продолжая стоять за дверьми.—Я доволенъ тобой. Теперь потребуй Кайхосро и обвѣдай ему должность правителя въ Ганжѣ.

Вскорѣ явился и другой претендентъ. Князь Кайхосро ни въ чемъ не уступалъ своему сопернику. Былъ молодъ, красивъ, строенъ: лю-

билъ музыку, поэзію, природу, но больше всего любилъ онъ хорошеенькую княгиню Кекэ. Кайхосро тотчасъ-же завелъ разговоръ о любви въ уединеніи, вдали отъ славы, почестей и отъ свидѣтелей-завистниковъ...

— Чѣмъ вы можете доказать мнѣ свою любовь, князь?

— Чѣмъ прикажете, — отвѣчала Кайхосро, озадаченный вопросомъ.

— Я люблю почести, извѣстность.

— Я избѣгаю ихъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ никогда не быть моимъ мужемъ. Я хочу, чтобы супругъ мой пользовался именемъ, извѣстностью, былъ принятъ при дворѣ...

— Дѣлать нечего! Я постараюсь достать какую-либо должность.

— Вамъ хорошо извѣстно, князь, что я крестница царевича Гулона и что самъ царь благоволитъ ко мнѣ. По моей просьбѣ его величество уже назначилъ васъ правителемъ Ганжи. Затѣмъ мы можемъ выпросить еще лучшее мѣсто при дворѣ.

— На что намъ все это, княгиня? Любви не нужны слава, почести... Что можетъ быть лучше полной свободы, природы, быстрыхъ рѣчекъ, рощи, трелей соловья...

— Нѣтъ, князь... Подобная жизнь удѣлъ пастуховъ. Наше мѣсто при дворѣ. Дворянинъ долженъ жить для царя и отечества. Царскія радости должны быть и его радостями, царскія печали — и его печальми.

— Подумайте и черезъ часъ сообщите мнѣ вашъ отвѣтъ.

— Мнѣ думать нечего, княгиня. Какъ ни трудно разставаться мнѣ съ свободой, которую я люблю больше всего на свѣтѣ, тѣмъ не менѣе я принимаю ваши условія. Одна только мысль, что это вамъ будетъ приятно, уже дѣлаетъ меня счастливымъ. Боюсь только, чтобы все это не было шуткой съ вашей стороны...

— Не бойтесь, — отвѣтила вдова съ улыбкой. — Самъ царь назначитъ намъ день нашей свадьбы.

Кайхосро ушелъ, сіяя отъ счастья.

— Вотъ будетъ бѣда если и Заза согласится на мои условія, — думала хорошеенькая княгиня.

Царь Ираклій вошелъ въ комнату.

— Какъ? Вы думаете, что судьба моя уже рѣшилась?

— Я убѣжденъ въ этомъ: Кайхосро любитъ тебя.

— Вы любите Кахетію и потому выбираете мнѣ кахетинца.

— Увѣрю тебя, что любовь моя къ Кахетіи въ данномъ случаѣ не причемъ. Кромѣ того, я долженъ замѣтить еще, что ошибаются тѣ, которые думаютъ, что я и теперь предпочитаю Кахетію Карталиніи.

Княгиня съ нетерпѣньемъ раскрыла поданное письмо.

„Многоуважаемая княгиня! — писалъ Заза. Клянусь вамъ прахомъ моего отца, что я люблю васъ безграничной любовью, люблю такъ, какъ никого еще не любилъ и не буду любить... Но я дворянинъ, слугу великому царю Ираклію. Жизнь моя принадлежитъ ему. Я не могу измѣнить родицѣ, не могу“...

— И такъ далѣе, и такъ далѣе, — прервалъ Ираклій. А теперь, дорогая моя, ты смѣло можешь позвать Кайхосро и осчастливить его.

Когда Кайхосро вошелъ къ княгинѣ, онъ сильно былъ удивленъ, встрѣтивъ тамъ царя.

— Князь, — обратился къ нему Ираклій. Заза любитъ княгиню Кекэ и проситъ ея руки. Но какъ я убѣдился, онъ любитъ меня больше, чѣмъ ее, такъ какъ не хочетъ ради ея измѣнять мнѣ. Вы-же, какъ видно, любите ее больше меня, такъ какъ согласны служить при дворѣ только изъ любви къ ней и по ея просьбѣ. Отсюда я заключаю, что Заза будетъ мнѣ вѣрнымъ слугою и хорошимъ правителемъ, а вы прекраснымъ и вѣрнымъ мужемъ княгини. Поэтому я хочу назначить Заза кор-есауломъ и послать въ Эривань, а васъ женить на Кекѣ.

Ираклій ушелъ, оставивъ молодыхъ въ томъ радостномъ настроеніи, которое легко поймутъ всѣ влюбленные и которое остается въ памяти на долгіе годы. Таковы послѣднія повѣсти.

Общій недостатокъ историческихъ повѣстей, какъ Г. Рчеулова и повѣсти царевны Алука, заключается въ томъ, что онъ недостаточно силенъ въ исторіи, не всегда считается съ хронологіей, путается генеалогію, искажаетъ подлинныя факты. Такъ, героини повѣсти „Лимоны вдовы“ или „Два лимона“, красавицы Кекэ, дочери Ивана Абашидзе, „пріемной дочери“ царя Ираклія никогда не существовало: у этого князя были дочери, носящія совершенно другія имена. Точно также въ моментъ разсказа въ 1766 г. царю Ираклію, принимающему участие въ выборѣ для Кекэ жениха изъ двухъ претендентовъ на ея руки — Зазы Тархншвили и Кайхотро Ендроникашвили, было не 66 лѣтъ, а 76 лѣтъ. Подобныя промахи въ связи съ отсутствіемъ чертъ правовъ и воззрѣній, характеризующихъ историческую обстановку, лишаютъ его повѣсти нѣкѣйшей доли значенія. Достоинства же его повѣсти безусловно составляютъ легкій языкъ и удачно завязанная романтическая интрига, а теплота чувства сообщила ему ту неувидаемую прелесть, которая является удѣломъ немногихъ произведеній. Безъ слезъ не могли слушать чтеніе повѣсти „Тамара“ ¹⁾ еще въ моемъ дѣтствѣ.

Впервые повѣсть *Царевна Тамара* напечатана была въ „Цискари“ 1862 г. и встрѣчена сочувственно, хотя въ ней воспроизведена жизнь Грузіи XII в. довольно блѣдно. Предъ нами два типа эпохи: энергичный, честный, горячій патриотъ Шалва и безжалостный, гордый П. Аргуташвили. Шалва рыцарь, полагающій цѣль существованія въ защитѣ истины и правды, предпочитающій славную смерть позорной жизни. Мы знакомимся съ ними въ тотъ моментъ, когда онъ встрѣчается съ нѣсколькими путниками, въ числѣ которыхъ онъ замѣчаетъ даму, одѣтую въ мужской костюмъ. Онъ пробирается ночью въ башню, куда запираютъ путники похищенную красавицу съ цѣлью надругаться надъ ея честью. Онъ спасаетъ ее и хочетъ въ интересахъ полной ея безопасности же-

¹⁾ Разборъ ея см. въ газ. *Дрозда*, 1875 г. № 101 и 102.

ниться на ней, но она долго отказывается. Проходит время. Опять возвращается в Тифлисъ съ войны, одержавъ побѣду, и узнаетъ, что сосватанная имъ особа—племянница царя Георгія, дочь Русудани. Опять обсыняется послѣдней въ чувствахъ къ ея дочери. Но Русуданъ отвѣчаетъ, что дочь свою она выдаетъ за греческаго султана (?), чтобы предотвратить войну съ Грузіей. Тамара борется въ чувствахъ между долгомъ предъ родиной и любовью къ Шалвѣ; чувство она приноситъ въ жертву долгу и выходитъ за султана. Шалва потерялъ все, — жизнь становится ему противной. Но ея не прожигаетъ бесполезно, а отдаетъ службѣ за отечество. Въ борьбѣ съ врагами родины онъ попадаетъ въ плѣнъ и, не смотря на угрозы, не измѣняетъ вѣрѣ Христовой, не переходитъ въ исламъ. Противъ Шалвы и его отца Елизбара дѣйствуетъ Иванъ Аргуташили, атабекъ, который поссорилъ царя Георгія съ Елизбаромъ изъ-за невѣсты послѣдняго. Елизбара на 20 лѣтъ запираютъ въ темницу, а Шалвѣ Иванъ мститъ тѣмъ, что во время войны не помогаетъ, и Шалва попадаетъ въ плѣнъ. Такъ печально кончается свою жизнь герой Шалва. Произведеніе это было передѣлано К. Месхи въ драму и пользуется нынѣ успѣхомъ на сценѣ.

По мнѣнію Магмадзе—это романъ англійскій (какого автора,—критикъ не называетъ), приспособленный къ грузинской исторіи. Заслуга Г. Рчеулова, какъ бы то ни было, въ томъ заключается, что онъ заинтересовалъ читателя исторіей Грузіи и обратилъ его вниманіе на необходимость изученія ея прошлаго.

Кн. М. Б. Тумановъ.

Князь Михаилъ Бартьеловичъ Тумановъ, сотрудникъ *Цискари*, выдающийся дѣятель своего времени, середины XIX столѣтія.

Фамилія Тумановыхъ принадлежитъ къ княжескимъ родамъ, переселившимся въ Грузію много вѣковъ назадъ и занявшимъ высокое положеніе. Они занимали наслѣдственные должности государственныхъ секретарей и судей. Отецъ князя М. Б. во время присоединенія Грузіи къ Россіи состоялъ при царевичѣ Вахтангѣ. М. Б. былъ младшимъ сыномъ и родился 19-го мая 1818 года въ сел. Хелтубани, родовомъ имѣніи князей Тумановыхъ въ горійскомъ уѣздѣ. Онъ воспитывался въ единственномъ тогда въ Тифлисъ учебномъ заведеніи—дворянскомъ пансіонѣ, преобразованномъ впоследствии въ 1-ю классическую гимназію, гдѣ кончилъ курсъ съ отличіемъ. Поступивъ на гражданскую службу (по судебной части), М. Б. находилъ все же досугъ для самообразованія и для чтенія любимыхъ поэтовъ: Байрона, Пушкина, Лермонтова. Въ 1838 году, черезъ годъ послѣ смерти Пушкина, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, М. Б. сдѣлалъ изъ него нѣсколько переводовъ: „Я помню чудное мгновеніе“, „Зимній вечеръ“ и др., а также

поэму „Бахчисарайскій фонтанъ“; позже главныя сцены изъ „Каменнаго гостя“. Стихъ М. Б. отличался необыкновенною легкостью и звучностью. На его собственныхъ произведеніяхъ отражающихся, влияніе Бараташвили и Орбеліани, лежитъ печать меланхоліи. Переводы его очень близко подходили къ подлиннику. Одно изъ его оригинальныхъ стихотвореній *Въ пустынь* появилось недавно въ русскомъ переводѣ г-жи Гриневской.

Въ пустынь пламенной, подъ жгучими лучами
Кто видѣлъ дерево на грудѣ темныхъ скалъ?
Стоитъ безмолвное, поникнувши вѣтвями,
Напрасно вѣтерокъ его бы вновь ласкалъ.

*
**

Такъ сердце, о, друзья, мое теперь убито.
Убито вихремъ злымъ и знойнымъ бытія.
Молчить, какъ дерево въ разсѣлинѣ гранита.
Ахъ, къ жизни, какъ оно, не пробужусь и я.

Написавъ нѣсколько стихотвореній, кн. Тумановъ затѣмъ прерываетъ свою литературную дѣятельность на 12 лѣтъ. Лишь въ 50-хъ годахъ, когда бывший кавказскій намѣстникъ кн. Воронцовъ основалъ въ Тифлисъ первую русскую газету „Кавказъ“, кн. Тумановъ снова беретъ въ руки перо. Написанный имъ фельетонъ о только-что открытомъ грузинскомъ театрѣ является единственнымъ свидѣтельствомъ современника объ этомъ событіи и поэтому много разъ цитировался въ мѣстной печати. Въ концѣ 50-хъ годовъ кн. Туманову пришлось участвовать въ грузинскомъ журналѣ „Цискари“ (Заря), основанномъ не задолго передъ тѣмъ подъ покровительствомъ того же кн. Воронцова, и еле влачившемъ свое существованіе послѣ него. Участіе кн. Туманова въ „Цискари“ оживило умиравшій журналъ. Онъ первый ввелъ фельетонный отдѣлъ и подъ рубрикою „Листокъ болтуна“ (Салакбо) помѣстилъ рядъ легкихъ замѣтокъ о разныхъ злобахъ дня. Между прочимъ, онъ выступилъ горячимъ защитникомъ грузинскаго языка, оказавшагося, въ силу моды, въ загонѣ и пренебреженіи. Фельетонный отдѣлъ съ тѣхъ поръ явился неотъемлемою принадлежностью грузинскихъ журналовъ 60-хъ годовъ и если почему-нибудь временно исчезалъ, то уже одно это вызывало упадокъ изданія. И тутъ, въ этой новой сферѣ сказалось влияніе Пушкина на грузинскаго писателя. Кн. Тумановъ своими фельетонами заговорилъ въ грузинскомъ журналѣ живымъ народнымъ языкомъ и только съ тѣхъ поръ грузинскій журналъ превратился изъ сборника случайныхъ статей въ жизненное явленіе, органъ общественнаго мнѣнія.

Кн. Тумановъ не ограничивался литературной дѣятельностью, но и стремился принять непосредственное участіе въ практической работѣ

по примѣненію реформъ императора Александра II. Состоя управляющимъ канцеляріею по дѣламъ устройства крестьянъ и членомъ комитета объ устройствѣ крестьянъ Закавказскаго края, кн. Тумановъ вынесъ на своихъ плечахъ значительную долю чернаго труда по введенію крестьянской реформы на Кавказѣ. Трудъ этотъ былъ колоссальнымъ, такъ какъ едва ли гдѣ существуетъ такая пестрота и неопредѣленность обычаевъ по землевладѣнію, какъ на Кавказѣ, гдѣ на сравнительно небольшомъ пространствѣ живутъ болѣе 30 племенъ и говорятъ они болѣе, чѣмъ на 30 нарѣчіяхъ.

Усиленные труды по службѣ подорвали крѣпкое здоровье М. Туманова и онъ съ перомъ въ рукахъ скончался въ 1875 году 56 лѣтъ отъ роду ¹⁾.

Въ журналѣ *Цискари* подвизались поэты, нынѣ уже забытые. Таковъ кн. Дим. Баграioni. Одно изъ его стихотвореній, исполненное радости по поводу рожденія его дочери Елизаветы, заканчивается колыбельной для нея пѣсней. Все стихотвореніе проникнуто теплымъ чувствомъ; рима богата, языкъ представляетъ смѣсь старинныхъ выраженій съ новымъ. Въ другихъ стихотвореніяхъ гиперболически воспѣваетъ онъ небесную красоту дочери Елизаветы. Начало поэмы „Шаири“ (16 слоговъ) соответствуетъ начальнымъ словамъ Руставели. Она представляетъ восхваленіе наружнаго блеска и рѣдкихъ качествъ дочери поэта. Другая такая же поэма „Елизабедиани“ написана въ формѣ „Чахрухаули“ (въ 20 слоговъ)—это похвальная ода, посвященная той же Елизаветѣ. Дочери же посвящено стихотвореніе въ альбомѣ. Въ прозѣ и въ стихахъ къ княгинѣ Масіа онъ воспѣваетъ другую свою дочь Тасію. Ей же посвящено другое стихотвореніе въ альбомѣ. Такимъ образомъ, онъ пѣвецъ своей семьи, панегиристъ своихъ дочерей.

По обычаю грузинскихъ писателей онъ оставилъ Анбантъ-кеба. Чадолюбивый отецъ обѣимъ дочерямъ вмѣстѣ написалъ грустное посланіе „дзагнелорули“ (стих. въ 20 слоговъ, среди строки трижды повторяется рима). Авторъ выражаетъ недовольство жизнью, но находитъ успокоеніе въ свящ. писаніи. Написалъ онъ еще элегію въ подражаніе поэту. „Бесики“, посланіе кн. Петру Багратовану, на рожденіе дочери царевича Баграта, посвященіе дочери царевича Фарнаваза (съ робкимъ ея восхваленіемъ), переложилъ въ стихи книгу „Бытія“ и излилъ плачъ въ стихахъ дзагнакорійскихъ. Эти послѣдніе довольно большого объема. „Мученіе цар. Кетеваны“ и поэма въ прозѣ „Ласки ночи“—представляютъ образецъ его пониманія поэтическаго описанія. Ему же принадлежатъ „Жалобы на судьбу по поводу старости“, напечат. въ *Цискари*, за 1852 г., кн. 3.

Давидъ Барзимовичъ *Мачабели* (Цискари 1853, 4) напечаталъ стих. „Молитва любви“. Въ особенности хороша „Ласка обращенная къ милой

¹⁾ Избранныя его стихотворенія и стихи отпечатаны отдѣльной книжкой (Тифлисъ. 1881).

и невинность“. Языкъ выразительный и звучный, подготовляющій стихъ Бараташвили.

Въ *Цискари* принимали участіе Барамъ *Баратовъ*, авторъ романа, „Шенда шекрамдиде витгацлебъ гули“ (Какъ сердце выдержать до встрѣчи съ тобой), пѣнты Отаръ и Тамазъ *Кобуловы*, переводчики—Шв. *Эристовъ*, Александръ *Саванели*, Сардионъ Алексѣевъ—*Месквевъ*, кн. Р. Ш. *Эристовъ*. Послѣдній былъ потомокъ царя Праклія по женской линіи, его дочери Анны. Р. Ш. родился въ 1828 г. въ старомъ гнѣздѣ ксанскихъ эриставовъ, сел. Одзиси, душетскаго уѣзда, и бодрость силъ, душевныхъ и физическихъ, сохранилъ до самой своей кончины (1899 г.). Постепенно выступая по роли воина при намѣстникахъ—кн. Воронцовъ и кн. Барятинскомъ, то поэта, то литератора въ 40-хъ годахъ, Р. Ш. проходилъ службу въ должностяхъ мирового посредника, начальника земской стражи и, наконецъ, уже въ чинѣ полковника лейбъ-гвардіи казачьяго полка, въ должности горійскаго уѣзднаго воинскагоначальника.

Заботы, помѣщика и служба уже съ 1851 года отвлекли молодого князя отъ его неодолимой литературной дѣятельности и поэтическаго творчества, которое по отзыву такого знатока грузинскаго языка, какъ князь Григорій Орбелиани, отличалось глубокимъ лиризмомъ, искренней теплотой чувства и неподдѣльнымъ вдохновеніемъ. Послѣднему и были посвящены, при стихотворномъ посланіи, 4 историческія характеристики проф. Грановскаго: Тамерланъ, Александръ Македонскій, Людовикъ IX и Бэконъ. Кромѣ собственной лирики, помѣщавшейся въ грузинскомъ журналѣ „Цискари“, издаваемомъ Шв. Кереселидзе, князь переводилъ и много русскихъ поэтовъ: Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Козловскаго („Безумная“,—поэма, напечатанная только въ 1860 г.)

Плодовитостью, по отсутствіемъ дарованія отличался редакторъ *Цискари* Иванъ *Кереселидзе*. Онъ происходилъ изъ имеретинскихъ дворянъ, родился въ 1827 г., учился въ тифлисскомъ благородномъ училищѣ и затѣмъ съ 1852 г. посвятилъ себя преподавательской дѣятельности. Въ 1853 г. издалъ грузинскій букварь и впоследствии нѣсколько книгъ. Въ 1855 и въ 1857 гг. онъ возобновилъ журналъ кн. Г. Эристова *Цискари*, прекратившійся въ 1874 г.; возродившись въ 1887 г. въ видѣ газеты, выходящей дважды въ недѣлю, „Цискари“ не долго просуществовать за недостаткомъ средствъ. Въ 1861 г. Кереселидзе впервые приступилъ къ изданію сельско-хозяйственной газеты *Гутнисъ-дэди* („Пахарь“). Онъ былъ безкорыстный дѣятель, пробовалъ свои силы на поприщѣ литературномъ въ качествѣ издателя и переводчика; помѣстилъ рядъ критическихъ статей, повѣстей и стихотвореній, не чуждъ былъ сферы театальной, гдѣ выступалъ антрепренеромъ группы и актеромъ. Скончался 22 декабря 1892 г. въ жалкой обстановкѣ ¹⁾ и торжественно былъ похороненъ въ Дидубійской церкви. Нѣсколько образцовъ произведеній его

¹⁾ Воспоминанія о немъ напечаталъ кн. Ак. Церетели подъ заглавіемъ „Двѣ встрѣчи“.

пера вошло въ сборникъ избранныхъ стихотвореній, изданный обществомъ распространенія грамотности среди грузинъ (Тифлисъ, 1904 г., кн. 2-я). Сборникъ его стихотвореній вышелъ въ 1878 г. Одна изъ его пѣсенъ „Свѣтъ моихъ очей“ донынѣ остается популярнымъ романсомъ. Нерѣдко онъ настраивалъ лиру на обличительный тонъ, порицая возмечтавшихся вельможъ и вообще соотечественниковъ, успокаивающихся на мысли объ обогащеніи.

Чавчавадзевскій періодъ.

Вторымъ кавказскимъ намѣстникомъ былъ ген. Муравьевъ, пробывшій въ краѣ всего одинъ годъ и семь мѣсяцевъ. Въ 1856 г. былъ назначенъ и. д. намѣстника кн. Барятинскій. Онъ направилъ всю свою энергію на окончаніе упорной войны съ горами. Заслуга его въ томъ, что сбросилъ съ плечъ Россіи тяжелое бремя изнурительной кавказской войны: Шамилъ былъ взятъ въ плѣнъ ¹⁾. Въ дѣлѣ мирнаго устроенія края, намѣстникъ обратилъ вниманіе на проведеніе прочныхъ путей сообщенія, улучшилъ военно-грузинскую дорогу, возстановлялъ оросительные каналы. Шестидесятилѣтняя война въ горахъ закончилась, тревожное состояніе замерло, производительныя силы богатѣйшей страны могли бы быть использованы на благо измученнаго вышшими жертвами населенія. Для поднятія культуры въ покинутыхъ горами областяхъ началась задача земельныхъ участковъ выслужившимся чиновникамъ. Въ 1860 году дѣйств. ст. сов. Коцебу пожаловано 500 дес. земли, а кн. Джорджадзе 400 дес. въ Кубинскомъ уѣздѣ, Дербентской губ. Этотъ починъ породилъ среди служащихъ на Кавказѣ погоню за полученіемъ въ награду за службу казенной земли. Вскорѣ всѣ удобные участки были распределены, и мѣстное населеніе стало испытывать недостатокъ земли.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ вступилъ въ управленіе краемъ (1862—1881 гг.) въ моментъ окончанія войны съ горами и возникновенія новыхъ государственныхъ задачъ. Онъ явился сторонникомъ реформъ Александра II и провелъ ихъ въ жизнь края, не смотря на серьезныя препятствія на пути къ ихъ осуществленію. Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ (1864 г.), судебныя реформы съ вѣкоторыми неудачными измѣненіями и дополненіями, сообразно съ особенностями мѣстнаго населенія, новая администрація, финансовыя преобразованія,—все это такъ или иначе содѣйствовало развитію культурныхъ и экономическихъ силъ населенія. Романтизмъ перваго періода, внушенный русскимъ администраторамъ увлеченіемъ произведеніями Марлинскаго, твореніями Пушкина

¹⁾ Старецъ Шамилъ изъ своего Калужскаго заточенія писалъ кн. А. И. Барятинскому: „Извѣстіе о безпорядкахъ, происходившихъ (1863 г.) въ царствѣ польскомъ, сильно огорчило меня; потому я постоянно молю Всевышняго о благоденствіи государя императора и дарованіи ему побѣды во всякое время и во всякомъ мѣстѣ“. *П. Березковъ*. Жизнь и Труды М. П. Погодина Спб., 1906, книга XX; стр. 5.

и Лермонтова, безповоротно прошелъ. На Кавказъ стали смотрѣть какъ на окраину, изъ которой нужно извлечь пользу для обще-государственныхъ нуждъ. Мѣстные интересы обрели въ жертву соображеніямъ политическаго характера. Такой курсъ взяли кавказскіе главноначальствующіе со времени главноначальствующаго гражданскою частью кн. Дондукова-Корсакова и вплоть до кн. Голицына, при которомъ гоненіе на все ту земное достигло крайняго напряженія.

Новый періодъ грузинской литературы почти совпадаетъ съ эпохой окончанія войны съ горами и начинается съ 1861 г., когда кн. П. Чавчавадзе еще въ „Цискари“ поднялъ знамя гуманности и организовалъ кружокъ единомышленниковъ, состоявшихъ изъ лучшихъ представителей тогдашней молодежи, каковыми были: Петръ Накашидзе, Г. Казбекъ, Ив. Полтарацкій, Мих. Кипіани, Ив. Беридзе, Дав. Кипіани, Г. Чиковани, Ал. Савалели, Мих. Чиквадзе, Ил. Цинамдзгвришвили и В. Тулашвили. Впослѣдствіи къ нимъ примкнулъ В. Гогоберидзе, принимавшій дѣятельное участіе въ думской исторіи 1861 г. студентовъ петербургскаго университета ¹⁾ Они. устраивали собранія, на которыхъ читались рефераты, возбуждающія духъ стихотворенія и отрывки изъ „Разсказа нищаго“ П. Чавчавадзе. Этотъ кружокъ, во главѣ съ П. Чавчавадзе, издавалъ въ 1863 г. журн. „Сакартвелосъ Моамбѣ“, въ которомъ принялъ участіе, между прочими, Дим. Кипіани, Гр. Орбелиани, Г. Эрнстовъ (драматургъ) и др.; корректоромъ былъ предъ тѣмъ кончившій курсъ П. Умиканвили. Петербургская грузинская молодежь съ восторгомъ встрѣтила новый журналъ. Кир. Лорткипанидзе, студ. III курса, и Г. Церетели, студ. I курса, прислали изъ Петербурга въ журналъ первыя пробы своего пера. „Сакартвелосъ Моамбѣ“ выступило борцомъ противъ крѣпостнаго права. Но сентиментально взглянуло на угнетенное положеніе крестьянъ, и эту же чувствительность перенесло на родину. Это живое движеніе продолжалось лишь одинъ годъ. Вожди его, казавшіеся администраціи опасными либералами, устроились на государственной службѣ: П. Чавчавадзе и Г. Чиковани по судебному вѣдомству, Ил. Цинамдзгвришвили, Мих. Кипіани и В. Тулашвили по межевой части, и журналъ прекратился. Программа и идеи новаго движенія внесли оживляющее начало въ грузинскую жизнь: въ области литературы оно утвердило тенденціозно-сентиментальное направленіе; въ области политико-экономической оно отстаивало взгляды буржуазныхъ экономистовъ французовъ Сэ и Бастіа, и подъ ихъ вліяніемъ отчасти написаны статьи о хизанскомъ вопросѣ „Жизнь и Законъ“ князя П. Чавчавадзе; въ сферѣ развитія общественныхъ отношеній стояло на принципѣ патристическо-дворянскомъ; изъ кредитныхъ учрежденій оно дало предпочтеніе дворянскимъ земельнымъ долгосрочнымъ банкамъ.

Въ 1866 г. открывается новое прогрессивное теченіе въ грузинской литературѣ и публицистикѣ. Зарождается вторая фракція — „даси“. Она

¹⁾ О немъ см. *Л. Пантелеевъ*: „Изъ воспоминаній студенческаго времени“.

дѣйствовала въ 1869—1877 гг. и организовалась вокругъ газ. „Дрозба“ и журн. *Кребули*. Представителями этого кружка были Н. Николадзе, Г. Церетели, С. Месхи, К. Лорткипанидзе, П. Умикашвили и особнякомъ стоящій поэтъ Ак. Церетели. Фракція эта была прогрессивно-демократическаго направленія. Съ 1877 г. въ этой фракціи произошла дифференціація. Основные тезисы новой фракціи отличались отъ гуманитарной программы 60-хъ годовъ. Кружокъ *Дрозбы* и *Кребули* утвердилъ въ беллетристикѣ истинный реализмъ; въ области политико-экономической держался взглядовъ Милля, но признавалъ вмѣшательство правительства въ сферу экономическихъ отношеній, въ борьбу рабочихъ съ буржуазіей въ защиту первыхъ; въ процессѣ общественнаго развитія онъ отрицалъ изолированность и разобщенность дворянства и низшаго класса, поставивъ на ихъ мѣсто націю съ равноправными условиями, организованную на демократической основѣ; выступалъ противъ дворянскихъ земельныхъ банковъ, замѣняя ихъ краткосрочными промышленными банками въ деревняхъ и городахъ.

Съ зарожденія въ 1877 г. газ. *Иверія* гуманиста кн. П. Чавчавадзе возобновилось направленіе *Сакартвелосъ Моамбэ*. Здѣсь впоследствии приютились народники („тетіата мотрипалѣ“) съ сентиментальнымъ воззрѣніемъ патриархальныхъ крестьянъ въ духѣ повѣстей „Разсказъ ницаго“ и „Вдова Отарова“. Зародился и укрѣпился нѣсколько книжный, высокопарный языкъ *Иверіи* среди ея сотрудниковъ, въ противоположность простотѣ рѣчи ¹⁾ *Дрозба-Кребули*, противъ которой выражали негодованіе тогдашніе боги Парнаса (Гр. Орбелиани и др.). Преемниками второй фракціи явились затѣмъ представители третьей фракціи, заявившіе о себѣ въ журн. *Квали* (1893г.); они были послѣдователями экономическаго матеріализма; во главѣ третьей фракціи шелъ Г. Церетели, а за нимъ беллетристъ Ниношвили, а въ публицистикѣ Н. Жорданія. Принципы экономическаго развитія былъ выдвинутъ еще *Кребули* въ 1873 г.

Два момента рѣзко раздѣляютъ умственное движеніе Грузіи во второй половинѣ XIX в. Первый совпадаетъ съ дѣятельностью писателей, выступившихъ въ 60-хъ гг., второй связанъ съ зарожденіемъ кружка социаль-демократовъ съ 1890 г. Задачи и сфера затрогиваемыхъ вопросовъ въ первую и во вторую эпоху представляются диаметрально противоположными.

Грузинская пресса второй половины XIX в. не разъ останавливала свое вниманіе на разработкѣ національнаго вопроса. Въ художественной литературѣ задачи національнаго самосознанія культивировались съ 60-хъ годовъ поэмами и стихотвореніями Ильи Чавчавадзе, Ак. Церетели, Вахт. и Гр. Орбелиани. Въ 70-хъ годахъ пропаганда идей народности и возвеличенія исторической старины нашла уже теоретическое обоснованіе. Опредѣленіе базы націи и національнаго самосознанія впервые было дано тѣмъ же авторомъ,—кн. П. Чавчавадзе, который въ поэтическихъ

¹⁾ О смѣнѣ и обогащеніи литерат. языка ст. А. Хаханова („Квали“, 1894, № 2).

образахъ привыкъ воскрешать минувшую славу Грузіи, пробуждая интересъ къ героямъ и борцамъ за религію, честь и свободу многострадальной родины. По поводу присоединенія послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. къ Россіи батумской области, населенной грузинами—мусульманами, въ издаваемомъ имъ журналѣ *Иверія* кн. Чавчавадзе помѣстилъ статью, заключающую въ себѣ, помимо выраженія чувства радости, вызываемой возвращеніемъ въ составъ Грузіи оторванной въ XVII ст. турками западной ея части, еще теоретическую формулировку, что такое нація и какими узлами она сплачивается. Опредѣленіе націи кн. Чавчавадзе совпало съ формулой, предложенной Ренаномъ и продиктованной послѣднему фактомъ отторженія Эльзасъ-Лотарингіи. По мнѣнію французскаго писателя и грузинскаго поэта (независимо отъ перваго), націей можетъ называться только тотъ народъ, который воодушевленъ однимъ воспоминаніемъ о прошломъ и желаніемъ жить совмѣстно въ настоящемъ. Религія играетъ второстепенную роль въ складѣ національнаго чувства: грузины—мусульмане батумской области связаны съ Грузіей одной минувшей судьбой и проникнуты стремленіемъ соединить свое настоящее съ своими оторванными христіанскими соплеменниками. Вѣроисповѣданіе, какъ элементъ національнаго чувства, вновь отвергалось въ концѣ 80-хъ годовъ, когда рѣчь зашла о грузино-католикахъ, не признаваемыхъ правительствомъ за грузинъ. Исторически и теоретически грузинская пресса отстаивала составъ грузинской націи, сплотившейся изъ трехъ конфессіональныхъ группъ—православныхъ, католиковъ и мусульманъ.

Въ интересахъ сохраненія національности грузинскаго народа, лишеннаго политической независимости, публицисты встали на защиту грузинской исторіи, какъ объединяющей Грузію въ ея прошломъ, и грузинскаго языка, какъ залогомъ ея національной прочности въ грядущемъ. Поэты воспѣвали „сладкую“ грузинскую рѣчь, филологи разрабатывали языкъ научно, журналисты обогащали его новыми формами и снабжали читателей духовной пищей.

Вопросы о патриотизмѣ, націи, родномъ языкѣ стали злободневными темами всей грузинской прессы вплоть до появленія органовъ социаль-демократическаго направленія. Грузинскіе марксисты, отстаивая интересы „пролетаріевъ всего міра“, объявили войну патриотическому и націоналистическому движенію въ публицистикѣ. Они впали въ другую крайность, осуждая весь ходъ и всѣхъ писателей предшествующаго періода съ патриотической окраской. Ненависть къ „старшему поколѣнію“ достигла такихъ размѣровъ, что игнорировалось значеніе родного языка, пренебрегалось и заматалось духовное достояніе минувшихъ вѣковъ, объявлялось эрой возникновеніе новаго литературно-экономическаго теченія. Отрицательное отношеніе къ писателямъ патриотическаго направленія вызвало оживленную полемику и побудило поборниковъ послѣдняго мобилизовать свои силы для отраженія нападокъ и защиты своей программы. Борьба эта раздѣлила грузинскую прессу на два враждебные лагеря. На сторонѣ социаль-демократической была преимущественно молодежь, полу-

чившая образование за границей, партію патриотическую организовали литературные ветераны, поддержанные группой юных писателей преимущественно съ академическимъ или семинарскимъ образованиемъ. Еще въ 1901 г. въ *Иверіи* (№№ 128, 129, 130) Ип. Вартагава попытался намѣтить пути правильного экономическаго и умственнаго развитія на почвѣ уясненія національнаго самосознанія. Грузинскій народъ, по его мнѣнію, сохранялъ свой обликъ, при вѣсѣхъ тяжелыхъ историческихъ невзгодахъ, благодаря „твердому и обоснованному національному самосознанію“. На убыль это чувство пошло со времени присоединенія Грузіи къ Россіи и водворенія въ первой легкомысленной и празднои жизни. Въ 70-хъ гг. XIX ст. уже сказывается безотрадное положеніе грузинскаго общества подъ русскимъ покровительствомъ. Поэты (Н. Бараташвили) и лучшие люди того времени объята пессимистическимъ духомъ и полною безнадеежностью на счетъ „грядущей судьбы“ Грузіи. Пораженіе, понесенное кружкомъ патриотовъ, возматѣрившихся въ 1832 г. доставить родицѣ политическую независимость, усилило гнетущее настроеніе. Появленіе „Цискари“ и зарожденіе театра послужили первыми стимулами къ пробужденію, а въ 60-хъ гг. новое поколѣніе, получившее воспитаніе въ русскихъ университетахъ, выступило съ обширной программой общественной дѣятельности. Помимо борьбы съ отживающимъ крѣпостнымъ правомъ и въ послѣдствіи съ его остатками, въ эту пору поднимается знамя національнаго развитія и опозитизированія грузинской старины. И. Чавчавадзе и Ак. Церетели художественными произведеніями, Н. Никладзе критическими статьями, С. Месхи и Г. Церетели публицистическими работами, Як. Гогобашвили учебниками кладутъ основу тому направленію, которое господствовало до начала 90-хъ г. XIX ст. Они пионеры національнаго самосознанія, при чемъ сыграли и роль западниковъ въ грузинскомъ обществѣ.

Кн. И. Г. Чавчавадзе ¹⁾.

Съ именемъ кн. И. Г. Чавчавадзе связана исторія развитія повѣйшей грузинской словесности съ 60-хъ годовъ XIX столѣтія.

Князь Илья Григорьевичъ Чавчавадзе, современный поэтъ, романистъ и публицистъ, является однимъ изъ самыхъ крупныхъ, даровитыхъ дѣятелей, какихъ только можетъ назвать вся новая исторія Гру-

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія о немъ отчасти извлекаемъ изъ *Словаря кавказскихъ дѣятелей*. Кн. И. Г. Чавчавадзе род. въ 1837 г. 27 окт. Отецъ его Григорій Паатовичъ былъ извѣстенъ своимъ живымъ остроуміемъ и юморомъ. Мать его тифлисская армянка Бебуришвили. Получилъ онъ образованіе въ тифлисскаго гимназіи и Петербургскомъ университетѣ. Любовь къ родной литературѣ воспринялъ отъ тетки своей Эрнстовой. Въ 1863 году онъ издавалъ журналъ *Грузинскій Вѣстникъ*, имѣвшій большое вліяніе на современное общество и литературу; въ 1864—1874 гг. состоялъ въ Душетѣ мировымъ посредникомъ и мировымъ судьей. На общихъ собраніяхъ тифлискаго банка онъ является однимъ изъ главныхъ ораторовъ. Четыре тома его сочиненій вышли въ 1892—93 гг.

зи. Разносторонняя его литературная и общественная дѣятельность окружаетъ его имя такимъ ореоломъ почитанія, какимъ давно не пользовался ни одинъ изъ грузинъ. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ почти всѣ главныя нити грузинской общественной жизни, кн. Чавчавадзе давалъ въ теченіе 40 лѣтъ тонъ и направленіе всѣмъ, такъ сказать, побочнымъ, съ ними связаннымъ, теченіямъ и проявленіямъ. Достаточно сказать, что три самыхъ видныхъ пункта, вокругъ которыхъ группировалось наиболѣе сознательное проявленіе интересовъ грузинскаго общества, имѣли во главѣ кн. И. Г. Чавчавадзе: онъ долгое время состоялъ редакторомъ-издателемъ ежедневной грузинской газеты *Иверія*, управляющимъ тифлискимъ дворянскимъ земельнымъ банкомъ и понынѣ остается предѣдателемъ общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія. Въ 1906 г. избранъ отъ дворянства членомъ Государственнаго Совѣта. Одаренный отъ природы крѣпкимъ логическимъ умомъ и твердою волей, отличаясь рѣдкимъ тактомъ и тонкою проицательностью, кн. Чавчавадзе развилъ въ себѣ богатые задатки неусыпнымъ трудомъ и хорошимъ юридическимъ образованіемъ въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ находился подъ вліяніемъ Костомарова, Кавелина, Спасовича, Пыпина и Стасюлевича. Время его пребыванія въ Петербургѣ совпало съ эпохой пробужденія благородныхъ силъ русскаго общества наканунѣ великихъ реформъ Александра II. Онъ глубоко проникся гуманными идеями тогдашней журналистики, сдѣлался заклятымъ врагомъ крѣпостнаго ига и убѣжденнымъ сторонникомъ аболіціонистовъ, раздѣляя ихъ свѣтлыя надежды на лучезарное будущее. Первые поэмы, писанныя въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности: *Призракъ* и *Како*, и повѣсти: *Разъ онъ человекъ* и *Разсказъ нищаго* имѣютъ въ виду обличеніе пороковъ, зарождавшихся подъ тлетворнымъ вліяніемъ крѣпостной зависимости. Послѣ освобожденія крестьянъ, кн. Чавчавадзе предметомъ своихъ поэтическихъ произведеній сдѣлалъ болѣе общія темы, патриотическія идеи: драматическая сцена *Мать и сынъ* и поэма *Царь Дмитрій* воспѣваютъ страстную любовь къ отечеству и самопожертвованіе для его спасенія. Съ поэмой *Отшельникъ*, появившейся въ 1883 году, онъ вступилъ въ третій періодъ своей литературной дѣятельности область чистаго искусства и художественной правды. Дебютировалъ онъ въ *Цискари*, журналѣ, издаваемомъ Ив. Кереселидзе, стихотвореніемъ „Птичка“. Оно было написано простымъ, непритязательнымъ языкомъ, какимъ не писали до него. Предѣльные даты его поэтическаго творчества составляетъ стихотвореніе *Горамъ Кварельскимъ*, написанное въ 1857 г., и *Базалетское озеро*, отмѣченное 1896 годомъ. За этотъ періодъ времени лира кн. Чавчавадзе окончательно выяснилась и опредѣлилась: онъ поэтъ идейный по преимуществу; его вдохновляютъ лишь чувства и размышленія общаго характера; онъ настраиваетъ свою звучную лиру только на гражданскіе мотивы. Соціальный тонъ проникаетъ не только стихотворенія кн. Чавчавадзе, но и его рассказы, начиная съ *Писемъ туриста* (1861 г.) и кончая его этюдомъ *Странный слу-*

чай, появившимся в январской книжке грузинского ежемѣсячнаго журнала *Моамбе* за 1894 г.

Намѣтив общія черты в дѣятельности кн. Чавчавадзе, перейдемъ къ нѣкоторымъ фактамъ, освѣщающимъ сдѣланную нами его характеристику.

Когда Ив. Кереселидзе возобновилъ изданіе *Цискари*, кн. П. Чавчавадзе принялъ въ немъ участіе, выступивъ стихотвореніемъ „Чити“. Съ этого времени пришлось ему бороться за гражданскія права новаго литературнаго языка съ защитниками стила и орфографіи писателей предшествовавшаго поколѣнія. Онъ изгналъ излишнія буквы, въ защиту которыхъ всталъ кн. Г. Орбелиани. Ему пришлось съ большою энергіей за одно съ М. Тумановымъ отстаивать права новаго грузинскаго языка въ жизни ¹⁾).

Покинувъ „Цискари“, чтобы приступить къ изданію журн. „Сакартвелось Моамбе“, Чавчавадзе оставилъ въ первомъ поэта Ак. Церетели и публициста А. Пурцеладзе. Съ этого времени можно сказать онъ сталъ лидеромъ грузинской интеллигенціи: не было вопроса или общественнаго предпріятія, котораго онъ не затронулъ въ газетной или журнальной работѣ.

Онъ прикинулъ къ партіи теркдаеули, т. е. испившихъ водицы Терреки, или русскихъ либераловъ, и велъ упорную полемику съ противниками молодежи, получившей высшее образованіе въ Россіи. Составомъ статей въ своемъ журналѣ „Сакартв. Моамбе“ онъ напоминалъ лучшіе органы русской прессы. Въ немъ онъ помѣстилъ переводы и замѣтки изъ Вѣлинскаго, Добролюбова, Прудона, Лермонтова, Гоголя, стихотворенія республиканца по возрѣніямъ А. Шенъ; помѣстилъ свои рассказы Кація—Адаміани и др. (см. *З. Чичинадзе*, И. Чавчавадзе какъ проповѣдникъ единства грузинъ. Т. 1897).

Кахетія—родина кн. Чавчавадзе—по справедливости считается однимъ изъ прекрасныхъ уголковъ всего Кавказа. Природа здѣсь, въ противоположность Дарьяльскому ущелью съ его страшными скалами и бездонными пропастями, въ небо уходящими горами и бѣшенымъ Террекомъ, поражаетъ не суровою грандіозностью, а чуднымъ сочетаніемъ широкой Алазанской долины съ „Холоднымъ Гомборомъ“. Зеленныя горы, покрытыя богатой растительностью, нѣжно ласкаютъ и привѣтливо зываютъ въ свои таинственныя лѣсистыя ущелья, а свѣтлыя волны Алазани и Юры уносятъ мысли далеко, далеко, гдѣ горделиво возвышаются Кавказскія горы, вѣчно покрытыя снѣжною чалмой. Кругомъ разросшіеся вѣковѣчные дубы и столѣтнія орѣховыя деревья многое говорятъ изъ минувшей старины и вольной жизни грузинскаго народа, исполненной постоянныхъ тревогъ и непрерывныхъ волненій. Въ тѣни ихъ чувствуется какая-то неизъяснимая нѣга и свобода, а свѣжее ды-

¹⁾ Первое переводное его печатное стихотвореніе намъ встрѣтилось въ *Цискари* за 1895, I (изд. Кереселидзе) „Проповѣдникъ“ изъ Гете, напис. 1858 г. 25 авг. въ Сиб.

ханіе вѣтерка, подъ отдаленный плескъ водопада, заставляетъ человѣка забыть всѣ житейскія невзгоды и помыслы и погрузиться въ созерцаніе открывающейся предъ нимъ могучей, дивной картины...

Воспитаніе подъ сѣнью такой величественной природы развило въ князѣ Чавчавадзе поэтической геніи художественнаго воспроизведенія вышнихъ окружающихъ картинъ и испытываемыхъ явленій. Чудная природа, прекрасная въ своемъ величій, мощно овладѣваетъ отзывчивою душой еще двадцатилѣтняго поэта. Прощаясь съ Кварельскими горами, кн. Чавчавадзе вспоминаетъ, какими родственными неразрывными узами онъ былъ связанъ съ ними съ раннихъ лѣтъ, „когда, будучи ребенкомъ, съ трепетомъ и волненіемъ,—говоритъ онъ, обращаясь къ нимъ,—слѣдилъ за облаками, робѣющими приблизиться къ упирающимся въ лазурныя небеса вашимъ высямъ, по которымъ вольно проносится лишь караванъ журавлей да дикій вой заунывной бури. Не разъ я мечталъ взлетѣть къ вамъ на легкихъ крыльяхъ вѣтра или подъ могучимъ крыломъ орла, чтобы съ благоговѣніемъ припасть къ вашей непреклонной главѣ“. Онъ гордится, что родился среди этихъ немолчаемыхъ бурь и грозныхъ тучъ, у подножья Кварельскихъ горъ, предъ которыми онъ проливалъ свои дѣтскія мучительныя слезы, тщетно вымаливая утѣшенія и отрады въ своей горести у этихъ холодныхъ, нѣмыхъ свидѣтелей. Въ описаніи картинъ кавказской природы—то мирной и спокойной, то дикой и суровой—проявляетъ онъ такой могущественный талантъ, съ которымъ можетъ сравниться лишь геній Пушкина и Лермонтова. Въ поэмѣ *Отшельникъ*,—не безъ основанія сравниваемой съ лучшимъ созданіемъ Лермонтова *Мцыри*,—энергично воспроизведены мрачныя высоты горы Мкинвари:

„Гдѣ не летаютъ и орлы,
Гдѣ нѣтъ слѣдовъ живущей твари,
Гдѣ царство вѣтра, льдовъ и мглы,
Гдѣ солнца лучъ не растопляетъ
Дождя и снѣга, ставшихъ льдомъ,
Гдѣ тишину лишь нарушаетъ
Гремящій на просторѣ туманъ...“

Но тутъ же набрасывается въ нѣжныхъ краскахъ картина свѣтлаго утра, чистаго, безоблачнаго неба, заката солнца.

„Былъ чудный вечеръ; предъ глазами
Заря горѣла среди горъ,
И той зарей и небесами
Неволью былъ плѣненъ мой взоръ.
Какъ божества изображенье,
Сіяло солнце въ этотъ часъ.
То было чудное видѣнье,—
Я имъ неволью увлеклась“.

Так говорит молодая пастушка, проникшая въ бурную ночь въ пещеру отшельника, плѣннаго ея небесной красой. Достаточно было одного грѣховнаго помысла—„къ ея губамъ съ лобзаньемъ наклониться“, какъ святой мужъ теряетъ испосланную благодать. „Въ той кельѣ, гдѣ отшельникъ жилъ, оставленъ съ юга былъ просвѣтъ, откуда въ келью проходилъ и солнца лучъ, и лунный свѣтъ. И въ томъ лучѣ явилось чудо: вставалъ отшельникъ—и покуда самъ на молитвѣ онъ стоялъ, тотъ лучъ молитвенникъ держалъ. Такъ шли годы“. Угодникъ Божій, не устоявшій предъ силою искушенія, обращаетъ взоры съ мольбой къ лику Богоматери и со слезами становится на молитву. „Увы! Святая благодать уже луча не укрѣпляла и книга съ грохотомъ упала“. И самъ онъ палецъ пораженный солнечнымъ лучемъ.

Непостоянство погоды въ горахъ Кавказа, быстрая смѣна явленій природы, которая „на мигъ приласкаетъ и вмгъ въ адъ измѣнитъ рай“, нарисованы авторомъ съ рѣдкою картинностью и художественною кистью, „Однажды вечеромъ, усталый, отшельникъ мимоходомъ бросилъ взоръ туда, гдѣ зелень покрывала ковромъ роскошнымъ склоны горъ. Тамъ заходящее свѣтило еще не скрылось за горой, и, словно вѣтеръ, распустило лучи блестящею дугой... Въ огнѣ лучей тѣхъ золотистыхъ, казалось, неба край горѣлъ; вдали рядъ облаковъ перистыхъ, пронзенныхъ тысячами стрѣлъ, въ потокѣ свѣта колыхался, сіяя радужной игрой... Отшельникъ долго любовался картины этой красотой... Какъ вдругъ холодною струею пронесся вѣтеръ между скалъ: съ Мкинвари, медленно сползая, спускалась туча розовая... Она росла, она чернѣла; покрывала небо все кругомъ—и съ дикимъ гуломъ загремѣла, какъ бы столкнувшись съ врагомъ. Потрясъ весь скитъ ударъ могучій. Земля и небо—словно адъ, одѣлись тьмой; изъ грозной тучи посыпалъ съ шумомъ крупный градъ, и тутъ порывъ неустойчивый, и шумный градъ, и молній блескъ, и заглушавшій грома трескъ, свистъ урагана нестерпимый, —все, все, казалось, слилось въ одинъ бушующій хаосъ—и Божій гнѣвъ собой являло и страшный судъ напоминало“.

Описанія картинъ природы служатъ для поэта лишь рамкой, въ которую онъ вставляетъ известную общественную идею, представляются фономъ, на которомъ рѣзкими штрихами набрасывается прошлая или настоящая судьба его вдохновляющей родины. Одно маленькое стихотвореніе кн. Чавчавадзе *Весна*, въ прекрасномъ переводѣ г. Тхоржевскаго, достаточно иллюстрируетъ умѣнье поэта привлекать природу для болѣе яркаго выраженія задушевныхъ его думъ и мечтаній:

„Вновь природа расцвѣтаетъ,
Ласточки поютъ,
И въ саду, на солнцѣ, розы
Слезы счастья льютъ.
Расцвѣли и лѣсъ, и горы,
Расцвѣли поля;

Что же ты не расцвѣтаешь,
Родина моя?!“

Любовь къ родинѣ нашла яркое выраженіе и въ стихотв. *Арага*.

О, какъ мучительно и свято,
Арага, я люблю тебя!
На берегахъ твоихъ когда-то,
Завѣты древніе любя,
Отвагой Грузія дышала
И славу свѣтлую тѣхъ дней,
Гордыню родины моей,
Въ своихъ ты волнахъ отражала.
Тебя люблю я, нѣжный сынъ,
Какъ мать, вскормившую грузинъ.
Но образъ свѣтлый тотъ покрывала
Ты пѣной бурной волнъ сѣдыхъ,
И кровь побѣдная застыла
На берегахъ твоихъ крутыхъ.
Ты схоронила предковъ силу...
Тебя люблю я, какъ могилу,
Какъ драгоценный мавзолей
Усопшей родины моей.
Гдѣ ты свои сливаешь воды
Съ неугомонною Курой,
Звучали тамъ въ былые годы
Въ защиту родины святой
Раскаты пѣсни боевой.
Но смолкли доблестные звуки,
И прежнихъ нѣтъ теперь грузинъ!
Я предъ тобой стою одинъ,
Скрестивъ на грудь печально руки.
Чего же жду я, грусти полнъ?...
Хочу разслушать въ плескѣ волнъ
Я шумъ былой веселой жизни
И вздохи въ дремлющей отчизнѣ...
Но волны, мирно колыхаясь,
Молчатъ, храня вѣковъ завѣтъ,
И только грудь моя, вздымаясь,
Даетъ мучительный отвѣтъ.

Поэтъ не довольствуется видимою темой стихотвореній, посвященныхъ Курѣ, Арагѣ, Алазани,—онъ въ волнахъ ихъ читаетъ кровавыя страницы прошлой судьбы многострадальной Грузіи, въ ритмическихъ ихъ прибоихъ онъ слышитъ неумолкаемые муки родной страны, на ихъ

берегахъ онъ видитъ остатки величія минувшей старины. Любуясь ловкостью грузина-янычара, поэтъ присоединяетъ къ своему восторгу чувства мрачной тоски и глубокаго недовольства:

„Для кого, для чего здѣсь красуешься ты?
Туркамъ радости нѣтъ отъ твоей красоты;
Отъ родной же страны ты теперь вдалекѣ
И не слышишь похвалъ на родномъ языкѣ!...“

Патріотическая тенденція является господствующимъ аккордомъ въ лирѣ кн. Чавчавадзе до 1883 г., когда появилась его поэма *Отшельникъ*, открывшая новую фазу въ его литературной дѣятельности. Первые его крупныя произведенія *Како*, *Разсказъ нищаго* и др. заняты не столько воспѣваніемъ достоинствъ грузинскаго народа, сколько обличеніемъ недостатковъ, порождавшихся крѣпостнымъ правомъ, касаются существовавшего тогда ненормальнаго общественнаго строя, а не славныхъ подвиговъ грузинскихъ царей и воиновъ, выставленныхъ въ поэмѣ *Царь Дмитрій-Самопожертвователь* и въ драматической сценѣ *Мать и сынъ*. Кн. Чавчавадзе, акклиматизировавшій на грузинской почвѣ идеи русской литературы 60-хъ годовъ, подобно представителямъ послѣдней, началъ свою дѣятельность разоблаченіемъ общественныхъ недуговъ, смѣлою критикой сословныхъ отношеній и рѣзкимъ отрицаніемъ установившагося порядка вещей. Двѣ его повѣсти *Разсказъ нищаго* и *Разъ онъ человекъ*,—появившіяся въ журналѣ *Грузинскій Вѣстникъ* въ 1863 году, имъ самимъ основанномъ, вызвали взрывъ негодованія вышшаго грузинскаго дворянства, осмѣяннаго „дерзкимъ“ писателемъ въ лицѣ князя Луарсаба Таткарандзе, главнаго героя повѣсти *Кація-Адаміани (Разъ онъ человекъ?)*. Въ Луарсабѣ кн. Чавчавадзе обрисовалъ типъ помѣщика, умственно крайне ограниченнаго, отъ бездѣлья считающаго мужъ на потолокъ съ своею почтенною супругой Дареджаной постѣ сытнаго обѣда или мечтающаго когда-нибудь взглянуть на *древо познанія добра и зла* „во дворцѣ русскаго царя“. Пропитанный всѣми грубыми суевѣріями, исполненный безграничнаго самолюбія и гордости сознанія о княжескомъ родѣ, „восходящемъ ко временамъ Адама“, Луарсабъ, съ исключительною заботой объ утробѣ, доживаетъ дни свои во враждѣ съ братомъ и съ своими крестьянами. На автора этой повѣсти посыпались упреки, что онъ разоблачаетъ недостатки своихъ же соотечественниковъ, обвиняли его въ ненависти къ грузинамъ, въ отсутствіи патріотизма... Кн. Чавчавадзе, какъ бы предвидя послѣдствія направляемаго удара, оканчиваетъ повѣсть знаменательными словами: „Не думай, читатель, что этимъ разсказомъ я хотѣлъ тебя огорчить. Нѣтъ, я только хотѣлъ показать твои недостатки, твои слабыя стороны, чтобы ты ихъ исправилъ. Вѣдь, безъ зеркала никто не узнаетъ, что на лицѣ не все въ должномъ видѣ. Пусть эта повѣсть послужитъ зеркаломъ; всмотришься, быть можетъ, себя и признаешь. Правда, зеркало мое не-

много расколото и кое-гдѣ виднѣются пятна. Нечего дѣлать! Чѣмъ могъ, тѣмъ и постарался тебѣ услужить“¹⁾.

Если бы нужно было указать въ русской литературѣ параллель упомянутому произведенію кн. Чавчавадзе, то мы смѣло бы назвали повѣсть Гоголя *Старосвѣтскіе помѣщики*, которые, подобно растительному прозябанію Луарсаба и Дареджаны, замкнулись въ сферѣ удовлетворенія лишь физиологическихъ потребностей и ограничили кругъ своихъ интересовъ частоколомъ, окружающимъ небольшой ихъ домикъ. Русскій и грузинскій писатели сходятся еще въ тонѣ разсказа, юмористическомъ взглядѣ на мирную и тихую жизнь помѣщиковъ пресловутой эпохи крѣпостнаго права.

Ограничимся двумя отрывками *Кація-Адаміани*, характеризующими жизнь и интересы дореформенныхъ грузинскихъ помѣщиковъ.

— Все хорошо, а что у насъ сегодня къ ужину?—чуть стемнѣло, спросилъ Луарсабъ у своей супруги. Слышишь, Дареджана, что мы сегодня будемъ ѣсть.

— Какъ что, генацвале (дорогой)? Божьей милостью, у насъ всего вдоволь,—утѣшила мужа Дареджана.

— Отъ обѣда осталась прелестная, холоденькая говядина, есть свиные „суки“ (филей), есть чудный...

Дареджана хотѣла еще что-то добавить, но при словахъ „свиные суки“ Луарсабъ положительно пришелъ въ восторгъ и прервалъ ее.

— Ифъ, ифъ, ифъ! Шенмамземъ (клянусь), ничего лучшаго нѣтъ на свѣтѣ!.. Свиные суки!.. гмъ!.. А еще? у меня сегодня что-то аппетитъ разыгрался.

— Есть чудный балыкъ, жирный такой...

— Уфъ! И это хорошо. А еще?

— Хлѣбъ да сыръ да душистый миръ.

— И это не дурно. Такого ужина, какъ у насъ, у самого царя не будетъ.

У помѣщика Таткарандзе постепенно разыгрывался аппетитъ. Онъ набилъ себѣ трубку и сталъ прохаживаться по комнатѣ, восклицая время отъ времени: „Свиные суки, шенмамземъ—прекрасная вещь!“.

Насталъ конецъ и ужину. Сытый Луарсабъ легъ на „тахту“ и весь предался заботамъ о слѣдующемъ днѣ (онъ былъ очень заботливый хозяинъ).

— Вотъ и ужинъ съ Божьею помощью отвалили. Теперь подумаемъ и о завтрашнемъ днѣ: и завтра нужно кушать. Такъ уже создалъ насъ Господь Богъ!

— Завтра?.. Дареджана задумалась надъ труднымъ вопросомъ. Завтра?.. Постой! Дай подумать... Вотъ что... артала (бедро) съ чеснокомъ!

¹⁾ Ср. съ эпитафией у Гоголя въ ком. *Ревизоръ*: „На зеркало неча пенять коли рожа крива“ (народная пословица). Любимое Гоголемъ уподобленіе сатиры зеркалу, гдѣ видитъ себя общество, можно бы поставить въ параллель съ выраженіемъ Мольера въ пьесѣ *Ecole des femmes*: „ce sont miroirs publics, où il ne faut jamais témoigner qu'on se voie“. Ср. А. Веселовскій Западн. вліяніе въ рус. литер.

— Ухъ, ухъ! шенмамземъ, прекрасно придумала! Баракела (молодчина) Дареджана! Молодчина ты у меня! Хорошая, жирная артала, приготовленная Тедо... и еще съ чеснокомъ!.. Да это, клянусь Создателемъ, полцарства стоитъ. А еще? Вѣдь этого мало.

А хорошая чихиртма (кислый супъ изъ курицы)?—спросила Дареджанъ съ лукавой, соблазнительной улыбкой.

— Чихиртма?.. А, чихиртма? Нѣтъ, моя милая, ужъ лучше бозбашъ (супъ изъ баранины),—отвѣтила Луарсабъ послѣ нѣкотораго раздумья... Ва! бозбашъ съ кислой алучой! (сливой) вскричать Луарсабъ такимъ тономъ, что, видимо, былъ сильно удивленъ, какъ это его жена, такая умная женщина, не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей.

— Увѣряю тебя, Луарсабъ, что хорошая чихиртма всегда лучше бозбаша.

— Ва!.. Еще больше удивился Луарсабъ: по-твоему чихиртма лучше бозбаша съ кислой алучой!! Въ своемъ ли ты умѣ? Да я даже простой бозбашъ не промѣню на чихиртму, не то, что съ кислой алучой. Ты обмокни только кусокъ хлѣба въ жирный бозбашъ!.. Да одинъ такой кусокъ лучше цѣлаго когдѣ твоей чихиртмы! И послѣ этого ты будешь увѣрять, что чихиртма лучше бозбаша?

— Ты ужасно настойчивый человекъ. Разъ сказалъ что, никто не разубѣдитъ тебя, — отвѣтила Дареджана, нѣсколько разобиженная.

— А то какъ же? Такимъ и долженъ быть мужчина. А развѣ хорошо сегодня говорить одно, а завтра другое?—возражалъ Луарсабъ, подбоченившись и принявъ гордый видъ побѣдителя.

Сконфуженная Дареджанъ поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Такъ, по-твоему, бозбашъ вкуснѣе чихиртмы?

— Вкуснѣе.

— Ну, значитъ, у тебя нѣтъ вкуса,—теперь уже совсѣмъ разобиженная сказала Дареджана.

Луарсабъ вспыхнулъ, но удержался, отвѣтивъ все же съ нѣкоторой досадой.

— Не у меня, а у тебя нѣтъ вкуса, такъ какъ ты чихиртму предпочитаешь бозбашу; для меня же бозбашъ вкуснѣе.

— Что ты болтаешь?—окончательно обозлилась Дареджана. Какимъ образомъ бозбашъ можетъ быть вкуснѣе чихиртмы? Когда я вспоминаю чихиртму, у меня сейчасъ же текутъ слюнки, а при твоёмъ бозбашѣ — нѣтъ. Слѣдовательно, чихиртма вкуснѣе. Ну, что, и теперь будешь настаивать на своемъ?

Княгиня проговорила все это такимъ тономъ, какъ-будто хотѣла сказать: „Глупъ ты, мой милый: у меня въ рукахъ такое сильное доказательство, а ты еще упорствуешь въ своемъ мнѣнii“.

Луарсабъ немного задумался. Онъ не могъ найти сразу. Но затѣмъ нашелся и съ достоинствомъ отпарировалъ нападеніе:

¹⁾ См. переводы А. Никитина и Гр. Вольскаго въ газ. „Нов. Обзор.“ за 1896 г.

— Такъ ты стоишь на своемъ?

— Да.

— Ну, хорошо же! Ты говоришь, что у тебя отъ воспоминанія чихиртмы текутъ слюнки, когда ты голодна, а у меня отъ бозбаша—даже тогда, когда я сытъ. Вотъ хоть и теперь: я вѣдь сегодня ѣлъ больше тебя, но когда я вспоминаю полную до краевъ тарелку бозбаша съ накрошеннымъ въ нее лавашемъ (лепешкой), да еще съ хорошимъ кускомъ баранины сверху... Даю голову на отсѣченіе, если ты что-нибудь смыслишь въ этомъ. Бозбашъ—царь суповъ, точно такъ же, какъ осетръ—царь рыбъ. Но гдѣ тебѣ знать это? Ты—женщина!!!

— Ну послѣ этого, дорогой, тебѣ ни въ чемъ уже нельзя вѣрить. Ты даже и этого не знаешь: лососину называютъ царемъ рыбъ, а вовсе не осетра.. Вотъ ты всегда такъ врешь, замѣтила торжествующимъ тономъ Дареджана, очень обрадованная тѣмъ, что такъ легко могла уличить во лжи мужа.

Луарсабъ сконфузился, но не выдалъ себя и рѣшилъ до конца поддерживать свое достоинство и доказывать, что именно осетръ считается царемъ рыбъ.

— Ну, теперь ты опять заупрямишься. Говорятъ тебѣ—осетръ!

— Нѣтъ,—лососина.

— Ээ... Осетръ, клянусь тебѣ своей собственной головой! И теперь не вѣришь?

— Лососина, говорятъ, тебѣ—лососина!

— А чѣмъ ты докажешь, что лососина?

— А ты чѣмъ докажешь, что осетръ?

Луарсабъ попался въ свои же сѣти. Ему очень хотѣлось придумать, что-либо въ свое оправданіе; онъ уже собирался сказать, что такъ-де написано въ „Карабадини“ (народный лѣчебникъ), но во-время удержался, вспомнивъ, что Дареджана, какъ больше его, Луарсаба, начитанная женщина, чуть ли не на память знаетъ всю эту книгу.

Дареджана была умная женщина. Замѣтивъ, что Луарсабъ сильно затрудняется отвѣтить, она прямо и съ самоувѣренностью приступила къ атакѣ.

— Ну, скажи, откуда ты знаешь! Говори же, пу! А коли не знаешь ничего, то и не спорь. Ну, сознавайся теперь: чихиртма не лучше?

Дареджанъ расудила, что если Луарсабъ сознается, что онъ не правъ, то именно теперь и никогда больше; поэтому она опять перешла къ чихиртмѣ и поставила вопросъ ребромъ.

Луарсабъ пригорюнился. Онъ стоялъ, понурия голову, какъ ребенокъ, пойманный на мѣстѣ преступленія при кражѣ сахара. Луарсабъ чувствовалъ, что онъ побѣжденъ, но сдаться ему не хотѣлось. Въ другое время онъ, пожалуй, уступилъ бы женѣ, но разъ дѣло приняло видъ серьезнаго спора, уступить казалось невозможнымъ и крайне оскорбительнымъ для чести Луарсаба Таткаридзѣ. Правда, былъ одинъ моментъ, когда онъ, считая себя окончательно побѣжденнымъ, хотѣлъ

было сдаться и торжественно признать преимущество чихиртмы надъ бозбашемъ, по въ это время воображенію его представилась полная чашка бозбаша съ накрошеннымъ лавашемъ и солиднымъ кускомъ баранины... отъ бозбаша исходилъ такой чудный парь...—и это пробудило энергію въ Луарсабѣ; онъ забылъ стыдъ, поражение, и уста его произнесли слѣдующія знаменательныя слова:

— Не знаю, если даже и правда, что лососина считается царемъ рыбъ, то все же бозбашъ лучше чихиртмы.

— Чихиртма, — говорятъ тебѣ.

— Бозбашъ, — я говорю.

— Э, да что и говорить. Вотъ какъ и давеча: не правъ, а не хочешь сознаться, — сказала Дареджана тономъ сильного упрека.

— Ты сама не права!

— Скажите, пожалуйста! Не ты сказалъ — осетръ.

— Я не говорилъ. Это ты сказала осетръ, — совралъ Луарсабъ, приписывая женѣ свои слова. Я сказалъ — лососина.

— Что такое? Боже мой, что онъ сочиняетъ теперь! — вскричала окончательно выведенная изъ себя Дареджана.

— Кричи, сколько влѣзетъ, — замѣтилъ ей Луарсабъ, понизивъ голосъ, и направился къ дверямъ. Въ дверяхъ онъ обернулся и повторилъ:

— Я сказалъ — лососина. И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

— А кто вреть, — Дареджана не помнила себя отъ злости, до глубины души возмущенная нахальной ложью Луарсаба, — да проклянетъ того святой Георгій Побѣдоносецъ и Некресинская Божья Матерь!..

Луарсабъ уже былъ на дворѣ и не слышалъ послѣднихъ словъ своей жены. А можетъ быть, и слышалъ, но не обратилъ на нихъ вниманія.

Такъ кончился знаменитый споръ о чихиртмѣ и бозбашѣ.

Обратимся къ другому мѣсту изъ *Кація-адаміани*.

— Гдѣ же ты, голубушка, была, что такъ устала? — спросилъ Луарсабъ Таткаридзе свою жену.

— Какъ это гдѣ, голубчикъ? Вѣдь, у насъ свое хозяйство, свой домъ и дворъ; надо за всѣмъ приглядѣть и присмотрѣть, мой милый, — отвѣчала княгиня.

— Такъ, моя Дареджанушка, такъ, дорогая: въ этомъ и призваніе женщины.

— А то какъ же? — продолжала возмнившая о себѣ отъ мужниныхъ похвалъ жена: съ прислугой надо ухо держать востро, иначе она будетъ только ѣсть и ничего не дѣлать.

— Иногда надо дать имъ нагоняй, хоть бы и такъ себѣ, безо всякой причины. Если иной разъ и выбранишь ихъ порядкомъ, и это недурно. Я, напримѣръ, раскричусь порой на нихъ, распеку, разнесу, а спрашивается, изъ-за чего? Изъ-за того, чтобы вселить страхъ и благоговѣйный трепетъ, — иначе не дай, Боже!..

— Что вѣрно, то вѣрно, не дай, Боже.

— Вѣдь они мужичье: какъ заартачится, точно упрямый осель, потому дуй ты его хоть кизиловой хворостиною, ужъ не сдвинешь съ мѣста, если только не вышкочилъ его заранѣе.

— Что вѣрно, то вѣрно! А какъ же! надо вышкочить, заранѣе, — вторилъ Луарсабъ, снова поражаясь безднѣ премудрости своей жены: совершенно вѣрно, заартачится, точно упрямый осель.

— Ну, развѣ не правда все, что я говорю!

— Почему не правда? Правда. Отъ женщины твоихъ лѣтъ и самыя сновидѣнія примутъ за дѣйствительность, сболтнудъ некстати Луарсабъ. Онъ и самъ не могъ понять, при чемъ тутъ были сновидѣнія.

Оба замолкли. Луарсабъ устремилъ взоры въ потолокъ. Тамъ кучкой сидѣли мухи. Дареджана принялась вязать шерстяныя носки. Немного погодя, Луарсабъ воскликнулъ:

— Дареджана, ну-ка, отгадай, если ты умница, сколько вонъ тамъ, на доскѣ, сидитъ мухъ?

— На какой доскѣ?

— А вотъ, что въ потолокъ.

Представьте себѣ, нашъ потѣшникъ Луарсабъ, пока они безмолствовали, оказывается, сосчиталъ мухъ. Откуда же было Дареджанѣ знать про это?

— Сколько? — переспросила она: погоди, дай-ка сосчитать.

— Этакъ вѣдь и я отгадаю, а ты отгадай, не считая; вотъ тогда и будешь молодчина.

— Отгадать, не считая? Ну, ладно. Будетъ 30.

— А вотъ и не отгадала.

— Такъ сколько же?

— Сколько? Сказать? Нѣтъ, не скажу.

— Ну, полно! говори, если знаешь.

— Я думаю ихъ тамъ сорокъ — торжествовать Луарсабъ. Сдавайся, я отгадаю.

— Да, отгадаю... какъ разъ!.. Сосчиталъ, вѣрно; этакъ вѣдь и я отгадаю.

— Право, не считалъ, клянусь тебѣ прахомъ моего родителя.

— Такъ почему же ты знаешь, что сорокъ.

— Почему? А потому, что у меня есть разумъ.

— А я безъ разума, что ли?

— И ты съ разумомъ, что и говорить, но гдѣ же женскому разуму сравняться съ мужскимъ! Я сразу сообразилъ, что на доскѣ сорокъ мухъ.

— А если не будетъ сорока?

— Бери съ меня, какой хочешь штрафъ!

— Ну-ка, сосчитаемъ.

Супруги принялись считать мухъ. Оказалось, что ихъ было гораздо больше сорока.

— Отгадать?!—произнесла съ злорадствомъ Дареджана. Какъ же, отгадать! Онъ, видите ли, человекъ съ разумомъ, а потому и отгадать!..

Луарсабъ сконфузился, имъ овладѣло легкое смущеніе.

— Улетѣли,—произнесъ онъ въ свое оправданіе. Навѣрное улетѣли, а то ихъ было сорокъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! Тогда, вѣдь, должно было бѣ остаться меньше? А ихъ тамъ теперь и безъ того болѣе сорока.

Луарсабъ съежился. „Что это я за околесину понесъ такую“,—думалъ онъ про себя.

Чувствуя окончательный провалъ и, желая какъ-нибудь скрыть свое пораженіе, онъ оскалилъ зубы, что княгинѣ почему-то угодно было называть улыбкой, и произнесъ:

— Эхъ, будь онѣ прокляты, этого-то я и не сообразилъ!.. А я вѣдь четыре раза сосчиталъ.

— То-то, а меня увѣрялъ, что не считалъ!

— Помилуй, не Соломонъ же я Премудрый, въ самомъ дѣлѣ, чтобы отгадать не считая. Считалъ, какъ не считалъ! Ахъ, окаянныя, ошибся въ счетѣ, а не то, я бы выигралъ пари, моя миланка.

Сконфуженный Луарсабъ благородно отступилъ и сладко мѣлѣлъ передъ своей на этотъ разъ побѣдоносной супругой.

— А вѣдь увѣрялъ, что не считалъ, проказникъ ты этакій!—укоризненно улыбнулась ему княгиня.

Ну, полно, дорогая! Я же сознался,—чего тебѣ еще?“

Къ числу произведеній отрицательнаго направленія, въ которыхъ кн. Чавчавадзе обрисовываетъ растительную жизнь, произволь помѣщиковъ и насиліе ихъ надъ крѣпостными, принадлежатъ *Разсказъ ницаго* и поэма *Жизнь разбойника (Како)*. Последняя поэма—прекрасная иллюстрація отношеній помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ. Закро разсказываетъ о себѣ, что онъ, будучи 12 л., былъ взятъ бариномъ въ пастухи. Въ полѣ вдали отъ родителей, Закро выросъ среди своихъ собратьевъ, также лишенныхъ домашняго крова и материнской ласки. На склонѣ дней своихъ престарѣлый его отецъ обратился къ помѣщику съ смиренной просьбой возвратитъ ему Закро, единственнаго сына, такъ какъ болѣзнь подкосила его силы и хозяйство приходитъ въ упадокъ. Суровый баринъ, „безъ искры человѣческихъ чувствъ и съ каменнымъ сердцемъ“, встрѣчаетъ старца съ „господскою“ бранью и приходитъ въ такой гнѣвъ, что безжалостно избиваетъ отца Закро, а когда старикъ, оскорбленный въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, осмѣливается отвѣтить ударомъ же помѣщику, то послѣдній созываетъ всю дворню и приказываетъ высѣчь старца. Бѣдный сынъ былъ вѣнымъ свидѣтелемъ этой жестокой сцены. Какой-то таинственный внутренний голосъ неумолкаемо ему подсказывалъ: „убей, убей

его!“—и только тогда, когда отца его свалили, „глаза у него помутнились, сердце воспыало адскимъ пламенемъ и въ мигъ раздался ружейный выстрѣлъ, пробившій грудь деспота-помѣщика“. Закро бѣжитъ въ дремучіе лѣса къ прославленному разбойнику Како—жертвѣ гнусныхъ условій крѣпостничества, и съ нимъ отнынѣ онъ будетъ дѣлать на свободѣ и горе, и радости. „Я здѣсь богатъ,—говоритъ ему Како,—я царствую въ этой рошѣ безраздѣльно. Не имѣть опредѣленнаго пріюта, вѣчно чувствовать страхъ и голодъ, рыскать, подобно дикому звѣрю, по дремучимъ лѣсамъ, спать чутко, какъ заяцъ, и быть съ оружіемъ въ рукахъ и днемъ, и ночью, правда, такая изнурительная жизнь жестока для человека, но тамъ все кажется легко, гдѣ мы сами себя господа“. Вѣрные его товарищи—булатный мечъ, добрый конь и могучее плечо—облекаютъ его царственною властью, карающею лукавыхъ и воздающею добромъ за братскую дружбу и любовь. Идея поэмы ясна: несправедливость лишаетъ общество честнаго труженика и полезнаго члена. Легко усмотрѣть въ этомъ произведеніи вліяніе трагедіи *Разбойники* Шиллера. Трогательное содержаніе этой поэмы сопровождается чудными картинками природы, одна изъ которыхъ—описаніе ночи въ Алазанской долины—составляетъ перлъ поэтическаго творчества кн. Чавчавадзе.

Разсказъ ницаго, веденный въ духѣ *Записокъ охотника* Тургенева, изображаетъ другую сторону произвола времени крѣпостного права—неумѣренное сластолюбіе помѣщиковъ, безнаказанное насиліе ихъ надъ женскимъ цѣломудріемъ, грубое вторженіе въ семейную жизнь подвластныхъ крестьянъ. Невѣста героя этой повѣсти, Габро, поругана истаскавшимся въ подобныхъ постыдныхъ похиженіяхъ помѣщикомъ Датико, на самага преданнаго ему слугу, Габро, взведена позорная клевета въ преступномъ замыслѣ противъ барина, и несчастный, ни въ чемъ неповинный женихъ красавицы Тамро продажнымъ участковымъ начальникомъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь. На Крестовомъ перевалѣ по военно-грузинской дорогѣ закованному въ кандалахъ Габро, при содѣйствіи неизвѣстныхъ друзей, удается бѣжать и вернуться на родину. За безчестье Тамро онъ кровью мститъ своему барину и переселяется въ другой конецъ Грузіи, гдѣ его въ жалкихъ рубищахъ, подъ навѣсомъ развалившейся хаты, застаютъ авторъ повѣсти во время охоты и заноситъ на страницы своей памятной книжки одинъ изъ краснорѣчивыхъ эпизодовъ исторіи ненормальныхъ сословныхъ отношеній, развившихся на рабовладѣльческихъ началахъ.

Открывается повѣсть прекраснымъ вступленіемъ ¹⁾ „Я, какъ говорится, страстный любитель охоты, воплощеніе ея. Удивительно люблю сидѣть въ глухомъ, непроходимомъ лѣсу и съ затаеннымъ сердцемъ ожидать появленія высѣженнаго звѣря. Какое-то безотчетно пріятное чувство возбуждаетъ это препровожденіе времени. Если хотите, и то правда,

¹⁾ Существуетъ оно въ русскомъ переводѣ г. Васо, А. Натроева и Ив. Зурабшвили.

что что охота грѣхъ: всякое одушевленное живое существо—твореніе Божіе, каждое изъ нихъ имѣеть равныя права на жизнь въ этой необъятной вселенной.

Но чтожь дѣлать? Не даромъ-же говоритъ намъ св. писаніе, что первыя капли человѣческой крови пролиты на землѣ самимъ-же человѣкомъ. Всякій человѣкъ жестокъ по природѣ, я также человѣкъ. Не разъ видываль я напуганнаго гончими оленя, видываль и увлекался всякій разъ его красотой, его величавой и гордой осанкой. Откинувъ назадъ вѣтвистые свои рога, мчится этотъ гордецъ и красавецъ лѣсовъ и полей, позади съ лаемъ гонится за нимъ дрессированная собака. Бѣжитъ несчастный отъ собаки и наталкивается на человѣка, который, въ этомъ случаѣ, куда какъ безжалостнѣе, ненадежнѣе и вѣроломнѣе собаки! Еще издали слышится чуткому охотнику бѣгъ оленя, и этотъ стукъ, волнуя кровожадную его душу, горячитъ и дѣлаетъ его нетерпѣливымъ и безпокойнымъ. Вотъ приблизился олень на растояніе ружейнаго выстрѣла, изъ кустовъ и листьевъ видна его печальная, грустная голова. Начинаетъ подоспѣвать и собака. Сдѣлавъ ловкій скачекъ, олень какъ стрѣла, перелетаетъ черезъ кусты. Думаетъ, что свернетъ въ любимый надежный лѣсъ и избѣгнетъ опасности. Но нѣтъ, свисну. Тогда вы увидите, какъ печально остановится онъ, какъ чудно, величественно приподниметъ голову, какъ смущенно и отчаянно начнетъ вращать и таращить глаза, двигать ушами, вдыхать широко раздвинутыми ноздрями воздухъ! Въ эту минуту онъ такъ красивъ, такъ величествененъ, такъ нѣженъ и вмѣстѣ съ нѣжностью такъ гордъ, что, подумавъ, всѣми прелестями одарилъ его Господь! Гордо выставивъ на показъ щедро полученные отъ Творца дары, олень какъ-бы хочетъ плѣнить ими своего врага, желаетъ возбудить въ немъ сожалѣніе къ себѣ. Но напрасно, человѣкъ не такъ мягкосердеченъ, не такъ сердоболень, чтобы обмануться этимъ. Почувявъ запахъ человѣка, олень рѣшается бѣжать, но вотъ послѣдовалъ выстрѣлъ, и онъ, до сихъ поръ живой, вольный, величавый, гордый, палъ бездыханно на тѣхъ травахъ, въ объятахъ которыхъ первый разъ раскрылъ свои глаза, чтобы привѣтствовать міръ Божій, и послѣдній разъ раскрылъ, чтобы навѣки проститься съ нимъ. Эти травы были его колыбелью, онъ-же стали его могилой. Надо видѣть, какъ кротко, какъ безропотно умираетъ этотъ гордый звѣрь, вольный сынъ лѣсовъ! Но въ полныхъ слезъ печальныхъ его глазахъ всегда я вычитываль слѣдующее: „Мой убійца! Божій міръ великъ и просторенъ... зачѣмъ ты позавидоваль, что я, незлобливый и кроткій, въ этомъ Божьемъ необъятномъ мірѣ также занималъ пядь земли?“... Эти слова печалили сердце мое, пока земля осушила пролитую кровь. Они-же заставили вспомнить, что и мы сами разумныя существа, мы вѣнцы, такъ сказать, творенія, созданія по образу и подобию Божію, часто не уступаемъ другъ другу той-же пяди земли. Это воспоминаніе, что каждый клочекъ земли обогрѣнъ кровью собрата, всегда успокаивало какъ-то меня и заставляло въ оправданіе говорить: „И то ужъ хорошо

мое безсловесное твореніе, что умираешь тамъ, гдѣ родился. Мы, люди, часто и этого счастья лишены“¹⁾.

Кн. Чавчавадзе съ грустью озирался кругомъ, видя дружную фалангу безпечныхъ Луарсабовъ и безстыдныхъ Давидовъ, проживающихъ свое существованіе безъ искры того божественнаго огня, который только и дѣлаетъ человѣческую жизнь достойною этого названія. Писатель испытываль горестное одиночество среди этой чувственной толпы, погруженной исключительно въ мимолетныя заботы „суетнаго совѣта“. Незыблемымъ памятникомъ мрачныхъ думъ, грызущихъ сердце поэта, служить стихотвореніе, посвященное *Родинѣ*.

Съ тѣхъ поръ, какъ полюбилъ Грузію родную,
Я потерялъ навѣкъ и сонъ свой, и покой;
Дыханье притаивъ, слѣжу за ней, ревную,
И пульсъ ея ищу трепещущей рукой.

Проходятъ ночи, дни; въ умѣ рой мыслей бродить,
И сердце, о мой край, терзается, любя!
Но я не сѣтую: я радъ, что жизнь проходитъ
Въ любви моей къ тебѣ, въ тревогѣ за тебя!

И лишь одно меня, о родина святая,
И мучить и томить, что здѣсь въ родномъ краю,
Среди столькихъ людей я одинокъ, страдая,
И не съ кѣмъ раздѣлить любовь къ тебѣ мою!

(перев. И. Тгоржевскаго).

Поэта огорчаетъ только отсутствіе людей, которымъ онъ могъ бы повѣдать свои задушевныя мысли, съ которыми могъ бы подѣлиться накопившимися у него жгучими чувствами. Родина представляется ему погруженной въ глубокой сонъ, а проблесковъ ея пробужденія онъ тщетно ищетъ въ „мерцаніи лазуревыхъ небесъ“:

„Серебро луны нѣжно стелется
На поля, сады милой родины.
Полоса снѣговъ отдаленныхъ горъ
Въ синевѣ небесъ чуть бѣлѣется.
Звуки замерли, тишина кругомъ,
Спитъ и родина непробуднымъ сномъ...“

¹⁾ Критическій обзоръ Н. Скандели повѣсти „Разсказъ ницаго“ заключаетъ въ себѣ слѣдующую ея оцѣнку: Повѣсть носитъ слѣды вліянія Григоровича, Потѣхина, Писемскаго, недостатокъ которыхъ тотъ, что изображали вмѣсто настоящаго мужика, „образованнаго человѣка въ одеждѣ крестьянина, который не свою печаль и мысль передавалъ, а повторялъ заученныя фразы изъ Шиллера и Байрона... Разсказъ И. Чавчавадзе... также не соответствуетъ неприкрашенной дѣйствительности“. По мнѣнію Г. Церетели, таже тенденціозность отличаетъ повѣсть „Кація-Адаміани“ и „Письма туриста“. Типы Дареджаны и Луарсаба напрасно ему представляются каррикатурными.

Лишь порою сонъ нарушается,
 То отчизны стоишь вырывается.
 Я безмолвствую... Тѣни дальнихъ горъ
 Нѣжатъ ласкою твоей, отчизна, сонъ!
 Боже, сонъ разсѣй, дай намъ свѣтъ дневной;
 Пробуди скорѣй ты нашъ край родной“¹⁾.

Поэту приходилось обращаться къ образамъ изъ прошлой жизни Грузинъ, чтобы теплымъ воспоминаніемъ о нихъ возбудить вялый духъ и вызвать благородное соревнованіе. Не только общественная среда стала ниже идеала, лелѣемаго писателемъ, но и отдѣльные ея члены не являлись носителями прежней доблести и добродѣтели. Грузинка-мать, воспитывавшая странѣ храбрыхъ сыновъ, способна стала только грустить и горевать. Поэтъ призываетъ ее забыть кровавыя сраженія и подвиги отцовъ и служить новой восходящей звѣздѣ: „твое назначеніе создать счастье въ грядущемъ для народа, ты сына воспитай намъ сильнаго душой, Христову заповѣдь уча его хранить, стоять за братство, равенство, свободу родины и ближняго любить; пусть сынъ твой борется съ судьбой и сердце бьется въ немъ за благо и народъ“.

„И вѣрь: то сѣмя, что посеяно тобою,
 Взойдетъ сторицей и дастъ достойный плодъ.
 Внемли же, мать, внемли, грузинка, ты молению:
 Чтобъ славу прежнюю сумѣлъ твой сынъ вернуть,
 Пусть истина ему къ добру и къ просвѣщенью
 Какъ свѣточъ, озаряетъ путь“.

Поэтъ вѣрится въ наступленіе момента, когда „унылая родина“ воскреснетъ духомъ.

Что, скажи мнѣ, приуныль, край ты мой родной?!
 Въ настоящемъ счастья нѣтъ, но оно придетъ,
 Старыхъ нѣтъ уже сыновъ, но за то чредой
 Поколѣнье юное имъ во слѣдъ растетъ,
 И вернетъ оно тебѣ счастье прошлыхъ дней
 Не грусти-же, край родной, свѣтъ моихъ очей!
 Поколѣнъ юное съ честною душой,
 Для тебя готовое жизнь свою отдать.
 И ему довѣрять ты—твердою рукой
 Къ славы оведедъ оно дорогую мать...
 Въ ихъ сердцахъ живутъ къ тебѣ вѣра и любовь,
 Встанутъ грудью всѣ за мать—родну свою,
 И въ годину бѣды, когда станетъ литься кровь.
 Врагъ познаетъ на себѣ силу ихъ въ бою.
 И увидишь ты явятъ счастье прошлыхъ дней
 Улыбнись-же, край родной, свѣтъ моихъ очей.

(Перв. Л. Куніани.)

Кн. Чавчавадзе еще въ 1863 г. затронулъ вопросъ какъ о назначеніи женщинъ, такъ о положеніи рабочаго, безпріютнаго класса. Стихотвореніе его *Муша* имѣетъ цѣлью бросить въ насъ искру любви со-страданія къ безродному, несчастному скитальцу, бѣжавшему отъ плетей господина, измучившемуся на чужбинѣ, вдали отъ мирнаго своего очага, безъ утѣхи и покоя. „Согбенный, дрожащій подъ ношей громадной, идишь ты на гору, бѣднякъ безотрадный, и потомъ покрытый, оборванный, грязный, ты чести не кинешь за міра соблазна. Со сдержаннымъ вздохомъ, какъ будто довольный, какъ будто участникъ ты жизни привольной, ступаешь ты тихо предъ шумной толпой. А жаль-ся-ль, братъ мой, надъ тобой?... Такъ горемъ богатый, ты бѣдно живешь, и жизнью пріятной не станешь хвалиться въ сыромъ подземельи, гдѣ смерти ты ждешь безъ брата, безъ сына, безъ дочки любимой: они не оплачутъ предъ смертью постылой тебя, несчастливцевъ, ты ихъ не найдешь!... Ты умеръ забытый; поспѣшно кладутъ тебя на носилки, потомъ и въ могилу... Прощай же несчастный! Добрель ты на силу туда, гдѣ всѣ мы братья, гдѣ всѣхъ насъ поймутъ“. Въ этомъ стихотвореніи слышатся отголоски той лиры, на которой бряцали и русскіе поэты Некрасовъ, Никитинъ, Плещеевъ, какъ въ юморѣ его слышатся отголоски гоголевскаго творчества, а въ свѣтломъ ореолѣ героевъ воздѣйствіе Тургенева. Идеаль его—общественная дѣятельность, стремленіе отмѣтить жизненное поприще славными дѣлами ибо „смерть непреложна, смерть властна“,—говоритъ онъ въ стих. *Свѣча*.

Небеснымъ даромъ не зови
 Ту жизнь, въ которой сокровенно
 Не вѣетъ Божій духъ любви.
 Все—прахъ, земное-все, что бренно!
 Сіянье въ сумракахъ жизни льетъ
 Лишь духъ, дѣлами говорящій,—
 И вѣчна эта жизнь, какъ Тотъ,
 Кто далъ намъ духъ животворящій.
 Блаженъ, кто дни земные могъ
 Отмѣтить славными дѣлами:
 Тотъ здѣсь уже, въ пыли тревогъ
 Тотъ на землѣ приникъ устами
 Къ струямъ безсмертія, какъ Богъ! (Стихотвореніе *Стансы*).

Кн. Чавчавадзе въ отвѣтъ тѣмъ поборникамъ родной старины, которые съ бѣшенною желчью встрѣтили его отрицательное отношеніе къ разложившимся основамъ сословныхъ градацій, могъ бы сказать словами великаго русскаго писателя, что онъ „озиралъ жизнь сквозъ видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя міру слезы“. Отрицательное и положительное могутъ служить одинаково одной и той же цѣли, являясь вѣрнымъ орудіемъ къ нравственному и прекрасному. Кн.

Чавчавадзе и въ раннихъ произведеніяхъ, носящихъ печать обличительнаго характера, и въ позднѣйшихъ своихъ поэмахъ неизмѣнно вдохновлялся одною высокою мыслью служенія родинѣ и ея интересамъ.

Перо мое! Не льстимъ мы людямъ:
Похваль не просимъ мы съ тобой...
Мы отступать на мигъ не будемъ
Передъ знакомою борьбой!...

* *

На свѣтѣ—истина святая
Намъ больше жизни дорога!.
Не задрожимъ мы, низвергая
Ожесточеннаго врага!...

* *

Насъ не поймутъ съ тобой—я знаю!—
Но до сырой могильной тьмы
Огнемъ любви къ родному краю
Сильны и живы будемъ мы...

* *

И пусть я слышу укоризну
На слово горькое мое,—
Что я, какъ врагъ, хулю отчизну,
Что не навизу я ее!...

* *

Томлюсь я мукою всенедневной
И гнѣвъ кипитъ въ моей крови,—
Но сколько въ пѣснѣ этой гнѣвной
Неисчерпаемой любви!...

Поэтъ вѣритъ въ мощную силу слова, „смирннаго пера“, призваннаго творить любовью больше добра, чѣмъ проливающее кровь копье.

У мощнаго копья суровое призванье:
Пить кровь!... Въ сравненіи съ нимъ иголочка мила.
Но ей дано свершать не малыя дѣла:
Давать нагому одѣянье!

Насилья грубаго чуждается Добро:
Того не совершитъ мечъ грозный, закаленный,—
Что сдѣлаетъ въ рукѣ, любовью вдохновленный,—
Смирнное перо!...

Онъ выступилъ на литературное поприще съ опредѣленною программой общественной дѣятельности; на поэтическомъ знамени онъ начерталъ еще въ 1860 г. тѣ идеи, которымъ съ геройскимъ самоотверженіемъ служить до сихъ поръ:

„Я пѣсни звучныя пою
Не изъ пустой забавы,
Какъ птичка пѣсенку свою
Поеть въ тѣни дубравы.

Меня-жь избранникомъ своимъ
Самъ Богъ послалъ на землю;
И я веду бесѣду съ Нимъ,
Его глаголу внемлю.

И воспиталь меня народъ,
Чтобъ, полонъ вдохновенья,
Я могъ вести его впередъ,
По волѣ Провидѣнья.

И въ глубинѣ души моей
Горитъ огонь завѣтный
Затѣмъ, чтобъ горести людей
Нашли въ ней звукъ отвѣтный.

Чтобы я былъ народу братъ
И въ счастья, и въ печали,—
Его тоска и скорбь утратъ
Мнѣ сердце сожигали.

Пусть искра съ неба въ грудь мою
Сойдетъ и пламя вспыхнетъ,—
Народу пѣсню я спою,
И плачь его утихнетъ“.

Такъ понималъ свою задачу „молодой писатель“, такъ продолжалъ онъ то изливать „лишь накопившія слезы на родимую землю“, то ободрять падающихъ духомъ могучими образами прошлыхъ поколѣній, исполненныхъ отваги и любви къ безжалостно попираемой врагами-родной Грузіи. Онъ никогда не доходитъ до отчаянія какъ Н. Бараташвили: рисуя даже удручающія картины минувшей старины, онъ далекъ отъ пессимизма, и старается внушить читателю надежду на свѣтлое будущее, пробудить бодрья чувства образами духовныхъ вождей, сильныхъ сознаниемъ долга и благоговѣниемъ предъ отчизной. Даже „подъ чуждымъ небомъ“ онъ живетъ мыслью о родинѣ.

И небо, и земля таинственно молчали...
Свѣтила яркія въ лазури безпредѣльной,
Не вѣдая заботъ, привѣтливо сверкали,—

А я изнемогалъ въ когтяхъ своей печали
И въ сердца глубинѣ былъ ядъ тоски смертельной.

**

То замирало вдругъ безсильное дыханье,
То наполнила грудь клокочущая лава—
И разрывалося въ ней сердце отъ страданія,
И жилы, мозгъ въ огнѣ!... Мутилося сознанье...
И слезы капали, какъ горькая отравка...

**

Подъ чуждымъ небомъ я лежалъ надъ темной бездной,
Нещадно брошенный на жертву злой печали...
А надо мною... тамъ... привѣтливо сверкали
Свѣтила яркія въ лазури многозвѣздной...
И небо, и земля таинственно молчали...

(Стих. *Печаль*, перев. В. Величко).

Въ небольшомъ діалогѣ *Мать и сынъ* кн. Чавчавадзе представилъ потрясающую драматическую сцену, вѣчно мучительную борьбу между нравственнымъ долгомъ и эгоистическимъ чувствомъ любви, липенную всякой точки споры для примирительной сдѣлки или успокоительнаго компромисса двухъ столь рѣзко противоположныхъ теченій сердца и разсудка. Родина наводнена непріятельскимъ полчищемъ, она изнываетъ подъ тяжелымъ игомъ иновѣрцевъ-арабовъ. Гнетъ рабства вызываетъ волненіе, переходящее въ открытое возстаніе противъ мусульманъ во имя креста и свободы страны. Лозунгъ „Смерть врагамъ или гибель странѣ“ требуетъ даже единственнаго сына у больной матери, лежащей на смертномъ одрѣ: долгъ патриота зоветь на поле брани всѣхъ, способныхъ носить оружіе.

Бѣдная страдальца чувствуетъ и сознаетъ это высокое служеніе порабощенной родиной. Страшная дилемма—пожертвовать ли сыномъ для родины, или родиной изъ любви къ сыну—неизбѣжно зарождается въ больной душѣ несчастной матери. Какъ истая героиня, до наступленія горькаго момента прощанія съ сыномъ съ твердою убѣжденностію склоняется къ той мысли, что позорно оставаться у мирнаго очага въ то время, когда собратья „точно на праздникъ“ спѣшатъ проливать кровь свою въ борьбѣ за отчизну. Больной матери приходится только скорбѣть, что судьба послала лишь единственнаго сына, который долженъ стать на ряду съ другими подъ непріятельскіе мечи въ роковой рѣзнѣ. Святая идея освобожденія страны отъ иновѣрнаго ига даетъ ей „крѣпость скалы“, заставляетъ забыть физическіе недуги, заглушить пламя материнской любви во имя нравственнаго долга, подобно Ариі въ драмѣ Вильбранта *Мессалина*. „Удѣлъ больныхъ страданье,—говоритъ мать въ сценѣ кн. Чавчавадзе,—но, счастливой межъ больныхъ, Господь послалъ лишь счастье къ закатау дней моихъ. Отчизна вновь проснулась въ восторгомъ грудь полна, забыты всѣ страданья, воскресла вновь душа,

Отъ края до края моей отчизны широкой волной несется народъ, единымъ желаньемъ, единою мыслью проникнуть онъ весь и могучъ. Его желанье—родины свобода, она—потребность мощнаго народа. Мое богатство—сынъ единый, мое блаженство—рай земной, моя въ немъ жизнь, мое дыханье, моя отрада, мой покой. Его пошлю въ отважный бой: земля родная, бери его—онъ твой!“ Обращаясь къ сыну, она продолжаетъ свою рѣчь въ томъ же возвышенномъ тонѣ, свойственномъ лишь великой душѣ: „Въ твоей смерти для меня источникъ и горя, и блаженства: какъ мать,—я буду сокрушаться безутѣшнымъ горемъ, какъ грузинка—я буду радоваться и гордиться ею“. Раздаются боевыя пѣсни, отдаленное радостное эхо доносится до смертнаго одра умирающей старухи. Общее возбужденіе страстей вливаетъ въ ея ослабѣвшіе нервы потокъ новыхъ чувствъ, окрыляетъ ее свѣтлою надеждою на появленіе утѣшительной зари для измученнаго народа, вызываетъ въ ней непреодолимое желаніе подойти къ окну и издали полюбоваться спасителями страны. При видѣ ихъ готовящихся къ жестокому бою, въ душѣ матери пробуждается опасеніе за жизнь дорогаго сына, въ ея головѣ рисуется кровавая сѣча, усѣянное трупами брани, изнывающей безпомощно въ ранахъ ея опора старости, съ пронзенною грудью, не чувствующей горячихъ слезъ оплакивающей матери. Она все же мужественно крѣпится до той минуты, когда сынъ падаетъ на колѣни и проситъ у нея благословенія на подвигъ, который требуется патриотическимъ долгомъ. Чувство любви къ сыну, подавляемое отвлеченною идеей служенія родиной, передъ разлукой выступаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже она старалась отодвинуть его въ таинственные уголки материнскаго сердца, исполненнаго святѣйшаго и чистѣйшаго эгоизма. Въ ея душѣ водворяется ужасная буря, передъ тѣмъ твердо высказанная готовность пожертвовать сыномъ для родины начинаетъ сильно колебаться, она заливаясь горькимъ плачемъ, прижимаетъ сына къ сердцу своими дряблыми руками, впивается жадно въ его опущенные глаза, ищетъ разжалобить его материнскою любовью и робко готовится сыну къ мысли остаться съ ней: „Ты любишь мать свою, старуху-мать?“ Сынъ не понимаетъ затаеннаго смысла вопроса и съ удивленіемъ отвѣчаетъ: „Ну, что-жь, если и люблю?“—„Останься съ нею!“—судорожно произноситъ она.—„А родина?“—запрашиваетъ въ свою очередь молодой воинъ.—„Да, родина! Тогда и небо содрогнется, когда бы отчизну намъ забыть!“— Она дѣлается рабой передъ сознаниемъ необходимости жертвы для отчизны. Она побѣждена идеей, покорена неизбежностью судьбы. „О, родина,—воскликаетъ сынъ,—кто можетъ устоять противъ божественной силы любви къ тебѣ! Даже дряхлому ты даешь крѣпость скалы... Едва лучъ твой озаритъ сердце, всѣ другія чувства въ немъ смиряются, точно слабый лучъ звѣзды въ обильномъ свѣтѣ солнца, точно капли дождя въ пучинѣ необозримаго океана!“

Этотъ небольшой діалогъ кн. Чавчавадзе является первымъ и вполне удачнымъ его опытомъ психологическаго анализа въ драматической

формѣ. Въ каждомъ словѣ, каждой фразѣ вскрывается глубокое, неподдѣльное чувство, умѣнье поэта завязать смѣлый трагическій конфликтъ и постепенно подготавливаетъ естественный исходъ драмы безъ тѣни идеализации или *deus ex machina*. Онъ согрѣлъ свое произведение такою искренностью и теплотой, что похищаетъ вниманіе читателя, увлекаетъ его воображеніе, потрясаетъ его нервы. По силѣ драматизма *Мать и сынъ* значительно выше поэмы кн. Чавчавадзе *Дмитрій-Самопозертсователь*, въ которой обрисованъ идеаль царя, жертвующаго своею жизнью для отвлеченія бѣдствій, угрожавшихъ народу со стороны Персіи въ XIII столѣтіи. Въ персонажахъ исторической страны онъ ищетъ силы духа, а не физической мощи, его вдохновляетъ идея гуманности, а не гений разрушенія. Рѣзкому осужденію поэтою онъ подвергаетъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX в., проживающихъ жизнь въ штрихахъ, доведшихъ народъ до гибели, и осмѣиваетъ ихъ въ извѣстномъ сатирическомъ произведеніи *Что мы дѣлали, какъ дѣйствовали?* (1870 г.)

Новыя теченія грузинской общественной жизни и литературнаго движенія въ продолженіе 30 лѣтъ открывались и формулировались зрѣлыми и даровитыми произведеніями кн. Чавчавадзе. Начавъ свою дѣятельность въ концѣ 50-хъ годовъ смѣлымъ отрицаніемъ пороковъ и несовершенствъ своего народа, онъ перешелъ къ патриотическому направленію и затѣмъ отдается критическому изученію вновь завязавшихся социальныхъ отношеній, къ отысканію средствъ къ сближенію народа съ аристократіей, къ установленію *modus vivendi*. Общюю струей, проникающею творчество кн. Чавчавадзе въ теченіе всей его литературной дѣятельности, является социальное-правственное движеніе и броженіе тѣхъ гуманныхъ демократическихъ идей, главными выразителями которыхъ мы назвали бы Виктора Гюго и Жоржъ-Зандъ. Являясь пѣвцомъ родины и защитникомъ угнетенныхъ, онъ съ презрѣніемъ относился къ силію, ненавидѣлъ оружіе гнета, бичевалъ кровавадыя инстинкты.

Въ стих. *Мать* онъ отстаиваетъ мысль, что назначеніе наше исчерпывается насажденіемъ любви, свободы и братства. Еще энергичнѣе возстааетъ противъ житейской неправды въ психологическомъ этюдѣ *У вистлицы*¹⁾.

„Было лѣто въ полномъ разгарѣ. Поля и холмы выцвѣли отъ жары и засухи... У Лочинскаго оврага стояли вереницей арбы, нагруженные виномъ, а уставшіи скотъ былъ выпущенъ изъ-подъ ярма на отдыхъ. Отъ засухи такъ уменьшилась вода въ оврагѣ, что почти еле замѣтно изливалась среди камней и песку. Несчастные аробцики, уставъ отъ жары, лежали на спинѣхъ подъ тѣнью аробъ, вытянувши ноги.

Солнце закатилось. Теплый, удушливый, неподвижный воздухъ пришелъ въ движеніе. И это безмолвное мѣсто словно заговорило. Привскочили аробцики, протирая глаза, умылись водою и пригнали къ арбамъ для запряжки скотъ, который по спаденію жары, вышелъ было въ поле и началъ пощипывать высохшую отъ жары траву.

¹⁾ Переводъ А. Ахназарова въ газ. „Кавказъ“ за 1893 г. Оригиналъ не датированъ.

По окончаніи процедуры запряжки скота, когда передній аробцикъ размахнулся кнутомъ, чтобы стегнуть своихъ воловъ и тронуться въ путь-дорогу, вдругъ изъ ложбины на дорогѣ показались два молодыхъ человѣка. На обоихъ были куртки изъ солдатскаго сукна. Огромная черкесская шапка, нахлобученная на одномъ изъ нихъ столь сильно, что доходила до глазъ, ясно изобличала въ немъ не своего хозяина. На другомъ была напялена солдатская фуражка стараго образца безъ козырька.

Молодому человѣку въ черкесской шапкѣ можно было дать не болѣе шеснадцати-семнадцати лѣтъ, а другому—четырнадцать или пятнадцать.

— Мы, братья, изъ княжеской фамиліи, говоритъ старшій братъ Бежанъ. Отецъ намъ изъ города прислать десять рублей, чтобы нанять повозку и на каникулы ѣхать къ нему. Мы,—ахъ чертъ-бы подраль лихаго человѣка!—договорились съ однимъ русскимъ, который за восемь цѣлковыхъ согласился везти насъ въ городъ. Поѣхали, но на дорогѣ, въ духанѣ, нашъ возница напился, сбросилъ насъ съ повозки, самъ возвратился обратно домой, звавъ съ собою наши вещи. Два дня ничего не ѣли. Плохую шутку сыгралъ съ нами этотъ негодай. Не знаю, что мы будемъ дѣлать среди чужихъ.

— Боже ты мой! Откликнулся одинъ аробцикъ. Откуда вы взяли, будто находитесь среди чужихъ!... Не въ Турціи-же вы!... Нашъ край христіанскій, Грузія. И ѣсть дадимъ, и виномъ напоимъ, и даже власть повеселитесь у насъ. Горе лиходѣю, который обидѣлъ васъ, а вамъ-то что! Такъ довеземъ до города, что даже вътерокъ не задѣнетъ васъ.

У младшаго лица прояснилось и словно озарилось пріятнымъ чувствомъ. Въ общемъ-же его лицо изобразило пріятное изумленіе, какъ будто-бы онъ въ первый разъ встрѣчаетъ сердобольнаго человѣка и этимъ крайне удивленъ.

— Вотъ до чего довелось дожить, Петре,—началь вновь пожилой аробцикъ. Въ нашемъ благословенномъ краю съ голоду и лезгинъ не помираетъ, а вы перепугались, считая себя среди чужихъ? Кушайте, дѣточки! Теперь обойдитесь этимъ сухимъ хлѣбомъ и не считите насъ не гостеприимными, а вечеромъ дадимъ такіе бараны шашлыкки, что и самъ султанъ облизнулся-бы.

Петре усадилъ обоихъ на свою арбу. Вожаку каравана было сказано тронуться. Караванъ тронулся, и по сухой дорогѣ поднялась пыль.

Въ тотъ-же вечеръ въ пору крестьянскаго ужина, аробцики у вѣзда въ городъ отпрягли арбы, такъ какъ уже наступала ночь и если-бы вѣхали въ городъ, принуждены были-бы уплатить за стоянку скота. Аробцики стащили съ аробъ по одному полѣну дровъ, привезенныхъ издалека, и развели костеръ. Петре изготвилъ шашлыкъ для своихъ юныхъ гостей и, чѣмъ только могъ, началъ угощать ихъ. Поужинали. Усталые аробцики прилегли и уснули. Скотъ разбрелся по полю на кормъ. Ночные погонщики стояли тамъ-же и присматривали. Петре, разославъ молодымъ людямъ бурку, сказалъ:

— Вы княжеского рода и не сумѣете уснуть на голой землѣ, по нашему.

Молодые прилегли на его буркѣ, самъ-же онъ растянулся недалеко отъ нихъ и уснулъ мертвецкимъ сномъ.

Наступилъ голубоватый разсвѣтъ. Крестьяне привстали. Нашъ Петре уже не нашелъ своихъ гостей на мѣстахъ. Оглянулся во все стороны, но нигдѣ ихъ не примѣтилъ.

— Чертъ возьми,—вскричалъ старый Петре, когда убѣдился, что юнцовъ не было. Вотъ такъ обманули старика! Скрылись! Должно быть станицы что-нибудь!

Схватились Петре за карманы,—оба были срѣзаны. Добрый старичекъ досадливо усмѣхнулся.

Прошло четыре года. Было начало лѣта. Петре, сильно постарѣвшій, шелъ въ городъ для покупки жерновъ. Но какъ онъ шелъ? Съ тѣмъ-же важнымъ видомъ, по обыкновенію, только съ тою разницею, что причина его важности была совсѣмъ особенная. Послѣ того, какъ съ нимъ случился казусъ, рассказанный выше, онъ оставилъ совсѣмъ ремесло аробщика. Видно, ужъ не гожусь, говорилъ онъ въ своемъ сердцѣ. Теперь его арбой заправляетъ старшій сынъ. А онъ самъ, перекинувъ ноги, важно возсѣдалъ на огромномъ, полномъ вина, бурдюкѣ, точно султанъ на тронѣ. Дорожный пѣтухъ ¹⁾ находился на арбѣ его сына, которому было предоставлено первенство въ караванѣ. Петре страшно радовала эта честь, оказанная его сыну, который такимъ образомъ выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ, онъ гордился имъ. Петре радовался и думалъ: когда возвращусь домой, обрадую свою старуху великою честью, которой удостоился нашъ сынъ.

Петре въ городѣ застрялъ на нѣсколько дней. Каравану какое-то дѣло помѣшало двинуться въ обратный путь. Въ концѣ концовъ было рѣшено двинуться въ извѣстный день, передъ закатомъ солнца.

Полдень уже приближался, а рѣшено было выступить въ тотъ вечеръ. Петре думалъ: „кстати, дѣла у меня нѣтъ никакого, пойду, пройдуся по авлабарской площади, мѣръ великъ, узнаю что нибудь новое“.

Петре присталъ къ одной группѣ понабѣдаться, о чемъ шумитъ толпа. Здѣсь онъ узналъ, что какъ только раздастся пушечный выстрѣлъ, должны повѣсить одного убійцу, задержаннаго при совершеніи преступленія. Петре въ жизни своей не приходилось видѣть такого зрѣлища. Страшно захотѣлось ему посмотрѣть, какъ будутъ вѣшать чедовѣка.

¹⁾ Когда караванъ изъ арбѣ отправляется куда-нибудь въ дальнюю дорогу, на одной изъ арбѣ усаживаютъ пѣтуха, чтобы онъ своимъ пѣніемъ давалъ знать каравану о наступившемъ утрѣ. Пѣтухъ—часы для аробщиковъ во время путешествія. Въ большинствѣ случаевъ пѣтухъ находится у того на арбѣ, кто считается вожакомъ каравана. Среди крестьянъ считается большимъ почетомъ занимать мѣсто вожака, т. е. находится со своею арбою во главѣ каравана, такъ какъ только хорошему, знающему дорогу, надежному погонщику воловъ уступается эта честь. *Примѣчаніе автора.*

— Много горькаго и неприятнаго доводилось мнѣ видѣть на своемъ вѣку, подумалъ онъ про себя, посмотримъ и это.

Подумалъ онъ и послѣдовалъ за народомъ, направлявшимся къ Махацкой горѣ. На этой горѣ была огромная масса народа. На верхушкѣ горы, въ сторонѣ, стояла висѣлица, окруженная войсками. Передъ висѣлицей была оставлена огромная площадь, куда народъ не допускался. Петре оглянулся и удивился, увидѣвъ такое множество и мужчинъ и женщинъ.

— Положимъ мужчинъ собрало желаніе увидѣть это зрѣлище, а женщины-то на какой чертъ притащились въ такомъ количествѣ!

Думалъ нашъ Петре, сильно удивленный этимъ обстоятельствомъ и, наконецъ, остановился на томъ, что враки—будто должны повѣсить кого-то: должно быть продѣлки какого-нибудь акробата.

— И это, пожалуй, не дурно, подумалъ Петре про себя: даже пріятнѣе смотрѣть на него, а то что за зрѣлище, скажите Бога ради, повѣшенный чедовѣкъ? Нельзя такъ—таки вздернуть его и повѣсить. Какъ-бы то ни было, чедовѣкъ онъ, образъ Божій. А, такъ вотъ что собрало этихъ женщинъ сюда. Баба вообще большая охотница до акробатическихъ зрѣлищъ... Нѣтъ, все это прекрасно, но что выигралъ этотъ армянинъ, обманувши меня? Должно быть думать, что разъ онъ, дескать крестьянинъ, такъ легко его оболванить и одурачить.

Много чего еще промелькнуло въ умѣ нашего праздношатающагося Петре, который вполне былъ увѣренъ, что здѣсь обманъ какой-то, а иначе женщинамъ было-бы не мѣсто, да и никто-бы не допустилъ ихъ.

Наконецъ кто-то закричалъ: „ведуть! ведуть!“ Обернулся Петре и увидѣлъ, что солдаты вели какого-то завернутаго въ шинель чедовѣка.

— Ну, голова, поучалъ Петре самого себя: смотри не оболванивайся, не соблазнился чортомъ, не принимай за чистую монету!... Это все обманъ, фокусы... Не давай себя одурачить, а то будутъ смѣяться надъ тобою: вотъ деревенщина, какъ легко сдался на удочку обмана.

Но все-же пододвинулся ближе, чтобы лучше рассмотреть. Столько потолкался и поработалъ локтями, что очутился впереди толпы. Солдаты около него провели чедовѣка, завернутаго въ шинель.

— Ишь, ты, окаяннине,—подумалъ про себя Петре. На самомъ дѣлѣ, такъ и кажутся настоящими солдатами! Какъ сумѣли разодѣть ихъ! И даже ружьями управляютъ!.. Чего только не выдумаютъ эти городскіе молодчики. Ишь ты, даже и лицомъ-то похожи на русскихъ!...

Размышляя такимъ образомъ, Петре какъ-то нечаянно остановилъ взоръ на чедовѣкѣ, одѣтомъ въ солдатскую шинель. Этотъ незнакомецъ былъ молодой чедовѣкъ, лѣтъ двадцати или двадцати одного года. Усы и борода только недавно обозначились. Лицо было желтое, какъ шафранъ. У Петре что-то мелькнуло въ головѣ.

— Что-жъ это, его, какись, я гдѣ-то видѣлъ, знакомое лицо. Господи, дай вспомнить: гдѣ-бы это я могъ видѣть его,—спрашивалъ онъ себя, но отвѣта найти не могъ.

— Ой, горе, горе несчастной матери твоей!.. Причитали женщины. А вѣдь молодой-то онъ какой!..

Петре это соболѣзнованіе немного удивило.

— Не лучше-ли было тебѣ, горемычному, не впутываться въ исторію, доведшую до такого дня,—говорила одна женщина въ чадрѣ. Горе, горе матери твоей, несчастный сынъ!

— Правда, охъ какъ правда,—отвѣтила другая. Но что-жъ дѣлать, что написано человѣку на роду, то и сбудется. Но какъ мучаются его родители, въ какомъ несчастіи и горѣ! Боже, спаси и пощади каждаго христіанина!

— Чертъ возьми, буквально всѣ вступили въ заговоръ противъ меня, думалъ такъ Петре и полагалъ, что на самомъ дѣлѣ всѣ были заняты желаніемъ обмануть его и оболванить. Наконецъ, онъ и отеода сбѣжалъ и вновь перемѣнилъ мѣсто. Трудно, когда воображеніе, закусивъ удила, тянетъ мысль все въ одну сторону.

Между тѣмъ, незнакомецъ въ шинели подвели и поставили подъ висѣлицу. По одной сторонѣ его сталъ священникъ, а по другой какой-то чиновникъ. Палачъ въ красной рубахѣ стоялъ позади него.

— А священника-то что свело съ ума, спрашивалъ самъ себя Петре. Должно быть, тертеръ ¹⁾, а то настоящій священникъ ни за что бы не позволилъ себѣ этого. А тотъ, въ красной рубахѣ, кто долженъ быть? Должно онъ и есть главный акробатъ.

Чиновникъ развернулъ какую-то бумагу и прочиталъ вслухъ.

— Это, должно быть, заклинаніе, подумалъ про себя Петре. Чародѣйство устроить. Въ такомъ случаѣ стоитъ посмотреть на все это.

Потомъ священникъ о чемъ-то заговорилъ съ человѣкомъ въ шинели. Хотя Петре насторожилъ уши и сталъ на цыпочки, желая услышать что-нибудь, но стоялъ далеко и ни слова не могъ уловить.

Съ человѣка въ шинели сняли шинель и надѣли на него съ головы до ногъ длинную рубаху, такъ что и лица не было видно. Палачъ правилъ петлю на висѣлицѣ и потомъ приставилъ лѣстницу къ ея столбу. Обернувшись къ несчастному, толкнулъ, погнавъ впереди себя, вошелъ съ нимъ вмѣстѣ на лѣстницу и ухватился за петлю, чтобы надѣть ему на голову. Народъ ошѣмѣлъ, точно у всѣхъ остановилось дыханіе и замерло сердце.

Палачъ накинулъ на голову петлю и толкнулъ несчастнаго рукою. Народъ сразу глубоко и тяжело вздохнулъ.

Несчастный повиснулъ на висѣлицѣ, качаясь, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и долго, долго бился ногами.

— Если и до утра будешь такъ барахтаться и тогда не повѣрю, думалъ Петре. Народъ же, минуту тому назадъ стоявшій въ нѣмомъ ошѣпененіи, теперь весело зашумѣлъ и даже принялся шутить. Группы разошлись по полю и спѣшили по своимъ домамъ, довольные тѣмъ, что могли лицезрѣть эту постыдную и возмутительную картину. Петре огли-

¹⁾ Армянскій священникъ.

нулся и увидѣлъ, что никто уже не оставался. И войско ушло, оставивъ двухъ караульныхъ возлѣ висѣлицы. Палачъ накинулъ на себя какой-то костюмъ и пошелъ во свояси. Остался лишь только одинъ онъ, несчастный повѣшенный. Петре былъ изумленъ.

— Только то и было,—подумалъ онъ. Ничего особеннаго въ этомъ зрѣлищѣ и не нахожу. Можетъ быть, чародѣйство въ томъ и состояло, что подмѣнили и, вмѣсто человѣка, повѣсили мѣшокъ? А барахтанье ногами? Могли на проволокахъ устроить!.. Пружинами можно и мѣшокъ заставить протанцовывать лезгинку. Все же ничего особеннаго, напрасно время потратить. Жаль, что не спросить ни у кого. Впрочемъ, стали бы смѣяться!.. Ишь народъ въ какомъ хорошемъ настроеніи возвращается назадъ, съ шумомъ и гамомъ! Если бы такъ-таки повѣсили человѣка, не каменное же у нихъ сердце, хоть прослезился бы кто-нибудь,—человѣкъ же онъ былъ, созданъе Боже, а не кошка! А присутствіе столькихъ женщинъ что могло означать?!..

Нѣсколько разъ приходила ему въ голову мысль догнать кого-либо и узнать истину. Къ нѣкоторымъ онъ даже подходилъ, но, изъ боязни насмѣшекъ, не рѣшался заговорить.

Шель нашъ старецъ по направленію къ авлабарскимъ постоялымъ дворамъ, занятый этими мыслями. Вдругъ сзади кто-то дотронулся до его плечъ рукою и заставилъ обернуться. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ высокаго роста, завернутый въ бурку, съ надвинутой на глаза шапкой.

— На, возьми это письмо, обратился къ нему незнакомецъ и всунулъ въ руку бумажку. Если ты неграмотный, попроси кого-либо прочесть тебѣ. Изъ этого письма узнаешь все, что сегодня происходило.

Проговоривъ это, молодой незнакомецъ тотчасъ-же удалился и, хотя шель шагомъ, но такъ быстро, что Петре и бѣгомъ не догналъ бы его.

Петре еще болѣе ускорилъ шаги, стораю отъ петербѣнны поскорѣе узнать содержаніе письма. Сынъ его обучался у священника и складно читалъ. Быстро шель Петре, но желаніе перегоняло скорость шаговъ.

— Какъ удлинилась проклятая дорога, думалъ онъ.

Сынъ распечаталъ и не успѣлъ раскрыть конверта, какъ изъ него высыпались бумажныя деньги, что страшно изумило обоихъ.

„Молодой человѣкъ, котораго повѣсили, былъ мнѣ братъ...“

— Что ты сказалъ?—прервалъ его обезумѣвшій Петре и страшно поблѣднѣлъ.—Повѣсили!.. Такъ это была правда!.. А веселье народа?..

„Отецъ нашъ (продолжалъ читать сынъ Петре) былъ одинъ изъ бѣдныхъ, онъ оставилъ насъ совсѣмъ малынами. Мать, вскорѣ послѣ смерти отца, вышла замужъ за какого-то дворянина, служащаго въ городѣ. Оставшіяся отъ отца земли, которыя, будь онъ въ нашихъ рукахъ, могли бы прокормить обоихъ, отчимъ отнял у насъ и, распродавъ, оставилъ насъ не при чемъ. Пока подросли, мы валялись въ деревнѣ, безъ присмотра, а они жили въ городѣ. Когда, бывало, пріѣдутъ, дерутъ съ насъ кожу, колота безпощадно. Колотили насъ несчастныхъ, бѣгавшихъ голодными и ободранными, босикомъ, по изгородямъ, и прислуга, и отчимъ и всѣ остальные,

кто только был в состоянии. Правда, многие посторонние жалели нас, несчастных сирот, но от этого не становилось легче. Когда мы немного подросли, отчим, желая освободиться от нашего присутствия, погналъ нас в школу кантонистов, в Царские Колодцы, где мы принуждены были выносить безконечную ругань и колотушки. Терпели долго и потощив терпели в один прекрасный день сбѣжали. Пришли в наше село; но прислуга прогнала нас из нашего дома, не позволив и переночевать. Остались вдвоем, одинокие, без пищи, денег, пристанища, не встречая нигде жалости, не имея ни родных, ни знакомых. У кого могло явиться сострадание к нам? Мы для всех были чужие, и все для нас также. Направились в город озлобленные, проклиная весь мир и решившись быть врагами всех и не жалеть никого в этом, полном неправды мире, ни отчима, ни матери, ни тебя и ни другого, не разбирая хорошъ онъ или дурень. Видѣли же все, что среди бѣла дня грабили нас, сирот, но никто не заступился, никто и слова не пикнулъ в нашу защиту. На всехъ падала вина нашего несчастія. Не одинъ отчимъ, а вы все ограбили нас, вы все обездолили сиротъ. Пока живъ, постараюсь отплатить всемъ вамъ, а когда умру, все вместе предстанемъ предъ Богомъ на отвѣтъ. Пусть Онъ насъ разсудитъ и посмотримъ, кто изъ насъ окажется правъ, кто—виноватъ. Богъ справедливъ и сердце наше открыто Ему. Не по дѣламъ ихъ судить Онъ людей, а по побужденіямъ. На томъ свѣтѣ правосудіе не покривитъ.

„Помнишь, когда вы, года четыре тому назадъ, съ вашими арбами остановились у Лочинскаго оврага и къ вамъ подошли двое молодыхъ людей. Это были мы, сироты, голодные, не бравшие два дня куска в ротъ. Несчастный мой братъ, котораго я звалъ Бежаномъ, много чего тогда совралъ. Мнѣ это было неприятно, я брезгалъ ложью, сердился, но ничего не могъ подѣлать. Братъ былъ упрямый, своевольный, но не злопамятный и отчасти трусливый человекъ. Богъ да проститъ его, этого единственнаго друга моего и доброжелателя, любившаго меня и вѣрнаго мнѣ. Сегодня я собственными глазами смотрѣлъ, какъ вѣшали его, точно кошку!.. Развѣ могу я это простить миру, пока я живъ, называюсь человекомъ и ношу на головѣ шапку!

„Ты тогда съ участіемъ и жалостью обошелся съ нами. Твое добродушіе чуть не освѣтило лучемъ добра мою темную душу, чуть не очеловѣчило мое жестокое и неумолимое сердце. Цѣлую ночь не могъ заснуть, сонъ бѣгалъ отъ моихъ глазъ, хотя былъ очень усталый и изнуренный. Когда мой братъ всталъ и началъ отрѣзывать у тебя карманы, у меня душа заняла, волосы поднялись дыбомъ, стало жаль тебя, но ничего не сказалъ, не остановилъ его. Вѣдь, думалъ я, и онъ тоже одинъ изъ моихъ грабителей? Чего жалѣть? Если бы онъ былъ порядочнымъ человекомъ, не позволилъ бы ограбить нас!

„Обокрали тебя и пришли в городъ. Здесь добро и зло свободнѣе разгуливаютъ по свѣту. Для обоихъ мѣста много. После того не про-

ходило и дня, чтобы когонибудь не ограбили мы. Старались грабежомъ возстановить нашу потерю. Этимъ добывали хлѣбъ свой, этимъ вымѣщали злобу, успокоивая негодующее сердце. Душа все же не утомилась, чего-то желала, куда-то стремилась, остановить ее не было силъ...

„Два года тому назадъ какимъ образомъ Провидѣнье привело насъ въ домъ нашего отчима. Матери нашей не было дома, она находилась в отлучкѣ, в деревнѣ. Ворвались туда оба брата, убили отчима, хотѣли разгромить весь домъ, но не успѣли. Узнали, и полиція окружила насъ. Я то успѣлъ скрыться, но несчастный братъ попалъ въ руки полиціи и былъ арестованъ. Дальнѣйшее тебѣ извѣстно. Сегодня я былъ свидѣтелемъ его смерти. Вы стояли и любовались зрѣлищемъ, я же весь горѣлъ въ огнѣ, мучался, терзался... Нѣтъ, не прощу я вамъ этого!.. Все вы должны мнѣ отвѣтить за потерю моего брата. Кровь его, пока живъ, не прощу, сумѣю вымѣстить злобу. Пенавижу весь свѣтъ, а человекъ тѣмъ болѣе. Между нами уже ничего нѣтъ общаго, ничто не связываетъ насъ, мостъ между нами провалился, и я—одинъ остался на другой сторонѣ моста, вы же все, многие—на другой. Пусть судъ Божій рѣшитъ, на какой сторонѣ стоятъ праведные и на какой грѣшные. Богъ и не осудитъ никого, не взглянувъ къ нему въ душу. Я избранную мною дорогу считаю правой. Не знаю, правъ я или виноватъ, знаю только, что лишь одна жилка еще связывала меня съ миромъ, но и та сегодня порвалась на висѣлицѣ. Этимъ я навсегда лишился какой бы то ни было связи съ миромъ, какъ обломившаяся вѣтвь. Прощай!.. Если когда-нибудь пожелаешь меня видѣть, приходи и, какъ брата моего, меня тоже встрѣтишь на висѣлицѣ. Таковъ долженъ быть и мой конецъ.

„Не знаю почему, но страшно хотѣлось передъ тобою исповѣдаться. Вотъ, сказалъ все, и отлегло отъ души.

„Твои три рубля съ полтиной возвращаются всесеро. Тотъ лучъ добра, которымъ ты освѣтилъ сердце мое и чуть было не возвратилъ меня миру, и теперь мерцаетъ во мнѣ, какъ подъ неплотъ сохраненный горящій уголь. И тотъ померкнетъ, знаю я. А ты то развѣ не другъ и товарищ моего отчима! Вѣдь и ты въ числѣ повѣсившихъ моего брата! Вѣдь и ты довелъ его до висѣлицы!“

Сынъ былъ крайне изумленъ, у Петре выступилъ холодный потъ.

— Я то при чемъ,—вскричалъ со стономъ Петре, дрожа съ головы до пятокъ.—При чемъ въ самомъ дѣлѣ, старый Петре,—говоритъ въ заключеніе авторъ, давшій глубокій анализъ души и преступника, и его зрителей.

Съ паденіемъ крѣпостнаго права, событіе, привѣтствуемое поэтомъ въ стихахъ „Слышу, слышу желанный звукъ павшихъ съ народа цѣпей“... (1860 г.), мрачный анализъ отрицательныхъ сторонъ грузинской жизни смѣняется восторженнымъ изображеніемъ идеальныхъ типовъ изъ отдаленной старины—самоотверженнаго царя, пылкой патриотки, безстрашнаго воина, добровольно приносящихъ себя въ жертву во имя общаго блага. Пробудивъ въ молодомъ поколѣніи искреннюю любовь къ прошлой судьбѣ Грузіи, заронивъ искры симпатіи къ угнетенному народу

(стих. *Пахарь*), воспитавъ въ немъ національное самосознаніе, кн. Чавчавадзе, предоставивъ другимъ возвращать сѣмена, брошенные въ сердца грузинъ, самъ становится проводникомъ новыхъ вѣяній на родной почвѣ. Его публицистическія статьи *Жизнь и законъ* заняты уже не разрушеніемъ настоящаго или воссозданіемъ прошлаго, а обрисовкой идеаловъ будущей жизни, когда поработанный сброситъ съ себя оковы и трудъ подневольный уступитъ мѣсто труду свободному.

Такъ, еще въ поэмѣ *Призраки* (1860 г.) гѣнь явившагося старца предъ авторомъ обозрѣваетъ минувшіе тяжелые дни Грузин, негодуя на замолкшіе въ Тифлисѣ и Мцхетѣ завѣты предковъ и въ горячей молитвѣ къ Божіей Матери испрашиваетъ утверженіе любви и единенія, возрожденіе страны къ ея прежней славѣ.

И мѣръ, охваченный молчаніемъ,
 Казался полнъ однимъ желаньемъ:
 Благоговѣнно, чутко ждать.
 Что скажетъ неба сводъ лазурный.
 И сводъ безоблачный, безбурный,
 Дыша весельемъ, съ высоты
 Струилъ на мѣръ благоволенье...
 Но чарамъ этой красоты
 Не поддались мои сомнѣнья,
 Въ цѣпяхъ сомнѣній былъ мой умъ
 И недовѣрчивъ, и угрюмъ...
 И я внималъ съ невольной дрожью.
 А онъ шепталъ злорадно мнѣ:
 „Не вѣрь всей этой тишинѣ!
 Земля и небо дышатъ ложью!
 Предъ взоромъ слабыхъ смертныхъ глазъ
 Такое утро много разъ
 Надъ міромъ страждущимъ вставало,
 Но въ сердцѣ міра жгучихъ ранъ
 Та благодать не врачевала!
 Все, что ты чувствуешь—обманъ;
 Какъ сила брэннаго кумира,
 Не знаетъ вѣчный ропоть міра
 Мгновеній отдыха и сна!
 Испей безмолвіе до дна;
 Проникни въ глубь его объятій
 Его нѣмая глубина!...
 Но сладость утра, чрезъ мгновенье,
 Разсѣявъ облако сомнѣнья,
 Мою тоску превозмогла;
 Мнѣ вѣра свѣтлая дала
 Бальзамъ цѣлебный утѣшенья,
 И тихой радости приливъ

Нахлынулъ на душу мнѣ властно—
 И сердце трепетное страстно,
 Были муки позабывъ,
 Любовью ожило священной!
 Даръ неба, свыше совершенный,—
 Какъ пламя яркое во мглѣ,—
 Взошла надъ скорбію гнетущей
 Денница вѣры всемогущей
 Въ добро и правду на землѣ!
 Она мечты мнѣ открывала,
 И слухъ, и зрѣніе изощрила—
 И вдругъ явился предо мной
 Въ лучахъ блаженства чудный рой
 Тѣхъ жизнерадостныхъ видѣній,
 Къ которымъ жажда откровеній
 Влечетъ и манитъ безъ конца
 Соблазномъ тайнъ и сладкимъ страхомъ
 Полузасыпанныя прахомъ
 Людскія смертныя сердца...

Илья Чавчавадзе не усмотрѣлъ внутренней борьбы среди сословій¹⁾ и направилъ попытки къ улучшенію ихъ сословнаго строя, но не упраздненію его. Благоденствіе дворянства онъ желаетъ такъ устроить, чтобы другіе классы не страдали. Его идеаль—согласіе сословій. Орудіемъ прогресса считаетъ ихъ единеніе и миръ, оставляя сословное неравенство въ тѣни. Земля должна остаться въ рукахъ помѣщика, такъ какъ процессъ экспропріаціи угрожаетъ безконечными неурядицами: придется надѣлать земель того, у кого отняли. Онъ упускаетъ изъ виду, что обѣднѣвшее дворянство имѣетъ возможность создать свое матеріальное благополучіе путемъ труда и производительной дѣятельности, или же оно должно выродиться: И. Чавчавадзе какъ бы оправдываетъ сословное неравенство и стоитъ за дворянство въ его цѣломъ. Вниманіе его привлекаетъ только деревня и онъ не придаетъ должнаго значенія новому экономическому фактору—развитію торговли, денежнаго хозяйства. „Міромъ владѣетъ тотъ, кто въ одной рукѣ держитъ мечъ, а въ другой плугъ“,—говоритъ онъ. Отсюда желаніе укрѣпить прежніе устои и обоготвореніе деревни, плуга, „народничества“. Правда, въ Грузин деревенское населеніе равно $\frac{3}{4}$ всего состава, но необходимо установить соглашеніе между деревней и городомъ, признать неизбѣжнымъ раздѣленіе труда, хотя нельзя согласиться съ необходимостью превращенія деревни въ городъ. Чавчавадзе слѣдилъ только за сельскимъ хозяйствомъ, винодѣліемъ, сельскимъ депо, сельскими школами. Онъ становится главой дворянскаго банка, являющагося

¹⁾ См. статьи Арч. Джорджадзе „Илья Чавчавадзе какъ публицистъ“ (Моамбэ 1901 №№ V1—VII), Н. Джорданія „Груз. пресса“.

сословнымъ учрежденіемъ и отдаетъ ему свои лучшія силы. Попытки улучшить современный экономическій строй выражаются у него въ духѣ либерально-радикальномъ, онъ сторонникъ прогрессивнаго налога, а не социалистическихъ взглядовъ на собственность. Поэтому онъ хизанство считаетъ институтомъ вѣчныхъ арендаторовъ по взаимному соглашенію. Онъ отвергаетъ въ социологін абсолютный индивидуализмъ, какъ и абсолютный матеріализмъ. Онъ врагъ восточной апатіи и сторонникъ эволюціи, прогресса. Только въ движеніи заключается жизнь,—говоритъ онъ, обращаясь къ гордой, но невозмутимой вершинѣ Казбека, которому суждено пасовать предъ бурнымъ Терекомъ. Видъ послѣдняго автору „Писемъ туриста“ больше нравится, ибо въ немъ онъ усматриваетъ обликъ пробудившейся человѣческой жизни. И. Чавчавадзе—проповѣдникъ народности. Онъ выступилъ въ то время, когда еще въ Грузіи горевали объ утратѣ политической самостоятельности и утратѣ идеи національной. Есть дворянство, духовенство, крестьяне, но нѣтъ грузинъ,—писалъ онъ. Нѣтъ у нихъ представленія о родинѣ и служенія ей. Онъ ратуетъ за національный театр и требуетъ преподаванія въ школахъ грузинскаго языка и съ рвеніемъ полемизируетъ по этому вопросу съ попочителемъ Яновскимъ и „Москов. Вѣдомостями“ Каткова.

Въ *колыбельной и студенческой пѣснѣ* онъ воспѣваетъ любовь къ родинѣ, жаждетъ „быть другомъ народа, неизмѣннымъ собратомъ въ веселіи и нуждѣ“ и предвидитъ наступленіе свободы: судьбой будетъ править человѣкъ по своему усмотрѣнію.

Довольно! перестань, жестокая судьба!
Ты много лѣтъ меня терзала, какъ раба:
Кровавою слезой мнѣ очи обжигала,
Отрадные мечты злорадно попирада,
Надежды лучшія во мнѣ губила ты,
Топтала счастья цвѣты!..
—И раны сердце жгутъ, изныла грудь отъ гнета!..
Довольно! часъ насталъ, желанный часъ расчета,
Дни рабства отошли, свобода впереди!
Куда-жъ дѣвалась ты? Не прячься выходи!
Переимѣнься намъ давно пора мѣстами:
Подъ дудку я твою плясалъ до этихъ поръ,
Стоналъ, въ безсилыи своей оплакивалъ позоръ!
—Теперь я взялъ свирѣль отважными перстами—
И грянетъ пѣснь моя, побѣдный кличъ души!

Въ другомъ стихотвореніи онъ выражаетъ увѣренность въ побѣдѣ любви надъ враждой.

Въ мѣрѣ все проходитъ вѣчной чередою:
Велѣдъ за ночью темной день сіяетъ вновь;

Все, что разрушалось темною враждою,
Снова созидала свѣтлая любовь!..
Къ чему за слезы вы корите храбреца?
Желѣзо, вѣдь, понавъ подъ молотъ кузнеца,
Льетъ искры жгучихъ слезъ гордыи въ низдашь!
Надъ жалкими звѣрьми, велѣніемъ Творца,
Возвышенъ человекъ... слезами состраданья!..

Христіанское всепрощеніе и религиозное его настроеніе выразилось между прочимъ въ *Молитвѣ*.

Отче нашъ, иже еси на небесахъ!
Передъ Тобой склонившись я стою
Смирень и жалокъ... Боже, не молю
Тебя о славѣ и земныхъ дарахъ...
Нѣтъ, не хочу мольбу позорить я свою!
Но жажду я, чтобъ душу просвѣтилъ
Ты, Чьи слова въ груди огнемъ горять,
И къ тѣмъ, кто гибели моей хотѣлъ,
Любовь послать, чтобъ я, любя, молилъ:
„Прости имя, Господи: не знаютъ, что творять!“

Ему не чужда лирика любви, анализъ внутренняго состоянія при видѣ возлюбленной (въ стих. *къ Милой*), чувство которой замолкло раньше, чѣмъ завяла роза, ею поднесенная; онъ переживаетъ въ стих. *Ни желанія, ни надежды* всю горечь отъ измѣны той, которая вѣчно увицается вокругъ другого, опьянія его нектаромъ блаженства.

Прочность народнаго благоденствія въ публицистическихъ статьяхъ писатель видитъ въ установленіи мира и согласія между общественными классами, въ устраненіи прежняго антагонизма и разлада въ сословныхъ отношеніяхъ. Эта идея демократизаціи высшей аристократіи нашла яркое выраженіе въ повѣсти *Вдова Отарова*, появившейся въ 1887 году*).

Единственный сынъ состоятельной крестьянки-вдовы, Георгій, обладающій красивою наружностью, благороднымъ сердцемъ и всѣми знаніями сельскаго обихода, непонятно для самого себя проникается глубокою симпатіей къ княжнѣ Кесо, сестрѣ кн. Арчила, получившаго хорошее образованіе въ Россіи. Симпатіи эти разливаются по всему существу 20-ти лѣтняго юноши усиленно вспыхивающимъ огнемъ, зарождаютъ въ немъ чувства грусти и такой всепоглощающей тоски, которая заставляетъ его вдали отъ любимой матери предаваться горестнымъ размышленіямъ. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ вдова застаётъ своего сына подъ вѣтвями орѣховаго дерева погруженнымъ въ безсознательное

* Онъ перевелъ романъ „Иза“ Буве, стихотворенія въ прозѣ (Воробей, Собака и др.) Тургенева, Байрона, Пушкина (Пророкъ), Лермонтова (Сонъ, Хаджи-Абрекъ), Гейне, Т. Мура, Шенье, Байрона, Доде (Разсказъ Эльзаса и др.).

созерцание утреннего неба: „бѣлая облачка разрозненно, тихо двигались по чистому небосклону, словно разыскивая друзей для взаимнаго сѣблени. Голубое небо нѣжно раскрыло свою необъятную грудь для этихъ легко плывущихъ маленькихъ гостей, подобно матери, ласковымъ привѣтомъ приглашающей проснувагося ребенка въ свои горячія объятія“. Мать пыталась вывѣдать причину мрачнаго настроенія, оладѣвшаго сыномъ. Георгій въ отвѣтъ просить у нея только позволенія идти въ услуженіе въ домъ князя Арчила. Прояснѣвшійся бодрый взглядъ Георгія въ день разлуки съ матерью и радовалъ и оскорблялъ бѣдную вдову. „День этотъ она считала свѣтлымъ для себя, видя радостное лицо сына, но онъ былъ горькимъ днемъ, вызывая сокрушеніе материнскою грустью и сознаниемъ, что сынъ радуется разлукѣ съ нею“. Кн. Арчилъ, пораженный предложеніемъ Георгія служить ему, однако соглашается принять его въ свой дворъ, не находя достаточныхъ объясненій для страннаго желанія состоятельнаго крестьянина. Георгій съ первыхъ же дней проявляетъ здравый умъ, знаніе сельскаго хозяйства и неподкупную честность. Арчилу, примѣнявшему теоретическія познанія при измѣнившихся условіяхъ, онъ даетъ поучительный урокъ по садоводству, указываетъ на неправильное расположеніе виноградныхъ лозъ по косоугору, лишнему поливкѣ. Быстро усваиваетъ онъ проекты разведенія цвѣтовъ, наблюдаетъ надъ которыми принимаетъ на себя княжна Кесо. Георгій заботливо ухаживаетъ за этими „питомцами“ своего недостижимаго предмета сердца, считая себя вполне награжденнымъ молчаливымъ созерцаніемъ легкой поступи то тамъ, то сямъ среди цвѣтовъ плывущей княжны. Эта нѣжная привязанность крестьянина къ образованной аристократкѣ завершается печальнымъ, трагическимъ финаломъ. Осенью, когда начался торопливый перевозъ сѣна изъ садовъ, Георгій падаетъ въ разгарѣ работы съ высоты арбы, нагруженной сѣномъ, ударяется на ея острый колы и пробиваетъ себѣ хребетъ. Въ предсмертной агоніи, на кровати Арчила, предъ убитою горемъ матерью, Георгій исповѣдуетъ свои тайныя мысли, впервые открываетъ свои сердечныя муки при видѣ плачущей Кесо. „Мама, ты видишь... этого ангела... Онъ былъ моимъ рокомъ..., но я не раскаиваюсь. Нѣтъ! О, если бы только приложиться мнѣ, какъ къ святинѣ, къ твоему платью, а потомъ умереть!“—говоритъ скорбѣ устремленный на княжну его умиленный взглядъ, чѣмъ языкъ и звукъ.

Кесо съ неудержимымъ плачемъ наклонилась къ больному и со слезами на глазахъ поцѣловала его въ лобъ. Когда она поднялась, то одна изъ скатившихся слезъ упала на грудь умирающему, и эта неожиданная награда, „живая вода“, заставила его вздрогнуть и всколебаться. Въ такое время радость, счастье—та же жизнь, только кратковременная, непрочная. „Видишь, мама! При жизни я не дождался ея ласкъ, умираю, и слезы ея льются на меня. Я унесу съ собой въ могилу улыбающуюся мнѣ радость, освѣженною этою слезой. Тамъ она принесетъ мнѣ плодъ... Не печалься, мама, не упрекай же меня, Арчилъ,

и ты! Развѣ я не знаю, кто я и кто ты? Какъ могъ я достичь тебя, звѣзды въ небесахъ?... Сердце неудержимо стремилось, а руки не были въ силахъ... Я молился на тебя,—говорить онъ княжнѣ,—какъ на святую. Ты согрѣвала меня, подобно солнцу, не подозревая, кого освѣщаешь и кому подаешь жизнь! Я стыдился, боялся, робѣлъ признаться въ этомъ, умирая же, говорю: отъ мертваго отвѣта не требуютъ!“.

Въ глубокоомъ траурѣ, со слезами, Кесо слѣдовала за гробомъ Георгія. Народъ приписать такое вниманіе княжны къ покойному ихъ взаимнымъ сердечнымъ симпатіямъ, согрѣтымъ лучами затаенной любви. Слухи о привязанности Кесо къ Георгію дошли до Арчила, и онъ вступилъ въ объясненіе съ сестрой. Молодой князь сталъ горячимъ защитникомъ народа, восхваляя всѣ его добродѣтели и порицая въ своемъ лицѣ аристократію. „Мы искусственно отдѣланы, они же созданы въ первобытной чистотѣ самой природой. Мы дряблы, слабы, они же крѣпки и тверды. Ихъ пѣсня—нескончаемый стонъ, а все же его зовутъ пѣсней. Наша пѣсня—не стонъ, однако и весельемъ ее не назовемъ... Мы разошлись съ ними, разбились на два царства съ своею особою сферой и горя, и радости“. Арчилъ напомнилъ сестрѣ, какъ ихъ увлекали стихи Гр. Орбеліани о свободномъ поклоненіи заслугамъ и таланту человѣка, помимо его происхожденія. Оказалось, что княжна принадлежитъ къ числу „книжницъ“, воздающихъ на словахъ должное дарованію, а на дѣлѣ избѣгающихъ сближенія съ крестьянствомъ. Кесо отвергла Георгія, не замѣтила его любви, не оцѣнила „прекрасной души, достойнаго поклоненія таланта, взлелѣяннаго небесными лучами“. Она не вышла бы за него, „потому что любовь по закону не приходитъ“. И солнце, вѣдь, не приказываетъ розѣ распуснуться при его взшедшихъ лучахъ. Любовь должна была придти сама, не будь слѣного сердца, запечатаннаго девятью замками аристократизма. „А ты даже не догадывалась,—говоритъ княжнѣ братъ,—какое пламя сжигало его сердце, какой чистый свѣтъ изливался на холодную, безчувственную стѣну“. Кесо при этихъ словахъ расплакалась, братъ поцѣловалъ ее въ лобъ, принимая ея слезы за первый проблескъ будущаго разсвѣта: „Слезы не всегда—капли простой воды, иногда онѣ являются щитомъ, а щитъ по временамъ замѣняется и мечъ. Твои слезы меня радуютъ, и я самъ заливался бы плачемъ, если бы только оглядывался назадъ, въ сторону мрака, темной ночи, обрушившагося моста... Твои слезы—роса, которая, возрастая, превратится въ рѣку и привалитъ цѣлый плотъ для подновленія обрушившагося моста и соединенія обоихъ береговъ“.

Двадцатая глава повѣсти *Вдова Отарова* носитъ характерное заглавіе: *Начало разсвѣта*. Этотъ ярлыкъ представляетъ намъ весьма знаменательнымъ. Въ чемъ усматриваетъ кн. Чавчавадзе *начало разсвѣта*? Въ признаніи пропасти, образовавшейся между двумя общественными классами, и въ необходимости обновленія обрушившагося моста, который былъ перекинутъ черезъ нее въ эпоху самостоятельной жизни

Грузин. Когда же придет настоящий день?—спросим словами Добролюбова, сказанными по поводу появления повести Тургенева *Накануне*. Придет этот день! Первые шаги сближения обособившихся сословий усматриваются в национальном духе грузинского народа, история которого не помнит резко разграниченных, замкнутых социальных классов. Сословные предразсудки, воцарившиеся в Грузии лишь со времени русского владычества на Кавказе, дали уже сильные трещины и поколебались в глубине своих основ, благодаря завязавшимся новым экономическим условиям и проникновению сознания в общественные умы, что мы все едины во Христе.

Деятельность его обнимает две сферы: публицистическую и художественную. Илья Чавчавадзе выступил на публицистическое поприще первый раз в 1863 г. и второй раз в 1877 г. после первой попытки, связанной с изданием в 1863 г. журн. „Сакартвелось—Моамба“. Тринадцать лет поэт провел на службе в качестве мирового судьи и посредника (в Душете), и к этому времени относятся характерные его *Сцены из эпохи освобождения крестьян*, переведенные на русский язык Н. Николадзе (в журн. „Изящное искусство“). Почему же П. Чавчавадзе возвращается к прессе? В 1875 г. в Тифлисе открылся дворянский банк, председателем которого был избран наш поэт. Он переселился в Тифлисе и сблизился в 1875 г. с „Дроздой“. В этой газете П. Николадзе выступил со статьей „Дело Кутаисского банка“, в которой автор неодобрительно отзывался об уставе банка. П. Чавчавадзе усмотрел в этом нападке на свой банк и поместил (№ 39) статью под заглавием „Н. Николадзе и его взгляд на банк“, в ответ на которую Николадзе напечатал „Неправая защита“ (№ 49). Так возникла полемика среди сотрудников „Дрозды“. П. Чавчавадзе вышел из редакции и задумал вместе с В. Гогоборидзе и другими защитниками обоих банков или перенести на свою сторону „Дрозду“, или основать новую газету. Пришлось остановиться на втором решении. Таким образом, *Иверия* явилась опорой банка, его дополнением; а банк стал материальным источником газеты. Банк давал деньги и редактора, а *Иверия* сообщала же банку „идею“. *Иверия* в 1877 г. повторила в передовой статье взгляды редакции „Сакартвелось Моамба“. Цель издания перенести научные сведения в грузинское общество и дать картины умственного и нравственного изменения общества. После прекращения русско-турецкой войны „Иверия“ лишилась материала и оживилась в 1885—1889 гг. П. Чавчавадзе в журн. *Иверия* выступил с работой, длившейся в течение нескольких лет, под заглавием „Жизнь и Закон“, в которой пытался примирить интересы крестьян и помещиков путем организации безсословных сельских обществ, исходя из данных истории Грузии, будто не знающей сословных дроблений: Он в уста мховца еще в *Письмах туриста* (1866 г.) вложил признание преимущества феодальной эпохи пред новым периодом в жизни грузин, когда они „себя уже не принадлежат“. Дворянин, — тогда говорит он, — иметь то преимущество пред крестьяни-

ном, что в письмах к нему именовались „сиятельством“. „Дрозда“ вскоре разсталась с Н. Николадзе, — который основал в 1878 г. русскую газету „Обзор“, — и соединилась в 1880 г. с „Иверией“. С. Мехки вступил в полемику с Николадзе и приветствует даже закрытие его „Обзора“, находя его черезчур „европейским“ для грузин. В 1882 г. „Дрозда“ развелась с „Иверией“, ставшей сборником различных произведений, с устранением публицистических отделов (внутреннего и иностранного обозрения). „Иверия“ нашла в течение 1881—1882 гг. в лице Пв. Мачабели энергичного сотрудника, с публицистической жилкой, но Мачабели в 1883 г. покинул „Иверию“ и стал редактором „Дрозды“, куда привлек, в состав сотрудников, молодых писателей из журн. „Имеди“, и оживил единственную грузинскую газету. За то „Иверия“ хирела и лишь смерть „Дрозды“ в 1885 г. временно возродила „Иверию“, превратившуюся из журнала в ежедневную газету и господствовавшую до появления „Квали“.

Произведения кн. Чавчавадзе со времени появления повести *Развонь человек* и кончая классической по формам и по изяществу *Отаровой вдовой*, равно и его публицистические работы, отмеченные печатью лихорадочной борьбы против отживших сторон современного быта, послужили уже кануном другого великого дня.

От него идут два течения в литературе: восторженно-народническое и обличительно-публицистическое; определителем первого течения служит его стихотворение *Пахарь*.

Гой ты, мой вѣрный волю! Съ тобою мы рабы
 Единого ярма, единой злой судьбы.
 Она велѣла намъ владѣть землею черной,
 Ей дань жестокою платить страдой упорной.
 Потянемъ ляжку, другъ! Вытягивай дружины,
 Чтобъ радостей не зная, прийти къ предѣлу дней!
 Пласты тяжелые мы взроемъ за пластами
 И потомъ трудовымъ, кровавыми слезами
 Мы землю напоимъ. Не унывай, мой волю!
 И я хожу въ ярмѣ, — твое не тяжелѣе.
 Какъ ты, я отъ земли очей поднять не смѣю:
 Вѣдь небо у меня похитилъ произволь!!
 И какъ тебя, земля меня безъ сожалѣнья
 Работой истомить, съ ногъ свалить и пожреть:
 Обоихъ насъ, повѣрь, она, какъ жертву жреть,
 Которой смертный часъ одно лишь дастъ, — забвенье!
 Ты безсловесенъ, да! А мнѣ живая рѣчь
 Какъ будто-бы дана?! Не сѣлуй, не завидуй мнѣ.
 Насмѣшкою злѣйшею, тягчайшею обидой
 Бываетъ лучший даръ! На что мнѣ мечъ,
 Тупящийся въ тотъ мигъ, когда его подьемлю

Въ защиту истины, во имя высшихъ правъ?
 На что намъ годенъ плугъ, царапающій землю,—
 Когда онъ выплосать не можетъ сорныхъ травъ
 И съ корнемъ вырвать зло, мѣшающее всходамъ!
 Предѣла нѣтъ моимъ страданьямъ и невзгодамъ!
 Волненьямъ суждено въ людской душѣ моей,
 Возникнуть, замирать,—безъ жалобъ безъ рѣчей!
 Ты не поймешь скорбей того, кому даръ слова—
 Мученье и позоръ! Ты не поймешь того,
 Кто правду самъ въ себѣ поработилъ сурово.
 Подобной пытки гнѣть ужаснѣе твоею!
 Чего-жь ты приунылъ? О чемъ горюешь, милый?
 Вытягивай, танци, покуда хватитъ силы!
 Все пашню до конца пускай пройдетъ нашъ плугъ!
 Труды твои, повѣрь, не будутъ позабыты:
 Кормильца накорми,—Богъ дастъ, хоть будемъ сыты!...

Заслуга кн. Чавчавадзе въ томъ заключается, что онъ какъ реалистъ шелъ во главѣ общественнаго движенія, улавливалъ новыя вѣянія европейской жизни и вносилъ ихъ свѣтъ въ сознанія грузинскаго народа. Но этою стороною не исчерпывается широкая дѣятельность кн. Чавчавадзе. Онъ принялъ дѣятельное участие въ разработкѣ грузинской старины и являлся въ теченіе 45 лѣтъ выразителемъ и вершителемъ общественныхъ теченій. Ему принадлежитъ рядъ научныхъ и публицистическихъ статей въ *Певріи*, изъ которыхъ *Законъ и жизнь*, *Хизанскій вопросъ*, направленная противъ изслѣдователей, тенденціозно искажающихъ исторію Грузіи, работа подъ заглавіемъ *Армянскіе ученые и воплющіе камни* и *Вотъ исторія*, могли бы составить цѣлые юридическіе и историческіе трактаты. Онъ одинъ изъ первыхъ указалъ на важность изученія произведеній народнаго творчества и уже въ 1873 г. совмѣстно съ кн. Раф. Эристовымъ собралъ и издалъ „Первую книгу крестьянскихъ пѣсенъ и поговорокъ“. Онъ обогатилъ неологизмами грузинскій языкъ для выраженія тончайшихъ эстетическихъ и научныхъ понятій и преобразовалъ литературный слогъ, сблизивъ его съ народнымъ. Онъ создалъ цѣлую школу литературной критики, открывъ ее ядовитой статьей въ *Цискари* ¹⁾ (1861 г.), направленной противъ кн. Рев. Эристова, переводчика стихотворенія Козлова, и много содѣйствовалъ

¹⁾ Кн. Варвара Джоржадзе упрекнула автора этой статьи не только въ недостаткахъ стиля, но и неблагоговоспитанности. На возраженія кн. Г. Бараташвили Ив. Кереселидзе, С. Алексія-Мехишвили и др., Илья Чавчавадзе отвѣтилъ въ 1861 г. рѣзкою отповѣдью, начинающеюся эпиграфомъ изъ Бѣлинскаго: „Изъ нашей литературы хотѣть устроить баньную залу и уже зазываютъ въ нее дамъ; изъ нашихъ литераторовъ хотѣть сдѣлать свѣтскихъ людей въ модныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ; энергію хотѣть замѣнить вѣжливостью, чувство приличіемъ, мысль модной фразой, изящество щеголеватостью, критику комплиментомъ!“ Эпиграфъ вызвалъ неодобрительную замѣтку редактора.

выработкѣ приемовъ свѣтскаго ораторскаго краснорѣчія. Словомъ, кн. Чавчавадзе открываетъ и характеризуетъ исторію новѣйшей грузинской словесности за 45-лѣтній періодъ ея развитія.

Князь Гр. З. Орбеліани (1804—1883 г.г.) ¹⁾.

Князь Григорій Зурабовичъ Орбеліани принадлежалъ по происхожденію къ выдающейся грузинской аристократіи. Отецъ его Зурабъ (онъ же Дмитрій) былъ женатъ на дочери царя Праклія Елены—Хорошанѣ. Елена, вдова Арчила, брата царя Соломона Имеретинскаго, вышла вторично за Захарія Андрошкова, Кизикскаго моурава (правителя). Въ 1784 году у нихъ родилась Хорешана. Мать ея Елена вскорѣ скончалась, и царь выдалъ свою 13-лѣтнюю внучку Хорешану за Зураба Орбеліани, человека умнаго и воспитаннаго на священномъ писаніи и книгахъ свѣтскаго содержанія. Въ эпоху водворившагося русскаго владычества въ началѣ XIX вѣка онъ былъ зачисленъ на военную службу, участвовалъ при взятіи кн. Цицвановымъ города Эривани, а впоследствии былъ назначенъ заведателемъ въ Верховномъ грузинскомъ правительствѣ, хотя знанія его въ русскомъ языкѣ были очень ограничены и подписывалъ бумаги въ томъ случаѣ, когда секретарь его предупреждалъ, что имѣется на лицо спасительное словечко *если*, т. е. „если не встрѣтятся законныхъ препятствій“, словечко, обладавшее силой снять съ него всякую отвѣтственность. Мать была богобоязненная и нѣжная женщина, оставившая о себѣ благоговѣйное воспоминаніе въ сердцахъ сына. Братъ Григорія—Илья вписалъ свое имя въ лѣтописи Кавказской войны своей храбростью и любовью къ отчизнѣ, а сестра ихъ, Евфимія, стала матерью знаменитаго грузинскаго поэта Николая Бараташвили. Годъ рожденія Григорія Орбеліани въ точности не установленъ. Въ формулярномъ спискѣ рожденіе его отнесено къ 1800 г., а по свидѣтельству его современниковъ дата отодвигается къ 1804 г. Во всякомъ случаѣ одно достоверно, что онъ поступилъ на службу въ 1814 г. и остался на всю жизнь холостякомъ, исполнивъ какъ бы отреченіемъ отъ семейнаго счастья, обѣщаніе, данное матерью, постричь въ монахи ожидаемаго еще въ утробѣ сына, если взятый ея мужъ въ плѣнъ Фетъ-Али-шахомъ благополучно вернется на родину.

Юные годы жизни Григорія Орбеліани прошли въ то время, когда старый грузинскій режимъ рухнулъ и новый русскій строй былъ облеченъ еще въ туманный покровъ. Крѣпостное право служило основой общественныхъ устоевъ. Церковь съ ея школой служила источникомъ образованія, патриархальныя традиціи господствовали въ феодальной семьѣ, въ составъ которой входили и крѣпостные, „любившіе помѣщиковъ какъ отца роднаго“, по словамъ апологета древне-грузинскаго об-

¹⁾ О немъ см. статьи у Меунаргія въ журналѣ *Моалъ* за 1904 и 1905 гг., и К. Абашидзе тамъ же (1893, № 5) и въ журналѣ *Певріа* (1883, № 4) ст. Иги. Юселиани.

щества князя Александра Орбелиани. Григорій Орбелиани дышаль атмосферой грузинской старины. Мать воспитывала его въ религиозномъ духѣ и водила его молиться въ домашнюю церковь. Окружающіе рассказывали о временахъ вторженія въ Тифлисъ персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана, о смерти царя Праклія II, воскресившаго былую мощь грузинскаго народа, о вступленіи русскихъ войскъ въ Грузію, убіеніи ген. Лазарева царицей Маріей, чумѣ въ Тифлисъ, присоединеніи Мингрелии и Имеретіи, волненій въ Кахетіи, о русской администраціи, русскихъ орденахъ, новыхъ правахъ, вытѣсняющихъ старыя и пр. Всѣ эти безконечныя рассказы и воспоминанія развивали въ немъ любовь къ родинѣ, благоговѣніе къ отечественнымъ героямъ, привязанность къ феодальнымъ порядкамъ.

Первоначальной грамотѣ учился онъ у Анчисхатскаго протоіерея Алексѣева-Месхіева, извѣстнаго книжника. Затѣмъ поступилъ онъ въ тифлисское благородное училище, гдѣ преподавателемъ грузинскаго языка состоялъ священникъ Хелашвили, знатокъ грузинской литературы; русскому языку обучалъ безъ печатнаго руководства, по запискамъ, Бужинскій, человѣкъ вспылчивый, но не дурной преподаватель. Изъ этого училища его перевели въ только что открывшуюся артиллерійскую школу, гдѣ оказалъ онъ такіе успѣхи, что былъ награжденъ въ 1817 г. книгой „Начальныя основанія сельскаго домоводства В. Кукольника“. Еще будучи на школьной скамьѣ, отецъ ему, четырнадцатилѣтнему мальчику, съ прозвищемъ за маленькій ростъ, „курка“, сосваталъ трехлѣтнюю невѣсту Софію, дочь Каплана Орбелиани. Свадьба однако не состоялась, невѣста его вышла за русскаго чиновника Безака, когда поэтъ проживалъ въ Россіи, будучи туда переведенъ за участіе въ заговорѣ. Семнадцати лѣтъ онъ поступилъ юнкеромъ въ двадцать первую артиллерійскую бригаду, 21 года былъ портупей-юнкеромъ въ грузинскомъ гренадерскомъ полку, 22-хъ лѣтъ былъ произведенъ въ прапорщики и крещенъ огнемъ, т. е. принялъ участіе въ походѣ на лезгинъ чарскихъ подъ начальствомъ генерала Эрстова. Поэтъ участвовалъ въ персидской войнѣ (1826—1828 г.) подъ начальствомъ графа Симоновича, Паскевича, графа Бенкендорфа. Въ 1827 г. по взятіи Эривани и побѣдѣ, одержанной надъ персидскимъ принцемъ Абазъ-Мирзой, Григорій Орбелиани пишетъ поэму *Садгердзело* (тоска), подражаніе „Шѣсни во станѣ русскихъ воиновъ“ Жуковскаго. Съ 1828 по 1831 видимъ его въ чинѣ поручика, то подъ командой Паскевича, Муравьева въ Турецкой кампаніи, то въ отрядѣ А. Чавчавадзе, начальника Кахетинской военной линіи.

Военная экспедиція не заглушила въ немъ природныхъ влеченій къ литературѣ. Этимъ мирнымъ занятіямъ онъ предается съ 1831 г. въ Россіи, гдѣ ему пришлось жить семь лѣтъ. Къ этому времени относится исполненное нѣжной тоски стихотвореніе (1831 г.) *Вечеръ разлуки*, переведенное на русскій языкъ Иванъ-да-Марья:

Солнце склонилось на западъ, и лучъ его поздній къ Кавказу
Нѣжно прильнулъ, какъ дитя предъ разлукой съ отцемъ
сѣдовласымъ;

Горы задумчиво высятся главами до самаго неба,
Словно гиганты въ вѣнцахъ ледяныхъ взгромоздились
надъ бездною;

Черныя тучи повисли на ребрахъ ихъ мрачныхъ уступовъ;
Гнѣвно оттуда грозятъ онѣ цѣлому міру потопомъ;
Ниже ихъ—лѣсъ, окаймленный полями, какъ лентой
зеленой,

Благоухая, подножіе горъ украшаетъ собою;
Сыплотъ алмазами въ пропасть бѣгущіе съ горъ водопады;
Скачущій Терекъ реветъ—и въ ущельяхъ тотъ ревъ
отдается.

Съ грустью гляжу я впередъ, все впередъ на большую
дорогу.

Мчится карета по ней—и уносить съ собой навѣки
Ту, что мнѣ свѣтомъ небеснымъ доселѣ всю жизнь озарила,
Ту, что собой возвышала мой духъ надъ предѣлами міра...
Ты уѣжаешь! Прости! Но пока во мнѣ жизнь не угаснетъ,
Благословеніе мое тебѣ будетъ сопутствовать всюду.
Мнѣ же тебя не видать—и не вѣдать ужъ радостей сердцу!
Трудъ и забота отнынѣ будутъ мнѣ вѣчнымъ удѣломъ.
Быстро несется карета. Все дальше уносить съ собою
Милая душу мою. Вотъ карету вдали еле видно.
Вотъ она скрылась въ туманѣ. Безумецъ, на что же гляжу я?
Рвутся изъ устъ моихъ стоны, и сердце отъ муки трепещетъ.
Милая! Ты услаждала мнѣ жизнь безпредѣльнымъ блаженствомъ,
Ты пробудила въ груди моей сердце для страсти и счастья.
И уѣжаешь! Твой образъ мнѣ жизненный путь не освѣтитъ!
И не утѣшить меня ужъ нѣжный твой голосъ въ печали!
Въ чемъ же могу я найти утѣшеніе въ мірѣ для сердца?
Если и ты не жалѣешь покинуть меня на страданье,
Если и ты не боишься отнять все блаженство у сердца,
Кто же отворитъ мнѣ двери въ храмъ счастья, погибшаго
счастья?

О, для чего я повѣрилъ, что будетъ оно безконечно!
Вотъ и разлука... Прости, о прости,—и будь счастлива
въ жизни!

Въ Петербургѣ, куда кн. Орбелиани былъ отправленъ по дѣламъ службы, изучилъ онъ основательно русскій языкъ, познакомился съ русской литературой и перевелъ нѣсколько произведеній изъ Жуковскаго, Пушкина, Рылѣева, Крылова. Здѣсь же онъ удовлетворилъ свое патріотическое чувство тѣми воспоминаніями и любовью къ родинѣ, которыя еще живы были въ сердцахъ проживавшихъ въ изгнаніи царицъ—Грузинской и Имеретинской, Мингрельской владѣтельницы, царицы и князей, переселенныхъ въ Россію, по присоединеніи къ ней

Грузин. Бесѣды съ ними остались не безъ вліянія на складъ возрѣвнѣй юнаго поэта. Они рисовали ему прошлое Грузіи въ героическихъ окраскахъ, мученическомъ ореолѣ за вѣру и отчизну. Глубоко вѣбзались въ его память привычки и черты грузинскихъ царевичей, живыхъ историческихъ памятниковъ минувшей славы его родины. Въ 1833 г. онъ беззаботно проводилъ время въ офицерской средѣ въ Новгородѣ, томясь вдали отъ друзей въ непривычныхъ климатическихъ условіяхъ, гдѣ „морозъ на дворѣ и угаръ въ комнатахъ замѣнили ему южное солнце, а квасъ—вино“, какъ онъ говоритъ въ стихот. *Ярли* (Новгородъ, 1832 г.). Мысли его неслись на югъ подъ „ясное родное небо къ иверійцамъ съ львинымъ сердцемъ въ груди“. Во время лагернаго сбора неожиданно на него нагрѣнула бѣда. Поэтъ былъ обвиненъ въ соучастіи въ политическомъ заговорѣ, имѣющемъ цѣлью возвратити Грузіи политическую самостоятельность. Онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Тифлисъ, гдѣ былъ назначенъ процессъ надъ главарями конспиративнаго союза. Еще въ 1829 г. въ Тифлисѣ образовалось тайное общество, поставившее себѣ цѣлью освобожденіе Грузіи отъ Россіи. Инициаторами общества были царевичи Окропиръ и Димитрій, косвенное участіе принималъ царевичъ Александръ, жившій въ Персіи, душою заговора были князья Элизбаръ Эриванскій, поэтъ Александръ Чавчавадзе, Георгій Эриванскій, Іа Палавандовъ, Мамука и Вахтангъ Орбеліани и др. Участіе въ заговорѣ принимаютъ лица и „ученаго званія“, какъ гласятъ акты. Къ нимъ принадлежитъ учитель тифлискаго благороднаго училища Соломонъ Дадаевъ, редакторъ грузинской газеты и составитель прокламацій,—монахъ Филadelphъ Кикнадзе, авторъ проекта „тайнаго и неразрывнаго общества“, съ мистическими и туманными идеями. Содѣйствіе оказывалъ французскій консулъ Летелье, изучавшій грузинскій языкъ. Возстаніе въ Польсѣ въ 1830 году и слухи о предстоящей войнѣ Россіи съ Персіей открыли мечты заговорщиковъ и въ концѣ 1832 года рѣшили въ Тифлисѣ устроить балъ, на который должны были пригласити представителей русскихъ властей, со всѣми ихъ сторонниками изъ Грузіи, и перебить; затѣмъ овладѣть арсеналомъ при участіи простаго народа и пребывающихъ въ Грузіи поляковъ. Но заговоръ не удался.—Іа Палавандовъ выдалъ его вожаковъ и 11 декабря всѣхъ арестовали. Гр. Орбеліани, имѣвшій близкія съ ними связи, былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Въ Новгородѣ, гдѣ онъ въ то время служилъ, произвели у него обыскъ, сняли съ него показанія, знаетъ ли онъ „конспирантовъ“, и удостовѣрились, что онъ переводчикъ „Исповѣди Наливайка“ изъ Рылѣева и авторъ невinnaго стихотворенія *Ярли*.

Мой ярли! Суждено-ль намъ дожидаться
Лучшей поры, чтобы снова собраться
Дружной толпой на зеленомъ лугу,
И по старинному въ тѣсномъ кругу
Пить по обычаю нашей земли.

Съ возгласомъ громкимъ „яри-ярали!“.
Чтобъ изъ джейдана шашлыкъ на огнѣ
Жарился сочный, шипя въ сторонѣ,
И обоняніе намъ щекотать,
И аппетитъ бы у насъ возбуждать;
Чтобъ въ круговую пирующихъ тѣсно
Шла съ кахетинскимъ виномъ азарпеша
И чтобы зелень и рыба и сыръ
Скатерть пестрили и красили ширь.
Небо-жъ прекрасное, южное, ясное,
Небо-бъ родное надъ нами блистало,
И на чело, отъ вина воспаленное,
Съ вѣтромъ коджорскимъ прохлада слетала!
Ты бы рассказывалъ вновь, безъ конца,
Я же, какъ отрокъ, сѣдого бойца
Слушалъ бы, слушать, какъ въ прежнее время
Славно боролось геройское племя,
Шли иверійцы всегда впереди,
Львиное сердце имѣя въ груди.
Какъ устремясь на призывъ боевой,
Юноши мчались восторженно въ бой,
Мчались какъ стрѣлы, и горе врагамъ,
Если по скаламъ и темнымъ лѣсамъ
Во время спрятаться имъ не давали:
Соколы наши ихъ въ прахъ разметали!
Какъ я завидую долѣ прекрасной
Тѣхъ кто за родину въ бой шелъ опасный!
Какъ я завидую тѣмъ временамъ:
Было кой-что тогда дорого намъ!...

Это стихотвореніе, посвященное воспѣванію храбрыхъ иверійцевъ, показалось подозрительнымъ своимъ патриотическимъ воззваніемъ. Въ Тифлисѣ поэтъ отсидѣлъ три мѣсяца въ заключеніи и въ виду его незначительнаго, отдаленнаго участія въ конспиративномъ союзѣ, былъ отнесенъ къ седьмому (изъ 10) разряду политическихъ преступниковъ. „Лица сего разряда, бывшія подъ арестомъ, освобождены; полагаю вообще достаточнымъ имѣть ихъ подъ надзоромъ“, писалъ о нихъ главнокомандующій Розень. Онъ отправилъ поэта на Кавказскую линію, откуда онъ былъ переведенъ по повелѣнію импер. Николая I въ Невскій полкъ, стоявшій въ то время въ Вильнѣ. Вотъ какъ поэтъ описываетъ эту пору своей жизни, вызвавшей столько душевныхъ страданій, къ которымъ присоединилось еще одно сильное горе, постигшее его—смерть дорогой и любимой матери. Въ письмѣ къ другу своему Гершельту онъ писалъ:
...„Быстро прилетѣлъ я въ Тифлисъ, еще быстрѣе очутился въ Авлабарскихъ казармахъ, гдѣ три мѣсяца сидѣлъ, какъ деревншъ въ

молчаніи и въ философическомъ разсужденіи о суетѣ мірской. Въ сіе время и умерла мать моя. Я видѣлъ изъ маленькаго отверстія моего окошечка, какъ выносили гробъ ея... Я окаменѣлъ, забылъ все и нѣсколько дней былъ безъ пищи, безъ сна, безъ словъ, безъ слезъ. Спусти нѣсколько дней и меня выпустили. Пусто, печально было въ опустѣвшемъ отцовскомъ домѣ, гдѣ прожилъ 28 дней, будто для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ... Ночью при свѣтѣ луны я со слезами поцѣловалъ могилу матери и поѣхалъ на Кавказъ (линію) къ Новогинскому полку, къ которому прикомандировали меня на время“...

Въ стихотвореніи *Моей сестрѣ Евфиміи* (Рига, 1835 г.) кн. Григорій Орбелиани вспоминаетъ постигшую его бурю и сердечныя горести, переживаемыя въ одиночествѣ среди мрачныхъ стѣпъ, въ заключеніи, куда днемъ не проникали солнечные лучи, а ночью звѣзды небесныя. Вырвавшись изъ могильнаго мрака, гдѣ измученный Орбелиани просилъ смерти „какъ утѣшеніе“, выѣхалъ онъ на кавказскую линію, гдѣ онъ пробылъ немного. Въ виду того, что онъ здѣсь часто болѣлъ, онъ былъ переведенъ въ Россію. „При переѣздѣ черезъ „тихий Донъ“, онъ чуть не утонулъ и былъ спасенъ сопровождавшими его казаками. За то въ продолженіе трехъ дней, пишетъ онъ,—въ Аксаѣ я пожиралъ безпощадно стерлядей, въ отмщеніе Дону, котораго не забуду“. 2-го мая 1834 г. онъ прибылъ въ свой полкъ, стоящій въ Польшѣ и получилъ роту. Ученіе и маневры на время поглотили все его вниманіе. Но въ дневникѣ его вскрываются мечты о возвращеніи на родину, негодованіе на злую судьбу, закинувшую его Богъ вѣсть куда. Во время болѣзни онъ проливаетъ слезы отчаянія при мысли, что онъ умираетъ вдали отъ родныхъ и друзей, которыхъ не могли ему замѣнить полюбившіе товарищи его по службѣ. Въ Польшѣ онъ провѣлъ 3 года. Поляки напомнили ему грузинъ своимъ гостеприимствомъ и радушіемъ, а польки своей красотой воскресили образъ грузинокъ. Онъ завязалъ сношенія съ польскими помѣщиками, и весело ему жилось среди нихъ. Но Грузія все же „влекла къ себѣ его помыслы и желанія“. Грузія съ ея „оживляющимъ воздухомъ, роднымъ небомъ, сверстниками и мильми“, служила темой для вдохновенія томящагося на чужбинѣ поэта. Въ то время, какъ онъ въ Ригѣ мечталъ о покинутой тамъ вдали своей невѣстѣ Софико Орбелиани, красавица—княжна подъ южнымъ солнцемъ расцвѣла, какъ майская роза, и готова была идти на встрѣчу безумнымъ грезамъ жениха. Онъ рвался къ ней въ отпускъ, но пока онъ былъ полученъ, Софико вышла въ 1835 г. замужъ за Безака, правителя канцеляріи главнокомандующаго на Кавказѣ. Убитаго горемъ поэта утѣшаютъ изъ Тифлиса тѣмъ, что онъ достоинъ лучшей партіи и ужъ намѣтили, при участіи Нины Александровны Грибоѣдовой, къ которой онъ питалъ нѣжнѣйшее чувство, въ невѣсты ему „Лизинку, племянницу Гульбата“. Но сердце его, потерпѣвшее первое крушеніе, перестало стремиться къ брачнымъ узамъ. „Онъ сталъ сѣдѣть и жаловаться на преждевременную старость“. Но еще мечталъ о семейномъ

счастью съ молодой изящной вдовой русскаго поэта, рожденной княжной Чавчавадзе. Ей, Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой, посвятилъ стихотвореніе *Стихотвореніе* кн. Г. Эристовъ. Къ ней же обращается Гр. Орбелиани въ одномъ прекрасномъ четверостишіи: „Когда у красавицы Нины розанъ махровый дрожитъ на нѣжной груди, кто прямо отвѣтитъ посмѣетъ: Нина ли розѣ, красотѣ, о робкой любви говоритъ, розанъ-ли къ Нинѣ въ любви пламенѣетъ“. Лишь въ 1837 г. поэтъ получилъ давно желанный, но запоздалый годичный отпускъ на родину.

Черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ и съ этого момента начинается новый періодъ въ жизни и дѣятельности Гр. Орбелиани. Онъ принималъ участіе въ борьбѣ съ горцами при Шамилѣ и въ 1843 г. былъ назначенъ аварскимъ правителемъ или, какъ его называли, аварскимъ ханомъ, въ Дагестанѣ, несмотря на протесты аварцевъ, не желавшихъ имѣть „гурджи“ (грузина) своимъ начальникомъ. Но поэтъ двумя средствами, по его словамъ, завоевалъ любовь народа—милостью и правосудіемъ. Братъ поэта, Илья, былъ взятъ Шамилемъ въ плѣнъ, а онъ въ это время среди тѣхъ же лезгинъ, „какъ имамъ“, раздавалъ деньги школьникамъ за хорошее чтеніе корана. Историкъ Дагестана Околяпачій (Военный сборн., т. VI, отд. II, стр. 11) пишетъ объ немъ слѣдующее: „аварцы сначала приняли его не совсемъ благосклонно, потому что князь былъ грузинъ. Громившимъ Грузію прежде аваркамъ казалось унижительнымъ повиноваться грузину; но ласковое обращеніе князя, умѣнье говорить съ народомъ и знаніе туземныхъ обычаевъ вскорѣ привлекли къ нему всѣхъ. Мы не рѣшаемся высказать здѣсь своихъ мнѣній о привлекательномъ характерѣ, объ утонченномъ образованіи и воинскихъ дарованіяхъ князя Г. Д.“ За отличіе въ кутишской битвѣ съ Шамилемъ онъ въ 1847 г. былъ назначенъ командиромъ Апшеронскаго полка, а за взятіе Гергебльскихъ садовъ произведенъ въ генералы и награжденъ орденомъ Станислава 1-ой ст.. Поэта очень занимала лента черезъ плечо и величіе „въ духѣ Потемкина“. Въ 1850 г. онъ ужъ командовалъ 1-ой бригадой 21-ой дивизіи и состоялъ начальникомъ Закатальскимъ на границѣ Чаръ—Белоканскихъ лезгинскихъ владѣній. Здѣсь онъ сталъ прибѣгать не къ поэтическимъ средствамъ для водворенія порядка, снимая головы и руки съ разбойниковъ! А, вѣдь за 12 лѣтъ передъ тѣмъ онъ мучительно страдаетъ отъ того, что бить солдатъ розгами. *Tempora mutantur, восклицаетъ его биографъ* г. Меунаргіа.

Черезъ два года онъ былъ призванъ временно исполнять обязанности главнаго начальника по военной и гражданской частямъ Прикаспійскихъ войскъ. Но въ эпоху Крымской кампаніи онъ вновь возвращенъ въ Закаталы и вынужденъ дать отпоръ Шамилю, съ 15000 отрядомъ выступившему противъ Белокани. Послѣ побѣды, одержанной надъ Шамилемъ, Гр. Орбелиани назначенъ (въ 1855 г.) Шушинскимъ начальникомъ. Поэтъ-командиръ отстоялъ Дагестанъ въ самую критическую минуту Крымской кампаніи и убѣдилъ главнокомандующаго

князя Барятинскаго не выводить гарнизонъ изъ крѣпостей Дагестана, гдѣ усилившійся Шамиль могъ серьезно угрожать спокойствію всего Закавказья. Это было то время, когда Кавказъ, столь нуждавшійся „въ великомъ имени“, покинулъ князь Воронцовъ, „благотворный гений Грузіи въ мирѣ и войнѣ въ теченіе 19-лѣтняго блистательнаго правленія“. Теперь, по словамъ кн. Орбеліани, съ отъездомъ намѣстника Кавказскаго „Грузія одѣлась покровомъ печали“.

Къ этой печали поэта по поводу отъѣзда кн. Воронцова, оставшаго неизгладимое воспоминаніе въ сердцахъ грузинскаго народа, присоединилось постигшее его личное горе. Лезгины Шамиля спустились съ горъ, напали на Цинцалъ и захватили въ плѣнъ семью кн. Давида Александровича Чавчавадзе: жену его, царевну Анну съ шестью дѣтьми, свояченицу его, царевну Варвару, жену брата поэта съ сыномъ Георгіемъ, гувернантку—француженку Дрансе, съ княжескими домочадцами. Поэтъ былъ въ отчаяніи; малодушіе имъ овладѣло, твердость духа его поколеблена при одномъ представленіи о тѣхъ испытаніяхъ, которыя выпали на долю несчастныхъ женщинъ и слабыхъ дѣтей. Кн. Орбеліани вступилъ съ Шамилемъ въ переговоры объ освобожденіи плѣнныхъ своихъ родственницъ съ дѣтьми и прислугой за богатый выкупъ, предварительно напомнивъ „главъ мусульманскихъ богомольцевъ имаму Шамилю, что мы все въ рукахъ у Бога и ничто не совершается безъ воли Его. „Въ этомъ обманчивомъ мѣрѣ все проходить, остаются только добрыя дѣла“. Шамиль потребовалъ миллионъ рублей за своихъ плѣнныхъ. Кн. Орбеліани въ ужасѣ, но съ знаніемъ духа горцевъ отвѣчаетъ ему отъ 14 сент. 1854 г.: „Вы требуете миллионъ денегъ! Это такая огромная сумма, что ежели бы человѣкъ сталъ считать словами одинъ, два, три и пр., то пройдетъ болѣе мѣсяца, пока сочтетъ эту сумму. Гдѣ же намъ взять такую громаду денегъ, которыя, если насыпать вмѣстѣ, составили бы большую гору серебра“. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ въ 1855 г. удалось согласить Шамиля за 40000 руб. возвратитъ плѣнныхъ.

Поэтъ былъ несказанно радъ видѣть ихъ у себя въ Шурѣ. Они доставили ему „истинное душевное наслажденіе“.

Шамиль сверхъ 40000 р. добился освобожденія своего сына изъ русскаго плѣна, но непріязненныхъ дѣйствій не прекратилъ. Кн. Орбеліани съ 10 баталіонами пришлось грудью защищать Дагестанъ отъ сильнаго имама. Закончилась и крымская кампанія; намѣстникомъ на Кавказѣ былъ назначенъ кн. Барятинскій, которому поэтъ-стратегъ предсказывалъ проконсульство въ Грузіи. Проводивъ новаго начальника края въ Баку, по пути къ Тифлису, кн. Орбеліани продолжалъ свои военныя операціи противъ Шамиля и въ 1857 г. „отомстилъ за Кахетію“, разбивъ его войско въ Салаватин; многіе изъ побѣжденныхъ были подняты на штыки, другіе взяты въ плѣнъ. Боевая атмосфера сдѣлала поэта вспыльчивымъ и на время жестокимъ. Мирная сфера вкорѣ вернула его къ прежнимъ взглядамъ. За занятіе Бертуніи въ этомъ-же году кн. Ор-

беліани былъ пожалованъ генераль-адъютантомъ. Этимъ заканчивается дѣятельность въ Дагестанѣ. Въ 1858 г. поэтъ ужъ былъ переведенъ въ Тифлисъ и назначенъ председателемъ совѣта при намѣстникѣ, а черезъ годъ Шамиль сдался Барятинскому со всей своей свитой.

Въ Тифлисѣ поэтъ жилъ мирною и величавою жизнью: приемы, визиты, балы, театр, засѣданія въ совѣтѣ поглощали дни и мѣсяцы. Приѣздъ въ Тифлисъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, необычныя торжества въ городѣ и охота въ Караязѣ, проводы ихъ до Баку—все это сблизило его съ царскими сыновьями, въ полномъ восторгѣ возвратившимися въ столицу. Изъ Россіи кн. Барятинскій писалъ Гр. Орбеліани, временно исполнявшему обязанности намѣстника, что Государь желаетъ его видѣть въ С.-Петербургѣ ко дню совершеннолѣтія наследника-цесаревича Александра Николаевича. Въ концѣ 1859 г. поэтъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ, былъ ласково принятъ при дворѣ, познакомился съ доставленнымъ туда плѣннымъ Шамилемъ и въ концѣ октября, очарованный всею видѣннымъ, вернулся въ Грузію. За отъездомъ кн. Барятинскаго, ему пришлось въ теченіе двухъ лѣтъ править краемъ на правахъ намѣстника. За это время (въ 1861 г.) онъ принималъ на Кавказѣ Государя Александра II, сопровождалъ его всюду и со всею подробностями описалъ царское путешествіе кн. Барятинскому, которому не суждено было изъ-заграницы вернуться къ своему посту. Въ 1863 г. намѣстникомъ былъ назначенъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Гр. Орбеліани усматривалъ въ этомъ „новую особенную милость Государя“ къ Кавказскому краю. Князь Орбеліани сталъ ближайшимъ сотрудникомъ новаго намѣстника въ дѣлахъ гражданскаго благоустройства края.

Въ періодъ намѣстничества Гр. Орбеліани приступили къ работамъ по сооруженію Тифлисскаго канала и проведенію Караязскаго канала; началось передвиженіе чеченцевъ въ Турцію, появилась саранча и холера, а „Московскія Вѣдомости“ впервые открыли походъ противъ грузинъ, армянъ и татаръ.

Князю Орбеліани стоило много проникательности и такта, чтобы при смѣнѣ этихъ радостныхъ и бѣдственныхъ явленій общественной жизни оказаться на высотѣ своего положенія. На него возлагались спеціальныя миссіи, въ родѣ встрѣчи въ 1866 г. отправляющагося за границу шаха персидскаго на Каспійскомъ морѣ. Дѣятельность его была оцѣнена высоко и въ томъ-же 1866 году былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Такъ завершилась военная и гражданская дѣятельность кн. Орбеліани, который могъ-бы и о себѣ сказать: „и прошелъ путь жизненный и слѣдъ свой оставилъ на немъ“.

Поэтъ провелъ оставшіеся свои дни—14 лѣтъ въ Тифлисѣ, въ служебной сферѣ, но оставался чуткимъ ко всему общественному запросамъ и зарождавшимся новымъ теченіямъ. Еще разъ этотъ сановникъ появляется, такъ сказать публично, и держитъ рѣчь предъ собравшимися депутатами въ главѣ съ вел. кн. Михаиломъ Николаевичемъ по поводу

его чествованія 7 июля 1871 г. съ исполнившимся пятидесятилѣтїемъ службы въ офицерскихъ чинахъ. Поблагодаривъ намѣстника и всѣхъ за „дорогое и дружественное къ нему вниманіе“, кн. Орбелиани вспоминаетъ слова „зловѣщихъ людей“, сказавшихъ, что „въ этомъ мѣрѣ для человѣка нѣтъ радости полной. И дѣйствительно,—продолжаетъ поэтъ, даже въ эту торжественную минуту невольно надвигается на мое сердце тѣнь грусти съ роковымъ напоминаніемъ о томъ, что лучшей части моей жизни уже не существуетъ, что пора свести счеты съ жизнью, и что даже этотъ юбилей есть только намекъ на то, что приближается начало другой жизни. Что дѣлать? Установленный свыше порядокъ ни для кого не измѣняется, и я жду его безъ страха; но все же мнѣ хотѣлось бы прожить еще съ вами, радоваться вашему счастью и на поприщѣ вашей дѣятельности, и у семейнаго очага, а ужъ потомъ..... уйти, но уйти раньше вась, прежде вась..... А пока будьте счастливы и примите еще разъ отъ души мою благодарность“.

Государь Императоръ во время пребыванія въ Грузіи лично поздравилъ Гр. Орбелиани съ минувшимъ юбилеемъ и наградилъ его орденомъ св. Андрея Первозваннаго за вѣрную службу и въ знакъ монаршей милости. Поэтъ, принимая орденъ, выразилъ почтительнѣйшую благодарность въ цвѣтистыхъ восточныхъ выраженіяхъ: „я глубоко чувствую, что моя служба не заслуживаетъ такой милости, но кто бы и какъ бы ни служилъ, милость Ваша всегда превосходить заслуги, и мы предъ Вами вѣчно неоплатные должники“. Поэтъ въ письмѣ къ одной родственницѣ отмѣчаетъ изъ исторіи прїѣзда Государя на Кавказъ тотъ любопытный фактъ, что императоръ настойчиво употреблялъ „мое вѣрное грузинское дворянство“, а въ адресѣ своемъ послѣднее названо *Тифлискимъ* дворянствомъ. Слова—*Грузія и грузинскій* были въ то время уже въ опалѣ. Поэтъ могъ бы вспомнить одно изъ своихъ раннихъ стихотвореній,—конца двадцатыхъ годовъ,—въ которомъ контрастъ между милостивымъ вниманіемъ Государя къ Грузіи и равнодушнымъ отношеніемъ къ ней извѣстной части русскаго общества аллегорически изображается въ видѣ *Соловья и Вороны*:

„Когда соловей съ пѣсней страсти надъ свѣжей розой
Склонится, и душу и сердце наполнить отрадой,—
Зачѣмъ въ этотъ мигъ съ своей будничной, скучной прозой
Ты, воронъ, являешься къ счастью чужому преградой“?

Память въ своемъ уединеніи отъ кипучаго жизненнаго водоворота въ письмахъ къ друзьямъ вновь „переживалъ въ глубинѣ души ропъ воспоминаній о быстропролетѣвшей молодости, съ ея надеждами на счастье, съ ея безпечной веселостью“. „Но эта слѣпота молодости,—спрашиваетъ поэтъ,—не есть-ли, быть-можетъ то истинное счастье, котораго человѣкъ ищетъ повсюду? Къ чему же ведетъ опытъ жизни, какъ не къ разочарованію, которое, охлаждая теплоту сердечную, без-

пощадно уничтожаетъ радужный мѣръ фантази, внося въ душу сомфніе, недоувѣріе ко всему окружающему?.... Время разрушило алтарь вѣры..... Что же теперь, болѣе-ли жизнь стала красивой, когда изъ горькаго опыта узнали мы превратность ея, измѣнимость всего существующаго. Нѣтъ.... Но въ смиреніи покоримся неотразимому велѣнію свыше и поблагодаримъ судьбу за все хорошее, доставшееся намъ въ удѣлъ“ ...

Сравните слова Жуковскаго въ стих. *Теонъ и Эскинъ*: „Хвала жизнедавцу-Зевесу“ и поймете духовную связь грузинскаго поэта съ русскимъ романтикомъ.

Такая параллель въ настроеніи грузинскаго и русскаго поэта не является случайной,—она опирается на романтическое ихъ *credo*, на ихъ благоговѣніе къ минувшему и тоску въ настоящемъ.

Вмѣстѣ съ лучезарной молодостью начинается тускнѣть ореолъ героевъ „ожесточенной войны на Кавказѣ“, участники которой „лежатъ непробуднымъ сномъ въ горахъ Дагестана, въ лѣсахъ Чечни, разбѣлись по лицу земли“. Сердце поэта стонетъ при видѣ совершающихся перемѣнъ. Дворянство разоряется, грузинское богослуженіе и пѣніе умалняется, патріархальные нравы падаютъ, языкъ Руставели искажается, друзья разстаются или сходятъ съ житейскаго поприща, и все это болѣзненно и мучительно отзывается на настроеніи поэта. Въ особенности его тревожитъ честь покрытой лаврами исторической фамиліи ¹⁾ кн. Орбелиановыхъ, имущественному положенію которыхъ начинаетъ угрожать серьезная опасность. Поддержаніе фамильной славы служило предметомъ его неотвязныхъ заботъ. Онъ не жалѣлъ средствъ дать широкое образованіе своему племяннику Георгію, который для него составлялъ „радость его жизни“. Не менѣе тревогъ и жгучей боли испытываетъ поэтъ при возникновеніи гоненія на грузинскій языкъ и литературу. Въ 1873 г. ограничили преподаваніе грузинскаго языка въ Тифлисской духовной семинаріи и уже проектировалось запретить богослуженіе на родномъ языкѣ. И кн. Орбелиани, какъ мененатъ грузинской литературы и какъ человѣкъ, воспитанный въ религиозныхъ традиціяхъ, вступился за пошранныя права грузинскаго языка и церкви.

Поэтъ никогда не замыкался въ узкія рамки націонализма. Онъ съ той же настойчивостью ратовалъ за внутреннія реформы, широкое распространеніе образованія и поднятіе благосостоянія въ Россіи; съ юношескимъ жаромъ слѣдилъ за перипетіями франко-прусской войны и велъ оживленные споры съ кавказскими стратегами. Еще большее вниманіе его привлекла русско-турецкая кампанія. Онъ привѣтствовалъ ген. Оглобжію со вступленіемъ его въ предѣлы Турецкой имперіи и занятіемъ Кобулеты, „извѣстной въ поэмѣ Барсова Кожа подъ именемъ *Каджестисъ-цихе*. Некренную радость выражаетъ онъ при извѣстїи объ уничтоженіи

¹⁾ „Кн. Орбелиани долженъ быть непременно ученъ, уменъ, добръ и твердъ характеромъ. Безъ этихъ качествъ худо быть кн. Орбелиани“ (Письмо 23 апр. 1865 г.).

армій Мухтаръ-пашы, но негодуеть и скорбитъ, что по присоединеніи къ Россіи Батумской области жители послѣдней—аджарцы (грузины-магометане), связанные дружбой и родствомъ съ Гуріей, приходятъ въ броженіе и выселяются въ Турцію, будучи возбуждены религіознымъ фанатизмомъ.

Поэтъ пережилъ многихъ извѣстныхъ соратниковъ и современниковъ, перешагнувъ за 8-й десятокъ жизни, но былъ еще бодръ и свѣжъ. Уклонившись отъ предполагаемаго юбилейнаго чествованія, онъ не отставалъ отъ вѣка, жилъ въ уровень съ нимъ, близко къ сердцу принималъ всѣ событія, не пропускалъ ни одного торжества, ни одной панихиды. Проводивъ въ могилу ген. Лазарева, сына бѣднаго портного въ Шушѣ, кн. Орбелиани подводилъ итоги его дѣятельности. Смерть фельдмаршала князя Барятинскаго побуждаетъ кавказскаго героя съ достоинствомъ офѣнить покойнаго намѣстника, „принадлежавшаго собою и Потемкина, и Румянцова“. По поводу извѣстія о смерти въ Парижѣ друга своего Георгія Мухранскаго, онъ плакалъ горькими слезами. Послѣднюю чашу горести пилъ ген.-адъютантъ Орбелиани въ 1881 г. по поводу мученической смерти Государя Александра II. „Паль безпомощнымъ повелитель семи климатовъ, имя котораго сіяло лучезарною звѣздою славы!.. Не могу опомниться, не могу мыслить, не могу успокоиться до сихъ поръ. Грузія одѣлась въ трауръ; нѣтъ человѣка здѣсь, кто бы безъ благословенія произнесъ имя въ Бозѣ почившаго императора“,—писалъ поэтъ кн. Варварѣ Орбелиани. Но не однѣ надгробныя эпитафіи сочинялъ грузинскій Несторъ. Онъ готовъ былъ привѣтствовать появленіе новаго таланта, военный геній, пробужденіе общественной мысли. Его радуютъ широта натуры, пылкость страстей, сила характера кн. Н. Чавчавадзе, начальники грознаго Дагестана. Онъ рукоплещетъ молодымъ грузинскимъ писателямъ. Онъ вдохновляетъ общество распространенія грамотности среди грузинъ.

Поэтъ жилъ неизмѣнно въ Тифлисѣ, въ своемъ прадѣдовскомъ старомъ домѣ, настолько дорогомъ ему по воспоминаніямъ со всей обстановкой, убраной безъ участія женской руки, что для него было бы невыносимо его обновленіе. Лѣто проводилъ чаще въ Табахмелѣ¹⁾, о красотахъ которой онъ не разъ писалъ. Слуги Захарка и Нирика скончались, и Соломонка оставался близкимъ камердинеромъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось все хозяйство ген.-адъютанта Гр. Орбелиани. Дни въ бесѣдѣ съ многочисленными посѣтителями, вечера за пасьянсомъ или за бостономъ скрашивали его холостяцкую жизнь въ

¹⁾ Воздухъ табахмельскій,—пишетъ 20 іюля 1879 г. онъ,—чудо красоты! Его свѣжая, чистая живительная струя летитъ къ намъ прямо изъ ледниковъ Казбека и мы съ жадностью пьнаницы пьемъ эту струю и чувствуемъ, что пьемъ адоровье, силу, веселье и становится легко на душѣ и являются давно забытыя желанія: хочется гулять, хочется пить, хочется быть въ обществѣ красивыхъ дамъ...

остальное время года. Въ кабинетѣ поэта за письменнымъ столомъ, на которомъ въ безпорядкѣ разбросаны были бумага, карты, книги,—писались дѣловыя и нужныя письма къ друзьямъ и родственникамъ, сановникамъ и литераторамъ, на самыя разнородныя темы. „Цѣлую тебя, цѣлую твоихъ дѣтей, и даже 18-лѣтнюю дочь“, пишетъ онъ полковнику Ермолову въ 1872 г.,—„ничего за три тысячи верстъ можно послать горячіе поцѣлуи, которые охладѣютъ до замерзанія, пока дойдутъ до ея глазъ“. Обращаясь къ графинѣ Ольгѣ Левановой (1872 г.) онъ восклицаетъ: „Графиня! Вы принадлежите къ тѣмъ рѣдкимъ существамъ, которыя все равно носятъ ли шлемъ боевой славы или просто пришипенную розу, рождаются, чтобы привлекать, покорять, повелѣвать“... Въ письмѣ безъ даты на имя княгини Ольги грузинской мы читаемъ между прочимъ: „Въ прошломъ году сестра Варинька передала мнѣ желанье имѣть маленькій книжаль для кабинета... Я сгншу поднести вамъ вмѣстѣ съ выраженіемъ чувства моей истинной преданности... Примите и владѣйте имъ, не вышима изъ ноженъ. При этомъ неволью рождается вопросъ, на что вамъ, моя царица, книжаль? Чтобы поражать?—Вы владѣете оружіемъ болѣе опаснымъ, болѣе могущественнымъ: ваша повѣлительная царственная осанка, ваши глаза, полные живительнаго свѣта, покоряютъ все къ вашему подножью и покоряясь, будутъ благословлять судьбу свою. Къ чему же книжаль?“

Письмо это не можетъ послужить комментариемъ къ стихотворенію (1829 г.) поэта „*Не давай мнѣ вина*“ (переводъ Ив. Тихоржевскаго).

„Не давай мнѣ вина! безъ него опьянень
Я любовью безумною къ тебѣ, а не то
Мнѣ измѣнить языкъ и тебѣ скажетъ онъ
Про любовь, о которой не вѣдалъ никто.
Разболтаетъ онъ все, что скрывалъ я въ груди:
Муки сердца и тайныя слезы и стонъ,
Все безумство любви безъ надеждъ впереди...
Не давай мнѣ вина! Я и такъ опьянень.
Чтобы сердцемъ владѣть, такъ немного во мнѣ
Есть разсудка,—и тотъ хочешь ты затемнить!
И вѣдь знаешь же ты, что довольно вполнѣ
Даже взглядовъ твоихъ, чтобъ его покорить,—
И съ улыбкой сама подаешь мнѣ стаканъ...
Не давай мнѣ вина! безъ него я уже пьянъ.“

Ты какъ будто желаешь мученій моихъ
И мнѣ розу сулишь, если выпью вина...
Нѣтъ! дай разъ подышать розой щечекъ твоихъ—
И тогда чашу смерти я выпью до дна!
Какъ тутъ пить, если скрыть надо чувства свои?
Не давай мнѣ вина! я уже пьянъ отъ любви.

И смотря на тебя съ восхищеньемъ нѣмымъ,
 Я съ цвѣткомъ миндаля твои щечки сравнилъ...
 О, какъ жадно устами прильнуть бы я къ нимъ!
 Хоть убей, но молчать не хватаетъ ужъ силъ;
 Знай: съ ума я схожу, страсть бушуетъ въ крови...
 Не давай мнѣ вина! Я ужъ пьянъ отъ любви!

Оставаясь на всю жизнь холостякомъ, увлекаясь всѣми видами спорта: охотой, скачками, кулачнымъ боемъ, борьбой,—какъ подобаетъ пѣвцу сердечныхъ волненій, кн. Орбелиани не утрачиваетъ интереса къ вопросамъ, связаннымъ съ лирикой любви и очень охотно посвящаетъ строки своихъ писемъ и стихотвореній чувствамъ и отношеніямъ къ женщинамъ. Поэтъ не очень высокаго мнѣнія о женскомъ постоянствѣ. Въ письмѣ Тасо Гагариной (1881 г.) онъ увѣряетъ, что „для женщины дружба, любовь длится лишь на мигъ“. Въ письмѣ изъ Россіи (безъ даты) находимъ такое рѣшительное заявленіе: „ни одна женщина въ мірѣ не стоитъ того, чтобы человѣкъ отрѣзалъ себя для нея даже пальцица“. Къ Варварѣ Андрониковой онъ откровенно пишетъ (1880 г.), что „жизнь женщины поглощается слетнями“. Не смотря на эти нелестные отзывы о прекрасной половинѣ человѣческаго рода, Гр. Орбелиани питаетъ убѣжденіе что наша сѣрая жизнь скрашивается женской любовью, ухаживаньемъ, интригами. „Куда исчезли дни сладостныхъ свиданій восклицаетъ поэтъ? Ужели не вернетесь вы за днями ожиданій?“ Въ одномъ небольшомъ стихотвореніи, написанномъ въ г. Гори (1840 г.), поэтъ обращаясь къ милой, говоритъ:

„Кто хоть разъ тебя увидитъ, тотъ сгораетъ отъ желанья
 Видѣть снова, и, разставшись, ищетъ новаго свиданья;
 Гдѣ бъ ты ни была, всѣ мысли и слова его съ тобою.
 При тебѣ день свѣтлый блещетъ; нѣтъ тебя и день сталъ
 тьмою.“

Лирика любви Гр. Орбелиани проникнута особеннымъ колоритнымъ сочетаніемъ земныхъ чувствъ и вѣяній страсти съ тѣмъ возвышеннымъ порывомъ къ идеалу красоты, который исполненъ безкорыстія и самопожертвованія. Въ стихотвореніи «*Вечеръ разлуки*» (1840 г.) поэтъ восклицаетъ: „Ты уѣжаешь! Но пока во мнѣ жизнь не угаснетъ, благословеніе мое тебѣ будетъ сопутствовать всюду. Мнѣ же тебя не видать—и не видать уже радостей сердцу!“ Князю Гр. Орбелиани свойствененъ даръ, который Мережковскимъ названъ „ясновидѣніемъ плоти“. Въ романтической пьесѣ „*Ночь*“, написанной въ Новгородѣ (1831 г.), вдали отъ родины, среди чудныхъ стиховъ, изображающихъ томительное состояніе юноши, облитого сіяніемъ луны, „свидѣтельница влюбленныхъ“, встрѣчается любопытная фраза психофизиологическаго свойства: „Очи еще не узрѣли, но душа почувала приближеніе милой, глаза едва ее

различаютъ, а я ужъ сталъ лобзать уста“. Этотъ сенсуализмъ въ грузинской литературѣ былъ унаследованъ отъ персидскихъ поэтовъ, въ духѣ которыхъ брицалъ на лирѣ кн. А. Чавчавадзе. Но Гр. Орбелиани претворилъ реальное чувство въ идеальное, соединилъ физиологическое ощущение страсти съ платоническимъ пониманіемъ божественнаго чувства любви. Любовь для него „сила, доставляющая безконечную сладость душѣ“. Рай безъ возлюбленной съ безсмертьемъ вѣчной жизни казаться будетъ ему „тюрмой и мукой безконечной“. Но любовь въ его глазахъ неразлучна съ тоской. Муки сердца поражаютъ блаженство, горестъ, это дань любви необытноты. Милая должна то терзать насъ, то надежду подавать, она царитъ безраздѣльно въ душѣ влюбленнаго, являясь источникомъ „жизни и страданій“, и сѣбленіе этихъ двухъ неразрывныхъ психическихъ состояній—мука и наслажденіе—считаетъ онъ чѣмъ-то сладостнымъ, ласкающимъ, чарующимъ. „Блаженъ кто пламенно любитъ, извѣдалъ мигъ забвенья, кто страсти жертвы приноситъ и знаетъ ея мученья!“ Другая тема стихотвореній Гр. Орбелиани, въ которыхъ поэтъ возвышается до высшей чистой любви, это—воспѣваніе чувства дружбы, солидарности, взаимной симпатіи. Дружба для него—„звѣзда утѣшенія, освѣщающая жизненный путь и устилающая его розами и цвѣтами“. Сестра, по смерти дорогой матери, осталась единственной опорой и источникомъ радости и молитъ онъ небо неустанно дать ему узрѣть вновь милое существо. Особенную силу творчества Гр. Орбелиани проявилъ въ анализѣ соотношенія природы и человѣка, въ тонкомъ психологическомъ пониманіи воздѣйствія внѣшнихъ явленій на душевные процессы. *Вечеръ разлуки. Ночь. Заздравный тостъ* (Садгедзело) заключаютъ въ себѣ чудныя строки, свидѣтельствующія о мощномъ талантѣ поэта возсоздавать величавыя картины кавказской природы и въ нихъ искать отклика и сочувствія на запросы ума и сердечныя муки. Его *Садгедзело* является подражаніемъ стихотворенія Жуковскаго „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“. ¹⁾ Заздравный тостъ грузинскій поэтъ поднимаетъ подобно «Пѣвцу» Жуковскаго послѣ того какъ „смолокъ на полѣ брани громоздистый смертный бой“. Вѣрный грезамъ романтика, кн. Орбелиани привлекаетъ къ участию въ торжествѣ луну и звѣзды, этихъ таинственныхъ посредниковъ между двумя мірами. „Мѣсяцъ свѣтитъ подъ ними, блещетъ звѣздъ безмолвный хоръ“. Гр. Орбелиани отдаетъ еще дань романтическому направленію въ смыслѣ страстного исканія идеаловъ въ прошломъ и упованія на будущее, глубокой вѣры въ дружбу и любовь. Первый тостъ онъ провозглашаетъ за родную страну, въ которомъ поэтъ излил восторженную любовь предъ красотами ея природы, выразилъ горделивое сознание непреклонныхъ предъ бурями судьбы достоинствъ грузинскихъ царей отъ благословеннаго Миріана до царицы Тамары, „красы идеальной“ и Пракля, „отчизны утѣшенія“. Грузія не разъ разорилась

¹⁾ Тема же Жуковскаго вполне сходна съ патриотической пьесью Грея „The Bard“, обозрѣвавшей устами такого же театрално-эффектнаго пѣвца эпохи англійской славы.

врагами, поля ея „заливались невинною кровью прославленных отцовъ“, и онъ благовѣрно произносить имя славной Грузин.

Священна та земля, что стелется предъ нами!
И мы, не думая о старинѣ родной,
Мы топчемъ то, къ чему горячими устами
Должны прильнуть въ слезахъ съ молитвою святой!
Герои гордые! Пверии вы слава!
Чтить ваши имена отчизны каждый сынъ“...

Въ тостѣ за любовь Гр. Орбелани высказываетъ вѣру въ вѣчность и святость чувствъ, сопровождающихъ романтика въ загробную жизнь. „Пусть я умру, душа моя любовь къ тебѣ съ собой въ могилу унесетъ.“ Любовь не прекратится съ уничтоженіемъ земной жизни, она переселится и въ загробный міръ. Еще большимъ пафосомъ проникнуто обращеніе къ родинѣ.

И какъ не любить тотъ край, гдѣ мы родились,
Гдѣ любящая мать ласкала нѣжно насъ,
Гдѣ въ годы дѣтскіе мы весело рѣзвились,
И гдѣ огонь любви объялъ насъ въ первый разъ,
И гдѣ лазурь небесъ насъ блескомъ восхищаетъ,
Гдѣ солнце царственно съ высотъ своихъ глядитъ,
Гдѣ ночью въ бирюзѣ луна межъ звѣздъ сияетъ,
Гдѣ ароматы цвѣтовъ среди полей разлитъ!

Гдѣ въ ледяныхъ вѣницахъ могучихъ горъ вершины
Возносятся въ лазурь и тонуть въ облакахъ,
Потоки бурные свергаются въ долины
И водопадовъ шумъ разносится въ горахъ!

Гдѣ бездны темныя и скалы великаны, гдѣ изумрудъ луговъ такъ нѣжно зеленѣетъ, въ тиши журчатъ ручьи, съ полей прохладой вѣетъ и полонъ дивный край чарующихъ красотъ!

Гдѣ-жъ лучше уголокъ, гдѣ Грузія другая?
Гдѣ такъ радушень, добръ и смѣлъ народъ душой?
Онъ вынесъ много бѣдъ, но въ немъ душа живая,
И веселье онъ всегда, и любить край родной!..

И этотъ тостъ заканчивается словами пѣвца: „такъ выпьемъ же друзья, за край благословенный! Обильемъ и красой пусть вѣчно онъ цвѣтетъ, и доблестью сыновъ отчизны незабвенной возвысится онъ вновь и славою блеснетъ!“

Въ этомъ восторженномъ произведеніи Гр. Орбелани, по замѣчанію К. Абашидзе, не мало риторическихъ фразъ и церковнаго краснорѣчія. Оно заключаетъ въ себѣ нѣсколько разрозненныхъ темъ, раскрытыхъ въ рифмованной прозѣ патетическимъ стилемъ съ примѣсью архаическихъ словъ. Первый пунктъ посвященъ благодарному воспоминанію предковъ, положившихъ жизнь свою за славу родины; пунктъ второй проповѣдуетъ любовь къ отчизнѣ; третій восхваляетъ дружбу; четвертый воспѣваетъ возвышающее значеніе любви и въ послѣднемъ, наиболѣе соответствующемъ требованіямъ лирической поэзіи, онъ рисуетъ красоты природы. Здѣсь онъ на высотѣ своего художественнаго таланта: въ поэтическихъ образахъ онъ воплощаетъ философскія идеи, популяризируетъ историческіе факты. Поэтъ самъ сознаетъ, что лирическое его произведеніе превратилось въ поученіе и въ одномъ мѣстѣ восклицаетъ: „довольно проповѣди!“ И дѣйствительно, проповѣдь смѣло назовемъ тираду изъ „тоста за родину“: „Неправда ли къ чему желать намъ долгой жизни, когда безъ пользы мы на свѣтѣ проживемъ“. Такой же поучительный характеръ носить весь тостъ, произнесенный въ прославленіе дружбы: „О дружба! Въ насъ всели отвагу, бодрость вновь... Возможно-ль жить, друзья, когда нѣтъ цѣли жизни, когда уснула мысль и тьма въ душѣ царитъ, когда плачь ближняго и стонъ святой отчизны не трогаетъ сердца и душу не томитъ? Съ неправдою и зломъ поборемся-же смѣло и брата слабого поддержимъ, защитимъ; разсѣмъ тьму, раздоръ борьбой неутомимой и знанію дадимъ свободу и просторъ... Скажите мнѣ, друзья: что цѣнятъ въ человѣкѣ? Ужели знатностью лишь можетъ онъ блистать? О нѣтъ, повѣрьте мнѣ: отъ вѣка и до вѣка въ немъ душу свѣтлую и умъ великій чтить!“ Поэтъ прекрасно чувствуетъ, что „пора прервать рѣчь“ и свѣтлой влагой себя развеселить. „Сегодня собратъевъ мы похоронили, а завтра можетъ быть и насъ ихъ участь ждетъ... Предъ вѣчною разлукою, простимся весело въ послѣднюю эту ночь. Весельемъ и виномъ мы горе заглушимъ! Предъ нами сводъ небесъ; міръ свѣтлый и надзвѣздный, предъ нимъ, друзья мои, мы клятву дадимъ“. Клятва самаго прозаическаго свойства:

Быть преданнымъ всегда союзу дорогому,
И грудью мощною за родину стоять,
И помощь оказать страдальцу и больному,
И павшаго въ бою землѣ родной предать!

Значительно выразительнѣе скатостью и искренностью чувствъ строфы, посвященныя «отрадѣ жизни»—любви «къ милой-богинѣ красоты». «Какъ ароматомъ вѣшнихъ розъ полны струи зефира, такъ въ пору юношескихъ грезъ въ любви все счастье міра. Осушимъ чашу мы до дна, друзья, за наши грезы, за милую,—и пусть она свои осушитъ слезы!»

Высокаго художественнаго полета поэтъ достигаетъ въ воспѣваніи Авроры, озарившей востокъ розовымъ блескомъ. Красоты южной при-

роды набросаны такъ мастерски, что мы ясно представляемъ этотъ постепенный переходъ полумрака въ предупреденный разсвѣтъ, чувствуемъ дыханіе пробуждающихся розъ, жадно унимаемъ пѣніемъ птицъ и вѣянемъ тихаго вѣтерка. «Востокъ пурпурною зарею горитъ, природа пѣжитъ взоръ: зажегся яркою каймою рядъ облаковъ надъ цѣпью горъ; ночь пронеслася надъ землею и звѣзды гаснутъ въ небесахъ, и легкой вѣтерокъ порою колышетъ листья на вѣтвяхъ. Веселыхъ птичекъ слышенъ хоръ и льется ароматъ цвѣтовъ, озолотилися уборы вдали перстрѣвшихъ луговъ. Природы дивно пробужденъ... Чу!.. слышны трели соловья...

Какое утро!.. воздухъ чистый
Живить бодрящею струей,
И льется солнца свѣтъ лучистый
Надъ пробужденною землей.

Творецъ! отъ вѣка и до вѣка ты плешь на землю свѣтъ, любовь,—а человекъ на человека идетъ, пролить готовяся кровь!... Минула ночь... И рой тѣней исчезъ... Заря горитъ... Идемъ исполнить долгъ священный, какъ тайный голосъ намъ велитъ!.. Впередъ, друзья!»

Не меньше патріотическаго паоса вложилъ кн. Орбелиани въ стихотвореніе *Ярали*, въ которомъ помимо упоенія явствами грузинскаго стола—сыромъ, рыбой, зеленью, шашлыкомъ и кахетинскимъ виномъ,—сквозитъ сожалѣніе объ утраченномъ величій Грузіи и доблестныхъ отцахъ, положившихъ жизнь за честь родины «когда единеніе и вѣра служили достоинствомъ иверовъ, когда борьба и мужество окружали ихъ имя ореоломъ славы».

Садгедзело и *Ярали* принадлежатъ къ числу произведеній патріотической романтики: гипербола и сгущеніе красокъ—ихъ отличительные признаки. Зато въ нихъ отсутствуетъ опредѣленный историческій взглядъ на минувшія времена и злободневные вопросы. Отклики на современность и проникновеніе возрѣвнй новѣйшаго періода грузинской литературы Гр. Орбелиани запечатлѣлъ въ двухъ стихотвореніяхъ *Муша Бокуладзе* (1874 г.) и *Предъ ликомъ цар. Тамары* въ Бетанійской церкви (1877 г.). Первое изъ этихъ стихотвореній явилось не безъ вліянія произведеній кн. Ильи Чавчавадзе, посвятившаго нѣсколько лирическихъ пьесъ рабочему и подневольному классу. Стихотвореніе Гр. Орбелиани, лишенное оригинальности по темѣ, носитъ отпечатокъ искусственности и риторичности, влагаетъ въ уста муши, «покрытаго пылью и потомъ работника изъ-за куска хлѣба», мысли, несвойственныя человеку его положенія. «Морщины на челѣ и преждевременная сѣдина въ бородахъ—слѣды глубокой боли въ сердцѣ, великихъ трудовъ, горькихъ думъ о безпомощномъ, безнадежномъ моемъ бытіи»,—отвѣчаетъ муша изумленному его несчастнымъ видомъ случайному собесѣднику. Разсужденія его о поцѣлѣхъ Іуды, измѣнѣ возлюбленной, зависть пирующимъ

въ садахъ, проклятіе тому, кто благословилъ мушу, мысли объ отсутствіи привязанностей къ жизни, но способности внимать поставленію іерея и испытывать успокоительное чувство во время молитвъ, наконецъ, негодованія по адресу сибаритствующихъ богачей, для которыхъ онъ подметааетъ съ утра улицы и таскаетъ вещи,—все это налагается на стихотвореніе кн. Орбелиани краски гиперболическія и печать идеализаціи подъ влѣдѣніемъ тогдашней публицистики.

Любовь къ родинѣ выросла на почвѣ семейныхъ традицій Гр. Орбелиани, связаннаго со всей исторіей Грузіи. Взвизавъ съ балкона своего дома на Куру и Сионскій соборъ, старый Тифлисъ, въ его памяти непрерывной вереницей проходятъ страницы дѣяній его знаменитыхъ предковъ—въ томъ числѣ, дѣда героя-царя Ираклія II. Онъ былъ культомъ его поклоненія. Такимъ же предметомъ обожанія служила цар. Тамара, какъ символъ величія Грузіи. Ей посвящено стихотвореніе *„Предъ ликомъ цар. Тамары“*. Оно приподнятою и торжественностью не уступаетъ прочимъ патріотическимъ произведеніямъ Гр. Орбелиани и принадлежитъ къ той литературной эпохѣ, возрѣвнй которой стали складываться подъ вліяніемъ И. Чавчавадзе и Ак. Церетели. Со слезами на глазахъ, съ болью сердца поэтъ благоговѣнно взираетъ на святой образъ цар. Тамары и испытываетъ невыносимыя муки при мысли объ униженной родинѣ своей—Иверіи. Дни ея величія скрылись, какъ мечты сновидѣнія. Онъ теперь прибѣгаетъ съ мольбой къ царицѣ благословить крестомъ свою отчизну, «да возстанетъ она вновь могучею вѣрой, любовью, языкомъ Руставели». Но Тамара не внемлетъ истосковавшемуся сыну Иверіи. „Увы! Минувшее не воскреснетъ и погибшее вновь не расцвѣтетъ!“ Стихотвореніе это отвѣчаетъ общественному настроенію конца семидесятыхъ годовъ и служить отголоскомъ злободневныхъ запросовъ жизни.

Еще большею современностью отличается его *„Отвѣтъ дѣтямъ“*, полемико-публицистическое стихотвореніе, направленное противъ группы „неблагодарныхъ“ молодыхъ писателей, выступившихъ „не вовремя“ съ новой программой дѣятельности и новыми формами литературнаго творчества. Самый тонъ этого стихотворенія, страстный и негодующій, въ защиту „славныхъ отцевъ“, свидѣтельствуетъ, что оно вышло не изъ спокойнаго, уравновѣшеннаго состоянія духа поэта, бичующаго „лже-поэтовъ, лже-либераловъ и патріотовъ“, исказившихъ вѣру и языкъ предковъ. Взгляды молодыхъ писателей рѣзко расходились съ идеаломъ поэта, проникнутаго „религиозными убѣжденіями православнаго грузина и мужа просвѣщеннаго европейскою наукою“. Но не этими публицистическими произведеніями приобрѣлъ Г. Орбелиани славу „Руставели XIX вѣка“. Очевидно, допуская преувеличенное сравненіе его съ пѣвцомъ царицы Тамары, панегиристы, не постѣснившись въ надгробной рѣчи гиперболической оцѣнки его дѣятельности, имѣли въ виду тѣ стихотворенія, въ которыхъ онъ явился поэтомъ-художникомъ, представителемъ реальной лирики, выразителемъ общественнаго настроенія. Онъ великъ тамъ, гдѣ

воспѣваетъ грандіозныя красоты природы, изображаетъ непосредственныя чувства беззаботнаго гуляки, раскрываетъ будничныя думы простяка. Къ числу такихъ стихотвореній принадлежатъ: *Подражаніе Саятъ-Нава*, народному пѣвцу XVIII в., *Обращеніе Божана къ Саломей* и *Забота Дмитрія Оникава* (пѣсня кинго). Приводимъ послѣднее стихотвореніе въ переводѣ Пв. Тхоржевскаго, какъ образецъ его манеры творчества въ народномъ духѣ.

Ахъ, въ какой же я огонь, бѣднякъ попалъ!
Умереть бы отъ огня того желалъ.

Какъ собака, я на улицѣ лежу:
Караулъ у дома милой я держу.

У рѣшетки, у двухъ оконъ, весь горя,
Жду—оттуда-ль не взойдетъ моя зоря.

Отъ восторга помрачился я умомъ:
Не пойму, жара иль снѣгъ теперь кругомъ?

Развѣ ночью отдаюся душой я сну?
Или днемъ даю ей миръ и тишину?

Развѣ днемъ я вспоминаю про обѣдъ?
Или ночью про пирושку въ банѣ? Нѣтъ!

Вѣчно, въ буркѣ, я валяюсь у воротъ
И вздыхаю... Кто жъ печаль мою пойметъ?

Кто ни взглянетъ, спроситъ: что ты здѣсь лежишь!
— А тебѣ-то что? Убратся мнѣ велишь?

Ты-тюфякъ, коль вздумалъ спрашивать о томъ,
О любви ли говоришь съ такимъ осломъ?

Свѣтъ очей моихъ, моя забота—здѣсь;
Такъ куда же мнѣ ити? Пойми и взвѣсь.

Свѣтъ очей моихъ! О, сжался надо мной!
Не пора-ль смягчить удѣлъ жестокой мой?

Надъ рѣшеткой ты, какъ солнышко, взойди,
И склонюся я, съ благодарностью въ груди.

Дай мнѣ голосъ твой волшебный услышать
И отъ словъ любви затрепетать.

Очи дивныя потомъ то подыми
И, взглянувъ, любви могущество пойми:

Гордо голову, какъ царь, свою поднявъ,
Выше всѣхъ я стану, счастье испытавъ.

Побороть тогда весь міръ отважусь я,—
Столько силы мнѣ любовь придастъ твоя!

И, съ платкомъ на шеѣ, съ шапкой на-бекрень,
Въ Ортачалы я направлюсь въ этотъ день.

Близъ Куры, у колеса, на берегу
Будутъ ждать меня друзья въ своемъ кругу.

И увидитъ, что другимъ совсѣмъ я стать,
Что руду я сразу счастья отыскалъ!

Помимо оригинальныхъ произведеній, кн. Орбеліани оставилъ нѣсколько переводныхъ произведеній. Онъ извѣстенъ какъ первый переводчикъ нѣсколькихъ басенъ Крылова (Осель и Соловей, Крестьяне и рѣка, Морь звѣрей), воспроизведеніемъ стихотворенія Пушкина „Даръ напрасный, даръ случайный“, стихотворенія Гете, переведеннаго Лермонтовымъ „Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной“, но болѣе всѣхъ другихъ изъ русскихъ поэтовъ онъ испыталъ вліяніе Жуковскаго, которому онъ обязанъ не только идеей самаго крупнаго своего произведенія, *Заздравный тотъ* (Садгердзело), но перевелъ (въ Спб. 1832 г.) еще его *Письмо* (Подражаніе нѣмецкой): „Счастливъ тотъ, кому забавы, игры, майскіе цвѣты... въ наслажденье, какъ и прежде“. Жуковский ему былъ дорогъ и какъ воспитатель государя Александра II, память котораго глубоко чтить грузинскій поэтъ.—Гр. З. Орбеліани скончался на 83 году жизни, послѣ непродолжительной болѣзни, 21 марта 1883 года, въ 4 ч. 35 м., въ понедѣльникъ, тяжелый и „черный“ день, по представленію грузинъ. Похороны его отличались необычайною торжественностью. Надгробныя рѣчи произнесли представители разныхъ сферъ; корпусный комендантъ Девель воздалъ должную дань его заслугамъ на военномъ поприщѣ, духовенство въ лицѣ экзарха Грузіи Павла восхваляло его нравственныя качества, представители литературы возносили его поэтическія дарованія. Въ этихъ рѣчахъ допущены были преувеличенія, которыя Игнатій Иоселіани въ своей статьѣ попытался ограничить и указать безспорное

значение князя Орбеліани. Кн. П. Чавчавадзе въ своемъ прочувствованномъ словѣ говорилъ между прочимъ, обращаясь къ покойному сановнику и поэту: „Когда твой соотечественникъ—грузинъ вникнетъ въ дѣла оставшіяся по тебѣ и озаренныя лучами высокаго таланта, то проникнется справедливой гордостью, что его родина имѣла такого сына, и будетъ горевать, что нѣтъ его уже болѣе“. Экзархъ Грузіи закончилъ свое произнесенное слово, указавъ на разнообразные ему Богомъ ниспосланные таланты. „Богъ даровалъ ему мужественное сердце, сдѣлавшее его доблестнымъ воиномъ. Богъ даровалъ ему мудрость, сдѣлавшую его разумнымъ и добрымъ просвѣтителемъ. Богъ одарилъ его поэтическимъ духомъ, обладая которымъ онъ сладостно волновалъ сердца человѣческія, возбуждалъ въ нихъ добрыя, свѣтыя чувства и стремленіе по своему хотѣнію заставлять другихъ восторженно радоваться и плакать. Богъ даровалъ ему долгую жизнь, украшенную дѣлами славными и благими. Онъ уже служилъ, когда даже старѣйшіе изъ насъ еще не родились и доблестная его служба высоко цѣнилась вѣнценосцами, уважалась сослуживцами, возбуждала чувства любви и благодарности въ тѣхъ, волею которыхъ направлялась его служебная дѣятельность. Но тайна необычайной любви, которую возбуждалъ во всѣхъ почившій кроется не въ качествахъ и дѣлахъ. Онъ принадлежалъ къ типу людей, подобныхъ Іоанну Богослову, людей любви обильныхъ, получившихъ отъ Бога особую духовную организацію, располагающую къ нимъ всѣхъ. Здѣсь именно разгадка всеобщей любви къ нему. Онъ удостоенъ высокаго положенія, великихъ почестей въ государствѣ, онъ стяжалъ себѣ славу любимаго народнаго поэта и онъ не нажилъ себѣ завистниковъ. Велика сила любви! Онъ вполне естественно привлекаетъ къ себѣ любовь“.

Справедливую оцѣнку его литературной дѣятельности далъ кн. К. Абашидзе. а обстоятельный біографическій очеркъ кавказскаго ветерана и грузинскаго поэта написалъ І. Меунаргіа.

Кн. Вахтангъ Вахтанговичъ Орбеліани ¹⁾. (1812—1890 гг.).

Кн. Вахтангъ Вахтанговичъ Орбеліани является въ грузинской литературѣ лучшимъ представителемъ той фракціи романтической школы, „пѣсни отчаянія и гимнъ свободы“ которой посвятить исключительный колоритъ патриотическаго направленія. Если главою нѣмецкихъ патриотическихъ романтиковъ считается Генрихъ фонъ-Клейстъ, извлекающій изъ исторіи прошлаго предостереженія и ободренія, идущія прямо къ сердцу народа, то среди грузинъ поэтомъ патриотической романтики наиболѣе полное право имѣть назваться Вахтангъ Орбеліани,—то во-

¹⁾ Полное собраніе его стихотвореній вышло въ 1894 г., съ біографіей, написанной кн. Пльей Чавчавадзе. Кн. Вахтангъ Орбеліани род. 5 апрѣля 1812 г. Отецъ его былъ женатъ на Оекль, послѣдней дочери царя Ираклія II. Умеръ поэтъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта, въ Тифлисъ, въ 1890 г., 29 сентября.

сторженный, то мечтательный пѣвецъ прошлаго величія Грузіи. Его поэзія была той чуткой лирой, золотыя струны которой дрожать и звучать отъ дуновенія небесной страсти, и все, что она испытываетъ, всякая вѣра и надежда, всякое чувство и мышленіе облекается въ вѣчную мелодію любви къ старинѣ дорогой отчизны. Этотъ основной мотивъ его вдохновенной музыки—воскрешать предъ нами прошлые вѣка и окружать ихъ розовымъ блескомъ—обусловливается родовитымъ происхожденіемъ самого поэта, мрачнымъ моментомъ ослабленія національнаго самосознанія и господствовавшимъ литературнымъ вкусомъ той эпохи, къ которой относится начало его поэтической дѣятельности. Таковы были факторы, по нашему мнѣнію, опредѣлившіе тонъ и содержаніе всѣхъ произведеній кн. Вахтанга Орбеліани.

Внучъ по матери предпослѣдняго царя грузинскаго Ираклія II, съ именемъ котораго связывается одна изъ свѣтлыхъ эпохъ возрожденія мочи грузинскаго народа, кн. Вахтангъ Орбеліани росъ и воспитывался среди живыхъ воспоминаній о непрерывныхъ столкновеніяхъ грузинъ съ мусульманскими полчищами, проникался благоговѣйнымъ чувствомъ къ виновникамъ геройской обороны маленькой по пространству, но гордой духомъ Иверин, и сердце ребенка еще съ дѣтства переполнилось безысходною скорбью и жгучею тоской. Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своей начитанной матери, царевны Оеклы ¹⁾, въ 1825 году онъ былъ отправленъ въ Петербургскій пажескій корпусъ, гдѣ пристрастился къ чтенію Гете, Шекспира и Шиллера, этихъ незаблѣмыхъ гениальныхъ руководителей мыслей человѣка во всякомъ его возрастѣ. Это было время разсвѣта мечтательной музыки В. А. Жуковскаго. Вліяніе Шиллера и Виктора Гюго, свѣтлыхъ представителей романтическаго направленія, отражается въ нѣсколькихъ его чудныхъ стихотвореніяхъ, и между прочимъ, въ *Подражаніи В. Гюго* и въ *Прощаніи*. Но въ особенности складу его романтическихъ воззрѣній способствовало переходное состояніе грузинскаго общества, въ которомъ, съ одной стороны, ярко полосой проходили величавыя традиціи о геройскихъ подвигахъ Ираклія II, съ другой же стороны созрѣвало въ молодомъ поколѣніи презрѣніе къ національному языку и завѣтамъ предковъ. Подобное настроеніе окружающей среды усиливало мрачность взгляда поэта на настоящее, доставившее ему горькое разочарованіе въ 1832 г., когда замыселъ пылкой молодежи о политическомъ возстановленіи Грузіи потерпѣлъ крушеніе, и двадцатилѣтній горячій патриотъ, Вахтангъ Орбеліани, былъ водворенъ на четыре года въ Калугу... Грозовыя тучи скрылись съ небосклона, угрожающая Грузіи опасность миновала, прежнее отчаяніе смѣнила тихая надежда, что „народъ, истерзанный за вѣру Христа, снова возродится, и страна, обращенная въ руины вражеской рукой, снова процвѣтетъ и засіяетъ“. Съ этою надеждою сошолъ въ могилу въ 1890 г. одинъ изъ столповъ литературной плеяды тридцатыхъ годовъ.

¹⁾ Цискари, 1860, I.

Кочевая жизнь, выпавшая на долю кн. Вахтаंगा Орбелиани, быть-можетъ, является причиной отсутствія у насъ стихотвореній, написанныхъ имъ ранѣе 1857 г., когда поэту исполнилось уже 35 лѣтъ. Къ этому времени относится стихотвореніе *Соловей*, появившееся въ I кн. журнала *Заря*. Въ 1858 г. написано одно *Подражаніе В. Гюго*, въ 1859 г. начало стих. *Надежда*, и ею прекращается творчество поэта до 1866 г., отмѣченнаго появленіемъ одного изъ звучныхъ его произведеній *Старый Дманисъ*. Всѣ остальные стихотворенія его относятся къ періоду 1879—90 гг., т.-е. когда поэту было 67—78 лѣтъ. Такимъ образомъ, поэтическое вдохновеніе посѣщаетъ нашего автора въ томъ возрастѣ, въ которомъ оно у другихъ обыкновенно прекращается. Въ пробныхъ начальныхъ опытахъ кн. Орбелиани трудно угадать будущаго пѣвца сѣдой старины. Личныя ощущенія и личная любовь составляютъ содержаніе *Соловья* и *Подражанія*. Последнее стихотвореніе для образца приводимъ въ переводѣ княгини С. В. Амраджиби:

О, еслибъ былъ я царь могучій,
Ее бы славою озарилъ;
И скипетръ, корону и порфиру
У прекрасной бы сложилъ!

Еслибъ былъ Творецъ вселенной,
Владѣлъ бы небомъ и землей,
То солнце-бъ свѣтлое и звѣзды
За взглядъ бы отдалъ дорогой!

Была-бъ она царицей рая,
Хоръ ангеловъ ее-бъ воспѣлъ;
А я, величье забывая,
Лишь въ очи свѣтлыя-бъ глядѣлъ.

Исканіе личнаго счастья, кругъ исключительно индивидуальных восторговъ и негодованийъ въ эпоху развитія литературнаго творчества В. Орбелиани замѣтно растворяется въ „гражданской скорби“ и грустной поэзіи общественнаго направленія. Поэтическія произведенія кн. И. Чавчавадзе и А. Церетели въ патриотическомъ духѣ оборвали струны антологической музы предшествовавшихъ поэтовъ и пробудили чутко дремавшее въ неопредѣленныхъ мечтаніяхъ сердце шестидесятилѣтняго старца В. Орбелиани настроить свою лиру въ унисонъ съ новымъ въявленіемъ въ грузинской литературѣ. Въ дружномъ хорѣ пылкихъ молодыхъ грузинскихъ писателей онъ сумѣлъ отмежевать себѣ самостоятельную небольшую область, въ которой остался до конца своихъ дней оригинальнымъ пѣвцомъ и безраздѣльнымъ хозяиномъ. Патриотическая идея, общая со всеми поэтами его времени, стала облекаться въ такую художественную форму, которая, по блеску и яркости красокъ, видѣлеть

его изъ группы современниковъ, посвященныхъ въ тайны „языка боговъ“. Волшебный югъ принесъ въ даръ этому царю грузинскихъ лириковъ всю свою звучную игру рѣчю, а глубокая, искрення любовь къ Грузіи дала ему возможность воскрешать моменты величія своей родины и окружать ее розовымъ блескомъ идеальнаго освѣщенія. Свѣтлыя воспоминанія о прошломъ не только укрѣпляютъ поэта при наплывѣ горестныхъ думъ, но даютъ ему прочный залогъ въ возможности возрожденія Грузіи изъ пепла и развалинъ, „подобно легендарному фениксу“. Вѣдь, главѣ русской романтической школы, Жуковскому, также „зрится отжившее какъ прежде оживленнымъ“ и вѣрится, что „погибшее намъ возвратится“. И грузинская романтика не оставляетъ „упованіе на лучшей неизмѣнный свѣтъ!“ Таинственная дѣва въ стихотвореніи *Надежда* укрѣпляетъ въ отчаявшемся пѣвцѣ старины увѣренность, что „дѣла отцовъ съ лица земли не истребятся и нынѣ жалкія руины вновь полною жизнью загорятся“. Въ стихотвореніи *Два зданія* мы находимъ объясненіе, насколько крѣпокъ фундаментъ „старинныхъ руинъ, воздвигнутыхъ могучей рукой“:

Два зданія каждый день я вижу предъ собою:
Одно изъ нихъ теперь едва возведено;
Плѣнная путника своею красотою,
Среди садовъ и нивъ красуется оно,
Снаружи и внутри изяществомъ блистая.
Нарядны стѣны въ немъ, какъ дѣва подъ вѣнцомъ,
Но такъ же, какъ она, невѣста молодая,
Непрочень, пѣженъ, слабъ красивый этотъ домъ.

Другое зданіе—старинныя руины
Жилищъ, воздвигнутыхъ могучею рукой;
Въ нихъ крѣпость, храмъ святой и башни-исполны—
Все путнику твердить о роскоши былой.
А нынѣ, гдѣ былъ блескъ,—тамъ пыль и заустѣнье,
И дикая трава подъ сводами растеть!
Развалинь этихъ видъ вселяетъ сожалѣнье
И сердце путника болѣзненно гнететь.

Но зданье первое полвѣка жить не можетъ.
Подъ бурей и грозой ему не устоять!
И время безъ труда тѣ стѣны уничтожить,
Которымъ суждено теперь насъ восхощать.
Разрушатся онѣ; ихъ даже основанье
Сравняется съ землей; тѣхъ стѣнъ исчезнетъ слѣдъ,
И вмѣстѣ съ нимъ умретъ о нихъ воспоминанье...
Нѣтъ прошлаго у нихъ и будущаго нѣтъ!

Другому не страшны ни время, ни невзгоды,
 Подъ бурями оно стоитъ семьсотъ ужь лѣтъ,
 И вражеской рукой разрушенные своды
 Исторіи вѣковъ хранять кровавый слѣдъ.
 Пусть рухнетъ, наконецъ, послѣдній изъ обломковъ,
 Пусть изотрется въ прахъ тотъ исполниль-старикъ.
 Все-жъ будетъ вѣчно жить онъ въ памяти потомковъ,
 Великъ онъ въ прошломъ былъ и будетъ вновь великъ!

Этотъ отрывокъ, приведенный нами въ удачномъ переводѣ г. Тхоржевскаго, можетъ служить образцомъ творчества Вахтанга Орбелиани, неизмѣнно вдохновляющагося патриотическими идеями. По замѣчанію академика Брюнетьера, патриотическая тенденція въ лирическихъ произведеніяхъ обуславливаетъ скудость и однообразие ихъ содержанія. Три мотива,—думаетъ французскій критикъ,—являются наиболее благодарными сюжетами въ лирической поэзии, характеризующейся двумя основными признаками—индивидуализмомъ и субъективизмомъ. Этими достойными вдохновенія мотивами считаетъ онъ любовь, смерть и природу, вызывающія въ каждомъ отдѣльномъ поэтѣ своеобразное чувство и волненіе. Принципъ Брюнетьера по отношенію къ грузинскому поэту находить оправданіе: кн. В. Орбелиани не богатъ талантомъ изобрѣтательности не только новаго содержанія для своихъ произведеній, но даже ихъ внѣшней обработки. Безграничная любовь къ родинѣ и былой старинѣ ограничиваетъ предѣлы его фантазій, сдерживаетъ свободный просторъ мысли и налагаетъ печать отсутствія новыхъ оттѣнковъ на творчество отзывчиваго поэта, внутренней міръ котораго колеблется подъ непосредственнымъ воздействием явленій природы и общественнаго настроенія.

Всю силу своего поэтического дарованія и весь пылъ патриотической любви онъ вложилъ въ два произведенія, составляющія перлы его художественнаго творчества: это—*Надежда*, историческая поэма, и *Сирота*—опытъ лирическаго воссозданія главныхъ моментовъ изъ жизни грузинскаго поэта XII вѣка Шота Руставели. Въ этихъ произведеніяхъ собраны всѣ отличительныя черты его лиры, повторяющіяся въ рѣзко очерченныхъ обломкахъ въ обработкѣ всѣхъ остальныхъ его стихотвореній. Ни одно стихотвореніе не можетъ сравниться съ *Надеждою* и *Сиротою* по силѣ и глубинѣ чувства, по торжественности тона, переходящаго въ мягкіе аккорды, по умѣнью связывать суровость и величіе съ идиллическою прелестью и элегическою нѣжностью. Обратимся прежде всего къ *Надеждѣ*.

Пыльное воображеніе поэта создаетъ образъ небесной дѣвы, предъ которой онъ излагаетъ кровавыя страницы прошлой судьбы Грузіи, и проситъ ее принять „подъ свой кровъ священный Иверіи край благовословенный“. „Посланища-ль небесъ, о, свѣтлый ангелъ рай, или демонъ лишь коварный, тебя адъ прислалъ? Или дѣва красоты, земное

лишь созданье, доступно и тебѣ любви очарованье? Скажи, такой красой тебя кто одарилъ, кто прелести земли въ тебѣ соединилъ? Въ роскошныхъ ли садахъ Востока ты цвѣла, или съ сѣвера тебя къ намъ бури занесла? Привѣтствуетъ тебя, какъ гостью дорогою, отвѣтъ Иверіи улыбкой родной! Ея природа дивная красой вся засяетъ, вокругъ все дышетъ жизнью, все благоухаетъ: и моря слышенъ ропотъ, шепчетъ тихо дѣсь, надъ ними свѣтлый сводъ лазуревыхъ небесъ; и тонуть въ синевѣ высокихъ горъ вершины, и рѣки орошаютъ пышныя долины, сады обильемъ дышатъ, тучныя поля, надъ розою душистой—трели соловья; все солнце золотитъ, лучами озаряетъ, блаженствомъ, нѣгой сладкой все насъ здѣсь ласкаетъ. На всемъ лежитъ печать величія прошлыхъ дней, намъ память дорога героевъ и царей: Давидъ святой, Тамара, свѣтлая царица, о, имена святые, ими край гордится. Великій Руставели, Бесикъ,—нашъ нѣвецъ,—въ безсмертныхъ нѣсняхъ ихъ нелѣнующій вѣнецъ.

„Руины видишь ты величія былого, свидѣтелей страданья края дорогого; и храмы свѣтлые съ высотъ своихъ глядятъ, останки прошлыхъ дней они въ себѣ хранятъ. Не служатъ намъ обѣденъ, слышенъ дѣсь стонъ, шумъ вѣтра замѣняетъ поминальный звонъ. А если хочешь знать причины разрушенья, паденья Грузіи, отчизны разоренья,—иди къ кресту святому въ нашъ старинный храмъ, исторію Грузіи узнаешь ты самъ. На томъ крестѣ прочтешь кровавыя слова, какъ Грузія теряла всѣ свои права! И въ тѣхъ словахъ ужасныхъ наше назначенье: то крестъ Иверіи и Божье велѣнье! И Ниша святая тотъ крестъ намъ принесла и свѣточъ христіанства въ Грузіи зажгла. За вѣру и Христа народъ нашъ погибалъ и Грузію отъ Азіи онъ храбро защищалъ... Но милосердна ты, жалѣешь, вижу насъ, и слезы жемчужны скатились съ чудныхъ глазъ. Какъ вспомнишь о страданьяхъ Грузіи святой, въ груди запоетъ сердце и скорбишь душой! Печальную ту повѣсть мать мнѣ рассказала, какъ Грузія отважно, гордо умирала. Ираклій, мощный царь, въ борьбѣ изнемогалъ, но Грузію свою врагамъ не уступалъ... Десятки тысячъ воиновъ Персея къ намъ шлетъ и грозный врагъ безстрашно на Грузію идетъ. Три тысячи грузинъ стоятъ передъ ордою, и борются съ врагомъ съ отвагой удалою, но смерть ихъ не щадитъ,—все они погибли, а Грузію любить они намъ завѣщали... Уста мои нѣмьютъ, слезы льются съ глазъ. Что было въ Согангугахъ въ страшный день сраженья, то трудно передать, нѣтъ словъ для выраженья,—о томъ знаютъ лишь нѣмые берега Арагвы и Куръ...

„Въ душѣ моей возникло горькое сомнѣнье, что гибель Грузіи—не Божье велѣнье! Нѣтъ Бога въ небесахъ или солнца лучъ угасъ? Или царству темныхъ силъ насталъ желанный часъ? Кто сотворилъ сей міръ, Кто создалъ свѣтъ оградный, Кто звѣздами усѣялъ сводъ нашъ необъятный? Мирами движетъ Кто, правитъ Кто землей и Кто къ намъ посылаетъ солнца лучъ златой? Украсилъ Кто поля прекрасными цвѣтами, склоны горъ одѣлъ дремучими лѣсами? Кто волны моря движетъ, бур-

ныхъ рѣкъ потоки, съ зарей въ пурпуръ златой красить Кто востокъ? Кто создалъ человѣка, какъ вѣнецъ творенья. Кто далъ ему весь міръ въ широкое владѣнье? Кто землю обогрѣлъ своею невинною кровью? Кто насъ училъ добру, любить и всѣхъ прощать, то какъ же Самъ Онъ могъ жестоко наступать, чтобъ край загубить, крестомъ благословенный предать мечу, огню нашъ кровь и храмъ священный?—А если создалъ все одинъ великій Богъ, то какъ же Грузію онъ такъ обидѣть могъ?... Когда стоялъ Праклій на высотахъ Авлабара и видѣлъ, городъ милый пламя какъ объяло, уже-ль и тогда нашъ царь не возропталъ, когда въ огнѣ и пламени городъ погибать?... Но, дѣва красоты, ты недовольна мной,—прости, небесная, невольный ропотъ мой, то вопль страданья о потерѣ дорогой! Несчастное созданье! Какъ смѣлъ я посягнуть на Божіе вѣдѣнье? Прости, Творецъ всеильный, Ты мой сомнѣнья, пошли съ небесъ свѣтъ желанное прощенье!...—Тогда приблизилось небесное видѣнье, и въ душу въ мигъ проникъ лучъ свѣта обновленья! Промолвила: „Надѣйся, твой воскреснетъ край, и Грузія найдетъ потерянный свой рай! И духъ отцовъ великій возродится вновь, въ Иверіи не угаснетъ вѣра и любовь!—Отнынѣ буду съ вами, не покину васъ, зажгу огонь святой, что временно угасъ!“— О, рѣчи сладкія, я слышу звуки рая: о, счастье, о, радость, возрожденіе края! И палъ я ницъ: предъ ней землю я цѣловалъ и свѣтлое видѣнье я благословлялъ“.

Таковъ патріотическій пафосъ, проникающій *Надежду*, полная передача которой превосходитъ силы переводчика. Закодированный кругъ сомнѣнія и отчаянія, глухой ропотъ и глубокое негодованіе на судьбу смѣнились горячею хвалой Провидѣнію и свѣточемъ надежды, озарившимъ непроницаемый, томительный мракъ. Грузинскій поэтъ всю свою пессимистическую философію точно резюмируетъ финальнымъ восклицаніемъ идеалиста Ламартина въ стихотвореніи *Безсмертіе*:

Горячо я люблю Богомъ созданный міръ,
А любовь неразлучна съ надеждой!

Впечатлѣніе, производимое творчествомъ кн. В. Орбелиани, отличается такою силой чистоты воскресшей вѣры и непосредственного изліянія безотрадныхъ мыслей противъ роковыхъ законовъ исторіи или холоднаго безучастія природы къ человѣческимъ скорбямъ, что внушается полная увѣренность въ способности поэта писать не чернилами, а слезами извлекать прозрачныя слова изъ тайника сердца, какъ падаютъ съ листьевъ капли утренней росы,—слагать пѣсни изъ боли сердечной или мрачной, гнетущей душевной тоски. Словомъ, его поэзія проникнута по преимуществу индивидуальнымъ чувствомъ и неизлѣчимымъ субъективизмомъ.

Художественное дарованіе грузинскаго романтика, которое могло бы удовлетворить самыхъ строгихъ цѣнителей поэтическихъ произведеній, нашло яркое проявленіе въ талантливомъ умѣнн воспроизведеніи

величественной кавказской природы. Онъ не остается чуждымъ „обаянію синяго неба, зеленѣющихъ деревьевъ, таинственнаго ночного мрака или согревающей ласки первыхъ солнечныхъ лучей“. Страсть къ красотамъ окружающей среды составляетъ врожденную, неотъемлемую его черту, которая склоняетъ поэта сопровождать каждое свое стихотвореніе то мирными чарующими пейзажами, то бурными, грозными явленіями, нежданно смѣняющимися „спокойный волшебный сонъ“.

Стихотвореніе „Сирота“, посвященное памяти знаменитаго грузинскаго поэта XII в. Шота Руставели, заключаетъ въ себѣ прекрасную параллель угрюмой картины подъ свинцовымъ небомъ, при бусеваніи моря, озаряемаго грознымъ сверканьемъ молній, а съ другой стороны тихой сцены въ поэтическомъ сумракѣ лѣтняго вечера, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца. Мы видимъ на сценѣ и необятныя волны, и величавыя горы, и цѣвущія долины, порой слышимъ пѣніе птицъ. „Дремало тихо море въ волшебномъ сладкомъ снѣ, а солнце отражалось въ зеркальной синевѣ, лучами озаря лазурный небосклонъ, алмазами сверкало въ струяхъ прозрачныхъ водъ. Надъ моремъ Чернымъ шаръ солнца золотой въ величьи опускался надъ бездною морской. Спустился тихій вечеръ, и неба свѣтлый сводъ усеялся звѣздами—луна глядитъ съ высотъ. Свѣтила отражались въ зеркальной синевѣ, а море все дремало въ волшебномъ, сладкомъ снѣ... Нарушенъ сонъ волшебный, вдали разнесся гулъ, то бури приближеніе, яснѣе, ближе шумъ. И море встрепенулось и съ страшною быстротою несется волнъ отряды въ отважный, дружный бой. А черныхъ тучъ громады покрыли небосклонъ,—исчезли звѣздъ мірады, затмилось все кругомъ.“

И бурная стихія разгнѣванныхъ небесъ
Шумитъ и рветъ, и мечетъ,—
Вокругъ лишь стонъ и трескъ:
То домятся мачты на мощныхъ корабляхъ,
То рвутся парусъ, снасти на маленькихъ судахъ.

Природа благодатною своею силой врачевала кн. В. Орбелиани въ минуты скорби и тревогъ. Онъ невольно отдается обаятельной красотѣ мірозданія, его гармонія умиротворяетъ душу поэта и вызываетъ изъ нея отвѣтныя гармоничныя пѣсни. Конечно, въ природѣ есть своего рода печаль, свой глубокой трауръ, но человѣкъ, удрученный горемъ, находитъ отраду въ этомъ соотвѣтствіи его душевному настроенію, западается бодрящими чувствами, какія она сообщаетъ. Природа воспитала не только самаго автора, но и того великаго писателя, котораго онъ воспѣваетъ въ своемъ стихотвореніи. Сирота-поэтъ, Ш. Руставели, не вѣдавшій съ дѣтства ласки семьи своей родной, былъ благословенъ всеильнымъ, дивнымъ Богомъ: „тебя прослаблю Я межъ всѣхъ сыновъ родныхъ, храни святое пламя небеснаго огня, будь милосерднымъ, добрымъ. живи, весь міръ любя. И словомъ вдохновенья, и силою ума

лучь свѣта, обновленья заронишь ты въ сердца. За равенство, за братство, за общую любовь польются рѣки жгучи твоихъ могучихъ словъ. Сынамъ родной отчизны ты вѣчно будешь милъ, что лирой сладкозвучной ты чувства ихъ будилъ. Лучами свѣтлыми тебя я озарю, и будешь свѣточемъ въ родномъ своемъ краю“...

И выросъ въ одиночествѣ
Великій сирота,
Подъ тихій шепотъ лѣса
Съ журчаньемъ ручейка.
Его друзьями были
Лѣсъ, горы и луга,
И лучъ горячій солнца
И тихая луна.
А звѣзды яркія,
Красуясь въ небесахъ,
Ему шептали тайны
О сказочныхъ мірахъ.

„Онъ часто любовался весеннею порой природы пробужденьемъ и свѣтлою зарей. Иль буря разразится разгнѣванныхъ небесъ: раскаты грома, вѣтеръ, иль молній свѣтлый блескъ разбивали въ немъ сразу міръ сладкихъ, чудныхъ грезъ и уносили въ міръ иной—страдающа и слезъ. Высоты-великаны, вершины снѣжныхъ горъ глядѣли гордо, стройно сквозь дымку облаковъ. Мечтою уносился онъ за предѣлы горъ, гдѣ чудныя равнины и глѣ душъ просторъ. Раскинула природа тамъ пестрые ковры, тамъ бурныхъ рѣкъ потоки несутся съ высотъ“.

Биографія Ш. Руставели, котораго такъ восторженно воспѣваетъ въ этомъ стихотвореніи В. Орбелани, извѣстна намъ только въ отрывочныхъ указаніяхъ позднихъ источниковъ грузинской литературы. Недостатокъ точныхъ фактовъ изъ жизни великаго поэта XII в. восполняется фантазіей писателя нашего времени, пытающагося, въ предѣлахъ естественнаго вымысла, намѣтить могучее влияние той чудной природы, на лонѣ которой росъ и воспитывался безсмертный „сирота“. Не только красоты окружающей среды пробуждали въ Руставели къ творчеству его гений, но тѣ незабвенныя воспоминанія о подвигахъ отцовъ, которые съ благоговѣніемъ передавались изъ устъ въ уста свидѣтелями дѣлъ великихъ: „Колхидѣ-жъ гордой, мощной не страшень бури вой; она стоитъ у берега, не склонится главою. А Эльбрусъ величавый, могучій исполнень, свидѣтель дѣлъ великихъ и подвиговъ былыхъ, красуется подъ нею, храня героевъ сонъ,—сонъ вѣчный, непробудный великихъ тѣхъ отцовъ, что гибли за отчизну, за родину, за тронъ... О нихъ хранится память въ сердцахъ родныхъ сыновъ“. Съ глубокой древности Кавказъ былъ окруженъ фантастическимъ ореоломъ. Сюда былъ совершенъ походъ Аргонатовъ; на вершинѣ Арарата, по преданію, остановился ковчегъ

Ноя, на Казбекѣ указываютъ слѣды шатра Авраама и яслей Спасителя. Вотъ почему Орбелани говорить: „Страна злагого руна, библейскій міръ чудесь, предстала предъ очами красую чудныхъ мѣстъ“.

Глядитъ не наглядится ¹⁾
Великій сирота,—
И шлеть привѣтъ отчизнѣ—
Восторгомъ грудь полна.

Образованіе поэтъ эпохи царицы Тамары получаетъ въ свѣтлой Элладѣ ²⁾, странѣ Гомера и Ѡемистокла и, по его довершеніи, юноша мчится съ восторгомъ къ роднымъ долинамъ Ріона, гдѣ „скалы вѣковья стремятся къ небесамъ и башни сторожевыя красуются въ горахъ, а храмы ужъ свѣтлые видѣются вдаль, свидѣтели нѣмые глубокой старины... И всюду жизнь, движеніе, куда-то все спѣшать, то время возрожденія, народъ отъ сна возсталъ. Растутъ дворцы, палаты царицы молодой, зовутъ ее Тамарой, Иверин красой, а вѣкъ ея зовется вѣкъ гордый, золотой. И юноша стремится къ ногамъ царицы пасть, увидѣть свѣтлый образъ и голосъ услышать.—Предстало предъ очами виднѣе, божество... о радостный мигъ счастья, о сердца торжество! Онъ зреть свою царю въ сіяніи лучей, глядитъ, не наглядится, не сводитъ онъ очей“.

О, муза вдохновенья,
Царица ты царей,
Прими меня, я, сынъ твой,
Пришелъ изъ-за морей!
Хочу воспѣть тебя я,
Дѣянья все твои,
Хочу служить отчизнѣ
Всею силой моею!

Молодой воспитанникъ греческой школы исполняетъ свое обѣщаніе: онъ посвящаетъ себя литературной дѣятельности и создаетъ знаменитую поэмѣ „Барсова кожа“, составляющую красу грузинскаго творчества. „Раздались звуки лиры; онъ пѣсни сталъ слагать: то были перлы слова—алмазъ и брилліантъ. Межъ камней самоцвѣтныхъ въ оправѣ золотой былъ жемчугъ бѣлоснѣжный и яхонтъ дорогой“. Подобными сравненіями въ восточномъ вкусѣ характеризуется В. Орбелани высокое содержаніе поэмѣ Ш. Руставели. Сама царица Тамара увлекается созданіемъ своего придворнаго поэта, и уста ея безпрестанно шепчутъ волшебныя слова

¹⁾ Эти отрывки приводятся въ переводѣ княг. С. В. Амраджби.

²⁾ В. Орбелани допустилъ въ данномъ случаѣ обычное смѣшеніе Аенія съ Аеономъ, гдѣ молодые грузины довершали свое образованіе въ теченіи среднихъ вѣковъ.

любви и дружбы. Пышный дворъ окружаетъ гордый тронъ свѣтлой Тамары и въ нѣмомъ очарованіи ждетъ онъ приказа своей вѣнценосной, боготворимой царицы.

Скажите мнѣ, гдѣ онъ?
Гдѣ мужъ великій, мудрый,
Что пѣсни мнѣ прислать?
Его желаю видѣть,
Хочу, чтобъ онъ предсталъ.

„Исполнено желаніе царицы молодой, и юноша предъ нею сияетъ красотой. И пламя вдохновенія горитъ въ его очахъ, и свѣтится умъ свѣтлый въ восторженныхъ чертахъ. Проникнуть онъ любовью къ царицѣ дорогой, онъ любитъ своихъ братьевъ, онъ любитъ край родной.— И свѣтлая царица, пѣвница пѣвцомъ, спросила кротко, вѣжно избранника боговъ: „Скажи какою властью чаруешь ты насъ всѣхъ и гдѣ ты научился стихами такъ владѣть“.— „О дивная царица, тебѣ обязанъ я, тебя лишь я завидѣлъ и льется пѣснь моя!“ Царица, улыбаясь, отвѣтила ему: „Нѣтъ, сынъ мой, ты обязанъ лишь Богу одному.—Его могучей властью ты пѣсни сталъ слагать, что силой, мощью, страстью должны всѣхъ чаровать. И будешь ты великимъ въ отчизнѣ дорогой, короны украснемъ и гордостью родной!“

Кто-жъ юноша прекрасный,
Чьи струны такъ сладко пѣли?
—То былъ поэтъ отчизны
Великій Руставели.

Мы намѣренно остановились на подробномъ воспроизведеніи одного изъ лучшихъ стихотвореній В. Орбеліани, чтобы дать представление о патриотическомъ пафосѣ поэта и объ умѣннн его облечь народное сказаніе о Руставели въ изящную художественную форму, съ гармоничнымъ сочетаніемъ пейзажей и жанровыхъ картинъ.

Нужно отдать справедливость грузинскому поэту, что онъ не стремился художественное творчество превратить въ исключительное орудіе публицистическихъ идей. Съ другой стороны, не считая „чистое искусство“ безусловно удѣломъ поэтического вдохновенія, онъ охотно жертвовалъ для жизни искусствомъ, внося въ свои стихотворенія отголоски „политики“ и злобы дня. Шествуя „свободною дорогой“, куда влечетъ творческой полетъ „свободный умъ“, онъ пѣлъ и красу небесъ, и ласку милой, а когда его волновали общественныя идеи, то онъ смѣло посвящалъ имъ свое вдохновеніе, бралъ стройные и мощные аккорды гражданской лиры, доходя до созданія такихъ торжественныхъ кантатъ, какъ „Царица“, „Надежда“, „Зачѣмъ мы рождены?“, проникнутыхъ такимъ энергичнымъ протестомъ противъ растительной жизни и эгоистическихъ

помысловъ земного существованія, что оно переходитъ въ нравственное поученіе, исполненное чистыхъ и великодушныхъ стремленій,—поэтъ становится благимъ сѣятелемъ, настыремъ душъ, указывающимъ народу истинный путь общественнаго служенія.

Зачѣмъ мы рождены?
Ужели лишь затѣмъ,
Чтобъ вѣчно у Творца все большего просить!
—И въ этотъ чудный міръ
Ужель затѣмъ пришли,
Чтобъ жалкими слѣзками по свѣту бродить?

Стихотвореніе это ясно свидѣтельствуетъ, что поэтическое творчество для кн. В. В. Орбеліани не внезапное изліаніе чувствъ, а плодъ глубокого обдуманнаго труда. „Ужель свой образъ Богъ затѣмъ намъ даровалъ, чтобъ позабыть всѣ свѣтлыя велѣнія и, какъ ничтожество, рабы своихъ страстей, не исполнять святого назначенія? Ужели лишь затѣмъ, чтобъ Бога позабыть—не жить братьями всеобщей любовью, и помнить лишь себя, въ довольствѣ жить, почитать, а къ ближнимъ относиться съ злобою, враждой? Ужели лишь затѣмъ мы Богомъ созданы, чтобъ прелестъ всю бытія и красоту вселенной, и солнца свѣтлый лучъ, и синеву небесъ не видѣть, не цѣнить и въ пошлости надменной лишь съ алчностью глядѣть на золото, серебро? Желать добра чужого; жаждать крови, мести, святое все забыть—и вѣру, и любовь; и братьевъ не щадить, забыть законы чести, предать мечу, огню ихъ села, мирный кровъ? Страну опустошить погубительной войною и видѣть голодъ, смерть, и слышать тяжкій стонъ, и на скорбь не отвѣтить ни одной слезой?“

Создавшего стихотвореніе „Зачѣмъ мы рождены?“ никакъ уже нельзя признавать сторонникомъ „искусства для искусства“,—онъ „не рожденъ для звуковъ сладкихъ и молитвъ“, для него конечная цѣль поэзіи—смигченіе сердецъ и широкая цивилизація. Кн. В. Орбеліани властвуетъ, при самомъ возвышенномъ полетѣ фантазіи, надъ поэтическимъ содержаніемъ своихъ твореній. Особенную прелесть и цѣнность его поэзіи составляетъ отсутствіе раздвоенія между умомъ и поэтическимъ чувствомъ, въ глубокомъ и сознательномъ убѣжденіи, что призваніе человека—творить добро, одухотворять жизнь, давая ей смыслъ и красоту. Стихотвореніе „Царица“ прекрасно характеризуетъ его общественные идеалы, въ которыхъ сказываются тенденціи молодой грузинской литературы. Онъ здѣсь могъ вмѣстѣ съ своимъ любимымъ поэтомъ В. Гюго сказать, что „каждый писатель, въ какой бы сферѣ ни вращался его мысль, обязанъ прежде всего имѣть въ виду общественную мысль“. Это-то убѣжденіе проникаетъ и согреваетъ одно изъ нѣжныхъ по глубинѣ чувствъ и свѣтлыхъ по блестящей идеѣ мелодичное его твореніе „Царица“.

Предъ юной дѣвой стоитъ безумно влюбленный царь, готовый пожертвовать для завоеванія сердца гордой красавицы всѣмъ, что дорого ему: и славою своею, и достоиніемъ, обѣщая воздвигнуть пышные чертоги и лелѣять ее несмолкаемыми звуками сладкихъ струнъ.

Шепни лишь слово мнѣ и сказочный, богатый
Чертогъ воздвигну я изъ золота тебѣ,
И серебромъ его украшу, и садами
Достойными тебя, его я окружу.
Одѣну я тебя въ блестящую порфиру,
Всю въ самоцвѣтныхъ камняхъ утоплю,
Чтобы завистью сердца забилися—бъ у сверстницъ...
На ложе жемчугомъ и золотомъ расшитомъ
Тебя я пѣсней любовной усыплю,
И разбуду тебя я лютни пѣжнымъ звукомъ.
О, только полюби, не убивай отказомъ.

(Пер. Л. Кипіани).

Но обѣщанія роскошной и поэтической обстановки не трогаютъ сердца молодой царицы, „прекрасной, какъ грезна;—сирота-царь безъ друга и родныхъ, робко умоляющій о любви, не возбуждаетъ въ ней ни жалости, ни симпатіи. Если для снисканія ея расположенія нужно увѣнчать себя лаврами побѣдителя, то онъ готовъ надѣть кольчугу и въ смертный бой вступить съ врагомъ. Но прелестная дѣва со слезами на глазахъ и съ печалью неподдѣльной грусти стоитъ безотвѣтна, разжигая страсть въ своемъ горячемъ поклонникѣ. Царь не останавливается предъ самыми крупными жертвами, вручая и скипетръ, и тронъ, и порфиру божественной красавицѣ, образъ которой ему являлся и въ хижинѣ бѣдняка, гдѣ она убаюкивала ребенка, и на улицѣ въ присутствіи нищихъ, которымъ она подавала хлѣбъ и утирала слезы... Достаточно ея улыбки, и она будетъ самымъ яркимъ алмазомъ въ его царственомъ вѣницѣ.

О, дай же мнѣ отвѣтъ! Ты вся, твое лицо,
Все существо твое со мною не разлучно.
Чудесный образъ твой мнѣ въ сердцѣ навсегда
Запечатлѣнъ, онъ вѣчно предъ глазами...
Не знаешь ты меня, но я тебя давно,
Гдѣ-бы не была ты—давно тебя я знаю:
Во храмѣ-ль скрытою съ молитвой на устахъ,
Парицею мечтой у Бога въ небесахъ,
Я зналъ тебя, когда съ своею благодатью
Самъ Богъ тебя десницею свыше осѣнялъ.
Я зналъ тебя, когда ты въ саклѣ бѣдняка
Рукою колыбель убогую качала,

И тихимъ голосомъ надъ бѣдной сиротой
Сны золотые навѣвала.
Голоднымъ бѣднякамъ ты раздавала хлѣбъ
И словомъ теплымъ имъ слезу ты осушала...
Довольно, пусть теперь тебѣ принадлежать
Порфира, скипетръ мой и власть, и царскій тронъ.
И весь, подвластный мнѣ народъ. Моей коронѣ,
Горящей тысячею камней, недостаетъ
Алмаза лучшаго и этотъ лучший камень
Ты—перль души моей, царица, женщина—ты...

Видя пламенную любовь царя, она рѣшается произнести свое слово: „Мнѣ не пужно,—говоритъ красавица,—ни твоихъ сокровищъ, ни твоего величія; если ты желаешь сдѣлать меня царицей, то не вѣрь льстецамъ придворнымъ, даруй народу счастье и свободу, обезпечь его отъ произвола и раздѣли съ нимъ свою власть. Трудомъ и достоиніемъ подданныхъ не пользуйся въ своихъ интересахъ, приюти вдовъ и сиротъ, подыми падшихъ и помоги бѣднымъ,—сдѣлай обновить жизнь народа, и тогда я твоя супруга!“

Спокойно на царя красавица взглянула
И молвить: „Всѣмъ твоимъ сокровищамъ, о царь,
И блеску твоему дѣны не придаю я!
А чтобы кушать меня и чистоту мою—
Всѣхъ міровыхъ богатствъ и блеска было-бъ мало.
Иными пѣснями меня растила мать...
Что значить, царь, твой тронъ, когда съ его высотъ
Къ народу благодать и милость не снисходить?!
А если хочешь ты, чтобы я твоей была,
Чтобы я была страны законною царицей—
Народу своему ты должное воздай,
Не поручай его всеильнымъ царедворцамъ.
Народнаго труда и жалкихъ крохъ его
Ты не желай себѣ,—все возврати ему-же!
Бездомныхъ, сиротъ, вдовъ ты, сердцемъ понимай,
Надъ обездоленнымъ пролей слезу участя...
И торопись, о царь, пока къ тебѣ народъ
Исполненъ вѣрою, любовью и надеждой
И бьется для тебя пока всѣмъ сердцемъ онъ...
Царь, осѣни его ты свѣтомъ обновленья,
Тогда лишь я твоя какъ другъ и какъ жена.

Юный царь только теперь понялъ свое истинное назначенье, и любовь принесла ему личное счастье, а странѣ миръ и благоденствіе. „Царь къ народу выходитъ, чувствуя высокихъ полнѣ: „Тебѣ я буду

преданъ!“—лишь промолвить онъ... и кликами восторга воздух огласился. и царь съ своимъ народомъ воедино слился“.

Производить розыски національных источниковъ идейнаго содержания вышеизложеннаго стихотворенія представляется дѣломъ бесплоднымъ. Съ самыхъ древнихъ времёнъ грузинская литература, какъ и всякая, была подвержена ви́шнему влиянію, широко пользуясь, подобно писателямъ всѣхъ странъ, сюжетами иностранныхъ произведеній. Между народами существуетъ постоянный обменъ идей и найти дѣйствительное ихъ происхожденіе невозможно. Ни одна нація, по мнѣнію французскаго критика Галле, не можетъ считать ихъ своимъ достояніемъ, никто не можетъ сказать, гдѣ онѣ родились и кому первому пришли въ голову. Въ умѣ человѣчества такъ же, какъ въ умѣ отдѣльнаго индивидуума, мысли цѣпляются и тянутся одни за другою; ихъ цѣпь не имѣетъ перерыва. Въ настоящее время ассимиляція чужеземныхъ идей развилась въ большей степени, чѣмъ когда-нибудь. Нравы, привычки, костюмы, моды и законы дѣлаются все менѣе различными въ отдѣльныхъ странахъ; каждый изучаетъ языкъ и духъ своихъ сосѣдей; какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ слояхъ общества космополитизмъ дѣлаетъ все большіе успѣхи.

Въ виду этихъ условій распространенія интеллектуальной солидарности въ художникахъ и философахъ, приходится ограничить предѣлы непосредственнаго влияния иностранной литературы на творчество кн. В. Орбелиани. Какъ однохарактерность поэтического вымысла въ первоначальныхъ проблескахъ у различныхъ народовъ обусловливается общими психическими условіями, точно такъ же личное творчество писателей, отдаленныхъ другъ отъ друга по національному происхожденію и культурнымъ воздѣйствіямъ, нерѣдко должно быть объяснено однородными особенными, свойственными вообще человѣку всѣхъ странъ и народовъ. По этому, въ нашихъ глазахъ, кн. В. Орбелиани могъ бы считаться самобытнымъ, ви́мъ общаго европейскаго теченія, поэтомъ-романтикомъ, вдохновляющимся, въ виду особыхъ историческихъ условій, исключительною любовью къ вишнякамъ прошлаго разцвѣта Грузіи и надеждою полного возрожденія своей страны въ будущемъ въ воздаяніе за испытываемыя муки и страданія въ настоящемъ. Этимъ объясняется, что смѣняющіяся краски мимолетныхъ явленій жизни не развлекали и не занимали поэта, для его много пережившей души не существовало неизбѣдныхъ впечатлѣній; а внутренний взоръ его таинственно обращался за предѣлы современной жизни, туда... „на тотъ берегъ“ былаго величія Грузіи. И подъ кровомъ неувидаемой вѣры, что роди́нъ вернется „потерянный рай“, тихо догорѣли всѣ судьбой ему отсчитанные дни.

Князь Р. Д. Эристовъ (1824—1901 гг.).

Помнится день 22-го октября 1895 г. Въ этотъ день чествовалось пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности кн. Р. Д. Эристова. Это былъ

день всеобщаго народнаго праздника. Каждый грузинъ въ этотъ день, гдѣ бы онъ ни былъ, такъ или иначе выразилъ свои симпатіи поэту: письма и телеграммы летѣли со всѣхъ сторонъ свѣта, гдѣ жилъ хотя бы одинъ грузинъ. Въ Тифлисѣ же съ разныхъ концовъ Закавказья стекались депутаціи, чтобы привѣтствовать маститаго юбиляра. Крестьянинъ и князь, богачъ и бѣднякъ, хевсуръ и шавецъ—всѣ кто не разъ упивался чудной мелодіей стиховъ Р. Д., кто въ часъ скорби находилъ утѣшеніе въ бесѣдѣ съ музой его, въ комъ не разъ лира поэта пробуждала „чувства добрыя“,—всѣ они соединились воедино, чтобы привѣтствовать своего учителя и наставника, который научилъ ихъ любить родину.

Организовавшийся 1895 г. еще лѣтомъ юбилейный комитетъ изъ извѣстныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей привлекъ все грузинское населеніе къ участию въ небываломъ доселѣ національно-культурномъ торжествѣ и давно ожидаемомъ чествованіи любимѣйшаго писателя, прозваннаго „патриархомъ грузинскихъ поэтовъ“¹⁾.

Выступивъ на литературное поприще полвѣка тому назадъ, въ ту эпоху, когда въ грузинской поэзіи господствовало анакреонтическое направленіе князя А. Чавчавадзе, тестя Грибоѣдова,—кн. Рафаилъ Давыдовичъ Эристовъ, воздавъ должное духу времени, посвятилъ первую половину своей литературной дѣятельности исключительно воспѣванію вина, любви и женщинъ,—иными словами, его вдохновляли радости жизни, подобно „сладчайшему поэту“ древняго міра. Однако, канунъ освободительныхъ реформъ Александра II, возбуждившій сочувствіе къ подневольному классу въ грузинской молодежи, воспитывавшейся въ русскихъ университетахъ, вызвалъ въ Грузіи новое литературное вѣяніе, во главѣ котораго шелъ кн. Илья Чавчавадзе. Къ этому примкнулъ и чуткій ко всему благородному талантливый поэтъ кн. Р. Эристовъ.

Въ 1857 г. въ печати появилось стихотвореніе кн. Эристова *Письма матери предъ участковымъ засѣдателемъ*, впервые затрогивающее печальныя послѣдствія крѣпостнаго права въ сферѣ семейнаго быта. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ окончательно перестраиваетъ „струны и лиру“, чтобы стать народнымъ пѣвцомъ, изливающимъ то скорбныя чувства, при видѣ крестьянъ, подавленныхъ въ сѣтяхъ ростовщика или помѣщика, то рисующимъ трогательныя буколическія идилліи. Таковы его стихотворенія: *Жалоба Бериа* и *Думы Сесіа*, *Тиня* и *Песня арабоуца*. Достаточно прочесть отмѣченныя кантаты грузинскаго поэта для удостовѣренія, что муза его не является гениемъ мести и печали: кн. Эристовъ неисправимый оптимистъ, умѣющий то находить среди суровой дѣйствительности проблески счастья и любви, то примирять крестьянина съ горькою участью въ религиозной надеждѣ на свѣтлое будущее.

¹⁾ О немъ см. *Голартели* Груз. народная поэзія. Кн. Р. Эристовъ. „Квали“ 1911 г. № 20-23 и *Ил. Давыдовъ*. „Кавказ. Вѣстникъ“ 1901, № 4.

Другую особенностью музы кн. Эристова слѣдуетъ признать его пламенную привязанность къ яркимъ образамъ изъ прошлой исторіи Грузіи и къ существеннымъ запросамъ ея современной жизни. Повинуясь своей творческой фантазіи и накинѣвшему чувству, онъ восходитъ до патристическаго паюса въ поэмѣ *Аспиндская битва*, воспѣвающей безавѣтную преданность грузинскаго царя-героя Праклія II своей маленькой странѣ, и въ двухъ стихотвореніяхъ, составляющихъ перлы его лиры: *Родной языкъ* и *Родина хевсура*. Но онъ не принадлежитъ къ той группѣ писателей, которые обращаютъ взоры лишь на былое величіе своего отечества.—онъ не менѣе озабоченъ назрѣвшимъ вопросомъ о воцареніи въ грядущемъ правды и достойномъ воспитаніи молодого поколѣнія; съ этою-то цѣлью, составляющей третью особенность его программы литературной дѣятельности,—онъ переводитъ Пушкина и Крылова, пишетъ чудныя оригинальныя стихотворенія, считающіяся красой грузинской дѣтской бібліотеки.

Къ намѣченнымъ характеристическимъ признакамъ можетъ быть сведено все содержаніе лиры кн. Эристова; въ предѣлахъ трехъ вдохновляющихъ его сюжетовъ укладывается 50-лѣтнее поэтическое его творчество.

Время рожденія кн. Эристова (9 апр. 1824 г. въ сел. Чала) совпадаетъ приблизительно съ двадцатилѣтіемъ водворенія русскаго владычества въ предѣлахъ восточной Грузіи. Извѣстно, что до назначенія кн. Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ русское вліяніе слабо проникло въ вѣкѣми установившіеся порядокъ и въ сферу традиціонныхъ нравовъ грузинскаго народа. Ломка національной жизни Грузіи относится ко второй половинѣ XIX столѣтія, и потому эпоха воспитанія будущаго грузинскаго поэта носить еще всѣ черты стариннаго строя утраченнаго политическую самостоятельность Грузинскаго царства. Маленькій „Рафо“, принадлежащій къ родовитой фамиліи князей Ксанскихъ, растетъ въ деревнѣ Кистаури, среди роскошной кахетинской природы подъ непосредственнымъ надзоромъ матери, карталинской княжны Нины Амцлахвари, напѣвающей ребенку съ раннихъ лѣтъ стихи изъ знаменитой поэмы XII вѣка *Барсовой кожи*, воспитательной книги грузинскаго общества на пространствѣ семисотъ лѣтъ. Съ любовью къ трогательной судьбѣ героевъ поэмы Руставели, семилѣтній Рафо всасываетъ народныя сказки и пылкія лирическія пѣсни, съ благоговѣніемъ сообщаемыя ему няней изъ крѣпостныхъ крестьянокъ. Рано усвоивъ грузинскую грамоту, ребенокъ поступаетъ для изученія русскаго языка къ пріѣзжему изъ Тифлиса въ сел. Грени какому-то Краснокулову, оказавшемуся очень суровымъ, обожавшимъ розги педагогомъ, но неподготовленнымъ преподавателемъ. Десяти лѣтъ, по старинному грузинскому обычаю, поета отдають въ Шуматійскій монастырь въ цѣляхъ усовершенствованія въ священномъ писаніи подъ руководствомъ просвѣщеннаго инока Филадельфа Кинадзе. Помимо предметовъ общаго образованія, этотъ монахъ знакомилъ своихъ воспитанниковъ съ осно-

вами піитики и риторики, а по воскресеньямъ водилъ дѣтей гулять по полямъ и лѣсамъ, приучая здѣсь подъ обаяніемъ красотъ природы слогать стихи и пѣть духовныя гимны. Дальнѣйшее воспитаніе кн. Эристова получаетъ въ г. Гори, гдѣ его готовятъ для поступления прямо въ III классъ тифлисской гимназіи. По окончаніи здѣсь (1845 г.) полнаго курса, поэтъ по болѣзни вынужденъ быть отказаться отъ университетскаго образованія и въ 1846 г. поступилъ на государственную службу, которую несъ почти до смерти, мѣняя лишь вѣдомства служебной карьеры.

Большую часть своей жизни кн. Р. Эристовъ провелъ не въ поэзіи, а въ самой горькой прозѣ, за служебнымъ столомъ, гдѣ отписывалъ бумаги, вершалъ дѣла отъ міра сего. Служба его была необыкновенно разнообразна, доставила писателю много пестрыхъ этнографическихъ фактовъ и обогатила его познанія непосредственными наблюденіями. Поступивъ переводчикомъ съ грузинскаго языка въ „Тушино-пшаво-хевсурское окружное управленіе“ и пройдя здѣсь различныя ступени іерархической лѣстницы, онъ былъ назначенъ зугдидскимъ окружнымъ начальникомъ, потомъ членомъ совѣта управленія Мингреліи и чиновникомъ отъ правительства при разборѣ правъ мингрельскаго дворянства. Со введеніемъ на Кавказѣ судебныхъ уставовъ Александра II кн. Эристовъ былъ назначенъ мировымъ судьей сначала въ Кутансь, затѣмъ въ Рачинскій уѣздъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и началъ заниматься адвокатурой. Къ 1889 г. онъ вновь поступилъ на государственную службу и съ тѣхъ поръ состоялъ до конца 1896 г. младшимъ цензоромъ туземныхъ языковъ при кавказскомъ цензурномъ комитетѣ. 18 февраля 1901 г. послѣ постигшаго его паралича и продолжительной болѣзни онъ скончался въ г. Телавѣ.

Первые шаги его служебной карьеры обусловили и начальныя работы въ области литературы. Пребываніе его въ горахъ и знакомство съ бытомъ горцевъ дало ему возможность собрать весьма цѣнный этнографическій и юридическій матеріалъ, обработанный имъ въ до сихъ поръ остающемся образцовомъ очеркѣ „О Тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ“. Назначеніемъ своимъ чиновникомъ въ западную Грузію кн. Эристовъ воспользовался для собиранія свѣдѣній о народныхъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ, а результатомъ этого изученія явились въ газетѣ *Кавказъ* статьи—*Письмо изъ Имеретіи* и *Путешествіе по Мингреліи*, а этнографическіе его *Очерки Сванетіи* появились въ „Нов. Обзор.“ за 1896 г. Сближеніе его съ различными общественными группами и разнообразными народностями грузинскаго племени сопровождалось усвоеніемъ характерныхъ особенностей быта и языка, которыми отличаются его многочисленныя драматическія пьесы, рассказы и лирическія стихотворенія. Изученіе на мѣстѣ разныхъ говоровъ грузинскаго языка и памятниковъ древней письменности послужило главнымъ источникомъ составленнаго имъ грузино-русско-латинскаго словаря изъ трехъ естественныхъ царствъ природы и редактированнаго имъ грузинскаго словаря

ки. Саввы-Сулхана-Орбелиани, писателя XVIII в. Кн. Р. Эристовъ рѣдкій грузинскій писатель, соединившій въ себѣ ученаго и поэта.

Поэтъ далъ еще нѣсколько драматическихъ произведеній (премированная „Шутка съ дядюшкой“, „Адвокаты“, „У парикмахера“, „Вертициеса столы“, „Качуа“), имѣвшихъ большой успѣхъ въ грузинскомъ обществѣ.

Покойный извѣстенъ также, какъ переводчикъ Пушкина (Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ), Лермонтова, Майкова, Кольцова, Крылова, Тютчева, Беранже и др. Переводы басенъ Крылова и „Скупого рыцаря“ Пушкина представляютъ *chefs d'oeuvre*.

Въ настоящемъ очеркѣ мы будемъ имѣть въ виду не ученую дѣятельность кн. Р. Эристова, а характеристику мотивовъ, составляющихъ особенность его лирическаго творчества ¹⁾.

Первое стихотвореніе его появилось въ 1845 г. въ дидактическомъ вкусѣ, подъ заглавіемъ: *Наставленіе* (1844 г.), въ которомъ молодой поэтъ, буруеваемый пробудившейся страстью, наставляетъ себя не поддаваться ласкамъ кокетливыхъ красавицъ. Къ тому же времени относится стихотв. *Разсказъ старца*, въ которомъ умирающій на войнѣ грузинъ шлетъ трогательный привѣтъ своей невѣстѣ Нинѣ. Последовавшія за нимъ произведенія: *Глаза*, *Розы*, *Желаніе*, *Любовь*, *Семнадцатилѣтней дѣвушкѣ*, — преисполнены восторженными диопрамбами красотѣ, страстнымъ чувствамъ, пѣснямъ соловья и звукамъ поцѣлуя. Одно изъ стихотвореній, — въ которомъ изображена запоздалая любовь человека 50 лѣтъ къ молодой женщинѣ, поклонницѣ не ума и горькихъ житейскихъ думъ, а юнаго и статнаго красавца, — приобрѣло обширную популярность, и вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ остается застольною пѣсней для обиженныхъ амуромъ, съ особою энергіей отгнѣяющихъ слова поэта: „Ты за что меня полюбишь?“ Напрасно, впрочемъ, будемъ мы искать даже въ его анакреонтическихъ произведеніяхъ излишняго сенсуализма или чрезмѣрнаго восхваленія радостей жизни. Небольшія его пьесы: *Возвѣдь*, напоминающей въ своемъ небесномъ сіяніи образъ нежданно угасшаго друга, и *За что я тебя люблю*, — вопросъ и отвѣтъ *божественной царицы*, плѣнившей пылкое его сердце своей духовной чистотой, свидѣтельствуютъ скорѣе объ идеалистическомъ вдохновеніи кн. Эристова, проникнутомъ извѣстною дозой тоски и недовольства. Наряду съ четверостишіемъ, заключающимъ въ себѣ слабый отгнѣнокъ чувственной любви, мы можемъ указать на слѣдующее стихотвореніе, согрѣтое глубокимъ лиризмомъ. Для сопоставленія ихъ приводимъ первое стихотвореніе въ прозаической передачѣ, а второе — во вполнѣ удачномъ переводѣ Н. Ф. Тхоржевскаго: „О еслибъ грезы сбылися, и могъ я скрыться здѣсь въ стихахъ, то я лобзалъ бы уста ея, когда она начнетъ читать“. Пластичной граціей и теплой искренностью вѣетъ въ томъ стихотвореніи, которое мы противопоставляемъ приведенному четверостишію:

¹⁾ Собраніе стихотвореній кн. Р. Эристова вышло въ 1893 г. Приготовляются къ печати его повѣсти и драматическія произведенія.

Зачѣмъ же зеркало тебѣ, моя шалунья?
Что ты прекрасна—знаешь ты.
Холодное жъ зеркало и отразитъ не въ силахъ
Всѣхъ чаръ волшебной красоты.

Но если точно ты себя желаешь видѣть—
Взгляни хоть разъ въ глубь сердца мгнѣ,
И въ немъ увидишь ты во всей красотѣ свой образъ,
Тамъ отразившійся вполнѣ.

Едва ли мы ошибемся, признавъ послѣднее стихотвореніе за показатель эротическаго содержанія поэзіи кн. Эристова, смѣняющаго свои платоническія чувства на земныя страсти въ одной только пѣснѣ *Любовь*, выразительницѣ южнаго настроенія тридцатилѣтняго поэта: „Если встрѣтишься съ красоткой, чьи глаза ты обожаешь, и любовь твоя не шутка,—какъ объ этомъ ты ей скажешь? . Обоймешь станъ гибкій страстно и прижмешь къ себѣ рукою, какъ зеленый плющъ обниметъ тополь яркою весною... Искра въ сердцѣ разгорится въ яркій, страстный, жгучій пламень, задрожитъ и затрепещетъ, какъ листочекъ,—будь ты камень! Ты ни скажешь ей ни слова, силъ не будетъ, что сказать! Счастливъ будешь безгранично, до мученія страдать. Ты смотришь ей будешь въ очи долго жадными глазами и сплетешь ты свои кудри съ шелковистыми кудрями. Въ поцѣлуѣ безконечномъ ты забудешь міръ несчастья и безъ словъ заплачешь сладко вмѣстѣ съ ней слезами счастья“.

Другое стихотвореніе, исчерпывающее лирику любви, озаглавлено у него *Ты и я*. Оно не лишено и автобіографическаго значенія. Поэтъ былъ женатъ на дочери гурійскаго князя Давида Эристова—молоденькой красавицѣ Теодосіи, которой онъ посвятилъ стихотвореніе *Отходящій къ восходящей (Ты и я)*.

Ты жаждешь пылкихъ ласкъ, ты другомъ юнымъ гредишь,
Не возражай—я правъ и клятвъ не расточай.
И какъ любви ко мнѣ въ груди твоей родиться?
Я старъ уже, а ты—ты вся цвѣтешь какъ май.

Заботъ и горькихъ думъ меня сломили годы,
И рано отжилъ я и весь поникъ челомъ,
Пятидесятый годъ подкрался, безпощадный,
Ударилъ по спинѣ меня онъ молоткомъ...
Ты-жъ вся, мой юный другъ, вся въ вѣшній цвѣтъ одѣта.
Ну какъ тебѣ любить того, чья пѣсня спѣта?

Въ твоихъ завѣтныхъ снахъ тебѣ онъ снится юный,
Съ загаромъ свѣжихъ щекъ, съ волной густыхъ кудрей,
И гибкій, какъ тростникъ, и какъ орѣшникъ крѣпкій,

И свѣжій, какъ цвѣтокъ твоихъ родныхъ полей...
 Ну, какъ тебѣ любить того, чья пѣсня спѣта?
 Ты, какъ душистый май, вся въ вѣшній цвѣтъ одѣта.

Видь юнаго лица тебя бросаетъ въ краску,
 Когда онъ въ грезахъ сна мелькаетъ предъ тобой,
 И ты огнемъ горюшь, хотя-бъ въ морозъ трескучій,
 Увидя черный усъ надъ свѣжею губой...

О другъ любящемъ и юномъ ты мечтаешь.
 О парѣ черныхъ глазъ, искрящихся огнемъ,
 Мечтаешь, чтобъ твой другъ, тебя улыбкой тѣша,
 Заботой полонъ былъ о счастьи твоёмъ...

Мой опытъ жизненный,—къ чему тебѣ онъ нуженъ?
 Къ чему тебѣ, мой другъ, весь зрѣлый разумъ мой,
 И преданность моя, которую скрываютъ
 Морщины глубокихъ рядъ и кудри съ сѣдиной?

Но знай, красавица, что сердце не старѣетъ,
 И въ немъ живетъ любви нетлѣнный огонекъ.
 И стойтъ подойти тебѣ къ нему, чтобъ мигомъ
 Сгорѣлъ онъ и тебя до тла мгновенно сжегъ...
 Ты какъ веселый май, вся въ вѣшній цвѣтъ одѣта,
 Тебѣ-ль сгорѣть отъ ласкъ того, чья пѣсня спѣта!

(Пер. Л. Китяни).

Полнотой красоты и простоты отличается одно изъ раннихъ его стихотвореній *Вѣстникъ*, переведенное В. Лебедевымъ подъ заглавиемъ *Мотылекъ*:

Въ садикъ мой благоуханный,
 Какъ порхающій цвѣтокъ,
 Прилетѣлъ ты, гость нежданный,
 Пестрокрылый мотылекъ!
 Полдень полонъ аромата
 Распуцающихся розъ,
 Ты зовешь меня куда-то,
 Ты мнѣ вѣсточку принеся.
 Садъ затихъ, молчитъ долина,
 Все въ полуденномъ огнѣ...
 Гдѣ, скажи, рѣзвуха—Нина
 Не забыла-ль обо мнѣ?
 Не обаянемъ юной красоты
 Приманкою извѣженной мечты—

Онъ красотою вышею и лучшей
 Плѣняетъ взоръ.
 Не оттого-ль душа
 Къ природѣ рвется радостно и страстно,
 Что молодость хороша,
 А старость такъ сильна и такъ прекрасна.

Но не этими общими лирическими мотивами знаменитъ поэтъ Эрнстовъ: слава его зиждется на тѣхъ оригинальныхъ по сюжету стихотвореніяхъ, которыя посвящены крестьянскому быту—живительному неизсякаемому роднику современной гражданской поэзии. Любопытно, что поворотный моментъ въ поэтической дѣятельности кн. Р. Эрстова начинается чрезъ 35 лѣтъ со времени появления первой пробы его пера и открывается высокохудожественнымъ стихотвореніемъ *Родина хевсура*, исполненнаго самодовольнаго чувства привязанности горца къ угрюмымъ, но величественнымъ скаламъ, простой, но ничѣмъ не стѣсненной свободной жизни среди могучихъ орловъ и горныхъ водопадовъ.

Гдѣ я родился и выросъ, стрѣлы металл и рѣзвился,
 Гдѣ надъ могилами предковъ думалъ о нихъ и молился,—
 Тамъ моя родина; съ нею съ дѣтства душой я сроднился;
 Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
 Нѣтъ, не отдамъ я за рай чужеземный отчизну святую!
 Милы мнѣ черныя скалы: тамъ у вершины ихъ свѣжной
 Горный гнѣздится орелъ; шумятъ водопады мятежно.
 Тамъ я охочусь на туровъ; мясо ихъ вкусно и пѣжно.
 Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
 Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!
 Еслибъ въ полномъ довольствѣ жить мнѣ пришлось на равнинѣ,
 Все бы стремился я въ горы, точно магнитъ въ ихъ вершинѣ.
 Лучше въ горахъ умереть, чѣмъ жить и томиться въ долинѣ.
 Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
 Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!
 Еслибъ меня на чужбинѣ встрѣтили съ царскимъ почетомъ,
 Тронъ и дворецъ предложили, съ войскомъ несмѣтнымъ и флотомъ,
 Жизнью клянусь я своею,—я-бъ не увлекся расчетомъ...
 Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
 Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!
 Матери грудь и отчизна, обѣ намъ незамѣнимы,
 Обѣ очей намъ дороже! Вѣрь мнѣ, собратъ мой любимый,
 Только одинъ Богъ предвѣчный, только одинъ край родимый!
 Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
 Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Эта „Пѣсня хевсура о родинѣ“, переданная на русскій языкъ И. Ф. Тхоржевскимъ весьма близко по содержанию къ оригиналу, быть

может не дать, въ виду непреодолимой трудности воспроизвести его причудливыя красоты, яснаго представлѣнія о томъ гармоническомъ соотвѣствіи вѣншей изящно отдѣланной формы съ внутреннимъ вполне законченнымъ содержаніемъ, которое подкупаетъ грузинскаго читателя, поражаетъ колоритною пластичностью и граціозною музыкальною звучностью. Сочетаніе благородной идеи и подвижной ея формы, рѣдкая чуткость проникновенія въ глубь сердца гордаго, свободолюбиваго народа, святыхъ сокровенныхъ чувства котораго кн. Эристовъ раскрылъ съ художественною мѣрой, безъ приторнаго сентиментализма въ мѣткихъ выразительныхъ образахъ, обусловили ту необыкновенную популярность которая обратила это стихотвореніе въ застольную пѣсню, вызывая въ душѣ грузина то слезы умиленія, то наполняя его высокимъ патриотическимъ чувствомъ. *Пѣснь хевсура о родинѣ* одно изъ тѣхъ стихотвореній, въ которомъ явственно слышатся въ словесныхъ звукахъ шумный свѣтлый потокъ, могучій вольный взмахъ горнаго орла, пугливый, быстрый прыжокъ красивой лани и непреклонный, сроднившійся съ суровою дѣйствительностью гордый духъ горца-царя этой чарующей грандіозной природы. Природа и человѣкъ—источникъ вдохновенія поэта—сливаются здѣсь въ единую нераздѣльную картину. Человѣкъ сообщаетъ природѣ свой нравственный отпечатокъ, природа же, въ свою очередь, сообщаетъ его сердцу тысячами тайныхъ голосовъ, въ самыхъ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ—въ свѣтлыхъ и мрачныхъ, въ бурныхъ и тихихъ. Важность и величавость, отгнѣняющія лирической тонъ грузинскаго поэта, облизываютъ его съ англійскимъ писателемъ Борнсомъ, съ любовью воспроизводившимъ шотландскую природу и патриархальную свободу. Великолѣпная его пѣсня, служащая эпитафией ко всей его поэзіи, служитъ прекрасною параллелью *Родинѣ хевсура*. Во избѣжаніе обвиненія въ голословномъ сопоставленіи грузинскаго и англійскаго поэтовъ, мы приводимъ отрывокъ изъ названнаго стихотворенія Борнса.

Мое сердце въ горной Шотландіи, мое сердце не здѣсь;
 Мое сердце въ горной Шотландіи на охотѣ за дичью,—
 На охотѣ за красною дичью и въ погонѣ за ланью,—
 Мое сердце въ горной Шотландіи, куда бы ни отправился я.
 Гдѣ-бъ ни скитался я, гдѣ бы ни странствовать я,
 Холмы горной Шотландіи будутъ вѣчно мнѣ милы.
 Прощайте горы, высоко покрытыя снѣгомъ,
 Прощайте овраги, зеленыя долины внизу,
 Прощайте лѣса и дикія роци,
 Прощайте потоки и шумныя рѣки.
 Мое сердце въ горной Шотландіи, мое сердце не здѣсь;
 Мое сердце въ горной Шотландіи на охотѣ за дичью...

Слова Карлейля о Борнсѣ имѣютъ приложеніе къ грузинскому поэту: „въ дымѣ и грязи суровой дѣйствительности онъ все еще находилъ

достойное любви и похвалы. Бѣдность—неразлучный его спутникъ, но вмѣстѣ съ нею и любовь, и мужество; простыя чувства, достоинство, благородство, живущія подъ соломенною крышею, любезны и достойны уваженія для его сердца“.

Мы намѣренно остановились на „Пѣснѣ хевсура о родинѣ“, открывшей послѣдній фазисъ литературной дѣятельности кн. Р. Эристова. Стихотвореніе это, написанное въ духѣ народной поэзіи, увѣнчало поэта неуязвимою славой и создало въ грузинской литературѣ цѣлую школу, въ которой первые мѣста принадлежатъ тремъ братьямъ Разикашвили, неподражаемымъ живописцамъ картинъ кавказскихъ горъ и своеобразнаго быта горцевъ съ непосредственнымъ отраженіемъ ихъ чувствъ во всей наивной простотѣ и искренности.

Кн. Р. Эристовъ является родоначальникомъ новой школы поэтовъ-народниковъ. Произведенія его, отличающіяся изяществомъ стиха и красотой формы, проникнуты неподдѣльною искренностью и рѣдкою задумчивостью чувства. Когда вдохновеніе увлекаетъ его въ родныя горы, къ близкимъ его сердцу хевсурамъ и пшавамъ, или спускаться къ мирнымъ долинамъ роскошной Грузіи съ ея обитателями, поэтъ—этотъ бывший администраторъ, судья и свѣтскій человѣкъ—какъ будто сбрасываетъ съ себя все, что нанесено цивилизаціей, и, облекшись въ рыцарское платье полудикаго хевсура, начинаетъ говорить его своеобразною рѣчью, голосомъ и тономъ; тогда вполне обрисовывается облакъ писателя самобытной литературы, созрѣвшей въ сторонѣ отъ вліянія литературы и жизни Европы. Крестьянская реформа, почву для которой поэтъ самъ подготавливалъ, сблизила его съ низшимъ классомъ. Но недовольный плодами реформъ, онъ бросаетъ коренную службу и ищетъ утѣшенія въ мірѣ. Выступая поборникомъ народныхъ интересовъ, кн. Эристовъ производитъ впечатлѣніе поэта такъ называемаго тенденціознаго направленія, въ художественной формѣ отстаивающаго социальнаго-экономическіе вопросы о равномерномъ распредѣленіи труда и благъ земныхъ. Такое содержаніе стихотвореній кн. Эристова не отзывается искусственностью и резонерствомъ. Сынъ своего вѣка, воспитанный подъ вліяніемъ христіанства и реформаторскихъ идей Западной Европы, поэтъ сумѣлъ проанализировать смыслъ новаго теченія мысли и желаній, сросся съ ними, пережилъ ихъ въ глубинѣ сердца, и въ видѣ зрѣлаго плода внутренней работы въ вполне художественныхъ образахъ рисуетъ яркія картины городского и сельскаго быта. Грузинскій поэтъ оправдалъ слова Виктора Гюго, который говорилъ, „что всякій поэтъ долженъ заключать въ себѣ сумму всѣхъ идей своего времени“. Прежде всего его возмущали отношенія помѣщика къ крестьянамъ въ дореформенное время и эти отношенія онъ иллюстрируетъ въ стихотвореніяхъ *Простительница* предъ дѣмбегомъ или участковымъ засѣдателемъ и *Жалоба* одинокаго крестьянина барину, у котораго онъ хочетъ выпросить единственную свою дочь.

Обращаясь къ воспоминаніямъ изъ боевой жизни Грузіи, поэтъ останавливается на типѣ безстрашнаго воина, выработаннаго историче-

скими условиями Кавказа, отстаивавшаго свою самобытность предъ непрерывными волнами разныхъ иноземныхъ завоевателей изъ Персїи, Турціи, Италїи. Интересы общіе поглощали заботы о личномъ счастьѣ, предъ обороной страны заглушались сыновнія чувства,—любовь къ молодой женѣ приносилась въ жертву предъ алтаремъ священной свободы. Эта идея воспроизведена грузинскимъ поэтомъ въ стихотвореніе *За что ты серднишься ханъ и Будеть плакать!*

За что же ты серднишься, ханъ? Я—въ плѣну, и не выр-
вусь изъ плѣна...

Сражался я въ войскѣ грузинскомъ, сегодня въ бою изнемогъ
И взять истекающимъ кровью... Такъ въ чемъ же, скажи
туть измѣна?

Вѣдь я за отчизну сражался—и ей измѣнить я не могъ!

Что долженъ тебѣ я? Зачѣмъ же палачъ твой стоитъ
надо мною?

И въ чемъ же мои преступленья? чѣмъ страшны для хана
они?

За вѣру свою я сражался? О, да,—и, клянусь головою,
Я буду ей вѣренъ... За это меня, если хочешь, казни!

Вели же глаза ты мнѣ вырвать, отрѣзать и ноги, и руки,—
Молю объ одномъ: на сегодня оставь мнѣ языкъ и уста...
Хочу повторить на прощанье родного привѣтствія звуки
И рѣчью, проникнутой вѣрой, прославить ее и Христа!

Та же патриотическая идея проникаетъ стихотвореніе *Будеть пла-
кать!*“ Перестань же, будетъ плакать, ободрись, родная, тяжелы ужъ боль-
но слезы женщины, дорогая! Будеть плакать! Слышишь, трубы насъ
зовуть ко славѣ... Дай мнѣ шашку, нашу землю защищать мы вправѣ;
обложили насъ татары, жгутъ страну родную, все до тла сожгутъ: из-
бушку, ниву золотую... Будеть плакать о сынишкѣ! только сердце гложешь,
въ двухъ мѣстахъ пробили грудь мнѣ,—плачемъ не поможешь.
Будеть плакать! Пусть въ крови я и томлюсь отъ жажды, все-жъ по-
бился я съ невѣрнымъ вволю хоть однажды!.. Не могу пока, родная,
къ милымъ возвратиться: стая вороновъ туть близко надо мной кру-
жится; позаботься о домишкѣ, береги скотину, да люби внучка, родная,
внучка-сиротину; да женѣ пока ни слова: очень молода ужъ, къ Рож-
деству меня забудеть, къ Пасхѣ выйдетъ замужъ...”

Свое пониманіе новой исторїи Грузїи послѣ ея присоединенія къ
Россїи вложилъ онъ въ *Хоровую пѣсню*, написанную въ 1863 г.

Эй, на коня, молодежь! цвѣтъ дворянства!
Царскаго Брата встрѣчать!

Царь-Государь шлетъ Великаго Князя
Нашей страной управлять.

Милостивъ къ намъ Государь нашъ Великій:
Брата родного къ намъ шлетъ.
Съ радостнымъ сердцемъ и свѣтлой надеждой
Край нашъ правителя ждетъ.

Вѣритъ Кавказъ въ Его силу и правду,
Вѣритъ онъ ихъ торжеству:
Царскаго Брата и Царскаго Сына
Встрѣтитъ, склоняя главу.

Скоро до Каспія съ Чернаго моря
Рельсы проложатъ при Немъ
И, по каналамъ, въ безплодныя степи
Воды польются ручьемъ.

Онъ повелитъ—и построятся школы,—
Будемъ дѣтей въ нихъ учить;
Онъ намъ поможетъ ремесла наладить,
Нашу торговлю развить.

Горцевъ мятежныхъ десницею царскою
Онъ усмирить, не страшась.
Жалуй же къ намъ поскорѣ, Желанный!
Жалуй скорѣ, нашъ Князь!

Да, Ты,—нашъ Князь! Ты—правитель Кавказа,
Братъ и Намѣстникъ Царя!
Именемъ Царскимъ, правъ Грузїей въ мирѣ,
Новый расцвѣтъ ей даря!

Князя-Намѣстника вѣрной любовью
Мы, какъ стѣной, окружимъ;
Съ сердцемъ восторженнымъ въ царскія руки
Сами себя предадимъ.

Все въ Тебѣ есть: и отвага, и воля—
Сила великихъ людей.
Были и раньше здѣсь сильные духомъ—
Двое Свѣтлѣйшихъ князей;

Имъ удалось покорить непокорныхъ
И успокоить Кавказъ.

Нынѣ чередъ Твой—развить и упрочить
Доблесть гражданскую въ насъ.

*
**

Вѣрить Россія—и Грузія вѣрить:
Вновь Ты прославишь ее—
И сохранять въ своемъ сердцѣ кавказцы
Царское имя Твое!

Воспоминаніе о минувшемъ побуждаетъ поэта подойти къ размышленіямъ народа о современныхъ его запросахъ и насущныхъ нуждахъ. Онъ извлекаетъ изъ растерзаннаго сердца мужика горькія жалобы на недостатокъ его питательницы—черной земли, на превратную игру махи-судьбы, дождемъ, засухой и ненастьемъ уничтожающей плоды его упорныхъ годовыхъ трудовъ. Въ стихотвореніи *Думы Берна* онъ влага-етъ въ его уста слѣдующія слова:

Не пойму уставъ нашъ сельскій, не возьму я въ толкъ его.
За наемъ земли плати ты,—что-жъ останется съ нея?
Дождь ли, засуха, ненастье—не родится ни зерна...
Но на все Господня воля—покориться долженъ я!...
Разъ посѣялъ, то за землю все-жъ я долженъ уплатить.
Гдѣ что взять мнѣ горемыкѣ, кто придетъ мнѣ пособить?..
Хоть бы землю-то родную не пришлось мнѣ покупать,
До могилы—самъ не знаю—сталь о чемъ бы горевать?...

Национальная черта грузинскаго народа—преданность волѣ Творца при всѣхъ житейскихъ невзгодахъ, упрямство и устойчивость въ складѣ нравственныхъ воззрѣній и слегка обветшаломъ способѣ сельскихъ занятій—проходить красною нитью во всѣхъ стихотвореніяхъ кн. Р. Эристова, въ особенности же въ тѣхъ, которыя именуются поэтомъ „думами“, „размышленіями“, „жалобами“. Въ этомъ отношеніи характернымъ является стихотвореніе *Тедуа* (Оаддей). „Упрямъ Тедо, упрямъ онъ, не склонится главой, примѣрный онъ работникъ, могучъ, великъ душой! Онъ предъ нуждой не труситъ, вѣдь, онъ силенъ рукой, хотя усталъ немного, борясь день въ день съ землей. Онъ брата не обидитъ, чужого не возьметъ, гнѣвъ Бога господина покорно онъ снесетъ. Въ селѣ сегодня праздникъ, прилегъ Педо въ тѣни, не спитъ, а сладко грезитъ про лучшіе онъ дни: А вотъ моя пшеница, въ ней колосья наливной; ячмень и кукуруза двухдневной полосой ¹⁾ на славу уродилась,—погодку Богъ послалъ, и садъ я обработалъ, и пашню я вспахалъ. А сколько винограду, плодами полонъ садъ, орѣховъ, лобби много,—доволенъ я и радъ! Продамъ я вина вдоволь и денечки скоплю, татарскаго быка я тогда себѣ куплю. Бычокъ мой, быкъ онъ славный, одинъ лишь у меня, куплю ему я друга, впригу въ ярмо ихъ я.—Ни облачка въ лазури, донять полдненный жаръ; жужжить, кусаетъ больно назойливый комаръ.—

¹⁾ Двухдневная полоса равняется десятинамъ.

Вдругъ тучка набѣжала, вмгъ выросла она, и поплыла въ лазури, какъ черная волна. Пронесся вихрь, и молнія сверкнула надъ землей, громъ грянулъ, градъ пошелъ, идетъ,—грозится бѣдой... Не стало вмгъ пшеницы, погибъ весь виноградъ, поля, сады и нивы—все уничтожилъ градъ. „Знать Бога прогнѣвилъ я!“,—подумалъ нашъ Оаддей, снявъ шапку, сталъ креститься среди пустыхъ полей!... Упрямъ Тедо, упрямъ онъ, не склонится главой, примѣрный онъ работникъ, могучъ, великъ душой“.

Источникъ неизбежныхъ бѣдствій грузинскаго крестьянства скрывается не только въ пагубныхъ явленіяхъ кавказской природы, но въ тѣхъ вновь завязавшихся социально-экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ онъ очутился со времени водворенія въ селахъ русской администраціи и проникновенія въ патріархальный строй лавочника-кулака, весьма сомнительнаго носителя новой цивилизаторской силы. Крестьянинъ оказался безысходно опутаннымъ въ хитро разставленныхъ сѣтяхъ купца-ростовщика и мѣстнаго бюстителя порядка изъ своихъ же собратьевъ.

Нѣтъ житья отъ старшины, да сотскій ¹⁾ донимаетъ,
Какъ мнѣ быть и какъ молчать,—все ужъ больно докучаетъ!...
Задолжалъ купцу я деньги, ихъ я бралъ лишь на поминки,
Долгъ отдать я виномъ и хлѣбомъ, заплатилъ и недоимки.
Обошелъ меня купчина,—деньги сталъ просить вторично;
Старшина—кумъ—меня продалъ,—взялъ съ купца онъ тунгу ¹⁾
водки,

И меня же онъ ругаетъ, и оретъ-то съ пьяной глотки.
Поросятъ, и куръ, и яйца—все проклятые забрали!...
Торговецъ Гео, какъ ястребъ, бѣдный кровь мой расхищаетъ,
Какъ свинья нашлся сотскій, тутъ же по-дому гуляетъ!...
Какъ мнѣ быть и самъ не знаю, утопиться развѣ съ горя?...
Доконалъ судья и сотскій,—живу такъ я, вѣчно споря!...

Новыя вѣянія, вносимыя въ село единичными представителями торговыхъ предпріятій и административной дѣятельности, поколебавъ прежніе устои жизни, легли наноснымъ слоемъ на вѣковыя основы издревле сложившагося родового быта. Остатки патріархальнаго строя ярче всего выражаются во взаимной поддержкѣ при сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ и обычаяхъ при пахати, несомнѣнно восходящихъ къ прежней строго опредѣленной общинной формѣ землевладѣнія. Одно стихотвореніе кн. Р. Эристова *Жатва у Тини* (Татьяны) служитъ иллюстраціей къ переживаніямъ и отголоскамъ минувшей старины. „Сегодня у Тини жатва,—веселій ей выпалъ денегъ, и мечется Тинья, хлопочетъ, и рада, что міръ ей помогъ!... Безъ мужа осталася Тинья несчастной и бѣдной вдовой, ростила единаго сына и вѣчно боролася съ нуждой! Сынъ Тиньи работалъ на плугѣ,—ей вспахана міромъ земля, но гдѣ

¹⁾ Тунга—пять бутылокъ.

взять сѣмянъ для посѣва,—зерна нѣтъ въ закромахъ ея!.. Собрали по міру горстями, засѣяла поле она. Какъ море волнуется нива,—ей милость Творцомъ послана, и гнется отъ тяжести колосъ, и серпъ ужъ наточенъ, готовъ, но Тинья горюетъ—жнеца нѣтъ,—онъ умеръ, покинулъ свой кровъ!.. Рабочимъ отдать съ половины?... Да больно полоска мала! Въ бѣдѣ лишь деревня поможетъ... и Тинья съ просьбой пошла“.

„О, сжальтесь!“ она всѣхъ молила. И утромъ со свѣтлой зарей пришли къ ней ребята, охотно собрались у нивы гурьбой; и грянула „опума“¹⁾ дружно надъ нивой убогой вдовы. Не видѣлъ я жатвы подобной, такого порыва любви! А Тинья жнецовъ угощаетъ,—имъ хлѣбъ кукурузный спекла, и къ жатвѣ желанной готовятъ—двухъ куръ, молока принесла. Не много лишь стыдно—вина нѣтъ, да нѣтъ тутъ особой бѣды, вѣдь Тинья часто приноситъ рабочимъ студеной воды. Вновь „опума“, хочоть, веселье, и сжата полоска вдовы. Не видѣлъ я жатвы подобной, такого порыва любви!“

Стихотвореніе это проникнуто наивной простотой, согрѣто идиллическою нѣжностью и исполнено свѣтлой любовью къ немущему собрату. Для полнаго уразумѣнія смысла стих. *Жатва у Тиньи* нужно вспомнить, что грузинскій плугъ требуетъ отъ земледѣльца большихъ хлопотъ и большихъ расходовъ. Для него необходимы шесть работниковъ, 8—10 паръ воловъ и много сложной упряжи. Малая семья не можетъ сложить плуга („губтани“) на свои средства, и поэтому для его составленія приходится прибѣгать къ артели, въ которой участвуетъ нѣсколько малыхъ семей. Такое товарищество, распредѣливъ доли паханья между участниками, одинъ день работаетъ для вдовы, сироты и бѣдняка „самвхотъ“, т. е. во имя Бога, изъ состраданія и сочувствія къ маломочному собрату.

Въ стихотвореніи „*Стонъ крестьянина*“ рисуется ужасное положеніе деревенскаго труженика, у котораго градъ уничтожилъ его первое и послѣднее богатство—поспѣвшую пшеницу. Авторъ самъ на себѣ испытываетъ всѣ чувства этого безпомощнаго селянина. Въ „*Больной семьѣ*“ несчастная Нина мучается при видѣ тяжелой болѣзни мужа и сына. И самой-то ей тоже нездоровится, а тутъ нужно ухаживать за больными, да еще за старой свекровью!.. Для несчастныхъ нѣтъ ни врача, ни даже человека, который бы могъ подать имъ воду. Словомъ, крестьянинъ весь во власти слѣпыхъ стихійныхъ силъ: градъ, наводненіе, огонь его преслѣдуютъ и болѣзнь его пришибаетъ! Но можетъ быть поэтъ находитъ выходъ изъ такого тяжелаго положенія селянина?—Нѣтъ, выхода не существуетъ. Бѣдному крестьянину остается только страдать и покориться злой судьбѣ. То же и въ стихотвореніи „*Горе Тандила*“: крестьянинъ устремляетъ свой взоръ на мать-сыру-землю и грустно шепчетъ: „Разгнѣвался на меня Богъ,—лишился я моего вѣрнаго быка... И чѣмъ-то я буду жить? Гдѣ я достану другого подъ пару?“

Въ перечисленныхъ стихотвореніяхъ вообще рисуются страданія крестьянина, которыя вызваны невозможностью успѣшно бо-

¹⁾ Веселый возгласъ во время работы, сопровождаемый пѣніемъ жнецовъ.

ротся съ виѣшной природой: производительныхъ силъ его семьи для этого слишкомъ недостаточно.

„Несмотря на вѣчный мой каторжный трудъ, я все-таки остаюсь бѣднякомъ. Отчего это?“—спрашиваетъ онъ. Не давая опредѣленнаго отвѣта на свой вопросъ, онъ сравниваетъ себя съ землей, которая тоже непроизводительно расходуетъ свои силы, выращая въ пустые колосья. Это, конечно, смутное пониманіе крестьяниномъ своего положенія, и вполне понятно, что за нимъ слѣдуетъ такое оправданіе: „Ну, что-же дѣлать мнѣ, несчастному? Кого винить?“

Въ одномъ мѣстѣ у поэта онъ говоритъ: „Что ты, братъ, на меня глядишь? Дивишься, что я весь купаюсь въ поту? Но ты не удивляйся этому: и въ тяжкомъ трудѣ я не падалъ духомъ; каковъ былъ, таковъ и остался; владѣю хорошими нивами и—слава Тебѣ, Господи! Знать, Господь меня создалъ крестьяниномъ!...“

Тутъ уже выступаетъ передъ нами зависимость селянина не отъ слѣпыхъ силъ природы, а отъ людей, имѣющихъ земли и отдающихъ ихъ на обработку. Характеръ общественной зависимости земледѣльца малоземельнаго или безземельнаго отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и другихъ власть имущихъ ярче всего обрисованъ въ стихотвореніи *Думы Сесія*. Отожествляя себя съ землею, которую онъ обрабатываетъ, крестьянинъ говоритъ: „Несмотря на тяжелый трудъ, я вѣчно голоденъ, на круглый годъ никогда не хватаетъ урожаю... А тутъ, того и гляди, возьмутъ отъ тебя и земледѣлецъ, и муравей, и чиновникъ, и священникъ—и всѣ-то они на меня смотреть... Когда же, наконецъ, они оставятъ меня въ покоѣ?“... Такого же содержанія и *Жалобы Берца*. Разница лишь та, что въ ней, кромѣ другихъ мироѣдовъ, фигурируетъ еще и безбожный ростовщикъ, который не довольствуется одними безчеловѣчными процентами, а еще заставляетъ должника-бѣдняка уплатить долгъ два-три раза, пользуясь, конечно, его невѣжествомъ и забитостью. Подобнаго же содержанія и *Жалобы Деметре*. Ростовщикъ тутъ сначала покумился съ бѣднякомъ, а потомъ обобралъ его всѣми возможными и доступными ему способами.

Нужно упомянуть еще два стихотворенія: „*Тотъ—человѣкъ*“... и „*Богъ великъ, горемыка!*“... Въ первомъ поэтъ опредѣляетъ истиннаго человѣка слѣдующими характерными чертами: помогать ближнимъ, жертвовать собой для блага униженныхъ и оскорбленныхъ, не бросать, не забывать своей родины, родного общества, родину считать храмомъ, а себя жертвой за нее и т. п. Во второмъ стихотвореніи поэтъ обращается къ крестьянамъ, совѣтуя имъ терпѣть все, что уставлено.

Что ты грустенъ, мой братъ дорогой?
Не хватаетъ вина или хлѣба?
Потрудись—и по милости неба
Выйдетъ жатва на нивѣ нагой...

Такъ велѣлъ намъ Небесный Владыка
Потрудись! Богъ великъ, горемыка!...

* * *

Миръ въ неправдѣ живетъ... Онъ суровъ...
На землѣ мы недолгіе гости...
Люди полности гнѣва, и злости,—
И не бойся сердитыхъ враговъ;
Не страшись ихъ обиды и крика.
Все стерпи! Богъ великъ, горемыка!

* * *

Бойся тяжбы, мой братъ. Никогда
Не судись и съ неправымъ сосѣдомъ:
Вѣдь за тяжбою тянется слѣдомъ
Разоренье, печаль и бѣда.
Гнѣвъ смири, разгорѣвшійся дико.
Не враждуй! Богъ великъ, горемыка?...

* * *

Подать къ сроку отдай старшинѣ,—
Это въ пользу деревнѣ родимой...
Не печалься, корыстью томимый,
И съ другими плати наравнѣ.
Всѣ вѣдь платять—кругомъ погляди-ка...
Не горюй! Богъ великъ, горемыка!...

* * *

Дай священнику часть отъ трудовъ
За вѣщанье, за каждую потребу;
Припаси, не жалѣя, по хлѣбу
Для больныхъ и пагихъ бѣдняковъ...
Добрыхъ любить Небесный Владыка.
Не скупись! Богъ великъ, горемыка!...

* * *

Денегъ въ долгъ не бери у купцовъ:
Тяжела, тяжела ихъ услуга!...
Попроси у сосѣда у друга,—
Да и самъ, какъ придется, безъ словъ
Другу въ трудные дни помоги-ка...
Не робѣй! Богъ великъ, горемыка!

(Переводъ В. Лебедева. Вѣстн. Иностр. Лит. 1898).

Поэтъ, повидимому, старается подвигнуть бѣдняка на борьбу за жизнь, но средства онъ предлагаетъ не особенно цѣлесообразныя. Говорить крестьянину, чтобы онъ терпѣлъ всевозможныя невзгоды, все равно, что совѣтовать больному терпѣть свою болѣзнь и не лѣчить ея. Излишняя терпѣливость всегда была и составляетъ отличительное свойство крестьянина въ сравненіи съ другими классами общества. Но именно это

обстоятельство и можетъ выручить кн. Эрнстова отъ обвиненія его въ проповѣди непротивленія злу. Вѣдь онъ является поэтомъ, т. е. зеркаломъ для художественнаго воспроизведенія дѣйствительности. А дѣйствительность грузинской крестьянской жизни въ губерніяхъ Кутаисской и Тифлисской,—особенно въ послѣдней,—такова: грузинскій крестьянинъ земледѣлецъ, пастухъ, и охотникъ. „Власть земли“ и натуральный фетишизмъ всецѣло тяготѣютъ надъ ними. И, конечно, крестьянскій поэтъ не въ силахъ выйти изъ узкихъ рамокъ крестьянскаго міросозерцанія.

Общество грузинское видитъ въ кн. Эрнстовѣ искренняго народнаго поэта. Онъ ввелъ читателя въ невѣдомый для него миръ крестьянства. Онъ жилъ и мыслилъ жизнью и мыслью этого сословія. Отъ впечатлительности поэта не могло укрыться ни одно празднество—ни церковное, ни народное—все у него съ чувствомъ переложено въ стихи. Не могли укрыться отъ него также и повседневныя занятія земледѣльца: всевозможныя работы всѣхъ временъ года описаны у поэта въ высшей степени реально и художественно.

Изъ приведенныхъ образцовъ поэтическаго творчества Р. Эрнстова легко видѣть, что онъ неизмѣнно оставался крестьянскимъ поэтомъ народникомъ, но народникомъ самымъ тихимъ и безмятежнымъ, въ своей скромности доходящимъ подчасъ до крайняго консерватизма и стоицизма. Объектомъ своей поэзіи онъ выбралъ крестьянскую земледѣльческую среду. Мѣстами онъ рисуетъ также и положеніе земледѣльческаго батрака и голаго нищаго. Поэтъ чувствуетъ, конечно, замѣтное несоотвѣтствіе между собственнымъ патріотически-народническимъ взглядомъ и направленіемъ самой жизни. Но онъ никогда бы не покинулъ своего милаго натурального крестьянина, если-бы даже ему пришлось писать еще сто лѣтъ.

Стихотворенія кн. Р. Эрнстова, воспроизводящія многообразныя стороны сельской жизни, обрисовываютъ поэта проникательнымъ истолкователемъ народныхъ думъ и тревогъ, непонятныхъ счастливымъ баловнямъ судьбы, и по справедливости облачаютъ его прозвищемъ *народнаго пѣвца*. Мы прекрасно сознаемъ, что для русской публики чарующій обликъ поэта мерцаетъ въ блѣдномъ сіяніи вслѣдствіе неизбѣжной трудности передать ту прелесть и энергію оригинала, которая такъ неотразимо дѣйствуетъ на грузинскаго читателя. Въ переводѣ на русскій языкъ грузинскія стихотворенія кн. Р. Эрнстова утрачиваютъ художественныя красоты, являясь неодоухотвореннымъ скелетомъ, сухимъ дидактическимъ повѣствованіемъ. Проси снисходительности въ недостаточномъ характерномъ воспроизведеніи колорита лиры грузинскаго поэта, мы считаемъ себя обязанными познакомить еще съ однимъ его стихотвореніемъ *Родной языкъ*, составляющимъ одну изъ крупныхъ звѣздъ въ его поэтической коронѣ¹⁾.

Богъ свои творенья щедро одарилъ—
Слабыхъ и могучихъ ровно одѣлilъ:

¹⁾ Ср. „Родной языкъ“ кн. П. А. Вяземскаго.

Всюду, гдѣ лишь только жизни лучъ проникъ,
 Веѣмъ Господь созданнымъ дать родной языкъ.

Кто и какъ владѣть рѣчию родной, радуется, плачетъ и скорбитъ душой, и какъ можетъ чувства въ звукахъ выражать,—все Тому понятно, Кто могъ ихъ создать. Онъ Единъ всевѣдущъ и могучъ, великъ, Онъ своимъ твореньямъ далъ родной языкъ. Намъ одно извѣстно—должно даръ хранить, кто-жъ ему измѣнить—будетъ самъ тужить. И закономъ вѣчнымъ можно-ль пренебречь, чтобъ забыть языкъ свой и родную рѣчь? Омрачить измѣной кто Пресвѣтлый ликъ? Святъ законъ великій, вѣченъ нашъ языкъ! Голубю-ль мяукать, соловью кричать, выть волкомъ ягненку, рыбѣ ли мычать, и реветъ ли мухѣ, горлицѣ ли ржать? О, нѣтъ, невозможно мѣръ пересоздать! Съ первыхъ дней творенья кто себя постигъ, чтить законъ великій и знаетъ свой языкъ.

Языку родному сладко такъ внимать,
 На которомъ пѣсни намъ пѣвала мать;
 И теперь я въ рѣчи родины святой
 Вспоминаю ласки матери родной,
 Слышу братьевъ милыхъ я веселый кликъ...
 О, какъ не любить мнѣ свой родной языкъ!

Не стыдись, другъ милый, въ рѣчи ты родной выражать печали, скорбь души больной; колыбель, могилу не терий, другъ мой, иль тебя проклянетъ твой языкъ родной. Рѣчь насъ оживляетъ, и веселья мигъ сладокъ, если слышишь свой родной языкъ“.

Стихотвореніе это имѣетъ свое историческое объясненіе. Было время въ недалекомъ прошломъ, когда въ грузинскомъ обществѣ родной языкъ подвергся такому же гоненію, какое испытали русскій языкъ подъ давленіемъ французской рѣчи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Грузинскіе писатели шестидесятыхъ годовъ, выступивъ стражемъ родного языка, объявили войну исключительному господству иноземнаго вліянія, принимавшаго угрожающіе размѣры. Кн. Р. Эристовъ въ названномъ стихотвореніи становится общественнымъ вождемъ. Чисто-художественное творчество *по выраженію*, вѣдь, не исключаетъ общественной *по содержанію* поэзіи, если „созерцаніе полного славы творенья“ не переходитъ въ „безъидейное щебетанье“, а служеніе идеямъ не придаетъ поэтическимъ произведеніямъ характера рюмованныхъ трактатовъ или газетныхъ передовыхъ статей. Грузинскій поэтъ, принадлежа къ извѣстному лагерю, выражаетъ въ своей поэзіи то, что одушевляетъ его и его единомышленниковъ, не переходя границъ поэзіи, не обращая ея въ публицистику. Кн. Р. Эристовъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ писателей, которые соединяютъ въ себѣ чистаго художника и поэта гражданина. Онъ является предъ нами то *современнымъ* пѣвцомъ, носящимъ въ своей груди скорби и недуги общества, то объективнымъ созерцателемъ красоты.

Одно маленькое стихотвореніе „*Бурный потокъ*“ служитъ прекраснымъ образомъ отсутствія тенденціозности въ творествѣ иныхъ произведеній кн. Р. Эристова и обрисовываетъ его предъ нами глашагаемъ „искусства для искусства“, чистой поэзіи, имѣющей цѣль въ самой себѣ:

Потокъ бѣлоснѣжный клокочетъ,
 Прощаясь съ вершиной родной,
 Сребристой волной играя,—
 Вдаль мчатся одна за другой.
 Реветь и стонетъ, какъ море,
 И падаетъ въ брызгахъ дождемъ,
 А солнце въ водахъ тѣхъ кристальныхъ
 Играетъ и искрится лучемъ!..
 А ниже онъ пѣнится нѣжно
 И скалы ласкаетъ волной,
 А радуга краситъ долины
 И лентой вьется цвѣтной.

Чуткій пѣвецъ ловитъ у природы ея богатые мотивы и воплощаетъ ихъ въ поэтическихъ мелодіяхъ. Онъ написалъ мощною художественною кистью картины „*Весны*“, „*Лѣта*“, „*Зимы*“, представляющія поэтической апофеозъ смерти и возрожденія природы, способной смягчать всѣ горести человѣческаго сердца. Поэтъ сливается съ оживленною природой, всю обширную гамму ею сообщаемыхъ ощущеній онъ перерабатываетъ въ одинъ поэтический аккордъ. Поэтъ-гражданинъ, взявшій лиру поэта-художника, говоритъ въ одномъ стихотвореніи языкомъ сладости и скорби: „Перестань, зачѣмъ играешь на бандурѣ сиротливой?... Пѣть пѣвца, замолкъ навѣки, и бандура молчала!... Какъ бывало заиграетъ—ему вторять дѣсь и горы, и казалось мнѣ, что слышу свѣтлыхъ ангеловъ я хоры. Пѣлъ пѣвецъ о славной битвѣ, воспѣвалъ коня лихого, шашку острую героя, удалъ сердца молодого! Воспѣвалъ красудѣвицу, ея очи голубыя, воспѣвалъ и щекъ румянецъ, косы длинныя, густыя“... Здѣсь невольно вспоминаются слова Языкова о пѣсняхъ, льющихся со струнъ поэта:

Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
 И царь Саулъ заслушается ихъ.

Это побѣдное обаяніе пѣсни составляетъ сюжетъ „Алеши Поповича“ Алексѣя Толстого: одна музыка безъ словъ производитъ такое ощущеніе, что „отъ звуковъ сердце млѣетъ и кружится голова“. Поэтъ воспринимаетъ впечатлѣнія отъ вишшняго міра; но его духовная чуткость развита настолько, что ему ненужны вишшніе органы чувствъ для воспринятія идей и воплощенія ихъ въ образы; онъ можетъ быть „слѣпъ, какъ Гомеръ, и глухъ, какъ Бетховенъ“, но тѣмъ болѣе дол-

жень напрягать духовныя очи и уши, замѣняющія ему физическое зрѣніе и слухъ.

Подобно колебанію эопа, зарождающему въ природѣ звуковыя явленія, душа поэта невольно отзывается на всё, такъ сказать, житейскія вибраціи, на людскія скорби и свѣтлые моменты, по временамъ ихъ смѣняющіе. Кн. Р. Эристовъ въ стихотвореніи *Капризный музыкантъ* намѣчаетъ тѣ пункты литературной дѣятельности, на которые должна откликаться, какъ звучное эхо, вдохновенная лира поэта. „Не нашу свой чѣанури¹⁾, по пирушкамъ, по гуляньямъ, не хожу и сазандаромъ²⁾ по веселымъ я собраньямъ. А беру смычокъ свой въ руки, когда въ сердцѣ бури, грозы, иль играю межъ друзей я, если жизнь мнѣ стелетъ розы. Иль Господь мени накажетъ, потерю жену ль, друга, съ кѣмъ проведь я годы дѣтства, съ кѣмъ дѣлилъ часы досуга,—о, тогда я, неутѣшенный, возьму въ руки чѣанури, изолью въ его я звукахъ скорбь души и сердца бури. А порою нужда-гостья ко мнѣ въ хижину заходитъ.—у моей семьи несчастной куска хлѣба не находятъ. Возьму въ руки чѣанури, и въ напѣвахъ сладкозвучныхъ изолью я сердца бури. Иль веселый ширъ у близкихъ, или свадьба, обрученье,.. ихъ веселье въ моемъ сердцѣ такъ отрадно отзовется,—и ударю я по струнамъ, пѣсня вольная польется.

Вотъ, поэтъ, тебѣ картина для святаго вдохновенья...

Пусть польется пѣснь какъ слезы, слезы счастья обновленья!

Поэзія кн. Р. Эристова, такимъ образомъ, представляется не беззаботно журчащимъ родникомъ романтическихъ грезъ, а опредѣленной программой общественныхъ идей; она обнимаетъ не одни возвышенные порывы и радостныя мечты, но также горькія думы и житейскіе вопросы. Его стихотворенія составляютъ какъ бы разрозненныя части цѣлой эпопеи, воспроизводящей всѣ стороны крестьянскаго быта и главные моменты народной жизни. Эпопея эта облагорожена свѣтлой идеей и согрѣта искреннимъ участіемъ гуманнаго аристократа, сумѣвшего снизойти въ хижину бѣдняка, заглянуть въ тоскливое сердце народа, пережить вмѣстѣ съ нимъ неизбѣжный кругъ тяжелыхъ скорбей и періодическихъ невзгодъ. Стихійныя бѣдствія, административныя тревоги, государственныя повинности, религіозныя требы, семейныя заботы, рѣдкія минуты счастья, внушаемыя скорбѣ чувствомъ вѣры въ будущее торжество честнаго труженика, чѣмъ житейскимъ опытомъ—составляютъ идейное содержаніе поэзіи кн. Р. Эристова.

Эту характеристику почившаго поэта закончимъ словами кахетинцевъ, сказавшихъ поэту въ день юбилея: „Родина твоя не можетъ забыть твоего имени до тѣхъ поръ, пока бьется у нея сердце. Ты окрылилъ въ каждомъ изъ насъ чувства и любовь къ родинѣ и тѣмъ

¹⁾ Родъ балалайки, въ поэтическихъ произведеніяхъ означаетъ лиру.

²⁾ Странствующій пѣвецъ и музыкантъ.

воспиталь будущее своего народа. Твоя родина клянется предъ тобой, какъ сыны Израиля клялись когда-то предъ Яковомъ, что она приметъ всѣ мѣры, чтобы твое ученье вмѣстѣ съ колыбельной пѣсней передавалось матерями своимъ дѣтямъ. Грузинскій народъ клянется предъ тобой, что онъ не свернетъ съ проложенной тобой дороги и будетъ достойнымъ твоей памяти“.

Русскій поэтъ В. Л. Величко, привѣтствовавъ его въ день 50-лѣтняго юбилейнаго торжества, справедливо указывалъ, что кн. Эристовъ, „потомокъ властелина, свой долгъ предъ родиной понявъ, смѣнилъ насилие древнихъ правъ работой любящаго сына; поэтъ живой мечтой въ мірахъ заоблачныхъ парящій, склоняетъ взоръ къ землѣ скорбищій и льетъ ей пѣснь любви святой“. Да отличительную особенность гражданской поэзіи кн. Р. Эристовъ составляетъ отсутствіе ядовитаго обличенія злобы и порока. Онъ не пытается смутить праздную толпу стихомъ, облитымъ горечью и злостью. Напротивъ, кн. Р. Эристовъ, видя свое призваніе тихо воспѣтъ народныя страданія, поетъ непроизвольно, безознательно: пѣсня ему не можетъ быть заказана, какъ не заказано завывать голодному волку или стонать свободному вѣтру.

Сестра Р. Д. Эристова, княгиня *Варвара Джорджадзе* († 12 апрѣля 1895 г.) была одна изъ первыхъ женщинъ, выступившихъ съ перомъ въ рукахъ на литературное поприще. Въ журналѣ *Цискари*, начиная съ 1858 г., она помѣщала стихотворенія и повѣсти, а въ 60-хъ гг. написала драму *Зависть* и комедію, *Что потерялъ и что нашелъ*, которая давалась не разъ на грузинской сценѣ. Впослѣдствіи она приобрѣла извѣстность *Хозяйственной книгой*, выдержавшей нѣсколько изданій. Въ газ. *Квали* и другихъ изданіяхъ до своей кончины не прекращала своего участія, снабжая ихъ маленькими лирическими стихотвореніями. Въ послѣднихъ произведеніяхъ слышатся отголоски воздѣйствія лиры кн. Вахтанга Орбелиани и Раф. Эристова. Обращаясь въ стих. *Къ слѣдователю* она совѣтуетъ ему осторожнѣе обходиться съ перомъ, а въ другомъ стихотвореніи напоминаетъ ему быть справедливымъ къ бѣднымъ и обойденнымъ судьбой, если не желаетъ быть вписаннымъ въ число губителей страны.

Въ *Квали* за 1893 г. ею была изложена грузинская легенда *Маріамъ*. Сущность сказанія заключается въ томъ, что Маріамъ, дочь царскаго визири, тайкомъ пробирается въ палатку шейха туркестанскаго, вторгшагося въ Кахетію. Видитъ молодой красавицы, плѣнившей врага ея родины, кончается тѣмъ, что она отрубаетъ голову у пьянаго и спящаго шейха и не замѣтно возвращается къ грузинамъ, которые, пользуясь замѣшательствомъ въ станѣ непріятелей, наносятъ послѣднимъ окончательное пораженіе. Эта странствующая легенда привлекла вниманіе грузинской поэтессы.

Другой эпизодъ, изъ новой исторіи Грузинъ, касающійся вторженія въ Кахетію полчищъ Шамли 4 июля 1854 г., она использовала въ разсказѣ, помѣщенномъ въ *Квали* (1891 г.). Плодомъ ея знакомства съ народной жизнью, обычаями и вѣрованіями, были повѣсти съ богатымъ этнографическимъ содержаніемъ, таковы *Пѣвецъ Тазо* и *Длавердоба*.

Кн. А. Р. Церетели.

Зарю утренней съ росой поникшей розы
 Мъшалъ я тайны, мучительныя слезы,
 Въ одинъ смертельный ядъ и желчь я собиралъ
 И въ часъ избытка чувствъ перо въ нихъ погружалъ.
 Однимъ пусть кажется перо мое больнымъ,
 Другимъ мечтательнымъ иль желчнымъ, иль пустымъ.
 Что въ томъ? Но пѣть неможесть соловей
 Въ шипахъ ли онъ, въ тѣни ль задумчивыхъ вѣтвей.
 (Эпиграфъ, стих. кн. А. Церетели.)

Первое мѣсто среди современныхъ грузинскихъ писателей по популярности своей плодовитости, неослабывающей энергii и широкой популярности занимаетъ князь Акакій Ростомовичъ Церетели.

Акакій Церетели принадлежитъ къ знатной княжеской семьѣ, игравшей крупную политическую роль въ жизни западно-грузинскаго или имеретинскаго царства. Въ шоропанскомъ уѣздѣ Кутанской губернии и нынѣ вліятельнымъ среди дворянства центромъ остается Самерело, т. е. удѣль, составляющей родовое имѣніе фамилии князей Церетели. Въ этомъ-то уѣздѣ, въ помѣстьѣ Сачхери, на берегу горной рѣчки Чихури родился А. Р. Церетели 9 июня 1840 г., по словамъ самого поэта, — вопреки метрической датѣ, отодвигающей его появленіе на свѣтъ къ 1841 г. ¹⁾ Родители „Како“, — какъ называли Акакія въ дѣтствѣ, — слѣдуя священнымъ кавказскимъ традиціямъ, отдали мальчика на воспитаніе въ крестьянскую семью, подобно тому какъ это издавна практиковалось въ царской и княжеской средѣ. Этотъ странный на первый взглядъ порядокъ воспитанія аристократическихъ дѣтей въ чуждой избушкѣ крѣпостныхъ объясняется не жестокосердіемъ родителей или пренебрежительнымъ отношеніемъ ихъ къ своимъ обязанностямъ, а обуславливается чрезвычайно симпатичнымъ мотивомъ, направленнымъ къ сближенію высшихъ и низшихъ сословныхъ классовъ, и къ взаимному скрѣпленію узъ на почвѣ молочнаго побратимства, значеніе которыхъ приравнивалось къ кровному и духовному родству. Барчуки-князекъ росъ среди крѣпостныхъ дѣтшекъ, жилъ ихъ интересами, знакомился съ ихъ умственнымъ кругозоромъ, приучался къ простотѣ сельской жизни, проникался народнымъ міровоззрѣніемъ, приобреталъ друзей и „братевъ“ среди тѣхъ, надъ которыми ему судьбой было предназначено господствовать, терпѣлъ вмѣстѣ съ ними и голодъ, и холодъ, и всѣ лишения, связанныя съ строемъ убогой мужицкой хаты. Таковъ былъ исторически сложившійся завѣтный обычай, породившій въ Грузіи и на Кавказѣ вообще, среди горцевъ, своеобразныя послѣдствія, ослаблявшія разность социальныхъ классовъ въ іерархической градаціи. Князь Акакій Церетели сохранилъ самыя теплыя воспоминанія о той золотой порѣ, которую онъ провелъ на лонѣ роскошной вдали отъ каменныхъ палатъ природы въ безконечно разнообразныхъ, ничѣмъ

¹⁾ См. Автобіографію его въ *Кребули*, 1897, III, 1898, IX и 1899, X.

не стѣсненныхъ, дѣтскихъ играхъ, усвоивая народныя поэтическія сказанія, впоследствии имъ обработанныя въ художественной формѣ, вникая дѣтскимъ чуткимъ сердцемъ въ нужды и тревоги забытой и обездоленной массы, инстинктивно, почти полусознательно запасаясь неизгладимыми впечатлѣніями, которымъ суждено было раскрыть предъ нами таинственные двери народной души.

Второй періодъ дѣтства Како совпадаетъ съ возвращеніемъ его въ родную семью. Пяти лѣтъ Акакій Церетели разстается съ крестьянской няней и съ ея хижинкой и вступаетъ въ сферу аристократической жизни, развившейся на фонѣ крѣпостного права. Въ первый же день его участія въ торжественномъ „выходѣ“ отца и матери онъ былъ озадаченъ и изумленъ роскошнымъ пиршественнымъ столомъ и многочисленнымъ штатомъ слугъ, доходившимъ до 30 челоуѣкъ. Родители поэта свято чтили религіозные обряды и съ большимъ тщаніемъ хранили дѣдовскіе обычаи. За столомъ обязательно присутствовалъ священникъ, по благословенію котораго разрѣшалось приступить къ яствамъ, и приглашенные къ трапезѣ разсаживались по достоинству, съ соблюденіемъ строгого порядка мѣстничества: на одной „тахтѣ“ устраивались князья, а другая предоставлялась дворянамъ. За обѣдомъ шель оживленный разговоръ, отличающийся остроуміемъ и находчивостью, пересыпанный воспоминаніями старины и текстами священнаго писанія или цитатами изъ поэмы Руставели „Барсова кожа“.

Вотъ тотъ господствовавшій еще въ первой половинѣ XIX в. патриархальный укладъ жизни, который послужилъ вторымъ образовательнымъ факторомъ современнаго грузинскаго поэта.

Въ родной семьѣ первоначальнымъ воспитаніемъ кн. Акакій Церетели обязанъ своей матери, урожденной княжнѣ Абашидзе, — отецъ которой знатный князь Ивалъ стоялъ въ 1820 г. во главѣ клерикальнаго движенія — при первомъ экзархѣ Грузіи изъ русскихъ архіеп. Феофилактѣ, — закончившагося позорнымъ плѣненіемъ двухъ популярныхъ митрополитовъ — Кутанскаго и Гелатскаго. Послѣдствіемъ недовольства со стороны грузинскаго духовенства русскимъ экзархомъ и участія въ волненіяхъ князя Абашидзе была между прочимъ конфискація имѣнія послѣдняго и переселеніе его семьи въ домъ близкихъ родственниковъ — князей Гуріели. Пребываніе семьи Абашидзе въ Гуріи сопровождалось однимъ важнымъ обстоятельствомъ, оказавшимъ огромное вліяніе на двѣнадцатилѣтнюю княжну Абашидзе, ставшую впоследствии матерью Ак. Церетели. Въ домѣ князей Гуріели еще съ XVIII в. были дружески приняты папскіе миссіонеры, которые насаждали въ Грузіи не только католицизмъ, но вносили въ ея строй плоды европейской культуры. Этими-то „патерами“ мать князя Церетели обязана ознакомленіемъ съ научными свѣдѣніями и въ частности съ познаніями въ области медицины. Грузинскій же языкъ и литературу она изучала подъ руководствомъ бабушки своей царевны Дареджаны, дочери Имеретинскаго царя Соломона II. Трагическая участь дѣда и раннія тревоги въ жизни матери послужили суровой исто-

рической школой, которую прошел грузинский поэт под непосредственным воздействием живых свидетелей рокового прошлого.

Отец кн. Ак. Церетели был домохозяином, занятый аккуратным исполнением всех тонкостей этикета, связанных с обычаями стола; садился за трапезу послѣ того, как кукушка прокукует и собственноручно разсылать присутствующимъ гостямъ „по чину“ порціи яствъ. Широкимъ образованіемъ онъ не могъ похвастаться: учился когда-то у архимандрита Петра и дошелъ до *категоріи и логики*.

Руководѣтельница и книжница—мать и старшая сестра Како были первыми руководительницами его въ дѣлѣ обученія грузинской и русской грамотѣ. Писать онъ выучился на бараньей лопаткѣ по старинному обычаю, не утратившему своего примѣненія еще въ 70 годахъ XIX ст. Вообще все воспитаніе князя Ак. Церетели отличалось необычайной простотой, доходившей до спартанской суровости. Его съ раннихъ лѣтъ приучали терпѣть холодъ, бѣгать босикомъ, строго соблюдать посты и протанывать на церковной службѣ 8—10 часовъ. Постоянное пребываніе въ средѣ крестьянскихъ мальчиковъ, сообщавшихъ ему фантастическіе рассказы о девятиглавыхъ дѣвахъ-чудовищахъ, о злыхъ генияхъ-длинкахъ и каджахъ, похищающихъ дѣтей, въ дѣмахъ и чародѣяхъ, улетающихъ въ страстную среду на Эльборусъ на метлѣ или черной кошкѣ, сблизало его съ народнымъ міровоззрѣніемъ, обогащало его умъ поэтической серіей легендъ и пѣсней, составляющихъ основу грузинской устной поэзіи.

Съ обширнымъ запасомъ дѣтскихъ впечатлѣній, съ знаніемъ „Барсовой кожи“ Руставели, воспитательной книги грузинскаго народа на пространствѣ 800 лѣтъ, съ умѣніемъ бѣгло читать въ церкви богослужебныя книги, кн. Ак. Церетели 8 лѣтъ отданъ въ Кутаисскую гимназію. Не мало горечи испытать воспитанный на волѣ Како среди дореформенныхъ порядковъ гимназическаго режима, основаннаго на страхѣ и суровыхъ наказаніяхъ. Поэтъ вспоминаетъ жестокую расправу одного учителя, который за то что онъ принялъ участіе въ ученической лоттерей, въ которой разыгрывались сырники, выдралъ его такъ старательно, что и перѣдко и теперь при воспоминаніи незабвеннаго наставника инстинктивная дрожь охватываетъ его, заставляя выводить какія-то каракули вмѣсто ясныхъ буквъ.

Въ этой злокачественной атмосферѣ, гдѣ властно царили розга и механическое зазубриваніе, Како усвоилъ русскую рѣчь не безъ настойчиваго труда, хитро выворачивался на экзаменахъ, умѣло пользовался познаніями, вынесенными изъ материнскихъ наставленій, лавировалъ среди капризныхъ преподавателей, изъ которыхъ одинъ испытывалъ страхъ предъ жужжаніемъ мухъ, другой преклонился предъ риторикой Кошанскаго, не признавалъ ни Пушкина, ни Герцена, третій—любимецъ учениковъ, преподаватель математики, питавшій пристрастіе къ напиктамъ, во время урока, внезапно прерывая ходъ доказательства геометрической теоремы, отдавалъ приказаніе стоящему у доски смущенно мальчугану плясать лезгинку, при чемъ самъ не прочь былъ,

воодушевленный примѣромъ своего питомца, пройтись по классу въ дикомъ вихрѣ трепака и мазурки.

Вотъ ¹⁾ что онъ рассказываетъ о своемъ пребываніи въ гимназіи. „Мнѣ, вѣроятно, было не больше десяти лѣтъ, когда родные опредѣлили меня въ К—скую гимназію. Отъ отца перешло ко мнѣ по наследству здоровье, а отъ матери нѣжное любящее сердце; оба они надѣлили меня природными способностями! Потому-то мнѣ ничего не стоило сдѣлаться первымъ ученикомъ не только въ классѣ, но даже въ гимназіи. Начальство смотрѣло на меня хорошо, товарищи любили, и мнѣ, счастливцу, все казалось въ розовомъ свѣтѣ.

Увлечъ и полонить сердце молодого ничего не стоитъ и, если воспитатели и воспитанники никакъ не могутъ сродниться и сѣсться, вина всегда должна пасть на первыхъ. Благодареніе Богу, у насъ такого никакого не было! Мы всѣхъ любили, но одного, учителя исторіи, прямо таки обожали. На урокахъ исторіи чувствовали себя какъ у себя дома: жадно схватывали каждое его слово, каждую его мысль и даже послѣдніе ученики предпочли бы смерть неудовлетворительному баллу по его предмету. Однажды, когда по русской исторіи мы дошли до „Мамаева побоища“, нашъ любимецъ дрожащимъ голосомъ передать намъ весь ужасъ монгольскаго ига, рассказать намъ, какъ святая Русь стонала и страдала подъ ярмомъ монголовъ, и мы всѣ искренно прослезились. Но такое настроеніе долго не продолжалось; какъ послѣ ненастной погоды солнце показывается во всей своей красѣ, такъ и лицо нашего любимца освѣтилось и глаза заискрились, когда онъ пришелъ къ самому побоищу. Вотъ выдвинулась величественная фигура Дмитрія Донскаго, а рядомъ съ нимъ брата его, Андрея Тверскаго. Къ нимъ постепенно присоединяются и другіе князья. Преподобный Сергій благословляетъ христоролюбивое воинство и начинается великая историческая война.

Эта исторія такъ подѣйствовала на насъ, что мы, забывъ, гдѣ находимся, неудержимо стали кричать—ура! Перепуганный преподаватель вскочилъ и быстро выбѣжалъ изъ класса. Хорошо что ни инспекторъ, ни воспитатель не слышали нашихъ криковъ, а то досталось бы намъ за бурное выраженіе нашего восторга! Оказалось, что урокъ давно уже кончился, но мы этого не замѣтили и долго еще оставались въ классѣ. Захотѣлось и намъ устроить Мамаево побоище, но никто не хотѣлъ быть монголомъ, такъ какъ каждый изъ насъ чувствовалъ себя русскимъ.

— Почему ты опоздалъ? Ты блѣденъ, что съ тобой?, спрашивали родные, когда я вернулся домой. Я, конечно, рассказалъ все, что случилось въ классѣ, но родные мои только улыбнулись; потомъ отецъ съ лаской привлекъ меня къ себѣ и, послѣ нѣкотораго раздумья, сказалъ:

— Да, нѣчто подобное случилось и съ нами, а ты ничего не знаешь объ этомъ?! Съ этими словами подошелъ онъ къ книжному шкафу, взялъ какую-то книжку, отмѣтилъ одно мѣсто, передалъ мнѣ и сказалъ: когда справишься съ уроками, почитай и это.

¹⁾ Сны (изъ воспоминаній кн. А. Церетели „Кавказскій“ край, 1905 г. № 1.

Въ тотъ день я пообѣдалъ второпяхъ, второпяхъ же приготовилъ уроки и принялся за грузинскую книжку. Господи, что я тамъ вычиталъ и что я узналъ?!

И тамъ, въ Россіи, и у насъ въ Грузіи одно и тоже. И тамъ неожиданное нашествіе несмѣтныхъ полчищъ монголовъ, и у насъ.—Въ одно и тоже время начинаютъ стонать подъ игомъ враговъ и русскіе, и грузины. И тамъ, за тридевять земель, и у насъ обездоленные и поработанные христіане, какъ будто по мановенію волшебной руки, въ одно и то же время встаютъ на защиту родины и вѣры. Тамъ преподобный Сергій благословляетъ христіанское воинство, а у насъ каталікосъ Арсеній. И тамъ замѣтили среди воиновъ всадника на бѣломъ конѣ, какъ и у насъ. Тамъ Дмитрій Донской, у насъ тоже Дмитрій, прозванный Самопожертвователемъ!...

Въ тотъ день я очень рано явился въ гимназію. Въ классѣ никого не было, въ ожиданіи каждая минута казалась мнѣ вѣчностью. Я жаждалъ поскорѣе передать своимъ товарищамъ свои мысли, чувства и впечатлѣнія, и дѣйствительно какъ только явились товарищи, я передалъ имъ все, что вычиталъ въ грузинской книжкѣ. Разказомъ своимъ я очень скоро увлекъ товарищей, и всѣ мы рѣшили и съ Алексѣемъ Петровичемъ подѣлиться своими впечатлѣніями! Хорошо, что первый урокъ былъ по исторіи.—По крайней мѣрѣ, еще разъ увидимъ его восторгъ и увлеченіе, говорили ученики и, заранѣе предвкушая удовольствіе, кричали отъ радости.

Вошелъ преподаватель и мы всѣ передали ему разказъ изъ грузинской исторіи. „Быть не можетъ, это все враки!“—воскликнулъ учитель. Мы показали ему грузинскую книжку. „Я охотно вѣрю, что въ книжкѣ то написано, но врутъ, я увѣренъ; и вы не вѣрьте имъ!“—отрѣзалъ учитель и приступилъ къ уроку. „Вѣроятно, нездоровъ“, подумали мы и, дѣйствительно, въ тотъ день походилъ онъ на больного.

Спустя нѣкоторое время зашелъ къ намъ воспитатель, произвелъ дознаніе и отобралъ грузинскую книжку. Меня же пригласили въ канцелярію и изумленный директоръ спросилъ меня:

— Это что такое?

— Пособіе по грузинской исторіи,—отвѣтилъ я искренно,—здѣсь разказывается такая же исторія, какую вчера разказалъ Алексѣй Петровичъ

— Неужели ты не знаешь, что у насъ чтеніе грузинскихъ книгъ воспрещено? А ты не только читаешь самъ, но и другихъ развращаешь!

— Я не думалъ..., къ тому же отецъ совѣтовалъ прочесть.

— Отецъ, отецъ! Въ гимназію для того и принимаютъ васъ, чтобы и отца, и дѣда своего вы забыли!.. Ихъ мы вамъ должны замѣнить. Понялъ? Счастье твое, что ты ни въ чемъ не замѣченъ. Теперь мы прощаемъ тебя, но въ будущемъ ты долженъ беречься! Понимаешь?

Съ этого дня какъ-то странно стали смотрѣть на меня, и я не зналъ, какъ быть. Учился я не хуже прежняго; не безобразничалъ, не

шалить, любилъ я опять по прежнему всѣхъ. Духовникъ нашъ, обративъ вниманіе на внутреннія мои терзанія, вѣроятно, пожалѣлъ меня, призывалъ къ себѣ и захотѣлъ узнать причину моихъ страданій. Я, какъ пастырю душъ и сердець, открылъ ему всю душу и выложилъ все, что таилось тамъ на днѣ.

„Сынъ мой!—сказалъ онъ мнѣ.—Ты пока молодъ и самъ своими силами не сумѣешь понять и объяснить себѣ все, что можетъ случиться съ тобою. Вотъ поэтому ты долженъ во всемъ подчиняться старшимъ: они лучше знаютъ, что тебѣ нужнѣе. Вотъ, возьми у меня Евангеліе и въ свободное отъ уроковъ время читай иногда!“—сказалъ онъ мнѣ, привлекая къ себѣ, поласкалъ, далъ Евангеліе на славянскомъ языкѣ и отправилъ домой.

Я очень скоро пристрастился къ чтенію Евангелія, но, къ весьма великому моему огорченію, многого я не понималъ и каждую минуту за разъясненіями бѣгалъ къ отцу. Вѣроятно, я ему очень надоѣлъ, такъ какъ вмѣсто обычнаго разъясненія я услышалъ разъ слѣдующее: „оставь меня, ради Бога! Перестань мучить и себя и меня. Если хочешь читать Евангеліе, возьми на грузинскомъ языкѣ. Слава Тебѣ, Господи, наши священныя книги въ первыхъ же столѣтіяхъ переведены святыми отцами. Все старѣетъ и выцвѣтаетъ отъ времени, но языкъ нашего Евангелія вѣчно новъ и останется такимъ“.

И дѣйствительно, благодаря легкому и доступному языку, я свободно сталъ обходиться безъ помощи отца.

— Ну, какъ подвигаются твои дѣла? Читаешь ты Евангеліе, или бросилъ его?—спросилъ меня разъ законоучитель.

— Какъ же, не только читаю, но даже не расстаюсь съ нимъ.

— Молодецъ! А, ну-ка, покажи въ такомъ случаѣ!

Я подаль ему свое Евангеліе. Тотъ вытаращилъ глаза, перевернулъ нѣсколько разъ книгу и спросилъ, что это такое?

— Евангеліе

— Какое же это Евангеліе?

— Грузинское! На грузинскомъ языкѣ.

— Наше православное Евангеліе ты выбросилъ и вмѣсто него сталъ читать книгу, написанную на какомъ-то собачьемъ языкѣ? Оказывается, въ самомъ дѣлѣ, исправилъ тебя мудрено!

Съ этими словами онъ съ такимъ остервенѣніемъ бросилъ книгу, что всѣ листы ея полетѣли въ стороны. Ученики ужаснулись, я остолбенѣлъ, и какое-то непонятное, новое для меня чувство охватило меня. Выбѣжалъ на улицу, и ужъ не помню, какъ вернулся домой. Помню только то, что зарывшись въ подушку, я рыдалъ безутѣшно, а родители мои старались успокоить меня.

„Оказывается, нашъ языкъ собачій, да и Евангеліе наше написано на такомъ же языкѣ“,—еле выговорилъ я.

— Что ты говоришь, сынъ мой? Въ своемъ ли ты умѣ?—закричала моя мать и приставила къ моимъ губамъ руку.

— Это не я... нашъ законоучительъ сказалъ такъ.

— Конечно, эта шутка. Но даже шутка такая не угодна Богу.

— Хороша шутка! Онь съ такой силою бросилъ наше Евангеліе, что все товарищи ужаснулись,—говорилъ я съ плачемъ.

Родные переглянулись и послѣ нѣкотораго раздумія, отецъ обратился къ матери: Елена!., съ сегодняшняго дня не посылай больше мальчишку въ школу. Ученье свѣтъ, а не ученіе тьма, это правда, но лучше и дороже спасенія души нѣтъ ничего на свѣтѣ. Солдатомъ онъ не будетъ, такъ какъ онъ единственный у насъ, ну а тамъ, Богъ дастъ, проживеть какъ-нибудь“.

Такой составъ преподавателей мало привязывалъ будущаго поэта къ гимназическому образованію, поэтому, вѣроятно, безъ сожалѣнія за четыре мѣсяца до окончанія курса онъ вышелъ изъ учебнаго заведенія и съ небольшимъ багажемъ знаній поѣхалъ въ С.-Петербургъ „искать ума“ и утоленія пробудившейся жажды къ наукѣ. По дорогѣ въ Одессѣ онъ встрѣтился съ кн. Воронцовой, предъ которой пришлось ему проявить твердость характера и неуклонное стремленіе къ намѣченной цѣли.

Поэтъ прибылъ въ сѣверную столицу съ намѣреніемъ найти такую военную службу, которая открывала бы ему широкую возможность дальнѣйшаго образованія въ академіи генеральнаго штаба. Поэтому онъ отклонилъ настойчивое предложеніе старшаго своего брата поступить въ козвой Его Величества, въ то время переполненнаго красивой, статной молодежью изъ грузинской аристократіи, въ видахъ полнаго наслажденія жизнью и исключительнымъ вниманіемъ столичныхъ дамъ. Съ сожалѣніемъ, отсутствіе въ печали продолженія автобіографіи кн. Ак. Церетели оставляетъ насъ въ недоумѣніи относительно сложившейся его судьбы въ С.-Петербургѣ. Извѣстно только, что онъ слушалъ лекціи на Восточномъ факультетѣ, но нерѣдко его можно было видѣть въ аудиторіяхъ профессоровъ Спасовича, Костомарова, Кавелина, Стасюлевича и др. При этомъ кн. Церетели сблизился съ русскимъ студенчествомъ, съ лихорадочной поспѣшностью слѣдилъ за русской литературой и журналистикой, увлекался вѣяніями 60-хъ годовъ, не вполюбъ, впрочемъ, раздѣляя одностороннихъ утилитарныхъ взглядовъ Д. И. Писарева на офънку эстетическихъ произведеній.

Въ это время онъ самъ былъ уже не чуждъ пробы пера въ художественномъ творчествѣ. Еще въ дѣтствѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ перваго грузинскаго драматурга кн. Георгія Эристовъ, прозваннаго „Глухаричъ“, онъ сочинилъ траги-комедію, въ которой мрачно обрисовалъ проскии управляющаго (моурава) его отцовскимъ имѣніемъ, съ дѣтскою чувствостью уличалъ его въ притѣвленія крѣпостныхъ и доносилъ предъ княземъ. Пьеса эта на домашней сценѣ имѣла успѣхъ, но поэтъ, по возвращеніи на родину изъ Петербурга, нашелъ ее слабой и предать сожженію. Другая сфера поэтическаго творчества—лирика увлекала и захватила. Какъ также въ ранней юности и, будучи еще на школьной скамьѣ, напечаталъ въ 1858 г. свои „Народныя пѣсни“ въ гру-

зинскомъ журналѣ *Цискари* (Заря). „Пѣсни“ обратили вниманіе мѣстныхъ цѣнителей искусства и возбудили ненависть къ автору ихъ въ высшемъ дворянствѣ за презрѣніе къ феодальнымъ традиціямъ и пренебрежительное отношеніе со стороны интеллигентныхъ сверстниковъ за служеніе эстетикѣ, за преклоненіе предъ образами вѣчной красоты. Подъ этимъ двойнымъ давленіемъ юный поэтъ временно покидаетъ художественное творчество и становится въ ряды публицистовъ, убѣжденное и талантливое слово которыхъ было такъ необходимо для проведенія въ сознаніе общества ожидаемыхъ реформъ Александра II. Кн. Акакій Церетели, наряду съ главнымъ поборникомъ отмены крѣпостнаго права—кн. Ильей Чавчавадзе, выступилъ защитникомъ реформъ, направивъ ядовитыя сатиры въ прозѣ и стихахъ противъ устарѣлыхъ предразсудковъ и отжившихъ общественныхъ устоевъ. Друзья и недруги въ ровной мѣрѣ считывались въ газ. *Дрозба* его фельетонами подъ заглавіемъ „Горячія новости“ („Цхелцхели анбави“), посвященныя различнымъ злобамъ дня.

Прошло нѣсколько лѣтъ, утихли многіе спорные вопросы, улеглись обостренныя страсти, и поэту открылась возможность почаще возвращаться къ своей родной стихіи. Недавно онъ вспоминалъ, что первое стихотвореніе *Лампада* имъ написано въ 12-лѣтнемъ возрастѣ. Первое датированное его стихотвореніе во всякомъ случаѣ напечатано въ 1860 г. (въ *Цискари*). Этотъ моментъ мы бы сочли за начальный пунктъ литературной дѣятельности кн. Ак. Церетели. Дата указываетъ, что стихотвореніе написано въ С.-Петербургѣ, въ 1856 г., іюля 1 дня. Озаглавленное оно „Саидумло барати“ („Секретное письмо“) и занимаетъ первое мѣсто въ первомъ томѣ его стихотвореній. Это исполненное мягкой грусти стихотвореніе служитъ чрезвычайно характернымъ показателемъ индивидуальныхъ особенностей творчества грузинскаго поэта. *Секретное письмо*, „носитель радости и горести цитъ“, получено поэтомъ отъ той, для которой онъ льетъ потоки слезъ. Онъ ищетъ среди строкъ слѣдовъ движенія сердца своей возлюбленной, пытается угадать по начертанію буквъ, тоска или любовь водила ее перомъ, ангель мира или демонъ злобы въ этотъ мигъ царилъ въ ея кроткой душѣ.

Это нѣсколько сентиментальное стихотвореніе—звучный отголосокъ томленій юнаго поэта вдали отъ родины и друзей, стало застойной пѣсней, распѣваемой молодыми дѣвками подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента. Слушателя подкупаетъ не только теплота чувствъ, проникающая эту маленькую лирическую пьесу, но еще болѣе естественность ея настроенія и гармоническое соотвѣтствіе содержания съ внѣшней формой, отличающейся, вопреки господствовавшему въ 60-хъ годахъ тяжелому, архаическому стилю построенія, простотою, легкостью и рѣдкою музыкальностью. Звучность и музыкальность стиха, непринужденность и правдивость анализируемаго состоянія души принадлежатъ къ основнымъ свойствамъ лиры кн. Ак. Церетели.

Обозрѣть его сорокапятилѣтнюю литературную дѣятельность и оцѣнить его еще не собранныя и разсыпанныя по всеѣмъ грузинскимъ изданіямъ (Дрозба, Кребули, Иверія, Имеди, Цискари, Джебдили, Нобати, Театръ, Квали, Моамба и др.) произведенія въ стихахъ и въ прозѣ, мы крайне затрудняемся въ виду отсутствія не только полнаго собранія его сочиненій, но даже голаго перечня всего того, что написано за минувшій періодъ. Намъ придется ограничиться характеристикой его творчества, группировкой его сочиненій и ознакомленіемъ съ наиболѣе выдающимися изъ его произведеній¹⁾.

Кн. Ак. Церетели соединяетъ въ своемъ лицѣ писателя различныхъ жанровъ. Онъ прежде всего поэтъ, при томъ поэтъ—субъективистъ, лирикъ; но онъ не менѣе извѣстенъ какъ драматургъ, авторъ бытовыхъ и историческихъ пьесъ; онъ выступалъ и въ роли романиста съ повѣстями психологическаго характера; далѣе ему не чуждъ публицистическій кругъ вопросовъ, въ разрѣшеніе которыхъ вносилъ собственную горячность и ядовитый сарказмъ; наконецъ, ему приписывается огромный циклъ афоризмовъ и анекдотовъ, отличающихся тонкимъ остроуміемъ, находчивостью и мѣткостью.

Взглядъ его на общественное назначеніе поэта и содержаніе поэзіи выраженъ въ цѣломъ рядѣ блестящихъ, маленькихъ лирическихъ пьесъ. Вотъ какъ онъ формулируетъ свое credo въ стихотвореніи „Поэтъ“.

То безумецъ я жалкій, то вѣщій мудрецъ,
А порою—ни то, ни другое
Ни земли, ни небесъ я—ни сынъ, ни пѣвецъ,
А пою все, что вижу живое.

* * *

За безумство меня осуждать не спѣши.
И за мудрость не чествуй поэта:
Руководство дано для ума и души
Мнѣ иное, чѣмъ мнѣніе свѣта.

* * *

Точно зеркала гладкое вѣчно стекло
Сердце чуткое все отражаетъ:
Чѣмъ въ природѣ оно любоваться могло,
То невольно и въ немъ выступаетъ.

* * *

И языкъ только то повторяетъ, что слытъ
Отъ другихъ уловилъ и провѣрилъ,

Или то, что провидѣлъ пророческій духъ
Иль-что глазъ увидалъ и измѣрилъ.

* * *

Я не то, чѣмъ считалъ ты меня весь твой вѣкъ,
И не то, чѣмъ слыву въ общемъ мнѣнью:
Я лишь чуткій душою, живой человекъ—
То земли, то небесъ отраженье.

(Пер. Иванъ-да Марья.)

Начертанная здѣсь схема поэта, его profession de foi, не оставляетъ мѣста никакимъ недоразумѣніямъ въ томъ, что кн. Ак. Церетели писатель-реалистъ, отзывающийся чуткимъ сердцемъ, на все, что онъ видитъ и слышитъ, отражаетъ въ своихъ пѣсняхъ возвышенныя „небесныя“ стремленія, открывающіяся его пророческому духу, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ „живой человекъ“ и „сынъ земли“ откликается на все окружающее его въ природѣ. Не встаетъ ли въ вашей памяти аналогичное стихотвореніе Пушкина „Эго“? Въ стих. *Программа поэта* кн. А. Церетели себя сравниваетъ то съ соловьемъ, распѣвающимъ пѣсню радости и соболѣзнованія, то превращается въ ворона, каркающего при видѣ разлагающихся труповъ. Восхвалять все благородное и распинать враговъ добра—вотъ его задача.

Еще шире развертывается знамя грузинскаго поэта въ другой граціозной пьесѣ—„Пѣвецъ“. Съ свойственною ему силою выразительности и ясностью онъ характеризуетъ свою лиру, напѣвающую элегическія и сатирическія мелодіи: „Желчь и укусъ, медь и слезы, вотъ составъ моихъ чернилъ, было-ль ясно, были ли грозы, пѣснь я не измѣнилъ. Я съ восторгомъ пѣлъ страданья, пѣлъ, страдая, красоту, я любилъ одни желанья, я любилъ одну мечту“. Одинаково онъ пѣлъ „межъ цвѣтовъ“ и „въ кустахъ тернистыхъ“: „въ пѣсняхъ сердца, въ пѣсняхъ звучныхъ Богу божье отдаетъ и съ земли землѣ поетъ“.

Въ этомъ неразрывномъ сочетаніи отзвѣковъ земной юдоли съ высокими порывами къ идеалу и заключается вся неотразимая прелесть творчества кн. Ак. Церетели.

Къ вопросу о назначеніи поэта кн. Ак. Церетели возвращается нѣсколько разъ. Въ одномъ прекрасномъ обращеніи къ „Лирѣ“, онъ говоритъ:

Я хочу, чтобы бандура
Въ пѣсняхъ правду величала,
Чтобъ она напѣвомъ страстнымъ
Душу къ небу возвышала.

Чтобъ несчастный въ этихъ звукахъ
Слышалъ голосъ утѣшенья,
А врагу, чтобъ эти звуки
Лили въ душу ядъ презрѣнія.

¹⁾ Грузинское издательское товарищество выпустило два тома стихотвореній кн. А. Р. Церетели въ 1893 г., не исчерпывающихъ произведеній его пера даже за первое десятилѣтіе. Поэтъ въ послѣдствіи самъ приступилъ къ переизданію и собранію своихъ сочиненій въ ежемѣсячномъ своемъ журналѣ *Кребули*, но также не довѣлъ своего плана до конца.

Душа поэта то прозрачное „зеркало“, все отражающее (стихотв. *Поэтъ*), то „бурное море“, клокочущее и угрожающее небу (стихотв. „*Сердце поэта*“), однако нерѣдко и желчное сердце съ ядовитымъ языкомъ, игриво блуждающее повсюду, но не согласующее дѣла поэта съ его крылатымъ словомъ (стих. *Поэту*). Эти-то метаморфозы и перипетии въ смѣняющихся состояніяхъ отъ „жалкаго безумца“ до „вѣщаго мудреца“, несоотвѣтствіе житейскихъ поступковъ съ священными завѣтами лиры служатъ общимъ свойствомъ, отличающимъ поэтовъ всѣхъ странъ и народовъ.

Основную черту своего творчества самъ кн. Ак. Церетели чрезвычайно мѣтко опредѣлилъ словами: „желчь и укусъ, медъ и слезы—вотъ состав моихъ чернилъ“. И дѣйствительно, элегія и сатира, грусть и осмѣяніе—самыя звучныя струны его лиры. Источникъ столь противоположныхъ формъ выраженія думъ и чувствъ поэта одинъ и тотъ же.

Бичующій стихъ и меланхолическое настроеніе вызываются несовершенствами родины,—воспоминаніемъ о прошлыхъ страданіяхъ, причиненныхъ свирѣпыми врагами, желаніемъ возрожденія ея прежней славы и вотъ почему „въ отрадѣ и печали онъ пѣсню манитъ минувшіе вѣка“.

Гдѣ ты свирѣль моя, родная саламури,
Гдѣ, сладкогласная, поешь ты въ тишинѣ?...
Тамъ въ Грузіи моей, когда пастухъ играетъ,
По доламъ и горамъ несется пѣсня вдаль—
И каждый счастья звукъ въ небесной выси таетъ
И мукою адекою звучитъ твоя печаль!...

Душа поэта, вся трепетомъ объята, „читаетъ въ книгѣ прошлаго кровавые листы“.

Въ стѣнахъ твоихъ отчизны внемлю стомамъ;
То грудь ея разить персидскій ятаганъ,
Съ турецкихъ сабель кровь течетъ по горнымъ склонамъ,
То горы къ ней ползутъ, какъ вору, какъ туманъ.

Поэтъ хочетъ впивать стонъ жестокой свирѣли, чтобъ горькую долю отчизны проклинать; но не всегда печальна саламури! „Порой ликуешь ты! говорить поэтъ,—вскипаетъ кровь во мнѣ—и пылкія мечты къ безоблачной лазури стремятся съ жадностью—и тонуть въ вышинѣ!... Я вижу витязя: въ его поднятой длани огнемъ сверкаетъ мечъ и гонитъ вражью тьму! Кличъ удали родной звучитъ на полѣ брани!... Всю жизнь безъ усталы вникать хочу ему“ (Стих. *Свирѣль*)...

Патріотическимъ подъемомъ духа отличается и „*Лебединая пѣсня*“ Церетели. Это одно изъ звучныхъ и мелодичныхъ созданій грузинскаго поэта. Легкая дымка грусти, облекшая „Лебединую пѣсню“ на закатѣ

дней поэта, залитую благоговѣйной любовью къ роднымъ созвучіямъ, общасть, неотразимую прелесть этой элегической пѣснѣ.

Когда для лебеди мигъ смерти неминуемой
Настанетъ, онъ поетъ, внезапно вдохновляясь,
И тихо гаснетъ жизнь: ее сливаетъ онъ
Съ потокомъ трепетныхъ, плѣнительныхъ созвучій...
Подъ нимъ—пучина водъ, надъ нимъ сияетъ твердь...
Свободно летитъ пѣснь въ просторъ необозримый,
Для міра прелестью полна неизъяснимой,
Таинственнымъ звеномъ связуя жизнь и смерть...
Сливаясь съ тишиной, какъ съ ночью лучъ заката,
На вѣкъ смолкаетъ пѣснь въ чарующей дали...
Сроднившись съ нею, жизнь уходитъ отъ земли,
Восторгомъ неземнымъ и сладостнымъ объята...
О, если-бъ могъ и я, земной кончая путь,
Свободно спѣть свой гимнъ предсмертный, лебединый!
Всю душу въ немъ излить, — безъ боли, безъ кручины,
Въ родныхъ созвучіяхъ погаснуть... потонуть!..

(Пер. В. Величко).

Какія же чувства пробуждаетъ лира кн. Акакія Церетели? Въ чемъ положительная сторона его поэтической программы? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ его лирическія по преимуществу произведенія. Идеаль грузинскаго поэта—всеобщее братство и любовь. Его вдохновляетъ возвышенная мечта объ единеніи народовъ и ихъ преуспѣяніи. Онъ клеймитъ позоромъ всякое отступленіе отъ нравственныхъ завѣтовъ евангельскаго ученія и страстно жаждетъ осуществленія на землѣ „черезъ посредство лучшихъ умовъ столь необходимой солидарности“. Его благородному чувству рисуется уже *волшебный край*, „гдѣ бѣдныхъ за преступныхъ не считаютъ, гдѣ безчестіе людское мишурой не прикрываютъ, гдѣ всѣ равны, гдѣ Христа святое слово задавило фарисейство. Край такой на бѣломъ свѣтѣ существуетъ безъ сомнѣнія: это область грезъ, мечтаній, это—царство сновидѣній“¹⁾. Реализовать фантастическій міръ чистоты и общаго благоденствія не дано человѣку. Онъ можетъ только стремиться къ нему, ища себѣ поддержки въ „символѣ искупленія“. Умомъ ему свойственно возноситься къ небу, а сердцемъ чувствовать сродство съ печальниками народа, необходимость „жертвъ за грѣхъ земной души“. Какъ существо двойственное—духовное и матеріальное, человѣкъ является убогимъ слѣпцомъ предъ сознаваемой имъ чудной тайной бытія. Пародируя въ извѣстномъ смыслѣ слова Державина, грузинскій поэтъ въ смутномъ раздумьѣ предъ возжевною священною свѣчею говоритъ: „подобна жизнь свѣтильни и воску плоть моя“.

¹⁾ *Дрозда* 1878 г. № 252, рус. перев. въ *Обзоръ* 1878 г. № 330.

„А свѣтъ—духовное сознанье,
 Которымъ жизнь озарена!...
 Икона для меня—родимая страна,
 А храмъ—все мірозданіе“!... (Стих. *Свѣча*).

Кн. Акакій Церетели не принадлежит къ кругу узкихъ патріотовъ, за предѣлами отчизны не испытывающихъ „сладостныхъ волненій“. Его горизонтъ обнимаетъ весь міръ, а храмъ, гдѣ онъ молится, вмѣщаетъ весь человѣчскій родъ. Въ его „душѣ простой никѣмъ незрима и вѣчна, любовью братскою зажжена“ смиренная кроткая лампада. Такими задушевными словами оканчиваетъ онъ стихотвореніе *Гости* (пер. II—чѣ). Хозяину былъ непонятенъ языкъ худыхъ, облеченныхъ въ лохмотья гостей-страдальцевъ, гонимыхъ голодомъ на югъ, но онъ ихъ пріютилъ, накормилъ и на обидное замѣчаніе не нашедшихъ иконъ въ углу путниковъ: „уйдемъ, продасть, погубить Каниъ, намъ почи съ нехристомъ страшнѣе“, въ смущеніи хозяйинъ дома произноситъ: „О путники, никто изъ васъ не зналъ, сѣбѣ уйти съ порога, чтобы быть тамъ крестъ, быть образъ Бога, но не въ углахъ, не на показъ,—въ душѣ простой любовью братской зажжена сіяла кроткая лампада“. Вѣщнее благочестіе поэтъ цѣнитъ меньше, чѣмъ глубокое религиозное чувство.

„Любовь и правда“, проповѣдуемая и преслѣдуемая поэтомъ, составляютъ вышній даръ, сообщенный его „чистому сердцу“ на благо всѣмъ, безразлично является ли пѣснь сладкимъ медомъ или желчной приправой. (*Поэтъ*, въ отвѣтъ нѣкоторымъ).

Кн. Акакій Церетели поднимается на высоту мірового поэта, черпая сюжетъ вдохновенія изъ жизни человѣка вообще, не ограниченнаго рамками извѣстной національности или времени. Въ его тоскующей музѣ, въ тяжелыхъ вздохахъ по неосуществившемуся идеалѣ и утраченной мечтѣ, слышатся отголоски разбитаго сердца и извѣрившейся души не только грузина съ его бытовыми чертами, съ мѣстнымъ колоритомъ, но каждаго страдальца изъ-за отцвѣтшихъ грезъ, безутѣшнаго мученика за низвергнутый въ прахъ идеалъ. Мягкіе аккорды, вносящіе неизъяснимую теплоту въ его горестную пѣснь, чувство мѣры и тонкій тактъ при анализѣ сложныхъ психическихъ эмоцій, благороднѣйшіе, чуждые всякаго эгоизма и материалистическихъ тенетъ порывы поэта доставили ему славу и вѣнецъ пѣвца задушевной молитвы и мучительной любви, незыблемой красоты и міровой гармоніи. Какое высокое пониманіе онъ влагае въ молитву и пѣсню, свидѣлствуютъ слѣдующія его слова:

„Молитва души и звуки лиры—
 Вотъ вѣчные два близнеца;
 Зачатіе ихъ и рожденіе
 Подвластны лишь волѣ Творца.

* * *

Изъ чувства и мысли слетались
 Для нихъ колыбель и престоль
 И мощный порывъ вдохновенья
 Предтечей ихъ въ міръ низошелъ.

* * *

Восходъ и западъ могли-бъ мы
 Съ движеніемъ солнца сравнить:
 Мольбою нельзя намъ ихъ вызвать
 Угрозой нельзя прекратить.

* * *

Молиться всегда—фарисеемъ
 Внушилъ искусственный жаръ;
 Играть по заказу на лирѣ
 Идетъ не пѣвецъ, а фигляръ.

Пѣснь и молитва для поэта синонимы, не вызываются искусственнымъ жаромъ фарисея и фигляра, а изливаются въ порывѣ возбужденной души. При жизни *одобрение*, по смерти вѣнки—народная награда для счастливыхъ поэтовъ. (Стих. *Со сцены*).

Для поэта не безразлично, какъ воспринимаетъ публика пѣсни его сердца. Среди „вражды, зависти, неправды людской“, окружающей его безпросвѣтной тучей, онъ нерѣдко падаетъ духомъ, жгучая тоска сомнѣнія манитъ его „борьбу смѣнить на мертвенный покой“. Въ эти тяжелыя минуты искуса грузинскаго поэта спасаетъ и вновь окрыляетъ волшебная сила сочувствія, „привѣтливая улыбка“.

Припомнить стоитъ мнѣ лишь полную привѣтомъ
 Одну улыбку... взглядъ и слова, какъ Самсонъ
 Я сталъ самимъ собой. На битву съ цѣлымъ свѣтомъ
 Я радостно стремлюсь, безстрашенъ и силенъ!...
 Не ласка матери—источникъ утѣшенья,
 Не взоръ возлюбленной, что будитъ жаръ въ крови,—
 Улыбка та—привѣтъ младаго поколѣнія
 Свободной лирѣ данъ довѣрія и любви.
 Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства міра
 Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
 Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
 О ней потомству я восторженно пою!

(Пер. В. Величко).

„Довѣріе и любовь младаго поколѣнія“ служатъ волшебной силой вдохновенія для поэта. Сочувствіе молодежи, проникновенно въ ея помыслы, взаимное пониманіе представителей двухъ поколѣній,—магическая цѣпь, связывающая „отца съ дѣтьми“ въ борьбѣ за общій идеалъ. Несомнѣнно показателемъ широты кругозора кн. Ак. Церетели является

стремление его идти в уровень с вѣкомъ, откликаться на новые запросы жизни ¹⁾).

Идеаль же, вдохновляющей поэта, отчасти уже выяснился из выше приведенных отрывков его стихотворений. „Братство и любовь“ — положительная сторона его программы. Но для водворения на землѣ „единения во имя Христа“ требуется борьба упорная и продолжительная. Борецъ за идеаль долженъ запастись стойкостью Амрана, грузинскаго Прометея, его непреклонностью предъ хищнымъ орломъ, терзающимъ его грудь и пьющимъ изъ сердца его теплую кровь. Несокрушимость Амрана предъ сознаниемъ долга—идеаль поэта. „Ждалъ онъ смерти, — по вмигъ раны вновь заживали, оживалъ богатырь, чтобы мучиться вновь...“

Безъ упрековъ и слезъ, малодушныхъ стenanей,
Все безмолвно сносилъ онъ, и гордъ и суровъ
И чела не склонилъ онъ предъ игомъ страданій,
Не призналъ онъ неправедной власти враговъ!

* * *

Побѣдивъ ночи тьму, духомъ сильный и вѣрный,
Угнетателей злыхъ побѣдилъ Амранъ,
—И примѣромъ на вѣкъ подвигъ свой безпримѣрный
Завѣщалъ человечеству славный титанъ.

„Сильный духъ“ на общественномъ поприщѣ, „борьба съ угнетателями“, „бичеваніе зла“, „утѣшеніе несчастныхъ“, любовь къ родимой старинѣ и родному языку (стихотвореніе *Бесѣда съ англичанкой*), къ культурному единению всѣхъ народовъ, отраженіе идеальныхъ стремлений молодого поколѣнія—вотъ идейное содержаніе поэзіи кн. Ак. Церетели.

Поэтъ не чуждъ и чисто гражданскихъ мотивовъ въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ *Письмо пастуха* (Кребули, 1897, IV); связаннаго тѣсными узлами любви съ оберегаемой имъ какъ зѣница ока коровой, кормилицей ихъ семьи. Гражданиномъ-публицистомъ онъ выступалъ въ рядѣ статей подъ заглавіемъ „Бесѣда“, въ которой защищалъ разнообразные интересы литературы и жизни всей Грузіи.

Пробнымъ камнемъ дарованій поэта нерѣдко служить его пониманіе душевныхъ явленій—лирика любви. „Ось всей нашей жизни—любовь и смерть“, говоритъ Пшибышевскій въ своемъ романѣ *Сыны земли*. Анализировать тайные изгибы нашего сердца, уловить мгновенныя движенія души, передать въ живыхъ образахъ чувствованія горести и радости составляетъ одну изъ трудныхъ задачъ художественнаго творчества. Кн. Акакій Церетели мастеръ раскрывать психическія эмоціи съ такимъ знаніемъ внутренняго міра съ такимъ чутьемъ мѣры и теплаго участія, что его эротическія стихотво-

¹⁾ Любопытно для оцѣнки взглядовъ кн. А. Церетели его автобиографическое произведеніе, съ интересными эпизодами изъ грузинской жизни, подъ заглавіемъ *Мои приключенія* (Тбили, 1894).

ренія должны быть признаны перлами грузинской лиры. Поэтъ-юноша знаетъ вдохновенную силу мимолетныхъ восторговъ, не разъ испытать горечь разбитой надежды, на склонѣ дѣтъ стоналъ въ поискахъ могилы возлюбленной и съ появленіемъ сѣдинъ отъ людскихъ взоровъ сталъ скрывать въ глубинѣ души тяжелые муки одинокой старости. Окинувъ внутреннимъ окомъ извѣданныя имъ волненія отъ упоенія любовью до лѣмыхъ печалей, поэтъ могъ сказать:

Коварная любовь! зачѣмъ всѣ говорятъ,
Что ты—небесный даръ, даръ свыше совершенный,
Когда за сладкій мигъ, за счастья лучъ мгновенный
Ты требуешь, какъ дая, мученій горькихъ рядъ?!..

„Какъ страшно кратокъ твоей улыбки свѣтлый мигъ, и дологъ часъ, когда не виденъ твой царскій, твой чудесный ликъ. Сегодня ты ко мнѣ склонилась, а завтра ты къ другимъ вспорхнешь... Тѣ шлютъ тебѣ одни укору, а тѣ горячія мольбы, но жаждутъ всѣ твоихъ улыбокъ, и всѣ мы, всѣ твои рабы. Хотя отравленъ горячимъ ядомъ твой сладкій, твой волшебный даръ, но жизнь отдать мы всѣ готовы за мигъ его желанныхъ чаръ. (Пер. В. Величко и П. Грицевской).“

Олицетвореніе чувства любви въ образѣ кочующей волшебной царицы, събюющей восторги въ сердцахъ, не разбирая“, является весьма оригинальнымъ приемомъ пластическаго воспроизведенія неотразимыхъ чаръ богини Венеры Въ стихотв. *Любовь* поэтъ возвращается къ анализу природы этого чувствованія, отличающейся тѣмъ особеннымъ свойствомъ, что сердце „со времени Евы“ ищетъ запрещеннаго плода и испытываетъ пресыщеніе отъ того, что уже имѣеть. Но та любовь только прочна, по мнѣнію поэта (стихотвореніе *Жизнь*), которая обосновывается на твердой матеріальной подкладкѣ, ибо „желудокъ—рычагъ вселенной,—онъ мыслить чувствуетъ и нимаеть. Такъ связываетъ поэтъ „небесный даръ“ съ хлѣбомъ насущнымъ, идеальное чувство претворяетъ въ матеріальное побужденіе.

Наряду съ вполне реальнымъ изображеніемъ человеческой психики, грузинскій поэтъ прибѣгаетъ къ романтической схемѣ обрисовки лицъ и предметовъ воспѣванія. Соловьи, розы, лунные вечера привлекаются въ качества аксессуаровъ, дополняющихъ и разъясняющихъ сладость любви и муки страданій. Рельефнымъ образцомъ творчества кн. Ак. Церетели въ романтическомъ вкусѣ служить популярное его стихотвореніе *Сулико* (*душечка*), распѣваемая во всѣхъ концахъ Грузіи. Оно переведено и по-французски ¹⁾.

„Возлюбленной могилу я искалъ. Напрасно! Я не могъ найти ея. И плакалъ я и горько повторялъ: о, гдѣ ты, гдѣ ты, Сулико моя! Въ шиповникѣ замѣтилъ розу я; цвѣтокъ роскошный, распускаясь, росъ.

¹⁾ См. En Imeréthie. Souvenirs d'une mission par le Baron de Baye. Paris. 1902 pag. 33—34.

— Скажи не ты ли, сулико моя? Я въ нерѣшимости задалъ ему вопросъ. И онъ въ отвѣтъ стыдливую красу—свой яркій вѣнчикъ предо мной склонить и влажную алмазную росу какъ капли слезъ на землю уронить. Испуганно забился въ кустъ пѣвецъ, и оборвалась пѣсня соловья. И ласково спросилъ я наконецъ: не ты ли, пташка, сулико моя? Вдругъ встrepенулся робкій соловей, коснулся пѣжнымъ клювомъ онъ цвѣтка, онъ зарыдалъ, и въ тишинѣ полей трель щелкала, воздушна и легка! На темномъ небѣ блѣдная звѣзда свой мертвый лучъ бросала на меня. Я съ плачемъ обратился къ ней тогда.—Звѣзда не ты ли, сулико моя? И, чудо! вспыхнула, заискрилась она, и блескъ ея въ мое лицо упалъ и, обвѣвая сладостно меня, зефиръ холодный ласково журчалъ.—Вотъ та, которую искалъ такъ долго ты! Утѣшься! пусть печаль твоя пройдетъ: день пролетитъ и въ блескѣ красоты на землю ночь—волшебница сойдетъ. Звѣзда на небѣ, роза, соловей,—въ трехъ лицахъ милая твоя была. Любили вы взаимно въ жизни сей, она съ тобою, хотя и умерла... О какъ люблю я слушать соловья и пѣжной розы ароматъ вдыхать, и на звѣзду гляжу, люблюсь я, что чувствую, не въ силахъ передать. Съ тѣхъ поръ и жизнь спокойнѣй потекла, забыта скорбь, и такъ легко, легко, ты въ трехъ мѣстахъ жилище избрала, ты вновь со мной фіалка-сулико“.

Стихотвореніе *Кто какъ понимаетъ любовь* характерно съ точки зрѣнія сравненія психологическихъ особенностей племенныхъ группъ грузинскаго народа. Пѣжную карталинку влечетъ магнитная сила мужчины, влюбленная хитрая имеретинка сравниваетъ себя съ кошкой, загрызающей съ мышенкомъ, мингрелкъ понятенъ лишь избранникъ, прокрадшіяся, какъ шакалъ, къ ней ночью въ домъ, гурійка противъ воровской любви и стоитъ за любовь честную, связующую двѣ души неразрывной цѣпью¹⁾.

Романтическая струя нерѣдко пробивается и въ другихъ стихотвореніяхъ кн. Ак. Церетели. Подъ покровомъ майской лунной ночи, въ сіяніи звѣздъ, въ предутреннемъ разсвѣтѣ ему чудятся живыя тѣни сошедшихъ въ могилу отцовъ, поливавшихъ вѣковые утесы ручьями своей крови въ борьбѣ съ врагами отчизны. Заунывный тонъ проникаетъ и тѣ его пѣссы, въ которыхъ природа описана въ успокаивающихъ волненіе мятущейся души мягкихъ краскахъ. Поэту свойствененъ рѣдкій даръ отъѣнять этотъ непримиримый контрастъ между вѣшними красотами, холоднымъ равнодушіемъ дивной природы и неисчерпаемой тоской на сердцѣ, безотвѣтнымъ мучительнымъ запросомъ.

Ночь майская пѣжнымъ прощаньемъ
Встрѣчаетъ грядущій разсвѣтъ,
И въ звѣздахъ—очахъ ея блещетъ
И гаснетъ послѣдній привѣтъ

¹⁾ Кавказъ Вѣстн., кн. XXVII, перев. Л. Кипіани.

Предвѣстница утра зажглася
Блѣднѣетъ предъ нею луна,
И вѣетъ повсюду прохладой
И дышетъ цвѣтами весна.

Въ селѣ пѣтухи уже пропѣли, проснулся трудищійся людъ, проснулись и раннія птички и гимнь своей природѣ поютъ. Кругомъ Божья благодать, душѣ ли созерцающа ея, не познать высшихъ восторговъ? Но вотъ юноша грустенъ. Не внемлетъ онъ чарамъ весны; вздыхаетъ онъ и *ищетъ священныхъ слѣдовъ старины*. Взываетъ онъ къ пѣдрамъ и скаламъ и къ бурнымъ потокамъ рѣки; но пѣтъ у нихъ словъ и сильнѣе приливъ его страстной тоски. На скалахъ слѣдъ крови героевъ, а въ пѣдрахъ—могилы отцевъ... Вотъ все, что отвѣтомъ безмолвнымъ лишь можетъ усилить печаль... И дико реветъ и клокочетъ и пѣнится бурная рѣка.“

Романтической налетъ сказывается не только въ пристрастіи къ вѣстнымъ таинственнымъ аксессуарамъ, содѣйствующимъ воспроизведенію вѣшней обстановки, но также въ розыскиваніи *слѣдовъ священной старины*, любви къ народности и тихой, никѣмъ нераздѣляемой сердечной грусти.

Всѣми этими особенностями романтической поэзіи отличается его легенда „О томъ какъ явились въ міръ иволга, соловей и удождъ“¹⁾ (Гогія-пѣвецъ)“! Безмолвная тихая ночь... Вдали что-то прозвенѣло и замерло, точно волшебный порывъ вѣтра ворвался и нарушилъ глубокой покою ночи. Затѣмъ въ тишинѣ одиноко раздались и ударили по сердцу печальные звуки чонгури. Съ странной тоской лился стономъ струны ихъ звуки. Точно дрожа отъ состраданія, онѣ хотѣли облегчить и успокоить грѣхъ и муки земли,—успокоить такъ, чтобы все міровое страданіе, уменьшаясь и исчезая, могло пройти въ игольное ушко. Но вотъ прозвучалъ голосъ и величаво разнеслось въ тишинѣ пѣніе. Въ той пѣснѣ слышалась одинокая безъ-исходная скорбь, и сливаясь съ нею, звучалъ упрекъ, вырывалось проклятіе. Оборвалась пѣсня и въ тишинѣ что-то отвѣтило ей: какой-то глухой ропотъ, тихій вздохъ и сдержанный смѣхъ. Выглянулъ изъ-за горы мѣсяцъ и тихимъ свѣтомъ озарилъ окрестность: неподвижно стоялъ Гогія, опутивъ свою чонгури. Онъ прощается съ тремя женщинами—матерью, сестрой и женою, на защиту родной земли. „Не могу оставаться—рѣшило мое сердце: иду, куда оно зоветъ меня и манитъ, тамъ смерть или побѣда! Туда иду, а вамъ, родные, вотъ мой завѣтъ: возьмите чонгури мою—каждый день, просыпаясь, пусть каждая изъ васъ заиграетъ на ней, вспомнивъ обо мнѣ. Пока я живъ, будутъ пѣтъ и струны чонгури моей. Но если оборвется струны—молите, у Бога вѣчнаго мира грѣшной душѣ моей“.

¹⁾ Напечатана по-грузински въ „Дрозбъ“ за 1875 г. № 71 и переведена въ „Вѣстн. Евр.“ за 1892, апрѣль.

Такъ одна за другой, день за днемъ играли на чонгури мать, сестра и жена, крѣпки были струны, ни одна не оборвалась. Но разъ въ обѣденное время спрягнувъ старый котъ, задѣлъ чонгури и сбросилъ. Подскокнули женщины въ дребезги разбилась чонгури Гогин, тихо звеня оборвались струны все до единой. Вошелъ недобрый вѣстникъ, держа въ рукахъ одежды Гогин. При видѣ ихъ въ ужасѣ пожелтѣла старая мать,—словно сѣрымъ непломъ подернулось лицо молодой сестры. И сжалилось небо, услышало оно молитву матери: оборвалась ея жизнь и на мѣстѣ вспорхнула желтая иволга; слѣдомъ за ней вспорхнулъ сѣрый соловушко. Опустилъ домъ осталась на просторѣ полной хозяйкой молодая жена Гогин. Для нея мужъ лишь „поясъ серебряный удобогнѣяемый“. Она, не круша себѣ сердца, ушла въ свою свѣтлицу, одѣла цвѣтное платье и, прихорониваясь, стала чесать волосы. Но вотъ раздался гдѣ-то голосъ въ вышинѣ: не быть и тебѣ между женами, негодная! И въ мигъ исчезло пестрое платье! Не успѣла молодая жена выпнуть гребень изъ волосъ,—ударилась она объ полъ пестрымъ удономъ,—гребешокъ остался на головѣ. И съ той поры на трехъ ниткахъ, словно кадило, высоко вѣшаетъ иволга гнѣздо свое и, принимая его за колыбель сына, тихо раскачиваетъ и горестно называетъ: „милый Гогин, сынъ мой Гогин“.

Но гдѣ прольетъ горячую кровь вѣрный сынъ родины,—тамъ вырастетъ прекрасная роза, алая кровью окрасивъ нѣжные лепестки свои, И соловей гдѣ только увидитъ алую розу,—тамъ садится и чудится ему безвременная могила Гогин, и, одиноко заливаясь на тысячи ладовъ, въ тоскѣ поетъ онъ вѣчную память славной души его. А пестрый народный удокъ суетливо бѣгаетъ по землѣ, подрагивая зубчатымъ гребешкомъ. Не вспорхнуть ему высоко—гнететъ его забота: но тутъ и тамъ постукивая длиннымъ клювомъ, нехотя ищетъ онъ забытую могилу Гогин—мечонгуре“.

Все содержаніе этой грузинской легенды о томъ, какъ явились въ мѣръ иволга, соловей и удокъ, сосредоточено вокругъ идеи, что души связываются тайными струнами, которыя даютъ сердцу вѣсть о невидимомъ общеніи съ другомъ, оставившимъ этотъ мѣръ. Подобная вѣра въ связь живущихъ съ переселившимися въ загробный мѣръ, возможности явленія тѣни умершаго, со всеми яркими слѣдами первобытныхъ анимистическихъ воззрѣній, послужили ядромъ какъ восточныхъ сказаній, такъ равно и романтическихъ балладъ европейской литературы. Для параллели съ грузинской легендой достаточно назвать „Эолову арфу“ Жуковского. Бѣдный Арминій—пѣвецъ, прощаясь съ молодой Минваной, дочерью могучаго владѣтеля Морвены, привизываетъ къ дереву свою арфу и предсказываетъ, что въ нее перейдетъ его душа и струны по прежнему зазвучать, когда онъ умретъ. И когда въ началѣ весны Минвана сидѣла въ дубравѣ, „изъ молчанія поднялся протяжно задумчивый звукъ... въ ней сердце смутилось: то друга привѣтъ. Свершилось, свершилось! Земля опустѣла и милого нѣтъ“. Грузинская баллада окан-

чивается метаморфозой, а „Эолова арфа“ таинственнымъ явленіемъ двухъ тѣней въ знакомой дубравѣ.

Романтикомъ кн. А. Церетели является во всѣхъ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ онъ, слѣдуя образцамъ восточной поэзіи, подъ видомъ соловья и розы прикрываетъ нѣжные чувства возлюбленного къ милой. Таковъ его *Романсъ*.

Надъ нѣжной розою тоской своей души
Рокочетъ соловей въ задумчивой тиши,
И ночи напролетъ тоскуетъ и рыдаетъ...
Но кто тоскѣ его мучительной внимаешь?

То страстно молить онъ во мглѣ ночныхъ тѣней,
То вьется съ ласкою надъ розою своей;
Тоску и боль любви внимаешь съ наслажденіемъ,
И полночь нѣгою и полночь упоеніемъ.

Печальный, трепеща, напрасно онъ поетъ
И розу блѣдную, безмолвную зоветъ:
Умчится, улетитъ онъ скоро въ край иной
Все съ тою пѣсней и тою же тоской!

Грузинскій талантливый критикъ кн. К. Абашидзе въ этюдѣ, посвященномъ кн. А. Церетели, съ тонкой проникательностью проводитъ параллель между современнымъ поэтомъ и угасшимъ юнымъ пѣвцомъ грусти и тоски Н. Бараташвили. Бараташвили, какъ сверхчеловѣкъ, стремится въ заоблачную даль, тамъ ищетъ себѣ онъ родины. Поэзія для него „храмъ священный, гдѣ горитъ неугасаемая лампада“, въ жизни онъ томится сознаниемъ своего одиночества, „сиротствомъ души“. Для А. Церетели поэтъ—лишь хлопотливая пчела, которая людямъ готовитъ сладкій медъ, а Богу зажигаетъ ярый воскъ. Пчела—„насъкомое Юва“, служитъ эмблемой труда, любви и всепрощенія. Поэтъ—простое смертное существо, раздѣляющее чувства и страданія, общія его странѣ и народу. Вопросы бытія и смерти, красоты природы его настолько захватываютъ, насколько они касаются излюбленныхъ поэтомъ надеждъ и идеаловъ. Одна тема варьируется въ его творчествѣ, одинъ предметъ приковываетъ его вниманіе, одной *милой* онъ увлекается,—ей лишь отдается съ упоеніемъ. Метафорическимъ языкомъ рисуя образъ своей возлюбленной, поэтъ говоритъ, что „его милая теперь спитъ мертвеннымъ сномъ, босая, безъ фаты на головѣ“. Оглашаетъ онъ всемъ скалы, провозоажетъ стономъ воды быстро-текущей рѣки, напрасно разыскивая бальзамъ для „больной“. Въмѣсто утѣшенія язвы сердца все болѣе раскрываются: обступившія горы указываютъ на кровавые слѣды, а въ зияющихъ ущельяхъ чернѣютъ засохшія кости. И вся жизнь поэта съ юныхъ лѣтъ до сѣдыхъ волосъ проносится въ мечтахъ о *ней*, о *родинѣ милой*.

Патриотической лирикѣ посвящены наиболѣе блестящіе и вдохновенные стихи кн. Ак. Церетели. Любопытно, что новѣйшіе грузинскіе поэты—Дугу Мегрели, Евдошвили, Абашидзе, Гаидегили,—не слѣдуютъ поколѣнію писателей—шестидесятниковъ, занятыхъ главнымъ образомъ воспѣваніемъ родины, ея минувшаго величія, идеализаціей старины, при томъ рѣдко поднимающихся до общечеловѣческихъ мотивовъ. У первой (40-гг.) и второй (60-гг.) плеяды литературныхъ работниковъ Грузіи XIX вѣка патриотическая тенденція выступаетъ на первый планъ,—она руководитъ гениемъ писателя. Третья группа писателей, съ 90-годовъ, отклоняется отъ исключительной темы и сюжетовъ, заимствованныхъ изъ историческаго прошлаго Грузіи, чуждается чрезмѣрныхъ возвеличеній старины, болѣе заглядываетъ въ темное будущее, раскрывая тяжелое настоящее состояніе и вдохновляясь идеями сверхнаціональными. Ак. Церетели, какъ шестидесятникъ, объять пламенной любовью къ родинѣ, къ ея минувшей свободѣ, доблестямъ ея сыновъ и мучительно страдаетъ при видѣ ослабленія народной чести, „разрушеніи гордой крѣпости, развалины которой мрачно глядятъ въ свѣтлыя волны рѣки“.

Въ благоговѣнномъ прославленіи предковъ поэтъ не чуждается излишней переоцѣнки завѣтовъ старины, рѣзко противопоставляя величавый ея духъ измелчанию интересовъ современнаго поколѣнія. Мѣриломъ и показателемъ патриотическихъ порывовъ служило не разъ у грузинскихъ поэтовъ мужество и благородство женщины, покорно приносящей на алтарь отечества въ жертву своихъ дѣтей, „возлюбленныхъ дѣтей“. Эту тему использовалъ кн. И. Чавчавадзе въ драматической поэмѣ *Мать и Сынъ*, эту же идею затронулъ кн. А. Церетели въ стихотвореніи *Грузинка* (пер. В. Лебедева, Вѣстн. Иностр. Литер., 1897, окт.)

Грузинка блѣдная, тая въ душѣ тревогу,
Ждетъ съ поля браннаго отъ сыновей гонца..
И вотъ онъ прискакалъ—примчался, слава Богу...
— Все, все мнѣ Расскажи сначала до конца!..

Не смѣй скрывать, о рабъ!—„Принесъ я—воронъ черный—
Тебѣ, госпожа, кровавой смерти вѣсть“...
— Молчи объ этомъ, рабъ!.. Скажи въ борьбѣ упорной
Кто въ битвѣ побѣдилъ? Цѣла-ль отчины честь?

— „А, госпожа моя! Грузинъ—сторонникъ мира;
Но мечъ его остеръ, остеръ его кинжалъ...
Низвергли мы во прахъ злодѣя—сераскира;
Нашъ царь, нашъ Соломонъ побѣду одержалъ!..

Благодарю Творца! Теперь мнѣ все повѣдай!..
Твой старшій, Александръ, какъ доблестный грузинъ,
Турецкой пулей сраженъ предъ побѣдой,
Отъ нули рядомъ съ нимъ погибъ твой младшій сынъ“.

Какъ поблѣднѣла мать! Но лишь одна слезинка
Скатилась по щекамъ отъ горестныхъ вѣстей...
— Я не скорблю о нихъ; и помню, я грузинка...
Для Грузіи родной растила я дѣтей!..

Но что мой сынъ второй? Когда погибли братья,
Отметилъ ли онъ за нихъ? Разилъ ли мусульманъ?..
— „Нѣтъ, госпожа моя, нѣтъ, не державъ! мать, я...
Вѣжалъ онъ трусостью безстыдной обуянь...
„Скрылся онъ въ лѣсу и легъ съ притворнымъ стономъ,
Въ тѣни густыхъ вѣтвей, безпомощный, больной,—
Когда въ бою мечи скрещались съ гудкимъ звономъ
И братьевъ кровь текла горячею волной“...
И содрогнулась мать, услышавъ вѣсть позора..
Рыданья тяжкія ей не даютъ вздохнуть.
Въ тоскѣ съ густыхъ волосъ срываетъ ткань убора.
Одежды рветъ свои и обнажаетъ грудь...
(Какъ жены Грузіи въ ней выражаютъ горе).
— Казнись, о грудь моя, вскормила ты его!
Повѣдай о стыдѣ и о моемъ позорѣ,
Глава, лишенная убора своего!..

И содрогнулась мать, услышавъ вѣсть позора..
Рыданья тяжкія ей не даютъ вздохнуть.
Въ тоскѣ съ густыхъ волосъ срываетъ ткань убора.
Одежды рветъ свои и обнажаетъ грудь...
(Какъ жены Грузіи въ ней выражаютъ горе).
— Казнись, о грудь моя, вскормила ты его!
Повѣдай о стыдѣ и о моемъ позорѣ,
Глава, лишенная убора своего!..

Не плачу и о томъ, что тѣ погибли оба,
Что матери очей уже не видѣть имъ...
О, нѣтъ, рыдаю я, меня терзаетъ злора
На то, что сынъ мой—трусъ придетъ ко мнѣ живымъ!..¹⁾

Героизмомъ женщины восторгается грузинскій народъ, сложить въ честь ея не мало пѣсенъ и легендъ. Одной изъ этихъ легендъ воспользовался кн. Ак. Церетели въ поэмѣ *Натэла* (1897 г.). Это имя героини соотвѣтствующее по словопроизводству русской „Свѣтланѣ“. Натэла—уроженка Рачи. Она—дочь Квело Церетели и своей красой Натэла,—„румянѣй розѣ, стройна какъ кипарисъ“,—затмила всѣхъ красавицъ

¹⁾ Въ поэмѣ *Торникъ Эристави* побѣда, одержанная грузинскимъ военачальникомъ надъ Склеромъ Вардой, вызываетъ у народа клики благодарности женщинамъ и матерямъ героевъ. О современныхъ женщинахъ поэтъ не высокаго мнѣнія. Теперь всѣ „Фатманы“, легкомысленныя дамы (см. повѣсть *Таріель* и *Три рода любви*). Въ будущемъ ожидаются Нестаны (безупречная героиня Ш. Руставели). Въ драмѣ *Патара Кахи* царица высказываетъ мысль, что она воспитала своего сына въ жертву странѣ и сама выражаетъ желаніе принять участіе въ сраженіи съ татарами и лезгинами (IV д. III явл.). Дневрамбъ женщинѣ влагаетъ поэтъ въ уста Кудурь-Ханумъ, героиня драмы того же названія (IV д., III явл.). Персіанинъ Абдушахиль, восхищаясь стойкостью и воздержаніемъ возлюбленной Баши-ачука, говоритъ: Вотъ женщина! въ нихъ-то и сила грузинъ, ими только они держатся столько времени!

Грузин. Она выросла сиротой въ отцовскомъ замкѣ Модинехэ, „о ней мечтаетъ не одинъ герой передъ ней готовый пасть во прахъ“. По сердцу Натэлы—холоднѣй могилы. „Ей мила—кровь и звонкій трескъ мечей и гордый подвигъ мужества и силы“... Она слыла бѣдную чоху для жениха, и ее достоинъ надѣть лишь тотъ смѣлый воинъ, кто въ красный цвѣтъ во вражеской крови чоху ту окраситъ.

Сто двадцать кольевъ, острыхъ, какъ копье,
Въ отцовскомъ замкѣ высятся угрюмо...
Пускай сто—двадцать вражескихъ головъ
Пришлетъ мой витязь молодой невѣстѣ,—
И сердце я отдамъ ему безъ слова
Въ тотъ самый часъ, на этомъ самомъ мѣстѣ.

Натэла ждетъ. Ждетъ витязя чоха. И дождалась кровожадная красавица. Храбрый владѣтельный князь Мингрелии Цотна Дадіани принесъ ей въ свадебный подарокъ 120 головъ враговъ отечества. Номолодая княгиня на свадьбѣ выражаетъ непреклонное желаніе, чтобы ея супругъ и всѣ ширующіе витязи отправились спасать Восточную Грузію отъ монголовъ. Всѣ присутствующіе соглашаются присоединить свои силы къ грузинскимъ, сговорившимся свергнуть ненавистное варварское иго. Но заговоръ ихъ открыть; монголы чинятъ жестокую расправу надъ пѣкаторыми грузинами, а именитыхъ изъ нихъ отводятъ къ нойну, который измышляетъ ужаснѣйшія пытки: плѣшниковъ раздѣли на площади и обмазали медомъ, предоставивъ палачимъ лучамъ солнца и насѣкомымъ довершить ихъ муки. Въ площадь, оцѣленную войскомъ, врѣзывается Цотна Дадіани, сбрасываетъ съ себя костюмъ и добровольно дѣлитъ участь осужденныхъ соотечественниковъ. Благодушествовавшему послѣ торжественнаго пира нойну докладываютъ, что какая-то женщина упорно добивается свиданія съ нимъ. Вводятъ Натэлу, которая, снявъ съ лица покрывало, поражаетъ всѣхъ своей волшебной красотой. Нойнъ знакомъ приказываетъ всѣмъ удалиться, а самъ сходитъ съ трона и съ распростертыми руками спѣшитъ къ красавицѣ. Она же обнажаетъ кинжалъ и предлагаетъ остановиться,—не для утоленія его сладострастія прошла она сюда. Нойнъ растерянъ, очарованъ, умоляетъ, предлагаетъ полъ царства, даже все и себя въ рабы, готовъ перемѣнить вѣру, если религія можетъ препятствовать ихъ сближенію. Но она ничего не желаетъ. Она сама повелительница многихъ поданныхъ. Она пришла просить за своего супруга и его соотечественниковъ. Деспотъ и варваръ пораженъ. Онъ видитъ впервые предъ собою не рабу, созданную для страсти, а женщину съ умомъ и возвышенными чувствами. Въ немъ совершается переворотъ, онъ смягчается, призываетъ Цотна Дадіани, присутствуетъ при трогательномъ свиданіи любящихъ супруговъ, освобождаетъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ грузинъ и, взявъ лишь слово, что грузины будутъ платить дань, выводитъ орды изъ ихъ отечества.

Этотъ легендарный сюжетъ, имѣющій родство съ *Монной Ванной* Метерлинка, заключаетъ въ себѣ зерно реальной истины, оправдываемой характеромъ темной отдаленной эпохи и переживаньями въ нравахъ кавказскихъ горцевъ.

Грузинскій поэтъ извлекаетъ темы вдохновенія не только изъ народныхъ сказаній, своеобразно сочетавшихъ вымыселъ съ правдой, но еще чаще черпаетъ идеи и идеалы изъ исторіи и достоверно засвидѣтельствованныхъ фактовъ, раскрашивая ихъ своей фантазіей.

Такова его историческая драма *Патара Каси* („Малый Кахетинецъ“—эпитетъ царя Ираклія II). Авторъ взялъ за основу своей драмы историческій моментъ превращенія семнадцатилѣтняго царственного отрока, молодого орленка въ сильнаго и мощнаго орла, нанесшаго соединеннымъ силамъ татаръ и варварамъ и пробужденію національнаго духа, выразителемъ котораго становится царевичъ Ираклій при жизни Теймураза II, отца своего, въ перѣшительности укрывающагося въ горахъ, составляетъ лишь историческую канву событій недавняго прошлаго.

Недостатокъ драматизма, обнаруживающійся при обрисовкѣ главнаго героя, пополняется эпизодомъ граціозной повѣсти любви Левана Квабулдзе къ Турпѣ, дочери слѣпаго старца, по имени Гела. Трагической конфликтъ сосредоточенъ въ послѣднемъ—пятомъ актѣ: торжество побѣдителя-царевича омрачается гибелью на войнѣ его воспитателя Гиви, и сподвижника героя, Левана, надъ трупомъ котораго закалывается Турпа.

Историческій сюжетъ вложенъ и въ другую трехактную драму кн. Ак. Церетели—*Кудуръ-Ханумъ*. Дѣйствіе происходитъ въ Турецкой Грузіи, въ XVI в. Дефекты техники драматическаго построения не устранены и изъ этого произведенія. Героиня драмы Кудуръ-Ханумъ, жена Нахиръ-паша изъ грузинъ, руководствуется личнымъ честолюбіемъ и не испытываетъ укоромъ совѣсти, принося въ жертву своимъ замысламъ Елену, свою племянницу. Превосходи умомъ своего мужа, она покоряетъ хитростью и вали, Махмудъ-пашу, сладострастію котораго она предаетъ коварно красавицу-Елену, невѣсту Арчила, молодого ученаго софты. Драматизмъ пьесы сосредоточивается на судьбѣ несчастной Елены, загубившей свою жизнь въ борьбѣ между любовью къ Левану и долгомъ предъ родиной, во имя котораго убѣждаетъ ее Кудуръ-Ханумъ раздѣлить ласки турецкаго вали.

Лукавый царедворецъ Джаманъ, преданная няня Эсма, безпечный Нахиръ-паша, помышляющій только объ ѣдѣ, пронырливая Кудуръ-Ханумъ, безпорочная Елена и благородный Арчилъ охарактеризованы слишкомъ прямолинейно, со всѣми особенностями добродѣтельныхъ и злонравныхъ героевъ ложно-классическихъ трагедій. Анахронизмы въ родѣ прогулки подъ-руку вали съ Еленой и термины, не соответствующіе эпохѣ (напр., „докторъ“), разрушаютъ иллюзію исторической перспективы.

Историческая драма *Тамара* въ пяти дѣйствіяхъ заимствуетъ сюжетъ изъ печальной эпохи въ жизни Имеретин XVII в. и всей Грузин, терзавшейся отъ чудовищнаго Шахъ-Аббаса. На престолѣ возсѣдаетъ Георгій, бывший князь Гурин. Онъ осквернилъ себя преступнымъ бракомъ—взявъ тещу въ жены.

Жена его, Тамара „коварная“, пылаетъ страстью къ „безродному, загадочному“ Гоча, пѣвицу славы великой Тамары, неподкупному, какъ Іосифъ прекрасный, глашатаю правды. Поэтъ Гоча, считая царицу виновницей всѣхъ бѣдствій, постигшихъ его родину, уговариваетъ мингрелку, служанку Циру, при содѣйствіи ея поклонника гурійца Нико, убить „безсердечную карталинку“, гордую, всеильную царицу, угнетающую народъ „презрительной пятой“. Заговоръ, открытый въ моментъ, когда Нико заноситъ кинжалъ надъ царицей въ ея спальнѣ, не приводитъ къ цѣли; въ соучастіи обвинена Цира и поэтъ, которымъ угрожаетъ смертная казнь. Царь сожалеетъ объ ожидающей Гочу участи, въ защиту котораго является митрополитъ Кутатели. Поэтъ на допросѣ принимаетъ всю тяжесть вины и проситъ лишь помилованья Циры: „Я заговоръ, убійство я затѣялъ!“, говорить онъ въ присутствіи царя, болящаго душею за отчизну, великаго визиря Накапидзе и Кутатели. Онъ когда-то вмѣстѣ съ своими друзьями, и въ томъ числѣ „съ покойнымъ митрополитомъ Джуматели“, мечталъ, что „недалекъ блаженный часъ, когда имеретинцы соберутъ подъ стягъ семью родныхъ племенъ, поднимутъ мечъ за братьевъ угнетенныхъ и налетятъ союзныя дружины на персіанъ, какъ Божія гроза!“ Грезы не оправдались: могучій Гуріели не оправдалъ возлагаемыхъ надеждъ. Для поэта теперь „въ смерти—жизнь, счастье, свобода“ и, обращаясь къ владыкѣ, онъ заканчиваетъ свою громовую рѣчь словами: „Ты здѣсь рабомъ на тронѣ оставайся, а я, какъ царь, иду на встрѣчу смерти!“ Однако Гоча послѣ подписанія царемъ смертнаго приговора остается въ живыхъ. Въ царицѣ происходитъ неожиданно душевный переворотъ. „Пламенный потокъ въ неутомномъ сердцѣ царицы, доведившій ея существо до раздвоенія, охваченная неутолимой любовью къ поэту и жгучей ненависти за нанесенную имъ обиду вслѣдствіе нераздѣленной страсти, временно умолкаетъ и Тамара является въ полномъ облаченіи и заявляетъ царю, что она оклеветала невиннаго поэта въ покушеніи на ея честь. „За дверьми стояла я, невольно все слышала отъ слова до слова! Съ моихъ очей, безумныхъ, ослѣбленныхъ пороками, страстями, самолюбьемъ упала вдругъ завѣса волшебства! Да, я одна во всемъ виновна: въ скорбяхъ страны, въ беззвѣстіи твоёмъ, въ позорномъ слѣдѣ могучаго народа... У неба и земли преступница прощенья слезно просить!“ Она принимаетъ ядъ. Гоча теперь только считаетъ ее „достойной поклоненья“. Въ этой драмѣ, написанной болѣе искусно, съ яркими страницами, изображающими душевное настроеніе поэта и царицы, выдѣляется еще роль шута, отдаленное подобіе шута въ шекспировскихъ пьесахъ. Англійскую же драму напоминаетъ онъ не только своимъ обликомъ, но и отдѣльными выраженіями. „Весь этотъ міръ огромный маскарадъ“, говоритъ онъ, на-

радируя извѣстную надпись у входа лондонскаго театра 1594 г. *Глобусъ* на статуѣ Геркулеса съ земнымъ шаромъ въ рукахъ: „весь міръ играетъ комедію“. Переводъ этой драмы данъ В. Величко, который вставилъ лишній монологъ Тамары въ IV дѣйствіи¹⁾.

Кн. А. Церетели пробовалъ свои силы въ воспроизведеніи мимической старины Грузин. Эту цѣль онъ преслѣдуетъ въ пятяктной драмѣ *Медія*, лишь по имени напоминающей трагедію Еврипида. Дѣйствующими лицами являются Іота Колхидскій мамасакхлис (pater familias,—поэтъ употребляетъ терминъ грузинской лѣтописи),—жена мамасакхлиса Гекада, дочь ихъ Медія, сынъ ихъ Іосаръ, сестра Іоты, Тирта, кормилица Медіи, молочная сестра послѣдней, Іазонъ греческій вельможа, Мокри-борецъ, кузнецъ Клиби (-халибъ) вѣстникъ, жрецъ Кабдели и др. Авторъ воспользовался грузинскими устными легендами объ Амيرانѣ (соотвѣтствующемъ греческому Прометею), обрядовыми пѣснями въ честь утренней зарю и солнца, повѣртіями въ силу кузнечнаго удара о наковальню для закрѣпленія узы Амيرانа, которыя лижетъ его собака, приемомъ сгибанія пальца въ знакъ покорности и др. народными обычаями въ родѣ рѣшенія спорнаго вопроса борьбой—Божимъ судомъ, усмысленія путемъ приложенія усмысляемаго къ груди усмысляющей женщины, и на канвѣ этихъ грузинскихъ сказаній и переживаній рисуетъ образъ Медіи и Іазона. Герония—воспитанница своей тетки Тирты. Послѣдняя является дочерью злого духа и доброй дѣвы, а по ремеслу волшебница, обучающая свою племянницу распознаванію свойствъ травъ и заговариванію гадовъ. Братъ Медіи Іасиръ, побратавшись съ Іазономъ, приводитъ его къ сестрѣ, которая уже видѣла своего героя въ вѣщемъ сновидѣніи. Не мало витязей сложило свои головы изъ-за нея въ единоборствѣ съ Мокри, женщиной, переодѣтой въ мужской костюмъ. По совѣту Іасира, въ критическій моментъ борьбы, происходящей въ присутствіи Медіи, мамасакхлиса и всей его свиты, Іазонъ хватаетъ Мокри за грудь, и этотъ ловкій натискъ рѣшаетъ состязаніе въ его пользу.

Іазонъ торжествуетъ побѣду, Медія по уговору принадлежитъ теперь ему, хотя Іотѣ не очень улыбается мысль отпустить свою красавицу—дочь въ Тессалию, гдѣ женщина изнываетъ въ рабствѣ. Побѣдитель требуетъ въ приданое къ Медіи золотого руна для закрѣпленія дружбы между Греціей и роскошной Колхидой.

Золотое руно²⁾ охраняется дракономъ; съ нимъ придется Іазону вступить въ бой и мамасакхлис зарагѣ испытываетъ радость, что чужестранцу не избѣгнуть гибели. Но при содѣйствіи Медіи, усвоившей отъ тетки тайны чаръ и волшебства, Іазонъ нагоняетъ на дракона помощью брошеннаго въ него мяча съ усыпляющей тавлинкой.

¹⁾ Отзывъ объ этой драмѣ, не особенно лестный, былъ данъ г. Скабичевскимъ.

²⁾ Кн. А. Церетели далъ интересный въ бытовомъ и историческомъ отношеніи очеркъ зарожденія марганцевой промышленности подъ заглавіемъ *Черный камень*—„шави ква“, какъ называютъ грузины марганецъ:

трехдневный сонъ, похищаетъ руно и вмѣстѣ съ Медеей и Иаспромъ пускается на „чудномъ“ кораблѣ Арго въ обратный путь. Съ берега видѣли дочь мамасахлиса съ распущенными волосами и слышали ея горькій плачь. Бросившись за ней въ погоню, колхидцы захватили только Иасира, зарѣзаннаго и брошеннаго въ жертву для умилостивленія разбушевавшихся волнъ. Мамасахлисъ проситъ свою сестру Тирту вызвать на помощь всѣ свои чары и обратиться силы природы противъ измѣнника, похитителя его дочери и убійцы его сына. Но волшебница оказывается безсильной въ борьбѣ съ стихіями,—она совѣтуетъ повѣсить Иасира на дерево и пѣть ему печальныя пѣсни „О мрачное утро!“ Поэтъ нашего времени напрасно вмѣсто погребенія предлагаетъ оставить тѣло Иасира на деревѣ. Этотъ обычай, распространенный въ Грузіи подъ вліяніемъ ученія Зендавесты, не можетъ быть отнесенъ къ повѣріямъ колхидцевъ временъ Иазона. Другая историческая ошибка автора заключается въ неправильномъ примѣненіи термина Иверія эпохи Аргонавтовъ. Терминъ этотъ впервые встрѣчается у Страбона въ I в. до Р. Хр. Точно также грѣшитъ поэтъ, допуская существованіе у грузинъ бога войны подъ именемъ Марса. Однако при этихъ несущественныхъ анахронизмахъ, пѣса воспроизводитъ картину глубокой старины въ очень типическихъ чертахъ грузинскихъ повѣрій и сказаній, колоритное плетение которыхъ сообщаетъ этой драмѣ значительный историко-литературный интересъ.

Помимо драмъ, кн. А. Церетели написалъ рядъ комедій и сценъ, дающихъ ему большой просторъ затронуть живыя людскія отношенія и разыскать перлы остроумія и оригинальности языка. Таковы его *Кинто*, комедія, изображающая бойкость и ловкость мелкаго тифлискаго торговца съ лотка, *Сцены въ темницѣ*, у адвоката и др. Ему же принадлежатъ переводъ ком. современника, перваго татарскаго драматурга Мирзы Фешъ-Али Ахундова *Визирь жанъ* (въ 4 дѣйств.), и оригинальная ком. *Плуты* (въ 5 дѣйств.).

Ком. *Плуты* представляетъ картину безпомощнаго состоянія имеретина Сосико, имѣвшаго несчастье вступить за свою невѣсту, оскорбленную ухаживаніями газетнаго продажнаго репортера Карапета. Соединенными усиліями послѣдняго, редактора Хечатура Турова, слѣдователя Хазарова и пристава Свисткова, связанныхъ взаимной поддержкой, Сосико обвиненъ въ покушеніи на ограбленіе одного полковника и осужденъ на основаніи ложныхъ свидѣтельскихъ показаній на смертную казнь. Невѣста Сосико становится женой его друга Гогія и прославляется какъ проницательная гадальщица. Съ ея помощью открываются продѣлки Хазарова, подговорившаго слугу Сандро поджечь его застрахованную квартиру въ домѣ безхитростнаго кн. Ампирандо, на котораго стараются свалить подозрѣніе въ поджогѣ. Сбивчивое показаніе Турова рѣшаетъ судьбу слѣдователя, и онъ отданъ въ руки правосудія; но плуты Свистковъ, объявленный „тифлисскимъ Леокомомъ“ служивой редакціей Турова, самъ редакторъ и его сотрудникъ Карапетъ,

занимающіеся вымогательствомъ, остаются безнаказанными. Во всей комедіи нѣтъ ни одного яркаго типа. Съ одной стороны слишкомъ добродѣтельные Гогія, Сосико, невѣста его Софія со своею матерью Оеклой, съ другой—ловкіе плуты, которымъ все удается безъ особеннаго приложенія ума. Одинъ только приличный герой въ этой комедіи, и то эпизодическое лицо. Это Прохоръ, помощникъ редактора, талантливый писатель, но горькій пьяница. Участіе его въ продѣлкахъ шайки мучениковъ не замѣтно; его статьи общаго характера о разбойникахъ утилизированы въ видахъ возвеличенія пронырливаго пристава и „опытнаго“ редактора.

Сцена въ темницѣ даетъ богатый этнографическій матеріалъ. Предъ адвокатомъ заключенные признаются въ своихъ преступленіяхъ: вялый карталинецъ убилъ брата изъ-за тарелки махохи (кисели), лукавый осетинъ застрѣлилъ нѣсколько лицъ, пробуя мѣткость своего ружья, ловкій мингрелецъ пойманъ въ лавкѣ одного армянина, еврей осужденъ за обмѣриваніе, бывалый армянинъ за распространеніе фальшивыхъ асигнацій, невинный рачинецъ обвиненъ за недосмотръ при ограбленіи хозийскаго добра, суевѣрный имеретинъ за наложеніе клейма на чародѣяхъ, будто-бы причиняющихъ болѣзни, вспыльчивый гуріецъ за убійство чловека, задѣвшаго его самолюбіе. Характеристика каждаго изъ нихъ соотвѣтствуетъ бытовымъ особенностямъ тѣхъ племенъ, представителями которыхъ они являются. *Утро адвоката* рисуетъ бесѣду старика съ опытнымъ „агукатомъ“, котораго проситъ взяться за его дѣло. Старикъ не желая дѣлиться съ братомъ, пріѣхавшимъ изъ Россіи, гдѣ онъ провель 12 лѣтъ, приготовилъ свидѣтелей и священника, готовыхъ признать его конкурента по имѣнію незаконнорожденнымъ. За предварительныя труды онъ уже предлагаетъ 300 руб., но адвокатъ отказывается вести незаконное дѣло. Старикъ не можетъ понять, для чего нуженъ адвокатъ, какъ не для защиты незаконныхъ дѣлъ.

Драма кн. А. Церетели *Современный герой* примыкаетъ къ той группѣ произведеній, въ которыхъ изображается тяжелая судьба обманутой невѣсты. Слѣдователь Хосро Гиргаматали, сотрудникъ газеты, бросаетъ красную свою невѣсту Кето Читадзе и женится на ея богатой подругѣ Маро Размадзе. Несчастливая Кето съ ребенкомъ устраивается въ подвальномъ этажѣ у одной женщины, которая изъ страданія находитъ ей щедрого покровителя. Кето отвергаетъ гнусное предложеніе, не взирая на то, что у нея озябли руки отъ холода, а ребенокъ умираетъ безъ медицинской помощи. Случайно въ сырую комнату Кето входитъ Датико Сирадзе, редакторъ газеты, въ которой работала ея женихъ Хосро. Онъ былъ въ отъѣздѣ и только теперь узнаетъ всю горькую участь Кето и немедленно извѣщаетъ ея безкорыстнаго поклонника Арчила Кахидзе, врача изъ ближайшей больницы. Помощь медика оказалась запоздалой. Ребенокъ умираетъ въ тотъ моментъ, когда въ верхнемъ этажѣ на квартирѣ счастливыхъ Хосро и Маро раздаются звуки рояля. Кето отъ ужаса постигнаго горя сходитъ съ ума. Положеніе героевъ

дѣйствительно драматическое, но авторомъ оно намѣчено схематически и не освѣщено достаточнымъ углубленіемъ психологическаго анализа.

Историческій ¹⁾ сюжетъ разработанъ кн. А. Церетели не только въ драмахъ, но и въ стихотвореніяхъ, поэмахъ и повѣстяхъ. Таковы поэмы *Торникэ Эристави* и *Баши-ачукъ* и стихотвореніе *Вахтангъ Горгла-ланъ*. Въ первомъ изъ названныхъ произведеній поэтъ воспроизводитъ научно не доказанный фактъ провозглашенія автокефаліи грузинской церкви, отдѣленіе ея отъ антиохійской каѳедры въ V в. Въ бесѣдѣ съ историкомъ Джуаншеромъ могучій царь, прославившійся своими побѣдами (частію мнѣніемъ), приходитъ къ мысли о необходимости учрежденія грузинскаго независимаго отъ грековъ католикосата. Стих. *Живья картины* воспроизводитъ образъ царицы Тамары. Содержаніе повѣсти *Баши-ачукъ* заимствовано изъ мрачной эпохи владычества персовъ въ Грузіи. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ второй половины XVII в. Шахъ-аббасъ уже утвердился въ Кахетіи. „Православіе пало, колокольный звонъ болѣе не раздастся, храмы осквернены“... При дворѣ шаха главнѣйшія должности заняли грузины, отрекшіеся отъ своей вѣры и національности. „Половина (!) Грузіи приняла магометанство: народъ отдался персидскому обычаю, персидской религіи и персидскимъ законамъ; говорить на языкѣ грузинскомъ считалось постыднымъ; правосудіе происходило на персидскомъ языкѣ, вмѣсто пастырей появились „ахунды“, вмѣстѣ судей—муллы и кадїи“. Въ эти тяжелыя времена разрома Грузіи, низведенія царей отпавшихъ въ исламъ на степень вассальныхъ хановъ, позорнаго рабствія предъ Ираномъ, повелителю котораго посылать въ дань 30 красивыхъ дѣвушекъ, жилъ сильный Ахметскій помѣщикъ кн. Бидзина Чолокашвили, котораго не могли склонить персы ни угрозами, ни лаской. Этотъ благородный патріотъ вмѣстѣ съ Ксанскими Эристовыми—Элизбаромъ и Шалвой, вступили въ сношенія съ Арагвскимъ Эристовомъ-Зааломъ для совѣстныхъ дѣйствій, направленныхъ къ сверженію персидскаго ига. Посредникомъ для переговоровъ отправляютъ Баши-ачуки. Этотъ имеретинъ изъ Сацертло, по фамиліи Бакрадзе, на своемъ конѣ абхазури смѣло переправляется чрезъ бурную Арагву во время половодья и доставляетъ письмо кн. Заалу Эристову отъ зятя его Бардзима Чолокашвили, который приглашаетъ тестя присоединиться къ заговору противъ персовъ, водворившихся на берегахъ Алазани. Разсказанное предъ этимъ чудесное сновидѣніе священника Кирилла о кровожадномъ драконѣ, осаждавшемъ Алавердскій храмъ и сраженномъ тремя храбрыми воинами, при помощи всадника на бѣломъ конѣ съ копьемъ въ рукѣ, служить небеснымъ предзнаменованіемъ, что прїѣхавшіе къ Заалу Ксанскіе Эристовы—Элизборъ и Шалва вмѣстѣ съ Бидзиной Чолокашвили именно тѣ воины, которые спасутъ Грузію отъ мусульманъ. Побѣда дѣйствительно досталась грузинамъ. Но побѣдоносные вожди были потребованы шахомъ въ Персію, гдѣ они приняли мучени-

¹⁾ Нужно упомянуть объ его разсказѣ *Блудный сынъ*, основанномъ на сюжетѣ изъ священнаго писанія.

ческую смерть, а Баши-ачукъ, прославившійся своею ловкостью, поборовавшій силача Абдушахилія на ристалищѣ, сбивши золотой тазъ съ мачты на полѣ состязанія, къ огорченію Али-Кули-Хана, переселяется въ Имеретію вмѣстѣ съ сестрою Пиримзиса, найденною имъ послѣ разоренія персами Шуамтинскаго женскаго монастыря. Съ ними ѣдетъ и Абдушахиль-грузинъ, воспитанный въ мусульманствѣ съ дѣтства, послѣ плѣненія всей его семьи лезгинами. Онъ возвращается въ лоно православной церкви и женится на сестрѣ Пиримзисѣ, сестрѣ Баши-ачука—*человѣкъ безъ шапки*,—названномъ такъ потому, что вмѣсто шапки носилъ небольшой кусокъ сукна—„папанаки“.

Въ повѣсти встрѣчается рядъ второстепенныхъ лицъ, которые прекрасно иллюстрируютъ историческую эпоху грузинскихъ царей Шахъ-Наваза, Теймураза, Арчила, Али-Кули-хана. Историческій фонъ выдержанъ безукоризненно. Но на этомъ фонѣ поэтъ не удержался отъ идеализаціи нѣкоторыхъ героевъ, сообщивъ имъ несвойственныя черты,—сентиментальныя и романтическія. Одна изъ такихъ страницъ связана съ именемъ Абдушахилія—„родоначальника Абдушелишвили“, который въ таинственной обстановкѣ знакомится съ „чудомъ-красавицей“, на колѣни которой положила свою мордочку раненая въ бокъ стрѣлою лань. Ее дѣва успѣла уже взять за рожки, подвести къ протекающему ручью и обмыть рану. Абдушахиль объятъ страстнымъ пламенемъ, при видѣ этой „богини охоты“. Покоренный ея красотой и чистотой, онъ соглашается быть ея милымъ братомъ и понести ее на рукахъ къ жилищу, двери котораго магически отпираются, чтобы скрыть волшебную добычу за непроницаемую ограду. Съ тѣхъ поръ ищетъ Абдушахиль эту суженую ему Аллахомъ дѣву и нигдѣ не находитъ. И случилось, что Абдушахиль, измѣнивъ Али-Кули-хану, въ избушкѣ, на окраинѣ въ Телавѣ, у легкомысленной Мелано Тевдоровой, побратался онъ съ Баши-ачукомъ. Вмѣсто того чтобы снести голову съ него, убійцы князя Семена Макашвили, вѣрнаго слуги шаха и гонителя грузинъ, и получить въ награду 1000 золотыхъ, онъ бездѣйствуетъ и является зрителемъ обезчещенныхъ и перебитыхъ безпомощныхъ монахинь Шуамтинскихъ. Среди этихъ жертвъ онъ увидѣлъ трупъ перерубленной по поламъ дѣвушки, въ которой онъ узналъ предметъ своихъ долгихъ воздыханій и исканій. „И поднялъ онъ перерубленную дѣвушку на руки, прижалъ къ груди своей и отнесъ ея трупъ въ ту сторону, куда онъ такъ недавно несъ ее съ чувствомъ полного блаженства. Какая разница! Когда обуреваемый сладкимъ ощущеніемъ, онъ видѣлъ, какъ небеса раскрылись надъ нимъ, а теперь несчастьемъ заволокло всю его душу, и онъ чувствуетъ, какъ земля разверзается подъ нимъ. Онъ принесъ ее къ ручью, долго, долго глядѣлъ въ ея безжизненное лицо и слезы ручьемъ текли по его бородѣ. Въ тотъ же день выкопалъ онъ могилу на берегу рѣки и предалъ землѣ свое сокровище“.

И съ того дня очень часто Абдушахиль приходилъ къ дорогой могилѣ и проводилъ надъ ней цѣлыя ночи въ слезахъ. Однажды въ

душную почу Абдушахиль прилегъ близъ дорогой могилы и унеси воспоминаніемъ въ прошлое. Вдругъ послышался ему шорохъ,—онъ обернулся и вскочилъ. Сдѣлавъ вѣскольکو шаговъ назадъ, онъ схватился за кинжалъ и остановился пораженный; предъ нимъ стояла та, которую онъ оплакивалъ... Впослѣдствіи оказалось, что „предъ нимъ стояло не видѣніе, тѣмъ погибшей Пиримшениса, а ея сестра Пиримзиса“.—Въ историческихъ произведеніяхъ кн. А. Церетели всегда слышится голосъ современности, перѣдко они отвѣчаютъ злобѣ дня, рисуютъ безотрадное положеніе грузинъ въ XIX стол., сходное въ аналогичныхъ проявленіяхъ съ бытомъ минувшихъ вѣковъ. Сліянiе поэзіи съ дидактическими цѣлями перѣдко достигается имъ въ совершенствѣ, безъ нанесенія ущерба художественнымъ достоинствамъ произведенія.

Поучительный характеръ носятъ поэмы историческая поэма *Торникэ Эристовъ* и сказки *Наставникъ* (быль изъ абхазской и кабардинской жизни), *Алексій* и *Разсказъ Кикола*. Поэма *Торникэ Эристовъ* въ 4 пѣняхъ воспроизводитъ любопытный моментъ зарожденія въ X в. грузинской обители на Аоонѣ, ставшей вскорѣ центромъ грузинской образованности. *Торникэ Эристовъ*, въ царствованіе Давида Куропалата (1001г.) передаетъ сабою военачальнику князю Орбелидзе и самъ отправляется на Св. Гору, гдѣ уже подвизался въ лаврѣ св. Аонасія родственникъ его, Иоаннъ Варасваче. Мятежъ, поднятый Вардой Склеромъ противъ императора византійскаго Василія Порфироднаго, побудилъ грековъ искать помощи у грузинскаго царя Давида, къ которому съ письмомъ отъ императора, по настоянію братьевъ, ѣдетъ старецъ Торникій. Здѣсь его благословляетъ католикосъ Арсеній, богословъ и пѣтъ, на брань и съ 12000 грузинскимъ отрядомъ отправляетъ противъ мятежниковъ. Въ борьбѣ съ Склеромъ погибъ кн. Орбелидзе съ 5000 воинами, но въ рѣшительную минуту явился Торникій, и побѣда осталась на сторонѣ грузинъ, покинутыхъ предъ тѣми греками. Побѣдоносный вождь былъ щедро награжденъ византійскимъ императоромъ. Представленная Торникіемъ царю Давиду добыча обращена была послѣднимъ на построеніе въ память умершихъ грузинъ-воиновъ обители на Аоонѣ по совѣту грузина—инока Гавриила, который впослѣдствіи удостоился принять чудотворную икону Божьей матеріи, извѣстной подъ именемъ Порталиссы—Вратарницы (*Кариса*). Этотъ сюжетъ, заимствованный изъ грузинской исторіи, подкрѣпленный сообщеніями греческихъ и армянскихъ писателей, исползованъ поэтомъ съ большимъ талантомъ. Батальныя сцены, картины природы, анализъ чувствъ главныхъ героевъ соперничаютъ между собою въ интенсивности впечатлѣнія, оставляемаго въ душѣ читателя. Поэтическая фантазія приходитъ на помощь автору тамъ, гдѣ чувствуется скудость лѣтописныхъ сказаній о началѣ блестящаго періода въ жизни грузинскаго народа, вступившаго при Багратидахъ на международную арену въ роли умиротворителя въ Византійской имперіи и поднявшаго стягъ тѣснаго культурнаго общенія съ тогдашнимъ просвѣщеннымъ міромъ черезъ посредство Аоонскихъ обителей.

Содержаніе *Разсказъ Кикола* относится къ эпохѣ нашествія Ага-Магометъ-хапа на Грузію. Царь Праклій проситъ помощи у имеретинскаго царя Соломона. Его салхуцесь-уцесь (министръ) Зур. Церетели съ 1200 человекъ идетъ въ Тифлисъ для предварительной рекогносцировки, но въ критическій моментъ онъ отклоняетъ желаніе имеретинъ сразиться съ персами, и лишь 200 чел. въ томъ числѣ Кикола, присоединяются къ карталинкамъ противъ шаха. Раненаго Киколу приютить и вылѣчить Турманидзе, бѣжавшій изъ родины, гдѣ его постигъ гнѣвъ З. Церетели за то, что несчастный имеретинъ не хотѣлъ открытъ фамильнаго секретъ лѣченія хирургическихъ болѣзней. Переодѣтый въ татарское платье, онъ укрывается отъ преслѣдованій Церетели. Кикола, оправившись отъ раны, черезъ 3 мѣсяца, возвращается домой, но долженъ покинуть родныхъ, изъ опасенія предъ Церетели. Бѣгство его не спасло его родителей отъ грозной бѣды. Зурабъ велѣтъ наказать отца. Кикола, узнавъ объ этомъ въ Ахалцихѣ, рѣшилъ отомстить. Онъ подкрадывается къ дому Церетели, въ день торжественнаго пира и стрѣляетъ въ своего гонителя, но попадаетъ въ гостя, за что его подвергаютъ пыткамъ, однако вскорѣ спасается и скитается всюду безъ приюта. Несчастный царь Соломонъ бѣжалъ въ Турцію, а Зурабъ сталъ русскимъ генераломъ.

Аллегорическій смыслъ имѣтъ *Алексій*, „сказка для дѣтей“. Здѣсь подъ видомъ овцы съ двумя овечками, получившей въ наслѣдство чудный уголокъ земли съ богатой растительностью и фауной, изображается схематически безотрадная судьба Грузіи, окруженной враждебными соседями. Отъ жадныхъ волковъ овца сумѣла отстоять и спасти своихъ овечекъ, но хитрая лиса вошла въ довѣріе овцы и провела за ограду ея жилища собаку, которая стала хозяйничать на правахъ защитницы бѣдныхъ овечекъ и съ нихъ же брать легкой оброкъ за свои труды. Сказка эта написана въ духѣ народныхъ произведеній, согласно съ которыми охарактеризованы звѣри и птицы со всѣми ихъ отличительными свойствами.

Печать современности постъ наложилъ и на *быль* изъ абхазской и кабардинской жизни подъ заглавіемъ *Наставникъ* ¹⁾. Эту поэму—быль онъ посвятилъ современнымъ грузинскимъ педагогамъ. Содержаніе ея носитъ дидактический характеръ. На гребнѣ высокаго хребта виситъ неприступный замокъ вольнаго горца, молодого абхаза, наслаждающагося вдаль отъ свѣта счастливою любовью пышной мингрелки Назиброли. Страшная буря въ глухую ночь занесла къ абхазцу кабардинца Сафара, вскормленнаго его матерью. Путникъ усталый ищетъ не столько пристанища у молочнаго брата, сколько указанія какъ, добиться руки очаровательной, гордой красавицы Зиа-ханумъ, которая поставила своему безумному обожателю условіемъ похитить гнѣдаго коня храброго Алмасхита, предъ которымъ „благословѣтъ абхазская молодежь и дѣвицы-красавицы“. Хозяинъ—абхазецъ приходитъ на помощь другу сво-

¹⁾ Прозанческій переводъ его, принадлежащій Батоно, помѣщенъ въ *Кавказск. Вѣстн.* 1901 г. № 3.

ему совѣтомъ воздержаться отъ рискованнаго намѣренія, и самъ рѣшается для него похитить или коня Алмасхита, или сложить свою голову. На западѣ еще мерцали звѣзды, когда абхазецъ уже поднимался съ гнѣдымъ конемъ по скользкой тропинкѣ къ своему замку. Молочный братъ спитъ подъ буркой крѣпкимъ сномъ, а „Назиброла, съ окровавленными ланитами, мечется по полу въ изодранномъ бѣльѣ, рветъ на себѣ волосы и заливается горькими слезами... Постель скомкана и разбросана въ безпорядкѣ. Снекнулъ мужъ, сжалось сердце, закружилась голова и онъ опустился на землю въ безсознательномъ состояніи. Тихія рыданія жены и безутѣшная скорбь любимой женщины придали ему силы. Онъ кинулся къ ней и взявъ ее за руку, сказалъ ей:—„не плачь, дорогая, это былъ сонъ, забудь все!... Ты невинна и наша любовь также чиста и свѣтла, какъ мерцающая лампада“. Лаской и поцѣлуями онъ вернулъ ей душевный покой. Разбудилъ потомъ обезчестившаго его очагъ спящаго Сафара, который, при видѣ улыбки на лицѣ молочнаго брата, успокоился, подумавъ, что жена скрыла отъ мужа обиду. „Я исполнилъ твое порученіе. Желанный конь ждетъ тебя. Торопись въ путь! Я бы удержалъ тебя, но знаю, что твое сердце рвется къ любимой“. Абхазецъ помогъ гостю умыться, далъ подкѣрпиться пищей, осѣдлалъ краденаго коня и, соблюдая всѣ обычай гостепріимства, спустился съ нимъ на равнину. Предъ прощаніемъ же абхазецъ грозно сказалъ кабардинцу: „Сафаръ-бегъ! Твоя низость мнѣ извѣстна! Есть обиды, которыхъ не выговоритъ языкъ и которыя никогда не прощаются!... Иди своей дорогой, скорѣе съ глазъ долой!... Но берегись! Если взоръ мой подмѣтитъ тебя гдѣ-нибудь, то захочетъ поглядѣть и на твою кровь!“ Сафаръ дрогнулъ, поблѣднѣлъ и, спустя нѣсколько мгновеній, прошепталъ: „Ты правъ! Мнѣ нечего сказать. Чертъ меня толкнулъ на злодѣйское преступленіе! Я рабъ твой, склоняюсь предъ тобой и, какъ милости, прошу снести съ плечъ мнѣ эту голову“.—„Нѣтъ тебя не коснется моя десница: ты вскормленъ грудью моей матери, удались, я тебя, переступившаго завѣты предковъ, не карю, но когда вернешься на родину, явись къ своему наставнику, воспитавшему тебя, повѣдай ему про свою геройскую удачу и выслушай его приговоръ“). Абхазецъ повернулся и нетвердой походкой сталъ взбираться по тропинкѣ. А Сафаръ-Бегъ направился къ сѣдовласому Аджи-Усупу, знатоку священныхъ законовъ Магомета, прославившемуся умомъ и честью воспитателя кабардинской молодежи. Чистосердечно покаялся предъ нимъ Сафаръ въ своемъ тяжкомъ преступленіи. Разказъ его прерывался стономъ и рыданьемъ. Лицо Усупа покрылось мертвеною блѣдностью и новою сѣтью морщинъ. Онъ пришелъ въ ужасъ и торопиль своего питомца окончить исповѣдь, засыпавъ его вопросами:—А что было потомъ?... Потомъ?.. Что онъ сказалъ?.. А какъ онъ поступилъ съ тобою?—Онъ простилъ, какъ молочному брату... Но обязалъ явиться къ моему наставнику, повѣдать ему все и выслушать его приговоръ.—А-а-а!... понимаю... Приговоръ можетъ быть одинъ: только кровью смывается такой позоръ!

Поспѣшно досталъ онъ пистолеть и взвелъ курокъ. А Сафаръ, сидѣвшій за нимъ, покорно подставилъ ему грудь. Усупъ покачалъ головой: Нѣтъ! не ты достоинъ смерти, а твой наставникъ долженъ быть казненъ, потому что онъ не сумѣлъ воспитать тебя.—И грянулъ выстрѣлъ... Когда дымъ разсѣялся, Аджи-Усупъ лежалъ бездыханный. Изъ пробитаго виска сочилась кровь.

Комментаріи излишни для истолкованія смысла этой прекрасной идейной поэмы.

Художественное описаніе уходящаго въ синеву небесъ плетневого шалаша-замка абхазца, съ могучею кистью воспроизведенныя картины то ненастья среди оглушительныхъ раскатовъ грома и грозно-сверкающей молнии, то лучезарнаго солнца, сіяющаго надъ волшебнымъ островкомъ среди небесной лазури, выпуклые, пластически выкованные образы вѣрнаго завѣтамъ предковъ гордаго абхазца и скромной, какъ фіалка, жены его, дивно-красивой, словно игриво мерцающая звѣзда, и пышной какъ роза, еще болѣе тонкое знаніе поэта священныя обычаевъ кавказскихъ племенностей сообщаютъ этому произведенію не только воспитательное и при томъ національное значеніе, но поднимаютъ его по своей идее и обработкѣ до высоты всемірныхъ перловъ поэтического творчества.

Публицистическій тонъ преобладаетъ въ сказочной повѣсти „Кудабикети“, гдѣ изображается изнуряющая народъ борьба двухъ партій, преслѣдующихъ свои интересы. Не мало горячихъ статей посвятилъ онъ „банковійдѣ“, расколу среди членовъ дворянскаго банка.

Въ повѣстяхъ изъ современной жизни кн. А. Церетели касался психологическаго анализа любви, не уклоняясь отъ реального изображенія отчисленій въ сторону идеализаціи. Повѣсти его небольшого объема и должны быть названы эскизами или этюдами.

Наиболѣе извѣстная изъ нихъ повѣсть *Три рода любви* заключаетъ въ себѣ анализъ любви сначала юноши, нескущеннаго въ ней, затѣмъ челоуѣка, сформировавшагося физически, ищущаго въ любви одной страсти и, наконецъ, на склонѣ дѣтъ мужа почтеннаго, охватывающаго сознательнымъ пониманіемъ своихъ отношеній къ будущей супругѣ. Вотъ почему двѣ первыя главы носятъ заглавіе *Неопытный и Страсть*, а послѣдняя *Истинная любовь*. Чувство любви въ первыхъ двухъ случаяхъ мимолетны, женщины непостоянны, страсть слѣпа и преходяща. Выборъ жены почтеннымъ мужемъ представляетъ уже плодъ продолжительнаго знакомства съ жизнью, основанный на взаимной оцѣнкѣ достоинствъ лицъ, заключающихъ узы брака.

Маленькій Тарель, „повѣсть для дѣтей“, преслѣдуетъ поучительную цѣль. Герой ея, ученикъ Дито Цалкаламанидзе, начитавшись поэмы Ш. Руставели *Барсова Кожа*, вообразилъ себя героемъ романа, Таріелемъ и сталъ безумнымъ поклонникомъ маленькой княжны Эрпестовой. Уносясь въ мечтахъ объ юной Пестанъ-Дареджапѣ, Дито пересталъ учиться, и, имитируя Таріеля, избивалъ кошекъ, вмѣсто львовъ, сокрушаемыхъ героемъ Руставели, ходилъ тайно на свиданія съ княжной и оскандалился, въ

присутствии перепуганой героини, приняв в качестве лягушки под могильной плитой на кладбище за клик вставших из гроба мертвецов. Княжна в увлечении героем также понизилась в уважении, оказываемых по предметам в гимназии, и выдала в бреду свои тайны родителям, которые поспешила запретить Дито посещать княжну. Огорченный герой находит утешение в словах преподавателя — грузина, который внушает мысль одному питомцу подражать Тарелю не физическим мужеством, а широким научным образованием. Под влиянием знания и героиня примет новый облик сравнительно с Тинатиной и Дареджаной Руставели, и тогда легче будет бороться с мраком невежества, объявшаго народ и по своим последствиям не уступающего враждебным силам „каджов“ (духов), с которыми боролись герои Руставели. Доброе участие учителя направило Дито на путь истины. Он вновь стал усердно учиться, кончил гимназию с золотой медалью и отправился в университет. И княжна, закончив гимназическое образование, посвятила себя изучению прошлой судьбы родины, чтобы правильно уяснить современные ее нужды. Знакомилась она из истории с заботами грузинской женщины для применения их к настоящему быту. Она терпеливо ждала возвращения Дито из университета, отвергая предложения знатных женихов. Автор проводит и в этой повести излюбленный свой взгляд. Грузинка минувших времен служит для него идеалом, мало ценит ее значение в настоящем и надеется на появление нового дельного типа. Тамара, Тинатина, Нестань-Дареджана стали лишь историческими воспоминаниями, — они представляются ему в видениях и грезах. Ни одна из современных грузинок не носит следов названных знаменитых женщин (стих. *Сонъ*). В одной из своих глубоких по идее лирической пьесы *Большая* кн. А. Церетели выражает уверенность, что современное состояние грузинки, как и всей Грузии, является переходным, временным. *Большая* не умерла, „она лишь спит и вновь проснется, кто ей навек желает сна, тот смерти сам скорей дождется. Изнемогла она в борьбе, но вновь окрылится на покой; отчаянье в ее судьбе есть заблуждение роковое. И сердце чувствует в груди, и врет ум, что волей Бога еще надолго впереди открыта в мире ей дорога. Мы лишены ее даров, но все же ей мы не изменим, могучий, гордый дух отцов мы хоть терпеливее замкнем. Пускай она нас разорит и пустит по миру с сумой: кто честно нишаго сравнит со всей Иудинной казней“?

Она лишь спит и вновь проснется —
И тех прославить имена
Чье сердце к ней учаством бьется.

*) Знаменитой поэмой XII кн. А. Церетели посвятил три публичные лекции, затем вернулся к ее разбору в статьях, вызванных отзывом кн. И. Чавчавадзе об этих лекциях. Другая ученая его работа касается исторического обзора Армении, по поводу которого ему пришлось давать ответ в газ. *Каказь* пр-доц. Марру.

Такое же пожелание о возрождении „больной“, о расцвете „миллой“, о восстановлении ее былой славы влагается поэтом в уста Елены, героини драмы *Кудурь-Ханумъ*.

Хочу свободы я для миллой:
Хочу, чтоб не могли пугать
Мою возлюбленную силой,
Не смели лаской увлекать!

Хочу, чтоб имя дорогое
Гремело вновь, как встарину,
Чтоб всё, кому оно — родное,
Слилось на век в семью одну.

Хочу, чтоб мира Руставели
Ее прославила бы вновь,
И чтоб те звуки разогрели
В нас холодящую кровь.

Хочу еще... попеть: довольно!
Обрѣжем крылья у мечты, —
Не то поэт, мечтой свободной
Чего не пожелаешь ты! (Пер. И. Тгоржевскаго).

Идея о лучшем будущем, мечты об устранении современных дефектов жизни и осуществления патриотических идеалов проникают все сатирические произведения кн. А. Церетели, как в стихах, так и в прозе. Он беспощадно бичует лицемерное служение родине из-за личных интересов, славы и земных благ, обличает пустоту и ничтожество известной части „образованного по чуждым образцам“ грузинского общества, не щадит своим едким пером выставить всенародно тайные пружины порывов тех лиц, которые успели присоединиться к общественному пиrotу, срывает маску с дилеттантов, хамелеонов, ученых шарлатанов, высокопоставленных особ, обнажая умственную их скудость и нравственное убожество. В такой окраске даны его многочисленные газетные статьи, посвященные злободневным вопросам. В некоторых повестях он возвращается к этим же темам.

Соединив игривый юмор с ядовитой сатирой, он рисует в своем рассказе *Смерть и Сонъ* ¹⁾ ряд рельефных миниатюрных сцен, которые он наблюдал, являясь в течение 40 дней глупцом из загроможденной жизни. Вопреки своему завещанию, видит он вьнки на своей могиле с трогательными надписями, слышит громкие надгробные рчи „о за-

¹⁾ Кутаис, 1903 г.

катившемся солнцѣ“ „затмившейся лунѣ“, оцѣнку своей дѣятельности въ дружеской бесѣдѣ лицъ, будтобы оказавшихъ ему матеріальную поддержку, повторившихъ сухошимъ языкомъ его мѣткіе анекдоты или выразившихъ неудовольствіе, что покойный съ его талантомъ могъ бы принести больше пользы, еслибы онъ руководствовался совѣтами друзей, писалъ рекомендуемымъ стилемъ, притомъ разборчиво, чтобы не раздражать наборщиковъ. Достается и духовенству, по собственному рвенію выражавшему готовность отпѣвать по ц.-славянски его, грузина, въ грузинской церкви, сводить счеты съ редакторомъ газеты, который отказалъ напечатать сочувственный его некрологъ, уличаетъ возлюбленную въ изменѣ.

Еще любопытнѣе глава, въ которой изображается допросъ писателя въ грузинской дѣлѣ царства тѣней, въ присутствіи коронованныхъ особъ Давида Возобновителя, царицы Тамары и Вахтанга—Законодателя. Отъ ихъ имени допросъ производитъ настоящій Таріель Руставели и Героргій Саакадзе, прославленный, но злополучный военачальникъ, перешедшій въ исламъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, патріота безукоризненнаго и подъ чалмой остававагося истиннымъ христіаниномъ. За то безпощадно порицается царь Теймуразъ, въ критическую минуту жизни страны пробавляющійся переводами съ персидскаго языка поэмы *Свячка и бабочка*¹⁾. Предъ этимъ сомнищемъ именитыхъ царей, писатель набрасываетъ картину современнаго быта грузинъ, съ измелчавшимся умомъ безъ вѣры и чувства правды, поднимавшихъ мечъ на собрата, вдовъ и сиротъ, разбѣдненныхъ и жертвующихъ общимъ благомъ во имя личнаго самолюбія, безъ истинной интеллигенціи, пока довольствующейся безосознательно повторять, что слышать извѣстѣ. Писатель продолжалъ бы рисовать мрачныя картины упадка Грузин, но его прерываетъ баснописецъ XVIII в. С. С. Орбелиани, съ недоверіемъ отнесшійся къ его показанію.

Во второй части этого разсказа, *Сонъ Кутатели*, высшаго іерарха Западной Грузин, изображается вступленіе царицы Тамары на престоль, согласно лѣтописному повѣствованію, съ примѣсью опозитизированныхъ сценъ (видѣнія Кутатели), предшествовавшихъ этому событію.

Къ этой же группѣ принадлежатъ *Видѣнія умирающаго*. Ангель и вельзевул спорятъ изъ-за души умирающаго. Каждый предлагаетъ свое: первый небесное благо, второй земное. Умирающій склоненъ принять предложеніе вельзевула, но съ такимъ условіемъ о возрожденіи Грузин въ религіозномъ отношеніи, что нечистая сила его покидаетъ. Поэтъ приходитъ въ себя и видитъ у своей постели врага и священника.

¹⁾ Теймуразъ. Ак. Церетели. Въ пов. Баши-Ачукъ онъ говоритъ: Въ поэзін Теймуразъ политиканствовалъ, а въ политикѣ поэтизировалъ, и этимъ подготовилъ гибель своему отечеству. Онъ влагаетъ въ уста старца слѣдующій отзывъ о царѣ: въ прошломъ году весной заперся онъ и написалъ Лениль-меджунуани; лѣтомъ сочинилъ Шави-параваниани, осенью Хилтакеба, а теперь должно быть сочиняетъ что-нибудь, соответствующее зимнему сезону. *Заперся* онъ, когда нужно было думать о спасеніи страны.—Объ этихъ произведеніяхъ царя Теймураза см. у *Хасанова* III вып. „Очерковъ“.

Съ легкой проніей обличается въ ст. *Грузинскій патриотизмъ* слишкомъ легкомысленное отождествленіе любви къ родинѣ съ любовью къ шаньку, вину и женщинѣ. Юмористическій элементъ входитъ въ его путешествіе по Кахетин („Кребули“, 1897, IV). Особенно интересна вступительная глава, въ которой описывается трусливый горожанинъ въ полномъ вооруженіи, отправляющійся на богомолье въ Алаверди. Разсказъ этого туриста, не умѣющаго владѣть оружіемъ, которымъ онъ богатъ, вызываетъ реплики со стороны бодбійскаго крестьянина, скептика по природѣ и въ частности къ показанію горожанина-спутника. Много ядовитыхъ замѣчаній разбросано при описаніи дворянской золотой молодежи, удаленной изъ IV кл. и предающей кутежамъ, а также въ передачѣ злосчастной встрѣчи его съ разбойникомъ, покушавшимся на его мощу¹⁾. Свойственный кн. А. Церетели юмористическій талантъ характеризуютъ между прочимъ его загадки въ стихахъ и анекдоты.

„Проходили по мосту французъ, англичанинъ и нѣмецъ. Французъ поскользнулся и упалъ въ воду.

Англичанинъ съ нѣмцемъ сейчасъ-же стали держать пари: утонетъ французъ или нѣтъ. Случайно проходившій мимо русскій увидѣлъ, что человекъ упалъ въ воду, и бросился его спасать.

— Стой, стой, куда ты!.. Оставь его въ покоѣ,—закричали англичанинъ и нѣмецъ. Ты помѣшаешь нашему пари.

Однако русскій не послушался и вытанилъ француза изъ воды.

Около Мцхета попалъ въ рѣку еврей и сталъ тонуть. Пловцы увидѣли, бросились въ воду и спасли утопавшаго.

— Зачѣмъ вы такъ спѣшили,—сказалъ еврей.—Надо было подождать, пока водой отнесло бы меня къ Тифлису, а то теперь придется платить за проѣздъ по желѣзной дорогѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тифлисъ, въ день Крещенія Господня, провалился помостъ на армянской іордани, и многіе попадали въ воду. Упали также стоявшіе рядомъ грузинъ и армянинъ, при чемъ крѣпко схватились одинъ за другого. Въ такомъ видѣ ихъ вытанили изъ воды и еле могли разнять другъ отъ друга.

— Добрый человекъ,—сказалъ очувшійся грузинъ армянину,—зачѣмъ ты такъ крѣпко вцѣпился въ меня? Можетъ быть ты думаешь, что я твой должникъ, и боялся, чтобы я не убѣжалъ отъ тебя на томъ свѣтѣ?

— Нѣтъ, князь,—возразилъ армянинъ,—не я вцѣпился въ тебя, а ты въ меня. Не успѣвъ занять у меня на этомъ свѣтѣ, бросился за мною въ воду, надѣясь, что я тебѣ одолжу на томъ свѣтѣ.

Попалъ въ рѣку татаринъ. Утоная, онъ сталъ взывать къ Аллаху!

— Ишь ты, какой изувѣръ,—сказалъ проходившій мимо армянскій священникъ.—Вѣдь тонетъ, скоро будетъ на томъ свѣтѣ, а все-таки не хочетъ обратиться къ истинному Богу.

¹⁾ *Кребули* 1899, VIII. Загадки обращены къ общественнымъ дѣтелямъ.

Француженка поцѣловала русскаго. Этотъ въ экстазѣ схватилъ ее и такъ сильно прижалъ къ груди, что раздавилъ. Стоявшій около австріецъ улыбнулся и промолвилъ.

— Вотъ это настоящая, истинная любовь!

Подружились между собою англичанинъ, нѣмецъ и итальянецъ, порѣшили жить общимъ домою и дѣлить все поровну. Однажды имъ пришло на умъ состряпать колбасу. Нѣмецъ сталъ готовить фаршъ, а итальянецъ начинать имъ кашку. Англичанинъ смотрѣлъ, смотрѣлъ и все съѣлъ.

— Вотъ такъ равенство! — сказалъ подвернувшійся французъ⁴.

Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, мелкихъ и крупныхъ, онъ остается благороднѣйшимъ патриотомъ. Онъ сѣтуетъ, видя экономической гнетъ, испытываемый грузинскимъ населеніемъ, скорбитъ, что забываются старинные обычаи и водворяются новые. Даже замѣна „желтой“ свѣчи бѣлымъ воскомъ вызываетъ въ авторѣ огорченіе, обостряемое сознаниемъ разрыва между новымъ и старымъ поколѣніемъ. Въ рассказѣ *Желтая свѣча* расколъ отцовъ и дѣтей оканчивается торжествомъ вторыхъ, отстоявшихъ затѣю построить новую церковь въ долинѣ вмѣсто того, чтобы возобновлять старую на горѣ. Сачино, герой рассказа, оправдываетъ во всемъ прежній порядокъ. Церковь строили на горѣ, чтобы она была видна всѣмъ, желтую свѣчу, приготовленную дома, приносили тогда Богу вмѣсто теперешней бѣлой, къ которой торговцы примѣшиваютъ сало, пчель держали всѣ, такъ какъ онѣ служили медомъ человѣку, а воскомъ Господу. Да и въ жужжаніи пчель слышатся ему эта двойная ихъ служба. Онъ сообщилъ при этомъ и легенду, какъ изъ язвъ Иова произошли шелковичный червь и пчелы. Авторъ, при рассказѣ Сачино, мысленно перенесъ къ воспоминаніямъ въ отцовскомъ домѣ и „минувшее время рисовалось его воображенію“.

Но еще сильнѣе въ немъ любовь къ ближнему безъ различія его положенія. Это чувство его нашло прекрасное выраженіе въ стихотвореніи *Мольба*, согрѣтомъ теплымъ и нѣжнымъ паюсомъ.

Любовью брата, братъ, тебя я заклинаю:
Упавшему у ногъ безжалостной судьбы
Скажи: „Я не судья! Тебѣ я сострадаю,
Идемъ вдвоемъ со мной въ станъ вѣры и борьбы!“
И помоги ему. Рука съ его рукой
Веди его съ собой, жалѣй и утѣшай.
Но только если онъ, придавленный судьбой,
Подняться хочетъ самъ, люби и поднимай!
И если скажетъ онъ: „Остатокъ дней и силы
Я отдаю борьбѣ съ паденьемъ и врагомъ
До смерти, до конца, до холода могилы,“ —
Тогда усилья тѣ, братъ, осѣни крестомъ.
Но если предъ тобой, какъ трупъ въ своемъ паденьи,

Лежить онъ, рабъ врага, трусливый и нѣмой,
Не чувствуя стыда подъ взглядомъ омерзенья,
Плачь, но ударъ его презрительной ногой!

Безсильно перо! Молчанье пусть доскажетъ.

Вообще лирика кн. Ак. Цертели по виртуозной Technikѣ, вѣншей формѣ и по искренности вложеннаго въ нее вдохновеннаго содержанія знаетъ себѣ равной только въ творествѣ кн. Н. Бараташвили. Можно безъ преувеличенія всѣ благородныя мысли и чувства народа за полвѣка его существованія. Онъ былъ тѣмъ неуслышимъ эхомъ, которое чутко отзывалось на всѣ душевныя волненія и тревоги грузина, воодушевленнаго патриотическимъ порывомъ и общественнымъ стимуломъ⁴). Онъ былъ настоящимъ „соловьемъ“, талантливо пѣвшимъ на чуткой лирѣ отъ полноты и чистоты своихъ возвышенныхъ помысловъ, рѣзко выдѣляясь изъ группы бездарныхъ рюмачей, о которыхъ онъ воспоминаетъ въ одномъ чудномъ стихотвореніи.

Ночь царила полная прохлада,
Разливался нѣжный блескъ луны;
Сладкій взоръ блаженства и отрады
Нисходилъ съ безбрежной вышины.
Гимнъ поверху слагалъ весь міръ небесный,
Міръ земной — и суша и вода,
И была въ плеядѣ звѣздъ чудесной
Ярче всѣхъ вечерняя звѣзда.
Ночь, плывя, до неба доносила
Ароматъ долинь, луговъ и роцъ;
Въ дряхломъ сердцѣ возрождалась сила,
Въ юномъ сердцѣ удвоилась мощь.
Вотъ вблизи листы зашелестѣли:
Между розъ, въ неспящей, чуткой мглѣ,
Соловей свои разсыпалъ трели,
Отвѣчая небу и землѣ.
Долго, долго, полонъ сладкой муки
Вдохновенно пѣлъ ночной пѣвецъ.
Тише, тише становились звуки
И, разстаявъ, смолкли наконецъ.
Смолкъ пѣвецъ... Но снова надъ долиною
Трель звучитъ, по воздуху летя!
Подражая пѣснѣ соловьиной,
То — игрушкой тѣшится дитя...

⁴ Статья г. Хомелли, Квали 1903 г. № 43.

Тѣ же трели, тѣ же переходы
 Оглашаютъ ночи лунный свѣтъ,
 Но огня, по слезѣ пѣвца природы,
 Вдохновенья въ пѣснѣ этой пѣтъ!
 И постигъ, и понялъ я при этомъ,
 Понялъ сердцемъ: вотъ различье въ чемъ
 Между Богомъ възысканнымъ поэтомъ
 И бездарнымъ звонкимъ риомачемъ. (Пер. В. Лебедева).

Кн. А. Церетели не мало поработалъ для дѣтской литературы. Помимо изданныхъ переводовъ изъ басенъ Крылова, журналы *Нобати*, *Джеджили*, *Накадули* наполнялись его благозвучными стихотвореніями и маленькими рассказами, предназначенными для юныхъ читателей. Онъ переработалъ грузинскія народныя сказки, снабдивъ соответствующими ихъ идеѣ народными же пѣснями и поговорками. Сборникъ этихъ сказокъ издалъ (1885 г.) подъ заглавіемъ *Gadia*. Сюда вошли сказки: 1) Заяць, 2) Нацаркекіа (ср. Иванушка-дурачекъ), 3) Умный и глупый, 4) Ученикъ и учитель. На тему „Нацаркекіа“ онъ написалъ цѣлую поэму („Кребули“, 1897, I), представляющую переработку другого сказочнаго сюжета. Лѣнивый и апатичный домохозяинъ-крестьянинъ по настоянію жены идетъ съ саблей, полученной отъ крестнаго отца, св. Георгія, наказавъ тѣхъ, кто сжалъ его ниву. Здѣсь онъ поймалъ лишь одну птичку, которую онъ изъ жалости отпускаетъ. Птичка оказалась чародѣйкой, обѣщавшей ему три подарка за спасеніе: скатерть-самобранку, которую въ простотѣ душевной крестьянинъ поднесъ царю, затѣмъ осла, выдѣляющаго золото, но захваченнаго хитрымъ купцомъ, и наконецъ, дубину, съ помощью которой онъ выгналъ изъ дома куща и зажилъ благополучно. Народныя легендарныя сказанія онъ переработалъ въ стихотвореніе *Отшельникъ*, устоявшій противъ проказъ нечистыхъ силъ (Кребули 1899, IX) и въ духовные стихи *Св. Георгій и прор. Пляя* ¹⁾. Въ идейное содержаніе онъ облекъ старинное сказаніе *О драконѣ*.

Давно, давно такъ намъ гласить предаше,—
 Возникъ раздоръ межъ солнцемъ и луной...
 Жизнь трепетала въ блѣдномъ увяданьѣ
 И тяжкій мракъ окутала миръ земной.

Раздѣливъ могучія свѣтила
 И отягчивъ глубокой небосклонъ,
 Въ неожиданной мглѣ, сгустившейся уныло
 Явился вдругъ чудовищный драконъ.

Отъ смертныхъ глазъ хребтомъ своимъ зубчатымъ
 Онъ заслонялъ лучи горящихъ звѣздъ;

¹⁾ См. А. Хагановъ. Очерки по исторіи груз. словесности, вып. I.

Быть страшень людямъ, трепетомъ объатымъ,
 Его полеть, его мгновенный ростъ...

И по землѣ, отъ края и до края,
 Лѣсныхъ звѣрей пронесся дикій вой
 И розы вяли, тихо умирая,
 Погребены увядшею листвою...

Тогда зажглись огнемъ кровавымъ очи,
 Безумный гнѣвъ сердцами овладѣлъ,—
 И скрыть не могъ покровъ неожиданной ночи
 Холодныхъ тѣлъ, въ бою брошенныхъ тѣлъ...

И кровь лилась горячими ручьями,
 И стонъ, и вопль пугали мракъ земной;
 Друзья сражались съ давними друзьями
 На братьевъ—братья грозной шли войной.

Текли, текли стезей кровавые годы,
 И тамъ, вверху, стѣсняя небосклонъ,
 Все росъ и росъ, какъ знаменье невзгоды,
 Драконъ—вражда, чудовищный драконъ.

(Пер. В. Лебедева).

Въ публицистическихъ работахъ онъ чаще всего касается банковскихъ операцій, находи, что дворянскій банкъ явился источникомъ раздора и разоренія страны. Подведемъ итоги.

Къ кн. А. Р. Церетели въ полной мѣрѣ идетъ названіе „народнаго пѣвца“, вдохновеннаго выразителя чувствъ и думъ массы, вѣщаго прорицателя неопредѣлившагося настроенія большинства его соплеменниковъ. То въ грустныхъ, то въ бичующихъ звукахъ его мелодичной лиры народъ привыкъ находить зоркій отзвукъ на смутный рой мыслей и ощущеній, порождаемыхъ житейскими отношеніями. Поэтическое озареніе сообщается читателямъ тѣми особенными отличительными чертами, которыя являются присущими въ грузинской литературѣ только ему. Эти свойства его манеры писательской дѣятельности могутъ быть сформулированы въ слѣдующихъ словахъ: ядовитый сарказмъ и добродушный юморъ, мягкой лиризмъ и тонкій анализъ внутренняго мира, скорбная нотка по поводу крушенія идеаловъ и надеждъ. Элегія и сатира—вотъ излюбленные поэтомъ аккорды. Онъ мало описываетъ внѣшній миръ, за то весь поглощенъ раскрытіемъ челоѣческой души; онъ доходилъ до ея пониманія не путемъ психологическихъ изысканій, а творческимъ проникновеніемъ. Обаяніе его искренняго лиризма неотразимо для читателя. Но въ особенности его стихотворенія приобрѣтаютъ усиленную интенсивность и властность, когда они разиваются подъ аккомпаниментъ струн-

ныхъ инструментовъ—чанури и тари, сливающихъ съ жалобными словами грустно рокочущіе меланхолическіе звуки. Его произведенія прежде, чѣмъ успѣваютъ попасть въ печать, перѣдко проникаютъ въ публику, распространяясь въ ней въ рукописяхъ, обращаются въ застольныя пѣсни въ самыхъ глухихъ уголкахъ всей Грузіи. Популярность поэта, извѣстнаго подъ именемъ просто Акакія, безъ прибавленія фамиліи, граничитъ съ преклоненіемъ предъ его именемъ. Нѣтъ другого писателя болѣе близкаго къ народной массѣ.

Въ грузинской печати періодически раздавались то выраженія злобы и негодованія противъ quasi непристойныхъ личныхъ чертъ поэта, то страстные нападки и раздраженное злорадство уступаютъ мѣсто восторженной славѣ предъ чарующими лирическими его пѣснями. Но убѣдительное всего безоговорокъ за князя Ак. Церетели стоитъ его поэзія. „Какъ прекрасное изваяніе, найденное и вырытое изъ земли, какъ народная пѣснь, переходящая изъ уста въ уста черезъ лѣса и поля безъ имени ея перваго пѣвца, такъ перлы Акакіевской лирики,—примѣнимъ къ нему слова пастора и литератора Макса Ферберга, обращенныя къ Гейне,—перейдутъ къ послѣдующимъ поколѣніямъ... Можетъ жить то, что стоитъ жизни, а продолжительность этой жизни зависитъ не отъ нравственнаго облика пѣвца, создавшаго эти перлы, а отъ божественной искры въ его поэзіи. И въ будущемъ на вопросъ, кто былъ Акакіи,—достаточно отвѣтъ: пѣвецъ своихъ дивныхъ пѣсней, которыя живутъ среди насъ, которыя мы любимъ ¹⁾).

Кн. Г. Л. Дадиани. (1814—1901).

Кн. Гр. Лев. Дадиани (умеръ 24 декабря. 1901 г.) былъ человѣкъ отдаленной отъ насъ эпохи. Родившись въ 1814 г., онъ уже въ 1829 г., т. е. 15-ти лѣтъ, принималъ участіе въ войнѣ Россіи съ Турціей и успѣлъ въ такомъ раннемъ возрастѣ выказать выдающуюся храбрость, доставившую ему офицерскій чинъ. Послѣ того неоднократно кн. Дадиани имѣлъ случай отличиться на войнѣ. Такъ въ 50-хъ гг. онъ усмиривъ возмущеніе въ Самурзакани, былъ во время Крымской кампаніи начальникомъ милиціи въ Мингреліи, служилъ въ лезинскомъ и чеченскомъ отрядахъ и участвовалъ во взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля и пр.

Кн. Дадиани игралъ одно время и политическую роль въ жизни своей страны. Въ 1847 г., послѣ смерти его отца, владѣтеля Мингреліи Левана, онъ былъ приглашенъ своимъ старшимъ братомъ, владѣтелемъ Давидомъ, для облегченія послѣднему трудовъ по гражданскому управленію все еще автономной тогда Мингреліи. Лишь въ 1853 г., послѣ смерти Давида, кн. Гр. Дадиани, не сходясь со вдовой брата, вла-

¹⁾ Объ Ак. Церетели *К. Абашидзе*. „Моамбѣ“, №№ 11—12, 1903 г. „Всемирная иллюстрація“ № 1241. Artur Leist. Die georgische Dichter. А. Хагановъ. Ак. Церетели въ переводѣ В. А. Величко. „Нов. Обзор.“ за 1894 г.

дѣтельницаю Мингреліи, оставилъ свой высокій постъ помощника владѣтеля и уѣхалъ на войну. Тутъ повторилась та же печальная исторія, которая постигла и Грузію въ самомъ началѣ XIX столѣтія. Внутренніе династическіе раздоры дѣлали невыносимой жизнь маленькой страны, и послѣдняя скоро должна была лишиться своей самостоятельности.

Кн. Дадиани, принадлежа къ отдаленному прошлому, въ старости не понималъ уже современной жизни и жилъ одними воспоминаніями. Странно было видѣть этотъ обломокъ старины среди современно чуждой ему обстановки. Въ этомъ положеніи было много драматизма.

Одно только его связывало съ настоящимъ. Это общій у него съ грузинскою интеллигенціей интересъ къ родной литературѣ и родной старинѣ. Старые генералы любили литературу. Кн. Ал. Чавчавадзе и кн. Гр. Дм. Орбелиани, кавказскіе герои, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и лучшими представителями грузинской поэзіи прошлаго вѣка, наравнѣ съ кн. Ник. Бараташвили. И среди второстепенныхъ поэтовъ было немало заслуженныхъ генераловъ. Таковъ кн. Вахт. Орбелиани, таковъ и кн. Г. Дадиани, извѣстный въ грузинской поэзіи подъ псевдонимомъ Колхидели. Ему же, по свидѣтельству І. М. Меуаргія, принадлежала историческая поэма о Рухскомъ боѣ, напечатанная подъ псевдонимомъ Гегечкори (въ хрестоматіи Д. Чубинова), а также рядъ стихотвореній въ *Цискари*.

Современностью отдаетъ и завѣщаніе, оставленное покойнымъ. Старые грузины для блага отечества жертвовали своею кровью и даже жизнью, но имущество передавали по наслѣдству близкимъ или даже дальнимъ родственникамъ. Лишь въ послѣдніе годы идея благотворительности проникаетъ все глубже и въ грузинское общество. Яркимъ примѣромъ этого служить извѣстное духовное завѣщаніе кн. Дадиани. Онъ, кажется, не забылъ ни одно просвѣтительное учрежденіе въ Кутаисской губ. Всѣмъ пожертвовать хоть что-нибудь.

Кн. Мамія Гуріели (1836—1891) ¹⁾.

Ни на одномъ изъ грузинскихъ писателей такъ властно и печально не отразилось вліяніе наслѣдственности и среды, какъ на Маміи Гуріели, потомкѣ владѣтельныхъ князей, богатомъ, вполнѣтвѣн разоренномъ феодалѣ, связанномъ узами родства съ весьма родовитыми фамиліями Грузіи—Дадиани, Шервашидзе, Дадишкеліани, Орбелиани. Родился (16 янв. 1836 г. въ дер. Леса) и росъ онъ среди именитаго дворянства, предающагося ежедневно гомерическому пиршеству, картина котораго дана поэтомъ въ стих. „Посланіе матери изъ Тифлиса“. Въ его домѣ каждый день дворянской аристократіей съѣдались двѣ коровы и выпивалось безмѣрное

¹⁾ Сл.ч. его вышли одной книгой въ Кутаисѣ въ 1897 г. съ біографіей, написанной І. Меуаргія. Особымъ письмомъ въ редакцію „Нов. Обзор.“ біографъ вполнѣтвѣн отказался отъ нѣсколькихъ экзептовъ, помѣщенныхъ имъ и ложно приписанныхъ кн. Гуріели.

количество вина. Опьяненные гости пѣли стройныя грузинскія пѣсни и обмѣнивались остроумными изреченіями, среди которыхъ блистали мысли изъ „Баровой кожи“ Ш. Руставели. Отецъ будущаго поэта, Давидъ, племянникъ послѣдняго гурійскаго владѣтеля, претендентъ на упраздненный тронъ Гуріели, былъ добродушный человекъ, любитель пѣнія и музыки, свято поддерживающій патриархальный княжескій этикетъ и религиозные обряды. Мать поэта, кн. Екатерина Дадіани, отличалась мягкимъ нѣжнымъ характеромъ. Съ дѣтства онъ былъ окруженъ пышной свитой дворянъ и дворовыми изъ крѣпостныхъ, покорно исполнявшихъ его распоряженія и чутко предугадывавшихъ его желанія. Рожденіе первенца Маміа отпраздновано было торжественно и ознаменовано „многими милостями“. Воспитаніе его шло по традиціонной системѣ: съ дѣтства онъ привыкъ на себя смотрѣть какъ на царька и проникся гордымъ сознаніемъ своего величія. Въ княжескихъ палатахъ терпѣливо дожидались „дворцовые дворяне“ разсвѣта, когда просыпался юный барчукъ; одинъ изъ нихъ его одѣвалъ, другой подавалъ умываться, третій накрывалъ утренній завтракъ, четвертый прислуживалъ за столомъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ принималъ участіе въ рыцарской игрѣ въ мячъ, въ конскихъ ристалищахъ, въ безпечныхъ охотахъ. Общеніе съ дворцовой свитой, мало образованной и извращенной, посягло не мало отрицательныхъ взглядовъ и чувствъ, принесшихъ плоды въ зрѣломъ возрастѣ. Умственное воспитаніе его, съ 6-лѣтняго возраста, было поручено священнику, который научилъ его читать молитвы; все же духовное развитіе шло подъ руководствомъ кахетинки Джанверды, привезенной въ приданое еще бабкой поэта. Няня воздѣйствовала на фантазію Маміа поэтическими сказками и приучала его медленной протяжной рѣчи, несвойственной гурійскому характеру. Эта черта впоследствии отразилась на манерѣ чтенія поэта, прославившагося своимъ декламаторскимъ талантомъ. Русскій языкъ изучилъ онъ въ Озургетахъ у жены полковника Арсеньева; поступилъ потомъ въ кутанскую гимназію въ 1851 г., но изъ третьяго класса вышелъ и на всю жизнь остался съ скуднымъ запасомъ знаній и поверхностной подготовкой. Военная служба съ 1853 г., при кн. Воронцовѣ очарованномъ пріемомъ въ Гуріи, кипучая жизнь въ центрѣ тогдашней кавказской жизни, въ Тифлисѣ, въ салонахъ котораго поэтъ блисталъ своей красотой, участіе въ походахъ, въ борьбѣ съ горами, въ турецкой кампаніи 1856 и 1877 гг. не только не восполнили пробѣловъ его духовнаго развитія и не изгладили воспоминаній, оставленныхъ средой распущенной крѣпостной дворян, но привили еще специфическія профессиональныя понятія чести мундира, страсть къ безумнымъ кутежамъ и легкомысленное отношеніе къ жизни и обязанностямъ вплоть до дуэли съ конкурентомъ-товарищемъ изъ-за жены кондитера въ казацкой станицѣ и до обвиненія въ злоупотребленіяхъ по службѣ, въ которыхъ военнымъ судомъ онъ былъ оправданъ.

Время пребыванія его въ Тифлисѣ совпало съ возрожденіемъ грузинской прессы и зарожденіемъ грузинскаго театра: 2 янв. 1850 г. данъ

былъ первый грузинскій спектакль, а въ январѣ 1852 г. вышелъ первый номеръ журнала „Цискари“. Литературныя произведенія, распространявшіяся до эпохи кн. Воронцова въ рукописяхъ, попали въ печать. Повѣсти, комедіи, стихотворенія, историческіе рассказы привлекли вниманіе грузинскаго читателя, пробудили въ немъ любовь къ родинѣ и народу.

Этотъ энтузіазмъ, воцарившійся по-преимуществу среди грузинской аристократіи, вдохновилъ и музу кн. Маміа Гуріели. Онъ уже былъ искушенъ въ процессѣ творчества и еще въ дѣтствѣ сочинялъ стихи, вызывавшіе восторги у отца съ его свитой, и теперь подъ впечатлѣніемъ общаго подъема и интереса къ поэзіи, онъ написалъ (1857 г.) стихотвореніе въ лагерѣ „Парвана“, помѣщенное въ „Цискари“ (XI, 1860). Литературная дѣятельность его съ тѣхъ поръ не прекращалась до 1889 г. Лагерная жизнь съ ея лишениями и стычки съ горами Шамиля не удовлетворяли воспитаннаго въ роскоши поэта, и онъ часто пользовался отпусками для поѣздки въ Гурію, гдѣ его ожидали охота на оленей, веселые пиры, пышные пріемы. Особенной торжественностью былъ обставленъ первый пріѣздъ его на родину послѣ того, какъ онъ былъ произведенъ въ подпоручики. 300 всадниковъ дворянъ встрѣтили молодого князя, привѣтствуя его объятіями и лобзаніями. Поэта манило еще неотразимѣе въ Тифлисѣ, куда его влекли родственныя связи съ кн. Орбеліани и литературныя занятія, открывшія ему доступъ въ небольшой кружокъ грузинскихъ писателей. Поэтъ и владѣтельный князь, изящный и красивый юноша, онъ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность въ столицѣ Кавказа: предъ нимъ гостепріимно открывались двери салоновъ веселой аристократіи и на дворцовые балы вел. кн. Михаила Николаевича. Не трудно было ему, при общемъ преклоненіи, привлечь вниманіе грузинскихъ князей, и одна изъ нихъ; красавица Меликова, стала его женою, но семейное счастье продолжалось лишь два года—супруги разошлись и черезъ нѣсколько времени развелись. Литературныя многообѣщавшіе дебюты неожиданно прервались такъ же, какъ и блестящая его военная карьера. Семейная неурядица имѣла пагубное вліяніе на поэта. Онъ вышелъ въ отставку, сталъ грустить, предаваясь духовному одиночеству. Любимецъ сынъ его „божественный Кахабери“, на котораго перенесъ всю свою привязанность и мечты, трагически покончилъ съ собою. Онъ остался одинъ, безутѣшнымъ „изгнанникомъ съ неба“, блуждалъ какъ демонъ „безъ цѣли, безъ пріюта“ между Тифлисомъ и Кутансомъ, Поти и Озургетами. Единственной опорой въ печальной жизни становятся братъ его Джаба съ женою Элеonorой, которыхъ въ письмахъ и стихахъ умоляетъ не забывать его, любить его, не доводить до полного отчаянія. Результатомъ его душевныхъ терзаній явилась страсть къ вину, которымъ онъ хотѣлъ заглушить „стонъ сердца, острую боль безпріютнаго страдальца“. Отрезвленіе доставляетъ ему горькія минуты сознанія своего безвыходнаго положенія. Въ одну изъ такихъ безпросвѣтныхъ минутъ, отча-

явившийся въ возстановленіи своихъ физическихъ и духовныхъ силъ поэтъ бросается въ рѣку, но спасенъ былъ неизвѣстнымъ лицомъ; онъ начинаетъ еще болѣе заливать горе виномъ, съ радостью замѣчая, какъ этотъ ужаснѣйшій бичъ быстро мчитъ его къ желанному концу. Отецъ его сошелъ въ могилу, средства къ жизни изсякли, довѣріе со стороны кредиторовъ утратилось, и потомокъ могущественныхъ Гуріелей (стихотв. „Мысли дѣтства“), родъ которыхъ восходитъ къ XIII в., одинъ изъ богатѣйшихъ феодаловъ, умираетъ въ лачужкѣ, на берегу Ріона, принадлежавшей его сердобольной крѣпостной женщинѣ, безъ медицинской помощи, полуголодный, на земляномъ полу. Поэтъ умеръ 25 мая 1891 г., по свидѣтельству доктора, „отъ смертельнаго кровостеченія на почвѣ туберкулезнаго пораженія легкихъ“. Такова трагическая нить жизни грузинскаго поэта, творчество котораго отразило не только свойства тогдашней патріотической лирики, проникнутой недовольствомъ, но и черты субъективнаго настроенія человѣка, который прошелъ всѣ стадіи превратностей судьбы, давшей ему испить на зарѣ дѣтства среди челяди чашу полного довольства, въ періодъ юности кратковременный успѣхъ въ семьѣ и свѣтъ и на склонѣ лѣтъ суму нищаго, ядъ сомнѣнія въ благость Творца и прочность счастья.

Поэзія кн. Гуріели есть отраженіе пережитыхъ чувствъ и событій. Она исчерпывается двумя темами: патріотической и романтической. Лучшія стихотворенія поэта, за немногими исключениями, написаны на патріотическія темы. Другая группа его оригинальныхъ произведеній—экс-пропрты и посвященія, мотивомъ которыхъ служитъ грусть и воспѣваніе женщины; таковы его стихотворенія „Еще теперь мое безсильное перо“, „Не правится мнѣ, о дѣва, твоя краса!“ Изъ горькаго житейскаго опыта (стихотв. „Скворецъ“, „Давно я свыкъ съ своей болѣзью“, „На моемъ портретѣ дѣвницы“) поэтъ вынесъ убѣжденіе въ непостоянствѣ женской привязанности и отсутствіи желанія дѣвы свой „божественный даръ“ употребить на благо родины; но преклоняясь предъ ея неотразимой силой, онъ выражаетъ въ стихотвореніи „Если бы я былъ царь могучій“ готовность быть ея рабомъ и безпрекословно исполнять ея волю, если бы даже онъ былъ облеченъ безмѣрной властью и могуществомъ всеильнаго Творца.

О, если-бъ былъ я царь, и міръ подъ небомъ мой,
 И былъ я одаренъ безмѣрной царскою властью,
 Повелѣвать, владѣть со всей безумною страстью
 Я-бы хотѣлъ—одной тобой!

И если-бъ Богомъ сталъ, повѣрь въ единый мигъ
 Я бъ исполнялъ твой взглядъ, ловилъ твое движеніе,
 И небо отдалъ бы въ твое владѣнье,
 Но самъ съ молитвою къ ногамъ твоимъ приникъ.

Признавая въ женщинѣ лишь одну страсть къ порывамъ наслажденій и отрицая за ней благородные помыслы, онъ дѣлалъ въ ней

физическую красоту, способную вдохновлять художниковъ и пробудить дремлющія силы поэта. Грусть въ духѣ Лермонтова и Байрона окрашивается въ мрачный колоритъ всѣхъ произведеній кн. Гуріели. Она доводитъ его до полной утраты вѣры въ людей (въ стих. „Завѣщаніе“) и отчаяніе его переходитъ въ разрѣшающееся желаніе „уснуть, умереть“. Не будучи меланхоликомъ по природѣ, грузинскій поэтъ охваченъ тоской благодаря ударамъ судьбы, посыпавшимся на его гордую, непреклонную главу. Отличительная черта характера и направленія кн. Маміа Гуріели—это смѣсь байронизма съ романтизмомъ. Разочарованіе не было навѣяно чтеніемъ книгъ: онъ былъ романтикъ по происхожденію и положенію своему. Все, что мило ему было, къ чему тинули его дѣтскія воспоминанія,—сказки няни, пиры въ отцовскомъ домѣ, все это лежало въ прошломъ, въ средневѣковомъ феодализмѣ, въ обломкахъ рыцарства. По рожденію „владѣтельный князь Гуріи и Адчары, преемникъ вельможъ, не объявленныхъ правителями въ силу политическихъ обстоятельствъ, онъ воспѣвалъ этотъ исчезнувшій міръ, въ поэтической галлюцинаціи окружилъ переживанія старины очаровательнымъ фантастическимъ блескомъ, вздыхалъ по утраченномъ тронѣ, связанномъ съ обладаніемъ Батумскимъ портомъ и Чаквской долиной. Современники его оказывались слѣпыми и глухими къ патріотическимъ вздохамъ его пѣсенъ „къ свободѣ“, краскамъ и видѣніямъ еще не потускнѣвшихъ живыхъ воспоминаній „властелина“. Отсюда—искреннее негодованіе и озлобленіе поэта, его отвращеніе къ малодушію современниковъ, къ отсутствію въ послѣднихъ мужественныхъ порывовъ къ идеалу¹⁾. Субъективное чувство недовольства потомка гурійскаго кахабера осложнялось и разжигалось грустными размышленіями о Грузіи, утратившей свободу и независимость. Высшаго художественнаго подъема поэтъ достигаетъ въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ изливаетъ мучительную скорбь, по поводу личныхъ невзгодъ и крушенія патріотическихъ мечтаній: „Алаверди“, „Карчхильскія горы“, „Кобулетская пѣсня“, поэма „Рашидъ Варданъ-оглы“ составляютъ перлы его патріотической музыки. Древняя Грузія, царица Тамара, отдаленный предокъ Гуріелей служатъ основной темой его пѣсенъ о минувшей славѣ родины. Чудная свѣжесть, мягкая теплота, искренность чувствъ, доходящая иногда до бурной страстности, любовь къ родинѣ, горделивое чувство сознанія національнаго величія и благородная гуманность сообщаютъ этимъ произведеніямъ чарующую прелесть и такую полноту неотразимаго влиянія, какою отличаются лишь совершенныя произведенія кн. Ильи Чавчавадзе и кн. Ак. Церетели. Онъ весь горитъ огнемъ за судьбу своихъ героевъ въ поэмѣ „Рашидъ Варданъ-оглы“ и своимъ страстнымъ отношеніемъ къ ихъ отважнымъ дѣяніямъ возбуждаетъ интересъ въ читателѣ, и еще болѣе своимъ энергичнымъ, талантливымъ чтеніемъ, увлекавшимъ слушателей до забвенія, до сладкаго упоенія. И смыслъ произведеній поэта, подписывавшагося *Фазели*, стано-

¹⁾ Н. Николадзе. Кн. Маміа Гуріели. „Нов. Об.“ 1891 № 2614.

вился яснѣ въ его мастерски оригинальной декламаци, никѣмъ не усвоенной, какъ и направление его поэзіи, не вызвавшей ни школы, ни подражателей. Особенной аффектаціей публики всегда сопровождалось чтеніе стихотворенія „Человѣку“.

Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ, случайный мой читатель,
Мужчина, женщина или юноша мечтатель,
Про это далѣе знать мнѣ нужды нѣтъ:
Я лишь прошу принять мой дружескій совѣтъ.

Когда, вступая въ жизнь, ты счастьемъ окруженный
Съ надеждою впередъ глядишь въ грядущій вѣкъ,
Не забывай, мой другъ, фортуной ослѣпленный,
Молю, не забывай:—ты только человѣкъ.

И будешь ли блистать умомъ, очарованьемъ,
Прославишься ль потомъ ты мудростью своей,
Энергіей въ борьбѣ, богатствомъ обаяньемъ,
И безкорыстиемъ прямой души твоей,
Не возгордись, мой другъ, и помни весь твой вѣкъ,
Что ты не болѣе, какъ смертный человѣкъ.

И если-бъ даже ты, случайностью счастливой,
Сокровищами всей вселенной обладалъ
И волею судьбы, капризно-прихотливой
Царемъ, владыкою земнаго міра сталъ,
Тогда, великій мужъ! Тогда еще тѣмъ болѣ,
Ты долженъ чуткимъ быть и помнить весь твой вѣкъ,
Что и въ вѣнцѣ златомъ, на царственномъ престолѣ,
Ты все же человѣкъ, только человѣкъ!

Но ежели судьба тебя и не взлюбила,
И въ угнетеніи ты влачишь свой жалкій вѣкъ,
И сердце пылкое въ тебѣ она убила—
Не унывай, мой другъ: ты все же человѣкъ!

Пусть судьба твоя измѣнитъ направленіе,
И злобная молва бѣжитъ шумнѣе рѣкъ,
Лишь не мѣняйся самъ, настанетъ просвѣтленіе,
И все тогда поймутъ, что ты—человѣкъ.

Лишь истину одну имѣй ты цѣлью жизни,
И братскую любовь за долгъ считай весь вѣкъ;
Безъ усталости всю жизнь служи своей отчизнѣ,
И будешь въ правѣ ты сказать: я—человѣкъ. (Пер. Е. С—ой.)

Изалюбленная мысль поэта сконцентрирована въ этомъ стихотвореніи. Выше всехъ благъ въ жизни онъ ставитъ „свободу“, „самоопредѣленіе“ во всехъ ея проявленіяхъ. „Дружбу и единеніе онъ считаетъ необходимыми факторами для сдѣлания социальнаго организма. Ему извѣстны были горестные плоды династическихъ распрій въ Грузіи, похоронившей свою независимость въ началѣ XIX вѣка и потому отставившей въ своихъ произведеніяхъ идею солидарности между сословіями и разрозненными частями Грузіи.

Смыслъ стихотворенія „Человѣку“ (напеч. впервые въ 1868 г. № 3 въ газ. *Дрозба*) и однохарактерныхъ его произведеній заключается въ томъ, что человѣкъ, достойный носить это имя, долженъ въ жизни своей путеводной звѣздой намѣтить идеалъ истины, любви къ собрату и преданности родинѣ. Такимъ воззваніемъ поэтъ выражаетъ протестъ противъ измельчавшихъ и прожигающихъ жизнь въ будничной пошлой прозѣ. Этой же идеей проникнута „Кобулетская пѣсня во время жатвы“. Нарисовавъ картину бѣдственнаго положенія крестьянина, въ потѣ лица добывающаго кусокъ хлѣба, притѣсняемый и „мудромъ, и агой, и бариномъ и вали“, поэтъ влагаетъ въ уста виномъ разгоряченныхъ жнецовъ свою мысль о необходимости жертвовать собою для блага и расцвѣта родины. Патриотическое вдохновеніе нашло самое яркое выраженіе въ стих. „Аллаверди“, открывающимся мощнымъ призывомъ поднять бокалъ за возрожденіе и расцвѣтъ Грузіи, стать грудью за нее и, разбивъ оковы рабства, „привѣтствовать другъ-друга побѣдоноснымъ аллаверди“. Патриотическая идея проникаетъ поэму „Рашидъ Варданъ—оглы“, надъ обработкой которой онъ работалъ 17 лѣтъ (1872—1889) не безъ вліянія аналогичныхъ произведеній кн. И. Чавчавадзе и М. Ю. Лермонтова, несомнѣнно повлиявшаго на характеръ творчества кн. Гуріели. Здѣсь, какъ и во всехъ другихъ его произведеніяхъ, недостатокъ образованія препятствуетъ ему достигнуть высоты поэтического творчества. Однако въ поэмѣ „Рашидъ Варданъ—оглы“ является истиннымъ художникомъ, воспроизводящимъ природу и бытъ Грузіи.

Отрывки изъ этой поэмы въ переводѣ П. Ф. Тхоржевскаго дадутъ представленіе объ ея достоинствахъ.

* *

Есть крѣпость на склонѣ Карчхали.
Когда-то, въ дни славной войны,
Ее „недоτροгой“ прозвали,
Защитницей верхней страны.
А нынѣ—людьми позабыта,
Давно никому не нужна,

1) Конечно, художественности его произведеній не способствуетъ ложно—классическій приемъ употребленія аллегорическихъ выраженій. въ родѣ Аврора, Борей и др.

Разрушена, мохомъ покрыта,
 На холодѣ стынеть она,
 И, суднаго дна ожидая,
 Стоитъ съ обнаженной главой,
 По голымъ бокамъ поростая
 Колочей сорной травой.

*
* *

А тамъ за оградой, гдѣ прежде
 Былъ только героевъ пріютъ,—
 Въ пародной зеленой одеждѣ
 Злыхъ ящерицъ стая сплзаетъ;
 Тяжелую кладь нагружаютъ
 На крошекъ—рабовъ муравьи
 И желтыя осы вонзаютъ
 Въ рабовъ этихъ жала свои,
 Червякъ небольшой, но смысленный,
 Такъ мѣрно ползетъ, словно самъ
 Весь бархатъ лужайки зеленой
 Онъ смѣрится взялся по вершкамъ.
 Вверху въ амбразурахъ засѣла
 Надъ гнѣздами стая галчатъ,
 И тамъ, гдѣ оружіе звѣгло,
 Ихъ хриплые крики звучать.
 Вотъ по-небу, тинется что-то,
 Неясно виднѣясь вдали...
 Ага! узнаю по полету:
 То стаей летятъ журавли.
 Все въ высь вереница ихъ вьется...
 Вдругъ кречеть: вспугнувъ журавлей,
 Стремительный барсасъ несется
 Онъ вслѣдъ за добычей своей.
 Уже имъ достигнута стая,
 А онъ, по лазури небесъ
 Какъ вихрь вертикально взлетая,
 Все выше летитъ... Вотъ исчезъ...
 Вотъ снова блеснулъ и съ полета
 Какъ молнія врѣзался онъ—
 Въ средину всего перелета...
 Безсилны тутъ хитрость и стойка!
 Добычу свою безпощадно
 Влечетъ на Карчхали, злодѣй,
 И тамъ насыщается жадно
 Несчастною жертвой своей.

*
* *

А онъ тотъ, Карчхали могучій,
 Щитъ Грузіи въ прежнихъ бояхъ,
 Главой упираяся въ тучи,
 Безстрастно стоитъ на часахъ.
 Съдины его обвиваютъ
 Туманы, какъ думы кругомъ...
 Кто смыслъ этихъ думъ узнаеть,
 И кто ихъ опишетъ перомъ?

Кн. Гуріели въ этой поэмѣ самъ оцѣниваетъ свой талантъ. Онъ не надѣется воздвигнуть произведеніями своего неопытнаго пера перу-котовенный памятникъ великаго поэта. Его желаніе значительно скромнѣе. Онъ бы хотѣлъ свои „слабыя силы“ присоединить къ общей работѣ для блага грядущихъ поколѣній. И дѣйствительно, стихотворенія его, младшаго современника плеяды писателей, поднявшихъ въ 60 гг. новое знамя національнаго пробужденія, послужатъ тонкой каймой вокругъ художественнаго зданія, возведеннаго мастерской лирой великихъ грузинскихъ поэтовъ—Н. Баратова, Гр. Орбеліани, И. Чавчавадзе и Ак. Церетели.

Насколько онъ приближается къ нимъ въ выборѣ патриотическихъ темъ, въ усвоеніи ихъ взглядовъ о возрожденіи Грузіи путемъ европейскаго образованія, настолько онъ безсилень воспользоваться ихъ палитрой для воссозданія художественныхъ картинъ Грузіи, этихъ вѣчныхъ темъ, использованныхъ и русскими поэтами—Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Подражанія его въ пѣсняхъ Гр. Орбеліани („Е. П. В-ой“) и кн. Чавчавадзе („Неизвѣстной“) — не оригинальные отголоски стих. *Помнишь-ли ты?* Тяжеловѣсный, неправильный стиль не рѣдко нарушаетъ музыкальность стиха, а многословіе, присутствіе незвучныхъ выраженій и общій недостатокъ вѣншей отдѣлки ослабляютъ впечатлѣніе, которое при болѣе внимательномъ отношеніи къ требованіямъ риторическаго творчества могли бы произвести его произведенія. Глубиной чувства онъ также мало затрагиваетъ, размышленія еще рѣже вызываетъ. Индивидуальность его мало очерчена, субъективныя ощущенія изрѣдка рельефны и лирика его части переходитъ въ заимствованіе сюжетовъ у поэтовъ, сродныхъ съ нимъ по настроенію: „Сиротство душъ“, оплакиваемое Бараташвили, сообщилось и ему; геній Байрона и Лермонтова не покидаетъ его въ стихотвореніяхъ, отмѣченныхъ печатью міровой и личной скорби, и патриотическія сѣтованія повторяютъ аккорды лиры Ильи Чавчавадзе. Въ одномъ обращеніи къ думамъ и сѣтованіямъ *Придите думы, наполните сердце*, грузинскій поэтъ повторяетъ скорбный возгласъ Лермонтова „Ужъ не жду отъ жизни ничего я“.

Клятва Демона русскаго поэта навѣяла клятву, произносимую кн. Ма-
міа Гуріели въ стихотвореніи „Поэтъ и видѣніе“, имѣющемъ соприкосно-
венеіе и съ „Чернью“ Пушкина въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ обличается
мнѣніе толпы о назначеніи искусства. Поэтъ клянется „именемъ разорен-
ной родины, судьбою обиженной и караемой“. Изъ Байрона онъ перево-
дилъ (Еврейскія мелодіи) и писалъ свои подраженія, изъ Пушкина взять
„Я помню чудное мгновенье“ и нѣсколько другихъ лирическихъ пьесъ, нѣ-
ликомъ воспроизвелъ „Мицри“ Лермонтова; Надсонъ—этотъ пѣвецъ нѣж-
ликой грусти также увлекъ его и побудилъ не только передать его стихотво-
реніе „Вѣрь, говорятъ они, мучительны сомнѣнія“, но даже имитировать его,
перевелъ и нѣсколько стихотвореній изъ Кольцова и Соллогуба и 1 пѣсню
Иліады Гомера. Размѣры его переводовъ не соотвѣтствуютъ оригиналу,
гекзаметръ онъ разбиваетъ на два стиха, сжатость „Мицри“ въ его расплыв-
чатыхъ выраженіяхъ теряетъ силу выразительности, безцвѣтно пере-
даны Пушкинскія слова: „Безъ Божества, безъ вдохновенія, безъ слезъ,
безъ жизни, безъ любви“.

Оглядываясь на жизнь и художественную дѣятельность кн. М. Гу-
ріели, мы имѣемъ основаніе сказать, что онъ явился современникамъ
больше, чѣмъ послѣдовавшему поколѣнію. Въ теченіе цѣлой четверти
вѣка, въ Имеретіи можно было встрѣтить сотню молодыхъ людей, ко-
пировавшихъ не только его костюмъ—мрачный плащъ поверхъ стара-
тельно—упрощенной черески, гарибалдійскую шляпочку на демониче-
ской головѣ, но старательно усвоившихъ его манеры, тонъ голоса,
обороты рѣчи нашего „кн. Мамаіа“. Это несомнѣнно свидѣтельствуетъ
о значительномъ престижѣ и вліяніи угасающаго поэта. Предъ его
могилой замолкли раздоры между новымъ поколѣніемъ и представите-
лемъ стариннаго феодализма, связаннымъ дружбою и единомысліемъ
съ кровными аристократами Гр. Дадіани Мингрельскимъ и абхаз-
скимъ кн. Георгіемъ Шервашидзе, въ посланіяхъ къ которымъ онъ
изливаетъ свою скорбь. Его нѣсколько удлиненная голова съ густыми
вьющимися волосами, съ черными выразительными глазами, сивыми
ми паосомъ при сильномъ душевномъ движеніи, красиво очер-
ченный ротъ безъ тѣни чувственныхъ инстинктовъ, талантъ поэта и
честь родовитаго помѣщика—очаровываютъ высшій свѣтъ Тифлиса и
Кутаиса. Впослѣдствіи поэтъ буквально разстаялъ физически, сгу-
билъ свои духовныя силы, утратилъ блескъ въ очахъ, прикрытыхъ
синимъ пенснэ, отрекся отъ феодальныхъ мечтаній и искалъ идеала
въ экономическомъ подъемѣ страны, говорилъ тихимъ голосомъ, по-
вышающимся лишь во время декламированія стиховъ. Первую—юную
часть жизни провелъ въ удовольствіяхъ, вторую болѣшую половину въ
страданіяхъ, причиненныхъ семейнымъ несчастьемъ и дорогими воспо-
минаніями о прошломъ. Эти обстоятельства налагаютъ свою печать
на его творчество, муза его приходитъ въ отчаяніе, онъ разочаровы-
вается въ жизни, и физической борьбѣ со смертію предшествуетъ чре-
ватая послѣдствіями роковая душевная борьба.

Кн. Георгій Максимовичъ Кочакидзе (1848—1898).

Младшимъ современникомъ плеяды грузинскихъ писателей, высту-
пившихъ на литературное поприще въ эпоху паденія крѣпостного пра-
ва, былъ поэтъ кн. Г. М. Кочакидзе, первый произведенія котораго
относятся къ концу 60-хъ годовъ. Онъ родился 23 апрѣля 1848 г., об-
разованіе получилъ въ Кутаисской гимназій и, по окончаніи здѣсь курса
(1873 г.), поступилъ въ артиллерійскую академію въ С.-Петербургѣ.
Принималъ онъ участіе въ русско-турецкой войнѣ, впослѣдствіи былъ
преподавателемъ въ артиллерійской академіи и скоропостижно скон-
чался въ должности полковаго командира въ Минскѣ 3 апрѣля 1898 г.
Двадцатилѣтнимъ юношей онъ выступилъ бойкими стихотвореніями въ
„Дроздь“, *„Кребули“*, *„Мнатоби“*. Его дебюты сопровождались рѣдкимъ
успѣхомъ,—въ немъ видѣли достойнаго преемника кн. П. Чавчавадзе и
кн. Ак. Церетели. Стихотворенія его, появившіяся въ „Дроздь“ (1869—
1870), въ журналѣ „Кребули“ и въ календаряхъ С. Месхи („Нико и
Нино и др.“), быстро распространились въ народѣ путемъ устной
передачи и распѣваются понынѣ подъ звуки чанури во всей запад-
ной Грузіи. Его стихотвореніе „Проводы сына въ школу“, ставшее
обычной пѣсней дѣтей, приобрѣло ему огромную популярность той
искренностью чувствъ и простотой ихъ изображенія, которая вообще
отличаютъ его произведенія. Онъ оставилъ небольшое литературное
наслѣдіе. Условія его жизни менѣе всего содѣйствовали плодовитости
его творчества. Получивъ военное образованіе, вращаясь въ военной
средѣ, болѣшую часть жизни провелъ вдали отъ родины, куда онъ
рвался неустанно. Въ 1898 г. временно онъ жилъ въ Закавказьѣ, но
устроиться ему тамъ не удалось. Кн. Кочакидзе приходилось питать свою
музу воспоминаніями и впечатлѣніями дѣтства, съ теченіемъ времени
утратившимъ свой блескъ и рельефность.

Жизнь свою кончилъ онъ на чужбинѣ, но прахъ его былъ перевезенъ
въ Грузію, отпѣвали его въ Поті, съ подобающей его имени печаль-
ною торжественностью. Рѣчи и вѣнки съ надписями воскресили въ па-
мяти слушателей значеніе поэта, пѣсни котораго переложены на ноты
и поются въ народѣ, какъ и среди интеллигенціи. Его „Пацха“ (плетеная
хата), „Махсовъ пирвеладъ“ (воспоминаніе о проходахъ въ школу), обра-
тились въ застольныя и хоровыя пѣсни, распѣваемые даже въ Москвѣ
и С.-Петербургѣ. Многіе даже не подозревали, что „Пацха“ не народ-
ная пѣсня, имя поэта вообще было мало извѣстно благодаря тому, что кн.
Кочакидзе писалъ подъ псевдонимомъ „Чаладидели“ (по родной деревнѣ
Чаладиди), а въ послѣднее время замолкъ, если не считать нѣсколькихъ
мелкихъ стихотвореній, появившихся въ журналѣ „Моамба“.

За тридцатилѣтній періодъ литературнаго творчества онъ написалъ
немного, но то, что написалъ, пока разбросано въ повременныхъ изда-
ніяхъ и не имѣется сборника его стихотвореній. Основной тонъ его творче-
ства, это—любовь къ родинѣ, расцвѣту которой онъ готовъ былъ „пожерт-

зовать жизнью". Этот лейт-мотив проходит через всё его произведение. Звучный стих, легкий язык, теплота настроения сообщают его излюбленной идее такую искренность и привлекательность, которая наполняет душу свежестью чувства и чарами поэтической красоты. Отличительную черту его музыки составляет тонкое знание души человека и редкая способность проникнуть в народную психологию. Его „Пѣсни“ (на мотив „Кало Хабардиано“) — образец понимания городским обитателем любви к родинѣ; пѣсно согревает идея привязанности к возлюбленной и готовности лечь костями за нее. В параллель же этой пѣснѣ „Пацха“ рисует гостеприимного, добродушного крестьянина в плетеной избушкѣ, среди бѣдной сельской обстановки, остающегося вѣрным хранителем традицій своей страны. *Школьная пѣсня* внушает бодрящее чувство, мысль о непрерывном трудѣ и приобращеніи знаний. Будучи поэтом-гражданином по преимуществу, отвѣчая на запросы дня, отстаивая необходимость широкаго образования для блага народа, Чаладидели был истинным художником в тѣхъ мелких стихотвореніяхъ, гдѣ он берет за основу очертить картины горныхъ пейзажей. Такова его маленькая чудная лирическая пьеса, посвященная горному водопаду. Он пробовал свои силы и в драматическом творчествѣ и напечатал (*Дроба* 1871 г. №№ 20 и 18) два произведенія, характеризующія его наблюдательность и знакомство с жизнью западныхъ грузинъ: *Сцены въ лесу* и *Гурійская сцена*, разыгрывающіяся предъ мировымъ судьей.

Иосифъ Свимоновичъ Давиташвили ¹⁾. (1850—1887 гг.)

Въ 1887 г. грузинская литература понесла утрату в лицѣ скончавшагося поэта-крестьянина Иосифа Свимоновича Давиташвили. Одаренный отъ природы поэтической фантазіей, воспитанный в бѣдной средѣ, кое-какъ усвоившій элементарную грамотность, подъ руководствомъ своей старшей сестры, Иосифъ Давиташвили личной энергіей и любознательностью пробилъ себѣ дорогу въ замкнутыя редакціи и предсталъ предъ обществомъ своими задушевыми стихами, отличающимися простотою замысла и злободневнымъ изображеніемъ быта такихъ же жаждущихъ просвѣщенія и матеріальной поддержки, какими былъ самъ авторъ.

Кратковременная его жизнь (умеръ 37 лѣтъ) полна мучительныхъ невзгодъ въ борьбѣ за кусокъ хлѣба, жажды духовной пищи, — озарена идеалами общественности и филантропіи. Родившись въ 1850 г. въ сел. Рунси, дѣтство онъ провелъ съ перваго же года своего появленія на свѣтъ, въ дер. Гардашени, куда переселился въ 1871 г. его отецъ, Симонъ, по ремеслу ткачъ, принявъ приглашеніе кн. Цицианова. Симонъ бѣжалъ отъ притязаній дворянина Данкелева и сталъ крѣпостнымъ

¹⁾ Сочиненія его съ биографіей, написанной Н. Мтварелишвили, изданы Грузин. издат. товариществомъ (Тифлисъ, 1890).

человѣкомъ кн. Цицианова. Въ Гардашени онъ принялся за мельничное дѣло, и этимъ объясняется, что Иосифъ въ своей *Молитвѣ* называетъ себя „бѣднымъ крестьяниномъ, сыномъ мельника“. На одиннадцатомъ году жизни онъ потерялъ родителей и поступилъ подъ опеку старшаго брата Гуго, плотника въ Тифлисъ. Мальчику, оскорбленному мастерами, пришлось вскорѣ бѣжать въ Гори, къ знакомому столяру. Пробывъ здѣсь шесть мѣсяцевъ, онъ заболѣлъ и братъ его, Гуго, вновь взялъ къ себѣ. Недолго онъ жилъ подъ кровомъ родной семьи. Въ уплату повинностей помѣщику, Иосифъ былъ отправленъ въ услуженіе въ сел. Доеси кн. Цицианову. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ выкупленъ братомъ. Очувтившись вновь въ Тифлисъ, онъ взялся за столярное ремесло въ мастерской брата Гуго, но вынужденъ былъ разстаться съ нимъ, въ виду постоянныхъ упрековъ и недружелюбнаго къ нему отношенія невѣстки, жены Гуго, образъ который воспроизведенъ имъ въ неоконченной повѣсти *Нато*. Ей не нравилось, что скромный мальчикъ въ свободное время читалъ книжки и въ кармапѣ носилъ любимую поэму *Барсову козю* Руставели.

Иосифа отдали къ рѣзчику Рубцову, у котораго онъ кончилъ курсъ обученія 22 лѣтъ. По аттестату мастера не могъ получить, за неимѣніемъ средствъ для расплаты съ цеховымъ старшиной. Отсутствие удостовѣренія въ усвоеніи ремесла „токаря, рѣзчика мебели“, облекло его на мучительное исканіе работы то въ качествѣ подмастерья, то въ небольшой товарищеской организаціи. Поэтъ негодуетъ, что въ Тифлисъ предпочтеніе отдается фиктивнымъ „заграничнымъ мастерамъ“ и не оцѣниваютъ своихъ людей. Тщетно стучится онъ въ двери заказчиковъ, — онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ остается безъ работы, занимаетъ по рублю у друзей и родственниковъ, живетъ впроголодь, ходитъ въ разорванныхъ сапогахъ, въ морозную зиму полудѣтый, безъ теплой одежды, столь необходимой его слабому здоровью, разстроеному паховой грыжей. Потерпѣвъ неудачи въ присканіи средствъ къ жизни профессиональнымъ занятіемъ, онъ становится то разносчикомъ газеты „Иверія“, то служителемъ при грузинской сценѣ. Но матеріальное положеніе настолько все безотрадно, что онъ не располагаетъ рублемъ (въ 1883 г.) на проѣздъ до г. Гори, къ обожаемой сестрѣ своей. Не улучшили его средства должность кассира въ Горійскомъ, вскорѣ закрывшемся, общественномъ депо. Онъ взымаетъ за помощь къ своему „учителю“ кн. А. Церетели, обѣщавшему ему пріютъ въ родовомъ Сачхери. Онъ посѣщаетъ Имеретію, пробуетъ работать въ Кахетин. Здѣсь-то въ Телавѣ, наконецъ, ему удалось осуществить завѣтную мечту объ организаціи ремесленной компаніи, стать казначеемъ товарищества и жить кое-какъ, безъ поданій. Но недугъ подтачивалъ его силы, при томъ онъ простудился и на пятый день болѣзни скончался въ сырой комнатѣ, въ одиночествѣ, вдали отъ родныхъ, на рукахъ приставленнаго къ нему изъ жалости двѣнадцатилѣтняго мальчика (13 марта 1887 г.).

И этотъ горемыка, потерпѣвшій рядъ неудачныхъ попытокъ обезпечить себѣ заработокъ трудомъ токаря, разносчика газетъ и низшаго

служителя в театрѣ,—при всемъ бѣдственномъ положеніи и скудномъ образованіи,—не расстается съ мечтой сдѣлаться писателемъ, вступить на литературное поприще. Выучившись писать при патриархальныхъ условіяхъ и первобытнымъ способомъ на лопаткѣ быка чернилами, изготовленными изъ копти со дна котла, подъ руководствомъ любознательной сестры своей Кекелы, именуемой поэтомъ въ автобиографическомъ стихотвореніи Меланіей, одиннадцатилѣтній Иосифъ посится съ книжкой въ домъ своего барина, кн. Циціанова, въ періодъ кратковременно лакейской службы, оставившей глубокіе слѣды воспоминаній объ угнетенныхъ крестьянахъ. Пребываніе въ Тифлисской столярной мастерской Рубцова содѣйствовало ему въ изученіи русскаго языка настолько, что впоследствии могъ даже передать въ вольномъ переводѣ на грузинскій языкъ басню Крылова „Пѣтухъ и жемчужное зерно“ и русскую народную лирическую пѣсню о долѣ добраго молодца, умирающаго среди чистаго поля, въ присутствіи лишь своего вѣрнаго коня. Въ особенности его увлекаетъ, въ пору юности, чтеніе по грузинской исторіи, поэзіи, священному писанію, не мало вниманія удѣлять онъ путешествіямъ по св. мѣстамъ. Въ 1872 г. онъ зачитывается лѣтописью „Картлисъ-Цховреба“, чрезъ годъ онъ пріобрѣтаетъ исторію Грузіи, составленную царевичемъ Теймуразомъ, впоследствии онъ обращается къ поэтамъ Ш. Руставели и Д. Гурамишвили, народнымъ произведеніямъ и историческимъ работамъ Д. Бакрадзе. Изъ этихъ экскурсій въ область старины онъ выноситъ благоговѣйное чувство предъ героями, создавшими славу Грузіи, а въ особенности его покоряетъ образъ царицы Тамары, имени которой онъ посвящаетъ стихотвореніе „Царица Грузіи, мать Картлаліи Тамара“, написанное такимъ прощичившимъ даромъ въ складъ народныхъ пѣсенъ, что нерѣдко оно принималось за произведеніе устнаго творчества. Умственный его кругозоръ постоянно расширяется неустаннымъ чтеніемъ старинныхъ газетъ и журналовъ, поэтовъ и романистовъ древняго и новаго періода.

Въ одномъ автобиографическомъ стихотвореніи *Стари* ¹⁾ („Свирѣль“), посвященномъ ремесленникамъ и земледѣльцамъ, онъ подводитъ итогъ своей начитанности и увлеченіямъ. Открывая здѣсь свою неповѣдъ завѣтнымъ желаніемъ и настойчиво повторяемымъ наставленіемъ крестьянамъ „учиться“, „усваивать свѣтъ познанія“, онъ рекомендуетъ тѣхъ писателей и тѣ сочиненія, которыя особенно плѣнили его умъ, и признаны имъ необходимыми руководителями на пути „духовнаго просвѣщенія“. Прежде всего рисуется въ его воображеніи увлекательный обликъ поэта кн. Акакія (Церетели), называемаго имъ „учителемъ“ и „благодѣтелемъ“, восхваляетъ сладкіе стихи „великаго Ильи“ (Чавчавадзе), могучій языкъ сошедшаго въ могилу Гр. Орбелиани, отмѣчаетъ драмы, повѣсти, романы „народника“ Ант. Пурцеладзе, „любящаго крестьянъ, какъ дѣтей“, вспоминаетъ старца—Раф. Эрнстова, чудныя его стихотворенія,

¹⁾ Разборъ его стихотворенія см. у г. Хомелли въ журн. *Кавказъ* 1893 г. № 43 и слѣд.

также стих. „Надежда“ „даровитаго“ В. Орбелиани, обращаетъ вниманіе на сочиненія глубокаго знатока языка Д. Кипіани, по исторіи—„археолога“ Д. Бакрадзе, перелистываетъ критическія статьи П. Николадзе въ журналѣ „Кребули“ и страницы газеты П. Умикашвили „Пахарь“, цѣнитъ труды З. Чичинадзе по изданію книгъ, а по устройству общественныхъ депо заботы Цхветадзе.

Начитавшись въ исторіи и литературѣ грузинской, онъ берется за перо и уже съ 1875 г. пробуетъ писать, подражая больше лирическому поэту А. Церетели и пароднику Раф. Эрнстову. Первое стихотвореніе, появившееся въ печати (газ. *Дрозды* 1877 г.), носитъ заглавіе „Пѣснь токаря“; въ ней онъ, называя себя ремесленникомъ, сѣтуетъ на свою малограмотность. Слѣдующее стихотвореніе (1878 г.) представляетъ удачное „Подражаніе Давиду Гурамашвили“, въ его духѣ предлагающее всѣмъ любить собрата и воздавать добромъ за зло. Въ этомъ же году появляется стихотвореніе „Любовь къ родиѣ“, выражающее надежду, что за настоящимъ мракомъ, окружающимъ отчизну, „наступитъ свѣтлый день“.

Иосифъ Давиташвили явился горячимъ поборникомъ народнаго просвѣщенія и организаци ремесленныхъ союзовъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ не разъ возвращается къ этому наболѣвшему вопросу. Онъ составляетъ въ 1876 г. кружки самообразованія и читаетъ въ праздничные дни собравшимся подмастерьямъ сочиненія Ильи Чавчавадзе „Разсказъ нищаго“ и „Отрывки изъ жизни разбойника“ и Д. Чонкадзе „Сурамская крѣпость“, рисующія бытъ крѣпостныхъ крестьянъ до паденія рабства. Къ этому времени онъ начинаетъ въ особенности зачитываться произведеніями Давида Гурамашвили, подъ влияніемъ которыхъ онъ пишетъ рядъ подражаній. Къ воздѣйствію этого поэта присоединяется увлеченіе чарами лиры Акакія, къ которому онъ, судя по его дневнику, представляетъ въ 1881 г. на судъ свое стихотвореніе и съ тѣхъ поръ завязываются дружескія отношенія между стоящимъ на вершинѣ славы поэтомъ и никому невѣдомымъ токаремъ, жаждущимъ пробиться на литературное поприще. Двери редакцій оказываются для него пока наглухо запертыми, и онъ рѣшается приступить въ 1880 г. къ изданію сборника своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Стари* („Свирѣль“), объявивъ подписку въ надеждѣ получить средства на его отпечатаніе. Книжка предназначалась для бесплатнаго распространенія въ народѣ и собрала столько подписчиковъ, что было обезпечено изданіе перваго выпуска; взаимно предполагаемой второй части онъ былъ вынужденъ въ 1881 г. выпустить рукописную газету *Квирила* („Крикунгъ“) съ собственными стихотвореніями, вошедшими впоследствии въ сборникъ его произведеній. На четвертомъ номерѣ газета „Квирила“ прикончила свое существованіе.

При такихъ условіяхъ отношенія публики и отсутствія матеріальныхъ средствъ поэтъ все же не падалъ духомъ и продолжалъ писать лирическія пьесы, часто безъ надежды довести путемъ печати до читателей.

Стихотворения „Отвѣтъ крестьянина“ и „Чиликоба“ (дѣтская игра) появились въ „Дрозба“ въ 1885 г. лишь по внушению Я. Г-ли, повліявшаго на редактора газеты. Вновь зародившаяся въ 1885 г. газета *Цискари*, гдѣ онъ считывалъ на большой просторъ, также не оправдала его упований. Онъ тогда пускается собирать народныя пѣсни и загадки, согласно призыву Ак. Церетели, обещавшаго ему вознагражденіе за труды и странствія изъ деревни въ деревню по всѣмъ концамъ Грузіи. Но эта попытка литературнымъ занятіемъ обезпечить себѣ кусокъ хлѣба не оправдала его ожиданій. Онъ ѣдетъ на токарныя работы въ столицу Кахетіи, Телавъ, гдѣ въ 1886 г. онъ предполагаетъ заняться изданіемъ прежнихъ своихъ стихотвореній, не помышляя о новыхъ произведеніяхъ. Имъ упорно пренебрегають; ему даже не отвѣчаютъ изъ редакцій, получили его рукописи или задержались по дорогѣ. Ни газ. „Театръ“, ни „Цискари“, куда друзья ему совѣтуютъ обращаться, утѣшительнаго ничего не сообщаютъ. Разбитый нравственно и физически, безъ должной поддержки, со стороны литературныхъ корифеевъ, въ крайней бѣдности доживаетъ этотъ несчастный поэтъ — самородокъ свои дни. Лишь по смерти онъ былъ оцѣненъ. На похоронахъ по усопшемъ въ Телавѣ присутствуетъ небольшая группа мѣстной интеллигенціи въ качествѣ зрительницы и слушательницы надгробной рѣчи, произнесенной товарищемъ его по ремеслу Варденомъ Гоциридзе. Въ Тифлисѣ же его памяти были посвящены на панихидѣ, — въ присутствіи большого стеченія публики, среди которой были ген. Мамацевъ, историкъ Бакрадзе, — слова поэтами Ак. Церетели и И. Чавчавадзе; о немъ вспомнили въ Гори и Тионетахъ, печатали некрологи и дѣлали оцѣнку его произведеній, къ его памяти обращались стихи (Г. Закели) и письмо за подписью болѣе 100 рабочихъ и ремесленниковъ, выразившихъ скорбь по утратѣ друга, пекущагося о благѣ народа и отчизны, прислали выраженіе горестныхъ чувствъ одесскіе студенты, газ. „Театръ“ помѣстила его портретъ...

Во всѣхъ рѣчахъ П. Ростомашвили, Ак. Церетели и статьяхъ (Г. Кишидзе) и Чавчавадзе, посвященныхъ его памяти, отмѣчалась одна общая черта литературной и общественной дѣятельности Г. Давиташвили. Заслуга его, какъ писателя, заключалась въ томъ, что онъ внесъ народный складъ и приемы устнаго творчества въ художественную поэзію. Бѣднякъ — крестьянинъ, едва зарабатывающій на пропитаніе, онъ рабочему самъ служить толкователемъ его сердечныхъ думъ, т. е. становится пѣвцомъ горя и нужды своего собрата. „Богъ далъ ему языкъ, чтобы постоять за правду, работать за друга, не страшась и смерти. Земля ему служить бумагой, плугъ — мѣткимъ перомъ, а чернилами политая потомъ безконечная скорбь“ (*Отвѣтъ крестьянина*). Изъ сердца народа онъ черпаетъ темы для своего творчества, горячо призываетъ учиться и любить родину.

Не задумываясь надъ своей обездоленной участью, онъ живетъ мечтами о посильномъ участіи въ организаціи общественныхъ силъ, въ интересахъ народнаго блага. Ни зависть, ни корысть не заслоняютъ предъ

нимъ свѣтлой перспективы служенія народу. Онъ призываетъ на свою голову гнѣвъ неба и великаго Бога, если онъ возьмѣтъ страсть къ присвоенію чужого добра. Воздаяніе зломъ за зло ему непонятно: великодушіе и долготерпѣніе привилось къ нему чтеніемъ священнаго писанія. Идеаломъ его служить челоуколюбивый Спаситель, распятый неразумьными, что творять (стих. *Дрозба намъ совѣтуетъ*). Христіанское чувство любви смиренія и преклоненія предъ ударами судьбы, вносить въ его поэзію мягкой колоритъ, сглаживающій диссонансы жизни. Безъ активной борьбы, безъ возмущеннаго протеста онъ созерцаетъ накопившееся зло, противопоставляя ему пассивную гуманность и свѣтлую надежду мирнымъ путемъ книжнаго образованія разсѣять стусившійся мракъ. „Еще разъ васъ я умоляю просвѣтить рабочихъ книгой“, взываетъ онъ.

Онъ мечтаетъ „кривое дерево рубанкомъ выпрямить“, т. е. перестроить общество постепеннымъ удаленіемъ шероховатостей и неровностей, не прибѣгая къ кровавой хирургической операціи большаго мѣста.

Умирающая мать, завѣщая сыну шанку и кинжалъ, проситъ терпѣть невзгоды, служить міру и любить все доброе“ (*Мать и сынъ*).

Изъ этой тактической программы его общественной литературной дѣятельности вытекають основные взгляды и темы, воплощенные въ его поэзіи. Окружающую пошлость онъ бичуетъ въ шутливой сатирѣ безъ злобы и негодованія. Воспитанный въ духѣ старинны, онъ осмѣиваетъ страсть купца¹⁾ къ обогащенію суевѣрія народа, вѣру въ проризателей, стремленія грузинки къ новымъ модамъ, къ неумѣстному щегольству — иностранными словечками, въ родѣ *неужели* — привязанность къ минувшимъ временамъ проявилась въ стихотвореніи *Археологъ*. Любовь къ родинѣ грузина когда-то героя, пылъ дремлющаго, побуждаетъ его дать, совѣтъ не упускать изъ рукъ земли, учиться неустанно, жить во Христвѣ. Ученые по его словамъ, „фонарь и сила въ этой жизни“ (стих. *Наставленіе*). Будничная жизнь простолюдина простѣжена имъ въ *Четырехъ временахъ года* (Весна, Лѣто, Осень, Зима). Она опутана сѣтями невѣжества и гнета, но вѣритъ онъ, что тьма пройдетъ и солнце вновь засіяетъ надъ родиной, молодое подрастающее поколѣніе составитъ опору родины. Къ нему-то онъ обращаетъ теплое стихотвореніе *Нива*, первая строфа котораго стала эпитафией для дѣтскаго журнала *Джеджисили*. Дидактической тогъ его лиры объясняется тѣмъ представленіемъ, которое имъ связывалось съ задачами литературы. Писатель тотъ же проповѣдникъ, поэзія — поученіе (эта идея проникаетъ его *Пять заповѣдей*, усвоенныхъ изъ кн. Мудрости и Лжи С. С. Орбелиани). Но ему не чужда попытка художественнаго творчества безъ наставительной тенденціи, таковы картины *Весны*, *Пѣсня*, обращенная къ воспѣванію красотъ Тини, переводъ изъ Бориса стихотвореніе *Цветокъ смиренный полевой*. Въ послѣднемъ онъ сравниваетъ роскошный расцвѣтъ и быстрое увяданіе *фіалки* съ житейской судьбой челоука!

¹⁾ *Пѣнь купца*, подражаніе манерѣ Чаладидели.

Г. Хомели называл его „апостоломъ братства и общественности“, и эта кличка вполне характеризуетъ его практическую дѣятельность, но не литературныя заслуги, которыя, за ограниченностью его поэтического дарованія и скудостью образованія, исчерпываются нѣсколькими удачными стихотвореніями дидактическаго характера въ назиданіе своей братіи. Недостатокъ художественныхъ образовъ и строго опредѣленной мысли, воплощенной въ его пьесахъ, проходить чрезъ все его творчество. Онъ сумѣлъ ярко и выразительно раскрыть будничныя думы и воззрѣнія народу, къ которому онъ принадлежалъ по всемъ своимъ симпатіямъ и неразрывнымъ традиціямъ.

Можно даже сказать, что онъ случайно выдѣлился изъ плеяды подобныхъ поэтовъ — самоучекъ; онъ вскорѣ такъ исчерпалъ небольшой запасъ наблюдений, и энергіи что самъ жаловался, чрезъ 9 лѣтъ послѣ первой пробы пера, на старость и не смогъ проблески дарованія разжечь въ пламя безсмертнаго таланта. И въ словахъ И. Чавчавадзе, сказанныхъ по поводу его смерти, что „закатилась звѣзда“ поэзи, нужно видѣть лишь эффектную фразу.

Ант. Н. Пурцеладзе.

Антонъ Николаевичъ Пурцеладзе, одинъ изъ плодовитѣйшихъ грузинскихъ писателей, происходитъ изъ бѣдной дворянской семьи. Не мало хлопотъ ей стоило опредѣлить его въ кадетскій корпусъ, въ Россію, но не прошло и года, какъ во время гимнастическихъ упражненій онъ повредилъ себѣ ногу и остался хромымъ навсегда. Поэтому онъ изъ приготовительнаго же класса въ 1853 г. былъ отправленъ на родину. Пять лѣтъ (1853—1858 гг.) провелъ онъ въ глухой деревнѣ, у родныхъ, славившихся во всей Карталинѣ любовью къ грузинской литературѣ. Увлеченіе его руководителей историческими и поэтическими произведеніями сообщило и маленькому Антону, который, самостоятельно изучивъ азбуку, сталъ зачитываться книгами. Одинъ изъ родственниковъ обратилъ вниманіе на его страсть къ чтенію и усердно сталъ ему доставлять книги на русскомъ языкѣ. Матеріальная необеспеченность заставляла его однако въ 1858 г. въ возрастѣ 16—17 лѣтъ покинуть деревню и ѣхать въ Тифлисъ искать себѣ службы. Онъ устроился въ богадѣльнѣ съ жалованьемъ 8 руб. въ мѣсяцъ, и свободное время по прежнему посвящалъ самообразованію. Встрѣча съ бывшимъ товарищемъ по корпусу, артиллерійскимъ офицеромъ, обѣщавшимъ ему матеріальную поддержку, побудила его готовиться къ поступленію въ С.-Петербургскій университетъ. Но закрытіе университета разрушило его мечты. Онъ остался въ Тифлисѣ и приступилъ къ литературной дѣятельности. Въ 1862 г. дебютировалъ въ журн. „Цискари“ разборомъ пов. *Сурамская крепость* Д. Чонкадзе, а черезъ годъ онъ ужъ завѣдывалъ редакціей „Цискари“. Въ 1867 г. разстался съ изданіемъ Кереселидзе и перешелъ

въ газ. „Дрозба“ (1867—1869 гг.) и журн. „Мнатоби“ (съ 1864 г.); въ послѣднемъ появились его траг. *Дяди-Моуравіани* и полемическія статьи противъ Н. Николадзе, сотрудника *Кребули*. Впослѣдствіи принималъ онъ участіе въ *Иверіи Тифл.* *Вѣстникъ* (гдѣ помѣстилъ на русскомъ языкѣ свою повѣсть *Судьба троизъ*) и „*Имеди*“. По большая часть его произведеній была напечатана отдѣльными изданіями, миновавъ газетныя столбцы и журнальныя страницы. Въ концѣ 60-хъ гг. по его инициативѣ зародился кружокъ самообразованія, который впослѣдствіи послужилъ ядромъ дѣятелей общества распространенія грамотности среди грузинъ и грузинскаго театра. Онъ агитировалъ въ пользу открытія сельскихъ школъ и банковъ, введенія земскихъ учреждений и преподаванія грузинскаго языка во всехъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ кружокъ принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ сельскаго хозяйства, при которомъ издавалось газета „Гутинь—дѣда“, подъ ближайшимъ наблюденіемъ А. Пурцеладзе. Всемъ своимъ сердцемъ онъ стоялъ всегда на стражѣ интересовъ народа. Обязанъ онъ всецѣло своимъ развитіемъ личной энергіи, вліянію русской журналистики 60-хъ гг. и воздѣйствію европейскихъ писателей. А. П. занимаетъ своеобразное мѣсто въ грузинской словесности, вызывая неумолкаемые нападки со стороны критики почти всехъ лагерей. Только дѣятельность его въ банкѣ въ качествѣ оцѣнщика и директора сблизала съ кругомъ И. Чавчавадзе.

За 45 лѣтъ успѣлъ онъ написать нѣсколько поэмъ, повѣстей, стихотвореній, критическихъ и публицистическихъ статей. Историческое прошлое и современная жизнь нашли своеобразное освѣщеніе въ его многочисленныхъ произведеніяхъ, пользовавшихся популярностью среди извѣстной части общества. Въ немъ цѣнили чуткость къ новымъ вѣяніямъ, защиту угнетенныхъ, любовь къ простонародію. Онъ одинъ изъ первыхъ попытался дать психологическія повѣсти. Нѣкоторыя изъ нихъ появились еще въ началѣ второй половины XIX в. (*Мароа*, *Горе правымъ!* и др.). Одинъ общій недостатокъ его произведеній поражалъ всегда читателя: именно недостатокъ обработки внѣшней формы и слабая внутренняя разработка сюжета. Прозаическія его произведенія мѣнѣе страдаютъ поспѣшностью и неподѣланностью, чѣмъ его поэмы и стихотворенія, хотя и первыя не чужды стилистическихъ шерховатостей и обилия русицизмовъ. Онъ работаетъ торопливо, слегка набрасывая схему сюжета, не углубляя его анализа, не дорисовывая типовъ кистью художника. Темы разказовъ обличаютъ въ немъ чловѣка огромной наблюдательности и прекраснаго знатока народнаго быта. Изображеніе обездоленныхъ крестьянъ, гонимыхъ богатыми сосѣдями и изнывающихъ въ сѣтяхъ судебна-административныхъ властей, дано имъ еще въ 1871 г. въ небольшомъ разказѣ *Китеса*, написанномъ не безъ вліянія *Антон-Горемыки* Григоровича. Сюжетъ разказа заимствованъ изъ жизни казенныхъ крестьянъ. Въ деревнѣ Бриквиани живутъ на государственной землѣ 20 дымовъ крестьянъ, а безземельныхъ тамъ же насчитывается 12. Сельскій старшина, принадлежащій къ первой группѣ, поровну распре-

дѣлить государственныя подати, вопреки господствующему порядку—на имущихъ возлагать большую часть налогового бремени. Озадаченные такой несправедливой раскладкой безземельные крестьяне вступили въ горячее объясненіе съ старшиной, закончившееся всеобщей дракой и рѣшеніемъ бѣдниковъ искать себѣ управы въ Тифлисѣ. Во главѣ красно-рѣчиваго Бери и слабохарактернаго Китеса, склоннаго заливать горе аракомъ и спиртомъ, депутация отправляется въ трехдневный путь, имѣя на челоука по пяти кукурузныхъ хлѣба на пропитаніе. Въ городѣ не скоро находятъ нужныхъ властей,—по незнанію русскаго языка, по невѣжеству и непрактичности, они переходятъ изъ казенной палаты къ мировому судѣ и отъ послѣдняго къ уѣздному начальнику, который въ результатѣ шестидневной волокиты, обѣщавъ вызвать къ себѣ старшину и разузнать, въ чемъ дѣло. Крестьяне въ увѣренности, что дѣло свое устроили успѣшно, возвращаются въ полномъ восторгѣ. Но вскорѣ старшина увѣдомилъ, что уѣздный начальникъ велѣлъ сохранить состоявшуюся раскладку податей. Крестьяне пали духомъ. Ихъ теперь будутъ гнать не только односельчане, но придется отвѣчать и за тѣ долги, которые они на-дѣлали въ городѣ изъ за-этого несчастнаго процесса. Ввиду неожиданной проволоочки въ Тифлисѣ, они должны были позаимствоваться у еврея Мосе 10 р., въ полученіи каковой суммы сообщивъ выдать вексель на 15 р. съ обязательствомъ уплатить еще три коки (10 ведеръ) вина въ счетъ процен-товъ и уступить изъ займа 1 руб. на изготовленіе росписки. Сверхъ того, не сумѣвъ устно и сжато изложить свою просьбу, вынуждены были обратиться за помощью къ судебному борзописцу, и послѣднему пришлось выдать вексель на 5 руб. съ соответствующими процентами. Эти на первый взглядъ небольшіе долги были непосильнымъ бременемъ для Китеса, семья котораго при всей энергіи жены его, жила впроголодь, и рѣдкія овсяныя лепешки его дѣтишкамъ представлялись лакомымъ блюдомъ. Къ несчастью, его надежда на 15 руб. жалованья 14-лѣтней дочери, бывшей въ услуженіи у господъ, разбилась въ прахъ, такъ какъ Маро бѣжала отъ барина, изнасиловавшаго беззащитную дѣвочку.—Знаніе быта, языка народнаго, крѣпкотворства и мироустройства сельскихъ кулаковъ авторъ обнаружилъ полное. Духовницъ—армянинъ и ростовщикъ—еврей обрисованы типично, съ соблюденіемъ отбѣнокъ ихъ грузинскаго жаргона.

Пренебреженіе къ формѣ, отсутствіе психологическаго анализа, блѣдныя контуры образовъ, безъ попытокъ возвести героевъ рассказа въ дорисованные типы, все это въ особенннсти выступаетъ въ его повѣстяхъ. Одна общія романтическая черта ихъ еще объединяетъ. Герои здѣсь дробятся на двѣ группы—одни добрые ангелы, другіе—злые демоны. Въ столкновеніи этихъ антиподовъ, оканчивающемся гибелью ангеловъ и торжествомъ демоновъ, заключается весь сюжетъ цѣлаго рода его произведеній: *Горе правымъ*, *Судьба троихъ*, *Мациховіа* и пр. Авторъ повторяется не только въ схемѣ построения своихъ повѣстей, но въ его деталяхъ, аксессуарахъ (напр. участіе сводницы, покушеніе

на честь героинь). Героини у него умираютъ отъ чахотки (Лиза изъ пов. *Горе правымъ*, мать Тотого въ траг. *Авазакни*), а герои погибаютъ насильственной смертью. И тѣ, и другіе любятъ мечтать при лунномъ свѣтѣ, предчувствуютъ радость или бѣду еще въ сновидѣніяхъ, проливаютъ часто потоки слезъ (во всѣхъ повѣстяхъ, поэмахъ, даже въ траг. *Авазакни* герой Дарчо видитъ сонъ, предрекающій ему несчастіе).

Добродѣтельныя героини всегда находятъ безкорыстное сочувствіе въ преданныхъ имъ друзьяхъ, жертвующихъ имъ своимъ досугомъ и средствами; на честь ихъ покушаются злые люди, раставляютъ сѣти сводницы, въ одинаковыхъ выраженіяхъ расхваливающихъ красоту обездоленныхъ героинь. Наконецъ, связующимъ нѣкоторыя разрозненныя его повѣсти въ одну житейскую эпопею звеномъ служитъ рассказчикъ ихъ—Бесарионъ Варгисашвили, имя котораго авторъ выставляетъ не только въ началѣ повѣствованія, но напоминаетъ въ заключительныхъ страницахъ не забывая, что онъ передаетъ „слова Бесариона Варгисашвили“.

Не имѣя возможности возстановить хронологическій порядокъ появленія произведеній Антона Пурцеладзе, мы руководствуемся въ ихъ распредѣленіи намеками на эпоху, къ которой относится зароженіе того или другаго его рассказа, или помѣченными самимъ авторомъ датами. Такъ, повѣсть *Мароа* издана въ 1893 г. но написана, въ 1865 г. въ Тифлисскомъ госпиталѣ, *Судьба троихъ* относится къ 1866 г., 1-ое изд. 1889 г.; къ эпохѣ же паденія крѣпостнаго права (въ Грузіи въ 1864 г.) должна быть отнесена повѣсть *Горе правымъ*. Рассказъ *Китеса* написанъ въ 1871 г., появился въ печати въ 1890 г. Объ этомъ произведеніи Пв. Гомартели говоритъ: „авторъ хотѣлъ удовлетворить и философовъ, и эстетовъ, но у него философія слаба, и описанія природы неудовлетворительны (*Квалі* 1898 г., № 43). Эти произведенія изъ современной жизни, занимающія первый періодъ его литературной дѣятельности, написаны языкомъ, характеризующимъ тогдашнее состояніе грузинскаго стиля и въ частности слогъ изучаемаго автора. Стилъ его представляетъ смѣсь грузинскихъ словъ съ русскими: урокъ, судъ, уѣздъ, кровать, дуракъ, розги, управленіе, рысакъ, обиды, разбойники, участокъ, начальникъ, лѣкарь, помощникъ, приставъ, чиновникъ, часть, юбки, широгъ, больница, сверхштатный, подобныя слова и оставлены безъ перевода; руссизмы портятъ впечатлѣніе: („русулпиац гамодіан цигнеби“—„выходятъ книги и на русскомъ“, „чаахедеб халскарге магалитеби“—„дашь народу видѣтъ хорошіе примѣры“, „гамохвидет им азребидан“—„исходите изъ тѣхъ мнѣній“, „сазогадо азрши есени ариан упро дамшавени“—„въ общественномъ мнѣніи они болѣе виноваты“, „чажда кагалдши“—„сѣлъ въ карты“, „шесахедават мокванили“—„сложенная на видѣ“); неправильныя груз. склоняемыя и спрягаемыя формы рѣжутъ ухо: рцмунебаеби, мотхробаеби, сахлобаеби, датхва, далива сули и пр.

*) Въ трагедіи *Авазакни* оставлены безъ перевода еще слова: при-дирка, дѣлопроизводитель, учитель, смотритель, обвинительный актъ, военный офицеръ, гражданскій бракъ.

Вряд ли авторъ перечитывалъ рукопись своихъ произведеній и пытался сглаживать шероховатости. Онъ рубилъ съ плеча: какъ возникали у него мысли, такъ набрасывалъ ихъ, не вынашивая мелькнувшихъ образовъ, не стѣняясь предъ повтореніями, ненужными вставками (сцена въ духахъ въ повѣсти *Судьба троихъ*), отсутствіемъ послѣдательности изъясни. Повѣсти скорѣе характеризуютъ самого автора, его интересы и мечты, чѣмъ окружающую среду. Добродѣтельные герои имъ идеализированы, злодѣи обрисованы въ преувеличенныхъ черныхъ краскахъ. Чтеніе „только что появившейся“ исторіи Штосера, увлеченіе французской революціей, жажда изученія французскаго и нѣмецкаго языковъ, составляющія предметъ заботъ героевъ, въ значительной мѣрѣ служатъ отраженіемъ вкусовъ и наклонностей автора, вплоть до отвращенія къ публичному дому, съ которымъ онъ впервые знакомится и знакомитъ читателей въ повѣсти, написанной въ 1866 г. Къ нему можно примѣнить слова Ибсена: „творезъ злчишь надъ собою нелицемерный судъ держать“.

Предпославъ эти общія замѣчанія, касаемся содержанія отдѣльныхъ его произведеній. Начнемъ съ ранней его повѣсти *Судьба троихъ*. Здѣсь имѣется въ виду трагическія тревоженія, испытанныя исключеннымъ со службы Давидомъ Деспанидзе, злосчастнымъ Симономъ Бададзе и героиней Маріей Стругавской. Герои знакомятся другъ съ другомъ въ Тифлисѣ, на бульварѣ. Давидъ голодаетъ въ ожиданіи зачисленія на службу, Симонъ обставленъ лучше: занимаетъ двѣ комнаты и нанимаетъ слугу, имеретина Гогиа; обоихъ связываетъ страсть къ книгамъ и „интересъ къ умствованію“. Главное дѣйствующее лицо—Симонъ. Его дѣтство въ богатой помѣщичьей средѣ, обученіе сначала дома подъ руководствомъ уѣзднаго преподавателя, „прибѣгающаго къ розгамъ для усмиренія строптиваго и избалованнаго“ мальчика, пребываніе его въ благородномъ пансіонѣ и русскомъ лицейѣ, откуда онъ вылетаетъ наканунѣ окончанія курса изъ-за дерзкихъ отвѣтовъ профессору,—сообщаются съ подробностями, повторяющимися въ эти три фазиса развитія Симона, единственнаго сына майора, уѣзднаго самоуправнаго начальника Гиви Бададзе и безотвѣтной матери Евфиміи. Неизвѣстно, какъ и подъ чьимъ влияніемъ, Симонъ въ лицейѣ начинаетъ увлекаться „чтеніемъ серьезныхъ книгъ“ и вернувшись на родину безъ диплома, сталъ изучать „усердно математику, естественныя науки“, и иностранныя языки въ намѣреніи съѣздить за границу. Въ деревнѣ онъ прожилъ четыре года, вновь сталъ присматриваться къ сельской жизни, но безъ всякой пользы для крестьянъ, совершенно такъ же бессмысленно, какъ онъ въ дѣтствѣ убѣгалъ въ бѣдную мужицкую хату, укрываясь отъ преслѣдованій отца за учиненныя проказы. Въ городѣ онъ продолжаетъ безцѣльно посѣщать площади и рынки, становится гостемъ трактировъ и публичныхъ домовъ. Въ одно изъ такихъ совмѣстныхъ путешествій Давидъ и Симонъ знакомятся съ „падшимъ ангеломъ“—Машей, которую продалъ за 1000 р. безпутный отецъ, сведшій въ могилу добродѣтельную жену и нашедшій утѣшеніе въ злой особѣ, склонившей его за личные ея долги продать 17-ти лѣтнюю Машу

безобразной, толстомордой содержательницѣ публичнаго дома. Маша троюду героевъ романа страдальческимъ видомъ и красотой. Она рассказала Давиду свою печальную исторію, которая стала извѣстна и Симону. Послѣдній выкупилъ ее за оставшійся долгъ 600 р. въ намѣреніи сочетаться бракомъ, вопреки запрещенію отца. Свадьба не состоялась, такъ какъ отецъ принялъ мѣры, чтобы никто ихъ не вѣнчалъ.

Маша оправдала довѣріе своего благодѣтеля. Она оказалась умной и способной подругой жизни. Стала она изучать вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ естественныя науки и языки, занималась хозяйствомъ и рукодѣльемъ, доставлявшимъ ей заработокъ въ тѣ трудныя дни, когда Симонъ лишенъ былъ отцомъ денежныхъ средствъ, за постыдную связь съ публичной женщиной. На службу его не принимали по просьбѣ отца, а уроковъ не могъ достать. На помощь явилась какая-то полька, добрый геній, которая приносила Машѣ не только заказы по рукодѣлью, но дѣлилась своими рублями, и наконецъ свела Симона къ пріѣзжимъ знатымъ лицамъ, доставившимъ ему мѣсто сначала домашняго учителя, а потомъ и чиновника особыхъ порученій при себѣ. Это знакомство улучшило положеніе Симона и Маши въ обществѣ. Знатное лицо съ женою стали бывать у Маши, очаровываясь умомъ и красотой послѣдней. Посѣщеніе ихъ подняло въ глазахъ общества приниженное положеніе Симона и Маши. Но вскорѣ враги этого благороднаго дѣятеля Владиміра Владиславовича успѣли его вытѣснить со службы. Пошатнулась судьба и Симона. Ночью злоумышленники напали на его квартиру, связали его съ Машей и взяли съ собою, оставивъ на квартирѣ маленькаго ихъ сына Пилко еле живымъ. Вскорѣ нашли Симона мертвымъ на берегу рѣки, несговорчивую и недогадливую озлобившимся ухаживателямъ измученную Машу доставили въ больницу, гдѣ она умерла отъ чахотки, подобно своей матери.

Пилко также умеръ, но на рукахъ добройшей польки. Наканунѣ смерти Маши случайно нашелъ ее въ больницѣ Давидъ, отчаянное бѣдственное положеніе котораго закончилось самоубійствомъ. Такъ трагически кончилась жизнь *Троихъ*. Занятіе героевъ и героинь рукодѣльемъ и естественными науками, волнообразное вращеніе колеса судьбы, необычайная простота сцѣпленія неожиданныхъ событій—плоды увлеченія авторомъ романомъ Чернышевскаго *Что дѣлать* и статьями Писарева.

Повѣсть *Мароа* иллюстрируетъ положеніе крестьянъ въ эпоху крѣпостнаго права. Хотя по названію повѣсти слѣдовало бы ожидать, что Мароа является тѣмъ центральнымъ лицомъ, которое на правляетъ весь ходъ разсказа, однако изложеніемъ авторъ неоправдываетъ нашего ожиданія и отводитъ Мароѣ весьма скромную роль. Съ героиней впервые знакомимся на 96 стр. повѣсти, заключающей въ себѣ 179 стр. Ограничившись обрисовкой ея дѣтства въ горахъ Осетіи, новеллистъ продолжаетъ прерванную нить повѣствованія, главнымъ двигателемъ котораго является князь Ростомъ Табланидзе,—то жена его Шушана, наконецъ, слуга Сосе, женихъ Мароа, но никакъ не послѣдняя, слабо

очерченная, мимоходом затронутая, характеризующая лишь одну сторону помѣщичьяго самоуправства — запрещеніе выходить замужъ за любимого человѣка.

Повѣсть, написанная (въ 1865 г.) черезъ годъ послѣ освобожденія грузинскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, изобилуютъ живыми фактами насилія и гнета рабскаго ига. Быть можетъ, сюжетъ ея представляеть безъ остатка подлинное воспроизведеніе событій изъ жизни опредѣленной княжеской фамилии. Педавнее историческое преданіе называетъ семью, гдѣ разыгрался печальный финалъ убійства крѣпостными своего барина—феодала съ женою и ребенкомъ, почитающимъ еще въ колыбели. Антону Пурцеладзе удалось въ одномъ изъ раннихъ произведеній повѣйшей грузинской беллетристики затронуть вопросъ о положеніи крестьянъ наканунѣ его раскрѣпощенія въ связи съ началомъ разоренія грузинскаго дворянства, ищущаго выгодной женитьбой на армянкѣ способа къ улучшенію своего пошатнушагося состоянія. Эта тема обильно разрабатывалась въ грузинскихъ комедіяхъ и драмахъ, но въ повѣсти выдвигается впервые Лавр. Ардазіани и впоследствии авторомъ пов. *Марѳа*. Герой повѣсти Ростомъ Табладзе былъ шестой сынъ Гогіа, приближеннаго вельможи царя Ираклія и ревностнаго сторонника царевича Юлона въ борьбѣ изъ-за обладанія грузинскимъ престоломъ съ наслѣдникомъ трона Давидомъ Георгіевичемъ. Ростомъ былъ нелюбимый сынъ въ семьѣ. Онъ росъ одиноко, предоставленный своимъ необузданнымъ дѣтскимъ прихотямъ и молчаливо дѣланнымъ мечтаніямъ. На воспитаніе онъ былъ отданъ въ городъ одной бѣдной армянкѣ, которая замучила его настолько, что онъ рискнулъ бѣжать въ деревню. Но отецъ его высѣкъ и вновь доставилъ армянкѣ. Мальчикъ затаилъ злобу противъ своихъ родныхъ. Судьба пришла ему на помощь. Двое изъ братьевъ его погибли на войнѣ съ персами, третій, также офицеръ, усердно изучившій французскій и нѣмецкій языкъ, неожиданно измѣнически въ лѣсу былъ убитъ, по подозрѣнію личнымъ врагомъ Гогіа, кн. Ефиміемъ Мтиставели, отъ руки котораго палъ вскорѣ и самъ Гогіа. У 23-хъ лѣтнаго Ростомъ остался одинъ братъ Свимонъ, подстрѣленный вскорѣ изъза-засады. Ростомъ, такимъ образомъ, остался единственнымъ наслѣдникомъ, — опять торжествовалъ. Молодой князь поступилъ на службу въ полицію, получилъ должность „слѣдственнаго пристава“ и подъ покровительствомъ ближайшаго начальника обогащался безнаказанно на счетъ обывателей.

При содѣйствіи не разъ судимаго за извращенный вкусъ къ мальчикамъ Погоса Карапетыча онъ женится на богатой армянкѣ Шушанѣ Хечатуровой, которую сначала видитъ во снѣ, а потомъ въ Петханнской церкви. Шушана въ свою очередь давно мечтаетъ о томъ же красивомъ грузинскомъ князѣ Ростомѣ, за которымъ она слѣдитъ изъ окна своего дома. Взявъ за женою 6000 р. и по службѣ присвоивъ 20.000 р., Ростомъ вернулся къ себѣ въ имѣніе. Здѣсь онъ встрѣтилъ племянника своего Давида отъ младшаго брата. Всѣ усилія его погубить при содѣйствіи своей не-

преклонной матери не привели къ желанной цѣли. Давидъ подростъ и уѣхалъ въ Россію съ намѣреніемъ поучиться въ университетѣ, но вскорѣ вынужденъ былъ вернуться въ Грузію. Еще больше огорченія встрѣтилъ Ростомъ со стороны своихъ двоюродныхъ братьевъ, сосѣдей по имѣнію, вѣковъ Ютама, придворнаго вельможи при Иракліи II, и дѣтей старца, задохнагося отъ дыма въ своемъ домѣ. Ростомъ, самоуправно округляя свое имѣніе на счетъ сосѣдей, сталъ посягать на лѣсъ своихъ двоюродныхъ братьевъ. Но вернулся Георгій изъ полиціи, четвертый братъ этихъ обиженныхъ Ростомомъ князей, и началась борьба между ними, борьба изъ-за имѣній, сопровождавшаяся вооруженнымъ столкновеніемъ, подъ охраной крѣпостныхъ крестьянъ. Личное единоборство также не осталось безъ примѣненія, и Ростомъ чуть не былъ задушенъ Георгіемъ.

Насколько Ростомъ и жена его оказались суровыми деспотами, притѣсненными крестьянъ (княгиня безпощадно преслѣдовала любовныя интрижки своей дворни), настолько много безграбичнаго благородства проявляетъ князь Георгій, этотъ рыцарь безъ страха и упрека. Онъ принимаетъ подъ свое покровительство крѣпостнаго слугу Ростомъ, Сосе, влюбленнаго въ черноокую Марѳу, горничную княгини Шушаны. Марѳа была осетника по происхожденію. Дѣтство провела въ горахъ въ непрерывныхъ работахъ. Ее вымѣнилъ помѣщикъ—князь за борзую собаку, которая пристала къ Хечо, отцу Шушаны. Хечо подарилъ эту 14-хъ лѣтнюю спотку своей дочери, послѣдняя взяла свою рабыню въ деревню по выходѣ замужъ. Сосе же былъ слугою Ростомъ еще до его женитьбы и знаетъ все проказы своего плутоватаго барина. Сосе и Марѳа полюбили другъ друга сначала братской любовью, постепенно замѣнили певниныя рукопожатія горячими поцѣлуйми, закончившимися безумнымъ объятіемъ. Они часто мечтали въ уединеніи о возможномъ счастьи и томилась чувствомъ ревности въ горькія минуты непродолжительной разлуки. Слѣды ихъ романтическихъ встрѣчъ обнаружились, виновникъ Сосе былъ высѣченъ розгами, а Марѳу собственноручно избилъ княгиня. Опозоренный Сосе покушался было на самоубійство, но предпочелъ отправиться въ Лагодехскую полицію, замѣстивъ другого рекрута, чтобы заработать средства на выкупъ „дамы своего сердца“. Разстались они вѣжно, проливая слезы въ надеждѣ на осуществленіе своихъ пылкихъ мечтаній. Но князь Ростомъ, вдохновляемый своей злопавной женою, не согласился Марѳу отдать Сосе за выкупъ, не смотря на то, что почтенный духовный отецъ Онисимъ принялъ участіе въ горестной судьбѣ влюбленныхъ. Заступничество кн. Давида также не имѣло успѣха. Добрый кн. Георгій, въ снѣхъ котораго служилъ Сосе, долго пытался уладить дѣло; онъ не только „братски“ успокоивалъ крѣпостнаго слугу своего родственника, воздерживалъ отъ рѣшительнаго намѣренія Сосе убить ненавистнаго барина, но ссудилъ ему 200 р. для врученія кн. Ростому для освобожденія Марѳы. Князь деньги принялъ отъ посредника о. Онисимъ, но Марѳы не отпустилъ на волю. Столкновеніе кн. Георгія съ кн.

Ростомомъ изъ-за имѣнія кончилось только пораненіемъ сопровождавшихъ ихъ крѣпостныхъ. Надежды на истребленіе жестокаго отродья не было, при томъ Сосе узналъ, что Мароѣ было нанесено несмываемое оскорбленіе:—она была подвергнута наказанію розгами. Сосе не стерпѣть этой обиды, онъ составилъ заговоръ и проникъ въ домъ кн. Ростома ночью вмѣстѣ съ Дато, послѣ того какъ окончились неудачей попытки крестьянъ убить Ростома гдѣ-нибудь по дорогѣ. Озлобленные Дато и Сосе убили не только Ростома съ женою, но ихъ ребенка въ люлькѣ, смерть котораго свела съ ума его воспитательницу Мароу. Дато чрезъ мѣсяць былъ найденъ въ лѣсу растерзаннымъ звѣрями. Сосе же былъ арестованъ по настоянію Давида, оставшагося единственнымъ наслѣдникомъ кн. Ростома. Такова горестная участь всѣхъ его героевъ.

Повѣсть *Горе правымъ* также относится къ началу паденія крѣпостнаго права, насколько можно судить по словамъ автора, отмѣчающаго моментъ освобожденія зависимыхъ дворянъ отъ князей, сопровождавшійся безконечной тяжбой между бывшимъ сюзереномъ и его вассаломъ. Къ числу высвобождавшихся дворянъ принадлежалъ Зурабъ Медгаридзе, герой повѣсти. Отецъ Зурабъ судился долго съ своимъ господиномъ, но процессъ кончился въ пользу князя Тхилпаридзе. Герой вскорѣ остался безземельнымъ дворяниномъ, круглымъ сиротой. Проживалъ у родственниковъ, отличался задумчивостью и покорностью. Образованія не получилъ, а обладалъ способностью играть грустныя мелодіи на таріи. Этимъ талантомъ онъ обратилъ на себя вниманіе княжны мечтательной, выросшей на лонѣ природѣ, Лизы Гамшенблишвили, дочери своего родственника, изъ безконечной доброты питающаго ни къ чему не подготовленнаго и негоднаго Зураба. Лиза полюбила его невиннымъ сердцемъ, и ихъ свиданія въ саду, въ лунную ночь, стали извѣстны. Зурабъ былъ изгнанъ; братское чувство у Лизы вскорѣ смѣнилось страстнымъ желаніемъ, вопреки запрещенію матери и брата, высокопоставленныхъ представителей богатой княжеской фамиліи, обвиняться съ своимъ безукоризненнымъ рыцаремъ. Похищеніе ея изъ родительскаго дома, въ глухую ночь, при содѣйствіи предашнаго друга Сико Твитнебадзе, совершилось успѣшно, не смотря на вооруженное преслѣдованіе злодѣя—бѣдняка, дерзнувшаго на оскорбленіе чести Гамшенблишвили. Влюбленные недолго наслаждались счастьемъ. Зурабъ былъ арестованъ за похищеніе Лизы, а послѣдняя очутилась въ домѣ дальняго родственника Григорія, который не гнушается попытаться овладѣть беззащитной женщиной. Дядя отвергъ ее, не смотря хлопоты Бессаріона Варгисашвили (отъ имени котораго ведется рассказъ). Она искала защиты Зураба у одного чиновника Соломона Ростомовича, когда-то благодѣтельствованнаго отцомъ несчастной героини.

Зурабъ былъ освобожденъ, но къ жизни оказался совершенно неприспособленнымъ. Онъ прожилъ небольшія средства, захваченныя при похищеніи и предоставилъ Лизу своей участи. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи ее застала хищная сводница, которая познакомила ее съ од-

нимъ богатымъ человѣкомъ (по имени Михаилъ Захарычъ), доставившимъ ей рукодѣлье. Юноша отзывался сочувственно объ ея трудовой жизни, возставалъ противъ родовыхъ предрасудковъ и сталъ развивать ее чтеніемъ книгъ Шатріана („Исторія одного крестьянина“), сочиненій по французской революціи, ром. Гюго „Несчастные“ въ грузинскомъ переводѣ и бесѣдой на разныя темы. Лиза была очарована имъ: онъ явился ей даже въ сновидѣніяхъ. Взаимному сближенію содѣйствовала и сестра Михаила Захарыча, Наталія, полюбившая искренно Лизу и обожавшая брата: съ нимъ она собиралась ѣхать за границу учиться въ университетѣ. Наканунѣ отъѣзда за границу Михаилъ Захарычъ письменно объяснился въ любви, Лиза долго колебалась принять предложеніе или отвергнуть, въ ней происходила борьба между привязанностью къ Зурабу, о которомъ постоянно напоминаетъ ихъ ребенокъ и чувствомъ къ новому другу со слезами на глазахъ; въ одной сорочкѣ она стоитъ у окна, чтобы разсѣять гнетущую коллизію чувства. Долгъ предъ мужемъ беретъ верхъ, и она разрываетъ отвѣтное письмо къ Мишѣ, переполненное потокомъ громкихъ фразъ. Убитый горемъ герой ѣдетъ за границу и погибаетъ на баррикадахъ, въ Парижѣ во время коммуны, а Лиза простудилась и впадаетъ въ чахотку. Она умираетъ въ Абастуманѣ на рукахъ Наталіи, посвятившей себя уходу за этой мученицей любви и жертвой общественныхъ предрасудковъ.

Мацн—Хвѣтіа, „романъ изъ мингрельской жизни“, вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1895 г. Содержаніе его обнимаетъ не только жизнь Мингрелин, но равно Ахбази, Сванетіи, Гуріи и Имеретіи. Главное вниманіе сосредоточено на героѣ Мацн, который изъ любви къ красавицѣ Эка совершаетъ рядъ удачныхъ набѣговъ, похищаетъ коней и убиваетъ людей, то въ сообществѣ съ другими абреками, то отдѣльно на собственный страхъ. Переплывая чрезъ бѣшенныя Ингурь, исчезая изъ-подъ надзора цѣлыхъ отрядовъ, истребляя безпощадно враговъ, убѣгая изъ укрѣпленныхъ тюремъ въ Мингрелин и Стамбула, появляясь внезапно тамъ, гдѣ его не ждутъ, Мацн производитъ впечатлѣніе сказочнаго героя, какъ и его возлюбленная Эка, поражающая всѣхъ красотой и мужествомъ, и оба они утрачиваютъ свойства реального существа.

Много правдоподобнаго въ этомъ романѣ. Правы, обычаи, пытки и жестокаія кары, утвердившіяся въ западной Грузіи, очерчены очень выпукло, картины богатаго уголка, косящаго подъ игомъ самоуправства, парисованы подчасъ художественною кистью.

Языкъ неправиленъ, схема изложенія разнообразна, сюжетъ заманчивѣе сравнительно съ другими произведеніями его автора. Недостатокъ отсутствіе исторической перспективы, смѣшеніе эпохъ, обиліе анахронизмовъ. Хотя упоминаются историческіе дѣятели—владѣтели Мингрелин, Ахбази, Сванетіи, по трудно приурочить ихъ къ опредѣленному періоду. Авторъ какъ будто намѣренно соединяетъ событія, исключая возможность признать ихъ правдоподобіе и соответствіе съ историческимъ моментомъ. У него одновременно въ Стамбулѣ функционируютъ

турецкий султанъ и византийскій стратегъ. Занятіе Мингреліи византийцами послѣдовало, по его роману, послѣ того какъ османы были вытѣснены съ береговъ Чернаго моря. Такая путаница хронологическихъ вѣхъ устраняетъ всякую гипотезу намѣтить время, которое изображается въ романѣ. Былъ у него удобный случай отмѣтить приблизительно эпоху жизни Мацц, именно отнести его ко времени упоминаемаго имъ владѣтеля Мингреліи Вамека, царицы Гурандухтъ, противника ея Манучара съ супругой Кесаріей, когда онъ говоритъ о войнѣ Турціи съ какимъ-то государствомъ но не воспользовался этимъ. Впрочемъ, мимоходомъ брошенное Марсельскимъ адвокатомъ Мацц замѣчаніе о путешественникѣ Шарденѣ, отмѣчающемъ страсть мингрельцевъ къ воровству, уполномочиваетъ насъ заключить, что дѣйствіе происходитъ не раѣе XVII в. Тогда, какъ попали въ егороманъ византийцы и поздній терминъ Кавказъ для обозначенія страны?—Фантазія автора отличается необузданной свободой. Онъ свою героиню Эку (подаренную царицей Гурандухтъ) сажаетъ не только въ гаремъ султана, но заставляетъ ее бѣжать отсюда въ костюмѣ внуха въ Марсель на кораблѣ богатаго француза. Въ этой свободной странѣ каждый, въ противоположность рабовладѣльческой Мингреліи, „наслаждается сознаниемъ своихъ правъ и равенства въ общественномъ положеніи“. Это-то наслажденіе до французской революціи!

Романъ интересенъ по тѣмъ идеаламъ, которые авторъ дѣлалъ въ то время, въ эпоху зарожденія суда присяжныхъ. Въ Грузіи попытѣ нѣтъ этого института, а авторъ предаетъ своего героя суду присяжныхъ, влагаетъ въ уста прокурора и его защитника, выписаннаго француза изъ Марсели, гдѣ съ нимъ познакомилась Эка такія рѣчи, которыя характеризуютъ пожеланія и возрѣнія тогдашней молодежи. Страсть къ воровству мингрельскихъ абрековъ, почитаемыхъ за удалыхъ героевъ, обличается безправнымъ бѣдственнымъ положеніемъ населенія и его неувѣжествомъ. Вотъ почему марсельскій адвокатъ ратуетъ за правосудіе, за просвѣщеніе (вплоть до университетскаго), проведеніе дорогъ, развитіе торговли, открытіе банковъ. При передачѣ адвокатской рѣчи авторъ спешитъ ее русенизациями, тогда еще не переведенными на грузинскій языкъ.

Безъ слезъ и сновидѣній не обходится и тутъ повеліе. У него плачутъ Эка и Сосе, передаются сновидѣнія, предрекавшія грядущую судьбу князю Манучару и монахинѣ Сидоніи. Повтореніе излюбленной фразы, характеризующей возбужденное состояніе: „ауварда тавши, сисхли“, „бросилась кровь въ голову“, имѣется не только здѣсь (стр. 36, 43, 130), но и въ другихъ его повѣстьяхъ и поэмахъ (ср. сонъ Елизабара Эрпстова въ поэмѣ—*Тамара Газнели*).

Поэмы его историческаго содержанія, не отличаясь блескомъ поэтическихъ красокъ и приближаясь къ ромованной прозѣ, передаютъ различные моменты изъ минувшей жизни Грузіи. Въ 1879 году написана поэма *Похвала Багратіонамъ*, въ сатирической формѣ рисующая горькія страницы изъ эпохи династіи Багратидовъ, главнымъ же образомъ царствованіе Пракія II, по настоянію царицы Даріи, отвергшаго пред-

ложеніе Западной Грузіи о соединеніи съ Карталино-Кახетинскимъ царствомъ. Авторъ сухо и въ блѣдныхъ контурахъ описываетъ зарварское нашествіе на Грузію жестокаго Ага-Магометъ-Хана, сношенія Пракія и сына его Георгія съ Россіей, занятіе Тифлиса русскими войсками и оккупацию Имеретин при Соломонѣ II, царѣ благочестивомъ, обогатившемъ монастыри щедрыми приношеніями и не сумѣвшемъ предупредить паденіе своего царства. Сатира автора становится ядовитѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ касается крушенія надеждъ грузинскихъ князей на „великія и богатая милости“, ожидаемыя при водвореніи русскаго владычества, и становится беспощаднымъ, набрасывая картины внутреннихъ усобицъ царевичей изъ-за обладанія престоломъ.

По обработкѣ и замыслу эта поэма („мествирули“—въ тоиѣ страствующаго музыканта) превосходитъ другое его ромованное произведеніе *Тамара Газнели* (напис. въ 1886 г.). З. Чичинадзе, усердный издатель произведеній А. Пурцеладзе, напечаталъ въ 1884 г. первую часть (1233 стр.) этой поэмы. Содержаніе ея составляетъ „легенда“ изъ мрачной эпохи господства шаха-Аббаса надъ Грузіей и нравственнаго разложенія послѣдней благодаря междоусобной борьбѣ феодаловъ, преслѣдовавшихъ корыстные виды. Выразивъ свое неудовольствіе, что грузинская лѣтопись ограничивается повѣствованіемъ войнъ, вражескихъ вторженій и династическихъ пререканій, авторъ переходитъ къ своей темѣ о союзѣ коварнаго Андуканара Амхлахвари, отпавшаго въ исламъ, не чуждаго „свойствъ Бисмарка“, и Ксанскаго Эрпстова Іасе противъ Гивы Газнели, отца семи сыновей, героевъ благородныхъ, съ негодованіемъ взирающихъ на хищнаго Андуканара. Гиви задумалъ сдѣлаться единымъ владѣтелемъ въ своей фамиліи.

Этотъ планъ не могъ быть осуществленъ, пока были живы племянникъ и племянница Тамара, дѣти его брата и имеретинской княжны благочестивой Пвлиты, помышлявшей о посѣщеніи Св. Земли. Воспользовавшись тревогами нашествія шаха Аббаса, Гиви предложилъ Пвлитѣ укрыться у него, чтобы при удобномъ случаѣ истребить ненавистныхъ совладѣльцевъ. Тамара уже выросла. Она слышитъ воззваніе народнаго героя, Биро Двалидзе, къ грузинамъ соединиться противъ иноземнаго врага. Она жалѣетъ, что нѣтъ въ эту тяжелую минуту ея двоюродныхъ братьевъ, дѣтей Гивы, отправившихся съ царемъ въ Имеретію. Они, слѣдуя ей писемъ, спѣшаютъ въ Карталинію и отважно сражаются за честь родины и падаютъ въ борьбѣ съ отрядомъ кровнаго врага Андуканара. Послѣдній вмѣстѣ съ Іасе осаждаютъ замокъ Тамары, перебиваютъ ея стражу, закалываютъ ея мать, тщетно умоляющую о пощаду, а красавицу-дочь ея спасаетъ неизвѣстный юноша. Вся семья Газнели истреблена, все ея имущество разграблено. Тамара взята въ плѣнъ. Двалидзе не дремлетъ,—онъ собираетъ войска. Начинается братоубійственная война среди грузинъ: одни сражаются за шаха, другіе противъ него. Въ Жамурской крѣпости недалеко отъ прозрачнаго озера томится Тамара, обливаясь кровавыми слезами при видѣ разоренной родины. Проси-

живая въ глубокой задумчивости на берегу озера, она видитъ предъ собою всадника, вручающаго ей письмо отъ того таинственнаго юноши—ей спасителя отъ смерти, чудный образъ котораго вѣзался ей въ память. Онъ оказывается племянникомъ Андуканара, имя его Элизбаръ, Ксанскій Эристовъ. Онъ безумно въ нее влюбленъ и не предасть ей кознямъ Андуканара и Иасе. Элизбара послѣдніе хотятъ женить на княжѣ Мухранской, чтобы отклонить мщеніе за кровь князей Газневели, ожидющее ихъ если юному герою удастся осуществить имъ известную мечту—сочетаться бракомъ съ Тамарой. Несчастная затворница страдаетъ мучительно въ ожиданіи своего рыцаря, всей душой она привязана къ нему. Не получая утѣшительнаго отвѣта на свое письмо, она въ отчаяніи готова броситься въ волны озера, но въ этотъ самый мигъ какъ изъ земли вырастаетъ Элизбаръ и вторично спасаетъ ее отъ смерти.

Они направляются поспѣшно въ Черкессію, къ роднымъ Элизбара по матери. Тамъ ихъ не найдутъ Андуканаръ и Иасе. Но по дорогѣ, угрожаемой снѣжными завалами, нападаютъ на нихъ злоумышленники и похищаютъ Тамару во мракѣ ночи. Андуканаръ и Иасе, чтобы вѣрнѣе погубить послѣднюю отрасль князей Газневели, предстали въ Гори предъ шахомъ и доложили, что у нихъ есть красавица, достойная вниманія иранскаго владѣтеля. Шахъ пораженъ ослѣпительной красотой Тамары. Она поступаетъ въ его гаремъ, но упорно отказывается удовлетворить сладострастіе стоящаго на колѣняхъ съ мольбою великаго, но ненавистнаго ей шаха. Шахъ, разгнѣванный ея упрямствомъ, терзаетъ Грузію, страдающую еще отъ голода и разныхъ болѣзней. Онъ покидаетъ разоренную страну и отправляется въ Персію съ плѣнными грузинами, горько оплакивающими родину. Съ нимъ отправляютъ окруженную евнухами непреклонную даже предъ угрозами обезглавленія вѣрную Элизбару Тамару. Элизбаръ же еле-живой былъ извлеченъ изъ снѣжныхъ заваловъ. Онъ узнаетъ объ участи, постигшей Тамару. Она въ трогательномъ письмѣ умоляетъ не забывать ея. Врагъ же ихъ Иасе торжествуетъ. Онъ назначенъ ксанскимъ эриставомъ и поджигаетъ домъ своего брата, отца Элизбара, и губить въ огнѣ его мать и сестеръ. Но такъ какъ Элизбаръ уцѣлѣлъ, мысль о возможности мщенія со стороны послѣдняго и въ особенности зависти къ Андуканару, раздѣляющему его власть надъ Карталиней, не даютъ Иасе покоя. Вскорѣ обнаруживается полный расколъ, перешедшій въ явную вражду между прежними союзниками—Андуканаромъ и Иасе.

Плѣнные грузины и грузинки прибыли въ Тегеранъ. Тамара была свидѣтельницей ихъ мукъ и слезъ по дорогѣ. Она отправлена далѣе въ Тавризъ въ наказаніе за отказъ удовлетворить предложеніе шаха. Элизбаръ оправился отъ болѣзни, поспѣшилъ за нею въ Персію, представился шаху съ колѣнопреклоненной мольбой отпустить Тамару. Шахъ не умолилъ: онъ оставилъ его, какъ и ея возлюбленную, при себѣ „для украшенія гарема“. Дѣйствіе переносится въ Ширазъ. Здѣсь въ присутствіи ротозѣевъ предають казнямъ и пыткамъ грузинъ и грузинокъ, отказавшихся принять исламъ. Тамара, по повелѣнію шаха, является зрительницей мучениче-

скихъ страданій царицы Кетевани, увѣнчанной раскаленнымъ котломъ, чтобы угрозами подобнаго пытокъ склонить ее къ измѣнѣ въ своей любви къ Элизбару. Видѣлъ ея страданія и герой—предатель Грузіи Георгій Саакадзе, преисполнился негодованіемъ и вознамѣрился спасти свою родину отъ дикаго тирана. И когда шахъ, въ гнѣвѣ на Грузію, посылаетъ свое войско подъ предводительствомъ испытаннаго полководца Саакадзе, послѣдній измѣняетъ персидскому владѣтелю, переходитъ на сторону грузинъ и истребляетъ вѣранный ему отрядъ. Шахъ тогда велѣлъ предать въ Тавризъ сожженію всеѣхъ именитыхъ грузинъ, въ томъ числѣ „не пожелающую стать царицей Ирана“ Тамару и непреклоннаго Элизбара. Предъ костромъ встрѣчаются страдающіе влюбленные, послѣдній разъ обнимаются и смѣло входятъ на лѣстницу, откуда вдвоемъ бросаются въ пламя. Предъ смертью Элизбаръ съ лѣстницы, обращаясь къ народу, произносить грозную обвинительную рѣчь по адресу тирана.

Сюжетъ поэмы вполне соответствуетъ цѣли автора, по приемы его творчества уступаютъ его замыслу. Хотя онъ самъ себя называетъ поэтомъ (стр. 29, 89), однако напрасно будемъ искать у него то, что характеризуетъ художественное произведеніе. Вдохновеніе замѣнено риторикой, отвлеченныя мысли не воплощены въ чувственные образы, отступленія отъ темы съ восхваленіемъ любви, дѣтства, красоты родины представляютъ наборъ трескучихъ фразъ, съ назойливымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ въ родѣ „мидіанъ“ *идутъ* (8 разъ на двухъ стр.), „хедаве“—*видитъ*, 9 разъ (197—198 стр.), „моагонда“—*вспомниль*, 4 раза (224 стр.), „цкеулъ“—*проклятъ*, 5 разъ (28 стр.). При томъ герои у него или злодѣи-кровопійцы, или добродѣтельные ангелы. Людей у него нѣтъ. Красота героини сказочная, ослѣпительная, очаровывавшая до обморока. Слезы Тамары и свидѣнія (Элизбара и Кетевани на стр. 8, 150, 58, 197), покушеніе на самоубійство (Тамары) замѣняютъ какъ въ ром. *Марци* недостатокъ средствъ пробудить непосредственное чувство у читателя, остающагося холоднымъ къ описываемымъ ужасамъ. Антихудожественные приемы его въ прозѣ и въ стихахъ часто совпадаютъ до поразительныхъ деталей однообразія.

Георгій Саакадзе—любимый герой Антона Пурцеладзе. Ему посвящено нѣсколько произведеній. Онъ фигурируетъ въ поэмѣ *Девять братьевъ* или *Марабда* (изд. въ 1890 и 1894 гг.), названной такъ по имени поляны, на которой разыгралась битва между персидской ордой и грузинскимъ отрядомъ. Главными героями являются девять братьевъ Херхулидзе, которые положили свои головы за честь родины, съ благословенія своей матери, вѣрной долгу патриотки. По однимъ сказаніямъ, могилы этихъ героевъ покоятся въ Шю-Мгвимскомъ монастырѣ, по другимъ—въ Марабдской полянѣ, гдѣ автору поэту пришлось насчитать семь надгробныхъ камней.

Содержаніе легендарной поэмы *Цискара* (заимствованной изъ „Картлис-Цховреба“) относится къ той же мрачной эпохѣ нашествія персовъ. Мужъ Цискары, храбрый и преданный родинѣ воинъ Мзеча-

букъ, быть изрѣзанъ шахомъ на 4 части и присланъ въ подарокъ несчастной матери. Мзечабука похоронили съ царскими почестями и тѣнь, появившаяся ночью надъ замкомъ Цискари взяла его на небо при пѣніи ангельскихъ голосовъ. Легенда прибавляетъ, что Цискара жестоко отомстила за смерть своего Мзечабука, отличавшагося безукоризненною преданностью своему царю и родинѣ. Онъ, переодѣвшись въ платье раненаго врагами царя, правилъ старою и наносилъ поражение шаху, пока законный владѣтель не получилъ исцѣленія. Попалъ онъ потомъ въ плѣнъ персамъ и былъ изрѣзанъ на куски. Переодѣтой Цискари удалось взять за него кровь съ шаха. Она убила его перваго полководца и наследника трона, а самому шаху, по ея внушенію, отрубили уши и одну руку, чтобы, онъ оставшись уродомъ, проклиналъ день своего рожденія.

Авторъ упрекнулъ грузинскую лѣтопись, что она занимается исключительно изложеніемъ походовъ, битвъ и династическихъ интригъ. Но и его поэма ограничивается однообразной передачей батальныхъ картинъ, внутренней борьбы съ иноземцами, безъ попытки проникнуть въ духъ народа, обрисовать его бытъ и нравы. „Гатенда, дила, шуагамае“ и пр. („разсѣло“, „утро“, „полночь“) составляютъ внѣшніе рамки его повѣствованія съ отступленіями въ сторону военныхъ дѣйствій Персіи съ Индіей (Магомъ) и Турціей. Столкновение грузинъ съ турками легло въ основу его поэмы *Цкалоба* (изд. въ 1890, 1894 и 1899 гг.) Сюжетъ ея составляетъ извѣстная милость, дарованная грузинскимъ царемъ тушино-пшаво-хавсурамъ за истребленіе учинившаго насиліе надъ грузинками турецкаго отряда, стоящаго въ крѣпости, Бахтріони и Алвани. Милость заключалась въ томъ, что горцамъ пожаловано было Панкисское ущелье и Алвани для выпаса скота и отрядъ ихъ долженъ былъ шествовать во главѣ грузинскаго войска. Боевому моменту исторіи Грузинъ посвятилъ онъ разсказъ „Давидъ Асланишвили Джандіери“ (Т. 1888), который дѣйствовалъ въ эпоху Шахъ-Аббаса, вмѣстѣ съ Саакадзе освободилъ Грузію отъ персовъ, возвелъ на царство Теймураза и погибъ въ битвѣ на Мардійскомъ полѣ. Къ эпохѣ шаха Аббаса и его войскъ съ Грузіей относится трагедія *Великій мурзавъ* (Георгій Саакадзе), излюбленный герой автора, которому онъ посвятилъ и историческое изслѣдованіе „Борьба изъ-за уничтоженія и объединенія Грузинъ“. Дѣйствующими лицами въ драмѣ и исторической работѣ являются одни тѣ же цари. Луарсабъ II и Теймуразъ I, князья Арагвскіе Эриставы, шахъ-Аббасъ и Георгій Саакадзе, прозванный грузинскимъ Алкивиадомъ, спасавшій родину отъ иноземныхъ, предававшій ее имъ и кончившій свою полную паразитическихъ приключеній жизнь отъ руки убійцы, подосланнаго турецкимъ визиремъ. Развитие драматическаго дѣйствія соответствуетъ историческому ходу событій, но отличается недостаточною сценичностью и отсутствіемъ художественной мѣры въ изображеніи героевъ.

Другая трагедія автора *Авазакни* („Разбойники“, Тифлисъ, 1891 г. 2 изд.), имѣющая отдаленное сходство съ драмой Шиллера того же названія, заимствуетъ сюжетъ изъ современной жизни. Герой ея, Тотоба, бо-

рется противъ господствующаго зла несправедливости и ненормальныхъ условій развитія общественной жизни. Онъ объявляетъ въ союзъ съ обиженными житейской неправдой сотоварищами войну существующему строю и „пожемъ“, кровью метитъ богатымъ и сильнымъ міра сего. Онъ погибаетъ на эшафотѣ вмѣстѣ съ невиннымъ въ убійствахъ Дарчо, женихомъ Рипсиміи, которая съ горя теряетъ разумъ и бросается изъ окна на улицу. Въ другой трагедіи „Дочь Израиля“ авторъ проводитъ идею самопожертвованія за свободу, но безъ достаточной художественной разработки изображаемыхъ персонажей.

Ап. Пурцеладзе извѣстенъ и какъ авторъ стихотвореній. Первое его лирическое стихотворное посланіе *Моему другу* написано въ 1858 г.

Помимо оригинальных¹⁾ стихотворныхъ произведеній онъ переводилъ стихотворенія изъ Барбье (Прогрессъ, Парижъ, Есть дни тяжелые), Некрасова (Убогая и парадная, Винная ужасамъ войны, Размышленіе у параднаго подѣзда и др.), Байрона, Беранже, Леопарди (Венгерская пѣсня), Гейне (Осель и лошадь), Теннисона, Крылова (Тягушки, просящія царя, Гуси, Волкъ и ягненокъ, Ворона и лисица, Лисица и виноградъ). Переводы его тяжеловѣсны и далеки отъ оригинала.

Остались отрывки отъ пропавшей у него поэмы *Сакробила* (Темница и трагедія *Ганцирули* (Отвергнутая). Отличительная черта манеры его творчества, это—резонерство. По мнѣнію Николадзе, его антиподъ Ап. Пурцеладзе ни разу не высказалъ ни одной мѣткой, огненной мысли, врѣзывающейся въ память, не отстаивалъ ни одной идеи, которая не сопровождалась бы гиперолою или ложью, лишающей его положеніе всякой силы и значенія. За нимъ сверхъ того, числится непростительный грѣхъ, тяготѣющій надъ нимъ со времени появленія „Сакртелелось-Моамбъ“ П. Чавчавадзе, съ его прогрессивнымъ направленіемъ. Противъ этого журнала и затѣялъ полемику Ап. Пурцеладзе на страницѣхъ заплѣсѣваемаго „Цискари“. Мы бы сказали, что онъ умѣлъ „ловить моментъ“, т. е. подмѣчать нарождавшіеся типы, идеи и настроенія, но полученныя впечатлѣнія не проводилъ чрезъ горнило творческой переработки, не воплощалъ ихъ въ художественные образы.

Николай Яковлевичъ Николадзе сыгралъ выдающуюся роль въ дѣлѣ насажденія на Кавказѣ европейскаго журнализма. Имя его связано съ однимъ изъ выдающихся періодовъ грузинской литературы. Его значеніе не ограничивается сужденіями о литературной дѣятельности корифеевъ 60-хъ гг. На долю его не разъ выпадала завидная участь быть вершителемъ текущихъ вопросовъ дня.

Его въ значительной степени можно назвать влестителемъ думъ второй половины XIX в.—эпохи пробужденія грузинской самостоятельной мысли. Уроженецъ Имеретин и воспитанникъ Кутаисской гим-

¹⁾ Нужно назвать еще слѣд. сочиненія Ап. Пурцеладзе: „Ш. Рустанели и его жена“ (Т. 1886 и Ватумъ 1889); о немъ см. у *Хазанова* П. в. „Очерковъ“, „Конецъ нашего дѣла“, изъ „Мнатоги“ изд. З. Чичинадзе, Т. 1893. „Общинное землевладѣніе“ (Т. 1905).

пази, по окончаніи въ послѣдней курса (1861 г.), слушалъ лекціи въ петербургскомъ, парижскомъ и женеvскомъ университетѣхъ и съ степенью доктора международного права вернулся изъ-за границы на родину. Въ Россіи онъ испыталъ вліяніе Бѣлинскаго, Чернышевскаго и Добролюбова и съ приемами ихъ критики выступилъ подъ псевдонимомъ Сканделіи въ газ. „Дрозба“. Будучи въ Женевѣ онъ организовалъ союзъ грузинъ, преслѣдуемыхъ цѣли самообразованія подъ названіемъ *Угели* (Ярмо), который недолго издавалъ свой органъ „Современность“. Въ Женевѣ же онъ сблизился съ интернаціональнымъ кружкомъ, познакомился съ Герценомъ и Бакуниномъ, и выступилъ съ работой о Грузіи въ „Колоколѣ“ перваго. Первая его статья, появившаяся на грузинскомъ языкѣ въ „Дрозбѣ“, относится къ 1868 г. („Пѣшкомъ и по желѣзной дорогѣ“). Ставъ постояннымъ сотрудникомъ этой газеты, Николадзе—Сканделіи поражалъ читателей бойкимъ перомъ и ядовитымъ языкомъ. Въ 1871 г. онъ вошелъ въ составъ редакціи журнала *Кребули* и своими публицистическими статьями привелъ въ движеніе общественную жизнь. Критическія статьи онъ посвятилъ повѣсти *Разсказъ ницга* Н. Чавчавадзе, стихотвореніямъ Гр. Орбелиани и переводамъ грузинскихъ женщинъ Г. Баркадзе. Ясный, логическій умъ и тонкое художественное чутье сквозятъ въ этихъ оцѣнкахъ достоинствъ поэтическихъ произведеній. Ему пришлось въ это время вести борьбу съ журн. *Мнатоби*, главнымъ полемизаторомъ въ которомъ былъ Ант. Пурцеладзе „сторонникъ отжившихъ идей“, по мнѣнію его апіиода. По прекращеніи *Кребули*, гдѣ онъ (1873 г. кн. VII) помѣстилъ спокойную самозащиту противъ обвиненій со стороны Ан. Пурцеладзе въ неблаговидныхъ поступкахъ онъ принялъ участіе въ русской печати: сперва въ *Тифлисскомъ Вѣстникѣ* (1875—76 гг.), потомъ состоялъ военнымъ корреспондентомъ газ. *Голось* въ русско-турецкую кампанію, впоследствии издавалъ большую ежедневную газ. *Обзоръ* (1878—80 гг.) и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ главнымъ руководителемъ газ. *Новое Обозрѣніе*, гдѣ онъ напечаталъ рядъ историко-литературныхъ эскизовъ подъ заглавіемъ *Современники*. Въ 1881—83 гг., помѣщавъ критическія и политическія статьи въ *Отеч. Запискѣхъ* („Луи Бланъ и Гамбетта“ и др.). Небольшой сборникъ его грузинскихъ статей издавъ подъ заглавіемъ *Саахалцло* („На новый годъ“). Когда въ 1894 г. организовалось изданіе журнала *Моамбэ*, то Н. Я. Николадзе вновь взялся за грузинское перо и велъ частью иностранное обозрѣніе, частью же помѣщавъ въ немъ критическія статьи (разборъ сочиненій Георгія Церетели); нынѣ онъ состоитъ городскимъ головою въ Поти и рѣдко выступаетъ въ печати.

Кн. Давидъ Георгіевичъ Эрнстовъ (1846—1890).

Кн. Д. Г. Эрнстовъ былъ сынъ перваго грузинскаго драматурга. Онъ родился въ г. Гори въ 1846 г. Въ 1864 г. онъ потерялъ отца и

остался единственнымъ наслѣдникомъ его огромнаго состоянія. Мать его была горійская армянка изъ извѣстной фамиліи Алихановыхъ. Давидъ Георгіевичъ получилъ прекрасное воспитаніе сначала дома подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ, а уроки грузинскаго языка давалъ ему самъ отецъ. По окончаніи курса въ одесскомъ университетѣ, онъ предпринялъ путешествіе по Европѣ для ознакомленія съ бытомъ и литературой передовыхъ народовъ. Вернувшись на родину, онъ отказался искать государственную службу и посвятилъ себя литературной и общественной дѣятельности. Еще на университетской скамьѣ онъ принялъ участіе въ грузинской прессѣ по преимуществу переводными стихотвореніями въ газ. „Дрозба“ и „Сасопло Газети“. Въ 1872 г. онъ помѣстилъ въ „Кребули“ переводъ изъ дневника празднаго Стюарта. Затѣмъ перешелъ въ русскую газ. „Тифлисскій Вѣстникъ“, руководимый Н. Николадзе. Здѣсь писалъ стихи и фельетоны, разбиралъ „Глахиѣ Паамбони“ Пльи Чавчавадзе, одобрительно отзывался о романѣ А. Пурцеладзе „Мацн-Хвигіа“. Одновременно работалъ въ журн. „Моамбэ“, гдѣ между прочимъ высказалъ недоумѣніе относительно писемъ поэта Н. Бараташвили, помѣщенныхъ въ „Кребули“ и вызвалъ этимъ негодованіе поклонниковъ (Г. Церетели въ „Дрозбѣ“) талантливаго грузинскаго байрониста. Отношенія между Д. Эрнстовымъ и „Дрозбой“ еще болѣе обострились послѣ того, какъ онъ обозвалъ эту газету „имеретинской“ изъ-за того, что на ея страницахъ было заявлено, что ком. „Лѣкаръ по неволѣ“, произведеніе Мольера, присвоилъ Г. Эрнстовъ, отецъ Давидъ Эрнстова. Сынъ вступился за репутацію отца и въ газ. „Моамбэ“ отвѣтилъ, что передѣлка ком. „Лѣкаръ по неволѣ“ принадлежитъ не Георгію Эрнстову, а Ивану Эрнстову и по ошибкѣ издателей она внесена въ сочиненія перваго.

Обиженный нападками, Д. Эрнстовъ покинулъ грузинскую прессу съ 1873 г. и лишь въ 1876 г. возобновилъ въ ней свое участіе. Въ 1877 г. онъ помѣстилъ въ альманахѣ Г. Туманова переводъ „Прекрасной Елены“ Оффенбаха, вызвавшій рѣзкое неудовольствіе со стороны Ник. Кананова въ газ. „Иверія“.

Въ концѣ 60-хъ годовъ Д. Эрнстовъ былъ временнымъ редакторомъ „Тифл. Вѣстн.“, а впоследствии редакторомъ газ. „Кавказъ“ въ 1882—1884 гг.; здѣсь онъ помѣщавъ злободневные фельетоны за подписью Бардзімъ. Участіе его въ русской прессѣ выразилось еще сотрудничествомъ въ тифлисскихъ сатирическихъ журналахъ „Гусли“ и „Фаланга“, и корреспонденціями въ газ. „Голось“; кромѣ того любовь къ русской литературѣ онъ проявлялъ всячески: издалъ ком. Грибоѣдова „Горе отъ ума“ по тифлисской рукописи и выступалъ въ качествѣ чтеца русскихъ и грузинскихъ стихотвореній на литературныхъ вечерахъ. Стиховъ онъ писалъ немного, однако былъ прованъ „наслѣдственнымъ поэтомъ“.

Съ 1885 г. онъ покинулъ прессу и сталъ сотрудникомъ обновленной грузинской газеты „Иверія“, въ которой онъ помѣщавъ интересные фельетоны изъ иностранной жизни.

Д. Эристовъ приобрѣлъ извѣстность лишь послѣ того, какъ поставилъ 1883 г. пьесу *Самшобло—Родина*, передѣлку изъ „Patrie“ Сарду. До этого онъ успѣлъ перевести и написать рядъ пьесъ, не имѣвшихъ большого успѣха на сценѣ; таковы комедіи: „Временная любовь“, „Лаккомый кусокъ“, „Садзачели“ („Чудовище“ Крылова) „Органо и Леко, Гео, Минаш и Компанія“, „Ангель доброты и невинности“ (передѣлка), „Парижскій мальчикъ Жозефъ“ (Баера и Вандербурха 3), „Вторая молодость“ Невѣжина, „Прекрасная Елена“ Оффенбаха, „Спорное владѣніе“ (перев.), „Общественное дѣло“ и др. Вѣнцомъ его дѣятельности на пользу грузинскаго театра, главнымъ руководителемъ котораго онъ состоялъ нѣкоторое время, является боевая пьеса „Самшобло“, въ теченіе цѣлой четверти вѣка вызывающая восторгъ зрителей во всѣхъ концахъ Грузіи. Не глубокой сюжетъ эффектной сценической драмы французскаго писателя онъ приспособилъ къ грузинской исторической старинѣ время Шахъ-Аббаса персидскаго и, не вездѣ выдерживая полноту исторической правды 2), сумѣлъ внести въ пьесу торжествующій духъ патриотизма надъ иноземнымъ игомъ и доставилъ грузинамъ нравственное удовлетвореніе чувства возмездія, постигнаго жестокихъ угнетателей страны и вѣры. Драма эта объединила всѣ части и сословія Грузіи въ одномъ великомъ культѣ любви къ отчизнѣ и завѣтнымъ идеаламъ благородныхъ предковъ. Народное движеніе подъ сѣнью національныхъ знаменъ для освобожденія родины отъ персовъ, представленное на грузинской сценѣ, служило откликомъ на наболѣвшія боли и незакрывшіяся раны мечтающихъ о быломъ величіи Персіи всѣхъ общественныхъ слоевъ. Траурный колокольный звонъ дьячка Гогія, самоотверженно идущаго на вѣрную смерть, разливалъ бурный потокъ энергіи по напряженнымъ нервамъ изстрадавшагося посѣтителя театра. Едва ли какое-либо другое произведеніе грузинской литературы имѣло столь мощное и благоприятное вліяніе въ рѣшительномъ поворотѣ національнаго самосознанія. Пьеса эта начинаетъ новую эру въ патриотическомъ подъемѣ народныхъ чувствъ, и не даромъ она была заподозрена печатью. Въ *Москов. Видомостяхъ* временъ Каткова помѣщена была корреспонденція изъ Тифлиса, сопровождаемая редакціонной статьей, въ которой призывались кавказскія власти между прочимъ и цензура обуздывать патриотическій пылъ редактора официальной газеты „Кавказъ“, написавшаго и поставившаго пьесу воинствующаго содержания. Корреспондентъ позволилъ себѣ глумленіе надъ эмблемой славы—грузинскими національными знаменами тѣмъ, что предложилъ продать ихъ въ циркъ для забавы клоуновъ. Это издѣвательство надъ знаменами, подъ эгидой которыхъ Грузія защищала въ теченіе вѣковъ христіанство и отчизну, встрѣтило достойную отповѣдь въ письмѣ предводителя дворянства Магалова (газ. „Голосъ“), Н. Михайловскаго („Отч.

1) Напечатано въ журн. „Иверія“ за 1882 г.

2) См. ст. Чрелашвили въ журн. „Имеди“.

3) Переводъ совмѣстный Д. Эристова и М. Джорджадзе.

Зап.“), Ильи Чавчавадзе въ газ. „Дрозба“ и Стадлина въ газ. „Кавказъ“; послѣдній возвысилъ голосъ еще по поводу неумѣстной выходки въ сатирическомъ журналѣ „Гусли“.

3-го сентября 1900 г. скончался ген.-лейт. *Конст. Христ. Мамацевъ*, старѣйшій изъ кавказскихъ боевыхъ генераловъ. Покойный родился въ 1816 году и воспитывался первоначально въ Тифлисѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ. Служа по артиллеріи, покойный принималъ участіе въ кавказской войнѣ, а затѣмъ отличался въ турецкой кампаніи 1854 г., въ отрядѣ ген. кн. Пв. Малх. Андроникова, въ стычкѣ съ корпусомъ Селимъ-паши при Чолокѣ. Въ 1877 г., во время послѣдней турецкой кампаніи, онъ временно управлялъ Елисаветпольской губерніей. Въ 1884 г. онъ зачислился въ запасъ, жилъ въ Тифлисѣ и принималъ одно время дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ: состоялъ предсѣдателемъ распорядительнаго комитета дворянской школы, гласнымъ думы и пр. К. Х. Мамацевъ иногда выступалъ и въ газетахъ со своими интересными воспоминаніями. Онъ, напр., печаталъ воспоминанія въ газ. „Иверія“—о кн. Н. Баратовѣ (поэтѣ) и въ „Кавказѣ“—о Лермонтовѣ.

Екатерина Ревазовна Габашвили 1).

Грузинка-писательница! Какъ странно звучитъ для европейскаго слуха сочетаніе понятій о литературной дѣятельности съ представленіемъ о восточной гаремной женщинѣ! Ошибочно, конечно, было бы распространять подобный взглядъ на грузинку, среди которыхъ красуется безсмертное имя Тамары, великой царицы XII вѣка. Ни въ дни самостоятельнаго существованія Грузіи, ни со времени водворенія на Кавказѣ владычества русскихъ грузинки не устранились отъ общественной роли, выпадавшей на нихъ въ различныхъ сферахъ социальнаго строя. Въ области литературы завоевали себѣ почетное положеніе княгини Джорджадзе и Орбелиани, Анастасія Т. Церетели, княжна Эристова, Гадеили (псевдонимъ), Елена Лортквиндзе, Нина Кипіани, но между ними и по таланту, и по плодовитости первое мѣсто занимаетъ Екатерина Ревазовна Габаева или Габашвили (урожденная княжна Тарханова). Она

1) Род. 16 іюня 1851 г. въ Тифлисѣ. Дѣтскіе годы провела въ г. Гори въ „сердцѣ Карталинѣ“, откуда была родомъ мать писательницы урожденная княжна Ваграціонъ-Давыдова, супруга кн. Тарханова. Училась въ модномъ пансіонѣ „Евге“, извѣстномъ въ Тифлисѣ въ теченіе шестидесятихъ годовъ. Хотя здѣсь господствовалъ французскій духъ, однако новое движеніе въ грузинскомъ обществѣ, начинавшееся около этого времени, отразилось и на Ек. Габашвили. На нее произвели, по ея словамъ, сильное впечатлѣніе „Письма туриста“ Ильи Чавчавадзе и воспитали ее въ возвышенномъ романтическомъ вкусѣ отецъ ея кн. Вахтангъ и племянница извѣстнаго грузинскаго общественнаго дѣятеля Кипіани,—гуманная дама Майко.

выступила на литературное поприще в 1881 г. в журналѣ „Иверія“ и съ тѣхъ поръ она ежегодно даритъ публику душевными разсказами и повѣстями, относящимися къ крестьянскому быту и дворянскому сословію. Ближе зная деревню и ея злобу дня, Е. Габашвили считается несравнимой изобразительницей бытовыхъ чертъ грузинской провинціальной жизни. Согрѣвая свои эскизы теплымъ чувствомъ участія къ бѣдному сельскому люду, она раскрываетъ причины его умственного застоя, экономического упадка и невольныхъ проявленій преступныхъ замысловъ подъ гнетомъ окружающихъ условий. Контрастомъ между вѣшней холодной красотой природы и горькими внутренними размышленіями крестьянина писательница умѣетъ подчеркивать и усиливать драматизмъ положенія.

„Дѣло было въ исходѣ сентября, въ двѣнадцать часовъ ночи,—говоритъ она въ одномъ маленькомъ очеркѣ.—Полная луна свѣтила такъ ярко, словно желала пронизать и раскрыть всю тьму бѣдствій, тянущихся на нашей планетѣ. Въ темно-лазоревои выси неба мерцали звѣзды. Я упивалась съ террасы дома прелестью открывшейся взору картины. Вотъ на холмикѣ приютилась каменная лачуга. Тутъ же рядомъ съ одной стороны ея, журча и сверкая при лунномъ сіяніи, серебряной лентой сбѣгаетъ внизъ ручей; съ другой,—тичется обнесенный развалившимся плетнемъ виноградникъ, со своими исполинскими орѣховыми деревьями и совсѣмъ уже зрѣлымъ виноградомъ. Изъ каменной лачуги осторожнымъ шагомъ выходятъ двѣ, одѣтыя въ черное, женщины, и также украдкой входятъ въ садъ. Оттуда онѣ выносятъ наполненныя виноградомъ кошолки, опоражнивая ихъ въ одну большую корзину, стоящую тутъ же, возлѣ сада, въ болѣе укромномъ углу. У корзины сидитъ молодой крестьянинъ, задумчиво, пристально вперивъ зоры въ землю. Онѣ глядятъ въ землю, а небо между тѣмъ блещетъ торжественно пышнымъ убранствомъ. Красы небесъ лелѣютъ мечты сытаго люда, мрачныя же думы Павлика Квиникадзе такою горечью поятъ горемычнаго, что онѣ можетъ повѣдать ихъ одной лишь матушкѣ землѣ. Для него не свѣтитъ лучезарный мѣсяць: нѣтъ, онѣ еще съ большей яркостью говоритъ ему о мрачной путаницѣ тѣхъ причинъ, благодаря которымъ онѣ такъ воровски принужденъ собирать виноградъ съ своего крошечнаго собственнаго виноградника. Грузинъ любить вельемъ встрѣчать сборъ винограда... И нашъ Павликъ не изъ угрюмага десятка, но нынче ему не до веселья. Въ нынѣшній годъ прожорливая саранча поѣла его ниву, и единственнымъ отвѣтчикомъ цѣлой тысячѣ неотступныхъ нуждъ остался этотъ крошечка-виноградникъ... Онѣ молча, не снѣша принялся снимать обувь. Жена той же тихой поступью принесла кувшинъ, налила мужу воды, обмыла ноги и поправила разостланную подъ корзину воловью шкуру. Павликъ перекрестился и ступилъ на виноградъ. Долго, нахмури лобъ, мял онѣ виноградъ изо всей своей богатирской мочи... Тишину нарушалъ выжатый сокъ винограда, несясь непрерывнымъ ручьемъ въ „квеври“, большой, зарытый

въ грунтѣ глиняный сосудъ, который, долго пустуя въ теченіе года, жадно вбиралъ его теперь въ раскрытую пасть“.

Въ этотъ самый моментъ, когда Павликъ принялся украдкой давить виноградъ, послышался конскій топотъ и показалась старуха, у которой онѣ занялъ кукурузу, обѣщавъ за мѣру хлѣба выплатить двумя мѣрами вина. Старуха—мать сиротъ—развирѣгла, что онѣ тихомъ хотѣлъ выжать и нарушить „честный договоръ“. Павликъ успокаиваетъ ее: „Я тебя никогда въ жизни не обману! Самъ принесъ бы на домъ вино... не тебя я хотѣлъ провести, а окаяннаго Никуа Галустьянца. Вчера онѣ обошелъ садъ, оглядѣлъ виноградъ кулацкимъ взглядомъ и погрѣзилъ: приведу-де пристава, стану описывать... Я и призадумался и порѣшилъ такъ, чтобы по крайности передъ тобой не остаться въ обманщикахъ“. Старуха смягчилась, понявъ, въ чемъ дѣло. Негодованіе свое она перенесла на Галустьянца, узнавъ, что Павликъ далъ ему вексель на 50 рублей да на столько же неустойки назначено, а за каждый день просрочки полтинникъ штрафу. Срокъ векселя, оказывается, миновалъ, и старуха озабоченно спрашиваетъ: а ну какъ совсѣмъ заберетъ этотъ садикъ, да еще шкуру сдеретъ и продастъ этотъ кровопійца. Лучше съ голоду душу долой, а у нихъ не доведи Богъ занимать,—заключила старуха ¹⁾.

„Какъ же было не занять?—возражаетъ Павликъ.—Взрослаго брата-подмогу,—какъ косою снесло. Въ домѣ лежалъ покойникъ, не на что было хоронить; какъ не къ кулаку, некуда идти!“ Не успѣлъ закончить послѣднихъ словъ, какъ откуда не возьмись и самъ Галустьянцъ съ батраками, которые отнимали у женщинъ виноградъ; самого Павлика угостилъ заимодавецъ чувствительнымъ тумакомъ. Павлику стало не втерпѣжъ. Досада и горе душили бѣднягу. Онѣ быстрымъ прыжкомъ соскочилъ съ корзины, въ которой давилъ виноградъ, и въ одно мновеніе торгашъ очутился подъ нимъ. „Караулъ“ жалостно вопилъ геройски отважный за минуту передъ тѣмъ Галустьянцъ. Началась драка. На шумъ проснулись сосѣди, прибѣжали съ огнемъ, и побище съ большимъ трудомъ было прекращено. Окровавленный Галустьянцъ удралъ во-свои. Жена Павлика съ заплаканными глазами заботливо принялась повязывать ему голову. „Да будетъ проклятъ день, когда они поселились въ нашей деревнѣ“, жалобно произнесъ Павликъ.

По приведеннымъ отрывкамъ можно судить о манерѣ писательницы и одномъ изъ излюбленныхъ сюжетовъ ея произведеній. Искренность и простота разсказа достаточно говорятъ за правдивость изложенной бытовой сцены. Она сосредоточивается на описанной сторонѣ, мало или лишь миходомъ анализируя внутренний міръ Павлика. Стави своихъ героев въ драматическое положеніе, она представляетъ намъ свободный просторъ взвѣсить конфликтъ противоположныхъ теченій въ душѣ выведенныхъ персонажей и осмыслить степень испытываемыхъ ими волненій и страданій.

¹⁾ Ср. ея разсказъ *Три картины* (Иверія, 1900 г. № 2 и сл.).

хлѣба, хлѣба! — Такъ въ одно прекрасное майское утро четверо дѣтей слабымъ голосомъ и плача просили у своей матери дать имъ поѣсть.

— „Лучше бы умереть мнѣ, чѣмъ оставить васъ голодными“, — пробормотала подъ носъ мать ихъ, Марта, жена Ахалкаци.

Семья Ахалкаци разорилась во время засухи въ Кизихіи (Сигнахской уѣздъ, Тифлис. губ.). „Въ продолженіе трехъ лѣтъ здѣсь не было совсѣмъ урожая; во всей мѣстности исчезъ всякій слѣдъ плодовъ; хорошо устроенныя семьи впали положительно въ нищенство; крестьяне, съ сумами черезъ плечо, сотнями бродили по окрестнымъ селамъ и городамъ. Поля были наполнены женщинами, которыя вырывали корни травъ; эти корни, сваренные въ соленой водѣ, были единственной пищей для нихъ... Петре Ахалкаци принадлежалъ къ хорошо устроенному и безпечному семейству: прекрасная каменная комната, каменный хлѣвъ, обширный дворъ и журчащій потокъ украшали его жилище. Очаровательный горный воздухъ и дивная природа хранили семейство Петре въ полномъ здоровьѣ. Но вотъ природа оказалась завистливой къ человеку и въ продолженіе трехъ лѣтъ нѣкогда цвѣтущее семейство разорилась она въ конецъ и пустилась по міру... Петре до самой послѣдней возможности не покидалъ своего родного дома, гдѣ онъ выросъ и гдѣ были схоронены кости его предковъ. Но жажда и голодъ осилили его“. Распроцаннись съ каждымъ угломъ своего дома, мужъ съ женой и съ дѣтьми, выпрашивая кусокъ хлѣба Христа ради, достигли Тифлиса. Странно было смотрѣть на помертвѣлыя отъ голода лица несчастныхъ дѣтей. Съ ногъ отъ большой ходьбы текла кровь; лица и руки, какъ бы закоптѣлыя въ дыму, сожжены были жгучими лучами лѣтняго солнца. Городъ ежался надъ голодающими. Свое семейство Петре укрылъ въ сѣняхъ одного домика. Днемъ они ходили просить подаванія, а ночью, уставшіе и изнеможенные, засыпали мертвецки на голой землѣ. Но подобное положеніе не могло долго длиться. Петре, не привыкшему кормиться безъ труда, нищенское выпрашиваніе милостыни казалось невыносимымъ стыдомъ. По совѣту сосѣдей онъ рѣшилъ отправиться на заработки въ Верхнюю Карталинію. Здѣсь, въ деревнѣ Арашенда, пріютили его одинъ изъ крестьянъ и далъ ему свой хуторъ.

Деревня Арашенда занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе. Но, благодаря бездѣтельности помѣщика, князя Спиридона Тавбурадзе, хозяйство здѣсь запущено, домъ въ полуразвалинахъ, народъ тонетъ въ невѣжествѣ, питаясь лишь бранью княгини Варвары, дочери тифлискаго мѣщанина. „У этой благословенной четы были дѣти: двѣнадцатилѣтній сынъ Леванъ отъ первой жены Спиридона и трое маленькихъ дочерей отъ Варвары.“ „Къ этому именно семейству и привела Марта, жена Ахалкаци, свою старшую дочь Кону“. По условію Кона должна была прислуживать княгинѣ въ продолженіе десяти лѣтъ; княгиня же, со своей стороны, должна была учить ее рукодѣлю, азбукѣ и, по прошествіи десяти лѣтъ, съ порядочнымъ приданнымъ выдать ее замужъ.

Съ того дня Кона сдѣлалась послушной рабой въ семействѣ князей Тавбурадзе. Присмотръ за ея поведеніемъ княгиня поручила старой дѣвѣ, Исахаръ, вѣчной ворчунѣ и грозѣ княжеской челяди.

Громаднаго роста, съ порядочно выросшими усиками, съ ключами на поясѣ, съ страшнымъ голосомъ, похожимъ на ревъ, Исахаръ казалась воплощеніемъ безчеловѣчности и безжалостности. При встрѣчѣ съ ней деревенскіе мальчики и дѣвочки прятались за заборъ отъ ея орлиныхъ взоровъ. Эта-то Исахаръ стала строго наблюдать за Коной, запугивая ее своимъ грознымъ взглядомъ. Босая, въ разорванномъ платкѣ, Кона должна была вставать рано утромъ, носить воду съ родника, убирать комнату и укачивать ребенка, не смѣя принимать участія въ играхъ прыгающихъ дѣтей. Если послѣднія мучили Кону, щипали ее, рвали ей волосы, то она не могла и не должна была плакать. Варвара и Исахаръ удивились бы и отвѣтили бы на ея жалобы словами Простаковой, поощряя ихъ грубость съ несчастнымъ созданиемъ: „Смотрите, пожалуйста, на эту избалованную дѣвчонку: дѣти даже не смѣютъ ее трогать! Развѣ ты не рада, дура, что эти дѣти съ тобою играютъ?!“ — По капризному требованію восьмилѣтней княжны Кона должна была таскать ее на своихъ плечахъ, пока, изиуренная, она не падала лицомъ на полъ. „Бей ее,“ — говорила тогда княгиня, со смѣхомъ обращаясь къ своему избалованному сыну, и тотъ начиналъ, какъ дикій звѣрекъ, всаживать кулачки въ нѣжныя дѣтскія бедра.

Въ обрисовкѣ этой жестокой, возмущающей душу, среды — Е. Р. Габашвили воспроизвела реальный типъ отжившей княжеской семьи. Писательница, побуждаемая нравственнымъ чувствомъ, не желаетъ отвратить читателя при созерцаніи одной отрицательной картины и для его успокоенія она отыскиваетъ въ домѣ князя Тавбурадзе сына послѣднего отъ первой жены, Левана, который, будучи самъ страдальцемъ-сиротой, естественно сочувствовалъ всей дѣтской искренней душою беззащитной маленькой Конѣ. Этихъ двухъ сиротъ, хотя не похожихъ по своему общественному положенію, соединяло ихъ общее горе. Насъ трогаетъ гоненіе, воздвигнутое мачехой на Левана, но симпатіи наши всецѣло на стѣсненной со всѣхъ сторонъ служанкѣ — Конѣ.

Писательница просто, незатѣйливо слѣдитъ, какъ Кона изъ рѣзвой, беззаботной дѣвочки становится не по лѣтамъ задумчивой, озлобленной. „Она всегда съ поникшей головой и съ печальнымъ лицомъ смотрѣла въ землю, точно желала узнать хоть отъ нея причину своего несчастнаго положенія. Въ немногія минуты покоя она вспоминала свою свободную жизнь у родныхъ, сладкія материнскія ласки, и несчастная Кона глубоко, всѣмъ сердцемъ вздыхала. Очень часто, наклоняясь къ люлкѣ и закрывъ руками свои глаза, она тихо рыдала. И старъ, и младъ, и мужчина, и женщина, всякій колотить ее по головѣ. „Кона, воды! Кона, огня! Поди сюда, иди скорѣе туда!“ Эти возгласы вѣчно слышались во всемъ домѣ, начиная съ кухни и кончая господскими палатами. Вечеромъ непомѣрно усталая Кона засыпала гдѣ-нибудь въ углу комнаты и

туть же на нее набрасывали разорванные лохмотья от старого, совсѣм разорваннаго одѣяла“. Вотъ неприглядная обстановка, въ которой растеть несчастная Кона!

Прошло пять лѣтъ. Конѣ уже пятнадцать лѣтъ, а Левану восемнадцать. Послѣдній въ теченіе трехъ или четырехъ отрывочныхъ вакаціонныхъ занятій подъ руководствомъ пріѣзжавшаго въ деревню Арашенди дворянина Гограшвили выучился грамотѣ и усвоилъ „честное направленіе своего благороднаго воспитателя“. Взаимная привязанность обоихъ сиротъ окрѣпла и обратилась въ горячую дружбу. Оскорбленный мачехой, Леванъ за утѣшеніемъ обращается къ Конѣ. Когда ему приходится въ голову мысль положить конецъ несправедливымъ отношеніямъ квягини къ себѣ и своей подругѣ, Конѣ, то послѣдняя удерживаетъ его, рисуя мрачныя картины Сибири или же ужаснаго положенія на чужбинѣ. Безъ него она останется вполнѣ одинокой. „Кому же излить свои душевныя страданія,—говоритъ она ему на берегу ручья со слезами,—какъ не тебѣ? Предъ кѣмъ же мнѣ выплакать свою несчастную судьбу, какъ не предъ тобой? Потершимъ еще, Леванъ, Богъ милостивъ, можетъ быть Онъ намъ поможетъ“.—Здѣсь уже вступили мы въ область сентиментальной части повѣсти. „Кона, не плачь,—отвѣчаетъ Леванъ,—твои слезы еще болѣе жгутъ мое изстрадавшееся сердце. Къ моему несчастію присоединяется твое и тогда я еще нестерпимѣе рвусь отсюда куда-нибудь. Слушай, Кона, давай убѣжимъ вмѣстѣ. Поѣдемъ въ далекія страны, поступимъ вмѣстѣ въ прислуги, будемъ работать, соберемъ деньги, выстроимъ домъ и будемъ жить какъ братъ съ сестрой“.

Леванъ не успѣлъ еще познакомить ее съ дальнѣйшими подробностями своего фантастическаго проекта, какъ раздался пронзительный крикъ Исахаръ:—„Кона, гдѣ ты, проклятая, ты уже забыла, что нужно тебѣ зайти домой“... Кона тяжело вздохнула, посмотрѣла на Левана и побрела въ комнату. Леванъ же предался горестнымъ размышленіямъ. Онъ слышитъ брань, палочные удары, но таесть отъ сердечныхъ мукъ при видѣ безхарактерности отца и жестокости его жены, переноситъ эти страданія безропотно, безмолвно. Для чего онъ тутъ остается? „Неужели,—думаетъ онъ, растянувшись на зеленой травѣ,—меня удерживаетъ Кона, которая безъ меня останется одинокой? Не знаю... но всякій разъ, когда намѣреваюсь отсюда бѣжать, я представляю себѣ ея печальное, полное внутренней тоски, лицо, и стыжусь измѣны, и нѣтъ желанія порвать съ нею пятилѣтнюю искреннюю дружбу. Бѣдная! вся жизнь ея проходить въ колотушкахъ... Кромѣ физической боли, несчастная Кона еще испытываетъ нравственныя муки, перенося столь сильныя униженія человѣческой личности. Вчера ее обвинили въ воровствѣ. Кона украла! Неужели она способна рѣшиться на воровство, но кто явится безпристрастнымъ судьей?“

Такъ еще долго философствуетъ на чувствительныя темы Леванъ, который, изъ желанія помочь Конѣ, пишетъ своему бывшему учителю

Гограшвили, прося у него совѣта. Сначала онъ описываетъ ему свое тяжелое семейное положеніе, потомъ вспоминаетъ его слова и рѣчи о томъ, „что значить *человѣкъ*, какія отношенія должны существовать между людьми и, находитъ, что онъ вмѣстѣ съ Коной погибаетъ въ кабалѣ, „удольное письмо Гограшвили отвѣчаетъ, что онъ очень сожалѣетъ, что „пробудить въ немъ человѣческія достоинства“, не сообразуясь съ обстановкой, въ которой онъ оставилъ его съ такими мыслями. Распространившись насчетъ необходимости „быть волкомъ среди волковъ“, онъ предлагаетъ Левану бѣжать, обѣщая раскрыть ему двери своего дома. Этого отвѣта Леванъ посмѣшился сообщить Конѣ, которая послѣ продолжительныхъ колебаній согласилась бѣжать „въ полночь“, когда все успокоилось въ палатахъ князя Тавбруадзе.

Раннимъ утромъ Исахаръ открыла исчезновеніе Коны и Левана. Поднялась страшная тревога. Квягиня считала себя опозоренной союзомъ ея пасынка со служанкой. Леванъ успѣлъ исчезнуть, бѣглянку же догнали близъ станціи желѣзной дороги, привели къ квягинѣ, которая, вскочивъ на беззащитную Кону своимъ тяжелымъ тѣломъ, стала топтать ее ногами. „Кона долго лежала въ постели безъ чувствъ. По цѣлымъ днямъ, мучимая жаждой, съ высохшимъ отъ сильнаго жара горломъ, устремивъ взоры въ одну точку, она призвала на помощь смерть. Предположеніе случайно посѣтившаго ее врача о томъ, что она съ трудомъ проживетъ одну недѣлю, не оправдалось. Кона пролежала всю зиму, но съ пробужденіемъ весенней природы она стала чувствовать себя лучше и въ одинъ прекрасный день встала съ постели“. Окаменѣлое во время крѣпостничества сердце Исахаръ и безчеловѣчность тифлисской мѣщанки-квягини не замѣчали блѣднаго лица Коны и съ насмѣшливою встрѣтили ея появленіе. Исахаръ и квягиня осыпали ее бранью за ея попытку бѣжать и сдѣлаться „невѣстой“ князя Тавбруадзе. Кона, до этого времени терпѣливо переносившая и побои, и брань, запаслась въ теченіе продолжительной болѣзни силой и смѣлостью заявить квягинѣ, чтобы она ее пощадилла, не взводила напраслины.—„Долѣе терпѣть я не могу, и я человѣкъ, и въ моихъ жилахъ течетъ человѣческая кровь,—могу потерять самообладаніе и тогда...“ Кона сразу выпрямилась; лицо у нея зарумянилось, и эти слова она произнесла съ такой отвагой, что, не шутя нагнала страхъ на своихъ враговъ; но, спустя минуту, онъ еще съ большимъ бѣшенствомъ напали на нее.

— „Скажите, пожалуста, какъ она языкъ удлиннла! Быть можетъ, ты на самомъ дѣлѣ себя считаешь квягиней?.. Ты бы лучше замолчала, а то всѣ волосы съ тебя сдеру“,—угрожала ей почтенная квягиня. Несправедливо взведенная на Кону клевета совсѣмъ измѣнила ея скрытый и застѣнчивый характеръ. Теперь она не слѣпо подчинялась своей судьбѣ: въ ея сердцѣ зародилось глубокое чувство мести и каждадневныя ея заботы вертѣлись на вопросѣ, чѣмъ отплатить своимъ врагамъ... Разъ какъ-то она перебирала вещи въ сундукъ и нашла не-

рочинный ножикъ, подаренный ей Леваномъ. Кона внимательно его осмотрѣла и положила въ карманъ. Съ этого дня фигура ея значительно выпрямилась, глаза заблистали огнемъ, поблекшія щеки загорѣлись румянцемъ, въ движеніяхъ стали обнаруживаться нѣкоторая живость и быстрота. Она собрала все свои уцѣлѣвшія силы и энергію для осуществленія своей завѣтной мести, и не долго ей пришлось ждать.

Случилось, что „Кона утюгомъ спалила дорогую шаль княгини“. Княгиня Варвара пришла въ остервенѣніе, схватила Кону, сорвала съ нея головной уборъ и начала безжалостно рвать волосы. На помощь княгинѣ прибѣжала Исахаръ и онъ вмѣстѣ стали довершать звѣрскую расправу. Кона пришла въ изступленіе, еще разъ употребила послѣднее усиліе и вырвалась изъ рукъ Варвары. Со рта у нея, какъ у бѣшеной, струилась пѣна, глаза страшно выкатились, въ горлѣ что-то ужасно думило; все закружилось передъ нею, и въ одно мгновеніе она вонзила ножикъ въ грудь княгини, но сама пошатнулась, схватилась рукой за бокъ и упала къ ея ногамъ бездыханной. Какъ разъ въ этотъ ужасный моментъ двери растворились и вошла мать Коны, Марта, съ переметной сумкой черезъ плечо. „Она пришла съ подарками князьямъ для освобожденія своей дочери изъ неволи и увидѣла, что дочь уже обрѣла свободу ужасную, но зато истинную и вѣчную“!..

Въ этой повѣсти, полной бытовыхъ картинъ, г-жа Габашвили явилась не только внимательной наблюдательницей взаимныхъ отношеній дворянства и крестьянства, но сумѣла ихъ проанализировать, заглянуть въ душу простолюдиновъ и освѣтить ихъ въ моменты глубокой внутренней борьбы... Гуманное чувство, проходящее вообще черезъ все ея произведенія, съ наибольшей яркостью выступаетъ въ описаніи злополучной судьбы Коны.

Какъ мало надо, чтобы внести въ хату крестьянина лучъ свѣта и удовлетворенія, показываетъ авторъ въ этюдѣ *Аробщикъ*. Постараемся передать этотъ разговоръ словами писательницы.

— Сосо, сынокъ, свѣтаеъ уже, вставай же, не то опоздаешь.

— Охъ, Боже мой, и выпастся то не дадутъ какъ слѣдуетъ,— произнесъ Сосо и поднялся, натягивая на себя рваную шинель.

Въ маленькой неопштукатуренной комнатѣ было еще темно. Изъ полуоткрытыхъ дверей желѣзной печки, стоявшей въ углу комнаты, какъ далекая звѣздочка, свѣтилась кучка углей, бросая вокругъ слабый красноватый отблескъ. Во всю длину комнаты, у задней стѣны, стояла ничѣмъ не покрытая тахта. На ней, кромѣ Сосо, сладко спали еще человекъ три—четыре. Въ комнатѣ, осторожно ступая, ходила только мать Сосо, Меланія, снаряжавшая сына къ поѣздкѣ въ городъ.

— Возьми вотъ мой платокъ и закутайся. Богъ дастъ къ утру мятель стихнетъ.

— Эхъ, кабы ты знала, какъ мнѣ не хочется ѣхать въ городъ. Кто что дастъ за эти сырые прутья?—На смѣхъ только поднять.

— Богъ не безъ милости, Сосо, не все же въ городѣ могутъ сагумарскія дрова покупать.

Такъ утѣшала вдова Меланія своего единственнаго кормильца, шестнадцатилѣтняго Сосо, а у самой сердце замирало отъ страха, что въ такую погоду, когда добрый хозяинъ собаки не выгонитъ, она послала его въ Тифлисъ. Вчера они съ большимъ трудомъ собрали эти дрова: обломали высохшія вѣтки вишни, оборвали немного тхемали (сливы), вытащили палки изъ забора. У Меланіи сердце надрывалось, когда она уничтожала деревья, посаженные ея покойнымъ Гогіей.

Было уже около полудня, когда Сосо прибылъ со своей арбой на дровяную площадь у Верійскаго моста. И онъ, и быки съ запавшими боками, еле тащившіе жалкую арбу, представляли печальную картину. При самомъ появленіи своемъ на площадь, они возбудили смѣхъ у аробщиковъ.

Сосо не обращалъ вниманія на сыпавшіяся на него со всехъ сторонъ остроты, снялъ съ головы платокъ, приподнял папаху, надвинутую на глаза, и сталъ рядомъ съ другими въ ожиданіи покупателя... Но, увы, такого благодѣтеля не находилось, и мысли Сосо оставались по прежнему мрачными. Все аробщики, одинъ за другимъ, распродали свои дрова. Солнце уже давно зашло за Давидовскую гору; морозъ крѣпчалъ, у Сосо ноги уже околѣбли, а покупателей все не было. Безнадежно и тяжело было на душѣ у аробщика, но онъ еще стоялъ, если бы метельщикъ не спугнулъ его.

— Эй ты, мужикъ, заснулъ что-ли? Отправляйся домой, видишь темнѣетъ, а мнѣ площадь надо помести.

Вблизи арбы Сосо сидѣли двое стариковъ, согнувшихся въ три погибели и дрожавшихъ отъ холода. Съ пилами въ рукахъ они также терпѣливо ждали, пока продается арба Сосо, чтобы заработать нѣсколько грошей.

— Не горюй, парень, послушайся-ка лучше меня,—посоветовалъ ему старый пильщикъ,—еще пока рано, попробуй повозить свою арбу по переулкамъ, можетъ кто и купить дрова. И мы за тобой пойдемъ. Богъ дастъ, копѣекъ десять перепадетъ на хлѣбъ.

Въ одномъ изъ узкихъ переулковъ Веры стоялъ небольшой, покосившійся домикъ; грустно смотрѣла въ окно его обитательница Текле Варткачкачева.

— Вотъ и праздники наступили... Многимъ они принесутъ и радость и, веселье, а я съ моими крошками не знаю—какъ и встрѣтить ихъ. Полѣна дровъ нѣтъ въ домѣ, и купить ихъ не на что.

— Дрова, барыня, дрова,—раздалось подъ окномъ,—купите, барыня, хорошія, сухія,—тянулъ нарастающе одинъ изъ пильщиковъ.

— Задаромъ отдастъ,—добавилъ второй,—онъ очень нуждается. Сосо молчалъ и смотрѣлъ. Его широко раскрытые глаза были полны тайной надежды на заработокъ.

— Не надо никакихъ дровъ, убирайтесь,—сердито отрѣзала Текле.

Въ это время къ матери кинулась маленькая дѣвочка и тоже начала просить.

— Купи, мама, у насъ, вѣдь, нѣтъ дровъ.

— Милая,—нѣтъ дровъ, нѣтъ и денегъ, а праздники наступили.

— Купи, барыня,—умоляя пыльщикъ,—смотри: три человѣка годовныхъ просятъ, да и быки съ ногъ валяются.

— Ну, везите,—сердито проговорила Текле, и въ ту-же минуту ей стало досадно, что она согласилась.

— Больше двухъ рублей не дамъ,—обратилась Текле къ Сосо.

— Рано утромъ, барыня, мнѣ давали два рубля сорокъ копѣекъ, да вотъ я сгнулъ, не продать,—совралъ Сосо, надѣясь, что барыня прибавитъ еще что-нибудь.

— И какія это дрова? Всего одна охапка, да и тѣ гнилыя.

— Богъ тебя наградитъ, барыня, за то, что ты смилостивилась надъ этимъ несчастнымъ парнемъ.

Эти слова старый пыльщикъ произнесъ такъ жалобно, что Текле внимательно посмотрѣла на молодого аробщика. Его удрученный видъ, рваная одежда и жалкіе быки возбудили въ ней сочувствіе.

„Чѣмъ бы помочь этому несчастному!“ — подумала она.

И когда передъ ней мысленно пронеслась картина, какъ въ убогой избѣ, быть можетъ, теперь его ждетъ холодная и голодная семья, она совѣмъ разжалобилась, вошла въ комнату и вынесла оттуда кучу разнаго тряпья.

Вѣтеръ стихъ. Все кругомъ было окутано туманомъ. Въ воздухѣ сильно потеплѣло. Быки Сосо, наѣвшись, весело тащили домой пустую арбу. Сосо, нарядившись въ длинное теплое пальто, бодро шагала за ними, грызя сухой чурекъ. Съ его устъ не сходила блаженная улыбка.

— Вотъ, чортъ побери, нашлась таки добрая душа! Чего-чего только я теперь ни везу своимъ. Ну, отличные праздники у насъ будутъ.

И Сосо вспрыгнувъ на арбу, лихо шелкнулъ бичемъ, и весело расцѣвая, погналъ своихъ быковъ.

Проникнутая искренней любовью къ родинѣ и желаніемъ служить ей интересамъ, г-жа Габашвили не скрываетъ отрицательныхъ сторонъ своего народа, съ горечью указывая на язвы, его разъѣдающія. Усвоивъ пріемъ мышления контрастами, она рисуетъ идеаль дѣятеля, какъ учитель Гограшвили или Шромадзе, и рядомъ съ нимъ воспроизводитъ сцены уклоненій отъ этого идеала. Несоответствіе житейскихъ явленій высшему назначенію человѣка вноситъ въ ея рассказы значительную долю желчи и сарказма. Негодованіе ея получаетъ характеръ сатиры и ѣдкой насмѣшки надъ фальшею и общественной пустотой въ таковыхъ произведеніяхъ, какъ „Женскіе портреты“ („Грузинская бібліотека“ 1899 г. № 6), „Лѣтнія картины“ и „Различные браки“ („Иверія“). Въ отрывочныхъ, но правдивыхъ и художественныхъ картинахъ писательница водитъ читателя по галлерей разнообразныхъ типовъ, окрашенных довольно мрачнымъ колоритомъ. Безцѣльное прозябаніе княжны Какато,

вырвавшейся изъ „тюрьмы“, т. е. института, бракъ по расчету съ безрукимъ, но богатымъ полковникомъ, служить не исключительнымъ явленіемъ, а модой, распространенной съ недавнихъ лѣтъ въ грузинскомъ обществѣ. У Какато есть подруга—генеральская дочь, Мамо, безъ тѣни симпатіи къ жениху принимающая его предложеніе: она очарована его драгунскимъ мундиромъ, умѣнемъ „легко мазурку танцовать и изъясняться по-французски“. Отсутствие духовной связи скоро обнаруживается: мужъ предается игрѣ въ карты, а жена пользуется свободною жизнью замужней женщины. „Развѣ я для того вышла замужъ,—говоритъ одна дама мужу,—чтобы ухаживать за своими дѣтьми и нянчиться съ ними. Для этого существуютъ гувернантки, боиш... Я желаю уѣхать за-границу: достаньте деньги, иначе я съ вами разведусь“. Такіе взгляды молодого поколѣнія, получившаго образованіе въ институтахъ и гимназіяхъ. Къ сожалѣнію, представительницы прежняго поколѣнія отличались невѣжествомъ, но супружескую вѣрность чтили свято; юныя дамы, уродливо воспитавшись подъ влияніемъ новаго течения, пріобрѣтшія вѣншій лоскъ, утрачиваютъ нравственный устой. Грузинское общество переживаетъ переходную эпоху скрещенія старинныхъ національныхъ завѣтовъ и легкомысленныхъ нравовъ и понятій, прививающихся односторонними вѣяніями европейской культуры чрезъ призму русскаго вліянія.

Г-жа Габашвили не менѣе огорчена пустотой мужскаго общества. Князь Григорій Магаларовъ, драгунскій офицеръ, очаровывающій барышень своимъ мундиромъ и усиками; старый генералъ, любящій свою жену и содержащій любовницу; князь Дидебадзе, мужъ подъ башмакомъ жены, князекъ Заалъ, уволенный изъ гимназіи за лѣность, рано женившійся и все же продолжающій веселиться въ сомнительной компаніи,— вотъ люди, нравственно извращенные, эгоистическіе и умственно ограниченные. Характерно, что всѣ они представители „высшаго свѣта“. Народъ же и средній классъ хранятъ здоровые задатки будущаго развитія: и по чистотѣ нравовъ, по цѣльности характеровъ, и по богатству энергіи они выше помѣщичьей среды. Помѣщики вносятъ разладъ въ семейную жизнь, крестьянскій бытъ разлагается подъ ихъ губительнымъ вліяніемъ.

Со времени основанія новаго журнала „Моамбе“ Ек. Габашвили стала въ немъ принимать близкое участіе: здѣсь она напечатала „Утѣшеніе Тамары“ (1894 г. III), „Торжествующій Нико“ (1896 г. I, II, III), „Птенчикъ“ (1896 г. XII). „У Луарсаба нашелся патронъ“ (1901 г.). Сущность первой повѣсти заключается въ томъ, что героиня ея, княжна Тамара Шалвашили, основательница сельской школы и прозелитка идеи служенія народу, склоняетъ влюбленнаго въ нее состоятельнаго офицера Георгія Эдишерашвили оставить военную службу и заняться сельскимъ хозяйствомъ на благо крестьянъ. Здѣсь писательница рисуетъ уже типъ энергичной дѣвушки и мягкаго помѣщика; съ твердой вѣрой

вознамѣрившагося поѣздкой за границу возродиться къ цѣли иной жизни, составляющей святое назначеніе каждого грузина,—поселиться въ деревнѣ и взяться за плугъ. Такимъ образомъ г-жа Габашвили во второмъ періодѣ своей дѣятельности отъ воспроизведенія отрицательныхъ картинъ переходить къ положительнымъ типамъ. Одинъ уголокъ общественаго поприща, доступнаго въ Грузіи каждому интеллигенту, составляетъ сельская школа, и здѣсь-то мы видимъ у г-жи Габашвили первыхъ борцовъ за просвѣщеніе народа. Въ повѣсти „Торжествующій Нико“ герой Нико Бершвили и героиня Лизи Кашкадзе выступаютъ въ качествѣ руководителей народнаго образованія. Если въ повѣсти „Утѣшеніе Тамары“ героиня указываетъ герою истинный путь служенія родинѣ, то въ повѣсти „Торжествующій Нико“ роли перемѣняются. Лиза вовсе не сочувствуетъ Нико, что „онъ цѣлый день проводитъ съ крестьянами“. Она еще долго увлекается ухаживаніями развращенныхъ князей, но впоследствии, когда невзрачному на видъ сельскому учителю Нико удается спасти Лизу отъ угрожающей ей нравственной гибели, она связываетъ свою судьбу съ нимъ, принявшимъ санъ священника, въ виду клеветъ недовольныхъ князей, и вдвоемъ они все цѣло отдаются интересамъ крестьянства: они устроили „общественный магазинъ хлѣба“, развели общественную станцію, пре-красно обставленную школу, завоевавъ горячія симпатіи народа. Если можно видѣть въ этихъ типахъ идеализацію, не вполне соответствующую дѣйствительности, то нужно во всякомъ случаѣ признать ихъ дидактическое значеніе: идеаль, здѣсь нарисованный, близокъ къ осуществленію.

Въ разсказѣ *Бабо Гурчинаули* Ек. Габашвили знакомитъ съ умной крестьянкой, одной изъ деревенскихъ собесѣдницъ въ скучные зимніе вечера госпожи Макрины, получившей образованіе въ гимназій. Судьба Бабо была не изъ завидныхъ. Еще отъ матери, красивой молодой женщины, отворачивались жители Гугулисъ-Кеди изъ-за усиленныхъ посѣщеній ея хаты сластолюбивымъ барининомъ. Оставшись вдовой, съ двумя дѣтьми на рукахъ—подросткомъ сыномъ и трехлѣтней дѣвочкой Бабо, она вся ушла въ нихъ, безъ усталости работала, не видя по цѣлымъ днямъ ни одной живой души. Прошло время, Бабо выросла и уже готовилась выйти за осетина Максима: мать Бабо согласилась отъ жениха получить выкупъ 100 р., и былъ назначенъ день свадьбы. Макрине предъ вѣнчаніемъ посѣтила свою приятельницу Бабо, растерянный видъ которой поразилъ гостью. Невѣста вдругъ зарыдала. Макрине давно ужъ подозрѣвала, что Бабо любить не своего жениха, а его младшаго брата Джибо, съ которымъ по обычаю проводила время невѣста, такъ какъ женихъ долженъ бывать мало у сосватанной дѣвушки. Она чувствовала, что на ея глазахъ „завязывается драма“. Бабо проситъ Макрине за нее, она боится предстоящей свадьбы, ее ждетъ горе. Но поговорить съ родными Бабо доброй Макринѣ не пришлось, такъ какъ она уѣхала въ Кутаисъ и свадьба состоялась въ ея отсутствіи. Прошло 6—7 лѣтъ. Макрине кое-какъ успѣла попасть въ напол-

ненный богомольцами вагонъ, отправляющійся изъ Тифлиса въ Мцхетъ, на праздникъ 1 октября. Монастырь былъ переполненъ пріѣзжими, но тишина въ немъ была поразительная. Въ маленькой кельѣ, отведенной Макрине, стало душно и сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ. Она на разсвѣтѣ вышла въ монастырскую ограду. Усталый народъ еще крѣпко спалъ.

„Вдругъ послышался гдѣ-то скрипъ отворяемой двери, и во дворѣ показалась высокая бѣлая фигура монахини. Тихо, съ опущенной головой, она подошла къ дверямъ церкви и, благоговѣйно опустившись на колѣни и поднявъ руки, замерла въ молитвенномъ экстазѣ. Долго она такъ стояла, наконецъ тихо встала, взяла метлу и начала мести дворъ, потомъ спустилась къ Арагвѣ и принесла воды. Я все время слѣдила за ней, не открывая глазъ: меня удивляло, что эта дѣвушка, которой на видъ, казалось, 24—25 лѣтъ, была такъ далека отъ земли, ничто не привлекало ея вниманія.

Покончивъ съ работой, она пошла въ келью и вышла оттуда уже вся въ черномъ. Длинная черная одежда скрывала ея стройную фигуру, а черное покрывало придавало ей отпечатокъ какой-то грусти и скромности. Опустивъ голову, она медленно направилась въ мою сторону, но, увидѣвъ меня, вздрогнула и остановилась. Видно было, что она не ожидала встрѣтить здѣсь посторонняго. Въ это время лучъ солнца освѣтилъ ее.

— Бабо,—крикнула я, бросаясь къ ней.

Да, это блѣдное существо, съ опущенной головой, была Бабо.

Послѣ первыхъ привѣтствій, сдержанно, не торопясь и не волнуясь, полная безграничной тоски, она рассказала все, что произошло послѣ моего отъѣзда и что привело ее въ монастырь.

— Помнишь, Макрине, я просила тебя помочь мнѣ, а ты даже и вниманія не обратила на это; видишь теперь, до чего я дошла. Но все же я съ благодарностью вспоминаю тебя: ты такъ хорошо говорила намъ о святыхъ мученикахъ, что образы Цециліи и Терезы, какъ живые, всегда стояли передо мной, и мысль объ ихъ страданіяхъ поддерживала меня въ тяжеломъ испытаніи, посланномъ судьбой, помогла мнѣ овладѣть собой и успокоить свое волнуемое сердце. Да, дорогая Макрине, исполняя свои обязанности и душой приближаясь къ Богу, я чувствую себя почти счастливой: горячая молитва меня успокаиваетъ, а это большое счастье для такого убитаго существа, какъ я.

— Да что же случилось съ тобой?—съ терпѣніемъ прервала я ее, говори поскорѣе.

— Все расскажу, дорогая, не осуждай только меня, я и сама не знаю, какъ это могло случиться. Одно только скажу въ свое оправданіе: мое чувство къ Джибо было сильное и чистое, выше и дороже его для меня никого не было. Откуда я могла знать, такая молодая, что это чувство было противъ Бога и людей? Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ съ того дня, какъ я обручилась съ Максиме, почти каждый вечеръ я видѣлась съ Джибо, и только разсвѣтъ напоминалъ намъ, что пора рас-

ходить. Онъ уходилъ на желѣзную дорогу, а я, веселая и счастливая, принималась за работу, мечтая о томъ, чтобы поскорѣе стемнѣло и при- шель Джибо.

Однажды, когда я, по обыкновению, пришла въ назначенное мѣ- сто, Джибо встрѣтилъ меня страшно грустный и не обнялъ, какъ это дѣлалъ всегда. Пораженная такой встрѣчей, я молча, со слезами на гла- захъ, сѣла подлѣ него.

— Бабо, въ эти шесть мѣсяцевъ вспомнила же ты хоть разъ, что скоро должна обвиняться съ Максиме?—съ горечью спросилъ онъ.

— Съ Максиме? о, какъ нѣтъ!... но почему ты говоришь объ этомъ сегодня?

— Сегодня онъ былъ у меня и сказалъ, что не можетъ больше ждать и хочетъ, чтобы свадьба была непременно въ этомъ мѣсяцѣ.

— Что же ты отвѣтилъ ему?—съ зампраніемъ сердца спросила я его; вся жизнь моя зависѣла отъ его отвѣта.

— Дать деньги, что же могъ я сказать ему...—со вздохомъ отвѣ- тилъ Джибо.

Я вскочила и бросилась бѣжать. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ молча, потомъ догналъ меня и, обхвативъ своими могучими руками, сталъ безъ конца цѣловать, повторяя какъ безумный:

— Прощай, Бабо, мой свѣтъ, моя жизнь... радость...

Мнѣ сдѣлалось дурно, опомнилась я только отъ холода росы.

Это случилось за три дня до того времени, какъ ты приходила къ намъ. О, какіе это были ужасные дни! Тогда въ первый разъ только я задумалась надъ тѣмъ, что меня ожидало, и чуть съ ума не сошла. Я не въ состояніи выразить словами того отчаянія, въ какое я пришла, сознавъ весь ужасъ своего положенія. Какъ выйти изъ него, я не зна- ла, и никого не было подлѣ меня, кто бы могъ дать совѣтъ. Одна на- дежда была на тебя и Джибо, но и вы не помогли: Джибо все время молчалъ, а въ эти ужасные дни исчезъ куда-то, ты какъ будто бы на- рочно ничего не понимала, когда же я, обезумѣвшая отъ горя, броси- лась къ тебѣ, хотѣла рассказать все и молить о помощи, ты уѣхала въ Кутаисъ. А время все шло, къ свадьбѣ уже все было готово: мое при- даное лежало сложенное въ углу, въ ящикахъ, кучами были навалены даваши, и я все-таки не знала, что со мной будетъ. Въ субботу вече- ромъ Джибо привезъ мнѣ подарки, а въ среду была свадьба. Я была какъ каменная, слова не могла вымолвить, не помню, какъ меня одѣли и посадили на тахту, какъ собралась гости. Пришла въ себя только услышавъ зурну и крики: „Женихъ идетъ, женихъ идетъ!“ Я вся за- дрожала, руки и ноги похолодѣли, а Максиме вышелъ нарядный, сча- стливый, веселый; при видѣ его мнѣ сдѣлалось дурно. Черезъ часъ мы сидѣли въ арбѣ и ѣхали вѣнчаться въ церковь св. Георгія. Что тебѣ еще сказать, моя Макрине? Что я пережила, ты и безъ словъ поймешь. Со дня моей свадьбы Джибо пропалъ безъ вѣсти, а я глубоко въ серд- цѣ затаила свое горе и покорилась.

Въ одномъ я не могла сломить себя: невыносимы были мнѣ ласки Максиме; онъ видѣлъ это и приходилъ въ бѣшенство. И такъ какъ харак- теръ у него былъ тяжелый, а послѣ женитьбы сдѣлался еще хуже, онъ злился съ утра до вечера и прямо готовъ былъ растерзать меня. Мать его, кажется, догадалась обо всемъ, что между нами происходило, и они вмѣстѣ изводили меня. Ни одной минуты я не знала покоя: брань, попреки такъ и сыпались на меня. Моя молчаливость и безотвѣтность еще больше озлобляли обоихъ.

Такъ прошло шесть мѣсяцевъ, я исхудала, поблѣднѣла и цѣлые дни, равнодушная, съ опущенной головой сидѣла у очага и предоста- вляла имъ волю издѣваться надо мной.

Однажды вечеромъ, когда моя свекровь и мужъ, уставъ, наконецъ, меня ругать, утихли и усѣлись по угламъ, дверь отворилась и вошелъ Джибо. Съ безумнымъ крикомъ бросилась я къ нему на шею, онъ же, не замѣтивъ въ темнотѣ мать и брата или не выдержавъ, не знаю, по только крѣпко, по старому, обнялъ меня и прижалъ къ себѣ. Максиме и мать стояли пораженные и широко раскрытыми глазами смотрѣли на насъ. Я зарыдала, а Джибо старался успокоить меня.

— Чего же ты плачешь? Что скажутъ люди, если услышатъ. Къ счастью, ни мужъ, ни свекровь не догадались о причинѣ моего плача; они подумали, что я жалуясь Джибо, и принялись оправдываться.

Джибо поселился у насъ. По внѣшности наши отношенія были отношеніями невѣстки и деверя, но любили мы другъ друга еще силь- нѣе прежняго. Жилось до того тяжело, что мнѣ часто приходила въ голову мысль схватить веревку и повѣситься. Что было съ Джибо,—не знаю, мы даже и не разговаривали, видѣла только, что ходить самъ не свой, злой такой сдѣлался.

Разъ вечеромъ я сидѣла у его постели и шила что-то, свекровь тоже была въ избѣ, вдругъ вошелъ Максиме, пьяный и прямо на- правился ко мнѣ. Не стѣсняясь присутствіемъ матери и брата, онъ сталъ обнимать меня и ласкать. Кровь бросилась мнѣ въ голову, и я изо всѣхъ силъ толкнула его; онъ взбѣсился и сталъ бить меня, да еще кулаками, прямо по лицу; кровь хлынула у меня изъ носа и рта, но я все же продолжала его отталкивать.

— А, такъ ты знаешь меня не жалѣешь, тебѣ, какъ и твоей матери, нужны князья,—въ бѣшенствѣ кричалъ онъ,—и онъ изо всей силы схватилъ меня, повалилъ на землю и сталъ душиить. Въ это время что съ страшной силой оступилось на голову Максиме, и черезъ мгнове- ніе онъ лежалъ на землѣ. Я вскочила и увидѣла ужасную картину: Максиме съ разбитой головой хрипѣлъ, около него стоялъ смертельно блѣдный Джибо и дико смотрѣлъ на палку, которою убилъ брата.

Я выбѣжала на дворъ и сама не знаю, какимъ образомъ очутилась въ лѣсу. На другой день меня подобрали проѣзжіе безъ чувствъ подлѣ большой дороги и привезли къ матери. Шестъ недѣль я была между жизнью и смертью, наконецъ, выздоровѣла. Зачѣмъ? На что мнѣ была

моя загубленная жизнь. Первые слова, которые я слышала, когда опомнилась, было обвинение матери:

— Наконец помирилась со мной деревня, наконец я уже могла войти в домъ сосѣдей, а ты во второй разъ заставила всѣхъ отвернуться отъ меня. Будь проклять день, когда ты родилась.

Я узнала, что Максиме послѣ долгихъ страданій умеръ, а Джибо сослали въ Сибирь. Развѣ я могла послѣ этого смотрѣть въ глаза людямъ? И я ушла изъ дома, вечеромъ, потихоньку, пришла на вокзалъ. Какъ разъ въ это время пришелъ поѣздъ, кто-то купилъ мнѣ билетъ и я сѣла въ вагонъ. Куда я ѣхала мнѣ было безразлично. Въ Мцхетѣ въ вагонъ вошли двѣ монашенки и сѣли подлѣ меня. У меня все лицо залито слезами, отъ слабости кружилась голова, а сердце такъ билось, что я задыхалась. Монашенки сначала съ удивленіемъ смотрѣли на меня, а потомъ съ горячимъ участіемъ стали спрашивать о причинѣ моего горя. Я рассказала все, пожалѣли онѣ меня и взяли съ собой въ это святое мѣсто, научили молитвѣ, раскаянію и терпѣнію; и вотъ видишь, я теперь монахиня¹⁾.

Въ это время въ чистомъ утреннемъ воздухѣ пронесся звукъ монастырскаго колокола. Бабо простилась со мной и поспѣшила въ монастырь. Такъ граціозно раскрыла писательница душевные переживания Бабо, приведшія ее въ монастырскую келью.

Писательница въ одномъ разсказѣ прекрасно иллюстрируетъ тягостное положеніе бѣдной женщины, трагически кончающей жизнь въ присканіи средствъ къ существованію. Разсказъ этотъ *Танецъ Тинатины*¹⁾.

„Ноябрь мѣсяцъ, день св. Георгія. Зима еще не наступала, но предвѣстникъ ея, иней, уже красиво серебрилъ селеніе Зедашены.

Надъ трубой каждой избы въ селеніи вились струйки голубоватаго дыма; взрослые и дѣти, старые и молодые,—все ближе и ближе тѣснились къ огню, чтобы хоть его тепломъ и свѣтомъ вознаградить себя за угрюмую непривѣтливость солнца, спрятавшагося за темными и тяжелыми осенними тучами.

Въ одной только избѣ старой Тинатины не пылаетъ веселый огонекъ, только ея внуки, посинѣвшіе отъ холода, скорчившись, сидятъ у остывшаго очага и, зябко кутаясь въ старое, изодранное одѣяло, жалобно воютъ, какъ голодные волчата...

— Холодно, бабушка, холодно! Хлѣба, бабушка, хлѣба!

Что дѣлать одинокой, безпомощной старухѣ, къ кому обратиться, гдѣ достать хлѣба или дровъ? Кто ей поможетъ, кто войдетъ въ ей положеніе? Всѣмъ сосѣдямъ уже успѣла она надоесть, всѣмъ глаза намозолила, вѣчно собирая по всѣмъ дворамъ щепки, вѣчно у всѣхъ выпрашивая хвороста...; а воровство кольевъ изъ чужихъ виноградниковъ давно уже тяжкимъ грѣхомъ лежитъ на ея старой душѣ...

Горсточку двѣ муки можно бы было еще кое-какъ паскрести на днѣ плетенки, гдѣ у Тинатины хранится мука, но какъ быть съ огнемъ?

¹⁾ *Кав. л.* 1898 г. № 16.

Вотъ уже второй день, какъ она зорко слѣдитъ за тѣмъ, не затопитъ ли кто изъ сосѣдей «торне», чтобы послѣ хозяевъ, на полуостывшемъ огнѣ умудриться какъ-нибудь испечь пару лавашей,—но всѣ ея ожиданія напрасны; всѣ заранѣе, еще за нѣсколько дней до праздника напекли себѣ хлѣба на недѣлю и теперь проводятъ время въ покоѣ, съ наслажденіемъ грѣясь у очаговъ въ своихъ теплыхъ, уютныхъ избахъ...

— Будь у меня хоть сколько силы, чтобы добраться до прибрежныхъ кустарниковъ и наломать тамъ сухихъ вѣтокъ. Ахъ, если-бъ не это проклятое сердцебіеніе! Будь проклята моя невѣстка! Смотрѣла бы лучше за своими дѣтьми, чѣмъ выходить второй разъ замужъ и оставлять ихъ на рукахъ у меня, у слабой, полумертвой старухи...

— Бабушка, хлѣба! Кусочекъ, хоть малюсенькій кусочекъ хлѣба!—жалобно молили голодные ребятишки.

— Господи, что мнѣ дѣлать!—съ безнадежнымъ отчаяніемъ простонала Тинатина, и тяжелыя слезы покатались по ея иссохшимъ щекамъ.

— О, Боже! Прими мою грѣшную душу и избавь меня отъ столькихъ мученій, отъ столькихъ страданій!

Такая за душу хватающая тоска, такая безнадежная скорбь посыпались въ этомъ отчаянномъ воплѣ старухи, что даже дѣти почувствовали всю глубину ея страданій...

— Нѣтъ, бабушка, нѣтъ, не умирай!—еще жалобнѣе плача, кинулись они къ ней.—Что же будетъ съ нами безъ тебя, съ кѣмъ же останемся тогда мы?

Вдругъ издали, со стороны барской усадьбы, донеслись звуки „дудуки“... Веселые и полные задора и безпечности они прозвучали въ этомъ бѣдномъ, уныломъ жилищѣ, какъ насмѣшливый хохотъ какой-то злой силы,—хохотъ, весело слившійся съ жалобнымъ плачемъ голодныхъ, иззябшихъ обитателей жилища...

Старая Тинатина вздрогнула; казалось, при звукѣ этого веселаго напѣва она сразу вспомнила что-то далекое, но хорошее, счастливое...

Больная, полумертвая минуту назадъ, теперь она сравнительно бодро поднялась съ мѣста и начала собираться куда-то; она старательно умылась, надѣла старый, весь заплатанный, но свѣже-выстиранный „лечаки“, надѣла новые, шерстяные носки, сунула ноги въ домашнія грубые туфли безъ задковъ и, выйдя изъ избы, спѣшно направилась въ ту сторону, откуда не переставали доноситься веселые, задорные звуки дудуки.

— Ахъ, вотъ былъ день, вотъ былъ счастливый день!—съ трудомъ переводя дыханіе, шептала старая Тинатина.—Сорокъ, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ норъ, а я все помню такъ ясно, такъ хорошо, какъ будто все это происходило только вчера!

— Хоть молодой баринъ расширилъ свой домъ,—продолжала предаваться своимъ мыслямъ старуха, съ тяжелыми усиліями взбираясь на косогоръ,—но домъ стоитъ все на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ и при жизни стараго барина, и все такъ же гордо глядитъ сверху на ущелье,

тинущееся внизу... Да и молодец же быть покойный барин! Рослый, мужественный, красавец... и невеста у него была молодая и прелестная дѣвушка изъ знатной, богатой семьи. Былъ день ихъ свадьбы... ширь шелъ горой, однихъ крестьянъ было приглашено изъ семи деревень, о князьяхъ и дворянахъ и говорить нечего... стоялъ ноябрь мѣсяць... и тогда уже наступали холода, но не было такой стужи, какъ теперь... Я была тогда такъ молода, было не больше года, какъ я вышла замужь...

Среди многочисленной толпы крестьянъ я выдѣлялась, какъ драгоценная жемчужина... Я видѣла, какъ другіе перешептывались, любясь мною, я слышала, какъ всѣ вполголоса посылали благословенія моимъ родителямъ, родившимъ такую красивую-дочь...

— „А ну—ка, покажемъ молодой барышѣ, какъ танцуютъ наши молодцы!—весело объявила старая барыня... и насъ повели въ большую залу, гдѣ сидѣли новобрачные, съ сияющими счастьемъ лицами... Я шла, краснѣя и конфузясь, прячась за другихъ... вдругъ раздались звуки дайры и дудуки, веселые и увлекательные... и всѣ, поочереды, стали танцовать... дошла очередь и до меня... я почувствовала, что колѣни подо мною подгибаются, что я вся дрожу отъ волненія... Опустивъ внизъ глаза, я робко вышла на средину большой залы, низко поклонилась на всѣ стороны, распростерла руки и стала танцовать... со всѣхъ сторонъ раздались восторженные крики „ваша! ваша!“, музыканты заиграли громче и живѣе, грянулъ громъ аплодисментовъ. Не помню, что было дальше,—у меня кружилась голова, я была, какъ во снѣ...

— „Да собери же „шабашъ“¹⁾ и поблагодари господь!—услышала я голосъ моей свекрови... и только тутъ я очнулась, только тогда пришла въ себя... передо мною блестѣли шесть или семь новенькихъ серебряныхъ рублей и цѣлая масса старинныхъ сорокакопеечныхъ монетъ“.

Сверкающая нить свѣтлыхъ, счастливыхъ воспоминаній Тинатины вдругъ сразу пресѣклась на этомъ мѣстѣ... Да и была пора! Она уже стояла у подъѣзда барскаго дома, и больное, изнуренное сердце ея съ необычно-мучительной болью билось и колотилось въ ея уставшей отъ ходьбы груди...

— Боже, что это со мною! Никогда еще не бывало у меня такого страшнаго припадка!—съ отчаяніемъ вскрикнула старуха, безсильно опускалась на ступени лѣстницы и чувствуя, что она задыхается, что руки и ноги у нея отнимаются, что кровь стынетъ въ ея жилахъ.

Долго-долго сидѣла у подъѣзда вся поспившая, больная старуха. Ни одного живого существа не было возлѣ нея, никого не видѣлось вокругъ... Долго находилась Тинатина на рубежѣ жизни и смерти... Но мало-по-малу жизнь взяла верхъ; сердцебіеніе старухи улеглось, кровь обычнымъ порядкомъ заиграла въ ея жилахъ, дыханіе облегчилось, страхъ смерти прошелъ... и тихими, старчески-неровными шагами Тинатина

¹⁾ Шабашъ—деньги, собираемые танцующими со зрителей по окончаніи танца.

натина вошла въ домъ и замѣшалась въ толпу суетившихся и взадъ и впередъ снующихъ слугъ.

Пиръ въ полномъ разгарѣ, ширь чисто-грузинскій—веселый, широкій и многолюдный... Щедрый, гостепріимный хозяинъ съ веселымъ сияющимъ лицомъ расхаживаетъ среди гостей, приглашая къ веселію и оживленію. Въ одномъ мѣстѣ слышалось гармоничное, красивое хоровое грузинское пѣніе, а въ другомъ—громкія пѣсни подвыпившихъ гостей...

Дамы веселились, кокетничали, сверкали блестящими глазками и плѣнительными улыбками...; кавалеры, уже навеселѣ, съ восторгомъ увивались около нихъ...; тулумбашъ, распорядитель стола достойный главарь достойнаго общества, съ честью выполнялъ возложенную на него обязанность и провозглашалъ такіе краснорѣчивые, такіе блестящіе тосты, что всѣ съ удовольствіемъ подчинялись его велѣніямъ безпрекословно слѣдовали его примѣру и безъ усталости осушали стаканъ за стаканомъ ярко-краснаго, гристаго вина...

— Лезгинку, Осельг, лезгинку! крикнулъ кто-то, — и въ тоже мновеніе поднялась суматоха; столы и стулья были наскоро отодвинуты къ стѣнамъ, началась бѣготня, смѣхъ, шутки. Веселые звуки лезгинки мигомъ смѣнили тоскливо-мелодичные напѣвы дудуки и сазандари...

Среди большой залы образовался кругъ, и вотъ изъ среды гостей выступилъ впередъ красивый молодой человекъ, высокій, тонкій и стройный, какъ тополь; широко распростерши руки и склонивъ на бокъ кудрявую голову, онъ плавно и красиво сталъ обходить вокругъ, въ тактъ помахиная руками и шурша шелковымъ архалукомъ; танцуя, онъ внимательно обводилъ собравшееся общество орлинымъ взглядомъ своихъ большихъ, черныхъ глазъ, какъ бы ища, выбирая среди столькихъ красавицъ одну, самую прелестную, чтобъ пригласить ее на танецъ...

Въ широко раскрытыхъ дверяхъ залы толпились слуги, съ интересомъ наблюдавшіе за весельемъ господъ; среди нихъ выдѣлялось нѣсколько оборванныхъ, бѣдныхъ крестьянъ... видѣлись также женщины, конфузливо прятаніяся за другими... И вдругъ отъ двери, изъ этой сѣрой, бѣдной толпы отдѣлилась старая, вся изсохшая женщина, прислонилась въ уголкѣ свою толстую, суковатую палку, оставила тамъ же свои старыя туфли безъ задковъ и, выступивъ въ однихъ шерстяныхъ носкахъ на средину огромной залы—съ самымъ серьезнымъ видомъ стала танцовать съ молодымъ красавцемъ. Среди гостей раздался веселый хохотъ, остроты такъ и посыпались...; нарядныя, молодыя красавицы чуть не задыхались отъ истерическаго смѣха, охватившаго ихъ при видѣ этой уморительной картины.

А старая Тинатина все танцевала... раскинувъ руки, поднявъ высоко вверхъ голову и крѣпко сжавъ сухія, тонкія губы, она серьезно, сосредоточенно крутилась, кружилась и присѣдала, какъ того требовали правила лезгинки нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Гордый молодой красавецъ не смутился, увидѣвъ, какую даму послала ему судьба; напротивъ, подзадориваемый общимъ шумнымъ весельемъ, прищипоривае-

мый раскатами оглушительного хохота, потрясавшими своды огромной залы, онъ пришелъ въ еще больший азартъ, танцуя, совсѣмъ близко подошелъ къ своей дамѣ и съ видомъ влюбленнаго сталъ держаться возлѣ нея, не сводя отъ изсохшаго, помертвѣвшаго лица восхищеннаго взгляда своихъ смѣющихся черныхъ глазъ... Общее веселье, оглушительный хохотъ, шумъ и восторженные крики достигли до неистовства.

А старуха все танцевала, съ тѣмъ же сосредоточеннымъ видомъ, съ тѣми же крѣпко сомкнутыми, тонкими губами...

Вдругъ она остановилась, глаза ея закатились... одинъ безсиленный взмахъ широко-раскрытыхъ рукъ, одинъ глубокой, скорбный стонъ, и она рухнула на землю, какъ подрѣзанный у основанія колосъ.

Веселые звуки дудки прервались...; хохотъ и шутки, смѣхъ и веселье—все затихло, все замолкло предъ ужасною картиною смерти... Достигшее минуту назадъ до неистовства веселье въ одно мгновенье смѣнилось гробовымъ, мертвеннымъ молчаніемъ. На полу неподвижно, вытянувшись во весь ростъ, лежала старая Тинатина, раскинувъ руки, какъ только-что въ танцъ...; выраженіе широко-раскрытыхъ глазъ ея, въ которыхъ застыла невыразимая тоска, безграничное, за душу хватающее отчаяніе будило въ сердцахъ присутствующихъ какую-то острую, мучительную боль, заставляло всѣхъ испытывать болѣзненные угрызенія совѣсти...

Ни одинъ звукъ, ни одно движеніе не нарушили торжественности страшной картины...

— Бабушка, бабушка, ты все же умерла!—раздался въ эту минуту, среди томительной тишины, громкій, отчаянный дѣтскій крикъ.—Кто же будетъ, кто же теперь останется съ нами?—И два маленькихъ, оборванныхъ и дрожащихъ, посинѣвшихъ отъ холода мальчика, быстро вбѣжавъ въ комнату, съ плачемъ кинулись къ трупу бабушки, которую они такъ долго и такъ напрасно ждали тамъ, въ темной, холодной избѣ.

Впечатлѣніе получилось потрясающее. Царившее молчаніе прервалось, его смѣнили плачъ и рыданія всѣхъ присутствовавшихъ, и зала, за минуту предъ тѣмъ оглашаемая веселыми возгласами безпредѣльнаго восторга, теперь огласилась восклицаніями жалости и горя...

— Денегъ для сиротъ!—проговорилъ кто то... и растроганное общество щедро одарило безпріютныхъ малютокъ. Молитва Тинатины была услышана. Она успокоилась навѣки..., а ея послѣдній, предсмертный «шабашъ» обезпечилъ ея дорогимъ сироткамъ кусокъ хлѣба...

Въ 1897 году г-жа Габашвили выступила въ качествѣ драматурга и поставила пятяктную пьесу «Счастье измѣнчиво», вызвавшую много противорѣчивыхъ толковъ въ грузинской печати. Сюжетъ ея заимствованъ изъ повѣсти беллетристки «Орѣ-Хеви». Къ пожилой женщинѣ Тинатинѣ, сельской бабкѣ, обучающей дѣвочекъ грамотѣ, является неожиданно ея сынъ Павелъ. Тинатинѣ отпускаетъ своихъ ученицъ и оставляетъ для прислуживанія лишь одну красивую Марину, въ которую влюбляется Павелъ; но бракъ ихъ невозможенъ въ виду ихъ близкаго родства. Впрочемъ, священникъ обнадеживаетъ влюбленныхъ и соглашается на

ихъ бракъ, но по прояскамъ управляющаго имѣніемъ, имѣющаго видъ на Марину, онъ потомъ не приходитъ на обрученіе. Последнее происходитъ безъ священника, и во время пира является управляющей безъ приглашенія и бросаетъ поднесенный ему рогъ вина. Оскорбленные и виновники раздора обнажаютъ книжалы, но ихъ разводятъ. Невѣсту отправляютъ къ теткѣ въ другую деревню, а женихъ схватилъ горячку, которая повлекла за собою разстройство его умственныхъ способностей. Въ одинъ изъ острыхъ припадковъ помѣшательства, узнавъ, что его невѣста выходитъ за управляющаго, Павелъ убѣгаетъ изъ дома, летитъ въ другую деревню и закалываетъ свою невѣсту.

Авторъ называетъ свою пьесу «сценами въ пяти дѣйствіяхъ», справедливо не причисляя ея ни къ драмамъ, ни къ комедіямъ. Изъ приведеннаго содержанія легко замѣтить, что дѣйствительно въ пьесѣ г-жи Габашвили есть дѣйствіе, есть борьба страстей, но пять актовъ не связаны живою нитью. Это не драма, а яркія картины съ умными діалогами. Съ этой точки зрѣнія «Счастье измѣнчиво» имѣетъ свои прелести, такъ какъ большинство его картинъ взято съ природы. (См. «Кавказъ» и «Цюбистъ-Пурцели») январь 1897 г.

Писательница не могла не затронуть злободневный вопросъ, интересующій феминистокъ.

Въ повѣсти «У Луарсаба нашелся патронъ» (1901 г.) она даетъ попытку къ разрѣшенію женской эмансипаціи, оправдываетъ легкомысленный образъ жизни своей героини Вѣры и всю вину сваливаетъ на ея мужа Луарсаба.

Сюжетъ этой повѣсти заимствованъ изъ жизни интеллигентнаго грузина. Луарсабъ—образованный и краспорѣчивый адвокатъ. Ему 32 года, но уже успѣлъ приобрести своей гуманностью и энергіей имя, уваженіе и состояніе. Сынъ священника, оставившаго ему имѣніе въ деревнѣ, онъ покинулъ духовную семинарію, выдержалъ экзаменъ на аттестатъ при гимназій, кончилъ курсъ въ университетѣ и вернулся на родину «джентльменомъ съ эстетическимъ и артистическимъ вкусомъ». Онъ считался хорошимъ женихомъ и не мало невѣстъ помышляло о счастливой съ нимъ жизни. Онъ самъ искалъ только красивой и образованной дѣвушки, но таковыя невѣсты его не жаловали за то, что онъ не отличался изящной наружностью: «круглый какъ мячъ, съ короткой шеей, лысый, съ рыжей бородой и полныя, холодныя и всегда потныя руки» отталкивали отъ него притязательныхъ дѣвицъ. Авторъ подчеркиваетъ вѣншія черты Луарсаба и ими объясняетъ ожидающее героя семейное несчастье. Случайное сосѣдство въ театрѣ съ Вѣрой Мацдурашвили, съ представительной барышней, рѣшило его участь. Эта дѣвица, посвятившая себя педагогической дѣятельности, давно мечтала о замужествѣ и только Луарсаба сумѣла своимъ смиреніемъ и притворной сдержанностью завлечь въ свои сѣти.

Вѣра Эрастовна вскорѣ расточила сбереженія Луарсаба Мацхонешвили, сблизилась съ легкомысленнымъ итальянцемъ, уѣхала за границу, требуя оттуда денегъ, въ которыхъ мужъ не отказывалъ. Не только

денежной поддержкой, по и полнымъ молчаніемъ на недостойный поступокъ жены отвѣчалъ герой повѣсти. Онъ ушелъ въ себя, замкнулся, однако ни одного звука жалобы и неудовольствія никто отъ него не услышалъ. Источникомъ его несчастья была его некрасивая наружность, причина благополучнаго устройства судьбы Вѣры—ея настойчивость и эгоизмъ.

Первые опыты ея пера захватываютъ глубже, основательнѣе провинціальную жизнь — быть крестьянства и помѣщичьяго класса¹⁾. Отрицательныя краски, по временамъ сгущаемыя въ нихъ, ближе къ дѣйствительности, чѣмъ идеальныя типы, рисуемыя въ позднѣйшихъ повѣстяхъ г-жи Габашивили. Зарожденіе въ Грузіи новаго класса благородныхъ ревнителей о народномъ благосостояніи и просвѣщеніи было отмѣчено еще нѣсколькими другими писателями, но истинное положеніе вещей склоняетъ насъ сказать, что въ произведеніяхъ г-жи Габашивили проникнутые сознаніемъ долга дѣятели отличаются слишкомъ безупречнымъ характеромъ, часто являются воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей, переходя иногда въ отвлеченныя, безжизненныя фигуры. Дѣленіе общества на ангеловъ и демоновъ, на безкорыстныхъ труженниковъ и безжалостныхъ эгоистовъ, проходящее черезъ всѣ ея произведенія, налагаетъ на послѣднія печать тенденціознаго творчества. Но мы не ставимъ въ упрекъ писательницѣ, что она создаетъ типъ не существующій, но желательный; чистотой помысловъ, преданностью интересамъ родины, гуманными чувствами она подкупаетъ читателя и воспитывающимъ образомъ влияетъ на него. Помимо этого облагораживающаго элемента, произведенія г-жи Габашивили имѣютъ и внѣшній крупный достоинства: мягкій, колоритный языкъ, чистый литературный стиль безъ устарѣлыхъ выраженій, художественное чутье, подсказывающее ей мѣру въ характеристикѣ быта и людей. Въ общемъ тонъ повѣстей г-жи Габашивили ясно проводится основная черта ея міровоззрѣнія: жизнь есть борьба, жизнь—это страданіе во имя свободы и любви. Хотя жизнь полна человѣко-ненавистничества, людской тупости и злобы, хотя на сторонѣ зла огромный перевѣсъ, однако сила свѣта должна восторжествовать. Писательница уповаетъ, что ночь не устоитъ предъ сіяніемъ истины, а даль грядущаго отрадна и ясна.

А. М. Казбекъ (1848—1893).

Александръ Михайловичъ Казбекъ, одинъ изъ лучшихъ и блестящихъ новѣйшихъ грузинскихъ писателей, родился въ родовой деревнѣ

¹⁾ Не мало поработала Ек. Габашивили на пользу дѣтской литературы. Небольшой сборникъ ея „Дѣтскихъ разсказовъ“ (Тифл. 1899) составляетъ украшеніе школьной бібліотеки. Въ составъ сборника вошли: Родникъ, Божій сынъ, Столпъ семьи, Куколка Нано, Семья Мшіерадзе, Новогоднія картины, Страшное приключеніе (Рождественскій разсказъ), Какъ встрѣтилъ Свимионика Новый годъ, Легенда и др. Ея дѣтскіе разсказы появляются въ журналахъ *Джеджили* и *Накадули*.

Степанъ-Цминда по метрическимъ даннымъ 8 января 1848 г., по мнѣнію же Д. Каричашивили, основывающагося на показаніи матери писателя—14 ноября 1847 г. Отецъ его былъ сынъ Гавриила Казбека (Чопикашивили), дослужившагося до генеральскаго чина, мать же Елизавета — дочь кн. Евстафія Тархншвили, воспитанная на произведеніяхъ грузинской литературы. Родители его жили богато съ претензіями на роскошь, съ огромной дворней. Къ Александру приставили двухъ кормилицъ и нѣсколько нянекъ. Онъ съ дѣтства сталъ божкомъ, прихоти котораго исполнялись безпрекословно, росъ баловнемъ семьи, своеправнымъ, капризнымъ, высокомернымъ. Приятное воспоминаніе онъ сохранилъ въ автобіографіи о нянѣ Нинѣ, своими разсказами о крѣпостныхъ исторгающей слезы у избѣженнаго барчука. Мальчикъ не чуждъ былъ обществу сельскихъ дѣтшекъ, съ которыми онъ такъ же готовъ былъ повздорить, какъ съ домашней прислугой. Поэтому мать ему дала прозвище Мочхубаридзе („Задорный“), подъ именемъ котораго онъ приобрѣлъ извѣстность романиста. Первоначальное обученіе до 12 лѣтъ шло подъ руководствомъ гувернеровъ. Затѣмъ его отдали (1859 г.) въ пансіонъ Гаке и продолжилъ подготовительныя занятія въ пансіонѣ Канонича (1862—1863 г.), гдѣ изучалъ между прочимъ французскій языкъ и занимался музыкой. Въ пажескій корпусъ, куда намѣревались отдать его родители, онъ не попалъ и въ 186¹/₈ г. онъ числится въ IV классѣ тифлисской гимназіи. Осенью 1865 г. заботливые родители не пустили сына изъ деревни Степанъ-Цминда въ Тифлисъ; жаждающій просвѣщенія юноша бѣжалъ тайкомъ, но его догнали, привели домой и продержали до января 1866 г., а къ этому времени онъ былъ уже исключенъ изъ гимназіи за неявку въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Въ виду смерти отца 18 июня 1866 г., А. М. остался главой семьи. Не оставляя мечты объ образованіи, онъ вопреки желанію матери, намѣтившей ему уже невѣсту, рѣшилъ подѣ влияніемъ студента-родственника Димитрія Казбека и друга своего Бахуташвили ѣхать слушать лекціи въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ сентябрѣ 1867 г. онъ сталъ вольнослушателемъ Петровско-Разумовской академіи и оправдывался въ письмѣ къ матери, что онъ уклонился отъ будущей военной карьеры, о которой грезила она, и избралъ такое заведеніе, которое воспитываетъ человѣка образованнаго и полезнаго для общества. Вначалѣ академія его увлекла и онъ работалъ энергично, но потомъ завертѣлся среди удовольствій и больше тратилъ денегъ на радости жизни, чѣмъ труда на усвоеніе знаній, требуя безконечно (по 400—800 р.) дополнительныхъ суммъ отъ матеріально разорившейся матери. Въ теченіе 16 мѣсяцевъ истратилъ 3320 р. на свои прихоти. Для поправленія своихъ средствъ онъ задумалъ искать богатую невѣсту при содѣйствіи свахи, а матери сообщилъ очень искусно вымышленную вѣсть, что онъ женится на состоятельной Чернышевой-Кругликовой и на свадебные расходы необходимо ему 1000 р., кольцо, подаренное ему принцемъ Альбертомъ и брошка, подарокъ матери отъ императрицы,—послѣдняя ему нужна для поднесенія невѣстѣ. Тщеславная мать употребила послѣднія усилія, что-

бы помочь сыну въ осуществленіи его намѣреній. Но эти деньги были вскорѣ растрчены, мечты о богатой невѣстѣ исчезли какъ миражъ и съ разстроеннымъ здоровьемъ Казбекъ возвратился на родину въ 1870 г. Здѣсь опять сначала увлекся овцеводствомъ и сталъ пастухомъ, потомъ открылъ питейное заведеніе, наконецъ занялся подрядами по поставкѣ вещей арміи, передвигающейся по военно-грузинской дорогѣ. Потерпѣвъ вездѣ неудачи, распродавъ почти все отцовское имѣніе (1871—1878 гг.), покинулъ онъ свое пепелище въ Хеві и въ 1879 г. переселился въ Тифлисъ. Делѣмую мысль открыть типографію пришлось оставить за нимѣлемъ достаточныхъ средствъ; онъ вступилъ въ грузинскую труппу, предъ тѣмъ организовавшуюся, въ качествѣ актера, подъ псевдонимомъ Мохеве. Въ тоже время онъ выступаетъ на истинный путь своего призванія — литературное поприще.

На всемъ Кавказѣ нѣтъ уголка, болѣе поражающаго красотами природы, чѣмъ родина Казбека, воспитанная великими русскими поэтами. Мрачное Дарьяльское ущелье, буйный Терекъ, величественная панорама Кавказскихъ горъ—вотъ колыбель, которой суждено было воспитать будущаго писателя. Близость къ народу, окружающая природа, яркій беллетристическій талантъ—суть три элемента, создавшіе эту оригинальную и замѣчательную въ своемъ родѣ личность. Благодаря этимъ даннымъ, онъ нигдѣ не могъ чувствовать себя спокойно, кромѣ какъ въ дорогой ему родной стихіи. Изъ-за нея онъ бросаетъ академію, карьеру, высшій аристократическій кругъ, куда могъ быть вхожъ, всё удобства жизни, наконецъ родительскій домъ и въ простой одеждѣ пастуха семь лѣтъ странствуетъ съ барантою по горамъ и полямъ своей родины. Прощедши столь суровую школу, онъ въ концѣ 70-хъ годовъ возвращается въ Тифлисъ и на этотъ разъ уже съ тѣмъ, чтобы посвятить себя исключительно писательской и артистической дѣятельности. И вотъ одно за другимъ появляются самыя лучшія изъ его произведеній, какъ-то: „Элгуджа“, „Модзгвари“, „Бердія“, „Эльбердъ“, „Хевисъ бери Гоча“ и многія другія, съ самаго дня своего появленія завоевавшія ему всеобщее вниманіе. ¹⁾ Цѣлый дождь повѣстей и рассказовъ наводняетъ грузинскую литературу и съ каждымъ изъ нихъ слава молодого беллетриста растетъ все больше и больше. Въ тоже время онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ тифлискихъ изданій „Дрозба“ и „Иверія“, игралъ на грузинской сценѣ, для которой онъ работалъ въ качествѣ драматическаго писателя, обогативъ ее своими произведеніями, какъ оригинальными, такъ и переводными. Это была какая-то перво-напряженная дѣятельность, какъ будто авторъ уже предчувствовалъ приближеніе роковой минуты, долженствовавшей вырвать перо изъ рукъ, и съ лихорадочною торопливостью снѣшилъ высказать то, что хотѣлъ и долженъ былъ высказать... Страшный недугъ дѣйствительно не заставилъ себя ждать

¹⁾ Нѣсколько повѣстей въ неоконченномъ и необработанномъ видѣ осталось у него въ рукописяхъ и было издано послѣ его смерти: *Шола Гудуцаурі*, *Нино* и др.

долго, онъ сразилъ Казбека въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи недюжинныхъ силъ и таланта...

По характеру своей поэзіи Казбекъ-Мочхубаридзе принадлежитъ къ числу тѣхъ восторженныхъ беллетристовъ-народниковъ, которые занимаются только народомъ, имъ однимъ, и которые въ свои отношенія къ нему вносятъ слишкомъ много пафоса и иллюзіи. Справедливость, братство, свобода, любовь,—вотъ характерическія черты его героевъ въ отношеніяхъ другъ къ другу.

Но въ чемъ Казбекъ силенъ, чѣмъ онъ особенно подкупаетъ читателя,—это реальностью картинъ, образностью языка, сильнымъ художественнымъ элементомъ, который такъ и разлитъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Въ описаніи природы, въ особенности родныхъ ему горъ и ущелій, онъ мастеръ, который сдѣлалъ бы честь любой литературѣ.

По словамъ его товарища по пансіону Александра Саванели и И. Чавчавадзе, Казбекъ началъ (1862—1863 гг.) писать стихи 14—15 лѣтъ. Въ этомъ же возрастѣ онъ сочинилъ сцены „Воспитаніе въ стихотворныхъ выведены и осмѣяны были его родители. Упраженія въ стихахъ и въ прозѣ онъ продолжилъ въ Москвѣ (1867—1870 гг.), гдѣ перешелъ изъ Шекспира „Ромео и Джульетта“ и „Горе отъ ума“ Грибоедова. Въ 1870 г. въ Москвѣ же написана имъ неоконченная повѣсть „Грузинскій бомондъ“, которую впоследствии передѣлалъ въ „Колесо жизни“. Но долго онъ какъ писатель никому не былъ извѣстенъ. Въ 1874 г. во время пребыванія въ Тифлисі подѣ впечатлѣніемъ сѣтованій литераторовъ на бѣдноту театральнаго репертуара, онъ заготовилъ 21 пьесу, но онѣ всѣ были забракованы. Первая его печатная этнографическая работа появилась въ газ. *Дрозба* (1880 г.) подѣ заглавіемъ „Мохевцы и ихъ жизнь“, послужившая какъ бы предисловіемъ къ его повѣстямъ изъ жизни грузинъ-горцевъ. Редакторъ газеты С. Месхи, замѣтивъ недюжинный талантъ автора, пригласилъ его въ сотрудники своего изданія. Въ этомъ-то органѣ вскорѣ А. М. напечаталъ небольшую повѣсть „Щика“. Знакомые пренебрежительно отнеслись къ его опытамъ пера, считая ихъ автора пустымъ и легкомысленнымъ человѣкомъ. Впервые всеобщее вниманіе онъ привлекъ романомъ „Элгуджа“, вызвавшимъ восторгъ въ Гр. Орбеліани: по его словамъ, сохранившимся въ видѣ замѣтокъ читателя на страницахъ „Дрозба“, гдѣ печаталось это „увлекательное“ произведеніе, въ грузинской литературѣ ничего подобнаго никогда не появлялось. За нимъ послѣдовали другія повѣсти и въ теченіе 1880—1885 гг. Казбекъ написалъ болѣе 20 произведеній.

Съ 1885 г. Казбекъ начинаетъ скитальческую жизнь; онъ живетъ въ Батумѣ (1886), Кутаисѣ (1887) и Телавѣ (1888). Перо онъ оставилъ, но въ театральныхъ представленіяхъ принималъ участіе: играетъ, читаетъ куплеты, исполняетъ танецъ—лезгинку. Это—періодъ умственнаго и нравственнаго упадка, за которымъ послѣдовало психическое растройство, приведшее его 22 февр. 1890 г. въ больницу умалишенныхъ, гдѣ

и скончался 10 декабря 1893 г. ¹⁾ В то время, как печатались 4 обширных тома только его повестей, со всех концов Грузии направлялись денежные лепты для поддержания жалкого существования медленно тлѣющего дорогого писателя. Небольшие взносы рабочихъ въ пользу Мочхубаридзе ярче всего свидѣтельствовали—какою сильною любовью, пользовался писатель среди грузинской публики.

Въ похоронной процессіи участвовало нѣсколько „мохевцевъ“, приѣхавшихъ нарочно въ Тифлисъ, чтобы сопровождать отсюда дорогой гробъ. То были бравыя, поражающія своею мощностью фигуры, обращавшія на себя всеобщее вниманіе. Такъ и казалось, что герои рассказовъ покойнаго ожили и встали изъ гробовъ, чтобы идти за гробомъ пѣвца ихъ доблестей, истолкователя ихъ думъ и стремленій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Казбека, въ молочной Адаміа, что подъ „Сѣверными номерами“ въ Тифлисъ, найдена совершенно случайно довольно объемистая тетрадь еще нигдѣ не напечатанныхъ стихотвореній его. Оказалось, покойный задолжалъ содержателю молочной и, находясь въ крайне стѣсненномъ положеніи, предложилъ ему держать тетрадь своихъ стихотвореній, пока онъ не уплатитъ слѣдующее. Содержатель молочной охотно согласился на такую комбинацію и хранилъ дорогую тетрадь, какъ зеницу ока, заучивая наизусть стихи любимаго поэта.

Жизнь его, дающая интересный сюжетъ для драмы или романа, дѣлится на два, рѣзко отличающіеся и даже прямо противоположные по характеру, періода по справедливому замѣчанію Г. М. Туманова.

Въ первомъ періодѣ А. Казбекъ представляется блестящимъ молодымъ человѣкомъ изъ аристократической семьи болѣе или менѣе матеріально обеспеченнымъ и даже готовящимся стать очень богатымъ человѣкомъ путемъ выгодной женитьбы. Онъ ѣдетъ въ Москву учиться, но скоро забываетъ о цѣли своего приѣзда и втягивается въ вихрь свѣтской жизни. Мысль о служеніи общественному благу, о литературѣ, повидимому, ему въ это время и не приходитъ въ голову. Но романъ съ богатой невѣстой А. Казбеку, въ концѣ концовъ, не удается, и онъ большой возвращается домой.

Дома принимается за разныя коммерческія предпріятія, которыя тоже не удаются. Онъ часто опять предается пустой свѣтской жизни или впадаетъ въ противоположную крайность: превращается въ простаго пастуха и ходитъ по горамъ за стадомъ. Лишь въ 1879—80 г., когда Казбеку уже было 32—33 года, онъ берется за перо. Сначала онъ переводитъ пьесы, пишетъ стихи и не умѣетъ успѣха, но вскорѣ затѣмъ начинаетъ писать рассказы и повѣсти изъ городской жизни и читатели зачитываются его произведеніями. Казбекъ изъ дэнди превращается въ скромнаго писателя. Его начинаютъ одолевать болѣзнь и нужда. По

¹⁾ О торжественныхъ его похоронахъ и надгробныхъ рѣчахъ см. *Квалли* № 52 за 1893 г. Воспоминанія о немъ подтверждающія его авторство, см. у Цхвилоели, Хеладзе и др.

виѣнности и слѣда не оставалось отъ прежняго красиваго и франтова-таго Казбека. Прежде все бѣгали за нимъ, а теперь все отворачиваются отъ него. Только невѣдомый для него читатель увлекается имъ и высоко ставитъ его на пьедесталь.

Болѣзнь и нужда, въ концѣ концовъ, берутъ верхъ надъ поэзіей цыганской жизни и поэтическимъ вдохновеніемъ. Казбекъ сходитъ съ ума и кончаетъ дни свои въ больницѣ ¹⁾. На его могилѣ въ селѣ Степанъ-Умнида кн. К. И. Багратионъ-Мухданскій поставилъ оригинальный памятникъ.

Но и послѣ смерти судьба преслѣдуетъ его. Упорно распространяется въ грузинской печати и обществѣ ложная легенда, что рассказы и повѣсти Казбека изъ жизни, т. е. все лучшее изъ написаннаго имъ, вовсе не принадлежатъ ему, а что они имъ присвоены отъ покойнаго его двоюроднаго брата Дм. Казбека. Но въ подтвержденіе этого приводится только то, что Дм. Казбекъ былъ развитѣе Ал. Казбека и что рукописи перваго, послѣ его смерти, перешли къ второму. Никто, однако, не знаетъ, что заключалось въ этихъ рукописяхъ. Кромѣ того, десятки лицъ видѣли, какъ Ал. Казбекъ писалъ свои лучшія повѣсти въ помѣщеніи редакціи газ. „Дрозба“. И. Хетерели, помощникъ экспедитора *Дрозбы*, отъ 30 дек. 1904 г. № 298 въ газ. *Иверія* сообщаетъ, что Казбекъ, уставъ писать повѣсть „Элгуджа“, диктовалъ ему, автору воспоминаній, видѣли, какъ онъ писалъ, а не переписывалъ, но легенда продолжаетъ прочно держаться и до сихъ поръ.

Казбекъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Мочхубаридзе, соединялъ въ своемъ лицѣ художника—романиста, лирическаго поэта, творца историческихъ драмъ и бытовыхъ комедій. Въ повѣстяхъ изъ жизни грузинъ-горцевъ у него нѣтъ соперника. Близкое знакомство автора съ бытомъ горцевъ, рѣдкая его наблюдательность, горячая любовь къ издревле идущимъ народнымъ обычаямъ снабдили его богатымъ запасомъ этнографическихъ свѣдѣній, послужившихъ основой и фономъ его художественныхъ повѣстей. Если присоединить къ сказанному, что А. Казбекъ отъ природы одаренъ большимъ поэтическимъ талантомъ, дающимъ ему возможность создавать яркія картины горной природы во всемъ ихъ величій, что онъ въ совершенствѣ владѣетъ легкимъ, выразительнымъ языкомъ, то станетъ вполне яснымъ, почему имя Казбека-Мочхубаридзе стало наиболѣе популярнымъ и дорогимъ для грузинскаго читателя. Страны самыя благородныя, чувства самыя возвышенныя во-

¹⁾ Биографическій очеркъ Александра Казбека напечаталъ Г. Натадзе въ журналѣ „Моамба“ (1904, X). На основаніи этого очерка, автобіографіи покойнаго романиста и его бумагъ составлена статья Д. Каричавили, приложенная къ собранію сочиненій А. Казбека, изданныхъ въ одномъ томѣ „Циописъ-Пурцелъ“ въ 1903 г. Въ 1891 г. вышло 4 тома его произведеній; сюда не вошли его драматическія произведенія: *Арсена*, *Утро послѣ свадьбы*, *Царевичъ Константинъ*. Последняя историческая трагедія въ журн. *Иверія* появилась подъ заглавіемъ *Царица Кетевана*. По цензурнымъ соображеніямъ пришлось измѣнить названіе драмы. Опытъ психологической повѣсти представляетъ его *Ганкиццули*.

одушевляють А. Казбека до такого поэтического созерцанія, благодаря которому образы, имъ создаваемые, вырисовываются во всемъ блескѣ своихъ чарующихъ красотъ. Своими произведениями онъ доказалъ, что ему равно доступны таинственные уголки человѣческаго сердца и причудливо своеобразныя черты нравовъ какъ своихъ соплеменниковъ грузинъ-горцевъ (тгуловъ и мохевцевъ), такъ и чужеземниковъ—ингушей и чеченцевъ.

Но надъ всѣми произведениями А. Казбека повисло, какъ бы въ противовѣстъ чуднымъ картинамъ природы, доминирующее безутѣшное настроеніе самого автора; на лицѣ его нельзя никогда уловить свѣтлой улыбки, глубокія морщины сковываютъ его высокій лобъ, мрачная скорбь ни на минуту не покидаетъ его. Такимъ настроеніемъ писателя, вѣрно воспроизведеннымъ и на фотографической его карточкѣ, можно объяснить трагическій финалъ всѣхъ его повѣстей. Явная несправедливость, грубое давленіе, оскорбленіе человѣческаго достоинства и чести женщины наполняютъ сердце автора неудержимою злобой и негодованіемъ, волнуютъ его до глубины души, чувствительныя нервы напрягаются до того, что на 37 году писатель сталъ уже терять силы, хандрить и проявлять признаки умопомѣшательства, и кончилъ свою полную превратностей жизнь въ домѣ душевно-больныхъ. Такова участь писателя, которому каждый мигъ святаго вдохновенія стоилъ слезъ, невидимыхъ для людей—

Нѣмой тоски, тревожнаго сомнѣнья
И скорбныхъ думъ въ безмолвіи людей.

Пусть авторъ говорить о себѣ отрывками, извлеченными изъ его произведеній: лучшихъ доказательствъ сказаннаго не потребуется.

Начнемъ съ его *Воспоминаній пастуха*, рисующихъ оригинальную фигуру ихъ автора.

„Въ 18.... году я рѣшился стать пастухомъ; мнѣ захотѣлось походить по горамъ и полямъ, ознакомиться съ народомъ, вкусить отъ той, полной всякихъ страховъ и тревоженій жизни, которая называется пастушеской... Какъ у всякаго горца, у меня тоже были свои овцы, къ нимъ я прикушилъ малость (обмѣнять на землю) и такимъ образомъ составила баранта, которая и должна была стать предметомъ моихъ заботъ. Я взялъ палку, ружье и преобразился въ пастуха.

Нечего и говорить, что первый мой шагъ на новомъ поприщѣ всѣми, безусловно всѣми, былъ встрѣченъ насмѣшкою и издѣвательствомъ.—„Какъ? Сынь „барина“,—ла какого еще—извѣстнѣйшаго во всемъ околоткѣ,—пошелъ въ пастухи?! Пить, этого ему не слѣдовало дѣлать!“ было общее мнѣніе. Тѣмъ не менѣе, у меня была своя цѣль. свое желаніе и желаніе это было настолько сильно, что я не обратилъ вниманія ни на чьи совѣты. Повторяю, мнѣ хотѣлось побывать въ народѣ, узнать его заботы и думы. Пожить его жизнью, испытать на себѣ все, что онъ испытываетъ, что, такъ сказать, неразрывно связано съ существованіемъ рабочаго люда. Что-же, значить, могло заставить меня остаться дома? И я добился цѣли, сблизился и познакомился съ тѣми, съ кѣмъ такъ горячо хотѣлъ познакомиться...

Пока все еще была весна, овцы все еще доились и я продолжалъ заниматься этимъ дѣломъ. Разъ по дорогѣ встрѣтилъ я двухъ мохеве¹⁾, которые меня не знали, а по одеждѣ, конечно, не могли различить.—простой-ли я пастухъ, или сынъ извѣстнаго въ горахъ чело-вѣка.

— Плодись твоей барантѣ,—закричали они мнѣ, поровнявшись.

— Господь да дастъ вамъ радость!—отвѣтилъ я въ свою очередь.

— Чья это баранта?—спросили незнакомцы. Я назвалъ свою фамилію. Ахъ я Акимъ—простота! Вѣдь это дѣйствительно ихъ отгѣтны, да и знакъ-то ихній,—замѣтилъ одинъ и затѣмъ добавилъ: а ты-то самъ чей!

— Арахъетецъ, шени квесаме²⁾,—отвѣтилъ я по-мтгульски,—сынъ Якова Бурулова.

— Что-же ты, наемникъ, или имѣешь долю въ барантѣ?—снова спросили они.

— Имѣю долю, отвѣтилъ я.

Спутники пошли со мною, помогая гнать баранту.

— Мальчикъ! какъ тебя зовутъ?—поинтересовался одинъ.

— Мамука, шени квесаме.

— Правда-ли это, что твой баринъ самъ ходитъ за барантою?

— Ходитъ, клянусь Ломисою.

— Удивительно, ей Богу!

— Отчего? Что тутъ удивительнаго?—спросилъ я и сталъ слушать съ нетерпѣніемъ.

— Какъ не удивительно,—продолжалъ „мохеве“,—почти равный царю чело-вѣкъ, а за барантою бѣгаетъ... Ау!—махнулъ онъ рукою въ знакъ досады.

— Да, что тутъ дурнаго? У него своя баранта и ходитъ за нею.

— Дурнаго?! Владѣтель „хеви“ (ущелья) и... пастухъ!

— У отца его и дѣда тоже была баранта, однако-жъ они не шли въ пастухи. О, пѣтъ, клянусь Всевышнимъ!—добавилъ другой.

— Какъ-же, стали-бы они бѣгать за овцами! И грудь, и шея,—все у нихъ блестяло въ чинахъ!..

— Тогда было другое время, а теперь—другое,—постарался я оправдать себя.

— Не другое, а куда онъ, значить, баринъ-то твой, не годенъ,—отрѣзалъ собесѣдникъ. Будь онъ хорошъ, бытъ-бы ему теперь въ чинѣ пристава...

Очень ужъ обезкуражилъ меня этотъ отзывъ; я пересталъ бесѣдовать съ незнакомцами. Опередивъ баранту, я погналъ ее на гору, гдѣ она должна была еще пастись, такъ какъ было рано. Незнакомцы попроцались и я остался одинъ, занятый своими мыслями.

¹⁾ Такъ называются грузины *ущелья*.

²⁾ Непереводимое слово. Буквально значить: „твой стонъ да будетъ моимъ“.

Съ окрестныхъ горъ набѣжалъ туманъ и начало моросить. Завернувшись въ „кишину“ и накинувъ башлыкъ, я сталъ передъ барантою, чтобы приостановить переднихъ и дать имъ пасть ашпетитно.

Прошло немного времени и вдругъ я вижу, что два какихъ-то бородатыхъ господина въ статскомъ платьѣ приближаются ко мнѣ. Съ удивленіемъ сталъ я слѣдить за ними, ибо если они были путешественники, имъ слѣдовало идти совсѣмъ въ другую сторону, чтобы выйти на дорогу. Но они шли прямо ко мнѣ и даже подняли палки, чтобы отогнать мою „басару“, которая съ лаемъ бросилась на незнакомцевъ. Окликнувъ собаку, я подошелъ къ пришедшимъ, и тѣ на страшно ломаномъ русскомъ языкѣ попытались вступитъ со мною въ разговоръ.

— Сабакъ, сабакъ... Нѣтъ кусай!—спросили они.

— Нѣтъ кусай,—отвѣтилъ и я.

— „Баранъ, баранъ“... началъ было одинъ, но такъ и не докончилъ...— „Какъ-бы его спросить: гдѣ тутъ достать шерсть?—обратился онъ къ товарищу по-французски.

— А я развѣ знаю?—отвѣтилъ тотъ на томъ же языкѣ.

Затѣмъ случайные мои гости завязали разговоръ о шерсти, объ ея качествахъ, причѣмъ удивились, какимъ образомъ такое количество баранты умѣщается въ горахъ. Интересовались также вопросомъ, куда это сбывается шерсть и какое количество ея можно собрать въ горахъ?

Я говорилъ по-французски и не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить. „Въ горахъ много баранты,—сказалъ я, народъ этимъ только и живеть, а шерсть закупаютъ купцы-армяне.

Нужно было видѣть ихъ удивленіе, когда гдѣ-то, въ какихъ-то странныхъ и дикихъ горахъ, обитаемыхъ, по ихъ мнѣнію, варварами, которые, пожалуй, и до девяти не умѣютъ считать, вдругъ встрѣтили пастуха, говорящаго по-французски.

— Какъ? Вы говорите по-французски? Что вы! Гдѣ вы учились?

Мнѣ хотѣлось пошутить и я отвѣтилъ:

— У насъ въ горахъ всѣ пастухи говорятъ по-французски... Я еще долго таскался по разнымъ мѣстамъ и перзабылъ, а то другихъ совсѣмъ нельзя отличить отъ французовъ.

— Вотъ диво!—недоумѣвали путешественники. А мы то приняли ихъ за варваровъ?

Послѣ долгаго разговора, когда и они устали и мнѣ порядкомъ таки надоѣли, незнакомцы попросили меня зайти къ нимъ вечеромъ на станцію Казбекъ, гдѣ они расположились ночевать, и рассказать имъ о нашей жизни, обычаяхъ и т. п. Наконецъ, спросили:

— Слыхалъ-ли ты объ Англии, Франціи?—Вотъ этотъ французъ, а я англичанинъ,—сказалъ одинъ, а затѣмъ добавили:

— Все, что ты скажешь, мы запишемъ, а потомъ, когда прїедемъ къ себѣ, напечатаемъ въ книжкахъ, чтобы всѣ прочли... Приходи, непременно приходи,—добавили они,—мы тебѣ и деньги дадимъ.

— Очень вамъ благодаренъ, непременно буду,—отвѣтилъ я.

Французъ немедленно-же полѣзъ въ карманъ и вынулъ рубль.

— На вотъ тебѣ до вечера, а вечеромъ еще получишь.

— Благодарю,—сказалъ я, краснѣя. Все равно, потомъ дадите.

— Ну пусть будетъ по твоему,—отвѣтилъ онъ и оба попрощались.

Я тоже поворотилъ баранту и потихонечку погналъ ее въ деревню.

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ товарищъ пастухъ, вернувшійся съ горъ, куда онъ носилъ соль для недойной баранты; съ нимъ вмѣстѣ былъ и мальчикъ, каждую ночь помогавшій намъ караулить скотъ.

— Миръ вамъ!—привѣтствовалъ я ихъ по обычаю.

— Да дастъ Господь и тебѣ того-же! отвѣтили они.

— Ну, какъ баранта?

— Что ей! Ягнята таковы, что просто любо смотрѣть на нихъ.

— О, трава!—съ восторгомъ вскричалъ пастухъ,—о ней нечего и спрашивать. Овцы отъ нея такъ и лѣзутъ въ ширь. Да вотъ еще что, барыня приказала, чтобы на минуту завернули домой. Гости тамъ какіе-то...

-- Есть и женщины.

Ночь была чудная, лунная и все общество расположилось въ саду пить чай. По веселому разговору и хохоту я догадался, что то были желанные гости; вскорѣ я распозналъ и одинъ голосъ, принадлежавшій близкому изъ моихъ родственниковъ. Я очень обрадовался ему (то былъ лучший другъ моего отца) и поспѣшилъ переодѣться, чтобы повидаться съ гостями. Но не тутъ-то было! Меня замѣтили и стали звать, а съ другой стороны и мнѣ показалось страннымъ церемониться съ родственниками. И я подошелъ къ нимъ, въ чемъ былъ, т. е. въ пастушескомъ нарядѣ. Но представьте себѣ мое удивленіе, когда старикъ, вмѣсто ласковой встрѣчи, обдалъ меня суровымъ взглядомъ.

— Bravo! молодецъ!—саркастически началъ онъ. Хорошо, нечего сказать, гусь... И это сынъ владѣтеля горъ!

Протинутая рука такъ и осталась у меня въ воздухѣ; старикъ продолжалъ смотрѣть гнѣвно. Молодежь изъ моихъ родственниковъ, пріютившихся въ углу, съ трудомъ удерживались отъ смѣха.

— Не стыдно тебѣ? Стыда, говорю я, стыда, что-ли, нѣтъ у тебя?—горячился старикъ.

— Зачѣмъ вы меня ругаете? Въ чемъ я провинился?—только и напелся я сказать.

— Онъ еще спрашиваетъ!.. Каково!.. Мальчишка, ценокъ! Отецъ-то твой для этого тебя воспитывалъ? Для этого онъ тратилъ на тебя деньги? Если тебѣ хотѣлось быть пастухомъ, такъ чего-жъ было ѣздить въ Россію, изводить деньги. Поручили-бы мы тебя моему „саркали“ (старшій пастухъ) и изъ тебя вышелъ-бы пастухъ, хоть куда.

— Отецъ жилъ, какъ ему хотѣлось, мнѣ хочется жить, какъ мнѣ угодно,—отвѣтилъ я съ досадою, и кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Въ народъ пошелъ, „опроститься“, вишь, ему захотѣлось,—съ ироніею замѣтилъ молодой офицеръ.

— Опроститься-ли мнѣ вздумалось, или пѣтъ,— это не вашего ума дѣло, съ сердцемъ замѣтилъ я офицеру и потомъ добавилъ: во всякомъ случаѣ это лучше, чѣмъ ничего не дѣлать; по крайней мѣрѣ, дѣло...

Я повернулъ къ дому; до меня доносился крикъ старца и хохотъ молодежи. Старикъ былъ внѣ себя.

— Выдумать тамъ еще сближаться съ народомъ! Какой тамъ къ чорту народъ! Не лучше-ли сознаться, что теперешняя молодежь никуда не годится, что она ничего не дѣлаетъ, ни къ чему не подготовлена.

Офицеръ протестовалъ: Зачѣмъ-же такъ говорить! Нельзя-же по одному судить о всѣхъ... Нашъ родственникъ потому только пошелъ въ пастухи, чтобы пооригинальничать...

— Хорошо, нечего сказать, родственникъ! Хороша профессія!

И долго еще раздавались гнѣвные возгласы старца: я вошелъ въ комнату и заперъ за собою дверь.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, насмѣшки и издѣвательства за то, что я не пошелъ по торной дорогѣ, на „ловлю счастья и чиновъ“, съ другой—брань отъ „благожелателей“, посвятившихъ себя пустымъ разговорамъ, съ третьей—недовѣріе со стороны тѣхъ, къ кому я стремился всею душою, но кто не могъ понять, чтобы человѣкъ, имѣющій возможность барствовать, желать-бы единенія съ ними на почвѣ братства и труда...

Таковъ былъ мой первый дебютъ. Тѣмъ не менѣе я оставался вѣренъ своему ремеслу въ продолженіе семи лѣтъ.

Наступила осень. Пастухи видѣли, что всю весну я провела въ горахъ, что у меня не было тамъ ни дома, ни сносной обстановки, что, вопреки ожиданіямъ, я все-таки не растаялъ, какъ сахаръ, не скучалъ и не болѣлъ, хотя вѣтеръ обдувалъ и дождь мочилъ часто. Всѣ понемногу убѣдились, что я искренно взялся за дѣло и не такъ скоро брошу его. За это время я познакомился со многими пастухами, но больше всѣхъ сблизился съ однимъ Степанъ-Цмицдемъ, Симоною Гигаурри, который съ первой-же встрѣчи больше всѣхъ понравился мнѣ своимъ умомъ и смѣтливостью.

Это былъ представительный, красивый малый. Умный, ловкій, справедливый, онъ, казалось, мухи не могъ обидѣть безъ вины; за то всякая несправедливость возмущала его до глубины души, выводила изъ себя и тогда онъ былъ готовъ на все...

Серьезный и симпатичный Симонъ былъ общимъ любимцемъ, такъ что каждый только и думалъ о томъ, чтобы подружиться съ нимъ. Конечно, такой человѣкъ и для меня былъ дорогъ.

Какъ я сказалъ выше, наступила осень, а у меня все еще не было товарища, которому могъ-бы довѣриться всею душою. Это и была причина, почему я, между прочимъ, со всѣми своими пастухами рѣшилъ отправиться въ Чечню, куда обыкновенно направляется зимою баранта.

Въ одинъ вечеръ, когда мы только что пригнали баранту на „бину“¹⁾ и усѣлись около огня, собаки поднялись и съ лаемъ бросились къ бугру. Мальчикъ, бывший съ нами, тоже всталъ и погнался за собаками.

— Добрый вечеръ!—сказалъ гость.

Пастухи, по обыкновенію, встали и поклонились пришедшему.

— Добро встрѣтиться!—сказали они и я уступилъ около себя мѣсто Симоону (это былъ онъ, знаменитый въ горахъ пастухъ). Когда мы усѣлись, а затѣмъ позакусили, Симонъ началъ первый.

— Я къ тебѣ!—сказалъ онъ просто. Хочу быть твоимъ „намга-лоу“ (товарищемъ).

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, такъ какъ самъ искалъ товарищей и не находилъ ихъ.

— Зачѣмъ пѣтъ, я самъ ищу таковыхъ,—отвѣтилъ я съ радостью. Но почему ты запоздалъ, неужели не зналъ до сихъ поръ объ этомъ?

— Знать-то зналъ, но какъ-то мнѣ не вѣрилось, что ты серьезно берешься за дѣло. Я-то лично и раньше хотѣлъ придти, но товарищи не пускали, — нельзя-же было ослушаться ихъ.

— А вотъ пошелъ-же, ослушался...

— Хорошо-ли будетъ, если я стану теперь мстить имъ.

— Ау! Теперь ты нашъ товарищъ! Мстить товарищамъ—и людьми, и Богомъ заказано... Отъ товарища ничего нельзя скрывать.

— А тебѣ почему хотѣлось сблизиться со мною?

— Почему? А потому, что ты грамотный.

— Ну, такъ что-же?

— А то, что намъ такой человѣкъ нуженъ, чтобы вѣдаться съ казаками.

— Очень ужъ они притѣсняють васъ?

— Очень, клянусь святымъ Георгіемъ! Нѣтъ спасенія отъ нихъ! Этими словами мы закончили разговоръ, взяли бурки и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ баранты улеглись на землю.

Не спали только три караульщика, которые обходили баранту и наблюдали, чтобъ овцы не ушли куда-нибудь.

Наконецъ, разсвѣло и изъ за высокихъ горъ выглянуло солнце. Лучи его какъ-бы облили золотомъ всю окрестность. Ночная роса живоительно подѣйствовала на растительность. Цвѣты и травы выглядѣли веселѣе, словно старались поразить красою дневное свѣтило.

Пастухи встали, умылись, помолились Богу. Баранта вышла пастись, я и Симонъ остались поговорить о предстоящемъ путешествіи.

— Ты долженъ быть „саркали“,—началъ онъ.

Сперва я отказался, ссылаясь на неопытность, но товарищъ настаивалъ такъ, что я не зналъ какъ быть.

— Зачѣмъ ты настаиваешь, чтобы я былъ старшимъ, когда много пастуховъ поопытнѣе и лучше меня.

¹⁾ „Бина“—кутанъ, овчарня. Весною иногда восемь разъ въ мѣсяцъ мѣняютъ „бину“.

— А потому,—отвѣтилъ онъ,—что ты можешь пойти куда угодно, къ кому угодно, можешь, если понадобится, постоять и за себя, и за насъ... А мы что .. всякій насъ обидитъ. Съ тобою же не только казаки—старшина и приставъ, и тѣ ничего не могутъ подѣлать...

— Развѣ и они притѣсняють? Отчего-бы?

— А Господь ихъ знаетъ, отчего? Пока выдадутъ билетъ, истомать, душу вымотаютъ всю... Въ Чечнѣ, если не приставекій билетъ, другой не годится, а приставъ требуетъ, чтобъ ему представили еще билетъ отъ старшины.

— Ну, что-жъ труднаго? Въ годъ всего одинъ билетъ требуется.

— Одинъ!—засмѣялся онъ. Конечно, одинъ, а попробуй взять его... Впрочемъ, и не одинъ, а нѣсколько: одинъ на всю баранту съ пастухами вмѣстѣ, потомъ еще по билету на каждаго три человѣка.

— Это зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? То нужно отправить человѣка за провизіею, то за сѣномъ, то кому-нибудь изъ насъ придется сходить къ себѣ по дѣлу... Потомъ еще билетъ для крупнаго скота... Однимъ словомъ, не дай Богъ сколько хлопотъ и труда. Всего не перескажешь, а вотъ познакомься съ нашею жизнью и увидишь, каково оно положеніе пастуховъ.

— Ты сердитъ за что-то и потому такъ расписываешь всѣхъ...

— И то вѣрно! Сердитъ, конечно, а то какъ! Въ прошломъ году, —началъ Симонъ,—баранта моя стояла въ Асинскѣ, а самъ я отправился домой, хоронить близкаго... Была середина зимы, какъ вдругъ пришелъ ко мнѣ человѣкъ съ вѣстью, что „парехи“ (загонъ) сгорѣли. Не дай Богъ врагу почувствовать то, что я почувствовалъ. Сейчасъ-же, конечно, къ старшинѣ за билетомъ. Тотъ указалъ на пристава, а приставъ вонъ гдѣ живетъ,—шестьдесятъ верстъ до него будетъ. Пройти такое разстояніе взадъ и впередъ—не шутка, а тутъ еще зима, да горы, да подъемы... Нечего было дѣлать. Попросилъ я себѣ билета: съ меня, конечно, сейчасъ-же пять рублей за печать. Заплатилъ и пустился въ путь-дорогу! Слава Богу—Господь миловаль—горы я прошелъ счастливо. Но вотъ бѣда! Пристава не оказалось на мѣстѣ: уѣхаль-ли онъ куда-нибудь по дѣлу, или просто захотѣлось ему покутить въ Тифлисѣ, но я его такъ и не засталъ... А тутъ еще есаулы говорить, что раньше какъ черезъ мѣсяцъ его не будетъ. Что было дѣлать, какъ успокоить сердце? Вѣдь, все мое достояніе баранта, а тутъ „парехи“ сгорѣли, и я еще не знаю—цѣлы-ли овцы, или нѣтъ. Грустилъ я, скорбѣлъ и, наконецъ, умявшись, вернулся назадъ. По дорогѣ застала мать и меня чуть не занесло снѣгомъ... Пришелъ я къ себѣ домой, думалъ, думалъ и, наконецъ, такъ и не вынесъ: рѣшилъ отправиться безъ билета. Мнѣ казалось, что расскажу я кому слѣдуетъ о своемъ положеніи, сжалятся, пропустятъ. Анъ вышло не такъ: казаки дарьяльскаго ущелья потребовали отъ меня билета,—а какъ я его могъ дать, когда не было?—Схватили, связали руки и препроводили въ Дзауцъ, (Владикавказъ). Тамъ держали двѣ недѣли въ тюрьмѣ, а затѣмъ по

этапу назадъ. Долго, очень долго таскали насъ по дорогѣ, пока, наконецъ, мы добрались до Душета. Тутъ тоже продержали недѣлю, а потомъ выпустили... Благодареніе Богу, что баранта осталась цѣла, но сердце-то у меня встаетъ не зажило до сихъ поръ“. Прервемъ здѣсь его разсказъ.

Двѣ раннія повѣсти А. Казбека *Элгуджа* и *Убийца отца* относятся ко времени вступленія русскихъ войскъ въ Грузію въ началѣ прошлаго (XIX) столѣтія. Горцы не могли примириться съ разрушеніемъ обычнаго порядка вещей: любовь къ отчизнѣ и свободѣ воодушевляли ихъ на продолжительную неравную борьбу съ сѣвернымъ колоссомъ. Горцы—стражи старины и независимости. Каждый изъ нихъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ пожертвовать имуществомъ, любовью женой, собственною жизнью для защиты своей скалистой родины. Такую мысль авторъ даетъ высказывать Свимуно, одному изъ симпатичнѣйшихъ героев повѣсти *Элгуджа*. Во время возстанія Карталиннн, вскорѣ послѣ объявленія Грузіи присоединенной къ Россіи, горцы всѣ единодушно, какъ одинъ человѣкъ, изъявили готовность поднять оружіе въ пользу грузинскаго царевича Александра, бѣжавшаго въ Персію. Стали составлять отряды партизановъ и небольшія группы удалыхъ молодцовъ, посредствомъ такъ называемаго союза «побратимства», давшихъ аннибалову клятву предъ священными знаменами общины, въ присутствіи высокочтимыхъ жрецовъ «деканози», до послѣдней капли крови отстаивать неприкосновенность и интересы своего свободолюбиваго народа. Обрядъ заключенія этого союза носить религіозный характеръ. Горецъ, увѣрившись въ преданности своего друга, предлагаетъ ему вступить въ вѣчное побратимство. Получивъ отъ послѣдняго согласіе, оба снимаютъ шапки, обмѣниваются пулями и, призывая проклятіе ангела „дверскаго“, произносятъ: „Твоя рука будетъ служить моею, твой глазъ—моему глазу, твое колѣно—моему колѣну, а измѣнника да караетъ безжалостно св. Георгій Ломисскій, да сдѣлается онъ мужемъ своей матери и переломится у него кинжалъ, поднятый на врага“. Сила этого заговора неотразима для горца: съ этого времени друзья сливаются въ единое непреклонное и неуломимое существо; враги и пріятели, горе и радость дѣлаются у нихъ общими; одни и тѣ же интересы и побужденія становятся цѣлью ихъ существованія; никакія опасности и угрозы не могутъ заставить ихъ стать предателями своего собрата; дружба ихъ выше и дороже кровнаго родства. Такой союзъ заключаетъ Элгуджа и Матіа и съ безупречною честностью исполняютъ данное слово. Дружба получаетъ большую цѣну, когда она основывается на необходимости общими силами похитить любимую дѣвушку или защитить ея честь отъ легкомысленныхъ покушеній. Горецъ, принявъ подъ свое покровительство женщину, устраняетъ всѣ земныя страсти и одни „братскіе“ помыслы и готовность постоять за ея цѣломудріе воодушевляютъ и питаютъ въ немъ богатый запасъ рыцарскихъ чувствъ. Сама женщина, своимъ умѣнемъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое цѣломудріе противъ насилія, двигаетъ горца на отчаянную борьбу съ нарушителями

установленной чистоты правовъ. Женщина вооружается не только въ своихъ видахъ, но въ интересахъ своей родины, для поднятія духа и усиленія бодрости въ отстаиваніи свободы страны ¹⁾. Эта способность женщины проникаться общими интересами ставитъ ее на тотъ пьедесталъ почитанія, какимъ она пользуется у горцевъ. Въ романѣ *Пицця* выступаетъ женщина въ другой роли, именно посредницы примиренія двухъ ищущихъ кровной мести. Ея чистота, непорочность и красота—обыкновенный сюжетъ народныхъ лирическихъ пѣсень. Измѣна же долгу, подозрительныя сношенія и отлучка изъ дому даютъ обильную пищу сатирическимъ четверостишіямъ о ней. Попасть въ такой „лексисъ“—самый чувствительный позоръ, пятно котораго ложится на всю семью женщины: отецъ предпочитаетъ гибель дочери такой уничтожающей горделивую честь участи женщины.

Послѣ примиренія враждебныхъ фамилій (напр., въ романѣ *Духовникъ Пастыръ*) кровная месть у нихъ замѣняется вѣчною и теплою дружбой, равною по силѣ союзу побратимства. Съ этихъ поръ горецъ дѣлается нѣжнымъ и исполненнымъ любви ко всѣмъ членамъ предъ тѣмъ враждебной ему семьи. Одно мѣсто изъ романа *Элгуджис* даетъ ясное представленіе о глубинѣ чувствъ горца, рыцаря безъ страха и упрека, въ борьбѣ съ врагомъ и о силѣ поэтического полета мысли и фантазіи самого писателя. Матіа проникся какъ-то незамѣтно для себя чувствомъ нѣжной привязанности къ возлюбленной друга своего Элгуджа. Союзъ, заключенный между ними, однако, не позволялъ Матіи давать мѣсто въ своемъ сердцѣ другимъ страстямъ за исключеніемъ однимъ „братскимъ“ помысломъ. Чувство же, разъ закраившееся, все росло въ немъ: красавица Мзаго въ видѣ тѣни почти стала преслѣдовать его всюду, заняла все его воображеніе и существо. Онъ начинаетъ таять, какъ „восковая свѣча“, не рѣшаяся заикнуться предъ Мзаго о своей любви. Цѣлые дни проводитъ Матіа въ глубокой тоскѣ, въ непонятной печали... „Быль дни проводить Матіа въ глубокой тоскѣ, въ непонятной печали... „Быль чудный вечеръ, блѣдное сіяніе луны и чарующая природа увлекали человека съ уединеннымъ мечтаніемъ. Матіа вышелъ изъ комнаты, тихо миновалъ поле и подошелъ къ берегу Арагвы, плескъ которой какъ будто убаюкивалъ природу. Журчанье рѣчки въ этой мертвой тишинѣ пробудило такую нѣгу и сладость въ душѣ Матіа, что даже его закаленное желѣзное сердце смягчилось и наполнилось тысячью различныхъ думъ, вытѣсняющихъ другъ друга новою силою прелести, очаровательности и необъятности. Онъ погрузился въ розовыя грезы и вообразилъ себя тѣмъ счастливецомъ, котораго въ тотъ моментъ услаждала Мзаго своими страстными ласками. Онъ увѣрилъ себя, что эта гордая красавица любить только его одного во всемъ мірѣ, что онъ служитъ единственнымъ предметомъ ея неотвязныхъ сердечныхъ томленій. Мечта

¹⁾ Нѣжное сердце Нуно (ром. *Убийца*) наполняется необыкновенною энергіей, кровною враждой; она вырастаетъ въ равнаго мужчигъ, по своей смѣлости, героя, несколько не уступающаго ему въ ловкости владѣть мечомъ для защиты чести и свободы родины.

увлекла его такъ далеко, что онъ любимое существо со всею ея небесною красотой воплотилъ предъ собою; онъ уже обнялъ ея нѣжный станъ, страстно взглядывая въ ея прекрасныя, темныя глаза и такъ приблизилъ къ ней свои горячія уста, что сталъ чувствовать и упиваться ея дыханіемъ. Предъ нимъ стали отчетливо вырисовываться ея черныя, какъ смоль, волосы, которые дуновеніемъ вѣтерка робко задѣвали ея алыя ланиты и своимъ прикосновеніемъ возбуждали иллюзію неизъяснимаго блаженства. Она шепотомъ, подобно тихому вѣянію, тономъ, исполненнымъ страха, благоговѣнія и чистоты, клялась ему въ вѣчной любви и преданности... Матіа все болѣе убѣждался, что образъ, создаваемый его фантазіей, не есть одинъ пустой плодъ его розовыхъ грезъ,—пылкое сердце такъ покорило себѣ омраченный страстью разсудокъ, что воображаемыя картины встали предъ нимъ въ живыхъ, осязательныхъ формахъ“.

О Мзаго мечтаетъ вдали отъ нея на смертномъ одрѣ Элгуджа, изнывающій отъ тяжелыхъ ранъ. Однако утѣшеніе теперь облегчаетъ грызущую все его существо боль,—онъ послалъ ей прощальный поклонъ, «его привѣтъ дойдетъ до Мзаго, она вспомнитъ о немъ и своими розовыми устами произнесетъ имя Элгуджиса. Можно ли предстать для возлюбленнаго болѣе высокое блаженство? Онъ такъ погрузился въ эти пріятныя думы, что прелестное лицо Мзаго, нѣжныя ея уста, томныя глаза промелькнули съ быстротой молніи въ его умѣ, онъ всматривался жаднымъ, упивающимся взоромъ, съ замрениемъ сердца, въ воображаемый образъ Мзаго, ласкалъ и цѣловалъ ее, и не было конца ихъ земному блаженству“.

Красоты природы не могутъ успокоить взволнованное чувство горца. Контрастъ между душевными тревогами и внѣшними очаровательными картинами раздражаетъ его еще больше, усиливаетъ въ немъ недовольство и сознание своего одиночества. Матіа хорошо знаетъ, что Мзаго принадлежитъ его другу, Элгуджису, и эта горькая мысль вытѣсняетъ у него всѣ другіе помыслы и усвоенную привычку погружаться въ созерцаніе открывающейся предъ нимъ у подошвы снѣжныхъ вершинъ живописной долины. „Овцы постепенно шли впередъ, удаляясь отъ своего пастуха, который неподвижно оставался на мѣстѣ и безсознательно устремилъ взоры въ бѣлое облачко, разлучившееся съ сѣдовласымъ Кавказомъ. Удивительно, что Матіа, извѣстный своею бдительностью пастухъ, ни на шагъ не отступающій отъ стада, сегодня такъ невнимателенъ къ нему, погруженъ въ какія-то думы, точно прикованный къ своему пастушескому посоху. Быть можетъ, его увлекла прелестная природа, оживленная журчащимъ потокомъ? Нѣтъ! Онъ теперь не видитъ ни гордо упирающихся въ небеса снѣжныхъ горъ, ни густо разросшихся лѣсовъ, ни горныхъ водопадовъ, которые молочными брызгами низвергались съ высокихъ скалъ, рассыпаясь въ миліоны разноцвѣтныхъ звѣздъ, ни зеленыхъ луговъ, усыянныхъ тысячами различныхъ благоухающихъ травъ. Нѣтъ! Онъ самъ еще не отдаетъ се-

бѣ отчета въ смутныхъ грызущихъ его сердце мечтахъ о красавицѣ Мзаго...⁴

Какъ горецъ всецѣло проникается чувствомъ любви къ одной, такъ она до гробовой доски, такъ и женщина любитъ твердо и непреклонно разъ избраннаго друга своего сердца. Она не умѣетъ мѣнять или дѣлать свои чувства. Она можетъ любить только одного и никакія угрозы, никакія страданія не могутъ вырвать изъ ея души разъ загорѣвшей искры любви,—искры, охватившей неугасаемымъ пламенемъ все ея женское, чувствительное существо. „Я предпочту умереть,—говоритъ Пуну въ романѣ *Убийца отца*,—чѣмъ забыть когда-нибудь его. Я сохну и вину въ ожиданіи его и нѣтъ отрады, утѣшенія для меня!“ Не даромъ поэзія горцевъ имѣетъ своимъ центромъ вѣрную, постоянную любовь женщины. Женщина пользуется у нихъ большимъ почетомъ, является нравственною силой, сдерживающею своимъ платкомъ кровопролитное столкновение двухъ ищущихъ мести фамилій. Въ женѣ грузинъ-горецъ видятъ не рабыню, а равнаго себѣ друга и помощника. Онъ эту мысль о равноправности выражаетъ довольно фигурально въ одномъ прекрасномъ, трудно переводимомъ четверостишіи: „Порождение льва остается львомъ, все равно, какого бы пола оно ни было“. Уваженіе къ женщинѣ у грузинъ имѣетъ свое историческое оправданіе: Грузію ввела въ кругъ христіанскихъ народовъ женщина—св. Инна; Грузію возвела на ступень политическаго могущества и культурной славы женщина—царица Тамара; грузинка-мать являлась вдохновительницей война на полѣ брани, въ борьбѣ съ врагами родной земли и Христова креста.

Гордая красавица мохевка служитъ предметомъ горькихъ вздыханій молодого пастуха, ей посвящаются задумчивыя пѣсни, слава объ ея красотѣ распространяется далеко среди горцевъ; на праздникъ взоры всѣхъ обращены на нее; является толпа искателей ея руки, и заканчивается тайное ухаживаніе открытымъ похищеніемъ красавицы вооруженною силой изъ родной хижины. Интересны характеристическія черты идеала красавицы по народнымъ пѣснямъ: красавица должна быть высокаго роста—какъ чинаръ, бѣлаго цвѣта—какъ „известь“, съ румяными лентами—какъ алое вино, съ волосами черными—какъ смоль, съ черными сверкающими, какъ молнія, глазами. Однимъ изъ ея украшающихъ качествъ считается спокойная, мѣрная походка. Застѣпчивость и скромность при постороннихъ, внимательность и вѣрность мужу, „языкъ ласточки“ въ бесѣдѣ довершаютъ идеалъ красавицы. Пѣсни, воспѣвающія красоту женщины, разбросаны въ романахъ А. Казбека¹⁾, но тутъ же мы встрѣчаемъ отрывки, которые даютъ общее представленіе о поэзіи горцевъ. Сюжетъ ихъ пѣсенъ составляютъ разказы объ отважныхъ подвигахъ, о благородномъ гостеприимствѣ, объ уваженіи къ старѣйшимъ, о защитѣ слабыхъ и оскорбленныхъ. Блестящее оружіе, жажда

¹⁾ Онъ издалъ небольшой сборникъ народныхъ пѣсенъ мохевцевъ. (Т. 1886).

мщенія, любовь къ родинѣ, свободѣ и женщинѣ одушевляютъ горца поэтическимъ настроеніемъ, въ которомъ сама собою слагается у него пѣсня. Последняя сопровождается и описаніемъ природы: бѣлоснѣжныя горы, дѣвственные лѣса, непроницаемый туманъ, журчащій потокъ, стремительный водопадъ, веселыя трели жаворонка, ушлый крикъ совы—вотъ матеріалъ изъ виѣшней природы для поэзіи горцевъ. Каждое ихъ четверостишіе много говоритъ и уму, и чувству, каждая ихъ пѣсня согрѣта теплою любовью къ родинѣ, свободѣ, красотѣ.

Въ горахъ нѣтъ социальной розни, сословныхъ градаций, не существуетъ общественныхъ предрасудковъ: здѣсь все равны, нравы дышатъ простотой и патриархальностью. Двери хаты свободно открыты для странника; гость—неприкосновенное лицо, посланникъ Бога. Часто поднимаются споры, кому пригласитъ случайно показавшагося странника. Появленіе гостя—торжество для всѣхъ: дѣти начинаютъ отъ радости прыгать, собираются юноши и дѣвушки, чтобы пѣніемъ, танцами и играми доставить удовольствіе повому другу цѣлой деревни. Любовь здѣсь не стѣсняется виѣшними условиями положенія героевъ. Дочь состоятельнаго горца Кориюко, Циція, влюбляется въ пастуха своего отца Бежіа. Циція, единственная дочь и гордость старика-отца, сама носитъ въ поле пастуху провизію, здѣсь они встрѣчаются, угощаются парнымъ молокомъ, постепенно зарождается въ нихъ на лонѣ роскошной природы чувство любви, которое сначала находитъ исходъ въ робкихъ взглядахъ, а потомъ и въ чистыхъ сердечныхъ изліяніяхъ.

Кориюко не согласится выдать за Бежіа свою дочь; есть одно спасительное средство—похитить любимую дѣвушку. Циція сама намекаетъ на этотъ обычный способъ разрѣшенія любовной интриги, и тутъ только Бежіа убѣждается, что онъ любимъ: онъ обнялъ ее и припалъ къ ея сердцу, учащенное бѣненіе котораго электрическимъ токомъ пробѣгло по его напряженнымъ нервамъ. „Она не сопротивлялась, искры одного огня одинаково охватили ихъ; оба были въ забвеніи, были объаты однимъ чувствомъ, и это чувство было желаніе соединиться въ одно, перелить свою душу, вложить свое сердце и слиться въ одно нераздѣльное существо. Влюбленные не замѣчали, какъ день близился къ вечеру, какъ луна озарила всю природу лучами, возбуждающими страсти въ человѣкѣ. Ночь была тихая, объятая таинственнымъ молчаніемъ, какъ будто горы и лѣса, утомленные дневнымъ зноемъ, погрузились въ желанный сонъ и покой. Только съ горъ бѣгущіе ручьи неумолкаемо звенѣли по камнямъ, словно напѣвая чудную пѣсню задремавшей природѣ“..

Но судьба разстроила мечты влюбленной пары. Циція была похищена въ отсутствіе отца не Бежіей, а какимъ-то чеченцемъ, который видѣлъ ее на похоронахъ Эпхія. „Когда ты ударила,—говорилъ ей чеченецъ,—своими маленькими ручками по алымъ ланитамъ съ едва замѣтною бородавкой, я далъ себѣ слово поцѣловать тебя какъ-разъ въ то мѣсто“. Съ этими словами онъ обнялъ дрожащую въ его крѣпкихъ ру-

какъ Цицію, привлекая къ сердцу и жадно впился въ ея блѣдныя уста... Черезъ нѣсколько минутъ по свистку похитителя прилетѣлъ его со товарищъ и они, умчавшись на двухъ коняхъ вмѣстѣ съ Циціей, пропали во мракѣ ночи. Но здѣсь выступаетъ свойственная горцу черта: онъ не пользуется беззащитнымъ положеніемъ женщины, онъ не посягаетъ на ея цѣломудріе, не прибѣгаетъ къ насилію. Циція на всѣ ласки похитителя отвѣчаетъ молчаніемъ, отказывается отъ пищи, горячія слезы текутъ ручьями изъ ея темныхъ глазъ. „Сердце горца тронуто. Безстрашный воинъ, съ улыбкой встрѣчавшій тысячу смертельныхъ опасностей, стоитъ взволнованный, блѣдный и со слезами на глазахъ, едва переводя дыханіе“, умоляетъ ее пощадить, полюбить хотя бы на моментъ цѣды гибели въ пропасти съ высокими скаль. Циція смягчилась: она видѣла статнаго красавца, охваченнаго страстью, который, не употребляя насилія, палъ къ ея ногамъ и, какъ повелительницу свою, умоляетъ о любви. Но въ ея чистой, не покрытой нравственною ржавчиной, душѣ два чувства еще не уживались. Она любила Бежію, и ей оставалось своему новому безумному поклоннику предложить братскую дружбу. „Я люблю другого,—говоритъ Циція,—ты—братъ, я—сестра!“.—„О-охъ“, вздохнулъ чеченецъ такъ сильно, какъ будто сердце вырвалось вонъ изъ глубины, и разразился страшнымъ, мучительнымъ плачемъ. Но онъ быстро оправился, отеръ, быть можетъ, впервые на его глазахъ навернувшіяся слезы и, обратившись къ ней, сказалъ: „Сестра моя, куда тебя веди?“ Съ этого времени онъ сдѣлался преданнымъ, безкорыстнымъ ей другомъ. Чеченецъ не жалѣетъ силъ, не останавливается предъ угрожающими ему опасностями, чтобы доставить страстно любимую дѣвушку въ обладаніе счастливому своему сопернику. Голосъ совѣсти, сознаніе нравственнаго долга заглушаютъ въ немъ бурный потокъ его страстныхъ чувствъ. Послѣ цѣлаго ряда приключеній чеченецъ съ Циціей отыскиваетъ Бежію. Послѣдній, считая свою подругу уже опозоренною похитителемъ, готовъ броситься на него съ кинжаломъ, чтобы кровью отомстить за честь женщины. Чеченецъ также обнажилъ оружіе для самообороны и не далеко уже, по недоразумѣнію, шагъ къ кровопролитію, какъ вдругъ слышится крикъ Циціи, платокъ ея „мандили“ неожиданно появляется между разъяренными борцами и въ ту же минуту взбѣшенные львы смиряются, опустив неподвижно сверкающіе мечи. Враги опомнились при видѣ „мандили“—святыни, чрезъ которую не можетъ переступить не одинъ горецъ: „мандили“ обезоруживаетъ и Бежію, и чеченца.

Одна изъ трогательныхъ повѣстей А. Казбекъ *Пастырь* была сопоставляема съ романомъ В. Гюго *Misérables*. Сходство ограничивается изображеніемъ гуманнаго духовнаго отца. Прекрасную Маквалу выдали за чуждаго ея сердцу нелюбимаго человѣка, Гелу Годерзашвили, развратившагося во время прохождения службы есауломъ при діамбергѣ (приставѣ) въ Пассанаурѣ. Гега поселился въ деревнѣ и вскорѣ занялъ видное положеніе среди односельчанъ какъ богатый и вліятельный

человѣкъ, объяснявшійся по-русски. Одно обстоятельство причинило ему постоянныя мученія: ни угрозами, ни ласками онъ не могъ расположить къ себѣ Маквалу. Наоборотъ—она возненавидѣла мужа и всѣми силами старалась досадить ему. Дошло дѣло до схода сельчанъ; выяснилось, что Маквала была выдана замужъ насильно. Но народный сходъ, объявившій имъ разводъ, при новыхъ административныхъ порядкахъ уже утратилъ свое значеніе, и Гела законнымъ путемъ вернулъ къ себѣ жену. Маквала, видимо, покорилась своей участи, но сердце ея все еще билось за Онисе, за смѣлаго и умнаго пастуха-горца, сосѣда Гелы. Онисе прервалъ сношенія съ Гелой съ того времени, какъ Маквала вошла въ его домъ, но разъ онъ не выдержалъ и постучался въ двери къ молодымъ супругамъ. Его пригласили войти. Подвыпившій Гела усердно сталъ его угощать и не замедлил для полнаго наслажденія привести деревенскихъ музыкантовъ и пѣсенниковъ. За короткое время его отсутствія Маквала и Онисе объяснились; оба убѣдились, что прежняя страстная любовь въ ихъ сердцахъ не замолкла. Но нравственныя убѣжденія не позволяютъ ей измѣнить мужу, когда послѣ отъѣзда мужа приходитъ къ ней избранникъ ея сердца. Съ тѣхъ поръ мрачныя мысли и постоянныя мечтанія о Маквалѣ не давали Онисе покоя. Онъ изыскивалъ средство „злую искусительницу“ склонить на свою сторону. Второе свиданіе съ Маквалой въ ночную пору пробудило въ немъ надежды блаженства. Но ихъ пѣжныя свиданія должны были прекратиться, въ виду возвращенія домой Гелы. Единственнымъ исходомъ является продать овецъ и переселиться въ далекій мѣста съ Маквалою. Ему больно растаться съ родиною, сходъ уговариваетъ его остаться, но Онисе непреклоненъ. Старцы, пожелавъ ему счастья на прощаніе, еще разъ напоминаютъ „о священныхъ мѣстахъ, о костяхъ предковъ“.

„Помни, что души ихъ и сердца твоихъ братьевъ возрадуются, почувствовавъ твое возвращеніе. Взгляни на горы,—указалъ старикъ и слезы заблестали на глазахъ его: здѣсь жили твои предки, здѣсь они утѣшались въ горѣ, здѣсь билась ихъ сердца, здѣсь они умерли. Взгляни и не забывай! Это все—твое родное!“

Онисе поспѣшилъ къ Маквалѣ, чтобы съ ней бѣжать отъ Гелы. Но тутъ произошла схватка между мужемъ и возлюбленнымъ Маквалы, и Онисе былъ раненъ. Въ ту же ночь исчезла Маквала. Домъ Онисе опустѣлъ. Родъ Гелы подлежалъ „крови“ за пораненіе Онисе. Бѣжавшая изъ дому Маквала находитъ пріютъ у о. Онуфрія, жившаго отшельникомъ въ Бурсачирскихъ скалахъ. Слава объ его высокомъ умѣ, добротѣ, святости и самоотверженіи проникла далеко въ горахъ. Въ пещерѣ его кромѣ креста и евангелія имѣлись лишь лѣкарственныя травы для поданія первой помощи. Онуфрій жилъ только для народа и не забывалъ его вдали отъ всѣхъ, когда онъ сливался душою съ Богомъ. Онуфрій изгнанную народомъ Маквалу, которой поставили „самани“, т. е. прокляли тѣхъ, кто протянетъ ей руку помощи, случайно откопалъ изъ снѣга и употребилъ всю заботливость, чтобы спасти ее. Когда она пришла въ себя, то рассказала

свое прошлое. „Я грѣшна, отецъ, прости меня!“ тихимъ голосомъ сказала Маквала. А священникъ перекрестился и произнесъ: „Царь небесный! Ты, зрящій сердце человѣческое! Ты знаешь все... Ты милостивъ и милосердъ... Прости грѣшникамъ, ибо не вѣдаютъ, что творять!“ Съ этими словами онъ поднесъ крестъ къ губамъ Маквалы. Она своимъ призываніемъ облегчила свои страданія. Съ того дня отверженная всѣми посвятила себя больнымъ и страждущимъ и помогала Онуфрiю приготовить лѣкарство. Случилось, разразилась страшная гроза, грянулъ громъ и пошелъ ливень; отшельникъ поспѣшилъ подать помощь пострадавшимъ въ ненастную ночь. Въ его отсутствіе къ пещерѣ приблизился человѣкъ, закутанный въ бурку. Онъ вскорѣ покинулъ пещеру, исчезъ какъ крылатый духъ и „къ стону вѣтра присоединился крикъ женщины“. Онуфрiй вернулся на другое утро съ путниками. Онъ удивился, что Маквала его не встрѣтила; заглянувъ въ комнату, онъ увидѣлъ Маквалу, лежавшую въ постели и съ головой закутанную въ бурку. На зовъ его, она ни откликнулась; когда же изумленный старикъ приблизился къ постели и сдернулъ бурку, то замѣтилъ кровь, застывшую на груди Маквалы.— „Помолимся за душу ея, ибо Исусъ снова обрѣлъ ее, потерянную...“ При этихъ словахъ священникъ склонилъ колѣна и всѣ послѣдовали его примѣру. Убийство ея было настолько необыкновеннымъ и загадочнымъ, что оно обратилось въ предметъ безпокойныхъ толковъ. Подозрѣнія падали на Гелу и на Онисе, но время незамѣтно заставило забыть это страшное преступленіе. Разъ на закатѣ солнца отшельнику послышался ружейный выстрѣлъ. Старикъ направился въ ту сторону, откуда раздался голосъ: „чортъ возьми, хоть бы въ сердце попалъ“. Приблизившись къ раненому незнакомцу, онъ перевязалъ ему рану. Лицо больного поминутно измѣнялось и слегка открытыя уста произносили непонятныя слова, сквозь которые явственно онъ слышалъ имя Маквалы. Этотъ незнакомецъ исповѣдался предъ отшельникомъ,—онъ оказался Онисе. Онъ вскорѣ потерялъ рассудокъ и въ безуміи повторялъ слова: Маквала! Скажи, мнѣ ради Бога, кто такая Маквала!

Прошло много времени, отшельникъ потерялъ изъ виду Онисе. Его самого постигла бѣда: онъ былъ обвиненъ Гелой въ убійствѣ Маквалы и изгнанъ изъ села. На судѣ онъ не защищался и истины не открывалъ. „У меня есть высшій Судья, Онъ всевѣдущъ. Когда я предстану передъ Его лицо, то съ улыбкой скажу: Господи, воздай Кесареву Кесареви и Божіе Богови“.

Всѣ улики клонились къ обвиненію священника; правда, въ народѣ настойчиво утверждали, что старикъ не могъ совершить такого преступленія. Кто же убилъ Маквалу? Онисе? Но въ бумагахъ значилось, что онъ умеръ задолго до вышеупомянутаго убійства, а Гела молчалъ о немъ, такъ какъ готовилъ себѣ новую жертву. Быть можетъ, убилъ самъ Гела? Нѣтъ онъ состоялъ на службѣ, и во время убійства находился въ Тифлисѣ, куда ѣздитъ за наградой. Кромѣ отшельника никто не имѣлъ никакого отношенія къ Маквалѣ, никто изъ сторон-

нихъ, какъ показывали свидѣтели, не входилъ въ пещеру женщины. Онуфрiй былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Прошло время. На церковномъ праздникѣ въ Цвери много говорили въ толпѣ о несчастномъ отшельникѣ, сообщившемъ по дорогѣ въ Сибирь одному горцу, что Гела его предалъ. Богомольцы при званіи колокольчиковъ подъ сѣнью хоругвей собрались на зовъ старца-деканоза. „Братья!—послышалось среди робового молчанія.—Солнце меркнетъ, темнѣетъ отъ стыда. Гнѣвъ Божiй обрушился на головы наши, земля разверзлась и грозитъ намъ. Вы имѣли пастыря, который заботился о васъ; въ средѣ вашей жилъ человѣкъ, который не вредилъ даже ничтожнѣйшему червю. Онъ былъ возвращенъ горами, онъ былъ слава, ваша гордость; народъ гордился, имѣя въ своей средѣ такого человѣка. Того, кто дѣлалъ большихъ и раненыхъ, утѣшалъ несчастныхъ, обвинили въ убійствѣ Маквалы и сослали въ Сибирь“. Ударъ грома изъ яснаго неба въ эту минуту не произвелъ бы такого потрясающаго впечатлѣнія, какое произвели слова деканоза.—„Внимайте и разумѣйте! Онуфрiй не могъ быть убійцей, вы сами знаете...“ Встряхнувъ хоругвь, онъ воскликнулъ: „Господи, св. Георгiй Ломисскій, всѣ святые! Молю и зываю къ вамъ отъ лица всего народа, пошлите гнѣвъ вашъ на голову того, кто не постарается найти убійцу Маквалы. „Омень“, загудѣлъ народъ.—Убійца не устоялъ противъ заклятій и открылся. Это былъ безумно влюбленный въ Маквалу Онисе. Присутствующій на сходѣ Гела не выдержалъ и кинжаломъ разсѣкъ грудь слабого, безоружнаго Онисе. Дерзость Гелы возмутила народъ, и онъ приговорилъ его къ побитію камнями. Судъ былъ приведенъ въ исполненіе. Дѣло объ убійствѣ Маквалы также было пересмотрѣно и отецъ Онуфрiй былъ оправданъ. Но вѣсть объ этомъ рѣшеніи не застала его въ живыхъ.

Въ повѣсть *Хевисъ-бери Гоча* обрисованъ не менѣе яркій типъ народнаго вождя, который въ эпоху Нугзара-Эристова собираетъ сходъ для рѣшенія вопроса, какъ отнестись къ намѣреніямъ Нугзара, претендующаго наложить руку на мохевцевъ. Мтіулы забыли узы братства и прониклись враждебными помыслами противъ сосѣдей. Гочѣ принадлежить рѣшающее значеніе, какъ отстоять связь мохевцевъ съ грузинскимъ царемъ и противодѣйствовать замысламъ Нугзара-Эристова.

Романъ *Элисо* заимствованъ изъ эпохи насильственнаго выселенія чеченцевъ въ Турцію. Славный напѣ Шамили, Анзора, имя котораго гремѣло нѣкогда въ горахъ Кавказа, пожертвовавшій тремя своими сыновьями на защиту родины, теперь на старости лѣтъ съ единственною дочерью Элисо прощается съ дорогимъ пепелищемъ. „На открытомъ роскошномъ полѣ, близъ Владикавказа, стояли арбы, наполненныя домашнею рухлядью. Посреди ихъ были разведены костры, предъ которыми усѣлись старики и въ глубокомъ молчаніи курили кальяны. Ихъ мужественныя опечаленныя лица при свѣтѣ мерцающаго огня представляли какую-то фантастическую картину. Эта необыкновенная тишина у вѣчно подвижныхъ горцевъ, среди роскошной природы въ теплый чуд-

ный вечеръ, была прервана тихими звуками чіануры ¹⁾ и тяжело-грустнымъ напѣвомъ. Голосъ пѣвца вырывался изъ глубины сердца, которое воспламенялось, kloкотало, жгло и самого пѣвца, и слушателей. Пѣсня разсыпалась далеко по полю, гдѣ легкое вѣяніе приносило ея звуки къ каждому дереву, кусту, травкѣ и, прикоснувшись къ нимъ, какъ будто давала такъ рѣзко чувствовать свою силу, что они начинали дрожать подъ этимъ глгучимъ отголоскомъ. Скоро вошь одного пѣвца обратился въ общій вой и вся равнина наполнилась мучительнымъ ропотомъ и завываніемъ. Это пѣніе безъ словъ выражало такую глубокую грусть, наполнило сердце такой тоской и меланхолей, что заставило человѣка невольно сочувствовать постигнутому ихъ горю. Это была ихъ лебединая пѣсня, прощаніе умирающаго, вѣчная разлука съ любимыми родителями, ласкъ которыхъ лишаетъ сына неумолимая и немилосердная судьба. Эти стоны и вздохи казались тѣмъ болѣе горькими, что они были рыданіемъ не одного несчастнаго лица, а выражалась въ нихъ одна общая грусть, общая тоска, общее мученіе; здѣсь бился общій нервъ и въ стоиѣ одного воплощались чувство и горе цѣлага народа. Эти вѣрные сыны своей страны, готовые на безмолвное для нея самопожертвованіе, разставались съ дорогими ихъ сердцу горами и полями, для укрѣпленія которыхъ за собою отецъ не жалѣлъ сына, жена—мужа, и послѣ всѣхъ этихъ жертвъ они должны покинуть родину. Господи, гдѣ Ты? Воззри на насъ!—говорили ихъ обращенные къ небу глаза и, не получая отвѣта, грустно опускались къ небу глаза и, не каждой мѣстечко и уголокъ напоминали имъ мужественную борьбу, въ которой ихъ кровь лилась рѣкой. Прикосновеніе къ каждому камню и каждый шагъ способны были воскресить въ нихъ минувшія картины жизни, которыя раскаленными глазами терзали ихъ сердце и связывали языкъ для выраженія тоски. Бываютъ минуты, когда слова безсильны для выраженія горести“...

Анзора, отецъ Элисо, съ ускореннымъ біеніемъ сердца и съ глубокими морщинами на высокомъ челѣ слушалъ, опершись на кинжалъ, эту унылую пѣсню. Онъ нѣсколько разъ дрожащею рукой отеръ уже выступавшій на лбу холодный потъ, но грусть все не покидала его и пробудившіяся воспоминанія о прошломъ горько жгли его сердце. „Онъ вспомнилъ свою юность, удалые набѣги на русскія войска, захватъ у нихъ добычи и коней и радость при этомъ молодыхъ чеченокъ; вспомнилъ, когда онъ, подобно вѣтру, носился неустанно то тамъ, то здѣсь, и пѣсня за пѣсней слагались въ честь и прославленіе его. Вспомнилъ онъ юную жену, нѣжно ласкающую его, вспомнилъ онъ своихъ сыновей—отраду на старости, которые предъ его глазами, при отраженіи враговъ, были подняты на штыки. Вспомнилъ все это, еще разъ сильнѣе провель рукою по лбу и грустно произнесъ: „Лай, Лай, Илъ, Аллахъ!“

¹⁾ Родъ скрипки.

Этотъ нѣкогда суровый воинъ, закаленный въ бояхъ и мщепіяхъ, таитъ свѣтлый потокъ неизсякаемой любви и нѣжности къ своей красивой дочери Элисо. Молодая дѣвушка, вдали отъ другихъ, на берегу рѣчки, давно уже сидитъ, погруженная въ глубокія думы. Ея нѣжное блѣдное лицо прислонилось къ маленькимъ ручкамъ, а томные глаза устремились въ неопредѣленную даль. Она предавалась тутъ двойному постигнутому ея горю: вмѣстѣ съ родиной она теряла и своего друга, грузина-христіанина Вадіа. Религія и вражда къ грузинамъ, гуарамъ-проводникамъ русскихъ въ горы, служила препятствіемъ въ глазахъ Анзоровъ къ ихъ браку. Но отецъ былъ увѣренъ, что Элисо такъ легко не разстанется съ избранникомъ своего юнаго сердца: чеченка рѣдко полюбитъ, но разъ похитившему ея сердце она отдается всецѣло, вѣчно... Отецъ тихо, украдкой приблизился къ любимой дочери, объятаю одною тяжелою мыслью—борьбою между чувствомъ и долгомъ предъ старцемъ-родителемъ.

„Я постараюсь забыть того, кого люблю!—говоритъ отцу Элисо.—Ты должна забыть, если можешь: Вадіа христіанинъ, а ты чеченка“ (мусульманка),—отвѣчаетъ Анзора. Отецъ не довольствуется этимъ краткимъ лаконическимъ заявленіемъ, почему Элисо должна заглушить чувство любви къ Вадіа. Онъ посвящаетъ ее въ перипетіи своей мрачной судьбы, такъ тяжело наказавшей его по милости гууровъ. Она должна забыть ихъ. „Слушай, Элисо!—воскликаетъ отецъ.—Я имѣлъ свой табунъ лошадей, свободно разгуливавшій по полямъ Чечни,—пришли гууры и отняли его... Я имѣлъ стада барановъ, и не проходилъ предъ моимъ домомъ странникъ, чтобъ я не пригласилъ и не зарѣзалъ ему овечки,—напали гууры и отняли... Я имѣлъ домъ, и онъ былъ пріютомъ всѣхъ несчастныхъ и нуждающихся,—пришли гууры и сожгли... Остались у меня три сына, ты и оружіе мое. Я бѣжалъ въ горы и хотѣлъ отмстить за эту несправедливость, но и сюда пришли гууры и сътѣлъ отмстить за эту несправедливость, но и сюда пришли гууры и сыновей моихъ одного за другимъ убили предъ моими глазами. Боже мой! Какой это былъ страшный день!... Одно только утѣшало меня, что они геройски пали: у нихъ было пробито сердце,—видно, они не показывали тыла врагамъ. Остался живъ я одинъ, чтобъ адскій огонь водворился въ моемъ сердцѣ. Теперь я удрученъ годами, ослабѣлъ и, когда нуждаюсь въ покоѣ, я расстаюсь съ родиной, съ прахомъ моихъ сыновей. Только ты теперь моя отрада, ты должна закрыть мои глаза, но... если точно любишь Вадіа, скажи... и этимъ послѣднимъ утѣшеніемъ я пожертвую“,—Нѣтъ, отецъ, я не оставлю тебя, если бы даже сто разъ больше его любила. Пройдетъ время... Я забуду... Правда, вѣдь, отецъ, забуду?“

Задуманное объясненіе отца съ дочерью прерывается неожиданнымъ появленіемъ Вадіа во мракѣ ночи. Вадіа не скрываетъ, что „любить Элису такъ, какъ рыба—воду, птица—воздухъ“. „Элисо!, слышишь! Отвѣчай ему!...“ Элисо стояла молча и по ея блѣдному лицу замѣтно было, что въ ея душѣ происходила мучительная борьба двухъ противо-

положныхъ чувствъ: съ одной стороны были отецъ и долгъ дочери, съ другой—избранникъ сердца и необходимость пожертвовать имъ“. За минуту предъ тѣмъ для нея былъ рѣшенъ вопросъ о подчиненіи чувства долгу, но теперь какая-то невѣдомая сила пробѣжала по ея нервамъ и вся она превратилась въ чувствительное женское существо. Она упорно молчала; сердце старика, въ ожиданіи отвѣта, сжималось отъ страха, а сердце Важіа усиленно билось при видѣ своей возлюбленной...“ Анзора понимаетъ, что теряетъ послѣднюю опору въ дочери, и начинаетъ просить Важіа оставить ему дочь—единственную его отраду на старости лѣтъ.

„Умоляетъ тебя Анзора, который никогда ни къ кому не обращался съ просьбой: не линай меня, старца, единственной надежды и отрады. Ты молодъ, у тебя есть домъ, родные, я же волей судьбы потерялъ все, все!...“ Здѣсь душой старца овладѣло сильное волненіе, онъ сталъ издавать прерывистые, тяжелые вздохи, только жестомъ и мимикой выражая мучительное страданіе...—Нѣтъ необходимости прибавлять къ этому отрывку, насколько вѣрно схвачена психологическая черта борьбы въ душѣ Элисо и ея отца. Авторъ безъ скачковъ, неуспешная изъ вида отдѣльныхъ сценъ и моментовъ для развитія этой душевной драмы, показалъ намъ не горца въ его сердечной жизни, а чело-вѣка съ его внутреннимъ міромъ и страстями, остающимися одними и тѣми же во все время и у всехъ народовъ. Анзора, потративъ тщетно свои моленія, уступаетъ молодой парѣ, но по недоразумѣнію, столкновеніе съ властью кладетъ безвременный конецъ не отвѣдавшему счастья Важіа, и вмѣстѣ съ Анзорой онъ падаетъ отъ казацкихъ пуль.

Изъ трехъ его романовъ—*Элгуджа*, *Убийца отца* и *Цица* мнѣ удалось извлечь свѣдѣнія, характеризующія народный судъ у грузинъ-горцевъ, называемыхъ *мохевцами* и *мтиули*. Эта народность живетъ въ Душетскомъ уѣздѣ Тифлисской губ., въ ущельяхъ горъ, откуда и произошло самое ихъ названіе *мтиули*—отъ слова *мта*, что значить гора, и *хеви*—ущелье.

Содержаніе романа „*Элгуджа*“ относится къ тому времени, когда община (теми), пользовавшаяся политической компетенціей, теряетъ свое значеніе, поколебленное новыми порядками русской администраціи. Старики въ горахъ проникаются негодованіемъ, что грузинскій царь Георгій XII, не посоветовавшись съ представителями народа, вошелъ въ дипломатическія сношенія съ русскимъ государемъ, рѣшившія судьбу цѣлаго края. Въ этомъ ропотѣ можно видѣть отголосокъ прежняго политическаго авторитета народнаго собранія. Нѣсколько сценъ изъ того же романа свидѣтельствуютъ о быломъ судебномъ значеніи теми. Элгуджа заочно обвиняется въ томъ, что онъ убилъ Гаги, мѣсть за кровь котораго падаетъ на Свимона Чопикашвили. Послѣдній приноситъ жалобу предъ теми. Собираются главари общины, покрытые глубокой сѣдиной и важно возсѣдающіе съ посохами на своихъ стульяхъ. Вызываются на ихъ судъ обвинитель, его соприсяжники и родственники Элгуджи, при-

явившіе на себя роль его защитниковъ. Предсѣдатель собранія, вставши съ своего мѣста, снявъ шапку, молча перекрестился и произнесъ:

„Внимайте и разумѣйте!“ При этихъ словахъ все моментально поднимаются, водворяется среди нихъ такая мертвая тишина, что жужжаніе мухи даже становится слышно. „Народъ,—началь предсѣдатель, вы знаете причину нашей сходки; вы должны разсудить дѣло двухъ ищущихъ кровной мести фамлій. Если среди васъ есть родственники или враги сторонъ, пусть уйдутъ изъ засѣданія: сердце чело-вѣка мигло! Можете съ пристрастіемъ произнести приговоръ, и подобнымъ образомъ опозоренные представители народа наследуютъ вѣчныя муки. Таковые да изыдутъ, таковые да изыдутъ, таковые да изыдутъ!“ Послѣ этой вступительной рѣчи предсѣдателя нѣсколько лицъ изъ присутствующихъ на судѣ надѣли шапки и оставили сходку. Проводивъ ихъ глазами, старецъ продолжалъ свое слово:

„Господи Великій Боже! Св. Крестъ и ангелы мохевцевъ и мтиуловъ! Предъ вами собралась община, дайте намъ силу и вразумите, дабы неразуміемъ своимъ не учинить какой-либо несправедливости.“—Аминь!—завопили остальные.—„Если изъ насъ кто-нибудь пристрастно произнесетъ рѣчь, не дасть прямого показанія и утаитъ что-либо, да преслѣдуетъ его ваше проклятіе и его нисходящее потомство!“—Аминь! отвѣчали присутствующіе.—„Такого чело-вѣка лиши друзей, сверстниковъ, дай ему жизнь продолжительную на посрамленіе, лиши его мира и спокойствія духа!“ Аминь! повторили все. Послѣ этихъ словъ, по приглашенію предсѣдателя, все усѣлись и, повидимому, прониклись яснымъ сознаніемъ своей отвѣтственной предъ Богомъ и народомъ обязанности. Былъ вызванъ обвинитель, который, ставъ на одно колѣно, принесъ жалобу на Элгуджу, какъ на убійцу Гаги, и требовалъ надъ нимъ заочнаго суда. Затѣмъ были приглашены къ отвѣту дальніе родственники Элгуджиды. Затѣмъ были приглашены къ отвѣту дальніе родственники Элгуджиды. Затѣмъ были приглашены къ отвѣту дальніе родственники Элгуджиды. Они также, прижавъ на одно колѣно, доказывали, что Гаги не былъ убитъ Элгуджой, и потому Чопикашвили не долженъ искать съ него крови.

Допросъ сторонъ конченъ. Предсѣдатель обращается съ усердѣйшею просьбою къ присутствующимъ принять мѣры къ примиренію и соглашенію враждующихъ фамлій. Потребовали виновницу столкновенія, похищенную Элгуджой, Мзаго, сестру Гаги. Мзаго должна была откровенно заявить, была ли она силой похищена, или же добровольно послѣдовала за Элгуджой. Мзаго отвѣтила, что она давно любитъ убійцу ея брата, что она живетъ одними помыслами объ Элгуджѣ, который не позволилъ себѣ прибѣгать къ насилію надъ ея женскою честью. Послѣ ея показанія посторонніе лица удаляются изъ сходки, остаются одни только судьи. Раздѣлившись на группы, они стали обсуждать положеніе вопроса, а потомъ, по приглашенію предсѣдателя, снова занявъ свои мѣста, стали по старшинству высказывать мнѣнія. Посвятивъ нѣсколько часовъ горячимъ преніямъ для выясненія самаго глужаго въ жизни горцевъ событія кровной мести, судьи пришли къ опредѣленному рѣшенію,

постановили приговоръ, для объявленія котораго были вызваны стороны. Предсѣдатель поставилъ ихъ въ извѣстность, что, по внушенію Господа, судьи разсмотрѣли и обсудили дѣло; стороны обязаны безпрекословно повиноваться ихъ рѣшенію, иначе имъ угрожаетъ изгнаніе изъ общины, а также непризнаніе ихъ плотью и кровью членовъ общины. Стороны выразили свою покорность temi и пожелали для увѣренія судей принести присягу.

Оповѣщеніе приговора сопровождается актомъ религіознаго характера. Вошли въ засѣданіе суда жрецы мтіуловъ—„деканози“, изъ которыхъ одинъ держалъ знамя общины съ крестомъ, увѣшанное образами, колокольчиками и другими пожертвованными вещами; другой жрецъ держалъ серебрянный крестъ, покрытый платкомъ. Появленіе „деканози“ было встрѣчено благоговѣнно: всѣ поднялись съ мѣста и сняли шапки. Деканози подошли къ старцу, предсѣдателю сходили, и стали рядомъ съ нимъ. По требованію главы суда подсудимые подошли къ деканозамъ, перекрестились, преклонили колѣна предъ знаменемъ, взявъ его за кончикъ матеріи. Деканози именемъ всѣхъ святыхъ призывали миръ и благоволеніе Божіе на теми, милость и защиту вѣрнымъ сынамъ Грузинъ, преданнымъ общинѣ, непреклоннымъ въ дружбѣ, сочувствующимъ въ страданіи несчастнымъ. На нарушителей же родства, обязанностей товарищества, долга предъ царемъ и родиной призывались ими душевныя терзанія и вѣчныя тревоги, лишеніе пріюта и домашняго свещеннаго очага, неудача на охотѣ за звѣрями и въ борьбѣ съ врагами. Слова деканози были выслушаны съ трепетомъ и сопровождалась лишь однимъ восклицаніемъ: Амьнъ! Деканози, потрясая колокольчиками на знамени, допустили тяжущіяся стороны прикоснуться и приложиться къ нему.

Обрядъ присяги конченъ. Приступаютъ къ объявленію приговора. Предсѣдатель поднялся съ мѣста и тѣмъ же спокойнымъ голосомъ началъ: „Элгуджа дѣйствительно похитилъ изъ семьи Чопикашвили дѣвушку Мзаго и тѣмъ опозорилъ весь его родъ; но дѣвушка, какъ выяснилось, сама добровольно послѣдовала за нимъ, а Элгуджа не прибѣгать къ насилію надъ ней. Братъ Мзаго, Гаги, для защиты чести своего дома напалъ на Элгуджу; послѣдній въ виду самообороны употребилъ оружіе, въ результатъ чего пали убитыми нѣсколько человѣкъ. При этомъ оказывается, Элгуджа ранилъ только лошадь Гаги, которая вмѣстѣ съ сѣдокомъ упала въ пропасть, а на Элгуджу напали русскіе солдаты и нанесли ему тяжелыя раны. Принявъ все сказанное во вниманіе, мы приговорили: „такъ какъ въ числѣ убитыхъ при Гаги были двое, то ихъ кровь покрывается кровью убитыхъ товарищей Элгуджи; гибель же Гаги въ пропасти не есть убійство рукой обвиняемаго, и потому кровь съ него не взыскивается. Въ вознагражденіе рода убитаго убійца лишается имѣнія въ пользу Свимона Чопикашвили, а послѣдній долженъ уплатить расходы на лѣченіе Элгуджи. Сверхъ всего этого, родственники убійцы должны явиться съ бычкомъ и пивомъ на могилу Гаги и принесеніемъ ихъ въ жертву умиловить душу покойнаго. Мзаго, по

опредѣленію судей, должна остаться въ качествѣ купленной женщины у Чопикашвили, и въ случаѣ желанія Элгуджи взять ее, послѣдній обязанъ уплатить первому 40 коровъ. Послѣ исполненія нашего постановленія да водворится въ роду Элгуджи и Чопикашвили братство, дружба и любовь“. Приговоръ былъ принятъ единогласно, въ утвержденіе чего былъ накрытъ столъ съ обильными явствами и напитками, за которыми тосты произносились неумолкаемо.

Примиреніе между Элгуджой и Свимонемъ Чопикашвили состоялось. „Гласъ народа—гласъ Божій“, говорили они. Если представители народа руководились одними строго установленными юридическими обычаями при раскрытіи истины, если они являлись нелицеприятными, печальными при раскрытіи истины, если они являлись нелицеприятными, печальными судьями при производствѣ слѣдствія и произнесеніи приговора, то тѣ-же представители считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ повліять на тяжущихся внушеніемъ имъ христіанскаго смиренія, кротости, мягкости и любви. Элгуджа, по прошествіи нѣкотораго времени, подъ прикрытіемъ представителей народа, входитъ въ домъ умирающаго Свимона Чопикашвили, падаетъ на одно колѣно предъ женой своего бывшаго мстителя и проситъ ее признать его своимъ сыномъ. Она принимаетъ предложеніе, обнажаетъ груди, къ которымъ Элгуджа, три раза приложивши зубы, тихо произноситъ какую-то молитву. Жена Чопикашвили предъ представителями народа, по совершеніи этого обряда усыновленія, заявила присутствующимъ, которые съ непокрытой головой благоговѣнно слѣдили за исполненіемъ священнаго обряда, что Элгуджа съ этого дня считается ея роднымъ сыномъ, вскормленнымъ молокомъ ея грудой. Въ заключеніе этихъ словъ вновь объявленные родственники, сама жена Чопикашвили и сынъ обнялись какъ кровные родственники, она же Чопикашвили подвела Элгуджу къ мужу для его благословенія. Свимонъ, положивъ руку на голову новопріобрѣтеннаго сына, сказалъ, что отнынѣ Элгуджа его близкій родственникъ, друзья и враги дѣлаются у нихъ общими, въ радости и горѣ одинаково будутъ другъ друга поддерживать. Для укрѣпленія дружбы Свимонъ отказывается отъ имѣнія Элгуджи, присужденнаго роду Чопикашвили рѣшеніемъ теми въ вознагражденіе за убійство Гаги.

Такимъ образомъ, кровная месть замѣнилась вѣчной и теплой дружбой между родами Элгуджи и Чопикашвили.

Пушкинъ и Лермонтовъ первые изъ русскихъ писателей восстали на Кавказѣ. Время, къ которому относятся ихъ произведенія, отмѣчено упорною, отчаянною борьбой горцевъ съ русскимъ оружіемъ. Пушкинъ въ поэмахъ, а въ особенности въ своемъ *Путешествіи въ Эрзерумъ*, представилъ горцевъ въ одностороннихъ черныхъ краскахъ, а Лермонтовъ ярко, въ *Герое нашего времени*, изобразилъ нравы и бытъ кавказцевъ въ дикомъ состояніи. Бѣлинскій, словами Максима Максимыча, говоритъ, что „азіаты (т.-е. горцы) всѣ большіе плуты и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаля разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа“. Такой взглядъ основанъ на недоразумѣніи. Горсть кавказ-

ских горцев вступила в продолжительное кровавое столкновение с могущественным русским оружием. Сила для этой упорной и отчаянной войны в течение 60 лет черпалась в теплой привязанности к свободе и родине. Горцы были побуждаемы к поголовному вооружению не хищническими интересами, а сознательно идеей защиты своей самостоятельности: „Онъ ждетъ, не крадется-ль казакъ, ночью ауловъ разоритель“, говоря словами поэта. Онъ оборонялся, а не нападалъ, онъ стойко защищалъ свои труппы и кровью мстил за вторжение в его мирную обитель. Любовь къ независимости—стихийное чувство горцевъ, и это чувство воодушевляло ихъ къ геройскимъ подвигамъ. Они заблуждались только относительно результатовъ этой неравномерной борьбы, но побуждения къ ней были всегда искренни и чужды материальныхъ соображений.

Присоединение Кавказа теперь—совершившийся фактъ. Пушкинъ и Лермонтовъ писали о горцахъ в периодъ возбужденія народныхъ страстей, и потому ихъ взгляды на характеръ кавказцевъ отличаются недостаточною наблюдательностью и спокойствіемъ. Грузинскій писатель А. Казбекъ поставленъ в болѣе выгодное положеніе: Кавказъ умиротворенъ, политическое волненіе улеглось, писатель, близко стоящій къ его обитателямъ, имѣетъ возможность представить ихъ бытъ и культуру съ болѣею ясностью и разносторонностью. А. Казбекъ первый бросилъ лучъ въ глубь сердца горца, проникъ въ его сокровенные изгибы, раскрылъ предъ нами богатый внутренний міръ мохевца, мтиула, чеченца. Онъ показалъ намъ, что горецъ—не дикій хищникъ, а человѣкъ съ чувствами и помыслами, какъ все другіе, онъ далъ возможность заглянуть въ сердце горца, въ которомъ клокочетъ бурный потокъ и пѣжности, и пылкости. Онъ положительно увѣрилъ насъ въ томъ, что въ душѣ горца также происходитъ борьба между страстью и долгомъ, разыгрывается мучительная драма при столкновении безсильнаго праваго съ всеильнымъ неправымъ. А. Казбеку принадлежитъ честь установленія правильнаго взгляда на нравы и съ виду жестокаго дѣянія горцевъ, вызываемыя необходимою самообороною, защитой женской чести и свободы родины. Изъ чтенія этихъ романовъ еще разъ можно убѣдиться, что родина, какъ-бы она мала ни была, всегда занимаетъ большое и почетное мѣсто въ сердцѣ благороднаго человѣка. Необыкновенная теплота и искренность отношенія автора къ горцамъ заражаютъ и читателя: послѣдній начинаетъ съ біеніемъ сердца входить въ интересы героевъ повѣстей, мучится и радуется за одно съ ними. Пастухъ въ бараньей полушубкѣ вырастаетъ въ истиннаго героя, исполненнаго благородства, свѣтлыхъ помысловъ, глубины чувствъ, постоянства въ дружбѣ и любви. Горы и лѣса, туры и собаки, рѣчки и травка заговорили своимъ особымъ языкомъ, выражая сочувствіе правому дѣлу и соболѣзную жертвѣ несправедливости и гоненія. Авторъ въ нашъ вѣкъ вѣроломства и эгоизма какъ будто зоветъ насъ поучиться у горцевъ сознанію общаго дѣла, общихъ интересовъ, позаимствовать у нихъ похвальный навѣкъ

быть вѣрнымъ данному честному слову, не гнуть шею предъ грозою, а ждать всякую опасность готовымъ къ ея отраженію. Этотъ призывъ не есть возвращеніе къ первобытному состоянію, бѣгання на четверенькахъ, какъ бы сказалъ Вольтеръ, а только голосъ въ порицаніе существующему злу, призывъ къ братству и любви.

Народники-беллетристы.

Фракціей Чавчавадзеваго направленія является *народничество*. Оно зародилось въ Грузіи въ 80-хъ гг. въ подражаніе русскимъ народникамъ съ тѣмъ отличіемъ, что вожаки этого новаго течения оказались лицами малоподготовленными, недостаточно образованными, увлекшимися вѣрнымъ опрощеніемъ. Среди нихъ изрѣдка видимъ „кающихся дворянъ“, инущихъ сближенія съ народомъ. Ряды народниковъ наполняютъ семинаристы крестьянскаго и духовнаго званія, близко стоящіе по своимъ возрѣніямъ къ простому народу и безъ жертвъ отреченія отъ традицій и навѣковъ щеголившіе „мужикимъ“ костюмомъ, простонародной рѣчью, пренебрежительнымъ отношеніемъ къ аристократіи и культурному классу. Народники презрительно отнеслись къ дѣятельности поэтовъ-дворянъ, создавшихъ славу новой грузинской литературы, отрицали важность изученія исторіи и старины, провозгласили себя истинными руководителями защитниками интересовъ народа. Они зашли такъ далеко въ идеализаціи открытаго ими общаго строя врожденнаго ума, чистоты нравственныхъ устоевъ, глубины мысли и пронизательности простаго народа, что возлагали на него все свои надежды, въ немъ одномъ искали источникъ возрожденія страны. Однако расчеты ихъ оказались лишенными всякой реальной опоры. Жизнь и литература при всехъ усиліяхъ народниковъ не только не расцвѣла, но замѣтно захирѣла въ связи съ общимъ реакціоннымъ движеніемъ; сельскіе банки и депо не посодѣйствовали благосостоянію народа.

Народники нашли пріютъ въ журналѣ *Имеди*, издаваемомъ *Михаиломъ Гургенидзе*. Онъ родился въ 1842 г., учился въ тифлисской семинаріи и московской духовной академіи. По возвращеніи на родину, былъ опредѣленъ инспекторомъ одишскаго духовнаго училища. Въ 1881 г. оставилъ службу и издавалъ журналъ *Имеди*, просуществовавшій всего два года. Умеръ въ 1885 г. ¹⁾ Бывшіе сотрудники *Имеди* впоследствии пріютились въ *Иверіи* къ Чавчавадзе. Отъ его *Кація-Адаміа*

¹⁾ Не задолго до него скончался другой вождь грузинской прессы *Сергей Месхивъ*. Онъ родился въ 1847 г., учился въ Кутаисской гимназіи и на естественномъ факультетѣ петербургскаго университета, съ 1869 г. сталъ писать въ газ. *Дроба* и векоръ (1870 г.) сдѣлался ея редакторомъ вмѣсто Г. Церетели. Онъ руководилъ этимъ періодическимъ органомъ до 1883 г., истратилъ все свои матеріальныя и духовныя силы, тяжело заболѣлъ и долженъ былъ разстаться съ любимымъ дѣтищемъ. Умеръ онъ въ томъ же въ 1883 г. Публицистическія его статьи предположено издать отдѣльнымъ сборникомъ. Вышелъ уже 1 т., подъ ред. С. Пирцхалава.

ни и *Разказа ницаго* ведутъ собственно начало грузинскіе народники, какъ русскіе беллетристы 60-хъ г.г. отъ „Шинели“ Гоголя.

„Мы все вышли изъ-подъ гоголевской Шинели“, говорилъ о себѣ и о своихъ сверстникахъ Достоевскій. Грузинскіе народники могли бы сказать, что они вышли изъ-подъ Чавчавадзева пѣсни пахаря.

Николай Иосифовичъ Ломаури ¹⁾.

Онъ выступилъ на литературное поприще въ концѣ 70-хъ гг. Первыя пробы его пера (1872 г.), стихотворенія, относятся ко времени пребывания его въ Кіевской духовной академіи. Направление его съ тѣхъ поръ остается неизмѣннымъ. Онъ началъ свою карьеру въ то время, когда въ Грузіи просыпался бытовой интересъ къ народу и зарождалось народничество. Молодое поколѣніе шло на встрѣчу нуждамъ крестьянской массы, открывало сельскія школы и ссудо-сберегательныя кассы, общественное депо и банки. Идея служенія народу охватила все слои населенія. Въра въ чистоту нравовъ и врожденное благородство крестьянъ, превознесеніе несокрушимыхъ житейскими невзгодами достоинствъ народа привели къ идеализаціи патриархальнаго строя, основамъ котораго угрожали разлагающее вліяніе города, и настроеніе это отражалось въ газетныхъ статьяхъ и беллетристическихъ произведеніяхъ.

Къ числу беллетристовъ-народниковъ примыкаетъ Н. Ломаури, авторъ повѣстей и стихотвореній на гражданскіе мотивы.

При глубокомъ знаніи грузинской деревни и близкомъ знакомствѣ съ народнымъ бытомъ, его произведенія отличаются полною жизненностью и художественною законченностью; привлекательность ихъ усиливается тѣмъ, что авторъ блестящій стилистъ, образцовый знатокъ грузинскаго языка. Въ повѣстяхъ онъ затрогиваетъ тѣ стороны крестьянской жизни, которыя обрисовываютъ контрастъ между невѣжественнымъ міровозрѣніемъ низшаго класса и его природными задатками ко всему прекрасному и возвышенному. Суевѣрія и предрасудки, экономическая небезпечность и давленіе властей—вотъ тѣ враждебныя силы, которыя подрываютъ матеріальное благосостояніе и обуславливаютъ умственную усталость.

Въ журналѣ „Иверія“ (1879 г.) появилась его художественная повѣсть *Али* („Домовой“), въ которой живо и реально описывается судьба одной достаточной крестьянской семьи, разорившейся благодаря своему невѣжеству и суевѣрію, а также проскамъ сельскаго кулака, дьячка изъ дворянъ и сельскаго ростовщика.

Повѣсть „*Каджана*“ построена на популяризаціи идеи пагубныхъ послѣдствій невѣжественнаго состоянія народа. Героиня повѣсти, крестьянка Като, бойкая и умная дѣвочка, проказница и затѣйница дѣтскихъ забавъ, сдѣлалась виновницей несчастья своего любимаго ма-

¹⁾ Уроженецъ Горійскаго уѣзда, образованіе получилъ въ Тифлисской духовной семинаріи и Кіевской духовной академіи: нынѣ состоитъ преподавателемъ въ Закавказской учительской семинаріи.

ленькаго брата. Въ среду, на страстной недѣлѣ, когда зажигаются костры, чрезъ которые и старые, и молодые перепрыгиваютъ для очищенія отъ нечистыхъ силъ, въ ту ночь собирающихся на горѣ Ялбузѣ, она, перодѣвшись въ овечью шкуру и надѣвъ на голову глиняный горшокъ, такъ напугала предъ тѣмъ воспаленнаго страшными разказами о вѣдьмахъ братца Симона, по прозванію Каджану, что онъ потерялъ способность и на нѣсколько лѣтъ огѣмѣлъ. По предсказанію гадалыцы родители отправляются помолиться въ церкви св. Георгія, построенной рѣчи на отвѣсной скалѣ, близъ деревни Сатаура. Въ жертву принесли барана, лили усердно слезы, въ особенности Като, но св. Георгій воли своей имъ не объявлялъ. Окрестнымъ жителямъ надоѣло продолжительное пребываніе семьи обѣдѣвшаго и согнувагося съ горя Кикола, дочь котораго Като вынуждена была выпрашивать у сельчанъ Сатауры пропитаніе, въ виду истощенія съ собой привезенныхъ запасовъ. Сатаурцы прибѣгли къ хитрости для избавленія села отъ этихъ невыгодныхъ богомольцевъ. Вечеромъ чрезъ небольшое окно церкви спустили во внутрь ея долго упрямившагося изъ страха мальчика, который вошедшему на поклоненіе образу св. Георгія Каджанѣ съ матерью Марою крикнулъ: „уходите, уходите!“ Мароа въ испугѣ попятилась назадъ, а поблѣднѣвшій Каджана въ ужасѣ предъ повелѣвающимъ „уходить“ святымъ, воскликнулъ: „горе мнѣ!“ Эти вырвавшіяся подъ сильнымъ напоромъ взволнованнаго состоянія слова сломили печать молчанія Каджаны, онъ вновь заговорилъ, къ нему вернулась способность къ членораздѣльной рѣчи. Каджана опять послѣ мучительныхъ страданій отъ утраты рѣчи становится душою товарищескихъ игръ, загвѣваломъ своимъ звонкимъ голосомъ, оказываетъ наилучшіе успѣхи въ школѣ, имѣя конкурента только въ одной своей сестрицѣ Като, неразлучно его сопровождавшей въ дни его тяжелаго испытанія. Трогательная дружба брата и сестры, нѣжная преданность послѣдней Каджанѣ, скорбь которой она раздѣляетъ съ полной отвагой, что поражаетъ крестьянъ, составляетъ лучшую страничку въ повѣсти, правильно анализирующей психологическое состояніе онѣмѣвшаго и невольной виновницы постигнаго его несчастья.

Повѣсть *Судьба несчастныхъ* рисуетъ ¹⁾ другую сторону народнаго быта. Экономическія неурядицы, недостатокъ земли и оросительныхъ каналовъ служатъ канвою разсказа. Въ деревнѣ Горисдзира, выжженной отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца и утоляющей жажду у небольшого родника происходитъ ссора женщинъ изъ-за попытокъ выѣ очереди зачерпнуть студеной водицы. Невинная женская перебранка подготовляетъ серьезное столкновеніе крестьянъ на почвѣ права пользования оросительными канавами для поливки виноградниковъ, погибающихъ отъ засухи.

Деревня Горисдзира идетъ во главѣ 28-лѣтняго крестьянина Гито и 25-лѣтняго дворянина Ваню, друга народа, на деревню Рике, которая заподозрѣна въ захватѣ въ канавѣ и той доли воды, которая

¹⁾ 3-е изд. вышло въ Тифлисѣ, 1889 г.

принадлежить горисдзирцамъ. При осмотрѣ оказалось, что весь запасъ воды былъ направлень въ „княжескую канаву“. Крестьяне, считая захватъ воды незаконнымъ, самовольно отвели воду въ свою канаву. Тогда кн. Кона Хмамагалашвили рѣшилъ съ своимъ штатомъ слугъ отнять захваченную воду, но крестьяне не уступали и произошло столкновение. Пострадали съ обѣихъ сторонъ. Гуго ударомъ лопаты въ голову ранилъ князя Реваза. Ваню былъ раненъ, Гуго былъ весь въ крови, а старецъ Соломонъ былъ избитъ безпощадно. Столкновение это сопровождалось печальными послѣдствіями. Лицъ (молодого крестьянина Сосика, Ниинку, старшину), въ моментъ борьбы покинувшихъ горисдзирцевъ, деревни рѣшила наказать тѣмъ, что зарѣзала у нихъ коровъ. Пострадавшіе Ниинка, Сосика и старшина соединились съ кн. Кона и донесли властямъ о безчинствахъ, совершенныхъ толпою во главѣ Гуго и Ваню. Эти главари были обвинены въ учиненіи мятежа и неблагонадежности, усугубленной тѣмъ болѣе, что Ваню организовалъ школу и собиралъ средства на открытіе сельскаго банка и общественнаго депо. Кн. Кона, вліятельный помѣщикъ, смѣлаго защитника интересовъ народа. Князь считалъ позорнымъ для дворянина входить въ близкія сношенія съ „подлымъ“ крестьянствомъ. Ваню же съ опасностью для своей жизни былъ всегда тамъ, гдѣ нужно было подать помощь крестьянамъ. Во время угрожавшаго ихъ благосостоянію и существованію сильнаго ливня, онъ энергично боролся съ стихійною силой и не мало лицъ вытаскилъ изъ лачужекъ, наполнившихся горнымъ потокомъ. Этотъ дѣятельный человѣкъ былъ арестованъ и сведенъ въ могилу въ заточеніи, союзникъ его Гуго сосланъ въ Сибирь, семья же послѣдняго разорена благодаря мнѣнію старшины.

Личность Ваню нѣсколько идеализирована, но черты его схвачены вѣрно. Въ 80 г., подъ вліяніемъ общественнаго движенія народился типъ дворянина—слуги народа, и Н. Ломаури правдиво закрѣпилъ его въ беллетристикѣ. Появившіеся въ журналѣ „Моамбѣ“ его рассказы „Гуго Грубалашаили“ и „Амиранъ о трехъ ногахъ“ не отличаются ни художественностью, ни глубиною замысла.

Въ 1904 г. въ „Моамбѣ“ напечаталъ онъ рассказъ „Беруа Христесіаивили“, направленный къ прославленію патриархальныхъ устоевъ жизни. Въ большой семьѣ, состоящей изъ 22 душъ, Беруа является полновластнымъ хозяиномъ. Счастье и обиле водворилось въ этой семьѣ благодаря тому, что она не распалась и работаетъ согласно подъ верховнымъ надзоромъ Берта. Разладъ въ семью вноситъ одинъ ея членъ, вернувшійся изъ Тифлиса съ замашками городского торговца-книго. Онъ приноситъ новые взгляды, выходитъ изъ подчиненія Беруа и угрожаетъ распаденіемъ мирному строю, завоеванному путемъ единодушнаго исполненія воли родоначальника. Въ этомъ сопоставленіи городскихъ тенденцій книго и родовыхъ устоевъ заключается идея рассказа, причемъ сочувствіе автора на сторонѣ старца Беруа (а не трудолюбиваго горожанина).

Въ повѣсти Арбеоли (псевдонимъ Н. Ломаури) *Со всѣхъ сторонъ* изображается картина разрушенія крестьянскаго благосостоянія стихійнымъ бѣдствіемъ. Добродушный сельчанинъ Андрей, готовый уплатить батюшкѣ за похороны ребенка, армянину Арутюну долгъ хлѣбомъ, при томъ его „бездонной мѣрой“, расчитаться съ евреемъ Самуэлемъ, возлагаетъ свои надежды на хорошій урожай. За нѣсколько часовъ до урагана, уничтожившаго его посѣвы и виноградникъ, „вся равнина цвѣла и пестрѣла тысячею разныхъ отливовъ и отгѣнковъ, представляя дивно-прекрасную картину, чарующій праздникъ природы“. Андрей любуется преднимъ открывающимся живописнымъ видомъ на величественныя вершины Кавказскаго хребта, откуда скоро поднимается бури съ ливнемъ и градомъ и разбиваетъ источникъ жизни въ прахъ и ничтожество. „Нашъ крестьянинъ настоящій силачъ, могучій великанъ, если только есть у него хлѣба да вина вдоволь! За то и превращается въ мокрую курицу, когда нѣтъ ни того, ни другого!—Пятьдесятъ лѣтъ живу на бѣломъ свѣтѣ,—продолжаетъ онъ,—и, клянусь тебѣ Всевышнимъ Богомъ, за все это время ни разу вблизи меня не оказывалось ни одного защитника и спасителя, когда надъ моей головой кружились не одинъ, а трое—четверо хищниковъ“. Но никогда онъ не возставалъ противъ *безбожныхъ грабителей*, не замыслилъ силой расправиться съ ними. „Нашъ братъ, крестьянинъ—работникъ на такія вещи не способенъ! Мало, развѣ, было случаевъ озлобиться! Но нынѣ! Слишкомъ ужъ мягкое у насъ сердце, словечка теплаго, ласковаго достаточно, чтобы разсѣять все наше недовольство и злобу“. Такъ идеализуетъ авторъ покорныхъ своей участи крестьянъ, однако предвидитъ надвигающуюся грозу, когда придется „смѣшать въ одну кашу мясо да кость“. Да теперь не прочно его спокойствіе духа: ливень, побившій все, вызываетъ отчаяніе и въ головѣ его роятся мучительныя мысли, какъ ему справиться съ государственными и земскими повинностями. Повѣсть эта внушена Н. Ломаури стихотвореніемъ кн. Р. Эристова *Тедуа* и проникнута теплымъ участіемъ къ неприглядной долѣ простолюдина.

Софроній Захаревичъ Мгалоблишвили.

Знатокъ народнаго быта и семинарскаго бурса, прекрасный чтець комическихъ сценъ изъ крестьянскаго быта, извѣстный авторъ юмористическихъ фельетоновъ (подъ псевдон. Гунцадзе), С. З. Мгалоблишвили занимаетъ видное мѣсто среди писателей послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Уроженецъ Горійскаго уѣзда и воспитанникъ духовнаго учебнаго заведенія, онъ посвятилъ свои извѣстные рассказы изображенію быта Карталиніи и экономическимъ взаимоотношеніямъ крестьянъ и помѣщиковъ, знакомитъ съ ихъ обычаями и вѣрованіями. Особенно тщательно и картинно онъ описалъ въ своихъ воспоминаніяхъ дикій школьный режимъ, грубые нравы и схоластическіе приемы обученія, царившіе въ духовныхъ училищахъ.

Симпатіи автора на сторонѣ простаго народа, героевъ своихъ беретъ изъ среды низшей, крестьянства или мелкаго мѣстнаго

дворянства, приводит их столкновение с миродами — кулаками и безжалостными помещиками и в большинстве случаев заканчивается описанием торжества угнетенных насильем и обездоленных судьбой над попирающими Божью правду и народную волю. Таков герой повести „Цецо“, ночной погонщик быков из прекрасной деревни Д., по порабощенный издревле монахами Св. Гроба. Лексо Годердзашвили, по прозванию Цецо, пользуется среди крестьян славою неутомимаго работника; никто раньше его утром не поднимается, „на свѣтъ не найдется столь исправный погонщик“, отзывается объ немъ Залика Ахалкаца, дочь котораго Тамро служить предметомъ сердечныхъ воздыханій молодого Цецо. Но онъ сирота, сынъ бѣдной вдовы Нены и далеко отъ идеала жениха, дѣлаемаго матерью красавицы Тамро. Но счастливый исходъ грезъ Цецо обезпеченъ расположеніемъ къ нему Тамро, скромной 16-лѣтней дѣвicy, въ тайнѣ отъ родителей помышляющаго о своемъ героѣ. Но этотъ счастливый день сочетанія ихъ бракомъ все отдалается. Цецо проводитъ ночи на открытомъ полѣ среди другихъ погонщиковъ, развлекающихъ себя рассказами о домовыхъ и нечистыхъ силахъ, пророкъ Ильѣ, развѣзжающемъ по небу на огненной колесницѣ. Личное дѣло не поглощаетъ его всецѣло. Онъ посѣщаетъ крестьянкія сходки, первый поднимаетъ голосъ противъ намѣренія свято-гробскихъ монаховъ взимать повышенный сборъ податей съ своихъ имѣній, обрабатываемыхъ сельчанами. Онъ находитъ себѣ поддержку въ дворянинѣ Мито, получившемъ отъ отца разорившееся помѣстье и вступившемъ въ ряды защитниковъ крестьянскихъ интересовъ. Для борьбы противъ деревенскихъ кулаковъ Ешмакуршвили и Бгунцелашвили, Цецо и Миха составили заговоръ и прочили ихъ организованной противодѣйствующей силой. Пришлось имъ обоимъ отсиживаться въ тюремномъ заключеніи за протестъ противъ чрезмѣрныхъ поборовъ со стороны арендатора виноградниковъ. Но Цецо вышелъ не зараженнымъ гнусными рассказами арестантовъ о своихъ похожденияхъ. Онъ вернулся чистымъ къ своей невѣстѣ Тамро, свадьбу съ которой онъ отпраздновалъ при общихъ пожеланіяхъ счастья и взаимной любви.

Нельзя не отмѣтить нѣсколько совпадающихъ чертъ съ повѣстями Ломаури, а именно народныя суевѣрія, сближеніе обдѣльвшихъ дворянъ съ крестьянами, давленіе администраціи, томленіе героевъ въ темницѣ.

Изъ быта же крестьянъ заимствованъ сюжетъ рассказа „Церевазе“. Авторъ описываетъ шумные осенніе дни сбора винограда, заканчивающіеся экскурсіей по садамъ небольшой группы веселыхъ дѣвочекъ за собираніемъ остатковъ гроздьевъ. Съ этимъ стариннымъ обычаемъ грузинъ онъ связываетъ романтическое сближеніе между пастухомъ Георгіемъ Рацмадзе и Ниной, дочерью состоятельнаго Гавріила Харебашвили. Они знакомы съ дѣтства, мечтаютъ о совместной жизни, но скудость средствъ поклонника Нины служитъ непреодолимымъ препятствіемъ въ глазахъ ея отца, къ заключенію между ними брака. Одно обстоятельство ускорило рѣшеніе

этого вопроса: оскорбительныя для чести Нины слова недоучки-дворянина возбудили грозную вспышку въ Георгіи, преобразившемся въ глазахъ Нины въ достойнаго ея руки героя. Въ дождливую бездушную ночь она покидаетъ хату родителей и пробирается къ возлюбленному защитнику своей чести и здѣсь въ безумныхъ объятіяхъ они поклялись другъ другу въ вѣчной любви. Черезъ годъ Гавріиль Харебашвили раскачивалъ на рукахъ своего внука—малютку, мать котораго Нина принимала живое участіе въ чисткѣ кукурузы.

Интересъ рассказа заключается въ характерной обрисовкѣ отличительныхъ чертъ строя большой грузинской семьи, Харебашвили, число членовъ которой доходило до 70 душъ. Авторъ сторонникъ организаціи семейныхъ общинъ, при которой матеріальная обезпеченность крестьянъ достигаетъ своего высшаго подъема. Аналогичная тема была затронута Н. О. Ломаури.

Другой рассказъ „Дисдалаши“ (Въ большой залѣ)¹⁾ представляетъ рядъ картинъ изъ свѣтскаго общества, схваченныхъ наблюдателемъ во время танцевальнаго вечера. Типъ Лизочки, перезрѣлой дѣвicy, покинутой поклонникомъ, промѣнявшимъ ее на умственно-помѣшанную особу съ приданнымъ поста уѣзднаго начальника, очень ярко очерченъ; не менѣе характерна малообразованная дама—Анна, измѣняющая мужу съ Пахомомъ Прохоровичемъ только потому, что онъ русскаго происхожденія. Интересно княжна Нино Иманидзе, zatrudняющаяся подъ гнетомъ предрасудковъ выйти замужъ за любимаго дворянина. Все это вѣрныя, но блѣдныя сцены изъ грузинской жизни.

Рассказъ „Деметресъ—саялоба“²⁾ (Семья Дмитрія) примыкаетъ къ повѣсти Ардазіани „Соломонъ Меджгануашвили“. Герой рассказа г. Мглоблшвили Казаръ Степановичъ, когда-то торговавшій жвачкой (кевой), благодаря плутнямъ объявилъ себя злостнымъ банкротомъ и простеръ руку на бѣднаго сапожника Деметре. Постѣдній нѣкогда веселый тифлисскій кинто, теперь перебивающійся въ уѣздномъ городкѣ, задолжалъ 50 руб. Казару и уплачиваетъ ему 30 руб. ежегодно въ видѣ процентовъ. Для его скудныхъ заработковъ оказалось непосильнымъ наложенное Казаромъ бремя,—онъ разорился, оставаясь предъ нимъ неоплатнымъ должникомъ. При видѣ судебного пристава, требующаго съ него въ счетъ 20 руб. серебряный поясъ, приобретенный въ годы беззаботной юности, Деметре вспылитъ, избилъ Казара и былъ привлеченъ къ отвѣтственности за его оскорбленіе дѣйствіемъ. Но повѣстка застала хладный трупъ Деметре. Его похоронили на добровольнаго пожертвованія горожанъ. Такой путь преданія землѣ и называется „съ тарелкой на груди“. Жена его, Нене, осталась съ двумя сиротками. Долго она боролась съ нуждою,—пекла хлѣбъ, стирала бѣлье,—но едва зарабатывала на пропитаніе. Ея мальчикъ и дѣвочка вышли на улицу, собирали подаянія, совершали мелкія кражи, развращались бездушною толпой. Для спасенія дѣтей и для погашенія долга

¹⁾ Двѣ повѣсти С. Мглоблшвили, изд. Гр. Кишидзе, Тифлисъ, 1886.

²⁾ Изд. въ Гори Ир. Рамшвили въ 1889 г.

мужа Нене соглашается идти въ прислуги Казару. Но этотъ сладострастный старецъ, надругавшись надъ беззащитной вдовой, сдѣлалъ покушеніе и на честь ея малолѣтней дѣвочки. Невыдержала мать этого испытанія и отрубилъ топоромъ голову губителю ея семьи и чистосердечно призналась во всемъ на допросѣ у свидѣтеля.

Разсказъ написанъ сильнымъ языкомъ. Картины ненормальныхъ социальныхъ отношеній набросаны съ тонкимъ ихъ знаніемъ и противопоставлены чуднымъ описаніямъ природы равнодушной къ человѣку и его страданіямъ. Типы маленькаго воришки Туниа, сына Деметре, впоследствии еще ярче были воспроизведены талантливымъ молодымъ беллетристомъ М. Адамашвили въ разсказѣ „Чанчура“.

С. Мгалоблишвили любитъ писать небольшія сцены, выхваченныя непосредственно изъ жизни. Таковы его путевыя замѣтки („Въ вагонѣ“). Любопытнѣе его „Воспоминанія“ (Моамбэ 1899 и 1900 гг.), въ которыхъ онъ знакомитъ насъ съ школьными дореформенными порядками, предпославъ картину состоянія образованности 50-хъ гг. въ эпоху расцвѣта крѣпостнаго права, которое онъ окрашиваетъ въ идеальный колоритъ. Въ лицѣ Едишера Гегелашвили онъ характеризуетъ патріархальныя отношенія дворянства къ крѣпостнымъ, а въ борьбѣ народа съ Гигола Гуліашвили обрисовывается торжество массы, жизнь которой является продуктомъ исторически сложившихся условій Грузинъ.

Разсказы С. Мгалоблишвили: „Мать Маіа“, „Мевеле“, „Гуди“, „Злой духъ горь“, („Иверія“, 1886 г.), „Мевеле“, „Картина изъ народной жизни“, „Воръ Какиты“, „Разсказъ“ („Нобати“ 1884 г.), „Коровушка Тининъ“ („Джеджили“, 1809), „Первая кровь“, „Новогодній разсказъ“ (въ „Цноб. Пурц.“) съ прекраснымъ изложеніемъ новогоднихъ обычаевъ представляютъ огромный этнографическій интересъ и даютъ обильный матеріалъ для изученія грузинъ въ бытовомъ отношеніи.

Важа-Пшавела (Лука Разикашвили).

Важа-Пшавела, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и популярныхъ современныхъ грузинскихъ поэтовъ.

Родился онъ среди сѣдыхъ гребней величественнаго Кавказа и сталъ пѣвцомъ его торжественной красоты. Блуждая вслѣдъ за своимъ крошечнымъ стадомъ блоснѣжныхъ овечекъ, по причудливымъ горамъ, онъ съ ихъ заоблачныхъ высотъ взиралъ на разстилавшійся у ногъ его Божій міръ и, уносясь мысленно въ изумрудную высь, „велъ бесѣду съ Творцомъ вселенной“. Горный хрустальный ручеекъ утолялъ въ жаркій знойный день его жажду, душистыя фіалки окружали его своимъ благоуханіемъ, стаи разношерстныхъ птичекъ съ неумоляемымъ чирканьемъ носились надъ его головой, гордый туръ, закинувъ свои вѣтвистые рога, услаждалъ его взоры ловкими прыжками со скалы на скалу, робкій заяцъ, мелькнувъ, торопливо исчезалъ за опушку лѣса, не

разъ дѣлаясь лакомою добычей хищнаго съ зелеными кровожадными глазами орла. Это разнообразіе птицъ, звѣрей и красотъ природы, среди пустынной тишины, рѣдко нарушаемой человѣческой рѣчью, развивается въ чуткомъ созерцателѣ тонкое пониманіе чудесной гармоніи мірозданія, воспитываетъ въ немъ художественный даръ проникновенія въ перазаданную жизнь неодушевленной твари и открываетъ магическій ключъ къ таинственному языку страданій и радостей безсловесныхъ существъ.

И этотъ даръ обрѣлъ грузинскій поэтъ Лука Разикашвили, извѣстный читателямъ подъ псевдонимомъ Важа-Пшавела ¹⁾.

Втеченіе почти двадцати пяти лѣтъ (онъ началъ писать въ 1881 г.), составляющихъ половину его жизни, Важа-Пшавела внесъ въ грузинскую литературу столько освѣжающихъ струй и своеобразнаго колорита, что онъ по справедливости занимаетъ въ ней почетное и видное мѣсто. По первымъ прозамъ его пера (1881—1885 гг.), рабски воспроизводящаго переводы изъ русскихъ поэтовъ, трудно было предугадать въ немъ будущаго виртуознаго автора такихъ произведеній, основой которыхъ служатъ священные традиціонныя сказанія отцовъ или непосредственное художественное творчество, съ неподражаемой кистью воспроизводящее сцены и картины горной природы. Но уже въ 1884 г. въ дѣтскомъ журналѣ *Нобати* онъ дебютировалъ тепло написанной повѣстью: „Разсказъ маленькой лани“, открывающей длинную серію его чудныхъ этюдовъ изъ животнаго и растительнаго міра. За нимъ послѣдовали въ *Иверіи* за 1886—1887 гг. поэмы подъ заглавіемъ „Воспоминанія старца“ и „Роготуръ и Апшина“, обнаружившіе въ поэтѣ близкое знакомство съ оригинальнымъ бытомъ пшавъ—хевсуровъ, съ ихъ живыми завѣтами и идеалами, восходящими къ временамъ ихъ героической борьбы съ окружающими горцами и къ славной эпохѣ царя Пракля грузинскаго. Эти поэмы выдвинули Важа-Пшавела въ первый рядъ лучшихъ грузинскихъ писателей и упрочили за ними имя пѣвца народныхъ думъ и вѣрованій.

Та среда, вдохновеннымъ выразителемъ которой является Важа-Пшавела, живетъ еще архаическими понятіями и патріархальными взглядами. Здѣсь продолжаютъ царить своеобразныя, сложившіяся въ отдаленныя времена, взгляды на дружбу и любовь, господствуетъ священный обычай гостепримства и религіозная обязанность кровной мести; пестрые отголоски языческихъ представленій—вѣра въ чародѣйство и геніевъ зла—органически слились съ христіанскимъ вѣроученіемъ, при рода въ народныхъ пѣсняхъ рисуется властной, одухотворенной богиней, то враждебно, то благосклонно настроенной къ смертнымъ существамъ. Жизнь пшавовъ и хевсуръ течетъ по завѣтамъ предковъ и регулируется обычаями старины. Высшая законодательница и руководитель-

¹⁾ Нѣкоторыя изъ сочиненій изданы въ Тифлисѣ въ 1897, 1898 и 1899 гг. Большая часть его произведеній печаталась въ *Иверіи*, *Моамбэ*, *Джеджили*, *Цнобисъ-Пурцели* и *Квалі*. Авторъ ихъ кончить курсъ въ Закавказской семинаріи и короткое время состоялъ сельскимъ учителемъ.

лица их—община или „теми“, каждый членъ ея связанъ долгомъ безпрекословнаго подчиненія интересамъ родины, измѣна которой влечетъ проклетіе служителей Св. Георгія, изгнаніе и лишеніе могилы на родномъ кладбищѣ—самая суровая кара для провинившагося горца. Истлѣвать на чужой сторонѣ, безъ слезъ и участія сородичей, это такая казнь, которая сопровождаетъ въ вѣчную загробную жизнь горца,—продолженіе земнаго существованія. По представленію грузинъ, душа нуждается тамъ въ пропитаніи и молитвахъ, приносимыхъ за покойника оставшимися въ живыхъ. Отвага и мужество, неустранимость въ борьбѣ съ врагами, отчаянная смѣлость, граничащая съ безуміемъ составляютъ высшее, можно сказать, единственное достоинство, доставляющее носителю этихъ качествъ почетъ и уваженіе въ общинѣ, неувидаемую славу въ потомствѣ. Трусовость и безсиліе горца, бѣгство съ поля битвы и эгоистическая самозащита покрываетъ его имя несмываемымъ позоромъ сородичей, презрѣніемъ женщины и ядовитымъ воспоминаніемъ озлобленнаго сатирика-обидчика въ народныхъ пѣняхъ.

Г Проникнуть въ оригинальную сферу возрѣній и нравовъ горцевъ, войти въ ихъ душевный міръ, усвоить ихъ примитивное мышленіе и раскрыть ихъ чувствованія и впечатлѣнія, служить цѣлью и содержаніемъ творчества Важа-Пшавела. Самъ горецъ по происхожденію, и воспитанію, живущій привычками, свойственными пшавамъ и хевсурамъ, пастухъ и земледѣлецъ по занятію, Важа-Пшавела, какъ А. М. Казбекъ, былъ поставленъ въ выгодное положеніе для ознакомленія грузинскихъ читателей съ поэтическимъ уголкомъ Кавказа, остающимся до нихъ старою почти невѣдомою. Природныя его дарованія, личные опыты и наблюденія оказали ему содѣйствіе въ наиболѣе совершенномъ достиженіи намѣченной цѣли.

Г Его произведенія могутъ быть сопровождены двумя эпиграфами. Одинъ изъ нихъ зоветъ къ неустанной борьбѣ за родину и со всѣми житейскими невзгодами, другой заключаетъ въ себѣ грустное размышленіе о неосуществимости идеала добра и красоты, о вѣчномъ искаженіи ихъ прикосновеніемъ человѣческой руки. Помимо поэмъ, эти два основныхъ тона творчества Важа-Пшавела, слышатся въ мелкихъ его стихотвореніяхъ и прозаическихъ разсказахъ. О первомъ изъ нихъ можно судить по пѣснѣ въ переводѣ, близкомъ къ оригиналу.

Точи, точи, другъ свой кинжалъ,
Ужъ на горѣ, злой недругъ сталь.
Онъ разобьетъ насъ, покорить,
Страну родную разорить.
Точи, точи-же свой кинжалъ,
Такъ, чтобъ онъ головы снимать,
Чтобъ удалось его въ борьбѣ
Въ крови врага омыть тебѣ.
Вотъ на дорогѣ пыль взвилась,
Проклятые идутъ на насъ,

И скоро выстрѣлъ прозвучитъ
И дымъ окрестность *ограчить*.
Страну родную разорить,
Сестру въ слезахъ покинетъ братъ.
Точи, точи-же свой кинжалъ,
Такъ, чтобъ онъ кости разрубать.
И милость Божья озаритъ
За родину поднятый щитъ.
Вотъ твой кинжалъ—ужъ освященъ
Тамары поцѣлуемъ онъ.
Такъ ободрись, братъ, не робѣй,
Иль-ты колеблешься? Смѣлѣй!
Вѣдь лучше разомъ умереть,
Чѣмъ горе на землѣ терпѣть.
Какъ быть? Грудь ноетъ и моя,
Хотя скелетъ давно ужъ я.
Лежу безъ силъ, въ землѣ зарытъ,
Землей тяжелою покрытъ,
Душа же къ Богу отошла,
Тамъ, гдѣ звѣздамъ нѣтъ числа.
Но память о странѣ родной—
Все здѣсь, погребена со мной.
И образъ родины моей
Все не идетъ съ моихъ очей,
Да какъ царь Ираклій не забыть,
Какъ иверійцевъ онъ любилъ.

Отточенный кинжалъ для горца такой-же незабываемый символъ стойкости и рыцарской чести, какъ масляная вѣтка—символъ мира и покоя. Стѣсненные въ горахъ, разноплеменные народы, находящіеся въ вѣчной борьбѣ за существованіе, съ раннихъ лѣтъ приучаются владѣть оружіемъ и пылать жаждой геройской славы. Боевыя пѣсни о подвигахъ предковъ питаютъ воображеніе и энтузіазмъ молодаго поколѣнія, воскрешая длинной вереницей имена закаленныхъ въ битвахъ воиновъ, воспитанныхъ въ тѣ былыя времена, когда „свистъ и шипѣніе пули звались колыбельной пѣсней“.

Объ этой незабвенной эпохѣ хранить благоговѣйное воспоминаніе старецъ въ вышеназванной поэмѣ Важа-Пшавела. Это было время кроваваго нашествія на Грузію Ага-Магометъ-Хана, шаха персидскаго въ 1795 г. Къ истокамъ Арагвы, въ центръ пшавскихъ общинъ, Жинвани, пришла грустная вѣсть отъ царя Ираклія объ опасности, грозящей Тифлису. Подъ звуки воинскихъ трубъ поспѣшно собираются вѣрные пшавы, закованные въ желѣзные панцири и шлемы, во главѣ убѣленнаго сѣдинами хевисбера, совмѣщающаго обязанности жреца и военачальника. Стройно и бодро несутся пшавы на коняхъ, воодушевленные желаніемъ

узрѣть обожаемаго царя, „старога орла“, сражаться рядомъ съ нимъ и за него, поклявшись биться съ врагомъ до послѣдняго вздоха. Опечаленный видъ царя не понижаетъ ихъ энергій,—они вѣрятъ въ его счастливую звѣзду. Настала часъ ихъ испытаній. Грузины, какъ львы, дрались съ персами въ Краинской битвѣ, подъ знаменемъ святаго креста съ тучей персидской орды и пали въ неравной борьбѣ, напоенные кровью врага. Ихъ кости нынѣ укрываетъ земляной курганъ, надъ которымъ „мѣсяць свысока льетъ горячія слезы, стонуть еще видѣвшіе ихъ храбрость окрестныя горы“. Среди навшихъ былъ поднять пастухомъ смертельно раненый юный пшавъ, который впоследствии на склонѣхъ лѣтъ въ назиданье безпечному потомству сообщаетъ поэту воспоминанія о быломъ.

Идеаль современныхъ-грузинъ горцевъ остался позади. Пышный расцвѣтъ ихъ физической мощи совпадаетъ съ эрой царствования Ираклія II-го. Съ его именемъ связанъ неисчерпаемый запасъ преданій и пѣсень. При немъ подвизается богатырь съ „железнымъ сердцемъ“, пшавецъ Гоготуръ, неустрашимый, неумолимый, безпощадный въ пылу разгоряченнаго сраженія. Это—герой, воплощающій идею правдивости, доброты и честности. Онъ испытываетъ скуку отъ бездѣлія во время мира или пребыванія при царскомъ дворѣ, въ городской суетѣ, его неудержимо влечетъ въ горы, къ вольному дуновению вѣтерка, ближе къ высшимъ ангеламъ, покровителямъ его родины.

Въ противоположность Гоготуру рисуется Ашпина—хевсуръ по происхожденію, отъявленный разбойникъ, грабящій всѣхъ на открытой дорогѣ, безъ искры сознания постыдности своего ремесла. Исторія столкновенія альтруиста пшавы съ эгоистомъ хевсуромъ составляетъ содержаніе поэмы. „Гоготуръ, рыцарь безупречный, восемь мечей притупившій въ борьбѣ, цѣлью жизни поставившій“ себѣ геройскіе подвиги, поддается демонскому внушенію жены и опоясывается кинжаломъ, чтобы „насилемъ пріобрѣсти богатство“, ограбить кистина или хевсура, въ глухую ночь при опасномъ поворотѣ, въ темныхъ ущельяхъ горы. Здѣсь въ самомъ началѣ весны, когда фіалки бархатнымъ ковромъ одѣли склоны горъ, по сочной зелени показались рогатыя олени, а надъ взбушевавшейся Арагвой, протирающей глаза отъ зимняго сна, стаями понеслись вольныя птицы, на ворономъ конѣ летитъ Ашпина, непобѣдимый хевсуръ, соперникъ пшавы Гоготура. Встрѣча ихъ грозитъ „столкновеніемъ двухъ снѣжныхъ заваловъ“. Но Гоготуръ прикидывается жалкимъ, робко уступаетъ Ашпинѣ по первому его желанію свой щитъ, кинжалъ и уздечку коня въ знакъ своей полной покорности.

Но въ тотъ моментъ, когда Ашпина уже прищипорилъ своего коня, Гоготуръ зычнымъ голосомъ останавливаетъ его, снимаетъ всадника съ коня и обезоруживаетъ смѣлаго абрека. Эта стычка между двумя прославившимися витязями пшавовъ и хевсуровъ, доставившая Гоготуру торжество надъ Ашпиной, заканчивается побратимствомъ, дружескимъ союзомъ. Помѣрившись силой и оцѣнивъ взаимно достоинства против-

ника, по обычаю они соскоблили съ серебрянной оправы своихъ кинжаловъ въ рогъ, наполненный виномъ, и выпивъ его при торжественномъ произнесеніи клятвы, они стали вѣчными друзьями и преданными братьями. Клятва Ашпины гласила: „Живи, Гоготуръ, пока небо даетъ росу, солнце грѣетъ землю, пока лѣсъ покрывается листьями, а земля травой, пока муравей на спинѣ принесетъ соли изъ Тифлиса въ горы и правильною чередой идетъ смѣна вечера и утра. Да будетъ твоимъ покровителемъ крестъ Лашарскій“. Ашпина съ своей стороны пожелала всѣхъ благъ Гоготури, закончивъ клятву молитвеннымъ воззваніемъ къ Богу о сохраненіи ихъ братской дружбы.

Побратимство ихъ сопровождалось однимъ характернымъ въ жизни горца послѣдствіемъ. Ашпина въ горести сердца перенесъ страшную болѣзнь, и, оправившись отъ нея, онъ коня и оружіе раздаетъ другимъ, а самъ посвящаетъ себя Хахматскому кресту, ставъ его служителемъ.

Въ день праздника Хахматскаго Георгія онъ въ роли хевистъ-бери, жреца, благословляетъ народъ, призывая на него побѣду надъ врагомъ. А ночью, говорятъ, слышится плачевная его рѣчь сквозь слезы: „увы, герою, живымъ себя похоронившему!“ Такъ Ашпина, не снесши позора пораженія, нанесеннаго ему Гоготуромъ, отрекся отъ награбленнаго состоянія, и посвятилъ себя Богу, въ званіи деканоза, духовнаго лица у хевсуръ. Затанувъ въ глубинѣ сердца и безсильную злобу, и безпрощивную тоску, и ничѣмъ необлегчаемую горечь, въ день одного изъ многолюдныхъ мѣстныхъ праздниковъ, онъ смиренно и трогательно благословляетъ собравшійся народъ, который въ немъ пересталъ узнавать прежнюю грозу запоздалыхъ путниковъ.

Въ poemѣ „Алуда Кетелаури“, воспроизводящей жизнь хевсуровъ, предъ нами развертывается сцена ихъ борьбы съ кистинами, съ вождемъ послѣднихъ, грабителемъ Муцалой. Алуда, защитникъ хевсуровъ, сразивъ противника послѣ трехкратнаго обмѣна стрѣлами, великодушно отказывается отрѣзать у него правую руку, по принятому обычаю, какъ трофеемъ побѣды. Но эту проявленную имъ жалость къ побѣжденному врагу ставятъ ему въ упрекъ на родинѣ, Шатали, мѣстечкѣ, покрытомъ „скалистымъ небомъ“, выражаютъ обидное для самолюбія открытаго бойца сомнѣніе въ его побѣдѣ и подозреваютъ его въ позорномъ бѣгствѣ. Провѣривъ показаніе Алуды отправляется его другъ, Миндія, не менѣе его популярный герой. На разсвѣтѣ, озолотившемъ вершины горъ, въ дальнемъ туманѣ, показывается стройный всадникъ—Миндія, который ѣдетъ не только съ удостовѣреніемъ въ томъ, что Алуда правъ, но подноситъ ему въ присутствіи хевсуровъ и правую руку кистина. При видѣ этого трофея, сердце Алуды наполняется жалостью: онъ проситъ убрать руку молодого противника, изуродованіе котораго не соотвѣтствовало его намѣреніямъ. Напрасно волнуются хевсуры, что Алуда нарушаетъ древній обычай,—онъ и впредь отказывается побѣжденнаго соперника лишать правой руки. Но онъ идетъ дальше въ проявленіи мягкости и любви къ врагу. Къ почитаемому жрецу Гуданскаго креста

онъ благоговѣнно подводитъ барабанъ и проситъ служителя св. Георгія помолиться за опозореннаго кистина. Хевисъ-бери (жрецъ) Бердія возмущенъ святотатственнымъ поступкомъ Алуды, ставшаго на путь дьявола. Алуда не внемлетъ его наставленіямъ и получивъ рѣшительный отказъ за некрещеннаго принести жертву, самъ облачаетъ кинжалъ и закалываетъ жертвенное животное. Оскорбленіе священныхъ завѣтовъ и древнихъ обычаевъ навлекаетъ при звукахъ колокольниковъ знамени св. Георгія проклятіе жреца на Алуду: онъ отвергнуть отъ общины, семья его виѣ покровительства законовъ, имущество обречено на разграбленіе, Миндія безсиленъ защитить своего друга; рука кистина, представленная имъ, брошена хевисъ-беромъ, который своимъ уклоненіемъ дотронуться до нея, доказываетъ справедливость гнѣва, разразившагося на Алуду. А онъ, въ сопровожденіи плачущей жены, дѣтей и матери, лишенный всего—и состоянія, и защиты сородичей,—бросаетъ прощальные взоры на могилы предковъ и повинуюсь рѣшенію общины, покидаетъ ее и отправляется въ скитаніе, послѣдній разъ помолившись св. кресту Гуданскому.

Такъ наказуется всякое проявленіе самостоятельности, не исключая и человѣколюбія, идущей въ разрѣзъ съ старинными правами. Суровая кара постигаетъ всѣхъ, кто профанируетъ религію, притѣсняетъ народъ, оскорбляетъ его чувства нравственности и достоинства. Идея возмездія за уклоненіе отъ добра и красоты выражена въ старинныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ пшавовъ и хевсуровъ. Важа-Пшавела пользуется узорчатой канвой народнаго творчества для художественнаго воссозданія вѣчно юныхъ и осмысленныхъ легендъ и преданій. Таковы его поэмы: „Копала и Бахтріонъ“.

Копала ¹⁾, святой мужъ, по воззванію „сыновъ божіихъ“ вступаетъ за пшавовъ, которыхъ угнетаютъ чудовища—дэви, злые духи, скрывающіеся днемъ и рыскающіе ночью по дебрямъ и топямъ... Они живутъ въ высокихъ башняхъ, пьютъ человѣческую кровь, торжествуютъ побѣды надъ людьми. Было время, когда дэвы стали полными владыками міра: рѣки и ручейки были въ ихъ власти, по ихъ реву исчезали съ неба облака и дождь ужъ не поливалъ засохшіе цвѣты на поляхъ, птички перестали пѣть, и казалось все „и любовь и пѣжныя фіалки—въ пѣкогда царственной природѣ сдѣлались достояніемъ смерти“. Пшавы недоумѣваютъ и скорбятъ душою, что Господь послалъ на нихъ тяжелое испытаніе и землю отдать въ удѣлъ и поношеніе озлобленнымъ дэвамъ.

Въ это-то время всеобщей горести, мрака и заустѣнія, провѣдавъ о народныхъ бѣдствіяхъ, Копала, посѣдѣлый монахъ всевышнимъ духомъ вызванъ на борьбу, сопровождаемый солнечнымъ блескомъ и сіяніемъ двадцати мѣсяцевъ. Вооруженный стрѣлой, онъ истребилъ страшнаго чудовища, скатывающія на заступника рода человѣческаго

¹⁾ Сказочный сюжетъ легъ въ основу поэмы *Муцела*, въ которой участвуютъ „дэви—чудовища“ („Квали“ 1896 г. №№ 42—48)

огромныя скалы и деревья. Онъ самого Бегешу вождя дэвовъ, сто разъ превосходящаго Копалу, силою крестнаго знаменія обращаетъ въ прахъ, въ которомъ роется тьма насѣкомыхъ. Съ тѣхъ поръ вновь раздался громъ, полилъ освѣжающій дождикъ, утро торжествуетъ надъ сумерками, день падъ ночью и тучи, съ разныхъ сторонъ слетающіяся, отдыхаютъ на вершинахъ горъ. Народное сказаніе добавляетъ, какъ Копала вывѣдываетъ отъ одного бѣлаго дэва, что злыхъ духовъ легче всего перебить, когда тѣнь деревьевъ выпрямилась и они, пообѣдавъ, пьютъ опіумъ и ложатся спать. Копала воспользовался совѣтомъ и истребилъ враговъ съ помощью архангела. вмѣстѣ съ Яхсартомъ сталъ почтаемымъ святымъ среди пшавовъ.

Бахтріонъ—историческая поэма. Въ основѣ ея лежитъ смутное воспоминаніе о событіи, относящемся къ эпохѣ мусульманскаго владычества въ Грузіи. Народная фантазія разукрасила отголосокъ достовѣрнаго факта участіемъ юной женщины, вооружившейся за освобожденіе родины отъ позорнаго ига. Все мужское населеніе Кахетіи близъ Бахтріонской крѣпости пало въ борьбѣ съ татарами. Остались одиѣ матери, „грудь которыхъ будутъ сосать лишь ядовитые змѣи“. Жена Беридзе-Саната Алхушаури похоронила мужа и семь сыновей, павшихъ за честь родины. Святини остались безъ жертвъ и молитвъ. Общій вопль и плачъ раздираютъ сердца малышей. Персы носятся по странѣ, совершая безчинства и насилія надъ беззащитнымъ населеніемъ.

Въ этотъ тяжелый моментъ, на помощь Кахетіи собираются тушины во главѣ славнаго витязя Зезва, за нимъ выступаютъ пшавы и хевсуры, предводительствуемые почтеннымъ старцемъ „деканозомъ“ Лухумомъ, съ явнымъ намѣреніемъ мстить за оскверненіе алтарей, у которыхъ святотатственно хозяйничаютъ муллы „Магомета“. Запрошенный чрезъ прорицатели св. Георгій не только одобряетъ ихъ намѣреніе, но и обѣщаетъ незримое соучастіе въ походѣ.

Воодушевленные прорицателемъ войны осаждаютъ Бахтріонъ, куда тайно и самоотверженно проникаетъ красавица Лелія, дочь плѣненной пшавки, вмѣстѣ съ несокрушимымъ горцемъ Квирія, который объявляетъ, что онъ Лелію приноситъ въ даръ персидскому шаху на самомъ же дѣлѣ имѣетъ въ виду открыть ворота крѣпости спасителямъ страны, съ тѣмъ, чтобы самимъ пасть жертвой негодованія обманутыхъ враговъ. Бхтріонъ взятъ. Соединенныя силы горцевъ одержали блестящую побѣду надъ персами. Лухумъ, смертельно раненый, получаетъ чудеснымъ образомъ исцѣленіе: его раны лижетъ волосатая змѣя и высасываетъ изъ нихъ гной и матерію. Такъ, исполненнаго благодатью старца и жреца Лухума опекаетъ и лѣчитъ змѣя, смѣнившая свое жало на цѣлительный бальзамъ.

Предложенный пересказъ „Бахтріона“ не даетъ никакого представленія о тѣхъ истинно-художественныхъ красотахъ и тепломъ чувствѣ, которыми исполнена поэма Важа-Пшавела. Возвышенный стиль, мѣстами переходящій въ мягкій лирической тонъ, рельефное живое воспро-

изведение картинъ горной природы, тонкое пониманіе народнаго сердца и способность извлечь изъ тайниковъ души свѣтлые алмазы любви и непрочности поднимають это произведение, къ сожалѣнію, не существующее въ переводѣ въ уровень съ великими мировыми поэтическими созданіями. Самобытность метафорическаго языка, роскошная палитра красокъ для оттененія всѣхъ нюансовъ явленій физическаго и нравственнаго міра, полное перевоплощеніе поэта въ коллективную фигуру массы—все это сообщаетъ Бахтріону неотразимую прелесть и волшебную красоту. Иллюстрируемъ свои слова небольшимъ отрывкомъ, далеко не составляющимъ лучшее мѣсто въ поэмѣ.

Разсвѣтало—теряла зоря въ небесахъ,
 Постепенно свой блескъ угасая...
 Ахъ, когда-бъ все прекрасное число въ лучахъ,
 Ту-же участь на свѣтѣ встрѣчая,
 И угаснувъ сегодня въ сіяньи лучей,
 Завтра къ утру бы вновь оживало
 И опять въ полной силѣ и мощи своей,
 Предъ глазами людей возставало!
 Ахъ, когда-бъ загорѣвшись въ душѣ чьей нибудь,
 Божья искра не гасла-бы вѣчно,
 А случайно погаснетъ,—пусть снова-бы грудь
 Загорѣлась...—и такъ безконечно!..
 Въ комъ божественный вѣчный огонь никогда
 Не горѣлъ, тотъ страшнѣе скелета:
 Онъ прикованный къ трону изъ чистаго льда,
 Ни тепла не узнаетъ, ни свѣта!

(Пер. Иванъ-да-Марья).

Поэма открывается оригинальною картиною одухотворенія природы, въ жанрѣ повышеннаго импрессионизма: „День накинута на себя покрывало, горы сомкнули глаза. Перестали стонать въ могилахъ кости облитыхъ кровью героевъ. Вѣтеръ рыдаетъ. Облака словно въ страхомъ смятенія льютъ „алазанскими“¹⁾ ручьями слезы, не облегчающія ихъ сердца. Склоны и груди горъ омылись и разцвѣли. Все оживилось. Небу грозить глубокая ложбина и взбушевавшійся родникъ. Наполнились колокомъ сосцы горъ, неисчерпаемо молочныхъ. Привѣтствую васъ, выси горъ, несу вамъ поздній мой поклонъ, пусть вашъ можжевелишкъ и коверъ украсятъ мой могильный холмъ.

Темепъ день... какъ легкой дымкою одѣлись горы
 Туманной пеленой сиреневыхъ тѣней.—
 Святая тишина царитъ кругомъ!.. Безильны взоры
 Понять игру заката меркнувшихъ лучей...

¹⁾ Алазань—рѣка въ Кахетин.

Въ могилахъ дорогихъ, облитыхъ солнечнымъ закатомъ,
 Покойно кости спятъ героевъ, проливавшихъ кровь:
 Намъ память ихъ свята и праха каждый атомъ
 Намъ святъ... О, если-бы они рождались вновь!..
 Со стономъ ужаса рванулась грозно буря съ моря,
 Изъ тучъ на землю хлынули потоки слезъ,
 И плачетъ безконечно грустный вѣтеръ,—это горе
 О тѣхъ, кто въ жертву родинѣ всю жизнь принесли.
 Утесы горъ; по скатамъ ихъ несутся съ шумомъ воды,
 Кипятъ ручьи,—ихъ шумъ угроза небесамъ...
 А вдалекѣ вершины бѣлыхъ горъ, какъ символы свободы,
 И радуга по небу меркнувшимъ краямъ...
 Ты, колыбель моя, вершина вѣчно снѣжныхъ горъ,
 Уступы горныхъ скалъ, ревушіе потоки,
 Небесъ лазоревыхъ святой загадочный просторъ!
 —Вамъ запоздалый шлю привѣтъ, скиталець одинокій...
 (Пер. Ник. Боголюбова).

Подобною-же поэтичностью и широкимъ размахомъ кисти отличается поэма „Этери“, построенная на канвѣ народнаго сказанія. Сущность сказанія заключается въ томъ, что красавица Этери терпитъ гоненія отъ своей злой мачехи. Но судьба посылаетъ несчастной спуткѣ неожиданное счастье. Разъ во время охоты царевичъ Годердзи встрѣчаетъ ее, пасущую стада овецъ и коровъ на склонѣ горы, въ тѣни развѣсистаго чинара. Царевичъ такъ ошеломленъ сияніемъ въ ней божественной красоты, огонь любви овладѣлъ съ такой силой, что послѣ продолжительной бесѣды и нѣжныхъ изліаній онъ склонилъ ее стать его подругой жизни, обѣщавъ забыть разность общественнаго ихъ положенія, поклявшись ей въ неизмѣнной преданности. Однако, царь, пылкое увлеченіе сына и неравный бракъ, заключенный безъ согласія родителей, протитъ съ явной неприязненностью. Онъ караетъ наследника престола и переводитъ его въ отдѣльное помѣщеніе. Мать-царица, какъ существо мягкое и женственное, не произнесла проклятія и предостерегла только сына, чтобы онъ остался вѣренъ данному невѣстѣ слову. Царь, въ лицѣ визиря Шере, имѣетъ сподвижника въ замыслахъ противъ юной четы. Изъ чувства зависти и ревности, Шере обращается къ живущей въ пустынной пещерѣ, среди злыхъ духовъ, черной колдуньѣ за волшебнымъ лѣкарствомъ и, продавъ ей свою душу, получаетъ горсть проса. Свойство проса заключалось въ томъ, что достаточно было обсыпать имъ Этери, какъ нѣжное тѣло ея покрылось мриадой неистребимыхъ вшей и червей. Красавица исхудала, глаза впали, вся растаяла, какъ свѣча, но царевичъ съ нею не разставался, просиживая съ нею дни въ высокой башнѣ. Этери горестно вспоминаетъ, какъ она, считая себя недостойной, уклонялась отъ предложенія Годердзи при первой встрѣчѣ слѣдовать за нимъ и просить отпустить ее вновь на трудовую жизнь и вольныя

сельскія работы. Ничто, однако, царевича не охлаждает въ его горячей привязанности къ судьбою преслѣдуемой красавицѣ. Скорбь и тоска отразились только на его физическихъ силахъ,—онъ разстроилъ здоровье, лежитъ уже на смертномъ одрѣ. Всѣ средства спасти его оказались тщетными. Онъ умираетъ и вмѣстѣ съ нимъ отдаетъ душу Богу его возлюбленная Этери, ни на одинъ мигъ не сдѣлавшаяся достойнѣе Шере, который отъ колдуньи былъ обезпеченъ какъ лѣкарствомъ ея гибели, такъ снадобьемъ для ея излѣченія отъ пагубныхъ насѣкомыхъ. Въ отчаянны Шере ослѣпляетъ себя ножомъ. На могилѣ двухъ неразлучныхъ юныхъ существъ „выросли фіалки и розы, которыя выращиваетъ пробившійся изъ земли холодный родникъ. Соловей надъ ними неумолкаемо льетъ свои жалобные трели, привлекая путниковъ къ роднику съ волшебнымъ свойствомъ: всякій пьющій изъ него не знаетъ ни скорби, ни старости. На могилѣ-же Шере, прибавляетъ народное сказаніе, выросъ тернъ, а изъ-подъ него выползли щенята ¹⁾. Такой метафорозой героевъ заканчивается его поэма.

Мы не исчерпали богатаго содержанія выше обозрѣваемыхъ поэмъ, не коснулись также деталей художественной обработки народныхъ сказаній подъ перомъ Важа-Ишавела. Скажемъ только, что общей чертой, проходящей чрезъ всѣ произведенія этого поэта служитъ необычайная пластичность образовъ, рѣдкое свойство поэта облекать индивидуальную личность героевъ типическими особенностями, возводить, такъ сказать, частный рисунокъ въ универсальный, близкій и понятный каждому горцу, къ какой-бы національности онъ ни принадлежалъ. Эта универсальность и типичность воспроизведенія быта и вѣрованій кавказскихъ горцевъ, въ силу географическихъ и социальныхъ условий,—усвоившихъ въ значительной мѣрѣ идентификаціонный характеръ, съ особенной яркостью сказаны въ поэмѣ „Гость и Хозяинъ“ (*Стумар—Маспидзели*), основой которой служитъ не устное сказаніе, а народный обычай священнаго гостепрѣимства, въ равной степени обязательный для всѣхъ племенъ Кавказа. Для заблудившагося или запоздалаго путника въ горахъ во время проливного дождя, урагана, безпросвѣтнаго мрака и зимней вьюги, когда одинъ ложный шагъ по узкой тропинкѣ грозитъ гибелью въ пропасть или среди ледниковъ, постучаться въ первыя двери, при случайно блеснувшемъ огнѣ, и воспользоваться гостепрѣимствомъ незнакомаго домохозяина—является важнымъ и неопредѣленнымъ правомъ. Традиція обязываетъ хозяина приютить даже кровнаго врага, и пока гость находится подъ покровительствомъ его очага, онъ остается неприкосновеннымъ, бережно охраняемымъ отъ всѣхъ покушеній на его особу. Прекрасенъ и неизбѣженъ этотъ обычай; онъ связываетъ узами дружбы сосѣднія племена, сближаетъ ихъ между собою, облегчаетъ мирныя сно-

¹⁾ Нѣсколько въ видоизмѣненномъ видѣ эта поэма по народной передачѣ у *Хаканова* „Очерки по ист. груз. слов.“ вып. I, 52—54 стр. Здѣсь царевичъ носитъ имя Абессалома, а визирь Мурмана, который продаетъ колдунѣ не свою душу, а душу матери.

шенія. Но обязанность кровной мести не менѣе священнаго долга вошла въ нравственное сознаніе горцевъ. Она зачастую омрачаетъ и искажаетъ обычай гостепрѣимства,—чревато послѣдствіями неожиданнымъ проникновеніемъ въ домъ врага, о крови котораго изъ могилы вопіютъ павшіе сородичи хозяина. Въ такомъ случаѣ возникаетъ та кровавая стычка, которая поэтически изображена въ поэмѣ Важа-Ишавела ¹⁾.

Въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ. Хевсуръ Звіадаури, блуждая по скаламъ въ почномъ мракѣ, подъ вымышленнымъ именемъ Нишуа, попалъ въ саклю Кистина Джогола, убитый братъ котораго давно уже взываетъ о возмездіи. „Богомъ посланнаго гостя“ хозяинъ принимаетъ любезно, угощаетъ и предлагаетъ ему теплую постель. Бывшій тутъ-же гость-кистинецъ почтительно встаетъ и привѣтствуетъ новаго гостя, но вскорѣ на лицѣ его отразилась злоба, волненіе овладѣло имъ и онъ готовъ былъ обнажить кинжалъ, узнавъ въ хевсурѣ убійцу брата Джоголы. Обычай ему запрещаетъ распорядиться и расправиться въ чужомъ домѣ, поэтому онъ быстро оповѣщаетъ односельчанъ о появленіи кровнаго врага. Толпа собирается поспѣшно съ шумомъ и гамомъ, окружаетъ нервно саклю Джоголы, и требуетъ выдачи Звіадаури, открывъ ему глаза на личность незнакомаго ему гостя. Но хозяинъ, согласно обычаю, оскорбленъ за святотатственное требованіе соплеменниковъ, нарушающее установившуюся традицію, и рѣшительно вооружается защищать гостя, „если-бы даже онъ подлежалъ высканію цѣлага моря крови“. Уклоненіе Джоголы отъ желанія общины навлекаетъ на него ея гнѣвъ и она объявляетъ его другомъ гяуровъ. Не устояли гость и хозяинъ противъ возбужденной массы. Звіадаури связанъ и приведенъ на могилу убитаго кистина въ качествѣ жертвы для успокоенія души павшаго соплеменника. Хевсуръ обезглавленъ и трупъ его брошенъ безъ погребенія. Но не всѣ изъ общины кистиновъ были такъ неумолимо настроены; нашлась среди нихъ добрая душа, которая сочла долгомъ тайно безъ вѣдома мужа, колѣнопреклоненно, горько оплакать ночью, при тихомъ плескѣ ручья, обезглавленнаго хевсура, и этой доброй душой оказалась Агаза, жена Джоголы. Она на память съ статнаго витязя, завоевавшаго ея симпатію своей непреклонностью предъ казнью, зубами срываетъ съ головы три волоса и завязываетъ ихъ въ кончикъ вуали. Ее преслѣдуютъ духи тѣмы за измѣну родинѣ, покойники изъ могилы призываютъ на нее проклятье, скалы и травы оглашаютъ ее блудницей. Невынесла она укора со стороны убитаго кистина, прониклась ужасомъ предъ всеобщимъ возстаніемъ силъ природы и загробныхъ обитателей и вся въ огнѣ едва добѣжала до сакли, гдѣ, лишь придя въ сознаніе, открыла испуганному мужу свой благородный подвигъ. Джогола нашель, что жена, оплакавъ хевсура, исполнила свой

¹⁾ Поэма эта вызвала восторженный отзывъ *И. Накашидзе* („Квали“, 1896), давшій разборъ и предшествовавшихъ ей произведеній Важа-Ишавела. Ср. отзывъ *Гр. Кипшидзе* „Моамбѣ“ 1896, №№ 1—2.

долг и видит онъ въ ея слезахъ небесную благодать. Но не такъ посмотрѣли на коварное плѣненіе безоружнаго Звіадаури его сородичи-хевсурь. Они напали на общину кистиновъ, обезглавившихъ его, отомстили за кровь кровью и ослѣвленные порывами страсти, нанесли смертельный ударъ самому Джоголѣ, защитнику Звіадаури по обязанности ховшпа, но борца за свою общину при столкновеніи съ хевсурами. Кончилось состязаніе. Хевсуры удовлетворены. Наказаннымъ безъ возмездія остался одинъ Джогола. Соплеменники лишили его какъ измѣнника и сторонника Звіадаури права быть погребеннымъ на родномъ кладбищѣ. Жена его, Агаза, оставшаяся безъ призора, бросается со скалы въ рѣку, считая себя грѣшной въ томъ, что она оплакала чужеземца. На горѣ, гдѣ хевсуры убили Джоголу, ночью появляется образъ, направляющійся къ кладбищу съ жалобнымъ воемъ: „братецъ Звіадаури, что же ты не показываешься?!“ Тогда поднимается изъ могилы тѣнь со щитомъ и книжаломъ, подходит и привѣтствуетъ друга. Встаютъ печальная Агаза, которая жаритъ на блуждающемъ огнѣ шашлыкъ изъ турьяго мяса, разсказываютъ о геройскихъ подвигахъ, объ обычаяхъ гостепріимства и побратимства. Картина эта обращаетъ жадные взоры всѣхъ. Но вдругъ ихъ покрываетъ черный, какъ смола, туманъ, который не можетъ быть разбѣянъ ни чарами, ни молитвой. Слышенъ только плескъ рѣки, несущейся внизу и надъ пропастью взираетъ высоко поднявшееся солнце“.

Запасъ наблюденій надъ народной жизнью и поэтическихъ устныхъ сказаній, игривыхъ и фантастическихъ, у Важа-Пшавела неистощимъ. Своими 19 художественно-разработанными народными мотивами онъ внесъ въ грузинскую литературу совершенно новое течение, обогащаемое и углубляемое его собственными произведеніями. Помимо тѣхъ поэмъ, съ которыми мы познакомились выше, есть еще у него рядъ аналогичныхъ стихотворныхъ переложеній лирическихъ легендъ и историческихъ событій¹⁾, сохранившихся въ народной памяти.

¹⁾ Должны быть отмѣчены еще его драма „Мокветили“ изъ жизни горцевъ (въ „Моамбѣ“ 1894 г.), „Эремъ--Серемъ--Суреміани“ („Квали“, 1893 г.), разсказъ - карикатура на жизнь современной грузинской интеллигенціи, такого же содержанія поэма народія на современную грузинскую жизнь въ осмѣяніе растительной жизни подъ заглавіемъ „Пѣснь пѣсней“ („Квали“ 1893—1894 гг.), „Думы маленькаго пастуха“, „Впечатлѣнія“ (изъ жизни пшавцевъ), „Кровавая мѣсть“ (изъ черкесской жизни), „Воспоминанія“ (рождественская повѣсть), „Иванэ Которашвили“, „Лашароба“ (празднованіе молельни Лашарской), „Внелети“ (мѣсто загробной жизни), „Положеніе и судьба женщины по пшавской поэзіи“, „Пшавскій судъ стараго времени и семейные обычаи“, „Деревенскія картины“, „Сонъ горъ“ (съ легендарной подкладкой), „Холарджоба и ригеба“, „Походъ съ знаменемъ Лашарскаго креста“ (сцена въ Хевсуретіи), „Пшавцы“, (представленія о загробной, побратимство, приенга, Молельни, хевисберн)“, стихотворенія этнографическаго характера, „О севѣ вѣрнхъ“, „Сены въ горахъ“, „Хевсурская свадьба“ и рядъ еще его произведеній (въ „Иверіи“) знакомитъ съ обычаями и возрѣвными пшавовъ и хевсуръ.

Дѣтскіе разсказы и стихотворенія его (въ „Джеджили“): Нашъ пѣтухъ, Цыпленокъ, Веходы, Бѣдный курятникъ, Гогра, Свадьба соекъ, Змѣя, Корни.

Не останавливаясь на нихъ („Охотникъ“, „Гигліа“, „Среди развалинъ“, „Ахунди“, и др.), воспроизводящихъ моменты борьбы пшавовъ съ дегестанцами, религіозныя вѣрованія въ различныхъ богинь - охоты, матери-земли, ручейковъ, — обращаясь къ тѣмъ произведеніямъ Важа-Пшавела, которыя отмѣчены особымъ колоритомъ творчества, именно — символизмомъ.

Символизмъ Важа-Пшавела оригинальнаго, самобытнаго происхожденія. Онъ не носитъ какихъ-либо признаковъ вліянія европейскихъ поэтовъ этого направленія. Символизмъ грузинскаго поэта — продуктъ мѣстный, созрѣвшій на почвѣ народныхъ сказаній отдаленныхъ временъ. Такова, напримѣръ, его поэма „Бдокъ змій“, напечатанная въ журналѣ *Моамбѣ* (1901 кн. II и III). Герой поэмы, Миндіа, двѣнадцать лѣтъ пробывъ въ плѣну у каджовъ — злыхъ геніевъ. Это позорное рабство довело его до отчаянія и онъ рѣшилъ покончить съ собою самоубійствомъ. Съ этой цѣлью онъ съѣдаетъ вареныхъ змѣй, обычное блюдо каджовъ въ надеждѣ отравиться.

Но страшная нища имѣла на него обратное воздѣйствіе. Миндіа совершенно переродился и перевоплотился: ему открылись глаза, слухъ приобрѣлъ необыкновенную чуткость, сталъ онъ понимать языкъ птицъ, звѣрей, травъ, небо вступило съ нимъ въ бесѣду и повѣдало ему свои тайны¹⁾. Словомъ отнынѣ усвоено было все то, что усвоилъ пушкинскій „Пророкъ“, послѣ операций, произведенныхъ надъ нимъ шестикрылымъ серафимомъ: открылись вѣщія зѣнницы, уши наполнили шумъ и звонъ, онъ „внялъ неба содроганье и дольной лозы прозябанье“. Умудрившійся хевсуръ Миндіа сталъ среди своихъ соплеменниковъ обоготворяемымъ богатыремъ, доставлявшимъ имъ побѣду надъ врагами и излѣченіе недуговъ, ранъ и язвъ волшебнымъ знаніемъ травъ, сообщающихъ ему свои цѣлебныя свойства. Весенняя природа его привѣтствуетъ, птицы радостно встрѣчаютъ, цвѣты поютъ ему торжественныя гимны. Миндіа дѣлится со всѣми своими неуловимыми для смертныхъ впечатлѣніями, но они покрываютъ его слова насмѣшками и недовѣріемъ; „если деревья и камни обладаютъ способностью рѣчи, — говорили они, — то почему мы не слышимъ ихъ, вѣдь и мы такіе же люди, какъ онъ!“ Прошло время, Миндіа обзавелся семьей. Обязанности мужа и отца, практическіе запросы поставили его лицомъ къ лицу съ ликующей природой. Его идеализмъ сталкивается съ житейской нуждой. Жена его понукаетъ доставить дрова для топки: „дѣти зябнуть отъ холода“, — необходимо и пища для поддержанія жизни. Поощряемый мягкой женой, далекой отъ порывовъ поэтическихъ грезъ, Миндіа понемногу сталъ рубить чинары, убивать звѣрей, топтать цвѣты. Результатомъ такого попиранія правъ природы явилось истощеніе знаній у Миндіа, утрата способности понимать языкъ птицъ и травъ. Небо онѣмѣло, вся тварь замолкла.

¹⁾ Ср. легенду объ Александрѣ Македонскомъ и нищемъ (въ послѣдствіи знаменитомъ врачѣ Лохманѣ), приведенную мною въ иллюстр. приб. къ „Тифлис. Листку“ № 37, 1902 г., а также поэму „Нибелунги“.

Природа наложила на себя печать таинственности и непроницаемости. Напрасно рыдает Миндіа и кается въ своемъ преступленіи. Онъ сознаетъ свою бесполезность для народа, и никакія слезныя молитвы съ обильными жертвами не возвращаютъ ему прежняго дара. Изнеможенный нравственно, раздираемый тоской и муками сердца, онъ ослабѣлъ и физически, утратилъ отвагу и смѣлость. Онъ ищетъ смерти и находитъ ее въ столкновеніи съ врагами родины; онъ оказался побѣжденнымъ въ первой же битвѣ съ ними и самъ поднимаетъ руку на себя, закалявая себя кинжаломъ. Такъ погибъ волшебникъ и чародѣй, благодѣтель и другъ народа, лишившись божественнаго дара пониманія духовныхъ силъ природы съ того дня, какъ онъ заглушилъ въ себѣ чувство жалости къ одушевленной и неодушевленной твари и вступилъ на путь житейской суеты и земныхъ вожделѣній.

Не есть ли образъ Миндіа символъ поэта, стоящаго на высотѣ своего божественнаго призванія лишь до того времени, пока онъ не обуреваемъ страстями глухой толпы, остающагося прорицателемъ и вождемъ народа до поглощенія его житейскими интересами¹⁾.

Символизмомъ и чудодѣйственнымъ сюжетомъ отличается также поэма „Деревянная лопатка“. Охотникъ Баліа былъ завлеченъ на торжественный пиръ лѣсныхъ духовъ, во главѣ дѣвы—красавицы. По ея требованію кости съѣденныхъ звѣрей гости бережно хранили, и только охотникъ выбросилъ въ воду доставшуюся лопатку. Когда же при осмотрѣ ея не оказалось среди костей, то выточили ее изъ дерева и по ней предсказали Баліа, что онъ умретъ въ день праздника „Квирилоба“. Давая постоянно осычку на охотѣ, Баліа по совѣту друзей даетъ заговорить ружью. Чары возымѣли свое дѣйствіе, и онъ убилъ оленя, по снятіи шкуры съ котораго нашли у него вставную „деревянную лопатку“. Смущенная этой находкой толпа, просить объясненія Баліа, который уклоняется отъ отвѣта и рѣшаетъ никогда болѣе на охоту не ходить и не ѣсть дичи. Символизмъ этой поэмы сказочнаго происхожденія и выражаетъ излюбленную идею поэта о пощадѣ и милости къ Божьей твари, одушевленной и неодушевленной.

Наиболѣе яркое проявленіе символизма Важа-Пшавела нашелъ въ его маленькихъ поэмахъ въ прозѣ изъ животнаго и растительнаго міра. Эти произведенія грузинскаго поэта—чудные перлы поэзіи, согрѣтой такой нѣжностью чувствъ и теплотой, что неотразимо заражаютъ читателей симпатіей къ страдающей природѣ и связываютъ его съ нею тончайшими узлами любви и человѣчности. Поэтъ здѣсь рисуется панте-

¹⁾ Народнымъ сказаніемъ воспользовался Важа-Пшавела въ poemѣ „Полуципленокъ“ (*Библиотека Иверія* 1905, № 6). Царь, отказавшій полуципленку въ кормъ, потерпѣлъ полное разореніе отъ нашествія звѣрей, вступившихъ за обиженную птицу. Зло не только наказано разореніемъ царя, но и торжествомъ полуципленки, провозглашеннаго владыкой звѣрей и птицъ.

истомъ чистѣйшей воды, усматривающимъ частицы міровой души всюду и вездѣ, во всѣхъ тваряхъ. Я ограничусь нѣсколькими отрывками изъ произведеній Важа-Пшавела названной группы. Обращаюсь прежде всего къ poemѣ въ прозѣ небольшого размѣра. Это „Горы высокія“. Привожу эту маленькую пьесу съ сохраненіемъ по возможности всѣхъ особенностей стиля и конструкціи оригинала.

„Стояли и ждали. Ожиданье горъ не имѣетъ конца. Въ глубинѣ ихъ сердце разливается безпредѣльнымъ моремъ, окрашиваясь кровавымъ цвѣтомъ. Но съ виду ничего не замѣтно, кромѣ вражды, и въ этомъ-то скрывается тайна ожиданія. Кто знаетъ, что происходитъ въ сердцѣ горъ, какой огонь горитъ и пламенѣетъ? ...

Горы, горы! Чего вы ждете, кого вы ожидаете? Быть можетъ, вы давно въ разлукѣ съ милой? Или потеряли ребенка? Братъ или мать вдали отъ васъ и вѣсти отъ нихъ не получаете? Отвѣта нѣтъ. Стоять неподвижно. Ждали, ждутъ и вновь будутъ ждать. Что въ состояніи вычерпать въ ихъ сердцѣ это море ожиданія? Оно не имѣетъ завершенія, какъ божество.

Когда вся тварь—насъкомья, травы, цвѣты, рѣчки и безпокойное неутомимое вѣяніе засыпаютъ, тогда, только тогда онѣ издаютъ тяжелый вздохъ и даже проливаютъ слезы. Тогда-то и человѣкъ восклицаетъ: ахъ, словно камень, какая-то тоска ложится мнѣ на сердце!

Почему вы не поете, горы? Ужели я такъ умру, что вашего голоса, вашего пѣнія я не слышу? Почему вы не смѣетесь? Покажите мнѣ, милыя, хоть улыбку вашу. Какъ сумѣла одна мысль такъ покорить, охватить, овладѣть вами, что заглушила всякое проявленіе жизни въ вашемъ сердцѣ? Нѣтъ, нѣтъ. Иногда и вы радуетесь, а люди думаютъ, что вы ничего не чувствуете. Я знаю, свѣтъ зажигается въ вашемъ сердцѣ, когда вольный орелъ заигрываетъ съ вашей вершиной и для отдыха спускается на ваши склоны. Какъ хороши вы тогда, какъ гармонируете съ вами, что вашъ питомецъ такъ могучъ, безстрашенъ и красивъ! Онъ, вашъ посоль, Богу передаетъ вѣсть объ васъ!

Развѣ у васъ нѣтъ мысли, идеи чувства? Развѣ вы не погружаетесь въ мечты? Какъ, нѣтъ! А что же такое тѣ восхитительные цвѣты, которые покрываютъ вашу поверхность? Они - то составляютъ вашу надежду, мечту, утѣшеніе. А почему вы такъ закрываетесь туманами, если ни о чемъ не думаете, и думы этой не скрываете отъ насъ, людей? Почему вы даете произрастать травѣ, изливаете холодные ручейки, скатываете завалы, воспитываете вольныхъ туровъ? Какъ вы, милыя, хотите обмануть!

Стоять и ждать. Дождь льется на ихъ главу, молнія спаливаетъ ихъ золотистыя кудри, блескъ ея мелькаетъ у нихъ въ глазахъ, громовой ударъ часто вонзается стрѣлой въ ихъ грудь. Однако ничего. Слушается, полгоры обрушатся въ видѣ завала, сползетъ въ ущелье. Все же ничего. Онѣ продолжаютъ ждать.

Идите, кто не хочет быть съ нами на высотѣ, въ сосѣдствѣ съ небомъ, идите внизъ покоя!

Ложится снѣгъ... Морозить. Холодно. Горы одѣлись въ саванъ, точно покойники. „Хорошите, оплакиваете насъ“, какъ бы слышится ихъ голосъ. А мы отъ нихъ ждали погребенья....

Стоять и ждать. Сердце у нихъ ноетъ, сильно ноетъ. Но не умираютъ и чохоткѣ не поддаются. Ждете кого или чего?—Чего-то, да чего-то. Это что-то есть желаніе видѣть невидимое.

Видѣли все, что въ состояніи видѣть ихъ глаза, постигнуть сердце. Жажда новаго овладѣла ихъ зрѣніемъ и чувствомъ. Это вѣдь ненасытность глазъ и сердца.

„Совершенно такъ“.

Въ изображеніи природы и ея явленій Важа-Пшавела достигаетъ такой возвышенной творческой самобытности, которой ни до, ни послѣ него въ грузинской литературѣ не отмѣчалось. Пластичность воспроизведенія одухотворенной натуры безъ романтическихъ прикрасъ, обвѣваемой теплымъ дыханіемъ поэта, придаетъ его незатѣйливымъ описаніямъ какую-то наивную, но неотразимую прелесть. Какъ ни старается поэтъ изолировать свою личность, поставить себя въ тѣнь, заставляя живущую тварь изливать чувства радости и скорби, однако неуловимо и невольно онъ налагаетъ на все яркую печать своего утонченнаго душевнаго настроенія и трогательной человѣчности, широкой волной вливающейся въ нашу душу, возвышающей и облагораживающей ее.

Таковъ небольшой рассказъ „Корни“, который привожу въ дословномъ переводѣ.

„Не бойся, мы не змѣи! На эту высокую гору какъ могла взобраться змѣя! Напрасно ты встревожился,—вѣдь мы человѣку не вредимъ, не отравляемъ его. Тебя испугала наша измятая снаружи сухая кожа? Да, а было время, когда мы имѣли другой цвѣтъ и видъ. Вращеніе вѣнецъ измѣнило нашъ обликъ и теперь, когда случайно натолкнется на насъ пастухъ или охотникъ, мгновенно онъ исполняется смятенія, пока поближе не разсмотритъ и не убѣдится, что мы лишь корни дуба, не болѣе того. Была пора, мы питали необъятный дубъ, кормили его своимъ молочнымъ сокомъ. Величаво красовался дубъ, благодаря нашимъ заботамъ и трудамъ въ потъ лица. И мы гордились тѣмъ, что выросли изящное, непреклонное и мощное дѣтище.“

— Вы и вашъ дубъ истощили мои силы, мое достояніе,—говорила намъ не разъ мать сыра-земля, а мы все же колѣнопреклоненно, съ простертыми руками выпрашивали у него пропитанія для нашего любезнаго питомца. Поглощаемые попеченіемъ о немъ, мы не знали покоя ни днемъ, ни ночью. Мы неустанно вдохновляли другъ друга словами: „будемъ старательно снабжать его пищей въ изобиліи“. Отдохни, мать-земля: отдохни! Мы тебя больше не станемъ беспокоить. Для кого мы ухаживали и упрашивали тебя, того ужъ не стало у насъ, да и мы

сами сохнемъ, а на что пропитаніе отцвѣтшему и мертвому? Человѣкъ, неумолимое существо, сразилъ наше сердце умертвилъ наше дѣтище и оставилъ насъ въ горькихъ слезахъ. Онъ взялъ топоръ и принялся его рубить. Онъ не внялъ ни нашему стону, ни воплю нашего питомца. При ударѣ топоромъ мы стонемъ, а вы, люди, его считаете „стукомъ“. Мы обливаемся кровью, а вы нашу кровь называете „древеснымъ сокомъ“. Если мы не сопротивляемся, не царапаемъ лица, не бранимъ, не преслѣдуемъ покидающаго насъ и съ угрозой не встречаемъ приходящаго къ намъ, такъ развѣ это значить, что мы ничего не чувствуемъ?! „Дубъ рублю“, взывалъ человѣкъ своему товарищу, въ полной увѣренности, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного. А онъ не хотѣлъ видѣть, что мы тайно въ землю слезы лили такъ горько, что изъ чувствія къ намъ расплакалась сама земля: „несчастныя, ворчала она,— для чего, для кого трудились вы, и я для кого мучу себя? Кто скажетъ мнѣ слово благодарности“?

Земля, жалуясь въ такихъ словахъ, въ то-же время поклонившимся къ ней вдаль розросшимся корнямъ бука, березы, тополя клала обычную провизію. Это добрѣйшее существо никому не рѣшится отказать въ своемъ участіи. Она всеобщая мать, о всѣхъ она заботится, всѣ висятъ у нея на шеѣ. Да будетъ благословенна грудь твоя, о мать наша, питательница и кормилица наша!

Но что ей дѣлать, несчастной? Судьба и ей измѣнила. Вчера и сегодня мы много плакали, намъ жаль растаться съ той мѣстностью, гдѣ мы родились, выросли и испытали жизнь. Кто знаетъ, что насъ ждетъ впереди?... Со дня на день жилище наше разрушается, разстраивается, прорѣзываются рытвины, а сами мы остаемся безъ крова, голодные и нагіе. Въ концѣ концовъ мы сорвемся съ вершины и ниспадемъ въ бездонную пропасть. А кто угадаетъ, что насъ тамъ ожидаетъ? Кто скажетъ намъ теперь, какую почву мы тамъ встрѣтимъ?

Погибнемъ-ли окончательно, или вновь земля сокроетъ насъ и подастъ намъ пропитаніе?

Быть можетъ, бурныя волны рѣки вынесутъ насъ въ какое-нибудь пустынное мѣсто и подъ палящими лучами солнца мы завянемъ, засохнемъ, навсегда прервемъ свое существованіе.

Господи, не дай намъ погибнуть! О судьба, не измѣняй намъ! Земля пріюти вновь насъ у себя!

Жаждемъ жизни и труда и желаемъ еще поработать и, быть можетъ, намъ суждено будетъ еще воспитать дѣтище на своихъ корняхъ и вновь исполниться радостнаго чувства! О силы природы, примите благосклонно моленіе несчастныхъ корней!¹⁾

Въ этой жалобной исповѣди корней, нѣкогда воспитавшихъ развѣсистый дубъ и погибающихъ нынѣ вслѣдствіе жестокосердія человѣка, срубившаго ихъ дѣтище, невольно слышится парадоксъ Ж. Ж. Руссо.

¹⁾ Поэмы въ прозѣ Важа-Пшавела *Горы высокія* и *Корни* приведены по переводу А. Хаханова (въ газ. „Курьеръ“).

„Tout est bien sortant des mains de l'auteur des choses; tout est dégénéré entre les mains de l'homme“,—слова, открывающія его трактатъ „Воспитаніе Эмілія“.

Эта идея искаженія природы отъ прикосновенія рукъ человѣка проходить въ нѣсколькихъ поэмахъ Важа-Пшавела изъ міра растительнаго и животнаго. То же настроеніе и тенденція проникаетъ его поэму въ прозѣ „Горный ручеекъ“.

Всѣ маленькіе его рассказы изъ міра флоры и фауны дробятся на двѣ части: въ первой поэтъ рисуетъ счастливую, радостную жизнь, упоеніе красотой, нѣкоторое самодовольство, во второй—разрушеніе счастья, горькія испытанія, гибель съ надеждой на возрожденіе. Эта антитеза создается враждебнымъ столкновеніемъ двухъ несомѣстимыхъ и непримиримыхъ силъ природы: слабыхъ и сильныхъ, неодушевленныхъ и одушевленныхъ, при чемъ первая всегда остаются побѣжденными, ихъ живительныя свойства временно исчерпанными. Эта идея съ полной опредѣленностью и трогательной простотой выясняется въ поэмахъ: „Горный ручеекъ“, „Фіалка“, „Малина“, „Рассказъ маленькой лани“, „Осель“ и др. Я привожу „Горный ручеекъ“ и „Фіалку“¹⁾ въ своемъ переводѣ, чувствуя всю затруднительность ихъ точнаго воспроизведенія по-русски.

Горный ручеекъ отъ своего лица рассказываетъ свою жизнь, мысли и чувства, его воодушевлявшіе, радости и горести, имъ испытанныя на пути своего кратковременнаго существованія.

„Ни однимъ грѣхомъ въ своей жизни я себя не запятналъ. Ни одно живое существо, даже не одушевленная тварь о моемъ прегрѣшеніи, о злостіи моей не можетъ ничего сказать. Такъ создалъ меня Господь: я долженъ течь и течь безропотно, всѣмъ дано изъ моихъ чистыхъ струй утолять свою жажду. Въ лѣтній жаркій день не одинъ звѣрь прибѣжитъ ко мнѣ испить моей студеной водицы, не одинъ утомленный жнецъ присядетъ ко мнѣ отточить свой изогнутый серпъ. Люди пьютъ меня жадно и, можетъ быть, одинъ лишь изъ нихъ скажетъ: „будь благословенъ ты, горный ручеекъ, какое вино дерзнетъ сравниться съ тобой!“ Большинство-же меня даже оскорбляетъ и какъ бы въ благодарность за услугу плюетъ на меня. Что-же дѣлать. Я ни на кого не плюю, пусть лучше на меня плюютъ!“

Боже мой, какъ я счастливъ! Какіе чудные друзья меня окружаютъ! Прежде всего вотъ каменные плиты, густо покрытыя зеленымъ мохомъ, или вотъ еще выросшая надо мною желтая скала, которая привѣтливо взираетъ на меня и точно шлемъ надвигается на мою голову. Эти стройныя тополя, какъ чудовища—„дэви“, возносясь къ небесамъ, не пропускаютъ ко мнѣ солнечныхъ лучей, а свои толстые, искривившіеся точно змѣи, корни вложили мнѣ въ полы и запазуху.

Я счастливъ и безгрѣшенъ на разстояніи двухъ или трехъ верстъ, потому что вбираетъ и поглощаетъ меня громадная бушующая рѣка, утра-

чиваетъ мое имя, мое славное прошлое существованіе. Рѣка съ того дня начинаетъ играть мною по своей прихоти. Мало того, что сама реветъ, мечется, неистовствуетъ, разрушаетъ землю, срываетъ деревья и тащитъ за собою,—она меня, несчастнаго, заставляетъ участвовать во всѣхъ этихъ злодѣйствахъ и преступленіяхъ. Да вѣдь тогда я ужъ не то, что теперь, когда пробиваюсь изъ скалъ!

Сердце у меня ноетъ отъ несправедливостей рѣки, сколько я страдаю и тренещу! Не разъ до меня долетали людскія жалобы и вопли: „понесла проклятая рѣка человѣка, помогите, помогите, добрые люди! Сказать правду, и на меня въ этомъ падаетъ доля вины. Увы, несчастная моя головушка! О если бы Творецъ не такую судьбу предназначилъ мнѣ, то я совершалъ бы безмятежно свое теченіе все время, безъ конца, чтобы орошать чудныя растения и прекрасную грудь земли, утолить жажду звѣрей и людей!“

Какимъ счастливецомъ воображаю я себя, какое блаженство я испытываю, когда проношусь мимо засыхающаго бѣлокопытника и освѣжаю его. А онъ, сердечный, киваетъ мнѣ нѣжно головой, шлетъ ласковый привѣтъ и облакаетъ меня въ зеленый плащъ изъ своихъ листьевъ. Потомъ съ тихимъ журчаніемъ спускаюсь къ папоротникамъ, а они, окруживъ меня, восторженно зываютъ: „да здравствуетъ горный ручеекъ, да здравствуетъ!“ Потомъ пробѣгу мимо помятыхъ отъ обваловъ орѣшниковъ и виноградной лозы, смочу имъ своей живой росой отцвѣтшіе корни и подниму къверху уныло опущенныя головки. Господи, зачѣмъ ты позволяешь несококойной и злой рѣкѣ портить мое доброе имя!

Охъ, вчера мнѣ приснился дурной сонъ. Всеблагій Творецъ, Хранитель и Кормилецъ нашъ, дай этому сну сбыться благополучно..... Я видѣлъ, что я будто умираю. Стояла засуха, страшная засуха. Трава, деревья, мои родители, казалось уже засохли, и я также изсыхалъ. Полногрудная птичка—уматка слетѣла ко мнѣ съ осины, чтобы искупаться въ затруднившихся моихъ струяхъ, но не могла намочить даже своихъ крыльевъ и залилась горькими слезами. Я видѣлъ это и сердце у меня тревожно замерло. „Куда ты дѣлась, моя сила благодатная“, шепталъ я про себя. Увядшія гладышъ, тростникъ, береза, липа всѣ вмѣстѣ растерянные завопили: „Поспѣшимъ на помощь ручейку, подадимъ ему влагу, а то онъ засохнетъ!“ И по-двѣ, по-три капли росы, слѣша подавали они мнѣ заботливо съ своихъ листьевъ, вѣтвей, корней, но напрасно—помочь мнѣ было уже поздно! Въ эту ужасную минуту мнѣ показалось, что земля разверзлась и предстояло провалиться въ ея бездонное чрево и погибнуть.

Въ испугѣ я проснулся. Сердце у меня учащенно билось, со лба струился холодный потъ. Расширилъ я зрачки, и весь дрожа, уставился въ темную даль, и о радость: внизу, надо мною все ущелье наполнилось туманами. Деревья тихо коснулись меня своими вѣтвями, раскачали мою колыбель, нѣжно нашептывая мнѣ на ухо: „не бойся, миленькій, не изсыкнешь, не погибнешь!“

¹⁾ Эти поэмы въ переводѣ А. Хаханова были помѣщены въ газ. „Курьеръ“.

Въ этотъ мигъ осторожный и предусмотрительный днемъ съ склоненными на спину пышными рогами, красавецъ-олень торопливо полетѣлъ ко мнѣ, нагнулся, сталъ выбирать чистыя струи моей водицы и не только утолил свою жажду, но и пресытился.

Тогда только успокоенный, съ радостнымъ трепетомъ въ сердцѣ, я тихо про себя прошептала: „Нѣтъ, я еще не изсякъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя произведенія продиктованы поэту не только его инстинктивной любовью къ природѣ, но также близкимъ знакомствомъ съ ней, продолжительнымъ наблюдениемъ надъ ея разнообразными явлениями. Вращаясь въ горахъ, больше въ сферѣ неодушевленныхъ тварей и безсловесныхъ существъ, поэтъ-горецъ подмѣчаетъ всѣ детали и колориты данной обстановки и, увлекаясь ими бессознательно, вноситъ идеализацію въ сюжеты своихъ оригинально-художественныхъ пьесъ. Впрочемъ, идеализація эта не фантастическая, а естественная, правдоподобная, какъ объ этомъ можно судить какъ изъ выше упомянутыхъ переводовъ, такъ и по одной флористической поэмѣ „Фіалка“. Она весьма характерна для опредѣленія манеры и особенностей творчества Важа-Пшавела.

„Въ глубокую чащу лѣсовъ я забралась. Пока я жива, своею красою буду улаждать лѣсъ, траву и съ той стороны взирающую на меня мшистую скалу. Меня всѣ любятъ: вотъ тотъ сгнившій толстый обрубокъ дерева все время съ меня глазъ не сводитъ, улыбается, рвется ко мнѣ, чтобы расцѣловать меня, но напрасно! Несчастный только издали мнѣ улыбается, засияетъ радостью какъ-то некрасиво, но видно, что по всему его лицу пробѣгаетъ необычайное добродушіе.“

Да развѣ только онъ одинъ радуется моей жизни?!

Даже старыя деревья съ засохшей верхушкой съ высоты любятъ мной, своими оголенными вѣтками еще прикрываютъ меня, оберегая „свою фіалку“ отъ холода и всего неприятнаго. Они не пропускаютъ дождя прямо ко мнѣ: вѣдь, дождь можетъ сорвать съ меня нѣжныя лепестки, а жизнь безъ нихъ для меня смерть. Всѣ наши деревья—береза, букъ, орѣшникъ, бузина—толятся вокругъ меня, сторожатъ меня, удерживаютъ на своихъ вѣтвяхъ и листьяхъ дождевыя капли, а потомъ не спѣша, понемногу окропляютъ и омываютъ мнѣ лицо свѣжими капельками росы. Я вытягиваю шею въ гордомъ сознаниі своей красоты и мысленно проносятся у меня разныя желанія: „о еслибы, думается, Господь послалъ мнѣ даръ пѣсни пѣть, я бы славила въ нихъ небо, облака, солнце и этихъ моихъ хранителей—деревья, горы, роцци и птичекъ, порхающихъ предо мной, среди засохшихъ желтыхъ листьевъ въ своемъ розовенькомъ и зелененькомъ пухе, по временамъ лепечущихъ что-то мнѣ въ лицо, ободряющихъ меня и радующихся моей жизни“.

Жизнь моя хороша, но увя, кратковременна: она длится не болѣе мѣсяца, а между тѣмъ я жажду болѣе продолжительнаго существованія. Сегодня утромъ одна птичка на буковомъ деревѣ что-то напѣвала. Она была прекрасна съ пушистой красной шейкой. Она, какъ я, любовалась

собою, поглядывала на свою красивую грудь и плечи! Да, всѣ гордятся собою, всѣ радуются жизни, всѣ любятъ природу.

Вчера разразилась страшная гроза. Но громъ и молнія насъ не пугаютъ. Громъ вѣдь предвѣстникъ дождя, а дождь насъ кормитъ на груди матери-земли. Солнце—нашъ отецъ—взираетъ съ высоты, грѣетъ, ласкаетъ насъ и заботливо относится къ намъ. Дождь приноситъ растеніямъ только радость: они послѣ него раздѣнутся въ новыя пышныя платья. Вотъ уже два дня, какъ показала моя сестрица „сасутка“¹⁾. Радуетъ она, бѣдная, радуется жизни, киваетъ все время головой то внизъ, то вверхъ, кланяется низко землѣ и лучамъ солнца, то шепчетъ мнѣ что-то на ухо, рассказываетъ сказки о жизни и любви, иногда порывисто засмѣется, протянется ко мнѣ и нѣжно обойметъ. А вотъ вчера утромъ я и сестра моя вмѣстѣ горько плакали.

Какое безжалостное существо человѣкъ! Все, что только онъ видитъ, желаетъ обратить въ свою пользу. Это видно,—онъ не цѣнитъ нашей красоты.... Мимо насъ прошелъ какой-то человѣкъ. На одномъ плечѣ онъ несъ топоръ, а черезъ другое было перекинута ружье.

Выбралъ онъ самый развѣсистый букъ, сталъ наносить ему удары топоромъ и свалилъ его. Несчастный букъ, падая, страшно застоналъ. За нами, мы и не замѣтили, какъ подросла „гугулись-каба“, еще не успѣвшая подняться выше опавшихъ сухихъ листьевъ. Когда подрѣзанный букъ свалился, она сбросила съ себя покрывавшіе ее листья и въ красномъ отливѣ сверкнула на солнце: замѣтно было, что она обливалась слезами въ глубинѣ своего сердца.

Въ полдень утомленный и изнуренный дикій голубь прилетѣлъ, сѣлъ предъ нами на вѣтку вяза и сталъ сладко ворковать, радуясь наступленію и счастью, что вновь видитъ знакомыя мѣста.... Вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ, голубь сразу приумолкъ, сначала повисъ одной ножкой на вѣткѣ, а потомъ палъ на землю предо мною. Хлынула кровь изъ его клюва и струившаяся красная полоса каплей обозначилась на моихъ лепесткахъ. Я и сакутела²⁾ испугались, дрожь пробѣжала по всему тѣлу.

Я ничего не могу слышать, только какой-то глухой ропотъ, издали доносится до меня грустная пѣсня³⁾: увя, какъ несчастна фіалка, выросшая на высотѣ горы—или холодъ ее заморозитъ, или сразитъ ее небесный громъ. Господь послалъ ей жизнь мгновенную. Лишь мигъ красуется ею міръ и вновь фіалка погибаетъ. Застонетъ фіалка: „какъ я несчастна! Коль Господь создалъ меня, зачѣмъ не далъ мнѣ жить подольше?“

Такъ признаніе поэтомъ всеобщей гармоніи въ мірѣ сопровождается неизбѣжнымъ контрастомъ. Красотѣ вселенной сопустствуетъ торжествующая сила смерти и забвенія. Въ этой то антитезѣ кроется сѣмь

¹⁾ Названіе растенія.

²⁾ Названіе растенія, не имѣющееся въ ботаническомъ словарѣ.

³⁾ Переводъ стихи оригинала въ прозѣ.

личной горечи поэта и сочувственный трепет его души за преждевременную гибель горного ручейка, душистой фиалки, застрѣленного голубя и маленькой лани.

Но не одинъ только человѣкъ вноситъ дисгармонію въ художественный строй природы. Въ ней самой отсутствуетъ мирное сожителство и симфонія между отдѣльными стихійными силами и элементами. Съ точки зрѣнія поэта оправдывается или лучше сказать демонстрируется тяжелая борьба за существованіе въ мірѣ флоры и фауны: дерево давитъ нѣжное растеніе, орель похищаетъ зайчика, большая рѣка поглощаетъ горный ручеекъ. Тонкій вкусъ поэта и глубокое знаніе природы проявляется въ подборѣ контрастовъ, въ передачѣ тоновъ, стилиности формъ и въ особенной силѣ настроенія. Грузинскій писатель ни разу не теряетъ подъ собою реальной почвы,—внушая человѣческія мысли неодушевленной твари, онъ не выступаетъ изъ предѣловъ простоты и естественности, не поддается сентиментальности или слащавости. Кому приходилось жить въ гористой мѣстности, тотъ согласится съ поэтомъ, что эти незыблемые гиганты-скалы производятъ впечатлѣніе чудовищъ, окаменѣлыхъ въ выжидательномъ положеніи. Последній рокоть горного ручейка, вливающего свои шумныя струи въ болѣе спокойныя многоводныя волны рѣки, отзывается въ душѣ зрителя погребальнымъ плачемъ предъ открытой могилой. Затерявшаяся среди пышной зелени фиалка, неожиданно мелькнувшая въ глазахъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ своимъ яркимъ сіяніемъ выражаетъ радость, что Господь послалъ ей жизнь, хотя и недолговременную. Словомъ, всѣ темы изывленной природы, воспѣтыя съ чарующей прелестью грузинскимъ поэтомъ, обличаютъ въ немъ не только даровитаго художника, но и пронизательнаго натуралиста.

Талантливой кисти поэта и всепроникающей любви обязаны мы тѣмъ, что скромныя растенія, птички и звѣри заставляютъ насъ любоваться ими, входить въ ихъ тревоги, радоваться ихъ счастью, проникаться невольнымъ къ нимъ сочувствіемъ. Многіе ли знаютъ, что такое „дикій осотъ“, какъ онъ живетъ, какія его отличительныя свойства? Подъ перомъ же Важа-Ишавела мы заинтересованы „жестокой судьбой этой горной травки, выросшей на неприступной скалѣ“. Холодные равнодушныя глыбы камней замѣняютъ ему родителей; приемная его мать, невозмутимая скала часто тяжело вздыхаетъ: должно быть и у нея есть горе. Она смотритъ пристально въ темную пропасть, чего-то какъ будто ищетъ: мысль ея беспредѣльна и сердечное желаніе ея неопредѣленно. Непоколебимо стоитъ она на одномъ мѣстѣ: ея не испугаетъ и свѣжій обвалъ, что съ трескомъ и шумомъ налетаетъ зимой на насъ; какъ вихрь пронесется, пролетитъ внизъ въ пропасть и тамъ вздохнетъ, словно усталъ онъ, утомился. Иногда, говорить осотъ, я замѣчаю, что скала плачетъ: это она оплакиваетъ своихъ дорогихъ дѣтей, погибшихъ отъ бурь и свѣжныхъ заваловъ. Ея дѣти—каменные глыбы, которыя валяются внизу, у подножья скалы, оторванныя отъ груди матери, без-

помощно лежать одна на другой и умоляюще смотрятъ на свою родимую, какъ будто просятъ: „помоги намъ, подними насъ и возьми къ себѣ на грудь, обласкай! Но напрасно ихъ мольбы; бѣдная скала не можетъ спасти своихъ несчастныхъ дѣтей, но не можетъ и оторвать отъ нихъ и своего горестнаго взгляда и горько плачетъ, сознавая свое бессилье. Глядя на нее, и я плачу, говорить осотъ. Тяжело ему жить безъ друзей и близкихъ, не съ кѣмъ дѣлиться терзаніями своей несчастной любви къ Пиримзе¹⁾ (подсолнечнику), растущему на той сторонѣ скалы, на косогорѣ, покрытомъ пестрымъ ковромъ горныхъ цвѣтовъ. Я не могу отвести глазъ на минуту, не могу налюбоваться этой гордой красавицей, изранившей мое бѣдное сердце, она на меня даже взглянуть не хочетъ! Пиримзе тоже страдаетъ отъ любви. Пиримзе возлюбленная солнца. Какими влюбленными глазами смотреть она на него; съ какимъ страстнымъ волненіемъ ждетъ наступленія утра и какимъ печальнымъ взглядомъ провожаетъ она солнце, когда оно исчезаетъ на западъ! „Вчера я была счастлива, продолжаетъ осотъ свой грустный рассказъ,—мнѣ показалось, что моя красавица посмотрѣла на меня. Но нѣтъ, развѣ это можетъ быть? Она чистая, безгрѣшная, а я некрасивый запачканный кровью и пухомъ. Но развѣ я виноватъ, что старый кровожадный орель свилъ себѣ рядомъ со мною гнѣздо... Принеси добычу, орель садится надъ моей головой на огромную глыбу и начинаетъ рвать свою несчастную жертву. Кровь ручьемъ стекаетъ на меня, а солнце спокойно смотритъ и сушитъ на мнѣ эту кровь. Изъ-за этой-то крови Пиримзе не любитъ меня! Съ первыми морозами она скрывается подъ землею. О еслибъ и я могъ исчезнуть вмѣстѣ съ ней! Быть можетъ тамъ, подъ землей кака-нибудь моя частица встрѣтилась бы съ ея частицей, лицомъ къ лицу, и я былъ-бы счастливъ! Весной Пиримзе снова оживаетъ, и съ нею оживаю душой и я. Забываю, что я одинокъ и воображаю себя на томъ склопѣ горы посреди чудныхъ цвѣтовъ, около нѣжно-любимой красавицы и будто шепчу ей: дорогая, какъ ты хороша, какъ ты прекрасна, какъ я люблю тебя!“.. Исчезновеніе зимой цвѣтовъ и гибель куропатки въ костяхъ орла—ему объяснила безстрашная скала—есть смерть. „Какъ тяжело, какъ мучительно должно быть умирать!“, восклицаетъ осотъ и обращается къ силамъ природы сохранить его на безплодной скалѣ. „О ты, солнце, что равнодушно смотришь на все кругомъ сокрой меня, дождь—ороси; высокая, неприступная скала, мать моя,—побереги мои корешки, не выбрасывай меня! Пиримзе, моя возлюбленная красавица, хоть изрѣдка взгляни на меня, осчастливь своей улыбкой бѣдной, дикій осотъ! И ты, горный вѣтерокъ, живительный духъ природы—освѣжи мое разгоряченное сердце. Орель, гордая птица, ради того, что для тебя свято, постарайся не показывать мнѣ, какъ ты безнаказанно проливаешь кровь живыхъ существъ, чтобъ я не слышалъ ихъ стоновъ, такъ какъ эти стоны, какъ бы мои стоны, больные вздохи моей души“.

¹⁾ Буквально „Пиримзе“ значитъ *лицомъ къ солнцу*, такъ какъ лицомъ къ солнцу обращается и слѣдитъ за нимъ глазами, какъ ребенокъ за матерью.

Я привелъ отрывки изъ этой чудной поэмы, исполненной неподдѣльнаго лиризма и сотканнаго изъ чистѣйшихъ струнъ поэтического паюса и благородныхъ порывовъ.

Для полноты характеристики особенностей творчества Важа-Пшавела необходимо познакомиться съ его произведениями изъ міра животныхъ. Я ограничусь лишь нѣсколькими цитатами изъ его „Разказа маленькой сиротки—серны“. Поэтъ описываетъ трогательную судьбу серны, осиротѣвшей черезъ недѣлю по появленіи ея на свѣтъ. Лишенная призора и ласки матери, она бродитъ безцѣльно днемъ, ночуетъ въ камышахъ, гдѣ комары и мошки не даютъ ей покою. Мать ея была подстрѣлена въ злополучную минуту, когда она вышла на лужокъ послѣ дождя. „Прошла гроза. Птицы запѣли хоромъ. Трава и листья лили слезы радости... Слышались сладкіе звуки свирѣли пастуха. Рядомъ съ нимъ сидѣла мохнатая, ужасная собака, она обводила глазами баранту и по временамъ останавливала ласковый взоръ на своемъ хозяинѣ. Солнце наполовину спряталось за вершину горы. Его блѣдные лучи прощались съ вершинами горъ и деревьевъ“. Собака увидѣла лань и бросилась за нею. На этотъ разъ она спаслась, хотя сердце ей предсказывало близкую смерть. Опасно ходить въ это время, — нашъ врагъ ищетъ насъ обыкновенно послѣ дождя, надо посматривать по сторонамъ. Это было послѣднее предупрежденіе моей матери. Вдругъ, какъ громъ раздался выстрѣлъ. Горы и скалы отозвались эхомъ, листья и растенія начали дрожать, дымъ разостлался по мокрой травѣ. Моя мать простонала и упала. Увы! Я застыла на мѣстѣ. Я видѣла, какъ катилась моя мать внизъ головой, оставляя кровавый слѣдъ. Изъ-за березъ выскочилъ молодой парень и побѣжалъ за моей матерью. Бѣдная мать старалась встать, приподымалась было, но колѣни ея снова подкашивались, она падала и продолжала катиться. Я замерла, остолбенѣла, когда ужасный охотникъ вынулъ блестящій кинжалъ и полоснулъ имъ мою мать по шеѣ. Кровь брызнула струей и окрасила деревья. Охъ, все это я видѣла, но чѣмъ могла помочь я, несчастная!.. Вотъ онъ полоснулъ кинжаломъ по груди, по той груди, которую я сосала, взвалилъ тѣло на плечи и ушелъ. Я начала плакать. Сердце заняло. Съ тѣхъ поръ ни жива, ни мертва, я плачу лишь, и въ этомъ мое утѣшеніе. Брожу я и со слезами зываю къ деревьямъ, къ горамъ и скаламъ, плачу надъ водой и травой, но мать не повлечется. Не увижу ужъ болѣе матери, осиротѣла я... И кто знаетъ, кто завладѣетъ мною, кто запятнаетъ руки моей кровью“.

Въ этомъ разказѣ есть еще одна блестящая тирада въ защиту звѣрей въ огражденіе ихъ правъ на существованіе отъ людскихъ покушеній. Тирада вложена въ уста сиротки-серны: „О человѣкъ! почему тебѣ не жалко меня маленькой, почему не даешь мнѣ покоя, чтобы со спокойнымъ сердцемъ свободно я могла ходить, прыгать по этой зеленой травкѣ, взбираться на холмъ и наслаждаться прохладой вечерняго вѣтерка. Я не могу выйти изъ лѣсу. Если и вздумаю выйти на лужокъ, должна держаться ближе къ лѣсу, все время посматривать по сторонамъ, пря-

таться за деревьями, скалами, въ камышахъ и со страхомъ ѣсть пищу, все время я должна быть на ногахъ!..

Въ чѣмъ я провинилась предъ тобою, человѣкъ, скажи, въ чѣмъ? Въ чѣмъ провинилась моя мать? Выпила ли она у тебя что-либо, съѣла ли, что ты убилъ ее и осиротилъ меня, отнявъ у меня мать?! О люди! вы увѣрены въ своей ловкости и силѣ, а до насъ вамъ дѣла нѣтъ... Вы не чувствуете, что и мы любимъ свободу; не чувствуете нашимъ черствымъ сердцемъ, что и мы любимъ жизнь, природу: шелестъ листьевъ, журчанье воды, которое я такъ часто слушаю, волнующуюся траву и веселье съ обитателями лѣса... О, ты, человѣкъ!.. Съ налитыми кровью глазами ищешь ты меня и тысячу другихъ слабыхъ и безпризорныхъ подобно мнѣ... У тебя есть оружіе, ты подкрадываешься, предательски поражаешь насъ и заставляешь разпроститься съ этимъ свѣтомъ“.

Во всѣхъ разказахъ Важа-Пшавела изъ животнаго ¹⁾ и растительнаго міра проходитъ одна общая, весьма ярко выраженная черта. Поэтъ, становясь такъ сказать въ положеніе неодушевленной твари, и безсловеснаго существа, влагаетъ имъ въ уста исповѣдь душевныхъ волненій—радостныхъ и печальныхъ,—сопровождаѣ психологической анализъ ихъ внутренняго міра описаніемъ наиболѣе характерныхъ ихъ вышнихъ отличительныхъ свойствъ. Вѣрность воспроизведенія во всѣхъ деталяхъ вышней описательной стороны горной флоры и фауны сообщаетъ изумительную правдоподобность торжественному гимну жизни или жалобнымъ рѣчамъ, исходящимъ отъ олицетворенныхъ Божіихъ твореній. Колоритности разказовъ Важа-Пшавела въ особенности содѣйствуетъ прекрасное знаніе грузинскаго языка и обладааніе богатымъ лексикономъ, не говоря о безусловно поэтическомъ талантѣ, врожденномъ и наслѣдственномъ. Его произведенія, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, проникнуты при томъ особымъ отпечаткомъ народности, исключаящимъ возможность полной передачи на иностранныхъ языкахъ.

Народность Важа-Пшавела, какъ народность Шевченко, слагается изъ двухъ родственныхъ элементовъ: а) народности вышней, заимствованной и подражанной и б) народности внутренней. Опредѣленіе заимствованныхъ элементовъ не обставлено большими трудностями, такъ какъ въ этихъ видахъ достаточно познакомиться съ этнографическими данными (поэма „Гость и хозяинъ“) и подыскать источники въ народныхъ сказаніяхъ, вѣрованіяхъ, пѣсняхъ, обрядахъ (поэмы: „Разказъ старца“, „Гоготуръ и Аппинда“, „Бахтриопъ“, „Копала“, „Этери“ и др.). Но установленіе психически народныхъ элементовъ представляется задачей неопределимой. Психически народные элементы есть духовный капиталъ, приобретенный поэтомъ благодаря продолжительному пребыванію среди своихъ соплеменниковъ, усвоеніе по наслѣдственной передачѣ особенностей склада мышленія и чувстваванія,

¹⁾ Столь же блестящею колоритностью отличается разказъ *Волкъ*, переведенный и напечатанный А. Хахановымъ въ *Курьеръ*

сообщающихъ всему его творчеству своеобразную окраску. Трудность изучения произведений Важа-Пшавела заключается еще въ томъ, что они рѣдко поддаются опредѣленію, гдѣ въ нихъ кончается народная поэзія и гдѣ начинается личное творчество. Что же касается до литературныхъ влияній, то получается такое впечатлѣніе, что поэзія Важа-Пшавела сложилась безъ историко-литературныхъ традицій, несмотря на нѣкоторую общность направленія поэзіи Р. Д. Эристова и Важа-Пшавела съ братьями—Николаемъ и Теодоромъ. Въ творествѣ Важа-Пшавела чувствуется болѣе мощный духъ, какая-то стихійность привязанности къ горамъ и его обитателямъ.

Одно маленькое его стихотвореніе въ переводѣ Иванъ-да-Марья служитъ прекраснымъ образцомъ непреклонной энергіи поэта, готового вступить въ борьбу съ мощными силами природы.

О гдѣ ты, орелъ мой? Пронзи-же
Мнѣ грудь своимъ клювомъ скорѣй;
Пусть кровь моя хлынетъ изъ сердца
И слезы польютъ изъ очей.

* * *

Измучено сердце, а слезы
Не льются, чтобъ горе стерпѣть,
И нѣтъ никого въ этомъ мѣрѣ,
Кто могъ бы меня пожалѣть!

Минорный тонъ, заканчивающій это стихотвореніе, еще ярче характеризуетъ человѣка съ высокими порывами, лишеннаго силъ для ихъ практическаго примѣненія, въ виду отсутствія сочувствующихъ лицъ. Это-же грустное настроеніе сказывается въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Важа-Пшавела и между прочимъ нашло выраженіе въ отрывкѣ, переведенномъ В. Лебедевымъ изъ исторической его поэмы (Вѣстн. Иностр. Литер., 1899, кн. III).

„Я счастья ждалъ, но зналъ лишь горе въ жизни!
Мнѣ стало тяжело бремя бытія...
Одно, одно въ угрюмой укоризнѣ
Твержу, томясь: „зачѣмъ родился я!“

Зачѣмъ такъ нѣжно нѣсней колыбельной
Въ полночный часъ ласкала мать моя?
Въ холодной тьмѣ лежитъ мой путь безцѣльный,
И я не жду живого блеска дня.

О злые дни! О, гибни въ бурномъ морѣ
Безцѣльной жизни утлая ладья!
Къ чему ты, сердце, бьешься въ жгучемъ горѣ?
Къ чему, къ чему ты длишься жизнь моя?...

Уныніе не составляетъ господствующаго аккорда въ поэзіи Важа-Пшавела. Мужественности и гордости горца, воспитаннаго среди роскошной природы, чуждыныте и апатія пессимистовъ нашего времени. Въ самую горькую минуту жизни, исполненной лишений и страданій, горецъ поражаетъ силой своего духа, находчивостью и рѣшимостью. Эта гордость и непреклонность поэта-горца, вдохновляемаго свѣтлой надеждой на лучшее будущее, проникаетъ главнымъ образомъ его стихотворенія въ нѣмецкомъ переводѣ Артура Лейста *Georgische Dichter. Dresden und Leipzig, 1900*). Поэтъ, между прочимъ, восклицаетъ: „Die Hoffnung ich noch nicht verlier“.

Въ этомъ стихотвореніи Важа-Пшавела слышится отголосокъ воздѣйствія извѣстнаго произведенія талантливаго грузинскаго поэта кн. Н. М. Бараташвили „Легасъ“ (или „Крылатый конь“). Подчиненіе Важа-Пшавела лириѣ, манерѣ и сюжетамъ предшествовавшихъ писателей составляетъ рѣдкое, почти неувомимое явленіе его творческой фантазіи. Все обаяніе и чарующая прелесть его поэзіи заключается въ его неподражаемой самостоятельности и непорушимой цѣльности настроенія, проникающей въ мелкія и крупныя его произведенія. Важа-Пшавела, при пристальномъ изученіи его отчетливаго изображенія виѣшней природы, воспринимаемой нами органами чувствъ, можетъ показаться пѣвцомъ физической красоты, виртуозомъ въ описаніяхъ формъ, колоритовъ, звуковъ и ароматовъ. Но было бы ошибочно думать, что грузинскій поэтъ, это—художникъ въ духѣ французскихъ парнасцевъ, пренебрегающихъ внутреннимъ содержаніемъ и усматривающихъ цѣль искусства въ нѣжной живописной отдѣлкѣ. Напротивъ, Важа-Пшавела полагаетъ центръ творчества въ психическомъ процесѣ, въ душѣ человѣка, способнаго претворять въ себѣ виѣшнія впечатлѣнія въ одно живое цѣлое¹⁾. Онъ связываетъ неразрывными узами человѣка съ природою и только въ ихъ согласномъ симбіозѣ онъ видитъ осуществленіе идеала красоты и добра. Въ этомъ гуманномъ credo автора не слѣдуетъ видѣть какую-то мистическую его вѣру въ тайное родство вещей и склонность рисовать привидѣнія незримыхъ мукъ и наслажденій волшебной природы. Подобная романтическая основа его творчества опредѣленію не поддается. Естественное родство съ природою присуще Важа-Пшавела какъ уроженцу и воспитаннику причудливой поэтической среды. Его конкретное и осязательное пониманіе образовъ виѣшняго міра резульатъ его длительнаго наблюденія, перевоплощеніе же его въ ихъ душу подсказано психологическимъ чутьемъ, изумительно тонкимъ перенесеніемъ свойствъ человѣка въ сферу неодушевленныхъ тварей и безсловесныхъ существъ. Этотъ художественный даръ олицетворять виѣшнія явленія, различать ихъ фізіономіи, слышать ихъ рѣчь и своеобразный тембръ голоса сообщаетъ ему тайну проникновенія въ пѣніе птицъ, въ языкъ звѣрей, смутныя чувства цвѣтовъ.

¹⁾ Одна изъ послѣднихъ его поэмъ, появившаяся въ *Iveria* 1902 г. №№ 87, 88, 89, 90 и 91 подъ заглавіемъ „Несчастный счастливцевъ“, сатируетъ за душевнымъ настроеніемъ героя.

Символистическая оболочка, въ которую облакаются его пьесы изъ неодоушевленнаго міра, нисколько не ослабляетъ неударжимаго восторга предъ талантомъ поэта, знающаго мѣру вещей, тонко рисующаго внутренняго переживанія въ полномъ видимомъ согласіи съ внѣшними воспріятіями. Символизмъ его—не крикливаго тона, нарушающаго такъ сказать естественный ростъ сюжета; онъ незамѣтно вылетѣлъ въ канву произведенія и легко можетъ быть незамѣченъ. Въ этой-то способности реальной передачи внѣшнихъ впечатлѣній и психическихъ осложненій и заключается вѣчная неувидаемая красота, кардинальная свѣжесть творческой палитры грузинскаго поэта. Онъ достигъ съ необычайнымъ успѣхомъ того, что называется слияніемъ природы и искусства въ одинъ идеальный пейзажъ.

Федоръ Разикашвили.

Братъ Луки и Николая Федоръ Разикашвили извѣстенъ своими разсказами, составляющими украшеніе дѣтскихъ журналовъ „Джеджили“ и „Наадули“. Простота изложенія, тонкое знаніе народнаго быта, даръ проникновенія въ міръ животныхъ и птицъ, умѣнье въ нѣсколькихъ штрихахъ набросать своеобразную картину природы—таковы отличительныя черты творчества Ф. Разикашвили. Кромѣ того, онъ является усерднымъ собирателемъ произведеній устной народной поэзіи.

Такъ имъ напечатаны: „Тамазъ-ханъ“ (народ. сказаніе. „Квали“ 1893 г.) „Азатъ-ханъ и Праклій“ (1894) и рядъ другихъ народныхъ пѣсень. Ему же принадлежитъ „Смерть Моисея“, поэма, основанная на библейскомъ сказаніи о жизни прор. Моисея. Исторія Грузіи посвящено стихотвореніе „Гаріела“, легенда о Тамарѣ, „На развалинахъ Мцхета“. (въ Иверіи), „Цискара“, сказка, записанная въ Кахетіи (въ „Джеджили“ 1890 г.) „Пѣсня пахаря“, „Плутни лисы“, „Загадка-басня“, слышанная въ „Карталинѣ“, („Джеджили“) „Дочь солнца“, „Сказка о царѣ восточномъ и западномъ“, „Осель и волкъ“ (нар. пѣсня) „Насѣдка и коршунъ“ (тоже), „Сказка о соловьѣ“, „О несмѣющемся царѣ“, „Наканунъ новаго года“ (легенда), „Разсказъ хвастатао мышенка“ и др.

Бачана (Николай Разикашвили).

Бачана-Разикашвили, сельскій учитель среди горцевъ, выступилъ на литературное поприще въ 1885 г. и обратилъ на себя вниманіе маленькими лирическими стихотвореніями. Талантъ его крѣпокъ и развивался. Въ первый періодъ своей поэтической дѣятельности онъ напечаталъ въ „Дрозба“ стихотв. „Плачь пшавки“, „Пѣсня Грузинки въ плѣну у лезгинъ“, „Дубъ“. Извѣстность ему приобрѣло не напечатанное, но распространившееся стихотвореніе, „Кто сказалъ о Грузіи?“, а затѣмъ

помѣщать свои миниатюрныя, скованныя изъ стали, лирическія пьесы, чудныя по формѣ и содержанію въ „Квали“ (1896 г.), „Иверіи“ (Озеро патрона звѣрей и Таглаури, стихотворенія съ этнографической подкладкой, Пѣсня Напіа; послѣдствіи пѣсни его появились въ „Цнобистъ-Пурцели“.

Юбилейныя годовщины Крцанискаго боя и чествованія кн. Раф. Эрнстова настроили вдохновенную лиру поэта для выраженія добрыхъ чувствъ съ призывомъ къ стойкой борьбѣ за идеалъ и свободу. Стих. „Моему утѣшенію“ (Квали 1894), „Сонъ пшавцевъ“ и „Осужденная гора Казбекъ“ (Гасамартлебули Мкинвари) представляютъ интересъ, помимо художественнаго, еще бытовой.

Въ стихотвореніи *Съ миромъ лети, кукушка*,— предлагаетъ поэтъ ей при перелетѣ надъ Іерусалимомъ разсказать тамъ почивающему Шотѣ Руставели объ упадкѣ грузинскаго народа, плывущаго безцѣльно въ безбрежномъ житейскомъ морѣ и носимаго судьбой безъ надежды на спасеніе. На обратномъ пути онъ ее проситъ захватить тѣкарство противъ общественныхъ недуговъ. Въ прошломъ Грузіи онъ останавливается на величавомъ образѣ царя Ираклія II, а въ произведеніяхъ, касающихся современной жизни, иногда чувствуется дидактизмъ. Арт. Лейстъ перевелъ три его стихотворенія на нѣмецкій языкъ: *Abendmārung im Gebirge, An die Eiche, Lied einer von den Lesgiern gefangenen Georgierin*.

Кн. Анастасія Георгіевна Эрнстова.

Кн. Анастасія Эрнстова, ученица Ломаури, супруга писателя Дуту Мегрели—Хоштарія, привлекла вниманіе читателей романомъ „На скольскомъ пути“ необычайныхъ въ грузинской литературѣ размѣровъ въ 412 стр. Романистка съ широкимъ размахомъ захватила жизнь грузинскаго общества съ его традиціонными переживаніями и зарождающимися явленіями. Въ романѣ отразились отцы стараго поколѣнія,—феодалы съ беззаботнымъ прозябаніемъ, и юные типы съ высшимъ образованіемъ, мечтающіе о новомъ строѣ. Сюжетъ сосредоточенъ на семейной хроникѣ богатаго карталинскаго князя Сардіонишвили. Онъ служилъ живымъ воплощеніемъ стариннаго аристократа—хлѣбосола, щедрого и гостепріимнаго. Лѣто онъ проводитъ въ деревнѣ, зиму въ Тифлисѣ. У него два сына и двѣ дочери: Титико и Окро, Макине и Гано. Сыновья учатся въ гимназіи, а дочери въ институтѣ. Титико и Гано заканчиваютъ свое образованіе; первый женится на разумной и бережливой дворянкѣ Анико, вопреки слѣсивымъ возрѣніямъ своихъ родителей. По ихъ мнѣнію кровь смертныхъ бываетъ трехъ цвѣтовъ и достоинствъ: ярко-краснаго цвѣта съ благовоннымъ запахомъ у князя, блѣдно-краснаго цвѣта безъ аромата у дворянина и чернаго цвѣта съ вошью у крестьянина. Эту легендарную градацію оттѣнковъ и запаха крови признаетъ и княжна Макине, красавица, съ институтскимъ образованіемъ. Она не-

годуетъ на брата за его неравный бракъ съ дворянкой и сама выходитъ замужъ за знатнаго чиновника почтенныхъ лѣтъ, обладающаго огромнымъ имѣніемъ, съ солиднымъ окладомъ. Кн. Макрине живетъ роскошно, задаетъ балы, обѣды, окружена поклонниками, располагаетъ въ свое удовольствіе экипажами и наслаждается дачными экскурсіями. Книжна Гано вышла за кн. Ростомъ, современнаго бездѣльника Луарсаба Таткаридзе и спокойно продаетъ въ деревнѣ отцовское достояніе, пока оно хватаетъ. Одинъ Окро стремится къ чему-то новому. Онъ по окончаніи гимназіи и университета въ Россіи, ѣдетъ въ Германію и возвращается чрезъ два года, когда родители его нѣтъ уже въ живыхъ и имѣніемъ управляетъ братъ его, трудолюбивый Титико съ достойной супругой. Макрине за это время успѣла спустить все состояніе мужа, заняла у Титико 5000 руб. и, не получивъ новой ссуды, разорилась съ нимъ. Окро—„ей добрый братъ“ долженъ ее выручить изъ бѣды. Она мечтаетъ женить его на богатой невѣстѣ и тѣмъ приискать себѣ новый источникъ жизни. Лѣтомъ Макрине съ неразлучнымъ братомъ призываютъ въ деревню къ Титико. Здѣсь ихъ ожидаютъ торжественныя обѣды, пѣніе, веселіе. Не мало дѣвицъ вздыхаетъ по Окро, но онъ откладываетъ мысль о женитьбѣ,—желаетъ заняться сначала приведеніемъ въ порядокъ своего хозяйства. Но судьба его неожиданно сложилась въ деревнѣ у Титико. Онъ познакомился съ княжной Кетиной, бѣдной дѣвушкой, но талантливой, жаждущей знаний и развитія, скучающей въ деревенской глуши среди бездѣльныхъ князей.

Страстью къ ней давно уже горитъ молодой и богатый князь Палико, но Кетиню не сочувствуютъ ему и только идеалистически настроенный Окро плѣняетъ ее ливинное, пылкое сердце. Окро ею очарованъ. Они расстаются съ клятвой въ вѣчной любви, съ твердой вѣрой, что будутъ переписываться и дѣлиться мыслями. Макрине однако не дремлетъ и принимаетъ всѣ мѣры, чтобы разстроить ихъ бракъ. Кетиню получаетъ отъ Окро подметное письмо, съ отказомъ отъ даннаго слова. Убитая горемъ Кетиню захала и слегла. Вмѣстѣ съ нею страдаетъ ей безумный поклонникъ Палико. Окро также доставляютъ въ Тифлисъ письмо отъ Кетиной, извѣщающей, что она будто выходитъ замужъ за Палико. Окро въ отчаяніи, сердечное его горе усугубляется тѣмъ, что имѣніе его продано за долги. Макрине потеряла мужа и приютилась у „дорогого брата“, поступившаго для пропитанія на государственную службу. Кетиню же винетъ все больше, она не можетъ перенести измѣны Окро. А неизмѣнный другъ ея Палико умоляетъ ее съѣздить за границу не только для развлечения, но еще въ виду развитія ея таланта, обнаруживающагося въ живописи. Кетиню цѣнитъ преданность своего пламеннаго друга, готова протянуть ему руку, но сердце все еще ноетъ объ Окро. Ее склоняютъ къ заключенію брачныхъ узъ съ Палико, котораго она жалѣетъ и считаетъ достойнымъ болѣе лучшей участи, чѣмъ то, что можетъ дать ей истерзанная душа. Мечта Палико осуществляется. Кетиню соглашается быть его женою. Послѣ свадьбы отправляется онъ съ престелной

Кетиной за границу и возвращается съ двумя дѣтьми черезъ два года въ то время, когда умираетъ Окро. На смертномъ одрѣ онъ все еще грезитъ о минувшемъ счастіи, съ его устъ не сходитъ имя его незабвенной Кетино. Макрине терзается угрызениемъ совѣсти при видѣ угасающаго брата, жертвы ея интригъ. Умирающаго Окро поощаетъ Кетиню и обнаруживается, что Кетиню никогда не писала ему „злполучнаго письма“. Макрине не въ состояніи болѣе скрывать. Ея исповѣдь переполняетъ чашу страданій Окро и онъ испускаетъ духъ. Въ сердцѣ Кетино вновь просыпается чувство мучительной къ нему любви, она заболѣваетъ и отъ чахотки погибаетъ. Палико въ моментъ ея смерти хватается за револьверъ и только появленіе въ комнатѣ ребенка, такъ похожаго на Кетиню, побуждаетъ его оставить мысль о самоубійствѣ и воспитаніемъ ребенка увѣковѣчить имя своей небесной Кетино. Образъ Кетино такъ живо и нѣжно нарисованъ, столько въ ней духовной красоты и женской обаятельности, въ ея судьбѣ столько драматизма, что съ ней могутъ быть смѣло сопоставлены Лиза изъ пов. „Дворянское гнѣздо“ и Патапа изъ романа „Война и Миръ“. Для полнаго совпаденія съ Лизой ей не достаетъ твердости воли, чтобы уклониться рѣшительно отъ брака съ Палико. Окро же остался человѣкомъ съ благими намѣреніями, неспособнымъ освободиться отъ пути, наложенныхъ сестрой и выступить открыто на общественное поприще. Онъ предшественникъ настоящихъ дѣятелей съ солиднымъ образованіемъ и съ честными побужденіями.

Ан. Эрнстова не менѣе близко знакома съ простонародной жизнью. Сюжетъ ея сентиментальной повѣсти *Очагъ* заимствованъ ей изъ этой сферы. Марѳа, дочь состоятельнаго крестьянина, любитъ сироту-бѣдняка Симона. Бракъ ихъ неравный, нечего думать о согласеніи родителей Марѳы, для которой уже сваха приписываетъ приличествующаго ей жениха. Его находятъ въ лицѣ горожанина Сандро, очерченнаго авторомъ очень блѣдно. Наканунѣ сговора Марѳа съ своимъ возлюбленнымъ Симонѣмъ бѣжитъ въ деревню послѣдняго и, обвѣчавшись съ нимъ, поселяется въ его наследственной убогой лачужкѣ. Мать предаетъ забвенію свою дочь и вспоминаетъ ее только послѣ того, какъ Симонъ погибъ трагически въ горахъ, и Марѳа осталась съ маленькимъ мальчикомъ, единственнымъ продолжателемъ отцовскаго рода, хранителемъ „очага“. Идея свободной любви въ крестьянской средѣ не впервые разрабатывается въ грузинской беллетристикѣ, но книжный языкъ и кокетливая рѣчь Марѳы не соответствуетъ характерамъ изображаемыхъ народныхъ типовъ.

Яркія сцены изъ народной жизни Ан. Эрнстова дала въ очеркѣ „Коммиссія“, посвященномъ неурядицамъ, спорамъ и состязаніямъ при мѣжеваніи, этомъ источникѣ всевозможныхъ волненій и несчастій грузинскаго народа, какъ обѣднѣвшихъ князей (Ласона), такъ и многосемейныхъ крестьянъ (Ниника, Зурабъ).

Повѣсть ея „*Господа не забраковали*“ („Квали“ 1893) и *Лазарь пересолил* въ („Моамбѣ“) представляютъ этнографическій интересъ. Опытъ

психологического анализа она сдѣлала въ разсказѣ: *Нѣтъ другого исхода* („Квали“ 1896, № 10) и обработала осетинскую легенду въ разсказѣ *Да исполнится воля Божья*.

Яковъ Свимоновичъ Гогешавили.

Одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей не только въ специально педагогической области, и но въ публицистическо-литературной, Як. С. Гогешавили занимаетъ видное мѣсто въ исторіи самопознанія грузинскаго народа. Онъ родился 15 окт. 1840 г. въ Карталиніи, въ дер. Варіани (отсюда его псевдонимъ Варіанели). Отецъ его былъ священникъ, мать урожденная Калмахелидзе принадлежала къ фамиліи, переселившейся изъ Верхней Имеретіи. Девяти лѣтъ онъ поступилъ въ Тифлисское духовное училище. По окончаніи здѣсь курса, равно и въ Тифлисской духовной семинаріи (1861 г.) первымъ ученикомъ, на казенный счетъ онъ былъ отправленъ въ Кіевскую духовную академію. Черезъ два года по болѣзни онъ покинулъ Кіевъ и былъ назначенъ инспекторомъ Владикавказскаго духовнаго училища. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ пріѣхать въ Владикавказъ, училище было закрыто, и Гогешавили былъ переведенъ въ Тифлисское духовное училище преподавателемъ географіи. Затѣмъ состоялъ преподавателемъ словесности въ Тифлисской духовной семинаріи и, наконецъ, былъ избранъ и утвержденъ смотрителемъ тифлискаго духовнаго училища. По отзыву (1872 г.) синодскаго ревизора Зинченко, Як. С. Гогешавили прекрасный преподаватель и отличный администраторъ. Онъ преодолѣлъ всѣ педагогическія затрудненія, связанныя съ слабой подготовленностью дѣтей (изъ грузинъ и другихъ народностей Кавказа), при вступленіи своемъ въ школу не понимающихъ по-русски, и съ частыми перемѣнами наставниковъ, и достигъ того, что правильные учебные порядки и рациональные приемы преподаванія установились въ его училищѣ (какъ и въ Кутаисскомъ училищѣ, руководимомъ смотрителемъ Каландарашвили). Черезъ два года послѣ этой лестной аттестаціи Як. С., будучи обвиненъ въ насажденіи среди учащихся либерализма, былъ вынужденъ оставить службу и посвятить себя педагогическо-общественной дѣятельности. Онъ принялъ участіе во всѣхъ зарождающихся просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Онъ былъ учредителемъ общества распространенія грамотности среди грузинъ и состоялъ членомъ его комитета въ теченіе 20 лѣтъ. Входилъ также въ комитетъ по организаціи тифлисской дворянской школы. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1865 г. съ грузинскимъ букваремъ и книгой для первоначальнаго чтенія. По истеченіи двухъ лѣтъ онъ измѣнилъ систему своего изложенія: вмѣсто аналитическаго метода ввелъ синтетическій и удѣлилъ мѣсто произведеніямъ народной словесности. Въ 1868 г. издалъ въ первое *Бунешисъ-Кари* (Ключъ къ природѣ) со всѣми тѣми отдѣлами, какіе онъ сохранилъ въ послѣдовавшихъ изданіяхъ: не было еще только историческаго

отдѣла. Въ 1876 г. напечаталъ *Дѣда-эна* (Родной языкъ), учебникъ, построенный по аналитико-синтетическому методу, впоследствии издалъ Кокори (Бутопи), *Азбуку*, *Акидо* или сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, *Кунцула* (Пучокъ), сборникъ разсказовъ европейскихъ и русскихъ писателей для дѣтей старшаго возраста, *Хомли* (канделябрь, сборникъ стих.) съ книжкой для чтенія въ семьѣ, а въ 1888 г. напечаталъ *Русское Слово* съ методикой для преподавателей; впоследствии оно вышло въ 2 частяхъ. *Дѣдаэна*, *Русское слово* и *Бунешисъ-Кари*, лучшіе учебники, составленные по цѣлесообразному плану. На нихъ воспитывается грузинская учащаяся молодежь въ теченіе болѣе 30 лѣтъ. Въ грузинской и русской прессѣ Як. С. принималъ всегда дѣятельное участіе какъ по вопросамъ педагогическимъ, такъ и публицистическимъ и историко-литературнымъ. Въ газ. „Дрозба“ помѣстилъ обзоръ состоянія Соединенныхъ Штатовъ по смерти Линкольна. Въ журн. *Иверія* онъ помѣстилъ историческую работу: *Чѣмъ мы были вчера?* Въ *Иверіи* же, преобразованной въ газету онъ помѣстилъ *Коренное заблужденіе*.

Въ русской газетѣ *Тифлис. Вѣстникъ* онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ (1876—1880 гг.). Онъ здѣсь, между прочимъ, напечаталъ: 1) Къ проекту о безсловесныхъ учителяхъ, 2) О полномъ безплодіи школъ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, 3) О преподаваніи грузинскаго языка въ городскихъ училищахъ, 4) О мѣрахъ къ увеличенію числа грузинъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 5) О заселеніи Абхазіи мингрельскимъ племенемъ, 6) Печальное положеніе Тифлисской духовной семинаріи. Помѣщалъ статьи въ тифлисскихъ газетахъ *Новомъ Обзор. и Возрожденіи*, а также въ столичныхъ изданіяхъ *Голосъ, Современ. Извѣстія, С.-Петербург. Вѣдомости* (въ послѣднихъ статьи: „Несправедливое обвиненіе“ въ защиту церковно-приходскихъ школъ и „Къ вопросу о мингрельской школѣ“). Во всѣхъ своихъ работахъ Як. С. являлся смѣлымъ борцомъ, воодушевленнымъ идеей служенія научной педагогической правдѣ. Онъ возвышалъ неоднократно авторитетный голосъ, когда въ немъ нуждалась грузинская церковь, школа, народность.

Изъ историко-литературныхъ его работъ особенно извѣстностью пользуются: „Правда о Тифлисѣ“, „Царь Ираклій и ингилойка“, „Аспиндзскій бой“, „Икона ли причина или тоска по родицѣ“, „Что сдѣлала колыбельная пѣсня?“ (разсказъ для дѣтей). Съ большимъ знаніемъ дѣла написаны имъ работы „Какъ улучшить кавказскую народную школу“, Къ вопросу о поднятій образованія среди грузинъ, и „Государственный языкъ въ грузинскихъ начальныхъ школахъ“. Нужно упомянуть еще его сочиненія педагогическаго содержанія: „Нормальное письмо“ (преимущество прямого письма) и „Разборъ учебниковъ по русскому языку“.

Видную роль въ общественной жизни Грузіи сыгралъ *Ник. З. Цаветадзе* (род. въ 1845 г.). Образованіе онъ получилъ въ Тифлис. семинаріи и Московской духовной академіи. Состоялъ 27 лѣтъ преподавателемъ исторіи въ Закавказскомъ дѣвичьемъ институтѣ. Сблизившись съ И. Чавчавадзе

и Д. Кипиани, онъ принялъ энергичное участіе въ организаціи и въ дѣятельности общества распространенія грамотности среди грузинъ. Онъ извѣстенъ историко-публицистическими статьями въ журналахъ и газетахъ. Ему принадлежатъ слѣд. работы: *Сношенія Грузіи съ Россіей, Образованность и сельское хозяйство въ Грузіи, путевыя записки по Европѣ и др.*

Представители доктрины экономического материализма.

Три фазиса въ общественномъ развитіи, соотвѣтственно съ движеніемъ литературы, характеризуются тремя терминами, водворившимися въ грузинской прессѣ: терк-далеули, или пившіе воды изъ Терека, босая команда—или пародники и хонские¹⁾ философы или марксисты. Первая кличка утвердилась въ 60-хъ г. за юношами, перешагнувшими чрезъ р. Терекъ. Они вернулись изъ русскихъ университетовъ съ новыми идеями, вторые зародились около 80-хъ гг. и группировались вокругъ семинаристовъ, поставившихъ себѣ цѣлью служеніе простому народу (журн. *Имеди*), третьи связали свое имя съ 90-хъ гг. съ социалистическимъ движеніемъ (журн. „Квали“).

За поколѣніемъ 60-хъ гг. съ ближайшими преемниками—А. Казбекъ, Ек. Габашивили, Разикашвили, создавшими блестящій расцвѣтъ литературы, явились писатели социаль-демократическаго направленія, вступившіе въ конфликтъ съ „отцами“. Въ то время какъ первые сѣтуютъ на отсутствіе національной школы, способной дать разумное воспитаніе, согласное съ началами педагогики, добиваются автономіи и автокефаліи церкви и допущенія родного языка въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, вторые равнодушно относятся къ этимъ вопросамъ, поставивъ своей задачей разрѣшеніе социально-экономическихъ отношеній. Только въ самое послѣднее время вступились они (въ газ. *Заря*) за права родного языка въ школахъ, въ мѣстныхъ судахъ и въ самоуправленіи. Въ противоположность автономистамъ, они удовлетворяются мѣстнымъ широкимъ самоуправленіемъ, церковь-же они игнорируютъ. Съ 60-хъ гг. патриоты тужатъ, что современная Грузія сбилась съ своей колеи. Языкъ искажается и забывается въ семьѣ, воспитывающей дѣтей на русской ладъ, женщины и матери, опора древней славы отчизны, увлекаются лишь танцами, маскарадами, модами и совершенно безучастны къ судьбѣ родины. Онѣ не воспитываютъ достойныхъ сыновъ, изломанныхъ въ добавокъ русской школой, страстныхъ до чиновъ и до теплыхъ мѣстечекъ, незнакомыхъ ни съ исторіей, ни съ литературой грузинской. Расхищается національная сокровищница: вытѣсняется языкъ, разрушаются величавые памятники старины, забывается національная музыка и пѣніе, затирается народная идея, бѣднѣетъ

¹⁾ По мѣстечку Хони, откуда вышли видные социаль-демократы: Александръ Цулукидзе и др.

дворянство, коснѣетъ въ невѣжествѣ и нищетѣ крестьянство, ибѣтъ настоящихъ безкорыстныхъ дѣятелей среди дипломированной молодежи. Вотъ какая мрачная картина рисуется патриотами.

Социаль-демократы также недовольны настоящимъ, однако видятъ съ вѣрою на будущее. Но предстоящее возрожденіе и преуслѣбіе, по ихъ мнѣнію, не будетъ носить національной окраски. Все, что принимаетъ народный колоритъ, они готовы обозвать буржуазнымъ строемъ, буржуазнымъ идеаломъ. Грузинскій народъ, утративъ свой обособленный укладъ, войдетъ какъ равноправный членъ въ составъ проектируемаго социалистическаго государства. Грузинскій пролетарій не имѣетъ никакихъ специальныхъ интересовъ, отличныхъ отъ задачъ пролетарія русскаго и польскаго. Патриоты желали-бы сохранить національный языкъ, социалисты же до послѣдняго времени считали упраздненіе его возможнымъ и даже нужнымъ. Первые огорчаются, что грузинскіе интеллигенты лишены національнаго самосознанія, вторые настаиваютъ на устраненіи всѣхъ особенностей историческаго начала. Первые продолжаютъ дѣло П. Чавчавадзе, вторые считаютъ своимъ родоначальникомъ Н. Жорданія; вотъ почему главною мишенью для борьбы грузинскіе марксисты объявили дѣятельность кн. Чавчавадзе и неоднократно его подвергали безпощадной критикѣ. Н. Жорданія и Ф. Махарадзе оспариваютъ его литературныя и общественныя заслуги и не менѣе суровому осужденію приговорили за его банковскую дѣятельность. Банкъ съ его публичными засѣданіями сыгралъ огромную роль какъ въ пробужденіи общественныхъ интересовъ, такъ и въ группировкѣ партій, перенесшихъ полемику и въ область литературы, слабо впрочемъ, связанную съ финансовыми операціями.

Появленіе „Квали“ въ 1893 г. и „Моамбѣ“ въ 1894 г. знаменуетъ зарожденіе новыхъ вопросовъ въ грузинской печати. Съ 1890 гг. въ грузинской прессѣ затрогиваются вопросы, которыя прежде были ей чужды. Вопросы, эти касающіеся социальнаго строя, давно занимали умы европейскихъ публицистовъ, но въ грузинской журналистикѣ только разъ въ 1882 г. г-номъ Майшвили были подняты въ „Иверіи“, но остались словомъ, брошеннымъ на неподготовленную почву. Отголоски западнаго движенія, вызваннаго капиталистическимъ строемъ, побудили русскихъ писателей 60-хъ гг. заняться изученіемъ и улучшеніемъ экономическаго быта страны, и чрезъ посредство русскихъ экономистовъ воспиталось новое поколѣніе грузинскихъ дѣятелей.

Вопросъ о томъ, неизбежно ли для Россіи капиталистическое производство, породилъ два направленія въ русской прессѣ: въ одномъ лагерѣ оказались *марксисты*, сторонники взглядовъ универсальности капиталистическаго строя, а въ другой лагерѣ вошли *народники*, отрицающіе возможность его водворенія въ Россіи. Въ Грузіи эти же два направленія материализма при первомъ появленіи статей въ духѣ экономическаго материализма. Положеніе Маркса и Энгельса, выставленное въ знаменитомъ „коммунистическомъ манифестѣ“ и выраженное въ словахъ: „Исторія всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ есть исторія

борьбы классовъ“, было усвоено грузинскими марсистами и проводилось настойчиво прежде въ „Квали“, затѣмъ въ „Могзаурі“. Вся совокупность отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуютъ извѣстныя формы общественного сознанія. Правовыя отношенія, равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собою, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Исторія не должна заниматься психическими дѣйствіями въ ея социальной формѣ; она должна заниматься объясненіемъ политическихъ и юридическихъ движеній, равно какъ движеній философскихъ, религіозныхъ и литературныхъ, и объяснять ихъ изъ экономической основы. Таковы основныя воззрѣнія представителей экономического (или діалектическаго) матеріализма. Въ грузинской прессѣ первыми проповѣдниками экономического матеріализма явились Н. Жорданія и Джибладзе. Статьи Н. Жорданія „Экономическое преуспѣяніе и народность“ (Моамбэ, 1894 г. № IV—VI) составили эпоху въ грузинской прессѣ. Авторъ формулируетъ свою работу въ слѣд. выводахъ. Современное развитіе Грузіи слагается изъ двухъ тѣсно слитыхъ элементовъ: экономического объединенія разныхъ частей Грузіи и раздробленія грузинскаго народа въ матеріальномъ отношеніи. Оба эти процесса совершаются благодаря промышленности, капиталу. Наша жизнь, содержание которой прежде составляли сословныя и патріархально-идеальныя отношенія, вступила нынѣ на путь европеизаціи. Путь этотъ—дробленіе народа по имущественному состоянію и фактическое упраздненіе сословій. Такъ разрушается старинный идеальный укладъ и мѣсто его занимаетъ холодный буржуазный расчетъ.

Грузинская жизнь не такова, какой была лѣтъ 40 тому назадъ, говоритъ социаль-демократъ Гомартели ¹⁾. Въ 60-хъ годахъ центромъ грузинской жизни явилась деревня, хозяйство было натуральное, вся сила и значеніе находились въ рукахъ грузинской аристократіи, могущество которой опиралось на частную земельную собственность. Уничтоженіе крѣпостного ига ускорило въ Грузіи появленіе капитализма, благодаря увеличенію свободныхъ рукъ, но не создало его. Капитализмъ, появившись еще въ 70-хъ годахъ въ Грузіи, дѣлалъ свою работу, и въ настоящее время работа эта въ самомъ разгарѣ. Картина грузинской жизни теперь уже иная: центръ тяжести изъ деревни перемѣстился въ городъ, натуральное хозяйство уступило мѣсто денежному, представители землевладѣльческихъ интересовъ находятся въ предсмертной агоніи. Возникли съ одной стороны грузинская буржуазія, съ другой грузинскій чернорабочій. Конечно, эти новые классы далеко еще не имѣютъ опредѣленной фizioноміи, они пока находятся въ процессѣ развитія, но окончательное ихъ сформированіе—только вопросъ времени. И такъ, грузинская буржуазія несмѣлыми шагами выступила на

¹⁾ См. статьи его въ *Квали*, *Иверіи* и *Нов. Обзорнѣи*.

жизненную арену. На этой аренѣ встрѣтились съ нею соперниками русскіе, иностранцы и армяне, но изъ нихъ самой сильной соперницей надо считать армянскую буржуазію. Такъ какъ слабая грузинская буржуазія не могла сравниться съ армянской, то непріязненное отношеніе никогда не переходило въ открытую вражду; въ будущемъ же непріязненное отношеніе будетъ постепенно сглаживаться, такъ какъ развитіе капиталистическаго строя порождаетъ общность интересовъ между той и другой буржуазіей и заставляетъ ихъ объединиться точно такъ же, какъ уже на нашихъ глазахъ объединяются грузинскій и армянскій простолюдинъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ грузинскихъ публицистовъ того мнѣнія, что „національная вражда“ одной части грузинской прессы и грузинскаго общества есть отраженіе экономической борьбы между буржуазіями двухъ націй. Въ этой іереміадѣ, по мнѣнію г. Гомартели, нужно видѣть отраженіе классовой вражды грузинскихъ феодаловъ къ армянамъ-ростовщикамъ.

До второй половины XIX столѣтія грузинская феодальная аристократія нисколько не относилась къ армянамъ враждебно. До XIX столѣтія эта аристократія жила постоянно въ деревнѣ; тамъ жизнь была несложная, простая, что обуславливало несложность потребностей феодала; для удовлетворенія потребностей у грузинскаго феодала все было дома въ изобиліи, покупать мало что приходилось и въ деньгахъ онъ совершенно не нуждался. Съ начала XIX столѣтія грузинскій феодалъ познакомился съ ви́шней стороной европейской жизни, у него вкусъ сталъ развиваться, потребности начали расширяться. У него появилось желаніе, если не жить въ городѣ, то, по крайней мѣрѣ, приѣзжать часто туда, обставлять свой домъ по-европейски, какъ можно роскошнѣе, ходить на балы и вечера, ѣздить за границу и пр.—все это вызывало потребность въ деньгахъ, а у грузинскаго феодала все было, кромѣ денегъ. Отсюда и возникло начало задолженности грузинской аристократіи. Это явленіе литературнымъ достояніемъ впервые становится въ комедіяхъ г. Эристова въ 50-хъ годахъ, но тогда грузинская аристократія еще не относилась къ армянскимъ торговцамъ ¹⁾ съ ненавистью. Аристократія брала деньги въ долгъ и тратила ихъ непронзвольно, вслѣдствіе чего часть недвижимой собственности, единственнаго богатства грузинской аристократіи, стала переходить въ руки армянскихъ торговцевъ. Освобожденіе крестьянъ, возникновеніе капитализма и земельный банкъ ускорили шествіе грузинскихъ землевладѣльцевъ по наклонной плоскости. Это паденіе ускорили какъ армянскіе торговцы-кулаки, такъ и грузинскій земельный банкъ, но только ускорили, а не вызвали его. Грузинскіе феодалы все-таки должны были роковымъ образомъ обѣднѣть, не потому, что они грузины, а потому, что они феодалы, дѣтнице натуральнаго хозяйства. Съ паденіемъ натуральнаго хозяйства и возникновеніемъ капиталистическаго

¹⁾ Среди этихъ торговцевъ было очень много кулаковъ, которые всячески обирали грузинскую аристократію, замѣчаетъ Ив. Гомартели

должна была пасть и феодальная аристократія, уступивъ мѣсто и роль денежной аристократіи,—таковъ историческій процессъ; въ самомъ установленіи факта національнаго антагонизма между грузинами и армянами писатели расходятся. По мнѣнію г. Гомартели, національнаго антагонизма, въ настоящемъ смыслѣ слова, не существуетъ между этими двумя сосѣдними-народами. То, что называютъ національнымъ антагонизмомъ, не болѣе, какъ экономическій антагонизмъ между богатѣющею консервативною частью армянской буржуазіи и отживающими свой вѣкъ, разоряющимися грузинскими феодалами.

По мнѣнію же г. Джорджадзе (въ газ. *Цнобисъ-Пурцели*) между грузинами и армянами существуетъ національный антагонизмъ, и онъ совпадаетъ съ экономическимъ антагонизмомъ. Армяне экономически сильны и уже по этому одному они опасны для національнаго существованія грузинъ. Даже армянскіе переселенцы и рабочіе причиняютъ ущербъ національнымъ интересамъ грузинъ; первые занимаютъ территорию и тѣмъ стѣсняютъ грузинскихъ крестьянъ, вторые (рабочіе), при своихъ ограниченныхъ потребностяхъ, довольствуются ничтожною рабочею платою и создаютъ опасную конкуренцію грузинскимъ рабочимъ. Въ изысканной литературѣ эта вражда выразилась между прочимъ въ повѣсти „Навардоба“ Меланія и въ произведеніяхъ Махчанели.

Национальный и социальный вопросъ, составляющій основу нашего развитія, теряетъ свое значеніе. По мнѣнію Джибладзе, современное теченіе экономической жизни перекинуло мостъ чрезъ пропасть, отдѣляющую дворянство и крестьянство, наложило общее ярмо и, упразднивъ прежнія крѣпостническія отношенія, водворило новое постыдное рабство: новый нашъ господинъ—капиталъ, предъ которымъ преклоняютъ колѣна прежній помѣщикъ и его крѣпостной; сложилось новыхъ два класса—рабочихъ и капиталистовъ. Оставаясь ортодоксальными марксистами, грузинскіе дасисты мечтаютъ объ обѣдненіи мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ и обращеніи ихъ въ рабочій пролетаріатъ.

„Дасисты“ или марксисты вначалѣ не встрѣтили сочувствія въ грузинскомъ обществѣ. Къ нимъ, болышею частію не обладающимъ дипломами, безъ высшаго образованія, главари прессы отнеслись съ пренебреженіемъ и взирали съ снисходительной улыбкой съ высотъ своего Олимпа. Но нѣтъ сомнѣнія, что дасисты внесли новую струю въ грузинскую журналистику, прорыли новое русло для водворенія европейскихъ идеаловъ и внесли свою лепту въ пробужденіе грузинскаго народа. *Иверія* (впослѣдствіи „*Цнобисъ-Пурцели*“) расходилась во всѣхъ пунктахъ съ направленіемъ дасистовъ и ихъ органа *Квали*. Первая отстаивала сельско-хозяйственныя основы жизни и предлагала дворянскую школу превратить въ спеціально агрономическую, писала статьи о винодѣліи и пользѣ депо—касѣ для поднятія экономическаго быта грузинъ, а въ интересахъ духовнаго развитія она защищала читальни въ селахъ. Дасисты вдохновлялись совершенно иными мечтаніями, связанными съ городомъ, фабрикой, рабочей организаціей.

Съ 1893 г. *Квали* собралъ у себя оппозиціонные *Иверія* элементы¹⁾. Онъ отстаивалъ идею преобразованія дворянской-школы въ гимназію, велъ отчаянную борьбу за новыя (ведущія начало отъ „Дрозбы“) грамматическія формы,—не всегда впрочемъ правильныя,—и выдвинулъ важность экономическаго фактора въ общественномъ развитіи. Эпоха 60-хъ гг. поставила два вопроса, по мнѣнію П. Жорданія (*Квали*, 1896, № 18): отбѣна крѣпостнаго права и защита роднаго языка. Перваго вопроса уже не существуетъ, второй расчлѣняется на два пункта: экономическое развитіе цѣлаго народа и экономическое развитіе каждаго класса порознь: первый пунктъ задача національная, культурная, а второй—классовая, сословная. Прогрессъ обусловливается борьбой классовъ. Буржуазія отрицаетъ патріархально-феодалныя отношенія и устанавливаетъ буржуазный строй, рабочій же народъ отвергаетъ буржуазный укладъ и утверждаетъ коллективный. Вотъ эти два вопроса должны лечь въ основу общественной дѣятельности въ настоящемъ и стать продолженіемъ движенія 60-хъ годовъ. Съ этой точки зрѣнія для „дасистовъ“ въ *Квали* нѣтъ обособленныхъ чисто національныхъ интересовъ, по этому они своеобразно понимаютъ и вопросъ объ армяно-грузинскихъ отношеніяхъ.

Моамбе въ 1894 г. также примкнулъ къ *Квали* къ той части его программы, которая отбѣняла экономическую борьбу племенъ на аренѣ производствъ и считала необходимымъ для грузинъ, сверхъ земледѣлія, обратить свою энергію на торговлю и промышленность. Такъ зарождаются новые вопросы въ грузинской публицистикѣ. Впервые *Квали* выдвинулъ вопросы экономическіе и указалъ на зарожденіе въ Грузіи капиталистическаго производства. Эта тенденція *Квали* вызвала отпоръ со стороны *На-ли* въ „*Моамбе*“ и *Лали* въ „*Иверія*“. Вопросъ о національности также получаетъ новое освѣщеніе у дасистовъ, настаивающихъ на союзѣ грузинъ съ армянами. Армяно-грузинская борьба объясняется ими лишь на экономической почвѣ. Не настаиваютъ они на утратѣ армяниномъ или грузиномъ національнаго облика, но должны объединиться всѣ рабочіе, въ виду ихъ общихъ интересовъ въ разрушеніи капиталистическаго производства.

Эта мысль о началѣ капиталистическаго строя въ Грузіи была усвоена впослѣдствіи и ред. „*Иверія*“ въ лицѣ его сотрудника Лали. По его мнѣнію (1895 г. № 69), со времени освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, наступила для Россіи и въ частности для Грузіи новая эпоха. Феодально-патріархальный порядокъ разрушился и подготовилась почва для буржуазнаго уклада, поэтому-то „нашъ край“ также подвергается воздѣйствію фактовъ капиталистической эволюціи. Соглашаясь въ основномъ пунктѣ съ „дасистами“, Лали однако, исходя изъ практическихъ наблюденій, признаетъ, что для водворенія въ грузинскомъ народѣ

¹⁾ П. Жорданія помѣстилъ въ *Квали* (1895 г. №№ 28—35) статьи подъ заглавіемъ „*Моамбе-Иверія* и народность“, гдѣ выражаетъ протестъ противъ стремленія органовъ И. Чавчавадзе и Чконія звать интеллигенцію въ деревню и игнорированія факта зарожденія въ Грузіи капиталистическаго производства.

капиталистического строя есть много препятствий и в числѣ ихъ отсутствіе вѣшняго свободнаго рынка для предметовъ производства Грузинъ, а внутри страны рынокъ очень слабъ и мало развитъ. Вскорѣ „Иверія“, а за ней „Моамбе“ еще рѣзче отмѣчали наличность водворенія въ Грузинъ капиталистического строя. Если современная наша жизнь вступила на путь европеизаціи и подражанія западнымъ народамъ, то неизбѣжнымъ явится и капиталистическій строй: Теорія экономическаго (или диалектическаго) матеріализма всецѣло была приложена къ быту въ Грузинъ Н. Жорданія въ статьѣ: „Экономическое преуспѣяніе и народность“. Онъ согласно ученію Маркса, доказываетъ, что сознательному объединенію народа предшествуютъ экономическія условія, принудительно связывающія народъ. На такой матеріальной почвѣ возводятся соответствующія политическія умственные и нравственные стороны. „Пробужденіе національнаго чувства и направленіе его къ одной цѣли возможно только на экономической почвѣ“, говоритъ онъ въ *Маамбе*, 1894 г. № 5, стр. 109 ¹⁾. Другими словами въ грузинскую прессу проникаетъ *основной* принципъ теоріи экономическаго матеріализма, по которому весь историческій процессъ объясняется экономическимъ факторомъ и устраняется значеніе идей религіозныхъ и культурныхъ, ибо разсматриваются онѣ какъ надстройки надъ экономической основой.

Г. Е. Церетели (*Квали* 1895, № 5) такъ формулировалъ программу „третьей фракціи“: дасисты объявили предметомъ своихъ заботъ весь грузинскій народъ безъ различія сословій, происхожденій и занятій. Грузинскій народъ составляетъ не дворянство или крестьянство въ отдѣльности, а совокупность того и другого; въ его составъ входятъ и князья, и священники, и купецъ, и чиновникъ, и рабочій. Эта совокупность сословій и называется грузинской націей, сложившейся подъ дѣйствіемъ одной исторической культуры, связанной языкомъ, національной вѣрой и традиціями національной самобытности“. Такому опредѣленію задачъ дасистовъ противорѣчатъ слова Н. Жорданія: „языкъ, говорить онъ,—не представляетъ той могучей силы, съ помощью которой два народа, говорящіе на одномъ языкѣ, могли бы соединиться для совмѣстной жизни. Языкъ лишь орудіе литературнаго и общественнаго единства, а не само единство. Языкъ средства къ жизни, а не сама жизнь. „Въ этомъ противорѣчій двухъ важней заключаются характеристика неустановленности взглядовъ дасистовъ. Борьба между марксистами и націоналистами обострилась со времени зарожденія вопроса объ автономіи Грузинъ. Первые на страницахъ газетъ *Могзаури* и *Ламтари*, замѣтившихъ *Квали*, отрицаютъ пользу автономіи для на-

¹⁾ Въ *Квали* 1895, № 8—11 С. Джигладзе подъ заглавіемъ „Квали и третій даси“ предсказываетъ побѣду этой партіи, какъ прогрессивной, идущей въ ногу съ жизнью; за 20—25 лѣтъ, говоритъ онъ, народилось новое капиталистическое теченіе, обусловленное торгово-промышленной жизнью, и нынѣ происходитъ дробленіе общества на 2 класса—на имущихъ и бѣдныхъ. Н. Жорданія въ *Квали* 1895 г. № 11—14 въ ст. *Иверія и народность* возражаетъ *Иверіи*, которая признаетъ нежелательнымъ дробленіе на партіи, ибо у всѣхъ грузинъ должна быть, по мнѣнію И. Чавчавадзе, одна цѣль—защита національности.

рода, а вторые въ *Иверіи*, *Цнобисъ-Пурцели* и *Шрома* единственнѣмъ средствомъ преуспѣянія края считаютъ автономное устройство Грузинъ.

Ной Николаевичъ Жорданія, вожь грузинскихъ социаль-демократовъ, дворянинъ, родился въ 1870 г. Въ 1880 г. поступилъ въ озургетское духовное училище, а въ 1885 г. перешелъ въ тифлискую прав. дух. семинарію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1891 г.; въ этомъ же году онъ поступилъ въ варшавскій ветеринарный институтъ.

Еще въ семинаріи товарищи замѣтили способности Жорданія, его склонность къ научному мышленію, и когда десять лѣтъ тому назадъ возникла группа „Месамедаси“ третья партія, какъ противобѣсъ грузинскимъ націоналистамъ, кавказскіе приверженцы марксизма рѣшили выдвинуть изъ своей среды кого-нибудь для научной разработки и пропаганды среди грузинъ этого ученія. Выборъ палъ на Жорданія.

Воспитанники семинаріи, священники, мѣстные интеллигенты, по копѣйкамъ и рублямъ, собрали между собой небольшую сумму денегъ, чтобы дать возможность Н. Жорданія поѣхать за границу и довершить свое научное образованіе. Жорданія оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Поѣхавъ въ 1893 г. въ Швейцарію, онъ путешествовалъ 4 года по Франціи, Англии и Германіи. Изучивъ иностранныя языки (англ., франц. и нѣм.), познакомившись въ оригиналахъ съ великими произведеніями корифеевъ европейской мысли, онъ вернулся на Кавказъ съ большимъ запасомъ научныхъ званій, съ широкой эрудиціей. Съ 1898 г. журналистики и въ теченіе 8 лѣтъ въ Грузинъ онъ былъ въ первыхъ рядахъ несъ крестъ кавказскаго журналиста, крестъ обремененный ступодовой тяжестью тифлисскаго цензуры.

„Квали“—органъ группы „Месамедаси“, выходящій подъ его редакціей, явился первой ласточкой, возлѣтѣвшей расцвѣтъ на Кавказѣ марксизма и рабочаго движенія. Благодаря его усиліямъ, „Квали“ скоро стала настольной книгой всякаго рабочаго. Въ 1901 г. дѣятельность Жорданія была временно прервана: онъ, какъ и многіе другіе, попалъ въ Метехскій замокъ, гдѣ просидѣлъ около года. Но тюрьма не исправляетъ убѣжденій, а закаляетъ. Выйдя изъ тюрьмы, Н. Жорданія опять занялся публицистикой. Однако онъ скоро принужденъ былъ эмигрировать, такъ какъ ему угрожала высылка въ отдаленныя отъ Кавказа мѣста. Послѣ амнистіи прошлаго года онъ опять получилъ возможность легальнаго пребыванія въ Россіи.

Онъ не являлся практикомъ, а былъ только научнымъ теоретикомъ, и всѣ усилія приписать ему роль агитатора-революціонера не увѣнчались успѣхомъ. Жорданія—последовательный марксистъ, а въ партіи примыкаетъ по взглядамъ къ такъ называемому „меньшинству“. Одна изъ его отличительныхъ чертъ—это обращеніе къ націонализму. Какъ марксистъ, онъ чуждъ этой язвы, разъѣдающей Кавказъ. Но быть свободнымъ отъ шовинизма, еще не значитъ забывать о своемъ народѣ. Напротивъ, Жорданія является сторонникомъ широка-

го самоуправления и свободы для каждой народности Кавказа в области развития национальных особенностей. Для него вѣтъ привилегіи ни для грузина, ни для армянина, ни для татарина, ни для русскаго—вѣ равны, ни одна нація не должна угнетать другую, но зато и каждой націи должно быть предоставлено развивать свою культуру.

Имя его, какъ грузинскаго публициста, знакомо всякому образованному грузину, и онъ очень популяренъ среди рабочихъ, которые полагаютъ, что недостатокъ краснорѣчія не помѣшаетъ ему быть энергичнымъ работникомъ вѣ Думѣ, куда онъ поѣхалъ вѣ 1906 г. депутатомъ отъ г. Тифлиса и стойкимъ идейнымъ борцомъ за народную свободу.

Г. Е. Церетели (1842—1900).

Изъ писателей плеяды 60-хъ гг. Г. Церетели первымъ отозвался на зарождавшееся новое умственное движеніе и ученіе марксистовъ. Издаваемый имъ журналъ *Квали* сдѣлался органомъ дасистовъ. Самъ изъ беллетриста школы И. Чавчавадзе превратился вѣ представителя экономическаго материализма. Свои симпатіи къ дасистамъ выражалъ не только вѣ публицистическихъ статьяхъ, но и вѣ повеллахъ.

12-го января 1900 г. вѣ Тифлисѣ на 58 году жизни скончался послѣ продолжительной болѣзни этотъ плодовитый писатель и общественный дѣятель. Георгій Ефимовичъ Церетели, уроженецъ Шорапанскаго уѣзда Кутанской губ., получилъ хорошее образованіе сначала на родинѣ, а потомъ вѣ петербургскомъ университетѣ и слушалъ лекціи вѣ Швейцаріи и Германіи по естественнымъ и социологическимъ наукамъ. Вѣ 1863 г., вѣ эпоху общественнаго подъема, вѣ виду подготовлявшагося вѣ Грузіи освобожденія крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости, онъ примкнулъ къ кружку кн. И. Г. Чавчавадзе, кн. А. Р. Церетели и Н. Я. Николадзе, который взялся проводить вѣ жизнь и литературу новое гуманное вѣяніе и просвѣтительные взгляды. Начавъ свою литературную дѣятельность еще со студенческой скамьи вѣ журналѣ *Цискари* (1862 г.), онъ перешелъ потомъ вѣ число сотрудниковъ новаго журнала кн. Чавчавадзе *Вѣстникъ Грузіи (Сакартавелосъ Моамбѣ)*, а вѣ 1866 г. онъ сталъ издавать газ. *Дрозба*, ставшую первенцемъ грузинской ежедневной прессы, если не считать газеты, вышедшей вѣ тридцатыхъ годахъ вѣ количествѣ лишь нѣсколькихъ номеровъ. Г. Е. Церетели, работая съ необычайной энергіей, до истощенія силъ вѣ своей газетѣ, вынужденъ былъ передать ее С. Мехри, а самъ основалъ журналъ *Кребули*, ведя одновременно и полуофициальное изданіе—*Сельскую Газету*. Сильное умственное утомленіе вѣ связи съ материальными невзгодами заставило его отказаться отъ журнальной работы и передать оба изданія другимъ лицамъ. Впослѣдствіи, по возвращеніи изъ-заграницы, онъ состоялъ во время русско-турецкой кампаніи военнымъ корреспондентомъ *Голоса* и *Нов. Времени* и сталъ принимать

участіе вѣ мѣстной прессѣ: вѣ русской—*Тифлисскій Вѣстникъ* и вѣ грузинской—*Дрозба* и *Иверія*. Вѣ 1891 г. онъ приступилъ вмѣстѣ со своей супругой кн. А. Н. Тумановой къ изданію дѣтскаго журнала *Джеджили* и черезъ два года основалъ иллюстрированный журналъ *Квали*, вѣ которомъ онъ помѣщалъ статьи историческаго, публицистическаго и археологическаго содержанія. Помимо вышепоименованныхъ работъ, Г. Е. Церетели принадлежитъ рядъ разсказовъ и повѣстей, вѣ которыхъ онъ является строго-реальнымъ бытописателемъ. Онъ создалъ вѣ этомъ направленіи новую школу вѣ грузинской литературѣ, и его ближайшимъ послѣдователемъ былъ беллетристъ марксистъ Игнатій Нишвили. Поглощенный журнальной работой и дѣлами общественнаго самоуправления, Г. Е. находилъ время и для научныхъ занятій. Онъ состоялъ членомъ московскаго археологическаго Общества, и вѣ „Трудахъ“ его напечаталъ двѣ обстоятельныя работы „Полное собраніе надписей Гелатскаго монастыря“ и „Археологическая экскурсія по Квирильскому ущелью“. Какъ человекъ, онъ отличался непереклонностью убѣжденнаго борца за принципы шестидесятихъ годовъ, рѣдкимъ безкорыстіемъ и искренностью вѣ своихъ сужденіяхъ.

Вѣ 1893 г. Кутанское издательское товарищество приступило къ изданію сочиненій Георгія Ефимовича Церетели. Одинъ за другимъ вѣ теченіе двухъ (1893—1894 гг.) лѣтъ были отпечатаны первый и второй томы и лишь по истеченіи цѣлаго десятилѣтія появился третій томъ, заключающій романъ *Первый шагъ*. Вѣ составъ перваго тома вошли „Отрывки изъ писемъ туриста“ вѣ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ *Киколики, Чиколики и Кудабзика*. Второй томъ весь посвященъ повѣсти *Цѣтокъ нашей жизни*. Кроме того, имѣются еще вѣ отдѣльномъ изданіи два разсказа Г. Церетели: *Тетурика Асматы* (1888, изд. „Иверія“) и *Сѣрый волкъ* (1892). Вотъ почти весь беллетристическій матеріалъ, который мы привлекаемъ для оцѣнки значенія покойнаго писателя вѣ области художественной литературы. Заслуги же его, какъ археолога, историка и публициста ¹⁾, могли бы составить предметъ особой работы.

Г. Церетели дебютировалъ еще со студенческой скамьи на литературномъ поприщѣ вѣ 1862 г. небольшой полемической статьей, напечатанной вѣ „Цискари“ за подписью Тергдалеули, терминъ, получившій впослѣдствіи смыслъ особаго лозунга вѣ жизни грузинской молодежи. Черезъ годъ (1863 г.) вѣ журналѣ кн. И. Чавчавадзе „Сакартавелосъ Моамбѣ“ онъ выступилъ ужъ противъ „Цискари“ подъ псевдонимомъ Г—тели съ письмомъ полемическаго характера ²⁾.

Названные двѣ статьи Г. Церетели еще не вошли вѣ собраніе его сочиненій. Разсказъ *Киколики, Чиколики и Кудабзика*, открывающій первый

¹⁾ Вѣ *Квали* онъ помѣстилъ рядъ историко-археологическихъ, филологическихъ и критико-библиографическихъ работъ.

²⁾ Вѣ 1873 г. онъ помѣстилъ вѣ *Кребули* переводъ трагедіи Гете „Эгмонтъ“. См. брошюру, изд. вѣ память Г. Е. Церетели съ перечнемъ его сочин. (Т. 1900).

томъ, впервые появился въ редактируемой авторомъ газ. „Дроба“, за 1866 г. Ему шелъ въ это время двадцать четвертый годъ, но онъ уже достаточно былъ вооруженъ специальнымъ знаніемъ въ области естествознанія и довольно основательнымъ знакомствомъ съ древней грузинской письменностью и народнымъ творчествомъ. Наблюдательный талантъ, умѣнье подмѣтить слабыя черты характера формирующейся грузинской интеллигентной молодежи, ѣдкой юморъ, соединенный съ благородными порывами автора къ насажденію новыхъ европейскихъ взглядовъ на общественную службу, назначеніе образованной женщины, необходимость улучшенія крестьянскаго быта,—все это сообщаетъ первому крупному произведенію Г. Церетели широкое культурное значеніе, выходящее за предѣлы обычной бичующей сатиры и рисующей вдали свѣтлые идеалы.

Рассказъ начинается съ того, что въ 186... г., въ послѣднихъ числахъ мая пріѣхалъ Киколики въ Кутаисъ, направляясь отсюда въ Сванетію. Киколики предложилъ автору принять участіе въ этомъ общающемся быть интереснымъ путешествіи. Авторъ охотно согласился, такъ какъ дома на него косо смотрѣли, не одобряя его уклоненія отъ государственной службы, которую онъ считалъ унижительнымъ занятіемъ, въ виду деспотическаго отношенія старшихъ чиновниковъ къ младшимъ. Пользуясь случаемъ вырваться изъ семьи, осыпающей его упреками, авторъ вмѣстѣ съ Киколики и съ двумя еще туристами—Чиколики и Кудабзики пустился въ трудное путешествіе на своемъ капризномъ неостриженномъ осликѣ.

Киколики и Чиколики были въ формѣ, соответствующей ихъ служебному положенію и спискивающей имъ почетъ по дорогѣ среди обывателей. Кудабзики, игравшій роль гонца, отставалъ на своей клячѣ и вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, ѣхать на ряду съ авторомъ, одѣтымъ по мужицки. Недворянскій костюмъ автора, родовитаго по происхожденію, причинилъ ему не мало огорченія. Куда путники не пріѣзжали, вездѣ прислуга пренебрежительно съ нимъ обходилась: самъ долженъ былъ осѣдлатъ коня, занималъ послѣднее мѣсто, не получалъ полотенца, полагая, что ему можно утираться собственной шерстяной чохой. Вездѣ больше всѣхъ говорилъ Чиколики, перебирая и преувеличивая, „какъ подobaетъ грузину“. Касаясь разнообразныхъ темъ ихъ разговора, авторъ обнаружилъ настоящій юмористическій талантъ. Ядовитыя, мѣткія замѣчанія разсыпаны щедрою рукою. Словоохотливый, съ волчьимъ аппетитомъ, Киколики не смущаясь говорить обо всемъ. Чиколики, нѣсколько тяжеловѣсный, съ высокимъ представленіемъ о своей мудрости, помалкиваетъ, вставляя мимоходомъ брошенные словечки, чтобы поддержать бесѣду.

Путникамъ приходится затрогивать самыя животрепещущія темы сообразно съ тѣмъ, съ кѣмъ сталкивается ихъ судьба. Съ однимъ духанцикомъ изъ Одиши (Чигунча), съ незаконорожденнымъ сыномъ какого-то мингрельскаго князя, рѣчь идетъ о приобрѣтеніи правъ дворянства. Чиколики ему общается свое содѣйствіе. Встрѣча въ духавѣ Чигунча съ

толстымъ княземъ Дазга, „глотающимъ, повидимому, больше кукурузнаго хлѣба, чѣмъ гоми“, представляетъ образецъ тонкаго юмористическаго описанія. Не менѣе занималъ путниковъ тревожный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости, стоявшій тогда на очереди. Собесѣдники касались также уцѣлѣвшихъ пережитковъ и плохихъ путей сообщенія.

Такъ, господствовали еще тогда обычай у кн. Д—ни со свитой изъ 60 лицъ посѣщать свои владѣнія и кормиться въ теченіе двухъ недѣль на счетъ крестьянъ. Авторъ не упускаетъ случая по пути знакомить читателей съ памятниками старинной архитектуры и древней письменности въ родѣ Русуданіани и Джимшедіани. Для уясненія личностей, его сопровождавшихъ, авторъ обращается къ университетскимъ воспоминаніямъ. Въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи на естественномъ факультетѣ, онъ знакомится на квартирѣ стараго студента Киколики съ однимъ полякомъ Х—скимъ, образованнымъ и начитаннымъ въ области исторіи освобожденія Америки и Италіи, восторгавшимся героизмомъ Вашингтона и Гарибальди. Этотъ убѣжденный и благородный патріотъ производитъ сильное впечатлѣніе на автора, который пораженъ вмѣстѣ съ тѣмъ контрастомъ и невѣжествомъ, обнаруживающимся въ грузинскомъ студентѣ, его полнымъ незнакомствомъ съ исторіей какъ своего народа, такъ и со всеобщей исторіей. Киколики сравнительно съ Х—скимъ показался самоувѣреннымъ невѣждой, мнящимъ себя достойнымъ соперникомъ своего умнаго собесѣдника и руководителемъ кружка своихъ юныхъ соотечественниковъ. Впослѣдствіи Киколики рисуется столь же мало удовлетворяющимъ въ сферѣ той дѣятельности, которой онъ себя посвящаетъ въ Тифлисѣ. Здѣсь дипломированный педагогъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ занятъ присканіемъ себя богатой невѣсты среди своихъ ученицъ. Киколики, впрочемъ, не лишень патріотическихъ порывовъ, но съ непримѣннымъ ихъ расчетомъ на личныя выгоды. Онъ затѣваетъ вмѣстѣ съ двумя еще лицами изданіе грузинской газеты, причѣмъ главнымъ иниціаторомъ является Меликъ-ага, человѣкъ со средствами, предложившій открыть предварительно типографію, гдѣ можно было бы печатать какъ газету такъ и книги на благо народа. Къ этимъ двумъ лицамъ примыкаетъ еще Блукуна. Въ редакцію приглашаютъ Сагату, молодого человѣка съ университетскимъ образованіемъ, предъ тѣмъ учительствоваваго въ деревнѣ. Онъ оказался незамѣнимымъ работникомъ въ составѣ неподготовленныхъ сотрудниковъ, проявилъ необычайную стойкость и даже упрямство въ отстаиваніи своихъ взглядовъ, столкнулся на этой почвѣ съ официальными руководителями—заправилами газеты, а своимъ новымъ литературнымъ языкомъ возбудилъ недовольство въ знатной публикѣ. Сагата былъ огорченъ еще тѣмъ, что удачныя статьи приписывались читателями Киколики, а неудачныя ему,—и все это побудило Сагату получающаго за свой адскій трудъ скромное вознагражденіе—30 руб. въ мѣсяць, разстаться съ газетой. Онъ переселился въ Кутаисъ, гдѣ и встрѣтился вновь съ Киколики, отправляющимся ревизовать горскія школы.

Въ лицѣ Сагаты, нѣтъ сомнѣнія, авторъ изобразилъ себя. Биографическія свѣдѣнія объ немъ совпадаютъ съ тѣми данными, которые выше указаны. Въ 1866 г. когда Н. Гогогеберидзе, Вах. Тулашвили и Ст. Меликишвили затѣяли издавать газ. „Дрозбу“, то редакторомъ ей былъ приглашенъ Г. Церетели съ жалованьемъ въ 30 р. въ мѣсяцъ. Скудный гонораръ не покрывалъ его расходовъ, и онъ вынужденъ былъ дополнять его заработкомъ на частныхъ урокахъ. Г. М. Тумановъ вспоминаетъ его учителемъ въ пансіонѣ Кипіани (1866 г.), гдѣ онъ производилъ на воспитанниковъ чарующее впечатлѣніе своею поэтической мечтательностью и юношескою свѣжестью. Онъ поощрялъ увлеченія учащихся спектаклями на ученической сценѣ и литературные дебюты въ рукописной грузинской газетѣ. Онъ былъ уже въ то время извѣстный дѣятель литературъ и театральны дѣятель. Въ 186. г. онъ уже основалъ самостоятельно газ. „Сасопло Газети“. Не трудно узнать и другихъ членовъ редакціи, выведенныхъ авторомъ подъ псевдонимами. Слишкомъ прозраченъ намекъ на журналъ Читорелидзе, не смотря на большой успѣхъ прекратившей вскорѣ свое существованіе. Конечно, здѣсь имѣется въ виду „Сакартвелосъ-Моамбъ“ Ильи Чавчавадзе, ставшаго во главѣ движенія въ пользу освобожденія крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости. Самъ Г. Церетели примкнулъ къ юному кружку, который взялся проводить въ жизнь и литературу новое гуманное влѣніе и просвѣтительные взгляды. Нерѣдко и впоследствии въ его художественныхъ произведеніяхъ слышится отголосокъ живой дѣйствительности. Весь преданный общественнымъ интересамъ, принимая дѣятельное участіе въ городскомъ самоуправленіи и комитетѣ народной грамотности, человекъ увлекающійся партійной борьбой и близко стоящій къ всѣмъ слоямъ грузинской интеллигенціи, Г. Е. Церетели отражалъ смѣну общественныхъ теченій во всѣхъ своихъ беллетристическихъ и публицистическихъ работахъ, съ юношескою чуткостью до конца своей жизни прислушивался къ зарождающемуся въ новомъ поколѣніи настроенію и первый поднимать знамя борьбы за новые идеалы. Въ исторіи грузинской печати онъ сохранилъ имя перваго редактора первой грузинской газеты „Дрозба“, среди беллетристовъ славу талантливаго реалиста, а современные груз. социаль-демократы сочтутъ его первымъ своимъ родоначальникомъ.

Первые его беллетристическія произведенія сочетаютъ два элемента: художественный и публицистическій. Таковы „Записки путешественника“, появившіяся въ газ. *Дрозба* вѣдѣ и подъ вліяніемъ „Писемъ туриста“ кн. И. Чавчавадзе. Онѣ опредѣлили дарованіе и направленіе юнаго писателя. Въ этихъ наброскахъ, отмѣченныхъ несомнѣннымъ художественнымъ талантомъ, предъ читателемъ проходитъ рядъ юмористическихъ бытовыхъ картинокъ изъ имеретинской жизни. За ними послѣдовалъ романъ „Цвѣтокъ нашей жизни“, по своей психологіи дѣтской жизни и идеализаціи новыхъ людей во многомъ напоминающій лучшую прозу А. Шеллера-Михайлова („Гнилыя болота“, „Жизнь Щупова“).

Весь II томъ посвященъ повѣсти подъ заглавіемъ *Цвѣтокъ жизни*. Сюжетъ ей составляетъ жизнь барчука Дито Квеладзе сначала въ домѣ вліятельнаго діамбега, потомъ въ школѣ, въ той особенной обстановкѣ, которая процвѣтала въ эпоху крѣпостного права конца 50-хъ годовъ. Повѣсть открывается тѣмъ, что Дито для забавы дергаецъ за закрученные усы преданнаго ему 40-лѣтняго слугу Тонике Квимитадзе, причиняя ему страшныя боли. Эта жестокая забава прекращается лишь тогда, когда Дито получаетъ отъ Тонике обѣщаніе доставить ему порохъ и деревянный пистолеть, чтобы стрѣлять въ птицъ.

Тонике былъ церковный крестьянинъ, человекъ разсудительный и осторожный. Онъ звалъ отца Дито „господиномъ“, хотя онъ и не былъ его баринъ. Дито любилъ подвижное лицо Тонике, его живой разговоръ, и когда онъ появлялся, то мальчикъ отъ него отступалъ. Для своей забавы онъ даже велѣлъ высѣчь розгами своего интереснаго рассказчика, а потомъ съѣлъ на него, принудивъ на четверинкахъ его прокатить. Этого необузданнаго мальчика, задающаго тонъ въ домѣ капризнаго тирана, отправляютъ учиться въ К... Ему въ это время исполнилось 10 лѣтъ. Не смотря на то, что отецъ далъ ему на дорогу одинъ рубль гривенниками, не взирая на мольбы матери и старанья прислуги, Дито не могли посадить на коня. Тогда его связали по рукамъ и ногамъ и такъ привезли въ К. къ дядѣ Жверіа. Послѣдній былъ мелкій чиновникъ, получалъ жалованье 7 руб. въ мѣсяцъ, однако считался богатымъ человекомъ. Онъ держалъ въ сырой комнатѣ „пацха“ пансіонъ для бѣдныхъ родственниковъ; зиму мальчики проводили въ этой плетеной хатѣ, а весной они устраивались въ лѣсу. Эту ораву, доходящую до 10—12 душъ, питалъ онъ виноголодь, неаккуратно получая за нихъ взносы натурой хлѣба и вина. Не удовлетворенный аппетитъ побуждалъ дѣтей воровать фрукты въ городскихъ садахъ и таскать домашнихъ птицъ у ближайшихъ сосѣдей. За нарушеніе дисциплины Жверіа сурово каралъ ихъ розгами. Пансіонеры имѣли одно общее пологенце, одну гребенку и почти общее одѣяніе, которое приходилось часто распределять между дѣтьми самому Жверію. Въ свободные часы отъ занятій заставлялъ ихъ работать въ саду или пасти свиней и козъ. Постомъ кормилъ разъ въ день изъ религіозныхъ убѣжденій. Дито, проголодавшись постомъ, совершилъ кражу хлѣба у хромаго надзирателя-моурова въ домѣ Жверіа и попытался бѣжать домой, такъ какъ понесъ суровое наказаніе розгами за свой проступокъ. Однако былъ пойманъ и возвращенъ въ пацху, примирился съ своей участью и сдѣлался отчаяннымъ союзникомъ своихъ опытныхъ въ проказахъ товарищей. Онъ сталъ самымъ искуснымъ жожакомъ въ набѣгахъ-*дарбева*-пансіонеровъ при проникновеніи въ курятники и сады. Зимой похищали они дрова, разносили заборы и крышу у сосѣдей, чтобы топить свое сырое помѣщеніе. Родные объ нихъ уже не беспокоились. Въ школѣ также царилъ суровая дисциплина, покоящаяся на системѣ розогъ, примѣняемыхъ начальствомъ, и колошмекъ со стороны товарищей. Онъ получалъ отъ нихъ разныя прозви-

ща—«козла» и пр. (тхи, тхиствина)... Обучение шло по старой методѣ „Старшій“ ученикъ училъ чтенію по таблицѣ. Въ первый же день „старшій“ написалъ Дито пять буквъ: а, б, в, г, д и, прочитавъ съ нимъ трижды, обязалъ Дито повторить самостоятельно. Дито загнулся на четвертой буквѣ, а „старшій“ хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ и ударилъ его по рукѣ. Дито началъ орать. Учитель на крикъ мальчика подошелъ и сталъ спрашивать, что случилось. На этотъ вопросъ „старшій“ далъ отвѣтъ, который былъ понятенъ искусившемуся педагогу тогдашняго времени: „Его не знаетъ... не хочетъ... бить“. Возмущенный учитель накинулся на Дито: „Ахъ, ты каналья, какъ ты смѣешь реветъ. Дай руку!“ И получилъ онъ нѣсколько ударовъ. Съ того дня Дито уже ничему не учился. Его били, и забили. Изъ живого мальчика онъ сталъ жалкимъ и неповоротливымъ. Но за то у него пошло впрокъ изученіе грузинскаго алфавита хуцури у дьячка, который при посредствѣ его отца искалъ священническаго мѣста у епископа. Вскорѣ онъ усвоилъ первый псаломъ и получилъ душевное удовлетвореніе.

Затѣмъ онъ уразумѣлъ русскую азбуку и безъ труда къ удивленію „старшаго“ прочиталъ на таблицѣ: „Богъ, Духъ, Благій“, а въ субботу и самое трудное „Презъ-бы-то-чес-твую-ше-му-ся“.

Не столь скоро уразумѣлъ тонкость русской грамматики, въ родѣ „коликій—толкій, поколику—потолоку. Приготовленія къ экзаменамъ ясно указываютъ, какого труда и сколько слезъ стоило заучиваніе на непонятномъ языкѣ заповѣдей, стиховъ, басенъ (Стрекоза). Понятно неописуемое удовольствіе Дито, когда ему приходилось на Рождественскій вакаціи забыть на короткое время жизнь впроголодь и школьное мученіе вмѣсто ученія и возвращаться домой въ сопровожденіи того же неугомоннаго рассказчика Тонике. „Тюрьма“ замѣнилась просторомъ, розги учителей лаской матери, рассказы на чуждомъ языкѣ интересными сказаніями Тонике изъ жизни Христа, повѣртіями народа, воспоминаніями изъ времени Крымской кампаніи. Русско-турецкая война объясняется по словамъ Тонике желаніемъ султана вступить за погранныя права Грузіи. Тонике принималъ участіе въ этой войнѣ и приобрѣлъ уваженіе грузинскаго офицерства своимъ хорошимъ пѣніемъ, за которое его щедро наградили. Очень забавенъ одинъ эпизодъ, который характеризуетъ Тонике какъ находчиваго въ нуждѣ человѣка: онъ выдалъ разъ себя за гадателя и бѣдной старушкѣ доставилъ удовольствіе, предсказавъ скорое выздоровленіе любимой дочери. Мзда за это была ему велика и обильна.

Столкновеніе трехъ грузинъ съ 7 русскими солдатами и торжество первыхъ возбудило сомнѣнія въ Дито, которыя были разсѣяны рѣшительнымъ сравненіемъ со стороны Тонике русскаго солдата съ неповоротливой уткой. Такими „исторіями“ занималъ Дито его вѣрный Тонике по дорогѣ, въ морозныя ночи, въ деревню изъ Кутанса.

Дома его согрѣла теплая ласка матери. Дито просидѣлъ день Рождества въ комнатѣ, такъ какъ выпалъ глубокій снѣгъ и ѣхать нигуда

нельзя было. Онъ былъ со всѣми любезенъ, даже съ крѣпостными слугами, которые удивлялись его превращенію изъ львенка въ овечку. Однако онъ далъ почувствовать въ себѣ прежняго властнаго Дито: онъ вступился за мальчика Кико, котораго за похищеніе яицъ немилосердно билъ моуравъ Сосика. Хворостиной онъ смягчилъ расходившагося Сосика.

Къ наиболѣе любопытнымъ страницамъ этой книги принадлежатъ воспоминанія, очевидно, самаго автора о К... гимназій конца пятидесятихъ годовъ. Къ этому времени К... трехклассное уѣздное училище было преобразовано въ гимназію. Учителями были назначены пріѣзжіе изъ Россіи частью съ университетскимъ образованіемъ, частью же составившіеся безъ движенія столоначальники, привлекаемые льготой за 20—лѣтнюю службу получить окладъ жалованья въ видѣ пенсіи. Природа, отличающаяся богатствомъ растительности и теплотой, также побуждала русскихъ стремиться въ Грузію. Изъ нихъ нѣкоторые были не высокаго мнѣнія о „темнокожихъ грузинахъ, которыхъ необходимо вновь крестить“, но были и такіе, которые проникнуты были желаніемъ сблизиться и сдружиться съ этимъ народомъ. Но по пріѣздѣ въ Грузію и они мѣнялись: имъ не нравился никто съ его короткой черкеской вмѣсто армяка, высокими каблуками и длиннымъ кинжаломъ, ему претилъ громкій разговоръ туземцевъ, жалобныя пѣсни и зурна, раздающаяся съ разваливъ старинныхъ башенъ. Въ самой натурѣ Грузіи, съ ея горами и быстротекущими рѣчками, было много чуждаго пріѣзжимъ пионерамъ культуры.

Пріѣзжіи начинаютъ отдаляться отъ мѣстнаго населенія, настойчиво требуютъ уничтоженія туземныхъ языковъ и водворенія одного государственнаго языка. Эти-то носители русской культуры рѣшили судьбу мальчиковъ К... гимназій. На педагогическомъ совѣтѣ директоръ доказывалъ, что грузины краткоголовые и умъ ихъ не способенъ къ развитію. Онъ называетъ грузинскій языкъ дикимъ, даже бѣсовскимъ языкомъ (стр. 114, ср. новые отзывы ректоровъ дух. семинаріи). По его мнѣнію, у грузинъ нѣтъ ни исторіи, ни литературы, даже языкъ ихъ не управляется грамматическими правилами.

Поэтому онъ ежедневно при представленіи отчета начальству требуетъ упраздненія преподаванія въ школахъ этого языка. Онъ льститъ въ глазахъ, хотя и ненавидитъ грузинъ-учениковъ; послѣдніе платятъ ему тѣмъ же и называютъ его фарисеемъ. Преподаватель русскаго языка, горбатый съ удлинненнымъ лицомъ, не сумѣлъ внушить дѣтямъ любви къ русской словесности и ясныхъ представленій о механизмѣ русскаго языка. Грамматическія и пѣтическія его объясненія оставались неувоенными, такъ какъ ученики не понимали самого языка, на которомъ сообщались эти свѣдѣнія. Онъ же приписывалъ эту безуспѣшность тупости грузинскаго ума. Такого же мнѣнія и другіе преподаватели, изъ которыхъ ни одинъ не вздумалъ изучить языкъ своихъ питомцевъ, объясниться съ ними на родномъ языкѣ и тогда судить объ ихъ неспособ-

ности къ культурѣ. На педагогическомъ совѣтѣ выяснилось, что окончивающіе гимназію ученики по всеѣмъ предметамъ сдали экзамены удовлетворительно, за исключеніемъ письменнаго испытанія по русскому языку. Горбатый учитель настаивалъ, что онъ не согласится дать аттестатъ ученику Лега, бѣдному сиротѣ, оказывавшему слабыя успѣхи по его предмету, въ особенности въ соч. „О вліяніи кочевой и земледѣльческой жизни на человѣческой родъ“, и проявившему непочтеніе къ нему тѣмъ, что его объясненіе ораторской рѣчи Лега нашель неудовлетворительнымъ. Совѣтъ въ 12 час. ночи постановилъ лишить Лега аттестата. Это рѣшеніе подслушала много претерпѣвшій сирота и жестоко отомстилъ своему учителю, поймавъ его въ темномъ переулкѣ. Лега и все взрослые ученики были исключены. Дито былъ очень огорченъ участіемъ Лега, обнаружившаго способности въ технику. Дито тоже ожидало испытаніе: онъ потерялъ родителей, и дядя принялъ на себя заботу объ немъ.

Мальчикъ былъ въ отчаяніи. Выходомъ изъ печальнаго положенія было опредѣленіе его въ благоустроенный пансіонъ при гимназій. Имѣя все въ свое время, будучи чисто одѣтъ и проживая въ свѣтломъ помѣщеніи, Дито сталъ учиться отлично. Нашелся у него недругъ въ лицѣ одного лѣнтія, по имени Байкуши, который всеѣмъ давалъ позорныя прозвища: „бычачій глазъ“, „мѣшокъ“, „стойка“ и др. Дито не избѣгъ его нападокъ, но далъ отпоръ ему, донесъ начальству, что Байкуши бьетъ дѣтей. Виножникъ былъ запертъ въ карцеръ, но оттуда вскорѣ бѣжалъ.

Дито съ удовольствіемъ вспоминаетъ въ послѣдствіи учителя—естественника, польскаго происхожденія Уманскаго, который также оцѣнилъ и полюбилъ любознательнаго мальчика. Уманскій былъ благородный наставникъ юношей, внушающій честныя мысли и возбуждающій порывы къ наукѣ. Умственный горизонтъ Дито въ школѣ постепенно расширяется, у него зарождается идея объ общественной службѣ. Лѣтомъ въ деревнѣ онъ помогаетъ крестьянамъ при уборкѣ кукурузы и завоевываетъ симпатіи всеѣхъ своей простотой и сердечностью. Среди нихъ онъ слышитъ старинныя сказанія на библейскіе мотивы о Гедеонѣ и историческіе сюжеты. Онъ увлекается выразительнымъ языкомъ разказчика—Моше Себикверидзе, кахетинца, воспитавшагося въ Джручскомъ монастырѣ.

Дито сблизился и съ дядей, котораго онъ поражалъ своими познаніями въ грузинской и всеобщей исторіи. Дито обожалъ Сципіона и Аннибала, искалъ случая выказать себя похожимъ на нихъ. Съ любопытствомъ онъ внималъ разказамъ дяди о житіи свв. Давида и Константина, царицы Кетевани, волновался при описаніи вторженія персовъ времяшъ шахъ-Абасса въ Грузію. Дядя читалъ ему стихотворенія грузинскихъ поэтовъ (Киллила Дамана и др.), проводники сообщали ему по дорогѣ легенды и пѣсни о развалинахъ, окружающая мѣстность наводила его на размысленія,—и все это питало его патріотическое чувство. Онъ рѣшилъ ѣхать въ университетъ, чтобы достойно приготовить къ общественной дѣятельности. Дядя мысль эту одобрилъ и различными сентенціями внушилъ ему идею о приобрѣтеніи „имени на зем-

лѣ“. Предъ Дито смутно вырисовывалась грядущая арена общественной службы.

Авторъ заканчиваетъ свою повѣсть исторіей пробужденія въ немъ первой любви къ Маринѣ, проживающей въ деревнѣ у его тетки, сестры Жверія. Марина была 15 лѣтъ, стройная, съ живыми глазами и лукавымъ выраженіемъ. Юноша былъ охваченъ первымъ глубокимъ чувствомъ къ дѣвушкѣ, которая на видъ казалась къ нему холодной, но на дѣлѣ питала къ нему такую привязанность, что по его отбѣздѣ на охоту для развлеченія, она заболѣла, и эту внезапную немощъ объясняли вліяніемъ чаръ. Разлука съ Мариной отразилась и на Дито. Его привезли больнымъ въ К... гимназію. Кончилась эта первая сердечная катастрофа благополучно. Дито сдалъ въ началѣ 60 гг. экзамены и на казенный счетъ былъ отправленъ въ С-Петербургскій университетъ.

Въ этой повѣсти также вскрываются автобиографическіе намеки и воспоминанія автора о системѣ преподаванія въ Кутаисской гимназій, о сельской жизни и въ особенности зарожденія его пламенной любви къ грузинской старинѣ, въ послѣдствіи побудившей его писать статьи историческаго и археологическаго содержанія. Воспитанный въ С-Петербургскомъ университетѣ въ эпоху пробужденія русскаго самосознанія, Г. Е. Церетели по возвращеніи на родину, обнаружилъ разнообразныя способности на поприщѣ общественнаго служенія. Выступивъ одновременно трудолюбивымъ публицистомъ и талантливымъ беллетристомъ въ редактируемой имъ газ. Дроздѣ (1866—1868), онъ чрезъ два года затѣялъ изданіе *Sasonlo gazety* („Сельская газета“), въ видахъ внесенія свѣтлаго луча въ темное царство грузинскаго деревенскаго люда. Въ 1871 г. мы же видимъ его во главѣ журналѣ *Кребули*, къ участію въ которомъ онъ привлекъ извѣстнаго публициста Н. Я. Николадзе. Сильное умственное утомленіе въ связи съ матеріальными невгодами заставило его отказаться отъ журнальной работы и уѣхать въ 1872 г. за границу. По возвращеніи изъ Европы, Церетели выступилъ въ качествѣ русскаго публициста, обнаруживъ отзывчивость на все доброе и живое въ обществѣ. Ему принадлежитъ между прочимъ страстная пропаганда мысли о сближеніи суда съ жизнью, возникшей по поводу отвѣтственной роли переводчика громкомъ въ процессѣ Андреевской, Чичуа въ качествѣ защитника котораго выступилъ В. Д. Спасовичъ. Публицистическимъ увлеченіемъ объясняется его страсть къ воскресшему въ 1897 г. грузинскому театру. Цѣля просвѣтительную роль театра, онъ сталъ писать драмы („Дарія“, „Дочь семьи капризъ“), не имѣющія успѣха на сценѣ.

Не оставляя участія въ русской прессѣ, онъ дѣятельно работалъ въ грузинскомъ дѣтскомъ журналѣ *Джеджили* (статья его здѣсь „Гелатскій монастырь“, „Наши герои“) и въ газетѣ *Иверія* (1886—1889). Здѣсь онъ напечаталъ повѣсть „Эдишеръ Квелбакиани“. Сельско-хозяйственные вопросы разрабатывались усердно грузинской прессой, поставившей задачей спасти дворянъ отъ раззоренія крестьянъ, приучить къ по-

вымъ способамъ обработки земли. На эти публицистической поднятые вопросы въ беллетристической формѣ даль отвѣтъ Г. Церетели въ повѣсти *Тетушка Асмать*. Это одно изъ лучшихъ произведений А. Церетели. Типъ тетушки, старинной грузинской дворянки, обрисованъ такъ ярко и вышукло, что въ сравненіе съ нею можетъ идти только „Отарова вдова“ кн. Н. Чавчавадзе. Асмать сочетается въ себѣ самыя рѣзко противоположныя черты: она добра и зла, горда и недоступна, когда въ ней пужаются, но лстива и лжива, когда она занскиваетъ у другихъ. Характерная имеретинская обстановка, въ которой живетъ и дѣйствуетъ Асмать, сообщаетъ этому произведению еще чисто бытовой интересъ. Домикъ ея, подпертый деревянными сваями, съ тесовой крышей на подобіе крыльевъ огромнаго коршуна, маленькій дворъ, охраняемый тремя вооруженными слугами, запущенное хозяйство, едва поддерживаемое небольшими полосами кукурузы и огородомъ, разоряемымъ поросятами, съ маленькой мельницей на гнѣвной Дзерулѣ, покрытой бѣлоснѣжной пѣной, кругомъ густолиственный букочный лѣсъ, покрывающій зеленымъ ковромъ склоны обрывистыхъ горъ— все окружало жилище Асматі, оставшейся одинокой вдовой по смерти мужа. Единственное утѣшеніе бездѣтной вдовушки составляетъ 10-лѣтняя племянница, Натела, круглая сирота, дочь покойнаго ея младнаго брата. Образъ Нателы нарисованъ авторомъ съ такою любовью, что невольно внушаетъ читателю симпатію къ этой кудрявой черноглазой дѣвчонкѣ. Нѣжно любящая тетушка никакъ не можетъ усадить ее за чепіе рваныхъ писемъ и за письмо на „бечи“ (на лопаткѣ),—дѣвочку тянетъ на поляну; еще менѣе юная племянница понимаетъ наставленія ея о грядущемъ замужествѣ. Суровая тетушка, слывущая чародѣйкой у сосѣдей, уже намѣтила Нателѣ жениха, карталина Ютама Тандиладзе, который обѣщаль ей поднести петкеши 600 р. Противъ замысловъ Асматі дѣйствуетъ ненавистный Росапа, ея братъ, вырвавшій у нея опеку надъ Наталой. Подобно сестрѣ, въ натурѣ Росапа переплетены нравственныя и безнравственныя черты, радущіе и эгоизмъ. Навострившись въ уѣздномъ судѣ въ писаніи прошеній, онъ былъ опаснымъ соперникомъ Асматі, противозаконно задерживающей у себя Нателу. Поддержку Асмать находитъ въ бѣдномъ дворянинѣ Отарѣ, коротающемъ свой вѣкъ въ кутежахъ и переѣздахъ между Поти и Гори. Этотъ представитель благороднаго сословія мало уже отличается отъ мужиковъ. Земли у него такъ мало, что еле можетъ прокормить себя 6 мѣсяцевъ, полгода онъ скитается по селамъ и градамъ и кормится у знакомыхъ родственниковъ. Бѣдность его довела до того, что не гнушался воровать даже куръ. Съ толпою себѣ подобныхъ дворянъ Отаръ, во избѣжаніе силетенъ усмысленный тетушкой посредствомъ прикосновения къ ея правой груди, совершаетъ нападеніе на крестьянъ Росапа съ цѣлью отнять захваченный участокъ земли, принадлежащій Асматі. Нападеніе сопровождается схваткой и жертвами этого побойца падаютъ ранеными и убитыми нѣсколько крестьянъ Росапа. Происшествіе это взбудоражило кутаисскую администрацію. Тетушка беретъ Отара

на поруки, а Росапа, обвиненнаго въ кражѣ копей у одного влиятельнаго князя, сажаютъ въ тюрьму. Асмать склоняетъ Отара и его товарищей къ новому преступленію съ цѣлью покрыть первое злодѣяніе. Она увѣряетъ ¹⁾, что участокъ земли, изъ-за котораго произошло чело-вѣкоубійство, принадлежитъ ей по завѣщанію отца. Если похитить это завѣщаніе у Росапа, который хранитъ его въ орѣховой шкатулкѣ, то судъ освободитъ ихъ отъ преслѣдованія. Товарищей Отара соблазняетъ увѣреніе тетушки, что въ шкатулкѣ хранится нѣсколько сотенъ рублей, которые они могутъ взять себѣ. Такъ изъ-за клочка земли Асмать губитъ нѣсколько чело-вѣкъ; изъ-за воображаемаго завѣщанія отца поджигаетъ домъ роднаго брата, и прежде чѣмъ къ тлѣющимъ остаткамъ своего жилища Росапъ прискакалъ изъ ближайшей деревни, гдѣ онъ пировалъ въ день храмоваго праздника, была похищена злосчастная шкатулка, оказавшаяся наполненной лоскутками старыхъ векселей. Отаръ, разгнѣванный на Асмать, покинулъ ее, и вдовѣ пришлось задумываться надъ своей судьбой и участію Нателы. Жена Росапа Мзехатупъ пришла на помощь. Она сначала въ письмѣ, исполненномъ притворной любви, а потомъ при личномъ посѣщеніи покаялась за себя и за мужа и выразила готовность вернуть занятый участокъ земли. Нателѣ она принесла красныя башмаки и матерію на платье и всѣ эти проски были направлены Мзехатуной къ тому, чтобы хитростью выдать 12-лѣтнюю Нателу за своего племянника Илико Гогоришвили и тѣмъ избавиться отъ отчета за пользование долей Нателы въ періодъ опеки надъ нею. Мзехатуна перехитрила Асмать. Она пригласила къ себѣ Нателу, къ дочери своей въ гости, и успѣла приготовить все къ вѣнчанію ея племянницы съ Гогоришвили. Попытка помѣшать этой свадьбѣ и похитить Нателу ночью, чтобы выдать ее за карталина, тетушкѣ не удалась; ни къ чему не привели ея жалобы, поданныя епископу и прокурору съ цѣлью затормозить дѣло вѣнчанія. Ей отвѣтили, что Росапъ опекунъ Нателы и можетъ ее выдать за мужъ, когда она придетъ въ возрастъ; пока же Натела проживетъ въ домѣ Гогоришвили. Послѣдній склоняетъ Асмать дать и свое согласіе на бракъ Нателы съ нимъ, обѣщавъ ей нѣсколько красненькихъ бумажекъ. Въ Асматі эгоистическій расчетъ говоритъ болѣе властно, чѣмъ безумная любовь къ племянницѣ. Обѣщанную прежнимъ женихомъ мзду ей обѣщаетъ возмѣстить похититель ея воспитанницы. Она смягчается, свадьба налаживается, и красавица Натела выходитъ за Илико Гогоришвили, а не за Ютама Тандиладзе, о которомъ она такъ много наслышалась отъ своей тетушки. Отара сослали въ Сибирь, безпріютная его жена скончалась, а Асмать поселилась рядомъ съ Нателой и убаюкиваетъ ея маленькаго сынка. Навѣщаетъ эту милую семью и Росапъ, извѣстный пѣвецъ и весельчакъ, для котораго накрывается обильный напитокми столъ подъ развѣсистымъ орѣховымъ деревомъ на дворѣ.

¹⁾ Переводъ повѣсти см. *Кавказ. Вѣстн.* Здѣсь-жъ переводъ его разсказа *Востръгъ*.

Тетушка Асматъ—реальная повѣсть, въ художественной формѣ, рисующая бытъ и нравъ грузинскаго народа. Связь ея съ повѣстью *Отарова вдова* кн. Чавчавадзе несомнѣнна. Сюжетъ этихъ произведеній взаимно дополняетъ: кн. Чавчавадзе сосредоточилъ главное вниманіе на карталинской крестьянской средѣ, герой котораго Георгій, сынъ Отаровой вдовы, долженъ былъ послужить связующимъ звеномъ—„мостомъ“ между помѣщичьимъ и бывшимъ крѣпостнымъ классомъ. Георгій Церетели проникъ въ мелкопомѣстную дворянскую среду, характеризующую Имеретію съ ея сословными особенностями и національными дефектами. Страсть къ сутяжничеству изъ-за поземельныхъ вопросовъ, готовность цѣлой группы бездѣльныхъ дворянъ совершить нападеніе на жилище, поджечь его съ цѣлью наживы, широкое примѣненіе подкуповъ и взятковъ, заглушающихъ самыя законныя и естественныя чувства вплоть до родственныхъ привязанностей—составляютъ социальный фонъ повѣсти. Сильный и упрямый характеръ Асматъ на все налагаетъ свою печать. Свѣтлой точкой на этомъ темномъ фонѣ является Натела, притягивающая вниманіе читателей въ началѣ своей невинной красотой и цѣлой группой привязанностей къ суровой Асматъ, а потомъ своей драматической участью въ борьбѣ между тетушкой и дядей, между „безбородымъ, молоденькимъ и хорошенькимъ женихомъ Тандиладзе“, образъ котораго рисовала ему Асматъ, и Илико Гогорашвили, ставшимъ ей мужемъ. Къ послѣднему она продолжаетъ питать спокойную братскую любовь, впервые зародившуюся въ ея сердцѣ еще тогда, когда онъ ее, 13-лѣтнюю дѣвочку, въ новомъ платьицѣ проводилъ къ обѣднѣ въ ближайшую церковь. Насъ трогаетъ безконечная преданность, которую Илико проявляетъ къ своей женѣ. Но мы понимаемъ и какую-то смутную неудовлетворенность Нателы. Романистъ прекрасно изобразилъ въ немногихъ словахъ это настроеніе Нателы, которой осталась невѣдомой „пылкая страсть влюбленной“. Натела за три года поразительно выросла: „высокая и стройная съ прелестнымъ, свѣжимъ личикомъ, большими темными глазами и густой, темнокаштановой косой она похожа на нарисованную рукой искуснаго артиста чудную картину; когда она держитъ на рукахъ маленькаго кудряваго сына, сіяющее и улыбающееся лицо ея съ блестящими глазами, напоминаетъ чистое безоблачное небо, усѣянное сверкающими звѣздами. Въ темныя безлунныя ночи Натела часто подолгу глядитъ на блестящія, свѣтлыя звѣзды, разбросанныя по небу, отыскивая между ними „свою“ звѣзду, самую яркую и свѣтлую звѣзду созвѣдія тельца. Долго, долго, пристально глядитъ Натела на эту звѣзду, думая о томъ, кто представляется ей похожимъ на ея кудряваго первенца“.

Это романтическое окончаніе повѣсти, проникнутой реализмомъ очень характерно въ исторіи творчества Г. Церетели. Онъ всегда жилъ въ мірѣ грезъ и, пропагандируя реализмъ, оставался чистѣйшимъ идеалистомъ. Онъ уплатилъ еще большую дань таинственной силѣ и увлеченію фантастическимъ сюжетомъ въ эскизѣ *Рассказъ пастуха*.

„Какъ-то разъ я,—говоритъ авторъ,—пасъ своихъ овецъ въ Имеретіи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Хихатскій острогъ, отдѣляясь отъ Кавказскаго хребта, тинется по направленію къ Сураму; острогъ этотъ является естественной границей между Карталініей и Имеретіей. Здѣсь, среди скалистыхъ горъ, въ ущельяхъ, даже лѣтомъ лежитъ не стаявшій снѣгъ; изъ-подъ него, тихо журча, выбѣгаютъ холодныя горныя ручейки и струятся далѣе по роскошнымъ пастбищамъ, покрытымъ шелковистой сочной травой. Даже самый воздухъ здѣсь особенно чистъ и прохладенъ; чудную картину для глазъ представляютъ пасущіеся здѣсь стада овецъ; бѣлыми, яркими пятнами выдѣляются они на крутыхъ склонахъ горъ, какъ бы устланныхъ зеленымъ бархатомъ.“

Каждое утро я выгонялъ своихъ овецъ къ „Бѣлому ручью“, у береговъ котораго находились лучшія пастбища; ручей этотъ назывался „Бѣлымъ“ потому, что начало ему давалъ снѣгъ, ослѣпительно яркій, тинувшійся бѣлой полосой по узкому ущелью на протяженіи цѣлой версты. До самаго вечера я не разставался съ овцами; пестъ Курша постоянно былъ со мной. Замѣтивъ, что овцы слишкомъ разсѣиваются во всѣ стороны, онъ мигомъ обѣгалъ стадо вокругъ, сгонялъ ихъ всехъ въ тѣсную кучу и снова возвращался ко мнѣ, я же лежалъ себѣ на красивомъ выступѣ скалы, моему излюбленному мѣстечкѣ, и спокойно наслаждался прелестью окружающаго природы. Ручеекъ нашъ, овчарни и шалаши были видны съ этого уступа, какъ на ладони. Вечерами, возвратившись домой и загнавъ овецъ въ овчарни, я, со спокойной совѣстью, весело направлялся къ своему шалашу.

И вотъ, съ нѣкоторыхъ поръ я сталъ замѣчать странныя явленія... Захожу я разъ къ себѣ и вижу, что разведенный кѣмъ-то огонь ярко и весело пылаетъ въ очагѣ...

„Кто бы могъ это сдѣлать?“—мелькнуло у меня въ головѣ, и я почувствовалъ, что весь похолодѣлъ отъ ужаса, что волосы дыбомъ становятся на моей головѣ. Я оглядѣлся—никого..., подбѣлъ къ огню—и еще болѣе ужаснулся; баранья ножка, которую я отложилъ къ ужину и привѣсилъ въ углу, къ крюку, теперь, воздѣтая на вертелѣ, весело шипѣла, жарясь на огнѣ. Еле побѣждая страхъ, я заглянулъ въ дверь: вижу Курша мой наострилъ уши, широко раскрылъ глаза и, сердито ворча, усталился въ одинъ уголь; начинаю и я взглядывать туда же—и что же вижу? Сидитъ тамъ женщина чудной красоты, окруженная бѣлымъ, лучистымъ сіяніемъ, такимъ нѣжнымъ и такимъ свѣтымъ, что сіяніе ангеловъ Божіихъ ничто передъ нимъ.

Вдругъ изъ угла раздался голосъ:

— Не я ли подмела здѣсь полъ?—тихо спрашивала незнакомка.— Не я ли развела огонь для тебя? Что же ты такъ холоденъ ко мнѣ, отчего не пригласишь ты меня ближе къ очагу?

Голосъ былъ такъ свѣжъ и чистъ, звучалъ такъ нѣжно, что показался мнѣ настоящей небесной музыкой.

— Развѣ я тебѣ это запрещаю?—тихо отвѣтилъ я.—Отчего сама ты не подходишь ближе, развѣ это не въ твоей волѣ?

— Нѣтъ!—отвѣтила она.—У меня дочь. Безъ нея я не могу приблизиться къ огню.

— Что-жь, приведи и ее!—отвѣтилъ я.

Она встала, подошла къ очагу и быстро стала вертѣть надъ огнемъ вертель съ бараньей ножкой; возлѣ нея очутилась прелестная маленькая дѣвочка. Отъ обѣихъ исходило такое чудное сіяніе, какъ будто всѣ свѣтлыя звѣзды сошли съ небесъ внизъ, чтобы освѣтить мой бѣдный, темный шалаши.

Ужинать усѣлись всѣ вмѣстѣ, угостили костями и Куршу; онъ сердито рычалъ за порогомъ, переступить который я ему не позволилъ; по окончаніи ужина чудная женщина и дочь ея стали ловко и весело хозяйничать, убрали всю посуду, подмели полъ и снова подѣли къ огню; всю ночь я не могъ сдвинуться съ мѣста, не могъ пошевелить ни однимъ членомъ; словно окаменѣлый, сидѣлъ я на одномъ мѣстѣ, ни на минуту не сводя очарованныхъ глазъ съ двухъ прелестныхъ незнакомокъ; красота матери и дочери ослѣпляла меня, я съ восторгомъ любовался нѣжнымъ сіяніемъ, легкимъ облакомъ окружавшимъ ихъ.

На зарѣ они исчезли, скрылись снова въ свой темный уголокъ. Я вышелъ на воздухъ. Курша больше не рычала; разлегшись у овчарни, онъ спокойно ждалъ меня.

Я выгнать овецъ въ свѣжее, прохладное утро, и онѣ, какъ всегда, красивыми бѣлыми пятнами разсѣялись по бархатнымъ зеленымъ склонамъ Хахатскихъ горъ. Отыскавъ свой любимый выступъ, я удобно расположился на немъ и внимательно сталъ глядѣть внизъ, по направленію къ моему шалашу. Вижу, мать и дочь несутъ къ ручью мой большой котель, чтобы перемыть стоявшую тамъ же грязную посуду; вдругъ выбѣгаютъ къ нимъ на встрѣчу два огромныхъ волка, одинъ хватаетъ мать, другой дочь и оба бѣгутъ съ своими жертвами къ густому, темно-зеленому лѣсу. Я видѣлъ все это—и сердце мое болѣзненно жалось отъ нестерпимой боли... Я сталъ кричать, науськивать Куршу, показывать ему на нихъ... все было напрасно. Навостривши уши, Курша внимательно вглядывался по указанному мной направленію, но не двигался съ мѣста; онъ ничего не видѣлъ! Я не могъ понять, что случилось съ моимъ смысленнымъ и чуткимъ песомъ, который всегда за версту чувствовалъ волка... или онъ, или я были околдованы, это ясно... Но я такъ ясно видѣлъ сіяющихъ нѣжнымъ свѣтомъ женщинъ, которыхъ волокли волки, такъ хорошо слышалъ ихъ жалобные крики и стоны... Въ глазахъ у меня потемнѣло, колѣни подкосились, я потерялъ сознание.

Не знаю, сколько времени пролежалъ я такъ, не видя, не слыша, не понимая ничего... Знаю только, что открывъ глаза, я увидѣлъ Куршу, который стоялъ надо мной и тихо, жалобно завывалъ. Замѣтивъ, что я очнулся, песъ со всѣхъ ногъ бросился къ стаду; быстро вскочивъ

на ноги, я побѣжалъ туда же... Издали доносился ожесточенный лай псовъ, овцы же испуганныя и дрожавшія сбились въ одну кучу и тѣсно жались одна къ другой. Оказалось, что пока я лежалъ безъ сознания, волкъ дѣйствительно подобрался къ моему стаду; псы съ громкимъ лаемъ отгоняли его; Курша же, который тоже почувствовалъ присутствіе врага, не рѣшался оставить меня, думая, что я умираю... Убѣдившись, что живъ и здоровъ, онъ сейчасъ же кинулся туда и вмгъ набросился на волка. Когда я побѣжалъ, все уже было кончено; Курша, страшный и взерошенный, съ закрученнымъ вверхъ хвостомъ, радостно рычалъ, какъ бы празднуя счастливую побѣду.

Вечеромъ, загнавъ по обыкновенію овецъ въ овчарню, я направился къ своему шалашу, и...—о, Боже!—огонь опять ярко и весело пылалъ въ очагѣ, а вмѣсто моей чудной незнакомки тутъ толпилась цѣлая масса такихъ же свѣтлыхъ, сіявшихъ женщинъ, съ распущенными по плечамъ длинными золотистыми волосами: всѣ онѣ жалобно стопали и заливались горькими слезами.

— Куда ты дѣлѣ нашу подругу и ея дочь? Зачѣмъ позволить ты унести ихъ волкамъ?—осыпали онѣ меня упреками.

Красавицы схватили горящія головы и съ угрозами окружили меня.

— Мы сождемъ тебя!—кричали онѣ, все ближе и ближе подступая ко мнѣ,—сождемъ, если ты не вернешь намъ нашу подругу и ея маленькую дочь...

Я еле дышалъ отъ ужаса, терялъ сознание... „Все кончено!“ съ тоскою пронеслось у меня въ головѣ и холодный потъ крупными каплями выступилъ на моемъ лбу... Курша куда-то исчезъ... я изнемогалъ, я погибалъ... Вдругъ къ шалашу подѣхалъ всадникъ, прекрасный и сіяющій, какъ Богъ. Бѣлый конь его сердито фыркнулъ и окружающія меня грозныя женщины съ горящими головнями мигомъ бросились въ разныя стороны:

— „Не бойся!—ободряюще крикнулъ мнѣ свѣтлый всадникъ.— Это злые духи! Вотъ тебѣ кнутъ! Повѣсь его въ шалаши и уже не трогай до моего пріѣзда! Онѣ не осмѣлятся подступиться къ тебѣ!“ Я вздохнулъ свободно; слова эти влили въ меня бодрость и силу, возвратили мнѣ жизнь. Я взялъ протянутый мнѣ гордымъ всадникомъ кнутъ и сейчасъ же привѣсилъ его къ стѣнѣ шалаша. Красавицы угомонились, теперь онѣ уже не могли близко подходить ко мнѣ.

Каждый день пастъ я по обыкновенію овецъ, каждый вечеръ по обыкновенію возвращался въ свой шалаши..., и каждый вечеръ я находилъ его чисто и аккуратно подметеннымъ; каждый вечеръ огонь весело и ярко пылалъ въ очагѣ, а готовый, еще горячій ужинъ тутъ же ожидалъ меня. Прекрасныя женщины сидѣли въ своемъ углу, съ распущенными по плечамъ чудными золотистыми волосами и жалобно стопали, переворачивая мнѣ все сердце. Часто просили онѣ меня снять со стѣны ненавистный имъ кнутъ, часто обращались ко мнѣ съ тихими, умоляющими рѣчами,—но я не сдавался.

— Сними кнутъ!—съ чарующей лаской просили онъ меня.—Сними и выбрось его, если хочешь, чтобъ мы чудными пѣснями стали услаждать твой слухъ.

Но я все не сдавался.

Такъ прошло нѣсколько дней. И вотъ, явился наконецъ свѣтлый всадникъ, прекрасный и сіяющій, какъ Богъ.

— Дай кнутъ!—сказалъ онъ мнѣ.—Теперь уже нечего тебѣ бояться, твои товарищи спѣшаютъ къ тебѣ!

Я подалъ ему волшебный кнутъ. Свѣтлый всадникъ на чудномъ бѣломъ конѣ быстро спустился внизъ по ущелью... и исчезъ.

Я взглянулъ вдаль и дѣйствительно увидѣлъ идущихъ ко мнѣ товарищей; сердце мое радостно забилось...; но я такъ усталъ отъ долгихъ, мучительныхъ ночей, проведенныхъ безъ сна, что не могъ уже стоять на ногахъ, я зашатался и безъ чувствъ упалъ на землю.

— Трусъ, трусъ!—весело крикнули мнѣ подоспѣвшіе товарищи.— Не бойся, это мы...

Я очнулся, приподнялся и рассказалъ имъ все. Они мнѣ объяснили, что это злые духи хотѣли меня опутать, но Ломисскій св. Георгій спасъ меня отъ гибели. Мои товарищи не позволили мнѣ больше оставаться въ горахъ и сами отвели меня домой.

Я слегъ въ постель и пролежалъ цѣлыхъ два мѣсяца. Мать потомъ рассказывала, что во время болѣзни я все время бредилъ и постоянно обращался къ Ломисскому св. Георгію съ мольбою спасти меня отъ ужасныхъ, грозныхъ женщинъ.

А самъ я не помню, ничего не знаю этого. Я знаю только, что въ томъ же году мы съ матерью отправились на ночное церковное бдѣніе и пожертвовали Ломисскому св. Георгію огромнаго круторогаго барана¹⁾.

Таково содержаніе этого поэтического эскиза, выхваченнаго изъ народнаго міросозерцанія и религиозныхъ вѣрованій, имѣющаго точки соприкосновенія съ изящнымъ рассказомъ *Али Николая Ломаури*.

Г. Церетели съ безпощадной откровенностью нападалъ на тѣ пороки, которые вкоренились въ грузинскую общественную жизнь; не навязываясь субъективными размышлениями, онъ давалъ читателямъ рядъ блестящихъ бытовыхъ картинъ, которыя сами громко вопіютъ о фальшивыхъ устояхъ жизни. Таковъ и рассказъ *Выстрѣлъ*¹⁾, посвященный обличенію обычной мести, господствующей среди западныхъ грузинъ. Крестьянинъ Кикола Капуставили подаль жалобу на дворянина Пасіа Надзрахшвили, заколовшаго его откормленнаго борова. Хотя хевистави и удостовѣрили инкриминируемое преступленіе Пасіа, однако Кикола въ видахъ обезпеченія за собою судебного рѣшенія, наловилъ форелей для благорасположенія судьи въ свою пользу. Но ночью подкрался къ его дому кто-то и, сжавъ съ балкона оставленную корзину съ рыбой, пытался исчезнуть во мракъ.

¹⁾ Нов. Об. № 5508, 5512 и 5516, пер. Ел. Церетели.

Кикола слышалъ шорохъ, мгновенно далъ выстрѣлъ въ крадущуюся тѣнь. По слѣдамъ свѣжихъ капель крови онъ подошелъ ко двору Пасіа и убѣдился, что врагъ его форелями намѣревался воздѣйствовать на судью.

На судѣ Кикола выигралъ дѣло, но рѣшеніе было постановлено заочно, за неявкой Пасіа, который въ „нижнемъ зимнемъ этажѣ“ своего дома лежалъ раненый въ бокъ, и къ нему тайкомъ ночью старуха приходила накладывать травы на незаживающую рану. Жена же Пасіа рассказывала заинтересованнымъ сосѣдямъ, что мужъ ея отправился въ Гомарети за покупкой породистыхъ воловъ. Въ одно утро пронеслась вѣсть по сел. Чхерулы, что „несчастнаго Пасіа принесли изъ Гомарети на носилкахъ“, что на бѣдрѣ у него открылся костоѣдъ. Посѣтители толпою потянулись провѣдать больного, былъ въ ихъ числѣ и Кикола. Видъ его пробудилъ въ Пасіа непримиримую къ нему ненависть. Прошло нѣкоторое время и та же толпа съ крикомъ „пожаръ“ обступила домъ Киколы. Семья его спаслась, но строеніе и добро сгорѣло все до тла. „Стали поговаривать, что это дѣло рукъ Пасіа, но когда хевистави стали доискиваться, гдѣ Пасіа, жена его заявила, что онъ недѣлю тому назадъ отправился въ городъ за покупкой хлопчатой бумаги“. Мищеніе осталось ненаказаннымъ. Къ разряду же этихъ произведеній относится его „*Эдишеръ Квелбакіани*“.

Заслуга Г. Церетели заключается въ томъ, что онъ укрѣпилъ, слѣдуя за пионеромъ реализма—Ардазиани, авторомъ *Межжанушвили* это направленіе въ грузинской литературѣ. Его живыя сцены изъ народной жизни создали особую школу, и ближайшимъ ученикомъ его былъ Ниношвили. Тины, имъ намѣченные, нашли полную обрисовку въ произведеніяхъ его преемниковъ. Такъ, адвокат Самсонъ Джабіашвили (въ повѣсти Г. Церетели *Рухи мгели*—Сѣрый волкъ) нашель дальнѣйшее развитіе въ рассказѣ Ниношвили *Мосе Мцрвали* и Д. Клдіашвили въ повѣсти *Соломонъ Морбеладзе*. Адвокатъ Джабіашвили, оказывающій покровительство Автандилу Квимитадзе, помѣщику съ жестокимъ нравомъ, кровопійцѣ и грозѣ не только для крестьянъ и для мелкихъ дворянъ, нарисованъ авторомъ мимоходомъ, насколько онъ дополняетъ обрисовку помѣщика Квимитадзе, одного изъ совладѣльцевъ горы Саціоке. Онъ кончаетъ жизнь печально. За смерть въ тюрьмѣ обиженнаго дворянина Боана, котораго обвинили въ покушеніи на жизнь Автандила, мститъ сынъ погибшаго. Онъ съ друзьями, угнетенными Автандиломъ, нападаетъ на него ночью во время ловли форели при участіи адвоката Квимитадзе и настолько обоихъ избиваетъ дубинами, что ихъ полумервыми доставляетъ домой сопровождавшій ихъ пѣшкомъ крестьянинъ Шіука. Самсонъ умеръ черезъ 6 мѣсяцевъ, а Автандиль слегъ въ постель и сталъ харкать кровью. Въ нанесеніи имъ побоевъ, по наущенію Самсона, былъ оговоренъ подростокъ сынъ несчастнаго Боана, и онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Деревня, сочувствуя горю добродушнаго Боана, пришла на помощь его сиротѣлой семьѣ и приняла на себя содержаніе его вдовы съ двумя малолѣтними дѣтьми.

Этот рассказ Г. Церетели был увлечен премьерой общества распространения грамотности среди грузин. Оставаясь верным своей творческой манере, Церетели и в этой повести держится описательного жанра. Объективно, без предвзятой тенденции, он вчитывается в страницы реальной жизни и в характерных красках воспроизводит ее. Из пылкого обличителя в публицистик, проповедника и всестороннего обозревателя в критических статьях, — в художественных произведениях он превращается в хладнокровного и вдумчивого наблюдателя отрицательных сторон грузинской жизни. Но публицистическая жилка в нем все же преобладала. Он угадывал новое течение и всегда шел во главе его, в разрыв с старым направлением. Отпав от писателей поколений 60-х годов, он провозгласил рождение третьей фракции, получившей название квалитов или даситов. С группой молодежи, руководимой талантливым публицистом Н. Жордания, привезшим из Европы теорию экономического материализма, он увлекся социаль-демократическим учением и внес поправки в одностороннее патристическое направление 60—70 годов. Вопросы народного благосостояния были выдвинуты на первый план в его еженедельном журнале *Квали*. Идея же всеобщего братства вдохновляла его на страницах этого издания агитировать в пользу армяно-грузинского сближения и горячо проповедывать национальную терпимость.

В последний период своей деятельности Г. Е. Церетели издавал соц.-демократический журнал *«Квали»* при участии молодежи, воспитавшейся на Марксе и Энгельсе. *Квали* должен был стать продолжением первой демократической газеты *Дроби*, интересовавшейся экономическими вопросами. Зарождение *Квали* совпало с увлечением Г. Церетели промышленной деятельностью. Будучи владельцем марганцевых копей и нефтяных источников в Сачхери, он стал искать крупных предпринимателей для их разработки. Всецело поглощенный новой идеей, он создал такие же смелые хозяйственные замыслы, какие отличали его художественное творчество. Широкий затянул его, однако, не удавалось переходить на почву практического осуществления. Его интересовал самый процесс рождения крупной промышленности, считавшейся им высшей степенью культуры, согласно воспринятому им учению Маркса. К этому периоду его общественной деятельности относится появление романа *Первый шаг*, где и выведена им зарождающаяся грузинская буржуазия. Он здесь является представителем экономического материализма, как в ранних произведениях он выступал усердным реалистом.

Роман Георгия Церетели *«Первый шаг»* издав был Кутаисским издательским товариществом (1903 г.). Сложная интрига, разнообразие обрисованных типов, обилие бытовых черт сообщают этому произведению исключительный интерес. Ни в одном из предшествовавших грузинских романов не поднимался криминальный вопрос, на фоне которого автор завязывает и развивает обществен-

ные отношения, никто до него не раскидывал сны повествования на столь широком географическом районе, ни у кого не встрѣтите его попытки привлечь представителей всех главных народностей грузинского племени: мингрельца, имеретина, карталинца, с собственными им типическими чертами. Пред читателями мелькают все бойкие пункты Западной и Восточной Грузии: Поти, Кутаис, Самтредиа, Абаши, Тифлис; действие переносится из Мингрелии в Имеретию, из Имерети в Карталинию, сопровождающееся тонкою наблюдательностью автора над этнографическими особенностями и картинным изображением разнообразных слоев общества. Пастух коз в Теклатских лесах, мелкий собственник владѣющей 1 десятиной земли, 2 дес. леса и 1/4 дес. виноградника, рабоче на цементной заводе, пьяница-кузнец с женою из статутки, портниха, усвоившая парижские моды, коммиссионер, разбогатѣвший упрямым трудолюбием, изолгавшийся трактирный адвокат, эксплуатирующий невежественных клиентов, служащие по таможенной части и в страже по ограждению от контрабандных импортов, бѣглец из Сибири, готовый за золото совершить любое преступление, молодой судебный следователь с университетским образованием и благородными взглядами на свой общественный долг и в контраст с ним присяжный повѣренный, когда-то мечтавший быть «жертвой для блага страны и опорой для униженных», с течением времени превратившийся в корыстолюбца и защитника всех неправых дѣл и оправдывающий себя словами Лира: «нѣтъ в мѣрѣ виноватых!» Рядом с ними очерчены: разорившийся шоропанский дворянин, князь сомнительной нравственности и челоукоубийца, старый генерал с неразлучной трубкой, великосвѣтская княжна, завоевавшая сердце русского полковника из родственников намѣстника Кавказского, страстный до женских ласк председатель судебной палаты, двор высшаго начальника края и дом богатого армянина с Абас-Абадской площади. Эта пестрая смесь сословий, вѣдомств, профессий, национальностей, общественных ступеней, охарактеризованная автором с рѣдкой и небывалой до него широтой размаха кисти, дѣлает роман с загадочным заглавием *«Первый шаг»* выдающимся явлением в грузинской литературѣ. Жаль, что некоторые главы, обозначенные римскими цифрами, по независимым от автора обстоятельствам, опущены и вслѣдствие этого, повидимому, внесены элементы неясности и психологической необоснованности.

Нить рассказа автор твердо держит в руках, перекидывая читателя от одной группы героев к другой. Фабулу романа он занимает из той эпохи, когда впервые в Поти загудѣл прибывший морской пароход. Герой романа Бахва Пулава из Теклатских лесов бѣжал от угрожающего за потерю козлят гнѣва отца и поступил в услужение к одному инженеру. Патрон обучил его грамотѣ, вручил за службу небольшую сумму денег. Бахва отправился в Поти, где до него поселилась его землячка-мингрелка Саломѣ, которая,

оставив распутный образ жизни, вышла за мужъ за пѣкоого Ивана, хорошаго мастера изъ русскихъ, но страдающаго пристрастьемъ къ спиртнымъ напиткамъ. Сдѣлавшись жертвой своей страсти, Иванъ послѣ трагической смерти оставилъ жену и малолѣтнюю дочь Есма безъ средствъ къ существованію. Тутъ на помощь къ нимъ приходитъ Бахва. Закупая и отправляя за границу кукурузу, выгодно совершая тѣсопромшленныя операциі, онъ успѣлъ приобрести средства и имѣнне въ деревнѣ. Бахва поддерживаетъ бѣдную семью сначала изъ состраданья, а потомъ, когда Есма подросла и расцвѣла, изъ любви къ ней. Но эту скромную красавицу, добывающую средства къ жизни своимъ трудомъ въ мастерской французской модистки, сталъ преслѣдовать своими ухаживаніями всадникъ Иеремія Царба, который однимъ своимъ грознымъ видомъ приводилъ въ трепеть робкую дѣвицу. Царба рѣшилъ ею овладѣть даже послѣ того, какъ объясненіе ей въ любви не подало ему никакой надежды, и она какъ изъ чувства признательности за вниманіе къ Бахвѣ, такъ и изъ непосредственной симпатіи къ нему рѣшилась стать его женою. Недолго, однако, пришлось имъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ. Иеремія Царба дѣлаетъ на ихъ усадьбу вооруженное нападеніе при соучастіи Гиви, своего бывшаго компаніона по контрабанднымъ операциямъ. По тонко обдуманному плану, Гиви ночью проникаетъ въ комнату молодыхъ супруговъ, и когда Бахва съ просонья бросается за преступникомъ, Иеремія, ворвавшись въ спальню, схватываетъ Есму и бѣжитъ съ нею къ забору, гдѣ ихъ ждутъ осбдланныя лошади. Есма, узнавъ злодѣя, упорствуетъ, кусаетъ его и вызываетъ къ помощи Бахву, который, ранивъ Гиви, на ея голось стремится спасти ее изъ рукъ похитителя. Иеремія, замѣтивъ во мракѣ приближившагося Бахву, закалываетъ Есму, которая, успѣвъ сказать: „убилъ меня Иеремія“, испускаетъ духъ.

Иеремія и Гиви исчезли во мракѣ ночи. Слѣдователь тщетно ищетъ преступниковъ. Убийца переселяется въ Тифлисъ и подъ покровительствомъ княжны Валиды, своей родственницы, поступаетъ на службу и получаетъ чинъ прапорщика. Его служебная карьера благодаря вліятельному полковнику Лебову, страстному поклоннику княжны, обезпечена.

Авторъ внимательно описываетъ встрѣчи, прогулки и бесѣды княжны съ распутнымъ Лебовымъ, который вынужденъ жениться на Валидѣ, не безъ корыстнаго участія Иеремія, такъ какъ на иной видъ отношеній княжна упрямо не соглашается.

Дѣло объ убійствѣ Есмы продолжается производствомъ.

Судебный слѣдователь вызываетъ въ свою камеру духанщика Савву (Сабаи) Гапаравили и кондуктора Байндурадзе по этому дѣлу. Савва назвалъ деревню Дзеврула, гдѣ лѣчился Гиви, сообщникъ Иеремія. Чрезъ своего опытнаго чапара слѣдователь узнаетъ, что въ Дзеврулѣ Гиви лѣчился послѣ нанесеннаго ему Бахвой раны въ домѣ крестьянина Каркашидзе, укрывателя конокрадовъ. Гиви дѣйствительно признался во всемъ и оговорилъ Иеремію. Последній его склонилъ подъ разными угрозами напасть на

домъ Бахвы съ тѣмъ, чтобы похищенные у него 10000 р. передать Гиви, а ее увезетъ самъ Иеремія, но послѣдній случайно убилъ ее. Слѣдователь такимъ образомъ собралъ явныя улики противъ Иеремія. А въ это время Иеремія въ Тифлисъ уже приготовился отпраздновать свадьбу съ богатой армянкой. Сама Валида почтила своимъ присутствіемъ помолвку Иеремія. И въ тотъ моментъ, когда открыли шампанское для поздравленія жениха и невесты, появился приставъ, которому было поручено арестовать Иеремію. Произошелъ страшный переполохъ. Въ Кутаисѣ объ этомъ стало извѣстно, и Цункула-адвокатъ поздравлять Бахву съ торжествомъ судебной правды. Бесѣду ихъ прервалъ заявившійся къ Бахвѣ бѣглый каторжникъ, которому Бахва поручилъ взять кровь съ Иеремія. Каторжникъ вошелъ въ Тифлисъ въ соглашеніе съ лакеемъ Иеремія, которому уплатилъ 300 руб. Лакей проситъ подождать, ничего не предпринимать противъ Иеремія, пока не кончится судебный процессъ. Цункула подслушалъ ихъ разговоръ и успѣшилъ оградить свои интересы отъ возможныхъ посягательствъ этого новаго соучастника въ капиталѣхъ Бахвы. И послѣдній поручаетъ Цункулѣ изготовить „документъ“, коимъ Бахва дѣлаетъ его наследникомъ всего своего движимаго имущества („а недвижимое уже захватилъ племянникъ его Несторъ“).

Иеремія приглашаетъ защитникомъ своимъ знаменитаго адвоката Сивилу, который когда-то мечталъ быть опорой для всѣхъ униженныхъ, но сталъ съ теченіемъ времени вершителемъ процессовъ людей сомнительной нравственности. Онъ основалъ свою судебную рѣчь на формальныхъ опроверженіяхъ свидѣтельскихъ показаній противъ Иеремія, выдвинувъ тотъ пунктъ, что Иеремія не былъ въблизи въ день совершенія убійства жены Пулава, какъ показываетъ протоколъ жандарма, удостовѣряющаго алибі обвиняемаго, его отъѣздъ въ сторону Тифлиса, а не въ Кулаши. Однако трогательное описаніе нападенія и убійства, сообщенное Бахвой, убѣряютъ судей въ совершенномъ Иереміей злодѣяннѣ. И убійца былъ приговоренъ къ 12-лѣтней каторгѣ. Тогда Валида обращается къ своему поклоннику члену судебной палаты съ просьбой, чтобы въ виду апелляціи Сивилы по дѣлу Иеремія, послѣдній былъ непременно спасенъ. Тогда Бахва рѣшился самъ возстановить свое поруганное право. При содѣйствіи лакея Иеремія онъ проникаетъ въ спальню послѣдняго съ убійцами и наноситъ ему смертельные удары. На мѣстѣ преступленія полиція застала Бахву, который объяснилъ свой поступокъ въ такихъ странныхъ выраженіяхъ, что всѣ убѣдились въ его психической ненормальности. Дополнимъ приведенный пересказъ нѣсколькими словами.

Иеремія сблизился съ богатою дочерью тифлисекаго купца, у которой было 30000 р. приданаго и ждалъ только случая сдѣлать ей предложеніе. Но мечты о семейномъ счастьѣ стеченіемъ обстоятельствъ обращаются въ прахъ. Содержатель духана по Закавказской желѣзной дорогѣ разговаривалъ случайно съ знакомымъ кондукторомъ въ вагонѣ, въ которомъ ѣхалъ неизвѣстный имъ судебный слѣдователь, все еще тщательно со-

бирающей свѣдѣнія объ убійствѣ жены Бахвы. Выяснилось, что накануне убійства Іеремія и Савва въ духанѣ провели цѣлый день и вечеромъ направились къ станціи Абаши; откуда проникли въ деревню Бахва. Черезъ три мѣсяца послѣ совершения убійства Гиви пригрозилъ Саввѣ поджечь его духанѣ, если онъ будетъ распространять объ нихъ подозрительные слухи. Савва взболтнулъ, что ему извѣстно, гдѣ Гиви въ теченіе мѣсяца скрывался и дѣчился, послѣ того какъ былъ раненъ въ спину. Слѣдователь, притаивъ дыханіе, съ жадностью внималъ разоблаченію Саввы. Когда Савва покинулъ вагонъ, слѣдователю удалось чрезъ кондуктора установить личность этого важнаго свидѣтеля. Фамилія Саввы—Гапаріашвили, кондукторъ же именуется Нико Байдурадзе.

За этотъ мучительный періодъ розыска убійцы, дѣла Бахвы Пулава пришли въ полное расстройство. Племянникъ его Несторъ, заручившись отъ дяди векселемъ въ 8000 руб., захватилъ его имѣніе. Самъ онъ въ ожиданіи мести сталъ пить и безобразничать, приобрѣлъ дурную репутацію ростовщика и подъ влияніемъ своего мелкаго адвоката Цункала учинилъ даже подлогъ, чтобы дважды взыскаыть съ должника отданную въ кредитъ сумму. Утратилъ онъ вѣру въ справедливость и людей, имѣя благодѣльствованныхъ, и рѣшилъ самому стать врагомъ людей. Вошелъ въ сношеніе съ однимъ бѣглецомъ изъ Сибири, который обязался ему за 3000 руб. взять кровь съ Іереміи. Послѣдній уже былъ назначенъ сотникомъ по милости Лебова, который вынужденъ былъ жениться на непреклонной Валидѣ и выѣхать за границу. Іеремія выступилъ въ высшее тифлисское общество, утромъ дѣлалъ визиты, вечеромъ проводилъ время въ клубѣ, гдѣ одна армянка вручила ему секретно письмо съ объясненіемъ въ чувствахъ. Іеремія сталъ бывать въ домѣ этой особы съ поощренія ея матери, очарованной красивымъ грузиномъ. Отецъ же ея, извѣстный коммерсантъ, зналъ о тяготѣющемъ надъ Іереміею преступленіи, былъ противъ ихъ сближенія, но не могъ принять какой либо мѣры противъ него, такъ какъ онъ былъ подрядчикомъ полка, гдѣ Іеремія считался всесильнымъ квартирмейстеромъ.

Валида и Лебовъ вернулись вскорѣ изъ-за границы. Онъ уже остылъ къ ней, а она еще болѣе расцвѣла. Мужъ проводилъ время безъ нея. У молодой красавицы появилось много поклонниковъ и въ ихъ числѣ одинъ членъ судебной палаты. Лебовъ увлекся примадонной пріѣзжей изъ Петербурга группы и возбудилъ ревность въ своей супругѣ. Своими терзаніями она подѣлилась съ воспитавшей ее генеральской семьей. Генераль и его супруга увѣрили Валиду, что измѣна Лебова въ порядкѣ вещей, но что и она свободна дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Съ этихъ поръ „она сняла съ себя узду нравственныхъ обязанностей“. Лебовъ уѣхалъ съ примадонной въ С.-Петербургъ. Валида стала героиней „сомнительныхъ романовъ“.—Этимъ романомъ Г. Церетели открываетъ зру въ грузинской беллетристикѣ. Онъ первый отбѣнилъ измѣненія отношеній между феодаломъ и бывшимъ крѣпостнымъ, оцѣнилъ зародившіеся социальные классы и тѣ затрудненія, при которыхъ пред-

стоитъ осуществиться въ Грузіи новому экономическому укладу жизни. Исходя изъ основной идеи своего романа, онъ художественную его сторону подчиняетъ публицистической мысли.

Обозрѣвъ его литературную дѣятельность, хочется подвести итоги. Г. Е. Церетели, какъ уроженецъ Шоропанскаго уѣзда, пограничнаго съ Карталинѣй, рисовалъ по преимуществу имеретинскіе типы. Образованіе, полученное имъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ эпоху общественаго подъема (1863 г.) и дополненное двухгодичнымъ пребываніемъ въ Швейцаріи (Цюрихѣ) и Германіи (Мюнхенѣ) (1872—1874 гг.), гдѣ слушалъ онъ лекціи по естественнымъ и социологическимъ наукамъ, выработало въ немъ многосторонняго дѣятеля на аренѣ журналистики, литературы и общественной жизни. Этотъ отъ природы чуткій публицистъ по самымъ животрепещущимъ вопросамъ, временами становился спокойнымъ художникомъ, объективно воспроизводящимъ въ бытовыхъ картинахъ старыя и зарождающіеся типы, нерѣдко принималъ на себя роль ученаго филолога, толкующаго вопросы этимологии и морфологии высказывая филологическій взглядъ на грузинскій языкъ и теорію Макса Мюллера, выступалъ съ сухими работами по археологіи и эпиграфикѣ (Надписи Гелатскаго монастыря, Археол. экскурсія по Квирильскому ущелью), писалъ сжатые статьи историческаго и этнографическаго содержания ¹⁾ (Борьба родовъ въ Грузіи, Политическая жизнь древней Грузіи, Моны Кавказа на грузинской почвѣ), помѣщалъ рядъ рецензій, издавалъ поэму Ш. Руставели и соч. Г. Эривова, писалъ драматическія произведенія и театральныя замѣтки, обогащалъ дѣтскую бібліотеку маленкими рассказами („Ломкаци“), внесъ свою лепту въ естественно-историческую литературу книжкой „Лучшее знаніе“ и велъ неустанную полемику съ горячими противниками, не раздѣляющими его оригинальныхъ и подъ часъ рѣзкихъ взглядовъ.

Это былъ первый профессиональный грузинскій писатель и журналистъ: избѣгалъ официальной службы и лишь короткое время былъ преподавателемъ грузинскаго языка въ тифлисскомъ дѣвичьемъ институтѣ и реальномъ училищѣ. Въ моментъ кипучей жизни онъ требовалъ отъ грузинскаго дѣятеля, чтобы онъ въ одно и тоже время былъ и публицистомъ и беллетристомъ, археологомъ и социологомъ, историкомъ и практическимъ дѣльцомъ. Живя мечтами объ Европѣ, направляя все помыслы къ насажденію въ Грузіи европейской культуры, выступая въ качествѣ переводчика (напр. траг. Гете Эгмонтъ), и укрѣпляя критическими статьями и археологическими изысканіями правильное отношеніе къ старинѣ и жизни, онъ не чуждался промышленной дѣятельности, практическихъ задачъ, выдвигаемыхъ общественными потребностями. Въ началѣ 80-хъ гг. онъ принимается за эксплуатацію сачхерскихъ нефтяныхъ источниковъ, чрезъ 10

¹⁾ Въ 1898 г. въ видѣ преміи „Квали“ вышла его книжка „Наши древніе герои“ съ предисловіемъ, въ которомъ дѣлаетъ рискованныя сопоставленія грузинской мифологіи съ греческой, ассирійской и пр., а въ 1899 г. напечаталъ романъ *Пираме* изъ эпохи крѣпостнаго права.

дѣтъ мы видимъ его во главѣ грузинской рабочей артели въ Батумѣ, въ послѣдніе годы жизни быть озабоченъ разработкой минеральныхъ богатствъ у себя на родинѣ въ горахъ Чальскихъ.

Всѣ разнообразныя сферы дѣятельности, литература и промышленность, театр и общественное самоуправленіе, онъ которымъ посвящалъ себя съ юношескимъ увлеченіемъ, объединялись его горячимъ желаніемъ пробудить народъ и выяснить въ немъ просвѣтительные идеалы, привить къ нему прогрессивно-демократическіе идеалы. Необычайная энергія и любовь къ народу воодушевляли его при всѣхъ тяжелыхъ превратностяхъ судьбы. Въ первомъ номерѣ „Дрозба“ (1866 г.) двадцатидухлѣтній публицистъ писалъ, что онъ обрѣлъ юношескую свѣжесть послѣ освобожденія крестьянъ. Эту юношескую свѣжесть онъ сохранилъ до конца. Настойчивость и откровенность въ исповѣдуемыхъ убѣжденіяхъ сдѣлали его передовымъ борцомъ за народъ, притомъ борцомъ честнымъ и безкорыстнымъ. Выступивъ на литературное поприще послѣ паденія крѣпостного права, онъ какъ беллетристъ объективно, не сгущая красокъ и не идеализируя, рисовалъ бытъ грузинскаго народа, воздержавшись отъ крайностей тенденціознаго сентиментализма И. Чавчавадзе и народниковъ. Г. Цертели былъ реалистъ чистѣйшей воды, однаково близко принимающій интересы дворянства и крестьянства съ устраненіемъ личныхъ симпатій и антипатій. Реалистъ въ грузинской беллетристикѣ ведетъ свое начало отъ Ардазіани, получилъ окончательное утвержденіе въ произведеніяхъ Г. Цертели и ближайшими послѣдователями его стали Клдіашвили, Д. Мегрели и И. Ниношвили. Онъ далъ художественную галерею типовъ изъ самыхъ разнородныхъ слоевъ общества: интеллигентный дѣятель, получившій уродливое воспитаніе и пекущійся о своей утробѣ, крестьянинъ съ его традиціонными воззрѣніями, захудалый дворянинъ съ большимъ аппетитомъ, политиканствующій чиновникъ проходятъ передъ нами яркой вереницей. На всемъ его творчествѣ лежитъ печать вдумчиваго наблюдателя и европейско-просвѣщеннаго художника. Его произведенія представляютъ во многихъ отношеніяхъ выдающееся явленіе, интересное не только съ точки зрѣнія фабулы, особенностей художественнаго выполнения, но и по глубокой жизненности своего идейнаго ¹⁾ содержанія, по своему соответствію съ работами и потребностями переживаемой минуты. Живой и общественно-чуткій темпераментъ писателя ставитъ въ его дарованіи публицистическій элементъ на первый планъ, нерѣдко подчиняя ему приемы объективно-художественнаго изображенія.

¹⁾ О ром. его „Джибри“ въ журн. „Кребули“ далъ отзывъ Н. Николадзе, указавъ на реальность изображенія типовъ и простоту языка. Защищаясь отъ нападокъ Ант. Пурцеладзе, упрекнувшаго его въ томъ, что онъ по дружбѣ расхвалилъ „Джибри“, Н. Николадзе указываетъ на живость типовъ ком. Цертели, на отсутствіе въ ней шаблонной композиціи, въ рамки которой обязательно входили разбогатѣвшій армянинъ съ грузино-армянской рѣчью, кривляющийся имеретинъ, русскій чиновникъ или офицеръ, влюбленная въ него знатная дѣвица, возлюбленная имеретина и въ заключеніе комедіи двѣ обязательно свадьбы.

Общее впечатлѣніе—яркая жизненная правда, превосходная фотографія дѣйствительности, согрѣтая искреннимъ призывомъ автора къ жизни и борьбѣ съ ея темными сторонами.

Смѣна направленія и переходъ въ новый лагерь не сопровождалась революціоннымъ переворотомъ въ его настроеніи. Ему чужда была страстность прозелита, предающаго сожженію то, чему вчера поклонялся. Въ его душѣ всегда горѣлъ огонекъ, примиряющій рѣзкости литературныхъ направленій. Къ своимъ противникамъ онъ относился толерантно, не увлекаясь гнѣвомъ и мстительностью. Словомъ онъ во всемъ оставался джентльменомъ.

Игн. Ингорква (Ниношвили ¹⁾) (1861—1893).

Конецъ восьмидесятыхъ годовъ XIX в. въ жизни грузинскаго общества совпалъ съ усиленнымъ подъемомъ интереса къ экономическимъ вопросамъ и стремленіемъ къ развитію промышленныхъ операцій. Въ Имеретіи усердно стали добывать марганецъ, отправляемый за границу, капиталисты расширили дѣятельность по эксплуатаціи лѣса въ Сванетіи и Карталиніи, а въ Гуріи и Мингреліи шелководство съ большимъ успѣхомъ насаждалось, охватывая все болѣе ближайшіе къ нимъ районы.

Грузинская интеллигенція присутствовала при первыхъ рѣшительныхъ поступательныхъ шагахъ капиталистическаго промышленнаго развитія. Экономическій водоворотъ, разбивающій прежній укладъ хозяйства, ограничивающагося сферой земледѣлія и винодѣлія, привлекъ дѣятелей различныхъ возрастовъ, профессій и общественныхъ положеній. Въ этой грозной сутолокѣ выросъ и кратковременно работалъ талантливый беллетристъ Игнатій Ингорква, писавшій подъ псевдонимомъ Ниношвили. Онъ происходилъ изъ крестьянскаго сословія (род. въ 1861 г., ум. въ 1893 г.), выбился изъ невѣжественной массы, велъ отчаянную борьбу съ горькою нуждою и лишь за полгода до своей смерти обратилъ на себя внима-

¹⁾ Биографія его написана Г. Цертели (18 страницъ) въ брошюрѣ, изданной *Квали* (Тиф., 1895) подъ заглавіемъ: Два разсказа Игн. Ингорква съ портретомъ автора и биографіей, составленной Г. Цертели. Въ эту книжку вошли разсказы *Распоряженіе и Охотникъ*. Повѣсть *Христине* изд. товариществомъ „Знаніе“ (Батумъ, 1900), разсказъ *Партелли* изд. „Новымъ читателемъ“ (Тиф., 1897). *Рыцарь нашего времени* вышелъ въ Батумѣ (1896). Сборникъ его шести разсказовъ изд. К. Таварикладзе (Озургеты, 1892); сюда вошли: *Голія Уишвилли*, *Странная больная*, *Озеро Палеостомъ*, *Влюбленные и Силона*. Разборъ его повѣстей данъ Г. К. въ „Нов. Обзор.“ № 3392 за 1895 г.; П. Г.—с—а въ *Квали* 1893 №№ 46 и 47, *Пв. Гомартелли* „Квали“ за 1899 г. Некрологъ написанъ А. Хахановымъ въ *Рус. Вѣд.* (1894 г. 24 июня). Объ немъ же см. у *М. И. Сагарадзе* въ брошюрѣ *Наше новое поколѣніе* (Кут., 1897) и П. Г. („Квали“, 1893, №№ 46 и 47). Въ русскомъ переводѣ имѣются: *Озеро Палеостомъ* („Нов. Обзор.“ №№ 3461 и 3463 за 1894 г.), *Распоряженіе* (дважды переводилось на русскій языкъ, въ журн. „Кавказ. Вѣсти.“ и газ. „Курьеръ“ 1900 г. № 73 и этотъ же разсказъ перевелъ на армянскій языкъ Г. К. Тифлисъ, 1903 г.).

ние общества своими произведениями. Онъ умеръ 33 лѣтъ и хотя на литературномъ поприщѣ подвизался всего четыре года (1890—1894), онъ оставилъ по себѣ не только до двадцати повѣстей, но и цѣлое направление „дасистовъ“, выразителемъ котораго онъ явился въ беллетристикѣ. Судьба его настолько характерна для исторіи дасистовъ, насколько его повѣсти сумѣли очертить новое социально-экономическое теченіе въ жизни Грузіи.

Ниношвили,—подъ этимъ именемъ извѣстенъ онъ въ литературѣ,—въ раннемъ дѣтствѣ потерялъ мать и остался на попеченіи отца и тетки,—людей бѣдныхъ, жившихъ тяжелымъ изнурительнымъ трудомъ, едва добывавшихъ себѣ средство на пропитаніе. По смерти отца, онъ пріютился у тетки, которая начала обучать его грузинской грамотѣ („анбани“), затѣмъ распорядилась отдать его для дальнѣйшаго воспитанія малообразованному сельскому священнику, обладавшему познаніями въ области церковнаго письма и незнакому съ буквами гражданскими („мхедрули“). Отъ этого священника,—продолжаетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—меня взяли и доставили къ его племяннику въ Поті, занимавшемуся разными торговыми операціями по продажѣ лѣса и всякаго строительнаго матеріала. Почти около года я прозябалъ у этого торговца, который не училъ меня ничему. Мнѣ было приказано прислуживать въ домѣ и печь на всю семью лепешки изъ кукурузной муки. Дядя мой, видя меня въ такомъ положеніи, сожалѣлся надо мною, взялъ меня на родину, въ деревню и отдалъ въ сельскую школу“. До 15 лѣтъ мальчикъ принужденъ былъ то пасти овецъ, то работать по хозяйству и лишь въ свободное время, урывками посѣщалъ школу. Наконецъ, дядя его замѣтилъ способность и желаніе Игнація учиться, отдалъ его (въ 1875 г.) въ Озургетское духовное училище, въ пригатовительный классъ. Тутъ будущій беллетристъ проявилъ такіа замѣчательныя дарованія, что по окончаніи экзаменовъ былъ переведенъ изъ пригатовительнаго класса прямо во второй классъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ прошелъ четырех-лѣтній курсъ и перешелъ въ IV классъ чуть ли не первымъ ученикомъ. Но въ училищѣ курса не кончилъ, такъ какъ произошли ученическіе беспорядки, въ которыхъ принялъ участіе и Ниношвили. Онъ былъ уволенъ за критическое отношеніе къ распоряженіямъ училищнаго начальства. Юный бунтовщикъ не потерялся: онъ цѣлый годъ продолжалъ жить въ уѣздномъ городѣ, перебываясь уроками и подготавливаясь къ экзамену на званіе сельскаго учителя. Въ 1880 г. онъ уже состоялъ учителемъ въ родномъ селѣ Чочхати. За кратковременный періодъ своей педагогической дѣятельности онъ убѣдился въ недочетахъ своего образованія и рѣшилъ „самому поучиться прежде, чѣмъ учить другихъ“. Онъ весь предается мечтамъ о самообразованіи, и въ этихъ видахъ онъ въ товариществѣ съ какимъ-то землякомъ беретъ подрядъ земляныхъ работъ на строящемся тогда батумскомъ участкѣ желѣзной дороги, лѣтя мысль скопить гроши для поѣздки за границу, въ надеждѣ тамъ утолить мучившую его духовную жажду. Осуществленіе этой мечты потребовало отъ него продолжи-

тельныхъ скитаній и смѣны профессиональныхъ занятій. Отказавшись навсегда отъ педагогической карьеры и прогорѣвъ на подрядахъ по желѣзной дорогѣ, онъ сталъ телеграфистомъ, но вскорѣ перебрался въ Тифлисъ и сталъ работать (1881 г.) въ качествѣ простаго типографскаго наборщика. Черезъ два года онъ принимаетъ должность сельскаго писаря въ родной деревнѣ. Мягкая, отзывчивая натура Ниношвили собрала вокругъ него доброжелательныхъ друзей, которые, зная его мечту о заграничной поѣздкѣ, посоветовали ему ѣхать въ Францію, причемъ обѣщали ему матеріальную поддержку. Не долго пришлось ему жить въ „странѣ знанія и свободы“: въ началѣ 1887 г., натерпѣвшись на чужбинѣ отъ голода и холода, возвращается онъ на родину. Бѣдствовалъ онъ и у себя на родинѣ, пребываясь поденною работою и изнуря себя непосильнымъ физическимъ трудомъ, въ качествѣ чернорабочаго на нефтяномъ заводѣ Ротшильда въ Батумѣ. Тутъ онъ тоскалъ тяжести, помѣщался въ сырой лачужкѣ съ семью другими заводскими рабочими, дышалъ невыносимымъ воздухомъ, питался скудной пищей; кончилось тѣмъ, что злокачественная лихорадка выжила его изъ Батума. Оправившись отъ болѣзни, онъ поступилъ въ контору Н. В. Гогоберидзе, извѣстнаго марганцепромышленника въ Квирилахъ, гдѣ, по его словамъ, окончательно разстроилъ свое здоровье. Малярія, вывезенная изъ Батума и преслѣдовавшая его до конца жизни, заставила бросить все и поселиться въ деревнѣ. Нужда, вѣрная спутница Ниношвили, и тутъ его не покинула. Послѣдніе годы своей жизни, будучи прикованъ къ одру смерти, онъ жилъ почти исключительно на гроши, зарабатываемые литературными занятіями. Въ надеждѣ на теплый климатъ, столь необходимый для восстановления его истощенныхъ отъ маляріи силъ, доктора отправили его въ Батумъ, гдѣ онъ и отдалъ Богу свою измученную душу 29 апрѣля 1894 г., 33 лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ литературнаго таланта.

Несмотря на кратковременность его литературной дѣятельности, онъ затронулъ въ своихъ произведеніяхъ много любопытныхъ вопросовъ и освѣтилъ рядъ зарождающихся общественныхъ явленій. Сочетая талантъ публициста съ кистью художника, Ниношвили рисовалъ собой положеніе народа и постепенное его матеріальное разложеніе. Причины разложенія семьи онъ группируетъ въ двѣ категоріи: въ однихъ повѣстяхъ факторами разложенія служатъ внѣшнія обстоятельства, въ другихъ—внутреннія. Къ первой категоріи произведеній относятся: Гогія Уишвили, Озеро Палеостомъ, Распоряженіе, Симона, Охотникъ, Мосе-Пи-сецъ; ко второй группѣ: Странная болѣзнь, Партахи, Рыцарь нашихъ дней и Влюбленные.

Первымъ произведеніемъ Ниношвили былъ его небольшой рассказъ „Гогія Уишвили“, напечатанный въ 1890 г. въ газ. „Театръ“. Рассказъ этотъ взятъ изъ жизни гурійскаго крестьянства, не отличается особеннымъ достоинствомъ и потому прошелъ совершенно незамѣченнымъ. Трогательна судьба героя повѣсти, бѣднаго крестьянина, обладающаго лишь двумя десятинами земли, но уповающаго на Бога и вдохновляемаго своей

супругой Марине на светлое будущее. Однако, участь его все ухудшалась, онъ разорялся подъ тяжестью повинностей въ пользу бывшего помѣщика, священника, старшины;—разстратилъ приданое своей жены на уплату долговъ, волновался изъ-за непрерывно постигавшихъ его бѣдствій. Последней каплей его испытаній послужила суровая расправа „эзекуціи“, поставленной будто-бы въ огражденіе деревни отъ разбойничьей шайки. Наканунѣ Нового года казаки изъ эзекуціоннаго отряда отняли у семьи Уишвили все, что она заготовила къ торжественному дню въ ихъ жизни, а самого Гога высѣкли розгами за сопротивленіе властямъ и требованіе правосудія. Не вынесъ физическихъ и душевныхъ страданій бѣдный Гога и умеръ, разуверившись въ справедливости Промыслителя и съ безутѣшнымъ возрѣніемъ на лучшую участь въ той „загробной“ жизни. Марине же склоняетъ свою покорную голову предъ неотразимымъ предопредѣленіемъ судьбы. Попираніе правосудія авторъ рисуетъ и въ рассказѣ „Охотникъ“. Герой рассказа Бежанъ за убійство кабана присужденъ къ штрафу въ 109 р. и тюремному заключенію на полтора года.

Въ 1891 г. въ „Иверіи“ появились три его небольшихъ рассказа: „Странная болѣзнь“, „Влюбленные“ и „Озеро Палеостомъ“. Въ первомъ рассказѣ авторъ рисуетъ жизнь имеретинской деревни, трудоваго класса ея населенія, изъ котораго выдѣляется новый типъ, неизвѣстный еще въ грузинской беллетристикѣ. Это Коте Мамаладзе, типъ молодого человѣка, проведшаго молодость свою въ Тифлисѣ приказчикомъ и вернувагося въ деревню съ страшною венерическою болѣзью. Водвореніе его въ деревнѣ вноситъ въ чистую патриархальную среду заразу и начало нравственнаго разложенія. Онъ губитъ прежде всего молодую жену сельчанина Тасо, которая вышла 13-лѣтъ замужъ безъ любви и притомъ за человѣка, старше себя на 23 года. Болѣзнь передается дѣтямъ ихъ, а нѣкогда красавица мать ихъ, теперь безногая и ослѣпшая, ходитъ по міру за подаяніемъ.

Въ другой повѣсти „Влюбленные“ авторъ вновь возвращается къ неравному браку и анализу современныхъ семейныхъ отношеній и въ художественномъ рассказѣ возстаетъ противъ господствующихъ взглядовъ на бракъ. Сорокалѣтній Элизбаръ Табладзе женится на 17-лѣтней дѣвушкѣ Вардико. Эти не по возрасту заключенныя брачныя узы не могли предрекать семейнаго счастья Табладзе, утратившаго способность любить пылко и страстно. Вардико влюбляется въ 21-лѣтняго юношу Сико и проводить съ нимъ блаженные вечера. Тайныя встрѣчи и опасенія подвѣргнутыя общественнымъ пересудамъ не разъ отравляли влюбленнымъ минуты наслажденій. Вскорѣ поклонникомъ ея и конкурентомъ Сико становится нѣкто Гуліа и въ результатѣ трехлѣтнихъ тщетныхъ ухаживаній послѣдній убиваетъ Сико на разсвѣтѣ, послѣ сладостно проведенной имъ ночи съ Вардико, и открываетъ глаза опозоренному мужу, который въ гнѣвѣ поднимаетъ руку на свою жену. Народъ объяснилъ это печальное происшествіе такъ, что любовники Вардики поссорились между собою и жертвой ихъ столкновенія пала она.

Авторъ устами своего героя выражаетъ негодованіе противъ условной морали и нравственныхъ оковъ, налагаемыхъ сложившимися возрѣніями на нормальныя секулярныя отношенія. Въ этихъ повѣстяхъ уже обнаружались отличительныя черты беллетристическаго дарованія Пиношвили. Манера его творчества заключается въ естественности и искренности тона, въ умѣннн подмѣтить новыя явленія жизни и рельефно очертить зарождающіеся типичныя образы. Онъ просто изображаетъ драму, которую переживаютъ люди, застигнутые поднявшеюся бурей переоцѣнки прежнихъ общественныхъ отношеній и нравственныхъ понятій.

Въ рассказѣ „Озеро Палеостомъ“ изображается первый натискъ, произведенный капиталистическимъ производствомъ на деревенскій укладъ жизни. Трогательна судьба отца-крестьянина Ивана, погибающаго вмѣстѣ съ единственнымъ сыномъ своимъ Нико въ бущующихъ волнахъ озера. Въ силу сложившихся новыхъ экономическихъ запросовъ крестьянка не можетъ выходить замужъ безъ приданаго. И крестьянинъ Иванъ вынужденъ покинуть деревню и заняться сплавомъ лѣса въ Поті по озеру, чтобы съ опасностью для своей жизни зарабатывать гроши на приданое дочери Машы.

„Для деревень западной части Гуріи городъ Поті имѣетъ большое значеніе. Все, что предназначается для продажи, деревни эти сбываютъ въ Поті; все необходимое покупаютъ тамъ-же. Когда къ крестьянину, обывателю этихъ деревень, обращаются съ требованіемъ какихъ-нибудь платежей, городъ Поті служитъ ему порукой. „Дай срокъ“, говоритъ онъ сборщику или старшинѣ, „схожу въ Поті, вернусь съ деньгами и тогда получай“. И съ утра до вечера тянется по дорогѣ въ Поті вереница гурійцевъ-крестьянъ, навьюченныхъ илѣйками, курами, всевозможною живностью, мукою, кукурузой и всякими продуктами.

Лѣсной же матеріалъ изъ Гуріи доставляется въ Поті въ неограниченномъ количествѣ. Потому-то, когда проносятся слухъ, что городъ Поті падаетъ, что портъ переносятъ (а такіе слухи часто циркулируютъ въ Гуріи), жители тѣхъ деревень ходятъ мрачно, понуривъ головы. Но столь выгодное для гурійцевъ общеніе съ городомъ Поті затруднено однимъ обстоятельствомъ: на пути, по которому гурійцы направляются въ Поті, стоитъ грозный ключарь, который по временамъ становится такъ упрямъ, что на цѣлыя недѣли закрываетъ доступъ въ городъ. Грозный ключарь, это озеро Палеостомъ, которое какъ бы отряжено Чернымъ моремъ, чтобы сторожить городъ Поті со стороны суши. Кажется, что Черное море сообщило своему питомцу свой бурный, бѣшеный характеръ и ненависть къ человѣчеству. Когда поднимается вѣтеръ, Палеостомъ чернѣетъ и съ пѣной у рта, бурно вздымаетъ свои гребни: какъ будто весь міръ собирается поглотить это маленькое чудовище. Хотя озеро это невелико,—человѣкъ, обладающій острымъ зрѣніемъ, легко можетъ съ середины его разглядѣть берега, покрытые густымъ тростникомъ,—но обладаетъ всѣми свойствами моря, съ которымъ Палеостомъ соединенъ длиннымъ, широкимъ каналомъ.

Относительно Палеостома в Гуріи существует такая легенда. В томъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро, пѣкогда будто бы было селеніе, называвшееся „Палеостомомъ“. Однажды суша стала опускаться, образовывая углубленіе, земля дала трещины и черезъ нихъ ринулись воды, затопившія все селеніе. Такимъ образомъ возникло озеро. Народъ, тамъ жившій, и все одушевленное погибло, только діаконъ одинъ успѣлъ спастись, захвативъ съ собою образъ архистратига Михаила, и напелъ убѣжище на Джуматской горѣ в Гуріи, гдѣ впоследствии въ честь той иконы была воздвигнута церковь. А тотъ діаконъ, по фамиліи Дарчіа ¹⁾, былъ поставленъ благочиннымъ священникомъ. Церковь на Джуматской горѣ существуетъ и нынѣ, и теперь живетъ въ селеніи Джумати родъ по фамиліи Дарчіа и многіе изъ нихъ духовнаго званія; но насколько содержаніе приведенной легенды правдиво—не знаю.

Озеро Палеостомъ принадлежитъ князю мингрельскому—Дадіани и въ немъ рыболовы-мингрельцы ежегодно вылавливаютъ своими широкими сѣтями громадное количество рыбы. О томъ, какъ озеро Палеостомъ перешло во владѣніе Дадіани, в гурійскомъ народѣ ходитъ по преданію слѣдующее легендарное сказаніе.

По какому-то случаю владѣтель Мингрелии, Дадіани, отдалъ своего сына заложникомъ владѣтелю Гуріи, князю Гуріели. По князь Гуріели, по полученіи заложника, опять заподозрилъ Дадіани въ предательскихъ замыслахъ. Поэтому наканунѣ Новаго года онъ велѣлъ обезглавить взятаго заложникомъ молодого князя, положилъ отрубленную голову въ шкатулку и объявилъ: „тотъ смѣльчакъ, который возьмется доставить эту голову князю Дадіани въ день Новаго года,—если онъ крестьянинъ,—будетъ пожалованъ дворянскимъ достоинствомъ, если онъ дворянинъ—будетъ возведенъ въ княжеское“. И одинъ крестьянинъ вызвался доставить.

Сѣлъ на коня и въ самый день Новаго года, когда князь собирался къ обѣднѣ, поднесъ ему запертую шкатулку—даръ князя Гуріели. Когда же Дадіани потребовалъ ключъ отъ шкатулки, крестьянинъ, ударивъ себя по головѣ, воскликнулъ: „горе мнѣ! Я почевалъ въ дорогѣ и забылъ ключъ на почлегѣ!“—и съ этими словами, вскочивъ на коня, онъ пустился въ обратный путь какъ будто за ключемъ. Убѣдившись, что посланецъ не возвращается, Дадіани велѣлъ взломать шкатулку и напелъ то, что тамъ было—голову своего сына.

Вслѣдствіе этого между Гуріели и Дадіани возгорѣлась война и, когда, наконецъ, они кое-какъ помирились, Дадіани получилъ отъ кн. Гуріели озеро Палеостомъ, какъ мзду за кровь убитаго сына.

Между Палеостомомъ и гурійскими деревнями расположены сначала у самыхъ деревень пахотныя и пастбищныя поля, далѣе громадный, хотя болотистый, но богатый деревьями различныхъ породъ лѣсъ и, наконецъ, покрытая осокою и тростникомъ низменная мѣста, которыя гурійцы называютъ „эцери“. Красивое зрѣлище представляетъ это „эце-

¹⁾ „Дарчіа“ по грузински означаетъ „спасшійся“, „оставшійся“.

ри“ по пріятному для зрѣнія цвѣту растительности—весною ярко-зеленому, а осенью—золотисто-желтому. Это зрѣлище ласкаетъ, но и обманываетъ взоръ: тамъ, гдѣ поверхность кажется покрытой зеленымъ бархатомъ, нога вязнетъ въ гнилой болотной водѣ.

Лѣсъ и „эцери“ бороздятъ безчисленныя маленькія рѣчонки, изъ которыхъ образуются двѣ сплавыя рѣки. Рѣки эти, начинаясь около деревень, впадаютъ въ Палеостомъ.

Быль декабрь мѣсяцъ. Погода стояла отвратительная. То дуль рѣзкій вѣтеръ и хлесталъ дождь, по временамъ переминаясь со снѣгомъ, то сыпалъ градъ. Когда погода прояснилась, жестокіе морозы жгли все. Зажиточные люди, въ такую пору сидятъ дома у пылающихъ каминовъ и развлекаются всякими способами. Но рабочій крестьянскій людъ, какава бы пора ни стояла, не можетъ думать объ отдыхѣ.

Несмотря на отвратительную погоду, въ ближайшихъ къ Палеостому лѣсахъ слышался стукъ топоровъ и по временамъ гулъ падающихъ деревьевъ. Рабочій народъ осаждалъ лѣсъ, заготовляя для продажи въ Поти брусья. Работали безъ отдыха, промокшіе, съ покраснѣвшими отъ холода руками и ногами, а ночью усталые и изнуренные засыпали у очаговъ въ своихъ сквозныхъ шалашахъ. Въ многіе шалаша протекала дождевая вода, такъ какъ рабочіе не находили свободнаго времени, чтобы какъ слѣдуетъ исправить крыши.

Лѣсъ, въ которомъ теперь работали крестьяне, одно время составлялъ собственность сельскихъ обществъ. Люди всѣхъ состояній, большіе и малые, свободно пользовались рыбными ловлями, охотились и работали въ немъ. Ни съ чьей стороны не было никакихъ споровъ и притязаній; лишь иногда между деревнями возникалъ споръ относительно того, кому принадлежитъ пользованіе тою или другою частью лѣса. Но когда дворяне, соучастники въ общемъ пользованіи, поняли и оцѣнили выгоды исключительнаго владѣнія лѣсомъ, то вознамѣрились отдѣлаться отъ крестьянъ. Сначала они стали огрызаться, что лѣсъ ихъ, и крестьяне по закону не имѣютъ права пользоваться имъ. Затѣмъ, видя, что это не дѣйствуетъ, дворяне стали отнимать обработанныя крестьянами деревья. Понятно, въ началѣ они позволяли это себѣ лишь съ наиболѣе безответными, но потомъ не стали церемониться и съ сильными. Съ своей стороны, крестьяне начали отвѣчать тѣмъ же и даже въ этомъ отношеніи превзошли своихъ противниковъ. Такъ какъ ихъ было много, и силою противъ нихъ ничего нельзя было подѣлать, дворяне обратились къ помощи полиціи. По жалобамъ ихъ полиція постоянно требовала то того, то другого крестьянина и мѣрами внушенія пыталась отстранить ихъ отъ пользованія лѣсомъ. Тогда крестьяне прибѣгли къ иному способу: они сплотились и все сельское общество дѣйствовало сообща, какъ въ работѣ, такъ и при захватахъ. Полиція обратилась къ послѣднему средству: она арестовала двухъ-трехъ главарей, но крестьяне все же не прекращали пользованія лѣсомъ.

„Хотя бы всѣхъ насъ арестовали поголовно, мы не можемъ отказаться отъ нашего кормильца“, настойчиво повторяли они. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда въ той мѣстности началось межеваніе, и всѣ возникшіе споры должны были поступить на рассмотрениеъ суда. Но тутъ между князьями и дворянами произошелъ расколъ. Князья стали присваивать лѣсъ неключительно себѣ, не признавая правъ подвластныхъ имъ азнауровъ¹⁾; азнауры, напротивъ, доказывали, что каждый дворянскій домъ имѣетъ такую же долю участія въ землѣ, какъ и княжескій. Дѣло запутывалось. Видя это, казенное и церковное вѣдомства также потянулись: авось-де и намъ удастся выловить рыбу, и заявили споры, докладывая, что спорный лѣсъ не принадлежитъ ни тѣмъ, ни другимъ, а составляетъ собственность казны и церкви. Дѣло осложнилось еще болѣе. Но крестьяне ни мало не тревожились: увѣренные въ правотѣ своего дѣла они говорили, что пока существуетъ законъ на землѣ, никто не можетъ лишитъ ихъ владѣнія лѣсомъ и спокойно продолжали свое пользование. Въ судѣ доводы повѣренныхъ со стороны дворянъ и уполномоченнаго казны, что крестьяне не могутъ приобрести никакую недвижимой собственности иначе, какъ по выкупному договору и крѣпостнымъ актомъ, были отвергнуты судомъ, признавшимъ, что десятилѣтнее владѣніе создаетъ право собственности для владѣльца, къ какому бы слову онъ не принадлежалъ. Дѣло получило благоприятный оборотъ. Спорящія стороны стали внушать своимъ крестьянамъ: „мы вамъ не отказываемъ въ пользованіи, а до другихъ какое вамъ дѣло: если мы допустимъ всѣхъ соучастниками, то лѣсъ потеряемъ какъ для насъ, такъ и для васъ. Помогите намъ отдѣлаться отъ другихъ соучастниковъ, и лѣсъ останется по-прежнему въ вашемъ пользованіи“.

Помѣщики при поддержкѣ примкнувшихъ къ нимъ крестьянъ и съ помощью жесвидѣтелей выиграли дѣло отъ остальныхъ, заявившихъ споръ, лицъ. Но и тѣ крестьяне, которые оказывали помѣщикамъ поддержку, рассчитывая на даровое пользованіе, остались „при печальномъ интересѣ“: ни одного полѣна не позволяли вырубать иначе, какъ за плату. Вотъ въ этомъ самомъ лѣсу, теперь крестьяне обтесывали брусья для сплава въ Потн. По условію изъ заготовленнаго лѣса половина должна была быть сдана владѣльцамъ въ видѣ платы за пользованіе.

На берегу одной изъ рѣченокъ стоялъ шалашъ, по наружному виду котораго легко можно было заключить, что онъ сдѣланъ опытною, умѣлою рукою мастера. Прочно сплетенный изъ крѣпкихъ прутьевъ, съ хорошо пригнанною деревянною дверью, тщательно покрытый соломою, съ двумя аккуратно сплетенными лежанками по обѣимъ сторонамъ внутри—онъ отличался отъ другихъ разбросанныхъ въ лѣсу хижинъ. Шалашъ этотъ принадлежалъ крестьянину Ивану, который съ своимъ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ Нико также находился и работалъ въ лѣсу.

¹⁾ „Азнаурами“ называются нетитулованные дворяне. Азнауры дѣлились на тронныхъ, или коренныхъ, находившихся въ непосредственной зависимости отъ короны, и княжескихъ—подвластныхъ княжескимъ родамъ.

Ивану было лѣтъ сорокъ пять. Онъ былъ отецъ многочисленнаго семейства: двухъ сыновей и пяти дочерей. Изъ нихъ старшій былъ Николай, за нимъ слѣдовала дочь-подростокъ, а остальные были такъ малы, что ни на какую работу еще не годились. Для содержанія такого семейства отъ главы его требовался постоянный, неустанный трудъ; этому можно было приписать то, что волосы и борода у Ивана преждевременно посѣдѣли.

Между сосѣдями Иванъ пользовался уваженіемъ, благодаря своему уму, честности и расторопности. Такъ какъ онъ содержалъ свою семью сравнительно хорошо, то сосѣди предполагали, что у него припрятаны деньги, добытыя въ дни молодости. Топоромъ Иванъ владѣлъ искусно и потому часто можно было слышать между рабочими въ лѣсу: „Вотъ такъ брусья, братецъ мой, у Ивана! какъ будто заправскимъ плотникомъ обтесаны. Конечно, онъ ихъ продастъ по хорошей цѣнѣ“.

Въ этомъ году Иванъ особенно рано принялся за работу и успѣлъ обтесать порядочное число деревьевъ, такъ какъ отчасти ему помогать Нико. По вечерамъ онъ рано отпускалъ сына домой для приготовленія ужина, и, когда онъ самъ позже возвращался въ шалашъ, отецъ съ сыномъ присаживались къ огню, и ѣли свой скудный ужинъ: чурекъ съ сыромъ, а въ постные дни съ похлебкой. Иногда Иванъ ловилъ рыбу или убивалъ кабана (онъ былъ смѣлый охотникъ), хотя очень жаловался, что въ лѣсу всякая дичь перевелась. „Прежде, если я шелъ на охоту самъ-другъ, то могъ быть увѣренъ, что вернусь съ оленемъ, или съ цѣлою лодкою рыбы“, говорилъ онъ; „теперь олень совсѣмъ вывелся, рыба порѣдѣла въ водѣ“. Однажды вечеромъ Иванъ рано вернулся домой и долго бесѣдовалъ съ сыномъ.

— „Знаешь, Нико, если Богъ намъ поможетъ и не нашьлетъ на насъ какую-нибудь напасть, хорошія дѣла мы надѣлаемъ въ этомъ году: много мы съ тобою обтесали лѣса. Если бы не нужно было заготавливать приданое для дѣвченокъ, можно было бы выкупить надѣль отъ помѣщика. Эхъ! освободиться бы мнѣ отъ этихъ надѣльныхъ повинностей, кажется, о смерти бы не пожалѣлъ. Сосѣди всѣ говорятъ: „кто такъ богатъ какъ ты? Отчего не откупишься?“ Думаютъ, что у меня есть деньги. Держать семью впроголодь, чтобъ откупиться, я не могу, а такъ на все не хватаетъ одной рабочей руки. Въ этомъ году нужно покончить съ свадьбою дѣвочки... Провались она!! Не по отеческому чувству говорю: будь такая дѣвушка, какъ моя Мата, въ прежнее время, за ней не только не просили бы приданого, но еще сами стали бы тратиться, чтобъ имѣть ее своей женой. Другой такой дѣвушки не найдется у насъ въ Мухурахъ. А теперь, если не навалишь на нее груды приданого—сколько сама вѣситъ, то должна состарѣться дома. И это еще ничего, а то кто-нибудь, пожалуй, опозоритъ ее, какъ это случилось съ Иосифовой дочерью, которая родила безъ вѣнца... Въ этомъ году покончимъ съ этимъ дѣломъ; что останется, пойдетъ на повинности, семью...

— Еслибъ намъ не приходилось платить за пользованіе лѣсомъ, всѣ обтесанныя деревья были бы наши...—прервалъ его Нико.

— Гм!.. Еслибы этимъ не выматывали душу... Святой Георгій да поразить того съ семьей, кто до этого довель наше дѣло,—сказалъ съ сердцемъ Иванъ, Эхъ! Куда дѣлись уговоръ и согласіе! Если-бъ наши братья намъ не измѣнили, кто могъ тронуть насъ? Измѣна и предательство всему причиной. Гм!... поддержи они насъ тогда... Но обманули ихъ несчастныхъ. Крестьянинъ неучъ, а неуча всякій обманеть... Знаешь, Нико, съ запасомъ этого года распорядимся, какъ сказано. Въ будущемъ году пораньше выйдемъ въ лѣсъ.—тогда и ты больше сможешь въ работѣ,—и давай-ка откупимся отъ барина. Надѣльный крестьянинъ—тотъ же рабъ. Подумай-ка: если я вдругъ протяну ноги,—вѣдь сиротъ моихъ заложать за повинности. Богъ да поможетъ намъ!

— Умремъ мы, батя, пропадая каждую зиму въ лѣсу. Что же это,—не собаки же мы, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Нико отцу.

— Хорошо, сынъ мой, отдыхать. Но кто тебѣ дастъ отдыхъ: передъ барининомъ, священникомъ, царемъ, семьей, друзьями, врагами—передъ всѣми должны держать отвѣтъ. Тяжела крестьянская доля!

Нико посмотрѣлъ на отца и съ горечью вздохнулъ. Нико былъ блондинъ, съ женственно нѣжнымъ сложеніемъ и съ трудомъ переносилъ работу. Отецъ давно замѣтилъ, что Нико не способенъ къ тяжелому труду и потому рѣшилъ отдать его въ ученіе. Одно время держалъ его въ сельской школѣ, потомъ отвезъ въ городское училище. Нико съ своей стороны обнаружилъ хорошія способности и считался лучшимъ ученикомъ между своими сверстниками. Но Ивану не под силу стало содержать сына въ училищѣ, и онъ взялъ его изъ перваго класса. Съ тѣхъ поръ прошло три года, но у Нико не пропадала охота къ ученію. Какъ только онъ находилъ свободное время, не отрывался отъ книжки. Иванъ очень сожалѣлъ, что отвлекъ сына отъ ученія.

— Погубилъ я свою душу, что взялъ тебя изъ школы. Въ нѣтъшнее время незнающій человѣкъ не болѣе, какъ упряжная скотина,—говорилъ Иванъ, когда видѣлъ книжку въ рукахъ сына. Но что было дѣлать! Не смогъ одинъ тянуть тяжелое ярмо и взялъ въ подмогу себѣ старшаго сына.

— .. Таковы крестьянскія дѣла....., хотѣлъ продолжать разговоръ Иванъ, но въ это время въ шалаши вошелъ сосѣдъ Гнго и сказалъ:

— Слышалъ, Иванъ, какое несчастье случилось? Сильный почной вѣтеръ сломилъ дубъ около шалаша Залики, ударилъ его о шалаши и оба товарища погибли. Хотя бы прахъ ихъ остался для преданія землѣ: шалаши загорѣлись и, какъ свѣчи, выгорѣли оба. Что будетъ съ ихъ сиротами! У обоихъ изба полна ребятишекъ.

— Охъ! несчастные, несчастные, воскликнулъ Иванъ, ударивъ себя по головѣ. Ни у одного не осталось въ семьѣ взрослого работника. Подохнуть всѣ отъ голода.

— Гм!, произнесъ Иванъ со вздохомъ. Такова судьба несчастнаго крестьянина: работаетъ, копошится, то туда, то сюда, смотришь,—и придавить его смерть, какъ комара“.

Долго говорили въ эту ночь отецъ съ сыномъ. Вспомнили всѣхъ умершихъ въ томъ году по несчастному случаю въ своихъ ближайшихъ деревняхъ: какого-то Павлика, который сбивая съ дерева орѣхи, свалился и разбилъ себѣ голову, какъ яйцо, какую-то шестилѣтнюю дочь Петра, которая была оставлена родными безъ присмотра и, неосторожно приблизившись къ огню, загорѣлась и умерла; какого-то Іесіку, который, служа въ батракахъ у священника, былъ посланъ въ половодье куда-то и утонулъ, переправляясь чрезъ рѣку; трехъ какихъ-то дѣтей, которыхъ, когда родители ихъ были на работѣ, искусила бѣшеная собака, одинъ изъ нихъ тотчасъ же умеръ, другой заболѣлъ водобоязнью, а третій, хотя и остался живымъ, но былъ изуродованъ...

Участь деревьевъ, заготовленныхъ для отправления въ Поті, зависитъ отъ погоды: если нѣтъ половодья, тѣ рѣчки, на берегахъ которыхъ сложены деревья (по берегамъ сплавленныхъ рѣкъ весь лѣсъ уже вырубленъ), по недостатку воды не могутъ поднять плотовъ. Иногда случается, что нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, по причинѣ засухи, не бываетъ половодья, и обработанные деревья гниютъ на мѣстѣ.

Потому-то лѣсопромышленники, заготовивъ партіи, съ нетерпѣніемъ смотрятъ на небо въ ожиданіи, когда хлынетъ дождь и будетъ половодье. Правда, дожди въ губерніи, благодаря близости Чернаго моря, нерѣдки, но такіе ливни, какіе необходимы для лѣсопромышленниковъ, случаются въ годъ два-три раза, а иногда и вовсе въ теченіе года не случаются. Но въ томъ году, въ февралѣ хлынулъ такой дождь, что рѣчки уносили съ собой все. Изъ ближайшихъ деревень народъ высыпалъ въ лѣсъ; дома остались только дѣти да женщины. Кто не имѣлъ своего лѣса, тотъ нанимался за плату. Нечего говорить, что Иванъ съ Нико и нѣсколькими наемными рабочими также появились около своихъ деревьевъ. Правда, холодъ пронизывалъ рабочихъ до костей,—но кто обращалъ вниманіе на холодъ! Такое половодье могло случиться лишь разъ въ три-четыре года и всѣ спѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы сплавить лѣсъ въ Поті. Когда сплавили брусья на большую рѣку, связали большіе плоты и всѣ поплыли по направленію къ Поті; одни впереди, другіе назади; Иванъ также связалъ громадный плотъ, рассчитался съ наемными рабочими, посадилъ своего Нико съ собою, перекрестился и пустился въ путь.

Когда Иванъ приблизился къ Палеостому, уже стемнѣло. Хотя погода и прояснилась, но ночь была безлунная и было темно. Къ тому же подулъ маленькій вѣтеръ. „Откуда это взялся проклятый вѣтеръ“, съ неудовольствіемъ промолвилъ Иванъ, потомъ внимательно посмотрѣлъ на небо и добавилъ: звѣзды такъ ярко блещутъ, что вѣтеръ усилится.—Нико, сегодня придется здѣсь привязать плотъ и провести ночь. Въ такую темную ночь легко потерять берегъ и тогда мы пропадемъ. Если-бы ты не былъ со мною—другое дѣло. Я и въ худшую погоду переплывалъ Палеостомъ; но тебя я не могу довѣрить въ такую ночь этой ненасытной прорвѣ. Ты не опытенъ и, если тебя захлеснетъ волна, то, пожалуй, несеть съ плота.

Съ этими словами Иванъ направилъ плотъ къ берегу. Достигнувъ суши, онъ вбилъ коль, привязалъ плотъ и затѣмъ отецъ съ сыномъ вышли на берегъ. Иванъ отыскалъ сухое мѣсто,—гдѣ бы можно было развести огонь, ударилъ огниво и добылъ огонь; потомъ онъ досталъ съ плота дрова и развелъ такой костеръ, что пламя подымалось на сажень. Но ночь была такая холодная, дулъ такой рѣзкій вѣтеръ, что огонь, разведенный подъ открытымъ небомъ, не грѣлъ. Въ особенности Нико такъ озябъ, что стукъ его зубовъ достигалъ до Ивана, который тщательно куталъ своего сына въ бурку. Послѣ полуночи вѣтеръ сталъ ослабѣвать. Наконецъ, Нико кое-какъ заснулъ; Иванъ тоже прилегъ и чуть-чуть вздремнулъ. Но скоро начало разсвѣтать, и онъ вскопчилъ на ноги. Нико тоже проснулся. Послѣ сна его опять пронизалъ холодъ и онъ сталъ стучать зубами. Иванъ хотѣлъ отправиться, какъ можно скорѣе, такъ какъ онъ боялся усиленія вѣтра, но жалость взяла его при видѣ сына, и онъ сталъ разводилъ огонь, чтобъ отогрѣть сына.

Это обстоятельство такъ замедляло ихъ отправленіе, что заря уже занималась изъ-за горы, когда они перешли на плотъ. Вѣтеръ раза два сильно дохнулъ, какъ просыпающійся, и опять сталъ. Иванъ посмотрѣлъ на небо и съ озабоченнымъ видомъ сказалъ: „Нужно сѣбѣшить, Нико, а то вѣтеръ усилится“. Отецъ съ сыномъ перекрестились и, съ Богомъ, спустили плотъ.

— „Гдѣ же Бежанъ и Датико, что плыли слѣдомъ за нами“,—спросилъ Нико.

— Вѣроятно, они испугались холода и стали у верхняго шалаша. Съ ними и другіе были, но и тѣхъ не видать. Глупость ихняя: предупредили бы вѣтеръ, а то, если теперь поднимется, то врядъ ли уляжется раньше пятнадцати дней. Хуже будетъ тогда—мерзнуть въ бухтѣ въ ожиданіи погоды,—сказалъ Иванъ, который сильно погонялъ плотъ и по временамъ поглядывалъ на небо. Когда они миновали бухту, плотъ свободно несся по взволнованнымъ ночнымъ вѣтромъ водамъ Палеостома,—оттуда ясно были видны очертанія Джуматской горы и на вершинѣ ея, какъ орлиное гнѣздо—Архангельскій монастырь.

Такъ какъ солнце еще не восходило, гору и монастырь окутывалъ какой-то таинственный полумракъ. Иванъ посмотрѣлъ въ сторону монастыря и, перекрестившись, съ выраженіемъ глубокаго благоговѣйнаго чувства въ лицѣ, произнесъ: „Святый Архангелъ Гавриилъ, спаси насъ!“ Нико послѣдовалъ его примѣру. Но Палеостомъ выглядывалъ такими таинственными темно-зелеными глазами, что Нико на себя былъ не похожъ отъ страха. Иванъ смѣло дѣйствовалъ шестомъ и не обращалъ вниманія на блѣдное лицо сына. Тотъ тоже старался помочь отцу и скрыть чувство страха. Солнце выглянуло и въ видѣ золотого столба опустило свой первый лучъ въ воду озера въ одномъ мѣстѣ, которое загорѣлось нестерпимымъ для глазъ огненнымъ блескомъ. Но Палеостому освѣщеніе придало еще болѣе мрачный и зловѣщій оттѣнокъ. Гора и монастырь пока еще чернѣли въ тѣни, такъ какъ туда еще не достигали лучи солнца. Гора, воздухъ и окрестное пространство приня-

ли какой-то неприятный таинственный колоритъ... Какъ-будто сопровождаемые лучи солнца, вѣтеръ нѣсколько разъ прогремѣлъ по водамъ Палеостома и чудовище проснулось.

— Бросай шестъ, садись и держись крѣпче за привязь,—крикнулъ Иванъ Нико. Самъ-же кидался, какъ левъ, чтобъ подогнать плотъ къ берегу. Но тщетна была его борьба съ силами разгнѣванной стихіи: волны все болѣе и болѣе удаляли плотъ отъ берега и выносили его на середину. Наконецъ и шестъ пересталъ доставать до дна, такъ какъ къ срединѣ озера глубина воды постепенно увеличивалась. Тогда Иванъ рѣшился бросить плотъ на произволь судьбы, и спустивъ челнокъ, который къ нему былъ привязанъ, направился къ берегу. Но волненіе было такъ сильно, что и это оказалось невозможнымъ. Долго и отважно боролся Иванъ, но, наконецъ, когда бѣшено пѣбившіяся волны начали швырять плотъ, какъ щепку, Иванъ понялъ, что его усилія ни къ чему не приведутъ, бросилъ шестъ и, припавши къ плоту, схватился рукою за привязь. „Не бойся! рукою крѣпче. Вотъ насъ выпесетъ на противоположный берегъ и мы спасены“, ободрялъ онъ Нико.

А вѣтеръ гудѣлъ и гудѣлъ. Гулъ вѣтра соединялся съ ревомъ воды, такъ что пушечный выстрѣлъ не былъ бы слышенъ. Рѣзвясь и клубясь, вздымались огромные валы и грозно сходились, какъ будто оспаривая другъ у друга добычу. У Ивана оставалась единственная надежда, что плотъ его крѣпко связанъ и не развалится; волны выбрѣсать его гдѣ-нибудь на берегъ и они будутъ спасены. Но это въ томъ случаѣ,—если бы они успѣли удержаться на плоту, который ежеминутно заливало волнами. Потому-то: „руку крѣпче, крѣпче руку“, ежеминутно кричалъ Иванъ Нико, который дѣйствительно такъ вѣдѣлся въ дерево, что его можно было оторвать, лишь отрубивъ обѣ руки. Но вотъ громадная волна свирѣпо набѣжала на плотъ, подняла его на высоту и ударила о поверхность воды съ такою силою, что виноградныя лозы, которыми плотъ былъ связанъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ, лопнули. Это повторилось нѣсколько разъ и плотъ сталъ разваливаться. Теперь Иванъ ясно видѣлъ, что онъ погибаетъ вмѣстѣ съ сыномъ. Нико же не видѣлъ и ничего не сознавалъ. Ошеломленный отъ страха онъ въ какомъ-то тупомъ оцѣпененіи цѣплялся за плотъ. Иванъ выпустилъ привязь и, приподнявшись, нѣсколько разъ испустилъ страшный, нечеловѣчскій крикъ... Ни откуда не было слышно человѣческаго отклика. Но если бы даже кто-нибудь и былъ по близости, то какъ рѣшился бы отдаться въ пасть разъяреннаго Палеостома? Иванъ однимъ прыжкомъ очутился около Нико, одною рукою взявъ его за руку, а другою схвативъ дерево, за которое держался. На лицѣ его было написано выраженіе отчаянной рѣшимости. Тяжела для человѣка та минута, когда онъ воочию видитъ, что погибаетъ, особенно тяжела для крестьянина. Онъ клянетъ свою долю и свое рожденіе, но все же вѣзмъ своимъ существомъ цѣпляется за жизнь, которую онъ страстно любить.

Ивану вдруг представилось, какой ад ожидает его семью после его смерти: „что с ними будет?! Пропадут от голода, погибла семья! Что ее ожидать?“ как вѣтеръ проносятся эти мысли въ голову Ивана. „Шимшили, шимшили“ (голодъ, голодъ) свистѣть вѣтеръ. Больше Иванъ не имѣлъ времени думать: такъ сильно ударился о воду безъ того полуразвалившійся плотъ, что въ одно мгновеніе разлетѣлся отдѣльными брусьями.

Иванъ и Нико очутились въ водѣ. Хотя оба они умѣли плавать, но истощенные въ одеждахъ, въ холодной, бѣшено клокотавшей водѣ они не могли отплыть далеко. Иванъ видѣлъ, какъ волны увлекли и поглотили его любимого Нико. Последній разъ заревѣлъ несчастный Иванъ. Какъ раненый левъ, онъ силится помочь сыну, но ни силъ не было у него для помощи, ни сына, чтобъ ему помочь. Нико уже поглотила бездна. Черезъ нѣсколько минутъ и выбившійся изъ силъ Иванъ пошелъ ко дну и последнія слова его: „о, мои бѣдные, несчастные,“ обратно вошла ему въ горло хлынувшая въ ротъ вода.

Вѣтеръ крутился съ страшнымъ ревомъ. Солнце поднялось и смотрѣло на Палеостомъ, какъ будто любуясь зрѣлищемъ. Ивановы брусья ныряли и играли въ волнахъ, какъ будто они одушевились и радовались полученной свободѣ. Тутъ же носился между ними, слѣдуя за волнами, маленькій челнокъ Ивана... Черезъ нѣсколько минутъ вода выбросила на поверхность тѣла утонувшихъ, какъ-бы хотѣла еще разъ показать міру свою „добычу, и затѣмъ опять увлекла ихъ въ свои темныя нѣдра“.

Авторъ съ полнымъ спокойствіемъ создаетъ глубокую жизненную драму и располагаетъ всѣми средствами художественныхъ красокъ и эффектовъ, захватываетъ вниманіе читателя, пораженного трагической развязкой разсказа.

Въ слѣдующемъ 1892 г. появились въ печати два крупныхъ его разсказа „Христина“ и „Симона“. Вопреки грузинскимъ народникамъ (С. Мгалобинвили въ разсказѣ „изъ Прошлаго“ и пр.) Ниношвили не скрываетъ недостатковъ своихъ соотечественниковъ. Однимъ изъ главныхъ источниковъ ихъ разоренія онъ считаетъ невѣжество и незнаніе жизни. Еще болѣе онъ выдвигаетъ послѣдствія дифференціаціи и раскола образованнаго среди крестьянскаго населенія. Оно расчленилось на двѣ группы: на разбогатѣвшихъ и обѣднѣвшихъ, удаляющихся другъ отъ друга не только по своему имущественному положенію, но еще рѣзче по своимъ интересамъ и воззрѣніямъ. Въ очеркѣ „Христина“ разсказывается про загубленную молодость деревенской красавицы, обольщенной мѣстнымъ допъ-жуаномъ, недорослемъ изъ князей. Эта небольшая повѣсть производитъ впечатлѣніе почти ужъ совѣмъ зрѣваго таланта.

Красавица и любимица семьи, 16-лѣтняя Христине, дочь бѣднаго крестьянина Датія Хелмоклидзе, становится жертвой дворянина Укмадзе, искавшагося въ городскихъ и сельскихъ похожденияхъ, осквернившимъ нѣ-

сколько семейныхъ очаговъ и опозорившимъ дѣвушекъ подъ видомъ влюбленнаго жениха. Давно ужъ этотъ недоучившійся пропалагга слѣдилъ за молодой красавицей въ дер. Нигвзіани, и завоевавъ ее невинное, доверчивое сердце, бросилъ на произволь судьбы, на безпощадные укоры родныхъ и сосѣдей мать своего сына Гогіа. Безутѣнная въ своемъ оскорбленномъ чувствѣ, Христине бѣжить тайкомъ въ Тифлисъ вмѣстѣ съ пріѣзжей изъ города бывшей горничной „Соней“, въ домѣ князя потерпѣвшей участь Нигвзіанской когда-то горделивой красавицы. Соня доставила горько оплакивавшую родину и семью Христине къ содержательницѣ позорнаго пріюта Наталіи и послѣ тяжелой борьбы съ житейской нуждой покинутая всѣми Христине подъ именемъ „жидовки Рахили“ становится на развратный путь, привлекая вниманіе „гостей“ своей дѣтской простотой и наивностью. Впослѣдствіи она становится палочницей какого-то военнаго и, наконецъ, ее находятъ съ изрубленнымъ лицомъ отъ кинжальныхъ ударовъ двухъ соперниковъ-гулякъ въ ортачальскихъ садахъ. Она теряетъ свою привлекательность покупателямъ тѣла, пытается подаяніемъ и погибаетъ въ больницѣ, гдѣ она предъ смертью жалобно умоляетъ всѣхъ отпратить ее въ дер. Нигвзіани, чтобы повидать родителей и дорогое свое дѣтище. Эта повѣсть одна изъ трогательныхъ произведеній Ниношвили. Теплое, нѣжное участіе, принимаемое авторомъ въ судьбѣ Христине, служить обвинительнымъ приговоромъ противъ безчеловѣчныхъ, жестокихъ героевъ губителей женской чести.

Разложеніе деревни и семьи очерчиваетъ онъ не только извнѣ принесенными городскими привычками и буржуазными расчѣтами, но открываетъ въ самомъ патриархальномъ укладѣ деревенской жизни начала, приводящія къ раскрѣпощенію сложившихся традицій. Въ разсказѣ „Симона“ рисуется деревенское житье-бытье, попавшее во власть кулака-живодера, который губитъ крестьянскую семью Семена Дзаладзе. Семень не переноситъ позора жены, которую силою лишаетъ чести сынъ деревенскаго кулака Давида Дрондзе молодой кавалеръ Титико, подстрѣливаетъ его въ лѣсу и бѣжитъ изъ деревни, попадая въ шайку разбойниковъ, наводящихъ ужасъ на всю Гурію.

Давидъ Дрондзе—новый типъ въ грузинской деревнѣ. Онъ бывший крѣпостной одного мелкаго помѣщика. Мальчикомъ онъ служилъ у одного грека, торгующаго орѣховыми деревьями. Собравъ небольшой капиталецъ, онъ сталъ вести самостоятельные подряды, скупая кукурузу и снимая участки земли своего барина. Для старшаго сына открылъ въ деревнѣ лавку доставившую ему новый источникъ обогащенія. Сынъ бросилъ деревню и переѣхалъ въ торговый городъ. Давидъ своихъ дѣтей воспиталъ въ школѣ. Одинъ сынъ служить въ полиціи, другой оканчиваетъ юнкерское училище. Онъ вліятельный и состоятельный обыватель, съ которымъ трудно тягаться дворянству. Единственное горе его причиняется ему тѣмъ, что онъ податнаго сословія; выходъ, однако, изъ этого „позорнаго“ для его самолюбія положенія найденъ въ томъ, что онъ приписался къ духовному званію. Деревенскія власти къ его услугамъ; безнаказанно

обижаетъ онъ сосѣдей, сажаетъ въ тюрьму 15-лѣтняго Симона только за дерзость возраженія ему; по его желанію деревня строить церковь тамъ, гдѣ онъ предлагаетъ. Но онъ все еще связанъ съ деревней привычками и образомъ жизни. Сынъ же его Титико привезъ изъ города городскія возрѣнія. Сила теперь въ деньгахъ, говоритъ онъ; женщина въ его глазахъ имѣетъ одно назначеніе — доставлять наслажденіе мужчинамъ. Обезчестивъ Дарико, жену Симона, онъ предлагаетъ ей денежную награду и не можетъ иначе понять ея отказъ отъ платы, какъ въ смыслѣ страха предъ мужемъ и свекровью Кетеванью, единственнымъ сыномъ котораго былъ Симонъ.

Въ обрисовкѣ типовъ авторъ безукоризненъ. Но онъ построилъ свою повѣсть по заранѣ намѣченному плану, предпославъ ему тенденціозную цѣль. Давидъ Дроидзе, деревенскій жокакъ, возненавидѣлъ Симону Дзаладзе, оставшагося на попеченіи бѣдной вдовы Кетевани. Симона былъ любимцемъ народа, ему охотно помогали въ работѣ, приглашали къ себѣ, цѣнили его трудолюбіе. Но Дроидзе мститъ за одно неосторожное слово и доводитъ его до полного разоренія. Случится ли воровство кукурузы, Дроидзе заявляетъ подозрѣніе на Симону, который въ его глазахъ только и способенъ, по своей бѣдности, покушаться на чужую собственность. Симона отсидѣлъ 3½ года въ тюрьмѣ, будучи обвиненъ въ кражѣ лошадей у Дроидзе, и во всемъ правый Симона и цѣлая деревня по волѣ автора не находятъ правосудія, — и сохнутъ онъ въ заключеніи. Озлобленный противъ не защитившей его деревни, и противъ виновника своего разоренія, Симона убиваетъ Титико Дроидзе, оскорбившаго его семейную честь. Такъ искусственно Ниношвили обрисовалъ столкновеніе дифференцирующихся классовъ. Въ такія же тенденціозныя рамки онъ вставилъ сюжетъ повѣсти „Партахи“, появившейся въ печати послѣ смерти автора въ журн. „Квали“ (изд. отдѣльно Тифлисъ 1897 г.).

Названіе повѣсти *Партахи* объяснено авторомъ въ примѣчаніи. Словомъ этимъ обозначается оставшаяся безъ владѣльца усадьба и земля. Содержаніе повѣсти взято изъ жизни Западной Грузіи. Героємъ ея является Джерапъ Тевридзе, трудолюбивый крестьянинъ, сынъ бѣдной вдовы. Упорнымъ трудомъ ему удалось стать на ноги, выдѣлиться изъ числа столь же малоземельныхъ односельчанъ. Бѣдные дворянки готовы идти за него замужъ; но Джерапъ знаетъ ихъ капризы и по выбору тетки своей Калиджанъ, съ одобренія матери и сестры своей Елизаветы, женится на незнакомой ему дочери Залика Паршвили, прославившагося въ эпоху крѣпостнаго права своей удаляю и протестомъ противъ продажи крестьянъ въ Турцію. Бракъ оказался неудачнымъ. Жена не поправилась Джерапу ни по наружности, ни по душевнымъ качествамъ. Свекровь и золовка ее возненавидѣли, придирались ко всякой мелочи, не одобрили ни молчаливаго ея отношенія къ брани старшихъ, ни робкаго ея возраженія на замѣчанія ихъ. Предоставленная своей одинокой участи, заподозрѣнная гадалками въ близости къ нечистымъ силамъ, Меланія, жена Джерапа, искала утѣшенія или у доброй сосѣдки старухи Оеклы, или въ ласкахъ сына. Но

вскорѣ мальчикъ умеръ, романческія связи ея съ сосѣдомъ были обнаружены сестрой Джерапа. Гнетущее ея положеніе въ несправедливой семьѣ еще болѣе усилилось: мужъ сталъ прибѣгать къ силѣ, свекровь и золовка къ упрекамъ и неумолкаемымъ наставленіямъ. Родители Меланіи — люди патріархальные — были возмущены измѣной ея семейному долгу и отказали ей въ пріютѣ; бѣжать изъ дому не удалось къ другу дѣтства Нико, на котораго она возлагала свои послѣднія упованія, — и ей остался одинъ выходъ ночью, во время грозы застрѣлиться пистолетомъ своего мужа, рядомъ съ нимъ. Джерапъ былъ обвиненъ въ ея убійствѣ, онъ разъ публично покушался на этотъ шагъ, и сосланъ въ Сибирь, мать сошла съ горя съ ума, сестра умерла отъ чахотки, а небольшое имѣніе его подѣлили между собою его дальніе родственники.

Такъ печально кончилась жизнь семьи Тевридзе. Та же тема, какъ устарѣлые обычаи губить семью, использована имъ въ повѣсти, оставшейся въ рукописи и появившейся послѣ его смерти. Повѣсть эта подъ заглавіемъ „Мужъ и жена“ напечатана въ „Квали“ за 1904 г.

Благосостоянію крестьянъ препятствуютъ ненормальный укладъ жизни и тяжелыя непосильныя повинности. Въ маленькомъ разсказѣ *Распорядженіе* Ниношвили далъ краснорѣчивый примѣръ административнаго произвола. Бѣдный Кація Мундсадзе, два прокормливающей семью личнымъ трудомъ, былъ вызванъ дежурить на линію желѣзной дороги, по которой долженъ былъ проѣхать „важный начальникъ“. Кація только что вернувшись съ полевыхъ работъ, отправился сторожить поѣздъ. Онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, опершись на ружье и задумчиво глядѣлъ въ подножіе холма, куда луныи свѣтъ еще не смогъ проникнуть. Онъ думалъ о тяжелой долѣ крестьянина. „Сколько разныхъ обязанностей и повинностей лежитъ на плечахъ бѣднаго мужика! Жену и дѣтей прокорми, „почтовый налогъ“ уплати, подай денегъ на учителя, шенца, священника, — чини мосты, поправляй дорогу, — по недѣлямъ съ семьей прощайся, сторожи на линіи, будь покорежь вѣзмь... Теперь вотъ ѣдетъ „важный особа“... Помощника старшины спрашивалъ, кто сегодня долженъ проѣхать. — Не твое дѣло, отвѣтили мнѣ... Наше дѣло сторожить, а ослушаешься, въ Сибирь сошлешь!“.. Тутъ Кація взглянулъ на небо и сказалъ: однако, уже много времени прошло, скоро свѣтать будетъ! Быть можетъ, сегодня ночью никто и не проѣдетъ... Скоро затѣмъ Кація началъ думать о своей поѣздкѣ съ кукурузой (для продажи).

Когда я возвращался съ поля и видѣлъ жену и дѣтей — слезы подступили къ глазамъ. Теперь Марина... она уже взрослая дѣвушка... несчастная дочурка... она руками прикрываетъ то тутъ, то тамъ голое тѣло... Сегодня, когда я сюда уходилъ, мальчуганъ мнѣ крикнулъ: баба (папа), рубашку мнѣ принесешь? Господи, пошли мнѣ одѣть мою семью!“ Долго еще думалъ Кація на эту тему, пока, наконецъ, утомленный и физически, и духовно, чуть не заснулъ стоя. Онъ началъ ходить по полотно желѣзной дороги, чтобы разогнать сонъ. Наконецъ, и ходитъ Кація не былъ въ состояніи отъ усталости и сна, одолѣваемаго его... Дай-ка

немного прикурну, подумалъ Кація, а потомъ легче будетъ дежурить... Чтобы не прозвѣвать поѣзда, положу голову на рельсы, когда поѣздъ будетъ приближаться—услышу и проснусь"... Едва Кація закрылъ глаза, моментально погрузился въ тяжелый сонъ... На разсвѣтъ желѣзнодорожный сторожъ нашель на линіи раздавленный поѣздомъ обезглавленный трупъ. То былъ трупъ Кація Мундсадзе ¹⁾.

Рыцарь нашей страны принадлежитъ къ числу повѣстей, обличающихъ бездѣльное, разнузданное и распущенное дворянство, поставившее цѣлью своего существованія разгулъ и половыя оргіи. Герой повѣсти гигантъ и красавецъ Таріель Мклавадзе, названный по имени „Юноши въ барсовой кожѣ“ Ш. Руставели, подражаетъ своему соименному романтическому другу Нестанъ-Дереджаны только въ физической расправѣ съ соперниками и собутыльниками. Не довольствуясь своимъ неотразимымъ успѣхомъ среди похотливыхъ дамъ, онъ, при содѣйствіи друзей, обезчестилъ малолѣтнюю 12-лѣтнюю дѣвочку, похитилъ молодую жену у крестьянина и, не признавая препонъ въ удовлетвореніи своей плотской страсти, дѣлаетъ попытку силою ворваться въ номеръ постоялаго двора, занятый болѣзненнымъ сельскимъ учителемъ, чтобы овладѣть его красивой женой. Въ изображеніи двухъ рѣзко противоположныхъ типовъ—буйнаго сластолюбца Таріеля и деликатнаго, благороднаго учителя Спиридона Мциришвили сосредоточивается интересъ драматической повѣсти И. Пиношвили. Автору удалось нарисовать симпатичный образъ Спиридона, увлекшаго своимъ безкорыстнымъ служеніемъ идеѣ народнаго образованія, Деспину, дочь священника, у котораго онъ снималъ комнату въ качествѣ сельскаго учителя. Деспина полюбила чуткой своей душой этого немощнаго тѣломъ и непреклоннаго духомъ Спиридона изъ крестьянъ, получившаго при самыхъ жалкихъ матеріальныхъ условіяхъ воспитаніе въ городскомъ училищѣ и учительской семинаріи, чтобы впоследствии себя всецѣло посвятить распространенію грамотности среди народа и послужить его духовнымъ интересамъ. Изъ своего скуднаго жалованья онъ удѣляетъ средства старухѣ-матери и навѣщаетъ ее въ праздничные дни, доставляя ей этимъ единственную отраду жизни.

Во время одного изъ такихъ путешествій къ ней Спиридонъ съ женою, раздѣлявшей всѣ его труды, долженъ былъ, въ виду завала по желѣзной дорогѣ, ждать прибытія поѣзда въ ближайшемъ къ станціи духанѣ и подвергнуться въ ночное время нападенію пьяныхъ товарищей Таріеля, обѣщавшихъ доставить ему приглянувшуюся на вокзалѣ имъ хорошенькую Деспину. Спиридону удалось вырвать изъ ихъ рукъ похищенную жену, онъ отстоялъ ее вторично противъ попытки Таріеля вернуться въ номеръ подъ видомъ гостя, которому по грузинскому обычаю „отказаться въ приемѣ нельзя“. Мало было этихъ тревогъ, причиненныхъ беззащитному учителю съ растерявшейся отъ испуга женою, недостаточно было учтивое письмо Спиридона къ Таріелю, посланное черезъ духанщика съ

¹⁾ Неоконченныя повѣсти его появились въ *Квали*: „Деревенскіе герои“ (1901 г.), „Печальное послѣдствіе“ (1902 г.)

извиненіемъ въ коварно взведенномъ обвиненіи, въ томъ, что запертый въ номерѣ „жалкій человѣкъ“ дерзнулъ назвать поступокъ громилъ безчестнымъ,—нашъ „Рыцарь“ подвергъ избіенію тщедушнаго и безобиднаго Спиридона на глазахъ его жены и съ одобренія всей безшабашной своей компаніи. Этотъ возмутительный поступокъ рыцаря повергъ Спиридона въ горячку, а жену его стали преслѣдовать галлюцинаціи при воспоминаніи о Таріелѣ, въ образѣ медвѣди таскающемъ ее въ берлогу. Мучительныя видѣнія свели ее въ могилу, болѣзнь же физическая и нравственная приковали Спиридона къ постели. И этому скромному человѣку пришлось кровью отмстить „за несчастье двоихъ“ и застрѣлить Таріеля на той же станціи, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ его пьяные друзья обѣщали доставить ему красавицу Деспину.

Писецъ Мосе дорисовываетъ бытовую обстановку деревенской глуши. Крестьянскій мальчикъ, прошедшій курсъ сельской школы и усвоившій тонкости судебного и административнаго крючкотворства во время прохожденія лакейской службы у пристава, становится вершителемъ судебъ своихъ земляковъ. Тронутый щедрыми приношеніями (въ натурѣ) отца Мосе, приставъ опредѣляетъ въ канцелярію своего лукаваго и раболѣпствующаго слугу, съ обязательствомъ четверту часть дохода удѣлять своему благодѣтелю. Это молчаливое соглашеніе обирать народъ съ одобренія начальства впервые заронило въ душу Мосе мысль о возможности безконтрольнаго распорядка и злоупотребленія препорученною ему „властью“. Въ началѣ учтивый и внимательный къ народу, съ которымъ говоритъ на „вы“, онъ постепенно становится самовластнымъ и высокомернымъ и, въ упоеніи сознаниемъ своей начальственной силы, заставляетъ ждать у входа въ канцелярію просителей по цѣлымъ днямъ, чтобы къ вечеру ихъ отпустить съ заявленіемъ, что онъ утомленъ и не въ состояніи ихъ выслушать. Усвоивъ всѣ тонкости составленія фальшивыхъ канцелярскихъ бумагъ и искусившись въ вымогательствѣ, Мосе—писецъ рисовался благодѣтелемъ темнаго люда и принималъ взятки какъ слабое выраженіе благодарности за непомерные труды. Принимаясь за оборудованіе самого возмутительнаго процесса, онъ, будучи увѣренъ въ благополучномъ исходѣ своей незаконной затѣи, обставлялъ ее въ глазахъ заинтересованнаго лица неопредѣлимыми препятствіями, съ цѣлью вырвать болѣе крупный кушъ, приобрести славу изворотливаго человѣка, превосходящаго способностями въ „борзописаніи“ окончившихъ курсъ въ „университетахъ и семинаріяхъ“. Талантъ свой разрѣшивъ безнадежное дѣло въ желательномъ смыслѣ проявляетъ онъ въ бесѣдѣ со вдовою Бабале, сына котораго за 50 руб. онъ спасаетъ отъ призыва къ военной повинности. По поводу незаконнаго освобожденія Округа отъ солдатчины, онъ составляетъ подложный документъ, подтвержденный печатью добродушнаго, малообразованнаго священника Лоанасія, а также подписью старшины и понятыхъ, и удостоверяющій, что Округа—единственный сынъ вдовы Бабале, а Софроній ее пасынокъ, а не сынъ. Но врагъ подстерегъ бѣдную вдовицу:

ея сосѣдъ, Баграѣ Керадзе, давно точившій зубы противъ семьи Окруа, донесъ куда слѣдуетъ. Подлогъ былъ раскрытъ. Любимецъ паствы, безъ умысла принявшій участие въ подлогѣ Мосе, старецъ о. Аонасій и понятые были принесены имъ въ жертву и понесли нелицеприятную кару. Одинъ Баграѣ Керадзе остался доволенъ усѣхомъ мстительнаго гонимца. Погибла семья Бабале, въ прахъ разсыпался домъ безкорыстнаго пастыря, многіе очутились въ Сибири по милости Мосе, уцѣлѣвшаго съ легкимъ палетомъ угрызенія совѣсти среди моря джн и безправственныхъ дѣлшнхъ, его окружавшихъ и имъ учиненныхъ. Одинъ судъ по совѣсти могъ бы раскрыть правду и наказать истиннаго виновника сложнаго уголовного преступленія! Судъ же формальный, безъ присяжныхъ засѣдателей покаралъ неповинныхъ людей! И здѣсь слышится мучительный крикъ автора за просвѣщеніе народа, за довѣріе къ нему, за упрощеніе судопроизводства.

Ниношвили принадлежалъ къ группѣ новѣйшихъ писателей, извѣстныхъ подъ именемъ „дасистовъ“. Если при жизни его дасистамъ не представлялся случай сплотиться для публичнаго засвидѣтельствованія ему своихъ симпатій, то гробъ юнаго писателя собралъ всѣхъ его единомышленниковъ, выступившихъ на поприще съ 1890 г. Онъ, по словамъ Джибладзе, автора надгробной рѣчи, былъ выразителемъ стремленій дасистовъ, давшихъ цѣлую программу дѣйствій для будущаго. Ниношвили искалъ причины всѣхъ бѣдъ, постигавшихъ грузинъ, въ малой культурности ихъ и экономической отсталости. Повѣсти „Озеро Палеостомъ“, „Мосе-писецъ“, „Рыцарь нашей страны“ служатъ иллюстраціей его главныхъ тезисовъ. Идеаль свой онъ искалъ не въ родной сторонѣ, все болѣе разрушающейся подъ напоромъ новыхъ условій жизни, а на Западѣ, въ идеалахъ европейскаго строя. Онъ былъ свидѣтелемъ зарожденія новыхъ общественныхъ классовъ на экономической почвѣ, смѣняющихъ сословный укладъ Грузіи и стирающихъ пропасть между дворянствомъ и крестьянствомъ. Прежній помѣщикъ и бывшій крестьянинъ очутился въ одномъ лагерѣ, подъ однимъ экономическимъ ярмомъ. Новымъ честнымъ дѣятелемъ на грузинской почвѣ предстоптъ тяжелая борьба. При осуществленіи своихъ благородныхъ затѣй и общественныхъ стремленій и имъ приходится наталкиваться на жестокія препятствія. „Рыцарь нашего времени“—Мклавадзе и имъ подобные еще располагаютъ запасомъ умственныхъ, но больше физическихъ силъ для противодѣйствія завѣтнымъ мечтамъ безкорыстныхъ дѣятелей. Сельскій учитель, преслѣдуемый одну цѣль, поднять народное образованіе, терпитъ гоненіе и поборъ отъ „рыцаря“ Мклавадзе, нравственно распушеннаго героя его повѣсти. Трагизмъ житейскій обрисовывается имъ не менѣе ярко въ пов. „Мосе-писецъ“. Въ посмертномъ произведеніи „Сельскіе герои“ (Квали, 1901) изображенъ традиціонный типъ малообразованнаго, разоряющагося помѣщика Манучара Арцавадзе, сѣтующаго о паденіи крѣпостнаго права. Очеркъ, набросанный съ юморомъ и яркостью, свойственными автору, остался недоконченнымъ и недоделаннымъ. Въ такомъ же видѣ дошелъ

до насъ другой его историческій романъ „Грустное послѣдствіе“ изъ жизни Грузинъ 1841 года.

Заслуга его въ томъ, что онъ первый познакомилъ насъ съ бытомъ, пуждами и тревогами гурійцевъ. Бѣдственное положеніе ихъ онъ объясняетъ недостаткомъ земли и господствомъ несправедливости. Предметъ его разсказовъ и повѣстей служила простая крестьянская среда, въ которую вносили разладъ недоучившіеся, искалѣченные городскою жизнью. Всѣ симпатіи его на сторонѣ народа; разлагающее патриархальную семью новое вѣяніе, проводниками котораго является герои его произведеній—въ лицѣ сельскаго писца, гуляки-дворянина и кулака-живодера, давало писателю возможность сопоставлять зарождающееся и отживающее поколѣніе и отдавать предпочтеніе чистотѣ нравовъ крестьянства стараго строя. Исходя изъ существующихъ ненормальныхъ фактовъ сельской и городской жизни, отъ постепеннаго разрушенія устоевъ прежняго порядка и прошикновенія не согласныхъ съ прежнимъ складомъ нравственныхъ возрѣній, онъ попытался дать объясненіе этимъ явленіямъ, указать условія, при которыхъ совершается переломъ въ основахъ общественнаго строя. Такой процессъ творчества придавалъ его разсказамъ тенденціозный характеръ, но талантъ, безусловно ему присущій, спасъ его отъ крайности натурализма и предоставилъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди молодыхъ грузинскихъ беллетристовъ.

Онъ умеръ буквально въ нищенской обстановкѣ, всю жизнь питался впроголодь, но никогда, даже на одрѣ болѣзни, не разставался съ перомъ. Такая рыцарская преданность—сѣять благодородное слово и стойкость въ борьбѣ съ житейской неправдою усугубляютъ тяжесть утраты понесенной грузинскою литературой въ лицѣ угасшаго на 33 году жизни юнаго беллетриста.

Ив. Гомартели.

Иванъ Гомартели, критикъ и публицистъ, родился въ дер. Гориса (Сачхери) въ 1877 г., учился до IV кл. въ Тифлисской дворянской школѣ, затѣмъ во 2-й гимназіи и Московскомъ университетѣ. Въ качествѣ врача онъ приобрѣлъ любовь и довѣріе среди своихъ многочисленныхъ пациентовъ и въ качествѣ писателя социаль-демократическаго направленія извѣстность и широкую популярность. Онъ одинъ изъ плодовитѣйшихъ молодыхъ публицистовъ. Статьи его печатались въ *Квали*, *Иверіи*, *Нов. Обоз.* Въ области критики онъ стоить на точкѣ зрѣнія утилитарной и отрицаетъ значеніе чистаго искусства. Въ публицистическихъ статьяхъ онъ раздѣляетъ взгляды социаль-демократовъ. Онъ былъ избранъ депутатомъ Государственной Думы перваго призыва отъ Кутаисской губерніи (былъ проведенъ партией социаль-демократовъ). Помимо публицистическихъ работъ, Ив. Гомартели испробовалъ силы въ художественной литературѣ.

Въ литературномъ сборникѣ, подъ названіемъ „Библиотека Иверіи“, останавливаетъ на себѣ вниманіе оригинальная пятиактная пьеса (сель-

скія картинки) И. Гомартели „Въ хижинѣ“. Пьеса интересуетъ насъ какъ первое драматическое произведеніе молодого автора не съ художественной стороны, а въ отношеніи констатируемаго авторомъ неизвѣстнаго даже грузинскому обществу варварскаго обычая имеретинъ «изводить» эпидеміи. Извѣстно, что при появленіи такихъ заразныхъ болѣзней, съ которыми народныя лѣчебныя средства безсилны бороться, грузины или выдворяли больныхъ изъ общихъ жилищъ въ сады и рощи, или цѣлыми семьями убѣгали въ лѣса и горы. Изоляція эпидемичнаго, конечно, разумное и цѣлесообразное средство, но, оказывается, въ Имеретіи прибѣгаютъ къ болѣе „радикальному“ безчеловѣчному средству. Съ такого рода средствомъ и знакомитъ насъ авторъ—докторъ И. Гомартели.

Дѣйствіе происходитъ въ мрачной обстановкѣ крестьянской бѣдности. Къ бѣдному крестьянину Сачино прѣзжаетъ изъ города больной братъ Лука. Онъ является въ деревню, по совѣту врачей, умирать на чистомъ воздухѣ. Случайно заѣхавшій въ деревню городской врачъ констатируетъ у Луки чахотку въ послѣдней стадіи. Сачино въ отчаяніи. Онъ знаетъ, что чахотка прилипчива, можетъ заразить всю семью и рѣшается на послѣднее средство. Отправивъ семью „на воды“, онъ приглашаетъ къ себѣ знахаря изводителя, имѣющаго специальное названіе „талхани“, который, сторговавшись сначала въ цѣнѣ „за трудъ“, достаетъ изъ кармана мѣшочекъ, накидываетъ больному на голову и стягиваетъ петлю... Кончивъ свое дѣло, обшаривъ свою жертву и взявъ найденные у него деньги (40 руб.), талхани спокойно снимаетъ съ головы задуманнаго свой мѣшочекъ и удаляется.

Хотя эта сцена по пьесѣ производитъ на братоубійцу настолько потрясающее впечатлѣніе, что онъ лишается разсудка, галлюцинируетъ, называетъ себя Канномъ и, въ концѣ концовъ, вѣшается на осинѣ,—тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности подобныя «операціи» сходятъ, вѣроятно, безъ особыхъ умственныхъ и нравственныхъ сотрясеній. Въ предисловіи авторъ приводитъ два факта изъ своей врачебной практики.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Верхней Имеретіи онъ установилъ чахотку у больной дѣвушки, которая могла прожить еще въ обычной обстановкѣ не менѣе мѣсяца. Черезъ двѣ недѣли онъ встрѣтилъ сосѣда чахоточной и спросилъ, какъ она себя чувствуетъ.—„Прикончили“,—отвѣтилъ тотъ коротко, какъ будто все это въ порядкѣ вещей. Въ прошломъ году пожилой имеретинъ привелъ къ тому же доктору больную дочь. Докторъ нашелъ чахотку и объяснилъ отцу, что при хорошемъ уходѣ больная можетъ оправиться.—„Я то зналъ, что у нея чахотка, но все же хотѣлъ убѣдиться, —сказалъ отецъ.—Не пишите рецепта, лѣкарство не поможетъ. Въ прошломъ году сынъ умеръ отъ чахотки, она за нимъ ходила и заразилась. У меня еще есть дѣти. Дайте такіе лѣкарства, чтобъ другіе не заразились“. Докторъ объяснилъ ему, какія нужны предохранительныя мѣры. Черезъ мѣсяцъ къ доктору является тотъ же имеретинъ съ больнымъ сыномъ.—„А какъ дочь?“—спрашиваетъ докторъ.—„Да ужъ что... прикончили“.—„Какъ прикончили?“—„Пе-

ремѣстили и прикончили. Страшно рыдала несчастная, увѣряла, что она не чахоточная, но нельзя же изъ-за одной губить всю семью“...

По словамъ доктора, этотъ крестьянинъ имѣлъ довольно спокойный и солидный видъ; его слова и дѣяніе совсѣмъ не соответствовали выраженію его лица. „Назови его, чѣмъ хочешь, читатель,—добавляетъ докторъ Гомартели,—а я по сей день не могу рѣшить, какъ относиться къ нему: можно-ли его порицать или оправдать... Это одинъ лишь эпизодъ изъ безотраднато быта нашего крестьянина. Мы совсѣмъ не обращали на него вниманія, вотъ онъ въ безпомощномъ страданіи и позаботился о себѣ“.

И. Евдошвили (Хоситашвили).

Изъ молодыхъ поэтовъ особою популярностью пользуется И. Хоситашвили, извѣстный подъ псевдонимомъ Евдошвили. Не мало превратностей и горечи испыталъ юный поэтъ, прежде чѣмъ пріобрѣлъ славу неподкупнаго и открытаго бойца за общественные идеалы. Какъ истый кизикинецъ, онъ проникнуть горделивымъ сознаниемъ своего достоинства и не рѣдко вступалъ въ непримиримый конфликтъ съ писателями противоположнаго лагеря. Удаленный изъ третьяго класса Тифлисской духовной семинаріи въ 1893 г., двадцатилѣтній поэтъ, уже выдвинувшійся изъ среды школьныхъ товарищей своими стихотвореніями, сталъ работать въ редакціи „Иверія“ съ 1895 г., прослуживъ передъ тѣмъ два года (1893—1895) въ качествѣ вольноопредѣляющагося. Но пылкій нравъ И. Евдошвили не соответствовалъ духу сотрудниковъ „Иверіи“, и онъ долженъ былъ чрезъ годъ покинуть ее и поступить въ филосерскую партію. Вскорѣ разстался и съ этой дѣятельностью и переѣхалъ въ Баку, гдѣ занялъ небольшую должность въ конторѣ Нобеля. По его словамъ, отсюда также былъ „изгнанъ“ и вернулся на родину; здѣсь онъ вступилъ членомъ въ Мачханское общественное дено. Когда послѣднее закрылось, то ему единственный заработокъ доставляла редакція „Квали“, которая такъ скудно платила, что „отучила его ѣсть“. Особенно много онъ сталъ писать въ послѣдніе годы, ставъ ближайшимъ сотрудникомъ *Цнобисъ-Пуццели, Иверіи* и *Шрома*. Сборникъ его стихотвореній вторымъ изданіемъ вышелъ въ 1901 г. Онъ составляетъ, быть можетъ, десятую часть всѣхъ его произведеній.

И. Евдошвили занимаетъ особое мѣсто въ исторіи грузинской поэзіи. Предметъ его творчества новъ и самобытенъ. Онъ является представителемъ демократическаго направленія въ литературѣ и носителемъ общественной лирики. Кн. И. Чавчавадзе и А. Церетели намѣтили это теченіе, И. Евдошвили ему исключительно посвятилъ свою лиру. Поэтъ такого направленія, по мнѣнію И. Гомартели, продуктъ современнаго развитія классовыхъ отношеній. Демократическая поэзія замѣнила романтизмъ реализмомъ, женщинъ и вино разнообразными нуждами и недостатками современной грузинской жизни, вмѣсто възды-

хания о прошлом она стала раскрывать настоящее, освѣщая опредѣленными идеалами, „искусство для искусства“ она отбросила и всецѣло увѣровала въ „искусство для жизни“. Представителемъ такой поэзии является И. Евдошвили, лирика котораго носитъ общественный, а не субъективный характеръ.

XIX столѣтіе для грузинской литературы является вѣкомъ расцвѣта лирической поэзии. Въ началѣ столѣтія грузинская лирика была чисто субъективная и романтическая: личное горе, личные радости поэта—вотъ что выражала она. Съ 60-хъ годовъ лирика постепенно становится объективной, социальной, но такъ какъ общественная жизнь тогда не носила рѣзко очерченной физиономіи, поэты, являясь въ общемъ то либерально-гуманными, то консервативными патриотами, строго опредѣленныхъ общественныхъ симпатій и идеаловъ не имѣли, то и лирика лишена была ясной общественной тенденціи. Лирика Акакія Церетели или Пльи Чавчавадзе является, безъ сомнѣнія, общественной, но у этихъ корифеевъ грузинской поэзии вы не найдете такого рѣзко очерченнаго направленія, которое съ перваго же раза бросается въ глаза при чтеніи Евдошвили. Предметъ поэзии Евдошвили въ грузинской литературѣ совершенно новъ и оригиналенъ. Поэтъ такого направленія могъ явиться только при извѣстной степени развитія классовыхъ отношеній и столкновеній: Евдошвили—пѣвецъ трудящейся массы современнаго общества. Тихая тоска и грусть составляютъ общій фонъ произведеній Евдошвили, но причина тоски не лежитъ въ личной судьбѣ поэта; нѣкоторыя изъ его стихотвореній прямо говорятъ намъ, что поэтъ своей жизнью доволенъ, но личное несчастье, личное горе не могли бы дать лирѣ Евдошвили основнаго тона, если бы поэтъ видѣлъ кругомъ себя счастье и осуществленіе справедливости.

Нѣтъ, не зови души въ страну цвѣтущихъ грезъ,
Гдѣ мѣста нѣтъ тоскѣ, гдѣ нѣтъ заботъ и горя!
На что мечта—на мигъ? на мигъ—забвенье слезъ,
Когда потомъ опять зальетъ волной ихъ море?...
На что жъ бы въ звукахъ мы торжественныхъ слились?
Умолкнешь ты, а я... я стану вновь печальнымъ.
Нѣтъ, не зови души въ заоблачную высь!
Я плачу... отзовись папѣвомъ погребальнымъ!

(Стих. „Музыкѣ“, перев. *Иванъ-да-Марья*).

Для Евдошвили личность, личное горе, личное счастье—ничто въ сравненіи съ обществомъ, общимъ горемъ и несчастьемъ. Прежде всего общество, потомъ личность,—вотъ одинъ изъ основныхъ элементовъ міровоззрѣнія Евдошвили. Съ этой точки зрѣнія поэтъ разсматриваетъ какъ общественную жизнь, такъ и свою собственную. По его мнѣнію, недостойно человѣка носиться всюду со своимъ горемъ, если только кругомъ царитъ общее счастье, и стыдно предаваться радости и счастью,

когда кругомъ раздаются стоны. Общее горе сильнѣе личнаго, общее счастье выше частнаго,—таково воззрѣніе поэта. Онъ отъ каждаго человѣка требуетъ служенія обществу и ненавидитъ тѣхъ, кто живетъ только для себя и не внемлетъ страданіямъ другихъ. Со свѣтлыми надеждами всступилъ поэтъ въ жизнь, но жизнь не оправдала его ожиданій; жизнь ему представлялась величественнымъ садомъ, на человѣческую же судьбу онъ смотрѣлъ какъ на красивую розу, но убѣдился, что жизнь это только адъ, а человѣку удѣлены только страданія. Озираясь кругомъ, поэтъ видитъ одно только торжество насилія и несправедливости. Все это является причиной его тоски и печали. Не веселая досталась поэту молодость, но онъ не оплакиваетъ лучшей поры своей жизни; любовь ему никогда не улыбалась, ему суждено было въ печальномъ одиночествѣ влечить свое горькое существованіе, но со всеѣмъ этимъ онъ бы примирился, если бы въ человѣческихъ отношеніяхъ онъ видѣлъ справедливость и любовь. Поэтъ ясно понимаетъ красоту природы, онъ способенъ наслаждаться этой красотой; „но какимъ образомъ можетъ меня обрадовать ликованіе безсловесной природы, когда сердце раздражаютъ стоны словесныхъ“,—фигурально выражается поэтъ въ одномъ стихотвореніи. Взглядъ свой на поэзію высказалъ онъ въ стихотвореніи *Поэтъ*.

То орелъ ширококрылый
Разсѣкаетъ воздухъ горь;
Дышетъ грудь могучей силой
И огнемъ пылаетъ взоръ.

* *

То въ тиши лѣсной воркуетъ
Горемыка-голубокъ,
На страданья негодуетъ
И коритъ суровый рокъ.

* *

То росой животворящей
Блещетъ влага на цвѣтахъ;
То природѣ гимнъ звѣнящій
Соловей поетъ въ кустахъ.

* *

То злой демонъ проклинаетъ
Небо, міръ съ добромъ и зломъ;
То колѣна преклоняетъ
Тихій ангелъ предъ Творцомъ.

(Перев. *Иванъ-да-Марья*).

Евдошвили не отрицаетъ прошлаго величія и славы отечества, но настоящее ему дороже, и онъ требуетъ отъ каждаго человѣка патриотизма. Онъ старается раскрыть читателю именно тѣ общественныя язвы, которыя составляютъ достоинство настоящаго и истинную любовь къ оте-

честву видеть не въ пустыхъ словоизверженіяхъ на патриотическія темы, а въ борьбѣ словомъ и дѣломъ съ современными язвами, современной формой проявленія социальныхъ несправедливостей. Идеаль поэта лежитъ не въ прошломъ, — онъ направленъ къ будущему — къ царству справедливости и равенства. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній поэтъ такъ характеризуетъ себя: „Я сынъ вѣка, который воспиталъ меня на своей трепещущей груди, и теперь я играю на струнахъ настоящаго вѣка. Я сынъ вѣка, который вопилъ въ мое сердце стрѣлу, и теперь стрѣлой же отвѣчаетъ ему моя лира. Я сынъ вѣка, который вскормилъ меня горечью, и теперь чаша, переполнившись, изливается. Я сынъ вѣка, но сынъ непокорный родителю, — предамъ я въ немъ порицанію все, что достойно порицанія“. Поэтъ жаждетъ однимъ ударомъ уничтожить всѣ несовершенства современной жизни, онъ ищетъ товарищей, но борцовъ мало; изъ этого малаго количества нѣкоторые слишкомъ скоро оставляютъ поле сраженія, лица убѣжища въ предѣлахъ личнаго счастья, — все это настолько возмущаетъ поэта и усиливаетъ его тоску и печаль, что онъ порой совершенно разочаровывается, считаетъ все суетой, но въ это время свѣтлый лучъ надежды на будущее счастье человечества озаряетъ его и придаетъ ему силу и бодрость. Эта надежда на будущее даетъ смыслъ какъ творчеству Евдошвили, такъ и его личной жизни. У поэта определенное мировоззрѣніе, определенные идеалы; съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ онъ разсматриваетъ всю современную социальную обстановку. Современное общество, по его поэзіи, подчинено грубѣйшему материализму, и изъ него изгнано все идеальное, все возвышенное въ общественныхъ отношеніяхъ; ложь, лицемеріе, право сильного и эгоизмъ (стих. „Муша“), вотъ что является характерной чертой нашего времени. Современное общество, по мнѣнію поэта, дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна трудится, а другая поѣдаетъ плоды труда первой (стих. *Надежда*). Идеаль же находится въ такомъ общественномъ устройствѣ, въ основѣ котораго лежитъ любовь, равенство и справедливость.

Нравственная опѣнка всего существующаго у поэта выступаетъ на первый планъ. Во имя элементарной справедливости онъ требуетъ, какъ подобаешь представителю трудовой группы, чтобы овеществленный трудъ принадлежалъ тому, кто трудится, въ современномъ же обществѣ поэтъ видитъ обратное пониманіе справедливости. Характерно въ этомъ отношеніи его стих.: „Что зриаешь братъ въ окно на богатую куладжу“ (одежду). Видя противорѣчіе между существующимъ порядкомъ вещей и своимъ идеаломъ, поэтъ сокрушается всѣмъ сердцемъ и душой, и его грустная поэзія порой такъ сладко и тихо льется и такъ захватываетъ всѣ нервы, что вы готовы воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ: „Когда же возстановится нарушенная справедливость? Неужели же стонамъ и страданіямъ нѣтъ конца?“. Евдошвили вѣритъ, что есть конецъ; онъ убѣжденъ, что жизнь поднимется до такой нравственной высоты, когда современныя общественныя несправедливости будутъ окончательно вычеркнуты изъ

человѣческихъ отношеній. Но какимъ путемъ можно достигнуть намѣченнаго идеала? На этотъ вопросъ поэзія Евдошвили даетъ определенный отвѣтъ.

По всей своей любви ко всему возвышенному, идеальному и отвращеніи отъ всего грубо-матеріальнаго, поэтъ никогда не сходитъ съ реальной точки зрѣнія; онъ прямо говоритъ, что единственное средство уничтожить несчастье и страданія трудящейся массы общества — это разумная борьба во имя справедливости и братства. Этихъ возвышенныхъ понятій поэтъ и въ борьбѣ со зломъ не забываетъ и требуетъ, чтобы борьба, которая стремится къ справедливости и братству, сама не выходила изъ предѣловъ справедливости и любви къ ближнему. Поэтъ съ такими нервами и съ такимъ сердцемъ не можетъ не относиться гуманно даже къ заклятымъ врагамъ. Въ стихотвореніи „Моему кинжалу“ онъ говоритъ: „Не потому люблю я тебя, чтобы враговъ рубить, я же не ястребъ степной, чтобы насыщаться кровью и трупомъ“.

Воспитанъ въ читателѣ чувства гуманности, любви и справедливости — великая заслуга Евдошвили. Творчество его не лишено и недостатковъ, изъ которыхъ два главные: поэзія его страдаетъ монотонностью, узостью сферы дѣятельности и слабымъ полетомъ фантазіи; во-вторыхъ, съ чисто эстетической стороны стихъ его порой непластиченъ и мало музыкаленъ; въ глубинѣ, силѣ и обиліи чувствъ ему никто не можетъ отказать, но форма выраженія чувствъ иной разъ уступаетъ по красотѣ и обаятельности самимъ чувствамъ поэта (стих. *Сонъ рабочего*). Неумѣстнымъ представляется устарѣлый приемъ аллегорическаго изображенія подъ видомъ соловья, розѣ, фіалки, крапивы.

Характерно, между прочимъ, отношеніе поэта къ женщинамъ. Изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ любовь играла и играетъ самое главное значеніе въ поэзіи. Различные поэты различно относятся къ любви и ея проявленіямъ. Любовь личная Евдошвили отодвигается на второй планъ, у него есть интересы и чувства болѣе сильныя, нежели любовь, онъ всецѣло преданъ своему идеалу и о любви уже не думаетъ; онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые среди стоновъ и страданій другихъ могутъ пѣть сладкую пѣсню про любовь. Если порой у поэта вырываются слова любви, то поэтъ увлечается только духовной стороной этого чувства, не говоря ни одного слова про физическую его сторону. Въ женщинѣ онъ видитъ существо духовно-нравственное, его привлекаютъ только духовныя связи, идейныя отношенія съ этимъ существомъ. Въ одномъ стихотвореніи поэтъ, обращаясь къ женщинѣ, прямо говоритъ слѣдующее: „Не то меня чаруетъ, что въ твоихъ черныхъ глазахъ дикая страсть, словно волна вздымается, нѣтъ — меня чаруетъ твое сердце!“ Почему же поэта чаруетъ сердце? Потому что онъ тамъ читаетъ одно только униженіе, одиночество и тоску. Удрученный тоской, поэтъ иной разъ стремится къ неприступнымъ горамъ, къ небеснымъ облакамъ, подобно лебедю, чтобы оторваться отъ земли и забыть все земное, но земля со всѣми своими

страданиями и горемъ тянетъ его къ себѣ; въ такія минуты поэтъ обращается къ женщинѣ, какъ къ подругѣ, и въ возвышенной, чистой любви ищетъ утѣшенія и опоры.

Помимо лирическихъ стихотвореній, онъ писалъ поэмы, рассказы, драматическія пьесы.

Въ поэмѣ „Елена“ Евдошвили воспроизводитъ результатъ карательной экзекуціи, отправленной въ деревню для сбора податей. Старецъ-нищій рассказываетъ собравшемуся народу, — по настойчивой просьбѣ послѣдняго, — какъ онъ вынужденъ былъ на грубый произволъ пристава, безпощадно взимающаго подати, отвѣтить покушеніемъ на его жизнь и бѣгствомъ изъ семьи. Съ того времени онъ сталъ разбойникомъ и убійцей, вздыхая издали о покинутыхъ женѣ и дочери. Разъ только пробравшись съ товарищемъ въ городской духанъ, онъ видѣлъ двухъ присосѣдлившихся надшихъ женщинъ, въ которыхъ онъ узналъ супругу и дочь свою Елену. Онъ съ остервененіемъ зарѣзалъ жену и бѣжалъ изъ города, а дочь его Елена, потрясенная убійствомъ и стыдомъ предъ отцемъ, потеряла рассудокъ. Съ тѣхъ поръ она блуждаетъ по лѣсамъ и горамъ, наводя ужасъ своимъ видомъ: ее принимаютъ за воплощеніе али-злого духа. Поэма эта такое же выраженіе протестовъ противъ экзекуціи, какъ произведеніе И. Чавчавадзе „Како“ противъ крѣпостного права. Психологическій же анализъ занимаетъ поэта въ лирической пьесѣ „Послѣдній день приговореннаго къ смерти“. Онъ, осужденный на казнь, въ моментъ заката солнца объять горькой думой о предстоящей чашѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ его служитъ сознаніе, что онъ ѣдимъ и безпощаднымъ словомъ „изранилъ сердца фарисеевъ сего міра“. Имъ овладѣваетъ минутное малодушіе, предъ явившимся напутствовать духовнымъ отцомъ, слеза качится съ его глазъ при воспоминаніи о матери, но потомъ онъ овладѣваетъ собою и проситъ духовнаго отца передать всѣмъ, что онъ склонилъ покорную главу предъ грознымъ моментомъ. Евдошвили вообще удаются гражданскіе мотивы, онъ борется за справедливость и готовъ идеализировать даже кровную месть (въ стих. „Взыскать“), — чисто-художественныхъ произведеній у него мало, картины природы его мало занимаютъ. Тѣ же мотивы привлекаютъ его къ иностранной литературѣ. Онъ сторонникъ современнаго социаль-демократическаго ученія, самъ себя называетъ „сыномъ своего времени“ и во многихъ (стих. „Молчать“) изъ своихъ произведеній онъ горячо отстаиваетъ интересы народа: противопоставляетъ богато разодѣтаго и оборванца, прикрывающагося лохмотьями, „господь“ и босикомъ бѣгающихъ мальчугановъ, рисуется тяжелое положеніе рабочаго и „апостола мучительнаго труда“, безпріютнаго бродяги. Нѣкоторые изъ его стихотвореній вызваны чтеніемъ Бараташвили, Гр. Орбелиани, И. Чавчавадзе, Надсона, или посвящены Р. Эрнстову и Г. Церетели. Въ области лирики ему удается бичующая сатира. Образцомъ же его прозы можетъ служить эскизъ *Фонтанъ*.

„День былъ пасмурный, по тихій. Густой дымъ изъ трубъ кочегарокъ и мастерскихъ вмѣстѣ съ паромъ, какъ туманъ, окуталъ вершины

буровыхъ вышекъ, и въ этой полумглѣ Балаханы издали имѣли видъ какого-то сказочнаго лѣса. Тамъ и сямъ раздавались щелканіе насосовъ, шумъ паровыхъ котловъ и машинъ. Наконецъ, кончились и послѣднія мучительныя минуты, на стѣнныхъ часахъ въ кочегаркѣ пробило шесть, и тотчасъ же раздались оглушительные сигнальные свистки. Мгновенно все преобразилось. Балаханы пришли въ движеніе. Одни сбѣгать на отдыхъ, другіе на работу. Воздухъ оглашается разнообразными кликами, смѣхомъ, шуткой.

На промыслѣ №... шли какія-то торопливыя приготовленія. Около 40 рабочихъ возводили земляные валы и чистили амбаръ для мазута. Развѣ только по движеніямъ и разговору можно было узнать, что это люди: это скорѣе были челоѣкообразныя фигуры, вылѣпленные изъ грязи. За всѣмъ этимъ движеніемъ наблюдалъ упитанный и выхолонный управляющій промысломъ, увѣренно отдававшій приказанія и торопившій и безъ того быстро работавшихъ людей. По временамъ онъ оглядывался въ сторону, откуда раздавался какой-то шумъ и гдѣ буровая обливалась мазутомъ. Это былъ фонтанъ, который долженъ былъ скоро ударить, и приготовленія шли для него. Види струю нефти, управляющій принималъ особенно торжественный видъ; его нахмуренныя брови разглаживались, глаза чуть замѣтно улыбались, и вся его фигура какъ-то гордо выпрямлялась... „Да, онъ лопнетъ съ досады“, — думалъ управляющій, вспоминая своего коллегу — управляющаго сосѣднимъ промысломъ. Момента, когда фонтанъ ударитъ со всей силой, ждали всѣ съ нетерпѣніемъ. Еще утромъ управляющій послѣшилъ передать по телефону своему патрону объ ожидаемомъ радостномъ событіи и мысленно уже предвкушалъ будущее счастье, когда хозяинъ потреплетъ его по плечу и въ присутствіи всего промысловаго персонала назоветъ „незамѣнимымъ“.

Стемнѣло. Звѣзды на пасмурномъ небѣ виднѣлись кое-гдѣ, а луна сквозь облака тускло освѣщала балаханскій районъ. Управляющій, видя, что фонтанъ капризничаетъ и не хочетъ ударить, какъ слѣдуетъ, уѣхалъ домой, разочарованный, предоставивъ распоряжаться ночному приказчику и машинисту.

Напрасно бѣдный Абдуль вытаскивалъ желонку за желонкою, наполненная пескомъ и камнями. Вотъ уже четыре часа онъ не сводитъ глазъ съ каната, то поднимающагося вверхъ, то опускающагося внизъ съ привязанной къ нему желонкой. Глаза его отъ усталости свежились и покраснѣли, какъ раскаленные уголья; руки и ноги отъ непрерывнаго движенія, какъ будто, онѣмѣли и отдѣлились отъ туловища; кости во всемъ тѣлѣ ныли невыносимо. „Будь ты проклятъ, фонтанъ“, — шепталъ онъ про себя. „Что онъ мнѣ дастъ, этотъ фонтанъ!? Нѣтъ, поѣду я опять къ себѣ домой“... И вспомнилъ онъ свою Лену, которую онъ не видалъ вотъ ужъ полгода, вспомнилъ онъ ее, и вмѣстѣ съ нею предъ его глазами предсталъ жалкая картина его бѣднаго роднаго очага, старикъ-отецъ, старуха-мать и полубовет-

пала сакля. Горьки были эти минуты для Абдула; въ одно мгновение въ его воображеніи пробѣжалъ рядъ мрачныхъ картинъ. Лихорадочно вдругъ заработала мысль, и Абдулъ вспомнилъ и другія картины. Предъ нимъ встали величавыя вершины кавказскихъ горъ, дѣвственные лѣса у ихъ подножья и бархатныя поля, гдѣ онъ, какъ лань, рѣзвился, бывало, среди беззаботныхъ друзей. Да, тогда было дѣло другое; онъ имѣлъ баранту, отецъ еще могъ править плугомъ, а мать съ сестрой даже продавали избытокъ вытканной ими шали. Но потомъ все это благополучно исчезло какъ-то сразу... Усталый Абдулъ потерялъ нить воспоминаній; обрывки мыслей и неясныя образы быстро смѣнялись въ его отяжелѣвшей головѣ. Имъ овладѣвалъ какой-то кошмаръ. Руки его машинально опустились на колѣни, и онъ прислонился головой къ будкѣ. Вдругъ, надъ нимъ раздался какой-то необычайный шумъ. Это желонка, которою уже не правилъ Абдулъ, ударила въ шкивъ.

Вскочивъ, какъ ужаленный, и быстро сообразивъ въ чемъ дѣло, Абдулъ схватилъ молотокъ и выбѣжалъ на дворъ. Боясь, чтобы не пришли машинистъ или приказчикъ, которые не простятъ ему такой неосторожности, Абдулъ быстро вскарабкался по лѣстницѣ, и черезъ минуту уже слышенъ былъ съ высоты 10 сажень стукъ молотка, которымъ онъ выбивалъ застрявшую желонку.

А капризный фонтанъ въ это время брызгалъ изъ скважины и, нефть, клокоча внутри, поминутно поднималась наверхъ, перелпываясь черезъ трубы. Очевидно кинѣніе возобновилось съ новой силой, и „пробка“ (песокъ съ камнями) не могла удержать давленія газовъ снизу.

Вдругъ раздался страшный подземный гулъ, задрожала буровая вышка, и въ одинъ моментъ столбъ нефти, какъ разъяренный левъ, съ быстротою молніи, съ шумомъ выбросился изъ скважины. Черезъ минуту не видно было верхнихъ частей буровой вышки и распибленные доски вмѣстѣ съ какими-то кусками мяса полетѣли внизъ. Забилъ грандіозный фонтанъ, давно жданный, и началъ выбрасывать миллионы...

Кругомъ буровой копошились сотни рабочихъ. Управляющій и хозяинъ стояли на почтительномъ разстояніи и оттуда давали приказанія. Амбаръ былъ полонъ, и насосъ энергично качалъ мазуть на нефтяную станцію. Но вдругъ насосъ остановился; подбѣжалъ машинистъ и, осмотрѣвъ его, повернулъ клапанъ; насосъ все же не дигался. „Поднимите приемъ“, раздался голосъ управляющаго, думавшаго, что приемъ уперся въ песокъ. Рабочіе подняли приемъ, и одинъ изъ нихъ, перебравшись на козлахъ въ амбаръ, нащупалъ трубу и, вытащивъ оттуда что-то твердое и круглое, бросилъ его на землю. Это была голова несчастнаго Абдула...

Рабочіе, вытаращивъ глаза, съ ужасомъ смотрѣли на обезображенный черепъ. „Дуракъ“, пробормоталъ управляющій, самъ не зная почему, и, приказавъ зарыть черепъ въ землю, отошелъ въ сторону.

Насосъ началъ опять щелкать, а прибывшая толпа зѣвакъ съ завистью смотрѣла на мощный фонтанъ“.

Въ послѣднее время онъ усиленно и красиво переводитъ изъ иностранныхъ поэтовъ: Виктора Гюго, Беранже, Стояна Карагеца, Лермонтова—*Парусъ*, Надсона—*Музыка*, Плещеева—*Впередъ безъ страха*. Новая драматическая пьеса его „Пестрый столъ“, вызвавшая рѣзкую критику въ печати, имѣетъ въ виду комически изобразить претензіи легкомысленной молодежи изъ патриотовъ, порывающей къ литературному творчеству. Осмѣянію онъ подвергъ грузинское общество въ сатиру *Вънецъ* и въ произведеніи *Патара Караманіани* („Квали“ (1901 г.)). Въ лиричѣ его перваго періода слышатся отголоски лиры Гр. Орбелиани, Н. Бараташвили: въ стих. Евдошвили *Привѣтъ* слышится отголосокъ пьесы „Храмъ“ Бараташвили; во второмъ періодѣ онъ пробиваетъ самостоятельную тропу въ области поэтического творчества.

Лаліони.

Лаліони приобрѣлъ извѣстность двумя повѣстями *Пирали Давладзе* и *Мечта Ефиміи*. Героя первой повѣсти привѣтствовалъ А. Цулукидзе (Квали, 1898), назвавъ его предвѣстникомъ капиталистическаго строя. „Мечты Ефиміи“, вдумчиво написанная повѣсть (*Квали*, 1901 г.), обнаруживающая въ авторѣ силу психологическаго анализа и богатую наблюдательность. Ефимія, дочь бѣдной вдовы, встрѣчается въ деревнѣ съ пріѣзжимъ изъ Тифлиса разбогатѣвшимъ куцомъ изъ имеретинъ. Георгій Пинтиліани сразу завоевалъ сердце красавицы, отказывающей всеѣмъ своимъ поклонникамъ. Она объявлена его невѣстой, и онъ уѣзжаетъ по торговымъ дѣламъ въ Тифлисъ, свадьба откладывается. Ефимія предается мечтамъ о предстоящемъ переселеніи въ городъ, въ домъ богатаго супруга и чувствуетъ себя счастливою. Но напрасно она ждетъ своего жениха,—отъ него нѣтъ никакихъ извѣстій. Она обижена въ дорогихъ чувствахъ, видитъ себя обманутою, и печали ея нѣтъ конца. Онъ-же женится въ городѣ на одной богатой уродкѣ для поправленія своихъ разстроенныхъ промышленныхъ операций. Ефимія не можетъ примириться съ своимъ горестнымъ положеніемъ и съ смутными слухами о Георгіи, и вся истерзанная ожиданіемъ, въ сопровожденіи матери, ѣдетъ въ незнакомый ей Тифлисъ и по счастливой случайности находитъ Георгія. Онъ съ коварной лаской встрѣчаетъ ихъ, роскошно ихъ устраниваетъ, доставляетъ имъ удовольствіе, развозитъ по театрамъ, но свадьбу все откладываетъ, и умѣлымъ обхожденіемъ обезоруживаетъ какъ дочь, такъ и мать. Хотя свадьба откладывается, но Ефимія убѣждается, что никакая сила неспособна преградить имъ путь къ счастливому супружеству. Вскорѣ открывается обманъ: неожиданная гостя, явившаяся въ порывѣ гнѣва, снимаетъ завѣсу тайны и называетъ себя законной женой Георгія. Мечты Ефиміи разбиты. Она замышляетъ мщеніе и цѣною своей любви проситъ одного нефтепромышленника не падить мѣръ для стѣсненія Георгія. Удастся-ли это, авторъ не сообщаетъ, только она кончаетъ жизнь самоубійствомъ: принимаетъ большую дозу карболовой кислоты. Лаліони въ лицѣ Георгія представилъ человѣка, возненавидѣвшаго деревню съ ея традиционными

правами; онъ переселяется въ городъ, руководимый цѣлью обогащенія и жертвующій этой идеѣ совѣстью и этическими понятіями. Въ повѣсти противопоставлено другъ другу міровоззрѣніе сельскаго и городскаго населенія. Посителемъ городскихъ идей является Пингиліани, руководствующійся во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ страстью къ наживѣ. Онъ любитъ богатство, потому что оно открываетъ ему путь къ наслажденіямъ жизни.

Герои Лаліони—живые люди, сюжетъ въ его повѣстяхъ развивается постепенно съ соблюденіемъ художественной мѣры, не смотря на явную тенденцію автора, увлеченнаго социаль-демократическимъ ученіемъ.

Давидъ Клдіашвили.

Богатство наблюдательности, свѣжесть сюжета, добродушный юморъ составляютъ отличительныя свойства въ произведеніяхъ молодого беллетриста Д. Клдіашвили. Темы его рассказовъ не являются плодомъ напряженія творческой фантазіи. Онъ внимательно изучаетъ бытъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, сельскаго духовенства, голодныхъ крестьянъ и въ непринужденной формѣ набрасываетъ живыя картины народнаго быта. Онъ дебютировалъ въ 1894 г. талантливою повѣстью „Соломонъ Морбеладзе“ и вызвалъ всеобщее сочувствіе.

Герой повѣсти, Соломонъ, сильный мужчина, дворянинъ, еще недавно въ лицѣ своихъ предковъ—прочная опора родины противъ врага, сегодня занявъ бабьимъ дѣломъ, за малую „коммисію“ устраиваетъ браки. Авторъ мало останавливается въ повѣсти на различныхъ детальныя описанія. Талантъ его выразился особенно въ діалогахъ. Въ словѣ, въ строѣ и манерѣ рѣчи Соломона виденъ специалистъ и мастеръ своего дѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, Платонъ! Чѣмъ хочешь назови меня, если не верну я тебѣ черезъ мѣсяцъ твоихъ денегъ!.. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ изъ-за этого только и бѣгаю... Свагата тутъ... дѣло почти кончено... и получу ужъ много и тотчасъ лично принесу тебѣ.. клянусь дѣтьми и женой.

— Я уѣзжаю спокойно, точно деньги у меня въ карманѣ... до свиданія... И Платонъ собирался уходить.

— Я тебя успокоилъ, а ты бѣжишь уже? Эпросинэ, крикнулъ онъ!

— Что?—спросила Эпросинэ, выходя изъ конюшни, куда ходила присмотрѣть за катеромъ. —Мигомъ подай какую-нибудь закуску.

— Ни въ какомъ случаѣ не могу, Соломонъ, клянусь тебѣ!—И Платонъ попытлся, стараясь высвободиться изъ рукъ Соломона.

— Уложу, накрою, усыплю... утромъ рано подымешься и уѣдешь...

— Благодарю васъ... очень благодаренъ, но не могу.. увѣряю, не могу. Простите неделикатность... до свиданія.

— Какой ты легкомысленный человѣкъ!—проговорила сердито Эпросинэ.—А что? Что дуриного сдѣлалъ я?

— Да то, что приглашать-то приглашалъ его, а у самого дома есть ли что, не спрашиваешь?!

— Ну, развѣ же могъ онъ остаться сейчасъ послѣ перваго приглашенія! Не иностранецъ какой, знаетъ, небось наши облачаи. Я пригласилъ, исполнилъ свой долгъ... Не могъ-же я такъ отпустить его... А ты что же испугалась, что у насъ ничего нѣтъ?! Нѣтъ, такъ будетъ! Такія красненькія десятирублевки принесу, что глаза разбѣгутся... шесть штукъ.. двадцать рублей отдамъ Платону, освобожусь ужъ отъ него.. сорокъ останетя намъ; на полгода хватитъ, а тамъ просватаю еще какую-нибудь голубку и еще заработаю!.. Ты не тужи.. Смотри веселѣе...

— Ты вотъ все говоришь, а на дѣлѣ давненько ничего не вижу. Все бѣгаешь только, и ничего не выходитъ изъ твоего сватовства!..

— Какъ ничего! Уже все окончено... Бессаріонъ долженъ дать Кайхосро четыреста рублей деньгами, вексель на двѣсти и приданого на двѣсти!

— А откуда Бессаріону взять столько!.. Гдѣ у него столько денегъ?.. Какія настали времена, съ горечью проговорила Эпросинэ.

Умѣніе быстро ориентироваться въ своемъ положеніи говорить о долгой житейской практикѣ Соломона. Авторъ ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя свое дѣтище, своего героя: онъ преслѣдуетъ его по пятамъ и заставляетъ его говорить вездѣ и больше всѣхъ. Соломонъ все время на виду у читателей. Авторъ слишкомъ занимается имъ, поэтому нѣкоторые изъ окружающихъ его обрисованы блѣдно.

Соломону во что бы то ни стало нужно заработать шестьдесятъ рублей для уплаты долга Платону, и потому сынъ Кайхосро Катамадзе, „хорошій“ семинаристъ, на порогъ къ рукоположенію, долженъ непременно жениться на Элизѣ, дочери Бессаріона Сакарадзе, красивой дѣвушкѣ съ скромно опущенными глазами. Вершителемъ судьбы этой парочки является Соломонъ Морбеладзе. Верхомъ на маленькомъ традиціонномъ катерѣ „джори“ онъ неутомимо носится изъ дома жениха въ домъ невѣсты и обратно въ хлопотахъ по бракоустройству.

Диво-Соломонъ! Посмотрите на него передъ отцомъ невѣсты; какъ ловко и изящно излагаетъ онъ ему, что нигдѣ и никогда не достать ему *такъ дешево такого* жениха для своей дочери. Приданого нужно немного: четыреста рублей наличными, на двѣсти—вексель и на двѣсти—всякаго скарба, подлежащаго оцѣнкѣ двухъ избранныхъ оцѣнщиковъ. И что такое вексель?! Простой звукъ, и только! Чѣмъ ближе будутъ сходиться они, родные невѣсты съ родными зятя, тѣмъ дальше будетъ отодвигаться отъ нихъ уплата по векселю. А тамъ—съ Божьей помощью—о немъ и вовсе позабыть можно. Но Бессаріонъ упрямылся. У него на умѣ другой женихъ,—правда, не съ такой карьерой, какъ семинаристъ, не съ такими душевными и тѣлесными качествами, но зато *на сто рублей дешевле*. А это очень много для бѣднаго дворянина

— Что же дѣлать, Соломонъ?.. началъ Кайхосро послѣ обѣда. У меня и другія дѣти есть!.. Каждая копейка богатства для меня. Хотѣлъ было землю продать и изъ полученнаго дать на приданое, но, съ одной стороны, сынъ напустился—говорить: „продаешь нашу землю,

хочешь насъ ни съ чѣмъ оставить“,—а съ другой—жалко, что задаромъ хотять заполучить прекрасную землю, узнавъ, что мнѣ нужны деньги... Не могу по этому добрать необходимой суммы...

— Что же ты думаешь дѣлать? что? а? что?—спрашивалъ взволнованный Соломонъ.

— Долженъ отказаться отъ него, если онъ... не сбавитъ.

— Я удивляюсь тебѣ,—горячился Соломонъ. Что бы я при Кайхосро заикнулся объ этомъ! Да онъ меня изъ дому выгонитъ, глаза выпарапааетъ, выбранитъ, съ грязью смѣшаетъ. Я-то не могу сказать ему это; ну, а если ты какого-либо другого пошлешь сказать ему объ этомъ, воля твоя. Гм! Странно, тотъ прислалъ меня условиться о днѣ свадьбы, думаетъ, что дѣло кончено, а теперь, чтобы я пошелъ и сказалъ ему, что Бессарионъ не отдастъ своей дочери, если не сбавишь ста рублей! Что ты, да онъ убьетъ меня! Чего же заставлялъ меня бѣгать столько времени? Загналъ я и себя и своего катера, а теперь говоришь „не могу“. Сведь я тебя съ порядочнымъ человѣкомъ, все сдѣлалъ, какъ тебѣ хотѣлось, столько старался... Такого зятя нашель, ему тысячу рублей съ радостью дадутъ.

— Спасибо, Соломонъ, очень благодаренъ! Въ жизнь не забуду твоихъ трудовъ.

— Образованный молодой человѣкъ, богатая семья... Не сегодня, завтра сдѣлается священникомъ... Обезпеченное существованіе... Гмъ! и все это за четыреста рублей! Четыреста рублей, такъ какъ вексели же не считать! Вѣдь за него теперь не платить, а что будетъ черезъ три года—кто знаетъ... И ты еще о сбавкѣ говоришь! Сказалъ бы раньше! Господи! Какъ мнѣ съ нимъ встрѣтиться? Могилу роешь и живо погребаетъ меня... Кто же мнѣ послѣ этого повѣритъ.

Соломонъ, удрученный, опустился на тахту и уставился на Бессариона глазами, полными отчаяніями.—Изъ-за ста рублей ты упускаешь изъ рукъ такого зятя?—вскочилъ Соломонъ.

— Какъ-будто ты не знаешь, какъ трудно достать сто копеекъ, не то что сто рублей. Хоть повѣсь, а больше, чѣмъ сейчасъ у меня есть, ни конейки не могу достать. Какъ милости, прошу теперь, пусть они подарятъ мнѣ эти сто рублей. Согласятся, на вѣки обяжутъ меня, а нѣтъ придется отказаться отъ нихъ.

— Бессарионъ,—продолжаетъ черезъ нѣкоторое время Соломонъ,—заклинаю тебя всѣмъ твоимъ семействомъ, твоей дочерью, которую ты собираешься выдать замужъ, не сватался ли кто за эти дни?

— Сватался...

— Лучше сына Кайхосро?—Сколько онъ проситъ, говори правду.

— Триста рублей на руки, а остальные какъ и Кайхосро.

— Въ ста рубляхъ разнища, въ одной сотнѣ! Изъ-за ста рублей мѣняешь молодого образованнаго человѣка на деревенскую невѣжду. Ну-у! Я пораженъ... Тебѣ просто жаль лишниихъ ста рублей!

— Воля твоя, твоя воля! Какъ лучше, такъ и поступишь, конечно... Я добра желалъ тебѣ, а у меня своего интереса нѣтъ особеннаго.

Я могъ даже больше выгадать; стоило показать какую-либо другую дѣвушку, тысячу рублей всякій сразу же дать бы... Лично я готовъ убавить себѣ вознагражденіе, по заранѣ знаю, Кайхосро не согласится. Да и—какъ сказать—я уже не берусь ничего говорить ему о сбавкѣ... Вотъ ужъ не думалъ, что въ этомъ домѣ меня такъ скандалятъ.

Удрученный такимъ исходомъ, тѣмъ, что изъ рукъ уплывало шестьдесятъ рублей, Соломонъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ подошелъ къ окну и молча началъ глядѣть на дворъ. Бессарионъ также молча сидѣлъ на тахтѣ.

— А кто сватается?—улыбаясь, но не поворачивая головы, спросилъ Соломонъ. Не успѣлъ еще Бессарионъ отвѣтить, какъ онъ вскричалъ:

— Легокъ на-поминѣ. Даю голову на-отрѣзъ, что не ошибаюсь... Паршивецъ Сикоіа, не правда ли? Догадался, небось, вѣдь, да? Даю слово, онъ сватать ходитъ сюда! Иначе зачѣмъ ему къ тебѣ придеть—горячился Соломонъ, при видѣ показавшагося Сикоіа...

— Нѣтъ, увѣряю тебя, я не могу ни минуты оставаться. Да о чемъ и говорить... Всего нужно ждать, — произнесъ съ горькой успѣшной Соломонъ и вышелъ на балконъ.

— Прощу его, а онъ не остается,—сказалъ Бессарионъ женѣ, разговаривавшей на балконѣ съ новопрішедшимъ гостемъ, худымъ со вложенными волосами и бородой человѣкомъ. Это былъ Сикоіа, бѣдный дворянинъ, занимавшійся тѣмъ же, чѣмъ и Соломонъ.

Соломонъ—обезкураженъ. На время его ораторская струя обрывается, точно источникъ ея вдругъ заткнули пробкой, но тамъ, въ глубинѣ души, подымается масса негодованія и оно прорывается наружу съ неудержимой силой. Но все напрасно... И Соломонъ сразу, чутельмъ, догадывается, что авторъ этой новой „дешевой“ комбинаціи—конкурентъ по ремеслу, „презрѣнный Сикоіа“—коварно сбиль цѣну. Но не сдобровать ему, не уйти отъ гнѣва Соломона! И Соломонъ съ клокочущей злобой въ душѣ плетется домой на своемъ „джори“, не солоно-хлебавши.

Плохо себя чувствовалъ Соломонъ. Онъ ясно видѣлъ, что Бессарионъ уходитъ изъ рукъ, а съ нимъ вмѣстѣ уплываютъ и шестьдесятъ рублей, которые чуть ли не ощущалъ уже у себя въ карманѣ этотъ несчастный дворянинъ, забывшій изъ-за денегъ про свое дворянское происхождение... Пропадаютъ съ трудомъ, въ потѣ лица добытыя деньги, пропадетъ и время. За это время онъ, можетъ быть успѣлъ бы уже состригать гдѣ-нибудь свадьбу и заработать кое-что... И Соломонъ сердился на куцыхъ дворянъ, которые потеряли все, кромѣ спѣси, и съ которыми по этому нельзя сдѣлать никакого дѣла... Какъ согласитъ Кайхосро Катамадзе на уступку? Пропали, пропали шестьдесятъ рублей... И кто долженъ ихъ получить? Этотъ поганецъ Сикоіа... Вотъ что больше всего бѣсило несчастнаго свата...

Эпросина сразу замѣтила волненіе своего мужа и, узнавъ, въ чемъ дѣло, съ укоризной сказала ему: „Я заранѣ знала, что изъ этого ничего хорошаго не получится: гдѣ у Бессариона столько денегъ, чтобы

восемьсот рублей дать одной дочкѣ въ приданое! — Пѣть, — так заставлю найти. Не так-то легко отдѣлается онъ отъ меня“. Видно было, Соломонъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобъ отомстить Бессаріону.

На дворѣ залаяла собака. Кто-ты? Иди въ домъ, чего въ темнотѣ стоишь! — сердито крикнулъ Соломонъ. — Перестань ты, проклятая! прикрикнуть онъ на собаку. — Иди сюда! — послышался снова голосъ.

Соломонъ, прислушавшись къ голосу, быть пораженъ, когда узналъ, что это звалъ Бессаріонъ. Онъ торопливо сбѣжалъ во дворъ и, побѣжавъ къ темной фигурѣ неожиданнаго посѣтителя, спросилъ:

— Бессаріонъ, это ты? — Да, я, Соломонъ, я...

— Не губи меня, Соломонъ... Дѣлай со мной, что хочешь, но не лишай меня твоей помощи... Помоги мнѣ, да поможь тебѣ Господь!..

— Ты и самъ знаешь, что сыну Кайхосро очень нравится Элидзе, онъ ни на комъ не женится... Не нужно мнѣ приданого, говоритъ онъ.

— Дѣла твоего будущаго тестя, скажи ему, плохи... никакъ денегъ не можеть достать... Не доводи его до того, чтобъ онъ за безцѣнокъ продалъ свое имѣнье... — Вѣдь онъ въ священники идетъ, такъ пусть первымъ добрымъ его дѣломъ будетъ это... Скажи ему, что если онъ не сбавитъ рублей сто, то я вынужденъ буду отдать дочь другому кому-либо. Не думаю, чтобъ онъ изъ-за такихъ пустяковъ отказался отъ моей дочери, если онъ ужъ такъ хочетъ на ней жениться. Если все это перескажешь ему ты, онъ, я не сомнѣваюсь, согласится.

— Все равно и такъ вѣдь пропадаютъ, а если ты сбѣлаешь, что я тебѣ говорю, то, надо думать, онъ не будетъ такъ неблагодаренъ, чтобы не заплатить тебѣ слѣдующихъ тебѣ пятидесяти рублей. Я съ своей стороны даю слово, что заплачу тебѣ десять рублей, которые ты теряешь вслѣдствіе этой сбавки.

Развеселившійся, вновь получившій надежду Соломонъ съ аппетитомъ ѣлъ свой неприхотливый ужинъ и съ удовольствіемъ выпилъ два стаканчика разбавленнаго водой вина.

На другой день Соломонъ отправился къ Кайхосро Катамадзе. Онъ былъ сынъ священника. Самъ онъ остался свѣтскимъ, но старшаго своего сына приготовилъ къ духовному званію и теперь, когда тотъ кончилъ курсъ семинаріи, свѣшилъ женить его, такъ какъ епископъ выразилъ желаніе посвятить его въ священники. Гордясь своимъ образованнымъ сыномъ, Кайхосро выказывалъ большую строгость при выборѣ невѣсты: она должна была быть и красива, и богата, и родовита.

Соломонъ зналъ Кайхосро, зналъ, какъ и о чемъ съ нимъ говорить.

Человѣкъ ты Божій... Дѣвушка хоть куда... изъ хорошаго дома... А деньги... ихъ такъ много у васъ. Хотите несчастнаго дворянина совсѣмъ разорить! Онъ-то заплатитъ, да вамъ-то на что чужое?!

— Надо непременно сбавить сто рублей, обращаясь къ Нико продолжалъ Соломонъ, не то Бессаріонъ за другого выдастъ свою дочь... Возможно ли, чтобъ изъ-за ста рублей молодой человѣкъ отказался отъ такой невѣсты, какъ дочь Сакарадзе! Никогда! Ты

не думай, чтобъ я говорилъ все это изъ-за своихъ личныхъ видовъ... Я хочу лишь, чтобы такому молодому человѣку, какъ ты, полезному для народа, и жена досталась хорошая... Лучшимъ вознагражденіемъ мнѣ будетъ пріобрѣтеніе новыхъ друзей, новаго дома... а хозяйки лучше, чѣмъ Элидзе, и желать нельзя... Красивая, статная, покорная, добрая, умная, домовитая... И упустить такую дѣвушку изъ-за ста рублей?! Это невозможно, закончилъ Соломонъ и до того довелъ своею рѣчью молодого человѣка, что тотъ самъ началъ просить и умолять Соломона помочь и не дать разстроиться дѣлу. Нико соглашался со всякимъ предложеніемъ и совѣтомъ. Вечеромъ Соломонъ ѣхалъ трусдой на своемъ катерѣ домой и уже ни разу не произнесъ ни одного браннаго слова по адресу своего неутомимаго товарища“.

Особенную своеобразность придаютъ Соломону качества природнаго имеретина, которыми его надѣлилъ авторъ: чисто имеретинскій строй рѣчи и мыслей, живая сообразительность. Соломонъ Морбеладзе — талантъ, бойкая сила, направленная условиями жизни на такую работу, отъ которой нечего ждать добра. Юморъ автора, его „смѣхъ сквозь слезы“ не скрываетъ, скорѣе отгнѣяетъ дѣйствительность во всей ея неприглядной наготѣ. Передъ нами захудалое дворянство Имеретіи. Мелкій расчетъ, порожденный безысходной нуждой, стремленіе поживиться на счетъ своего ближняго, урвать у него что-нибудь и тутъ-же, въ уголку, съ добычей въ зубахъ, поглумиться надъ жертвой, — все это схвачено мѣтко и нарисовано кистью наблюдательнаго художника

Соломонъ, со всей своей изворотливостью и краспорѣчиемъ, попадаетъ въ послѣдней затѣянной имъ исторіи въ просакъ. Отецъ невѣсты нагло провелъ злосчастнаго свата. У него было условлено съ Соломономъ провести женихова отца, не давать ему передъ самымъ вѣнцомъ ста рублей приданого. Объегоренный отецъ не допустить скандала; поможеть имъ семинаристъ (очень блѣдно очерченный авторомъ) и дѣло пойдетъ, какъ по маслу. Невѣстинъ отецъ вырылъ вмѣстѣ съ Соломономъ яму женихову отцу, затѣмъ столкнулъ въ нее обоихъ и нагло отпраздновалъ побѣду. „Честное слово дворянина“ оказалось однимъ пустымъ звукомъ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ, честное слово лишнее; оно нужно только, какъ декорация. Дѣло сбѣлано, и „честное слово“ безпрятственно можно отложить до слѣдующаго удобнаго случая.

„Быль конецъ іюля. На маленькомъ дворѣ дома Бессаріона Сакарадзе собралось много народу; подходили еще новые гости. Въ одномъ углу двора подъ навѣсомъ были накрыты столы. Вечерѣло. — Будущій зять и его шафера пришли уже давно. Убранная къ вѣнцу невѣста все еще сидѣла въ биткомъ набитой женщинами маленькой комнаткѣ. Она стыдливо потупила голову и смотрѣла внизъ. Мать ея Пелагея была въ хлопотахъ; по временамъ она стремительно влетала въ комнату и вновь исчезала куда-то. Всѣмъ чувствовалось какъ-то неловко. Шепнетъ кто-нибудь сосѣду слово — другое, и снова водворяется тишина. Должно быть, случилось что-либо неприятное. И въ самомъ дѣлѣ,

случилась неприятная история. Кайхосро Катамадзе собирался уже уходить съ женихомъ-сыномъ и съ шаферами. Онъ кричалъ, что не останется ни одной минуты, если Бессарионъ не отсчитаетъ ему немедленно четырехсотъ рублей. Его упрасивали, оправдывали Бессариона, его-де обманулъ одинъ человекъ, который вчера долженъ былъ принести сто рублей, выдумывали многое другое, но старикъ не успокаивался и не соглашался.

— Ну, пусть за Бессариономъ будутъ эти сто рублей... Онъ ихъ позже отдасть; не пропадутъ вѣдь... Не даромъ же собрался весь этотъ народъ!—сказалъ отцу самъ женихъ.

— Ты, сынокъ, мало пока смыслишь! Вѣдь недаромъ достались мнѣ тѣ деньги, которыя я потратилъ на твое воспитаніе. Да развѣ же ты не большаго приданаго стоишь, чѣмъ то, какое обѣщаль Бессарионъ?.. И вдругъ онъ и обѣщаннаго не даетъ?.. Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ не женишься ты!—почти кричалъ разсвирѣпѣвшій Кайхосро.

Долго просили его пощадить несчастнаго Бессариона, но тотъ стоялъ на своемъ (и собирался даже уѣхать съ сыномъ).

— Кайхосро!—подошелъ къ нему совершенно сѣдой, дородный и высокій дворянинъ и загородилъ уходящему дорогу. Кайхосро, вы—почтенный человекъ и въ почтенномъ обществѣ... Надо думать, что вы не станете глухи къ общей просьбѣ. Вы состоятельны, и я думаю, что не захотите ни сына приводить въ отчаяніе изъ-за пустяковъ какихъ-то, ни той семьи, съ которой вы хотѣли породниться. Вы не станете такъ жестоко наказывать и дѣвушку, которая ничѣмъ не провинилась передъ вами, а, наоборотъ, готова сдѣлаться вашей покорной рабой; вы пожалуете ее, я увѣренъ, и не отнимете у нея непосланнаго ей небомъ счастья... Мы просимъ не наказывать безвинное существо, которое по гробъ будетъ помнить объ этомъ и будетъ благодарно.

Старикъ замолчалъ. Молча стоялъ и Кайхосро.

— Мы сейчасъ придемъ,—сказалъ Нико гостямъ и, взявъ отца подъ-руку, увелъ его въ другую комнату.

— Я разойдусь съ тобой, отецъ, если ты обидишь этого почтеннаго старика. Отецъ и сынъ вернулись къ гостямъ.

— Я согласенъ,—обратился Кайхосро къ сѣдому дворянину; я соглашаюсь на бракъ моего сына... изъ уваженія къ вамъ... Но при этомъ я ставлю одно условіе, и оно должно быть выполнено.

Нико съ удивленіемъ смотрѣлъ на отца. Неопытному молодому человекъ было совѣстно за поведеніе отца.

Кайхосро поставилъ Бессариону условіемъ заплатить ему необходимые свадебные расходы тридцать рублей. Бессарионъ клялся, что у него нѣтъ ни гроша. Кое-какъ съ большимъ трудомъ Бессариона заставили выложить заранѣе, повидимому, на всякій случай приготовленные какъ разъ тридцать рублей, передали ихъ съ остальными деньгами Кайхосро и послѣ всѣхъ этихъ неурядицъ, наконецъ, повели жениха и невѣсту въ церковь. Нѣсколько часовъ спустя, подъ навѣсомъ у Бесса-

риона за обильнымъ столомъ сидѣло веселое общество; пѣснямъ не было конца; съ полными виномъ стаканами поздравляли всѣ молодыхъ и высказывали имъ свои пожеланія.

Одинъ только Соломонъ не принималъ надлежащаго участія въ весельѣ. Причиной тому была холодность Кайхосро, съ какою онъ принялъ поздравленіе отъ Соломона. Была, кромѣ того, и другая причина, которая ужасно огорчила Соломона. Когда послѣ вѣнчанія народъ вернулся, Соломонъ подошелъ къ Бессариону, поздравилъ и сказалъ:

— Надѣюсь, Бессарионъ, ты помнишь, что обѣщаль, и исполнишь все... Я сдѣлалъ все такъ, какъ ты того хотѣлъ.

— Да, вѣрно, очень благодаренъ.. Но мнѣ не приходится исполнить обѣщанія!—отвѣтилъ Бессарионъ.—Послѣднія деньги взялъ у меня Кайхосро. Что же тебѣ дать, голубчикъ?.. Ни гроша нѣтъ у меня.

Самъ не свой Соломонъ присоединился къ гостямъ, сѣлъ даже за столъ, но онъ былъ далекъ отъ веселья. Бессарионъ-то надулъ, не далъ ничего; ну, а какъ и Кайхосро продѣлаетъ что-нибудь въ этомъ родѣ? И онъ тѣмъ болѣе боялся этого, что видѣлъ, какъ Кайхосро обошелся съ родителями невѣсты. Соломонъ не могъ заснуть всю ночь...

На другой день, увидѣвъ гуляющаго по двору Кайхосро, подошелъ къ нему и послѣ перваго привѣтствія сказалъ:— Надѣюсь, я теперь не нуженъ ужъ болѣе, и вы не задержите меня, отпустивъ во-время.

— Я не задерживаю тебя, другъ мой!—холодно возразилъ Кайхосро.

— Да, но заплатите ужъ что слѣдуетъ... за труды.

— Я слагаю на Бессариона твое вознагражденіе... Пусть онъ изъ недоданныхъ денегъ заплатитъ тебѣ за твои труды... Сколько тебѣ слѣдуетъ? 60 рублей? За Бессариономъ 70 рублей моихъ... Поди къ нему и передай отъ меня, чтобъ онъ изъ тѣхъ денегъ уплатилъ тебѣ.

— Итакъ, пропадаетъ мой заработокъ?—спросилъ Соломонъ.

— Дѣйствовалъ бы честно, и твое дѣло было бы хорошо! Не я же виноватъ, пеняй на себя!—сказалъ Кайхосро и удалился.

Разсерженный свать проводилъ старика глазами, мотнулъ головой и, ударивъ себя въ грудь, проговорилъ:

— Да, приходится на себя пенять, связался съ такими мошенниками!.. Но куда выдете, чтобы я не выместилъ этого на васъ?..—Онъ снова пришелъ къ Бессариону и сказалъ ему, что Кайхосро на него переложилъ уплату вознагражденія...

— Онъ удовольствовался и получилъ все, и дѣлу конецъ!.. За мною не осталось ничего... Вознагражденіе тебѣ онъ долженъ уплатить изъ полученнаго отъ меня,—отвѣтилъ Бессарионъ.

Соломонъ горячился, но ничего не вышло: ни отъ одного, ни отъ другого не получилъ ни копейки. Бессарионъ лишь сказалъ ему, что велѣлъ посолить воловью шкуру и положить въ его переметную сумку. Но до воловей ли шкуры было ему, когда пропадали деньги? Раздосадованный, онъ ухватился за послѣднюю надежду—побѣжалъ къ повобрачному и рассказалъ ему все.

— Ужъ какъ хочешь, а заплатить мнѣ долженъ ты... Я столько бѣгалъ, шлялся... Не жалѣлъ ни себя, ни катера?.. Почему же не даешь условленного... Тесть-то твой обмануть. У отца твоего копейки не выманишь. Вы-то все сдѣлали дѣло при моей помощи и довольны, а что же я?.. Долженъ ходить и кланяться, чтобы дали мнѣ то, что слѣдуетъ. Нико, хоть ты не бери грѣха на душу... Ты образованный человѣкъ; что простится этой деревенской темнотѣ, для тебя будетъ позорно...

— Соломонъ, я съ удовольствіемъ..., началъ Нико. Все приданое отецъ мой забралъ, и деньги у него въ кармапѣ... У меня, клянусь тебѣ, всего одна пятирублевка въ кармапѣ.

— Давай, давай хоть это..., а то и это пропадетъ. Самъ же виновать, что съ такими людьми связался, да поздно уже... Но ничего, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. До сихъ поръ ничего подобнаго со мной не случалось. Ну, да, ничего... Гм! Повѣрилъ честному слову... Какъ же голодному держаться честнаго слова... И какъ я тогда же не принялъ этого во вниманіе! И съ чѣмъ не приходится считаться въ моей профессіи? Бросить ее? Можно было бы избавиться отъ шляпья и массы огорченій, бѣда въ томъ, это нужны эти проклятыя деньги. Откуда ихъ взять?—говорилъ съ горечью Соломонъ.—Въ кошелекѣ оказалось шесть рублей и сорокъ копеекъ. Соломонъ взялъ у молодого Катамадзе эти деньги, положилъ ихъ себѣ въ кармапъ и ушелъ, конечно, не поблагодаривъ. Немного спустя, онъ велѣлъ осѣдлатъ катера, перекинулъ на него сумку, въ одномъ отдѣленіи которой лежала воловая шкура, а въ другомъ—кусокъ варенаго мяса и хлѣба, вывелъ катера за ворота, сѣлъ на него и вскачь пустился по ухабистой дорогѣ. По дорогѣ онъ много упрекалъ самого себя за то, что такъ глупо довѣрился Бессаріону и далъ себя обмануть⁴.

Вся повѣсть ярко иллюстрируетъ, что творить съ человѣкомъ борьба за жизнь тамъ, гдѣ у земли нечего взять и осталось брать только у себя подобныхъ силой и споровкой.

Соломонъ и его печальная судьба представляются обычнымъ явленіемъ, легко и естественно проходятъ они передъ нами. Автору удалось показать, какое естественное, нормальное явленіе такой типъ въ жизни нашего мелкопомѣстнаго дворянства. Печальный исходъ хлопотъ Соломона вполне понятенъ въ той средѣ, гдѣ ему суждено подвизаться. Бессаріонъ не случайно попалъ въ повѣсть нашего автора: онъ—выразитель того понятія о чести и человѣческомъ достоинствѣ, какое живетъ въ окружающей его средѣ. Отецъ жениха, Кайхосро, человѣкъ съ сравнительнымъ достаткомъ, самодовольный сельскій „буржуй“, особенно типиченъ въ томъ гвалтѣ, который онъ поднималъ передъ вѣнчаніемъ сына, не досчитавшись ста рублей въ приданомъ.

Другая повѣсть его „Мачеха Саманишвили“ (Моамбэ, 1897 янв. и февр.) не менѣе удачна по замыслу, но ей недостаетъ цѣльности, выдержанной обработки. Тутъ также на сценѣ траги-комическое положеніе героя. Сюжетъ его очень оригиналенъ и обнаруживаетъ большое знаком-

ство автора съ жизнью мелкопомѣстнаго дворянства Имеретіи. Бѣдному сельскому дворянину Бекинѣ Саманишвили, имѣющему взрослога женатаго сына Платона, вздумалось жениться во второй разъ. Сынъ и слышать объ этомъ не хочетъ: у старика можетъ появиться еще послѣдникъ, съ которымъ нужно будетъ раздѣлить и безъ того жалкое имѣніе Саманишвили, едва дающее столько, что и въ настоящемъ-то составѣ лишь кое-какъ семья сводитъ концы съ концами. Сынъ старается выбить эту блажь изъ головы старика-отца, но послѣдній твердъ въ своемъ рѣшеніи сосватать какую-нибудь пожилую вдову. Сынъ въ отчаяніи, но онъ уже придумалъ средство, чтобы предотвратить послѣдствія безразсудной затѣи отца. Является онъ къ отцу и предлагаетъ свои услуги—найти невѣсту для старика. Отецъ удивленъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, но сынъ успокаиваетъ его и отправляется на поиски невѣсты. Онъ хочетъ во что бы то ни стало отыскать пожилую вдову, похоронившую двухъ мужей и ни отъ одного не имѣвшую дѣтей. Описаніе этихъ поисковъ и всевозможныхъ приключеній и встрѣчъ, то уморительныхъ, то печальныхъ и полныхъ драматизма, наполняетъ большую часть повѣсти. Наконецъ, желательная мачеха отыскана и свадьба сыграна съ подобающимъ случаю торжествомъ. Но... о ужасъ! Не проходитъ и года, какъ жена молодого Саманишвили замѣчаетъ у свекрови признаки беременности. Несчастный Платонъ глазамъ своимъ не вѣритъ: онъ никакъ не можетъ примириться съ мыслью, что мачеха его можетъ произвести на свѣтъ существо, которое потребуетъ раздѣла имѣнія.

Такое содержаніе богатаго бытовыми подробностями разсказа Клдѣашвили. Почти все типы, выводимые авторомъ, отличаются большою жизненностью и какъ бы живьемъ выхвачены изъ современной жизни. Типы дворянина Кирилла, зятя героя—этого кутилы, буяна и озорника, — замужней его сестры, дворянина Аристо, самой старой невѣсты и другихъ до того живы, до того правдивы, что читателю кажется, что беллетристъ скалькировалъ съ своихъ хорошихъ знакомыхъ, близкихъ людей и родственниковъ. Сыну нужно найти для чудака-отца вдовицу, бывшую за двумя мужьями и бездѣтную. Это—прочная гарантія, что не будетъ дѣтей и отъ третьяго, и нѣжному сыну не съ кѣмъ будетъ дѣлать крохотнаго родового наслѣдія. Авторъ съ большимъ юморомъ передаетъ все перипетіи поисковъ экстраординарной невѣсты.

Двѣ слѣдующія повѣсти Д. Клдѣашвили—„Искреннее сердце“ и „Жертва“—крупныя ошибки въ его писательской жизни. Въ нихъ онъ пересталъ быть самимъ собой, свернулъ съ своего естественнаго пути. „Искреннее сердце“—блѣдное, вымученное изображеніе женской любви. На каждой страницѣ ея чувствуется авторъ, потерявшій подъ ногами родную почву, въ погонѣ за избитой современной темой.

Въ „Жертвѣ“¹⁾ сразу, съ первыхъ же страницъ, встаетъ передъ нами сильная тенденція автора изобразить во что бы то ни стало женщи-

¹⁾ См. статью И. Никашидзе въ *Новомъ Обзорѣннѣ*.

ну-мученицу, жертву ярости злючки-свекрови. Тенденція, къ сожалѣнію, оказалась настолько сильной, что овладѣла самимъ авторомъ, и совсѣмъ сковала симпатичный и свободный талантъ его.

Въ новѣйшихъ своихъ произведеніяхъ г. Клдѣшвили вновь возвращается къ своему удачному жанру. Одно изъ нихъ, драматическій этюдъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, напечатано въ журналѣ „Моамбѣ“. Въ этомъ этюдѣ („Счастье Прины“, картины изъ сельской жизни, въ двухъ дѣйствіяхъ) изображается судьба скромной, безотвѣтной дѣвушки, Прины Барбакидзе, брошенной непреклонной волей самодура-отца, бѣднаго сельскаго дворянина, въ руки кутилы изъ зажиточной семьи, Абесало Саламтадзе, юноши „безъ царя въ головѣ“ и безъ какихъ бы то ни было нравственныхъ принциповъ въ жизни. Клдѣшвили удалось вдохнуть новую жизнь въ этотъ старый сюжетъ, но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ, а только наполовину: первое дѣйствие полно правды и жизни, а второе написано въ приподнятомъ тонѣ. Въ первомъ дѣйствіи типично, выпукло очерченъ женихъ-самозванецъ, забубенная, безшабашная головушка, рослый дворянинъ, свободно и горделиво гарцующій по зеленой муравѣ на дворѣ у Принына отца, Филиппа Барбакидзе. Бѣдная дѣвушка, связанная словомъ съ Родамашвили, не знаетъ куда уйти отъ пьяной назойливости юнца, заявляетъ изумленному отцу, что она не любитъ Абесало, но, въ концѣ концовъ, попадаетъ ему въ лапы. Фигура дѣвушки очерчена блѣдно, но благородный юноша, пріятель его, Викторъ ¹⁾, все пытавшійся сдерживать свои порывы Абесалома, и отецъ-самодуръ, руководствующійся узкими соображеніями и патриархальными взглядами, — изображены мѣтко. Во второмъ дѣйствіи наступаетъ трагическая развязка. Юнецъ долженъ стать семьяниномъ, но на это у него нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, и Прина — пренесносная обуза для него. Животная страсть его удовлетворена, и у несчастной дѣвушки, у живого, одушевленного существа — нѣтъ для него ничего больше, она для него — товаръ обезцѣненный. Къ тому же, по селу ходятъ злокозненные суды и пересуды насчетъ поведенія Прины, о тайныхъ свиданіяхъ съ Родамашвили и подливаютъ масла въ огонь. Прина погибаетъ въ присутствіи отца и Родамашвили отъ кинжала своего пресытившагося обладателя. Высокій трагическій моментъ не выдержанъ строго. Но въ концѣ авторъ „оправился“. Благородный, человѣческой протестъ жены-мученицы противъ своего мучителя въ послѣдней сценѣ полонъ правды и силы ²⁾.

Въ „Моамбѣ“ же появилась картинка его изъ жизни грузинскаго сельскаго духовенства „Въ приходѣ“. Она оживлена истиннымъ правди-

¹⁾ По мнѣнію г. Хомлели, типъ Виктора является новымъ въ грузинской художественной литературѣ. Вопреки принятому обычаю изображать въ отрицательныхъ краскахъ дворянъ, Викторъ въ ком. Клдѣшвили обрисованъ защитникомъ правъ и свободы личности, обличаетъ въ Абесаломѣ грубые инстинкты и произволь, направленные для удовлетворенія личныхъ пріхотей.

²⁾ Типъ Абесалома Саламтадзе впервые былъ нарисованъ Г. Церетели въ лицѣ Іеремія Царба (*Первый шагъ*) и Н. Ниношвили въ романѣ *Герой нашей страны*.

вымъ замысломъ, въ ней есть идейное здоровое ядро. Ново-рукоположенный молодой священникъ (изъ семинаристовъ) попадаетъ въ село, гдѣ неприглядная дѣйствительность сразу обдаётъ его ушатомъ холодной воды. Крестьяне, много терпѣвшіе отъ его предшественниковъ, враждебно встрѣчаютъ новаго священника и оскорбляютъ его по поводу устроивша для него помѣщенія. Молодые чувства и намѣренія семинариста сразу терпятъ афронтъ.

„Обѣдня только-что отошла. Подъ развѣсившей липой собрались крестьяне. Посреди нихъ стоитъ высокій, молодой священникъ и горячо говоритъ:

...Я самъ озабоченъ своимъ положеніемъ, люди добрые! Конечно, вамъ есть на что жаловаться: нѣтъ у васъ по близости священника. Но чѣмъ мнѣ помочь этому, дорогіе мои? Какъ мнѣ быть, чтобы пособить дѣлу?.. Я старался быть близко отъ васъ, но что дѣлать, когда во всей деревнѣ я не могъ найти квартиры... Трудно мнѣ платить за помѣщеніе, но я не остановился бы предъ этимъ, лишь бы не слышать вашихъ жалобъ. Видитъ Богъ, я озабоченъ своимъ положеніемъ, но никакого выхода не нахожу. И сколько времени уходитъ на бѣготню между моимъ домомъ и вашей деревней: и до прихода далеко и до церкви!.. Пастыремъ называюсь, а какой я пастырь, когда я не могу исполнять всѣхъ своихъ обязанностей!.. Вотъ отслужилъ обѣдню и долженъ спѣшить домой, а то по дорогѣ стемнѣетъ...

— Выстроимъ сообща ему маленькій домишко около этой церкви; тогда священникъ будетъ у насъ близко, и неприятностей никакихъ не будетъ,—сказалъ сидѣвшій на могильномъ камнѣ старикъ дворянинъ.

— Для себя не можемъ выстроить домовъ, въ мазанкахъ живемъ,—гдѣ же намъ для священника строить?—выкрикнулъ старикъ—крестьянинъ, а остальные поддержали его одобрительнымъ гуломъ.

— Священники у насъ бывали и раньше, но домовъ мы для нихъ не строили.—Почему этому должны строить?

— Бывали-то бывали, Тимофей, да то были твои сосѣди, жители твоей же деревни... А теперь вотъ прислали знающаго, образованнаго священника: этотъ не чета тѣмъ, что были до него.

— Это-то хорошо... Конечно, лучше имѣть образованнаго священника, но онъ лишнимъ бременемъ ложится на насъ, господинъ Несторъ!.. Съ насъ довольно и нашихъ нуждъ; и то едва дышемъ. Мы отъ него ждали помощи, облегченія нашихъ нуждъ, а онъ—лишняя тягость.

У крестьянъ завязался разговоръ. Говорили всѣ. Отовсюду слышались негодующіе голоса. Священникъ чувствовалъ себя неловко и даже порывался бѣжать. Отъ него не ускользнуло ни одно изъ произнесенныхъ крестьянами словъ, и потому онъ все болѣе раздражался.

Вдругъ онъ вздрогнулъ, какъ ужаленный, повернулся налѣво и, весь дрожа, не своимъ голосомъ крикнулъ:—Правда, Ефимъ, правда!

Всѣ примолкли. Наступила тишина. Крестьянинъ среднихъ лѣтъ, къ которому относились слова священника, стоялъ растерянный и пристыженно поглядывалъ на разсердившагося батюшку.

— ...Ты точно угадал... Конечно, только и старался я повеселиться по соседству съ вами, что глаза у меня завидующіе и хочу жить на вашъ счетъ!.. Какъ пельзя лучше угадалъ! Такъ тебѣ всегда и угадывать. Стоитъ ли говорить съ тобой, есть ли у тебя совѣсть?—проговорилъ скороговоркой отецъ Зосимъ, нагнувшись на лобъ дрожащей рукой свою широкополую шляпу и отошелъ отъ опѣшившей толпы.

Страшно взволнованный, онъ остановился и сталъ печально смотреть въ разныя стороны, какъ бы ища кого глазами...

Громко произнесенное обращеніе привело въ себя Зосима: онъ обернулся и, замѣтивъ мальчика, спросилъ его:—Что тебѣ нужно?

— Мой старшій братъ сильно боленъ. Хотимъ причастить его!—сказалъ мальчикъ, и на глаза его навернулись слезы.—Скорѣе, Бога ради! Мать съ горя чуть съ ума не сходитъ... Не медлите, батюшка!

— Поди, раздвини дьячка Петра... Подведите къ воротамъ катера!.. Я захвачу молитвенникъ и сейчасъ приѣду. Отецъ Зосимъ быстро окинулъ взглядомъ все еще продолжавшую шумѣть подъ липой толпу и съ болью въ сердцѣ поѣхалъ къ больному.

„Значитъ, я лишь тяжелая обуза для своего прихода... думалъ отецъ Зосимъ. Я только о томъ и думаю, чтобы жить на счетъ своихъ духовныхъ дѣтей... Только о томъ и стараюсь, чтобы навязать себя деревнѣ и заставить ее кормить себя и свою семью! Это все, что заслужилъ въ глазахъ народа! Пастырь съ „завидующими глазами“...“

Можно ли было молодому священнику не чувствовать боли въ сердцѣ? Онъ шелъ въ этотъ народъ съ совершенно иными ожиданіями и надеждами. Онъ думалъ внести сюда уваженіе къ своему знанію; думалъ заставить полюбить имя тѣхъ, которые проповѣдываютъ любовь къ ближнему, просвѣщаютъ души и очищаютъ сердца отъ всякаго зла.

Безпріютный бѣднякъ, онъ вынужденъ кормиться хлѣбомъ такихъ же бѣдняковъ. Откуда же могла зародиться между ними любовь?

Взволнованный и огорченный, онъ нетерпѣливо понукалъ своего маленькаго катера, и этотъ послѣдній все больше и больше прибавлялъ шагу. Заставляя своего мула бѣжать скорѣе, священникъ тѣмъ самымъ ставилъ въ затрудненіе пожилого Петра, которому не хотѣлось отстаивать; послѣдній съ молитвенникомъ подъ мышкой, съ подобранными полами бѣжалъ сзади трусцой, и потъ градомъ катился съ его лица.

Петръ зналъ, какъ сильно разозлили молодого священника, и для того, чтобы успокоить его, едва переводя дыханіе, выкрикивалъ:

— Ужъ очень перемѣнился народъ... очень перемѣнился... Совсѣмъ иной сталъ. Развратился, въ конецъ народъ развратился!

Отецъ Зосимъ, однако, или вовсе не слышалъ этихъ словъ, или же, если и слышалъ, то, вѣроятно, еще болѣе огорчился, такъ какъ онъ, повидимому, намѣренно сильнѣе и сильнѣе подгонялъ своего мула, какъ бы стараясь оставить Петра позади. Они уже прошли добрую часть ухабиатаго пути, какъ навстрѣчу имъ попался знакомый священникъ.

— Отецъ Зосимъ, отецъ Зосимъ!—привѣтствовали встрѣтившійся,—видно, отче, ты чѣмъ-то недоволенъ!.. Потерпи, потерпи, отче, молодъ еще. Сохрани себя для будущаго! Побѣди именемъ Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! Перекрестись, плюнь на сатану, и конецъ,—весело, безъ передышки протараторилъ пожилой съ просѣдой священникъ, который остановилъ своего катера, отодвинулъ шляпу назадъ и обнажилъ нѣсколько свою лысину.—Куда это ты, отецъ Михаилъ?—спросилъ послѣ обычнаго привѣтствія отецъ Зосимъ.

— Въ Кутаисъ, въ духовное училище везу вотъ молодца; авось, украситъ родъ свой умомъ и образованностью своею! При этомъ онъ повернулъ голову назадъ къ 11—12-лѣтнему мальчику, сидѣвшему позади на одномъ съ нимъ катерѣ. Мальчикъ вплотную прижался къ отцу, обхвативъ его обѣими руками, такъ какъ на крестцѣ мула, гдѣ онъ сидѣлъ, мѣста было мало.

— Да, да!.. Насъ-то вѣдь вы презираете,—смѣясь сказалъ отецъ Михаилъ, —да и въ самомъ дѣлѣ негодны мы. Въ постоянной бѣготѣ, въ спорахъ съ этимъ народомъ я совсѣмъ оглубѣлъ. Все вылетѣло изъ головы, совершенно пустая стала!.. И я когда-то разумѣлъ кое-что. Помню, учили насъ, говорили намъ объ Испанскомъ морѣ, о Бѣломъ морѣ, о Печерской лаврѣ. Но что отъ всего этого осталось—и самъ точно не знаю. Раньше, казалось, все зналъ, и теперь этотъ каранузъ и то побѣждаетъ... Гдѣ, малышъ, Бѣлое море? И ты не знаешь? Осрамилъ отца,—расхохотался веселый и словоохотливый попъ.

Какъ разъ въ это время подошелъ къ нимъ запыхавшійся Петръ. Увидѣвъ отца Михаила, онъ низко поклонился ему и попросилъ благословенія.—А, Петръ, Петръ,—закричалъ отецъ Михаилъ уже издали!.. А какъ на счетъ поросенка, Петръ? Поросенка!.. Отцу Зосиму, ха, ха, ха!.. Хорошаго, жирнаго поросенка!..

— Вотъ и у отца Зосима настроеніе перемѣнилось бы!.. Можетъ быть, васъ и сейчасъ гдѣ-нибудь ждетъ хорошенькій, кругленькій поросенокъ... На поросенка идете?—спросилъ, смѣясь, неунывавшій попъ.

— Причастить надо тутъ одного, —отвѣтилъ отецъ Зосимъ...

Молодой священникъ посмотрѣлъ вслѣдъ этому странному священнослужителю, и сильная печаль объяла его сердце. Неужели и его ожидаетъ такой же конецъ? Неужели и ему придется задаваться вопросомъ, существуетъ ли все еще гдѣ-либо Испанское море, или гдѣ находится Печерская лавра, и печалиться о томъ, что мало стало жирныхъ поросятъ... „Сверни, отче, сверни туда... въ ворота эти...“—послышалось ему.

О. Зосимъ поднялъ голову и тогда только замѣтилъ, что подѣхалъ къ дому больного. Онъ вѣхалъ въ открытыя ворота и сошелъ съ катера передъ низенькимъ домомъ, крытымъ камышемъ. Маленькій мальчикъ взялъ подъ узцы катера. Въ это время явился и Петръ.

Подъ навѣсомъ встрѣтила священника повязанная платкомъ старуха. Она благоговѣнно подошла къ священнику и поцѣловала у него руку. Это была мать больного, старая Ануся.

— Ну, гдѣ же больной,—спросилъ о. Зосимъ и вошелъ въ домъ.— Миръ дому сему,—произнесъ онъ.

Въ комнатѣ было совершенно темно.

— Отворите и другую дверь! Развѣ можно оставаться въ такой темнотѣ!—добавилъ священникъ недовольнымъ тономъ.

Ануса бросилась къ дверямъ для исполненія приказанія. При свѣтѣ, проникшемъ черезъ вторую дверь, можно было разсмотрѣть внутренность дома. На узкой тахтѣ, тянувшейся вдоль всей стѣны, въ разныхъ концахъ ея лежало два человѣческихъ существа. Одно изъ нихъ, закрытое одѣяломъ до самыхъ глазъ, испуганно глядѣвшихъ на вошедшаго, было знакомо о. Зосиму. То была дочь Ануси, дѣвица Элизія, давно уже прикованная болѣзнию къ постели.

— Это Алексі?—показалъ священникъ на вторую постель. Больной съ головой ушелъ подъ одѣяло.

Весь мокрый отъ поту, съ горящими глазами, больной взглянулъ разъ на священника и вновь закрылъ глаза.

— Умираю, батюшка!—едва слышнымъ голосомъ прошепталъ больной.

— Не бойся, не бойся!.. Ужъ и испугался болѣзні! Эхъ ты, трусъ ты этакій! Вѣдь, человѣкъ же ты; ну, сегодня боленъ, завтра будешь здоровъ, чего же трусишь!—утѣшалъ о. Зосимъ Алексі, но ясно видѣлъ, что парень догоралъ.

Темнота царившая въ домѣ Алексі, бѣдность, сквозившая изъ всѣхъ щелей, болѣзнь духъ людей, безнадежность положенія которыхъ была очевидна на первый же взглядъ, эта старушка, укутанная на подобіе муміи и втихомолку проливавшая слезы, собственное безсиліе помочь имъ чѣмъ-либо,—все это еще болѣе сильной печалью заставляло сжиматься и безъ того болѣвшее сердце священника, удраивало горе, дѣлало его безутѣшнымъ.

— Священнику понадобится закуска. Далеко знаешь, вѣдь, ѣхать ему, а тутъ вы его задержали еще; съ утра ничего не ѣлъ; есть у васъ что?—тихонько допрашивалъ Петръ брата Алексі, Аллезу.

— Какъ же есть!—отвѣтилъ Аллеза.

Петръ подошелъ къ священнику. Отецъ Зосимъ, печальный, пораженный на каждомъ шагѣ попадавшими картинами безысходной нужды и безпросвѣтнаго горя, удрученный созерцаніемъ всѣхъ этихъ страданій и несчастій, горячо молилъ небо объ отпущеніи, просилъ о ниспосланіи надежды и радости и о томъ, чтобы Всевышній принялъ въ видѣ жертвы его наболѣвшую душу и истерзанное сердце.

— Господи, воми моленію моему... Услышь мя, Господи!—повторялъ онъ, опустившись на колѣни. Горячая молитва успокоила его, и ему какъ-будто стало легче послѣ нея. Онъ какъ бы вновь обрѣлъ душевное спокойствіе. Закрывъ молитвенникъ, онъ передалъ его Петру, вынулъ изъ-подъ рясы маленькій образокъ, раскрылъ его и поднесъ больному святыя Дары. Забывшаяся въ уголъ маленькая дѣвчонка съ удивленіемъ смотрѣла на этого высокаго, необычнаго человѣка.

— Не пугайтесь, Богъ милостивъ, опасности нѣтъ никакой! Не падайте духомъ! А ты что подѣлываешь, Элизія?—подошелъ Зосимъ къ больной.— Что же, ты думаешь все такъ лежать, не хочешь вставать?—На блѣдномъ лицѣ съ нависшими щеками забѣгали у дѣвушки блестящіе неестественнымъ блескомъ глаза; блѣдныя, безкровныя губы прошептали что-то, и до ушей отца Зосима едва долетѣли произнесенныя слабымъ голосомъ слова:—Алексі бы только видѣть на ногахъ, а обо мнѣ стоить ли спрашивать!..

— Объ Алексі не думай. Вотъ ты вставай, и все будетъ хорошо,—съ улыбкой сказалъ отецъ Зосимъ. Ануса глубоко вздохнула при этихъ словахъ и въ знакъ сильнаго горя покачала головой.

— Ну, Петръ, выводѣ катера!—крикнулъ священникъ.

— Обожди, батюшка! Ну, какъ же поѣдешь голодный? Выпей стаканчикъ вина, закуси хоть хлѣбомъ и послѣ уходи,—вмѣшался Петръ.—Ну, и не задерживайте же, давайте же, давайте, что тамъ есть!—крикнулъ онъ на хозяевъ.

— Сію минуту, сію минуту!—засуетились Ануса съ сыномъ.

Отецъ Зосимъ принужденъ былъ остаться закусить. Столъ былъ скоро накрытъ, и Петръ сразу же сталъ хозяйничать, забирая себѣ все, что ни подавалось священнику.

— Какъ же можно отказываться! Вы—священникъ, правда, ученый, но отъ деревенской трапезы никогда не должны отказываться. Отъ этого вамъ ничего не прибавится, развѣ отнимется!.. Хвала Богу, хозяевамъ добраго здравія, больнымъ скорого исцѣленія, а всему тому дому счастья и благоденствія.—произнесъ Петръ здравницу и опорожнилъ полный стаканъ.—Для голоднаго священника закуска была кстати; онъ ѣлъ съ аппетитомъ. Съ еще большимъ аппетитомъ уплеталъ Петръ; онъ даже собирался провозгласить себя толумбашемъ, но священникъ всталъ со стола и приготовился уходить.

Священникъ далъ Аллезу наставленіе, какъ ухаживать за больнымъ, и вышелъ на дворъ. Катеръ все еще былъ привязанъ къ плетню и ѣлъ солому. Петръ подошелъ къ катеру, снялъ привязанную къ сѣдлу сумку и началъ укладывать въ нее хлѣбъ.—Не глуши ты, пожалуйста!

— Ну, вотъ еще вздумалъ благородство проявлять!.. Въ деревнѣ живешь, живи по-деревенски!.. Нашелъ время стѣсняться!.. Пора уже и привыкать къ деревенскимъ порядкамъ и обычаямъ.

— Я тебя прошу освободить меня отъ всего подобнаго, Петръ!—недовольно произнесъ о. Зосимъ.

— Теперь можете ѣхать своей дорогой!—сказалъ Петръ, когда сумка была наполнена и привязана къ сѣдлу. Не задерживайтесь уже.

— Не привыкъ пока, молодѣ еще! Пройдетъ время, тогда не только хлѣбъ, а обглоданныя кости будутъ класть въ сумку и таскать домой!.. Дѣтямъ по косточкѣ хоть достанется,—сказалъ онъ съ улыбкой матери и сыну, попрощался съ ними и отправился домой.

Длинный путь предстоял отцу Зосиму, но сегодня путь этот ему показался еще длиннее; всю дорогу он думал только о том, что ему пришлось сегодня видеть и перетерпеть...

Нельзя сказать, чтобы картина, которую он увидел, влезая к себе во двор, была особенно приятная. Дети в одних рубашках стояли в грязи и совершенно выпачканные усердно мыли грязь босыми ногами.—Текла, Текла!.. Взгляни, пожалуйста, на детей! Нужно иногда присмотреть за ними,—крикнул он, слезая с катера. Привязав мула к столбу, он вошел на балкон.

На крик из дому выбежала молодая женщина с собранными назад под платок волосами и с засученными рукавами.

— Да, вот, матушка, нужно иногда присмотреть за детьми. Посмотри, на что они похожи, как они перепачкались! Воскресенье же сегодня, пришло бы их поприличить!

— Да во что одеть-то их, человек? Всего-то у них по одной паре одежды, а выпачкают и ту, так и совсем ничего не останется. А скоро ли новой дождутся? Эти твои племянники в конце испортили их!... Гуго, Гуго... Элинка... не слышите!... Подите сейчас сюда, сердилась Текла на детей. Затем она подошла к катеру, отвязала сумку и сунула туда руку, желая на ощупь определить, что там содержится. Скрыв сумку в складках платья, чтобы ее не увидели соседи, жившие в том же доме, она поспешно вошла в комнату.

— А я-то думала в самом деле что-нибудь есть,—сказала она недовольным голосом, когда раскрыла сумку и увидела только хлеб.

— А ты чего ждала?—улыбаясь и несколько сконфужено спросил у жены отец Зосим, который успел уже снять рясу.

— Мама, да-а-й хлеба!—бросился к матери старший ребенок.

Его примѣру послѣдовать и другой.—Дай хлеба..., спросили оба.

— Отломим им по кусочку, успокой их, матушка!—вмѣшался о. Зосим. Текла отломил по куску обимъ, а остальной хлеб положила в сумку и спрятала ее в шкафчик. Выгнав предварительно из комнаты детей, она вышла и сама.

Отец Зосим, проводив глазами почти нагих детей и Теклу, невольно глубоко вздохнул. „Завидные глаза“—мелькнуло у него в голове, и в его воображении вдруг встала утренняя картина: его приход, ропщущая крестьянская толпа, слова Ефима, пог Михаилъ,—и снова его обила сильная тоска и отчаяние. Эту картину теперь дополняла другая,—то, что он встретил у себя дома.

Неужели, думал он, необходимо иметь „завидные глаза“, чтобы не погибнуть в этом мире! Неужели нужно отрешиться от всяких мечтаний и жить так, как живут все!.. „Пора уже привыкать к деревенским порядкам“, вспомнилась ему фраза Петра... Вспомнил он также Анусю и ее семью, где два человеческих существа лежали на смертном одре, и как-будто кто-то прошептал ему: „вот и доходи тебя“. Эта мысль, одно появление ее в его голове совершенно

доказали молодого священника... На выздоровление больного Алексея не только не было надежды, но, наоборот, к вечеру того же дня ему стало совсем плохо. В сильнейшем беспокойстве метался он на постели, по временам выкрикивая какие-то непонятные слова, бредил и опять метался. Растерявшаяся Ануся сидела у изголовья сына; пораженная горем, она как-то бессмысленно уставилась на больного сына.

К утру больному сделалось хуже, и целый день он провел в мучительной агонии. Ануся, совершенно потерявшая голову, продолжала стоять у изголовья больного и бессмысленно смотреть на него.

— Мама!—вдруг воскликнул больной и поднял голову.

— Родной, Алекс! Тут я, тут... милый ты мой, родной!

Но больной, повидимому, не слышал ее слов, водил по сторонам налитыми кровью глазами и выкрикивал непонятные слова...

Больной поднялся в последний раз, поддавшись несколько вперед, широко раскрыл глаза и, выпрямившись сразу, распластался на постели... Ануся, как ястреб, бросилась на сына, перевернула его лицом вверх и ужасным голосом закричала: Алекс, родной!...

— Мама, мама... что случилось?—спросила испуганно Элизия, поднявшись на постели... Что случилось, мама?

— Ничего, ничего, дочка! Ложись, ложись! Горе мне несчастной!

Ануся встала, накрыла Алексея одеялом, сошла с тахты и крикнула в дверь: „Марико, Марико!“

В комнату вошла маленькая растрепанная девочка.—Сядь вот сюда,—указала Ануся на тахту, на которой лежал Алекс.

Когда Ануся вышла, в доме водворилась полная тишина. Маленькая девочка, усевшись на низенькой скамеечке, несмело смотрела то в сторону Элизии, то на двери, то на покрытого одеялом брата.

В этой тишине со двора послышался какой-то голос. Элизия услышала его. Чем дальше, тем голос становится явственнее: кто-то, повидимому, безутешно рыдал...

— Марико, выглянь... кто-то плачет там! Посмотри-ка!—и Элизия приподнялась на постели. Марико встала, подошла к двери, отыскала щелку и начала смотреть в нее.—Мама... мама плачет!—проговорила девочка. Элизия задвигалась на постели, начала шарить руками, отыскала платье и начала одеваться.

— Тетя пришла. И Эленичка идет... Она тоже плачет...,—бормотала маленькая Марико, не замечая, что Элизия надвела платье, встала с постели и, пошатываясь, направилась к Алексею; взобравшись на тахту, она своими костлявыми руками начала снимать одеяло с брата.

Из-под одеяла показалась ужасная голова Алексея: глаза были широко раскрыты, подбородок, обрамленный жиденькой бородкой, выступал вперед, зубы были оскалены. Элизия вскрикнула изо-всех сил и, потеряв сознание, упала на труп брата.

Теперь только оглянулась Марико и, увидев, что сестра лежит на груди брата, начала плакать...—Мама, Элизия встала!

На крикъ въ комнату вбѣжала Ануся и съ нею всѣ, кто ни былъ на дворѣ. — Убейте меня, дѣти мои!.. Горе мнѣ! — съ отчаяніемъ вскричала старуха и вспрыгнула на тахту, чтобъ отнять отъ трупа Элизію.

Домъ въ мгновеніе наполнился народомъ; начались плачь и причитанья. Потерявшію сознание Элизію отняли отъ трупа и блѣдную, какъ смерть, уложили въ постель.

Къ вечеру не стало и Элизи: и она отошла въ другой міръ... Вся деревня искренно соболѣзновала несчастной Ануся.

Два гроба, между которыми сидѣла убитая горемъ мать, цѣловавшая то одну, то другого, — эти два гроба наводили мистическій страхъ на наивную толпу: испугъ и горе рисовались на лицѣ каждаго.

А у отца Зосима, когда онъ дрожащимъ голосомъ совершалъ литію, глаза наполнились слезами при видѣ покойниковъ, еще болѣе сжималось болью и обливалось кровью сердце, такъ какъ вокругъ онъ видѣлъ и въ самомъ дѣлѣ безпомощныя существа, надломленные душой и совершенно несчастныя. И это всеобщее страданіе, горе и безысходность приводили его въ отчаяніе, но примиряли его съ собственной судьбой. Слезы, проливаемая имъ, были слезами горя и безнадежности и въ то же время слезами примиренія съ судьбой. И потому сегодня паства съ такою благодарностью проводила своего пастыря: сегодня онъ раздѣлить горе своей паствы и вмѣстѣ съ нею пролилъ слезы горя и отчаянія“...

Художественное чутье заставило г. Клдіашвили вывести на сцену, навстрѣчу къ священнику-новичку сосѣднго священника-старичка, уже полностью кристаллизованнаго, выливагося въ обыденную форму, духовнаго коллегу. Жизненный контрастъ между ними очень тонко имъ подмѣченъ и изображенъ. Душевное настроеніе семинариста, созерцающаго въ коллегѣ-старичкѣ будущаго „себя“, изображено очень правдиво. Много помогъ дѣлу вновь проснувшійся въ этой картинкѣ здоровый, симпатичный юморъ писателя. Юморъ этотъ особенно ярко воплощенъ имъ въ лицѣ дьячка—традиціоннаго персонажа—переданнаго предшественникомъ въ помощники молодому семинаристу. Уже выработанныя, рѣзко очерченныя ухватки и земныя вождельнія духовнаго „адъютанта“, живымъ контрастомъ своимъ прекрасно отгѣняютъ фигуру молодого мечтателя-семинариста.

Одно изъ послѣднихъ произведеній Клдіашвили „Злоключенія Камушадзе“ посвящено столкновенію городской жизни съ патриархальными устоями. Когда-то состоятельный дворянинъ Отія Камушадзе впадаетъ въ бѣдность и терпитъ лишения. Изъ горделиваго потомка рыцарскихъ предковъ онъ превратился въ простаго земледѣльца, трудъ котораго, однако, не оплачивается; и „въ потѣ лица“, голодая, не имѣя возможности платить государственныя повинности, онъ постоянно находится подъ гнетомъ связанныхъ съ этимъ положеніемъ обстоятельствъ. Заемъ по „батманамъ“ кукурузы у сосѣдей, безустанная трата своей рабочей силы, — ничто его не спасаетъ отъ матеріальной необезпеченности и „недоѣда-

нія“. Но слѣдую традиціямъ и желаніямъ старухи матери рассчитывая на обновленіе жизни въ семейной обстановкѣ, онъ при помощи сельскаго пройдохи-„аблаката“ идетъ подъ вѣнецъ съ городской дѣвушкой Сонею. Новая обстановка съ перваго же дня произвела удручающее впечатлѣніе на молодую его жену. Отія не падить силъ для полевыхъ работъ, но это его не спасаетъ отъ невыносимой нужды. Наблюдательная Соня, потерявъ всякое терпѣніе, обращается къ мужу съ слѣдующими словами:—„Отія намъ нельзя больше здѣсь оставаться! Давно я хотѣла тебѣ это сказать: намъ нельзя рассчитывать на лучшее будущее, оставаясь въ деревнѣ. Мы должны уйти отсюда туда, гдѣ можно рассчитывать на свои рабочія силы! Въ городъ!“

Отія горько улыбнулся: „Мнѣ ли идти въ городъ?! Для этого надо имѣть знаніе, опытъ... Куда я похжусь со своимъ невѣжествомъ!“

Куда идти?—вопрошаетъ удивленный Отія и этимъ вопросомъ авторъ открылъ цѣлое міросозерцаніе, психологическую борьбу земледѣльца, его консервативный складъ ума, боязнь новизны, стараніе „какъ-нибудь“ улучшить свое положеніе, оставаясь въ деревнѣ прикрѣпленнымъ къ землѣ. Какъ!? Покинуть деревню, проститься съ знакомыми полями, гдѣ онъ росъ и рѣзвился, забросить домъ и дворъ, лѣса, сосѣдей, измѣнить традиціямъ, завѣтамъ и бѣжать куда-то зачѣмъ-то!...

Но жизнь устами жены подсказываетъ ему рѣшеніе вопроса. Въдѣ нельзя же въ самомъ дѣлѣ „вздыхать и думать про себя“ о голодной смерти, работать съ разсвѣта до поздней ночи и все-таки не доѣдать, видѣть какъ сохнетъ жена отъ горя, нѣтъ все это невыносимо. Надо уйти, рѣшаетъ Отія. „Уйти туда, гдѣ люди находятъ спасеніе, гдѣ много средствъ и дорогъ! Послѣ такого рѣшенія онъ задумчиво присѣлъ, но сидѣть ему не удалось; всталъ, сошелъ съ балкона, обошелъ дворъ, съ какою-то непонятною горечью смотрѣлъ онъ въ этой тѣмѣ на каждую вещь. Его сердце кипѣло, сжималось. Несчастнй Отія прощался со всѣмъ своимъ добромъ, отправлялся искать счастья гдѣ-то далеко“.

Изъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ наиболѣе ярко очерченъ сельскій адвокатъ Порфирій Біашвили, этотъ первоклассный кляузникъ и бичъ крестьянскаго населенія. О силѣ своего ума и успѣха самъ Порфирій Біашвили очень высокока мнѣнія... „Никогда еще по Божьей милости, говорить онъ, не проигрывалъ ни въ чемъ и надѣюсь не проиграть и впредь... Для всего нуженъ умъ! Разъ имъ обладаешь, не о чемъ уже беспокоиться!... Сколько у насъ образованныхъ адвокатовъ изъ курсовниковъ, съ университетскимъ образованіемъ, бывшихъ даже за границей, но никто изъ нихъ не имѣетъ такого успѣха, какъ я: они не умѣютъ приравливаться къ обстоятельствамъ, не везетъ имъ и они вѣчно голодаютъ; я же со своимъ двухкласснымъ образованіемъ нахожу столько кліентовъ, что принужденъ многимъ изъ нихъ отказывать, а хлѣба, вина и денегъ—всегда у меня чортова пропасть“...

Главная задача повѣсти г. Клдіашвили—выставить предъ читающей публикой безпомощное матеріальное состояніе мелкопомѣстнаго

дворянства Кутанской губернии—выполнена художественно, какъ это, впрочемъ, нужно было ожидать отъ автора „Соломона Морбиладзе“ и „Мачехи Саманашвили“. Измѣнившіяся условія жизни съ жестокою необходимостью измѣняютъ весь умственный кругозоръ земледѣльца, дѣлаютъ его измѣнникомъ завѣтамъ отца, жертвою новаго положенія вещей. Это—крупный фактъ въ грузинской общественной жизни и одинъ изъ главныхъ пунктовъ „аграрныхъ вопросовъ“. Малоземелье гонитъ сельчанина въ городъ искать болѣе выгодное примѣненіе своей рабочей силы.

Нужда гонитъ мелкаго производителя въ промышленные центры. Это вѣрное отраженіе дѣйствительности въ литературѣ есть достоинство даннаго произведенія. Д. Клдѣшвили сумѣлъ мастерски передать психологическое состояніе разорившагося дворянина, онъ показалъ, что сословіе это, потерявъ свое экономическое могущество, однимъ юридическими привилегіями не можетъ противостоять напору западной экономической борьбы. Новая жизнь требуетъ отъ него новой силы. Орудія, которыми его предки отражали удары непріятелей, должны замѣниться трудомъ и знаніемъ. Оно должно слиться съ жизнеспособнымъ трудящимся элементомъ, который носитъ въ себѣ задатки лучшаго будущаго и въ тяжелой борьбѣ, умственно и нравственно совершенствуясь и силчаваясь, расчищаетъ путь къ новой жизни. Пореформенная жизнь создала типы Мклавадзе (Ниношвили), Давладзе (Лаліони) и Камушадзе (Клдѣшвили) ¹⁾.

Первый—слабый отпрыскъ грузина-воина, расточающаго всю свою энергію на вино и драки; для борьбы у него—кинжалъ и геркулесовы руки; все должно ему подчиняться, передъ нимъ преклоняться, какъ передъ потомкомъ великаго предка; попираетъ личность только для того, чтобы расправлять свои „орлиныя крылья“, это—его удовольствіе и жертвою этого удовольствія онъ самъ дѣлается, когда хилый, но самолюбивый, несправедливо оскорбленный имъ сельскій учитель Спиридонъ Мциришвили выстрѣломъ изъ револьвера убиваетъ его. Второй—Давладзе двойникъ его, съ тою однако разницею, что для сохраненія своего сословнаго прѣвосходства въ борьбѣ съ „купеческимъ сыномъ“, онъ прибѣгаетъ къ другому средству—къ деньгамъ. Но какъ ихъ достать? Трудиться—не „по чину“, и вотъ онъ рѣшается старымъ орудіемъ—кинжаломъ и силою—отвоевать себѣ новое орудіе—деньги. Онъ совершаетъ разбой, но разбойниковъ не терпитъ развивающееся гражданское общество, и ему дорога—въ Сибирь. Отія Камушадзе фактически отказался отъ своихъ сословныхъ привилегій, онъ трудомъ хочетъ отвоевать у природы средства къ существованію, но, гонимый „недоѣданіемъ“, бѣжитъ въ городъ. Послѣдній типъ жизнеспособнѣе и его жизнь дѣлается предметомъ серьезныхъ наблюденій и изслѣдованій.

Д. Клдѣшвили знатокъ деревенской жизни, и всѣ рассказы его изъ этого міра блещутъ тонкою наблюдательностью. Но въ послѣднемъ своемъ произведеніи авторъ не удовлетворился этою задачею и набро-

¹⁾ Статя А. Цулукидзе въ „Нов. Обзорѣнѣ“.

саль контуры городской жизни. Его дѣйствующія лица переселяются въ городъ; здѣсь Отія покупаетъ, на вырученныя отъ продажи своего имущества деньги, участокъ земли и строить тамъ домъ. Такіе „недовольные“ деревнею образовали здѣсь цѣлый поселокъ; они ждуть только „удобнаго случая“, чтобы вполне приспособиться къ „новой жизни“ и уже не возвращаются къ своимъ полямъ и лѣсамъ.

„Горе Дариспаны“, комедія его, скорѣе фарсъ, даетъ въ блестящей сценѣ изображеніе затруднительнаго положенія Дариспаны, желающаго пристроить свою дочь, прибѣгая къ различнымъ уловкамъ. Дѣвцы заставляютъ матери играть на гармоніи и въ это время показываютъ ихъ женихамъ. Но оказывается, что молодой человѣкъ, для котораго онѣ старались, уже женатъ.

„Микела“ слабая повѣсть и по содержанію, и по недостаточной отдѣлкѣ формы и стили, безъ присущаго автору заразительнаго юмора. Сюжетъ ея построенъ на народномъ повѣртіи, въ силу котораго послѣ заразительной болѣзни, являющейся дѣломъ злыхъ духовъ, необходимо домъ разобрать, каждую доску деревянной постройки тщательно продезинфицировать и лишь послѣ этой процедуры вновь сложить хату. Въ періодъ такой перестройки больныхъ устраиваютъ въ временныхъ помѣщеніяхъ, подверженныхъ опасностямъ вслѣдствіе своей непрочности. Въ такой плетеной стоянкѣ погибаетъ 20-лѣтній больной Спиридонъ, внукъ Микела Георгадзе, во время ливня лишенный помощи со стороны близкихъ лицъ,—даже суетвѣрной матери,—до которыхъ крики его о спасеніи не долетаютъ. Грузинская критика признала это произведеніе слабымъ, недостойнымъ пера Д. Клдѣшвили. Онъ силенъ въ безпритязательномъ изображеніи мелкомѣстныхъ дворянъ,—для него процессъ разложенія патріархальнаго и феодальнаго строя служитъ источникомъ вдохновеннаго повѣствованія.

Беллетристы-психологи ¹⁾.

Шіо Арагвиспирели (Дедабришвили).

Въ послѣднее десятилѣтіе XIX ст. грузинская беллетристика вступила въ новый фазисъ своего развитія. Молодые писатели, выступившіе съ

¹⁾ Шіо Арагвиспирели родился 4 декабря 1867 г. въ сел. Карисхеви (Душетск. уѣзда Тифл. губ.) близъ м. Анануръ. 6—7 лѣтъ онъ выучился читать у пасынка сестры своей Якова Кайшаури; по смерти отца (1877 г.) онъ былъ отданъ матерью въ тифлисское духовное училище, гдѣ все время считался хорошимъ ученикомъ. Въ 1889 г. кончилъ курсъ въ тифлисской духовной семинаріи, но будучи въ VI классѣ былъ удаленъ изъ бursы за участіе въ бунтѣ, возникшемъ вслѣдствіе того, что воспитанникамъ въ ноябрѣ или декабрѣ на обѣдъ подали хлѣбъ съ керосиновымъ запахомъ. Въ 1890 г. поступилъ онъ въ варшавскій ветеринарный институтъ, а въ 1894 г. въ годъ окончанія курса онъ былъ взятъ подъ арестъ и благодаря этому къ выпускнымъ экзаменамъ былъ допущенъ въ апрѣлѣ въ 1895 г. Литературную дѣятельность онъ началъ въ журналѣ „Джосѣджили“ (1890 г., № 4), потомъ онъ печатался въ „Поэтии, Квали, Моамбѣ“. Будучи еще на скамьѣ, онъ пробовалъ писать, но не рѣшался выступить въ печати.

80-х годов, усвоили новую манеру творчества, эскизы стали преобладающей формой рассказа, психологические этюды заняли первенствующее место, бытовые очерки служили лишь иллюстрацией к анализу душевного состояния персонажей. Прежнее обилие этнографического материала стало отступать на задний план, и если в произведениях Дав. Клддашвили национальные нравы и воззрения составляет фон, на котором обрисовывается личность сельского пастыря и общинца дворянина, то рассказы Шю Арагвиспирели, начиная со второго периода его деятельности, почти уже всецело лишены этой окраски. Наиболее яркими представителями юного кружка беллетристов являются Ш. Арагвиспирели и Д. Клддашвили. Они разделили сферы изображения грузинской жизни. Первый—мгизул из Душетского уезда—в начальный период своего творчества давал очерки из карталинской жизни, второй—имеретинь по происхождению,—останавливается на характерных явлениях быта Зап. Грузии, подвергавшагося изменениям под напором зарождающихся общественно-экономических отношений. Ш. Арагвиспирели с 1895 г. увлекся этюдами в духе Мопассана, сосредоточился на анализе фальши женской любви и коварства, без специфически грузинских отгбиков, затрогивая этот вопрос на, так сказать, интернациональной почве, а Д. Клддашвили остался вѣренъ себѣ, продолжалъ съ легкимъ юморомъ, въ сочныхъ краскахъ набрасывать картины изъ быта имеретинъ, держась опредѣленныхъ рамокъ исторически сложившейся народности. И тотъ, и другой имѣетъ послѣдователей и стоятъ во главѣ новой школы грузинскихъ беллетристовъ.

Ш. Арагвиспирели занимает оригинальное место и по формѣ, и по сюжетамъ своихъ произведений. Онъ самый яркій выразитель современныхъ ему безвѣрія и унынія. Психологъ и моралистъ, онъ выхватываетъ страницы жизни, изливаетъ свою скорбь и негодование. Въ первыхъ этюдахъ „Моя Швинда!“; „Вотъ наша жизнь?“ и „Все потерялъ“ (также „Съ Новымъ Годомъ“) онъ талантливо рисовалъ бытъ и душевныя тревоги грузинскаго народа, его радости и горести, согрѣвая свои маленькіе этюды въ объемѣ газетныхъ фельетоновъ искреннимъ сочувствіемъ къ обездоленному и обиженному людьми собрату. Авторъ нѣсколько даже сгущалъ краски, прибѣгалъ къ излишнимъ эффектамъ для возбужденія сочувствія къ народу. Такъ, въ рассказѣ „Съ Новымъ годомъ“ крестьянинъ Гигола умираетъ подъ новымъ годъ въ убогой саклѣ среди почернѣвшихъ отъ копоги стѣнъ, отъ кровохарканія, на рукахъ маленькаго Шахро, ожидавшаго новогодняго гостинца (гозинаки) и молодой красной жены. Его угнетаетъ мрачная мысль, что она промѣняетъ его на другого, а она съ ужасомъ думаетъ о горькой участи, предстоящей съ малолѣтнимъ сыномъ, при отсутствіи всякихъ средствъ къ существованію. Магдана молитъ Бога избавить ее отъ угрожающаго несчастья, а онъ желалъ бы предъ смертью взять съ нея клятву въ вѣчной ему вѣрности. И когда онъ замѣтилъ заплаканныя ея глаза и сказалъ послѣднее прощаніе, она съ подавленнымъ рыда-

ніемъ упала на грудь мужа и обвила его шею. (Цвѣтущая полная жизни Магдана и умирающій Гигола какъ будто замерли въ страстномъ поцѣлуѣ... Послѣдній разъ Гигола держалъ въ своихъ объятіяхъ красавицу-жену. Безпощадная смерть незамѣтно подкралась и онъ тихо, точно уснулъ, умеръ на рукахъ жены, когда пѣтухи громкимъ крикомъ привѣтствовали первую зарю Нового года.—Съ Новымъ годомъ.—входя въ саклю весело произнесъ обычное привѣтствіе Дата“... Въ другомъ Новогоднемъ этюдѣ (Цн. П. 1902 г.), родительница умираетъ подъ новымъ годъ также въ жалкой лачужкѣ.

Первый периодъ деятельности, отмѣченной воздѣйствіемъ произведений С. Мгалоблишвили и Ек. Габашивили, онъ закончилъ психологическимъ этюдомъ болѣе значительныхъ размѣровъ *Братъ и Сестра*, появившемся въ журналѣ *Моамба*. Здѣсь онъ явился звеномъ, связующимъ школу романтиковъ и реалистовъ. Романтикъ чувствуется въ немъ еще въ этюдахъ „Съ Новымъ годомъ“ и „Шелковый платокъ“. Въ послѣднемъ произведеніи павная нравственная женщана, вслѣдствіе ненормальныхъ общественныхъ отношений, налагаетъ на себя руку, а въ первомъ озлобленная въ своихъ чувствахъ старуха, изнывающая въ подвальномъ этажѣ, надъ которымъ слышатся звуки пѣанно нового года и тѣмъ мститъ своимъ прежнимъ поклонникамъ, покушавшимъ ея тѣло. Авторъ тонко рисуетъ антагонизмъ между личностью и обществомъ, наслаждающимся жизнью и обиденными судьбою. Счастье и несчастье челоѣка сплетаются изъ бессмысленныхъ случайностей. А природа остается безучастной созерцательницей земныхъ радостей и скорбей.

Автора встрѣтили единодушные лестные отзывы критика (К. Абашидзе, П. Накашидзе и др.), а стихотворное посланіе Ак. Церетели, признало въ немъ провозвѣстника воскресшей захирѣвшей грузинской литературы. Въ концѣ 1895 года въ томъ же журналѣ (кн. X, XI и XII), открывшемъ первое место произведеніямъ Ш. Арагвиспирели, были напечатаны три эскиза: „А вѣтеръ гудѣлъ, завывалъ и стоналъ“, „О Боже въ чемъ я согрѣшилъ!“ и „Ну пусть я погибну!“; совпавшіе съ поворотомъ юнаго писателя въ ту область художественнаго творчества, которая стала привлекать исключительное его вниманіе. Въ началѣ 1896 года въ грузинскій календарь въ томъ же духѣ далъ онъ два этюда: „Да будетъ благословенъ, Господи, Твой судъ!“ и „Изъ дневника Мело“. Эти этюды открыли новую полосу въ дѣятельности Ш. Арагвиспирели¹⁾.

Изъ этихъ этюдовъ только одинъ „Да будетъ благословенъ, Господи, Твой судъ!“ напоминаетъ первые очерки Ш. Арагвиспирели. Предъ нами проходитъ сцена тисковъ, въ которые попалъ бѣднякъ-крестьянинъ. Наступило чудное осеннее утро; крестьянинъ Малказъ, сторожившій всю ночь свой виноградникъ, мечтаетъ о сборѣ винограда въ своемъ саду, ко-

¹⁾ Критическій разборъ его повѣстей въ статьяхъ Дуту Мегрели въ *Иверіи* 1897 г. №№ 75—178, 180, 182 и 183. П. Накашидзе въ *Квали* 1896 № 3, въ фельетонахъ К. Абашидзе и Занги въ газ. *Иверія* и *Цноб. Пурцели*.

торый уже восьмой год находится въ кабальѣ у торговца Баго, но вмѣсто радости ему пришлось испить полную чашу горечи, ибо не сумѣлъ смягчить гнѣвъ своего кровопийцы Баго, не допустившаго въ садъ семью несчастнаго владѣльца сада полюбоваться созрѣвшимъ виноградомъ и сборомъ его. Баго съ бранью гонитъ жену и ребенка Малхаза, а онъ, покорно проводивъ ихъ глазами, воскликнулъ: „да будетъ благословенъ Твой судъ, Господи!“, оросивъ щеки парой крупныхъ расклеванныхъ слезъ. Такова эта сжатая, яркими красками написанная картина изъ жизни бѣдняка, попавшаго въ цѣпи міроѣда.

Чувство жалости къ Малхазу переполняетъ наше сердце. Наше сочувствіе на его сторонѣ. Арагвиспирели сумѣлъ внушить намъ негодование противъ царившей несправедливости и распредѣленія продукта труда. Отрывокъ же „Изъ дневника Мело“ не соответствуетъ его усвоенной творческой манерѣ. Онъ раскрываетъ страницы дневника 23-хъ лѣтней дѣвницы, которая мучится отъ признанія, что привлекательность ея упадаетъ, и она не можетъ выйти замужъ. На танцевальномъ вечерѣ ея декольте, обнажившее сморщившіяся груди, вызываетъ насмѣшки кавалеровъ. Современный общественный строй оставляетъ еще много желать для улучшенія правоваго положенія женщинъ, однако исключительная цѣль, направленная на заключеніе брачныхъ дѣлъ, даже и теперь не можетъ перетянуть вѣсы симпатій на сторону Мело, тоскующей о своей „горькой участи“.

Столь же неопредѣленное чувство возникаетъ въ насъ при чтеніи этюда: „А вѣтеръ гудѣлъ, завывалъ и стоналъ“ (Моамбѣ, 1895 г.). Въ немъ содержаніе заимствовано у Мопасана и парижскіе нравы перенесены въ несоответствующую грузинскую среду. Герой этюда бѣдный, никѣмъ неутѣшенный канцелярскій служитель, Титико, оплакиваетъ жену, бывшую горничную, Бато которая спасла его отъ самоубійства и доставила ему счастье. Но чрезъ два года она умираетъ, трупъ ея еще не успѣлъ охладѣть, а вѣтеръ завываетъ въ окно, стонетъ, кто-то подаетъ письмо отъ ея возлюбленнаго Вахтанга, къ которому она ходила дважды въ недѣлю на свиданіе. Последняя встрѣча въ бурю повлекла за собою простуду и смерть, — событія, о которыхъ Вахтангъ ничего не знаетъ, какъ мужъ не подозреваетъ измѣнницы въ теченіе двухъ лѣтъ. Этюдъ носитъ водевильный характеръ, выходитъ изъ предѣловъ реальнаго изображенія неграмотныхъ грузинскихъ служакокъ въ маленькомъ городѣ, гдѣ всѣ подробности жизни извѣстны сосѣдямъ и отдаленнымъ роднымъ. Грузинка не парижанка: что свойственно послѣдней, совершенно недоступно первой.

Въ этюдѣ „Господи, въ чемъ я провинился?“ (Моамбѣ 1895 г.) сюжетъ подсказанъ не Мопассаномъ, а поэмой „Мцыри“ Лермонтова. Семилѣтняго мальчика родители отдали въ Шю-Мгвимскій монастырь. Отшельникъ Серапіонъ росъ въ уединеніи 11 лѣтъ и на двадцатомъ году пробудился въ немъ воспоминанія дѣтства и съ неудержимою силою встала предъ нимъ картина страстныхъ объятій возвратившагося мужа отца и воз-

любленной жены. Переполненное пламенемъ и упрекомъ ко Господу сердце отшельника ноетъ, непрестанно повторяя: „въ чемъ я провинился предъ Тобой?“

Мученія души и угрызения совѣсти легли въ основу эскиза „Ну, пусть я погибну“ (Моамбѣ, 1895, XII), раскаяніе которыхъ изливается мясникъ, терзающийся отъ сознания, что загубилъ и зарѣзалъ столько живыхъ существъ. Слезы покаянія, проливаемые въ церкви, не доставляютъ отрады его душѣ и только алкоголь заглушаетъ въ немъ пробудившіяся муки совѣсти и чувство жалости къ животнымъ.

Два этюда „Во-истинну воскресъ“ (Моамбѣ 1896, III) и „Иуда“ („Моамбѣ“ 1896, V) основаны на Священномъ писаніи. Въ первомъ выведенъ апостоль Петръ, который увѣровалъ въ божественность Христа послѣ Его воскресенія.

„...И я... и я отрекся!... и я отрекся отъ тебя Господи!...“ — съ горечью повторялъ апостоль Петръ, распластавшись на землѣ и орошая ее слезами. Его слезамъ ясно представлялся нѣжный, измученный, но божественный ликъ Учителя. Они били Его, глумились надъ Нимъ, вѣнчали терніемъ. Онъ безропотно переносилъ все это, не защищаясь даже и словомъ. Ни одного упрека имъ. Онъ молился за нихъ Всевышнему: „Прости имъ, Господи, ибо не вѣдаютъ, что творятъ“...

— Изверги!... — вскричалъ апостоль, — когда его глазамъ предстать Христосъ съ повязкой на глазахъ. „Угадай, Христосъ, кто ударилъ“... — спрашивали они Его, ударяя по ланитамъ.

— Съ послѣднимъ изъ людей не обошлись бы такъ, не насмѣялись бы такъ и не унизили, а Ему повязали глаза и, смѣясь и издѣваясь надъ Нимъ, спрашивали: кто ударилъ, — угадай?“

Этотъ унижительный, противный смѣхъ мучителей и сейчасъ раздавался у него въ ухахъ, и это кололо, жгло его и мутило разумъ.

— А... ахъ!... — простоналъ онъ, — извиваясь, схватившись обѣими руками за свои рѣдкіе сѣдые волосы. — Тогда я стоялъ тамъ, смотрѣлъ на это униженіе и вмѣсто того, чтобы умереть рядомъ съ Нимъ, я отрекся отъ Него... Петръ хохоталъ, но горше слезъ былъ тотъ хохотъ.

— Ку-ку-ре-ку! — прокричалъ пѣтухъ, хлопая крыльями.

— А-а!.. замолчи, замолчи!.. Не нужно твоихъ напоминаній, замолчи!.. Я помню, какъ отрекался, помню!.. Я не отрекаюсь, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я ученикъ Его, слышите! — кричалъ онъ пѣтухамъ, вскочивъ на ноги, но пѣтухи не переставали кричать; пѣтухи всего города давали знать другъ другу о приближеніи разсвѣта и не обращали вниманія на строгія приказанія Петра. Лишь Иорданъ шумно катилъ свои воды и нарушалъ безмолвіе Иерусалима... Все тотъ же міръ, ничто не измѣнилось!.. Возможно ли? Сына Твоего распяли, убили, а Ты не защитилъ Его, не столкнулъ между собой солнца, луны, звѣздъ и земли, не смѣшалъ ихъ въ одно?! Убили Его!.. Ахъ!..

И онъ стоялъ, стиснувъ ладонями рукъ виски, со сдвинутыми бровями, и, не отрывая глазъ, уставился въ землю.

А рѣка шумѣла и что-то нашептывала таинственно. Она несла съ собой хохотъ и крики толпы: „Распи Его, Онъ обманщикъ, обманщикъ, Онъ Богомъ величаетъ Себя! Пусть спасетъ Себя, если Онъ Богъ!..“

Скрылась луна, унесла свои лучи, и городъ объяла тьма.

— Боже мой, Боже мой, почто покинулъ Ты меня!—послышались ему полныя отчаянія послѣднія слова Христа.

— Слышишь, съ какимъ отчаяніемъ произнесъ Онъ это?!.. Развѣ Богъ можетъ отдаться такому отчаянію?—донеслось до апостола.

— Нѣтъ, нѣтъ, Онъ Богъ, истинный Богъ!..—произнесъ со стономъ Петръ и всталъ на ноги.

— Обманщикъ не сталъ бы проповѣдывать братство, любовь...

— Неправда, неправда!.. Если Онъ не былъ Сынъ Божій, тогда и Бога нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Замолчи ты, сатана и соблазнитель!.. Онъ не Богъ?.. Я вѣрю, что Онъ Богъ, а если Онъ не Богъ, тогда... тогда... ахъ... для чего я живъ?!—произнесъ онъ съ отчаяніемъ.

Блеснула заря. Запѣли птицы, поздравляя другъ друга съ наступленіемъ разсвѣта, но не рѣшаясь улетѣть, ибо еще не достаточно разсвѣло...

— Христосъ воскресъ, Петръ!.. послышался ему знакомый голосъ.

— Воистину, Марія.. Ты?!..—растерянно спрашивалъ Петръ и въ то же время горячо цѣловалъ Марію Магдалину.

Безпредѣльна была его радость. Слова Маріи Магдалины возвратили ему внезапно то, что за нѣсколько мгновений передъ тѣмъ въ немъ колебалось. И жизнь уже казалась ему противной.

Къ нему вернулась вѣра,—вѣра, которая для Петра была всеѣмъ.

— Но развѣ ты зналъ что-нибудь о воскресеніи Христовомъ, что отвѣтилъ „воистину“?!—спросила она у него.

— Нѣтъ, но вѣдь Онъ Богъ, истинный Богъ и непремѣнно долженъ былъ воскреснуть,—отвѣтилъ апостолъ Петръ и направился къ гробницѣ Христа, чтобы тамъ излить свою душу въ молитвѣ.

III. Арагвиспирели любятъ обращаться къ темамъ изъ Священнаго писанія. Помимо названныхъ рассказовъ, онъ воспользовался одной грузинской легендой для маленькаго этюда *Мессія*, въ которомъ фигурируетъ Іафеть, возставшій изъ гроба въ числѣ другихъ по распятіи Спасителя. Нѣкогда самоотверженный народный герой, павшій на полѣ брани, Іафеть, возставшій изъ гроба въ пятницу, слышитъ чрезъ три дня радостную вѣсть, что воскресъ Христосъ, который при жизни называлъ себя Мессіей, былъ распятъ и похороненъ въ Геесиманскомъ саду. Онъ съ собесѣдникомъ своимъ ищетъ Христа чтобы поклониться Ему. Но когда находитъ Мессію, царство котораго будетъ на небѣ, а не на землѣ, онъ не вѣритъ въ предсказанія Его, что Иерусалимъ будетъ разрушенъ, а іудеи разсѣяны. „Если такъ, то живи вѣчно и своими глазами созерцай все будущее, сказалъ Господь!“ Съ тѣхъ поръ Іафеть скитается по міру. Видѣлъ разрушеніе Иерусалима и разсѣяніе іудеевъ и ждетъ еще мира и благоволенія въ челоуѣцѣхъ.

Въ легендѣ „Первая послѣдовательница“ (*Цноб. Пурцели* 25 дек. 1901 г.) онъ пользуется народнымъ сказаніемъ о какой-то Тамарѣ изъ колѣна Левита, тайкомъ покинувшей домъ родителей за поисками Мессіи. Красавицѣ приходится пробираться чрезъ пустыню, чтобы попасть въ Виолеемъ. По дорогѣ ей предстоитъ искушеніе отъ одного пустытника, очарованнаго ея красотой. Она вырывается изъ его рукъ и, сопровождаемая видѣніемъ Младенца достигаетъ яслей Виолеема, въ одной изъ которыхъ лежитъ тотъ самый Младенецъ, который ее привелъ къ за вѣтной цѣли.

Въ этюдѣ „Иуда“ образъ апостола предателя измѣненъ безъ санкціи Евангелія въ томъ смыслѣ, что злобу противъ Учителя авторъ внушалъ ему изъ-за любви къ Маріи, боготворившей Христа. Произвольное истолкованіе исторической традиции ¹⁾ объ Иудѣ привело къ расплывчатымъ краскамъ художественнаго замысла автора, творчество котораго зиждется на анализѣ „нагой души“.

Новелла „И за что ты меня изводишь!“ представляетъ эпизодъ изъ романтическихъ отношеній юныхъ Лео и Тины, послѣ пылкой любви закончившихся разрывомъ: она остается съ ребенкомъ и съ письмомъ отъ него, въ которомъ онъ проситъ ее забыть его. Сценой воспламенной страсти, онъ показываетъ, что Тина сама поощрила Лео своимъ пылкимъ взоромъ къ рѣшительному пагубному шагу и замаскированное желаніе автора оправдать „несчастную жертву“ является искусственнымъ придаткомъ.

— Не смѣй трогать, ни, ни, ..—съ ехиднымъ хихиканьемъ кричитъ Тиночка, убѣгая отъ Лео, и быстро обходитъ то одинъ кустикъ, то другой, стараясь ни попасть въ руки молодому челоуѣку.

— Чирь-чирь, чирь-чирь!—чирикаютъ тамъ-же въ кустахъ воробьи и перепрыгиваютъ съ одной вѣтки на другую. Неугомонно порхаютъ пташки, ускользя одна отъ другой, не давая другъ дружкѣ въ руки. Вотъ одна изъ нихъ бѣгаетъ за другой, кружится около нея, ластится къ ней и вздрагивая всеѣмъ своимъ миниатюрнымъ тѣльцемъ, садится возлѣ, но та, противная возлюбленная, мучитъ своего поклонника: кокетничаетъ, крылышки расправляетъ и, перепорхнувъ на другую вѣточку, летитъ къ другому кусту. Бѣдный любовникъ! Страсть его отъ этого еще болѣе распаляется, онъ летитъ за возлюбленною и старается тронуть сердце своей ехидной голубушки, но...

— Ради Бога, Тинатина, кукушечка ты моя!—бѣгаетъ Лео за Тиною, все болѣе и болѣе волнуясь, едва переводя дыханіе.

Лео усталъ и остановился въ изнеможеніи. Онъ задыхается, потъ градомъ катится по его лицу, и безнадежно, въ какой-то перѣшительности, смотритъ онъ на Тиночку. Она тоже остановилась въ отдаленіи и повернула къ нему свою прелестную головку. Улыбаясь, взглядами, полными обворожительности, смотритъ она на грустнаго Лео, какъ-бы говоря: „Чудака же-ты какой! чего смотришь и не поймалъ меня: вѣдь я въ твоихъ рукахъ!“ Ласковый взглядъ Тиночки и ея прелестное лицо

¹⁾ Народнымъ сказаніемъ воспользовался онъ въ этюдѣ о конокрадѣ.

пріободрили молодого человѣка, придали ему смѣлость, и онъ не помня себя, кинулся къ ней и успѣлъ схватить ее за руку.

— Ха, ха, ха!—захотала дѣвушка, вырвалась изъ его рукъ и моментально очутилась за стоявшимъ тамъ-же тополемъ.

— Тиночка!—воскликнулъ увлеченный Лео и смѣло погнался за нею.

— Чирь-чирь!... Чирь-чирь!—съ неумолкаемымъ чириканьемъ побѣжили и воробушки къ тополю и успѣли на его вѣточкѣ недалеко другъ отъ друга. У тополя Тиночка обернулась, чтобы взглянуть на молодого человѣка. Ей показалось, что Лео не гонится уже за нею, но тотъ былъ тутъ-же и въ ту же минуту схватилъ ее руками.

— А, поймалъ! поймалъ!...—волнуясь шепчетъ, ей на ухо Лео, заключивъ ее въ свои объятія, прижимая къ груди.

— Ну, ладно, пусти-же!...—отвѣчаетъ она ему растерянно и отъ сильнаго волненія полужакрываетъ глаза.

— Моя милая, радость ты моя!

Дрожить Лео, дрожить и Тинатиночка. У обоихъ ноги подкашиваются, оба изнемогаютъ. Еще минута, и они не выдержали и опустились на землю. — Чирь-чирь!...—тянуть на тополѣ голоса птишекъ.

А весеннее солнце продолжаетъ бросать вокругъ оживляющіе свои лучи, распространяетъ приятное тепло и въ каждомъ существѣ вызываетъ чувство ласки и нѣги, чувство любви и сладостной истомы...

— Шш!—начали шелестѣть и листья тополя. Къ гимну любви и онъ пожелалъ присоединиться, но шелестъ его листьевъ вскорѣ заглушилъ звуки вѣхъ остальныхъ существъ. И чириканье птишекъ, и неправильный темпъ прирывистаго дыханія, и шумъ лихорадочнаго волненія,—все покрылъ собою этотъ шелестъ листьевъ. Но вотъ все стихло, наконецъ, послѣдній звукъ замеръ въ отдаленіи, и наступила тишина,—тишина сладкая, покой блаженный, полный нѣги и томленія...

— Тя-тя-тя! тя-тя-тя! — укоризненно затараторили воробушки по адресу Тиночки и шумно поднялись съ кустовъ, полетѣвъ вверхъ.

— Ахъ!...—неволью вырвался у нея стонъ изъ души, когда она увидѣла недалеко тотъ тополь, и все ея существо почувствовало какое-то первое потрясеніе. Она закрыла глаза руками, чтобы не видѣть больше то дерево, но руки скоро у нея ослабѣли и опустились внизъ...

Полуоперившіеся птенцы пищали, что было мочи, широко раскрывая свои некрасивые рты съ желтыми клювами.

Тина пристально стала всматриваться своими темными глазами въ гнѣздо, откуда птенцы вытягивали свои уродливыя голыя шеи, и, при видѣ ихъ, ей пришла въ голову дикая, недобрая мысль—истоптать эти несчастныя существа, изорвать ихъ на кусочки, и, насладившись ихъ шискомъ, страдаемъ ихъ родителей, облегчить тѣмъ не выносимую свою муку, утишить свою жгучую душевную боль, выместить на нихъ злобу, которую она питала теперь къ „тому“. Руки поднялись было уже вверхъ машинально, и она готова была привести въ исполненіе свое намѣреніе, но вдругъ мурашки пробѣжали по ея тѣлу, и она съ

ужасомъ отскочила назадъ. Она испугалась своей мысли и, пристыженная, вернулась назадъ съ поникшею головою.

— Ахъ ты негодная!...—крикнули ей вслѣдъ воробушки и до самаго тополя преслѣдовали ее бранью и угрозами.

Но не долго продолжалось это издѣвательство и преслѣдованіе дѣвушки со стороны воробьевъ. Увидѣвъ, что Тиночка опустилась у тополя на землю въ совершенномъ изнеможеніи, съ обливающимся кровью сердцемъ, они тоже успокоились, перестали нападать на нее. Они поздравили другъ друга съ побѣдой, и вспомогательный отрядъ птишекъ спокойно вернулся къ своимъ гнѣздамъ. Одна только парочка осталась около тополя, успѣвшись недалеко на маленькомъ кустикѣ. Одна изъ птичекъ, именно самка, быстро спустилась къ гнѣзду, приласкала птенчиковъ и пустилась на поиски пищи для своихъ дѣтокъ. Самецъ же не двигался съ мѣста и не сводилъ глазъ съ Тиночки.

Воробей уступилъ свое мѣсто птичкѣ, когда та уже освободила свой клювъ, набитый разными насѣкомыми, и расположился недалеко отъ нея.

А Тиночка сидѣла все время неподвижно и съ завистью поглядывала въ сторону этой счастливой парочки. „Ахъ, какъ было-бы хорошо, если-бъ и я могла также имѣть собственную семью и счастливо жить въ ней,—думала она:—мы вѣдь тоже любили другъ друга, и...“

Да она и счастлива. Теперь для нея не существуетъ уже ни этого тополя, ни этихъ кустиковъ, ни веселыхъ и рѣзвыхъ воробушекъ. Тиночка ничего этого не видитъ больше. Сидитъ она себѣ въ комнатѣ, а тутъ-же, возлѣ нея, рѣзвится маленькій, прелестный, полненькій ребенокъ, поминутно хватая свою маму за колѣни, стремясь къ ея груди. Онъ тоже въ свою очередь съ увлеченіемъ прижимаетъ его къ груди, цѣлуетъ его глазки. Вотъ и двери въ комнату открылись, и входитъ Лео, ея возлюбленный Лео.

— Измучилась я, ожидая тебя! Гдѣ ты былъ до сихъ поръ?—нѣсколько въ укоризненномъ тонѣ спрашиваетъ она его, надувши губки.

— Ну, что-жъ дѣлать, милая, опоздалъ. Прости меня, извини, голубушка!...—отвѣчаетъ ей Лео нѣжнымъ голосомъ и приподнимаетъ ея подбородокъ вверхъ, чтобы покрыть горячими поцѣлуями ея губы.

— Прощаю, только прошу въ другой разъ не дѣлать этого,—говоритъ ему Тиночка, подставляя свое лицо для поцѣлуя...

Ахъ, какое блаженство!.. До такой степени она ослабѣваетъ отъ сладостной истомы, что не въ состояніи оторвать губъ своихъ отъ лица милаго. И зачѣмъ она должна отказываться отъ этого? Вѣдь она испытываетъ одно только блаженство, и не лучше-ли, чтобы какъ можно дольше продолжалось такое состояніе?

Тинатина, полужакривши глаза, едва шевелитъ губами, какъ-бы желая всю свою жизнь вдохнуть своему милому въ этотъ радостный для нея день.—Чирь-чирь!—Воробей успѣлъ уже за это время смѣнить въ гнѣздѣ свою подругу и смѣло зачирикалъ по адресу Тиночки, какъ-бы прося ее выслушать, что онъ ей скажетъ...

Звуки эти как острым ножом поразили Тиночку в самое сердце. Мечты ее сразу разлетѣлись, и она была возвращена къ настоящей дѣйствительности. Ахъ, какую жгучую боль она почувствовала, какъ сердце ее стало сжиматься и обливаться кровью въ этотъ моментъ, когда она опомнилась и, осмотрѣвшись кругомъ, узнала, что все, что она видѣла минуту тому назадъ такъ отчетливо, была одна только мечта. Сердце у нея сжалось, плечи согнулись, дыханіе сперлось.

— И за что-жъ ты меня изводишь... застонала она жалобнымъ голосомъ, видя предъ собою тѣнь Лео и какъ-бы обращаясь къ ней. Раздался звукъ глухого, подавленнаго рыданія. Долго сдерживаемыя слезы ручьемъ потекли изъ ее глазъ.

Легкость и простота изображенія первыхъ порывовъ любви подкупаетъ читателя и вполне гармонируетъ съ естественными инстинктами человѣческой природы. И. Накашидзе настолько же восторженно отзывается объ этой новеллѣ, насколько признаетъ фальшивымъ эту дѣ „Заливается и заливается смѣхомъ“, объясняя его неудовлетворительностью тѣмъ, что авторъ, избалованный лестной критикой, мало сталъ углубляться и вынашивать сюжетъ. Искусственность канвы и развитія дѣйствія чувствуется также въ этюдѣ: „Я пожалъ только плечами“ (*Моамба*, 1894 X), гдѣ повѣствуется судьба доврчиваго карталинца Гаюза, попавшаго въ сѣти смѣтливой имеретинки въ Кутаисѣ.

Онъ въ чаду увлеченія не можетъ уяснить себѣ, любить ли она его, и поэтому въ письмѣ къ Тифлисскому другу, описывая свое отношеніе къ очаровательной Гулчинѣ, проситъ его высказаться, какую цѣну имѣетъ изліяніе чувствъ волшебной черноокой дѣвицы. Не получивъ отвѣта, онъ самъ приѣзжаетъ въ Тифлисъ и здѣсь онъ узнаетъ, что Гулчина любить другого и лишь для прикрытія своихъ любовныхъ интригъ выходитъ за него замужъ. Она сама это высказываетъ въ письмѣ къ возлюбленному, противнику гименея, обучающемуся въ русскомъ высшемъ учебномъ заведеніи, и письмо по ошибкѣ отправляетъ въ Тифлисъ. Такимъ образомъ случайное открытіе играетъ здѣсь ту роль, какую отмѣтили мы въ разсказѣ: „А вѣтеръ гудѣлъ“. Авторъ попытался нарисовать образъ дѣвицы, которая смотритъ на бракъ какъ на „ширму“, заслоня ющую затѣи адуilterа, избѣгающаго брачныхъ узъ. Но циничность признанія Гулчины и увѣренность ея, что возлюбленный другъ, готовящійся быть виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, согласенъ освятить ея намѣреніе и прикрытъ бракомъ съ Гаюзомъ супружескую невѣрность, представляется ложнымъ пониманіемъ женской стыдливости и недостойнымъ актомъ чести носителя культурныхъ началъ въ обществѣ, едва покидающемъ патриархальные устои.

Темой этюда „Отрывокъ изъ письма (*Квали*, 1897, № 3) служить вопросъ о непостоянствѣ чувства любви, мѣняющейся въ связи съ новыми впечатлѣніями, вдали отъ предмета симпатіи.

„...Когда разбираюсь, мой другъ, въ своемъ чувствѣ къ тебѣ, ужасъ охватываетъ меня: неужели все, что я говорилъ тебѣ о своей

любви—было ложью? Я не знаю, что со мной; и раньше я замѣчалъ это въ себѣ, но все не вѣрилъ, не могъ допустить ничего подобнаго... Вотъ уже годъ, какъ мы любимъ другъ друга. Мнѣ кажется, этого времени было вполне достаточно, чтобы понаблюдать за собой, провѣрить свое чувство и рѣшиться на что-нибудь опредѣленное... Въ моей душѣ и въ настоящее время живетъ то же чувство, которымъ она была полна въ тотъ моментъ, когда я впервые сказалъ тебѣ: „люблю“. И это правда, я люблю тебя, люблю до самозабвенія...

„Я хочу прижать тебя къ своему сердцу, дать тебѣ заглянуть въ мою душу; я хочу, чтобы мы были неразлучны, и въ могилу сошли бы, какъ одно тѣло и одна душа... Ахъ, какое это было бы блаженство—жить съ этимъ чувствомъ и уйти въ другой міръ съ нимъ же!

„Ты сейчасъ далеко. Я могу бесѣдовать съ тобой лишь этими строками, но твой образъ, какъ живой, стоитъ передъ мной, и я цѣлую тебя, моя ненаглядная, обнимаю, и мою душу наполняетъ неизяснимое блаженство. Сію минуту я счастливѣе даже, чѣмъ былъ въ тотъ моментъ, когда, ты помнишь, мы оставались совершенно одни въ комнатѣ; мы сидѣли, обнявшись, охваченные восторгомъ, и не слышали тогда ничего: ни стука стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ надъ нами, ни лая собакъ въ деревнѣ, ни даже самой тишины. Ахъ, какое это было блаженное состояніе! Сейчасъ же, когда я мысленно обнимаю тебя, я чувствую еще большій восторгъ. Ты все для меня, моя радость, моя ненаглядная, но... ахъ, это ужасное *но*, всегда являющееся, какъ незванный гость... но ты только тогда мое божество, когда я вижу или вспоминаю тебя. Когда же вмѣсто тебя я вижу или вспоминаю другую, тогда... прости меня, мое счастье, моя любимая, тогда не ты мое божество, а та, другая, которую я вижу передъ собою.

„Въ ту минуту я люблю только ту и люблю также безумно, какъ и тебя. Это чувство также искренно, какъ и чувство къ тебѣ. Въ ту минуту я также думаю, какъ и сейчасъ, о блаженствѣ быть вѣчно съ ней неразлучнымъ, чтобы и смерть не могла насъ разъединить, чтобы и въ тотъ міръ уйти какъ одна плоть и одна душа... Я забываю тебя съ ней и съ тобой не помню ея, кто бы она ни была.

„Когда я былъ съ тобой, цѣловалъ и обнималъ тебя, кланусь тебѣ всѣмъ, что у меня есть святого, весь я былъ полонъ искреннимъ и пламеннымъ чувствомъ, рѣчь моя не могла выразить всю полноту его: оно было выше и больше всего, что можетъ сказать человѣкъ. Въ нашемъ лексиконѣ нѣтъ такого ласковаго слова, которое могло бы охватить мою любовь къ тебѣ. Я понимаю, что ни объятія, ни поцѣлуи не могутъ показать тебѣ всю глубину и искренность моего чувства.

„Но вотъ я разстался съ тобой, встрѣтился съ другой, и мою душу наполняетъ такое же искреннее и пламенное чувство, которое не можетъ выразить никакая ласка.

„Почему это такъ? Не знаю. Прежде я думалъ, что плохо разобрался въ своемъ чувствѣ, поэтому я и разстался съ тобой на такой

продолжительный срокъ, но какъ я ни старался, какъ ни анализировалъ свою душу, я не могъ понять, что со мной... Существуетъ ли вообще то идеальное чувство, о которомъ говорятъ намъ поэты? Сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, ихъ любовь—плодъ фантазіи, ничего общаго не имѣющей съ земной любовью. Или быть можетъ у меня одного такая натура, а всѣ другіе знаютъ ту любовь? О, если-бы это-было такъ, но... опять это но... но, если-бы всѣ были такъ искренни, какъ я, кто знаетъ—не оказались-ли бы поэты—фантазерами, а я—глашатаемъ истины?

„Ахъ, если-бы я ошибался, тогда вѣдь и для меня была-бы надежда когда-нибудь полюбить навѣки и безраздѣльно.“

„Ты видишь, моя радость, какъ я искренно говорю съ тобой. Надеюсь и ты напишешь, если чувствуешь то же, что и я. Загляни же въ свою душу поглубже и отвѣть мнѣ, но отвѣть правду“...

Въ этуодѣ же „Достоинъ я этого, достоинъ!“ (Моамбэ, 1897, № 3) авторъ анализируетъ психологическое состояніе героя, рѣшившагося на самоубійство въ сознаниі своего какого-то намъ неизвѣстнаго безчестнаго поступка, приведшаго въ озлобленіе цѣлое общество противъ него. Но отъ своего намѣренія отказывается въ виду невозможности этимъ путемъ оправдаться и яснаго пониманія, что наложеніемъ руки на себя онъ докажетъ только свою трусость. „Я считаю себя виновнымъ и потому долженъ сумѣть понести заслуженную кару,—пусть общество проклинаетъ меня“ говоритъ измученный внутренней борьбой герой, пользующійся публичной славой честнаго дѣятеля и скрывающій все, что набрасываетъ тѣнь на его честь.

Въ этуодахъ „Ненавижу васъ“ (Квали 1897, № 1) и „Все равно“ (Моамбэ, 1897, № 7) имѣемъ дѣло съ одинаковымъ сюжетомъ: въ первомъ мучится мужчина изъ-за нераздѣленной женщиною любви, а во второмъ тѣ же муки испытываетъ она, которой не сочувствуетъ мужчина. Излюбленная тема автора—полной и искренней любви не существуетъ—нашла здѣсь полное выраженіе и не менѣе ярко проведена въ этуодѣ „Благодарю, Тебя, Господи, благодарю“ (Иверія, 1897 г. № 129) Героиня здѣсь обладаетъ даромъ проицательности и въ сердцахъ всѣхъ читаетъ страницы злости, порока, неискренности и притворства.

Такимъ образомъ Арагвиспирели во всѣхъ эскизахъ является представителемъ психологическаго направленія.

Въ параллель приведеннымъ этуодамъ (Моамбэ 1896 г. № 12) онъ опубликовалъ этуодъ „Тотъ“ душу онъ раскрываетъ въ отношеніяхъ между двумя полами, написанный имъ 1893 г. и примыкающій по характеру къ произведеніямъ начальнаго періода его дѣятельности. Содержаніе заимствовано изъ грузинской ему близко знакомой жизни. Тико, дочь богатаго крестьянина Алексѣя, полюбила Дата, работника своего отца; на сцену встрѣчи влюбленнаго случайно наткнулся отецъ Тико и достаточно было ея Дата видѣть какъ отецъ въ порывѣ бѣшенства хватаетъ ее за волосы, какъ онъ бросается въ ея защиту и завязывается бой съ обнаженными кинжалами. Между разъяренными

львами—отцомъ и влюбленнымъ бросается Тико и падаетъ въ безчувственномъ состояніи. Непримиримыя враги за минуту предъ этимъ соединяются, чтобы привести ее въ сознаніе и когда она очулась, то первый ея вопросъ, обращенный къ отцу, былъ: а „тотъ“! — „И онъ здѣсь,—отвѣтилъ отецъ, который возвелъ благодарныя очи, что такъ легко спаслась его возлюбленная дочь отъ угрожавшей опасности.“

„Вопъ съ глазъ моихъ!“ представляетъ сюжетъ самый обиденный, избитый. Нико и Мароа полюбили другъ друга, сблизились и когда она уже становится матерью, онъ начинаетъ ея избѣгать, не принимаетъ ея къ себѣ, не даетъ о себѣ знать. Добившись свиданія, Мароа старается лаской и напоминаніемъ объ его клятвѣ въ любви пробудить въ немъ сознаніе долга и прежнее чувство, но онъ отталкиваетъ ее равнодушіемъ, жестокимъ оскорбленіемъ, бросивъ дерзкое слово, что отцомъ ребенка такой матери, какъ она, можетъ быть и всякій другой. Она готова задушить его собственными руками, но онъ загоразживается стуломъ, и когда опозоренная женщина приходитъ отъ волненія въ себя, то окинувъ его, побѣдоносно на нее взирающаго, уничтожающимъ взоромъ презрѣнія, въ волненіи произноситъ: „Вопъ съ глазъ моихъ!“.

Эта же тема использована имъ въ этуодѣ „Собака же ты!“

Въ „Моамбэ“ помѣщенъ былъ рассказъ Арагвиспирели „Первая любовь“. Рассказъ, по обыкновенію, написанъ талантливо и отличается вѣрнымъ психологическимъ анализомъ чувствъ, переживаемыхъ героемъ. Герой Кирилль, отъ лица котораго ведется рассказъ, былъ въ дѣтствѣ влюбленъ въ Пуну дѣвочку сосѣда. Затѣмъ онъ потерялъ ее надолго (18 лѣтъ), случайно встрѣтилъ дочь своей прежней возлюбленной, вновь влюбляется, — влюбляется въ дочь, принимая ее ошибочно за мать. Романъ кончается благополучно — герой женится на дочери. Содержаніе,—незатѣйливое, но рассказъ написанъ красиво и изощро. Къ сожалѣнію, авторъ не избѣгъ нѣкотораго недостатка — именно цинизма. Считаетъ онъ нужнымъ сообщить о томъ, что его герой страдалъ извѣстнымъ дѣтскимъ порокомъ.

По характеру своего творчества Арагвиспирели рѣзко отличается отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ безусловно уступаетъ и по таланту, и по художественному воображенію и по вѣншей отдѣлкѣ произведеній. Грузинская художественная литература имѣла свое вліяніе на него, но это вліяніе выразилось исключительно въ любви Арагвиспирели къ прошлому Грузинъ; — изъ иностранныхъ писателей на него больше всего повліялъ Гюн-де-Мопассанъ, которому Арагвиспирели подчасъ и подражаетъ, но это подражаніе обусловливается не моднымъ заимствованіемъ или увлеченіемъ, — корень его лежитъ глубже: у Арагвиспирели есть нѣкоторое родство души съ Мопассаномъ. Первый — законное дитя разочарованнаго вѣка. Одинокій, безъ вѣры, озирается онъ кругомъ, не находя нигдѣ утѣшенія. Отсюда вытекаетъ его грусть, его скорбь и меланхолія, которые обильно разлиты въ его

произведеніяхъ. Онъ съ жадностью обращается къ жизни, къ человѣку, къ природѣ и ищетъ у нихъ вѣры и спасенія, но одно только разочарованіе встрѣчаетъ его всюду. Онъ потерялъ вѣру во все и не ищетъ уже ея, отсюда его скептицизмъ, доходящій порой до злого осмѣянія самыхъ дорогихъ чувствъ человѣка. Онъ ищетъ и нигдѣ не находитъ доказательства того, что человѣкъ—вѣнецъ творенія; наоборотъ, природа настолько не отличаетъ человѣка отъ тварей, о судьбѣ его и участіи природы столько же заботится, сколько о судьбѣ и счастьи любой ничтожной мышки. Поэтому человѣкъ въ произведеніяхъ Арагвиспирели является какимъ-то жалкимъ, ничтожнымъ созданиемъ, и авторъ всѣмъ своимъ существомъ жалѣетъ этого человѣка. Всматривается авторъ въ жизнь, въ человѣческія отношенія и не видитъ ничего, кромѣ эгоизма, лжи, лицемерія; вмѣсто того, чтобъ устроить свое счастье, люди сами являются причиной несчастій другъ друга. Поэтому рядомъ съ жалостью къ людямъ у него порой можно встрѣтить какую-то озлобленность противъ нихъ и пропію надъ человѣческой жизнью. Скептицизмъ Арагвиспирели доходитъ до того, что онъ не вѣритъ въ возможность лучшей жизни, не вѣритъ, чтобъ человѣкъ возвысился духовно и устроилъ общественную жизнь на началахъ справедливости, чтобъ онъ основалъ свои чувства на безкорыстной и возвышенной любви и преданности, изгнавъ изъ нихъ ложь, лицемеріе и грубый эгоизмъ. Скептицизмъ и пессимистическое настроеніе Арагвиспирели имѣютъ два источника: съ одной стороны философскій, съ другой общественный, иными словами, причину несчастій и ничтожества человѣка авторъ видитъ, во-первыхъ, въ самомъ устройствѣ вселенной и природѣ человѣка, во-вторыхъ—въ окружающей общественной жизни ¹⁾.

Образомъ первой группы произведеній можетъ служить небольшой очеркъ *Э!...*, соприкасающійся съ аналогичнымъ сюжетомъ у кн. Р. Эрнстова и Н. Ломаури. „Какъ безумный бѣжитъ Геге изъ лѣсу прямо въ свой виноградникъ, будто своимъ присутствіемъ онъ спасетъ свое сокровище отъ разыгравшейся бури или укроетъ его полой своей изодранной черкески отъ тѣхъ большихъ градинъ, что больно ударяютъ въ лицо.

Реветь и стонетъ окрестность, рыданія, стоны, адскій смѣхъ—все смѣшалось. Ничего не слышитъ Геге и бѣжитъ, согнувшись и приподнявъ полы черкески, босой, въ дырявыхъ наколѣвникахъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, бѣжитъ онъ и не чувствуетъ, какъ больно бьетъ ему въ лицо дождь и градъ, какъ пронизываетъ его холодный, рѣзкій вѣтеръ; онъ бѣжитъ, подгоняемый однимъ страстнымъ желаніемъ: во-время прити на помощь своему дѣтишу.

Но буря скоро стихла: природа успокоилась. Кругомъ было тихо, и теперь слышался только нѣжный шелестъ листьевъ и равномерный звукъ отъ падающихъ съ деревьевъ дождевыхъ капель. Какъ разъ въ это время приближалъ Геге къ винограднику и, ухватившись за колы плетня, собирался уже перепрыгнуть по ту сторону забора;

¹⁾ Статья *Ив. Гомартели* въ „Нов. Обзорніи“.

но вдругъ, словно ослабѣвъ, безпомощно прислонился онъ къ забору. Опершись руками на плетень, съ пересохшимъ горломъ и лихорадочно-горящими глазами, смотрѣлъ онъ черезъ заборъ; ничего не сознавалъ, ничего не чувствовалъ, открывшаяся глазамъ картина сковала его мысли: все было побито и сломано; виноградныя лозы, листья, цѣлыя вѣтви—все лежало на землѣ, даже трава была кругомъ выбита. И только голыя жерди таркальника, какъ бы дразня бѣднягу назойливо лѣзли ему на глаза.

„Боже мой, Боже мой!“—шептали его поблѣднѣвшія губы, и ничего больше не могъ онъ произнести: все было сказано въ этомъ безпомощномъ крикѣ. Виноградникъ кормилъ его; Геге зналъ въ немъ каждую травку, каждый листикъ, все взростилъ онъ своими руками, надъ всѣмъ дрожалъ и всему радовался. А теперь? Старшина, пастухъ, садовникъ, чапары, приставъ, священники,—всѣ, кто получалъ маленькую долю съ этого виноградника, всѣ, какъ живые, вертѣлись передъ глазами несчастнаго Геге. Не побитый виноградникъ видитъ онъ передъ собой, а всѣхъ ихъ непримиримыхъ теперь враговъ, видитъ онъ ихъ сердитыя, безжалостныя лица, слышитъ ихъ брань, проклятія и даже чувствуетъ на себѣ удары ихъ нагаекъ.

— А вотъ его большая, голодная семья. Какими ужасными взглядами затравленныхъ звѣрьковъ встрѣтятъ его дѣти. Боже мой, Боже мой,—съ отчаяніемъ воскликнулъ несчастный и простеръ руки, какъ бы прося у Бога защиты...

А солнце весело, ласково улыбалось съ высокихъ небесъ, маленькія тучки, словно рѣзаясь, убѣгали одна за другой, оставляя за собой чистое, спокойное темно-синее небо. И бѣдному Геге также радостно улыбнулось солнце, но это еще больше огорчило его; онъ ждалъ сочувствія отъ неба, а небо надъ нимъ же смѣялось. Совершенно убитый, утомленный пережитымъ горемъ, Геге тамъ же упалъ около плетня.

А все кругомъ радостно улыбалось солнцу, все чувствовало на себѣ всеильныя чары возрожденія: дождевыя капли и неуплывшія еще растаять градины переливались на солнцѣ тысячами огней. Съ отлогихъ холмовъ бѣжали ручьи и пѣли свою немолчную пѣсню. Природа радовалась такъ, какъ будто никому не принесла вреда.

— Э!... только и могъ сказать Геге, махнувъ рукой при видѣ этой величественной картины.

Что означало это „э“?... Если бы вы спросили его, онъ самъ бы не могъ этого объяснить вамъ. Убитый, уничтоженный вскочилъ онъ и бѣгомъ пустился отъ своего разореннаго виноградника“.

Плтимныя проявленія души онъ анализируетъ въ этой „Счастье только тогда позналъ“, т. е. послѣ разрыва съ жизнью и отреченія отъ нея.

Вторая большая группа произведеній характеризуетъ его взглядъ на общественныя отношенія.

Авторъ особенно разочарованъ въ женщинахъ, на которыхъ онъ часто нападаетъ несправедливо. Женщину онъ рисуетъ à la Мопассанъ

чувственнымъ существомъ, безотчетно отдающимся во власть животнаго инстинкта. Напрасно вы станете искать у женщинъ въ произведеніяхъ Арагвиспирели искренней и возвышенной любви. Въ этюдѣ „Ты значить ребенокъ“ герой Арчилъ не видитъ ничего безнравственнаго въ томъ, что онъ любилъ жену друга вопреки мнѣнію Элизбара, усматривающаго въ этомъ нарушеніе моральныхъ принциповъ. Арагвиспирели интересуется не цѣлой жизнью, не полной психологіей дѣйствующихъ лицъ, а только отрывкомъ изъ жизни, моментомъ изъ психологіи; но авторъ въ общемъ умѣетъ выбрать такіе отрывки и моменты, которые даютъ полную характеристику человѣка и раскрываютъ его душевное состояніе и нравственную физиономію. Иногда онъ страдаетъ тенденціозностью, подъ влияніемъ которой модифицируетъ дѣйствительность. Арагвиспирели въ послѣднее время старается видѣть въ жизни не то, что тамъ происходитъ, а то, что ему подсказываетъ его собственный вкусъ Темы для своихъ произведеній онъ беретъ всегда простыя дѣйствующими лицами у него являются 2—3 человѣка, запутанныхъ, сложныхъ сюжетовъ онъ не любитъ, оттого его этюды бываютъ большей частью коротки. Героевъ онъ ставитъ „по ту сторону добра“, совѣсти и предразсудковъ, созданныхъ „глупостью вѣхъ вѣковъ“.

Первый томикъ произведеній Арагвиспирели состоитъ изъ 11 рассказовъ и этюдовъ, написанныхъ авторомъ между 90—92 годами ¹⁾. Въ этихъ рассказахъ чувствуется пока еще неопытный, несмѣлый и неустойчивый талантъ, но уже съ задатками тѣхъ особенностей творчества, которыя развились впоследствии. Съ перваго же рассказа авторъ знакомитъ читателя со своимъ меланхолически-скептическимъ настроеніемъ, но въ этихъ первыхъ рассказахъ нѣтъ пока того разочарованія въ человѣкѣ, того подкапыванія подъ чувства любви и счастья, что встрѣчаются въ послѣдующихъ произведеніяхъ. Темы этихъ раннихъ рассказовъ разнообразны, но въ нихъ красной чертой проходитъ одна и та же мысль, на которую наводятъ автора разныя картины, выхваченныя изъ жизни: это суета человѣческихъ стремленій и отсутствіе счастья.

Въ рассказѣ „Вотъ наша жизнь!“ здоровый, веселый и жизнерадостный аробщикъ Симно продалъ въ городѣ дрова, на вырученные деньги накупилъ разныхъ вещей для домашнихъ и теперь вмѣстѣ со своими односельчанами возвращается домой, заранѣе предвкушая ту всеобщую радость и веселье, съ какими его встрѣтятъ дома завтра—въ день Нового года. Благодаря несчастному случаю, Симно, избитый нагайками чапаровъ, умираетъ въ дорогѣ.

„Аробщики окружили трупъ товарища и, въ тоскливомъ, сумрачномъ раздумьѣ, безмолвно, не проронивши слова, долго не могли оторвать съ него глазъ.“

„Тома и Никора (быки его), словно тоже чуя несчастье, которое стряслось надъ ихъ хозяиномъ, повернувъ шею, печально устремили влажные глаза на Симно. Они, прервавъ жвачку, вмѣсто вздоховъ, тяжело отдуваются время отъ времени.“

¹⁾ Вышелъ въ Тифлисъ (1900 г.).

„Пораженные неожиданнымъ несчастіемъ, товарищи Симно невольно восклицаютъ: „Неужели же въ самомъ дѣлѣ жизнь человѣческая такъ глупа и ничтожна?“ У автора въ этомъ первомъ рассказѣ кратко, но превосходно обрисовано безучастное отношеніе природы къ человѣческому горю и несчастью. Молодая жизнь угасла; между тѣмъ луна совершенно безучастно смотритъ сверху на все это, какъ будто не видитъ никакой разницы между человѣкомъ и мошкой.

„А безмятежная луна равнодушно и безстрастно глядитъ съ вышины и точно говоритъ: „О, жалкій, жалкій людъ!.. Чего вы понурили головы и приняли такой плаксивый видъ! Стоить-ли изъ-за одной былинки омрачать себя и убиваться горемъ... Что-же, въ такомъ случаѣ, дѣлать мнѣ, когда отъ несправедливо загубленныхъ на моихъ глазахъ миллионовъ народа образуются цѣлые океаны крови, когда цѣлые народы стонутъ? О, жалкій, жалкій людъ!...“

Луна вслѣдъ затѣмъ скрылась за облачко, щури глаза и какъ-бы давая знать аробщикамъ, что полно, молъ, горевать...“

— Вотъ наша жизнь!—воскликнулъ одинъ изъ нихъ послѣ долгаго молчанія и грустно покачалъ головой. Нѣсколько горячихъ, какъ пуля, слезинокъ капнуло на обледѣлое лицо мертвеца.

Въ этюдѣ „Адаміани“ авторъ выводитъ молодого студента. Онъ бросилъ родину, бѣдныхъ родителей, чтобы вооружиться знаніемъ и потомъ утѣшить подъ старость отца и мать и принести посильную пользу родинѣ; но болѣзнь уноситъ въ могилу всѣ эти стремленія вмѣстѣ съ юнымъ идеалистомъ. Передъ смертью Тедо старается разрѣшить смыслъ жизни, цѣль человѣческаго существованія; онъ не хочетъ примириться съ мыслью, что жизнь не имѣетъ никакого смысла, что цѣль человѣческаго существованія только жизнь, а больше ничего,—но онъ такъ и умираетъ, не разрѣшивши себѣ этихъ вопросовъ. „Если мнѣ суждено было умереть, не оставивъ въ жизни никакого слѣда, для чего же я родился, какую цѣль преслѣдовала природа, создавая меня? Неужели же я для того только родился и жилъ, чтобы только жить, только существовать?“ Такія мысли не даютъ покоя умирающему.

Арагвиспирели останавливается главнымъ образомъ на двухъ темахъ: съ одной стороны, онъ указываетъ читателю на нѣкоторыя темныя стороны современной жизни, съ другой—онъ старается понять, объяснить себѣ цѣль жизни, назначеніе человѣка. Современный буржуазный строй основанъ на несправедливости и личномъ эгоизмѣ. Люди—жалкіе трусы и эгоисты. Мы боремся словами противъ несправедливостей, пока эти несправедливости насъ самихъ даютъ. Даже словомъ перестаемъ, борются обрѣтши счастье и цѣль жизни. На это и указываетъ Арагвиспирели въ одномъ своемъ этюдѣ. „Было время, когда Соломонъ Берикашвили мечталъ на университетской скамьѣ до конца дней своихъ бороться со зломъ, но теперь лучшую сторону своей духовной природы онъ размѣнялъ на чиновническій мундиръ и мечтаетъ уже не о борьбѣ со зломъ, а о томъ, какъ бы хорошо было, если бы ожили всѣ три

женщины, которая представлена въ страстной позѣ на рисункѣ“. Будить совѣсть въ человѣкѣ, указывать ему, что полнота личнаго счастья не есть идеаль человеческой жизни, обращать его вниманіе на несовершенство жизни и этимъ самымъ пробуждать въ немъ активность, стремленіе впередъ—это великое назначеніе всякой литературной дѣятельности, и этимъ достоинствомъ обладаютъ нѣкоторые изъ повѣстей Арагвиспирели, которыя вошли въ составъ перваго томика. Онъ не можетъ примириться съ мыслью, что цѣлью жизни было только физическое существованіе¹⁾. Скептицизмъ и безуспѣшное исканіе смысла жизни привели автора къ окончательному пессимизму. Онъ сталъ пѣвцомъ „хмурыхъ“ людей не безъ вліянія русскаго беллетриста А. П. Чехова.

Ш. Арагвиспирели, обладая тонкимъ поэтическимъ чувствомъ, мастерски рисуетъ кавказскую природу. Его манера, какъ пейзажиста, отражаетъ вліяніе А. Казбека, онъ художественнымъ инстинктомъ понимаетъ красоты Грузіи и набрасываетъ такіе чудные пейзажи, что живописцу остается перенести ихъ на полотно со всеми тщательнo обдуманнми деталями. Онъ одухотворяетъ природу, которая равнодушно взираетъ на людскія страданія. Почти ни одинъ этюдъ не обходился безъ участія мертвой и воодушевленной природы, то равнодушно взирающей на людскія тревоги, то переживающей аналогичныя волненія. Вспомнимъ новеллы „За что ты меня изводишь“, сцену соотношеній между Тиной и Лео съ одной стороны и воробушками съ другой. Человѣкъ, по его мнѣнію, въ мірѣ странникъ, безсилецъ въ сравненіи съ природой. Взаимодѣйствіе двухъ силъ міроздавія—человѣка и природы даетъ роскошную картину для художественныхъ узоровъ. Въ очеркѣ „Цари природы“ Арагвиспирели преслѣдуетъ цѣль представить безучастное отношеніе къ человѣческимъ горестямъ окружающей природы, живущей по своей прихоти и законамъ. Уже въ первомъ этюдѣ „Мой Швинда“ пластическій талантъ автора проявляется во всей силѣ.

„При видѣ утренняго свѣта, блѣдная ночь съ трепетомъ ожидала неминуемое пораженіе. Она вздыхала, дрожала и безнадежно боролась съ утреннимъ разсвѣтомъ. Въ отчаяніи обратилась она за помощью къ звѣздамъ, но онѣ куда-то исчезли, до нихъ не доносились предсмертные вздохи поблѣднѣвшей ночи. Гдѣ-то далеко, далеко, на горизонтѣ показалась одна звѣздочка, выглянула на секунду, но завидя зарю, поникла головой и исчезла. Птицы встрѣчали разсвѣтъ криками; „ваша! ваша!“ (браво!). Жаворонокъ встрепенулся и поднялся высоко, высоко встрѣчать возлюбленную зарю. Молодая, свѣжая травка, пригнутая къ землѣ ночью тьмой, выпрямилась и съ улыбкой взглянула на востокъ, откуда еще блѣдный разсвѣтъ любовно ласкалъ ее съ высоты. А вотъ, только что распутившаяся, свѣжая, какъ майское утро, алая роза стыдливо и кокетливо смотритъ на разсвѣтъ и какъ будто не слышитъ печальныхъ трелей соловья, который съ отчаяньемъ безнадежно влюбленнаго напѣваетъ

¹⁾ Осмѣяніе правдой жизни, проникнутой суевѣріемъ см. въ этюдъ „Живемъ“ (Тбили, 1898 г.)

ей свои чудныя пѣсни. Блѣдная роза очарована дивными звуками его ласковой трели, но она такъ скромна, стыдлива, что не осмѣливается отвѣчать ему взаимностью, хотя вся заалѣла отъ сладкаго, пріятнаго волненія... Влюбленный соловей не замѣчаетъ этого, онъ пораженъ только чудной красотой своей возлюбленной и еще отчаяннѣе раздаются его печальныя трели, какъ будто вмѣстѣ съ ними онъ хочетъ вырвать у себя, очарованное розой, маленькое сердце и повергнуть его у ея ногъ, чтобы хотя этимъ вызвать ея взаимность.

„Послѣдній разъ прогнѣли птицы свой встрѣчный гимнъ утренней зарѣ и съ веселымъ щебетаніемъ разлетѣлись ловить мелкихъ букашекъ. Вотъ и пѣтушокъ осторожно слетѣлъ съ песта и сталъ разрывать сорную кучу, громко сзывая курочекъ и цыплятъ, которые не замедлили присоединиться къ нему. Встала и мать Сосо. Наскоро подмела она хату и прибавила соръ въ кучѣ, чѣмъ несказанно обрадовала пѣтушка и его многочисленную семью.

„Маленькій Сосо еще спалъ утреннимъ, пріятнымъ сномъ. Подошла къ нему мать, хотѣла разбудить его, но увидя, какъ онъ сладко спитъ, пожалѣла, отошла отъ него, взяла дойникъ и выпустила изъ хлѣва теленка. Теленокъ радостно заблеялъ и побѣжалъ къ матери, которая, ласково мыча, облизывала его. Теленокъ съ жадностью набросился на соски. — Ну, пока довольно, голубчикъ,—сказала она и привязала его къ дереву, а сама принялась доить корову. Послышалось журчанье теплаго молока. У теленка еще больше разыгрался аппетитъ, и онъ сталъ рваться къ матери, силясь разорвать веревку.

„Стемнѣло. Небо заволочло черными, зловѣщими тучами, которыя все тѣснѣе собирались въ кучу, грозно озирая землю. То на одномъ, то на другомъ концѣ горизонта иногда змѣей извивалась молнія, на мгновеніе освѣщая землю, какъ будто небо хотѣло осмотрѣть мѣстность. Земля дрожала подъ грозными тучами, ожидая чего-то страшнаго, ужаснаго. Кругомъ ни звука. Даже птицы, которыя съ веселымъ щебетаньемъ встрѣчали утреннюю зарю, теперь пріумолкли и гдѣ-то укрылись. Нѣкоторые изъ нихъ прискакали покрытыя частыми листьями вѣтви и пріютились въ нихъ, чтобы избѣжать тѣхъ бѣдствій, которыми грозило имъ разгнѣванное небо. А вотъ и воробьи, усѣвшись въ рядъ на нижнихъ вѣткахъ кустарника, о чемъ-то перешептываются между собою. Тамъ-же, подъ кустомъ, притаился, настороживъ уши, сѣрый зайчикъ и пугливо оглядывается вокругъ при малѣйшемъ шорохѣ. Тамъ хитрый сизый голубь запрятался въ дупло большого дуба и не пускаетъ къ себѣ бѣдную горлицу, которая присѣла около дупла. Животныя нашли себѣ убѣжища и тамъ ожидаютъ небеснаго гнѣва. Даже волкъ, этотъ ночной бродяга, и тотъ залѣзъ въ свою нору и выглядываетъ изъ нея хищными, искривленными глазами.

„Только одно существо въ цѣлой роцѣ не боится грозы. Это маленький Сосо, который обошелъ оба берега рѣчки, но не наткнулся на слѣдъ своего Швинды¹⁾. И вотъ теперь онъ въ самой серединѣ роци

¹⁾ Швинда, прозвище быка.

безнадежнымъ голосомъ въ тысячный разъ зоветь: „Швинда, мой Швинда!.. Пшвие...е...е, Швинда!...“

Деревья какъ-то жалобно скрипѣли, зашумѣли листья. Вѣтеръ съ шумомъ перебѣгалъ съ одного дерева на другое. Еще немного, и полилъ дождь съ крупнымъ градомъ. Завываніе вѣтра, трескъ деревьевъ, оглушительный шумъ града: все это, сливаясь въ одно, производило какой-то неопредѣленный и страшный ревъ. Сосо укрылся подъ однимъ деревомъ. Вдругъ до него донесся гулъ большого колокола. Это звонили испуганные грозой и градомъ сельчане. Вскорѣ за этимъ гуломъ послышался неясный звонъ маленькихъ колоколовъ. Сосо снялъ шапку, перекрестился и произнесъ: „Господи помоги мнѣ!“ Затѣмъ онъ глубоко вздохнулъ и вскричалъ съ чувствомъ безпредѣльной, невыразимой тоски: „Горе мнѣ, о Швинда мой, Швинда!!!“.

Зловѣщее небо успокоилось. Тучи прорвались. Звѣзды выглянули изъ-за чернаго покрова и ярко заблестѣли. Еще минута, и небо успокоилось очистилось. Кое-гдѣ виднѣлись маленькія тучки, убѣгавшія куда-то вдаль отъ восходящаго ночного свѣтила, которое медленно выплыло на небо и блѣднымъ свѣтомъ озарило землю. Печальную картину представляла тогда мокрая роща, въ которой шлепалъ, промокшій до костей и дрожа отъ холода, маленькій Сосо. Ни на одномъ деревѣ не уцѣлѣли листья и молодыя вѣтви. Все сравнялось съ землей. Кто знаетъ, сколько бѣдненькихъ птичекъ и мелкихъ животныхъ, не успѣвшихъ укрыться, погубилъ градъ, разоживъ имъ головки! Ихъ маленькія тѣльца похороны подъ кучами осыпавшихся листьевъ. Вонъ бѣдненькая голубка съ расшибленной головой и поломанными крыльями валится на листьяхъ. Сосо поднялъ ее. Она навела его на еще болѣе мрачныя мысли: „можетъ быть и мой Швинда также лежитъ теперь, съ пробитой головой и волки радуются находкѣ“, подумалъ Сосо и залился слезами. Съ такими печальными думами прошелъ Сосо густую рощу и добрелъ до другой стороны. Бѣдняжка остановился здѣсь и въ послѣдній разъ оглянулся. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ молча и печально смотрѣлъ на рощу. „Неужели я больше не увижу своего Швинду?“ думалъ онъ.

—Швинда, Швинда!... Пшвие...е...е, Швинда!.. вдругъ закричалъ онъ съ такимъ безпомощнымъ и горькимъ отчаяніемъ, что, казалось, и бездушныя деревья поняли-бы его безграничную печаль.

—Мму...у...Мму...у...у! послышалось въ отвѣтъ мычаніе и неясный шорохъ. Изъ рощи показался откормленный, круглый быкъ ки-зиловаго цвѣта—Швинда!.. Сосо бросился къ быку и, обнимая его шею, со слезами на глазахъ цѣловалъ его. Быкъ ласково мычалъ, лизалъ заплаканное и сіяющее отъ радости личико своего маленькаго хозяина“.

Перенесеніе мыслей и чувствъ изъ міра человѣческаго въ міръ другихъ тварей заключаетъ эту „Бабочка“, погибающая изъ-за жажды къ источнику свѣта и тепла.

— «Придвинься ближе ко мнѣ, развѣ тебѣ не холодно?! А я вся дрожу отъ холода, вотъ вотъ окоченѣю и не стану жить....,—такъ просила маленькая бѣлая бабочка у пестрой бабочки, сидѣвшей рядомъ съ ней на пожелтѣвшемъ листѣ. Сама она уже не имѣла силъ придвинуться къ своему другу. А мелкій частый дождичекъ настойчиво падалъ на нихъ, и рѣзкій, холодный вѣтеръ охватывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

— Ты меня совсѣмъ не жалѣешь, со вздохомъ сказала бѣлая бабочка, слегка коснувшись своими крылышками пестрой бабочки.

— Жалѣю, но что мнѣ дѣлать, когда я сама въ такомъ же положеніи, —горячо отвѣтила та и прикрыла свою подругу однимъ крыломъ.

— Ахъ, какъ мнѣ хорошо теперь, какъ я тебѣ благодарна! Эхъ, да какъ-же я была глупа, что повѣрила имъ,—со вздохомъ произнесла послѣ минутнаго молчанія бѣлая бабочка.

— Ну, скажи, наконецъ, въ чемъ-же дѣло.

— Когда я впервые открыла глаза,—начала бѣлая бабочка,—и увидѣла міръ Божій, я опьянѣла отъ восторга. Передъ моими глазами разстилалось поле, покрытое миллионами цвѣтовъ; среди него, журча, протекалъ чистый ручеекъ, все кругомъ дышало такой удивительной прелестью и свѣжестью, что казалось, будто всѣ впервые видятъ свѣтъ и такъ же, какъ и я, наслаждаются солнечными лучами. Въ чашечкахъ цвѣтовъ блестѣли слезы, сверкая и переливаясь на солнцѣ тысячами огней. Все было полно радостью и счастьемъ жизни....

«.... Ахъ, какъ хорошо!»—неволью воскликнула я и, сама не зная почему, начала порхать. Я перелетала съ цвѣтка на другой, кружилась и порхала до самой ночи. Мнѣ было больно, когда стемнѣло и я не могла уже продолжать веселиться. Но настало утро, и я вновь начала порхать. Такъ шла жизнь моя безъ горя и заботъ.

«Однажды ночью.... Придвинься еще немного ближе, вотъ такъ. Какая холодная ночь!.. Такъ однажды, говорю я, только-что я устроилась на ночлегъ въ чашечкѣ цвѣтка, какъ вдругъ предо мной блеснула какой-то свѣтъ, и я, не раздумывая, тотчасъ-же полетѣла на него. И что-же я увидѣла? Сидятъ кругомъ стола, знаешь, тѣ, которые бродятъ по полямъ и ловятъ насъ, только не такіе маленькіе, а большіе... я забыла, какъ они называются...—Люди, подсказываетъ пестрая бабочка.

— Да, вотъ эти самые, сидятъ и что-то ѣдятъ.... передъ ними стоитъ что-то бѣлое, а надъ ними сверкаетъ огненный язычекъ. Ахъ, какъ прекрасенъ былъ этотъ огонь, онъ бросалъ кругомъ чудный блѣдный свѣтъ. Я немного приостановилась, затѣмъ покружилась около огня... почувствовавъ его близость, коснулась крылышкомъ и.... ахъ, какое это было блаженство!.. Правда, мнѣ было больно, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизъяснимо приятно.... Только, странное дѣло, я такъ ослабѣла, что не могла уже больше летать, опустилась внизъ и стала ползать.

«Какія глупыя эти насѣкомыя, сами лѣзутъ на смерть»,—произнесло одно изъ этихъ противныхъ существъ, сидѣвшихъ за столомъ.

„Мнѣ было очень неприятно слышать это. „Глупыя насѣкомыя!“—вертѣлось у меня въ головѣ, и я почувствовала страшное униженіе, собрала послѣднія силы и гордо полетѣла передъ ихъ носомъ, крикнувъ: „Я вамъ докажу, что бабочки не глупы!“...

Но съ тѣхъ поръ все измѣнилось: я бросила всѣ удовольствія. „Люди умны,—разсуждала я,—ихъ зовутъ царями природы, и если они находятъ, что мы поступаемъ глупо, летя на вѣрную смерть, то, очевидно, жизнь сама по себѣ имѣетъ большую цѣну“. И всегда, когда я замѣчала что-нибудь пріятное, тянувшее и привлекавшее меня, я улета- тала прочь и отняла отъ себя всякую радость. Ну, что-же, я сохранила жизнь—и для чего, для этой ужасной ночи? Теперь я умираю, но уже умираю въ мукахъ и страданіяхъ. Я думаю, что именно это глупо... О, хоть-бы пережить мнѣ эту холодную ночь. тогда.. тогда... Ахъ, я коченѣю“,—вдругъ прервала свои мечтанія разсказа своей подруги;

„Долго ждала пестрая бабочка продолженія разсказа своей подруги; ей очень хотѣлось знать, что сдѣлаетъ та, если переживетъ эту ночь, но ничего не дождалась. Она слегка тронула крылышкомъ бѣлую бабочку, и та упала мертвая внизъ.“

—Не пережила, бѣдняжка,—грустно произнесла пестрая бабочка“.

Поэтическими красками дышитъ элегическій разсказъ *Она все потеряла*.

„На зеленѣющемъ пригоркѣ, покрытомъ роскошнымъ ковромъ цвѣтовъ, сидѣла молодая горская дѣвушка. Она съ восторгомъ смотрѣла на цвѣты, которые въ этотъ вечерній часъ ласково склонялись другъ къ другу и, казалось, шептали что-то нѣжное и любовное.“

„Надъ ними летала пара влюбленныхъ бабочекъ, какъ будто совѣщавшихся о томъ, куда бы имъ сѣсть. Онѣ выбирали цвѣтокъ, который бы гостепримно открылъ имъ свои объятія, и садились то на одинъ кустъ, то на другой и, вполне довольныя гостепримствомъ, улета- ли и снова садились на другіе цвѣты. Дѣвушка съ интересомъ смотрѣла на цвѣты и на бабочекъ, и на ея губахъ играла мечтательная улыбка. Два года назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, дѣвушка послѣдовала примѣру этихъ цвѣтовъ. Вмѣстѣ съ своимъ ароматомъ цвѣты ей передали искру любви, которая въ ея сердцѣ вспыхнула яркимъ пламенемъ.“

„Дитя природы взяло примѣръ съ природы и, когда онъ и она сидѣли на этомъ мѣстѣ, и оба въ глубокомъ молчаніи слушали любовный шопотъ цвѣтовъ, она, помимо своей воли, склонилась къ нему головой и дрожащими устами прильнула къ его губамъ. Какая сила толкнула ихъ другъ къ другу—они не знали да и не хотѣли знать. Долго сидѣли они, обнявшись, очнувшись же, поклялись другъ другу въ вѣчной любви.“

„Глянула дѣвушка на цвѣты и снова переживала все прошлое. У нея и сейчасъ быстро билось сердце, хотѣлось и сейчасъ прильнуть къ нему, но, увы,—онъ былъ далеко! Ихъ разлучили тогда-же, два года назадъ. Его взяли въ солдаты, и съ тѣхъ поръ они другъ друга не

видѣли“. Теперь ей передаетъ солдатъ Баарамъ, что ея „Нинія, ѣсть- пить хорошо, кутить съ женщинами“. Ей не вѣрится, что Нинія измѣнилась. Печальная сцена убѣждаетъ ее, что счастье ея на вѣки разрушено.

„Стемяѣло. Пастухи давно уже пригнали скоть и заснули.“

„Только въ одной землянкѣ бодрствовали три женщины: жена скот- товладѣльца, ея незамужняя дочь и невѣстка. Они всегда сопровождали стада въ горы, чтобы тутъ же готовить сыръ, и возвращались домой осенью. Кругомъ все было спокойно. Лишь изрѣдка лѣниво лаяли соба- ки, да издали доносился шумъ водопада. Изъ-за горъ поднялась луна и тихо, какъ бы жалѣя разстаться съ природой, снова скрылась. На небѣ ярко зажглись звѣзды.“

„Въ это время съ вершины скалы раздались чудные звуки свирѣли, сначала низкіе и нерѣшительные, потомъ звучные и восторженные, какъ сердце горца. По окрестности разнеслась динная пѣснь и, сливаясь съ шумомъ водопада, какъ бы разсказывала какую-то невѣдомую сказку.“

— Охъ, Ѳеодоръ, хоть бы ты замолчалъ, не томилъ меня!—по вре- менамъ вскрикивала дѣвушка въ землянкѣ, вся превратившаяся въ слухъ. У нея горѣла голова и блесѣли глаза. Слезы подступали къ горлу, но глаза были сухи. А свирѣль Ѳеодора заливалась все жалобнѣе и жалоб- нѣе и, наконецъ, превратилась въ какой-то стонъ.“

„Но чей-то голосъ надобѣдливо шепталъ ей: „Нинія тебя обманыва- етъ“. Это пѣла ей свирѣль, а водопадъ, падая, говорилъ: „Да, ты не- счастлива! да, ты несчастна! Дѣвущкѣ невыносимо было слушать эти таин- ственные голоса; она вскочила, какъ безумная.“

— Я должна его видѣть! Иду сейчасъ!—громко вскричала она.

„На окраинѣ города Душета, возлѣ шоссеиной дороги стоитъ двухъ- этажный домъ, въ которомъ помѣщаются духанъ и постоянный дворъ. Этотъ духанъ всегда полонъ народа, такъ какъ никто изъ ѣдущихъ въ Тифлисъ и Владикавказъ не могутъ миновать его. Особенно много здѣсь останавливается на ночлегъ бѣднаго люда. Часто сюда приходитъ кутить и душетская молодежь. Былъ воскресный вечеръ. Нѣсколько нагружен- ныхъ фургоновъ въѣхали на постоянный дворъ. Изъ нихъ тотчасъ-же повысыпали разныхъ возрастовъ женщины. Однѣ изъ нихъ поднялись въ верхній этажъ, другія вошли въ духанъ.“

Фургонщики выпрягли лошадей и отправились туда-же заказывать себѣ ужинъ. Скоро на столахъ появилась ѣда, и гости начали усажи- ваться. Подошли и другіе фургоны, и вслѣдъ за ними явились и душет- скіе кутилы. Начался кутежъ. Внизу, во дворѣ, устроились за столомъ три солдата Изрядно уже выпивъ, одинъ изъ нихъ всталъ и началъ звать женщинъ, стоявшихъ наверху, на балконъ. Съ шутками и смѣхомъ они опустошали бутылку за бутылкой. Женщины до того напились, что сами не понимали, что говорили. Онѣ ругали своихъ собутыльниковъ: Нинія, Нико и Барама. Вскорѣ солдаты затянули пѣсню. За ними стали пѣть и женщины. „Что ты дѣлаешь, безсовѣстный!“—вдругъ вскричалъ только что вошедшій во дворъ маленькаго роста горецъ, бросаясь съ

кинжалом на Ниниа, который в это время обнимал одну из женщин. Но поднятую руку горца удержал Барамь. Ниниа подошел к нему и, схватив за руку горца, спросил: „Ты что это хотел съесть?“

— Руки прочь, ступай, цѣлуй вонь ту,—гордо отвѣтил горецъ.

Пока Ниниа говорилъ съ приходшимъ, Нико и Барамь опять подошли къ женщинамъ и затаили пѣсню.

— Безсовѣстный,—проговорилъ опять горецъ и отвернулся.

— Послушай,—обратился къ нему Ниниа,—я горецъ и не слушаю тебя обиды...

— Горецъ?!—насмѣшливо произнесъ юноша,—нѣтъ, неправда, горецъ никогда такъ не поступитъ, какъ ты.

— Молчи, а то сейчасъ голову сниму!—закричала Ниниа, выхватывая кинжалъ. Вдругъ молодой горецъ обернулся и тихо прошепталъ:

— Убей меня, ради Бога, Ниниа, нѣтъ силъ больше жить.

„Ниниа отшатнулся, голосъ показался ему страшно знакомымъ, и онъ съ удивленіемъ спросилъ: „Кто ты? Откуда ты меня знаешь?“

— Я твоя Маро. — „Ты, Маро!“ — кинулся къ ней Ниниа, но Маро оттолкнула его. „Нѣтъ, я не твоя уже, ступай вотъ къ той“, — сказала она, показавъ на женщину, и кинулась вонъ со двора. Ниниа стоялъ, какъ окаменѣлый. Онъ не понималъ, на яву все это происходитъ или во снѣ. А дѣвушка пошла впередъ, не разбирая дороги. Она шла такъ быстро, будто боялась погони, боялась, чтобы не догналъ ее Ниниа. Долго шла она, наконецъ, очутилась на скалѣ, у подножія которой бушевала Арагва. Здѣсь она остановилась, посмотрѣла внизъ на рѣку, и дрожь пробѣжала по ея тѣлу. „Куда мнѣ бѣжать! Для чего жить?“—вскрикнула она, рыдая. Рыданія ея вскорѣ превратились въ громкій плачь, которому снизу шумно вторила Арагва. „Ниниа,—рыдала дѣвушка,—для чего ты зилъ грѣхъ на душу? Зачѣмъ загубилъ меня? Господи, спаси его, верни къ жизни... А я уже все потеряла... все потеряла...—съ безумной тоской повторяла она. А внизу ей раскрывала свои объятія Арагва... Съ крикомъ тоски и ужаса кинулась въ нее дѣвушка,—и съ громкимъ смѣхомъ сомкнулись надъ ней волны“.

Арагвисирели во всемъ прекрасномъ и чистомъ ищеть дозу уродливаго и мутнаго, отравляющаго всю прелесть и привлекательность любви, дружбы, завѣтныхъ стремленій. Пессимизмъ и душевныя муки изъ-за неосуществимости лелѣемаго идеала составляютъ заключительный аккордъ каждаго его этюда. Онъ свой субъективный пессимизмъ пытается представить въ объективно нарисованной картинѣ. Пессимизмъ и оптимизмъ, по его мнѣнію, носятъ только въ сердцѣ и умѣ человека, но не въ окружающей насъ реальности. Онъ выхватываетъ одинъ эпизодъ изъ жизни для иллюстраціи своей мысли, нигдѣ не допуская резонерства. Этотъ безнадежный пессимистъ уклоняется давать типы людей, характеризовать героевъ,—онъ имѣетъ въ виду иллюстрировать какую-либо сторону жизни или идею. Подъ личиною дружбы прикрывается измѣна, свѣтлое чувство любви лишь миражъ, рассыпающийся

въ прахъ предъ неуправимой силою животныхъ инстинктовъ, привязанность къ родинѣ легко уступаетъ свои права жаждѣ личнаго счастья. Нѣтъ, по мнѣнію автора, въ мирѣ безкорыстныхъ и благородныхъ порывовъ дружескихъ узъ,—предательство и пошлость царятъ въ мирѣ безраздѣльно, торжествуя побѣду надъ мечтой и иллюзіями о красотѣ души. Миръ полонъ страданій и тщетныхъ поисковъ за счастьемъ и успокоеніемъ.

Въ 1900 г. въ *Цнобисъ-Пурцели* (№ 1338) онъ помѣстилъ „Рождественскую фантазію“. На крыльяхъ чуднаго существа онъ взлетѣлъ на небо, гдѣ слышитъ пѣніе ангеловъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Но водворенію мира препятствуетъ людская злоба и ненависть. Ему показывается спутница ужасную сцену страданія первой христіанки въ Римѣ, избиеніе младенцевъ Тимуромъ въ Грузіи, даже разрушеніе англичаниномъ Китченеромъ города буровъ. И на вопросъ его: неужели „благоволеніе въ человѣцѣхъ“ не наступитъ, спутница только покачала головой и спустила его на землю.

Значительная часть его этюдовъ и новеллъ можетъ быть снабжена эпиграфомъ изъ стихотворенія Надсона:

Жизнь только издали парадна и красива
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть взглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою
Она лицомъ къ лицу,—и ты поймешь обманъ
Ея величія—подъ ветхой мишурою,
И красоты ея—подъ маскою румянъ.

Эти слова могутъ быть иллюстрированы еще его повѣстью „Гюль“ (1900 г.) и двумя рассказами „Моя родина—мое сердце“ и „Непостижимо! странно!“. Въ первомъ этюдѣ онъ проводитъ параллель между интеллигентной грузинкой и полькой. Въ случаѣ коллизій чувствъ любви къ мужчине и любви къ родинѣ, грузинка разрѣшаетъ положеніе по принципу „родина для меня это мое сердце“, полька же по обратному принципу: „мое сердце—это моя родина“. Разрѣчивается имъ чистая любовь съ пробужденіемъ въ глазахъ возлюбленной физиологической страсти. Прочитать во взорѣ Маро красавицы животный инстинктъ было достаточно для возмущенно настроеннаго юноши, чтобы исчезли его восторгъ и упованіе отъ созерцанія предъ тѣмъ воображаемаго небеснымъ эфирнымъ существомъ безплотнаго образа женщины. Онъ возненавидѣлъ ее за разрушеніе свѣтлаго миража, проникся презрѣніемъ къ ея животной натурѣ¹⁾, забывающей родину изъ-за низкой страсти.

Этюдъ „Земля“ образно рисуетъ безпредѣльную любовь горца къ своей родинѣ. Горецъ Бера по этапу отправленъ въ Сибирь. По дорогѣ въ Анауръ онъ, не рассчитывая болѣе вернуться на родину, захватилъ горсть земли, завязалъ ее въ платокъ съ тою цѣлю, чтобы на чужбинѣ предъ смертью посыпать себѣ грудь роднымъ прахомъ. Начальникъ,

¹⁾ См. статью К. Абашидзе въ *Цнобисъ-Пурцели*, № 1557.

сопровождающей ссыльных, требует выбросить таинственный узелок. Бера отказывается и его подвергают наказанию розгами. Во время нанесения побоев из его рук вырывает злополучный платок товарищ Георгий и разсыпает землю. Когда он приходит в себя и спрашивает о судьбе платка, то Георгий ему отвечает, что земля у него на груди.

Не такова патристическая привязанность женщины, как видно из любви грузинки к поляку Зису в этюде „Мое сердце—моя родина“.

В 1902 г. этюд Арагвиспирели „Антонь Зурабич“ не удовлетворил никого, благодаря своей бесодержательности. Точно такое же впечатлительное незаконченности производит рассказ „Маріамъ и Хатаури“. Лучшим является народное сказание „Курицхали и образ“, в котором характеризуется мингрелец. Народный анекдот использован в рассказе „Воръ вина“! Воры, пробравшиеся в подвал, устраивают пир с пением там же, а появившегося хозяина связывают и бранят, как он смеялся придти воровать вино. Хозяин в недоумении, не является ли он в самом деле вором.

Анализ удовлетворенной страсти дан в новелле „Непостижимо, странно“! Содержание ее заимствовано из Библии. Царевич Амнопъ безумно любит свою сестру Фамарь. Друг Амнопа, Ионадабъ, советует ему для достижения преступной цели притвориться больным и попросить пощадившего его царя, чтобы сестра Фамарь накормила его из своих рук. „Если она не согласится быть твоею добровольно, употреби силу, съ совершившимся фактомъ придется всем примириться, и Фамарь будет твоею навсегда и безраздельно“. Амнопъ и Фамарь вдвоем в комнате. Он „болень“. Она принесла ему лепешки. „Поднеси еду к ложу моему, чтобы я могъ вкусить ее изъ рукъ твоихъ“. Амнопъ блѣдный, взволнованный возлег на ложе и съ дрожью прошептал: „иди сюда и возлягъ со мной“! Она противится, боится позора в Израилѣ, предлагаетъ ему просить царя, чтобы он их соединилъ законным бракомъ. Но он вспомнил слова друга: „лучше не открываться ни передъ кѣмъ...; если она не согласится быть твоею добровольно, употреби силу“... Эти слова помutilи разумъ Амнопа. Прелестное лицо Фамары, ее девичья чистота воспламенили его, и он сорвал съ нея все ее пестрое одѣяніе, которое, обыкновенно, носили тогда дѣвушки царскаго рода“. Но когда страсть была насыщена, Амнопъ гонитъ отъ себя Фамарь, и ей остается только съ недоумѣніемъ повторять: „странно, непостижимо“!

Новогодній этюд „Ненавижу васъ“ анализируетъ состояніе чловѣка, нанесшаго оскорбленіе своему поклоннику (Квали, 1897 г.) „ненавижу васъ“ говоритъ прямо въ лицо Нато, влюбленный въ нее Лега, послѣ того какъ первая приняла холодно его съ новымъ поздравленіемъ и чтобы успокоить сознание своей вины, приходитъ къ нему на квартиру.

Въ 1901 г. Ш. Арагвиспирели выступилъ съ символическимъ рассказомъ „Мои приключенія“. Этотъ первый символическій опытъ онъ

назвалъ фееріей. Героиня ее, старуха, мать многихъ прекрасныхъ дочерей, открывающихъ чловѣку страницы жизни предъ его смертію. Дочери уже не исполняютъ поученія матери, и она сама бросается на одну старую женщину, грызетъ ее зубами, но боли ей не можетъ причинить. По ее совету она отправляется къ зубному врачу, но послѣдній вырываетъ ей всѣ зубы, отказываясь „обновить“ ее клыки. Адвокаты не берутся ее защищать, редакція уклоняется цомѣстить объ ней свѣдѣнія и вскорѣ появляется въ газетахъ вѣсть, что нѣкая женщина сошла съ ума и хорошо было бы ее отправить въ домъ психически разстроенныхъ. Но старуха была вынуждена покинуть общество людей и переселиться въ лѣсъ для скитальческой жизни. Какая идея лежитъ въ основѣ этой туманной фееріи, трудно сказать. Быть можетъ, старуха—символь смерти, имѣющая много подручныхъ и ненавидимая всеми. Или въ гоненіи на нее изображается борьба культуры со смертію? Не есть ли она символъ угрызенія совѣсти, пренебрегаемый шнѣ и изгоняемый изъ жизни? Прямого отвѣта феерія не даетъ, въ виду ее полной фантастичности и отсутствія реальной правды.

Кардинальную особенность творчества Ш. Арагвиспирели составляетъ его пессимизмъ частью съ философскимъ оттенкомъ,—какъ у Бараташвили, въ послѣдствіи у Деканозишвили,—частью же социальной окраски, какъ у Евдошвили. Онъ занятъ изслѣдованіемъ обнаженной души, обнаруживающейся въ взаимныхъ отношеніяхъ половъ. Взаимное влеченіе ихъ сопровождается борьбою, любовью, ненавистью, и женщина является главною причиною несчастій мужчины. Эта своеобразная доктрина лежитъ также въ основѣ творчества польскаго романиста Прибышевскаго.

Андрей Деканозишвили.

Андрей Деканозишвили принадлежитъ къ числу молодыхъ беллетристовъ-психологовъ. Онъ написалъ немного, но всѣ его коротенькіе этюды—перлы художественнаго творчества. Въ 1893 г. онъ дебютировалъ этюдомъ *Пропавшій*, въ которомъ молодой студентъ-грузинъ, считая себя лишнимъ въ мѣрѣ, застрѣливается. Анализъ душевнаго состоянія сдѣланъ мастерски,—тонко и осторожно.

Этюдъ „Чужая, чужая“ (Квали 1901 г.) въ высшей степени просто и безыскусственно рисуетъ паткость и мимолетность чловѣческаго счастья, кратковременность и непрочность чловѣческой любви, даже самой сильной. Молодой чловѣкъ всего годъ прожилъ съ любимой женой; она съ собой унесла въ могилу рѣшительно все; кромѣ горя и отчаянія ничего у мужа не оставалось на этомъ свѣтѣ, но прошло время, любовь остыла; отыскался новый предметъ любви, явилась замѣстительница утерянной подруги, которая настолько вытѣснена была изъ нѣжнаго сердца мужа, что онъ отказался даже отъ ее скульптурнаго изображенія. Молодой авторъ принадлежитъ къ тѣмъ счастливымъ, которые мало пишутъ, но пишутъ съ такимъ захватывающимъ чувствомъ и такъ художественно, что сразу привлекаютъ общество. Онъ не старается дать полный характеръ или полную картину жизни; его

вниманіе привлекают только единичныя явленія, единичные моменты изъ психологіи и жизни людей. Въ данномъ случаѣ его поразила мимолетность и непрочность вообще человѣческаго счастья и любви, а не только грузинскаго, и изобразилъ онъ только это; упрекать же автора въ томъ, въ чемъ обвинялъ его „Аргонавтъ“, что новелла эта французская или итальянская,—значитъ смотрѣть въ книгу и видеть фигу.

Манеру его творчества характеризуетъ эпитафия „А она все шла“!

„Другого она любить, другого!.. Съ завтрашняго дня она принадлежить другому, навсегда другому...“

„Вчера въ послѣдній разъ я ее видѣлъ. Нѣжное, съ блѣднымъ отъѣнкомъ, лицо ея не выражало ни малѣйшаго волненія; блескъ горящихъ глазъ таинственнымъ сіяніемъ озарялъ его. Но почему она такъ отворачивала отъ меня свои взоры? Зачѣмъ такъ пристально глядѣла впередъ, чего она бѣжала? Моей любви? Но вѣдь я ей ничего не говорилъ, совершенно ничего... Впрочемъ, какой я безумецъ! Вѣдь мнѣ казалось, что какія-то невидимыя струны соединяли насъ, что все, что таится въ глубинѣ моей души, весь пламень сердца—не секретъ для нея...“

„Ея личико! Почему въ немъ такъ много привлекательности, выразительности! Спокойное, слегка подернутое скорбью, оно иногда, словно мраморъ, вѣетъ холодомъ... Трудно разгадать, трудно понять выраженіе этого съ постоянною тѣнью задумчивости лица. Какая плѣнительная, нѣжно манящая сила дышетъ въ его чертахъ!..“

„Тщетны мои усилія разгадать изгибы ея души, напрасны старанія проникнуть туда, далѣе, за глаза.. Она неприступна и недовѣрчива.“

„Мои желанія, мои стремленія чужды ей и скользятъ по поверхности ея души, какъ по льду... А между тѣмъ какъ ярко сіяютъ въ ея привѣтливыхъ очахъ лучи сомнѣнія и недовѣрія! Но въ чемъ же они сомнѣваются, если уже не довѣряютъ...“

„Впрочемъ, вѣдь она странная, не такая, какъ другія... Да, она вовсе не похожа на другихъ. Кто знаетъ, быть можетъ, въ этомъ и кроется причина, почему я ее такъ сильно люблю...“

„Въ послѣдній разъ я ее видѣлъ вчера. Былъ зимній, теплый день. На улицахъ было мало движенія. Она шла молча. Я также. Легкіе снѣжные хлопья, кружась, падали съ неба... Затѣмъ мы разошлись. Не помню, что со мною было. Страшная, невыразимая боль разрывала мою грудь... въ головѣ царилъ хаосъ...“

„Только одно слабое чувство говорило во мнѣ, и оно, подобно тому, какъ мерцающій на морѣ маякъ приковываетъ взоры въ мрачную ночь, составляло для меня единственную опору... Это была мечта, безумная надежда на то, что должно было совершиться чудо—что-то необыкновенное, что должно было разсѣять этотъ ужасный сонъ. И какъ близкимъ казался мнѣ этотъ моментъ, какъ близкимъ!..“

„Она же продолжала идти, и рой бѣлыхъ бабочекъ увивался вокругъ нея. Онѣ окружали ее, просили о чемъ-то, умоляли...“

„Еще одинъ разъ онѣ заставили ее оглянуться въ мою сторону. Онѣ ласкались къ ней, заглядывали ей въ очи, отдыхали на ея волосахъ, рѣсницахъ, нѣжно касались ея устъ и тихо, совѣмъ тихо, шептали ей о неземномъ, небесномъ, напѣвали ей пѣснь любви, грустную пѣснь умирающей любви, гимнъ осиротѣвшей души. Но все было напрасно. Ея леденящая улыбка убивала ихъ, поражала ихъ существованіе, и эти чистыя посланницы неба падали на землю...“

„Этого никто не чувствовалъ, никто не видѣлъ—только я. Она шла быстро, она не внимала напѣву бѣлыхъ бабочекъ, точно боясь поражения, и новый рой ихъ снова увивался вокругъ, провожалъ ее...“

„Наконецъ, она исчезла. Я шелъ словно объятый сномъ. Видно, долго я блуждалъ.. Очнулся я на кладбищѣ, гдѣ безцѣльно разсматривалъ драгоценныя памятники, мраморныя колонны, статуи.“

„Я смотрѣлъ на нихъ и ничего не видѣлъ. Обычное гробовое молчаніе царило кругомъ, нѣмая тишина ни на мигъ не нарушалась. На всемъ лежалъ отпечатокъ покорности, покоя. Сама смерть какъ бы здѣсь замерла. А между тѣмъ сколько злобы, сколько порочности, глупости было погребено подъ этимъ мѣстомъ на аршинъ глубже. Мнѣ пришло въ голову, что смерть существуетъ единственно для ихъ сокрытія...“

„Въ одномъ мѣстѣ я остановился. Бѣлый мраморный памятникъ привлекъ мои взоры, сосредоточилъ мое вниманіе.“

„Это была дивная, очаровательная статуя. Невинное личико свѣтилось лучемъ грусти, безконечной скорби. Это была сама скорбь. печаль, „плачущая сестра моей души“.“

„Съ неизъяснимою тоскою во взорѣ она глядѣла и указывала рукою на клумбу цвѣтовъ, едва пробивавшихся изъ-подъ снѣга...“

„Я облокотился на ограду и всецѣло отдался созерцанію этого чуднаго, полнаго глубокой скорби лица.“

„Долго я стоялъ такъ. Наступили сумерки... Я продолжалъ стоять неподвижно. И вотъ тихо, незамѣтно ея образъ слился съ мутною тѣнью, разсѣялся въ пространствѣ, растаялъ, совершенно измѣнился, ожилъ. . и я увидѣлъ другое, совершенно другое лицо... да, это было. Я не чувствовалъ холода, ничего я не ощущалъ, вовсе ничего. . Я окаменѣлъ въ ея созерцаніи...“

«Вдругъ раздался шагъ. Я вздрогнулъ. Подлѣ меня стоялъ кладбищенскій сторожъ. „Довольно, сударь, смотрѣть на нее,—съ насмѣшливой улыбкой проговорилъ онъ,—не то промерзнете. Да и время запираетъ ворота. Вѣдь она и завтра здѣсь будетъ“...—Кто?“

Такою-же нѣжностью и глубиной анализа отличаются его этюды „Послѣдняя весна“ (чахоточнаго) и „Бабочка“. Авторъ беллетристъ-символистъ, мысль его свѣжа, глубока и свободна отъ морали и публицистики.

И. Елептеридзе (Зурабшвили).

Разрѣшеніе философскихъ проблемъ въ общедоступной беллетристической формѣ составляло камень преткновения многихъ выдающихся

талантовъ. На этотъ подводный камень направилъ свою ладью юный грузинскій беллетристъ г. Елептеридзе. Въ новеллѣ „Нирвана“ онъ взялся за установленіе соотношенія между привязанностью къ земной жизни и страхомъ предъ смертью. Авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что награду за свои дѣянія каждый получаетъ въ періодъ земного существованія. Связь между отошедшими въ вѣчность и продолжающими свое бытіе заключается въ томъ, что дѣятельность человека не проходитъ безслѣдно,—къ ней примыкаетъ комплексъ дѣйствій другихъ лицъ и такимъ образомъ она входитъ звеномъ въ непрерывную цѣпь людскихъ отношеній и поступковъ. Внутренняя борьба скептика юноши Шалвы, ломающаго голову надъ вопросомъ о томъ: человекъ ли править теченіемъ жизни или стеченіе обстоятельствъ,—рѣшаетъ судьбу его, онъ затронулъ въ этюдѣ *Жизнь* (Иверія, 1903 г.). Если возможна борьба, то можно ожидать и побѣду, вотъ его основная идея.

Въ символическомъ эскизѣ „Портретъ“ развивается та мысль, что художественное творчество выше реальныхъ образовъ, эстетическое чувство очищаетъ отъ страсти, поднимаетъ къ небу въ поискахъ за умиротворяющимъ стимуломъ. Талантливый художникъ рисуетъ портретъ любимой чудной дѣвушки. Всю силу своего дарованія онъ посвятилъ ея воспроизведенію. Къ несчастью, его творческую работу сопровождаетъ странное явленіе. Каждая перенесенная на полотно часть красавицы моментально вянетъ, и когда онъ закончилъ свой вдохновенный трудъ, тѣло ея возлюбленной завяло и омертвѣло.

Символическій характеръ носятъ его этюды „Молодость“ и „Цвѣтокъ любви“, въ которомъ онъ заставляетъ держать рѣчи соловья, розу, нарцисъ, макъ и др. Въ духѣ Ш. Арагвиспирели онъ помѣстилъ въ *Кавли* (1894 г.) эскизъ „Чи мое цѣломудріе“. Использовалъ онъ народную легенду въ рассказѣ „Безсмертный“ (Иверія 1902 г. №№ 33 и 34) и помѣстилъ въ бібліотекѣ Иверіи за 1905 г. рассказъ подъ заглавіемъ „Турико, Мгеліа и Толіа“ и повѣсть „Высѣченный розгами“. Первый основанъ на сюжетѣ изъ жизни охотниковъ въ связи съ различными повѣртіями о появленіи души съ того свѣта для расправы съ оставшимися на землѣ. Сущность второго рассказа заключается въ томъ, что крестьянинъ Илья Цицибадзе взялъ въ солдаты и, при незнаніи русскаго языка и нравовъ военной службы, служить мишенью насмѣшекъ и проявленій произвола со стороны ефрейтора и прочихъ властныхъ лицъ. Силачъ и борецъ Цицибадзе не остается въ долгу, при томъ его тяготитъ мысль, что его возлюбленная Нина можетъ выйти за мужъ за другого, и безысходное горе побуждаетъ его бѣжать въ деревню. Встрѣча его съ возлюбленной Ниной одна изъ лучшихъ мѣстъ въ повѣсти. Илья самъ возвращается въ полкъ, но переведенъ за недозволенную отлучку въ разрядъ штрафованныхъ и какъ таковому не разрѣшенъ домой отпускъ на Рождество. Съ горя съ друзьями разъ пожелалъ онъ въ ближайшемъ духанѣ выпить чарочку вина. Здѣсь онъ встрѣ-

чается съ „начальствующимъ“ Хлопотовымъ (фельдфебелемъ), который былъ настроенъ противъ Ильи и его сотоварищей, грузинскаго плѣнныя которыхъ онъ не выносилъ. Но въ виду того, что онъ былъ въ радостномъ настроеніи по случаю рожденія у него сына, онъ потребовалъ отъ нихъ плѣнныя, за упрямый же отказъ онъ накинудся на нихъ, но былъ избитъ Ильей. За это оскорбленіе дѣйствіемъ Цицибадзе былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ наказанію 50 розгами. И. Елептеридзе очень живо нарисовалъ положеніе грузинскаго новобранца среди русскихъ солдатъ, проанализировалъ состояніе его духа вдали отъ родныхъ, познакомилъ съ суровыми правами военной среды.

Князь Дим. Эрстовъ.

Въ области беллетристики въ концѣ 80-хъ г.г. обратилъ вниманіе читателей молодой писатель, по специальности врачъ, затрагивающій рядъ текущихъ вопросовъ въ общедоступной формѣ. Этотъ авторъ, кн. Димитрій Эрстовъ, выпустилъ въ 1891 г. (Кутансь, изд. Чиладзе) сборникъ рассказовъ. Содержаніе ихъ обнимаетъ разнообразныя темы. Первый рассказъ *Простой случай* знакомитъ насъ съ двумя персонажами, изъ которыхъ одинъ *баринъ* князь, другой крестьянинъ. Они съ дѣтства связаны дружбой, провели юные годы вмѣстѣ въ городѣ, гдѣ первый обучался въ классической гимназіи, заучивая латинскіе вокабулы, а второй усвоилъ грузинскую грамоту подъ руководствомъ своего добраго друга. Прошло время. Князь кончилъ юридическій факультетъ и чувствуетъ полную неудовлетворенность; крестьянскій мальчикъ приобрѣлъ званіе сельскаго учителя, подвизается въ народной школѣ и весь живетъ мыслью о благѣ ближнихъ. Авторъ желаетъ пессимистическое настроеніе своего героя объяснить анти-педагогическимъ режимомъ, царствовавшимъ въ школѣ въ эпоху расцвѣта классицизма; но яркая разработка психологической задачи превосходитъ силы его дарованія

Въ рассказѣ *На старомъ ладѣ* онъ возвращается къ этой же темѣ, сообщая свѣдѣнія изъ жизни своего товарища, не выдержавшаго искуса и до окончанія курса погибающаго въ качествѣ вольноопредѣляющагося. *Двѣ картины* рисуютъ сцены изъ студенческой жизни, героемъ которыхъ является уважаемый товарищами Нико, рѣшившій „надѣть рясу“, считая духовный санъ наиболѣе пригоднымъ для служенія народу. Но мечтамъ его не суждено сбыться,—онъ умираетъ отъ чахотки въ университетскомъ городѣ, вдали отъ родины, съ жаждой жить и работать.

Другіе рассказы его посвящены будничнымъ явленіямъ. *Несчастный мужъ*, умирая отъ нанесенной себѣ раны, предъ смертью прощается съ женой, которая невѣрностью своему долгу довела его до рокового шага. *Жертва любви*—женщина, погибающая на рельсахъ вслѣдствіе измѣны друга. *Дневникъ молодой двяицы* даетъ трогательный образъ

институтки, оставшейся в безпомощномъ положеніи и вынужденной согласиться на омерзительное предложеніе почтеннаго мужа, дѣтямъ котораго она когда-то давала уроки. Описывается романтическая драма *Въ вагонѣ*. Но не всѣ его рассказы кончаются печально. *Свадьба въ тюрьмѣ* повѣствуетъ о сенсационномъ бракѣ княжны вопреки волѣ отца съ заключеннымъ въ тюрьмѣ. Авторъ въ сочныхъ краскахъ описываетъ охоту весенней порой и знакомитъ съ деревней въ рассказѣ *Дѣвка-цыганка*. Творчеству Дм. Эристова не хватаетъ широты анализа и глубины захвата наблюдаемыхъ явленій. Фигуры его блѣдныя, недорисованныя, сюжеты шаблонны, мало интересны.

Дуту Мегрели.

Поэтъ и беллетристъ, публицистъ и критикъ, Дуту Мегрели (Хоштаріа) проявляетъ рѣдкую плодовитость, наблюдательность и отзывчивость въ выборѣ животрепещущихъ темъ. Онъ (род. въ 1867 г., учился въ Кутаисской гимназій и въ Одесскомъ университетѣ) одинъ изъ тѣхъ немногихъ писателей, которые слѣдятъ за измѣненіями въ настроеніи культурныхъ слоевъ и отражаютъ эти едва обозначившіеся переломы въ повѣстяхъ и рассказахъ. Вѣчно юные вопросы подняты имъ въ небольшихъ этюдахъ и если не всегда всесторонне и глубоко они проанализированы, то упрекъ долженъ быть обращенъ не на одного ихъ автора. Онъ съ основательнымъ юридическимъ образованіемъ и съ здравымъ умомъ выдѣляется изъ круга молодыхъ беллетристовъ, своеобразно развѣшилъ борьбу отцевъ съ дѣтьми и въ рассказѣ „Раздѣленные“¹⁾ (*Моамбэ* 1905 г.) отмѣтилъ конфликтъ между старшимъ поколѣніемъ, въ лицѣ Никифора Дзвелшавидзе, и юношей, въ лицѣ его сына Симона, студента университета.

Блѣдный мелкопомѣстный имеретинскій дворянинъ Никифоръ Дзвелшавидзе съ великимъ трудомъ воспиталъ своего старшаго сына въ гимназій, послалъ его затѣмъ въ университетъ и закладываетъ послѣдній садъ, чтобы не отказать въ воспитаніи и всѣ свои надежды на лучшее будущее сосредоточилъ на немъ одномъ. И вотъ единственная его отрада, единственныи просвѣтъ, гордость въ жизни первенецъ Симонъ возвращается домой въ деревню, уволенный изъ университета за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ. Всѣ надежды Никифора Дзвелшавидзе рухнули сразу. Положеніе убитаго горемъ отца описано авторомъ просто, правдиво и трогательно. Никифоръ не хочетъ даже выйти встрѣчать своего сына и на упреки жены, мачехи студента, отвѣчаетъ очень характерными словами: „Зачѣмъ мнѣ его встрѣчать? Какое добро, какую награду везетъ онъ съ собой? Съ чѣмъ мнѣ его поздравить?“

— Какъ съ чѣмъ, развѣ онъ не сынъ тебѣ, сынъ, котораго ты давно не видѣлъ?

¹⁾ Объ этомъ произведеніи критическія статьи см. у П. Гомартелі въ *Квали* и у П. Н.—дзе въ *Иверіи* 1903 г. № 83. Переводы его рассказовъ см. у Г. Вольскаго и А. Гарсеванова. Стихотворенія его перевелъ Иванъ-да-Марья.

— Сынъ... чиновникомъ первостатейнымъ онъ ѣдетъ къ намъ, нечего сказать,—со вздохомъ отвѣчалъ Никифоръ.

Отецъ и сынъ—люди двухъ міровъ, двухъ противоположныхъ полюсовъ. Столкновение между ними неизбежно. Никифоръ Дзвелшавидзе смотритъ на все глазами окружающихъ его людей; чиновникъ—магическое слово для нихъ. Это—человѣкъ свободный отъ власти капризной, подчасъ злой, своеправной мачехи земли, человѣкъ, собирающій свой урожай не разъ въ годъ, а каждый мѣсяцъ.

Сынъ Никифора, увлекающійся юноша съ благородными стремленіями, точно съ неба, падаетъ въ эту темную, заходустную глушь. Веселый, жизнерадостный пріѣхалъ онъ въ родную деревню, къ роднымъ и близкимъ людямъ, но скоро жестоко разочаровывается. Отецъ не даетъ ему проглотить куска за обѣдомъ и яростно накидывается на него: „Растиль я тебя, ледѣяль, изъ кожи лѣзь вонъ, чтобы воспитать тебя, и вотъ чѣмъ ты мнѣ отплатилъ!“

Отецъ въ своей наивной простотѣ, не спросивъ у сына, хлопочетъ устроить его писцомъ въ полицейскомъ управленіи и, отправляясь изъ дому, строго-на-строго наказываетъ ему не выходить никуда, не заговаривать съ крестьянами, стараться ничѣмъ не вызывать подозрѣнія.

Въ заключительной размовкѣ отца съ сыномъ очень правдиво и трогательно раскрыта психологія обонхъ. Тутъ передъ нами страдалецъ-отецъ въ слезахъ, не умѣющій понять своего сына, и сынъ, чуткій, любящій человѣкъ, безпомощный, не знающій какъ помочь горю близкаго человѣка. Всѣ кругомъ ополчились на изгнанника-студента. Родные его невѣсты принудили ее выйти за другого. Симонъ не вынесъ въ концѣ концовъ всѣхъ душевныхъ мукъ, выпавшихъ на его долю, собралъ свои пожитки и бѣжалъ тайкомъ въ Тифлисъ.

Дуту Мегрели силенъ тѣмъ, что онъ весь во власти современности и дѣйствительности. Продуктъ его художественнаго воображенія, чаще чѣмъ у другихъ, просто рассказанныя дѣйствительныя событія безъ фантастическихъ прикрасъ. Первый сборникъ его рассказовъ вполне справедливо названъ „Картинами изъ жизни нашего народа“ (Кутаисъ, 1892). Въ его составъ вошли пять очерковъ: „Несчастные“, „Батюшка Свимонъ“, „Хина“. „Невинная жертва“, „Гогіа и Кона“. Авторъ незатѣйливо набрасываетъ картинки современной жизни, не стараясь особенно углубляться въ разработкѣ темъ социальныхъ недоразумѣній или психологическихъ задачъ. Таковъ задушевно, съ тонкимъ лиризмомъ написанный эскизъ „Батюшка Свимонъ“. Дѣйствие происходитъ во дворѣ крошечной N—ской церкви, гдѣ только что раздалось пѣніе „Воскресеніе Твое, Христе, Спасе“.

„Старъ и младъ, мужчины и женщины, богатъ и бѣднякъ,—всѣ пропиклись единымъ чувствомъ, всѣ забыли въ это мгновение свое происхожденіе и санъ, помня лишь одно, что они христіане и должны встрѣтить день, когда Христосъ „воскресе изъ мертвыхъ, смертью смертью поправъ“, съ лицомъ, озареннымъ свѣтомъ, съ зажженнымъ свѣточемъ въ рукахъ и съ

сердцем чистымъ, непорочнымъ... Въ одно мгновение тихіе звуки стройнаго пѣнія наполнили собой всю окрестность, отозвались въ окружающихъ горахъ: горы передали ихъ облакамъ, облака сияющимъ звѣздамъ, и весь міръ, вся вселенная превратились въ слухъ.

„Какой-то необычайно торжественный колоритъ принялъ весь холмикъ, на которомъ красуется церковь села N. Какая-то незримая нить, таинственно дивная связь образовалась между нимъ и небесами. Казалось, разверзлись небеса и рѣютъ ангелы надъ людьми: поютъ съ ними вмѣстѣ и обходятъ кругомъ церковь, осѣняя своими крыльями горячія свѣчи и не давая имъ загаснуть.

„Въ самой церкви нѣтъ теперь никого. Всѣ высыпали наружу и принимаютъ участіе въ общемъ торжествѣ. Одинъ лишь батюшка, Свимонъ, древній старецъ, еле влачащій ноги, сидитъ неподвижно въ одномъ изъ уютныхъ уголковъ алтаря. Хотя у бѣдняги отъ старости почти совѣмъ угасъ слухъ и до крайности ослабло зрѣніе, тѣмъ не менѣе онъ не удержался, чтобы не пойти въ церковь, и съ помощью своего сына, діакона Іесе, еле доплелся до нея. Закрывъ потухшіе глаза, онъ погружился въ думы.

„О чемъ же задумался теперь батюшка Свимонъ? О томъ, о чемъ задумывается всякій человѣкъ его возраста—о минувшемъ, о быломъ.

„Вотъ видится ему, увлеченному далекими воспоминаніями, юный, исполненный жизни, проворный дьячекъ. Онъ былъ чертовски смѣтливъ и находчивъ, чертовски уменъ, ловокъ и изворотливъ, но не чертовски золъ и злобенъ. Что изъ того, если порой при чтеніи часослова Свимонушка бывало надуетъ старца Неофита, суроваго монаха? Что изъ того, если иной разъ бывало стащить у него ключи отъ кладовой и тайкомъ глотнетъ разикъ-другой бережно хранимую тамъ водочку или винцо? Велика ли бѣда, если бывало иной разъ, вмѣсто стоянія на молитвѣ, проберется онъ въ воскресный вечеръ къ дѣвчатамъ и отдастся съ ними веселымъ играмъ, шуткѣ и смѣху? Какъ же было иначе поступать юному Свимону, если блаженной памяти Неофитъ былъ такой строгій учитель, скуповатый эконокъ и непреклонно суровый наставникъ?..

„Однажды Свимону пришлось голодать цѣлый день, такъ какъ онъ не заучилъ наизусть какой-то длиннѣйшей молитвы. „Пока не будешь знать, не дамъ ничего ѣсть“, — съ ранняго утра рѣшительно отрѣзалъ ему Неофитъ, списавъ у него молитву и убѣдившись, что онъ ея не знаетъ. Вотъ наступилъ полдень, а Свимонъ не заучилъ и половины. Спустя немного къ Неофиту пожаловалъ слѣпой нищій. Неофитъ немедленно завелъ его къ себѣ и угостилъ пришельца. Нищій и проводникъ, усѣвшись, принялись за ѣду. Бѣдный Свимонушка! За единый кусочекъ хлѣба онъ готовъ бы былъ отдать полміра, любилъ сурово держаться слова и, пожалуй, не далъ бы ни крошки вплоть до самаго ужина, если бы не удалось заучить молитву. Но вотъ, покончивъ съ ѣдой, проводникъ ницѣмъ вышелъ за двери. Неофитъ послѣдовалъ за нимъ, и они принялись тамъ, въ сѣняхъ, продолжать бесѣду. Нищій все кушалъ, а

Свимонъ стоялъ около него. Наконецъ, кончилъ и онъ, оставивъ недодѣленнымъ цѣлый „гомиджи“ (прѣсный хлѣбъ) и еще одинъ громадный ломоть. Свимонъ знаетъ, что и эти остатки пойдутъ въ хурджини (переметную суму), что и ихъ заберетъ съ собой нищій, между тѣмъ какъ онъ, самъ Свимонъ, такъ голоденъ! Въ эту минуту изъ заднихъ дверей появилась кошка и усѣлась на порогѣ. У Свимона просіяло лицо. Очевидно, его осѣнила какая-то идея.

„Мяу!“ — замыкала кошка, направляясь къ трапезѣ.

— Ципъ! ципъ! анаеема! — вскричалъ Свимонъ и, схвативъ ломоть, стремительно кинулся въ заднія двери. Перепуганная кошка исчезла мгновенно. Свимонъ, упрятавъ добычу въ карманъ, преспокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился обратно.—Кошка стащила ломоть „гомоджи“, и я погнался за ней, — сказалъ Свимонъ.

— Гдѣ же ты былъ, чего глазѣлъ, плутъ ты этакій!.. Иди сейчасъ же и, смотри, выучи молитву, а то я тебѣ сегодня..

„Свимонъ этого только и желалъ. Не успѣлъ Неофитъ еще договорить, какъ онъ уже исчезъ и съ наслажденіемъ принялся ѣсть добытый съ такимъ трудомъ кусокъ „гомоджи“.

„Удивительная вещь! Словно настала послѣдній часъ: Свимонъ вспоминаетъ всѣ прошлыя прегрѣшенія. „Всѣ грѣхи и прегрѣшенія, какіе только кто совершилъ въ сей жизни, будутъ изображены и начертаны на одеждѣ нашей, когда предстанетъ предъ лицомъ Христа въ день втораго пришествія, дабы каждый могъ читать наши дѣянія“, — раздаются въ ушахъ Свимона любимыя слова Неофита.

„Неофитъ исчезъ, и его мѣсто въ воспоминаніяхъ Свимона заняла сперва молодая, красивая дѣвушка, а затѣмъ честная, разумная женщина. Это была Вардо, нѣжно любимая супруга Свимона. Предъ нимъ воскресли ея прелестные глаза, такъ напоминавшіе собой свѣтлую лазурь неба, ея кроткій, исполненный любви ликъ... Вардо не была создана для сей юдоли. Ей было уготовано мѣсто тамъ, въ сонмѣ ангеловъ, и вскорѣ она навѣки покинула Свимона... О, какъ грубоко она почитала его, какъ нѣжно его любила! Вспомнились ему проведенные съ ней сладостные дни, и его поражаетъ изумленіе, какъ могъ онъ такъ долго прожить безъ нея! О, какъ счастливы были Свимонъ и Вардо, особенно въ первые дни его рукоположенія въ священники! Первую рясу ему сшила Вардо. Къ несчастью, ей не долго довелось жить послѣ того, — такъ что ряса была еще нова, когда она скончалась. Онъ тотчасъ же снялъ эту рясу и хранить ее, какъ „святая святыхъ“. Онъ даже похоронилъ себя наказывалъ непременно въ той рясѣ. „Впервые она меня облачила, пусть она же облачитъ и въ послѣдній“ — говоритъ Свимонъ. Быть можетъ, скоро придется ему надѣть ее!..

„Ты умерла, Вардо, но для меня всегда была живою“, — скажетъ онъ ей, и не солжетъ: она неизмѣнно жила въ немъ; неизмѣнно была для него ангеломъ-хранителемъ. Онъ вѣрилъ, что Вардо неразлучна была съ нимъ, подвигая на добро и отстраняя его отъ худа...

„Увлечшись воспоминаниями, Свимонъ не замѣтилъ, какъ церковь наполнилась народомъ и началась обѣдня. Всего разъ донеслось до него пѣніе: „Христосъ Воскресе“, да и тогда онъ разобралъ въ немъ голосъ лишь одного существа. То былъ голосъ діакона Іесе, всегда приводившій его въ волненіе и напоминавшій милую Вардо. Причина этого обстоятельства заключалась въ томъ, что первый крикъ Іесе и послѣдній, изданный Вардо, звукъ, слились въ единый возгласъ. Іесе впервые заплакалъ и впервые издалъ звукъ тогда, когда Вардо издала послѣдній стонъ и замолкла на вѣки. Припомнился Свимону этотъ моментъ, когда, съ одной стороны, онъ чувствовалъ себя на верху благополучія, очасливленный рожденіемъ сына, а, съ другой — глубоко несчастнымъ, потерявъ горячо любимую подругу жизни. О, что за ужасный это былъ мигъ, когда онъ не зналъ, что ему дѣлать, воздать ли благодареніе Богу, или возроптать на Него, смѣяться или рыдать! Вспомнилъ онъ тогдашнее положеніе и, глубоко вздохнувъ, прислонилъ свою убѣленную сѣдиной голову къ стѣнѣ. Слезы обильно текутъ изъ его глазъ, скатываясь жемчужными перлами сперва по его морщинистымъ щекамъ, точно по желобамъ, а затѣмъ — по бѣлоснѣжной бородѣ и, скопившись вмѣстѣ на концѣ ея, крупными каплями капаютъ внизъ.

„Такъ какъ въ лицѣ Іесе остался у него единственный живой памятникъ Вардо, тако неожиданно простившейся съ міромъ, то Свимонъ безгранично полюбилъ его, своего Іесе, свою утѣху: Іесе былъ для него и сыномъ и живымъ свидѣтельствомъ неугасимой любви къ супругѣ. Онъ видѣлъ только въ немъ смыслъ своего существованія. „Вотъ подрастетъ мой Іесе, поженится, будутъ у него дѣтки. Я, состарившись, покину службу, взамѣнъ меня рукоположатъ Іесе, и, когда отойду въ вѣчность, онъ не перестанетъ поминать меня въ молитвахъ и служить о спасеніи души моей“, — грезилъ бывало Свимонъ.

„И вотъ Іесе подросъ, поженился, появились у него дѣтки. Свимонъ состарился и былъ вынужденъ покинуть службу, но... взамѣнъ отца рукоположенъ былъ не Іесе, а кто-то другой. Почему же? А потому, что Іесе-де неучъ. Главнымъ образомъ потому, что благочинный не жаловалъ Свимона, а то что за ученый, въ самомъ дѣлѣ, нынѣшній священникъ! Ученый-то онъ неважный, а что вотъ богаче Іесе, это правда, если только богатство необходимо священнику. Притомъ же онъ и сродни благочинному... Вспомнилъ Свимонъ про это, и еще сильнѣе старая отравка сжала ему сердце, еще тоскливѣе стало на душѣ. Да и какъ не тосковать старику, когда онъ знаетъ, что Іесе не замѣнитъ его въ церкви, не замѣститъ тамъ, гдѣ столько поколѣній неизмѣнно передавали свой священническій санъ отъ отца сыну, когда знаетъ, что его бранные останки не будутъ сопровождать, во главѣ шествія, родное дѣтище въ священническомъ облаченіи, подобно тому, какъ онъ самъ проводилъ отца, отецъ дѣда, дѣдъ прадѣда? Да, тоскуетъ Свимонъ и льетъ слезы.

„Но вотъ снова явилась предъ нимъ его Вардо; не Вардо, а чудный ангелъ въ образѣ Вардо, въ сіяніи, въ ореолѣ какой-то горней благо-

дати, а не съ печалью земной юдоли на челѣ. Это роскошное видѣніе приблизилось къ нему и заговорило: „Довольно, Свимонъ, довольно тебѣ страдать въ семь мірѣ. Пора удалиться отсюда и обрѣсти упокоеніе тамъ, гдѣ Вардо ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ“... Видѣніе произнесло что-то еще, но отъ радости Свимонъ дальше ничего уже не слышалъ.

„Вардо ждетъ Свимона, его Вардо!“ О, какъ сладостны эти слова для него, какъ затрепетало его старческое сердце! Вотъ подступили къ нему и прочіе ангелы, цѣлые сонмы ангеловъ, неисчислимые, несмѣтные, и окружили его. О, какъ они дивно хороши, какая дивная гармонія въ ихъ стройномъ хорѣ, поющемъ „Христосъ воскресъ“. Они поютъ и манятъ къ себѣ Свимона. Поразительно: исчезли и слабость его зрѣнія и глухота — онъ прозрѣлъ, онъ все слышитъ. Онъ чувствуетъ въ себѣ мощь: онъ твердо стоитъ на ногахъ, и слѣдуетъ, не слѣдуетъ, а летитъ точно окрыленный — летитъ къ своей Вардо...

„Къ закату солнца во всемъ селѣ только и было разговору, что о чудесной кончинѣ батюшки Свимона: говорили о томъ, какъ онъ простился со всѣми послѣ заутрени, какъ онъ приобщился святыхъ Таинъ, какъ затѣмъ напутствовалъ сына: „Во что-бы то ни стало, дай образованіе хоть одному изъ дѣтей, — говорилъ онъ Іесе: учи, учи хоть одного изъ нихъ, чтобы хоть онъ былъ рукоположенъ въ священники и могъ поминать предъ престоломъ меня съ тобой. Ученаго не одолѣютъ злые люди“. — Дай Богъ ему царство небесное! достоинъ былъ и сподобился достойной кончины, говорили одни.

— Всякій, кто умретъ въ Свѣтлое Воскресенье, непременно спасется, а Свимонъ, что и говорить, не минетъ рая, — добавляли другіе“.

Столь же задушевную и теплую привязанность сына къ матери онъ вложилъ въ разсказъ „Хина“. Въ одно чудное лѣтнее утро уютную С-скую сельскую школу, руководимую добрѣйшимъ учителемъ, посетилъ „высокій гость“, который въ знакъ удовольствія отвѣтами учащихся щедро ихъ одарилъ гостинцами. Въ классѣ не оказался только маленькій Миха, который хотя и не былъ боленъ, но въ школу пойти не могъ. Бѣдная его мать страдала лихорадкой и сегодня у нея былъ сильный пароксизмъ. Отецъ, отправившись въ поле на работу, оставилъ ее на попеченіи маленькаго Миха. Сначала она не хотѣла поддаться болязни, стала готовить обѣдъ, но скоро ей ноги и руки стали измѣнять и она принуждена была прилечь. Миха принесъ, все что только было у нихъ и чѣмъ можно было прикрыться и набросать на нее.

— Иди, милый, ко мнѣ, пригрѣй меня, а то озябу, — обратилась она къ сыну дрожащимъ голосомъ. Миха этого и хотѣлось. Онъ подбѣжалъ и крѣпко, крѣпко обнялъ ее. Жаръ сталъ усиливаться и скоро она принуждена была сбросить все, чѣмъ такъ старательно за минуту старался укутывать ее Миха. Воды, воды... — требовала она поминутно, и Миха протягивалъ ей маленькій кувшинчикъ.

„Насталъ полдень. Больная вспотѣла и успокоилась. Миха сидѣлъ у изголовья матери и думалъ о школѣ: „Что теперь тамъ дѣлаютъ?“

Вѣроятно, читаютъ какой-нибудь интересный рассказъ. Охъ, какъ тамъ должно быть хорошо!».

„Онъ хорошо понималъ, что идти въ школу уже поздно, но все же ему ужасно хотѣлось сѣгнать и, по крайней мѣрѣ, только заглянуть туда. Его недавно отдали въ школу, но онъ уже успѣлъ отъ всего сердца полюбить и учителя съ его рассказами, и книжки, которыя стали давать ему послѣ азбуки. Не быть въ школѣ было для него испытаніемъ. Приближалось время обѣда, и отецъ, видя что Миха не приноситъ ему ничего, сталъ сильно беспокоиться за жену. Оставивъ работу, онъ отправился домой.

— Что мнѣ дѣлать, какъ помочь этому новому горю?—думалъ онъ дорогой. — Работать въ полѣ или присматривать за больной? Наконецъ, нужно же что-нибудь ѣсть? А готовить некому. Господи, гдѣ же твоя справедливость? Вотъ скоро и сборщикъ явится, а у меня гроша мѣднаго нѣтъ, чтобы купить хину,—можетъ, и оставила бы лихорадка.

Хотя мужику и не было весело на душѣ, но все же къ себѣ зашелъ онъ съ улыбкой и, поздоровавшись съ женой, спросилъ объ ея здоровьи.— Ничего,—сказалъ съ улыбкой мужъ,—авось, Богъ поможетъ, достану гдѣ-нибудь денегъ, купимъ хину и прогонимъ эту назойливую лихорадку.

— Папа, а что такое хина?—спросилъ съ любопытствомъ Миха.

— Это лѣкарство, мой милый, и—какое лѣкарство?—достаточно твоей матери принять каплю и она совершенно будетъ здорова, — отвѣтилъ отецъ. Миха задумался. Его всецѣло охватило желаніе раздобыть гдѣ-нибудь эту хину. Мысленно сталъ онъ молиться Богу, просить Его пособить несчастнымъ въ тяжкомъ горѣ.

— Сыночекъ мой, хочешь, иди въ школу,—сказала мать, зная, что для него это составитъ счастье.

Мальчику этого только и хотѣлось. Въ одинъ мигъ онъ вскочилъ, захватилъ свои книжки и пустился бѣжать въ школу.

Праздничное настроеніе школы не ускользнуло отъ вниманія Миха. Онъ тотчасъ же замѣтилъ счастливыя, улыбающіяся лица товарищей, веселаго учителя и довольнаго гостя. Ему ужасно стало жаль, что онъ пропустилъ торжество въ школѣ.

— Здравствуй, Миха!—обратился ласково къ нему учитель.—Гдѣ ты былъ до сихъ поръ?

Миха не отвѣчалъ. Какъ окаменѣлый стоялъ онъ на мѣстѣ.

— Ты никогда не опаздывалъ день? Сегодня посѣтилъ насъ гость. А ты такъ поздно пришелъ... Развѣ такъ встрѣчаютъ гостей?!

Миха стоялъ съ опущенными глазами. Послѣднія слова задѣли его за живое. Еще одно слово—и несчастный разразился бы слезами; но въ это время гость подозвалъ учителя къ себѣ и сталъ о чемъ-то говорить съ нимъ шопотомъ. Во время разговора оба смотрѣли на Миха. Подошелъ потомъ учитель къ нему, погладилъ по головѣ и сказалъ:

— Ничего, ничего; все же ты вовремя пришелъ. Ну-ка, пойдемъ, почитай-ка книжку по-своему нашему гостю!

— Иди ко мнѣ малыши!—сказалъ ему гость. Опоздавшему Миха было пріятно видѣть такое ласковое обращеніе къ нему учителя и гостя и онъ рѣшительно подошелъ къ нему.

— Ну-ка, начни отсюда,—говорилъ ему гость, указывая на раскрытую книжку. Миха приступилъ къ чтенію дрожащимъ голосомъ, но, оправившись, сталъ читать смѣло, внятно и красиво. Прочитанное онъ рассказалъ по предложенію гостя. Прочелъ нѣсколько стихотвореній наизусть, рѣшилъ нѣсколько задачъ, однимъ словомъ отвѣчалъ блестяще.—Молодецъ, молодецъ,—говорилъ ему гость. Учитель былъ въ восторгѣ отъ отвѣтовъ своего ученика.

— Какъ жаль, что у меня нѣтъ больше подарковъ, все роздалъ,—говорилъ съ сокрушеніемъ гость.—Я знаю, что вы (обращаясь къ учителю) не оставите его безъ подарка, но и мнѣ хотѣлось, чтобы онъ отъ меня имѣлъ подарокъ. Знаете что, я вамъ оставлю деньги, а вы, пожалуйста, купите ему что-нибудь по его собственному желанію. Съ послѣдними словами онъ передалъ учителю нѣсколько серебряныхъ монетъ.—Ну, Миха, скажи при гостѣ же чего тебѣ купить?—спросилъ учитель.

— Хину,—въ восторгѣ произнесъ Миха.—Все съ удивленіемъ посмотрѣли на него.

— Чего?—переспросилъ учитель, недовѣряя своимъ ушамъ.—Да, знаешь ли, что такое хина,—съ улыбкой спросилъ гость.—Лѣкарство!—отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ! А на что оно тебѣ?—полюбопытствовалъ учитель.

— У меня мать больна лихорадкой, а отецъ горюетъ и говоритъ, что хина избавила бы ее отъ страданія, да не на что купить.

„Гость и учитель переглянулись. Въ тотъ же вечеръ учитель съ фельдшеромъ были въ домѣ Миха. Фельдшеръ осматрѣлъ больную, оставилъ нужныя лѣкарства, конечно и хину и далъ совѣты. А учитель принесъ книжку съ рисунками въ подарокъ Миха. Неописуема та радость, то счастье, которое испытывали и родители, и самъ Миха“.

Рассказъ „Гогія и Кона“ построенъ на канвѣ, использованной и Ниношвили. Неравный бракъ влечетъ за собою семейный разладъ, гибельно отражающійся на судьбѣ супруговъ. Въ лѣтахъ не молодыхъ Гогія женится на Конѣ, молоденькой красавицѣ, которая вступаетъ въ любовную связь съ сельскимъ писаремъ. Онъ побуждаетъ ее взять съ Гогія вексель въ 1000 руб., который присваиваетъ себѣ, отнимаетъ имѣніе у Гогія, бросаетъ и Кону; несчастные супруги встрѣчаются въ Кутаисѣ, у паперги церкви въ толпѣ нищихъ, просящихъ подаянія. Изображеніе бата мелкопомѣстнаго дворянина сближаетъ его рассказъ „Невинная жертва“ (въ сборн. „Цда“, вып. III, онъ помѣщенъ подъ заглавіемъ *Мать и сынъ*) съ произведеніями Д. Кладіашвили, давшего рядъ блестящихъ картинъ изъ жизни обѣднѣвшихъ представителей благороднаго класса. Герой этаго „Невинная жертва“ обѣднѣвшій дворянинъ Коція Джаваршвили. Онъ усердно работаетъ цѣлые дни мотыгой за обработкой кукурузной нивы и маленькаго виноградника. Онъ ходитъ и на отхожіе заработки въ ка-

менно-угольные копи и на линию желѣзной дороги, но никогда не напимался въ услуженіе, считая его „развращающимъ“ занятіемъ. Съ этимъ скромнымъ труженикомъ враждуетъ однофамилецъ Зурабъ, богатый ростовщикъ и сильный подкупомъ человѣкъ въ деревнѣ, пытавшійся для округленія своего владѣнія присвоить виноградникъ Кація. Воспользовавшись тѣмъ, что Кація въ сердцахъ зарѣзалъ потоптавшаго ему виноградныя лозы быка, принадлежащаго Зурабу, послѣдній съ понятиемъ явился въ домъ Кація. Послѣдній быка стащилъ въ погребъ, чтобы до прихода старшины собаки не разорвали его и не обвинили его въ кражѣ быка. Зурабъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, посадилъ Кація въ тюрьму.

„Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Это была цѣлая вѣчность для Кація и его матери. Трудно представить себѣ положеніе несчастныхъ за это время. Кація у себя, въ деревнѣ, привыкъ работать, не покладая рукъ. Онъ кормилъ свою мать, доставляя ей и радость, и печаль. Мать съ каждымъ днемъ старѣла, силы измѣнили ей и она скоро должна была вовсе отказаться отъ работы. Пора бы Кація жениться! Молодая жена могла бы раздѣлить съ нимъ хлопоты по хозяйству, освободивъ старуху отъ всякихъ заботъ и трудовъ. Но женитьба Кація вызывала массу новыхъ потребностей, и потому онъ откладывалъ ее до поры до времени. Сколько разъ мать говорила ему! „Женись, дорогой мой! Неужто я такъ умру, что не увижу твоей жены, твоего счастья!“—„Нѣтъ, мама,—обыкновенно возражалъ сынъ,—развѣ можно мнѣ жениться, когда сами чуть не умираемъ съ голоду; впереди предстонтъ еще много труда, много...“ И онъ продолжалъ трудиться; онъ работалъ безъ усталы, будучи всѣмъ существомъ своимъ проникнутъ любовью къ труду.

— Должно быть, онъ сынъ какого-нибудь мужика,—говорилъ про него частенько Зурабъ.

— Дѣйствительно, въ немъ ничто не напоминаетъ дворянина,—вторили вѣрные рабы Зураба.

Въ этихъ словахъ было много правды. Кація не былъ похожъ на тѣхъ дармоѣдствующихъ дворянъ, которые, покинувъ деревню, безцѣльно топчутъ городскіе бульвары. Кація понялъ, что пора крѣпостничества миновала безвозвратно, и что человѣкъ безъ труда нигде не годенъ. И вотъ онъ, наравнѣ съ крестьянами, взялъ заступъ и лопату и, нисколько не теряя своего дворянскаго достоинства, принялся за работу. Онъ не былъ вовсе похожъ и на честолюбца Зураба, этого сельскаго кулака, набившаго себѣ мощну всякими неправдами. Между ними цѣлая пропасть: Кація, дѣйствительно, благороденъ и честенъ, Зурабъ же могъ величаться „благороднымъ“ лишь на бумагѣ.

„Мачиха-судьба зло насмѣялась надъ этимъ честнымъ труженикомъ. Онъ, привыкшій къ деревенскому быту и вдохновляемый лишь разумнымъ трудомъ, долженъ былъ сидѣть въ тюрьмѣ безо всякаго дѣла. Среди этой ужасной обстановки, куда и солнце заглядывало неохотно, могъ ли бѣдняжка думать о трудѣ? Онъ томился всѣ дни, страдая нравственно и мучась физически. Сердце разрывалось у него при

воспоминаніи о матери. Онъ ясно представлялъ себѣ ея отчаянное положеніе.

«Никто изъ знакомыхъ теперь не узналъ бы Кація: онъ весь осунулся, похудѣлъ и пожелтѣлъ; подъ глазами образовались темныя полосы, руки и ноги отяжелѣли. Ничто не радовало его; онъ потерялъ вѣру въ человѣка, а надежда давно покинула его. Лишь чистая, высокая любовь къ матери являлась для него цѣлью жизни. Не будь этого чувства, Кація давно лишился бы себя жизни, или умеръ бы отъ тоски.

«Кація часто плакалъ и только слезами облегчалъ свою наболѣвшую душу. Лишь воскресныхъ дней онъ дожидался какъ святой Пасхи; всѣ его помыслы были сосредоточены на томъ, скоро ли настанетъ желанный день, радостное для него воскресенье. Каждое воскресенье старуха стояла у тюремныхъ воротъ въ ожиданіи свиданія съ дорогимъ сыномъ. Горемычная мать! Она переживала не менѣе ужасныя страданія, чѣмъ Кація. Она была свободна, но зачѣмъ ей свобода, когда ея единственный сынъ, невинный, какъ ребенокъ, брошенъ злыми людьми въ темницу?

«Къ счастью, старуха не теряла надежды, стойко переносила невзгоду. Сынъ обманывалъ ее, говоря, что его скоро выпустятъ на свободу, и она вѣрила ему. Ей казалось, что къ ней скоро придетъ Кація, выпущенный изъ неволи, и они вновь заживутъ попрежнему сладкою жизнью. Но дни шли за днями, проходили недѣли, мѣсяцы, а Кація все продолжалъ сидѣть въ тюрьмѣ; не смотря на это, его мать не приходила въ отчаяніе. Страданія, ею испытанныя вслѣдствіе постигшаго несчастія, слезы, ею пролитыя,—все это не сломило ее нравственно...

«Слѣдствіе по дѣлу о краденомъ быкѣ окончилось. Кація, допрошенный нѣсколько разъ слѣдователемъ, со слезами на глазахъ доказывалъ свою правоту, но ему никто не повѣрилъ; у него не было свидѣтели, а показанія матери не давали никакой цѣны. Свидѣтели же со стороны Зураба всѣ говорили въ пользу послѣдняго. Даже тѣ, которые знали истину, не сказали слѣдователю, что Кація убилъ быка въ виноградникѣ. Слѣдователь объявилъ ему, что дѣло его онъ долженъ передать прокурору. Послѣ этого Кація былъ переведенъ во второе отдѣленіе тюрьмы, гдѣ находились еще четыре арестанта. Всѣхъ ихъ должны были отправить въ Кутаисъ. Арестанты недовѣрчиво взглянули на своего новаго сожителя; имъ очень не нравилось его присутствіе. Они постоянно о чемъ-то шептались; видимо, ихъ связывала какая-то тайна, которую они тщательно скрывали отъ новаго узника; но Кація ихъ не беспокоилъ. Онъ цѣлые дни лежалъ на нарахъ.

«Однажды, въ полночь, Кація былъ разбуженъ какимъ-то шумомъ. Вначалѣ онъ не могъ сообразить, откуда доносились эти звуки; но вскорѣ онъ разглядѣлъ въ темнотѣ знакомыя фигуры арестантовъ. Одинъ изъ нихъ, поддерживаемый товарищами, распахивалъ доску потолка. Кація притаилъ дыханіе; онъ сильно боялся за своихъ товарищей.

— Вот мы сейчас бѣжимъ отсюда,—и тебя бы взяли, да боимся, что ты не въ состояніи будешь слѣдовать за нами.

— Готово,—сказалъ арестантъ, пилившій потолокъ. Товарищи взяли у него доску, а ему дали веревку, скрученную изъ разорваннаго бѣлья и аркалуковъ. Затѣмъ тотъ же арестантъ вскорабкался на верхъ и, прикрѣпивъ веревку, спустил ее внизъ.

„Кація одинъ остался въ арестантской. Печальныя думы, захвативъ все его существо, не дали ему покоя. Онъ весь обратился въ слухъ; все ждалъ выстрѣловъ. Еще минута, думалъ онъ, и шальные пули уложатъ всѣхъ бѣглецовъ; но тщетны были его ожиданія. Всюду царилъ могильная тишина. Кація не безъ зависти вспомнилъ бѣглецовъ, товарищей по тюрьмѣ, а нынѣ свободныхъ людей. „Впрочемъ,—размышлялъ онъ про себя,—можетъ быть они также невинны, какъ и я; можетъ ихъ совѣсть чиста, и они бѣжали отъ злыхъ людей, бросившихъ ихъ въ темницу. Теперь они свободны и счастливы... Но, Боже мой, что мнѣ-то дѣлать? Неужели я долженъ сгнить въ тюрьмѣ?..“ Онъ задумался на минуту, какъ бы лица отвѣтовъ на свои вопросы.—„Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—вскричалъ онъ и привсталъ на ноги.—И я долженъ бѣжать отсюда!..“ Онъ подошелъ къ тому мѣсту, надъ которымъ видѣлась вырѣзанная часть потолка, и задумчиво взглянулъ наверхъ. Ахъ, какъ близка была свобода! Долго стоялъ Кація на одномъ мѣстѣ; вдругъ онъ судорожно схватилъ веревку и сталъ подниматься вверхъ. Собранный съ послѣдними силами, онъ довольно ловко поднимался впередъ и, наконецъ, достигъ потолка. Уцѣпившись за доски, онъ поднялся на чердакъ. Кація, совершенно растерянный, присѣлъ отдохнуть. Съ чердака онъ поднялся на крышу. Въ его раскрытый ротъ влились струи свѣжаго, холоднаго воздуха. Давно, очень давно онъ не испытывалъ такого блаженства. Боже мой! сколько времени его легкія не вдыхали такого чистаго воздуха!.. Въ тотъ мигъ Кація былъ счастливъ. Онъ невольно устремилъ взоры въ сторону своей деревни. Его манилъ просторъ родныхъ полей; ясно рисуется бѣдняку родная избушка, онъ въ ней не забытъ; тамъ есть родная душа—его старуха-мать. Кація подошелъ къ дождевой трубѣ. Было тихо, нигдѣ ни звука. Тишина, царившая кругомъ, придавала ему смѣлость; онъ увѣренно обхватилъ обѣими руками трубу и понесся внизъ. Не успѣлъ онъ придти въ себя, какъ съ шумомъ хлопнулся на землю. Бѣдняга почувствовалъ ужасныя боли. Заныло все тѣло. Теперь только почувствовалъ Кація, за какое трудное дѣло онъ взялся. Нѣсколько мгновений онъ стоялъ въ раздумьѣ и не двигался съ мѣста. Вдругъ ему послышался какой-то шумъ и онъ навострилъ уши. Слышались шаги приближающагося къ нему человѣка. Ясно, что это былъ часовой. „Кація, спасайся!“—подсказалъ ему внутренний голосъ. Онъ бросился бѣжать, что было силы. „Куда ты?“ Караульный послѣдовалъ за нимъ, но видя, что не въ состояніи догнать, прицѣпился въ него. „Стой!“—кричалъ онъ во все горло.—Стой, не то убью тебя!“ Но Кація ничего не слышалъ: онъ бѣжалъ не помня себя.

Раздался выстрѣлъ. Несчастный бѣглець во весь ростъ свалился на землю, точно скошенный колосья...

„На слѣдующій день, въ воскресенье старуха встала ранехонько. Ей не спалось всю ночь. Наполнивъ хурджинъ всякой всячиной, она взвалила его на плечо, въ руки взяла большую связку цоликаурскихъ виноградныхъ кистей и двинулась въ путь.

„Усталая и измученная, она кое-какъ добралась до уѣзднаго города; вотъ показались дома, церкви; вотъ и тюрьма, при видѣ которой у бѣдной женщины учащенно забилось сердце. У воротъ стояла толпа народу, что очень удивило ее. Старуха хотѣла-было дойти до тюремныхъ воротъ, но часовые загородили ей дорогу. Немного погодя, она увидѣла чиновника съ кокардой. Старуха и къ нему обратилась съ мольбой; по узнавъ, кто ея сынъ, онъ на искверканномъ грузинскомъ языкѣ отвѣтилъ ей: „Вчера твой сынъ хотѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, но его убили. Теперь докторъ вскрываетъ трупъ его. Ты можешь видѣть его послѣ“.

„Старуха слушала его, но ничего не понимала. На нее напалъ столбнякъ. „Убили моего сына!“—страшнымъ голосомъ заревѣла несчастная мать и, что было силы, начала бить себя по лицу. Она рвала себѣ волосы, паранала лицо.—Бѣдный мой сынъ! Бѣдный Кація!—вопила она во все горло: Господи, за что такое наказаніе!... Побѣжавъ къ часовымъ, она дико закричала имъ: „Впустите! впустите!“ Караульные держали ее. Больно было смотрѣть на несчастную женщину: кровь обильной струей лилась по лицу и по обнаженной груди. Ея глаза блуждали какъ-то странно, дико.

„Неожиданно обрушившееся на нее бѣдствіе совершенно лишило ее разсудка... И теперь изъ села въ село бродитъ горемычная, прося подаянія Христа ради. Лишь у сердобольныхъ старухъ, знающихъ ея прошлую жизнь, находитъ она пріютъ и ласку. По временамъ является она и въ свою родную деревню, но избѣгаетъ всякой встрѣчи съ сельчанами. Всѣмъ состояніемъ ея сына давно завладѣлъ Зурабъ. Бѣдняга часто подходитъ къ родному домику, гдѣ жилъ нѣкогда Кація. Сидитъ она здѣсь до тѣхъ поръ, пока слуги Зураба не прогоняютъ прочь“.

Стихотворенія Дуту Мегрели проникнуты теплымъ чувствомъ и носятъ слѣды упорной работы. Идея его лирическихъ пьесъ (съ 1883 г.) всегда благородная и чистая, выливается подчасъ въ технически-строгую форму. Въ стих. „Отвѣтъ“ поэтъ высказываетъ желаніе, чтобы его слова соотвѣтствовали его дѣлу, и въ творчествѣ его выражалась святая вѣра и неподдѣльная искренность. Цѣль его поэзіи внушить любовь къ тому, что онъ любитъ, и ненависть къ тому, что онъ ненавидитъ. Эта благородная задача не нашла достаточнаго воплощенія въ его произведеніяхъ. Воспѣвая по преимуществу господствующіе въ грузинской поэзіи національные и патріотические мотивы, онъ не обнаружилъ способности поставить новые идеалы, обрисовать свое „я“ въ отличіе отъ прежнихъ поэтовъ. Вліяніе Ак. Церетели, Орбелиани, („Видѣлъ я храмъ“ послѣдняго), Надсона всего сильнѣе на немъ сказывается. Въ стих. „Моя любовь“ онъ пытается выяснитъ понятіе

о любимомъ существѣ, съ которымъ онъ былъ бы связанъ единствомъ мысли и цѣли, служенія и поклоненія одному предмету. Но „новизна“ его представленія о любви очень неопредѣленна, нѣтъ словъ, рисующихъ новый образъ. Онъ вообще говоритъ мало, чувствуя, что „ротъ ему зажали“. Поэзія его носитъ отпечатокъ глубокой печали. Какъ поэтъ—гражданинъ скорбитъ о неправдѣ, тяготится подъ бременемъ зла, негодуетъ противъ общественнаго несовершенства. Мы имѣемъ возможность поближе познакомиться съ молодымъ лирикомъ по двумъ сборникамъ его стихотвореній—„Слезы“ и „Горькія думы“.

Въ одномъ изъ стихотвореній онъ ясно высказываетъ свой взглядъ на поэта и на его назначеніе. Не тотъ поэтъ,—говоритъ онъ,—кто, своимъ жребіемъ довольный, забавляется писаніемъ стиховъ, или кто бессмысленно римуеетъ строки, думая, что поеть подъ звуки божественныхъ струнъ. Поэтъ лишь тотъ, кто, проникнутый святыми чувствами, страдаетъ печалью народа и поеть съ цѣлью облегчить разумнымъ словомъ душу страдальцевъ. Поэтъ пишетъ кровью, и стихъ его, омываемый слезами, оживляетъ его, но не забавляетъ. Онъ искренно вѣритъ въ мечту высокаго призванія, и потому смѣло выступаетъ на борьбу со зломъ, хорошо зная, что неправда, будто „каждый звукъ его рѣчей плодитъ ему враговъ суровыхъ“. „Да и можетъ-ли поэтъ,—говоря словами Шиллера, тѣню обманчивою плѣняться и ложнымъ призракомъ, какъ правдой, наслаждаться? Онъ хочетъ, чтобъ „истина передъ нимъ сіяла, вся обнаженная, безъ дымки покрывала“...

Сознаніе своего одиночества, воспоминаніе о тяжеломъ прошедшемъ, недовольство настоящимъ и преслѣдованіе зла—вотъ главные мотивы его пѣснопѣній. Эти мотивы ясно выражены въ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній—„Слезы“.

Когда борьбой съ житейскими волнами
Я удрученъ и одинокъ стою,
Лишенный силъ, покинутый друзьями,
Для всѣхъ чужой въ родномъ своемъ краю.

* *

Когда тоска мнѣ душу отравляетъ
И гложетъ умъ и сердце рветъ въ груди,
И вѣру въ жизнь душа моя теряетъ
И меркнетъ лучъ надежды впереди,—

* *

Тогда однѣ лишь слезы, въ утѣшенье
Стѣша ко мнѣ, какъ вѣрные друзья,
Смываютъ скорбь, приносятъ облегченье,
Смягчаютъ боль—и плачу, плачу я!..

* *

Ахъ, отчего нельзя мнѣ стать слезою
И широко разлиться по землѣ,

Чтобъ смыть съ нея бушующей волною
Все зло,—весь ядъ въ господствующемъ злѣ?!..

(Перев. *Иванъ-да-Марья*).

Поэтъ въ своемъ лирическомъ экстазѣ желаетъ превратиться въ бурный потокъ слезъ, чтобы, смывъ зло, уничтожить его въ корнѣ и насадить сѣмена добра и правды. Это страстное, неутомимое и энергическое преслѣдованіе зла—вотъ цѣль, достойная поэта и человѣка! „Хочу,—говоритъ онъ въ стихотвореніи „Пять картинъ“,—живымъ глаголомъ увлечь толпу, хочу пронзить стрѣлой грудь врага и освѣтить лампадой мракъ, царящій вокругъ; жажду искорененія зла и грубой силы. Пусть одна правда царитъ и торжествуетъ на землѣ!“... Муза—это муза скорби и печали; хотя она и не обладаетъ ни изяществомъ, ни пластичной красотой, но отличается силой и энергіей. Характерная особенность его музыки—это ея воинственное настроеніе: она жаждетъ борьбы. Сознывая, что преобладаніе зла въ мірѣ велико, поэтъ, не отчаяваясь въ побѣдѣ, смѣло идетъ въ бой съ неправдой и тьмой за истину и свѣтъ.

Однимъ изъ мотивовъ пѣснопѣній Дуту Мегрели является также любовь его къ природѣ. Въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ природа благотворно дѣйствуетъ на поэта, доставляя ему душевное спокойствіе; вотъ почему онъ въ своей поэтической грусти часто обращается къ явленіямъ вѣшней природы, возбуждающимъ въ немъ разнообразныя мысли и ощущенія. Природа съ ея вѣчными красотами привлекаетъ Дуту Мегрели настолько, насколько она соотвѣтствуетъ его внутреннему душевному настроенію. Вотъ, напримеръ, на какія мысли наводитъ поэта „Горный родникъ“ (пер. *Иванъ-да-Марья*).

Журча по глыбамъ горныхъ кручъ,
Бѣжитъ ручей стремниной тѣсной;
Надъ нимъ кружится солнца лучъ,
Въ него глядится сводъ небесный.
Онъ то играетъ, то бурлитъ,
То извивается змѣею,
И скаламъ шепотомъ твердитъ,
Прильнувъ къ нимъ ласковой струею:
Прощайте, милыя! Мой путь
Благословите на прощанье:
Иду я жизнь собой вдохнуть,
Нарушить міра прозябанье.
По волѣ Бога, я землѣ
Несу живительную влагу
И силамъ, дремлющимъ во мглѣ,
Несу желанную отвагу.
Я—не одинъ, не бойтесь; тамъ,

Въ долинахъ ждуть ручьи другіе,
 Соединиться бь только намъ
 И слить стремленія благія!..
 Изъ насъ отдѣльно каждый слабъ,
 Но вмѣстѣ—сила мы большая!
 И насъ осилить не могла бь
 Ни чья вражда иль власть земная...
 Прощайте, милыя! Мой путь
 Благословите на прощанье:
 Иду я жизнь собой вдохнуть,
 Нарушить міра прозябанья!⁴
 И вдаль, не глядя ни на что,
 Ручей отъ скаль стремится милыхъ,
 Играеть, скачетъ,—и ничто
 Остановить его не въ силахъ!

Грустное чувство испытываетъ поэтъ при видѣ сѣраго облачного неба: не то свѣтъ, не мракъ, не то жизнь, не то смерть.

Тучи все небо покрыли,
 Льютъ надъ землею свои слезы;
 Міръ опечаленъ; застыли
 Солнца лишеныя грезы...
 Тягостны сумерки эти:
 Точно весь міръ заколдованъ
 И въ полутьмѣ, въ полусвѣтѣ
 Сномъ летаргическимъ скованъ!
 Пусть бы хоть вѣтеръ промчался,
 Грянулъ бы громъ перекатный,
 Плачь или стонъ бы раздался,
 Хлынулъ бы дождь благодатный;
 Пусть бы, на гибель и горе,
 Землетрясенье случилось,
 Заволновалось бы море,
 Бурей дыша, расходилось;
 Пусть до небесъ непогода
 Волны вздымала бь морскія,—
 Лишь бы очнулась природа!
 Лишь бы прошла летаргія!

Въ основѣ лучшихъ стихотвореній поэта кроется горячая и искренняя любовь къ народу, любовь гражданская. Любовь эта полна той элегической грусти, которая кладетъ на нее особый поэгическій колоритъ. Это чувство и вызываетъ слезы поэта, его скорбь, а подчасъ и желчь. Проникнутый этимъ чувствомъ, поэтъ въ изображеніи житейскихъ явленій

безопасенъ и не боится тѣхъ неприятныхъ ощущеній, какія могутъ быть вызваны созерцаніемъ неподкрашенной дѣйствительности.

Когда, уставъ въ борьбѣ съ жестокою судьбою,
 На прошлое свое бросаю взоръ, скорбя,
 То, обезсиленный безплодною борьбою,
 Какъ будто голоса я слышу близъ себя.
 Одинъ изъ нихъ твердитъ: „Довольно! нѣтъ спасенья,—
 Оружіе сложи и покорись судьбѣ!
 Хоть кровью истекай въ пылу самозабвенья,—
 Ты все жь не побѣдишь въ отчаянной борьбѣ!“
 Другой мнѣ говоритъ: „Разъ высшею душою,
 Среди существъ земныхъ, владѣть человекъ,
 То лучше умереть покончивши съ собою,
 Чѣмъ, покорясь судьбѣ, рабомъ влачить свой вѣкъ!“
 — „Не слушайся ты ихъ!—мнѣ молвить третій голосъ,—
 Живи и вновь борись среди земныхъ скорбей,
 И, не щадя себя ни на единый волосъ,
 Взявъ чашу горькую, до дна ее допей!
 Безсмертенъ будетъ тотъ, кто собственною кровью
 Народу путь его сумѣетъ облегчить,
 Кто слезы осушать пойдетъ ко всѣмъ съ любовью
 И будетъ до конца отечеству служить!
 Такъ поступай и ты: борись же до могилы,—
 И память о тебѣ въ отчизнѣ не умретъ!“.

(Стихотв. „Три голоса“, перев. С. А.).

Дуту Мегрели—поэтъ субъективный, лирикъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Это молодое дарованіе, которому суждено еще развернуться во всей силѣ и красѣ. Нѣкоторые изъ читателей, относясь скептически къ нему, не хотятъ признать его истиннымъ поэтомъ; они считаютъ его риемоплетомъ и новеллистомъ недостаточно объективнымъ.

Дѣйствительно, въ повѣстяхъ не хватаетъ у него художественности и законченности. Какъ реалистъ, онъ беретъ житейскія явленія, но не поднимается выше ихъ фотографированія. Такова его повѣсть „Тасо“ (1894 г.). Героиня, 16-лѣтняя гимназистка, полюбила 14-лѣтняго мальчика Нико. Они оба молоды, красивы, честны. Онъ ее спасъ отъ простуды, предоставивъ свой зонтикъ во время ливня, а самъ схватилъ горячку и умеръ. Тасо не перенесла горя и опасно заболѣла. Богатые ея родители отвезли ее въ деревню, гдѣ она поправилась, расцвѣла и привлекла массу жениховъ. Она всѣмъ отказываетъ, желая оставаться вѣрною навѣки Нико. Но одинъ претендентъ на ея руку, Коста, прибѣгъ къ содѣйствію сыновей своей няни, похитилъ ее и увезъ въ горы. Тасо примирилась съ своей участью и обвинчалась. Эта героиня повѣсти очерчена смутно. Неясно, почему она нарушила свой „обѣтъ“, какую борьбу при этомъ она

переживала,—не выражена въ ея лицѣ потребность нашего времени, пробужденіе новыхъ интересовъ.

Дуту Мегрели написалъ поэму „Разсвѣтъ“ (Квали, 1893, 1894 г.), рядъ изящныхъ стихотвореній: „Раскаяніе“, „Развѣтъ“, „Моя любовь“, „Причитываніе“, „Весна“, „Игнатію Ниношвили“ (по поводу его смерти), „Поэту“ и др. Въ *Квали* помѣстилъ повѣсть *Страшная буря*, составляющую продолженіе повѣсти *Первыя волны*, „Веселый завтракъ“ (разсказъ въ Дзеджили), написалъ ком. *Жизнь и смерть* (см. *Квали*, 1897 г. № 7). Переводилъ изъ Надсона, Лермонтова („Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю“) др. Отдѣльно изданы сборники его разсказовъ (Кут., 1892) и стихотвореній 1883—1895 г. (Кутаисъ 1897 г.).

Р е а л и с т ы .

Меланія.

Авторъ произведеній, подписанныхъ псевдонимомъ Меланія, принадлежитъ къ числу реалистовъ, талантливыхъ бытописателей. Извѣстность онъ приобрѣлъ повѣстью „Бнело“. На большую ея популярность указываетъ и тотъ фактъ, что, печатаясь въ видѣ отдѣльныхъ фельетоновъ въ газетѣ „Иверія“ въ 1888 году, „Бнело“ уже удостоилась отдѣльнаго изданія черезъ два съ небольшимъ года.

Отличительное свойство этой повѣсти г. Меланіи, говорить г. Маишвили—это, полное почти отсутствіе сюжета, мало того: полное отсутствіе даже какой-либо опредѣленной общественной идеи. Авторъ, повидимому, вовсе не задавался цѣлью обобщить какое-либо общественное явленіе или прослѣдить практическое проявленіе какихъ-либо идей и принциповъ, живущихъ въ современномъ ему обществѣ. Онъ не имѣлъ также въ виду нарисовать передъ читателемъ различные характеры, анализировать душу своихъ героевъ и путемъ такого психологическаго изслѣдованія дать картину умственнаго и нравственнаго состоянія родного ему общества. Задача его гораздо уже, сфера его наблюденія ограниченнѣе: онъ желаетъ дать лишь точный снимокъ, вѣрную копію безхитростной, повседневной жизни грузинской деревни.

Правда, крестьянская реформа произвела коренной переломъ въ жизни деревни. Она не только разрушила унаслѣдованные устои дореформенной жизни, но и создала совершенно новый строй экономическихъ и общественныхъ отношеній. Рядомъ съ несомнѣннымъ ростомъ общаго экономическаго благосостоянія крестьянъ и даже выдѣленіемъ изъ крестьянской среды особаго слоя, сумѣвшаго накопить въ своихъ рукахъ значительныя денежные средства и представляющаго собою нѣчто, похожее на средній классъ, мы замѣчаемъ постепенное, хотя и безостановочное, паденіе экономическаго значенія дворянства, бывшаго помѣщичьяго сословія.

Когда старое дореформенное хозяйство изъ натурального превратилось въ денежное, когда крѣпостной трудъ долженъ былъ замѣниться

трудомъ вольнонаемнымъ, когда, въ связи съ этимъ все сдѣлалось покупнымъ и продажнымъ,—то въ средѣ бывшаго помѣщичьяго сословія явилась такая сильная нужда въ деньгахъ, которая могла быть удовлетворена либо займами, либо продажей земель. На выручку явились дворянскіе земельные банки, которые такимъ образомъ были прямымъ отвѣтомъ на существовавшій запросъ. Извѣстная часть дворянства оказывается не въ силахъ сводить концы съ концами и вынуждена прибѣгать къ продажѣ унаслѣдованныхъ земель. Земля, обремененная долгами, ушедшими не на ея улучшеніе, и обрабатываемая на старыхъ основаніяхъ, не въ состояніи, конечно, и уплачивать проценты по долгамъ, и кормить своего владѣльца. Тѣмъ болѣе, что потребности этого послѣдняго расширились далеко не въ соответствіи съ возвышеніемъ доходности его земель. Притомъ дворянство благодаря слабому развитію въ его средѣ общаго и спеціальнаго образованія, лишено въ большинствѣ случаевъ возможности путемъ службы и профессиональныхъ занятій пополнять дефициты своего хозяйства, отсюда та печальная картина, которую въ настоящее время оно представляетъ. Зрѣлище, представляемое этою глухою, съ виду незамѣтною, но ни на минуту не прекращающею борьбою двухъ экономическихъ силъ, соотношеніе которыхъ до освобожденія крестьянъ было диаметрально противоположно въ сравненіи съ настоящимъ временемъ, является самою характерною и любопытною стороною современной деревни.

Не вездѣ, конечно, этотъ ростъ новаго фактора, эти общественныя перестановки, выражаются съ одинаковою выпуклостью и ясностью. Есть мѣстности бойкія, находящіяся въ благоприятныхъ условіяхъ въ торгово-промышленномъ отношеніи, и есть мѣстности глухія, расположенныя вдали отъ центровъ и движенія времени. Указываемый процессъ разрушенія стараго и нарожденія новаго класса быстрѣе и явственнѣе совершается въ мѣстностяхъ перваго рода и едва намѣчается въ мѣстностяхъ втораго рода. Но это обстоятельство отнюдь не можетъ служить отрицаніемъ всеобщности и живучести наблюдаемыхъ явленій.

Художникъ, желающій нарисовать картину современной деревни, желающій, уловить новыя теченія, отличающія изображаемую имъ деревенскую жизнь, не станеть, конечно, предметомъ своихъ наблюденій избирать одну какую-либо опредѣленную мѣстность, и притомъ мало характерную въ этомъ отношеніи. Онъ обязанъ наблюдать интересующія его явленія вездѣ, гдѣ только возможно, и, собирая матеріалъ по частямъ, долженъ постараться, путемъ присущей ему творческой силы, соединить разрозненные куски въ цѣльную картину жизни.

Что касается г. Меланіи, то онъ безспорно скорѣе фотографъ, чѣмъ художникъ, проявившій творческія дарованія. Правда, фотографировать онъ превосходно, обнаруживая въ этомъ отношеніи необыкновенную наблюдательность и способность точно и живо передать наблюдаемыя явленія; къ сожалѣнію, однако, кругъ его наблюденій чрезвычайно узокъ и ограниченъ. Читая его повѣсть, все время представляется,

что изображены въ повѣсти лица—хорошіе знакомые автора, что описываемыя сцены и событія въ дѣйствительности имѣли мѣсто въ жизни и именно въ той мѣстности, гдѣ имѣетъ мѣсто пребываніе самъ авторъ. Отдѣльныя главы повѣсти не имѣютъ между собою никакой почти связи, могутъ читаться совершенно независимо другъ отъ друга. Въ повѣсти выведены дѣйствующія лица, которыя не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ главному содержанію повѣсти, будучи пристегнуты къ ней совершенно механически, искусственно. Сами по себѣ, безъ отношенія къ сюжету повѣсти, эти дѣйствующія лица нарисованы такъ живо, съ такою несравненною тщательностью и вѣрностью оригиналамъ, что при знакомствѣ съ ними получается настоящее художественное наслажденіе. Таковы, напр., члены мѣстнаго церковнаго причта, такова и шемандуха, полупомѣщенная старуха. Не было, никакой надобности въ той излишней подробности, съ какою авторъ описываетъ способъ леченія оспы въ деревнѣ, гдѣ больного стараются развлекать пѣснями, плясомъ и всевозможными болѣе или менѣе занимательными разсказами. Не было надобности, въ излишнемъ и даже утомительномъ описаніи того, какъ у одной дѣвочки молодыя дѣвушки и женщины обучаются грамотѣ и рукодѣлію; точно также, какъ совсѣмъ не идетъ къ дѣлу подробная характеристика этой самой дѣвочки и ея благовѣрнаго супруга. Была-бы, быть можетъ, излишня сцена на мельницѣ (по крайней мѣрѣ, она ничѣмъ не связана съ повѣстью), гдѣ крестьяне ведутъ разговоръ о разныхъ малопонятныхъ имъ предметахъ, въ родѣ телеграфа, причинахъ появленія дождя, о сравнительной силѣ разныхъ государей; но сцена эта написана съ такимъ талантомъ, производитъ такое пріятное, чарующее впечатлѣніе, что читатель вполне мирится съ его неумѣстностью.

Содержаніе „Бнело“ весьма несложно. Молодой крестьянинъ Илья Окруашивили, оставшійся сиротой послѣ смерти отца и, подѣ благотворнымъ влияніемъ матери, превратившійся въ одного изъ лучшихъ работниковъ во всей деревнѣ, женится на красивой и симпатичной крестьянской дѣвушкѣ изъ сосѣдняго села. Мѣстный сельскій старшина, вкушѣ съ своимъ закадычнымъ другомъ, промотавшимся княземъ Шахро, до того плѣнены красотой молодой крестьянки, что всѣми способами добиваются ея вниманія. Не достигнувъ, однако, своей цѣли, они рѣшаются въ той или иной формѣ устранить главное препятствіе—мужа, котораго подѣ какимъ-то неблаговиднымъ предлогомъ имъ и удается, въ концѣ-концовъ, упрятать въ тюрьму. Старуха-мать не въ силахъ пережить несчастье, постигшее сына, вскорѣ послѣ этого умираетъ, и молодая жена Ильи остается, такимъ образомъ, одна во всемъ домѣ. Пользуясь одиночествомъ и беззащитностью несчастной женщины, князю Шахро удается силою ворваться въ ея домъ и исполнить свои гнусныя желанія, проложивъ дорогу и своему другу-старшинѣ.

Между тѣмъ, по окончаніи срока наказанія, молодой мужъ возвращается домой. Но это уже не то простодушное и чистое сердцемъ дитя

природы, какимъ онъ выросъ подѣ воздѣйствіемъ земли и простыхъ, безхитростныхъ отношеній деревни, а человѣкъ, познавшій, подѣ влияніемъ тюрьмы и тюремныхъ товарищей, зло во всѣхъ его безобразныхъ проявленіяхъ. Вчерашній пахарь превращается въ ловкаго и безстрашнаго конокрада и мошенника. Первымъ дѣломъ онъ прогоняетъ отъ себя жену и ранитъ старшину, котораго застаетъ у своей жены, а затѣмъ принимается за обычные воровскіе подвиги, за которые, въ концѣ концовъ, по приговору сельскаго схода, выселяется изъ общества.

Такое несложное содержаніе повѣсти не лишено извѣстной поучительности. Авторъ боится сильныхъ эффектовъ, достигаемыхъ, обыкновенно, съ одной стороны, искуснымъ расположеніемъ обстоятельствъ описываемыхъ событій, а съ другой—психологическимъ освѣщеніемъ происходящихъ дѣйствій; въ то же время онъ избѣгаетъ новыхъ теченій, замѣчаемыхъ въ деревнѣ, какъ видно изъ блѣдной характеристики довольно типичнаго князя Шахро и мелкаго деревенскаго торговца, превращающагося на глазахъ читателя въ обыкновеннаго деревенскаго кулака, пресловутаго „буржуа“. Фигура этого послѣдняго вышла у него настолько туманна, дѣйствія его настолько мало понятны, что самое присутствіе его въ повѣсти становится почти неумѣстнымъ. Между тѣмъ, обратилъ авторъ побольше вниманія на роль этого новаго господина деревни, откажись онъ отъ рабски-фотографическаго списыванія портретовъ, деревенскій кулакъ производилъ-бы живое впечатлѣніе и объяснилъ бы собой многое въ деревенской жизни, теперь же онъ лишь вставное, мертвое лицо, своимъ присутствіемъ только мѣшающее плавности разсказа.

На протяженіи всей повѣсти Меланія ни разу не рѣшается заглянуть въ душу своихъ героевъ. Происходитъ это, однако, едва-ли отъ недостаточнаго отчетливаго пониманія душевныхъ движеній своихъ героевъ или отъ неумѣнія художественнаго ихъ воспроизведенія. У автора есть прекрасныя, чисто художественныя страницы, посвященныя описанію тѣхъ душевныхъ терзаній, какія испытываетъ разбойникъ „Бнело“. Въ простыхъ, но трогающихъ за душу, словахъ авторъ заставляетъ этого невольнаго разбойника вспоминать прежнюю свою мирную жизнь со всѣми привычными ея прелестями, тихими радостями и незатѣйливыми надеждами. *Бнело*, сравнивая свое свѣтлое прошлое съ настоящимъ его существованіемъ, полнымъ вѣчной тревоги, вѣчныхъ скитаній, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ опредѣленныхъ занятій, невольно предается самымъ мрачнымъ и мучительнымъ думамъ. Онъ знаетъ, что съ пути, на который его толкнула злая судьба, нѣтъ для него возврата, что онъ уже не можетъ снова превратиться въ того хорошаго работника и образцоваго хозяина, какимъ онъ слылъ прежде, и слезы невольно катятся по его щекамъ... Сцена эта происходитъ какъ разъ передъ приготовленіемъ къ новому дерзкому нападенію на скотъ сосѣднихъ жителей... Чтобы заставить отпѣтаго, въ конецъ уже развратившагося, разбойника предаться покаяннымъ думамъ, въ особенности въ такой мало, повиди-

тому, подходящей обстановкѣ и не впасть при этомъ въ слащавость, въ обычную сентиментальность—для этого безспорно надо имѣть не только сильно развитое чувство художественной мѣры, но и несомнѣнные проблески дарованія. И дѣйствительно, авторъ и здѣсь остался чистокровнымъ реалистомъ, но г. Меланія не только реалистъ, но и фотографъ. Реализмъ ничуть не исключаетъ ни общественной идеи, ни художественной „выдумки“. Произведеніе должно быть жизненно, соответствовать условіямъ мѣста и времени, а не фотографически списано съ натуры.

Въ разсказѣ „Четки“ онъ касается новыхъ вѣяній среди грузинскихъ землевладѣльцевъ и безжалостно обнажаетъ ихъ слабыя стороны. Герой кн. Асланъ задался цѣлью отступить отъ прагматическихъ завѣтовъ и серьезно заняться улучшеніемъ своего хозяйства. Но онъ терпитъ полное пораженіе. По натурѣ своей онъ нерасчетливъ, увлекается пирами подъ величественнымъ дубомъ „Махарэ“ (что значитъ *обрадуи*), живетъ фантазіями и вся его затѣя кончается закладами имѣній или продажей въ стороннія руки. Не смотря на свои попытки стать въ уровень съ вѣкомъ и ввести въ хозяйства новшества, герой глубоко суевѣренъ: онъ вѣритъ въ свою звѣзду—четки, съ которыми связываетъ свое счастье. Пропадаютъ четки и вмѣстѣ съ ними разбивается его счастье.

Разсказъ „Ладико“ посвященъ изображенію грузинскаго князя-кутилѣ. Учился Ладико очень лѣниво и былъ исключенъ изъ третьяго класса гимназіи. Мечты родителей, что сынъ будетъ носить эполеты и уподобится дѣду, прославленному стратегу, разлетѣлись въ прахъ. Ладико еще на школьной скамьѣ увлекся танцами и радостями жизни. Мать его Бабале удовлетворяла всѣ прихоти сына, а избалованный мальчикъ, оказавшись раньше времени въ водоворотѣ жизни, сталъ привыкать къ кутежамъ и безобразіямъ, сопровождающимъ шумныя пирушки. Онъ усовершенствовался въ этомъ „искусствѣ“ подъ руководствомъ слуги и чрезъ два года, по исключеніи изъ гимназіи, доказалъ, свою „способность“ вступить въ кружокъ кутилъ: онъ безъ передышки выпилъ рогъ вина и ранилъ кинжаломъ неугомоннаго Никю. Съ того времени онъ сталъ главаремъ золотой молодежи, ему во всемъ покорной и подражающей. При ея помощи онъ задумалъ похитить дочь богатаго Асатура, чтобы воспользоваться ея приданымъ на попойки; но по дорогѣ къ этой цѣли онъ смертельно ранилъ крестьянина, который имѣлъ дерзость сказать князю, чтобы онъ своего коня нѣсколько въ сторону отвелъ. Ладико былъ привлеченъ къ отвѣтственности и сосланъ въ Сибирь¹⁾.

Въ произведеніи „Навордоба“ авторъ проводитъ тенденціозную мысль: отецъ армянинъ завѣщаетъ предъ смертью сыну всячески обкрадывать грузинъ. Жаль, что Меланія давно уже замолкъ и въ литературѣ пересталъ принимать участіе.

¹⁾ О Меланіи (повѣсти его Бнело) см. „Квали“ статью *г. Хомелли (1894 №№ 11—15) и г. Маіашвили въ „Новомъ Обзорѣн“.

В. Барновъ.

В. Барновъ какъ беллетристъ извѣстенъ читателямъ давно, но его повѣсти „Свимопъ“ и „Нуто“ (Квали 1895—1896 гг.) мало привлекли вниманіе общества. Въ 1902 г. появилась его новелла „Жадно написась“—повѣсть на общественную тему, заинтересовавшая критику.

Дочь крестьянина, стройная Бабуца, любить друга дѣтскихъ игръ Ило, но безъ надежды на взаимность, въ виду разности ихъ социальнаго положенія. Ило вскорѣ поѣдетъ въ Россію доканчивать свое образованіе и хотя онъ клянется, что не забудетъ ея, но она увѣрена, что любовь его къ ней братская, а не та страстная, которая ею овладѣла. Авторъ занятъ анализомъ глубокой скорби Бабуцы и безъ вниманія оставилъ Ило, не сообщивъ даже свѣдѣнія объ его сословномъ происхожденіи и тѣхъ классовыхъ предразсудкахъ, которые могли бы воспрепятствовать вступить ему въ бракъ съ крестьянкою. Замѣтивъ увиданіе Бабуцы, родители своеобразно объяснили ея тоску настроеніемъ предъ наступившимъ моментомъ выдачи ея замужъ. Бабуца затаила свою тайну и вышла за крестьянина, котораго возненавидѣла, какъ виновника своей неосуществившейся мечты. За семейнымъ раздоромъ послѣдовала попытка мужа проучить жену, а послѣдняя въ отмщеніе за оскорбленіе, и за разрушеніе лѣтѣмыхъ грезъ спящему супругу перерѣзала горло и съ жадностью припала испить его кровь, словно воды горнаго ручья въ жаркій день. Преступное убійство ничего неподозрѣвашаго мужа недостаточно мотивировано; авторъ поверхностно раскрылъ поставленный вопросъ о брачныхъ узакъ между классами, раздѣленными сословною гордостью и традиционными воззрѣніями.

Въ другой повѣсти „Привидѣлось“, по сюжету совпадающей съ повѣстью Ек. Габашивили „У Луарсаба нашелся патронъ“ (Моамбэ 1901) г., Барновъ сдѣлалъ опытъ, очень рѣдкій въ грузинской литературѣ, посвятившей лучшія беллетристическія произведенія изображенію народнаго быта. Опытъ направленъ къ воспроизведенію типа интеллигентнаго человѣка въ сферѣ общественной жизни,—благороднаго мечтателя, безъ всякой инициативы, постепенно погружающагося въ омутъ наслажденій. Герой повѣсти Юсифъ Сандомидзе съ дѣтства мечталъ о своей „апостольской роли среди обездоленныхъ соотечественниковъ“. Въ университетѣ голова его была переполнена надеждами на широкую дѣятельность. Но вскорѣ на родинѣ убѣдился, что—онъ не подготовленъ для жизни, устроенной не такъ, какъ онъ ее знаетъ „изъ оконъ учебнаго заведенія“. Вначалѣ онъ фантазеръ, а не дѣлецъ; онъ учительствовалъ, но гнилая атмосфера отравила его думы; товарищи его постыдно мечтали только о матеріальномъ своемъ благосостояніи, наслажденіяхъ и почестяхъ. Эти карьеристы и эпикурейцы, конечно, не сблизались съ немногими „изолированными и выброшенными за бортъ“, къ

¹⁾ Критическія статьи объ немъ К. Абашидзе и Занги въ „Цноб. Пурцела“ за 1902—1903 г.

числу которых принадлежал и Сандомидзе. Ему предстояло испытать лишь одну неудачу. Собираясь он устных произведений народа, но воздерживался их печатать, на службу не сошелся с товарищами, личная жизнь сложилась также к его огорчению: возлюбленная его скончалась, прежде чем он решился ей признаться; опасаясь, что семейная жизнь ограничит его общественную деятельность, однако женился на вступившей в брак, Оекль (когда сядина стала у него пробиваться), которая при первом удобном случае изменила ему и бросила. Он стал пить и жизнь его пошла стремительно по наклонной плоскости. Таков этот тип интеллигентного неудачника, обрисовка которого сделана несколько поспешно, да и психологический анализ не отличается достаточной глубиной.

Сила наблюдательности и знакомство с жизнью дали ему богатый запас сведений из жизни грузинского народа, которая он использовал в небольших рассказах. „Ненасытный“—герой его рассказа под тем же названием—представляет тип князя—бразника, проживающего свое большое состояние. Только учительница Какато, поставившая целью жизни выйти замуж за богатого человека, долго не поддается его чарам. Князь Арчил, увлеченный ею, согласен даже жениться на ней,—они сближаются, она уже занялась устройством обстановки для будущей совместной жизни. И в тот момент, когда она, стоя на стуле, поправляла гардины, он в пылу страсти схватил за ноги, стал целовать и, не встречая с ее стороны сопротивления, насытил свой инстинкт. По достижении цели, сластолюбивый князь ее бросает и вновь продолжает вести разгульный образ жизни.

В. Барновъ известен и как детский писатель (рассказ „Сапожник“ и др.), но он силен в жанровых картинах. Незатейливо, с богатым этнографическим аксессуаром он рисует бытовые сцены из крестьянской среды, бережно хранящей старинные нравы и обычаи. Таков рассказ „Онисимъ“; здесь перед нами проходит в живом и пластическом описании народный праздник с его пением, танцами и борьбой. Рассказ этот в переводе напечатан был в *Кавказе*.

Иа Екаладзе (Цинцадзе).

Он выступил на литературное поприще под псевдонимом *Томаант Коба*, замаскированным впоследствии другим *Иа Екаладзе*. К тому времени грузинские демократы успели приобрести весь в обществе и увлекли за собою беллетристов. Но Екаладзе не стал проповедником марксизма в новеллах и очерках. Он примкнул к писателям, поставившим себе задачей анализ души человека в его борьбе с житейскими невзгодами. Первый его лебуть-эскиз *Илко Беденадзе* появился в газ. „Иверия“ (1892 г.). С того времени он принимал деятельное участие в грузинской прессе и особенно близко стоял к преобразованной *Иверии*, когда редактором ее был приглашен Ф. Гоги-

чайшвили. В 1904 г. вышел первый сборник ¹⁾ его произведений. В небольшом к ним предисловии намечены в общих чертах характер творчества юного беллетриста. „Он интересуется современным несовершенством и насилием, его симпатии и любовь на стороне тех, кто борется против несправедливости. Герой его Беденадзе спрашивает себя: „когда же будет конец житейской неправды, когда же все будут сыты и довольны судьбой?!“ Этот вопрос повторяют все его герои. В жизни автор видит с одной стороны гонимых, голодных, честных, с другой—гонителей, сытых, лукавых. Природа сама служит выразительницей этого контраста людских отношений. В свирьли ницего ему слышится вопль обездоленного собрата: „люди же вы, дайте хлеба, умираю от голоду“. Вырываясь из общества, он обращается к морю, горам, тьсу с жалобным воззванием: „что такое человек, если постоянно он будет раб, раб лукавый, трусливый и лживый, раб знатных, раб золота, раб страстей!“ Его стремления весьма ярко выразились в стихах *На берегу моря*, полных страстного желания найти, подобно Самуилу, героя, избавителя народа от страданий,—который, сразив негодного Голиаа, вдохновенно поведет вперед пробудившийся народ. Эта характеристическая черта творчества г. Екаладзе сделала его любимым писателем трудящегося класса“.

Эти слова предисловия совершенно правильно резюмируют идейную сторону десятилетней литературной деятельности Иа Екаладзе. В критических статьях, посвященных разбору его сборника, было высказано два противоположных мнения: одно, резкое и недостаточно обоснованное принадлежит г. Загги, литературному обозревателю *Цнобись-Шурцели* (№№ 2564 и 2589), другое г. Ситквѣ и С. Кваріани. Статья последнего (*Иверия* 1904 г. № 245 и сл.) вызвана была отрицательным отношением г. Загги к литературному таланту Иа Екаладзе. Суровый критик объявил сборник г. Екаладзе скучной книгой, без фабулы и сюжета в авторе он не признал творческой фантазии, знания человеческой души и течения жизни, при томъ многословие и фразеология часто прикрывают скудость внутреннего содержания его произведений. Решительным противником такого „пристрастного“ отзыва явился Св. Кваріани. Он посвятил анализу сочинений Иа Екаладзе несколько фельетонов и выяснил истинное его значение. Заслуга молодого беллетриста заключается в том, что он впервые обрисовал тип грузинского интеллигентного пролетария и образованного бродяги, ставшего лишним на жизненном пиру только потому, что не успел записаться дипломом. Его герои—образы самого автора, семинариста, недокончившего курса и энергичным трудом пополнившего пробелы своего образования. Подобно главным персонажам своих произведений (Гено, Илко, Зурай, Тимогѣ), автор много испытал в борьбе в школах за существование, в принятии службы. Не примирившись с школьной рутинной и

¹⁾ В сборник не вошел его рассказ *Иордан* (*Иверия* за 1902 г.) „Исповедь Шахро“ (*Кавказ*, 1902), „Свящ. Федоръ“, „Что смѣешься“ и несколько др. произведений.

съ деспотизмомъ начальства, герои его покидаютъ учебное заведеніе, расстаются съ служебной карьерой и съ огромнымъ запасомъ нравственной устойчивости и съ непреклоннымъ желаніемъ бороться со зломъ во имя блага народа вступаютъ въ жизненный водоворотъ. Если оставить въ сторонѣ нѣсколько эскизовъ подражательнаго характера (*Сонъ крестьянина, Въ Пастальную ночь, Письма* и др.), то его стихотворенія въ прозѣ (*Небу, О, гора высокая, Въ лѣсу, На берегу моря, Фантазія*) и повѣсти изъ жизни интеллигенціи должны быть признаны приобрѣтеніемъ въ грузинской литературѣ и по новизнѣ затронутыхъ темъ, и по вѣднѣйшей стилистической обработкѣ. Авторъ и въ первой группѣ занять анализомъ думъ и чувствъ одинокаго человѣка, обятаго желаніемъ сокрушить общественное зло.

Но еще болѣе замѣчательны его повѣсти *Илико Беденадзе, Неугомонный, Въ лунную ночь, Тео*. Герой первой повѣсти Илико Беденадзе, сынъ сельскаго священника, не ужившись съ гнетущимъ строемъ Тифлисской духовной семинаріи, былъ уволенъ изъ послѣдняго класса.

Авторъ его надѣлилъ высокими благородными стремленіями. Но условія жизни нисколько не содѣйствуютъ ихъ проявленію. Выросъ онъ сиротой въ бѣдности, ни откуда ласковаго слова и привѣта не слыхалъ. Провелъ онъ школьные годы у деспотической домохозяйки, гонявшей его за водой и не дававшей ему минуты покоя своими укорами. Онъ еще больше терпѣлъ отъ бездарнаго и необразованнаго учителя съ „свирѣпымъ лицомъ“. Ему оставалось бѣжать изъ школы, но быть пойманъ и жестоко наказанъ. Эти обстоятельства заставили его рано задуматься надъ житейской неправдой и чрезъ призму своихъ страданій онъ сталъ понимать страданія окружающихъ. Горькія думы скоро его состарили, но энергія бороться противъ произвола и насилія въ немъ не ослабѣли. Наканунѣ осуществленія своихъ грезъ онъ былъ „исключенъ изъ семинаріи“.

Безъ аттестата, безъ служебныхъ занятій, погруженный лишь въ чтеніе книгъ, Илико Беденадзе прослылъ въ устахъ народа сумасшедшимъ. Онъ поселился въ Тифлисъ и жилъ грошевыми уроками. Въ безысходной тоскѣ онъ ищетъ утѣшенія въ прогулкѣ на Св. гору (Мтацманда), и видъ съ одной стороны веселыхъ парочекъ, а съ другой долетающіе звуки свирѣли нищаго, которая какъ будто проситъ накормить играющаго на ней, наводитъ героя повѣсти на мысль, что и онъ такой же безпомощный и покинутый всѣми, какъ и тѣ нищія. „А такихъ бѣдняковъ $\frac{3}{4}$ всего человѣчества“. Одинъ исходъ для борьбы за улучшеніе быта—это соединеніе всѣхъ нуждающихся. Эта идея, возникшая въ его головѣ, еще не залегла въ его сердцѣ, скользитъ по поверхности мышленія. Повѣсть *Неугомонный* составляетъ продолженіе вышеназваннаго разсказа. Она представляетъ письмо къ другу, письмо искреннее, правдивое. Главное лицо ея, Тимотѣ тотъ же Илико Беденадзе, но уже зрѣлый и истерзаный жизнью. Покинувъ службу изъ-за разногласія съ начальствомъ, онъ поселился въ деревнѣ у вдовы-матери, мечтавшей видѣть сына богатымъ и сановнымъ. Бѣдная женщина,

въ поискахъ за пропитаніемъ, побуждаетъ его принять мѣсто писаря у богатаго книжескаго моурава (управляющаго), но и здѣсь недолго онъ остается и вновь водворяется у себя въ деревнѣ, чтобы слышать новые упреки матери и молчаливо горѣть отъ пожирающаго внутренняго огня. Авторъ оставляетъ въ тѣни дальнѣйшую судьбу его и не завершаетъ обрисовки своего героя. У Тимотѣ, какъ и у Зура, есть возлюбленная—Мано, съ которой онъ бесѣдуетъ на высокопарныя темы, высказываетъ мнѣніе, что для поднятія народнаго благосостоянія, необходимо устранить всѣ условія, задерживающія его. Вся практическая его борьба за правду ограничивается заступничествомъ за служанку, на честь которой покушался студентъ, сынъ моурава, у котораго въ качествѣ писца прожилъ онъ нѣсколько недѣль.

Въ такомъ же безвыходномъ положеніи предъ семейными обязанностями находится Гено, герой повѣсти *Конечно!* Тимотѣ бьется о препятствія, чтобы пропитать бѣдную мать. Гено, обремененный семьею, тщетно ищетъ безъ протекціи, безъ аттестата, приложения своихъ силъ, чтобы накормить проголодавшихся дѣтей. Свободной вакансіи для такихъ лицъ у начальства нѣтъ, скорѣе его поддержитъ въ критическую минуту сосѣдній пекаръ и лавочникъ нѣсколькими фунтами хлѣба и пачкой папирозъ. Гено уже не обманываетъ себя донкихотовскими планами состязанія со зломъ, и въ этомъ его преимущество предъ другими героями Екаладзе. А пристроившійся на скудное жалованье юноша (въ разсказѣ *Лунная ночь*) проводить за сухими отчетами всѣ внѣслужебные часы безъ свободнаго часа на отдыхъ. Онъ клялся при поступленіи на службу начальству, что онъ будетъ покорно, прилежно и безпрекословно исполнять всѣ порученія. Цѣной физическихъ мукъ, униженія и нравственнаго страданія покупается имъ кусокъ хлѣба.

Въ повѣсти *Тео* выведенъ герой, представляющій дальнѣйшій фазисъ въ развитіи интеллигентныхъ пролетаріевъ. Зура, человѣкъ съ высокими стремленіями, долженъ биться изъ-за пропитанія. Бѣдный Зура любитъ богатую Тео,—мать послѣдней противъ ихъ брака. Тео готова вмѣстѣ съ возлюбленнымъ пойти на борьбу съ общественнымъ зломъ. Они говорятъ „патетическимъ и героическимъ языкомъ“, хотя въ жизни еще ничего не успѣли сдѣлать. Пока онъ жаждетъ внести свѣтъ въ деревенскую жизнь, читаетъ крестьянамъ книжки, бесѣдуетъ съ ними, навлекаетъ этимъ на себя подозрѣніе сельской администраціи и священника, который видитъ въ немъ своего опаснаго преемника. Его Тео проникнута тѣмъ же идеаломъ служенія народу. Мать ея не долго сопротивляется ихъ брачнымъ узамъ,—она уже сосватана и громкой фразой обѣщаютъ другъ другу такими сдѣлать счастливыми и другихъ какъ они. Тео получаетъ право открыть сельскую школу и энергично берется за просвѣтительное дѣло. Зура же попадаетъ въ одиночное заключеніе. Когда онъ былъ выпущенъ на свободу, то силы его уже оказались надорваны,—недугъ разрушаетъ его организмъ, а онъ жаждетъ жизни, дѣятельности, добра. Такимъ образомъ всѣ его герои—жертвы бѣдности, незакончен-

ной образованности и окружающих условий среды, придающей цѣну лишь дипломированнымъ молодымъ людямъ. Они больше говорятъ, чѣмъ дѣлаютъ, прекрасные мечтатели, но плохіе практики. Въ особенности пуста „интеллигенція“ и склонность ея къ словеснымъ изліяніямъ осмѣяны авторомъ въ эскизѣ „На собраніи“, (по устройству читальни и театра), гдѣ проявляется отвлеченное умствование грузинской молодежи (женской и мужской), воодушевленной женскимъ вопросомъ и благороднымъ антагонизмомъ ко всему, что задерживаетъ общественное развитіе, но на дѣлѣ кавалеры озабочены личнымъ честолюбіемъ паразитъ противника или желаніемъ обратить вниманіе присутствующихъ дамъ радикализмомъ своихъ идей, а дамы преисполнены негодованія изъ-за исключительнаго вниманія, которымъ окружаютъ ораторы нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одни пришли на собраніе для развлечения, другіе серьезнымъ тономъ обсуждавшіе вопросъ по возвращеніи домой отъ всей души хохотали надъ темами бесѣды. Въ этюдѣ „Горько, горько!“ обрисованъ типъ—эгонста, помышляющаго о своемъ благѣ. Его герой съ семинарскимъ образованіемъ Ваню Чопурашвили, пробившійся на дорогу изъ бѣдной семьи; ставъ извѣстнымъ, онъ проникся полнымъ пренебреженіемъ къ грузинскому театру и литературѣ. Чуждаясь всѣхъ общественныхъ дѣлъ, онъ оправдываетъ себя тѣмъ, что „служитъ наукѣ“. Къ позорному столбу авторъ и пригвоздилъ учителя Андрея Авкіашвили (въ повѣсти того же названія) за его рабское подчиненіе и угожденіе начальнику, чловѣку ограниченнаго ума и большого самомнѣнія. Въ семьѣ Авкіашвили является деспотомъ, а въ обществѣ либераломъ, жену онъ билъ, а публично проносилъ рѣчи о женскомъ равноправіи. Неприглядная картина интеллигенціи рисуется авторомъ въ I томѣ. Несостоятельность ея имѣетъ то оправданіе, что корни ея заложены въ уродливомъ складѣ общественной жизни. Она продуктъ эпохи и историческихъ обстоятельствъ. Авторъ рѣдко отклоняется отъ излюбленной темы изображенія образованнаго круга и иногда обращается къ сценамъ изъ жизни простаго народа (*Сонъ крестьянина*), или же пользуется сюжетами священнаго писанія (*Миръ ти*, изъ легендарныхъ сказаній о Пилатѣ и его женѣ по поводу преданія смерти Спасителя). Не лишень юмора пасхальный его эскизъ *Семья Сино*. Богатый языкъ и обиліе тавтологическихъ фразъ часто прикрываетъ скудный сюжетъ. Типическое и яркое изображеніе дѣйствительности замѣняется блѣдными эскизами исключительныхъ явленій. Отсутствие психологическихъ мотивовъ въ неожиданной смѣнѣ настроенія нарушаетъ требованія художественной полноты и единства. Манерный пафосъ прикрываетъ глубину анализа. Въ небольшомъ этюдѣ „Исповѣдь Шалвы“ остается невыясненнымъ, въ виду какихъ обстоятельствъ герой, когда-то порывающійся съ неба звѣзды хватать, превращается въ такое ничтожество, что другъ его Сидоръ Бегурадзе гнушается возобновить съ нимъ знакомство. Іа Екаладзе, подобно неизвѣстному намъ автору разсказа „Свѣтлячекъ“, всю вину сваливаетъ, очевидно, на общество, которое губитъ личность, нивелируетъ ея индивидуальныя особенности.

Ө. Хуснивадзе принадлежитъ къ числу молодыхъ беллетристовъ. Онъ родился 10 января 1860 года въ деревнѣ Квалити (Шоропанскаго уѣзда Кутанскаго губ.). Выучившись дома читать по-грузински, 12 лѣтъ онъ поступилъ въ Кутанское духовное училище, гдѣ обучился подъ руководствомъ извѣстнаго педагога Калацдарашвили, автора учебника по русскому языку, и Дим. Джапашвили (Ингилоели) сотрудника грузинскихъ изданій по историческому отдѣлу. Этотъ послѣдній внушилъ ему любовь къ грузинской исторіи и литературѣ. Образование свое онъ закончилъ въ Горійской учительской семинаріи. 14 лѣтъ онъ состоялъ народнымъ учителемъ, а потомъ перешелъ на службу по судебному вѣдомству. Писать онъ началъ еще на школьной скамьѣ злостными корреспонденціями и статьями по педагогическимъ вопросамъ. Впослѣдствіи онъ специализировался въ области беллетристики по-преимуществу исторической. Ему принадлежатъ повѣсти „Горькая участь“, „Сандро Бедруладзе“, „Качагъ“ (*Квали*, 1894 г.), „Времена измѣнились“, повѣсть изъ жизни духовенства (*Мцкелси*, 1893 г.), „Незаконный кусокъ въ прокъ не пойдетъ“ (изъ жизни марганцепромышленниковъ, въ *Кребули* за 1899 г.), „Семья Гварамадзе (1902 г.). Значительно большую плодovitость онъ проявилъ въ области исторической беллетристики. Онъ написалъ рядъ повѣстей изъ исторической старины Зап. и Вост. Грузіи: 1) Екатерина Батоншвили, биографическій очеркъ дочери послѣдняго владѣтеля Грузіи, извлеченный авторомъ изъ рукописи 1840 г. на русскомъ языкѣ, 2) Константинъ Батоншвили (царевичъ), 3) Имеретинскій царь Соломонъ II (*Иверія*, 1902 г.) 4) Мамія Гуріели V, послѣдній владѣтель Гуріи, 5) Александръ Батоншвили. Къ историческимъ работамъ его должно быть отнесено археологическое описаніе Квирильскаго ущелья. Всѣ его повѣсти основаны на историческихъ данныхъ, но недостаточно освѣщена эпоха жизни героевъ, мало внесено творческой фантазіи въ сухіе документальныя факты, отсутствуетъ попытка анализа душевныхъ волненій персонажей. Кромѣ того онъ писалъ дѣтскіе рассказы (*Будущій врачъ*, *Маленькій псаломщикъ*), рядъ эскизовъ изъ современной жизни въ формѣ Арагвиспирели, „Нѣтъ, не дождусь“, „И я мать“, „Вотъ любовь“, „Когда я былъ болѣе счастливъ“, „Такъ успокойся, что ты волнуешься? (обращеніе къ волнамъ морскимъ). Элегію въ прозѣ онъ написалъ подъ заглавіемъ *Лъсъ*, посвященную скромному труженику, народному учителю; ему принадлежатъ нѣсколько критико-библиографическихъ статей и переводовъ: *Эрнани* В. Гюго, Экономическія бесѣды Карышова, Золотое сердце Соловьева и др.

Княгиня Нина Орбеліани.

Беллетристы-народники шли по стопамъ, проложеннымъ Ильей Чавчавадзе. Въ лирической поэзіи молодые грузинскіе поэты воспитывались подъ влияніемъ Ак. Церетели. Къ его школѣ принадлежатъ: Н. Орбеліани, Д. Мегрели, Евдошвили, Гандегли, Томашвили, Цахели, Надирадзе, Рухадзе и др.

Кн. Н. Орбелиани выступила на литературное поприще въ началѣ 60-хъ годовъ, вдохновляемая музыкой кн. Ак. Церетели. Въ теченіе 45 лѣтней дѣятельности книжница Орбелиани успѣла написать довольно много, но въ печати имѣется лишь одинъ небольшой сборникъ ея стихотвореній и нѣскольکو лирическихъ пѣснь, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ. Большая часть ея стихотвореній представляетъ посвященія разнымъ знакомымъ и роднымъ, поэтамъ и общественнымъ дѣятелямъ. Тонъ лирики подеказанъ корифеями грузинской литературы: Гр. Орбелиани, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, Ак. Церетели. Любовь къ родинѣ, личные невзгоды, повтореніе гражданскихъ мотивовъ И. Чавчавадзе составляютъ монотонный сюжетъ ея произведеній. Стих. *Печаль* имѣется въ русскомъ переводѣ С. А.

Вдохъ рвется изъ груди, душа полна печали—
Оплакиваю я свой жребій роковой;
Привѣта нѣтъ вблизи и тьма въ безбрежной дали,
И мысли умъ гнетутъ, одна мрачнѣй другой.
И, словно вторя мнѣ, надъ ближними холмами
Спускается туманъ и застилаетъ взоръ...
Сердито пѣнится Ріонъ межъ берегами,
Дымится облака надъ высью дальнихъ горъ.
О, Боже, помоги! смягчи мой рокъ суровый
Въ грядущемъ жизнь моя страданье мнѣ сулитъ,
И давить грудь мою нависшій сводъ свинцовый,
И стужа ранняя мнѣ душу ledenить.
Вотъ бѣдные цвѣты, видѣясь изъ-подъ снѣга,
Дрожать отъ холода въ безвременный морозъ;
На блѣдныхъ лепесткахъ послѣдней ласки нѣга
Застыла съ каплями невыплаканныхъ слезъ.
Но какъ мнѣ имъ помочь? Слѣдовъ щемящей боли
И незаслуженныхъ страданій не стереть!
Чтобъ муки ихъ прервать, сорвать ихъ разомъ, что ли?
Чѣмъ прозябая жить, имъ лучше умереть!
Но—что я говорю? Ужель могу жестоко
Сама я нанести смертельный имъ ударъ?
И мнѣ ли, любящей вселенную глубоко,
Коснуться вражески ея волшебныхъ чаръ?
О, нѣтъ, мои цвѣты! Своей заботой нѣжной
Вамъ участь облегчу, а тамъ придетъ весна
И властно на поляхъ покровъ растопитъ снѣжный,
И радостнымъ лучемъ пробудитъ васъ отъ сна!

1. З. Бакрадзе.

14-го мая 1904 г. въ Тифлисѣ послѣ непродолжительной болѣзни скончался извѣстный грузинскій писатель Юсифъ Зосимовичъ Бакрадзе. Онъ приобрѣлъ себѣ имя прекрасными переводами изъ европей-

скихъ авторовъ. Въ особенности прославили его переводы поэмы „Чайльдъ Гарольдъ“, (Н. Николадзе въ *Кребули* указалъ рядъ неточностей въ переводѣ этой поэмы), романа „Айвенго“ (помѣщенъ въ журналѣ *Моамбѣ*), драмы Гюцкова „Уриэль Акоста“. Имъ же переведены при участіи автора съ армянскаго на грузинскій языкъ пьесы г. Сундукіанца: „Пепо“, „Хатабала“ и др. Сверхъ этого онъ перевелъ рядъ стихотвореній изъ Гейне и Байрона, написалъ нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній, принималъ участіе почти во всѣхъ грузинскихъ изданіяхъ: *Мнатоби*, *Моамбѣ*, *Иверія*, *Цнобисъ-Пурцели*. Семипаристъ по образованію, покойный съ 1874 г., по окончаніи имъ курса, примкнулъ къ тогдашней грузинской литературной братіи и до смерти не покидалъ участія въ прессѣ. Но извѣстно, что грузинская литература плохо обезпечиваетъ писателя. Этимъ объясняется, что покойный изъ-за куска хлѣба служилъ долгое время по судебному вѣдомству, а въ послѣднее время—въ тифлисскомъ сельскохозяйственномъ банкѣ. Въ его лицѣ грузинская литература лишилась тонкаго стилиста, прекраснаго переводчика, честнаго труженника.

Дмитрій Надирадзе (Мачханели).

Дмитрій Надирадзе (Мачханели) родился въ 1861 г. въ Кизикин, съ 80-хъ г.г. онъ принималъ участіе въ *Иверіи*, *Кребули* Ак. Церетели, *Цнобисъ-Пурцели*, *Моамбѣ*. Онъ принадлежалъ къ народникамъ и наибольшую извѣстностью пользуется дидактическое его произведеніе *Братское слово*.

Послѣ покойнаго осталась богатая бібліотека, которою при жизни его пользовалась вся мѣстная (кизикская) интеллигенція. Домъ съ дворомъ покойный еще при жизни своей пожертвовалъ основанной имъ же церковно-приходской школѣ. Онъ былъ увлеченъ идеей о кооперативныхъ организаціяхъ и синдикатахъ. Товарищество „Депо“, учрежденное имъ, причинило ему много горя и, быть можетъ, оно и свело его въ могилу. Д. Надирадзе умеръ 42 лѣтъ отъ апоплексическаго удара 15 октября 1903 г.

Онъ писалъ и прозой, и стихами безъ особеннаго блеска, но тепло и искренно. Въ повѣсти „Дгеоба“ авторъ показываетъ, какимъ матеріальнымъ ущербомъ для крестьянъ сопровождаются престольные праздники: крестьянинъ Сосія продаетъ единственнаго осла для отпразднованія храмоваго торжества, а чтобы выкупить его, идетъ въ работники къ покупателю, простуживается у него и умираетъ.

Ему принадлежатъ разсказы „Соплисъ-Кунцула“ (изъ деревенской жизни), „Путевыя замѣтки по Санигило“ („Иверія“ 1887 г.), нѣсколько стихотвореній „Вѣсть о Мепе-чкари“ (*Джеджили*, 1890), „Охотникъ“, „Четыре картины“, „Маро“, отрывокъ изъ драмы и др. А. Канчели перевелъ двѣ маленькія его пьесы.

Хотя бъ я Богомъ былъ надъ небомъ, надъ луною,
Никѣмъ непобѣдимый,
А солнце подо мной свой свѣтъ дарило звѣздамъ,

Свой свѣтъ неистоцимый,
И вѣчно слышать могъ я ангельскіе хоры
Хвалы неизбяснимой,
Все жъ я бы предпочелъ потокъ слезъ лить съ тобою,
Потокъ неосушимый!..

* *

Да, знаю я теперь, что въ сердцѣ у тебя
Нѣтъ милосердія, ни капли сожалѣнья,
Что рыба кровь въ тебѣ безстрастно, не любя,
Течетъ болѣзненно; ей чужды увлеченья!..
Я умиралъ, и даже врагъ мой злой
У моего одра рыдалъ, какъ мой родимый;
А ты, кого я ждалъ, ты, мой кумиръ святой,
Была тверда, какъ тотъ утесъ несокрушимый.

Князь Г. Д. Абашидзе (1866—1903).

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ послѣдователей кн. А. Церетели былъ кн. Григорій Давидовичъ Абашидзе. Родился онъ въ 1866 году. 13—14 лѣтъ поступилъ въ II кл. кутаисской гимназіи и вышелъ изъ VI класса, а 13 марта 1903 г. въ Петербургѣ предали погребенію прахъ этого молодого грузинскаго поэта. Поэтическія дарованія въ немъ проявились еще до вступленія въ гимназію, и въ короткій промежутокъ онъ успѣлъ создать нѣсколько прекрасныхъ оригинальныхъ стихотвореній и еще болѣе обогатить грузинскую литературу переводами изъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Съ особенной любовью онъ занимался переводами изъ Лермонтова, неудовлетворенное настроеніе котораго мало гармонировало съ жизнерадостностью грузинскаго поэта. Очень красиво, притомъ съ сохраненіемъ всѣхъ тонкихъ особенностей оригинала, онъ воспроизвелъ пьесы: „Дары Терека“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Мицри“, и др. Не мало онъ перевелъ изъ французскихъ поэтовъ: В. Гюго („А шепетъ“, „Портретъ“), Сюлли Прюдома („Разбитая ваза“, „Вдохновеніе“); Коппе („Ласточки Будды“); переводилъ съ итальянскаго, изъ поэмы Эдвена Арнольди („Свѣтило Азіи“), Артамона („Бѣлое покрывало“), Шиллера, Гюйо, Пушкина („Ангель“), Алексѣя Толстого („Пусть тотъ, чья честь не безъ укора“), Плещеева („Впередъ безъ страха и сомнѣнья“) и др. Въ его оригинальныхъ пьесахъ болѣе всего чувствуется вліяніе грузинскаго поэта кн. Акакія Церетели (ср. „Пѣсни рабочихъ“), но слышатся также отзвуки лиры грузинскаго байрониста Николая Бараташвили въ стихотвореніи „Довольно, оставь меня, проклятый“, несомнѣнное подражаніе чудной элегии Бараташвили „Злой геній“. Не остался онъ внѣ воздѣйствій со стороны кн. Ильи Чавчавадзе и Раф. Эрнстова. Вліяніемъ перваго объясняется его пьеса „Помнишь ли, коварная тотъ вечеръ?“, под- сказанная ему стихотвореніемъ „Ты помнишь ли, о милая!“; а воспроиз-

веденіе мотивовъ второго мы находимъ въ пѣснѣ „Съ надеждой трудится Бесіа неутомимый“. Что касается оригинальныхъ его стихотвореній, то въ нихъ больше всего воспѣвается любовь къ родинѣ, красоты природы, черты милоты, радости жизни, изрѣдка прерываемая вздохами и недовольствомъ на міръ и окружающихъ. Кн. Абашидзе былъ поэтъ-анакреонтистъ-эпикуреецъ, оптимистъ мало интересовавшійся неразрѣшенными задачами современной экономической культуры. Его поэзія—беззаботная пѣснь аристократа, влюбленнаго въ жизнь, щебетанье птицъ, благоуханье розъ. Въ его произведеніяхъ напрасно искать гражданской скорби и мелодіи на общественныя темы. Стихомъ онъ владѣлъ безукоризненно, внѣшняя форма доведена до совершенства. Образы, не всегда, впрочемъ, оригинальные, отличаются пластичностью и законченностью. Одна особенность его таланта должна быть особенно выдвинута, это—блестящій ораторскій даръ, классическая грузинская рѣчь, которой онъ умѣлъ электризовать слушателей, подкупать ихъ нѣжностью и задушевностью. Кутаисская интеллигенція, которая издала въ 1901 г. первый томъ стихотвореній Гр. Абашидзе, готовится перевезти на родину прахъ преждевременно угасшаго поэта. Приводимъ характерный для его лиры Гимнъ весны въ переводѣ С. А.

Звучный гимнъ поетъ съ разсвѣта
Въ міръ сошедшая весна...
Скорбь забывъ, душа поэта
Вдохновенія полна.
Оживаетъ рой стремленій
И надежды и мечты,—
И зоветъ ихъ гимнъ весенній
Въ храмъ нетлѣнной красоты.
Замерь стонъ послѣдней бури;
Рѣветъ ласточка въ лазури,
Прилетѣвъ издалека;
Вольно дышитъ грудь земная,
Сбросивъ зимній свой покровъ
Изумрудомъ отливая
Бархатъ стелется луговъ;
Надъ фіалкою лѣсною,
Въ ожиданьи первыхъ розъ,
Соловей поетъ съ зарею
О волшебномъ царствѣ грезъ.
И зари весенней пламя
Яркимъ свѣточемъ горитъ;
Въ небѣ радуга, какъ знамя,
Миръ грядущему сулитъ.
Перелетныхъ птичекъ трели
Оглашаютъ небеса;
Звукамъ сладостной свирѣли

Вторять горы и лѣса.
 Засѣваетъ пахарь поле,
 Осѣнивъ себя крестомъ,
 Подъ рукой его на волѣ
 Зерна сыплются дождемъ;
 Вѣрить труженикъ смиренный,
 Что Господь оцѣнитъ трудъ,
 Что весны благословенной
 Веходы пышныя взойдутъ.
 Въ даръ землѣ многострадальной
 Много дастъ весна чудесъ:
 Скоро благовѣсть пасхальный
 Возвѣститъ „Христосъ воскресъ!“
 Гимнъ любви и пѣсня мира
 Славятъ радостно Творца—
 И, звеня, имъ вторить лира
 Вдохновеннаго пѣвца!

Гр. Вольскій.

Григорій Вольскій—поэтъ, публицистъ, врачъ по специальности. Стихотворенія его въ духѣ лирики Ак. Церетели печатались подъ псевдонимомъ Гр. Умципаридзе. Нѣкоторые изъ его романсовъ переложены на ноты г. Балачивадзе („Все тобой я уповаюсь“). Въ переводѣ также извѣстны его стихотворенія. Искренность и правдивость тона, простота и сила языка отличаютъ аккорды его музы. Образцомъ можетъ служить стих. *Не сожалѣй.*

Не сожалѣй о томъ напрасно,
 Что сердце полное тобой,
 Тебя любившее такъ страстно,
 Навѣкъ засыпано землей!
 Неукротимую волной
 Въ немъ клокотали кровь и слезы...
 Пускай ислѣтеть!... Лишь бы розы
 Надъ этой жертвою земли
 Благоухали и цвѣли,
 Цвѣли стыдливыя фіалки!
 Пускай ислѣтеть трупъ мой жалкій,
 Пусть весь умру я! Лишь бы ты,
 Царица пѣсенъ и мечты,
 Царица пламенныхъ стремлений,
 Шила изъ кубка наслажденій
 Животворящую струю!
 Пускай небесный сводъ синѣетъ
 И солнца лучъ любовью грѣетъ
 Тебя, желанную мою!...

Когда навѣкъ замолкну я,
 Когда послѣднее стenanье
 Порветъ всѣ струны бытія,
 Весь трепеть сердца, всѣ дыханья,
 Когда лишуся я созерцанья
 Твоей волшебной красоты,
 И къ небу, къ свѣтлому, какъ ты,
 Мой взоръ угасшій не воспринетъ
 Изъ міра вѣчной темноты,
 Когда всему конецъ настанетъ,
 И рокъ нещадный, какъ палачъ,
 Свершитъ рѣшенное заранѣй,—
 О другъ, по мнѣ тогда не плачь!
 Не надо скорбныхъ одѣяній;
 Пускай отравя горькихъ слезъ
 Не жжетъ очей твоихъ лучистыхъ!
 Не расплетай своихъ волнистыхъ
 И тьмой сверкающихъ волосъ!
 И черть лица, что озаряли,
 Какъ солнце, мѣръ моей печали,
 Не искажай, краса моя,
 Въ порывѣ тщетнаго страданья!
 Молчи,—чтобъ тяжкаго страданья
 Сквозь вѣчный сонъ не слышалъ я!

Гр. Вольскій извѣстенъ еще какъ прекрасный переводчикъ. Онъ переводилъ между прочимъ съ грузинскаго отрывки изъ „Кація-Адаміани“ И. Чавчавадзе, рассказы Арагвиспирели и Дуту Мегрели и съ русскаго языка на грузинскій пьесу А. П. Чехова „Медвѣль“, сказку Андерсена „Улитка и розовый кустъ“ и др.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдователей Ак. Церетели является поэтъ **Твалчрелидзе**, извѣстный подъ псевдонимомъ **Цахели**. Цахели принималъ участіе въ *Нобати*, *Иверіи*, *Квали* и помѣстилъ народныя легенды „Марине Зааль“ (Иверія 1893г.), стихотворенія „Моей звѣздѣ“ (Квали 1894г.), „Весна“, „Потерянный сынъ“, „Безсмертный полководецъ“ (легенда), „Герой Гургенъ“ (поэма, основанная на легендѣ¹⁾), „Птичка и дитя“ (рассказъ). Отличительную черту его творчества составляетъ склонность къ фантастическимъ сюжетамъ, легендарнымъ темамъ. По формѣ его произведенія подкупаютъ тщательной отдѣлкой, чистотой языка, музыкальностью стиха.

Силованъ Хундадзе,—поэтъ, критикъ, ученый филологъ,—родился въ день Пасхи, 3 апрѣля 1860 года, въ селеніи Калачони (Кутаисской гу-

¹⁾ Поэма эта издана въ Кутанѣ (1893 г.), нѣсколько избранныхъ стихотвореній Цахели находимъ въ грузинской библиотекѣ № 11, изд. 3. Чичинадзе (Тифлисъ 1891 г.), „Приключеніе Шалвы“ изд. Обществомъ распространенія грамотности среди грузинъ (Тифлисъ, 1892).

берии, Озургетского уезда). Отец его, дворянинъ Ома Георгіевъ Хундадзе, занимался сельскимъ хозяйствомъ, а также куплею и продажею разныхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Грузинской грамотѣ Силована обучали дома родители и старшіе его братья; затѣмъ отдали его въ школу (Мартвильское духовное училище, перенесенное впоследствии въ Ново-Сенаки), гдѣ оставался онъ нѣсколько мѣсяцевъ. Оттуда перевели его въ Озургеты, гдѣ онъ поступилъ, согласно прошенію своего отца на имя намѣстника кавказскаго, въ число казеннокоштныхъ, такъ называемыхъ „военныхъ воспитанниковъ“, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по конкурсному испытанію, поступилъ въ Кутаисъ, также въ пансіонъ военныхъ воспитанниковъ. Это было въ 1871 году. Вплоть до IV класса онъ обучался въ классической гимназій, живя въ пансіонѣ для военныхъ воспитанниковъ. Затѣмъ пансіонъ этотъ былъ упраздненъ—и ему стали выдавать пособіе въ размѣрѣ 8 рублей въ мѣсяць. Кое-какъ перебиваясь, онъ окончилъ курсъ гимназій въ 1880 году и поступилъ сначала, прельщаясь казенной стипендіею (такъ какъ не имѣлъ своихъ собственныхъ средствъ), на медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, откуда, по его словамъ, „убоявшись бездны премудростей“ медицинскаго факультета (въ особенности его „анатомическаго театра“), онъ перешелъ черезъ два мѣсяца на восточный факультетъ С.-Петербургскаго университета (на грузино-армянское отдѣленіе), гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1884 году. Въ университетѣ онъ получилъ Императорскую стипендію, а до того времени онъ получалъ пособіе отъ разныхъ лицъ и учреждений (отъ великаго князя Михаила Николаевича, отъ покойнаго князя Николая Мингрельскаго, отъ родственниковъ, отъ кутаисской гимназій, отъ кутаискаго дворянскаго земельного банка и пр.). Со дня окончанія курса со степенью кандидата факультета восточныхъ языковъ, онъ занялъ должность учителя грузинскаго языка въ прогимназическихъ классахъ при кутаисскомъ дворянскомъ училищѣ. Жена у него съ 1886 года на княжнѣ П. К. Микеладзе.

Свободное время онъ посвящалъ грузинской литературѣ. Имъ изда ны слѣдующія сочиненія на грузинскомъ языкѣ: 1) „Грузинскіе глаголы“ (Кутаисъ, 1891 г.); 2) „Стихотворенія“ (Кутаисъ, 1902 г.); 3) „Струны“ (сборникъ стихотвореній, Кутаисъ, 1894 г.); 4) „Гибель парохода“, поэма (Кутаисъ, 1896 г.); 5) „Сосѣди“ и „Сонъ Тотолы“ (2 разсказа, Батумъ, 1899 г.); 6) „Мои мысли и думы“ первая книга (сборникъ стихотвореній и статей, Кутаисъ, 1901 г.); 7) „Литературный грузинскій языкъ“ (изслѣдованіе грамматическаго строя грузинскаго языка, Кутаисъ, 1901 г.); 8) „Картины жизни“ („Мои мысли и думы“, книга вторая, Кутаисъ, 1902 г.) Кроме того, онъ перевелъ на грузинскій языкъ „Исторію Грузіи“ Баратова (изданы только „первая“ и „вторая“ тетради, Кутаисъ, 1895 и 1896 гг.).

Стихотворенія и статьи его печатались въ разныхъ періодическихъ грузинскихъ изданіяхъ. Первое письмо его, появившееся въ печати, это—театральная рецензія, за подписью инициаловъ его имени и фамиліи

(„Дрозба“ 1880 г., № 80); изъ стихотвореній его впервые появилось въ печати (по времени написанія оно не первое) „Воспоминаніе“ („Дрозба“ 1880 г., № 138). Затѣмъ его статьи и стихотворенія напечатаны въ „Дрозбѣ“, „Театрѣ“, „Иверіи“, „Цда“, „Джеджили“, „Квали“, „Могзаури“ Критическія статьи о стихотвореніяхъ кн. П. Чавчавадзе („Квали“ за 1894 г.); особенно извѣстны его критическій обзоръ стихотвореній кн. Григорія Орбеліани (журн. „Иверія“ за 1882 г. № 12), „О древнихъ грузинскихъ играхъ“ („Иверія“ за 1885 г., № 1); „Письма о кутаисскихъ банковскихъ выборахъ“ (газ. „Иверія“ за 1899 г. № 111 и 153; за 1900 г. № 28). Въ русской газетѣ „Новое Обозрѣніе“ напечатаны его статьи: 1) „Развалины Баградова храма въ Кутаисѣ“, 2) „Среднеагрономическое училище для дворянъ“, 3) „Снова въ защиту средняго агрономическаго училища“. Обыкновенная его подпись подъ стихотвореніями и статьями „Силованъ“.

Сборникъ стихотвореній С. Хундадзе даетъ опредѣленное представление о размѣрахъ и особенностяхъ дарованія юнаго писателя. Прежде всего г. Силованъ самобытенъ, самостоятеленъ и разнообразенъ какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ и въ манерѣ писанія. Въ изданныхъ стихотвореніяхъ рельефно обрисовываются почти всѣ стороны человѣческой природы поэта. Онъ горячій патріотъ, который краше своей родины не находитъ уголка въ мірѣ. По своимъ воззрѣніямъ онъ альтруистъ, придерживающійся и пропагандирующій высочайшую мораль Спасителя: нѣтъ выше блаженства, какъ положить душу „за други своя“. Въ первомъ стихотвореніи, посвященномъ дѣтямъ, предъ нами стоитъ нѣжно любящій отецъ и хорошій добрый семьянинъ. Общее же впечатлѣніе получается весьма выгодное для молодого поэта: онъ скорбитъ, подчасъ негодуетъ, бичуя пороки своихъ сородичей, но конечная цѣль его поэтическаго творчества—возбуждать лирой добрыя, возвышенныя чувства и стремленія. Выдающимся по силѣ чувства должны быть признаны: „На смерть Ес. М—дзе“, „Грузинамъ временъ царя Ираклія“, „Арагвѣ“, „Любовь“ и „Поэтъ“.

Гандегили (Доминика Эристова—Мдивани).

Въ молодую плеяду поэтовъ входитъ писательница г-жа Гандегили, творческій талантъ которой наиболѣе ярко проявился въ стихотворныхъ произведеніяхъ. Сборникъ ея стихотвореній вышелъ въ 1898 г. Первая датированная проба ея пера относится къ 1893 г. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ ея дѣятельности характеръ ея лиры вполне опредѣлился. Она въ звучныхъ стихахъ поетъ на мелодіи кн. П. Чавчавадзе и Ак. Церетели. Стихъ ея гибокъ и музыкаленъ, образы нѣжны и граціозны красоты природы и внутреннія движенія души—основная тема ея вдохновенія. Нерѣдко она настраиваетъ свою лиру и на гражданскія мелодіи. Образцомъ ея пониманія современныхъ социальныхъ вопросовъ служить стихотвореніе *Ничій* въ передѣлкѣ г-жи Гриневской:

Обиженъ я людьми и братьями, о небо!
 Отъ злости ихъ не счесть мнѣ всѣхъ земныхъ утратъ.
 Я одинокъ и нищъ! Лишенъ и корки хлѣба.
 Но за обидчиковъ молитвой я богатъ.

Къ колоритнымъ лирическимъ пьесамъ ея должны быть отнесены: *Утро, Нить, не плачу я, Думы поэта*; разсудочный элементъ подъ художественными образами преобладаетъ въ стихотвореніи *Заключенный въ темницу*. Въ последнее время она занялась переводами и обогатила грузинскую драматическую литературу переводами ком. „Горе отъ ума“ Грибоедова. Къ сожалѣнію, переводчица пользовалась неисправнымъ текстомъ оригинала и допустила нѣсколько неточныхъ оттѣнковъ въ передачѣ мыслей русскаго поэта¹⁾. Она же испросила право перевода стихотвореній К. Р., и изъ нихъ не мало лирическихъ пьесъ уже передано ею на грузинскомъ языкѣ („Мѣсяцъ“ и др.). Богатство рифмы, чистота языка, гармоничность стиха—особенности лиры Гандегили. Эти же свойства отличаютъ ея поэму *Проклятый* (изъ черкесской жизни). Она проявила свои силы и въ прозѣ. Ея повѣсти „Глаза“ и „Зубы“ вызвали рѣзкую критику со стороны И. Накашидзе (*Квали*, 1896 г. № 40). Сюжетъ перваго разсказа вращается на избитой темѣ—любовь, измена, раскаяніе, а сущность второй новеллы, еще менѣе разработанной, заключается въ томъ, что старуха, возмечтавшая выйти замужъ за молодого офицера, заказываетъ себѣ красивые зубы, но въ расчетъ на радостную жизнь терпитъ крушеніе: офицеръ, взявъ въ свои руки ея капиталъ, пользуется наслажденіями, а она съ горя умираетъ. Ей принадлежатъ нѣсколько разсказовъ: „Феерія“ (рождественскій разсказъ, въ *Квали* 1896 г.), „Свѣтися, свѣтися Новый Иерусалимъ“ (*Цноб. Пурц.* 1902 г.) и др. Мы приведемъ ея разсказъ *Невпругой Моша*.

Четырехлѣтняя Рахиль лежитъ на смертномъ одрѣ. У ея постели сидитъ порабощенная безпутнымъ мужемъ несчастная мать больной дѣвочки, Сарра. Она вспоминаетъ забавы своей дочки, любовь ея къ гусятамъ, и сердце ея переполняется скорбью при видѣ угасающей единственной ея опоры въ жизни. Она ждетъ Назарейнина, за которымъ она послала своего мужа Мошу, не раздѣляющаго вѣры своей супруги въ чудодѣйственныя Его силы. Но Моша—сапожникъ замедлил обратиться къ Нему за помощью. Онъ спѣшилъ исполнить на заказъ обувь и видѣлъ, какъ мимо его лавки провели Назарейнина „пригвоздить ко кресту“. Смерть Его и болѣзнь дочери приводятъ Сарру въ отчаяніе. Ее волнуетъ и раздражаетъ разсказъ Моши, какъ онъ изъ „уваженія къ чувствамъ жены къ Назарейнину“ помазалъ Его елеемъ.

— Я не прошу, и не разсказывай мнѣ ничего, такъ какъ знаю, что твой разсказъ приумножитъ только мое горе. Довольно съ меня и того, что я вижу на смертномъ одрѣ мою милую дѣвочку и мучаюсь. Не требуется, чтобы ты подбавлялъ къ этому горю еще новое. Ты самъ сви-

¹⁾ См. статью А. Хаханова въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1903 года, февраль.

дѣтель, Моша, что въ продолженіе шести лѣтъ нашего супружества я не позволила себѣ обмолвиться хоть единымъ дурнымъ словечкомъ про тебя, тогда какъ ты каждую почти минуту заслуживалъ этого. Терпѣла все, но теперь не могу: уйди ты отъ меня, чтобъ я не слышала твой сумасбродный, съ тономъ насмѣшки, передаваемый разсказъ. Ты способенъ равнодушно смотрѣть на смерть другого человека, когда дома у тебя лежитъ свой умирающій ребенокъ! И ты можешь сказать, что обладаешь сердцемъ или чувствами отца? Гдѣ-же эти чувства въ тебѣ, когда ты хорошо долженъ знать, что и у Назарейнина есть родители и въ какомъ они должны быть теперь положеніи, видя страданія своего сына?

— А ты думала, что я голову за него положу? Нѣтъ, съ него и того довольно, что я цѣлую бочку воды, въ которой находилась приготовленная для починки обуви моихъ заказчиковъ, вылилъ ему на голову, выкупалъ его и такимъ образомъ отпустилъ на распятіе. А онъ будто и проклялъ меня, сказавъ: „какъ невѣрующему завѣщаю тебѣ не умирать до второго моего происшествія“. А на славу я его выкупалъ!.. Какъ-же: спрашиваю, опъ-ли Богъ, и какъ случилось, что народъ съ нимъ такъ обращается? Онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ. Я его снова,—опять ни единого слова, не удостоилъ меня даже и взгляда своего.

Сарра пришла въ страшное негодованіе отъ разсказа своего мужа. Скромная по натурѣ и до сегодняшняго дня никакого протеста своему мужу не высказывавшая, Сарра въ эту минуту такъ переѣбилась, что стала не узнаваема: все лицо ея моментально загорѣлось отъ волненія, она сильно заскрежетала зубами, глаза ея вышли изъ орбитъ. Въ такомъ состояніи она набросилась на мужа, и голосомъ отчаянія прокричала:

— Сатана ты, проклятый!.. Ты убилъ моего ребенка! Прочь съ моихъ глазъ, а то собственными зубами разорву я тебя, кровь твою я высосу всю!—Моша весь поблѣднѣлъ, не могъ проронить ни словечка. Кто знаетъ, на что рѣшилась-бы Сарра, если-бы ея вниманіе не было отвлечено голосомъ Рахили.

— Мама, мама... ко мнѣ... помоги.—О, Боже! пробормотала дрожащимъ голосомъ Сарра и поспѣшила къ постели умирающей.

— Я здѣсь, дорогая, не хочешь-ли водицы?

Дѣвочка болѣе не проронила ни слова и закрыла глаза, слышно было только частое дыханіе ея. Моша продолжалъ стоять неподвижно, словно обмеръ на мѣстѣ, не двигая даже глазами.

— Нѣтъ я не могу здѣсь остаться: или ты, или я.—Не могу видѣть убійцу, ты убилъ моего ребенка! Ты отдашь на поруганіе добраго Назарейнина, и я жить съ тобою не могу. Уйди отъ меня.

— Съ ума ты сошла, вѣрно! Изъ собственнаго дома гонишь меня... Уходи сама сейчасъ!—прокричалъ Моша и глаза его налились кровью.

— Хорошо, я ухожу. Да развѣ можно жить съ человѣкоубійцею! Съ этими словами Сарра моментально схватила покрывало, завернула въ него умирающаго ребенка, взяла на руки и босая выбѣжала на улицу.

Толпа уже приблизилась къ назначенному мѣсту, когда къ ней подошла одна женщина, рыдая непрерывно. Видно было, что женщина эта пробѣжала довольно большое разстояніе, такъ какъ еле переводила дыханіе и изъ босыхъ, исполосованныхъ ногъ струилась кровь.

Въ толпѣ даже и не примѣтили, какъ она подошла къ одной старушкѣ, сопровождаемой двумя мужчинами. Мужчины старались утѣшить старушку, но послѣдняя и не слышала словъ успокоенія и продолжала рыдать навзрыдь.—О, Боже, чего дождалась я!—пробормотала старушка.

— О, Боже, чего дождалась я!—повторила тѣмъ-же голосомъ только что подошедшая къ ней женщина. Обѣ женщины невольно обратились другъ къ другу и нѣкоторое время нѣмыми взорами обмѣнивались между собою.—„Отчего ты плачешь, дорогая?“—спросила первая подошедшую.

— Я оплакиваю дочь, дорогая? Умерла моя Рахиль, отецъ убилъ ее, не удостоивъ увидѣть Назарейнина. О, какъ онъ безжалостенъ! Грѣшникъ онъ и я жена этого грѣшника, но все же пойду и повидаюсь съ Назарейниномъ. Я вѣрующая и хочу быть наказанною за это толпою. Укажите мнѣ, ради Бога, дорогу, куда взяли Назарейнина?—вопросала поспѣшно женщина со слезами на глазахъ.

— Несчастная! Я вижу ты въ одинаковомъ со мною положеніи. Вотъ тебѣ, дорогая, Назарейнинъ! Видишь, что съ нимъ дѣлаютъ! Будь терпѣлива, Богъ многомилостивъ,—пробормотала женщина, обливаясь горячими слезами.

— Какъ въ одинаковомъ положеніи?! Развѣ Назарейнинъ вамъ сынъ? Боже, что я слышу. Нѣтъ, теперь не буду оплакивать свою Рахиль. Мать, у которой отняли Назарейнина, утѣшаетъ меня, совѣтуетъ терпѣть и подаетъ надежды, уповая на милость Божію!.

Толпа хотѣла остановить женщину, но безуспѣшно: она приблизилась къ Назарейнину, бросилась ницъ, положила къ ногамъ его умершаго уже ребенка и голосомъ сильнѣйшаго отчаянія воскликнула:

— Господи, я жена грѣшника, вотъ тебѣ моя Рахиль, которую убилъ отецъ ея. Не удостоилъ онъ ее Твоего посѣщенія, чтобъ Ты исцѣлилъ ее, это онъ оскорбилъ Учителя, и я должна нести наказаніе.

Толпа приостановилась. Остановился и Назарейнинъ. Его свѣтлый взоръ обратился на умершаго ребенка, глаза котораго остались открытыми и изъ полуоткрытыхъ губъ видѣлись маленькіе зубки серебряными рядами. Видно было участіе всѣхъ въ этомъ ребенкѣ, потому что всѣ окружающіе почти въ одинъ голосъ сказали: „бѣдненькій, какъ онъ хорошъ!“ Черезъ нѣсколько мгновеній лицо Назарейнина совершенно измѣнилось: лицо просіяло еще болѣе, свѣтлые глаза вознесъ онъ къ небу, и тихимъ, подкупающимъ голосомъ произнесъ: „Сарра возстань, вѣра твоя спасла тебя. Я воскрешаю твою дочь“. Сарра не успѣла поднять взора, какъ ребенокъ проговорилъ: „мама, водицы!“

Толпа пришла въ оцѣпененіе. Хотѣла она схватить Сарру и разорвать, но будто вѣлѣніемъ свыше, всѣ стали неподвижны, остолбенѣли и

смотрѣли молча. Восторженная отъ радости мать не отнимала отъ груди любимого ребенка, но не могла свести глазъ своихъ и съ Назарейнина.

Среди другихъ чудесъ Назарейнина, вѣсть о воскресеніи Рахили быстро разошлась по странѣ. Говорили и о томъ, что Моша съ того времени никто не видѣлъ, не знаютъ, куда онъ дѣлся, живъ онъ или умеръ. Прошло 60 лѣтъ послѣ описаннаго случая. Въ одно прекрасное майское утро на крыльцѣ дома сидѣла старушенка и чистила шерсть. Возлѣ нея собралась въ кружокъ дѣтки и возились съ своими игрушками. Пожилой уже мужчина лежалъ на тахтѣ, облокотившись на руку; другой помоложе сидѣлъ тутъ-же рядомъ и вытаскивалъ ручку отъ лопатки. Въ это время въ двери раздался лай собаки, которая устремилась къ воротамъ.—Интересно, кто этотъ старецъ, проговорилъ лежавшій на тахтѣ, и приподнялся немного, чтобъ встать.

Всѣ обратили взоры къ воротамъ.—Шатабай, иди, голубчикъ, отогри ворота и собаку отгони, у меня вѣдь нога болитъ и, пока доберусь до мѣста, собака загрызетъ незнакомца,—сказалъ лежавшій на тахтѣ играющему тутъ-же ребенку.

— Я боюсь гуся; бабушка мнѣ говорила, что гусь кусается,—отвѣтилъ мальчикъ и продолжалъ игру.

— Эло, ну ты ступай,—сказалъ повелительный старикъ, работающій надъ ручкою лопатки. Эло дѣлливо всталъ и направился къ воротамъ, но, придя туда, гостя не нашелъ: онъ уже успѣлъ отойти, все бормоча про себя что-то.—Кто ты, дѣдушка, и съ какимъ дѣломъ?—поспѣшилъ Эло спросить уходящаго старца, но тотъ и вида не подавалъ, что слышитъ. Эло проворно прыгнулъ за ворота, обогналъ старика, сталъ ему противъ дороги и тутъ только успѣлъ разглядѣть его физиономію: все лицо было въ глубокихъ морщинахъ, сидѣвшіе далеко въ глубинѣ глаза его блистали какими-то кровавыми пятнами; вся сторбленная фигура его опиралась на палку и старецъ поспѣшно передвигалъ свои костлявыя ноги, которыя до половины колѣнъ были голы.

— Какое у тебя было дѣло до насъ, старецъ, и кто ты?—повторилъ ему Эло.

— Невѣрующій Моша.—Только и было сказано въ отвѣтъ, и не проронивъ болѣе ни одного слова, старецъ продолжалъ путь свой.

По преданію, такъ скитается по бѣлу свѣту до сихъ поръ Моша невѣрующій.—Грузинская писательница такъ своеобразно использовала легенду объ Агасверѣ—„вѣчномъ жидѣ“.

Плодовитымъ поэтомъ, преимущественно подвизающимся въ области дѣтской литературы, является *Шіо Мзвимели* (Кучукашвили), симпатичный талантъ котораго сказывается во всѣхъ его стихотвореніяхъ, согрѣтыхъ нѣжнымъ чувствомъ и искренней теплотой. Поэтической музѣ служили *Св. Гугунава*, переложившій въ стихи повѣсть Рчеулова *Царевна Тамара*, В. Рухадзе (сборн. его стихотвореній изд. въ Батумѣ, 1904), С. Кваріани (авторъ многочисленныхъ новеллъ, критическихъ статей и ученыхъ работъ по винодѣлію), Ниноцминдели (обработала сказаніе о

кн. Шю). Като Микеладзе и др. Общей их чертой является отсутствие яркой индивидуальности, ограниченность художественной интуиции и повторение мотивов—преимущественно творчества кн. А. Церетели. Въ беллетристикѣ новѣйшаго времени первое мѣсто принадлежить символисту Ш. Дадіани и С. Кипіани, талантъ которыхъ обѣщаетъ дать роскошные цвѣты. Послѣдній дебютировалъ въ 1903 г. поэтическими разсказами: „Сытые и голодные“, „Зачѣмъ, для чего?“, „Зима“, „Работникъ въ лѣсу“, „Безпутный“. Рядомъ съ ними стоятъ Рев. Павленишвили (авторъ пов. „Ева“, „И природа противъ насъ“), Адамашвили, съ горькимъ юморомъ воспроизводящій бытъ обездоленныхъ бѣдняковъ („Чанчуря“, „Сапожникъ Габо“, „Свадьба Курки“), Тр. Рамашвили („Митро Дчедшвили“, повѣсть изъ сельской жизни), Николаишвили (авторъ психологическихъ этюдовъ: „И я человекъ“, „Помирилась“, „Вонъ отсюда“, „Мужъ и жена“), Ив. Зурабшвили (напечаталъ „Сибгъ идетъ“, „Воспоминаніе“, „Рождественская фантазія“), авторъ любочныхъ повѣстей Чархишвили, Максимидзе („Картины“), Нина Накашидзе (извѣстна ея повѣсть „Кормилица“), Омамшвили („Потерянное счастье“), Пав. Кипіани („Нѣмой методъ“, „Обрушившійся мостъ“). Но пока еще трудно формулировать ихъ общественное міросозерпаніе и опредѣлить ихъ значеніе въ ходѣ развитія грузинской литературы.

Д р а м а.

Д. И. Кипіани ¹⁾ (1814—1887).

Остается сдѣлать обзоръ драматическихъ произведеній. Грузинскій театръ сыгралъ крупную роль въ процессѣ развитія народныхъ массъ. Въ тотъ періодъ, когда грузинскій языкъ, печать, школа и церковь подвергались всевозможнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, театръ оставался единственнымъ оплотомъ національнаго самосознанія и носителемъ художественно-просвѣтительной миссіи. Ознакомленіе зрителей съ прошлыми судьбами грузинскаго народа по историческимъ драмамъ и съ современнымъ его состояніемъ, экскурсіи артистовъ въ ближайшіе и отдаленнѣйшіе пункты между Батумомъ и Баку, пробужденіе и поддержаніе интереса къ родному языку и къ незыблемымъ традиціоннымъ началамъ составляютъ заслугу грузинской сцены, усердно насаждавшей въ сердцахъ публики „пользу и пріятность“, соединяя утилитарныя цѣли съ чистымъ эстетическимъ наслажденіемъ. Изъ писателей, подвизавшихся въ этой области, первое мѣсто отводится Д. И. Кипіани, вся жизнь котораго была сплошная драма. Дмитрій Ивановичъ Кипіани — выдающійся общественный дѣятель, ученый и публицистъ. Онъ родился 14 апрѣля 1814 г. въ деревнѣ Квишхети, въ семьѣ Пурцеладзе. Родъ его происходилъ изъ имеретинскихъ дворянъ. Отецъ его Кочо, передѣланный въ Ивана, былъ человекъ мирнаго нрава, а мать, урожденная Варвара Пурцеладзе, умная женщина, воспитанная на священномъ писаніи. Д. И. рано потерялъ отца и мать и попече-

ніе объ его воспитаніи принялъ старшій братъ его Кайхосро, чиновникъ по таможенной части въ Сурамѣ. Грузинской грамотѣ онъ выучился у этого любимаго брата, а русскую азбуку усвоилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней у пріѣзжаго изъ Тифлиса чиновника Оедорова. Учился короткое время въ Тифлисской духовной семинаріи и затѣмъ перешелъ въ только что открывшееся благородное училище. По окончаніи курса, онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ воспитавшемъ его училищѣ. Въ 1832 г. за участіе въ политическомъ заговорѣ былъ сосланъ въ Вологду ¹⁾, и прослылъ тамъ очаровательнымъ грузиномъ. Еще сидя въ Метехскомъ замкѣ, онъ изучилъ французскій языкъ, впоследствии-же онъ заинтересовался англійскимъ и латинскимъ языками.

Имя Дмитрія Ивановича окружено въ памяти грузинскаго народа свѣтлымъ ореоломъ. Онъ долго и многообразно игралъ выдающуюся роль въ общественной жизни, начиная съ заговора дворянства 1830-хъ гг. до трагической своей кончины. Шестнадцатилѣтнимъ юношей, по окончаніи благороднаго училища въ Тифлисѣ, примкнулъ къ партіи, затѣявшей политическое освобожденіе Грузіи. Потерявъ за участіе въ конспиративныхъ замыслахъ мѣсто преподавателя, онъ былъ сосланъ въ 1832 г. въ Вологду, гдѣ вскорѣ былъ назначенъ канцелярскимъ чиновникомъ, а въ теченіе 2-хъ лѣтъ исполнялъ (1835—1837 гг.) обязанности секретаря и правителя губернскаго правленія. Въ 1857 г. былъ переведенъ въ Кутаисъ чиновникомъ губернскаго правленія, а затѣмъ въ Тифлисъ въ исполнительную экспедицію. Здѣсь онъ прошелъ рядъ должностей отъ чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ Грузіи до секретаря управителя Имеретіей, совмѣщая эту послѣднюю обязанность съ должностью секретаря при грузинскомъ губернаторѣ. Въ 1839 г. онъ былъ переведенъ въ канцелярію главноуправляющаго и при гр. Муравьевѣ исполнялъ обязанности ея директора гражданскаго управленія. Во время Крымской компаніи онъ былъ директоромъ военно-походной канцеляріи ген. Бабутова. Въ 1859 г. былъ назначенъ членомъ совѣта намѣстника кавказскаго. Въ 1862 г. оставилъ службу и состоялъ тифлисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; онъ былъ инициаторомъ открытія дворянскаго банка и общества распространенія грамотности. Въ оживленное время, послѣ освобожденія крестьянъ, въ 1875—1879 гг. былъ тифлисскимъ городскимъ головою, должность которую онъ покинулъ изъ-за инцидента, на какомъ языкѣ долженъ присягать армянинъ: онъ настаивалъ на русскомъ или грузинскомъ языкѣ, какъ ему понятномъ диалектѣ. Въ мрачную эпоху (1885—1886 гг.) гоненія на грузинъ при кн. Дондуковѣ-Корсаковѣ онъ былъ избранъ (1885) кутаисскимъ предводителемъ дворянства, но вскорѣ за письмо съ негодованнымъ протестомъ къ экзарху Павлу, съ церковнаго амвона проклявшему грузинскій народъ, сосланъ былъ въ г. Ставрополь, гдѣ старецъ былъ съ таин-

¹⁾ Биографическій очеркъ (безъ окончанія) составленъ его сыномъ Николаемъ Кипіани (Москвѣ 1894, кн. 4).

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что дальше его былъ сосланъ одинъ Элиабаръ Эриванскій—именно въ Архангельскѣ.

ственною цѣлью убить въ 1887 г. и убійца не былъ розысканъ. Погребенъ былъ торжественно въ Тифлисѣ въ Давыдовскомъ монастырѣ.

Д. И. Кипиани принималъ участіе въ грузинской литературѣ учеными и публицистическими работами. Подъ псевдонимомъ Бакаръ Картлели онъ помѣщалъ свою работу въ *Цискари*, повѣсть „Звима“, драмы Шекспира „Два веронца“ и „Ромео и Джульета“, ром. Фулье „Повѣсть бѣднаго человѣка“, комедіи Мольера; написалъ грузинскую грамматику (Спб. 1882) и велъ полемику по грамматическимъ вопросамъ съ профессоромъ Д. Чубиновымъ; писалъ статьи о феодализмѣ („О томъ о семь между прочимъ и сословіяхъ“ и „о матеріалахъ для исторіи Грузіи“) и крѣпостномъ правѣ; помѣстилъ въ „Рус. Старинѣ“ интересныя *Записки и воспоминанія*.

А. А. Цагарели (1857—1904).

12-го августа 1904 г. безвременно скончался артистъ и писатель Авксентій Антоновичъ Цагарели. Уроженецъ сел. Дигоми Тифлискаго уѣзда (род. въ 1857 г.) и воспитанникъ духовной семинаріи, покойный съ ранняго дѣтства проявилъ любовь къ грузинскому театру, начало которому было положено кавказскимъ намѣстникомъ кн. М. С. Воронцовымъ. А. А. Цагарели въ юношескомъ возрастѣ принималъ живое участіе въ любительскихъ спектакляхъ и впоследствии сталъ однимъ изъ первыхъ сотоварищей, организовавшихъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ постоянную грузинскую драматическую труппу. Живой темпераментъ и наблюдательный умъ его проявились не только на сценѣ, но и особенно въ драматической литературѣ. Въ 1878 году проявилась первая его бытовая пьеса „Что видишь не увидишь болѣе“, встрѣченная весьма сочувственно публикой и прессой. Полнота поэзіи и народнаго юмора сказались еще ярче въ послѣдовавшихъ за первой комедіей пьесахъ „Ханума“, переведенной на русской и армянскій языки, а также „Майко“, „Мито Анцишвили“, „Цимбирели“ и пр. Зная близко грузино-армянскую жизнь, авторъ сумѣлъ создать вполне реальныя, художественныя типы и обрисовать характерныя бытовыя сцены. Покойный пробовалъ свои силы въ разработкѣ историческихъ сюжетовъ и переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Ему принадлежатъ переводы такихъ драматическихъ произведеній какъ „Нора“ Ибсена, „За монастырской стѣной“ А. Камолетти, „Кардиналъ Ришелье“, „Давидъ Рабинъ“, также „Волки и овцы“ и „Доходное мѣсто“ Островскаго. Но самая важная заслуга его заключается въ изображеніи грузинской жизни и вышеназванныхъ оригинальныхъ его пьесахъ, разыгрываемыхъ понинѣ во всѣхъ концахъ Грузіи, въ селахъ и городахъ. Вслѣдствіе матеріальной необеспеченности грузинскаго артиста и писателя, А. А. искалъ постороннихъ заработковъ и нашелъ службу на Закавказской желѣзной дорогѣ въ качествѣ начальника станціи. Послѣдніе два года своей жизни онъ провелъ

въ Тифлисѣ и сталъ принимать близкое участіе въ грузинскихъ изданіяхъ *Моамбэ* и *Цнобисъ Пурцели*, гдѣ напечаталъ между прочимъ интересныя воспоминанія о начальномъ періодѣ грузинскаго театра. Умеръ онъ отъ простуды, проболѣвъ всего два дня. Грузинское общество, цѣня высокія заслуги А. А. Цагарели, приняло на свой счетъ расходы по его похоронамъ и приступило къ сбору пожертвованій въ видахъ организаціи какого-либо полезнаго предпріятія въ память покойнаго.

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ его пьесъ¹⁾ это *Ханума*. Дѣйствующими лицами здѣсь являются представители всѣхъ классовъ и профессій. *Микичъ Ткаиль-Контрианцъ*, богатый купецъ, единственный принципъ, которому онъ неуклонно слѣдуетъ — приумноженіе капиталовъ. Этимъ принципомъ онъ руководствуется даже при выборѣ зятя: чрезъ него онъ можетъ захватить въ свои лапы имѣнія его многочисленныхъ родственниковъ. Есть у него и честолюбіе, особаго рода: одного богатства ему мало, никто передъ нимъ даже шапки не снимаетъ; не то будетъ, когда онъ выдастъ дочь свою за князя! Въ семейной жизни и въ отношеніяхъ къ младшимъ держится Домостроевскихъ взглядовъ: я приказываю своей дочери, и она должна выйти замужъ; я ей приказываю, и она должна умереть! *Соня*, его дочь, получила воспитаніе въ институтѣ, говоритъ по-французски, играетъ на фортепиано; въ ней нѣтъ и слѣда того запуганнаго существа, которыми представлялись ея бабушки и прабабушки, поэтому она слѣдуетъ влеченію своего сердца и сама себя избираетъ жениха. Отсюда ея неизбежное столкновеніе съ отцомъ-самодуромъ. Но воспитаніе оставило на ней и плохіе слѣды: она хитра и, гдѣ нужно, умѣетъ пускаться въ ходъ потоки слезъ, падать въ обморокъ. *Сарра*, бабушка Сони, какъ всѣ старухи вообще и бабушки въ особенности, любитъ читать правоученія и можетъ до смерти надоесть ими. Часто возносить молебны ко Всевышнему; любитъ до безумія свою внучку.

Аконъ, родственникъ ихъ, весельчакъ и острый малый. Онъ находитъ, что жить безъ мозгу куда какъ веселѣе: мозгу придется еще, пожалуй страховать, а кто-жъ ему заплатитъ за него, въ случаѣ онъ вздумаетъ сгорѣть²⁾. Обладаетъ довольно чувствительнымъ сердцемъ и легко поддается увѣщаніямъ женскаго пола. Принципы, которымъ онъ слѣдуетъ въ жизни, сводятся къ одному:

Давайте пѣть, любить, плясать;
Что будетъ завтра—наплевать!

¹⁾ К. Таварткиладзе предпринялъ изданіе драматическихъ произведеній А. А. Цагарели, но не довелъ до конца. Въ первый томъ (Ахаль-Сенаки, 1895 г.) вошли три пьесы: *Грузинка-мать*, *Цимбирели* и *Байкуши*. Въ 1884 г. въ Тифлисѣ вышелъ сборникъ его комедій, въ которомъ напечатаны между прочимъ *Ханума* и *Другія нынче времена*.

²⁾ Ср. остроумныя словечки въ ком. „Бригадиръ“ Фонъ-Визина.

Князь Ваню Пантіа-швили—состоятельный помѣщикъ, вдовецъ; успѣлъ уже пожить на своемъ вѣку; понимаетъ толкъ въ женщинахъ. Безшабашная жизнь надоѣла ему и онъ хочетъ найти успокоеніе въ женитбѣ. Умѣетъ держать себя съ достоинствомъ; если дѣло касается чести, умѣетъ поддержать ее съ оружіемъ въ рукѣ. *Котэ Пантіашвили*, его—молодой человѣкъ съ образованіемъ, живетъ собственнымъ трудомъ. Въ пьесѣ достоинствъ своихъ не обнаруживаетъ: они тамъ гдѣ-то, за кулисами; какъ всѣ влюбленные, ограничивается больше восклицаніями. *Тимотэ*, слуга Ваню, отъ него еще пахнетъ деревней, городъ не успѣлъ наложить на него своей цивилизующей руки. Довольно наблюдателенъ, любить болтать; обнаруживаетъ къ своимъ господамъ преданность, свойственную лишь крѣпостнымъ.

Кабато, сваха,—только вступаетъ на этотъ путь, но у нея есть всѣ задатки для блестящаго будущаго: умѣетъ льстить, когда нужно, умѣетъ покричать, гдѣ нужно, можетъ очернить человѣка такъ, что ничѣмъ грязи не отмоешь; она себя въ обиду не дастъ: что ей за дѣло, что вы—князь, у нея господина нѣтъ, и она никому не позволитъ ругаться надъ собою. *Ханума*, тоже сваха, только прошедшая сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы. Много она лишеній перенесла за свое ремесло: разъ цѣлую недѣлю просидѣла голодной въ ямѣ; но эти лишенія только закалили ее въ бою. За то теперь нѣтъ у нея равной! Она сама сознаетъ свою силу, самоувѣренна до смѣшнаго: для нея нѣтъ ничего невозможнаго! Давайте ей деньги, и „она женитъ хоть самого патриарха!“ Бойкая, остроумная, настойчивая, она никого и ничего не боится: всѣ предъ нею должны преклониться и повиноваться ей!

Дѣйствіе 1-е. *Тимотэ* сидитъ на стулѣ и жметъ отъ холода. Онъ недоволенъ тѣмъ, что баринъ взялъ его съ собой изъ деревни: здѣсь совсѣмъ не умѣютъ относиться съ должнымъ почтеніемъ къ прислугѣ. Толи дѣло въ деревнѣ: какъ встанешь,хватишь стаканъ очищенной и чувствуешь себя цѣлый день хорошо; станетъ тебѣ холодно—садись у огня, ѣшь чурчелы (туземное лакомство) и запивай водкой. Къ чему было и барину-то ѣхать въ городъ? Эти князья—странный народъ! Продадутъ осенью хлѣбъ и вино, и сѣшать ѣхать въ Тифлисъ; здѣсь въ двѣ недѣли спускаютъ всѣ деньги и возвращаются домой ни съ чѣмъ¹⁾. Изъ-за кулисъ раздается голосъ князя, который велитъ ему скорѣе кончить дѣло и идти съ порученіемъ. Вотъ баринъ ужъ цѣлую недѣлю посылаетъ его все съ письмами—онъ серьезно затѣиваетъ женитбу; эти свахи такой проклятый народъ, что, навѣрное, собьютъ его съ толку... А что, не жениться-ли ужъ и ему? Надо-бы приударить за маленькой свахой—авось...

Когда является сваха *Кабато*, *Тимотэ* приступаетъ къ дѣлу съ дипломатическимъ тактомъ: предлагаетъ ей женить его и постепенно переходитъ къ тому, что онъ имѣетъ въ виду именно ее. Та сперва принимаетъ это за шутку, но, видя его настойчивость, начинаетъ сер-

¹⁾ Ср. разсужденія Осипа въ ком. „Ревизоръ“ Гоголя.

диться. Онъ старается соблазнить ее картиной будущаго счастья: она будетъ сбывать молодыхъ дѣвицъ, онъ-же займется торговлей лошадами, такъ что они будутъ какъ разъ подъ-пару другъ другу. Но она не только не умиляется этой картиной, но приходитъ въ такую ярость, что снимаетъ съ ноги туфлю (довольно увѣсистую—*коши*) и пускаетъ ее въ назойливаго кавалера. Съ выходомъ князя прекращается это пріятное tête-à-tête. По уходѣ *Тимотэ*, *Кабато* сообщаетъ князю, что она нашла ему невѣсту, подобную которой развѣ найдешь у индійскаго царя, да у турецкаго султана, но больше ни у кого въ цѣломъ мірѣ. На вопросъ князя, лучше-ли она той невѣсты, которую предлагаетъ ему *Ханума*, *Кабато* удивляется, какъ онъ можетъ задавать такой вопросъ. Развѣ это невѣста? Это чортъ знаетъ что! И здѣсь она дѣлаетъ довольно картинное описаніе послѣдней, въ которомъ та является какимъ-то исчадіемъ ада. Да и самое-то *Хануму* можно ли пускать въ домъ? Вѣдь, ей бы только деньги драть! Потомъ она начинаетъ описывать достоинства своей невѣсты, дочери богатаго купца *Тквиль-Котрианца*: это ангель, прямо изъ эдема. *Кабато* читаетъ списокъ приданаго, стоимость котораго ходитъ до двадцати тысячъ.

Ваню радуется, что онъ такъ скоро нашелъ себѣ лакомый кусокъ. И какъ, вѣдь, легко пускать людямъ пыль въ глаза! Стоитъ проѣхать-ся пять—шесть разъ въ фэтонѣ—и двадцать тысячъ у тебя въ карманѣ! Онъ начинаетъ уже предвкушать прелести будущаго счастья, но мечтанья его обрываетъ *Тимотэ*, который докладываетъ о приходѣ племянника, *Котэ*. Послѣдній собирается жениться и пришелъ посоветоваться съ дядей. Невѣста его очень любить, но родныхъ ей трудно будетъ уломать. Дядя советуетъ ему кончить дѣло какъ-нибудь мирно, въ случаѣ же неудачи ничего не стоитъ подослать людей и похитить невѣсту. Затѣмъ онъ сообщаетъ ему о томъ, что и самъ скоро женится. Когда онъ называетъ свою невѣсту по фамилии, *Котэ* измѣняется въ лицѣ. На разспросы дяди, что съ нимъ такое, онъ отвѣчаетъ, что онъ не совсѣмъ здоровъ, и собирается уходить. Дядя проситъ его обождать, такъ какъ и онъ думаетъ итти, и идетъ къ себѣ одѣваться. *Котэ* остается, какъ громомъ пораженный: она—единственная женщина, которую онъ любитъ, и ту у него отнимаютъ! И кто же?—дядя, съ которымъ онъ не можетъ соперничать: тотъ богатъ, у него же ничего нѣтъ. Нѣтъ, онъ забудетъ про родство, рѣшится на всякую низость, но не уступитъ Соню! Хотя бы ему найти гдѣ-нибудь проклятую *Хануму*, чтобы разспросить про Соню!

Ханума легка на поминѣ. *Котэ* бросается къ ней и проситъ помочь ему, такъ какъ Соню выдаютъ за его дядю. Она отвѣчаетъ, что если онъ отсчитаетъ ей обѣщанныя деньги, бояться ему нечего. Дѣло, которое она затѣветъ, не можетъ разстроиться. Здѣсь она перечисляетъ свои подвиги на ея многотрудномъ поприщѣ: она на своемъ вѣку женила пятерыхъ генераловъ, изъ которыхъ каждому было 98 лѣтъ, черезъ недѣлю она уже и на поминкахъ побывала, сколькихъ женатыхъ

она вновь женила, четырех священниковъ чрезъ нее разстригли,—и съ нею-то вздумалъ его дядя шутить!.. Онъ женится безъ ея позволенія? Нѣтъ, не на такую онъ попалъ! Она всю Европу на ноги подыметь! Скоро она будетъ пенсію получать: тридцать лѣтъ уже служитъ этому дѣлу! Котэ, успокоенный ея словами, уходитъ. Ханума винить во всемъ Кабатю—это, навѣрное, ея дѣло. Но пока Ханума жива, не будетъ у нея соперницы въ Тифлисѣ!

Входитъ Ваню. Ханума не подаетъ виду, что знаетъ о намѣреніи его жениться на другой. Послѣ нѣсколькихъ шуточекъ съ обѣихъ сторонъ, она передаетъ князю, что на-силу уломала родителей невѣсты, но что сначала они и слушать не хотѣли. Ваню отвѣчаетъ, что и не нужно, такъ какъ онъ слышалъ, что невѣста никуда не годится. Она ему довольно спокойно возражаетъ, что для того, чтобы утверждать это, онъ долженъ сперва посмотреть невѣсту, теперь же разговоръ можетъ быть только о приданомъ; она вынимаетъ списокъ и читаетъ. По окончаніи чтенія, Ваню заявляетъ ей, что ему предлагаютъ невѣсту, которая гораздо красивѣе и богаче; когда же онъ категорически заявляетъ, что онъ не женится на ея невѣстѣ, она упрекаетъ его въ томъ, что онъ заставилъ ее напрасно бѣгать, что такъ благородные люди не дѣлаютъ что невѣстѣ уже приданое готовятъ. Кабатю, которая входитъ во время этого разговора, поддерживаетъ Ваню. Ханума все болѣе и болѣе повышаетъ тонъ, мимоходомъ вступаетъ въ перебранку съ Кабатю, затѣмъ объявляетъ, что пока она жива, она не потерпитъ, чтобы кто-нибудь одержалъ надъ нею верхъ и что она заставитъ свою соперницу ихъ собственными зубами раздирать на себѣ мясо. Ваню съ гнѣвомъ удаляется, во избѣжаніе неприятностей. Кабатю хочетъ послѣдовать за ними, но Ханума удерживаетъ ее и вступаетъ съ нею въ объясненія, которыя заканчиваются тѣмъ, что онѣ вцѣпляются другъ другу въ волосы. Въ этомъ положеніи застаютъ ихъ Тимотэ, который, по приказанію Ваню, разнимаетъ ихъ. Ханума бросаетъ туфлю и, вмѣсто Кабатю, попадаетъ въ Тимотэ. Послѣдній гонится за ними съ палкой и всѣ убѣгаютъ.

Д. П-е. Сарра уговариваетъ Соною выйти замужъ за того, кому ее предназначаютъ отецъ. Во—первыхъ, она должна помнить заповѣдь Божью: „младшіе да повинуются старшимъ“, и, кромѣ того, партія которая ей представляется, очень хороша: онъ—князь, богатырь, изъ хорошей фамиліи. Соны возмущается словами бабушки, говорить, что она не можетъ сдѣлаться его женой, такъ какъ она его не любитъ; пусть бабушка, если онъ ей такъ нравится, сама за него выходитъ. Такая непочтительность со стороны внучки оскорбляетъ бабушку; она прокликаетъ всѣхъ тѣхъ, кто отдаетъ своихъ дочерей въ пансіоны и гимназіи. У Соны является раскаяніе, она проситъ у бабушки извиненія. Та скоро забываетъ обиду, обнимаетъ внучку и говоритъ ей, что у нея наготовлено много вещей: однихъ драгоценныхъ камней на три тысячи.

Ихъ душевнымъ изліяніямъ полагаетъ предѣлъ ихъ родственникъ Аюпъ, который входитъ съ пѣніемъ. Онъ шесть мѣсяцевъ былъ въ отсутствіи по дѣламъ Микича, у котораго онъ служилъ, и вчера только вернулся. Онъ отпускаетъ разныхъ шуточекъ бабушкѣ и Сонѣ; послѣдняя обижается тѣмъ, что онъ ее сначала не замѣтилъ; онъ угощаетъ ее лакомствами. Затѣмъ опять обращается къ бабушкѣ и предлагаетъ ей напиться съ нимъ и затѣмъ поплакать по-русски. Сарра заявляетъ, что плакать ей не зачѣмъ, такъ какъ у нихъ Сонина свадьба. Аюпъ сперва не вѣритъ, но когда Сарра подтверждаетъ клятвой, онъ обращается къ Сонѣ и начинаетъ ее дразнить: представляетъ, какъ она будетъ развѣзжана въ каретѣ, съ лакеями на козлахъ, какъ ее будутъ окружать кавалеры, снимать передъ нею шапки и проч. Онъ удивляется превратностямъ судьбы: дѣдъ ея шилъ двѣ пары сапоговъ за 7 абазовъ (1 р. 40 коп.), починилъ водовозамъ дырявые сапоги, а внучка его—княгиня, карета, лакеи, рысаки!... Затѣмъ обращается къ бабушкѣ и говоритъ, что ей радоваться нечего, такъ какъ, когда они будутъ приходиться къ Сонѣ въ гости, то она будетъ гнать ихъ въ кухню и будетъ выдавать ихъ за своихъ бывшихъ слугъ. Сонѣ не до шутокъ. Онъ совѣтуетъ ей развеселиться, обѣщаетъ сдѣлать ея свадьбу по возможности веселою.

Его прерываетъ Микичъ, отецъ Соны, при которомъ онъ ведетъ себя нѣсколько скромнѣе. Тотъ прямо приступаетъ къ дѣлу: онъ получилъ двѣ экстренныя телеграммы, его требуютъ въ Гори (уѣздный городъ, недалеко отъ Тифлиса); если онъ останется, то потеряетъ тысячу 50. Но и ѣхать ему нельзя, такъ какъ завтра наступаетъ великій постъ и свадьбу Соны придется отложить, а черезъ двѣ недѣли ему надо ѣхать въ Астрахань, гдѣ ему придется пробыть года три. Но нельзя же такъ оставить старуху и молодую дѣвицу? Сыновья его заграницей, учатся. Поэтому онъ хочетъ во что бы то ни стало сегодня же устроить свадьбу. Въ разговоръ вмѣшивается Соны и заявляетъ, что она лучше никогда не выйдетъ замужъ, чѣмъ выходить за этого безмозглаго князя. Отецъ сердится на нее. Сарра и Аюпъ, въ свою очередь, уговариваютъ ее. Микичъ обращается къ Аюпу и поручаетъ ему приготовить все къ свадьбѣ, позвать гостей, — словомъ, быть полнымъ хозяиномъ. Ханума, какъ близкая къ ихъ дому, скоро придетъ и будетъ ему помогать. Съ женихомъ онъ уже переговорилъ; онъ сегодня придетъ смотреть ее, а вечеромъ они повѣнчаются. Самъ онъ ѣдетъ въ Гори, но къ ужину непременно вернется. Аюпъ обращается къ Сонѣ и совѣтуетъ ей не отказываться. Соны возмущена до глубины души. Она скорѣе зарѣжется, но не измѣнитъ Котэ. Она съ нетерпѣніемъ бросается къ Ханумѣ, и изливаетъ ей свое горе: если она ей не поможетъ, то она повѣсится. Та успокоиваетъ ее, требуетъ тоже, чтобы она ей отсчитала деньги, а объ остальномъ заботиться нечего. Она обѣщаетъ изгнать ее отъ князя даже въ томъ случаѣ, если они будутъ уже стоять подъ вѣнцемъ: она такъ сумѣетъ подставить вмѣсто нея другую, что онъ даже не замѣтитъ. Если Ханума захочетъ, Кура потечетъ вверхъ! Когда она узна-

еть, что Микичъ оставилъ вмѣсто себя Акона, она уже не сомнѣвается въ успѣхѣ, такъ какъ Акона легко склонить на свою сторону. Когда послѣдній входитъ и отпускается, по обыкновенію, нѣсколько шутокъ, Ханума начинаетъ упрекать его въ томъ, что онъ позволяетъ выдать замужъ беззащитную двоюродную сестру, — какой же онъ мужчина послѣ этого! Бѣдная дѣвочка нѣсколько разъ уже въ обморокъ падала, собирается лишиться себя жизни, — а онъ такой безжалостный! Соня, съ своей стороны, начинаетъ просить его, чтобы онъ вывелъ ее изъ бѣды, увѣряетъ, что онъ спасетъ ее отъ вѣрной смерти. Акопъ сначала старается дать отпоръ, но непріятель такъ энергично его осаждаетъ, что онъ начинаетъ уже сдаваться. Къ нему является неожиданное подкрѣпленіе въ лицѣ Микича и Сарры. Микичъ обращается къ Ханумѣ и проситъ ее помогать Акопу. Затѣмъ даетъ Сонѣ засвидѣтельствованное у нотариуса обязательство, по которому, если онъ ей черезъ два мѣсяца не подастъ 20 тысячъ рублей, она имѣетъ право описать его лавки и дома. Соня отказывается брать, и онъ вручаетъ бумагу Акопу. Акопъ довольно робко пытается сказать нѣсколько словъ въ пользу Сони, но Микичъ сердито обрываетъ его: что это, бунтъ что-ли? Всѣ сговорились противъ него! Уже не хочешь ли Акопъ, чтобы онъ далъ ему подписку въ томъ, что оставяетъ его полнымъ хозяиномъ? И онъ идетъ съ этимъ намѣреніемъ къ себѣ въ комнату. Въ дверяхъ онъ спрашиваетъ: не знаетъ ли кто имени князя? Ханума отвѣчаетъ: „Котэ“. Акопъ пытается возразить, что его зовутъ Ваню, но Ханума заставляетъ его молчать. Наконецъ, Микичъ выноситъ бумагу, въ которой онъ выражаетъ свое согласіе на бракъ дочери съ Котэ Пантіашвили, и вручаетъ ее Акопу. Послѣдній снова находитъ въ осадномъ положеніи. Непріятель пускаетъ уже въ ходъ всѣ средства, данныя ему для борьбы съ другою половиною рода человѣческаго: хитрость тутъ играетъ первенствующую роль при помощи ея, омоченной надлежащимъ образомъ слезами, ему удается выманить у Акона обязательство Микича. Потерявъ послѣднее оружіе для борьбы, Акопъ, послѣ недолгаго ропота и колебанія, сдается окончательно. Онъ довольно нерѣшительно заявляетъ: а какъ-же быть съ княземъ, онъ скоро долженъ придти? Но и это новое препятствіе берется устранить всемогущая Ханума: она проситъ Соню дать ей свое платье и другіе принадлежности женскаго туалета, и она сама покажется князю, вмѣсто нея. Предложеніе ея принимается съ радостью. Ханума проситъ Соню написать ей нѣсколько французскихъ фразъ грузинскими буквами, и Акопъ будетъ ей подсказывать. Затѣмъ въ соседней комнатѣ надо придвинуть къ дверямъ пианино и, когда Ханума будетъ прикасаться къ клавишамъ рояля, пусть Соня играетъ въ это время на пианино. Соня успокаиваетъ Акона, который все еще боится гнѣва дяди и знакомитъ его съ вошедшимъ Котэ. Затѣмъ рассказываетъ ему про новую затѣю Ханумы и уводитъ его къ ней, чтобы помочь ей одѣться. Акопъ, при видѣ этой парочки, не сожалеетъ уже о томъ,

что онъ перешелъ на ихъ сторону: они созданы другъ для друга, грѣшно было-бы разъединять ихъ!

Акопъ встрѣчаетъ въ дверяхъ Ваню; усаживаетъ его. Разговоръ у нихъ не клеится; прибѣгаютъ къ спасательной въ такихъ случаяхъ погодѣ. Наконецъ, является она. Акопъ едва удерживается отъ смѣха. Князь въ недоумѣніи смотритъ на нее. Первое время разговоръ также не клеится. Ханума, при помощи Акона, произноситъ нѣсколько французскихъ фразъ. Князь заявляетъ, что онъ во французскомъ языкѣ слабъ; на вопросъ его, не говорить-ли она по-грузински, она разсказываетъ ему ломанымъ грузинскимъ языкомъ, что отецъ въ дѣтствѣ взялъ ее въ Парижъ и тамъ она забыла грузинскій языкъ, но теперь она старается учиться. Все это время она ходитъ по комнатѣ, сильно хромя; затѣмъ подходитъ къ князю и неожиданно начинаетъ предлагать ему безсмысленные вопросы, вроде того: какъ поживаютъ вани буйволы? много-ли ихъ у васъ? Затѣмъ предлагаетъ ему прослушать романсъ и садится за рояль. Ваню пользуется этимъ моментомъ и подходитъ къ Акопу. Начинается объясненіе. Ваню взбѣшенъ: можно-ли такъ обманывать людей, — онъ ожидалъ увидѣть ангела небеснаго, а передъ нимъ — какой-то дьяволъ въ юбкѣ. Акопъ притворится оскорбленнымъ. Ханума догоняетъ его, проситъ взять ее въ кружокъ, или оперу.

Д. III-е. Ханума возится въ комнатѣ. Она смѣется надъ княземъ, который вздумалъ съ ней тягаться! Съ ней, которая какихъ только штукъ не продѣлывала на своемъ вѣку! Одного пьяницу, полковника, она заставила быть шаферомъ его собственной жены; одну бездѣтную княгиню заставила родить ребенка: подкинула ей въ постель только-что рожденнаго малютку, и до сихъ поръ никто не знаетъ, что онъ не ей принадлежитъ... И кто пересчитаетъ всѣ ея продѣлки! И ее-то онъ вздумалъ одолѣть! Оставила она его, дурака, совсѣмъ безъ жены: его невѣсту выдала уже замужъ, взяла полтора ста рублей, да здѣсь до шестисотъ получила!.. Но она вспомнила, что ночью видѣла во снѣ, будто воронъ каркалъ надъ ея головой. Крестится. Увидѣвъ Сарру, которая разыскиваетъ ее, она успокаивается: сонъ въ руку — чѣмъ она не воронъ? Сарра удивляется, что Микичъ говорилъ ей, будто зять ихъ носитъ національный костюмъ, между тѣмъ какъ женихъ былъ сегодня въ какомъ-то странномъ одѣяніи. Ханума отвѣчаетъ ей, что онъ во фракѣ — это такой сюртукъ съ отрѣзанными фалдами, онъ служитъ признакомъ просвѣщенія. Сарра недоумѣваетъ, что это за просвѣщеніе такое — отрѣзанныя фалды!

Входитъ Акопъ съ пѣніемъ: онъ немного на веселѣ. Онъ поздравляетъ Сарру. Она подвязываетъ ему плечо (мѣстный обычай). Онъ извѣщаетъ Сарру о скоромъ приходѣ молодыхъ изъ церкви. Когда Ханума напоминаетъ ему, что онъ долженъ еще дать отчетъ дядѣ, Акопъ отъ страха отрезвляется. Ханума успокаиваетъ его.

При появленіи молодыхъ, музыка играетъ тушь. Всѣ поздравляютъ ихъ, даютъ имъ пить шербетъ (сладкій напитокъ), ставятъ имъ подѣ но-

ги тарелку, которую они разбиваютъ. Сарра усаживаетъ молодыхъ. Котэ уходитъ, чтобъ посмотрѣть, кто изъ гостей пришелъ. Акопъ и Ханума танцуютъ. Во время танцевъ появляются Микичъ и Ваню. Акопъ встрѣчаетъ Микича и говоритъ ему, чтобы онъ поздравилъ свою дочь. Когда тотъ узнаетъ, что дочь его обвинчалась—съ кѣмъ, онъ еще не знаетъ—онъ въ страшномъ отчаяніи. Ваню, видя въ этомъ еще большее для себя оскорбленіе, выхватываетъ шашку и угрожаетъ Акопу и Ханумѣ. Всѣ разбѣгаются. Входитъ Котэ и объявляетъ, что невѣста принадлежитъ ему. У Ваню шашка выпадаетъ изъ рукъ; онъ стоитъ какъ вкопанный. Затѣмъ онъ обнимаетъ племянника и упрекаетъ его въ томъ, что онъ раньше ему не сказалъ. Микичъ протестуетъ: Котэ бѣденъ и онъ не хочетъ выдавать за него свою дочь. Ваню подзываетъ къ себѣ жениха и невѣсту, благословляетъ ихъ и объявляетъ, что онъ послѣ этого случая закаивается и помышляетъ даже о женитьбѣ: Провидѣніе видно нарочно такъ устроило. Онъ все свое имѣніе передаетъ Котэ. Послѣднее обстоятельство смягчаетъ сердце Микича. Онъ благословляетъ дочь и зятя. Ваню спрашиваетъ Котэ, кого ему показывали вмѣсто Сони и чьи это штуки? Ваню, въ знакъ того, что онъ не сердится на Хануму, даетъ ей деньги на платье. Микичъ дѣлаетъ хозяйственные распоряженія. Ханума обращается къ князю и совѣтуетъ никогда не забывать ее. Она, если захочетъ, можетъ превратить его въ верблюда. Затѣмъ она велитъ играть лезгинку и танцуетъ съ Акопомъ.

Не меньшей популярностью пользуется его комедія *Не тѣ ужъ нынче времена!*

Д. 1-ое. Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Катини. Изъ ея монолога мы узнаемъ, что скоро предстоитъ свадьба ея племянницы Тасіи, но что князь Давидъ, вотъ ужъ второй день, какъ силой увелъ къ себѣ дѣвушку и не отпускаетъ отъ себя. И это вовсе не единственный случай самоуправства князя! Катина объясняетъ поступокъ князя тѣмъ, что братъ ея чѣмъ-то его разгнѣвалъ. Она въ отчаяніи: сегодня придетъ женихъ со своими друзьями. Что она имъ скажетъ? Является сынъ Катини, Илѹа, и объявляетъ, что прибыли дружки и что скоро появится и самъ женихъ. Нужно приготовиться къ встрѣчѣ. Илѹа идетъ сзывать гостей и скоро комната наполняется приглашенными. Но вотъ раздаются звуки зурны и съ пѣснями и криками входитъ женихъ, окруженный друзьями. Послѣ танцевъ начинается попойка, во время которой друзья жениха наперерывъ сыплютъ прибаутками. Рѣкой льется и вино, и остроуміе. Мишенью ѣдкихъ насмѣшекъ для всѣхъ служитъ армянинъ Аветикъ. Но онъ не остается у нихъ въ долгу и отвѣчаетъ тѣмъ-же. Тосты подгулявшихъ „кинто“ блестятъ всѣми красотами восточной фантазіи.

Гижѹа, напримѣръ, пьетъ за бѣдное деревцо, которое, въ силу побочныхъ независимыхъ отъ него обстоятельствъ, засыхаетъ у самаго берега рѣки; или тотъ-же Гижѹа пьетъ за двухъ влюбленныхъ голубковъ, сидящихъ на разныхъ вѣткахъ и не имѣющихъ возможности перелетѣть одинъ къ другому. Голубки ждуть вѣтра, который сблизилъ-бы

эти вѣточки. Пичхула говоритъ: „Да здравствуетъ фонарь, который въ темную ночь освѣщаетъ намъ путь, какъ-бы говоря: путникъ, иди вотъ въ эту сторону, чтобы не свалиться тебѣ въ яму“.

Затѣмъ пьетъ Сосана за несчастную звѣздочку, которая всюду слѣдуетъ за мѣсяцемъ, сгораетъ отъ любви къ нему, но не встрѣчаетъ къ себѣ никакого сочувствія. Армянинъ Аветикъ, которому чужды всякія поэтическія красоты, подымаетъ ихъ на смѣхъ и говоритъ: „Да здравствуетъ разумъ, которымъ Господь Богъ, увы, не надѣлилъ васъ!“ Всѣ смѣются. Тосты смѣняются разными застольными пѣснями. Въ это время Катина секретно сообщаетъ Сакоа о продѣлкѣ князя. Разсерженный женихъ объявляетъ объ этомъ друзьямъ. Извѣстіе вызываетъ цѣлую бурю негодованій; всѣ вскакиваютъ съ намѣреніемъ идти немедленно къ князю, чтобы отобрать дѣвушку силою; но благоразуміе и врожденная изворотливость Аветика спасаетъ князя отъ пашества разгоряченныхъ виномъ кинто (тифлискаго торговца съ лотка). Онъ беретъ самъ все устроить, говоря, что силою теперь ничего не возьмешь, что противъ насилія существуютъ законы, что, наконецъ, такихъ людей, какъ князь, онъ счумѣетъ лучше обойти и т. д. И Аветикъ уже хочетъ уходить, но въ это время вбѣгаетъ Катина и взволнованная объявляетъ, что князь избилъ ея брата, который былъ посланъ ею туда за Тасією. Всѣ съ угрозами выбѣгаютъ.

2-е д. Сцена представляетъ комнату въ домѣ князя. Входитъ князь Давидъ и другъ его Захарій, который только что пріѣхалъ къ нему въ гости и успѣлъ осмотрѣть его хозяйство, и потому разговоръ идетъ на эту тему. Вошедшій слуга-имеретинъ докладываетъ, что пришли какіе-то люди и спрашиваютъ князя.

Вслѣдъ за этимъ является управляющій и говоритъ, что пришли за Тасією. Князь оставляетъ ихъ на время и уходитъ къ себѣ переодѣться. Въ его отсутствіи управляющій объясняетъ Захарію сущность дѣла. Этотъ послѣдній крайне возмущенъ поступкомъ друга и общается приложить всѣ старанія, чтобы уладить дѣло. Въ это время входитъ Аветикъ и представляется Захарію. Узнавъ, что Захарій, другъ князя, Аветикъ слащавымъ голосомъ объявляетъ, что онъ явился пригласить князя и его на свадьбу, конечно, если они только удостоятъ ихъ своимъ милостивымъ посѣщеніемъ. Входитъ князь. Аветикъ подходитъ къ нему и освѣдомившись о его здоровьѣ, тоже приглашаетъ на свадьбу. Когда князь узнаетъ, о какой свадьбѣ говоритъ Аветикъ, выходитъ изъ себя и категорически заявляетъ, что дѣвушку онъ ни за что не отпуститъ. Аветикъ тоже возвышаетъ голосъ и въ то-же время поглядываетъ на дверь, что бы при первой опасности улетучиться, что ему, въ концѣ концовъ, и удается съ успѣхомъ. Между оставшимися друзьями происходитъ горячій разговоръ, въ которомъ Захарій упрекаетъ своего друга въ несправедливости и совѣтуетъ, во избѣжаніе скандала со стороны жениха, возвратитъ ему невѣсту. Князь проситъ не вмѣшиваться въ его дѣло и предоставить ему самому покончить съ ними. Захарій оставляетъ его.

Входитъ Гижуа и проситъ князя уступить дѣвушку честию, но когда это не дѣйствуетъ, выходитъ изъ себя и начинаетъ угрожать. Князь зоветъ людей и велитъ вывести буяна, но „кинто“ такъ легко не сдается. Онъ даль слово другу не возвращаться безъ невѣсты и, конечно, не намѣренъ отступать. Князь выходитъ изъ себя, но подоспѣвшій Захарій останавливаетъ его во время. Въ свою очередь, на шумъ вбѣгаютъ Сакуа (женихъ) и Аветикъ и тоже сдерживаютъ своего расхлывшагося товарища. Женихъ упрекаетъ князя и говоритъ, чтобы онъ успокоился, бить его они не будутъ, такъ какъ не стоитъ марать рукъ, но пусть онъ знаетъ, что „нынче уже не тѣ времена“, и что противъ несправедливости существуетъ правосудіе.

Не будемъ останавливаться на передачѣ содержанія другихъ его пьесъ, сходныхъ по разработкѣ съ вышеприведенными комедіями. Ограничимся нѣсколькими словами относительно послѣднихъ его произведеній.

Въ „Сценическихъ картинахъ“ герой Сико бросаетъ соблазнительную имъ дѣвушку и женится на богатой особѣ и пытается оправдать себя предъ первой. Изъ-за денегъ онъ готовъ идти на все. Такова нравственная идея пьесы, затронутая имъ еще въ тенденціозной ком. „Радуга“, въ которой порицалъ до-брачныя связи и неодобрительно относился къ продукту ихъ—незаконнымъ дѣтямъ.—Ни одинъ изъ грузинскихъ драматурговъ послѣ кн. Г. Д. Эристовна не отличался такой богатой наблюдательностью и умѣніемъ схватывать жанровыя картины, какъ А. А. Цагарели, съ его ѣдкимъ юморомъ и живымъ образнымъ языкомъ.

Василій Абашидзе.

10 марта 1902 г. въ Тифлисѣ грузинское общество устроило торжественное чествованіе В. А. Абашидзе по случаю исполнявшагося 25-лѣтія его артистической дѣятельности на грузинской сценѣ. По окончаніи курса въ кутанской гимназіи (род. въ 1855 г., въ Душетѣ), г. Абашидзе состоялъ городскимъ учителемъ, а потомъ вступилъ въ только что (1879 г.) организовавшуюся постоянную грузинскую труппу и съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе четверти вѣка съ неослабѣвающей энергіей и съ пламеннымъ воодушевленіемъ служилъ родному театру. О немъ мало сказать, что онъ служилъ наравнѣ съ другими, столь же восторженными, сотоварищами культу Талия и Мельпомены. В. А. Абашидзе созидалъ и съ нѣжной заботливостью возвращалъ грузинское сценическое искусство, влагая въ него весь свой богатый талантъ и искреннее, пылкое увлеченіе, заражая робкихъ и падающихъ духомъ. Природа его щедро надѣлила всѣми артистическими дарами: онъ приковываетъ зрителей граціозной мимикой, выразительностью и отчетливостью игры, тонкими варіаціями въ интонаціи и непринужденнымъ умѣніемъ держаться на сценѣ. „Абашидзе,—писалъ одинъ изъ рецензентовъ въ „Театральной Библіотекѣ“ (1879, № 4)—поражаетъ насъ разнообразіемъ своего репертуара. Почти каждую недѣлю онъ является передъ нами все въ новыхъ и новыхъ

роляхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ исполняются имъ съ *истинной художественностью*“. Со времени появленія этой рецензіи репертуаръ г. Абашидзе значительно расширился, а талантъ его съ каждымъ годомъ замѣтно развивался и углублялся. Онъ создалъ болѣе двухсотъ типовъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ и классовъ. Онъ неподражаемо выступалъ въ роляхъ какъ грузинскихъ драматурговъ (напр., въ пьесѣ А. Цагарели „Ханума“ онъ играетъ роль Аюпа), такъ и иностранныхъ: его видѣли Полопиемъ, Городничимъ, Хлестаковымъ, Фамусовымъ, Скапенемъ и др. Въ 1881 г. онъ принималъ участіе въ русской труппѣ, исполняя по преимуществу комическія роли. Но онъ не ограничивается артистической дѣятельностью. Ему принадлежитъ около двадцати пьесъ, частью оригинальныхъ, частью переделанныхъ для грузинской сцены, а въ теченіе двухъ лѣтъ (1885—1887 г.г.) онъ издавалъ еженедѣльную грузинскую газету „Театръ“. По прекращеніи этого изданія, онъ принималъ участіе въ грузинскихъ изданіяхъ по театральнымъ вопросамъ и напечаталъ весьма интересно составленные сборники „Лира“, стихотворенія для произнесенія на сценѣ, и „Пантеонъ“—собраніе наиболѣе популярныхъ пьесъ. Литературная его дѣятельность вполне гармонируетъ съ его широкой артистической натурой. В. А. Абашидзе давно уже сдѣлался любимцемъ грузинскаго общества и энергичнымъ руководителемъ грузинскаго театра. Чествованіе его 10 марта служило новымъ подтвержденіемъ особыхъ горячихъ симпатій, не разъ проявленныхъ грузинами къ своему даровитому артисту. 3 мая 1887 г. его чествовали, въ виду исполнявшагося его десятилѣтняго служенія грузинской сценѣ, и тогда всѣ классы Грузіи—образованные и необразованные, знакомые и почитатели—привѣтствовали его неподдѣльнымъ засвидѣтельствомъ чувствъ восторга и преклоненія предъ его мощнымъ талантомъ.

Состоя въ теченіе четверти вѣка беззмѣннымъ стражемъ интересовъ родной сцены, В. Абашидзе немало потрудился по литературѣ театра, давъ въ разное время удачные переводы нѣлаго ряда такихъ пьесъ, какъ „Трудовой хлѣбъ“ Островскаго, „Нынѣшняя любовь“ Дьяченко, „Она помѣшана“, „Испанскій дворянинъ“, „Преступленіе и наказаніе“ (съ французскаго), „Ограбленная почта“, „Два подростка“, „Ученая жена“, „Жилецъ съ тромбономъ“, „Дамскій вагонъ“, „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“, а также либретто оперетокъ „Званный вечеръ съ итальянцами“ и „Рыцарь безъ страха и упрека“. Перу В. Абашидзе принадлежитъ также оригинальныя пьесы: „Чья вина?“ др. въ 5 д., „Вотъ такъ жена!“ одноактная комедія и драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи „Тасико“. В. Абашидзе первый грузинскій профессиональный артистъ.

К. Д. Кипіани.

Артистъ Константинъ Дмитріевичъ Кипіани родился въ г. Тифлисѣ въ 1848 г. 3-го марта. До 16 лѣтняго возраста воспитывался дома, при родителяхъ, вмѣстѣ со старшимъ братомъ, Николаемъ и младшей сестрой,

Елепой. На домъ прїѣзжали къ нимъ лучшія педагогическія силы Тифлиса, каковыми были: Виссариошъ Гогоберидзе, Николай Гогоберидзе, Монастырскій, фонъ-Дери-Ноине, священникъ I гимназіи Мицкевичъ, французы: Шарле (учитель французскаго языка) и Симонъ (музыки), художникъ Бабаевъ. Будучи 16-лѣтнимъ, онъ былъ опредѣленъ его въ I классическую гимназію, въ четвертый классъ, но въ этомъ классѣ онъ оставался одинъ только семестръ; отецъ въ 1866 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ отвезъ его въ Петербургъ, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ опекаемаго имъ владѣтельнаго дома князя Мингрельскаго. Большія успѣхи дѣлалъ онъ въ рисованіи. Подъ руководствомъ Филипова началъ рисовать акварелью; великому князю Михаилу Николаевичу понравилась очень большая акварельная картина Филипова, изображавшая „Охоту въ Карабахъ великаго князя“ и ему была заказана копія съ этой картины, которая была послана въ Петербургъ, въ подарокъ Государю Александру II. Выдержавъ экзаменъ гимназическаго курса лѣтомъ 1867 года, онъ поступилъ въ Петровскую сельско-хозяйственную академію.

Покойный отецъ его очень любилъ драматическое искусство и самъ, вмѣстѣ съ матерью артиста, не разъ игралъ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ въ спектакляхъ во время намѣстничества на Кавказѣ князя Воронцова. Въ 1866 году, лѣтомъ былъ устроенъ торжественный грузинскій спектакль въ театрѣ Тамашева; между прочими пьесами грузинскими любителями была разыграна одноактная комедія Мольера „Женитьба по неволѣ“ въ переводѣ Д. И. Кипиани, и тогда въ первый разъ выпустили К. Д. на театральныя подмостки въ роли пажа.

Въ академію художествъ онъ не попалъ, по причинѣ болѣзни (трахома глазъ) и поступилъ въ Петровскую академію, гдѣ пробылъ три года, изучая агрономію; до окончанія курса по домашнимъ обстоятельствамъ пришлось ему возвратиться на родину.

Въ 1872 году была введена на Кавказѣ акцизная система; управляющимъ акцизнымъ вѣдомствомъ былъ назначенъ дѣйст. ст. совѣт. Нѣжинскій, обслуживецъ отца К. Д.; Нѣжинскій принялъ его къ себѣ на службу и назначилъ его въ Сванетію. объѣздивъ свой районъ и не найдя возможности вводить акцизную систему въ Сванетію, К. Д. подалъ обширный докладъ г. начальнику гражданскаго управленія барону А. П. Николаю объ этомъ предметѣ и благодаря докладу—введеніе акциза въ Сванетію было отсрочено на три года. По открытіи акцизной системы, Нѣжинскій вскорѣ умеръ и мѣсто его занялъ его помощникъ, г. Фессунъ, съ которымъ случился у Кипиани небольшой инцидентъ, на личной почвѣ, и онъ, прослуживъ почти 1½ года, вышелъ въ отставку и вернулся къ себѣ въ имѣніе, въ селеніе Квишхети, Горійскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.

Въ 1873, 74 и 75 годахъ, въ Тифлисѣ издавался грузинскій журналъ „Иверія“, подъ редакціей Капанова (нынѣ онъ управляющій отдѣленіемъ Государственнаго банка въ г. Баку) и тамъ онъ напечаталъ

пространную статью „Письма туриста о Сванетіи“, подписавъ псевдонимомъ „Коте Санинели“ (отъ названія имѣнія матери, Нины). Лѣтомъ въ 1875 году, воспитатель дѣтей великаго князя Михаила Николаевича, Л. Н. Модзалевскій, согласно желанію великаго князя имѣть помощникомъ управляющаго (его Боржомскимъ имѣніемъ грузина, получившаго высшее сельско-хозяйственное образованіе, пригласилъ К. Д. Кипиани. Прослужилъ онъ въ Боржомѣ тоже около 1½ года; главноуправляющій всѣми имѣніями великаго князя Конради, узнавъ, что отецъ К. Д. оспариваетъ имѣніе у вел. князя, а сынъ его служитъ въ этомъ самомъ имѣніи, нашелъ невозможнымъ тамъ его службу и безцеремонно удалилъ его оттуда.

Будучи еще въ Петровской Академіи, по порученію профессора по ветеринаріи Чернопятова, онъ напечаталъ небольшую статейку о „ягурѣ рогатаго скота и овецъ“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1870 годъ, подписавшись Констан. Кип... и. Въ академіи же принялся за составленіе „Русско-грузино-латинскаго ботаническаго словаря“ съ энциклопедическимъ отдѣломъ, надъ каковымъ онъ работалъ болѣе 15 лѣтъ и въ настоящее время словарь этотъ, вмѣщающій въ себѣ около 5 тысячъ грузинскихъ терминовъ, находится въ Императорскомъ Кавказскомъ Обществѣ сельскаго-хозяйства, ожидая выхода въ свѣтъ.

Въ 1880 годахъ онъ печаталъ свои экономическія корреспонденціи о бытѣ грузинскихъ крестьянъ, подъ общимъ заглавіемъ „Изъ верхней Карталиніи“, на русскомъ и грузинскомъ языкахъ въ „Озобрѣ“, „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Дрозба“, подписываясь псевдонимомъ „Коте Санинели“. Въ 1880 годахъ на Кавказѣ были аресты молодыхъ людей за распространеніе запрещенныхъ книгъ, и онъ попалъ въ Горійскую тюрьму, гдѣ просидѣлъ 1½ мѣсяца и тогда въ „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“ напечаталъ два фельетона „Изъ тюрьмы“. Въ журналѣ „Иверія“ напечатанъ его переводъ съ русскаго на грузинскій драмы А. Банка „Мейрима или Босняки“. Тамъ же напечатанъ переводъ съ французскаго комедіи Бальзака „Меркаде дѣлецъ“. Въ „Дрозбѣ“ времени редакціи П. Г. Мачабели появился его критическій разборъ „Ботаническаго словаря“ кн. Р. Эрнстова. Передѣлалъ съ русскаго „Исиру“, комедію въ 2 дѣйствіяхъ; игралъ нѣсколько разъ его „Вахушти-сердаръ“, драму въ 5 дѣйствіяхъ и „Два отца“ оригинальную драму въ 5 дѣйствіяхъ. Историческая работа его „Изъ давно минувшаго Грузіи“ напечатана въ „Кавказскомъ Вѣстникѣ“ за 1900 годъ № 11. „Десять маршаловъ Грузіи“ и „Исторія тифлисской Публичной Библиотеки“ появились въ „Новомъ Обзорѣ“; перевелъ „Исторію культуры“, соч. Липшера, „Торквемаду“, трагедію Виктора Гюго; издалъ „Тысячу грузинскихъ монограммъ“. Ему принадлежитъ „Участь Грузіи“, историческая драма на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, въ 4 дѣйствіяхъ; „Борьба“, историческая драма въ 4 дѣйствіяхъ, „Сила любви“ историческая комедія въ 4 дѣйствіяхъ; онъ-же перевелъ „Баши-Ачукъ“, историческую повѣсть Акакія и

комедию „Недоросль“ фонъ-Визина, составлена имъ работа „О значеніи театра“ и статья «Изъ грузинской астрономіи» напечатана въ «Нов. Обзорѣнн».

Съ 1871 года онъ всегда принималъ участіе въ грузинскихъ спектакляхъ. Онъ первый изъ грузинъ, любителей драматическаго искусства, познакомившій грузинскую публику съ классическимъ репертуаромъ: Шекспиромъ, Шиллеромъ, Бальзакомъ, Мольеромъ и другими авторами. Играетъ какъ любитель, не имѣя строго выработаннаго амплуа, играетъ „Короля Лира“, играетъ и воевиль.

28 декабря 1894 года грузинское общество праздновало его 25-лѣтнюю артистическую дѣятельность.

Женатъ онъ на чистой грузинкѣ, Нинѣ Татіевои, тоже подвизающейся на родной литературѣ: она напечатала нѣсколько очерковъ и издала въ 1900 году переводъ романа „Спартакъ Джіованіоли“.

П. И. УМИКОВЪ (1838—1904).

Грузинская литература 25-го мая 1904 г. потеряла одного изъ плодovitыхъ писателей и выдающагося общественаго дѣятеля, Петра Юсифовича Умикова. Судя по автобіографіи покойнаго, родъ Умиковыхъ — очень древній и восходитъ ко временамъ царицы Тамары. Отецъ его былъ секретаремъ французскаго консула въ Тифлисѣ. Оставшись сиротой пяти лѣтъ, онъ первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ своей умной матери, затѣмъ учился въ тифлисской гимназіи и по окончаніи здѣсь курса въ 1860 г. слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ (1864—1867 гг.) и съ того времени былъ убѣжденнымъ носителемъ идей 60-хъ годовъ. Первая его печатная статья появилась въ журналѣ *Цискари* за 1860 г. подъ заглавіемъ „Что нужно автору?“—переводъ изъ Карамзина. Здѣсь же онъ началъ помѣщать произведенія грузинскаго байрониста Ник. Бараташвили, которыя въ 1875 г. выпли въ видѣ отдѣльнаго сборника. П. И. Умиковъ принималъ участіе въ изданіяхъ *Дрозба*, *Иверія*, *Кребули*, *Моамбѣ*, самъ издавалъ *Сасопло Газети* (*Сельскую Газету*) въ теченіе семи лѣтъ (1873—1880), имѣвшую значительный успѣхъ среди читателей. Помимо журнальной дѣятельности покойный очень дорожилъ памятниками древней грузинской письменности, и при его участіи, съ его предисловіями изданы были произведенія Давида Гурамшвили (1870 и 1880 г.), поэта XVIII в., сборникъ басенъ С. С. Орбелиани, современника Лафонтена, романъ „Висраміани“ (XII в.), „Дастурлама“ царя Вахтанга VI,—памятникъ весьма важный для изученія административнаго порядка въ Грузіи,—стихотворенія поэтовъ XIX в. Вахтанга и Григорія Орбелиани, Александръ и Ильи Чавчавадзе. Издалъ въ теченіе 1875—1877 гг. изъ древнихъ рукописей заимствованныя поэмы „Бежаніани“ (глава изъ „Шахъ-Намъ“), „Алексіани“, „Кал-важіани“, Вардбулбуліани царя Теймураза; сборники народныхъ пословицъ и пѣсень объ Арсенѣ, героѣ-любимцѣ

грузинъ¹⁾. Поэма объ Арсенѣ выдержала нѣсколько изданій и разошлась въ количествѣ болѣе 80,000 экземпляровъ. Въ связи съ этою издательскою дѣятельностью у покойнаго шла энергичная работа по собиранію грузинскихъ народныхъ сказокъ, оставшихся у него не напечатанными. П. И. Умиковъ не ограничивался ролью этнографа, собирателя древнихъ памятниковъ письменности и журналиста. Онъ былъ рьянымъ театраломъ и авторомъ нѣсколькихъ пьесъ, разыгрывающихся понынѣ на грузинской сценѣ, изъ которыхъ къ постановкѣ первой грузинской пьесы „Приготовленіе“ или Самзадиси было встрѣчено сочувственно въ печати и публикой. Въ дѣятельности П. И. Умикова должна быть отмѣчена еще одна сторона; онъ былъ почти 20 лѣтъ преподавателемъ грузинскаго языка въ 1-й тифлисской гимназіи, воспиталъ нѣсколько выпусковъ и въ томъ числѣ и нашъ выпускъ, съ благодарностью вспоминающій добраго и предупредительнаго наставника. Еще въ 1864 г. онъ издалъ азбуку для народа, цѣной въ 5 коп., и первую грузинскую прописку въ 1878 году. Въ Грузинскомъ календарѣ за 1904 г. онъ помѣстилъ сжатый обзоръ теченія грузинской литературы. Этнографъ и публицистъ, журналистъ и издатель памятниковъ письменности, преподаватель и драматургъ, П. И. Умиковъ выступалъ и въ качествѣ переводчика съ русскаго и иностранныхъ языковъ. Ему принадлежатъ пьесы „Въ сѣтяхъ любезностей“, „Предъ бенефисомъ“ (шутка), „Сраженіе“ (мелодрама въ 4 д.), и др. Въ 1866 году онъ издалъ между прочимъ въ переводѣ съ русскаго „Жизнь древнихъ народовъ“, а въ 1899 г. напечаталъ въ *Моамбѣ* переводъ испанской повѣсти „La vida de Lazarillo de Tormes“. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ покойный былъ проповѣдникомъ гуманныхъ идей и служенія общественнымъ интересамъ, горячимъ поборникомъ самостоятельности, чуждымъ крайняго націонализма. Своимъ трезвымъ умомъ и бодрымъ, жизнерадостнымъ настроеніемъ онъ производилъ чарующее впечатлѣніе и невольно внушалъ къ себѣ уваженіе даже лицъ, не раздѣляющихъ его убѣжденій.

Валеріанъ Гунія.

В. Гунія одинъ изъ плодovitѣйшихъ драматурговъ. Онъ перевелъ рядъ пьесъ, приспособивъ ихъ къ грузинской жизни и исторіи. Ему принадлежатъ пьесы частью на заимствованные сюжеты, частью переводы. „А чѣмъ не мужъ“, „Братъ и сестра“, „Два героя“, „Жизнь“ (изъ Мережковскаго), „Женскій трудъ“ (шутка), „Изъ-за мышенка“ (Армана Розо), „Качагъ Како Бгачіашвили“ (изъ поэмы кн. П. Чавчавадзе),

¹⁾ Товарищество *Цискари* издало въ 1905 г. небольшой сборникъ народныхъ пѣсень, собранныхъ П. И. Умикашвили. Въ сборникъ вошли еще пьеса его „Самзадиси“ и статья „Объ языкахъ мелкихъ народностей“. Сборнику предшествуетъ тепло написанный г-номъ Ф. Гогичайшвили біографическій очеркъ покойнаго писателя.

„Неисправимый“, „Охотник“, „Первая муха“ (Величко), „Путаница“, „Родина“ (Зудермана), „Съ мѣста въ карьеръ“ (водевиль), „Тайна крѣпости“ (по пьесѣ кн. Сумбатова „Старый закалъ“), „Въ холерное время“ и др.

Она приспособилъ къ быту гурійцевъ французскую пьесу Коппе „Два героя“, и она превратилась у него въ историческую драму съ couleur locale изъ гурійской жизни. Главными дѣйствующими лицами драмы являются Маміа, владѣтель Гуріи Леванъ Гуріели—полководецъ Таріель, сынъ Левана Багатараль—турецкій шпионъ, Дуду-ханъ—вторая жена Левана Гуріели. Дѣйствие происходитъ въ Гуріи въ XVII в. Турція, распространившая свое господство во всей западной Грузіи, преисполнена злобы на маленькую Гурію, которая, благодаря выгодному мѣстоположенію и естественнымъ границамъ, всегда съ успѣхомъ отражала нападенія турокъ. Единственный горный проходъ изъ Турціи въ Гурію „Карчхали“ хорошо укрѣпленъ гурійцами, а иногу доступа въ Гурію нѣтъ. Не разчитывая пробраться силой черезъ Карчхали въ Гурію, турки намѣреваются сдѣлать это хитростью. Въ Гурію посылается шпионъ Багатари. Послѣдній является къ женѣ главнаго полководца гурійскихъ силъ, красавицѣ абхазкѣ Дудуханъ, и предлагаетъ комбинацію: повліять на своего стараго мужа Левана, склонить его къ измѣнѣ: провести турецкія войска черезъ Карчхали; за это султанъ обѣщаетъ возвести на гурійскій престолъ Левана, ея мужа. Честолюбивая абхазка Дуда-ханъ соглашается и пускаетъ въ оборотъ всю свою чарующую красоту, чтобы склонить мужа къ измѣнѣ родинѣ. Послѣ тяжелой душевной борьбы, Леванъ поддается вліянію молодой красавицы—жены. Планъ измѣны созрѣлъ: Леванъ пойдетъ въ Карчхали, сниметъ караулъ и ночью пропуститъ турецкія войска. Но планамъ этимъ не суждено осуществиться. Объ нихъ своевременно узнаетъ другой герой драмы Таріель—сынъ Левана. Послѣдній является неожиданно въ Карчхали. Страстно любя родину, онъ рѣшается ни за что не допустить отца къ совершенію такого позора и собственноручно убиваетъ стараго заслуженнаго полководца и горячо любимаго отца для спасенія родины.—Столь же искусственно и своеобразно онъ пердѣлываетъ и другія (напр. „Дѣти Ванюшины“) русскія и европейскія пьесы примѣнительно къ исторіи и современнымъ правамъ Грузіи.

А з і а н и.

Въ самое послѣднее время на драматическое поприще выступила молодая писательница Н. Дондарова, подъ псевдонимомъ Азіани.

Сцены ея подъ заглавіемъ „Грѣхъ“—мало обработанное произведеніе. Хорошенькая 20-лѣтняя Лиза снимаетъ комнату у матери чиновника Васо Карбатова. Ухаживанія Васо за Лизой, увлеченной надеждою стать его женой, сближаютъ ихъ; но распущенный Васо, удовлетворивъ свою страсть, бросаетъ ее. Правдиво разбитая Лиза отвергаетъ предложеніе молодого и красиваго ученаго Галалова, сдѣланное черезъ посредство свахи. Съ другой стороны противъ такого брака мать Галалова

ва и возлюбленная его Машо, которую, впрочемъ, онъ удовлетворяетъ денежной ссудой, обѣщаетъ и послѣ вступленія въ бракъ съ Лизой жить съ нею интимною жизнью. Тогда зачѣмъ онъ женится на Лизѣ? Или почему Карбатовъ бросаетъ ее?

Пьесы „Деньги и титулъ“, „Инженеръ и докторъ“ имѣли огромный успѣхъ на сценѣ. Послѣдняя карриатура на армянскую интеллигенцію, а первая направлена на обличеніе современной грузинской аристократіи. Кн. Леванъ Лабадзе, исключенный изъ 4 класса, вольноопредѣляющийся женится на богатой армянкѣ Шарбатовой, мечтающей о титулѣ княгини. Сочетаніе „денегъ и почетнаго положенія“ оказывается неудобноносимымъ игомъ. Кн. Лабадзе промотать огромное состояніе жены и прожигаетъ свое существованіе въ кутежахъ и безчинствахъ. Единственной надеждой для измучившейся жены Машо избавиться отъ мужа является арестъ его и ожидающая его ссылка за пораненіе челоуѣка. Типъ Левана на грузинской сценѣ выставленъ впервые. Картина разоряющагося князя схвачена очень живо, легкомысленные мечты о положеніи Машо, получившей поверхностное гимназическое образованіе, воспроизведены ярко и талантливо.

Двухъ-актная комедія г-жи Азіани „Несбывшія надежды“ (Мамбѣ 1901 г.) производитъ очень выгодное впечатлѣніе жизненностью взятаго сюжета, образнымъ языкомъ и сравнительною перастянутостью дѣйствія. Пьеса могла бы назваться даже рѣзкой сатирой на современное намъ тифлисское общество, потому что въ ней авторъ касается и ограниченнаго націонализма, тщеславія и суетности барышень и барынь, взглядовъ въ „обществѣ“ на бракъ, наконецъ, склонности нашихъ молодыхъ грузинокъ къ переплетенію своей родной рѣчи русскими фразами. Семья Степана Ивановича Заралова ждетъ пріѣзда изъ Россіи сына доктора, на котораго возлагаетъ самыя розовыя и блестящія надежды. Но онъ этихъ надеждъ не оправдываетъ: о важнѣи не думаетъ, лѣчитъ крестьянъ и бѣдныхъ даромъ, къ обычному рекламированію своихъ медицинскихъ познаній не прибѣгаетъ и, къ довершенію ужаса и алчныхъ родителей, женится на бѣдной русской дѣвушкѣ. Цѣлый рядъ живыхъ типовъ даетъ намъ г-жа Азіани—старика Заралова, двухъ снлетницъ-мамашъ—Нину и Кекеду, молодого красноречиваго адвоката Габо, глупенькую барышню съ птичьей головкой и мечтами о птичьемъ опереніи, наконецъ, крестьянина-карталинца съ его добродушіемъ и грубоватой простотой. Слабо очерченны типы молодого доктора Ваню, идеалиста съ программой безкорыстнаго служенія челоуѣчеству, и его сестры, стремящейся не столько на высшіе курсы, сколько въ объятія Гименея.

Г-жа Азіани пробовала свое перо въ разсказахъ изъ современной взбаломученной жизни. Ей принадлежитъ живо схваченная сцена, изображающая смерть молодого идеалиста въ борьбѣ за честь сестры съ стражниками, призванными охранять благостояніе и покой горожанъ.

Грузинскую сцену поддерживали и обогащали пьесами Н. Авалитшивили, бывший редакторъ журнала „Мнатоби“, переводчикъ *Донъ-Кихота*. Онъ переложилъ рядъ пьесъ изъ Шиллера (*Разбойники*) и Островскаго. Еще большую услугу оказать ей кн. Иванъ Мачабели, сотрудникъ *Иверіи* и редакторъ *Дрозды*, своими переводами изъ Шекспира (Гамлетъ, Макбетъ, Король Лиръ¹⁾, Юлій Цезарь, Кориоланъ, Ричардъ III, Отелло), Ив. Мачавариани (пер. „Тартюфъ“ Мольера, „Старшій братъ“, и „Жертва“ комедіи Доде и др.). Въ качествѣ артиста и драматическаго писателя подвизался К. С. Месхи. Онъ выступилъ на театральные подмостки въ 1878 г. и съ тѣхъ поръ грузинская публика видитъ его въ самыхъ разнообразныхъ амплуа. Онъ написалъ пьесы (на заимствованные сюжеты): „Царевна Тамара“, „Багратъ IV“, „Руставели“, „Лангъ-Темуръ“, перевелъ нѣсколько драмъ—изъ соч. Дюморье *Тильби*, „Измѣну“ кн. Сумбатова и др.

Нѣсколько пьесъ принадлежатъ публицисту и критику Ст. Чрелашвили. Онъ перевелъ ком. *Донъ-Жуанъ* Мольера. Пахуцришвили, автора разсказа Таде, переводчикъ сценъ изъ „Фауста“ Гете, написалъ бѣлыми стихами драму „Янычаръ“, увѣнчанную преміей грузинскимъ драматическимъ комитетомъ, по идеѣ близкую къ сценамъ И. Чавчавадзе „Мать и Сынъ“. Ив. Гомартели написалъ пьесу „Испорченная кровь“. Ив. Абхази выступилъ съ исторической драмой „Гантиади“ изъ жизни Грузіи въ XVII в. Трифонъ Рамисвили внесъ свою лепту бытовой драмой „Сосѣди“, Гер. Гулисашвили издалъ двѣ свои пьесы „Жизнь-борьба“ и „Времена царствуютъ“ (Тифл. 1895). Ив. Полумурдиновъ перевелъ пьесу Ибсена „Докторъ Штокманъ“, Ни-ани—драму Гаушмана „Потонувшій колоколь“; переводили трагедіи изъ Эсхила „Прикованный Прометей“, Эврипида „Медея“, драмы Зудермана, Бьернсона-Бюристерна („Марія Шотландская“, переведенная Ив. Зурабашвили).

Бросая ретроспективный взглядъ на развитіе грузинской поэзіи въ XIX в., легко замѣтить, что главнѣйшія литературныя течения въ русской и западно-европейской литературѣ отражаются въ творествѣ грузинскихъ писателей XIX вѣка. Если кн. А. Чавчавадзе не успѣлъ отрѣшиться отъ духа персидской лирики, то послѣдовавшіе за нимъ поэты усваиваютъ тонъ и настроеніе европейскихъ корифеевъ литературы. Романтизмъ съ его фракціей—байронизмомъ (Гр. Орбеліани, Н. Бараташвили, В. Орбеліани), реализмъ (И. Чавчавадзе, Ак. Церетели, Р. Эристовъ), постепенно смѣняющійся натурализмомъ (Г. Церетели, Ниношвили, Меланиа), народничество и символизмъ (А. Казбекъ, Ломаури, Важа-Пшавели, Бачана, Дадіани) находятъ отголоски въ движеніи грузинской творческой мысли. Лишь босякъ Максима Горькаго, произведенія котораго старательно переводятся на грузинскій языкъ, и сверхъ-человѣкъ Ницше съ его ученіемъ Заратустры не нашли отголосковъ въ грузинской

¹⁾ Переводъ траг. „Король Лиръ“ исполненъ имъ совмѣстно съ Ильей Чавчавадзе.

литературѣ. Грузинскіе писатели, проникаясь передовыми идеями эпохи и теоріями, проникшими изъ Россіи и Европы, озабочены были мыслью введенія въ литературѣ національнаго элемента. Стремленіе придать народную окраску направленіямъ, навѣяннымъ Западомъ и Россіей, оказывало не только гуманизирующее вліяніе на общественную среду, но и способствовало сближенію литературы съ жизнью, и реформѣ книжнаго языка въ духѣ его упрощенія, выработкѣ новаго легкаго стиля и поэтическихъ формъ. Опека надъ литературнымъ языкомъ постепенно смѣняется свободнымъ его развитіемъ сообразно съ новыми понятіями и потребностями.

Новый литературный языкъ, выработанный въ эпоху кн. Воронцова горійской школой драматурга Г. Д. Эристова, въ своей основѣ положилъ карталинскій говоръ. Кн. И. Чавчавадзе съ 60-хъ гг. сообщилъ этому стилю кахетинскій оттѣнокъ, отличающийся образностью, торжественностью и пафосомъ. *Дрозда-Кребули* литературный языкъ обогатили имеретинскими провинциализмами. Борьба между двумя направленіями—старо-горійскою и новымъ кахетинско-имеретинскимъ продолжается до 1876 г., когда И. Чавчавадзе съ изданіемъ газ. *Иверія* возвращается съ нѣкоторыми нововведеніями къ старой школѣ. Дальнѣйшая стадія выработки литературнаго стиля находится въ связи съ зарожденіемъ *Квали*, поставившаго задачей „писать такъ, какъ говорятъ“, безъ соблюденія точныхъ грамматическихъ правилъ. Языкъ *Квали* вызываетъ ожесточенные нападки со стороны *Иверіи*, стоящей на стражѣ чистоты ужъ опредѣливагося литературнаго слога. Разница въ языкѣ *Квали* (впослѣдствіи замѣнившихъ его *Могзаури* и *Лампарі*) и *Иверіи* значительно сглаживается со времени перехода послѣдней сначала въ руки А. Сараджева, а затѣмъ Ф. Гогичайшвили. Благодаря легкости и доступности новаго литературнаго языка народнымъ массамъ, беллетристика и публицистика приняли на себя задачи культурнаго самовоспитанія народа, утратившаго политическую самостоятельность. Литература и языкъ, при уродливомъ антипедагогическомъ функціонированіи школы и антиканонической организаціи церкви, сдѣлались единственнымъ стражемъ національнаго самосознанія и залогомъ грядущаго возрожденія грузинскаго народа.

Грузинская литература XIX в. представляетъ закономерное развитіе теоретической и художественной мысли изъ сочетанія основныхъ зародышей, завѣщанныхъ грузинской стариной и новыхъ общественныхъ тенденцій, зарождавшихся подъ воздѣйствіемъ экономической и умственной эволюціи на западѣ и въ Россіи. Содержание грузинской поэзіи, разсматриваемой хронологически, обуславливалось смѣной послѣдовательно выступавшихъ отдѣльныхъ социальныхъ классовъ. Три четверти прошлаго столѣтія литература поддерживалась почти исключительно представителями дворянскаго класса,—и она служила выразительницей идей высшихъ сословій, иногда снисходящихъ къ меньшему собрату. 80-ые годы—поворотный пунктъ въ исторіи грузинской мысли: въ литературу

вступают разночинцы,—и въ ней постепенно водворяются демократы съ социалистическими идеалами. Представители этого направленія, одни—реалисты, другіе марксисты,—устраиваютъ изъ литературы національно-политическій и этико-философскій элементы. Моментъ объединенія нахлынувшихъ новыхъ доктринъ не исключая и анархическихъ, съ одной стороны и національныхъ стремленій съ другой, въ одно стройное міросозерцаніе еще не наступилъ и является капитальной задачей текущей литературы XX вѣка.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
2	14 сверху	индор...	инкорпо(рированной)
—	5 сверху	свомъ	своимъ
—	8 снизу	Вмѣсть	Вмѣсто
3	11 снизу	многѣковой	многочѣковой
—	9 снизу	паденіемъ	паденіемъ
—	5 снизу	жични	жизни
5	21 сверху	in	и
6	19 сверху	политическаго	политическаго
7	17 сверху	Тифлисѣ	въ Тифлисѣ
—	20 снизу	выходящей	выходившей
10	5 снизу	обрушилось	обрушилась
11	3 снизу	пангрикомъ	панегирисомъ
12	20 сверху	сбор. <i>Моамбэ</i>	журн. <i>Моамбэ</i>
14	1 сверху	улегавшейся	умчавшейся
14	24 сверху	области.	области,
16	9 снизу	Лалиони	(Лалиони)
18	5 сверху	Г. Церетели	В. Марвели
—	24 сверху	предлагается	предлагаются
—	15 снизу	вѣкомъ	вѣкомъ
19	19 сверху	право;	права:
—	20 сверху	Бераэнова,	Бераэнова
—	22 сверху	свановъ) Н. Урбели	свановъ), Н. Урбели
—	24 сверху	Чавчавадзе,	Чавчавадзе
—	20 снизу	время въ Грузіи	право въ Грузіи
21	14 сверху	Вѣрнее	Вѣрнѣе
21	7 снизу	стѣны,воздвигаются зда- нія, выступающія	стѣны едва выступаютъ изъ- подъземли, воздвигаются зда- нія, выступающія
22	13 сверху	гуслиры передавшіяся)	передающіе старинныя мелодіи
—	3 снизу	занятіе	занятія
23	25 сверху	экономическихъ.	Экономическихъ
24	8 сверху	въ концу	къ концу
—	18 снизу	въ рождалось	вырождалось
25	5 сверху	избавлены	избавлены
—	9 сверху	помѣщицьяго	помѣщицьяго
26	6 сверху	Цурцеладзе	Цурцеладзе
—	12 снизу	затрогивается	затрогивается
28	9 сверху	распря(емыхъ)	разоряемыхъ
30	15 сверху	царства	царевича
32	19 снизу	Размаадазе	Рамадазе
34	18 снизу	имеретинскій	имеретинскій
35	7 сверху	Рафаэль... онъ	Рафаэль... онъ
—	13 сверху	филадельфъ	Филадельфъ
39	20 сверху	сумрачномъ	въ сумрачномъ
39	7 снизу	пѣвецъ	пѣвца
—	13 снизу	нѣкогда	некогда
41	18 снизу	твехъ	твоихъ
42	23 снизу	безъ	безъ
43	1 сверху	блаженсто	блаженство
—	18 снизу	звуконъ	звуконъ
—	17 снизу	царяшее	царящее

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
46	18 снизу	обратятъ	обратятъ
—	17 снизу	въ насъ	насъ
—	10 снизу	Анчарь...	(Анчарь...
—	9 снизу	легкости	легкости
47	5 сверху	порывомъ	порывамъ
47	12 сверху	тайная природа	тайна природы
—	9 снизу	превращалось онъ	превращалось
48	11 снизу	грузинскихъ	грузинской
49	3 сверху	признанія	признанія
—	13 сверху	долженъ былъ	должно было
50	4 сверху	на сажденія	наслажденія
—	12 снизу	воображенія	воображенію
—	2 снизу	памяти	памятикахъ
51	11 снизу	недавне	недавно
53	7 снизу	Коммисаръ	Коммисаръ
54	14 сверху	представится	представится
—	8 снизу	тури и рога	туры рога
55	11 сверху	здѣсь	здѣсь
—	7 снизу	склонность	склонность
67	2 сверху	свободу... ты муки всѣ	свободу мнѣ и муки
69	2 снизу	ночи письмо	ночи. Письмо
71	5 сверху	рака	рака
75	6 снизу	Бекханова	Бекхановой
76	5 сверху	медика	муза
77	21 снизу	но немъ	по немъ
83	1 снизу	нѣсколькихъ сценъ	нѣсколькихъ сценъ изъ ком.
—	—	ком. нѣсколькихъ сценъ	изъ ком.
—	—	изъ „Горе отъ ума“	„Горе отъ ума“
103	21 сверху	съ дарами, какъ принято у католиковъ	съ дарами и исповѣдуетъ женщину въ алтарѣ, какъ принято у католиковъ
117	13 сверху	знойнымъ	зноемъ
142	11 снизу	мила	мала
127	11 сверху	туманъ	громъ
161	7 снизу	жреть	идеть
140	18 сверху	воскреснетъ	воскреснетъ
157	1 снизу	(Разсказъ эльзасца)	(Разсказъ эльзасца)
183	3 сверху	то	ты
220	8 сверху	но пѣть	не пѣть
211	5 снизу	денегъ	денекъ
214	5 сверху	полностью	полны и
232	14 снизу	отголоски	отголоски
248	6 сверху	въ первомъ	въ послѣднемъ
255	12 сверху	мира	лира
259	21 сверху	поверху	наверху
262	12 сверху	достаточно отвѣтъ... пѣсенъ	достаточно отвѣтять... пѣсенъ
—	14 снизу	Славъ предъ...	славъ и преклоненію предъ...
284	14 сверху	творезъ анчиль...	творить значить неліцемерный судъ...
293	14 снизу	деталей	деталей
299	8 снизу	Княжна... Фауге	Княжна... Фауге.
372	20 снизу	Гургенаули	Гургенаули
316	20 сверху	Монастырь.	Монастырь“.
327	12 сверху	изъ жизни	изъ жизни горцевъ
352	12 снизу	усталость	отсталость
400	7 снизу	Человѣкъ	— Человѣкъ
407	12 снизу	въ однихъ	въ однихъ
488	9 снизу	„Тотъ“ душу онъ... полами	„Тотъ“, написанный любовью
503	22 сверху	любовь	любовью
535	2 снизу	Гандегли	Гандегли
549	5 сверху	помѣщать свою работу	помѣщать въ „Цискари“ повѣсть Звима, переводъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	I—II
Введеніе. Возвореніе русскаго владычества въ Грузіи. Управленіе и школа за первую половину XIX в. Пресса	1— 13
Общій обзоръ литературныхъ теченій въ XIX в. Обзоръ развитія науки и искусствъ. Измѣненіе въ бытовой и общественной жизни	13— 28
Общественное движеніе въ началѣ XIX в. Иеромонахъ Филadelph. Соломонъ Додашвили	28— 36
Кн. А. Г. Чавчавадзе. Кн. Александръ Орбелиани	36— 48
Эпоха Воронцова. Первый грузинскій журналъ. Начало театра З. Антоновъ. Кн. Н. М. Бараташвили	48— 60
Первый грузинскій драматургъ кн. Г. Д. Эристовъ	61— 82
Д. Г. Чонкадзе. Лавр. Ардазіани. Гр. Рчеуловъ. Кн. М. Тумановъ. Сотрудники «Цискари». Ив. Кереселидзе	82— 96
Чавчавадзевскій періодъ. Кн. П. Г. Чавчавадзе	96—118
Кн. Гр. З. Орбелиани	118—163
В. В. Орбелиани	163—184
Кн. Р. Д. Эристовъ	184—198
Кн. А. Р. Церетели	198—219
Кн. Г. Л. Дадіани. Кн. Мамія Гуріели Кн. Г. М. Кочакідзе	220—262
Иосифъ Давиташвили. Ант. Пурцеладзе	262—274
Николай Николадзе. Кн. Д. Г. Эристовъ	274—295
Екатерина Реваз. Габашивили	295—299
А. М. Казбекъ	299—322
Народники-беллетристы. Н. Ломаури. С. Мгаглоблшвили	322—350
Важа Пшавела. Ө. Разикашвили. Бачана. Анастасія Эристова	350—366
Як. С. Гогобашвили. Ик. З. Цхетадзе	366—390
Представители доктрины экономическаго матеріализма. Н. Жорданія	390—392
Г. Е. Церетели	392—400
П. Ниношвили. Ив. Гомартели. П. Евдошвили. Лаліони	400—425
Давидъ Кадіашвили	425—456
Беллетристы-психологи. Шю Арагвиспирели	456—477
Андрей Деканозішвили	477—503
П. Елентеридзе	503—505
Дим. Эристовъ	505—507
Дуту Мегрели	507—508
Реалисты. Меланія	508—524
В. Барновъ	524—528
Іа Екаладзе (Циццадзе)	528
Ө. Хускивадзе	530—534
Поэты. Книгиня Нина Орбелиани	535
І. З. Бакрадзе	535—536
Дмитрій Надирадзе (Мачханели)	536—537
Князь Г. Д. Абашидзе	537—538
Гр. Вольскій	538—540
Твалчрелидзе (Цахели)	540—541
Сидованъ Хундадзе	541
Доминика Гандегли	541—543
Шю Мгвимели, Гугувава, Рухадзе и молодые беллетристы	543—547
	547—548

222

II.

	Стр.
Драма. Д. П. Кипіани	548—550
А. А. Цагарели	550—560
Василій Абашидзе	560—561
К. Д. Кипіани	561—564
П. І. Умиковъ	564—565
Вал. Гунія	565—566
Азіани	566—567
Новые драматурги	568
Занлюченіе	568—570

X

11